АХМАДАЛИ АСКАРОВ

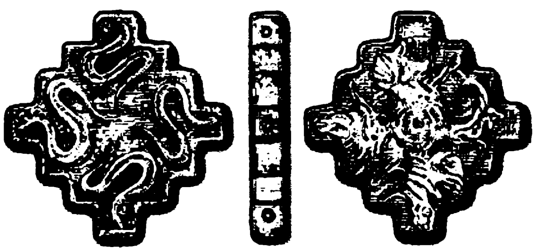
ИСТОРИЯ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
УЗБЕКСКОГО НАРОДА

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ

АХМАДАЛИ АСКАРОВ

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УЗБЕКСКОГО НАРОДА



ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
2018

УДК: 39(=512.133)
ББК 63.5 (5У)
А 90

В данном монографическом труде рассказывается о происхождении узбекского народа, а именно на богатейшем артефакте материальной и духовной культуры, как и письменных источников, характеризуется этногенез и этническая история от родоплеменной стадии к постепенному формированию народности и от сформировавшегося народа до образования нации.

В исследовании излагается о том, что узбекский народ на ныне занимаемой территории непосредственно обитает с древнейших времён, автохтонная этническая основа его состоит в основном из степных прототюркских и северо-восточной ветви древнеиранско-согдийских, бактрийских, хорезмийских и сако-массагетских племён Среднеазиатского междуречья и его окрестностей.

Социально-экономические, этнокультурные и межэтнические родственные связи, развивающиеся на протяжении многих столетий, привели к ассимиляции разноязычных этнических пластов и формированию нового этноса, впоследствии названного узбекским народом, исторические процессы развития которого научно обоснованы и объективно получили своё историческое изложение в данной работе.

Перевод с узбекского – Т. Бобометов, канд. ист. наук, доцент

Рукопись работы рекомендована от 26.IX.2014 г. за № 8 Решением расширенного заседания Ученого совета Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН Республики Узбекистана.

ISBN 978-9943-25-530-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

За годы независимости духовность наполнила особым смыслом каждодневную нашу жизнь в свободной и процветающей Родине. В период советской власти восточный этикет, мораль, национальные и духовные ценности были на грани забвения. Благодаря независимости у каждого узбека возрос интерес к познанию своих исторических корней, к происхождению своего народа, полному самосознанию.

С первых дней обретения независимости Узбекистаном на повестку дня встали вопросы изучения происхождения узбекского народа и его государственности. Известно, что история происхождения узбекского народа является неотъемлемой составной частью истории Узбекистана, его основной задачей. Первый Президент И.А. Каримов, глубоко осознавая чрезвычайную важность изучения данного вопроса для независимого государства Узбекистан, в беседе с группой учёных-историков призвал их к проведению научного исследования проблемы «Узбекский народ и его государственность». Как сказал Первый Президент И.А. Каримов, «Если у нас нет самостоятельно мыслящих людей, если мы сами не восстановим и не напишем правдивую историю своего государства, народа, нации, ее напишут другие и по-другому. И хорошо, если ограничатся написанием, но ведь постараются направить подрастающее поколение, и даже ученых, в свое русло»[1].

К сожалению, в последние годы ряд представителей интеллигенции, далёких от исторической науки, а также «историки», которые не способны всесторонне осмыслить этногенез узбекского народа и его этническую историю ни в политическом, ни в научно-теоретическом, ни в научно-методологическом плане, стали представлять широкому кругу читателей на интернетовских сайтах, в местной печати и даже в монографических исследованиях взгляды, не имеющие под собой достаточных научных обоснований. Такие псевдонаучные теории бросают тень на исторические корни этногенеза узбекского народа и его неразрывную многовековую связь с той территорией, на которой он проживает и в настоящее время.

К сожалению, в некоторых опубликованных исследованиях нередко забывается существующая с древнейших времён органическая связь народов, проживающих на этой земле, игнорируются экономические и социальные, политические и

[1] *Каримов И.А.* Без исторической памяти нет будущего. Т.: Шарк,1998. С. 28–29.

этнокультурные отношения, а также становятся второстепенными основные факторы развития, влияющие на формирование национальных этносов в результате ассимиляции различных этнических групп.

В результате в науку просачиваются антинаучные теории, не учитывающие объективную историю, признанную мировой научной общественностью и реальную геополитическую обстановку.

Автор этих строк, с учётом всех спорных моментов, предпринял попытку разработки научно обоснованного тезиса по вопросу происхождения узбекского народа. Согласно этому проекту, на основе научной беспристрастности и объективного исторического подхода предполагается системно и детально осветить этнический состав узбекского народа, который с древнейших времён формировался на основе совместного проживания и, следовательно, ассимиляции древнейших и древних предков – местных прототюрков и тюрков, согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев и саков, в итоге чего возник новый этнос, названным узбекским народом.

Для осуществления этих целей и задач был разработан научный проект на тему «История происхождения узбекского народа», представленный на основе Государственного гранта инновационных технологий за номером И1-ФА-0-81416, рассчитанный на 2013-2014 годы и впоследствии профинансированный АН Республики Узбекистан. Для разработки проекта в Институте востоковедения имени Абу Райхана Беруни была создана научная группа, в состав которой вошли: Ахмадали Аскаров – доктор исторических наук, профессор, академик АН Узбекистана, главный научный сотрудник (главный исполнитель и ответственный проекта), Гайбулла Бобоёров – доктор исторических наук (руководитель проекта), Дилафруз Каримова, Одил Иномов и Алишер Шайдуллаев – старшие научные сотрудники, независимые исследователи.

В процессе работы ответственность научной систематизации материалов, изложение, приведение в состояние цельной монографии на основе научной концепции проекта, организация неоднократных обсуждений с участием учёных специалистов легла на плечи лично академика А. Аскарова. О ходе работы Г. Бобоёров регулярно представлял краткие письменные отчёты в Институт. Параграф под названием «Западно-Тюркский каганат и его роль в этногенезе узбекского народа» главы X был написан на основе материалов Г. Бобоёрова. 6 параграфов главы IX (IX.2. «Бассейн среднего течения Сырдарьи в письменных источниках и их краткая трактовка»; IX.3. «Бассейн среднего течения Сырдарьи в археологических источниках и культура Каунчи»; IX.4. «Освоение бассейна среднего течения Сырдарьи и исторические корни культуры Каунчи»; IX.5. «Этнические основы культуры Каунчи и возрастание в ее составе тюркских этнических компонентов»; IX.6. «Социально-экономические основы Каунчинской культуры и формирование ранних этнических факторов») написаны с использованием материалов О. Иномова. Также при подготовке работы на О. Иномова была возложена задача сбора необходимой информации в библиотеках и архивах. XX глава работы (Независи-

мая Республика Узбекистан как главный фактор окончательного формирования узбекской нации) подготовлена на основе материалов, собранных Д. Каримовой. Набор рукописного текста на компьютере выполнен Д. Каримовой. Подготовка иллюстративных материалов, относящихся к работе, создание на должном уровне списка использованной литературы было возложено на А. Шайдуллаева. Каждый из участников рабочей группы проекта в полной мере имеет право на авторство подготовленных ими глав и параграфов.

Работа состоит из предисловия, введения, заключения и 20 глав. Первый вариант работы был подвергнут обстоятельному обсуждению на совместном заседании проектов Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни ФА-Ф1-ГО28 «Сведения об этнической истории Центральной Азии в древних и средневековых источниках на восточных языках» и И1-ФА-О-83416 «История происхождения узбекского народа» и был признан завершённой научной работой. Автор обратил серьёзное внимание на аргументированные замечания, спорные вопросы, высказанные во время обсуждения, с учётом которых переработанный второй вариант монографии в текстах и в электронном варианте был представлен для очередного обсуждения научным советам Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни, Института истории, Института археологии им. академика Я.Г. Гулямова, Института языка и литературы АН Республики Узбекистан. Работа подверглась всестороннему обсуждению с участием ведущих научных сотрудников вышеназванных институтов, были приняты к сведению критические замечания, сделанные на заседаниях научных советов. Затем были получены письменные заключения ведущих учёных-специалистов высших учебных заведений республики и институтов гуманитарного направления АН РУз, с последующим участием которых ещё раз было проведено детальное обсуждение на расширенном заседании Ученого совета Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан (26.IX.2014 год), и монография «История происхождения узбекского народа» была признана серьёзным научным исследованием с последующей рекомендацией к изданию.

ВВЕДЕНИЕ

За небольшой исторический период, после обретения независимости Республикой Узбекистан, во всех отраслях общественной жизни произошли коренные изменения. Экономика страны, государственное законодательство продолжают развиваться на основе международных стандартов. С учётом того, что история Родины и богатое культурное наследие нашего народа имеют огромное значение в деле вооружения широких народных масс и, в первую очередь, молодого поколения высокими духовными ценностями, их воспитания, 16 декабря 1996 года было принято специальное постановление Кабинета Министров «О создании новой истории Узбекистана». По итогам встречи Президента Республики Узбекистан с группой учёных-историков в 1998 году было опубликовано его произведение «Без исторической памяти нет будущего».

В связи с тем что И.А. Каримов в этом произведении уделил особое внимание актуальным проблемам истории Узбекистана – происхождению и истории государственности узбекского народа, 27 июля 1998 года было принято постановление Кабинета Министров № 315 «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан». На основании этого постановления в республике была разработана научная программа под названием «Узбекский народ и его государственность». В своём произведении «Без исторической памяти нет будущего», ставшей основой для разработки программы, Первый Президент государства сделал особое ударение на том, что «История – это основа духовности народа»[1], «Лишиться истории для человека все равно, что лишиться жизни»[2], «Самосознание начинается со знания истории»[3]. Он делает обоснованный вывод: «Просвещение – это основа развития общества, это единственная сила, способная спасти его от неизбежной катастрофы»[4]. Действительно, в деле просвещения народа роль и значение истории, в первую очередь, истории нашей Родины, неоценимы.

В своем произведении И.А. Каримов подчеркнул, что до недавних пор нашу историю за нас писали другие. Они стремились внедрить в сознание нашего народа своё видение истории. Поэтому не всегда верны оценки, аналитические

---

[1] *Каримов И.А.* Без исторической памяти нет будущего. – Т., 1998. С. 21 .

[2] Там же. С. 10.

[3] Там же. С. 5.

[4] Там же. С. 7.

заключения о нашей истории, которые давались извне. Пользуясь творческой свободой, обретённой благодаря независимости, пришло время написания своей истории своими силами, «до каких пор мы будем оценивать свою историю чужими мерками?»[1]. С появлением на карте мира независимого государства Узбекистан, достойного члена ООН, перед историками-археологами, источниковедами, этнографами и этнологами республики встал вопрос поэтапного, опирающегося на научный анализ первичных источников, освещения происхождения узбекского народа, истории его государственности. Представляемая вниманию читателя данная книга является итогом академического исследования, проведённого на основе вышеуказанной программы.

Этногенез и этническая история каждого народа является составной частью истории этого народа. Равным образом, этногенез и этническая история узбеков есть составная часть истории народов Узбекистана.

История, в первую очередь история народа, основывается на первичные источники. История создаётся на основе научных сведений, извлекаемых из источников истории народа – материальной культуры и письменных источников. Исторические письменные источники взаимосвязаны с такими отраслями науки, как археология, этнография, антропология, лингвистика, топонимика, эпиграфика, нумизматика, без которых невозможно научно и досконально изучить этногенез и этническую историю узбекского народа.

Первоначально, в процессе формирования национальных республик ещё в период советской власти, вопрос происхождения узбекского народа изучался исключительно в связи с тюркским этносом. Поэтому превалировала идея, гласящая: «Население Средней Азии, называемое ранее великим Тураном, затем Туркестаном, издревле были тюрками». Эта идея не учитывала, что узбекский народ формировался в процессе смешения его тюркских корней с нетюркскими этносами и относила происхождение узбекского народа к сыну пророка Ноя – Яфиса, сыном которого был Тур или Турк[2].

В первые годы своего существования внутренняя политика советской власти была направлена на обеспечение лояльного, дружественного отношения народов края к центральной власти, избравшей одной из приоритетных задач разрешение национального вопроса.

Вождь большевиков В.И. Ленин в своём обращении к мусульманским народам Востока особо подчеркивал, что класс собственников лишён власти, и каждый народ обрёл право самоуправления на своей земле. Это обращение вождя Советов вдохновило местную интеллигенцию – джадидов.

Политика национально-государственного размежевания республик Средней Азии в 1924 году на первый взгляд была правильной, так как тюркоязычные народы отличались друг от друга особенностями этнокультурного, антропологиче-

[1] *Каримов И.А.* Без исторической памяти нет будущего. – Т., 1998. С.11.

[2] *Насимхон Раҳмон.* Турк ҳоқонлиги. – Т.: 1993. С. 8–9; *Носиров Ў.* Ўзбеклар шажараси. – Т., 2011. С. 125–126.

ского (строение черепной коробки) своеобразия, которое отличало этот народ от других. Однако политика образования национальных республик была направлена большевиками на строительство «по форме национального, по содержанию социалистического общества». На самом деле ни один из среднеазиатских народов не получал реального права на строительство общества и государства по своему усмотрению, а также управления им.

После Октябрьского переворота, когда большевики обрели политическую власть, в тюркском мире выдвигается идея строительства пантюркистского государства. Основоположник этой идеи турецкий философ Зиё Гуккалп (1879–1924) выступил с мыслью объединения тюркских народов, находящихся в составе большевистской России, для создания единого тюркского государства. Известным последователем Зиё Гуккалпа среди тюркоязычных народов являлся крупный учёный – востоковед, историк Заки Валиди Тоган.

Заки Валиди Тоган был известен среди туркестанской интеллигенции как учёный-политолог, который в своих произведениях на основе достоверных фактов осветил историю тюркских народов, находящихся под гнётом тоталитарного режима советского государства. В первой четверти XX века концепция Зиё Гуккалпа и Заки Валиди Тогана получила широкое распространение среди туркестанских джадидов. Руководители джадидского движения Туркестана Бехбуди, Фитрат, Чулпан, Мунаввар-кары Абдурашидханов были сторонниками создания в Средней Азии единой Туркестанской автономии.

Под влиянием этого идейного движения 30 апреля 1918 года была образована Туркестанская автономная советская социалистическая республика. Однако туркестанские джадиды, недовольные деятельностью руководства Туркестанской советской социалистической республики (большинство руководителей были представителями Центра), под лозунгом создания в Средней Азии единой Тюркской советской автономии начинают политическую и идеологическую борьбу. Это движение напугало советскую власть. В результате сторонники этой идеи были заклеймлены словом «пантюркисты», которое к этому времени уже имело негативное значение.

В 20-е годы XX века между Турккомиссией, возглавляемой представителем центра Я.Э. Рудзутаком, и руководством Туркестанской советской автономии начинается острая борьба по вопросу создания Тюркской Республики и самостоятельного решения внутренних проблем в стране. Национальную оппозицию возглавлял председатель Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской советской автономной республики Турор Рискулов. Его поддерживали члены Туркестанской автономной республики А. Рахимбоев, Худжанов и другие. К сожалению, впоследствии все они под разными предлогами стали жертвами политических репрессий.

В самый разгар «тюркского патриотизма» в духовной и политической жизни Средней Азии, как противовес, появляется учение «паниранизма». Это учение ещё более усложнило политическую обстановку в регионе в среде интеллигенции. В

те времена к разрешению этого чрезвычайно сложного вопроса о происхождении народов вмешиваются исламские догматики со своей панисламистской концепцией «об определении национальности не по национальному языку и этнокультурному признаку, а по религиозно-духовному состоянию народа». К сожалению, зарождение такого рода антинаучных концепций свидетельствует о недостаточном развитии в то время различных отраслей науки.

Такие научные дисциплины, как этнология, археология, этнография, антропология, топонимика, историческая лингвистика, непосредственно связанные с этногенезом и этнической историей народов Средней Азии, в то время еще не были развиты. Поэтому в вопросе происхождения народов Средней Азии существовало много недоразумений. Идеи о происхождении того или иного народа основывались только на исторические или мифические предания, зафиксированные в средневековых рукописях.

Чтобы выйти из этого положения, требовалась разработка научно обоснованной концепции о происхождении народов Средней Азии. Разрешением этой проблемы в 20–30-е годы XX века занялись ведущие русские учёные – востоковеды, археологи, этнографы и антропологи. Для этого требовалось развитие научных изысканий и проведение исследований на комплексной основе. До 40-х годов прошлого века среди подавляющего большинства зарубежных и советских учёных-историков господствовало представление, что этническая история узбекского народа начинается с появлением шейбанидских узбеков на территории Средней Азии в начале XVI века. Учёные, подходившие к изучению древней и средневековой истории Средней Азии с научных позиций, не соглашались с этой точкой зрения. Один из таких непреклонных учёных – востоковед и археолог А.Ю. Якубовский в своей брошюре «К вопросу об этногенезе узбекского народа», опубликованной в 1941 году в Ташкенте на узбекском и русском языках, пишет, что кочевники-узбеки под предводительством Шейбанихана «застали, если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной её части, густое тюркоязычное, то есть тюркское и тюркизированное население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими здесь со времён глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в это тюрко-язычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему своё имя»[1]. На основе взглядов А.Ю. Якубовского в советской этнологии (этнографии) была разработана научная концепция (концепция «национального автохтонизма») об этническом происхождении народов среднеазиатских республик (узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргизов, каракалпаков). Суть этой концепции нашла своё отражение и в произведении «Золотая Орда и её падение», опубликованном А.Ю. Якубовским совместно с академиком Б.Д. Грековым[2].

Действительно, разработанная А.Ю. Якубовским концепция не только отражала историческую истину, но и заключала в себе ленинскую национальную поли-

---

[1] *Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. – Т.: Фан, 1941. С. 9.

[2] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. – М.-Л., 1950.

тику советской власти. Поэтому придание законной силы этой концепции на научной основе было возложено на русских археологов и востоковедов. Несмотря на то что в прошлом эти государства создавались на определённой территории по династическим или этническим названиям, их граждане никогда не разъединялись по национальному признаку и малые нации открыто не притеснялись со стороны государства. Подавляющее большинство туркестанской интеллигенции, учёные, представители художественного творчества, государственные деятели, жившие в исторически сложившейся традиционно своеобразной обстановке, свободно общались на тюркском и персидском языках.

В средние века, волею истории, первоначально языком науки являлся арабский язык, затем научные трактаты писались на персидском и тюркском языках. Государственное делопроизводство велось в основном на персидском языке, отчасти применялся и тюркский язык (в Хивинском и Кокандском ханствах). Живым языком общения широких масс населения был тюркский язык, в некоторых местах региона использовался персидский язык. По этой причине учёные прошлого считали исторически справедливым, что научное и художественное наследие выдающихся представителей науки, поэтов и писателей по праву принадлежит всем народам нашего региона.

К сожалению, в период советской власти этой исторической истине был нанесён ущерб. Под предлогом разграничения территорий национальных республик народы Туркестана, их единая история и культурное наследие были искусственно разделены, зародилась почва для межнациональных раздоров. Вследствие такой политики, сформировавшейся в период советской власти, молодое поколение, занимаясь изучением истории, с молоком матери стало впитывать, взращивать в себе душевное состояние, направленное на оспаривание территорий и культурного наследия.

Как бы ни пыталась государственная власть в деле обеспечения согласия в многонациональной стране (бывшем СССР) установить жёсткий порядок, сохранять межнациональное равновесие, якобы направленное на постижение национальной самобытности, политика Советов «разделяй и властвуй» постепенно привела к зарождению и расширению межнациональных противоречий. В результате такой политики распался СССР, на его месте появились независимые государства, усилился национализм между народами, разгорелись распри за историческое и культурное наследие. В данной книге эти вопросы, проблемы нашли свое изложение на основе объективного анализа и беспристрастности первичных источников, исторических процессов, не предаваясь национальным чувствам.

Глава I
НАУЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ О ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОСА

I.1. Теоретические и методологические основы концепции национального автохтонизма

В 1942 году в Ташкенте на основе концепции национального автохтонизма была проведена специальная научная сессия по вопросам этногенеза народов Средней Азии. На сессии были заслушаны доклады А.Д. Удальцова «Теоретические основы этногенетических исследований», С.П. Толстова «Основные вопросы этногенеза народов Средней Азии» и «Аральский узел этногенетических процессов», Л.В. Ошанина «Антропологические сведения об этногенезе народов Средней Азии», К.В. Тревера «Этнический состав населения Средней Азии в VI–V веках до нашей эры», И.И. Умнякова «Тохарская проблема», А.Н. Берштама «Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии», Н.А. Кислякова «К вопросу о происхождении таджиков», В.В. Гинзбурга «Антропологические сведения об этногенезе таджиков», А.Ю. Якубовского «Из истории этногенеза туркменского народа в VIII–X веках», определены основные направления и научно-методологические основы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии.

В русле этого концептуального направления было положено начало для проведения комплексных исследований этнической истории многонационального населения Средней Азии, по итогам которых в 1962 году была опубликована часть многотомной истории народов мира под названием «Народы Средней Азии и Казахстана».

В разделе «Этногенез и этническая история узбекского народа» этого научно-методологического произведения говорится: «Уже на ранних этапах истории определенная часть ираноязычного местного населения, занимавшаяся с древних времён поливным земледелием, на протяжении многих веков проживала вперемешку с пришедшими в оазисы и степные равнины Зарафшана, Ферганы, Чача и Мавераннахра, а также Древнего Хорезма тюркскими племенами, что и привело к зарождению отюреченного, в отношении языка, нового этноса. В свою очередь, тюркские племена подверглись культурному влиянию ираноязычных народов, научились способам ведения хозяйства, постигли искусство земледелия. XI–XII века явились периодом резкого ускорения процесса этнического смешения и отюречивания, именно за эти два века в бассейне двух великих рек (Амударьи и Сырдарьи) складывается основное оседлое ядро тюркоязычного узбекского народа. Впоследствии этот народ (этнос) примет этническое наименование узбеков»[1].

[1] Народы Средней Азии и Казахстана. (Серия «Народы мира»). Том I. – М., 1962. С. 82.

Это концептуальное воззрение становится основным научным тезисом этногенеза народов Средней Азии и находит отражение в фундаментальных исследованиях, посвященных истории народов региона.

Эта научная разработка, создавшая теоретическую и научно-методологическую базу в разрешении проблем происхождения народов Средней Азии и Казахстана, получила в этнологии название «концепции национального автохтонизма». Концептуальную основу этой новой теории составляли следующие идеи: каждый народ Средней Азии «испокон веков связан с той территорией, на которой проживает в настоящее время»[1], «Ни один из современных народов Средней Азии не связан непосредственно с древними этническими группами. Напротив, в их формировании местные коренные и пришлые народы в разной пропорции внесли свою лепту»[2].

Как известно, всем тюркоязычным народам присуще своеобразие, этнокультурные и антропологические особенности, которые и являются отличительными признаками каждой нации. В советское время исследования, проводимые исторической наукой и такими ее отраслями, как археология, антропология и этнография, были направлены на изучение этногенетических процессов, по мере возможности, на основе исторической последовательности. Эта концептуальная теория послужила созданию национальных республик, формированию национальных языков в составе «красной империи». Также эта концепция находилась под сильной политической защитой идеологии бывшего режима от «пантюркизма», «паниранизма» и «панисламизма». Наряду с существовавшими в то время научными воззрениями, идея национального автохтонизма прочно закрепилась в исторической науке.

Хотя концепция национального автохтонизма о происхождении народов Средней Азии и являлась обоснованной с научно-методологической точки зрения, она была направлена на поиск тюркских корней тюркоязычных народов за пределами Средней Азии, служила характеристике тюркских народов исключительно в качестве кочевого народа. В концепции не нашли отражения вопросы, раскрывающие значение таких терминов, как «народ» и «нация»; период формирования менталитета, присущий национальности; традиции хозяйственной деятельности древних народов с учётом природно-географических условий, экологической обстановки. В результате в науке появились некоторые недоразумения, согласно которым создавалось представление о тюркских племенах Средней Азии как о «кочевниках», «пришельцах», что «древние ираноязычные племена и роды не участвовали в формировании узбекского народа и национальности».

Анализ существующих письменных и материальных источников показывает, что предки узбекского народа издревле проживали в междуречье Амударьи и Сырдарьи, а также прилегающих к ним территориях Средней Азии. Ранние пред-

---

[1] *Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. – Т.: Фан, 1941.

[2] *Толстов С.П.* Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. СЭ. 1947, №№ VI–VII. С. 304.

ки узбекского народа относились к группе тюркоязычных племён и родов (тиек, ху, ди, хун, динлин, тюрк, карлук, чигил, кипчак, огуз, барлас, джалоир, кавчин, арлот и многие другие) и северо-восточной ветви ираноязычных племён и родов (согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы, жители Чача и Парканы, а также саки-массагеты). На протяжении веков они проживали на одной территории, по соседству, перемешивались, налаживали родственные отношения и в процессе их этнической ассимиляции формировался узбекский народ.

К сожалению, до настоящего времени в научных статьях, брошюрах, монографиях и произведениях фундаментального характера, посвящённых истории узбекского народа, его культурному наследию, основное ударение в большинстве случаев делается лишь на письменные источники, связанные с его тюркскими корнями. В итоге игнорировалась связь узбекского народа с оседлым местным населением – согдийцами, бактрийцами, хорезмийцами, жителями Чача и Парканы.

Тюркские племена и роды, перенявшие оседлый образ жизни ещё в древние и средние века, постоянно жившие здесь на определённой территории, описывались только в качестве кочевников-скотоводов, игнорировалось их широкое вовлечение в процесс урбанизации в Семиречье, бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи, и что часть населения ещё со времён бронзового века специализировалась в области горного дела и металлургии, приспосабливаясь к оседлой жизни.

Теория национального автохтонизма в советское время развивалась и совершенствовалась в исследованиях таких теоретиков этноса, как Ю. В. Бромлей, П. Кнышев, С. Токарев, Н. Чебоксаров, В. Козлов.

Как отмечает академик К. Шониёзов, несмотря на то что в воззрениях теоретиков Центра и были созданы основы теории национального автохтонизма, обращалось недостаточно внимания на этногенетические особенности, присущие народностям и нациям, находящимся в составе «красной империи»[1].

Наука этнология определяет, что согласно концепции национального автохтонизма история происхождения каждого народа состоит из трёх этапов. На первом этапе, на основе экономических и культурных связей проживающих по соседству, территориально близких, говорящих на различных языках и диалектах племён и родов, происходит этнокультурное сближение, взаимопроникновение и этническое смешение, то есть протекают этногенетические процессы. Этот этногенетический процесс, являясь длительной объективной исторической реальностью в истории каждого народа, в итоге заканчивается формированием отдельно взятого народа, то есть этногенетический процесс завершается формированием народа. Значит, народ не есть биологическое производное, а является продуктом длительных этногенетических процессов и совокупностью этнических единиц. Этап этногенеза в истории народа, то есть первый этап, охватывает период до того момента, когда он формируется в качестве племени, народности. Отправной точкой этногенеза, его началом является племя. Если в

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 74 – 102.

качестве примера для рассмотрения возьмём самое древнее оседлое, коренное население Средней Азии – узбеков и таджиков, то этногенез этих народов в истории развития человеческого общества начинается с конца первобытного общества (т.е. поздней бронзы) и продолжается до развитого средневекового общества (т.е. X–XII веков).

Согласно разработке, принятой в этнологии, на завершающей стадии этногенеза все этнические признаки, этнические факторы, происходя последовательно, обретают единый облик. Этнические факторы и признаки состоят из единства территории, хозяйственно-экономического единства, этнокультурного единства, единства антропологического типа, этнического названия, самосознания, единства языка и, наконец, политической консолидации[1]. Язык, как один из основных факторов в истории этногенеза, является важным определяющим признаком народа. Если рассмотреть этот вопрос на примере узбекского народа, то начальный этап этногенеза узбекского народа восходит к эпохе поздней бронзы, т.е. именно в этот период на основе данных материальной культуры происходит всесторонний контакт ранних тюркских (прототюркских) и древнеиранских племен и родов, что составляет начальный этап этногенеза узбеков и таджиков. Узбеки как народ окончательно сложился в XI–XII вв. Значит, период с эпохи поздней бронзы вплоть до начала XIII в. является этногенетическим периодом узбекского народа. Второй этап истории сложения узбекского этноса начинался с завершения его этногенетического процесса и продолжался до конца XIX – начала XX века. Значит, история узбекской народности является социальным продуктом периода развитого и позднего средневековья. Консолидация узбекской народности на основе местных и пришлых тюркских племен и народностей, а также согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, саков-массагетов, постоянно живущих на одной территории с племенами тюркского происхождения, ускоряется в период карлуков-караханидов (IX–X века), Западно-Караханидского государства (XI–XII века). Затем начинается этническая история узбекской народности.

Думается, не будет ошибкой, если скажем, что этническая история узбеков, являясь таким же длительным этнокультурным процессом, как и его этногенез, продолжался до конца XIX – начала XX века. История народности, достигнув в своём хозяйственно-экономическом и этнокультурном развитии определённого уровня, переходит в фазу формирования в качестве нации, начинается третий этап – этап истории нации. Проявление начала этого процесса в социальной жизни связано с началом капиталистических производственных отношений в обществе. Поэтому считается, что нация является социальным продуктом капитализма. Опираясь на этот методологический принцип, можно сказать, что история нации узбекского народа начинается с конца XIX – начала XX века.

Формирование нации, как и зарождение народа, является длительным историческим и этнокультурным процессом. Нация – наивысшая точка этнической

---

[1] *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М., 1973; Его же. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987.

истории, законченный, зрелый этап. Государство народа, достигшего этого этапа, называется именем этой нации; в качестве суверенного государства ведёт независимую внутреннюю и внешнюю политику; общенациональный язык обретает статус государственного языка; государственная граница является окончательно установленной, неприкосновенной и признанной мировым сообществом; с развитым уровнем самосознания нации; национальной гордостью, преданностью Родине; верность своей земле и народу становится смыслом, образом жизни; окончательно формируется присущий нации национальный менталитет; государство проявляется в качестве могучей силы, органа, управляющего обществом, то есть государство превращается в живой механизм претворения в жизнь воли нации.

Экономическая база является объединяющим фактором в отношении языка, территории и этнокультурных процессов. На основе общности хозяйства и экономики происходит языковое, территориальное и этнокультурное единение. Экономическое и политическое единение приводит к сближению диалектов народного живого языка и возникновению единого национального литературного языка. Литературный язык заменяет собой существующие диалекты. Возвышение его до уровня государственного языка считается одним из признаков независимости государства, названного именем этой нации.

Окончательное формирование нации есть признак независимого государства. Позиция государственной денежной единицы на мировом рынке свидетельствует о его экономической мощи. Её прочный фундамент зиждется на устойчивости экономической, политической и идеологической политики государства. Уровень самосознания граждан неразрывно связан с сильной, обладающей будущностью экономической политикой. В этом отношении узбекская нация и государство не являются исключением.

Исходя из методологических требований, относящихся к вопросу происхождения народов, в первую очередь следует отметить, что при раздельном рассмотрении этногенеза, этнической истории и истории нации, каждая из них имеет свою отправную и заключительную точку. Поэтому при изучении этногенеза и этнической истории исследователь, в первую очередь, обязан уточнить начальное время этногенеза изучаемого народа, потому что этнос зарождается только на определённом этапе развития человечества[1]. Отправная точка этногенеза восходит к «предкам» этноса, жившим в древние времена[2].

Кто же является древними предками узбекского народа? Это коренное оседлое и скотоводческое население Мавераннахра и Древнего Хорезма, говорившее на тюркском и древнем восточноиранском диалектах. Процесс первоначального смешения племён и родов, говоривших на двух языках, является началом, отправной точкой узбекского этногенеза.

---

[1] *Аскаров А.* Ўзбек халқи этногенез ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари. // «Ўзбекистон тарихи», №2. – Т., 2002.

[2] *Аскаров А.* Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа. // Сб. «Материалы к этнической истории населения Средней Азии». – Т., 1986. С.3.

Исходя из этого научного принципа, профессор А.Ю. Якубовский в своей работе «К вопросу об этногенезе узбекского народа», изданной в 1941 году в Ташкенте, выдвигает научную идею, относящую начало узбекского этногенеза ко времени Тюркского каганата[1]. Затем на основе сравнительного анализа проведённых и добытых на территории Узбекистана археологических, антропологических и этнографических материалов с данными письменных источников, известный учёный, этнограф, археолог и этнолог С.П. Толстов начальную точку узбекского этногенеза относит к античному периоду. Он также выдвигает идею о том, что «ранние предки узбекского народа проживали на территории государства Канг и подвластных ему регионах, этнический состав и язык которых не был единым»[2].

В наши дни эта дата отодвинута на ещё более давнее время, автор этих строк определяет начало этногенеза узбекского народа периодом поздней бронзы[3]. За научную основу этих воззрений принят факт, согласно которому узбеки своими корнями связаны со смешавшимися друг с другом, говорившими на двух языках этническими прослойками (согдийцы и тюрки) и за начальную дату взят период их первичной ассимиляции в эпоху поздней бронзы.

Следует подчеркнуть, что в основе возникновения такого рода воззрений об истории происхождения узбеков лежат методологические разработки теории национального автохтонизма.

Хотя в официальной истории принято считать, что этническую основу узбеков составляют племена тюрков и северо-восточные ираноязычные согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, саки-массагеты, оседлое и скотоводческое население Древней Ферганы и Чача, с распадом СССР и появлением независимых национальных государств, в вопросе происхождения узбекского народа вновь оживились паниранистские воззрения. В среде персоязычной интеллигенции, проживающей по-соседству, вновь разгорелось клеймление тюркской прослойки узбекского народа «кочевниками» и «пришельцами».

Как известно, кочевые племена и народности никогда постоянно на одном месте не проживают и постоянно кочуют, потому что это связано с их способом ведения хозяйства и образом жизни. Как свидетельствует материальная культура и письменные источники, исторически сложившаяся Великая Тюркская степь – территория Дашти-Кипчака, северные и северо-восточные территории Средней Азии по своим природно-географическим условиям являются исконной родиной тюрков-кочевников. Проживавшие там протосаки, хунны, усуны, канглы, карлуки, чигили, огузы, аргуны, тухси, калтатаи, мусабозоры, киргизы, уйгуры, алтайские тюрки и их предки – прототюркские племена тиек, ху, ди, рунг, гуз и сакско-скифские племена первоначально оседло на определенной территории не проживали. Часть из них кочевала не только по бескрайней Великой Тюркской

[1] *Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. – Т.: Фан, 1941. С. 6–7.

[2] *Толстов С.П.* Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. СЭ, №№ VI–VII, 1947. С. 303.

[3] *Асқаров А.* Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. – Т., 2007. С. 5–6, 61, 67.

степи, но и переселившись в неосвоенные древними земледельческими общинами бассейны рек и степи Средней Азии занималась скотоводчеством.

Часть обосновавшихся на территории Средней Азии кочевников, приспособившись к местным природным условиям, меняют своё занятие и постепенно переходят к оседлому образу жизни, занимаясь земледелием и ремесленничеством. В результате непрерывности и постоянства этого процесса на протяжении нескольких веков на территории Средней Азии, вплоть до Амударьи, со времен бронзового века, происходит рост тюркской этнической прослойки и её превращение в коренное местное население Южного Турана. Это историческая истина.

Среднеазиатские саки (в Авесте – туры), в свою очередь, доходят до западных, центральных и восточных частей Казахстана в Великой Тюркской степи, Горного Алтая, юго-восточных районов Зауралья, до бассейнов рек Енисей и Орхон, о чём свидетельствуют археологические материалы[1].

Таким образом, близка к истине версия о том, что присущее сакско-скифским племенам двуязычие есть итог экономических, политических и культурных процессов, происходивших на весьма обширной этнокультурной арене. Обе этнические прослойки народа Узбекистана являются коренным населением, жившим со стародавних времен на тюркско-согдийской этнической арене. Его этнический состав определяли согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы, предки из Чача и Древней Ферганы, а также наши тюркские предки. В результате смешения на протяжении многих веков этих двуязычных этнических прослоек сформировался оседлый тюркоязычный узбекский народ.

На основе пересмотра археологических и антропологических материалов, накопленных в советское время, беспристрастного, объективного анализа сделан новый вывод о том, что история узбекского народа имеет не менее чем 3-тысячелетнюю историю, что процесс смешения, взаимопроникновения, сближения говоривших на двух языках предков узбеков не только в экономическом и культурном, но и этническом отношении начался в эпоху поздней бронзы[2]. Это во-первых. Во-вторых, следует особо подчеркнуть, что антропологический тип и язык предков этноса никогда не складывается одновременно с языком и типом этноса, так как на ранней стадии истории этногенеза этнические единицы, а в особенности их язык и тип ещё не формируются. Такие термины, как язык, тип и этническая общность являются производными разных эпох, формирование которых не происходит в одно время[3].

В-третьих, этнос не биологическое производное, а социальная реальность. Это есть продукт определённого этапа развития человечества. Этнос в процессе своего формирования, точнее, на этапе этногенеза и после него, по различным

[1] В надлежащих главах данного исследования этот вопрос рассматривается на основе фактических материалов.

[2] *Асқаров А.* Мустақиллик йилларида тарих, археология и этнология. // «Ўз ИФ», № 6. – Т., 1996. С. 71; *Асқаров А.* Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари. // «Ўзбекистон тарихи», № 4. – Т., 2002. С. 55.

[3] *Асқаров А.* Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари. // «Ўзбекистон тарихи», № 4. – Т., 2002. С. 55.

историческим причинам смешивается со всё новыми и новыми слоями. Это естественно. В мире нет ни одного народа, который в процессе своего формирования, начиная с самых ранних этапов до достижения им уровня нации, развивался бы не смешиваясь с другими этническими общностями. Значит, все народы земного шара по своему происхождению состоят из компонентов многих этнических единиц. Происхождение узбекского народа является тому ярким примером.

Действительно, узбекский народ с ранних этапов своего этногенеза до его формирования в качестве нации, кроме составлявших его основу автохтонных согдийских и хорезмийских, бактрийских и древнетюркских прослоек, в различные эпохи в разной пропорции впитывал в себя местные и пришлые со стороны этнические группы[1].

В-четвёртых, изучение этнической истории каждого народа следует начинать с ранних этапов формирования этнической единицы. Зарождение этнической единицы, ее развитие и превращение в этнос, начиная с древнейших времён до его формирования в качестве народа, представляет длительный исторический процесс. Одним из важных этапов истории этноса является окончательное завершение процесса его формирования.

После завершения формирования этноса вливающиеся в него этнические компоненты не могут изменить структуру сформировавшегося этноса и, просуществовав в его составе на протяжении долгого времени в качестве этнографических групп, под влиянием определённых исторических реалий растворяется в составе этноса. К примеру, такое положение наблюдается и в этнической истории узбекского народа.

Вторжение на нашу землю во времена монгольского нашествия тюрко-монгольских племен, начиная с первой четверти XIII века, и появление в Средней Азии в начале XVI века представителей 92 родов кочевых узбеков-шейбанидов не смогло изменить основу этнической структуры узбекского народа, окончательно сформировавшегося в XI–XII веках. Напротив, они, как представители антропологического типа Южной Сибири, длительное время проживали в виде особых этнографических групп в Зарафшанской долине, предгорных и степных регионах Сурхандарьи и Кашкадарьи, Северном Хорезме. Обосновавшиеся в городах представители богатых аристократических кругов хотя и управляли узбекскими ханствами, процесс их абсорбации в состав местного коренного населения происходил очень медленно[2].

В-пятых, при исследовании этнической истории каждого народа требуется изучить не только ранние процессы этнической единицы, но и последующие периоды, детально выявляя присущие им этнические признаки и приметы. Потому что, как мы уже отмечали выше, признаки этнической единицы не зарождаются единовременно, напротив, они формируются поэтапно в процессе этногенеза.

---

[1] *Асқаров А.* Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари. // «Ўзбекистон тарихи», № 4. – Т., 2002. С. 55.

[2] *Ошанин Л.В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез его народов. Части 1–3. – Ереван, 1957–1959. С. 59.

Среди признаков этноса особое значение имеют единство языка, этнокультурная общность и единство самосознания.

Ряд учёных, занимавшихся теоретическими основами формирования этноса, высказывали свои мысли, точку зрения по вышеназванным вопросам. Например. археолог В.Ф. Геннинг считает, что следует отличать этнические признаки от факторов, организующих этнос, и что важность этнических признаков всегда заключается в обретении ими смысла и содержания[1]. К объективным факторам, организующим этнос, он относит единство территории, хозяйственно-экономическое единство, которые служат основой зарождения этнических отношений и этнического сознания.

По мнению этнографов Л.П. Лощука и П.К. Козлова, язык является важным условием формирования этнической единицы, однако язык не только этнический фактор, но и этнический признак. Но ряд учёных, занимающихся вопросами этногенеза, не относят язык к этническому фактору, считая его только этническим признаком[2].

В ряду этнических признаков единство самосознания имеет очень важное значение. По мнению этнографа В.В. Мавродина, язык и единство самосознания являются важными факторами в объединении народности в качестве народа[3].

Таким образом, при изучении этногенеза и его этнического развития наблюдение за процессом формирования этнических признаков и этнических факторов обеспечивает верное направление этногенетических научных исследований. Структура этнических факторов состоит из единства территории, единства экономики и хозяйства, этнокультурного единства, единства антропологического типа и политической консолидации, то есть объединения этноса в пределах одного государства. К этническим признакам относятся единство языка, этническое название и единство самосознания, говоря иначе – общность исторической судьбы.

Как уже отмечалось выше, их формирование не происходит в одно и то же время, напротив, они формируются последовательно за длительный исторический период. Когда происходит завершение формирования их основной части, народность складывается в народ, наступает конец этногенетического процесса и начинается этническая история, история народа[4].

В-шестых, комплексный подход к изучению этногенетического процесса, использование достижений науки, касающихся этногенеза, обеспечивает научность в подходе к решению проблемы[5]. При решении проблем этногенеза важно представлять соотношение и особенности используемых первичных источников, ко-

---

[1] *Геннинг В.Ф.* Этнический процесс в первобытности. – Свердловск, 1970. С. 23.

[2] *Лощук Л.П.* О формах донациональных этнических связей. // «Вопросы истории», №4. – М., 1967; *Козлов П.К.* Динамика численности народов. – М., 1969. С. 26–28.

[3] *Мавродин В.В.* К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации. СЭ, №1. 1947. С. 89.

[4] *Асқаров А.* Ўзбек халқи этногенез ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари. // «Ўзбекистон тарихи». – Т., 2002, №4. С. 57.

[5] *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.М.* Древние китайцы. Проблемы этногенеза. – М., 1978. С. 11.

торые рассматриваются в таких отраслях науки, как этнография, антропология, археология, топонимика, историческая лингвистика, письменные источники, нумизматика, эпиграфика и другие. Каждая из них представляет ценные материалы для этногенеза и этнической истории.

В-седьмых, при исследовании этногенетического процесса следует чётко уяснить следующие три вопроса: 1. Каким является изучаемый этнос – коренным или пришлым? 2. Многокомпонентен или однокомпонентнен исследуемый этнос? 3. Где первоначально формировался костяк рассматриваемого этнического объединения?

Ставя перед собой эти задачи, исследователь всегда должен помнить, что этническое объединение никогда не бывает в форме «моногенеза». В мире нет ни одного народа, который бы не был многокомпонентным. Сущность этого теоретического и научно-методологического воззрения нашла своё отражение в вышеназванной теории национального автохтонизма, сторонники которого встали на защиту концепции, согласно которой происхождение узбекского и таджикского народов своими корнями уходит во времена многовекового смешения двух разноязычных этнических компонентов.

Эта идея А.Я. Якубовского, созданная на основе сравнительного изучения письменных источников и археологических материалов, нашла своё научное подтверждение и получила развитие в трудах несомненных авторитетов в области изучения древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Средней Азии С.П. Толстова и Я.Г. Гулямова, Л.В. Ошанина и В.В. Гинзбурга, Т.К. Ходжаева и теоретиков этнографической науки П. Кнышева, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова, Ю.В. Бромлея, В.И. Козлова и других.

Теоретическими вопросами этногенеза и этнической истории узбекского народа занимался учёный-этнограф, академик К.Ш. Шониёзов. В 1998 году в журнале «Общественные науки в Узбекистане» он опубликовал статью под названием «О некоторых теоретических проблемах этногенеза узбекского народа». Дополненный вариант этой статьи был о опубликован в 2001 году в книге «Процесс формирования узбекского народа»[1]. В этом произведении дано определение понятиям, относящимся к этногенезу и этнической истории узбеков, в частности таким терминам, как этнос, этническая общность, племя, племенной союз, народность, народ, этнографическая группа (субэтнос) и этническая группа, и на конкретных примерах, в доступной форме раскрыто их значение[2].

При изучении истории происхождения народов в общественно-гуманитарных науках используются термины «этническая общность» и «этнос». «Этническая общность» – это социальное и этническое объединение, возникающее при определённом общественном строе, в процессе естественно-исторического развития. Его синоним – «этнос» в греческом языке означает «народ». Но понятие «этни-

[1] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 74 – 102.
[2] Там же. С. 74 – 84.

ческая общность» по содержанию идентично термину «народ»[1]. Термин «этнос» или «народ» используется в широком и узком значениях. Например, в широком смысле: российский народ, народ Узбекистана, народы мира; в узком смысле: узбекский народ, киргизский народ, таджикский народ. Понятие «народ» может использоваться и по отношению к небольшой группе людей.

В науке существует три этапа или три вида этнической общности: племя, народность (народ) и нация. Эти понятия, последовательно сменяющие друг друга, возникли в разные периоды и отличаются друг от друга присущими своему времени особенностями[2]. Термин «народность» в среде тюркоязычного и персоязычного населения заменяло собой такие обозначения, как племя, племенной союз, государство или «народ» по отношению к жителям определённой территории. Поэтому понятие «народность» встречается в устных и письменных источниках, созданных в обстановке господства тюркского и персидского языков. Термин «народ» используется вместо понятий «племя», «род» по отношению к объединению этнических общностей, для которых оседлая жизнь давно стала образом жизни.

Племя – этническая общность, присущая позднему этапу первобытнообщинного строя. Племя отличается от этнической общности следующего этапа (народности) своим свойством деления на рода. Взятое в отдельности племя отличается от других племен своеобразием языка (диалекта), наличием территории, названия племени (этнонима) и знанием его членами специфических племенных традиций[3]. Племя управлялось «советом старейшин», состоящим из вождей родовых общин, все дела племени рассматривались и решались на основе демократических принципов.

С развитием человеческого общества и появлением классового общества присущая первобытному строю этническая общность – объединение племён – теряет своё значение. Но термин «племя» и некоторые присущие ему особенности в виде пережитков, приспособившись, сохранились во всех классовых обществах[4].

Известный учёный Л.Г. Морган в своей работе «Древнее общество» (1877 год) период между первобытнообщинным строем и первым классовым обществом впервые в исторической науке определил под названием «период военной демократии». В этот период вследствие постепенного развития межплеменных этнических, экономических и культурных отношений и определённых исторических реалий происходит объединение нескольких племён. В процессе объединения племён зарождается новый вид этнической общности. Эта этническая общность в определённых исторических условиях формируется на основе территориального, хозяйственно-экономического, языкового и этнокультурного единства. Для обозначения возникшей в древности (в период военной демократии)

---

[1] *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы происхождения древних и современных народов. // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Том V. – М., 1970. С. 746.

[2] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 75.

[3] Там же. С. 76.

[4] Там же.

новой этнической общности, по мнению К. Шониёзова, будет уместным применение термина «народность».

В этнологии часто используется термин «этнографическая группа» (субэтнос). Этнографическая группа – неотъемлемая, составная часть определённого этноса, то есть народности, которая отличается своеобразием диалекта, хозяйственной деятельности, некоторыми сторонами образа жизни от конкретной народности. Понятие «этнографическая группа» обычно используется по отношению к племени или народности, которая, переселившись на новую территорию, не подвергаясь полной ассимиляции, совместно проживает в составе другого народа в качестве этнической общности[1]. К примеру, проживавшие до установления советской власти в составе узбекского народа кипчаки, курама, в общем, кочевые тюркские племена, считались этнографической группой. В некоторых случаях этнографические группы возникали вследствие их отделения от своей народности, народа и вхождения в состав другого этноса. Значительная часть таких этносов на протяжении веков проживала среди местного населения, перенимала их обычаи и культуру и входила в его состав (например, арабские сословия сайидов и ходжей). Вместе с тем имеются сведения об арабах кишлаков Касби Кашкадарьинской области, Джейнау Сурхандарьинской области и Джуйгари Бухарской области, сохранивших свой язык и обычаи, некоторые особенности антропологической наружности[2].

Но в настоящее время ни кипчаки, ни курама, ни кунграты, ни иранцы, ни арабы не могут считаться этнографической группой в составе узбекской нации, так как когда народ достигает пика в своём развитии, т.е. уровня нации, историческое развитие не предусматривает наличия в его составе этнографических групп. Эти этнические группы давно растворились в составе узбекского народа, всего лишь сохранив свои этнические названия.

Этническая группа появляется при распаде определённого народа и разделения его на отдельные части. Этническая группа отличается от этнографической группы тем, что этническая группа, отделившаяся от состава распавшегося народа, долгое время проживает в составе другого народа, перенимает, впитывает в себя его язык, хозяйственную деятельность, культуру, обычаи и образ жизни, называет себя именем этого народа. Вместе с тем эта группа может помнить своё прошлое этническое название[3]. Например, если во второй половине XIX – начале XX века кипчаки были этнографической группой в составе узбекского народа, но в составе казахского, киргизского, каракалпакского, туркменского, башкирского и других народов они считались этнической группой[4]. Несмотря на то что некоторые этнические группы давно уже находятся в составе другой этнической общности, слились с ней, они на протяжении веков сохраняют своё этническое название. На-

[1] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 77.

[2] *Ражабов Р.* Ўзбекистондаги араблар тарихи ва этнографияси (XIX асрнинг ўрталари ва XXI аср бошлари). Т.: Шарқ, 2012. С. 600.

[3] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 78.

[4] Там же.

пример, в среднем течении Кашкадарьи до сих пор проживает этническая группа, называемая маджарами.

Известно, что маджары являются основным народом государства Венгрии. Давние предки маджар в прежние времена проживали в степях по нижнему течению Сырдарьи и предгорных районах Урала. В IX веке н.э. большая часть маджар, не выдержав давления хазар, уходят на запад и обосновываются на территории современной Венгрии. Они здесь формируются в качестве народности, а позднее – нации. Оставшиеся на земле предков вошли в состав татар, башкир и узбеков, смешались с ними, но до сих пор сохранили древнее этническое название (этноним маджар)[1].

А теперь остановимся на выражении «этнический процесс». Непрерывное развитие этнических, хозяйственно-экономических и культурных отношений между этническими группами, входящими в состав этнических общностей, называется *этническим процессом*[2]. Исследователи считают, что этнические процессы подразделяются на две части: склонные к разделению и склонные к объединению. Процессы, склонные к разделению, больше всего наблюдаются в жизни кочевых скотоводческих племён. Процессы разделения племенного союза или народности под влиянием определённых исторических событий можно наблюдать на примере «хуннов», «кангар», «тюрков», «кочевых узбеков Дашти-Кипчака», то есть сформировавшиеся в своё время в качестве народности социально-политические объединения, согласно принципу разделения этнических процессов, теряют своё первоначальное состояние этноса. В соответствии с принципом объединения этнических процесссов, при участии расколовшихся впоследствии родов этих народностей возникают новые этнические общности. Например, узбеки, киргизы, казахи, туркмены, каракалпаки, уйгуры и др[3].

Этногенетические процессы узбекского народа ускоренными темпами происходили в период с III века до н.э. до V века н.э. в границах государства Кангюй. В это время происходили ускоренные процессы сближения, смешения этнических групп, говорящих на разных языках. Наблюдалось сближение во внешнем облике, языке, материальной и духовной культуре этнических групп, зарождалась общность в их характере[4]. Во II веке до н.э. – I–II веках н.э. большая группа усуней с северо-восточных территорий Тянь-Шаня, а также с северо-западных регионов Китая и Южной Сибири большая группа ху, ди, динлин, теле, хун и других прототюркских кочевых этносов явились и обосновались на территории государства Кангюй[5]. Во время этих этногенетических процессов в Мавераннахре и соседних с ним регионах в результате смешения ху, ди, динлинов, теле, хун и других прототюркских кочевых этносов с согдийцами, хорезмийцами, бак-

---

[1] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 79–80.

[2] Там же. С. 81.

[3] Там же. С. 81–83.

[4] Там же. С. 84.

[5] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.. Том I. С. 92–93; Том II. С. 196-198; *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 84.

трийцами, оседлыми жителями Ферганы и Чача формируется тюркоязычная народность кангар. Этот этнос создал самую древнюю крупную оседлую тюркскую прослойку, явившись основой для формирования узбекской народности[1].

Из общественно-гуманитарных наук советского времени проблемами этноса занималась этнография. Представители российской этнографической школы, следуя идеям знаменитого русского этнографа Миклухо-Маклая, развивали его, построенную на основе научной объективности, теорию об отсутствии физических и умственных различий между всеми этносами (народами) земного шара, и что различия между ними обусловлены исключительно природными и социальными условиями. Изучая образ жизни, материальную и духовную культуру папуасов Новой Гвинеи и народностей Океании, Миклухо-Маклай сумел собрать достоверные сведения, которые наносили удар по расовой теории Западного мира. В советское время из-за своего, в основном описательного, характера эта наука носила название «этнографии». В этом направлении была проведена большая работа[2]. В итоге в советской этнографии в русле теории национального автохтонизма исследования проводились на основе научно-методологического подхода к вопросам этногенеза и этноса и, исходя из объекта исследования, создавались различные концепции и научные школы.

В качестве примера можно привести дуалистическую концепцию Ю.В. Бромлея, связанную с этносом информационную концепцию Н.Н. Чебоксарова и С.А. Арутюнова, структурно-статистическую, или компонентную, теорию Г.Е. Маркова и В.В. Пименова, или испытавшего на себе давление советской власти «теорию пассионарности» известного учёного-тюрколога Л.Н. Гумилёва и другие. Эта наука в советское время выполняла политические заказы и не могла осветить все процессы этнического развития. Она была в какой-то мере ограничена в исследовании основных проблем этноса, таких как этническое сознание, этническое самосознание, этнокультура и этнокультурные ценности, межэтнические процессы, сущность и значение межэтнических отношений.

Среди учёных специалистов существовали различные взгляды в определении этноса, к примеру, что этнос – это единая по своему происхождению группа (сообщество) людей; этнос – это результат культуры, сформировавшийся на базе единого языка; этнос – это группа схожих друг с другом людей; этнос – это группа переполненных чувством самосознания людей; этнос – это продукт развития природы; этнос – это общественная категория или социальная производная общества и другие.

Учёный-тюрколог Л.Н. Гумилёв в этом вопросе имел особую точку зрения. Свои взгляды он выразил посредством «теории пассионарности»[3]. Он относился к этносу не только как к социальной производной общества, но считал его уникальным, ценнейшим результатом биосферы. По его мнению, этнос – это социальная производная природы, географической среды, а этногенетические

[1] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 85.

[2] Народы Средней Азии и Казахстана. (Серия «Народы мира»). Том I. – М., 1962.

[3] *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – М., 1993.

процессы, связанные с формированием этноса, имеют, в свою очередь, социально-природный аспект. Вместе с тем, этнос, будучи ординарным понятием, не является ни социальной, ни биологической категорией. Этнос есть эмпирическое обобщение историко-географических фактов. Если быть ещё более точным, по теории Л.Н. Гумилёва, этнос является не социальным, а биогеографическим производным. Этнос – составная часть биосферы, и поэтому подчиняется его законам[1]. Этнос – это объективная реальность социального окружения, итог происходящих в исторической последовательности этногенетических процессов, движущая сила, источник, подвижные, действенные пассионарии. Основа этих мутационных процессов связана с явлением биосферы Земли.

В основе пассионарной концепции Л.Н. Гумилёва лежат присущие характеру человека различные действия, стремления, чувство неудовлетворённости достигнутым, богатством и служебным положением, желание повелевать другими, упорство в достижении цели и другие. По мнению Л.Н. Гумилёва, все действия, энергия, потраченная в этом направлении, приводит к зарождению, формированию этноса. Говоря проще, умелое, энергичное стремление к цели и есть пассионарность.

Пассионарность – присущее человеческой психике биологическое состояние, признак, первоначальный толчок, приводящий к разрушению безразличного существования, залог зарождения нового поколения.

Человек своим существованием всегда стремится к разрушению естественного положения, на пути достижения цели невозможно жить мирно и спокойно. Люди вынуждены объединять свои усилия в борьбе с окружающей средой. Естественно, что во главе этой борьбы стоят пассионарии (вожди родов и племён). Иначе народность, народ, нация сами по себе не сформируются, заключает Л.Н. Гумилёв. Значит, этнос не есть итог естественного, безмятежного развития, а является продуктом активного развития социально-культурных процессов.

Человек – биологическое существо, часть природы, результат эволюционного развития человеческого общества. Вследствие влияния общественных и географических факторов люди делятся на группы и общества. Одним из таких обществ является этнос. Значит, этнос – группа людей, сформировавшаяся в результате естественно-исторических процессов[2].

Среди советских теоретиков по вопросам этноса особо авторитетным считалось мнение академика Ю.В. Бромлея. В его работах «Этнос и этнография» (1973 год), «Этносоциальные процессы: теория, история, современность» (1987 год), «Очерки теории этноса» (1983 год) получают научное развитие существующие воззрения по вопросам этноса. В итоге в теоретической этнографии советского периода возникает «концепция Бромлея», или «дуалистическая теория этноса»[3], согласно которой «этнос – это группа людей, имеющих общность происхождения

---

[1] *Гумилёв Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. – М., 1993. С. 41.

[2] Краткий этнологический словарь. – М.: Фонд «Социальный мониторинг», 1995.

[3] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўқув қўлланма). – Т., 2007. С. 74.

единой территории, языка, происхождения, культуры, этнического самосознания и этнического самоназвания (этнонима), а также присущего им образа жизни»[1].

По представлению Ю.В. Бромлея, понятие «этнос» в одно и то же время можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В узком смысле термин «этнос» он называет «этникос», в широком смысле термин «этнос» он предлагает называть «этносоциальный организм».

Согласно теории Ю.В. Бромлея, «этникос» – исторически сложившаяся группа людей со свойственной им устойчивой культурой, единством языка, психики, а также этническим самосознанием и этническим названием. В широком смысле понятие *этнос,* или «этносоциальный организм», включает в себя не только территориально-политическое, но и социально-экономическое единство[2]. К примеру, согласно этой теории, если все узбеки, живущие на земном шаре, – этникос, то узбеки, проживающие в Узбекистане, считаются этносоциальным организмом.

Одним из важных признаков этноса является язык. Язык обычно считается итоговым этапом в этногенезе народа. Например, в окончательном формировании узбекского народа язык стал итоговым фактором узбекского этногенеза. К. Шониёзов в своих работах, посвящённых узбекскому этногенезу и этнической истории, формирование узбекского народа относит к IX–X векам. По его мнению, с образованием на востоке от территории современного Узбекистана Караханидского государства (IX–X века)[3], узбекская народность сформировалась в качестве народа. Но в те века государственным языком Караханидов являлся общетюркский язык, от которого еще не отделился староузбекский язык, сложившийся на основе диалектов карлуков и чигилей. Когда в середине XI века государство Караханидов распалось на две части, в пределах его западных областей, Мавераннахре, Хорезме и близлежащих к ним территориях диалекты карлуков и чигилей смешиваются с исчезающими согдийским, хорезмийским, бактрийским, а также с пришлыми персидским и арабским языками, что приводит к постепенному развитию староузбекского языка, отделившегося от общетюркского языка в XII веке.

Нельзя забывать и о том, что различные этносы могут говорить на одном языке. К примеру, англичане и австралийцы говорят на одном языке – английском. Также на этом языке разговаривают и жители США и большая часть населения Канады, острова Ямайка, Новой Зеландии, ирландцы. Правда, такое широкое распространение английского языка произошло благодаря колониальной политике, вместе с тем, хотя вышеупомянутые страны и являются эмигрантскими странами, на деле считаются различными этносами. Значит, язык не всегда бывает определяющим признаком в формировании этноса. К признакам этноса можно причислить материальную и духовную культуру, такие национальные этнические признаки, как традиции и обычаи, обряды, народное искусство, этические нормы, этнокультурные ценности[4].

---

[1] *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С.35.

[2] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўкув қўлланма). – Т., 2007. С. 74.

[3] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 318–319, 336.

[4] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўкув қўлланма). – Т., 2007. С. 75.

Среди различных научных теорий идея национального автохтонизма своей научностью и объективностью заняла достойное место в исторической науке. Этнограф К. Шониёзов на основе этой концепции внёс весомый вклад в изучение проблем этногенеза и этнической истории узбекского народа. На протяжении своей почти полувековой научной деятельности он последовательно изучал этногенез и этническую историю узбеков и других родственных народов, проживающих в Центральной Азии, опубликовал целый ряд статей и крупных монографий. Его произведения «Узбекские карлуки» (1964 г.), «К проблеме этнической истории узбекского народа» (1974 г.), «Этнографические очерки материальной культуры узбекского народа» (1981 г.), «Государство Канг и кангары» (1990 г.), «Процесс формирования узбекского народа» (2001 г.) имеют фундаментальную научную основу.

I.2. Зарождение проблем, противоречащих концепции национального автохтонизма, и их научный анализ

В исследованиях советской исторической лингвистики и под её влиянием в исторической науке древние народы Средней Азии рассматривались как ираноязычные. Это произошло потому, что когда была выдвинута гипотеза о родственности языка «Авесты» и «Ригведы» – священных книг проживавших в Средней Азии и на юге от него наших древних предков, с языками народов Европы, всё коренное население этого региона, исходя из языка этих письменных источников, было воспринято как «ираноязычное». Для проживавших на этой земле с древних времён, сроднившихся с ними тюрков места в этих исследованиях не нашлось. Даже дошло до того, что учёные-ирановеды, опираясь на индоевропейскую теорию, пытались внедрить в сознание научной общественности безосновательные воззрения о господстве ираноязычной среды в период неолита, энеолита и эпохи бронзы на территории от Средней Азии до Байкала[1].

В действительности, если исходить из научного анализа сведений древнекитайских письменных источников (летописцев «ши») времени малых княжеств северного Китая о скотоводческих племенах (они в археологической научной литературе упоминаются в качестве племён «Андроновской культуры»), которые обитали на севере, северо-востоке и северо-западе от Китая, в Дашти-Кипчаке, то есть в регионе, называемом в настоящее время «Евразией», в эпоху бронзы и раннего железа, а также в последующих исторических периодах проживали племена, говорившие на различных наречиях прототюркского языка. Потому, и это является исторической правдой, предки живущих сейчас на этой земле таких тюркоязычных народов, как казахи и киргизы, татары и чуваши, башкиры и хакасы, тувинцы и другие, никогда не были ираноязычными.

[1] Термин «индоевропейский» впервые был введен в науку французским учёным Дюппероном (середина XVIII века). В 1755–1761 годах он, в процессе изучения религиозных верований зороастрийских персидских общин, пришёл к выводу о схожести их антропологического типа и языка с европейским.

При более серьёзном подходе вопрос этногенеза тюркских народов нельзя разрешить исходя исключительно из самого тюркизма или ранних очагов тюркской государственности.

Например, территории, где сложились государства хуннов и Тюркского каганата, располагались на востоке от Средней Азии. Но если рассуждать исходя из истории этнических процессов, происходивших в древности, вопрос присоединения земель Турана (территория Средней Азии) к своим владениям всегда стоял на повестке дня этих двух государств. Это объясняется тем, что тюркское население Турана в этническом отношении было родственным племенам Центральной Азии, а юго-западные области Турана с середины I тысячелетия до н.э. вошли во владение Ахеменидов.

Как пишет учёный-авестолог М. Исхаков, «В этом крае (древнем Туране) с установлением политического господства Ахеменидов отношение ко всем иранским и тюркским народам, вошедшим в его состав, как к гражданам великого государства Иран, было поднято на уровень государственной политики. Независимо от языковой принадлежности этих народов, общеиранский официальный язык был определён как язык, установленный законом. В итоге в пределах государственного администрирования положение тюркского языка Турана было искусственным образом упразднено»[1].

В этих условиях в мире тюркских народов, оставшихся вне зоны влияния Ахеменидского государства, зародилась новая волна государственности – появилась империя хуннов. Это государство во внутренней политике направило свои силы на возвышение тюркского духа, а во внешней политике свои взоры устремила, в первую очередь, на объединение Турана и тюркского мира. Это было понятно – в этих краях проживали близкие по языку, образу жизни и желанию освободиться от политического влияния иранской традиционной государственности тюркские народности. Впоследствии Тюркский каганат и государство Караханидов также будут действовать с опорой на эту могучую веру.

К сожалению, до настоящего времени политические моменты этих сложных исторических процессов не подвергались анализу, укоренилось мнение о том, что в этом регионе проживало исключительно ираноязычное население, перестали считаться с фактом, что на этом едином территориальном пространстве жили и тюркские племена, и даже стали отрицать существование тюркского этноса в древнем Туране. Такая точка зрения была привнесена в науку предводителями советской исторической науки. Этот взгляд был внедрён в сознание целого поколения научной общественности.

Анализ археологических и палеоантропологических материалов также был подчинён этой точке зрения. Господствующее положение этого взгляда в науке обеспечили ираноязычные письменные памятники, найденные на территории Средней Азии.

---

[1] *Исхаков М.* География распространения древнетюркских письменных памятников и вопрос этногенеза тюркских народов. // «Тюркология», №1, 2003. С. 12.

До недавних пор считалось, что раз «найденные в Средней Азии древние письмена написаны только на хорезмийском, бактрийском, согдийском языках, значит, коренное население было ираноязычным». Даже написанные на тюркском письменные памятники не назывались своим именем и были объявлены «неизвестными письменами». Получившие научную и идеологическую подпитку учёные-ирановеды в последние годы в изучении этногенеза и этнической истории народов Средней Азии оживили чуждую научному мышлению идею «паниранизма» и занимаются действиями, которые могут привести к национальным раздорам в регионе. По утверждению сторонников идеи «паниранизма», теория национального автохтонизма якобы является политической игрой социально-гуманитарных наук советского периода, а Средняя Азия является родиной ираноязычных народов. Они пишут и публикуют работы, в которых говорится, что будто бы узбекские тюрки силой завоевав эти края, вытеснили коренных народов – таджиков в горную местность.

Например, академик АН Таджикистана историк Р. Масов, основываясь на опубликованную в 1988 году в Душанбе ротапринтным способом брошюру под названием «Ещё раз к вопросу об истории национально-территориального размежевания», опубликовал следующие монографии, написанные в духе «паниранизма»: «История топорного разделения» (1991), «Таджики: история под грифом «совершенно секретно» (1995), «Таджики: вытеснение и ассимиляция» (2003), которые даже тайно распространялись среди населения Самарканда и Бухары.

В науке имеются силы, дающие идейную подпитку выступлениям, которые не учитывают сложность этногенетических процессов в Центральной Азии и, в особенности, в его западной части – Туркестане. К примеру, в выступлениях профессора университета Индианы в США Ю. Брегеля и некоторых его последователей (А.Я. Вишневский, Н. Негматов, Ю. Якубов, С. Поляков, С.Н. Петрова и другие) до сих пор наблюдается благожелательное отношение к паниранистским взглядам на основе «индоевропейской» теории[1].

Один из них, академик АН Республики Таджикистан, археолог Н. Негматов пошёл в этом отношении даже дальше своих чрезмерно иранофильских единомышленников, пытаясь убедить научную общественность в ключевой идее «паниранизма», которая гласит, что «прародина ариев – Средняя Азия, а исконным коренным населением её являются таджики». В своей статье «Перманентной макроцивилизации страны народа Арианы 8000 лет» он приводит периодизацию истории происхождения ариев. По его мнению, появление ариев приходится на эпоху позднего палеолита. Этот период он назвал периодом «арийской архаики», считая, что именно в это время началась история таджикских ариев, то есть это – «начало арийской эры». Он пишет: «Следующий этап этнокультурогенеза ранних арийцев происходил в археологические эпохи мезолита и начала неолита (XII–VI тыс. лет до нашей эры), когда они ближе, глубже и шире знакомились с

[1] *Bregel Yu.* Notes on the study of Central Asia. // «Восток», № VI. – М., 1997.

окружающей средой, смелее осваивали и обживали ее, более практично и успешно начали окультивирование тотемных животных (собак, коров, коней, ослов, рыб, кошек, петухов, птиц и др.), пищевых злаков (зерновые, бобовые и др.), корнеплодов и ягод деревьев (абрикосы и др.). На этом этапе началась примитивно-интуитивная селекционная практика по сохранению и улучшению видов животного и растительного мира. Это была заря земледелия, скотоводства и селекционной практики арийцев, приведших их к широкому интеллектуальному мышлению, тотемно-духовному, рече-языковому богатству и пище-производственному труду, практически к новому революционному обращению и освоению окружающей среды и мироздания. Наступает новая историческая эпоха, называемая в археологии «неолитической революцией». Начинается время цивилизационных открытий в VI–V тысячелетиях до нашей эры (т.е. 8–7 тысяч лет до нас)... Этот начальный этап цивилизации арийцев завершился вышеперечисленными факторами «неолитической революции», приведшими арийские общины к их объединению, к переходу арийского общества в целом от присваивающего хозяйства охотников и собирателей готовых продуктов дикой природы к интеллектуальному освоению мира и производительному хозяйству, т.е. земледелию, скотоводству и палеометаллу – первому великому социально-экономическому скачку в истории человечества, совершенному арийцами среднеазиатской Арианы в VI–IV тысячелетиях до нашей эры (т.е. 8–6 тысяч лет до нас»[1] (с. 29).

По выражению археолога Н. Негматова, в VI–IV тысячелетиях до н.э. в истории человечества сформировалась «среднеазиатская Ариана», или «Древняя Ариана» – прародина арийских народов. С началом второго этапа цивилизации Арианы, в IV–III тысячелетиях до н.э. появляются земледелие и ирригация, оседлый образ жизни и труда, формирование оазисов, поселений и ранних городов, общественно-духовных и административных центров, выведение и селекция видов и сортов новых пищевых культурных растений, горная промышленность, изготовление орудий труда из меди. К концу этого этапа начинаются миграционные процессы из арийской перводины в разные регионы Евразии. Наблюдается миграция новых групп ариев в Северный Индостан, Афганистан и Иран, в Южный Прикаспий, Южный Кавказ, Малую Азию и через пролив Дарданеллы во Фракию и бассейн Эгейского моря.

Новый «теоретик» проблемы ариев, по-видимому, не стал брать в расчёт существование большого количества написанной на основе источников научной литературы о происхождении ариев и их прародине[2]. Нет никаких научных оснований утверждать, что происхождение ариев связано с эпохой древнекаменного века. Также безосновательно связывать происхождение ариев с древними зем-

---

[1] *Негматов Н.* // Газета «Вароруд», № 51 (87), 24.12.2003.

[2] *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен Андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.,1994; *Аскаров А.* Арийская проблема: новые подходы и взгляды. // Сб. «История Узбекистана в археологических и письменных источниках». – Т., 2005.

леделческими регионами. К сожалению, в основе идеи чрезмерно поддавшегося национальным страстям Н. Негматова лежит утверждение, что история народов Средней Азии связана исключительно с таджиками. По его мнению, Средняя Азия является единственным очагом цивилизации земного шара, а его население – таджики, предки которых по всему миру распространили культуру и цивилизацию. Разве такие высказывания не напоминают гитлеровскую Германию 30-х годов XX века?

На самом деле «новая концепция» Н. Негматова – всего лишь грубое отражение разгоревшегося в первые годы советской власти идеи «паниранизма». Тогда тоже были предприняты попытки искусственным образом связать процессы формирования и развития древней земледельческой культуры Средней Азии с происхождением и развитием «таджикских арийцев». К сожалению, такого рода выступления, не имеющие под собой научной почвы, ведут не к поискам путей разрешения сложных научных проблем, а к их осложнению.

На самом деле историческая истина заключается в том, что смешанное проживание представителей народов этих двух языков Средней Азии, процессы сближения и интеграции, общность культуры, науки, духовного мира и политической власти, созданных различными этническими слоями, в конечном итоге привели к почти что единовременному формированию братского узбекского и таджикского народов. Таким образом, такого рода научные воззрения о происхождении народов займут достойное место в науке этнологии только в том случае, если будет применяться комплексный подход к изучению этих проблем.

Следует подчеркнуть, что в 70–80-е годы XX века на территории республик Средней Азии, в степях Казахстана, Горном Алтае, в предгорных районах Юго-Восточного Урала и Южной Сибири проводились широкомасштабные археологические и антропологические изыскания. В руках учёных-специалистов накопились богатые фактические материалы. Однако выводы, сделанные в отношении языка проживавшего на этих территориях населения, не были построены на принципах объективности и историзма.

В советской историографии под влиянием иранофильских лингвистов укоренилось псевдонаучное представление о том, что «в степях, расположенных от северо-восточных берегов Чёрного моря до Байкала, проживало ираноязычное население, и только в районах Горного Алтая этого географического пространства жили тюркские племена»[1]. В противовес этой антинаучной теории в годы

---

[1] *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977. С. 5–56; *Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Сб. «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности». – М., 1981. С. 101–125; *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен Андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.,1994; *Дьяконов И.М.* Прародина индоевропейцев (по поводу книги *Е.Е. Кузьминой* «Откуда пришли индоарии?»). // ВДИ, № 1, 1995. 123–130; *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племён Передней Азии. – М., 1970. С. 351–358; *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. – М., 1983; *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.

независимости в среде некоторых представителей творческой интеллигенции тюркоязычных народов бывшего СССР стала возрождаться идея пантюркизма, зародившаяся в первые годы советской власти. Эта идея получила особое развитие в Азербайджане, Казахстане и Киргизии, Уральско-Поволжском регионе России. Сторонники этой идеи, обращаясь к прошлому, стремились возвысить место и роль в истории существовавших в древности и средние века, широко распространивших своё влияние в степных зонах тюркских империй (Империя хуннов и Тюркский каганат), а также возникших на их обломках тюркских государств. Они предлагали заново возродить великотюркскую идею, утверждая, что все тюркские народы составляют единую тюркскую нацию и их прародиной является Великий Туран. По их мнению, не имеющему под собой научной основы, национальные языки тюрков Турана (узбеков, казахов, киргизов, туркменов, татар, башкиров, уйгуров, каракалпаков) есть наречия тюркского языка, и происходящие от тюркского современные узбекский, казахский, киргизский, туркменский, азербайджанский языки в действительности являются не национальными языками, а диалектами единого тюркского языка.

После распада советской империи, в первые годы независимости, с целью претворения в жизнь этой идеи, научная общественность Турции стала оказывать давление на учёных бывших советских тюркоязычных республик, в Турции проводились научно-политические конференции с предложениями написать общетюркскую историю и создания на его основе учебников. На этих конференциях участвовал и автор этих строк, который твёрдо придерживался своей позиции. В результате, когда эта идея не нашла поддержки, учёные Турции сами написали и издали в 1993 году такие книги, как «История узбекских тюрков»[1], «История киргизских тюрков»[2], «История казахских тюрков»[3], «История туркменских тюрков»[4], «История азербайджанских тюрков»[5].

В условиях обретения самосознания, права на самоопределение для идущих по пути прогресса, признанных ООН, мировой общественностью и официальной историей суверенных тюркских государств и наций Средней Азии, которые ведут свою независимую внутреннюю и внешнюю политику, является нецелесообразным идти на соглашение с тюркскими патриотами или панираниcтскими взглядами, призывающими к отказу от существования в качестве независимого государства.

В 1920-х годах создание единого Туркестанского государства, объединяющего тюркский мир Центральной Азии, было исторической необходимостью. Но с тех пор прошло 70–80 лет, наступили другие времена. Образовались независимые суверенные государства. Теперь названия узбек, казах, киргиз, туркмен, азербайджанец приобрели этническое значение, стали этнонимами. Это историческая правда.

---

[1] *MehmetSaray.* OzbekTurkleriTarihi. – Istanbul, 1993.
[2] *Mehmet Saray.* Kirgiz Turkleri Tarihi. – Istanbul, 1993.
[3] *Mehmet Saray.* Kazak Turkleri Tarihi. – Istanbul, 1993.
[4] *Mehmet Saray.* Turkmen Turkleri Tarihi. – Istanbul, 1993.
[5] *Mehmet Saray.* Azerbaycan Turkleri Tarihi. – Istanbul, 1993.

Беспристрастное и объективное освещение исторического процесса, правильный подход к анализу исторических явлений и событий является подлинным научным критерием. Главный объект исторической науки – народ, нация, без созидательной деятельности которых исторический процесс теряет свою сущность и значение. Значит, история обретает актуальность и привлекательность в том случае, если она вместе с народом в состоянии правдиво осветить его происхождение; объективно проследить основные периоды в процессе развития народа; дать верную оценку истинным сынам народа (государственным деятелям, видным представителям науки и культуры) на каждом этапе развития общества. Научные концепции, разработанные для разрешения тех или иных проблем истории, должны не только правильно освещать исторический процесс, но и служить укреплению добрососедских отношений между народами одного региона, развитию между ними экономических и культурных связей.

І.3. Отношение к теории этноса в современной этнологии

В наши дни в этнологии появляется множество альтернативных взглядов и новых концепций на теорию этноса и объект его изучения. Современные западные представители некоторых научных школ подвергают резкой критике теорию этноса, другие полностью отрицают существующие теории, связанные с этногенезом и этническими проблемами. Как утверждают некоторые из них, многие люди уже забыли свою принадлежность к тому или иному этносу и не причисляют себя к представителям определённого этноса. Социальное своеобразие такого типа людей, в свою очередь, определяется их принадлежностью к государству или религиозной общине. В общем, в современной этнологии, основанной на философии постмодернизма, появляются определения этноса, отражающие природу такого типа людей. Одно из таких определений гласит: «Этнос – это группа людей, имеющих общее название (этноним), общие черты схожести в культуре, представляющие общественное историческое сознание и историю происхождения в общей мифологической форме, связанные определённой территорией и считающие себя единомышленниками». Согласно этому определению важное значение обретают не объективные сведения о территориальных и исторических процессах (этногенезе), составляющих основу теории этноса, а субъективные моменты: общественное сознание, мифологическое представление об этносе. Конечно, с такими схоластическими представлениями об этносе нельзя согласиться.

В конце XX и начале XXI века в связи с обострением национально-этнических конфликтов (особенно после распада СССР) в мире усилился интерес к этнологии. Проведение исследований по различным направлениям этнологии стало традицией. Важное значение приобретает изучение проблем, связанных с отношениями личности и общества в историческом процессе, роли национальных культур в современном обществе, факторов их сохранения, выяснение причин зарождения этнонациональных конфликтов и роли этнического фактора в этих событиях. В результате стал меняться объект исследования и методы, используемые этой дисциплиной.

Теперь объектом исследования становятся не только архаичные народы и их культуры, но и современные индустриализованные народы и их культура. В настоящее время объектом изучения всё больше становятся этнонациональные культуры. В независимом Узбекистане и странах Центральной Азии в деле изучения этногенеза и этнической истории также придаётся особое внимание национальным этническим особенностям. Поэтому объектом изучения этнологии стали проблемы исторического многообразия национальных культур и цивилизаций, место и роль этнического фактора в развитии народов мира, формы и виды межэтнических коммуникаций, принципы обретения этнического самосознания наций, традиционные занятия и хозяйственно-культурные типы, материальная и духовная культура, народные празднества, обычаи и обряды, общественные отношения, общинные традиции и религиозные представления.

Высшей ступенью в развитии этноса, вершиной его совершенства является нация. Но когда народ поднимается до уровня нации, масштабы предъявляемых к нему требований перед обществом по своей внутренней сущности и содержанию повышаются во много раз. Определение нации в древности и средние века использовалось в основном по отношению к группам людей, единых по происхождению, составляющих экономическую и политическую общность. На первый взгляд, определение нации почти не отличается от определения этноса.

Термин «нация» впервые был использован в XVIII веке после Французской революции и на языках народов Западной Европы применялся в значении этноса по отношению к гражданам определённого государства[1]. Позже этот термин стал применяться в значении этноса и в странах Восточной Европы. Концепция нации впервые была введена в научный оборот французским этнологом Э. Ренаном. Он впервые применил его в 1877 году в связи с процессом зарождения национальной государственности в средневековой Европе. По его мнению, нация – это действие определённой группы людей, направленное на совместное проживание, сохранение традиций, передающихся из поколения в поколение, и объединение для достижения единой цели. Хотя после Э. Ренана появился целый ряд теоретико-методологических взглядов по вопросу определения термина «нация», ни один из них не был оформлен в качестве окончательно завершённой теории и не стал общепризнанным[2].

В советское время нация была охарактеризована как тип этноса, присущий развитому классовому обществу. Но если подходить к вопросу более серьёзно, как уже отмечалось выше, когда этнос достигает уровня нации, во много раз повышается и уровень его ответственности. Появление термина «нация» связано с развитием экономических, хозяйственных и этнокультурных связей, возможностью говорить на родном языке, усилением чувства национальной этничности, развёртыванием движения за создание национальной государственности, которые зародились с по-

---

[1] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўқув қўлланма). – Т., 2007. С. 77.
[2] Там же. С. 77–78.

явлением капиталистического производства. В условиях Средней Азии эти этнокультурные процессы созрели к концу XIX – первой четверти XX века.

В настоящее время категория «нация» используется в западноевропейских языках в политическом значении, означающем «общество граждан единого государства». По утверждению этнологов, в последние десятилетия традиционные представления, связанные с термином «нация», стали подвергаться резкой критике[1]. Особый интерес в этом отношении вызывают исследования Института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая и его директора В.А. Тишкова.

Антрополог В.А. Тишков, являющийся представителем конструктивистского направления, связанную с этносом общественно-историческую реальность рассматривает как миф (представление) человечества об общем происхождении и критикует этнос как искусственную «общественную конструкцию», созданную советскими теоретиками. По его мнению, на самом деле на месте этой «умственной конструкции» существует «культурное многообразие», «континум существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры».

Также В.А. Тишков анализирует такие категории, как терроризм, экстремизм, национализм, сепаратизм, диаспора, малочисленные национальные группы с точки зрения «социальной антропологии». Он считает, что различного рода локальные конфликты происходят не из-за исторических и этнических проблем, а проистекают из взгляда современных противоречий участников на современные проблемы в общественном пространстве[2]. Но, подвергая «ревизии» теорию этноса, В.А.Тишков приходит к выводам, противоречащим логике. В частности, он заключает, что нация, являясь иллюзорным представлением, становится основой общественных действий и превращается в устойчивую реальность[3].

Ещё одно теоретическое воззрение современности об этносе – это категория этничности. В 60-х годах прошлого века этот термин появился в западноевропейской этнологии как производное от английского слова «ethnicity»[4].

По представлению западноевропейских этнологов, в первую очередь на основе этой категории предполагается изучение проблем этноса полиэтнического характера или противоречия региональных межэтнических отношений. Не вдаваясь в подробности можно сказать, что по официальному мнению западных учёных этничность состоит из совокупности культурных особенностей этнических групп[5].

В советской науке это направление не получило развития. Но после распада СССР и появления независимых государств, когда происходило формирование национальных идей, на волне плюрализма в российскую этнографическую науку вошло понятие этничности. Инициаторами распространения этого направления

---

[1] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўқув қўлланма). – Т., 2007. С. 78.

[2] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования социально-культурной антропологии. – М., 2003. С. 24; *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўқув қўлланма). – Т., 2007. С. 78.

[3] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования социально-культурной антропологии. – М., 2003. С. 31.

[4] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўқув қўлланма). – Т., 2007. С. 82.

[5] Там же.

в России стали директор Института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая В.А. Тишков и его коллега С.Н. Абашин.

Объектом исследования этого направления является изучение проблем полиэтнического характера современных обществ, в первую очередь противоречий этнической группы, являющейся частью культурной среды, с другими этническими группами, находящимися в составе этноса, различий культурного своеобразия[1]. В первые годы независимости С.Н. Абашин проводил специальные исследования в Ферганской долине и констатировал необходимость изучения конфликтов исходя из этнографического состава и полиэтнического характера населения Ферганской долины. Этот вопрос он рассматривает как основную проблему современной этничности, как фактор, приводящий к межэтническим конфликтам[2].

В.А. Тишков выступил против классификации проблемы этничности в виде «традиционных культурных типов» и предложил трактовать её как «культурную гибридность». По его мнению, такой подход к разрешению проблемы даёт возможность «исследовать не человека в этничности, а этничность в человеке»[3]. Занимаясь вопросами этничности, В.А. Тишков и его последователи (конструктивисты) пришли к выводу, что культурные отношения в этничности играют большую роль, чем родоплеменные и другие объективные критерии. В общем, этничность – это комплекс культурных особенностей, присущих определённой этнической группе, то есть форма социальной организации культурных различий[4].

Сторонники конструктивистского направления рассматривают этничность в качестве дихотомического отношения «мы» – «они». Если не будет таких отношений, не будет и этничности[5].

В последней четверти XX века в западноевропейской науке, в среде этнологов, представителей социальной и культурной антропологии, социологов и психологов, а также историков появились две методологические школы. Сторонники этих альтернативных друг другу течений – примордиализма и конструктивизма до сих пор ведут между собой острые научные споры.

Представители примордиализма (англ. – изначальный, врождённый, первозданный) К. Гирц, Р. Гамбино, У. Коннор, Ю.В. Бромлей, Э. Стуард и другие считают, что этнос, или этничность, является неизменным феноменом, объективно существующим в природе или обществе[6].

В основу теории этноса (в направлении примордиализма), созданную в советское время, легло определение И. Сталина от 1913 года, которое гласило, что

[1] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўқув қўлланма). – Т., 2007. С. 83.

[2] *Абашин С.Н.* Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века). Ферганская долина. Этничность, этнические процессы, этнические конфликты. – М.: Наука, 2004. С. 38–101.

[3] *Тишков В.А.* Этнология и политика. – М., 2001. С. 233.

[4] *Тишков В.А.* О феномене этничности. // ЭО, № III. – М.,1997.С. 6.

[5] *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб., 1997. С. 61.

[6] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўқув қўлланма). – Т., 2007. С. 84.

«нация (трактовалось в контексте этноса – А.А.) есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»[1]. Схожую трактовку в 1923 году дал русский эмигрант С.М. Широкогоров. Определение этноса, данное С. Широкогоровым, было усовершенствовано и развито в работах теоретиков этноса советского периода (П. Кнышев, С. Токарев, Н. Чебоксаров, В. Козлов, Ю. Бромлей)[2].

Но со второй половины XX века западные учёные в вопросах теории этноса продвигают идеи конструктивизма. Всякие несовместимые с их теоретико-методологическими представлениями взгляды они относили к примордиализму и свои взгляды в качестве передовой науки считали отражением современной науки, а примордиалистские взгляды рассматривали как «комплекс научных ошибок»[3]. Так ли это на самом деле? Академик С.Е. Рыбаков, характеризуя эти два течения, говорил: «Исторический примордиализм похож на крупные ветки дерева, а конструктивизм схож с обособленной одиночной ветвью дерева»[4].

Представители конструктивизма рассматривают и трактуют этнос не как первозданную общность людей, а как социальный и интеллектуальный «конструкт», искусственное социальное образование, созданное в результате целенаправленной деятельности интеллектуальных и политических элит. Сторонники конструктивизма самосознание и язык считают важным символом, на основе которых и зиждется этническое многообразие. По этой причине в изучении проблем этноса они придают особое значение системе языка и сознания. Этих взглядов придерживаются западные учёные (Д.Ж. Комарофф, М. Смит, Ф. Барт и другие). К примеру, если М. Смит на основе традиционных концепций этнологии считает, что общественное строение происходит из культурных различий, то по утверждению Ф. Барта «культурные различия есть результат общественных строений и взаимодействия».

Ф. Барт не причислял этническое самосознание к важным признакам этничности. Он говорит, что посредством этнического самосознания личность проявляет свою этническую роль и представляет себя членом определённой группы. Поэтому конструктивисты рассматривают этничность как форму социальной организации культурных различий, ставя в центр внимания этнические границы, которые и устанавливают этнические общности. Сторонники конструктивистских взглядов Запада и России отрицают зарождение этноса и нации на основе принципов историчности. В частности, они придерживаются антинаучной точки зрения, согласно которой современные этносы (они, в первую очередь,

---

[1] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўкув қўлланма). – Т., 2007. С. 84.

[2] Там же. С.84–85.

[3] Там же. С. 86.

[4] *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. – М., 2001. С.98.

имеют в виду среднеазиатские этносы) не являются плодом длительного развития, а искусственно созданы советской властью[1].

Эти конструктивистские взгляды отрицают этнос и нацию как производную биогеографической сферы. В этом и заключаются содержание и сущность этнологических теорий современности и теории этноса, отрицающих процессы исторического формирования этноса и прошедшего несколько этапов этногенеза объективно существующих этничности, нации.

Таким образом, актуальной задачей современных теоретических и методологических разработок, имеющих отношение к проблемам этноса и нации, требованием к научным исследованиям и практическим работам является направленность на научный подход в изучении длительных этногенетических процессов исторического формирования населения региона, развития существующих с древности среди этносов региона традиционных форм сотрудничества, солидарности, межнациональных экономических, политических и культурных отношений, сохранения и развития межнациональных национально-этнических чувств, уважительного отношения к национальному менталитету, чести и достоинству, этическим нормам каждого народа.

Теория национального автохтонизма о происхождении современных народов Центральной Азии послужила зарождению в составе «красной империи» национальных республик и национальных языков, формированию самосознания и присущих каждому народу национального менталитета. Также, в отличие от «пантюркизма», «паниранизма» и «панисламизма», эта концепция находилась под надёжной политической защитой идеологии бывшего режима. Однако эта концепция использовалась в качестве идеологической платформы для разделения единой истории народов Средней Азии, продолжавшейся до политики «национального размежевания», изучения истории каждого народа в отрыве от единых общерегиональных исторических процессов и национального раздробления.

Возникает вопрос, какая из концепций (пантюркизм или национальный автохтонизм) в современных геополитических условиях сможет объективно освещать исторические процессы и обеспечить в регионе мирную жизнь? Первый путь предполагает проведение исследований проблем происхождения узбекского народа, его этнических основ исключительно в связи с тюркизмом. Второй путь признаёт, что исторические корни происхождения узбекского народа состоят из этнических компонентов говорящих на двух языках народов, то есть является этносом, сложившимся на основе многовекового смешения коренных ираноязычных и тюркоязычных племён и народностей. Но первый путь является абсолютно лженаучным и современное развитие отраслей науки отрицает такие взгляды.

---

[1] *Аширов А., Атаджанов Ш.* Этнология (Ўқув қўлланма). – Т., 2007. С. 86–87.

Глава II
АНАЛИЗ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОБ ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

О происхождении узбекского народа опубликовано очень много статей. Но обстоятельных детальных научных исследований и фундаментальных произведений по этому вопросу немного.

Существуют три подхода к происхождению узбекского народа. Первый из них – узбекский этнос сложился из тюркских племён и народностей, с древних времён проживавших на этой земле; местные согдийские и хорезмийские, бактрийские, а также сако-массагетские племена были издревле тюркоязычными племенами. Второй подход – узбеки сформировались в позднее средневековье, когда на эту землю пришли племена узбеков во главе с Шейбаниханом. Третья версия выражена в произведениях, созданных в 40-х годах XX века на основе концепции национального автохтонизма профессора А.Ю. Якубовского.

Сторонники первой версии опираются в основном на произведения, написанные в большинстве своём в позднее средневековье и представляющие собой смесь исторических сведений с мифологическими представлениями. В первые годы советской власти в противовес им появились произведения, обосновывающие вторую версию, согласно которой коренное население Средней Азии с древности говорило на иранских языках, а представители тюркского этноса пришли на эту землю в начале XVI века из Дашти-Кипчака вместе с Шейбаниханом. Узбеков они считали «пришлыми», а местные коренные народности – согдийцы, бактрийцы и хорезмийцы, жители Чача и древней Ферганы, Уструшаны и Илака, Маргианы и Парфии якобы являлись предками таджиков.

В первые годы советской власти для предотвращения конфликтов между коренными народами в качестве идейного оружия появилось ещё одно течение, которое в идеологическом мире Центральной Азии стало известно под названием «панисламизм».

В историографии того времени первый из них окрестили «пантюркизмом», а второй заклеймили «паниранизмом», придав им негативный оттенок. Против идеи «панисламизма» была объявлена атеистическая война, а перед учёными была поставлена задача разработки научно обоснованной концепции о происхождении каждой народности и народа в составе СССР, которая бы служила для укрепления межнационального мира и дружественных связей.

Разработка такого рода концепции о происхождении народов Средней Азии, в частности узбекского народа, была возложена на археологов-востоковедов, эт-

нографов. Первым в этом вопросе со своей глубоко аргументированной идеей выступил учёный археолог-востоковед А.Ю. Якубовский, который в сотрудничестве с С.П. Толстовым, Л.В. Ошаниным, Я.Г. Гулямовым и другими учёными – востоковедами, археологами, этнографами и этнологами предложил концепцию национального автохтонизма. На основе идей этой концепции был нанесён сильный удар по позициям пантюркизма, паниранизма и панисламизма. В действительности, по концепции национального автохтонизма, за пять веков до прихода в Среднюю Азию из Дашти-Кипчака представителей 92 племён степных узбеков во главе с Шейбаниханом, на этой земле во времена Караханидов (XI–XII века) в результате смешения местных согдийских, хорезмийских и бактрийских этнических сообществ с тюркоязычными племенами и народностями сформировался новый этнос – узбекский народ. Кочевые узбеки-шейбаниды были одним из компонентов, вошедших в состав нового этноса и по воле истории именно они дали название узбекскому народу.

Идейная направленность теории национального автохтонизма, предложенная А.Ю. Якубовским в начале 40-х годов прошлого века, нашла своё отражение в предисловии самого А.Я. Якубовского к 1-му тому впервые изданной в 1950 году книги «История народов Узбекистана»[1] и в специальном разделе «Истории Узбекской ССР» (1955 год)[2]. В духе этой концепции в 1962 году в серии «Народы мира» был издан первый том, посвящённый истории народов Средней Азии и Казахстана[3]. На основе этой концепции в 1967 году издана многотомная «История Узбекской ССР»[4]. Опубликованная в 1974 году на узбекском языке однотомная «История Узбекистана» также была написана на основе этой концепции.

Этнограф К. Шониёзов утверждает, что узбекский народ сформировался в качестве народности в IX–X веках[5] на территории современного Узбекистана и приграничных районах – Южном Казахстане, Ошской и Джалалабадской областях Киргизии, а также в Семиречье и западных территориях Восточного Туркестана[6].

Б.Г. Гафуров в своей книге «История таджикского народа» (1949) специально останавливается на вопросе происхождения узбекского народа: «С VI в. начинается всё растущее проникновение тюркоязычных племен и народностей на территорию Средней Азии. Этот процесс сопровождается сближением этих племен и народностей с древним населением Средней Азии. Совместные действия тюрков с согдийцами характерны для борьбы народов Средней Азии с иноземными захватчиками. В течение веков совершается переход прежде всего малоимущих слоев тюркских кочевников к оседлости и земледелию. Усиливается смешение и

[1] История народов Узбекистана. Т.1 – Т., 1950. С. 3–11.
[2] История Узбекской ССР. Т.1, кн. 1. – Т., 1995. С. 260–261.
[3] Народы Средней Азии и Казахстана (серия «Народы мира»). Т.1. – М., 1962. С. 82.
[4] История Узбекской ССР. – Т., 1967. С. 380–381.
[5] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 23–24.
[6] Там же. С. 91.

скрещение тюркских народностей с согдийцами и хорезмийцами, с сако-массагетскими племенами, причем у складывающейся таким образом народности преобладающей оказалась тюркоязычная речь. На этой основе и формируется узбекский народ, вобравший в себя, таким образом, как и другие народы Средней Азии, культурное наследие древних её обитателей. К XI в. этот процесс формирования узбекского народа достиг большой интенсивности, всё более распространяясь с севера Средней Азии на южные её районы и найдя своё выражение в частности и в создании Караханидского государства, в развитии городской культуры. Именно в этот период широкое распространение получает выражение «тюрк-у-тоджик» для характеристики двух основных этнических элементов населения Средней Азии. ... уже в период Саманидов в оседлых районах Средней Азии насчитывалось значительное количество тюркоязычного населения. Источники отмечают наличие большого числа тюркоязычного населения в Фергане, Хорезме, Чаче и других оседлых земледельческих районах. Но всё же в период Саманидов в городах и оседлых земледельческих районах Средней Азии подавляющее большинство населения составляли таджики. Картина меняется в период Караханидов. За счёт оседания тюркоязычных кочевников и за счёт тюркизации местного таджикского населения в Средней Азии начинают преобладать в этническом отношении тюркоязычные народы. Среди господствующих классов происходит сближение тюркской племенной знати со старинной таджикской феодальной аристократией..... а в среде самих трудящихся, в совместной борьбе против этой эксплуатации крепнут узы дружбы, особенно между таджиками и узбеками»[1].

Принадлежащий перу Б.Г. Гафурова научный тезис о происхождении узбекского народа без изменений повторяется во втором[2] и третьем[3] изданиях его книги «История таджикского народа».

В 1963–1964 годах была опубликована многотомная «История таджикского народа». Во II томе 1-й книги этого издания в конце раздела «Формирование таджикского народа» Б.Г. Гафуров на основе теории национального автохтонизма в нескольких строках излагает концепцию об этногенезе узбекского народа[4].

В 1972 году в Москве была издана книга академика Б.Г. Гафурова «Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история». По охвату первичных письменных и материальных источников это произведение имеет фундаментальный характер. Однако изложение этих материалов под названием истории таджиков с научной и методологической точки зрения приобретает совершенно ошибочный и носит необъективный характер. По этой причине в своё время учёные Средней Азии выражали недовольство по поводу издания этой книги.

Несмотря на это даже в этом значительном монографическом произведении был выделен отдельный раздел под названием «Проблемы этногенеза узбекского

[1] *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. Т.1. – М., 1949. С. 223–224.

[2] *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. Т.1. Издание второе. – М., 1952. С. 213.

[3] *Гафуров Б.Г* История таджикского народа. Т.1. Издание второе. – М., 1955. С. 235–236.

[4] История таджикского народа. Т. II. Книга первая. – М., 1964. С. 225.

народа»[1]. В этом разделе вопросам этногенеза узбеков уделено достаточно внимания. Автор отмечает, что проблема узбекского этногенеза впервые поднимается в советской историографии и что до этого в русской и зарубежной литературе история узбекского народа связывалась с кочевыми племенами, вторгшимися в Среднюю Азию под названием «узбеки» в XV–XVI веках. Подчеркнув, что на основе нового подхода ясность в этот вопрос внёс А.Ю. Якубовский, он присоединяется к его выводу об ассимиляции степных узбеков с коренным тюркским населением Мавераннахра, давшим им название «узбек». Б.Г. Гафуров в данной книге полностью повторяет свою мысль об этногенезе и этнической истории узбекского народа, высказанную им в первом (1949), втором (1952) и третьем (1955) изданиях книги «История таджикского народа»[2], и также пишет, что «Согласно нашей концепции узбеки и таджики наряду с другими народами Средней Азии являются равноправными участниками не только последних четырёх столетий среднеазиатской истории, но и более длительного периода до этого времени»[3]. Как видно из вышеизложенных взглядов, во времена такого известного таджикского учёного, как академик Б.Г. Гафуров, о происхождении народов Средней Азии, в частности узбекского народа, высказывались научно обоснованные воззрения.

К фундаментальным работам, написанным в русле концепции национального автохтонизма, следует отнести изданную в 1960 году в Ташкенте книгу профессора М.Г. Вахобова «Узбекская социалистическая нация».

Во введении книги автор в краткой форме излагает свою концепцию. Исходя из названия книги, он поставил перед собой цель проследить процесс формирования узбеков в качестве нации[4].

Также автор подчеркивает, что без ознакомления читателя с этническим составом узбекского народа, его этническими особенностями: языком, этнокультурой, этнографическим обликом решить эту проблему нельзя. Поэтому во вводной части произведения он признает разделение этнической истории на три этапа (этногенез, этническая история и история нации).

Вместе с тем автор выдвигает тезис об устранении в социалистическом обществе национальных признаков народов СССР, исчезновении таких понятий, как нация, народность и этническая группа[5]. Этот тезис был основным постулатом марксистско-ленинского учения о национальных этносах и данная работа была написана не на основе научного анализа объективных этнических процессов, а в духе идеологии своего времени.

---

[1] *Гафуров Б.Г.* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. С. 542–549.

[2] *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. Т.1. – М., 1949. С. 223–224; Его же. История таджикского народа. Т.1. Издание второе. – М., 1952. С. 213; Его же. История таджикского народа. Т.1. Издание второе. – М., 1955. С. 235–236.

[3] *Гафуров Б.Г.* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. С. 542–544.

[4] *Вахобов М.Г.* Ўзбек социалистик миллати. – Т., 1960. С. 5.

[5] Там же. С.4.

Отметив трудности в поисках созвучных терминов таким понятиям, как «этногенез», «этнический», автор подчеркнул, что термин «родоплеменной» соотносится в этнической истории с этапом этногенеза, «общество донационального периода» совпадает с термином «народность» и приходит к выводу, что «народность» есть социальный продукт феодального общества, а развитие нации происходит в условиях социалистического строя.

М.Г. Вахобов пишет, что в вопросе о периоде формирования нации мнения учёных расходятся: одни связывают его с победой Октября в 1917 году; вторые – с образованием СССР в 1922 году; третьи – с 1929 «годом великого поворота».

Но «на наш взгляд, – подытоживает автор, – с полной победой социалистического строя этнические группы, социалистическая народность превратятся в социалистическую нацию. В том числе узбеки тоже сорганизуются в социалистическую нацию. Значит, в период между 1935–1940 годами завершится процесс формирования узбеков в качестве социалистической нации»[1].

Точка зрения автора по вопросу этногенеза узбеков имеет научную основу. Рассуждения М.Г. Вахобова о народности и ее общественной структуре, экономическом и этнокультурном развитии построены на серьёзном анализе этнографических источников. Также обоснованы его взгляды о том, что переход узбекского народа от стадии народности до состояния нации связан с развитием капиталистических отношений в Средней Азии.

Однако формирование научного мировоззрения автора под влиянием идей марксизма-ленинизма оказало влияние на его взгляды по вопросу организации нации и бросало тень на фундаментальный научный характер произведения. Воззрения автора об этнокультурных процессах, формирование факторов, присущих нации, национального самосознания, его психологических моментов состояли из вымыслов, основанных на марксистском учении.

Несмотря на то что в советское время было достигнуто единое мнение по вопросу происхождения узбекского народа и его весьма проблемному разделу – этногенезу, продолжались издаваться монографии, выражающие различные взгляды и толкования. В качестве примера можно привести монографию М. Эрматова «Этногенез и формирование предков узбекского народа», которая была издана в 1968 году тиражом в 3 тысячи экземпляров.

Хотя в работе автор и пишет, что основу узбекского этноса составляли племена согдийцев, хорезмийцев, сако-массагетов, даи-кангюев, однако характеристику этногенетических процессов он строит в связи с кочевыми тюркскими племенами.

Произведение состоит из двух разделов. В первом разделе книги М. Эрматов на основе Малой Авесты (Зант-Авеста), наскальных надписей ахеменидских царей, греко-римских и армянских письменных источников, а также, отчасти, археологических памятников рассуждает о роли этнических основ и языка саков и

---

[1] *Вахобов М.Г.* Ўзбек социалистик миллати. – Т., 1960. С. 6–7.

массагетов, даи-кангюев, согдийцев и хорезмийцев в этногенезе узбекского народа. Анализ содержания текста свидетельствует о том, что он свои взгляды излагал на основе напечатанного в 1871 году в Санкт-Петербурге труда В.В. Григорьева «О скифском народе саках». Поэтому начальные этапы узбекского этногенеза М. Эрматов связывает с жизнью кочевых племён. В освещении исторических событий логическая связь, системный анализ и выводы не наблюдаются. В качестве примеров приводятся в основном археологические объекты Хорезма, встречаются неточности в определении хронологии, противоречия в вопросе языка племён и этнических групп. К примеру, автор приводит отрывочные сведения об археологических исследованиях С.П. Толстова, во время которых были обнаружены около 400 памятников, на 14-ти из них были проведены раскопки и хронологические рамки последних были определены в пределах от IV–III тысячелетий до н.э. до XVI века н.э., извращённо толкует выводы С.П. Толстова по поводу определения дат памятников античного времени – Джанбаскалъа, Аязкалъа, Тупраккалъа, отметив их IV–III тысячелетиями до н.э.[1] М. Эрматов ошибочно причисляет памятник античности – Каунчитепа (Ташкентская область) к памятникам периода бронзы. Степные культуры эпохи бронзы (Заманбаба Бухарской области и Тазабагъяб Древнего Хорезма) относит к оседлоземледельческим культурам узбекского народа[2]. Он критикует В.В. Григорьева, считая безосновательным его мнение о принадлежности саков, массагетов, хорезмийцев, согдийцев к ираноязычным племенам[3]. Автор принимает за историческую истину народное предание[4], рассказанное арабским географом Макдиси о происхождении хорезмийского народа[5] и приходит он (Эрматов) к следующему выводу: «Из сообщения данного автора становится ясным, что хорезмийцы жили на своей родной земле с древнейших времен, что этнический состав хорезмского народа был смешанным, в частности исконные жители Хорезма – тюрки были смешаны с людьми нетюркского происхождения, в данном случае, по словам автора – персами, а в действительности с отюреченными персами, с таджиками. Сообщение о том, что хорезмийцы раньше жили в шалашах и питались рыбой, сходится с многочислен-

---

[1] *Эрматов М.* Этногенез и формирование узбекского народа. – Т., 1968. С. 40.

[2] Там же. С. 11.

[3] Там же. С.16.

[4] Предание гласит, что однажды правитель Хорезма, разозлившись за какие-то проступки на 40 своих подчинённых, приказал отвезти и бросить их в безлюдную пустыню. Спустя некоторое время падишах приказывает своим придворным слугам узнать, живы ли сосланные и, если живы, чем они занимаются. Вернувшись назад к падишаху слуги рассказали, что они живы, построив себе на берегу озера шалаши, занимаются рыболовством, питаются рыбой и что там очень много дров. Шах спросил у слуг: «Как они называют рыбу?». «Хвар», – ответили слуги, а на вопрос о дровах, ответили, что «разм». Шах глубоко задумался и сказал: «Пусть эти земли впредь будут называться «Хваразм». После этого по приказу шаха к ним отправили 400 тюркских девушек в жёны. У размножившегося от них населения появились тюркские черты. Позже там был возведён город Кат, ставший столицей государства Хорезмшахов. (Аль-Макдиси. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. – М., 1939. С. 185–186).

[5] *Эрматов М.* Этногенез и формирование узбекского народа. – Т., 1968. С.71.

ными сведениями источников древности о том же в отношении массагетов. Этот факт полностью подтверждает наше мнение о происхождении жителей Хорезма из сако-массагетской и кангюйской среды»[1]. Из контекста видно, что автор (Эрматов), во-первых, убежден о происхождении хорезмийцев на основе легендарного предания; во-вторых, он даже не понимает различий между юго-западной (персидским) и северо-восточной (согдийским, хорезмийским, парфянским, сакским) языковыми группами, относящимися к древнеиранской языковой семье, и продолжает использовать термин «перс» по отношению к восточным иранским языкам периода античности. По всей видимости, автор не был осведомлён о широком распространении персидского языка в Средней Азии со времён Саманидов и вытеснении из обращения местных согдийских языков с IX–X веков тюркскими и персидскими языками.

Во второй главе книги М. Эрматова освещены вопросы о роли племён юэчжи в этногенезе узбекского народа. Второй этап этногенеза узбекского народа он определяет периодом от II века до н.э. до VI века н.э. Автор высказал верную мысль, что в это время на территории современного Узбекистана и близлежащих областях в состав коренного населения вливаются племена юэчжи-эфталитов и других тюркских племён, постепенно приспособившихся к оседлой сельской и городской жизни. Также верны утверждения об активизации вторжения на эти земли тюркских общин после завершения персидского и греческого владычества на этих рубежах. Однако, пишет автор, спорных моментов в вопросе об их языках неимоверное множество и конца им не видно.

Действительно, в современной литературе, избегая определённости в решении спорных проблем, современные учёные в своих работах больше говорят о географическом расположении, обычаях и традициях, бытовых условиях древних предков, а сложные этногенетические процессы, проблемы языка упоминаются мимоходом. Такое отношение к вопросам этногенеза, заимствованное у Запада, стало руководством к действию в советской историографии и исторической лингвистике. По этой причине в историографии тюркских народов Средней Азии до недавних пор не создавались фундаментальные академические исследования. Написанная именно в таком духе работа М. Эрматова из-за своей методологической слабости и исторической бессистемности не нашла себе достойного места в исторической науке. А также потому, что суть проблемы в ней не была раскрыта в достаточной степени, поэтому не только в годы независимости, но и даже в советское время не была воспринята научной общественностью в качестве серьёзного научного исследования. К вопросу формирования узбекского народа обращалась и Б.Х. Кармышева. В своей работе «Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана» она приходит к верному выводу о том, что ядро оседлого населения узбеков было сложено в IX–X веках, но формирование узбекской народности в качестве отдельного этноса произошло

[1] *Эрматов М.* Этногенез и формирование узбекского народа. – Т., 1968. С. 71–72.

со вхождением Мавераннахра в состав государства Караханидов в XI–XII веках[1]. «Тюркоязычное оседлое население составляло здесь уже не отдельные островки, а значительные массивы. Ведущую роль среди тюркских племен государства Караханидов играли карлуки и уйгуры, язык которых лег в основу языка узбекской народности». «Процесс консолидации узбеков, сформировавшихся в рамках Караханидского государства, продолжался и позднее. Такие крупные миграционные процессы, как передвижения огузов и туркмен с берегов Сырдарьи в глубь Средней Азии, кипчаков с берегов Иртыша в Приаралье и особенно вторжения тюрко-монгольских кочевых племен в период завоевания и владычества монголов, оказали очень большое влияние на формирование узбекской народности»[2], – делает автор совершенно верные выводы. Вместе с тем и Б.Х. Кармышева, следуя за некоторыми языковедами-тюркологами, формирование узбекского языка в качестве отдельного этнического языка относит к XIV–XV векам[3].

По вопросу формирования узбекского языка нет единого мнения и среди филологов. Например, в книге Г. Абдурахмонова и Ш. Шукурова «Историческая грамматика узбекского языка» говорится о формировании узбекского народа и его языка в XI–XV веках[4]. Однако авторы в этой же книге, анализируя особенности формирования узбекского языка, считают, что его отделение от общетюркского языка как языка отдельной народности произошло в XIV–XV веках. «Значит, – считают они, – можно говорить о формировании узбекского языка в XIV–XV веках»[5]. Академик Ганиджон Абдурахмонов, пересмотрев свои взгляды в годы независимости, приходит к выводу о том, что «формирование узбекского народа приходится на XI–XII века»[6]. После краткого ознакомления с этой брошюрой академик К. Шониёзов отмечает грубые ошибки, допущенные авторами, то есть, если в одном случае кипчаков они называют киргизами, то в другом – печенегами; восточных карлуков называют уйгурами. Как известно, эти этнонимы в средние века выражали названия отдельных племенных объединений. Вместе с тем, у Г. Абдурахмонова отсутствует чёткость в определении временных рамок формирования узбекского народа: в одном месте формирование узбекского народа и его языка относится к XI–XII векам, в другом – к X–XII векам, а в третьем – ко второй половине X века[7].

Вопросы этнической истории узбекского народа нашли своё отражение и в работах академика Б. Ахмедова. Его работы в основном посвящены этнической истории, истории узбеков-шейбанидов, истории происхождения этнического на-

---

[1] *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М., 1976. С. 162.

[2] Там же. С. 162–163.

[3] Там же. С. 163.

[4] *Абдураҳмонов Г.А., Шукуров Ш.* Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси. – Т., 1973. С. 16.

[5] Там же. С. 18.

[6] *Абдураҳмонов Ғ.А.* Ўзбек халқи ва тилининг шаклланиши ҳақида. – Т., 1999. С. 27.

[7] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 32.

звания «узбек»[1]. Он правильно отмечает, что до прихода кочевых узбеков Дашти-Кипчака в Среднюю Азию в конце XV – начале XVI века на этой земле проживали тюркские рода и племена. Б. Ахмедов пишет: «Узбекский народ полностью сформировался и развился в социально-экономическом и культурном отношении в эпоху Караханидов»[2]. Проведённые в последние годы археологические, антропологические, линго-топонимические исследования и опубликованные многочисленные статьи и монографии, посвящённые этногенезу и этнической истории узбекского народа, велись в научно-методологическом русле теории национального автохтонизма и в его решение вносился ряд уточнений.

Одним из таких фундаментальных исследований является монография Карима Шониёзова «Процесс формирования узбекского народа», напечатанная в 2001 году в издательстве «Шарк». В этом произведении изложен краткий анализ научных статей, брошюр и монографий, написанных на основе различных взглядов и подходов, а также размышления автора об этногенезе и этнической истории узбекского народа. Хотя автор в оценке других работ придерживается принципов научной беспристрастности, иногда он допускает некоторые неточности. Например, анализируя с историографической точки зрения статью автора этих строк «Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа», опубликованную в 1986 году, он подвергает «критике» вопросы, которых в статье нет[3]. В частности, К. Шониёзов пишет, что по утверждению А. Аскарова «этническое объединение узбекского народа приходится на начало нашей эры, его второй этап начинается со второй половины VI века, а XIV–XV века – это новый, развитой этап этого процесса»[4]. На самом деле, на страницах 10 и 11 этой статьи, цитируемых К. Шониёзовым, XIV–XV века не упоминаются в качестве нового, развитого этапа узбекского этногенеза. Наоборот, там написано: «Пик второго этапа узбекского этногенеза приходится на период расцвета Западно-Тюркского каганата», – и далее, – «В 40-х годах IX века с образованием на востоке Мавераннахра государства Карлуков в этногенезе узбеков начинается третий этап»[5]. Если логически подойти к изложению текста, явно видно, что в статье идет речь об этапах этногенеза узбеков. Но наш критик не замечает следующие слова автора: «Если считать рубеж нашей эры начальным этапом формирования этнической общности узбекского народа, то второй этап в этногенезе узбеков, как показывают данные археологических и антропологических исследований с учётом письменных, начинается, на наш взгляд, со второй половины VII в.»[6]. Дей-

---

[1] *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. – М., 1965; Он же. Ўзбек улуси. – Т., 1992.

[2] *Ахмедов Б.А.* Тарихдан сабоқлар. – Т., 1994. С. 199.

[3] *Аскаров А.* Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Т., 1986. С. 10–11.

[4] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 30.

[5] *Аскаров А.* Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа. *// Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Т., 1986. С. 10–11.*

[6] Там же. С. 10.

ствительно, в 80-х годах прошлого века в вопросе начальной точки этногенеза узбеков я, наряду со всеми, занимал такую позицию.

В настоящее время, в отличие от прежних взглядов, отправной точкой этногенеза узбеков принято считать эпоху поздней бронзы. К такому выводу мы пришли на основе прочтения учёными-китаеведами (например, профессором А. Ходжаевым) китайских письменных иероглифов.

Следует особо отметить, что произведение академика К. Шониёзова «Процесс формирования узбекского народа» действительно является фундаментальным исследованием историографии своего времени. В этой работе автор рассматривает этнические компоненты, участвовавшие в процессе формирования узбекской народности, его этническую историю, географию территориального расселения; представляет богатый материал об общественно-экономической жизни, культуре, этническому составу, связях с соседними государствами и их народами наших ранних предков, проживавших на территории Центральной Азии, в частности современного Узбекистана.

Это произведение академика К. Шониёзова – итог многолетних творческих изысканий, созданный в стиле академического исследования. Значит, эта работа предназначена для узкого круга творческой интеллигенции и специалистов-исследователей в качестве оригинального объёмного источника.

В произведении большое место уделено тюркским этническим компонентам, этнической истории узбекского народа, но отсутствует анализ дошедших до нас материальных и культурных следов, своими корнями восходящих к древнейшим коренным народам – согдийцам, хорезмийцам, бактрийцам и археологических культурных памятников, оказавших влияние на формирование особенностей, присущих этногенезу узбеков. Следовательно, в формировании узбекского народа, его антропологического физического облика, оседлого образа жизни, узбекского менталитета местные согдийский, бактрийский и хорезмийский этнические компоненты составляют основу, ядро узбекского этноса. Также они одинаково участвовали в складывании тюркских языковых корней. По причине того, что работа называется «Процесс формирования узбекского народа», в ней не ведётся речь о третьем этапе истории народа – формировании узбекской нации и присущих ей факторов и признаков. Это объясняется тем, что К. Шониёзов в своих работах об этногенезе и этнической истории даёт добротные научные определения таким терминам, как этнос, этническая общность, племя, племенной союз, народность, народ, этнографическая группа (субэтнос) и этническая группа, раскрывает их сущность, однако в них не уделено достаточно места вопросам, связанным с определением нации и ее формированием[1]. По мнению К. Шониёзова, «термины народность и нация в науке еще недостаточно усовершенствованы»[2].

---

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 74 – 102.
[2] Там же. С. 77.

В вопросе определения даты формирования узбекского народа в качестве отдельной этнической общности, не только у наших персо-таджикских братьев, но и у русских коллег встречаются различные мнения. К примеру, по мнению российского учёного В.А. Никонова, процесс формирования узбекской народности длился с XI века до XVI века[1]. Этнограф С.П. Поляков допускает в этом вопросе ещё более серьёзную ошибку. В своей книге «Этнография» он пишет, что узбекский народ сформировался в качестве народности в одно время с туркменским, казахским, киргизским и другими тюркоязычными народами в XVIII–XIX веках[2]. Х.С. Салимов, представляющий исторические корни происхождения своего народа и историю этнографических процессов в духе вышеназванных работ, в своей книге «Население Средней Азии» формирование узбекской народности датирует XVI веком. Согласно его мнению, узбеками считались только тюрко-монгольские племена, захватившие в 1500 году земли Темуридов[3]. Х.С. Салимов до того несведущ в истории Средней Азии, что не может даже представить, что на территории современного Узбекистана с древнейших времён проживали наши тюркоязычные предки. Его взгляды противоречат фундаментальной науке, всего лишь подпитывая таких паниранистов, как Р. Масов.

В 1988 году в городе Звенигороде, что под Москвой, состоялась конференция, посвящённая этногенезу и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. На конференции выступил академик АН Таджикистана Б.А. Литвинский с объёмным докладом на тему «Теоретические проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана в древности и средние века». В своем докладе он выступил с утверждением о формировании узбекского народа в качестве отдельной этнической общности (народности) в XVI веке[4]. Как известно, Б.А. Литвинский в своё время был ответственным редактором книги Б. Гафурова «Таджики» и на интернетовском сайте «ЦентрАзия» открыто говорил, что эта книга полностью прошла через его руки и что в написании книги ему принадлежит большая научная заслуга. Б. Гафуров в этой книге пишет, что формирование узбекского народа завершилось в XI–XII веках[5].

Активное участие в работе конференции принимали представители Узбекистана академик К. Шониёзов, профессор И.М. Джабборов. Б.А. Литвинский, бывший при жизни единомышленником академика Б.Г. Гафурова (он умер в 1987 году), по вопросу хронологических рамок формирования узбекского народа спустя некоторое время изменил свои взгляды и стал связывать период его формирования с приходом на территорию Мавераннахра кочевых узбеков Дашти-Кипчака в XV–XVI веках. Благодаря научным взглядам Б.А. Литвинского историк

[1] *Никонов В.А.* Узбеки. // В кн.: Система личных имён у народов мира. – М., 1998. С. 312.

[2] *Поляков С.П.* Этнография. – М., 1982. С. 176.

[3] *Салимов Х.С.* Население Средней Азии. – Т., 1975. С. 76–78.

[4] *Литвинский Б.А.* Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. I. – М., 1990. С. 32.

[5] *Гафуров Б.Г.* Таджики. – М., 1972. С. 542–544.

истории советского периода Таджикистана Р. Масов публикует ряд таких монографий, как «История топорного разделения» (1991), «Таджики: история под грифом «совершенно секретно»» (1995) и «Таджики: вытеснение и ассимиляция», которые были написаны в духе паниранизма и направлены против этногенеза узбекского народа и его этнической истории. Одним из таких изданий является подготовленный на основе гранта Института «Открытое общество» научный сборник «Этнический атлас Узбекистана». Инициатором создания и его идейным вдохновителем был автор главной статьи сборника «Археология узбекской идентичности» Алишер Илхомов, который в разделе статьи под названием «Этногенез» выдвигает следующий тезис: «Современные узбеки являются потомками как минимум трех этнических общностей: дашти-кипчакских кочевых узбеков, в основной своей массе мигрировавших в регион Средней Азии в начале XVI в.; примкнувших к ним местных тюркских племен и родов из числа т.н. чагатайских, а также огузских тюркских племен и родов; сартов, состоящих из оседлого тюркоязычного, преимущественно городского, населения и происходящих из тюрок, отошедших от кочевого образа жизни и утерявших свою родоплеменную принадлежность, а также из тюркизированных таджиков»[1].

Из текста статьи становится ясно, что А. Илхомов основу происхождения узбекского народа связывает с кочевыми племенами Дашти-Кипчака, пришедших вместе с Шейбаниханом. Проживавший на этой земле огромный тюркский этнический пласт, который в результате многовекового смешения, слияния с говорившими на древних иранских языках согдийцами, хорезмийцами, бактрийцами, жителями Чача, Парканы и Уструшаны, сформировал в XI–XII веках отдельный новый этнос. Однако это тюркское ядро он интерпретирует в качестве второстепенного, примкнувшего этнического компонента.

В разделе статьи «Узбеки Дашти-Кипчака» он подчёркивает, что этноним «узбек» произошёл от названия узбеков Дашти-Кипчака. По его утверждению, в состав узбеков Дашти-Кипчака входили монгольские племена чагатай, джалайир, барлас, которые постепенно отюречились под влиянием племён огузов, уйгуров, карлуков, кипчаков[2]. Между тем, когда речь идёт о чагатаях, подра-зумеваются не монголы, а местные оседлые тюркоязычные племена.

А теперь рассмотрим вопрос о тюрках-барласах. В 1370 году, когда Амир Темур под Балхом разбил правителя Мавераннахра амира Хусейна, амиры и шейхи Термеза, с целью избрания его ханом, по обычаям того времени предлагают возвести его на ханство на белой войлочной кошме, Тимурбек не соглашается на это. Напротив, подчеркнув, что он не является чингизидом, а тюрки-барласы в своих владениях всегда были амирами, и потому он не имеет права быть ханом, приказывает возвести на ханство на белом войлоке служившего при нём монгольского амира Туралмишхана и объявляет его ханом своего государства. Даже только этот факт свидетельствует о том, что барласы были не монголами, а настоящим тюрк-

---

[1] Этнический атлас Узбекистана. 2002. С. 270.
[2] Там же. С. 273–274.

ским племенем. Не понимавший до конца тонкости народных обычаев В.В. Бартольд, в своё время называл барласов монгольским племенем[1].

В разделе «Чагатайские тюрки» А. Илхомов пишет, что население Мавераннахра Чагатайского улуса состояло из персидских и тюркских этнических обществ. Хотя эти этнические общества и переживали взаимные процессы этнокультурной ассимиляции, тюркские и тюрко-монгольские слои этих обществ, вплоть до конца XIX века, сохранили свои родоплеменные особенности, в частности полукочевой образ жизни, продолжает автор. Рассуждая, что к ним относятся племена карлук, джалайир, барлас, кавчин, арлот, тюрк, мусабозори, калтатай, монгол и другие, он допускает историческую неточность[2]. Высказывая лженаучное мнение, что известные под именем тюрк племена барлас, калтатай, мусабозори, тюрк и другие тюркоязычные племена даже до 1924 года не были объединены в качестве нации, он пытается ввести читателя в заблуждение[3]. Согласно содержанию статьи, узбекский народ состоит из конфедерации тюркоязычных кочевых и полукочевых племён и до 1924 года не сформировался в качестве единого народа. Такие «всезнающие» узбеки, не до конца разобравшись в исторических корнях происхождения своего народа и нации, в высокопарных выражениях вещают о том, что основное ядро узбекского народа составляют кочевые племена узбеков-шейбанидов, пришедших в Среднюю Азию в начале XVI века. Что же тогда говорить о таких иранофилах, как Рахим Масов!

В разделе статьи, посвящённой «сартам», говорится о том, что сарты, наряду с узбеками Дашти-Кипчака, составляют основной компонент современной узбекской нации. Но, продолжает он, существуют три взгляда на этническое происхождение сартов, сторонники первого из которых (Г. Вамбери, В.В. Радлов, В.В. Бартольд, Ю. Брегель и другие) признают этническое присутствие сартов. Из них, – говорит он, – в особенности В.В. Бартольд открыто высказывает свою точку зрения, согласно которой сарты являются непосредственными предками таджиков[4].

Вторая группа исследователей (В. Наливкин, И. Магидович и другие) не считают сартов отдельным этносом, причисляя их к оседлой прослойке иранских и тюркских этнических сообществ, занимавшихся торговлей и ремесленничеством в городах и земледелием в сельской местности.

По мнению представителя третьей группы – Махмудходжи Бехбуди (и в целом джадидов) этот термин, как утверждают и русские востоковеды, использовался в уничижительном значении «сари ит» (буквально – «жёлтая собака») спесивой аристократией кочевых киргизов, казахов, татар и русских по отношению

---

[1] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Сочинения. Том 5. С. 173.

[2] Этнический атлас Узбекистана. 2002. С. 274.

[3] Там же. С. 275–276.

[4] *Бартольд В.В.* Энциклопедия ислама. Том IV. С. 187–188; Он же. Сочинения. Том II, часть 2. С. 527–529.

к оседлому населению Туркестана. Серали Лапин считал, что сарт, независимо от этнического происхождения, являлся местным оседлым жителем Средней Азии и вместо этого термина было бы более правильным использование термина «полуузбек», «полутаджик»[1]. Этот смешанный язык был иранизированным тюркским языком[2]. Махмудходжа Бехбуди был категорически против использования термина «сарт» по отношению к узбекскому народу. Этот термин, говорит Бехбуди, не имеет отдельной этнической основы и использовался казахами, киргизами, татарами и русскими по отношению к оседлому населению Туркестана, независимо от этнического происхождения. Вместо слова «сарт» нужно использовать слова «туркестанец», «туркестанские мусульмане», говорит Бехбуди[3].

В действительности, взгляды представителей второй и третьей групп были схожими. Но сторонники третьего направления – джадиды считали оскорбительным использование слова сарт – «сари ит» к высокоразвитому в социальном и экономическом, политическом и этнокультурном отношении оседлому населению Туркестана конца XIX и начала XX века. Потому что в XI веке под словом «сарт», независимо от этнического происхождения и языка, монголы называли ту часть населения Туркестана, которая занималась торговлей. К XII–XIII векам кочевые тюрко-монгольские племена «сарт»ами стали называть не только торговцев Туркестана, но и городских ремесленников и сельских земледельцев. В те времена не обращалось внимания на язык общения этих жителей.

В течение XIV–XV веков усиливается влияние тюркоязычных сартов, которые к этому времени полностью забыли родоплеменные деления. Они превратились в городское и сельское население Туркестана, говорившее только на тюркских языках. В их состав влились этнические группы, на протяжении веков говорившие на персидском и арабском языках, которые теперь называли себя названием тюркской народности или местом постоянного проживания (шашцы, ургенчцы, бухарцы, андижанцы, нахшабцы и другие).

Коренных жителей Туркестана, в особенности джадидов, с развитым чувством национальной гордости и человеческого достоинства сильно задевало использование по отношению к ним оскорбительного прозвища «сари ит», привнесённого ещё в XVI веке представителями 92-х племён узбеков-шейбанидов Дашти-Кипчака. Как и В.В. Бартольд, который был далёк от понимания деликатных сторон национального менталитета, так и его последователи в настоящее время также далеки от национальных чувств других народов.

Ю. Брегель, следуя за В.В. Бартольдом, для обоснования своих взглядов выдержками из исторических источников, ссылается на произведение Абулгази Ба-

---

[1] Серали Лапин – в конце XIX – начале XX века активный деятель общественно-политического движения Туркестана, руководитель организации «Шурои улема», боровшийся в интересах туркестанских, так называемых «кадимчилар» (сторонников древности). По своим взглядам он был в оппозиции к джадидам.

[2] *Серали Лапин*. Оренбургские листки, № 6,1894; Туркестанские ведомости, 1894 год, №№ 36, 38, 39.

[3] *Бехбудий М.* Танланган асарлар. С. 173.

ходирхана «Шажара-и турк» и пишет: «В конце XVII века в Хорезме наряду с узбеками и туркменами сарты упоминаются как отдельная этническая группа»[1]. А. Илхомов, сам являясь по происхождению узбеком, на деле идёт по стопам Бартольда, Брегеля и Масова.

Ко времени проведения в 1924 году в Средней Азии политики национально-государственного размежевания тюркоговорящие сарты составляли основное ядро населения Мавераннахра. Но, несмотря на это, вновь образованной республике было дано название Узбекистан, а термин «сарт» был запрещён для использования в официальных документах, которые не являлись отдельным этническим обществом. Но некоторые наши зарубежные «благодетели» до сих пор пытаются ввести поправки в историю. К примеру, молодой американский политолог, историк Древнего мира Джон Шоберлайн за время своего неоднократного пребывания в независимом Узбекистане встречался с некоторыми иранофильскими представителями интеллигенции и позже написал, что «в 1924 году сарты Средней Азии, численностью в 1,7 миллиона человек, в один день были стёрты со страниц истории»[2].

Среди вышеуказанных взглядов на происхождение узбекского народа лженаучные теории В.В. Бартольда, Ю. Брегеля, Р. Масова до сих пор препятствуют принятию конкретного научного решения по вопросу определения даты формирования узбекского народа в качестве отдельного этнического общества (народа). Эти противоречащие науке воззрения бросают тень на исторические корни этногенеза узбекского народа и его вековечные связи с той землёй, на которой он сейчас и проживает. В особенности следует отметить не соответствующие достижениям науки взгляды Юрия Брегеля, Рахима Масова, Сергея Полякова, Урала Носирова, Алишера Илхомова. Эти воззрения служат зарождению национальной розни среди народов Средней Азии.

* * *

После достижения Узбекистаном независимости были открыты широкие возможности для свободной творческой деятельности представителей научной общественности, усилился интерес к своему прошлому, истории, оживилось стремление к возрождению национального достоинства, открытого выражения своих мыслей по различным направлениям истории.

В наши дни особенно повысился интерес к изучению происхождения узбекского народа, его формирования в качестве народа, нации, то есть к этногенезу и этнической истории узбеков. В печати, средствах массовой информации, научных конференциях продолжаются бурные дебаты о процессах формирования узбекского народа, его этнической истории.

---

[1] Bregel Yu. The sarts in the Khanate of Khiva. M.

[2] *Джон Шоберлейн.* Перспективы становления национального самосознания узбеков. // «Восток», – М., 1997. №3. С. 55.

В таких отраслях общественных наук, как история, археология, этнография, антропология, нумизматика, топонимика, историческая лингвистика проводятся широкие научные исследования и специалисты приходят к определённому решению. Но это не значит, что проблемы, связанные с происхождением узбекского народа, окончательно разрешены. В этом направлении ещё очень много научных проблем, ждущих своего исследования.

К сожалению, в некоторых публикуемых исследованиях неразрывная взаимная связь между коренными народами, издревле проживающими на этой территории, экономические и социальные, политические и этнокультурные отношения, а также влияние разного рода этнических смешений на формирование национальных этносов рассматриваются как факторы второстепенного характера.

На страницах интернетовских сайтов, научных журналов и даже монографических исследований различные вопросы истории народов Центральной Азии стали представляться широкому кругу читателей без глубокого научного анализа. Воодушевлённые творческой свободой, дарованной независимостью и по своему базовому образованию далёкие от истории некоторые представители интеллигенции взяли за правило освещение истории нации на основе одностороннего подхода к прошлому, и продукты их «творчества» публикуются без осуществления научного контроля.

К сожалению, в последние годы место научной этики, присущей исследованиям, базирующимся на первичные источники, занимают национальные эмоции. В итоге, без оглядки на объективную историю, признанную научным сообществом всего мира, без учёта геополитической обстановки в науке зарождаются антинаучные воззрения, которые порождают перед исторической наукой Узбекистана всё новые проблемы.

Одной из таких книг является изданная в 2011 году работа Урала Носирова «Родословная узбеков»[1].

Несмотря на то что автор по своей специальности весьма далёк от исторической науки, он берётся за освещение одной из самых сложных, самых ответственных проблем истории Узбекистана – этногенеза и этнической истории узбекского народа. С целью представить тюркский этнос в качестве основателей одного из центров мировой цивилизации, автор свои «научные» фантазии стремится обосновать предвзятым отношением к различным книгам и источникам. Абсолютное большинство приведённых в книге сведений научно не обоснованы, написаны под влиянием эмоций, даже предпринята попытка представить тюркский пласт этногенеза узбеков в качестве очага мировой цивилизации[2].

---

[1] По поводу этой книги были даны отрицательные отзывы Института истории АН Республики Узбекистан, но, несмотря на это, в 2012–2013 годах книга вновь переиздавалась и продавалась в книжных магазинах. Поэтому автор этих строк в 2013 году был вынужден опубликовать специальную брошюру под названием «Бир китоб ҳақида минг эътироз» («Тысяча возражений против одной книги»).

[2] *Асқаров А.* Бир китоб ҳақида минг эътироз. – Т., 2013. С. 92.

Прежде всего следует сказать, что название книги «Ўзбеклар шажараси (Этник тарихга холис назар)» («Родословная узбеков (Беспристрастный взгляд на этническую историю)» не соответствует содержанию по той причине, что только через родословную невозможно осветить этногенез и этническую историю целого народа. В аннотации книги представлены лженаучные гипотезы автора, не соответствующие исторической действительности, которые неприемлемы даже для дилетантов от истории. В частности он пишет, что исконными предками узбеков являются только скифы; узбекский народ проживает на территории современного Узбекистана в оседлом и полуоседлом состоянии ещё со времён зарождения человечества; узбеки в VI–V тысячелетии до н. э., переселившись через Иран на Ближний Восток и Переднюю Азию, создали культурные очаги; во II–I тысячелетиях до н. э. между Сырдарьёй и Амударьёй, то есть на территории современного Узбекистана, существовало государство Скифия. Этим самым автор показывает свою неспособность понимать даже простые вопросы истории человечества и своими вымышленными рассуждениями вводит в заблуждение читателя.

«Проведённые нами исследования, – пишет У. Носиров, – показали, что на территории современного Узбекистана в период со второй половины II тысячелетия до н. э. до VII века до н. э. существовало могучее государство Скифия. Предки узбеков – тюрки, выходцы из междуречья Амударьи и Сырдарьи вVI–V тысячелетиях до н. э. прошли через Иран в Месопотамию, осушили там болота и засеяли эти земли»[1].

Интересно, из каких научных (археологических или древних письменных) источников автор почерпнул сведения об исходе в VI тысячелетии до н. э. в Месопотамию тюркских племён кангли, кангар, суврон и других? Также на основе какой научной литературы автор пришёл к заключению, что на территории современного Узбекистана существовало государство Скифия?

Согласно официальной истории скифы проживали в VII–III веках до н. э. на северном побережье Чёрного моря, то есть по нижнему течению бассейнов рек Днестр, Днепр и Дон, на побережье Азовского моря и Крымском полуострове и представляли конфедерацию племён, занимавшихся в основном скотоводчеством. Как свидетельствуют археологические исследования и греко-римские источники, в VII–IV веках до н.э. на северо-восточном побережье Чёрного моря, Азовского моря и степях Крымского полуострова проживали скифы, и эти земли в греко-римских письменных источниках именуются Скифией[2]. А автор книги «Родословная узбеков» располагает Скифию между двумя среднеазиатскими реками (Амударьёй и Сырдарьёй).

В его представлении семена высокоразвитой культуры были привнесены в древние цивилизации только нашими тюркскими предками. Схожую мысль высказывает и таджикский академик Р. Масов, утверждая, что родина ариев – Таджикистан, и именно арии-таджики дали миру цивилизацию.

---

[1] *Носиров Ў.* Ўзбеклар шажараси. – Т., 2011. С. 9

[2] Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989. С. 33–80.

Прежде чем критиковать историков, автор, как учёный-филолог, должен был разобраться в различиях древневосточного иранского языка и современного персидского языка. Между иранским и ираноязычным населением существует большая разница. Если быть ещё более точным, термин «ираноязычные» вовсе не означает, что они являются населением государства Иран, хотя бы потому, что в Пакистане, Афганистане и Таджикистане тоже проживает большое количество персоязычного населения. Также и узбеки тоже не являются моноэтническим этносом, его полиэтничность давно известна мировому научному сообществу.

«Патриотично» настроенный автор, «разгромив» необоснованными обвинениями академика К. Шониёзова, объявляет «войну» автору этих строк. Он «критикует» положение, по которому одним из основных корней узбекского народа являются согдийцы, бактрийцы и хорезмийцы, отрицая, что узбекский этнос представляет собой народ, сложившийся на основе многовекового смешения тюркского и иранского этнических обществ.

К сожалению, в вопросе этногенеза узбеков У. Носиров, утверждая, что раз язык нашего народа тюркский, значит и его стержневым корнем являются тюрки, а предками тюрков являются скифы, сам не осознаёт факта удаления нашего народа от наследия издревле присущей ему культуры оседлых земледельцев и высокоразвитого многопрофильного ремесленничества. Не разбираясь в подлинной сущности проблемы, он даже не понимает, что даёт пищу нашим идеологическим врагам.

В настоящее время к вопросу этногенеза и этнической истории следует подходить объективно, исходя из интересов многонационального Узбекистана. В этом очень хрупком вопросе каждый учёный или автор обязан чувствовать ответственность за каждое сказанное слово. Иначе, если вводить в заблуждение простых людей, это может стать причиной национальной розни и вражды. Возможно, У. Носиров попытался в этой области совершить какие-то нововведения, но эти его размышления далеки от исторической истины и основаны на эмоциональном восприятии истории. В целом, данная работа о происхождении нашего народа написана на основе ложных, противоречащих науке взглядов и представлять его широкому кругу читателей нецелесообразно. Такого рода «произведения» льют воду на мельницу некоторых наших идеологических противников, действующих в соседних государствах.

В последние годы к вопросу этногенеза и этнической истории узбеков стали обращаться и издавать свои произведения и статьи писатели, поэты, журналисты. В их работах основное место занимает присущее филологам-лингвистам толкование художественного вымысла в качестве исторической действительности. В частности, автор нескольких художественных статей Анвар Шукуров опубликовал противоречащую официальной истории брошюру под названием «О происхождении термина «узбек»[1], в которой автор пытается дать методологическое направление специалистам-историкам. В III разделе своей работы под рубрикой «Когда появился термин «узбек» он излагает взгляды учёных-востоковедов и критикует их: «Если бы они детально изучили традиции, менталитет, характер и язык

[1] *Шукуров А.* «Ўзбек» атамасининг келиб чиқиши ҳақида. – издательство «Насаф», 2010.

народа, то смогли бы раскрыть тайну, скрывающуюся под этим термином»[1]. «К сожалению, – продолжает он, – на деле непосредственно связанные с термином «узбек» первичные источники оставались в стороне, что привело к фальсифицированию истории».

По утверждению Анвара Шукурова, в работе античного автора Диодора «Историческая библиотека» приводятся следующие слова: «Предком тюрков был покоритель мира Огузхан»[2]. Он пишет, что по свидетельству Диодора две тысячи лет тому назад вождём скифов был Огузхан, и этот исторический факт нашёл отражение в произведениях «Тўрт улус тарихи» («История четырёх улусов») Мирзо Улугбека и «Шажараи турк» («Родословная тюрков») Абулгази Баходирхана. «В давние времена, – говорит автор, – завоевавшим Индию, Китай, Иран, Сирию, Египет и земли до Русского моря и самым известным среди тюркских правителей был покоритель мира Огузхан».

Далее А. Шукуров пишет: «Древнее греческое название реки Амударьи – Окс, на самом деле фонетический вариант тюркского названия Окуз». «Древность термина Огуз, исторические корни происхождения названий рек и областей от имени Огузхана и его внуков выглядит логически верным. Например, термин Сурхан, колодец Сурхи в Каракульском районе Бухарской области, Хорасан в Иране названы в честь внуков Огузхана, наименование реки Итиль в России в честь Атиллы и другие»[3]. «Слово «Огуз» в арабских и персидских источниках трансформировалось в «гуз», корень «уз» в слове «узбек» произошло от слова «угуз», также является исторической истиной, что от древних слов угуз+берк, угуз+бука, бек произошло слово УЗБЕК»[4]. Автор также отмечает: «Слово «узбек» – сокращённый вариант от слова Огузбек… в среде огузской аристократии имя «узбек» встречается в начале XIII века, за 60 лет до золотоордынского хана Узбека в Азербайджане жил правитель по имени Узбек, даже в книге арабского историка XI века Усома ибн Мункиза «Китоб ал эътибор» («Книга назиданий») упоминается правитель Мавсила по имени Узбек»[5].

Упоминая о временах Великого потопа, А. Шукуров пишет, что вместе с пророком Ноем в его лодке находился и его сын Яфис, от сына последнего Тура или Турка и начинается история. Спустя 270–300 лет после Потопа правитель огузов отважный Огузхан распространил в мире влияние тюрков. На самом деле, по научным данным, Потоп произошёл примерно 40 тысяч лет тому назад. В те времена ни племени огуз, ни Огузхана не могло быть. По данным Мирзо Улугбека и Абулгази Баходирхана, Огузхан был девятым или десятым коленом Яфиса. Если провести сравнительный анализ дат, приводимых А. Шукуровым, с официальной

[1] *Т Шукуров А.* «Ўзбек» атамасининг келиб чиқиши ҳақида. – издательство «Насаф», 2010. С.11–13.

[2] Там же. С. 11.

[3] Там же. С. 10–23.

[4] Там же. С. 31–33.

[5] *Шукуров А.* «Ўзбек» атамасининг келиб чиқиши ҳақида. – издательство «Насаф», 2010. С. 32; *Алиев А., Содиқов Қ.* Ўзбек адабий тили тарихидан. – Т.: Ўзбекистон, 1994. С. 42; *Зиётов З.* Турон кавмлари. – Т., 2008. С. 189.

археологией, получается, что Огузхан проживал 39 700 лет тому назад. Но сам автор пишет, что Огузхан жил во II веке до н.э[1]. Как видно из этого, между научной археологической периодизацией и взглядами А. Шукурова нет логической связи.[2]

А. Шукуров причисляет чингизидов к тюркам и задаётся вопросом к специалистам-историкам: «А не пришло ли время признать, что монголы являются нашими предками».

Автор в своей очередной книге «Нур устига нур ёғсин» («Пусть будет много света») ставит перед собой задачу определить время, когда предки узбеков стали проживать оседло. Но и этот вопрос не нашел в этой книге своего научного обоснования. Автор ограничивается выводом, что такие названия, как «кент», «тепа», «курган», «кала» свидетельствует об оседлой жизни, о наличии городов.

«Недавно я прочитал одно из стихотворений Мухаммада Юсуфа, – пишет автор. – Он пишет о том, что нужно знать, чтобы понять название «узбек». Было бы хорошо, если бы и наши учёные могли бы давать научное обоснование таких больших идей»[3]. Видимо, наш критически настроенный «историк» не имеет представления о том, что происходит в мире исторической науки. В годы независимости на основе идей Президента И.А. Каримова, изложенных в произведении «Без исторической памяти нет будущего», проведен ряд исследований и достигнуты определённые успехи, но наш писатель-драматург об этом не осведомлён.

Историкам очень хорошо известно, что скифо-саки считаются одним из ветвей наших предков. Скифо-саки составляли объединение сотен, тысяч скотоводческих племён и родов. Они описываются в истории в качестве кочевого скотоводческого народа. Этнические группы этой народности, проживавшие на территории Средней Азии, иранизировались в ираноязычной среде этого региона и на этом языке была создана «Авеста». Поэтому в официальной истории утвердилось мнение, что саки являются ираноязычным народом. На основе оседлой части среднеазиатских саков сформировалось коренное население Средней Азии, известное под этническими названиями согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев. Значит, и они трактовались в качестве ираноязычного народа.

Предки кочевых скифо-саков, проживавших в степях Евразии, отличались от них по своей принадлежности к тюркским родам. Соответствующие сведения об этом представлены в работе «История скифов» учёного-историка Андрея Лизлова, который доказал принадлежность скифов к тюркам[4]. До середины XIX века многие русские историки не подвергали сомнению тюркское происхождение скифов. Венгерский учёный Геза Куун в своём произведении «Кодекс куманикус» («Словарь кипчакских языков»)[5], турецкий учёный Хасан Ато Абуший в работе «История

---

[1] *Шукуров А.* «Ўзбек» атамасининг келиб чикиши ҳакида. – издательство «Насаф», 2010. С. 9.

[2] О происхождении термина «узбек» есть научно обоснованные взгляды академика Б. Ахмедова.

[3] *Шукуров А.* «Т» товушининг товланиши. - Т., 1992. С. 7.

[4] *Лизлов А.* История скифов. – 1787. Переиздано: М., 1990.

[5] *Геза Куун.* Кодекс куманикус, 1881. Кипчакские языки: куманский и армяно-кипчакский. – Алма-Ата: Наука, 1987.

тюркских народов» также дают обоснование тюркского происхождения скифов[1]. Однако К. Цейс в 1837 году относит скифов к ираноязычным племенам[2]. В 60-х годах XIX века К. Мюлленхофф также поддерживает версию, что скифы и сарматы являлись ираноязычными племенами[3]. Начиная с этого времени эта идея становится доминирующей среди учёных европоцентристских взглядов, а спустя некоторое время и в советской историографии.

Но и башкирский историк Заки Валиди Туган в своё время относил скифов к тюркскому этносу[4]. В советской официальной исторической науке казахский антрополог А.С. Амонжолов, писатель О. Сулейменов, кавказоведы И.М. Мизиев и К.Т. Лайпанов на основе анализа лингвистических, археологических и антропологических материалов пытались обосновать, что в своей основе скифо-сарматские и аланские племена были тюркоязычными[5]. Однако за свои взгляды, противоречащие концепции советской официальной историографии, они были подвергнуты критике.

Вместе с тем, если историю происхождения узбекского народа связывать исключительно со скифо-сакскими племенами, это может привести к отрицанию сложных этногенетических процессов, протекавших в истории. Современные узбеки являются новым этносом, сформировавшимся в основном в процессе многовекового экономического, общественного, политического и этнокультурного развития и смешения этнических обществ, говоривших на двух языках.

В процессе смешения, слияния этих различных этнических групп принимали участие не только огузы, но и карлуки, чигили, аргуны, кипчаки, а также десятки и сотни других тюркских племён. А в представлении А. Шукурова узбеки сформировались только из скифов, саков и огузов.

Автор этих строк отмечает, что среднеазиатские саки в действительности являются авестийскими турами, обитавшими в эпоху бронзы на широких просторах Арьянам Вайчах, (т.е. в степях Евразии), значительная группа которых в целях поиска новых пастбищ для скота в середине II тыс. до н э. проникли в Среднюю Азию из степей Евразии. Сопоставительное изучение материальной культуры этих племен с данными древнекитайских письменных источников о родо-племенных скотоводах тиек, ди, ху, хули показало, что авестийские туры – это и есть прототюркские племена Андроновской и Срубной культур, пришедшие в Среднюю Азию из степей Евразии в середине II тысячелетия до н.э., что связыва-

---

[1] *Габаши Х.Г.* История тюркских народов. 1909. С. 54; Издание на узбекском языке: Ҳасан Ато Абуший. Турк кавмлари тарихи. – Т.: Чўлпон, 1993.

[2] *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Древнейшие источники по истории народов СССР. – М.: Наука, 1982. С. 47, 55.

[3] *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Древнейшие источники по истории народов СССР. – М.: Наука, 1982. С. 53; *Шукуров А.* «Т» товушининг товланиши. – Т., 2012. С. 22.

[4] *Ахмад Заки Валиди Туган.* История тюрков и татар. – Казань, 1912.

[5] *Амонжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. – Алматы, 2003; *Мизиев И.М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. – Нальчик, 1986. С. 35–56, 123–138; *Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. – Черкезск, 1993. С. 45–86.

ется в исторической науке с миграцией ариев на юг[1]. Первоначально иранизируются те саки, т.е. туры, которые попали в местную ираноязычную среду, но большая часть прототюркских этнических групп проживают среди них «островками», сохраняя на протяжении ещё многих веков свой язык. Нашествию воинственных народов евразийских степей – прототюркских племён не будет видно конца, напротив, этот процесс будет всё более усиливаться. Распространение этих племён получает широкий размах особенно в среднем течении бассейна реки Амударья, на севере Средней Азии, в результате чего в этом регионе постепенно происходит переход части прототюрков к оседлому образу жизни и ко времени античного периода на этой земле формируется очаг своеобразной культуры – Каунчинская культура, а тюркский язык для населения этого региона становится языком повседневного общения. Эта версия в современной официальной истории является исторической действительностью.

В настоящее время перед историками, археологами, этнологами и лингвистами стоит важная задача научного, объективного освещения вопросов, связанных с тем, что предки узбекского народа были обладателями высокоразвитой оседлой культуры, показать их вклад в мировую цивилизацию и, не предаваясь эмоциям, раскрыть процессы формирования тюркоязычного узбекского народа.

В высших учебных заведениях республики также наблюдается повышение интереса к проблемам этногенеза и этнической истории узбекского народа, есть немало педагогов, хорошо разбирающихся в сложных этногенетических процессах. Профессор Самаркандского государственного института иностранных языков, доктор филологических наук У. Санакулов в 2010 году опубликовал для студентов научно-методические материалы на тему «Этногенез и этнические пласты узбекского народа и его языка». Работа написана интересно и к решению многих вопросов автор стремится подойти с научной точки зрения. Подготовка для студентов такого рода научно-методических работ достойна похвалы. Вопросы, затрагиваемые автором, весьма сложные и в определённой мере спорные, поэтому мы решили вкратце на них остановиться.

У. Санакулов высказал ряд положительных мнений по поводу учебного пособия для студентов общественно-гуманитарных факультетов высших учебных заведений, подготовленного автором этих строк. Вместе с этим У. Санакулов описывает и своё видение некоторых вопросов. «Например, – пишет он, – К. Шониёзов и А. Аскаров пришли к выводу, что происхождение узбекского народа имеет два исторических корня: первый из них – местные ираноязычные согдийские, хорезмийские, бактрийские и сако-массагетские племена, а второй связан с тюркскими племенами, издавна проживающими на этой земле, и на основе их многовекового смешения зародился новый этнос – узбекский народ». По мнению У. Санакулова, если подойти к вопросу глубже, существует три источника происхождения узбекского народа: первый источник – коренные, местные, проживавшие с древних

---

[1] *Асқаров А.* Орийлар муаммоси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. – Т., 2005. С. 69–80.

времён тюрки (карлуки-чигили-уйгуры); второй – кочевые племена (огуз-кипчаки). А третьим источником, оказавшим влияние на формирование узбекского народа, следует считать смешанный компонент древних ираноязычных племён согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев[1]. Вместе с тем У. Санакулов считает, что ираноязычный компонент в составе узбекского народа не может рассматриваться как один из основных источников в формировании узбекского народа[2]. На наш взгляд, автор, не являясь узким специалистом в этой области, в своём стремлении разобраться в сущности этногенетических процессов в формировании узбекского народа в какой-то мере поддаётся эмоциям. Это во-первых. Во-вторых, карлуки-чигили-уйгуры в древние времена не составляли оседлое тюркское этническое общество. И поэтому автор, считая их оседлыми, приходит к ошибочным выводам. В-третьих, более верным является утверждение, что огузы раньше карлуков перешли к оседлому образу жизни.

Древние согдийцы и другие ираноязычные племена Средней Азии с давних времён во всех отношениях (кроме языка) родственны тюркам. Они совместно располагались в южных и центральных областях Средней Азии и говорили на двух языках. Такое состояние нашло своё чёткое отражение в материальной культуре и письменных источниках.

И, наконец, теоретические и научно-методологические ошибки автора кроются в том, что он поддался влиянию околонаучных взглядов о «моноэтническом характере происхождения узбекского народа».

У. Санакулов также пишет, что коренное население, проживавшее на территории современного Узбекистана, в том числе саки, хорезмийцы и согдийцы в действительности были тюрками. В научных исследованиях отмечено, что в более позднее время часть из них стали полностью считаться персидской, а другая часть тюркской народностью[3].

На 52-й странице своей книги У. Санакулов приводит следующие выражения писателя Тахира Каххара: «Шумеры родом из Туркестана... оазиса Тянь-Шаня»; приводя слова турецкого ученого Ф. Бузкурта о том, что «древние шумерские и аккадские языки входят в уральско-алтайскую языковую группу», «Слово «Алтай» на тюркско-монгольском языке означает «золото», а слово «Сибирь», то есть «сабир» означает «открытый, бескрайний», также приводя слова венгерского тюрколога Ю. Немета о том, что «сабиры – это и есть тюрки, но сам к этим высказываниям не выражает своего отношения.

На 63-й странице книги У. Санакулов пишет, что «У Алп Эр Тунга (Афросиаба) было царство Бузкир (род Волка), которое как сильная держава соперничало с государством Кайхусрова»; на 122–123-х страницах – «название «узбек» произошло от названия племени «уз», а племя «уз» известно с начала нашей эры».

---

[1] *Санакулов У.* Ўзбек халқи ва тилининг этногенези ҳамда этник қатламлари. – Самарқанд, 2010. С. 10.

[2] Там же. С. 11.

[3] Там же.

Такие сказочные предания, легенды, требующие доказательства, встречаются в каждой главе этой книги.

У. Санакулов на 35-й странице книги говорит: «Хорезмийцы были одним из древнейших и могущественных племён Центральной Азии. Как отмечается в исторических источниках, эти племена проживали в IX–VIII веках до н.э. Об этом свидетельствуют находки Амирабадской культуры на территории Хорезма»[1]. Анализ исторических источников показывает, что когда речь идёт о хорезмийцах, под ними следует понимать хорасмийцев, прибывших на территорию бассейна нижнего течения Амударьи из Херирудско-Тедженаской долины в VI веке до н.э., к которым относятся такие памятники, как Кузаликир, Хазарасп, Хумбузтепа. До них в этих краях проживали скотоводческие племена сако-массагетов и именно им принадлежала Амирабадская культура, носители которой проживали в лачугах полуземляночного типа. Они не строили как хорасмийцы монументальных крепостей. Сако-массагеты в своём развитии отставали от обладателей высокой цивилизационной культуры хорасмийцев, пришедших сюда в VI веке до н.э.

Выше описывались события 1292 года до н.э. со ссылкой на произведение Абу Райхана Беруни «Памятники минувших поколений». На самом деле Беруни ведет речь не о раннем освоении Хорезма, как пишет У. Санакулов, а о создании первого «тюркского царства». Эти сведения, заимствованные Беруни из устных народных преданий, нашли своё подтверждение в археологических материалах.

Вопросы происхождения узбекского народа до такой степени интересны и притягательны, что многие представители узбекской интеллигенции черпают сведения из литературы как научного, так и мифического содержания и, принимая их на веру, стремятся излагать свои взгляды без критического подхода к ним. Интернет в этом отношении представляет им широкие возможности! Теперь каждый может публиковать на сайтах Интернета свои материалы как научного характера, так и всякие небылицы, иногда представляющие причудливую смесь научных фактов с откровенным вымыслом.

В последние годы на страницах Интернета в ранге «своеобразного теоретика» по проблемам происхождения узбекского народа выступает строитель по специальности, доктор экономических наук Рустам Абдуллаев. Как видно из его статей, Рустамджон в известной мере знаком с историческими произведениями, но как «учёный-исследователь» слишком предаётся национальным чувствам. На страницах Интернета он опубликовал 8 статей, посвящённых узбекам.

В одной из этих статей («Узбекистан: испытания, угрозы, проблемы и решения») он вступает в полемику по вопросу этнической принадлежности Алишера Навои с турецким учёным Темирходжа-оглы и узбекским журналистом Хуршидом Давроном, утверждавшими, что «Навои не является узбекским поэтом, потому что исторический Туркестан стал Узбекистаном в 1924 году. Навои – тюркский

---

[1] *Санакулов У.* Ўзбек халқи ва тилининг этногенези ҳамда этник катламлари. – Самарқанд, 2010. С. 35.

поэт, и эта ошибка со временем будет исправлена». Он критикует такие пророчества, однако и в его взглядах отсутствуют системность, хронологическая последовательность, объективная оценка исторических процессов и беспристрастность в анализе литературы и источников. Так, в своих двух статьях под названием «Узбекистан: испытания, угрозы, проблемы и решения» Р. Абдуллаев пишет, что старший сын Чингизхана Джучи по происхождению тюрк, его мать Бурте из рода кунгратов, а отец Чилгир Боко-баходыр – из рода тюрков-меркитов. Когда Темучин (Чингизхан) взял Бурте в жёны, по дороге к нему она рожает ребенка, которого называет Джучи. «На самом деле его зовут Йулчи, так как он родился в пути». «Когда к власти пришёл один из потомков Джучи (Йулчи) – Узбекхан, его улус в честь него был назван улусом Узбека, Узбекистаном. Ещё во времена правления деда Узбекхана Мангу Тимура (1251–1259) улус Джучи окончательно отделился от Монгольской империи и обрёл независимость, а Узбекхан всячески укреплял эту независимость», – пишет Р. Абдуллаев. Далее он делает следующие откровения: «Современное узбекское государство своими историческими корнями уходит во времена Узбекхана»; «основателем узбекской нации и первого национального узбекского государства является потомок Джучихана принц Абулхайр (1412–1468), …который 40 лет правил централизованным узбекским национальным государством – узбекским ханством, или Узбекистаном»; «узбеки в качестве отдельной нации появились на историической арене в 1428 году»; «узбекская нация сформировалась из объединения 92 тюркских племён»; «узбеки – аристократия среди тюркских народов, а сарты – предприниматели Центральной Азии». «Это моя новая теория! Пусть историки занимаются исследованиями в этом направлении», – советует Р. Абдуллаев.

Рустам Абдуллаев в своей статье говоря, что «узбеки – аристократия среди тюркских народов, а сарты – предприниматели Центральной Азии», пытается доказать, что в XVI веке Узбекское государство сложилось на основе добровольного объединения военной аристократии – беков, а сартами якобы являются тюркские купцы-предприниматели Центральной Азии. Вместе с этим он силится «аргументировать» этническую близость узбеков и русских. Согласно опирающейся на предания «теории» автора, в крови русских и даже индусов течёт тюркская кровь, и спасшийся от Потопа пророк Ной пристал не к горе Арарат, а к горам Алтая. «Европейцы произошли от Тура или Тюрка, сына Яфаса, внука Ноя, аристократией Тюрка были узбеки», – делится своей гипотезой Р. Абдуллаев. В этом вопросе он опирается на произведения таких проперсидских историков, как Рашидиддин и Фазлуллох, написанных на основе религиозных преданий.

Автор, всецело доверяясь преданиям и легендам, без какой бы то ни было научной подоплёки, приходит к следующим выводам: «Монголы по своему происхождению являются тюрками», «Государственным языком Золотой Орды во времена Узбекхана был староузбекский язык». Выставляя себя «знатоком» истории узбекского народа, Р. Абдуллаев говорит: «некоторые полуграмотные историки абсолютно бездоказательно утверждают, что население Монголии

составляют отюреченные монголы». По его мнению, племена кунграт и ойрат по своему этническому происхождению относятся не к монголам, а к тюркам. Продолжая поучать историков, автор пишет, что «большая часть русских князей и дворян по своему происхождению, историческим корням были тюрками. В этническом отношении они все связаны с могущественным тюркским племенем кунгратов. Касаясь этого вопроса, Л. Гумилёв в своей работе «Древняя Русь и Великая степь» пишет, что «Тимур был барласом, Эдигей – кунгратом, о чём они всегда помнили». А профессор С.Я. Баскаков вполне обоснованно утверждает, что «русский царь Борис Годунов, княжеские рода Юсуповых, Голицыных, Нарышкиных, Ростопчиных, Глинских, Романовых, представители православного духовенства Пётр Ордынский, Пётр I, Соломония Сабурова, Елена Глинская, Ирина Годунова, царевна Марфа Апраксина по своему происхождению являются тюрками, и по причине того, что аристократию тюрков составляли узбеки, они тоже считаются узбеками».

Кроме этого, Р. Абдуллаев к узбекам причисляет и молодую супругу Алексея Михайловича Романова Наталью Нарышкину. Даже русский император Пётр I, якобы по материнской линии являющийся узбеком, тоже относится к узбекам. «В ряды узбеков можно причислить таких выдающихся представителей науки, великих учёных как Д. Менделеев, И. Мечников, И. Павлов, В. Мичурин, К. Тимирязев, С. Радищев, Д. Кантемиров и основателя русского языка Карамзина, а из русских писателей Гоголя, Достоевского, Тургенева, Державина, Горького, Аксакова, Чаадаева, Ахматову и Булгакова», – продолжает автор. По его утверждению, «такие знаменитые представители русского искусства: балерины Павлова, Г. Уланова и Спесивцева; артисты М. Ермолова и Каратыгин; художник Шишкин; композиторы Скрябин и Танеев тоже родом из узбеков. А Кузьма Минин до крещения носил узбекскую фамилию Миннибоев. Воевода князь Юрий Мещерский, и боярин Андрей Черкизов,..... соратники Петра I генерал-адмирал Ф. Апраксин и фельдмаршал С. Апраксин тоже имеют узбекское происхождение». И это ещё не всё. Р. Абдуллаев пришёл к выводу, что М. Кутузов, Д. Ушаков и В. Тухачевский по происхождению также являются узбеками.

В действительности, в мире нет ни одного народа или нации, чей этнический состав был бы моногенным. Поэтому наличие этнических связей в средние века между узбеками Дашти-Кипчака и жителями Южной Руси провомерно. Но эти связи не имели и не повлияли на формирование русской нации. Поэтому выводы, основанные на утверждении, что этнические корни русских связаны с тюрками и наличие этнических связей между узбеками и русскими даёт право говорить о последних как об узбеках, весьма ошибочны. Также далеки от исторической истины представления Р. Абдуллаева об арийцах, узбекском народе и происхождении его государственности.

В последние годы был издан ряд фундаментальных научных монографий и исторических очерков, посвящённых этногенезу, этнической истории и этнографии узбекского народа. К числу этих фундаментальных исследований можно отнести крупное монографическое произведение «Узбеки», совместный труд уз-

бекских и российских этнографов, которое вышло в свет в Москве в 2011 году, а также работу С.Н. Абашина «Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты» (М., 2001). Профессор И. Джаббаров в 2007 году в Ташкенте на русском языке опубликовал исторический очерк «Узбеки: этнокультурные традиции, быт, и образ жизни» и в 2008 году на узбекском языке «Узбеки (традиционное хозяйство, образ жизни и этнокультура)»[1].

Эти произведения посвящены этнографии. Исторические очерки И. Джаббарова на деле составляют цельное произведение, в котором свои представления о происхождении узбекского народа он излагает в свободной форме, без соответствующих ссылок на источники и научную литературу. В результате автор допускает ряд серьёзных ошибок в вопросах этногенеза и этнической истории узбекского народа. Основные главы работы посвящены этнокультурным традициям, быту и обычаям жителей Хорезмского оазиса, а также освещению народного кустарного промысла, социальных отношений, обрядов и обычаев ремесленников. В этом плане работа И. Джаббарова в какой-то мере приобретает характер научного очерка.

Произведение авторского коллектива «Узбеки» является результатом творческой деятельности представителей узбекской этнографии и состоит из историко-этнографической характеристики и описания хозяйства и быта узбекского народа. В работе коллективом узбекских этнографов обобщены итоги многолетних полевых исследований, этносоциологических изысканий, анализа большого количества исторических источников и научной литературы. Коллектив авторов освещает этнический облик узбекского народа, историю его формирования, а также рассказывает о богатом многовековом опыте, накопленном в таких традиционных отраслях народного хозяйства, как земледелие, скотоводчество и многопрофильное ремесленничество. В этой работе авторы постарались раскрыть характерные особенности материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта, народные празднества, игры и забавы, гуляния и увеселительные представления, повседневную жизнь узбекского народа. Вместе с тем в этом фундаментальном монографическом исследовании в обобщённой форме излагается этногенез и этническая история узбеков.

Проблемы этногенеза и этнической истории раскрыты во введении исследования профессором З.Х. Арифхановой. Введение написано в духе теории национального автохтонизма и на основе взглядов этнографа К. Шониёзова. В работе привлекает внимание «нововведение», со ссылкой на взгляды Л.В. Ошанина, смысл которого заключается в том, что присущий узбекскому народу «тип среднеазиатского междуречья» начал формироваться в Мавераннахре и близлежащей к нему территории со времён эпохи бронзы. Антрополог Т.К. Ходжайлов считает, что этот тип впервые сформировался в античный период в бассейне среднего течения Сырдарьи. Т.К. Ходжайов свои выводы научно доказал на основе анализа

[1] *Джаббаров И.* Дж. Узбеки: этнокультурные традиции, быт, и образ жизни. – Т., 2007; Он же. Ўзбеклар (анъанавий хўжалиги, турмуш тарзи ва этномаданияти). – Т.: Шарк, 2008.

большого объёма антропологических серий[1]. Ареал распространения этого типа в настоящее время занимает основную часть территории Республики Узбекистан.

Профессор З.Х. Арифханова во введении делает следующие выводы: «Тюркский народ сформировался в пределах Западно-Караханидского государства, он составляет этническую основу современных узбеков»... «Язык – один из основных критериев в определении этнической принадлежности. Учёные отмечают непосредственную связь языка узбекского народа с западнокарлукским диалектом тюркских языков. Его формирование завершилось в первой половине X века»[2]. К сожалению, некоторые мысли выражены не совсем чётко и требуют уточнения. О каком языке ведётся речь в тексте – общетюркском или староузбекском? Если речь идёт о тюрках Мавераннахра в составе Западно-Караханидского государства, то в указанные века староузбекский язык ещё не отделился из общетюркского языка в качестве языка узбекского этноса. В первой половине X века в Мавераннахре ещё не сложился староузбекский говор, непосредственно присущий предкам узбекского этноса. Значит, если считать, что формирование узбекского народа и его языка взаимосвязаны, то этот процесс происходил в течение второй половины XI – XII веке. В статье в описании событий до XVI века термины «узбек», «узбекский» не используются, а применяются термины только «тюрк», «тюркский». Вернее, в статье термин «узбекский народ» вообще не встречается вплоть до образования Узбекской ССР в 1924 году.

С.Н. Абашин является одним из учёных, пропагандирующих конструктивистские идеи Запада в современной российской этнологии и пишущих в духе конструктивизма. Его книга «Ферганская долина: этничность, этнические процессы и этнические конфликты» посвящена изучению полиэтнического состояния Ферганской долины. В своей работе он пишет, что большая часть населения долины по своему происхождению являются ираноязычными сартами, которые стали называться узбеками в результате политики советской власти[3]. Под узбеками он понимает прослойку осевших в долине узбеков Дашти-Кипчака. В своей работе он уделяет внимание исследованию внутренних противоречий между этими узбеками и узбеками, называемыми сартами, а также формам проявления этих конфликтов. С.Н. Абашин выдвигает идею о необходимости проведения исследований в современной этнологии в этом направлении, изучения его социально-экономических, политических сторон, призывает изучать этносы именно в полиэтническом аспекте.

В научном сборнике «Инновации в предмете «История Узбекистана» как отрасли науки» была напечатана статья А. Сагдуллаева «Проблема инноваций в учебном процессе (на примере изучения этногенеза и этнической истории)», в которой он подвергает критике учебное пособие автора этих строк «Этногенез и

---

[1] *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. – Т., 1980; Он же. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Рукопись докторской диссертации. – М., 1981. С. 19, 37.

[2] *Арифханова З.Х.* Введение к книге «Узбеки» – М., 2011. С. 7–8.

[3] *Абашин С.Н.* Ферганская долина: этничность, этнические процессы и этнические конфликты. – М.: Наука, 2011.

этническая история узбекского народа». А. Сагдуллаев, напоминая в своей статье об общепринятых требованиях, предъявляемых традиционной наукой, привлекает внимание к усилению нежелательной тенденции вольного включения в учебные пособия и учебники, по его представлениям, не апробированных в науке взглядов и концепций. К числу таких работ он относит и учебное пособие А. Аскарова «Этногенез и этническая история узбекского народа»[1].

Автор статьи в какой-то мере прав, потому что начальная точка этногенеза узбекского народа, включённая в учебное пособие, была отнесена к эпохе бронзы и входила в противоречие с существующими взглядами. Но эта точка зрения впервые была изложена мною в 1996 году в журнале «Общественные науки в Узбекистане»[2]. Затем она получила дальнейшее развитие в ряде статей, написанных на основе глубокого научного анализа, богатых археологических материалов и опубликованных мною в 2002 году и в более поздние годы[3]. С того времени прошло уже почти 20 лет, и эта идея не подвергалась критике и находила своё научное подтверждение[4]. Это во-первых. Во-вторых, автор критической статьи, видимо, забыл рекомендации Первого Президента И.А. Каримова о пересмотре истории нашего народа на основе анализа широкого круга первоисточников местными специалистами. Президент сказал, что мы «не допустим, чтобы господствовала чужая идея в освещении истории нашего государства. Мы должны иметь свое независимое, научно глубоко обоснованное мнение по этому вопросу, то есть о древнем прошлом, об исторических корнях. Это актуальная задача, стоящая перед нашими учеными-историками, научными учреждениями.

Я хочу обратиться к ученым-специалистам, которые трудятся в области истории: создайте правдивую историю нашей нации… Невозможно осознать себя без знания правдивой истории»[5].

За последние 30–40 лет китайские специалисты совместно с японскими учёными достигли больших успехов в изучении истории 24 династий, царствовавших в Древнем Китае. Первые несколько томов этой династической истории связаны с древними тюркскими племенами и народностями Евразии. В китайских энциклопедиях, написанных на основе этих исследований, приведены точные сведения о языке кочевого населения Андроновской культуры, проживавшего в степной зоне Евразии. Памятники носителей Андроновской культуры, относящиеся к эпохе бронзы, обнаружены и исследованы на территории Средней Азии, в частности, в каждой области Узбекистана, десятками и сотнями.

В советской историографии носители этой культуры интерпретировались как ираноязычное население. Однако новые сведения об их языке свидетельствуют,

---

[1] *Сагдуллаев А.С.* Проблема инноваций в учебном процессе (на примере изучения этногенеза и этнической истории). // «Ўзбекистон тарихи фанидаги инновациялар». – Т., 2012. С. 267–268.

[2] *Асқаров А.* Мустақиллик йилларида тарих, археология ва этнология. // ЎзИФ, № VI. – Т., 1996. С. 71.

[3] *Асқаров А.* Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари. // «Ўзбекистон тарихи», № IV. – Т., 2002. С. 55.

[4] *Санакулов У.* Ўзбек халқи ва тилининг этногенези хамда этник қатламлари. – Самарқанд, 2010.

[5] *Каримов И.А.* Без исторической памяти нет будущего. – Т., 1998. С.

что скотоводческое население евразийских степей, а также среднеазиатские скотоводы эпохи бронзы, относящиеся к Андроновскому этнокультурному слою, говорили на прототюркском языке. В результате пересмотра ранее добытых источников, как археологических, так и антропологических, а также их локализации с древнекитайскими письменными памятниками был сделан вывод о том, что сведения, полученные из первичных источников, дают возможность, в противовес существующим взглядам, изменить датирование начального этапа этногенеза узбекского народа с античного периода на эпоху поздней бронзы.

Нам хорошо известно, что каждое нововведение, привнесённое в науку, и зародившиеся на его основе новые взгляды, в особенности в области общественно-гуманитарных наук, до своего признания большинством будут встречать противодействие и возражения. Поэтому естественно, что предложенный нами вопрос о начале этногенеза узбекского народа будет встречен с некоторым сомнением со стороны учёных, находящихся под влиянием европоцентристских взглядов.

На основе критического анализа литературы о происхождении узбекского народа можно сделать следующие заключительные выводы:

1. Этногенез и этническая история является одним из главных вопросов исторической науки. Без изучения истории происхождения того или иного народа невозможно приступить к исследованию истории его экономического развития, хозяйственной деятельности, культуры, государственности, политической и духовной жизни. В мире науки выработана научная методология их изучения, своеобразные принципы в подходах к решению той или иной проблемы. Решение проблемных вопросов требует от исследователя беспристрастности, объективного подхода к комплексному анализу материалов и глубокого научного мышления. Не менее важными требованиями, предъявляемыми к исследователю, является наличие научного опыта, знаний, умение учитывать этнополитическую обстановку в регионе, не поддаваться национальным эмоциям в оценке того или иного вопроса. Независимо от наличия некоторых отрицательных положений в историографии советского времени, произведения, написанные в духе национального автохтонизма, носили научный фундаментальный характер.

2. В последние годы в связи с повышением интереса к своему прошлому, истории, усилился псевдонаучный подход в изучении региональной истории нации и ее культурного наследия. В результате по проблемам, посвящённым формированию этноса, стали издаваться работы, далёкие от научного профессионализма. Стали обычным делом публикации в частных издательствах работ, в которых отсутствие научной беспристрастности, объективного подхода привело к усилению национальных эмоций, противоречащих исторической действительности.

3. Без творческой свободы невозможно представить развитие науки. Каждое научное исследование обязано служить предотвращению национальных распрей, обеспечению мира и стабильности в повседневной жизни. Именно это составляет теоретическую и методологическую основу общественно-гуманитарного направления академической науки. Изложение той или иной сложной проблемы без уяснения ее сущностного значения может привести к негативным последствиям, касающимся чести и национального достоинства.

Глава III
ВОПРОСЫ НОВОГО ПОДХОДА К ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Процессы формирования узбекского народа и нации, являющиеся составной частью его многовековой истории, теперь настоятельно требуют по-новому освещать иторию народов Средней Азии. Существующий формационный подход перестал отвечать современным требованиям проведения научных исследований, поэтому для освещения проблем формирования узбекского народа на основе хронологической последовательности, принципов исторической системности и объективности появилась потребность в разработке нового подхода к периодизации истории народов Средней Азии.

Как известно, история человеческого общества уходит корнями в седую древность и очень сложна в изучении. Она вбирает в себя несколько сот тысячелетий. За этот длительный исторический период человечество в своём общественном, экономическом, политическом и этнокультурном развитии прошло несколько исторических этапов и периодов. С 30-х годов XX века археологические исследования в Средней Азии стали проводиться системно. До этого времени, когда ещё не сформировалась практика использования археологических источников в периодизации истории человеческого общества, В.В. Бартольд на основе письменных источников разработал периодизационную систему истории народов Средней Азии. При этом в своей периодизационной системе В.В. Бартольд отмечает, что подлинные исторические процессы до сих пор не находили полного отражения: так, например, существовавшее мнение о том, что признаки, присущие общественной системе первобытнообщинного строя, «сохранялись в неизменном виде на протяжении нескольких веков даже после арабского завоевания», абсолютно не соответствовало истине. На научных конференциях, посвящённых периодизации истории человеческого общества, в особенности, освещению истории народов Средней Азии доарабского периода, особо отмечалась недостаточность письменных источников, необходимость расширения объёма археологических исследований в регионе[1]. Академик В.В. Струве, опираясь на материалы Древнего Востока, выдвинул идею о том, что «в Средней Азии до ислама было рабовладельческое общество»[2]. Однако были высказаны

[1] *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. С. 5.

[2] *Струве В.В.* Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока. // Известия ГАИМК, вып. 77. – М. –Л., 1934; *Толстов С.П.* Основные вопросы древнейшей истории Средней Азии. // ВДИ. – М., 1938.

и некоторые сомнения о несоответствии идеи В.В. Струве древнему периоду народов Средней Азии[1].

В изучении истории народов Средней Азии господствовала также марксистско-ленинская концепция изучения истории развития общества на основе его разделения на 5 общественно-экономических формаций. Научная направленность всех археологических исследований, проводимых в регионе, была обращена на обоснование этой концепции[2].

На научной сессии, посвящённой истории народов Средней Азии и Казахстана досоветского периода (1954 год), были проанализированы достижения и недостатки исследований, проведённых по вопросу периодизации истории народов Средней Азии. На основе разработанных принципов периодизации были созданы книги по истории Узбекистана[3]. Таким образом, вошло в традицию изучение истории человеческого общества на основе разделения на 5 общественно-экономических формаций (первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и социализм)[4].

С распадом СССР и разрушением коммунистической идеологии изучение истории, законов развития общества требует объективного, точного и основанного на первичные источники подхода. Изучение законов развития общества на основе формационного подхода не отвечает современным требованиям хотя бы потому, что рабовладельческое общество в качестве общественно-экономической формации в истории народов Средней Азии в классической форме не имело места. А социалистический строй на деле оказался утопией. Таким образом, можно утверждать, что в условиях Средней Азии имели место три из пяти (первобытнообщинный строй, феодальное общество и начальные этапы капиталистических производственных отношений) общественно-экономических формаций. Советское общество развивалось в форме государственного монополистического капитализма.

В настоящее время изучение истории на основе объективного, беспристрастного анализа первичных источников является велением времени. В последние годы некоторые актуальные проблемы нашей истории стали освещаться с точки зрения новых взглядов, но, вместе с тем, до сих пор ждёт своего решения вопрос периодизации истории Узбекистана с древнейших времён до наших дней. Надо признать, что на некоторых научных конференциях, беседах и дебатах между учёными высказывается мнение о целесообразности применения цивилизационного метода в вопросах периодизации истории. Но до сих пор эта проблема не нашла своего окончательного решения.

---

[1] *Гафуров Б.Г.* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972. С. 187–189; *Зеймаль Е.В.* К периодизации древней истории Средней Азии (середина I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.) – М., 1978. С. 149 – 157.

[2] Материалы пленума, см. в КСИИМК, XXVIII, 1949.

[3] Материалы объединённой сессии, посвящённой истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Т., 1955; История Узбекской ССР. – Т., 1955.

[4] История Узбекской ССР. Том I. – Т., 1967. С. 15, 57, 165.

Известно, что история человечества развивается неравномерно. В истории периодически происходит резкое возвышение, подъём в культурном развитии той или иной страны, региона, которые и составляют историю цивилизаций. История человечества на своём веку пережило 5 крупных цивилизационных подъёмов. Первая цивилизация зародилась в III тысячелетии до н.э. в бассейнах рек Тигр, Евфрат, Нил, Синд и Хуанхэ, которая вошла в историю под названием «Цивилизация Древнего Востока». Ее влияние распространилось в конце III тысячелетия до н.э. на регионы Среднего Востока и в начале II тысячелетия до н. э. на Мавераннахр. В особенности это ощущается при изучении памятников культуры эпохи бронзы II тысячелетия до н.э на территории древних Бактрии и Маргианы – Шуртугай, Даштли, Намазгатепа, Алтынтепа, Келели, Гонур, Туголок, Аучин, Тохирбой-3, Саразм, Сапаллитепа, Джаркутан и др.

Учёные-археологи, исходя из этнокультурных достижений, нашедших отражение в материальной культуре этих памятников, рассматривают их как «Пятый цивилизационный очаг Окса» первичной цивилизации. На основе этой Оксской цивилизации в Средней Азии к периоду раннежелезного века на базе следующих памятников (в Северной Бактрии – Кызылтепа II, Кучуктепа II, Джандавлаттепа, Бандихон I, Гозтепа; Согдиане – Даратепа, Сангиртепа, Узункир, Коктепа II, Афрасиаб I, Лолазор, Кургонча; в Древнем Хорезме – Кузаликир, Калъаликир, Хумбузтепа, Хазарасп) возникли ряд его местных центров. Каждый из них в пределах отдельного микрооазиса первоначально становится городом-государством – главным городом микрооазиса, его столицей. Со временем они превращаются в центры государственности оазиса (Авестийскую занту), затем некоторые из них – в центры историко-культурных областей (Авестийскую дахью). Именно в этих населённых пунктах и селениях близлежащих оазисов зародилось оседлое население региона, говорившее на восточноиранских языках – согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, то есть оседлое население областей бассейна Амударьи.

Начиная с бронзового века (во II тысячелетии до н.э.) в состав этой этнической прослойки из евразийских степей стала вливаться огромная волна скотоводческих племён. В «Авесте» они называются турами, а слой аристократии – ариями (свободные, вольные всадники). В отличие от взглядов европоцентристской теории в древних китайских письменных источниках они описываются как тюркоязычные племена и родовые общины[1].

---

[1] *Дуан Лянчин*. Динглинглар, қанқилар ва туролар. I-жилд. – Урумчи, 1996; Хитой тили катта луғати. III-жилд. С. 2057; *Хўжаев А*. Қадимги хитой манбаларидаги туркий халқларга оид айрим этнонимлар. // «Ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият». – Т., 2003. С. 176–184; *Асқаров А*. Мустақиллик йилларида тарих, археология ва этнология. // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар, № VI. – Т., 1996. С. 71; *Аскаров А*. Об исконной родине расселения древних тюрков. ИМКУ, вып. 32. – Т., 2001. С. 69–72; *Асқаров А*. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик асослари. // «Ўзбекистон тарихи», № IV. – Т., 2002. С. 55; *Асқаров А*. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик масалалари. // «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. – Т., 2004. С. 4-6; *Аскаров А*. Арийская проблема: новые подходы и взгляды. // «История Узбекистана в археологических и письменных источниках». – Т., 2005. С. 81–91.

В наскальных памятниках ахеменидского Ирана туры упоминаются как саки, в греко-римских письменных источниках они описываются как сако-массагеты. А проживающие в северных от них регионах этнические группы названы скифами[1]. Греческий историк Геродот в своей 9-томной «Истории» пишет: «...быт, обычаи саков схожи со скифскими». «Саки же... скифское племя. Персы ведь всех скифов зовут саками»[2]. Массагеты «живут... на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем»[3]. Значит, скифы и есть саки и их исконной родиной были азиатские степи. Их предки-скотоводы, жившие в век бронзы, в Авесте названы турами, которые в середине II тысячелетия до н.э., через Среднюю Азию и Кавказ, вторглись на юге – на территорию Ирана и Северной Индии и на юго-западе – до нижнего течения рек Тигр и Евфрат. Есть сведения, что часть из них дошла до нубийских пустынь в Африке[4].

Результаты археологических исследований показывают, что они начиная с эпохи бронзы в массовом порядке непрерывно вторгаются на территорию Средней Азии. Вначале они располагались по соседству с нашими древними ираноязычными предками (жителями Намазгатепа, Шуртугай, Даштли, Келели, Гонур, Туголок, Аучин, Сапаллитепа, Джаркутан) и состояли в близких общественно-экономических и этнокультурных отношениях. Затем, добившись военно-политического превосходства, как писал великий Абу Райхан Беруни, основали

---

[1] *Геродот.* История в девяти книгах. Перевод Г.А. Стратановского. кн. 1, 5, 6. – 2001. («По рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и самый младший – Колаксай. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему. Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами»). – *Геродот.* История в девяти книгах. Перевод Г.А. Стратановского. *кн.* 4. – Л., 1972. С. 188.

[2] *Геродот.* История в девяти книгах. Перевод Г.А. Стратановского. *Кн.* VII. – 2001. С. 64. (Кн. 4. С. 332–333 – перевод за 1972 год).

[3] *Геродот.* История в девяти книгах. Перевод Г.А. Стратановского. *Кн.* I. 2001. (Кн. 1. С. 75. За 1972.).

[4] В начале 1960-х годов Пиотровский Б.Б. возглавлял советско-нубийскую археологическую экспедицию. В Нубийской пустыне он нашёл много фрагментов керамики, присущей носителям Андроновской культуры. Вместе с моим руководителем М.П. Грязновым мне посчастливилось увидеть их. Эти находки свидетельствуют о том, что в середине II тысячелетия до н.э. несколько групп скотоводческих племён из Евразийских степей – военная кавалерия ариев – дошла до Африки.

«тюркское царство»[1]. В эпоху раннего железа (VII–IV века до н.э.) на основе первоначальной интеграции, смешения, зарождаются местные города-государства, в бассейнах рек складывается государственность. Затем, вследствие их постепенного объединения вокруг городов-государств, появляются региональные центры цивилизации (Бахди, Моури, Гава Сугуда, Нисайя, Харайва, Кангха и другие). Именно в этот период были заложены основы узбекского народа и его ранней государственности. В доахеменидский период в границах Средней Азии образуются такие ранние государственные объединения типа «дахью», как «Древнебактрийское царство», «Большой Хорезм», «Конфедерация сако-массагетов».

Вторая мировая цивилизация зародилась в середине I тысячелетия до н.э. в Греции и Риме. В исторической науке этот период известен под названием «античной цивилизации». Её влияние распространилось в Средней Азии после военных походов Александра Македонского, что привело к формированию «Азиатско-европейской синкретической цивилизации»[2]. Следы этой цивилизации обнаружены в памятниках античного периода: Ойхонум, Кампиртепа, Тахти-Сангин, Старый Термез и Джандавлаттепа, в нижних слоях Халчаян, Дальварзинтепа, а также Зартепа, Хотинрабод, Фаёзтепа, Каратепа, Аккурган, Айртом, Хайрабодтепа – Древней Бактрии; Еркурган, Калъаи Заххоки Морон (31 памятник этого периода в Каршинском оазисе) – Южного Согда; Афрасиаб III, Коктепа III, Рабиджон, Тали-Барзу, Кушонтепа, Кофиркалъа – Центрального Согда; Бухара, Пайкент, Сеталактепа, Ромиштепа, Курган Ромитан, Кызылкир, Нортепа – Западного Согда; Куйкирилганкалъа, Тупраккалъа, Жонбоскалъа, Аёзкалъа, Бозоркалъа, Акчахонкалъа, Туккалъа, Бурликалъа – Древнего Хорезма и в сотнях других.

Найденные в них образцы высокохудожественных произведений искусства, скульптуры и цветной монументальной настенной живописи, древняя письменность и памятники архитектурного строительства – архитектурные комплексы религиозного и светского характера того времени являются огромным вкладом в сокровищницу мировой цивилизации. Круг влияния цивилизации античного периода распространился и на такие области Мавераннахра, как Чач, Уструшана и Древняя Фергана. В результате на территории Средней Азии была создана своеобразная синкретическая материальная и духовная культура.

Очаг третьей цивилизации зародился в Мавераннахре и Хорасане в начале IX–XII веков и под его влиянием возродилась Западная Европа[3]. Общественная и этнокультурная жизнь этого периода подарила мировой науке имена Мухаммада Хорезми, Ахмада Фергани, Абу Насра Фараби, Имама аль-Бухари, Ахмада Югнаки, Абу Иса Мухаммада Термези, Абу Али ибн Сины, Абу Райхана Беруни, Абу Абдуллоха Рудаки, Юсуфа Хос Ходжиба, Махмуда Кашгари, Махмуда аз-

---

[1] *Беруни Абу Райхан.* Памятники минувших поколений. Пер. с арабского М.А. Салье. Избранные произведения. Том. I. – Т., 1967. С. 47.

[2] История Востока. Том I. С. 17-24.

[3] Буюк сиймолар, алломалар (Ўрта Осиёлик машхур мутафаккир ва донишмандлар). 1 китоб. – Т., 1995.

Замахшари, Исмоила Джурджони, Бурхониддина аль-Маргинони, Ахмада Яссави, благодаря величайшим открытиям которых получили развитие мировая наука и культура.

Например, великий математик, астроном и географ Мухаммад аль-Хорезми сумел ощутить необходимость усовершенствования таких наук, как астрономия, геодезия, геометрия для развития экономики феодального общества своего времени. Он является основателем алгебры как науки. На основе предложенного им цифрового ряда от одного до десяти зародилась арифметика. Произведение Мухаммада Хорезми «Зидж» послужило развитию астрономии на Востоке и Западе[1].

«Книга об основах астрономии» Ахмада Фергани, созданная на основе комплекса знаний по астрономии, математике и географии, была переведена в XII веке на латинский и другие европейские языки и до XVI века использовалась в качестве учебника в университетах стран Европы[2].

Имя выдающегося философа, учёного-энциклопедиста Абу Насра Фараби связано с развитием прогрессивной общественно-философской мысли в странах Ближнего и Среднего Востока. Он в своих бессмертных творениях описал особенности, закономерности, категории философских знаний, вопросы общественно-политической жизни, государственного управления, проблемы нравственности, воспитания, изучил происхождение и дал характеристику естественно-научным дисциплинам, высказал глубокие мысли и рекомендации для их практического применения.

Философское учение Фараби по своему содержанию и значению в корне отличалось от традиционного религиозного учения – калома и было обосновано научными идеями. Фараби первым в условиях средневековья создал последовательное учение о происхождении общества, его целях и задачах. Это учение охватывало многие вопросы общественной жизни – управления государством, воспитания, нравственности, просвещения, религиозных убеждений, войны и мира, трудовой деятельности и других[3].

Учёный-энциклопедист эпохи развитого средневековья Абу Райхан Беруни был гением своего времени, высказавшим глубокие мысли, научно обоснованные новейшие идеи в таких отраслях наук, как астрономия, физика, математика, геодезия, геология, минералогия, древняя история и этнография. Свои произведения он создавал на основе научных опытов, наблюдения за природными явлениями, внимательного изучения, научного анализа, сопоставления трудов учёных, живших в древности и современников. Беруни призывал каждого учёного «в своей научной деятельности опираться на практику, быть точным в исследованиях, непрерывно трудиться, находить и исправлять ошибки, для достижения истины вести борьбу против всякого рода домыслов, поверхностного подхода в науке».

---

[1] Буюк сиймолар, алломалар (Ўрта Осиёлик машхур мутафаккир ва донишмандлар). 1 китоб. – Т., 1995. С. 9–12.

[2] Там же. С. 16–20.

[3] Там же. С. 32–40.

Академик В.Р. Розен, высоко оценив исследование Беруни «Книга, определяющая разумное или неразумное учение индийских ученых», пришёл к выводу, что в научной литературе Востока и Запада в древности и средние века нет равных этому произведению. Один из знаменитых учёных своего времени Якут высказал мнение, что его труд «Закон Масуда» «свёл на нет все книги по математике и астрономии, написанные до него». По признанию корифеев науки, произведение Беруни «Минералогия» для своего времени было самым лучшим, передовым, не имеющем аналога в этой области в Средней Азии, Ближнем Востоке, и даже в Европе.

За несколько веков до Коперника Беруни пришёл к выводу о балансе сил сторонников учения геоцентризма, считающих Землю центром Вселенной и гелиоцентризма, признающих центром космоса Солнце. В своей работе «Геодезия» он открыто высказывает свои сомнения в появлении некоторых теорий, обосновывающих взгляды сторонников геоцентризма. Беруни считается новатором в определении географической долготы и широты местности. Большое научное значение имеют его выводы о появлении залежей полезных ископаемых, значении разрушения пород, выветривании горных пород.

Неоценим вклад Беруни и в области общественных наук. Размышляя о проблемах зарождения человечества и общества в целом, он говорит, что «самым древним и значительным в древней истории является зарождение рода человеческого», «человек оценивается своим трудом, он всего достигает благодаря труду». Также, по мнению Беруни, «развитие страны органически связано с расцветом науки»[1].

Четвёртая мировая цивилизация в период развитого средневековья в Мавераннахре начинается со времён правления Амира Темура и Темуридов и в XV–XVII веках она распространяется на всю Европу и Азию[2], то есть слава империи Амира Темура привнесла в Европу культуру величайшей эпохи Возрождения. И, наконец, пятая цивилизация – это цивилизация XX века, охватившая все стороны развития общества.

Промежуток между цивилизациями характеризуется неравномерностью развития общества, застоями и периодически происходившими кризисами. Значит, история человечества не состоит из непрерывной цепи истории цивилизаций и для периодизации истории за основу необходимо принять факторы, объективно отражающие исторические процессы.

История Узбекистана является составной частью мировой истории. Исторические процессы, происходившие на этой земле, невозможно изучать в отрыве от событий мировой истории, взаимная связь между которыми является продуктом закономерностей общественного развития. Каждый народ, независимо от места проживания, в той или иной степени обязан пройти все ступени общественного развития. Однако общественное развитие не везде проходит

---

[1] Буюк сиймолар, алломалар (Ўрта Осиёлик машҳур мутафаккир ва донишмандлар). 1 китоб. – Т., 1995. С. 48-52.

[2] Там же. II китоб. – Т., 1995.

равномерно. А законы неравномерного развития общества в прошлые времена в основном были связаны с естественно-географическими и экологическими условиями региона. К примеру, возьмём Древний Восток. Человеческая цивилизация на этой земле развивалась намного раньше, чем в других регионах. Естественно-географические условия и экологические возможности этого региона предопределили культурно-хозяйственные и общественно-политические направления общественного развития, то есть Древний Восток в своём развитии пошёл по пути рабовладельческого общества, сформировавшегося из «азиатского способа производства». Значит, сущность и значение каждого из периодов и ступеней истории человечества проистекает из характера присущего ему общественно-экономического производства. Исходя из этого принципа, в периодизации истории народов Средней Азии советской историографией, находившейся под влиянием коммунистической идеологии, было отмечено, что этот регион в своём развитии также прошёл рабовладельческую общественно-экономическую формацию. Однако, хотя Средняя Азия и являлась составной частью цивилизации Древнего Востока, на этой земле рабовладение не получило такого развития, как в Египте и Месопотамии. В условиях Средней Азии накануне формирования классового общества его движущими силами были общины свободных дехкан – кашоварзы, свободные городские ремесленники – озодкоры и общины торговцев – гувакоры. На этой земле рабовладение существовало на уровне патриархальной семьи. Поэтому вопросы периодизации Средней Азии, в том числе и Узбекистана, следует решать с учётом происходивших в обществе глубоких общественно-экономических изменений, степени развития истории Средней Азии и исторических условий этого региона. Поэтому в основе предлагаемой нами новой системы периодизации истории Средней Азии лежат три следующих основных фактора. Во-первых, с учётом происходивших в обществе глубоких изменений следует определить движущие силы, составляющие экономическую основу общества на каждом историческом периоде. Во-вторых, выяснить, каков был характер отношения к собственности в обществе. В-третьих, выявить, какая идеология составляла духовную основу социальной жизни общества.

Если периодизацию истории Средней Азии провести на основе этих трёх факторов, то являющуюся её составной частью историю Узбекистана можно рассмотреть в следующей хронологической последовательности:

I. «Период первобытного стада» на территории современного Узбекистана. Границы этого периода определяются временем проживания предков человека от ферганотропа до неандертальца (1 миллион лет до н.э. – 40-е тысячелетие до н.э.)[1]. Однако в советской историографии период со времён появления челове-

[1] По данным археологических и антропологических данных, проведённых во второй половине XX века, в Олдувайской долине Северо-Восточной Африки ранние предки человека проживали на этой территории 2,5–3 миллиона лет тому назад, а homo sapiens (человек разумный) проживает на земном шаре с 1 миллиона лет до н.э.

ка до образования раннеклассового общества назывался «первобытнообщинным строем». На самом деле период, когда человек впервые взял в руки каменное орудие и начал трудиться, до образования ранних родовых общин, характеризуется как «первобытное стадо»[1]. Этот период был периодом становления человека, формирования его предков – зинжантропа, питекантропа, синантропа и неандертальца, которые жили за счёт собирательства и охоты на крупных животных. Вначале, на протяжении миллионов лет в условиях тёплого климата они вели бродячий образ жизни (во времена зинжантропа, питекантропа, синантропа, ферганотропа). С началом оледенения, великого ледникового периода люди были вынуждены бороться за пещеры с дикими животными, спасаться от холода (времена гейдельбергского человека, неандертальцев).

В археологической периодизации период «первобытного стада» человеческой истории совпадает с периодами олдувай, шелл, ашель и мустье древнекаменного века (палеолита). В это время не было никаких форм собственности. Человечество переживало процесс перехода от раннего первобытного состояния к формированию человека разумного. Он в корне отличался от других животных умением изготовлять и использовать орудия труда в повседневной жизни. Нравственный мир этих людей определялся нормами беспорядочных «брачных» отношений. У людей этого периода ещё не сформировались навыки общественной жизни.[2]

Анализ археологических и этнографических материалов показывает, что люди стали жить общинами с начала позднего палеолита древнекаменного века, когда в истории человечества начинается «период первобытной родовой общины». Ранний период первобытной родовой общины в истории назван матриархатом, когда женщина занимала главенствующее положение в родовой общине, управляла ею[3]. В период родовой общины происходят изменения во внешнем облике человека, он превращается в человека в полном смысле этого слова. Человека этого периода учёные назвали homo sapiens – «человек разумный». Этот период полностью отличается от периода формирования человека – периода «первобытного стада».

II. «Период родовой общины и формирования права собственности» на территории Узбекистана. Его хронологические рамки охватывают период с появления родовых общин (40 тысяч лет тому назад) до III–IV веков н.э.[4] Этот период состоит из нескольких этапов, когда в обществе происходили постепенные изменения. По материалам и технике изготовления орудий труда эти этапы подразделяются на верхний палеолит, мезолит (среднекаменный век), неолит (новокаменный

[1] *Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. – М., 1982. С. 60–69.

[2] *Борисовский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. – М., 1980. С. 19–173; *Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. – М., 1982. С. 60–69.

[3] *Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. – М., 1982. С. 74-85.

[4] По данным археологических исследований, проводимых в последние годы в Средней Азии, в том числе и Узбекистане, поздний палеолит начался 60–50 тысяч лет тому назад и на повестку дня ставится вопрос изменения времени начала эпохи позднего палеолита на более ранний срок и названия этого периода «ранний период позднего палеолита».

век), энеолит (меднокаменный век), бронзовый век и эпоху раннего железа, а с точки зрения исторического развития они изучаются с разделением на следующие ступени: эпоха матриархата при родовом строе, эпоха патриархата при родовом строе и период военной демократии при родовом строе.

На ранних этапах позднего палеолита (40–12 тысячелетия до н.э.) в истории человечества произошел ряд существенных изменений: как уже говорилось выше, при родовом строе возникло первое общество человечества, его первые ростки – матриархат, материнский род, родовая община; теперь женщина считалась главой общины, на неё смотрели как на божество – продолжательницу рода. Поэтому в этот период впервые начали изображать облик женщины, изготавливать ее статуэтки, то есть зародилось первобытное искусство; с отступлением ледников люди стали покидать пещеры и гроты, научились строить жилища, и именно в это время начали складываться три основные расы. Таким образом, начался период истории человечества, называемый «первобытное родовое общество».

В эпоху матриархата собственность носила общественный характер и принадлежала родовой общине по той причине, что экономическую основу общества составляло присваивающее хозяйство. С изобретением нашими предками земледелия, скотоводства, а также ремесленничества, экономическую основу общества стала составлять производящая форма хозяйства, появились широкие возможности для зарождения частной собственности. С этого времени женщина постепенно стала терять господствующее положение в общине, главенство в общине переходит к мужчине, обеспечивающему род гарантированными продуктами питания. Первое общественное разделение труда (отделение скотоводства от земледелия), происшедшее на базе «первобытной родовой общины», а также второе общественное разделение труда (отделение ремесленничества от земледелия) привело к окончательному формированию отцовского рода – патриархата. При патриархате собственность стала переходить в частное владение, но при этом ряд общественных правовых норм матриархата сохранялись.

Зарождение первых ростков частной собственности было связано с появлением земледельческих и скотоводческих хозяйств, переходом экономической основы общества с присваивающей формы хозяйства к производящей. В юго-западных регионах Средней Азии первобытное земледелие и скотоводство начинается в эпоху неолита (Джейтунская культура). В центральных и северо-западных территориях региона и в эпоху неолита всё ещё сохранялось присваивающее хозяйство (Кальтаминарская культура). Результаты широкомасштабных археологических исследований дают возможность утверждать, что несмотря на ускоренное развитие древней земледельческой культуры (культура Анов-Намазга) в эпоху энеолита и ранней бронзы (периоды Намазга I–IV) в северных предгорьях Копетдага (юг Средней Азии), общественный характер собственности всё ещё сохранялся. Благодаря глубоким изменениям в общественной и экономической жизни первобытных обществ в эпоху бронзы (в период позднего Намазга V) происходит изменение общественного характера

прежней формы собственности, что, в первую очередь, приводит к появлению частной собственности на землю и скот. Появление частной собственности на землю в бронзовом веке первоначально происходит в древних земледельческих регионах, а частная форма собственности на скот – в степной зоне. К концу III – началу II тысячелетия до н.э., благодаря общественно-экономическому развитию древних земледельческих культур, в метрополиях происходит демографический взрыв, что приводит к дефициту водных ресурсов и посевных земель. Поэтому часть населения метрополий в поисках более удобных условий жизни переселяется в бассейны нижних течений крупных рек. Так в эпоху бронзы в Мургабском оазисе и Древней Бактрии образовались новые центры земледелия. Это объясняется тем, что южные районы Средней Азии (Маргиана, Бактрия) были территориально близки и граничили с регионами Среднего Востока, и, во-вторых, природно-географические условия этих районов привели к более раннему развитию культуры древнего посевного земледелия.

Обладающее опытом посевного земледелия население метрополий при освоении новых земель в какой-то мере сохраняет традиции родовой общины. Но, вместе с этим, в отличие от общинного владения землей, освоенной парными семьями, патриархальные парные семьи на свои земли смотрят как на частную собственность. Расположившиеся в бассейнах по нижним течениям крупных рек патриархальные парные семьи со временем вырастают в большие патриархальные семьи, или, как сказано в Авесте – «нмана». Большая патриархальная семейная община управлялась патриархами (нманапат), старшими по мужской линии. Согласно Авесте, несколько больших патриархальных семей составляли «вис» – сельские родовые общины, которыми управляли «кадхудоты», то есть «виспати». Виспати выбирались на совете общин (вис анчумана) из числа руководителей больших патриархальных общин. Начальным звеном, первыми ростками нашей государственности являются висы[1] – сельские родовые общины. Сельские общины как ранние ростки государственности имели свои амулеты-печати, один из таких амулетов-печатей был обнаружен на поселении Сапаллитепа эпохи бронзы (см. на печать, изображенную на обложке книги).

---

[1]«Висы» складывались примерно следующим образом: отделившаяся от своей родовой общины парная семья, исходя из своих сил и возможностей, на новом месте осваивала землю и становилась обладательницей частной земли – собственности. Владельцы частной собственности образовывали общины свободных, вольных землевладельцев (кашоварзы). Несколько свободных, вольных кашоварзов, освоивших бассейны нижних течений рек, сохраняя родоплеменные традиции, образовывали сельские общины. Собственность образованной таким образом сельской общины теперь носила не общественный характер, как во времена матриархата, а частный – в общинах «вис» впервые появляется частная собственность, они обретают право на владение освоенной ими землёй в форме частной собственности. Большая роль в зарождении частной собственности в общине принадлежит мужчинам. Теперь, когда дети знают своих отцов и их воспитанием занимается парная семья, роль отцов в разделении семейной собственности среди детей возрастает.

Таким образом, с возрастанием влияния отцов в семье, в общине постепенно зарождается патриархат (род по отцовской линии). Для организации хозяйственной основы экономики висов, из среды инициативных кашоварзов члены общины выбирали себе старейшин. Как правило, старейшина, предводитель общины – кадхудот был одним из членов общины, обладающим высоким социально-политическим положением, искусным и опытным земледельцем или умелым ремесленником, известным общине своими высокими нравственными качествами, трудолюбием, жизненным опытом. Старейшины – кадхудоты, или, говоря языком Авесты, – виспати, зантупати, дахьюпати были обязаны обладать такими личными нравственными качествами. Такие демократические принципы были присущи управленческой системе на ранних этапах становления государственности узбекского народа.

Согласно археологическим материалам, право собственности в скотоводческих общинах появилось также в бронзовом веке. Одной из территорий, на которой проживало большое количество скотоводов эпохи бронзы, были юго-восточные предгорья Уральских гор и степи Северного Казахстана. Вещественные источники, найденные на этой территории в погребальных курганах Синташта Андроновской культуры, свидетельствуют о разделении членов этих общин на богатых скотоводов – военную аристократию, бедных пастухов и слуг[1]. Широкомасштабные археологические исследования, а также проведённый антропологический и лингвистический анализ этих источников показывают, что именно с эпохи бронзы (XVIII–XI века до н.э.), когда из евразийских степей на территорию Средней Азии стали прибывать новые волны тюркоязычных скотоводческих этнических групп, начинаются ранние этногенетические процессы, т.е. ранняя ассимиляция разноязычных этнических групп, что привело к постепенному формированию узбекского народа.

В последние годы большое внимание этому вопросу уделяют учёные-археологи, потому что благодаря этим находкам вносится ясность в решение проблемы о территориях, где впервые появились арийские племена. В погребениях представителей военной аристократии, найденных в погребальных курганах Синташты, обнаружены захороненные вместе с ними останки нескольких коней и лёгкие боевые колесницы, что свидетельствует об ускорении имущественного расслоения и использовании лошадей в качестве транспорта. Археологи датируют комплекс Синташта XVIII–XVI веками до н.э. Анализ археологических находок показывает, что во II тысячелетии до н.э. имущественное расслоение в обществе скотоводов ещё более ускоряется. Коневодство становится важной отраслью жи-

[1] *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг Б.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей. – Челябинск,1992; *Зданович Д.Г.* Могильник Большекарагандинский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1995; *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* «Страна городов» – укреплённые поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н.э. на Южном Урале. – Челябинск, 1995; *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск, 1988.

вотноводства. В итоге образуется кочевое скотоводческое хозяйство, зарождение которого свидетельствует об ускорении имущественного развития в скотоводческих общинах. Эти процессы отчётливо наблюдаются и в культуре скотоводческих племён Средней Азии.

Зарождение права на частное владение землёй, скотом и на средства производства ремесленничества были первыми шагами к созданию управленческой системы узбекской государственности. Вхождение этого права в социально-экономическую жизнь общества привело к началу имущественного расслоения. Начавшиеся в эпоху бронзы процессы образования вольных земледельцев (права собственности кашоварзов) и имущественного расслоения в племенах сако-массагетов в усиленной форме происходят на этапе военной демократии родового строя, то есть в эпоху раннего железа (VII–IV века до н.э.) вплоть до конца античного периода (конец IV века до н.э. – IV век н.э.). На базе хозяйств кашоварзов в эпоху раннего железа в древних земледельческих регионах на территории Средней Азии формируются такие центры цивилизации, как Маргиана, Бактрия, Парфия, Согдиана, Древний Хорезм, отмеченные в Авесте как «дахью». На основе их политического и военного объединения под управлением кавиев образуются государственные объединения «Древнебактрийское царство» и «Большой Хорезм».

К античному периоду этот процесс распространяется на территорию Чача, Парканы, Уструшаны и приводит к образованию полуоседлого, полукочевого государства Канг на территории среднего бассейна Сырдарьи. В древней Фергане общины свободных и вольных земледельцев образовали царство Давань (Дайюань), упоминаемое в древнекитайских источниках. К их числу можно отнести и государство Да-юэчжи (с начала нашей эры называется Кушанской империей), образовавшееся на территории Древней Бактрии в конце II века до н.э.

Но в обществе ещё не произошло окончательного классового разделения, социально-экономическую основу общества составляли свободные общинники, владельцы мелкой собственности. К концу античного периода среди собственников активизируется имущественное расслоение. Этот исторический процесс, в особенности в поздний античный период, т. е. в III–IV века н.э., происходит очень активно. В V–VI веках среди кашоварзов земледельческих оазисов выделяются искусные, умелые знатоки своего дела, которые становятся крупными собственниками – дехканами. Лишённые земли и собственности кашоварзы попадают в зависимость от дехкан и превращаются в издольщиков – кадиваров. Этот процесс завершается в период раннего средневековья (V–VIII века), и общество подразделяется на крупных собственников и зависимых от них безземельных арендаторов. Такое имущественное расслоение в среде ремесленников происходит очень медленно, но оно ускоренно протекает среди скотоводов и представителей торговых людей.

В советской историографии эти глубокие общественно-экономические и этнокультурные изменения связывались с рабовладельческими производствен-

ными отношениями в истории Средней Азии, в том числе и Узбекистана, между III веком до н.э. и IV веком н.э. характеризовались как период рабовладельческой формации. При изучении государственности народов Средней Азии за образец была принята государственность Греции и Рима, что привело к искусственной привязке нашей истории к рабовладельческому обществу. Государство Древний Хорезм, Греко-Бактрийское государство, Канг, Давань и, наконец, Кушанское государство описываются как государства с рабовладельческим строем. Социальные, экономические основы и характер этих государств, управленческая структура так и не были раскрыты. Хотя в литературе иногда и упоминалось о том, что государственность, присущая Востоку, в том числе Средней Азии, своими корнями связана с имеющим патриархальный характер «азиатским способом производства», но в фундаментальных трудах, учебниках всегда говорилось, что в Средней Азии рабовладельческий строй был. В действительности, социально-экономическая жизнь на территории Средней Азии, и Узбекистана в частности, протекала по-другому пути.

Сословие дехкан – крупных собственников, существовавших в Средней Азии в период раннего средневековья (V–VIII века), можно приравнять к феодалам Европы. Феод – крупная земельная собственность, принадлежащая феодалу. Значит, дехкане, выросшие из среды кашоварзов в позднюю эпоху Древнего мира в Средней Азии, стали классом собственников нового общества. Вместе с такими представителями нового общества, как кашоварзы, кадивары, озодкоры и гувакоры, они являются зачинателями новой эпохи. По своему внутреннему содержанию и значению этот период, называемый «ранним средневековьем», характеризует начальную стадию феодального общества.

Таким образом, «первобытное родовое общество и период формирования собственности» состоит из трёх этапов. На первом этапе – матриархальной родовой общины – право на собственность носило общественный характер. Второй этап – это этап патриархальной родовой общины, во время которого стала формироваться частная собственность, принадлежащая общинам свободных дехкан (кашоварзам, озодкорам и гувакорам). Третий этап – этап военной демократии родовых общин. На этом этапе происходит укрепление общественного, экономического и политического положения, повышение авторитета вождей племён и родов, что приводит к ускорению развития частной формы собственности и имущественного расслоения. Первоначально идеологическую основу общества составляло преклонение перед явлениями природы, выраженное в таких религиозных представлениях, как тотемизм, анимизм, магия (во времена матриархата), огнепоклонничество (патриархат), затем (на этапе военной демократии) зороастризм и буддизм, монизм, несторианство и шаманизм.

III. «Период раннего средневековья» на территории Узбекистана. Его хронологические границы охватывают период с V до конца VIII века. В это время наблюдается складывание и развитие феодальной собственности богатых дехкан, ускорение процессов превращения свободных членов дехканских общин – кашо-

варзов в кадиваров. Земля, орудия производства окончательно переходят в частное владение. Социальная структура общества состояла из кашоварзов – средних и мелких собственников; зажиточных дехкан – крупных собственников и зависимых от них кадиваров; озодкоров (профессиональных мастеров-ремесленников); гувакоров (зажиточный торговый люд) и зависимых от них слуг патриархальной семьи. В обществе складываются такие формы собственности, как частная собственность, общинная собственность, собственность «вагнзе» (собственность зороастрийских храмов). В Мавераннахре и близлежащих землях, в связи с увеличением тюркского этнического пласта, ускоряются этнокультурные процессы. Местные структуры власти, считающиеся важным этапом в становлении государственности, становятся основой государственной структуры этого времени. Для защиты собственности формируется слой наёмных чокаров. Вторгшиеся на эти земли в IV–VI веках хиониты, кидариты, эфталиты, племена Тюркского каганата, удерживая политическую и военную власть в пределах завоёванных территорий, не стали разрушать, напротив, сохранили местную традиционную государственную управленческую систему. (Во времена Тюркского каганата для осуществления своих экономических интересов в местную систему управления был внесен ряд нововведений[1]). И, наконец, на базе традиций местной государственности были созданы основы централизованного феодального государства Саманидов.

В духовной жизни общества по-прежнему господствовала религиозная толерантность (зороастризм, буддизм, монизм, несторианство и шаманизм). А после нашествия арабов духовную, нравственную и идеологическую основу общества полностью займёт исламская религия. Собственность зороастрийских храмов – «вагнзе» перейдёт во владение мечетей и медресе. Происходит расслоение торговых и ремесленнических форм собственности. В составе больших патриархальных семей в качестве младших членов появляются слуги – «рабы» этих семей.

Таким образом, из приведённых выше данных видно, что эпоха раннего средневековья истории Узбекистана характеризуется экономической базой и управленческой системой местных властей. Централизованная феодальная государственная система управления в истории Узбекистана будет создана в средние века.

IV. «Эпоха средневековья» в истории Средней Азии, в частности Узбекистана. Хронологические рамки этого периода – со времени образования Саманидского государства до середины XIX века. Этот период состоит из двух этапов. Первый этап – эпоха развитого средневековья (IX–XV века). На этом этапе наблюдается окончательное формирование и развитие феодальных отношений, возвышение и, наконец, застой и кризисы в экономической и политической жизни вследствие междоусобных и внешних феодальных войн. Страна на 1,5 века попадёт под иго монгольских захватчиков и только с выходом на историческую арену истинного сына тюркских народов гениального Амира Темура в стране установится мирная жизнь, произойдёт экономическое и этнокультурное развитие. В этот период эко-

[1] Сведения о государственной системе управления Тюркского каганата изложены во 2-м разделе X главы этой книги.

номическая жизнь общества состоит из государственной собственности владельцев крупной частной собственности и, в основном, из коранда – арендаторов. Укрепляется порядок владения частной и вакуфной собственностью, появляются и укрепляются такие формы собственности, как «амлок» (государственная) и «икта» (собственность, жалованная правителем за особые заслуги перед государством), безусловную основу духовной жизни общества составляет идеология ислама. На первом этапе эпохи средневековья (во времена Саманидов, Караханидов и Хорезмшахов) узбекская народность окончательно формируется в качестве народа. Древнетюркский язык, получивший широкое распространение по всему региону со времён Великого Тюркского каганата, к этому времени начинает превращаться в язык отдельных этносов. В частности, присущий узбекскому этносу живой народный язык отделился от древнего общетюркского языка и превратился в староузбекский язык.

В эпоху империи Амира Темура и Темуридов открываются широкие возможности для развития староузбекского языка и в течение XIV–XV веков на его основе формируется узбекский литературный язык с элементами фарси и арабизмов. Во времена шейбанида Абдуллахана II продолжается развитие в экономической и этнокультурной жизни страны. Но вторжение в начале XVI века в Мавераннахр и Хорасан из Дашти-Кипчака «дже»кающих (в речи использование звука «дж») степных племён и непрерывные феодальные войны, происходившие между ними, приводит к распаду страны и образованию трёх ханств под предводительством кочевых узбекских династий (в Хорезме кунграты, Бухаре – мангыты, Коканде – минги). Эти более поздние исторические процессы характеризуют последний – второй этап истории средневековья на территории Узбекистана. Это приводит к распаду существовавшего с древности территориального единства Туркестана и разделению его населения в составе трёх феодальных государств. В итоге древний Туркестанский край становится колонией России.

Если взглянуть на историю средних веков Узбекистана, то можно наблюдать следующую картину: по данным исторических источников, археологических материалов и этнографических наблюдений, узбекская народность состояла из оседлых дехкан, проживавших в кишлаках; из полуоседлых скотоводов, живших в гористой местности и на берегах горных речек; ремесленников-кустарей – в городах. Общественно-экономическая и этнокультурная жизнь народов края в конце XIX – начале XX века протекала в стороне от социально-экономических преобразований, происходивших в России и государствах Европы. Государство находилось в руках ханов, беков, эмиров и недвижимое имущество, всё богатство страны было в их распоряжении. Семейные отношения также строились по законам шариата.

Приток в Среднюю Азию в XVI–XVII веках с севера российских, с юга, через Индию и Афганистан, английских товаров показало чрезмерную отсталость местной экономики и слабость научно-технического развития. Средняя Азия была беспримерно дешёвым рынком для России и европейских государств. В

XVII–XVIII веках, и, в особенности, в первой половине XIX века обостряется соперничество между Россией и Англией за включение Средней Азии в зону своего влияния. В итоге в середине XIX века Россия выходит победителем в этом противостоянии: Бухарский эмират и Хивинское ханство попадают в вассальную зависимость от царизма, а на территории Кокандского ханства образуется Туркестанское генерал-губернаторство[1].

Экономическая жизнь феодального общества в Средней Азии опиралась на земледелие с искусственным орошением. Поливное земледелие нуждалось в строительстве магистральных каналов и ирригационной системы. Продуктивность хозяйства, построенного на такой основе, была очень высокой и в условиях Средней Азии была более производительной, чем богарное земледелие и полуоседлое животноводство.

Расположенные вдоль больших караванных путей среднеазиатские города были очень выгодны для транзитной торговли. Ещё в VIII–VII веках до н.э. в городах зародились и получили профессиональное развитие ряд отраслей ремесленничества. Производство высококачественной продукции гончаров, стеклодувов, золотошвей, медников, резчиков по дереву, столяров, кожевников, ткачей шёлковых и атласных изделий, металлургов и оружейников было чрезвычайно развито, однако все они не смогли выйти за рамки народного кустарного промысла, потому что были основаны на индивидуальном ручном труде.

Хотя взаимные феодальные захватнические войны не смогли оказать серьёзного влияния на развитие экономики страны, внешней и внутренней торговли, возвышение культуры и науки, феодальная замкнутость, обособленность явилась тормозом для ускоренного развития производительных сил страны и новых производственных отношений. По этой причине узбекский народ, как и другие народы Средней Азии, на фоне феодального общества не смог подняться до уровня нации и до конца XIX – начала XX века оставался на уровне родов и народностей. Это объясняется концентрацией власти в Средней Азии в руках феодалов и военной олигархии, вся земля также находилась в собственности представителей высшей власти – ханов, эмиров и беков. Государство превратилось в настоящего хозяина плодородных земель. Государство, обладая высшей властью на землю, представляло его в пользование отдельным людям или сельским общинам и богатело за счёт собираемого земельного налога – хараджа.

Высшие правители – ханы, эмиры, беки и другие в таких условиях превратились в крупных собственников, образовав сословие феодалов. Разного рода сборщики налогов – амлякдоры, сборщики закята, амины, сельские старшины, исполняя функции государственных чиновников на местах, большую часть созданного руками земледельцев богатства не сдавали государству, а оставляли себе. Эта особенность, присущая Востоку, была характерна и для Средней Азии.

Во времена правления Саманидов большая часть плодородных земель в виде «мульки султани» концентрируется в руках правителей этой династии. Одна

---

[1] *Вахобов М.Г.* Ўзбек социалистик миллати. -Т., 1960. С. 12.

часть имперских земель отдавалась в аренду земледельцам, а другая предоставлялась государственным чиновникам и представителям исламской религии в форме собственности и вакуфа за большие заслуги перед государством. Такая форма владения землёй называлась «икта».

Жалованные земли – «икта» специальной грамотой (ярлыком) освобождались от налогов. Землями «мульки султани» пользовались и сельские общины, но за это они были обязаны платить в государственную казну установленный налог – харадж. Независимо от формы собственности на землю, в период развитого и позднего средневековья основу сельского хозяйства составляли хозяйства мелких земледельцев.

Мелкие земледельческие хозяйства независимо от формы аренды не освобождались от уплаты налога на землю – хараджа. Поливные работы, рытьё и очистка каналов и арыков также были возложены на их плечи. Крупные собственники были полностью освобождены от такого рода обязанностей. Их интересовала только рента, сбираемая с земледельцев за арендованную ими землю, поэтому для крупных землевладельцев было выгодно сдавать землю в аренду дехканам.

По этой причине основу феодализма, продолжавшегося в Средней Азии больше тысячи лет, составляли мелкие дехканские хозяйства, в крупных феодальных хозяйствах не использовались достижения науки и техники, что привело к застою в земледелии.

Несмотря на развитие ряда отраслей народного ремесленничества, экономическая жизнь в городах не смогла выйти за рамки индивидуальной кустарной деятельности, основанной на использовании ручного труда. На протяжении всего феодального общества каждый дехканин занимался ещё той или иной отраслью ремесленничества. Это было характерной особенностью, присущей феодальному строю Средней Азии.

В свою очередь, жители городов также имели земельные участки, где они занимались садоводством и овощеводством. Такой традиционный образ жизни был характерен для узбекского народа в эпоху развитого и позднего средневековья. Формирование схожей в экономическом отношении сельской и городской жизни преимущественно на основе устойчивого натурального хозяйства не давало возможности для развития капиталистических отношений. Дехканские хозяйства и городское население покупали на рынке только ту продукцию, которую не производили в своих хозяйствах – в основном, изготовленные из металла инструменты, инвентарь, орудия труда и бытовые изделия.

Господствующее положение в экономике натурального хозяйства исключало возможность капиталистического расслоения в городах и сёлах. В таких условиях производство продукции осуществлялось не в виде массового товара, а только для непосредственных нужд населения индивидуальными кустарями. Основную массу дехкан составляли свободные арендаторы, имеющие мелкие хозяйства, потому что земля, которую они обрабатывали. – амлок – считалась собственностью государства и они платили налог в виде хараджа.

В Средней Азии действовала также система «бегар» – повинность, согласно которой дехкане были обязаны бесплатно участвовать в строительстве водных сооружений, возведении городских укреплений, мостов, дорог и других объектов. Эти принудительные работы выполнялись по типу хашара (добровольного общественного участия при выполнении каких-либо работ), организацией и руководством которых занимались сельские старейшины, миробы, амины, а в городах – управление махалли. Таким образом, строительство магистральных каналов государственного значения, возведение и ремонт городских крепостей, строительство оборонительных сооружений против внешнего врага и другие выполнялись в качестве обязательного налога.

Междоусобные феодальные войны, нападение внешних врагов, в особенности завоевания Чингизхана, наносили непоправимый ущерб экономике[1]. При каждом завоевании большая часть феодальной собственности уничтожалась и земля переходила в руки высшей власти – государства. Завоеватели отбирали у частных собственников земли и превращали их в государственные. В результате основную базу производства все время составляло мелкое дехканское хозяйство.

Неимущая часть кочевников-завоевателей со временем оседала и становилась дехканами. Однако этот процесс был довольно длительным и темпы роста производительных сил несколько замедлялись. Если сюда прибавить продолжительные внутренние феодальные войны, несмотря на наличие поливного земледелия и непрерывно развивавшегося ремесленничества, в последнем тысячелетии народы Средней Азии, в том числе и узбекский народ, не смогли выйти за пределы натурального хозяйства и отстали от народов Европы не менее чем на 100 лет.

В результате ни одна из областей или регионов Средней Азии к началу XX века не смогла выступить в качестве сильного экономического и политического центра, которая сумела бы объединить узбекские земли, не были созданы условия для зарождения и роста национальных буржуазных отношений. Это послужило причиной для длительного продолжения феодальной раздробленности[2]. В Средней Азии сложилась такая обстановка, которая вплоть до конца XIX века не давала возможности уверенно перейти на капиталистический путь развития.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на общественно-экономическую и политическую обособленность Средней Азии в средние века, ее народы, в том числе и узбекский, в пределах этих феодальных отношений смогли в какой-то степени развить хозяйственную жизнь и традиционную культуру. В городах развивалось народное ремесленничество и торговля, продолжалось строительство дворцов, мечетей и медресе. В Самарканде, Бухаре, Шахрисабзе, Хиве и других городах возводились памятники архитектуры необыкновенной красоты, величие которых до сих пор поражают потомков.

В духовной культуре, устной и письменной литературе, науке, музыке и изобразительном искусстве продолжали формироваться прогрессивные традиции.

---

[1] История Узбекской ССР. – Т., 1995. С. 295–300.

[2] *Ваҳобов М.Ғ.* Ўзбек социалистик миллати. – Т., 1960. С. 27.

Средневековая история и этническая жизнь узбекского народа характеризуется такими традициями, взлётами, застоями, а также наличием экономической и политической отсталости.

V. Пятый период истории Средней Азии, в частности Узбекистана, можно назвать **«Колониализм и эпоха национального возрождения».** Этот период начинается со вторжения России в Среднюю Азию и заканчивается Октябрьским переворотом 1917 года. В этот период на месте Кокандского ханства, одного из трёх частей Средней Азии, создаётся Туркестанское генерал-губернаторство в составе Российской империи. В Туркестанском военном генерал-губернаторстве были сохранены государственная и частная формы собственности. Вместе с этим также сохранились традиционные сельские общинные земли – поросшие травой луга для выгула домашнего скота местного населения.

В связи с вхождением российского капитала на территорию губернаторства в крае формируются капиталистические производственные отношения. Новые отношения в производстве нанесли удар по позициям клерикальных феодальных порядков и традиционного народного ремесленничества, в социальной структуре общества появляются наёмные трудовые ресурсы и местные буржуа, а также переживающие за судьбу своей нации и родины джадиды – слой национальной интеллигенции. В это время ортодоксальный ислам всё ещё продолжает господствовать в духовной жизни местного населения. Джадиды становятся символом освобождения от феодальной замкнутости, установления связей с западным миром и с их именем связывается движение за просвещение простого народа. В среде вновь формирующегося местного предпринимательского слоя наблюдаются попытки использования подземных и наземных ресурсов края в русле капиталистического производства.

Однако с целью превращения Средней Азии в сырьевую базу, овладения подземными и наземными богатствами страны царская Россия одно за другим ставит в вассальную зависимость – Бухарский эмират (1868 год) и Хивинское ханство (1873 год), а для Туркестанского генерал-губернаторства разрабатывает Положение об управлении краем. По этому Положению разрабатываются планы строительства в крае железнодорожных путей, переселения русских крестьян и строительства для них новых посёлков, внедрения новых сортов хлопка, строительства каналов для полной реконструкции ирригационной системы, освоения новых земель и развития хлопковых плантаций. Эти планы стали незамедлительно претворяться в жизнь.

На пути к достижению своих целей они ликвидируют принадлежавшую духовенству вакуфную и амляковую формы землевладения, господствовавшую в феодальном обществе, и превращают их в государственную собственность. Не было конфисковано недвижимое имущество только у тех собственников земли, которые имели на руках юридические документы на право владения ею. Как уже говорилось выше, крупные феодалы, как правило, предоставляли в аренду свои земли безземельным дехканам, которые составляли основу производственных сил общества. А теперь эти земли объявляются частной собственностью мелких дехкан-арендаторов. Этим самым царские чиновники преследовали цель вызвать экономическую

заинтересованность у дехкан для получения с этих земель высоких урожаев хлопка, которые имели право продавать хлопок-сырец только представителям российской буржуазии и торговым магнатам. А цены на хлопок могли устанавливать только колониальные власти. Даже представители только зарождавшейся местной буржуазии были лишены права продажи на мировом рынке своего сырья. Традиционные феодальные и исламские порядки, въевшиеся в кровь и плоть простых людей, не дали возможности воспользоваться даже теми мелкими льготами, которые предоставлялись им как арендаторам со стороны государства. Этими льготами умело воспользовались переселившиеся из России русские мужики и местные феодалы, опять разгорелось ростовщичество во вред мелким дехканским хозяйствам. Лишённая собственнических прав имперскими властями местная буржуазия и её передовая часть из среды интеллигенции – джадиды понимали необходимость проведения коренных изменений, политику царизма в этом направлении. Но, несмотря на проводимую джадидами культурно-просветительскую работу среди местного населения, им не удалось сплотить народ в экономическом отношении, даже в пределах Туркестанского генерал-губернаторства они не смогли создать политические условия для образования независимой государственной власти. Разделённая на три части узбекская народность не смогла дорасти до уровня единой нации. Государственная власть от военных царской России перешла в руки атеистов советской власти. Причиной такого положения является то, что феодальная замкнутость в Средней Азии въелась в образ жизни, кровь и духовное сознание народа.

VI. Шестой период истории Узбекистана называется «периодом советской власти», на начальном этапе которого в границах Туркестанского генерал-губернаторства была создана Туркестанская автономная республика. Затем под предлогом якобы полного удовлетворения национальных интересов и чаяний всех угнетённых наций, народностей и этнических групп Российской империи началась кампания по образованию национальных государств. Согласно ленинской национальной политике, каждая нация и народность на основе своих национальных этнокультурных и духовных традиций, факторов, определяющих хозяйственно-экономическую жизнь, получали право на формирование независимой государственной системы и определения самостоятельных путей экономического развития. С этой целью в 1924 году в Средней Азии была проведена политика национально-государственного размежевания и узбекский народ, разделённый границами трёх государств, объединился в составе Узбекской социалистической республики. Несмотря на ошибки, допущенные в ходе проведения национально-государственного размежевания, это мероприятие явилось прогрессивным событием в формировании единой узбекской нации. Но это мероприятие, проведённое под лозунгом ленинской национальной политики, в итоге, дальше высокопарных обещаний не сдвинулось и привело к противоположным результатам. Все стороны общественной жизни были построены на основе единовластной идеологии, социальная структура общества состояла из класса рабочих, крестьян и их авангардного отряда – прослойки интеллигенции. В корне изменилось понятие,

присущее традиционным формам собственности. Хотя расслоение собственников прекратилось и подчёркивался общественный характер собственности, но на деле в отношении к собственности господствовал государственный монополистический капитализм. В Основном Законе государства (Конституции) говорилось о свободе вероисповедания, а на практике основу духовной и идеологической жизни общества составляло атеистическое мировоззрение.

Нельзя отрицать, что благодаря непоколебимой твёрдой политике в экономической и этнокультурной отраслях был достигнут ряд успехов. Для неимущих открывались широкие возможности, а элита национального предпринимательства уничтожалась. Вопреки трудностям, гонениям и репрессиям узбекское общество продолжало развиваться благодаря своему трудолюбию.

Сыны узбекского народа всегда занимали передовые позиции во всех отраслях этого общества. Так, в годы Второй мировой войны славные представители узбекского народа показали образцы беспримерного героизма, многие из них не вернулись домой. Несмотря на экономические трудности узбекский народ принял, накормил и обогрел миллионы сирот, участвовал в запуске в кратчайшие сроки предприятий тяжёлой промышленности и военных заводов, всеми силами помогая фронту и показывая пример трудового героизма. По сравнению с прежними временами были достигнуты определённые успехи в области здравоохранения и образования. Всё это свершалось в пределах советского общества, его идеологии. В итоге узбекский народ, преданно служивший этому обществу даже в годы жесточайшей монокультуры хлопка, стал жертвой политики Центра, уже не справлявшегося с экономическими проблемами, который навесил на него ярлык «хлопкового дела». Вот такими моментами характеризуется «период советской власти» в истории Узбекистана.

VII. Седьмой период истории Узбекистана по своему сущностному содержанию можно назвать **«периодом строительства национальной независимости, демократического государства и гражданского общества».** Этот период стал новой страницей в истории узбекского народа и его государственности, когда национальное богатство и достижения во всех отраслях производства направлены на обеспечение интересов народа, период возрождения национальной независимости и национальных ценностей, который останется в истории периодом признания мировым сообществом появившегося на карте мира суверенного государства – Республики Узбекистан. Проведение социально направленной политики, превращение владельцев мелкой и средней собственности в абсолютную основу социальной структуры общества, идеология национальной независимости и ее глубокое постижение членами общества составляют содержание строящегося правового демократического и гражданского общества. Принципы свободы вероисповедания, религиозной терпимости находят своё отражение не только в законах, но и в реальной жизни.

Завершилась 26 годовщина обретения Независимости. За эти 26 лет независимый Узбекистан во всех областях добился небывалых достижений, сведения о которых представлены в XX главе данного исследования.

Глава IV
ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

IV. 1. Сведения о населении Средней Азии в Авесте и наскальных надписях периода Ахеменидов

История народов Средней Азии уходит корнями в седую древность. Она берёт начало в ашельский период древнекаменного века (промежуток в 1 миллион – 200 тысяч лет). Археологические памятники этого периода изучены на примерах стоянок Сель-Унгур и Кульбулак на территории Узбекистана. В стоянке Сель-Унгур вместе с орудиями труда наших ранних предков найдены останки костей человека. Он известен в истории под названием «ферганотроп» и датируется периодом не менее 1 миллиона лет.

В Средней Азии, в том числе и на территории Узбекистана, найдены и изучены памятники истории человечества, относящиеся ко всем периодам и этапам предков человека, живших после ферганотропа. Девяносто девять процентов этой многовековой истории изучены на основе археологических источников, потому что в те времена не было письменности. Ранним источником, содержащим первичные сведения о древней истории народов Средней Азии, является Авеста, в одной из её частей под названием «Видевдат» впервые упоминаются древние области и народы Средней Азии.

Сведения, относящиеся к истории народов Средней Азии, встречаются также и в наскальных надписях ахеменидских царей. Интересные сведения о быте, традициях и обычаях, одежде и многогранной жизни народов Средней Азии в более подробной форме встречаются в письменных источниках греческих и китайских авторов. Кроме этого, во время археологических поисков в разное время были найдены хорезмийская, бактрийская, согдийская, парфянская, называемая «неизвестным письмом», письменные источники, в которых, несмотря на их краткость и малочисленность, приводятся редкостные сведения об этногенезе народов Средней Азии, в частности, узбеков и таджиков. В арабских, персидских и тюркских письменных источниках также имеются ценные сведения об этногенезе и этнической истории народов Средней Азии. Роль и значение этих источников в освещении истории происхождения народов Средней Азии неоценимы. Среди этих письменных источников самым древним, впервые упоминающим названия живших в Средней Азии народов, считается Авеста.

а) Авеста[1]. Авеста была священной книгой зороастрийской религии наших предков до распространения в крае ислама (до VIII века н.э.). Эта книга величай-

---

[1] Ўзбекистон тарихи хрестоматияси. 1-жилд. Энг қадимги ёзма манбалар. Авесто. – Т.: Фан, 2014. С. 124–146.

шее дошедшее до нас с древнейших времён наследие наших предков, шедших по пути духовных изысканй, плод этапов совершенствования мысли, самопостижения, до уверования в единобожие.

Религия зороастризма условно названа в честь пророка Заратуштры (Зороастра), принёсшего благую весть об этой религии. В действительности, в книге «Авеста» эта религия называется «религия маздаясана», что в переводе означает – «поклоняться Мазде». Само слово Мазда значит – «мудрец, разумный».

Люди веровали, что весь мир и всё, что нас окружает, создано по воле Мазды. С добавлением к имени Мазда слово Ахура – «почитать, прославлять», получено имя зороастрийского божества – Ахура Мазда. Маздаясана (зороастризм), как официальная религия, стала угасать с распространением в крае ислама в VIII веке н.э. Священная книга зороастризма, как и многие другие книги наших предков доисламского периода, стала пропадать и забываться. В особенности с начала VIII века н.э. усиленное внедрение арабской письменности и языка во всех завоёванных арабами землях и введение официального запрета на использование согдийской, эфталитской, пехлевийской, монийской, и других письменностей ещё более ускорило процесс забвения древней письменной культуры.

Но историческая судьба Авесты сложилась своеобразно. Арабы впервые встретились с древней религией наших предков – зороастризмом в середине VII века во время своих первых военных походов на сасанидский Иран, затем на южные области Центральной Азии. После завершения завоевания и начала распространения исламской религии зороастрийские общины стали подвергаться массовым гонениям. Зороастрийцы Ирана и Турана жестоко преследовались. Такое положение вынудило часть зороастрийцев переселиться в безопасные края. В итоге, в течение VIII–XIII веков их общины стали обосновываться в областях Бомбей и Гуджарат в Индии. Представителей этих общин, независимо от их происхождения, местное население стало называть персами (парсами). Самое главное заключалось в том, эти общины зороастрийцев сумели сохранить обречённую на забвение религию, традиции и обычаи, убеждения и, наконец, самые важные, необходимые в повседневной жизни, священные части Авесты. И в наши дни потомки этих общин – почти 150 тысяч зороастрийцев, сохранивших свою религию, живут в этих районах Индии.

По утверждению многих учёных, родиной зороастризма являются земли Турана, потому что мифологические пласты, историко-географические описания в своей основе присущи землям Турана, вернее, Бактрии, Маргиане, Согдиане и Хорезму. И ещё, язык Авесты, в отличие от древнего юго-западного иранского языка, послужившего основой для формирования современного персидского языка, является родственным северо-восточным иранским языкам, в частности языкам, использовавшимся на древних территориях современного Узбекистана.

По мнению большинства учёных, Заратуштра является реальной исторической личностью. По традиционным представлениям, Заратуштра жил между VII–VI веками до н.э. (И.М. Дьяконов, В.И. Абаев, Б.Г. Гафуров). Но на основе изуче-

ния текста Авесты часть учёных высказывали мнение, что Заратуштра проживал во второй половине II тысячелетия до н.э. (XIII–XII века – Мэри Бойс), другие определяли эту дату началом I тысячелетия до н.э. (между X–IX веками – И.М. Стеблин-Каменский).

Так когда же жил Заратуштра? На наш взгляд, есть все основания полагать, что во II тысячелетии до н.э., когда в крае процветал бронзовый век, равномерно развивалось поливное земледелие и домашнее животноводство, в обществе возникли сословия правящих классов, духовенства, военных, ремесленников, животноводов, земледельцев, углубилось разделение труда и общественное расслоение – зороастризм сформировался в качестве целостной религии. В этот период сохранившиеся первобытные религиозно-идеологические, мифологические представления были приведены в определённую систему. Единство мира, постоянство и последовательность образа жизни, заглушая веру в различные божества, призывало к поискам единого Создателя, его познания, уверования в него. Значит, второе тысячелетие до нашей эры, выступив в качестве периода духовных поисков, самопознания народа, и, наконец, постижения единобожия, стало своеобразным этапом духовного развития наших предков.

На Востоке исторические источники более двух тысяч лет хранили сведения о существовании книги «Авеста». В Европе первые сведения об Авесте появились в средние века, а с завоеванием Индии англичанами сведения об этой книге ещё более обогатились. В начале 1750 года молодой французский исследователь Анкетиль Дюперрон, загоревшись идеей изучения Авесты, вместе с английскими военными отрядами прибывает в Индию. Ему удаётся долгое время прожить в общине зороастрийцев, завоевать их доверие, изучить язык Авесты, который могли толковать только сами верующие и выкупить его тексты. Затем, в 1761 году, он возвращается во Францию и в 1771 году публикует тексты Авесты.

За короткое время сведения об Авесте умножаются и возрастает научный интерес к изучению этой книги. Большая научная отвага Дюперрона и его заслуги перед наукой были признаны общественностью. Были исправлены ошибки, допущенные в переводе и недостатки в толковании. Была обнаружена схожесть языков Авесты и великой эпической поэмы индийского народа «Ригведы». А. Дюперрон заметил близость языка Авесты к другим языкам Индии, а также к греческому и латинскому языкам и первым в истории ввёл в науку понятие «индоевропейские языки».

Авеста на своей родине – Туране, с древних времён всегда находилась в центре внимания научной общественности. Сбор воедино текстов Авесты, приведение в порядок его составных частей и, наконец, создание достоверной версии является ярким примером книговедческой культуры и древнего источниковедения. К тому же, в средневековой науке подробные сведения об Авесте можно почерпнуть из произведений великого учёного Абу Райхана Беруни и других источников.

Авеста не дошла до нас полностью, сохранились части книги под названиями Ясна, Яшт, Виспарад, Видевдат. Одна из книг Авесты – Видевдат состояла из 22

глав и была среди частей Авесты одной из поздних по времени создания и наиболее полно сохранившейся. Ее главы назывались «фрагард». В фрагардах приводятся сведения о 16 областях, в частности о Хваризаме (Хорезм), Гава Сугуда (Согд), Моури (Мерв), Бахди (Балх) и добродетелях земледелия и скотоводства[1].

В части Авесты «Виспарад» собраны гимны, исполняемые на праздниках и религиозных обрядах зороастрийцев. «Яшт» считается самой ранней частью Авесты и также состоит из 22 глав. Каждая глава состоит из гимнов в честь Ахурамазды и созданных им богинь, которые выполняли определённые задачи. Значит, главы Яшт созданы на основе устного творчества древних племён.

В Авесте содержатся интереснейшие сведения по таким отраслям человеческого познания, как история, религоведение, этнография, нравственно-философские взгляды, астрономия, космогония, теология и многих другие. Вместе с этим Авеста по своему содержанию является памятником раннего художественного творчества и литературы. Она составлена из легенд, преданий, героических поэм. Хушанг, Тахмурас, Джамшид, Каюмарс, Фаридун, Заххок и другие мифологические образы Авесты перекочевали в средневековую поэму и литературу. Кайхусрав, Афрасиаб, Сиявуш, Рустам, Сухроб и другие образы дошли до нас сквозь века.

Самая главная нравственная идея зороастризма выражена в Авесте следующим образом: если ты желаешь, чтобы Ахурамазда, создавший мир добра, победил в битве с Ахриманом, создателем мира зла, и человечество достигло вечного счастья и блаженства, основным содержанием твоей жизни должно стать доброе дело, доброе слово и добрая мысль. Человек, придерживающийся в жизни этих трёх правил, не примет сторону Зла. Это должно стать самой простой целью в жизни – единственной целью на пути постижения истины. Согласно зороастризму человек свободен сам выбирать, чью сторону ему принять – Добра или Зла. Выбор человека чрезвычайно важен в победе добра и истины в борьбе с обманом и злом. Путь Добра есть истинный путь и принёсший весть от Ахурамазды Заратуштра ведёт людей по этому пути. Все добрые дела человека с убеждениями и верой истребляют зло. Тогда все люди, свершающие добрые дела, будут вечно жить в мире справедливости. Заратуштра обещает людям вечную блаженную райскую жизнь. Эта жизнь называлась «бихишт» (рай) или, согласно Авесте, ваху-хишта – «хорошая жизнь». Считалось, что этот рай наступит через 3000 лет. Тогда появившийся из яйца Заратуштры освободитель Саошйаната выйдет из священной воды и спасёт всех праведных от дауджваха (ада), созданного Ахриманом. С приходом Саошйанаты Добро добьётся окончательной победы.

Древние географические и территориальные определения в Авесте – названия этнических племён и областей, общественные и экономические отношения, со-

---

[1] *Исҳоқов М.* Эзгу уй, эзгу сўз ва эзгу амал. // «Авесто китоби – тарихимиз ва маънавиятимизнинг илк ёзма манбаи» мавзуидаги илмий-амалий семинар материаллари. – Т., 2000. С. 14, 17; *Сагдуллаев А.С.* Авесто тарихий географияни ўрганиш манбаи сифатида // «Авесто китоби – тарихимиз ва маънавиятимизнинг илк ёзма манбаи» мавзуидаги илмий-амалий семинар материаллари. – Т., 2000. С. 35-39.

циальная структура общества Авесты являются бесценным источником для изучения этногенеза и истории ранней государственности народов Средней Азии. В ней нашли своё отражение первобытные и древние религиозные представления, понятия о создании космоса и земного мира, мифы и легенды, философско-этические взгляды узбекского, таджикского, персидского, афганского, азербайджанского и других народов.

Общественно-экономические отношения в Авесте[1]**.** Общество Авесты состоит из четырёх общественных ступеней: большая патриархальная семья – нмана, патриархальная родовая община – вис, племенная община – занту и племенной союз – дахью. Дахью также означало – область, страна. Для обозначения главы семьи, рода, племени использовалось слово «пати» (отец). Значит, главу семьи называли – нманапати, старейшину рода – виспати, вождя племени – зантупати, правителя страны – дахьюпати. Правитель страны обладал религиозной и светской властью, то есть «кави», а его полководца называли «састар». Как правило, састар был правителем столицы дахью, при объявлении военного положения в стране на него возлагались задачи военного руководства. Как написано в Авесте, састар мог возглавить и один из округов дахью. В его обязанности входило руководство военными силами страны и управление столицей или округом.

Термины *састар* и *кави* встречаются в системе управления тех стран, экономическая жизнь которых была основана на ведении земледельческого хозяйства. В скотоводческой общине обязанности кави и састара выполнял джабгу племени. Если подойти с точки зрения этногенеза, высшая ступень структуры общества Авесты – дахью – была не только крупной территориальной единицей, но административной территорией определённой этнической группы. Названия 16-ти из этих территориальных этнических объединений упоминаются в Авесте и каждое из этих этнических объединений, в свою очередь, связано с названием конкретного народа.

В территориальной структуре общества Авесты политическое объединение нескольких дахью составляли конфедерацию дахью. Возглавлял конфедерацию дахью – састи, который был звеном дахью, достигшим уровня государственности. Например, политическое объединение, руководящее хорезмийцами (Яшт, 10 глава) в доахеменидский период можно назвать конфедерацией дахьюсасти. Это политическое объединение Марквард предлагал назвать «Большой Хорезм».

В письменных источниках встречаются сведения о существовании в доахеменидский период Древнебактрийского царства. По некоторым предположениям, в его состав даже входили области Маргианы и Согдианы. Это политическое государственное объединение возглавляла Бактрия. Однако дахьюсасти в этом царстве ещё не обладал абсолютной властью, его права были ограничены со стороны дахьюпати. Он был всего лишь председателем собрания, состав которого образовывали дахьюпати, царём объединения дахьюсасти, ограниченного в пра-

---

[1] Анализ и толкование сведений священной книги Авеста, связанной с этногенезом узбекского народа и непосредственно с археологическими объектами, принадлежит автору этих строк.

вах «ханчаманой». Во главе этого политического объединения стоял религиозный предводитель, верховный судья, которого называли заратуштроэма. Он был верховным религиозным правителем на уровне пророка Заратуштры. Без его согласия ни дахьюпати, ни дахьюсасти не могли прийти к власти.

В странах, созданных божеством добра Ахурамаздой, совет старейшин назывался «варзана», «ханчамана», а собрание общин – «въяха». В Авесте не встречаются понятия города или городской общины. Авеста подразделяла членов древней общины на четыре сословия: жрецы, воины, скотоводы и ремесленники (Книга Ясна, глава 19). Упоминаемые в Авесте термины «высокие дома», «колонны» указывают на то, что социально-экономическую основу общества составляли земледельческие общины эпохи бронзы.

Действительно, если подвергнуть анализу состав членов общества того времени, в древних земледельческих регионах первоначально во главе системы управления находились жрецы. Они считались «владельцами скота и обширных пастбищ». Воинами были арии, стоящие вторыми по счёту владельцами собственности после жрецов. В Авесте основным богатством считался скот. Заратуштра в своём учении говорил: «Скоту нужен хороший хозяин. Владельцам скота на этой земле я обеспечу свободу передвижения и свободную жизнь» (Ясна, 24, Гаты). Хозяевами этой свободной жизни были арии. Сословие скотоводов в Авесте – это пастухи, пасущие скот и лошадей – богатство жрецов и воинов-ариев.

Сословие ремесленников занималось изготовлением орудий труда и боевого оружия, ювелирных изделий, гончарным производством и ткачеством без отрыва от земледелия, то есть по сути являлось земледельческой общиной, занимавшейся производством. Однако в книгах Авесты Ясна и Яшт сведения о земледелии не встречаются. Такие сведения включены в книгу Авесты Видевдат (Видевдат, глава 3).

Религиозные и философско-этические взгляды в Авесте. Религиозная философия Заратуштры была основана на противоборстве противоположных сил. Эта борьба началась среди богов и продолжилась в природе и жизни людей. Мир, в котором расселились люди, зороастрийцы подразделяли на 7 природных частей. Они предполагали, что история этого мира продлится 12 тысяч лет. Они разделили развитие мира на четыре этапа, каждая из которых состояла из 3 тысяч лет. Первый этап – невидимый духовный мир; второй – зарождение человеческой жизни, то есть появление на этом этапе Гавамарда (в исламе – Одам ато); третий – «Золотой век», когда на историческую арену вышли арии; четвёртый – период после смерти пророка Заратуштры. На втором этапе мировой истории начинается деятельность божества зла Ахримана (в исламе – Шайтан). Ахриман убивает Гавамарда, но происшедшие от него мужчина и женщина продолжат род человеческий. Согласно Авесте, арии произошли от детей Гавамарда. Ариев можно представить в виде аристократов туров Авесты. Третий этап был «золотым» веком, когда правил царь Йима (Джамшид) и люди вели счастливую жизнь. Население мира увеличилось в несколько раз и не было места, куда бы не ступала нога человека, не хватало

земли для птиц и животных. По совету Ахурамазды Йима каждые 300, 600 и 900 лет расширял границы земель, где проживали люди. Против холода и наводнений Йима основал строительство «вара» – четырёхугольных крепостей. Значит, на этот этап в археологической системе периодизации приходится век бронзы и раннего железа. На четвёртом этапе мировой истории появляется человек по имени Саошйаната, освобождающий, спасающий человечество от злых сил, он очищает землю от зла, совершивших и продолжающих совершать грех людей он уничтожает. Именно в этот период появляются героические песнопения в честь героев, философия жизни и смерти, устное народное творчество. Этот этап в истории человечества приходится на «период военной демократии». В конце четвёртого периода наступает «конец света».

Согласно религиозно-этической философии Заратуштры, быть верующим – всегда содержать себя в чистоте, бороться с дьяволом, не грешить, совершать добрые дела, жить с добрым словом и добрыми мыслями – это должно составлять суть и значение повседневной жизнедеятельности каждого зороастрийца. В пророчествах Ахурамазды преисподняя описывается как «самые худшие моменты жизни», а небо – как «высшее состояние духа». Всё зло и жестокость в мире происходит от безбожия людей. Уничтожение зла – это задача будущего и честные люди должны быть активны в этом деле.

В зороастрийской религии вера зиждется на трёх опорах: чистота помыслов, твёрдость слова, человечность поступков. В Авесте сказано, что «сдерживать данное слово, быть верным ему, быть честным в торговых делах и договорах, вовремя отдавать долг, быть свободным от лжи и вероломства – признак честности верующего». Согласно философии Заратуштры, после смерти человека его душа три дня находится в теле, на четвёртый день в образе прекрасной девушки в сопровождении ангела проходит в мир иной через «чинвот» (волосяной мост) и попадает в рай. А грешники не смогут пройти через мост и попадут в ад. Добрые люди продолжат жизнь в новом теле.

В Авесте разъясняется, что этот мир является для человека испытанием. Когда-то давным-давно во времена правления Йимы человечество пережило золотой век в вечном счастье, не зная ни болезней, ни смертей. Тысячу лет правил Йима и создал райскую страну. Однако в нём взыграет гордыня и он нарушит запрет Ахурамазды – съест мясо крупного рогатого скота и будет наказан. В итоге его потомки, то есть всё человечество, окажется вынужденным вечно искать хлеб насущный, подвергнется болезням и смерти. Ахриман, отделившись от тела Ахурамазды, примется за сотворение зла. Теперь единственным путём для возвращения мира в лоно вечного добра являются праведная жизнь, честный труд, созидание, изгнание из души зла, непоколебимая вера, оказание помощи нуждающимся, добрые намерения, доброе слово и добрые дела. Таким образом, Авеста – это философско-этическое учение зороастризма – одной из самых древних религий, эта книга не только религиозный, но в широком смысле исторический и литературный источник, энциклопедическое собрание древней истории и этапов развития мысли наших предков.

Завершая анализ Авесты можно сказать, что этот религиозный, исторический, литературный источник вобрал в себя несколько исторических периодов. Самая древняя часть Авесты – «Гаты» (священные песнопения) сложились до Заратуштры. Анализ событий, изложенных в «Гатах», свидетельствует о его сложении в эпоху бронзы. В «Яштах» воплощён общественно-экономический уровень развития периода архаики и раннего железного века и в нём растворены события периода «Гатов». Более поздняя из этих частей – Видевдат – редактирована и приведена в форму книги во времена Сасанидов (в период правления Шапура I), при этом религиозные, философские и нравственные взгляды были обработаны в духе того времени. При целостном анализе Авесты выясняется, что до появления Заратуштры у наших первобытных предков существовали племенные религиозные представления. Затем первобытные отношения стали вытесняться периодом раннего классового общества. Для формирования этой эпохи ощущалась потребность в сильной идеологии, потому что местные племенные религиозные верования стали сдерживающим фактором в переходе общества на новый уровень. В это сложное время зародилась необходимость в объединении различных племён края вокруг идеи создания ранней государственности. В качестве одной из передовых личностей, верно осознавшим веление времени, на историческую арену выходит Заратуштра.

Заратуштра не смог найти последователей среди своих сородичей, в своей отчизне – Туране и был хорошо встречен Виштаспом, кавием Бахди, одной из областей северо-восточного Ирана, его семьёй и приближёнными. Потом на основе чёткой систематизации религиозных представлений огнепоклонников эпохи бронзы зародилась религия, названная по имени религиозного реформатора, реальной исторической личности Заратуштры – зороастризмом. Действительно, Заратуштра, в качестве религиозного реформатора, привёл в единую систему религиозный и нравственный мир того времени. Эта цельная религиозная система, названная в науке зороастризмом, начинает своё развитие.

Выше мы рассмотрели, что общество Авесты состояло из нманы, виса, занту и дахью. Если подойти к высшей ступени развития древнего общества – дахью, с точки зрения этногенеза, это не только крупная территориальная единица, но и административная территория определённого этнического объединения. Шестнадцать из таких этнических объединений упоминаются в Авесте, среди которых встречаются названия Гава, Сугуда, Бахди, Моури, Хороева, Тур и другие. В свою очередь, каждая из них является этнической единицей, непосредственно связанной с названиями конкретных этнических общин. Благодаря именно такому источнику, как Авеста, мы знаем о племенах согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, маргушей, туров (саков), проживавших в древности на территории Средней Азии. Значит, Авеста является ценным письменным источником, содержащим сведения для изучения этногенеза узбекского народа, потому что одним из двух стержневых корней предков узбекского народа были древние северо-восточные иранские племена и народы – согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, коренное население Чача и древней Ферганы.

б) Древнее население Средней Азии в наскальных письменах иранских Ахеменидов. По преданиям Авесты, во второй половине II тысячелетия до н.э. вторгшиеся из степей Евразии в районы Персидского залива Среднего Востока скотоводы-арии располагаются в стране Эламту («Горная страна»), упоминаемой в аккадских источниках. Эламиты называли свою страну «Хотамту». Древняя Хотамту (Эламту) считается юго-западной частью современного Ирана. После того как здесь расположились арийцы, страну Хотамту стали называть Арьяной. В Авесте они называются «арья», то есть боевые всадники вольных, свободных скотоводческих племён. Они стремительно установили свою власть над земледельческими общинами парсов (персов) и стали полными хозяевами юго-западных иранских территорий. В конце VIII – начале VII века до н.э. один из самых влиятельных вождей ариев Ахоман основывает свою династию. В VII веке до н.э. его сын Чишпиш создаёт союз персидских племён. В клинописях, относящихся примерно к 640 году до н.э. царём страны Парсумаш, то есть Парсуа, называется Кир I. Он объединил несколько местных царств и создал единое государство. В 559 году до н.э. к власти приходит парс Кир II. В Вавилонской хронике 550 года до н.э. Кир II упоминается как правитель Парсуа, расположенной между Персидским заливом и горной системой Загрос.

Во времена правления Кира II на Ближнем Востоке были такие крупные государства, как Мидия, Лидия, Вавилония и Египет. Вначале он завоевал Мидию, затем Элам. Потом присоединил Вавилонию и Лидию. После Кир II отправился на завоевание Бактрии и сакских земель.

В 545–540 годах до н.э. Ахемениды подчинили себе области Бактрии, Партавы, Маргианы и Согдианы. В 530 году до н.э. Кир II вторгается на земли массагетов. Кир II вначале совершает поход на саков Партавы и побережья Каспия, затем на саков Бактрии и Амургии, и, наконец, на приаральских саков (массагетов – А.А.). Война с приаральскими саками в 530 году до н.э. закончилась для Кира II неудачно.

Завоевательные походы Ахеменидов возобновляются при Дарии I, и в 518 году он подчиняет себе саков Приаралья. Во времена Дария I (522–486 годы до н.э.) династия Ахеменидов устанавливает свою власть на территории от долины Инда до Средиземного моря.

Названия стран и народов, завоёванных Ахеменидами и плативших им дань (налог), записаны на стенах лестницы, ведущей в царский дворец ахеменидских царей в городе Персеполе, на статуе Дария I в городе Сузы. Об этом писали В.В. Струве, В.В. Бартольд, М.М. Дьяконов, И.М. Дьяконов, В.И. Абаев, М.А. Дандамаев, Э.А. Грантовский и другие. По приведённым ими данным, письмена ахеменидских царей состояли из приказов и речей царя, посвящённых общественным, политическим и религиозным вопросам и написанных на древнеперсидском языке. В них приведены этнические названия древнего населения Средней Азии, которые дают сведения о предках современных узбеков и таджиков, живших на землях областей и древнем царстве того времени.

Бехистунские надписи. Эти надписи высечены во времена Дария I на высокой скале по дороге между городами Керманшах и Хамадан на древнеперсидском, эламском и аккадском языках. В этих надписях от имени царя Дария I сообщается: «Я – Дарий, великий царь, шаханшах, падишах разных стран, сын Виштаспа, внук Аршана, Ахеменид, по воле Ахурамазды завоевал следующие страны и стал их царём: Персия, Элам, Вавилон, Ассирия, Аравия, Египет, Лидия, Мония, Армения, Каппадокия, Партава, Дрангиана, Арья, Хваризам, Бактрия, Согдиана, Гандхара, Сака, Саттагадия, Арахозия, Мака. Всего 23 страны». Царь Дарий I говорит: «Когда я был в Вавилоне, следующие государства отделились от меня: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Партава, Маргиана, Саттагадия, Сака». Далее на Бехистунских надписях мы читаем следующее: «Страна, называемая Маргианой, отложилась от меня. Один человек, по имени Фрада, маргианин, был провозглашён ими правителем. Тогда я послал к персу Дадаршишу, моему подчинённому, сатрапу Бактрии, и так ему сказал: «Иди и разбей войско, которое не признаёт меня». Дадаршиш с войском двинулся и дал бой маргианам. Ахурамазда мне помог. По воле Ахурамазды войско моё разбило мятежное войско наголову… Вот что я делал в Маргиане». Царь Дарий I, продолжая повествовать о своих победах, говорит: «Затем я с войском отправился против страны саков. Затем саки, которые носят остроконечные шапки, выступили, чтобы дать битву… Затем я наголову разбил саков, а другую часть захватил в плен… Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне… Тогда я другого назначил их вождём, как на то было моё желание. Затем страна стала моей».

Накши Рустам (Скальная надпись Рустама). В надписях Ахеменидов Накши Рустам в списке стран после Мидии и Элама начинаются названия восточных областей. Царь Дарий говорит: «Я – Дарий, великий царь, шаханшах, падишах многих племён и разных стран, царь обширных земель, сын Виштаспа, Ахеменид, парс, сын парса, арий из рода ариев. Кроме области Парсуа я подчинил следующие страны, платящие мне дань, исполняющие моё слово, развивающиеся по моим законам: Мидия, Элам, Арья, Бактрия, Согдиана, Хорезм… Сака Хаумаварака, Сака Тиграхауда... саки заморских земель».

Надписи в Сузах. В надписях на статуе Дария I, установленной в царском дворце в городе Сузы, кроме Бактрии, Согдианы и Хорезма упоминаются «саки илистых и глинистых земель». Ещё в одной надписи, найденной в Сузах, Дарий I объявляет: «Когда я сооружал дворец в Сузах, украшения для него были привезены из далёких стран. Дерево Уака доставлялось из Ганхары, золото – из Сарда и Бактрии, самоцветы и лазурит – из Согдианы, бирюза – из Хорезма, серебро и бронза – Арахозии, каменные столбы – из Элама».

Рельефные изображения на стенах Персеполя. На стенах каменной лестницы, ведущей во дворец Дария и Ксеркса в городе Персеполь, в рельефной форме были выполнены изображения несущих дань представителей стран, зависимых от иранских Ахеменидов. Скульптор так живописно изобразил несущих дары представителей разных стран, что нетрудно определить их принадлежность к тому

или иному народу. На изображениях чётко просматриваются их облик, одежда, оружие и даже рисунки животных, которые традиционно обитают на землях этих народов. К примеру, посланники Согдианы на изображениях занимают восьмой ряд. На изображении их семеро, они несут царю серебряные сосуды, шёлковые ткани, шкуру неизвестного животного (возможно льва) и ведут двух баранов. В одиннадцатом ряду изображены саки-тиграхауда в остроконечных шапках, которые держат свои головные уборы в руках и ведут степного коня. В пятнадцатом ряду пятеро бактрийцев несут дорогую посуду из чистого железа и ведут за собой двугорбого верблюда. В семнадцатом ряду – хорезмийцы держат в руках обоюдоострый книжал, боевой топор, браслет и ведут игривого коня.

Таким образом, на рельефах из Персеполя изображены не только одежда и предметы традиционного ремесленничества народов Согдианы, Бактрии, Хорезма и сакских племён, но, вместе с тем, содержат бесценные сведения по интересующей нас теме – этническом составе древних народов Средней Азии и обогащают наши представления о коренных народах нашего края. В целом, ахеменидские надписи в научном, источниковедческом плане снабжают нас сведениями об областях, на которых издревле проживали наши предки, названиях народов, политических процессах (восстание Фрады), походах на земли саков, экономической жизни и материальной культуре.

IV.2. Греческие авторы о древнем населении Средней Азии

В истории Древнего мира караванные пути, связывавшие Восток и Запад («Лазуритовый путь», «Царская дорога», «Великий Шёлковый путь», «Нефритовый путь» и другие), играли большую роль в экономической жизни стран. Чтобы установить контроль над определённой частью этих путей и расширить зоны влияния над ними, изыскивались различные поводы и причины, что приводило к войнам между различными странами. Одной из таких войн были столкновения между древними персами и греками в VI–IV веках до н.э. В войнах между этими двумя великими империями Древнего мира (Ахемениды и Греция) участвовали и древние народы Средней Азии. По этой причине греческие историки оставили ценные исторические сведения о народах Средней Азии. В особенности следует отметить выходцев из городов Малой Азии – научных и культурных центров Древней Греции – учёных историков, географов и других, интересовавшихся историей летописцев различных областей науки, которые оставили множество интересных сведений о древних народах Ирана и Турана. Как известно из источников, история древних греков была сложена в городе Милете Ионии и слово «история» на ионическом языке означает «исследование», «поиск». Один из представителей милетской исторической школы Гекатей, живший в VI веке до н.э., в своём произведении «Землеописание», в части, посвящённой Азии, впервые приводит сведения о хорасмиях. Также ранние сведения о хорасмиях и их потомках, переселившихся в бассейн нижнего течения Амударьи, имеются в книге

«История» историка из Малой Азии Геродота, который писал на основе сведений Гекатея[1]. Об этом также писали Афиней, Степан и другие. Например, Афиней писал: «Гекатей Милетский так описывает Азию: «К востоку от парфов на равнинах и в горах живут хорасмии. В тех горах растут дикие деревья, тополя, тамариск, колючая кинара». И Степан также писал: «Хорасмия – город к востоку от парфов. Гекатей, описывая Азию, говорит: «Их город – Хорасмия»[2].

Геродот (жил примерно в 484–425 годах до н.э.) побывал в городах Малой Азии, Вавилоне, Финикии, острове Кипр, Македонии, Центральной Греции (Афины), на побережье Чёрного моря, на островах Эгейского моря и многих других странах и городах Древнего мира. За время своего десятилетнего путешествия (455–445 года до н.э.) он посетил Ливию, Египет, Ассирию, Вавилон, Экбатан и на основе собранного материала написал 9-томную «Историю». Сведения об истории народов Средней Азии содержатся в I, III, VII томах «Истории» Геродота. Исторические события и рассказы в произведении приведены последовательно в виде легенд, мифов, преданий, сказаний, сказок, притч и кратких рассказов, вкраплённых между ними[3] (например, рассказ о Томирис и гибели Кира и другие).

В произведении Геродота «История» нас интересуют сведения об оседлых и кочевых народах – саках (скифах), массагетах, хорасмийцах и Хорезме, иссе-донцах и дайцах, фарфах и маргушах, согдийцах и парикан и других, живших с древних времён в Средней Азии. Он освещает причины походов Кира на массагетов и его гибель[4]. Сведения о скифском народе содержатся в 4-м томе книги «История». Он не судит о восточных народах, как о «варварах». Для него Восток – очаг культуры и мудрости человечества[5], по его мнению, геометрия, солнечные часы, законодательство, письменная культура и многое другое пришло с Востока[6]. Геродот, размышляя о древних временах Средней Азии, в основном пишет о походах персов на сако-массагетов, о политических отношениях между Киром II и Томирис, об активном участии наших предков-воинов в военных походах Ахеменидов, об их вооружении, предводителях, героизме в битвах, об уплате нашими предками большой дани Ахеменидам, под гнётом которых они оказались, о конфликтах по поводу пользования водами реки Акес и других. Геродот никогда не был в областях и городах Средней Азии, поэтому его сведения об исторической географии Средней Азии требуют критического подхода. Например, о территориальном расположении массагетов Геродот пишет следующее: «Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом... Река же Аракс берет начало в Матиенских горах» (т. 1, с. 75). Исследования показали,

---

[1] *Геродот.* История. Том III. С. 117.

[2] *Пьянков И.В.* Хорасмии Гекатея Мимлетского. // ВДИ, № II, 1972. С. 6

[3] *Сулаймонова Ф.* Шарқ ва Ғарб. - Т., 1997. С. 48.

[4] *Геродот.* История. Том I. С. 201, 204–215.

[5] Там же. Том I. 4; Том II. 4.

[6] Там же. Том II. 109, 177; Том IV. 180.

что Аракс – это Амударья, Матиенские горы – Памир или Гиндукуш, потому что, как пишет Геродот, река Инд берёт начало в горах Гиндукуша.

Геродот в III книге «Истории» (117), основываясь на сведения Скилака и Гекатея о конфликте по использованию вод реки Акес, пишет: «Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горой, а через эту гору ведут пять узких проходов. Эта долина принадлежала некогда хорасмиям и лежит на границе земель хорасмиев, гирканов, парфян, сарангов и фаманеев. Со времени же персидского владычества они подвластны персидскому царю. Так вот, с этой окружающей [долину] горы стекает большая река по имени Акес. Эта река, разделенная на пять рукавов, прежде орошала земли упомянутых народов, так что из каждого прохода вытекал свой рукав. Однако со времени подчинения персам эти народы очутились вот в каком положении. Царь повелел закрыть горные проходы и построить на каждом шлюзы. Поэтому вода не могла больше вытекать [через проходы], и долина, окруженная горами, обратилась в озеро, так как река разливается по равнине, но выхода не имеет. Так вот, те племена, которые прежде пользовались этой водой для орошения, стали терпеть ужасные лишения. Зимой, конечно, божество, как и в других местах, посылает также и им дожди; летом же просо и сесам, которые они сеют, постоянно испытывают недостаток влаги. Когда нет уже больше воды, они едут в Персию вместе с женами и, остановившись перед вратами царского дворца, начинают громко и жалостно вопить. Царь же, видя крайнюю нужду просителей, велит открыть шлюзы, ведущие в их страну. Когда же их земля вдоволь напитается водой, царь приказывает опять закрыть шлюзы и открыть другие, ведущие в землю тех племен, которые больше всего после них нуждаются в воде. Однако, как я узнал, царь взимает за открытие шлюзов большие суммы денег (сверх податей). Так обстоит дело»[1]. Этот эпизод, приведённый Геродотом, свидетельствует о тяжёлом положении наших предков, в особенности простых тружеников общин, под гнётом Ахеменидов.

На основе этого эпизода Тарн, Альтхайм, Хеннинг, Пьянков, Гафуров и другие сделали предположение, что хорезмийцы вначале жили вокруг Мерва-Герата, затем, под давлением Ахеменидов, переселились на нынешние земли. Исследователи, в особенности В.А. Лившиц, считают, что хорезмийский язык близок к языку Авесты. Учёные, придерживающиеся этого мнения (В.В. Струве, И.М. Дьяконов, В.Г. Луконин, М. Мэри Бойс, С.П. Толстов, М. Исхаков и другие), предполагают, что самые древние части Авесты – песнопения «Гаты» – созданы в Хорезме. Возможно, более верным будет утверждение, что гимны Гатов были созданы в Хороева (Герате) и хорасмийцы принесли их вместе с собой (в последней четверти VI века до н.э.) в низовья Амударьи. Даже при таком варианте получается, что «Гаты» Авесты созданы в общине хорасмийцев.

Геродот в своём произведении часто упоминает Бактрию. В частности, он пишет: «Ведь помехой Киру были Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне», –

---

[1] *Геродот.* История. Том III. 117.

имея в виду военные походы Кира II[1]. Приведённое Геродотом понятие «бактрийский народ» означает определённую этническую общность. Слово «этнос» в значении «народ» встречается в «Истории» Геродота очень часто.

Как пишет Геродот, Дарий I правил государством Ахеменидов, разделив его на 20 сатрапий. Три из них находились на территории Средней Азии. К примеру, в «Истории» мы можем прочитать следующие строки: «Народности от бактрийцев до эглов платили 300 талантов (один талант равен 33, 655 кг серебра. – А.А.) подати. Это – двенадцатый округ»[2]. «Саки и каспии платили 250 талантов. Это – пятнадцатый округ. Парфяне же, хорасмии, согдийцы и арии платили 300 талантов. Это – шестнадцатый округ»[3]. Геродот также сообщает нам об этническом составе, одежде, вооружении наших предков: «Бактрийцы носили на головах шапки, очень схожие с мидийскими, тростниковые бактрийские луки и короткие копья. Саки же (скифское племя) носили на головах высокие остроконечные тюрбаны, плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы – [обоюдоострые] боевые секиры. Это-то племя (оно было, собственно, скифским) называли амиргийскими саками. Персы ведь всех скифов зовут саками»[4]. «Парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии и дадики шли в поход в таком же вооружении, как и бактрийцы. Начальниками их были: у парфян и хорасмиев – Артабаз, сын Фарнака; у согдийцев – Азан, сын Артея»[5]. «Вооружение бактрийских всадников было то же, что и у пеших воинов, точно так же и у каспиев… Каспии и парикании были вооружены так же, как и пешие воины. У арабов тоже было одинаковое вооружение с пешими воинами, но все они ехали на верблюдах, по быстроте не уступающих коням»[6].

Геродот в первой книге 9-томной «Истории» свои рассказы о древних народах Средней Азии начинает именно с массагетов: «После покорения этого народа, – говорит Геродот, – Кир задумал подчинить массагетов. Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем»[7]. «По рассказам некоторых, Аракс больше Истра; другие же, напротив, считают эту реку меньше. На Араксе, как передают, много островов величиной с Лесбос. На этих-то островах живут люди, летом питающиеся разными кореньями, выкапываемыми из земли. В летнюю же пору они собирают спелые плоды с деревьев и затем сохраняют их про запас. Там есть будто бы также и другие деревья, приносящие особого рода плоды. Собравшись толпой в

[1] *Геродот.* История. Том I. 153.
[2] Там же. Том III. 92.
[3] Там же. Том III. 93.
[4] Там же. История. Том VII. 64.
[5] Там же. Том VII, 66.
[6] Там же. Том VII, 86.
[7] Там же. Том I. 201.

одно место, массагеты зажигают костер и затем усаживаются вокруг и бросают эти плоды в огонь. От запаха сжигаемого плода они приходят в состояние опьянения, подобно тому, как эллины пьянеют от вина. Чем больше плодов они бросают в огонь, тем сильнее их охватывает опьянение; пока наконец они не вскакивают, пускаются в пляс и начинают петь песни. Так рассказывают об образе жизни этого племени... Одно единственное устье Аракса... [впадая] в Каспийское море. Каспийское же море – это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем»[1]. «Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (и так и этак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготовляют из меди (имеется в виду бронза – А.А.), а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии»[2].

«Хлеба массагеты не сеют, занимаются скотоводством и рыбной ловлей (в реке Араксе чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. У массагетов единственный бог, которого они почитают, это – солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая, что богу нужно приносить в жетрву самое быстрое существо на свете»[3].

В 530 году до н.э. Кир II совершает поход на массагетов. Как пишет Геродот, в эти времена у массагетов умирает царь и вместо него царствует его вдова – Томирис. Геродот так описывает это событие: «Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить понтонные мосты через реку [Аракс], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни. Пока войско Кира было занято этими работами, Томирис велела через глашатая сказать Киру вот что: «Царь мидян! Отступись от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо или нет сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а предпочтешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если же ты страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Переходи спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то

[1] *Геродот*. История. Том I. 202.

[2] Там же. Том I. 215.

[3] Там же. Том I. 216.

поступи так же». После этого Кир призвал к себе персидских вельмож на совещание, изложил им дело и спросил совета, как ему поступить. Все единогласно сошлись на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь на этой земле.

Присутствующий на совещании лидиец Крез не одобрил, однако, это решение. Он высказал свое возражение в таких словах: «Ведь если ты допустишь врагов в нашу собственную землю, то вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону, но вторгнутся в твои владения. В случае же победы над врагом твой успех, думаю, будет вовсе не так велик, как если бы ты победил массагетов в их стране и стал преследовать бегущих. Я хочу сравнить твои преимущества и их: ведь, разбив неприятеля, ты сможешь прямым путем вторгнуться во владения Томирис... Так вот, по-моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть в глубь страны, насколько враги отступят, а затем попытаться одолеть их», – сообщает свой план Крез. «Как я узнал, что массагетам совершенно незнакома роскошь образа жизни, характерная для персидской аристократии и недоступны ее великие наслаждения. Поэтому-то нужно, думается мне, устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов, и сверх того выставить огромное количество сосудов цельного вина и всевозможных яств. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Ведь если я не обманываюсь [в своем суждении], – пишет Геродот, – то враги при виде такого обилия яств набросятся на них и нам представится возможность совершить великие подвиги»[1].

«Так мнения советников разошлись. Кир же отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь велел объявить Томирис, чтобы она отступила, так как он намерен переправиться в ее владения. И царица отступила [с войском], верная своему прежнему обещанию. Тогда Кир вверил Креза своему сыну Камбису, которого он назначил своим наследником. При этом царь настоятельно внушал сыну почитать Креза и покровительствовать ему (в случае неудачи переправы и похода в страну массагетов). С таким поручением Кир отпустил Камбиса и Креза и отправил их в Персию, а сам с войском начал переправу через реку. После переправы через Аракс уже на земле массагетов ночью Кир увидел вот какой сон. Царю представилось, что он видит старшего из сыновей Гистаспа с крыльями на плечах, осеняющим одним крылом Азию, а другим Европу. Самым старшим из сыновей Гистаспа, сына Арсама, из рода Ахеменидов был Дарий, в то время еще юноша около двадцати лет (юноша оставался в Персии как негодный еще по молодости лет к военной службе). Пробудившись, Кир стал размышлять о смысле сновидения. Царь решил, что сон имеет важное значение. Он велел затем позвать Гистаспа и без свидетелей сказал ему: «Гистасп! Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы. Мне это точно известно, и я скажу тебе откуда. Боги пекутся обо мне и заранее открывают мне грозящую

---

[1] *Геродот*. История. Том I. 205–207.

беду… Во всяком случае из моего сновидения совершенно ясно, что твой сын посягает на мою жизнь. Поэтому возвращайся как можно скорее в Персию и позаботься представить твоего сына к ответу, после того как я покорю эту страну и возвращусь домой»[1].

Однако божество этим сновидением желало лишь открыть, что царь примет смерть здесь, в стране массагетов, а его царство перейдет к Дарию. Гистасп же отвечал царю такими словами: «Царь! Лучше бы не родиться тому персу, который посягнет на твою жизнь! А если есть такой, то да погибнет он и как можно скорее! Ведь это ты из рабов сделал персов свободными и из данников другим народам – владыками всех. А если сновидение возвестило тебе, что сын мой замышляет мятеж, то я отдаю его в твои руки: поступай с ним как тебе угодно!». Такой ответ дал царю Гистасп. Затем он, переправившись через Араке, возвратился в Персию[2].

А Кир между тем проник с войском за Аракс на один дневной переход и затем поступил по совету Креза. Оставив на месте только слабосильных воинов, сам царь с лучшей частью войска снова отступил к Араксу. «Тогда третья часть войска массагетов напала на оставленных Киром воинов и, несмотря на храброе сопротивление, перебила их. [После победы], увидев выставленные в стане персов яства, массагеты уселись пировать. Затем они наелись досыта, напились вина и улеглись спать. Тогда пришли персы, перебили большую часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов, по имени Спаргапис»[3].

И дальше Геродот повествует: «А царица Томирис, узнав об участи своего войска и сына, велела отправить вестника к Киру с такими словами: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, [напившись], начинаете извергать потоки недостойных речей, вот этим-то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен»[4]. «Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя. Так он скончался»[5].

---

[1] *Геродот.* История. 208–209.

[2] Там же. 210.

[3] Там же. С. 211.

[4] Там же. История. Том I. С. 212

[5] Там же. С. 213.

«Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем, исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так : «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью»[1]. «Из многих рассказов о кончине Кира этот мне кажется наиболее достоверным», – заключает Геродот[2].

Ранние сведения о наших предках ещё до Геродота встречаются в работах греческого историка Гекатея Милетского, который жил в VI–V веках до н.э. и оставил список областей империи Ахеменидов. Его сведения в своих трудах использовали Геродот и Ктесий. А сведения о хорасмийцах и их переселении к нижнему течению Амударьи Гекатей позаимствовал из труда Скилака «Путешествие по миру» и изложил в своей работе «Землеописание».

Ктесий. Исторические традиции Геродота продолжил греческий историк Ктесий, выходец из города Книд в Малой Азии. В конце V – в первой половине IV века он 17 лет прослужил во дворце Ахеменидов в качестве личного врачевателя царя Артаксеркса. Ктесий, воспитанный под влиянием древнегреческих мифов, во дворце царя живо интересовался народными сказаниями и историей Востока. Поэтому ему удалось собрать немало сведений о государствах, городах и народах Востока и написать такие произведения, как «Персика», то есть «Книга о Персии», «О дани, собираемой в Азии», «Землеописание», «О горах», «О реках». Но ни один из его трудов не дошел до нас полностью, мы знаем о них из произведений историков более позднего времени, в частности из отрывков, приведённых Диодором. Ктесий особенно большое внимание уделял сведениям по истории Индии и Бактрии, так как по представлениям греческих историков, Индия и граничащее с ней Древнебактрийское царство были крайними государствами на восточных рубежах этого мира. Пограничная Древняя Бактрия была богата залежами золота и лазурита, а мастера боя на копьях и искусные в стрельбе из лука всадники этой страны славились своим искусством в Иране.

В трудах Ктесия исторические события смешаны с преданиями и легендами, но, несмотря на это, они являются ценным источником для широкого круга читателей, интересующихся историей Бактрии и народа этой страны. Ктесий рассказывает о войнах между ассирийским царём Нином и царём Бактрии Оксиартом

---

[1] *Геродот.* История. С. 214.

[2] Там же.

(в других источниках – Заратуштра); о столкновениях Кира II с бактрийцами; об укреплениях и крепостях Бактрии; об окружённой высокими оборонительными стенами столице Бактре и царском дворце. Интересен рассказ Ктесия о походе ассирийского царя Нина в Бактрию, взявшим в осаду город Бактру: «Хорошо зная о многочисленности и храбрости бактрийских мужей и о том, что область их имеет много неприступных, в силу своей укрепленности, мест, он произвёл набор множества воинов со всех подвластных ему народов.

Двинувшись с такими силами в поход на Бактриану, Нин вынужден был, из-за труднодоступности мест и узости проходов в страну, разделить войско на несколько частей». Из текста видно, что войска Нина не смогли пробить стены Бактры и проникнуть внутрь крепости.

Большинство исследователей сомневались в правдивости сведений Ктесия, однако археологические раскопки подтверждают их достоверность. До настоящего времени найдены и изучены более 240 остатков укреплённых крепостей и городов Бактрии, относящихся к первой половине I тысячелетия до н.э. Достаточно вспомнить такие памятники культуры, как Кучуктепа, Пшактепа, Бешкутан, Талашкан, Джандавлаттепа, Бандихон, Буйрачи, Кизилча, Обишир, Шуртепа и другие, расположенные в Сурханской долине. Все они были крепостями, цитаделями, укреплёнными оборонительными стенами и башнями. Древнее население в те времена занималось поливным земледелием. В Бактрии в высокой степени было развито строительство домов, религиозных и светских монументальных зданий, торговля и многоотраслевое ремесленничество, в особенности по таким направлениям, как гончарное ремесло, металлургия, ювелирное дело, ткачество и т.д.

Если в Авесте Бактрия описывается как «одна из лучших среди стран и областей, прекрасный край с высоко поднятыми знамёнами», то греческие авторы называют её «государством с тысячами городов». Понятие «бактрийский народ» до Геродота использовал Эсхил в своей таргедии «Персы», в которой он рассказывает о молодых бактрийских воинах Тенагане и Аритем, героически сражавшихся и погибших в Саламинской битве (480 год до н.э.).

Точные и достоверные сведения о древних народах Средней Азии приводят летописцы Александра Македонского и греческие историки более позднего времени. Во время военных походов Александра Македонского в Бактрию и Согдиану в 329 году до н.э. в его войсках служили историки – Птолемей, Аристовул, Онесикрит, Каллисфен и Харесс, которые вели записи о различных политических и культурных событиях. Хотя эти заметки и не дошли до нас в виде отдельных произведений, этими сведениями широко пользовались греческие историки и географы более позднего времени. Так, например, Диодор (90–21 годы до н.э.) создал «Историческую библиотеку», Страбон (64–24 годы до н.э.) – «Географию», Помпей Трог (I век до н.э. – I век н.э.) – «Историю Филиппа», Плутарх (46–127 годы н.э.) и Клавдий Птолемей (II век н.э.) свои рассказы, Плиний (I век н.э.) написал книгу «Естественная история». Но самые полные и обширные сведения о походах Александра Македонского содержатся в дошедших до нас произведени-

ях римского историка Квинта Курция Руфа (конец I века до н.э. – середина I века н.э.) и греческого историка Арриана (90/95–175 гг. н.э.). Перу Арриана принадлежит произведение «Походы Александра», а Квинт Курций Руф написал «Историю Александра Македонского». Ниже мы приводим отрывки из этих книг, переведённых на русский язык М.Е. Сергеенко и В.С. Соколовым.

Арриан. Арриан – один из историков Античного мира, писавший о военных походах Александра Македонского на Средний Восток и Среднюю Азию. Он оставил нам ценные сведения о древних народах нашей родины, традициях и обычаях, воинственных и отважных сынах этой земли, которые внезапно появлялись перед непобедимой армией Александра и наносили сокрушительные удары. Такого отчаянного сопротивления Македонский до сих пор не встречал. «Бесс, когда ему сообщили, что Александр уже близко, переправился через реку Окс; суда, на которых они переправились, сжег и ушел в согдийскую землю, в Навтаки», – повествует Арриан[1]. «За ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса. Бактрийские всадники, узнав, что Бесс решил бежать, разошлись в разные стороны к себе по домам. Александр прибыл в Драпсак, дал войску отдохнуть и повел его на Аорн и Бактры: это самые большие города в бактрийской земле. Взял он их с ходу. Над остальными бактрийцами, которые сдались почти без сопротивления, он поставил сатрапом перса Артабаза»[2].

«Александр, пополнив конницу местными лошадьми, пошел в Мараканды – это столица Согдианы»[3]. «Оттуда он двинулся к реке Танаису. Истоки этого Танаиса, который местные варвары (греки, обычно, всех других народов называли «варварами» – А.А.) называют еще, по словам Аристобула, Орксантом»[4]. «Здесь некоторые македонцы, ушедшие за фуражом и рассеявшиеся, были убиты варварами, которые затем бежали на гору, недоступную и со всех сторон отвесную. Было их тысяч около 30». «Македонцы неоднократно пытались взобраться на гору; сначала они под стрелами варваров отступили назад: много людей было ранено; у самого Александра насквозь было пробито бедро; стрела отколола часть кости. Тем не менее гора была взята. Часть варваров македонцы перебили тут же на месте; многие погибли, бросаясь вниз со скал, так что из 30000 уцелело не больше 8000 человек»[5]. «Спитамен со своими воинами напал на Самаркандский кремль, охраняемый македонцами»[6]… «Когда же Спитамену донесли, что уже приближается отряд, посланный Александром в Мараканды, он оставил осаду

---

[1] *Арриан.* Поход Александра. Книга III, 27,9.

[2] Там же. Поход Александра. Книга III, 27,10.

[3] Там же. 30, 6; Здесь необходимо сообщить читателю о том, что древний Самарканд никогда местными жителями не назвался Маракандой. Это выдумки греческих авторов, а город древний Самарканд на родном согдийском языке был назван Smarakansa, который с IX века на фарси стал называтся Самаркандом.

[4] *Арриан.* Там же, 30, 7.

[5] Там же. Книга IV, 30, 11.

[6] Там же. Книга IV, 5, 2.

кремля и ушел на север Согдианы» в Басилейю – город царя [1] (Возможно, Басилейя – это местность Куктепа в Пайарыке – А.А.). «Спитамен, набрав еще около 600 скифских всадников, ободренный союзом со скифами, решил сразиться с наступающими македонцами. Став на равнине около скифской пустыни, он не захотел, однако, ни ждать вражеского нападения, ни самому напасть на врагов; всадники его только скакали вокруг пехоты и пускали в нее стрелы»[2]. «Они без труда ускользали от наседавших Фарнуховых воинов, потому что лошади у них были быстрее и на ту пору свежее; у Андромаха конница, бывшая все время в пути и не имевшая достаточно фуража, была изнурена. Скифы энергично нападали и на тех, кто удерживал позиции, и на тех, кто отступал»[3]. «Много людей было ранено стрелами, были и убитые, наконец войско, выстроившись квадратом, отошло к реке Политимету (Зарафшан – А.А.), где находился лес, куда не могли проникнуть стрелы варваров и где от пехоты было больше пользы»[4]. В этом месте книги Арриан рассказывает о том, что воины Александра спускались в реку по обрывистым берегам, перепуганные и в полном беспорядке и продолжает: «Варвары, заметив промах македонцев, стали вместе с лошадьми кидаться в реку с обеих сторон переправы. Одни преследовали тех, кто уже переправился через реку и отошел от нее; другие же, выстроившись фронтом против переправляющихся, сбрасывали их обратно в воду, или пускали в них стрелы с флангов, или кидались сзади на входящих в реку. Македонцы, оказавшись в безвыходном положении, бросились к небольшому островку посреди реки. Скифы и воины Спитамена окружили их и всех перестреляли из луков; небольшое число, впрочем, взяли в плен, но и их всех убили»[5]. (Это событие, рассказанное Аррианом, произошло в Пайарыкском районе, где река Зарафшан разделяется на рукава – Акдарью и Карадарью, на небольшм острове Миянкал – А.А.). «Когда Александру донесли об этом поражении, горькая судьба воинов очень его опечалила, и он решил стремительно идти на Спитамена и его варваров. Взяв с собой половину конницы «друзей», всех щитоносцев, лучников, агриан и самых быстроходных пехотинцев, он пошел к Маракандам, куда, по его сведениям, Спитамен вернулся и вновь осаждает кремль»[6].

Александр прошел за три дня долгий путь и на рассвете четвертого подошел к городу. Спитамен со своим войском при известии о приближении Александра не стал его ждать и отступил в пустыню. Александр преследует его по пятам, убивает многих местных жителей, разрушив множество селений и городов. «Он прошел по всей стране, которую орошает река Политимет», – говорит Арриан[7]. По всей видимости, Спитамен отступил в сторону Бухары и ушёл в глубь Кызыл-

---

[1] *Арриан.* Поход Александра. Книга IV, 5, 3.
[2] Там же. Книга IV, 5, 4.
[3] Там же. Книга IV, 5, 5.
[4] Там же.Книга IV, 5, 6.
[5] Там же. Книга IV, 5, 8.
[6] Там же. Книга IV, 6, 3.
[7] Там же. Книга IV, 6, 3

кума. Почти все населённые пункты между Самаркандом и Бухарой пострадали от воинов Александра.

По словам Арриана, Александр не смог настигнуть Спитамена и ушёл зимовать в Зариасп. В это время к Македонскому приходит царь хорасмиев Фарасман, который рассказывает о своём соседстве с племенем колхов и с амазонками, и вызвается оказать ему всяческую помощь, если тот надумает покорить племена, живущие к северу от Хорезма. Александр поблагодарил Фарасмана, заключил с ним дружественный союз, но сказал, что идти в те края сейчас несвоевременно. Он поручил Фарасмана персу Артабазу, которого поставил управлять Бактрией, и отослал его обратно на родину. Сам он опять отправился к реке Оксу и решил идти обратно в Согдиану, получив донесение о том, что множество согдийцев собрались по укреплениям и отказались повиноваться сатрапу, которого им поставил Александр[1]. Александр с частью войска отправился в Мараканду, оставив в Бактрии специальное войско и нескольких близких ему людей, «приказав им следить за страной, чтобы и тут варвары не возмутились; начавшиеся уже восстания велено было подавить»[2]. «Пока Александр был занят этим, Спитамен и несколько согдийцев, бежавших с ним вместе в землю скифов-массагетов, набрали конный отряд в 600 массагетов и подошли к одной крепости в Бактрии. Ни Фрурарх, ни его сторожевой отряд не ожидали вражеского нападения; солдат перебили; Фрурарха взяли в плен и держали под стражей. Ободренные захватом крепости, они через несколько дней подошли к Зариаспам, но на город напасть не решились и ушли, захватив большую добычу»[3]. «Кратер, узнав о случившемся, стремительно пошел на массагетов. Они, узнав о его приближении, кинулись что было сил бежать в пустыню. Кратер, идя по пятам за отрядом Спитамена, настиг его недалеко от пустыни; с ним было теперь еще с тысячу всадников-массагетов. Между македонцами и скифами завязалась жаркая схватка; победили македонцы. У скифов пало полтораста всадников. Остальные легко укрылись в пустыне, где македонцы не могли уже их преследовать»[4]. Спитамен и его люди, видя, что македонцы всюду расставили свои гарнизоны и что бежать им некуда, пошли на Кена и его войско, решив, что тут как раз они и могут оказаться победителями. Придя в Гава Сугуду – это неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами, – они без труда убедили около 3000 скифских всадников вторгнуться вместе с ними в Согдиану[5]. Как пишет Арриан: «Скифы эти жили в крайней бедности; не было у них ни городов, ни оседлого жилья; бояться за свои блага им было нечего, и потому склонить их на любую войну ничего не стоило. Кен, узнав о приближении Спитамена и его всадников, пошел ему навстречу с войском». «Завязалась жестокая битва, и македонцы победили; варваров-всадников пало в этой битве

[1] *Арриан.* Поход Александра. Книга IV, 7, 1, 15, 4, 5, 7.

[2] Там же. Книга IV , 16, 1, 2.

[3] Там же. Книга IV, 16, 4.

[4] Там же. Книга IV, 17, 1–2.

[5] Там же. Книга IV, 17, 4.

больше 800 человек, а у Кена человек 25 всадников и 12 пехотинцев. Согдиане, уцелевшие со Спитаменом, и многие бактрийцы покинули Спитамена во время бегства, пришли к Кену и сдались ему». «Скифы же массагеты, потерпев поражение, разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших вместе с ними, и бежали вместе со Спитаменом в пустыню. Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали Спитамену голову и послали ее Александру, чтобы этим поступком отвратить его от этого намерения»[1].

Квинт Курций Руф – один из древнеримских представителей школы историков Древнего мира в своей работе «История Александра Македонского» оставил очень интересные сведения о разнообразной природе Древней Бактрии и военных походах Александра. К примеру, вот что пишет он о природе Бактрии: «Природа Бактрии богата и разнообразна. В некоторых местах многочисленные деревья и виноградная лоза дают в изобилии сочные плоды; тучную почву орошают многочисленные источники; где почва мягкая, там сеют хлеб, остальную землю оставляют под пастбища». «Большую часть этой страны занимают бесплодные пески; в заброшенной из-за засухи области нет ни людей, ни плодов. Дующие с Понта ветры наметают песок, лежащий на равнинах; тогда он похож издали на большие холмы; на нем пропадают все прежние следы дорог»[2]. Курций Руф записал ценные сведения о военных похода Александра на Восток, в частности, в Среднюю Азию. Приведём некоторые отрывки: «Передав область бактрийцев Артабазу, Александр оставил там вместе с гарнизоном поклажу и обоз. Сам же с подвижным войском выступил в пустыни Согдианы».[3] «Наконец к вечеру он достигает реки Окса. Но большая часть войска не могла за ним поспеть, тогда он приказывает разжечь на высокой горе костры, чтобы отставшие знали, что они близко от лагеря»[4]. Макендонцы за шесть дней переправляются через реку на мехах, набитых соломой и, проделав долгий путь, на четвертый день дошли «до города Мараканды. Стены его имеют в длину 70 стадиев; крепость окружена второй стеной»[5]. «Царь скифов, держава которого простиралась тогда по ту сторону Танаиса, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, для него ярмо на шее. Поэтому он послал брата по имени Картасис с большим отрядом всадников разрушить этот город и далеко отогнать македонское войско от реки. Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими»[6]. «Александр сам собирался воевать с этим племенем, даже не подготовившись к войне, теперь же на его глазах разъезжали вражеские всадники, а он еще не оправился от раны... Итак, он велит созвать друзей на совет». «Его пугал не враг, а неблагоприятная обстановка. Бактрийцы отпали, скифы стали его беспокоить, сам он не мог ни

[1] *Арриан.* Поход Александра. Книга IV, 17, 5, 6–7.

[2] *Квинт Курций Руф.* История Александра Макендонского. Книга VII, глава IV. 26–27.

[3] Там же. Книга V. 1.

[4] Там же. Книга V. 13.

[5] Там же. Книга VII, глава VI, 10.

[6] Там же. Книга VII, глава IV. 1–2.

стоять на ногах, ни сидеть на коне, ни командовать, ни воодушевлять воинов»[1]. В своих рассказах о сражениях войск Македонского и Спитамена Курций Руф пишет о том, что Александра, привыкшего к великим победам, страшили военные методы Спитамена, в борьбу с которым очень часто приходилось вступать самым опытным военачальникам и во многих случаях даже самому Александру. Враги «сажают на коней по два вооруженных всадника, которые поочередно внезапно соскакивают на землю и мешают неприятелю в конном бою. Проворство воинов соответствует быстроте лошадей»; нападают на врага одновременно с флангов, с фронта и с тыла и приводят их в замешательство[2]. Так в битве Спитамена с военачальником македонского войска опытным Менедемом, последний оказался запертым со всех сторон, и как бы он ни сопротивлялся, призывая своих воинов к мужеству и отваге, он не смог выдержать натиска. У него был сильный конь, он много раз врывался на нем в ряды варваров, нанося им страшный урон, но и это не помогло: «он обессилел от множества ран… и испустил дух, и его тело свалилось с коня на землю»[3]. Македонцы понесли большие потери: «Пало в этом сражении 2 тысячи пехотинцев и 300 всадников. Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места сражения казнью за распространение вести о случившемся»[4].

Курций Руф также оставил много сведений о Согдиане. Он пишет: «Согдиана представляет собой страну в большей своей части пустынную: степи простираются в ширину почти на 80 стадиев. На огромное расстояние эта страна тянется по прямой линии, в направлении течения бурного потока, называемого местными жителями Политиметом. Берега заключают его в узкое русло, затем он уходит в пещеру и пропадает под землей»[5]. Курций Руф сообщает, что после победы над Спитаменом, с которым пришлось сражаться целых три года, Александр для наказания восставших требует к себе оставшихся в живых руководителей. «Из числа согдийских пленников к царю были приведены 30 знатнейших, отличавшихся физической силой; лишь только они узнали через переводчика, что по приказанию царя их ведут на казнь, как стали петь веселую песню и проявлять какую-то душевную радость пляской и весьма причудливыми телодвижениями». «Царь, удивившись мужеству, с каким они встречали смерть, велел их вернуть и спросил о причине столь чрезмерного ликования перед казнью. Те ответили, что если бы их казнил кто-нибудь другой, они умирали бы в печали, но, направленные к своим предкам столь великим царем, победителем всех племен, они, распевая свои родные песни и веселясь, празднуют свою почетную смерть, предмет желаний всех храбрецов»[6].

---

[1] *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского Книга VII, IV. 5–6.

[2] Там же. 30-31, 32-33.

[3] Там же. Книга VII. Глава IV. 34–36.

[4] Там же. 39.

[5] Там же. Глава X. 1.

[6] Там же. Глава X. 4–5.

Страбон – автор знаменитого произведения «География». Он приводит сведения о традициях, обычаях, городах и селениях древних народов Средней Азии: «В прежние времена образ жизни и обычаи согдийцев и бактрийцев мало отличались от образа жизни кочевников, но все же обычаи бактрийцев были немного более цивилизованными; однако и о последних Онесикрит отзывается далеко не похвально. По его словам, людей, изнуренных старостью и болезнями, они бросали живыми собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке они называли «могильщиками». Территория вне стен столицы бактрийцев имела чистый вид, тогда как большая часть пространства внутри стен была полна человеческих костей; Александр уничтожил этот обычай. Нечто подобное рассказывают и о каспийцах: когда родители у них достигают возраста свыше 70 лет, их держат взаперти и морят голодом»[1]. О древних городах нашей страны Страбон пишет следующее: «Александр, как говорят, основал 8 городов в Бактрии и Согдиане и несколько разрушил. Среди последних были Кариаты в Бактриане (где был захвачен Каллисфен и заключен под стражу), Мараканда в Согдиане и Киры – последний город, основанный Киром, лежащий на реке Яксарте; это был предел персидской державы. Александр, хотя и был почитателем Кира, велел разрушить этот город из-за частых восстаний его жителей…»[2]. «Реку, протекающую через Согдиану, Аристобул называет Политиметом – именем, данным ей македонянцами... Затем, оросив страну, река устремляется в пустынную и песчаную область и там поглощается песками, как и река Арий, текущая через землю ариев»[3].

* * *

В связи с военными походами Александра Македонского на территорию Средней Азии в политической и этнокультурной истории древних стран и народов Средней Азии произошли коренные изменения. Когда Александр взял в плен у Наутаки Бесса, стало ясно, что его основной целью является не месть за Дария III, а захват Согдианы и близлежащих к ней территорий. Поэтому все встали на защиту своей страны во главе с умелым полководцем Спитаменом. После нескольких сражений народное движение во главе со Спитаменом несколько напугало Александра и принудило его проводить политику сближения с местным населением. Эта политика выражалась в том, что начиная с Александра и его военачальников до простых воинов – все стали жениться на местных девушках. Результатом этой политики стало образование к середине III века до н.э. Греко-Бактрийского государства. Смешение греков с местным населением в определённой степени оказало влияние на этногенетические процессы.

Вместе с тем эти этнополитические процессы привели к развитию торговых и культурных отношений между Востоком и Западом. Влияние этих про-

---

[1] *Страбон.* География. Книга XI. Глава XI, 3.

[2] Там же. Книга XI. Глава XI, 4.

[3] Там же. Книга XI. Глава XI, 5.

цессов можно наблюдать в развитии материальной культуры, в строительстве и архитектуре, гончарном ремесле и изобразительном искусстве, новом алфавите и распространении письменности, нумизматике и религиозных верованиях. Греки переняли многие достижения в культуре и хозяйственной деятельности Древнего Востока и оказали влияние на культурную жизнь местного населения. В центральных и южных областях Средней Азии возникла смешанная культура. Этот процесс образования смешанной культуры в научной литературе получил название «эллинизация». Таким образом, в истории народов Средней Азии начались новые общественные, экономические и этнокультурные процессы.

IV.3. История народов Средней Азии в китайских источниках

Как известно из истории народов мира, Средняя Азия с древнейших времён была воротами Востока на Запад, исполняла ключевую роль в экономических и культурных связях этих миров. Народы Востока в своём стремлении на Запад, преследуя различные цели, никогда не обходили стороной территорию Средней Азии. В древности и в средние века население евразийских степей, в особенности народы Алтая, Южной Сибири, Северного Китая, не только в экономическом, но и этнокультурном плане были органически связаны со Средней Азией. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические источники.

Результаты этих отношений археолог А.В. Виноградов исследовал на основе сравнительного анализа памятников культуры эпохи неолита и энеолита, обнаруженных на территории Зауралья, Северного и Восточного Казахстана с материалами памятников культуры Кальтаминар Древнего Хорезма. К бронзовому веку, когда получило развитие коневодство, лошади и верблюды стали использоваться в качестве быстроходного транспортного средства, оживились отношения между племенами Южной Сибири и Средней Азии.

Следует подчеркнуть, в основе традиционных органических связей коренного населения Средней Азии именно с двумя полюсами – с северо-восточным и южным регионами – лежит важный фактор – этнические связи, берущие начало с древнейших времён. Действительно, согласно китайским письменным источникам, древнее население Центральной Азии было тюркоязычным. На этом вопросе мы остановимся позднее более подробно. На южных рубежах Средней Азии с древности проживало ираноязычное население. Если в древности точкой соприкосновения, границей, разделяющей представителей этих двух языков, было нижнее и среднее течения Сырдарьи, то начиная с раннего средневековья этот рубеж перемещается к среднему течению Амударьи. В этом историческом процессе главную роль играла активность тюркских племён, их непрерывная миграция. Начиная именно с этого времени в этническом составе населения Южного Турана наблюдается существенное преобладание представителей тюркских народов и эти земли получают название Туркестан.

Сведения о древней истории Туркестана, его народах и хозяйстве, образе жизни, традициях и обычаях, в особенности о государствах Кангуй (вернее – Канжюй, на местном языке – Кангкия) и Давань (вернее – Дайюань, на местном языке – Паргана), а также о Дахя (на древнем местном языке – Дайгиа) дошли до нас в произведениях историков Древнего Китая Сыма Цяня (II–I века до н.э.) «Исторические записки» и Бан Гуня (I век до н.э.) «История первой династии Хань». Согласно этим источникам, во времена Ханьской династии ухудшаются отношения между Китайской империей и хуннами. Китайский правитель Уди (140–87 гг. до н.э.) в поисках военного союзника против хуннов в 138 году до н.э. отправляет к племенам юэчжи военного офицера, разведчика Чжан Цяня[1]. В отчёте своему императору Чжан Цянь сообщает, что он был захвачен хуннами в Восточном Туркестане, 10 лет провёл в плену, бежал и продолжил своё путешествие. Он через Кашгар добирается до Древней Парганы (Фергана) на китайском – Дайюань, в переводах Бичурина – Давань[2]). Парганцы (дайюанцы) оказали ему хороший приём, выразили готовность установить торговые отношения, развивать взаимовыгодное сотрудничество и дружественные связи с великим государством Китай, рассказали о северном соседе – могучем государстве Кангуй, с которым они живут в мире и согласии[3]. При необходимости они также были готовы проводить господина посла до границ Кангкии (Кангжюй). Оставшийся вполне довольным от тёплого приёма, оказанных почестей парканцев (дайюанцев), офицер Чжан Цянь в сопровождении дайюанца отправля-

---

[1] По сведениям учёного-китаеведа *Аблата Ходжаева*, в переводах китайских источников, осуществлённых Н.Я. Бичуриным, «юэчжи» является современным прочтением этнонима «Рузие» (гуз-йер, огуз-йер) в китайском литературном языке. Этот этноним был названием населения государства «Дай-рузие» в XI – первой четверти II века до н.э. В древности государство Дай-Рузие располагалось на территории предгорий Тангритог (Тянь-Шань), Восточного Туркестана, юго-восточных склонах Уральских гор. Дай-Рузие распалось после поражения от хуннов (176–174 гг. до н.э.) и большая часть племён юэчжи через территорию Дайюань ушла к верхнему бассейну реки Амударья, а другая часть осталась жить в юго-западных областях Восточного Туркестана (*Хўжаев А.* Фарғона тарихига оид маълумотлар. – 2013, «Фарғона» нашриёти. С. 181–192).

[2] Согласно сведениям *А. Ходжаева,* Древняя Фергана в китайских источниках читается как Дайюань, и этот топоним есть китайский перевод местного названия Паргана. Паргана на древневосточном иранском языке означает «долина, окружённая горами, низменность, равнина», то же самое обозначает и китайское слово «Дайюань». В современном китайском литературном языке иероглиф «Дайюань» читается как «Давань», поэтому в переводах Н.Я. Бичурина «Дайюань» тоже записано «Давань». Дайюань – китайское название, местное население никогда не называло свою отчизну этими названиями. Топоним «Паргана» впервые произносится как «Фергана» в арабских письменных источниках (*Хўжаев А.* Фарғона тарихига оид маълумотлар. – 2013, «Фарғона» нашриёти. С.128–129).

[3] В произведении Сыма Цяня «Исторические записки» топоним, впервые употреблённый по отношению к государству «Кангкия» (Kangkia, современное прочтение – Кангжюй), в работах Н.Я. Бичурина неправильно транскрибировано как «Кангуй». Действительно источниковедческое прочтение иероглифа «Кангжюй», благодаря этой ошибке, в научных трудах до сих пор пишется как «Кангюй». Теперь наступило время вернуть этому топониму истинное звучание (Там же. С. 144–150).

ется в Кангкию (Кангжюй). Однако он не смог найти общий язык с правителем Кангкии (Кангжюя) и продолжил своё путешествие в поисках юэчжи.

Племена юэчжи до 126 года до н.э. дошли и обосновались в Бактрии (в китайских источниках «Дахя»)[1]. Встретившись с предводителем племени юэчжи Гуйшуань, китайский посол получает отрицательный ответ со словами: «Мы устали от бесконечных сражений, теперь хотим жить мирно в этой стране, богатой плодородными землями». Наконец, Чжан Цянь, не добившись цели, через Бадахшан и Памир отправляется на родину. В Восточном Туркестане он опять попадает в плен к хуннам и только год спустя добирается до Китая.

Как пишется в китайских источниках, в 114 году до н.э. Чжан Цянь по приказу императора во второй раз направляется в Среднюю Азию. В этот раз он вышел в путь во главе каравана с 300 человек. Караван был нагружен золотом и серебром, шёлком и атласом стоимостью на несколько тысяч золотых монет в дар среднеазиатским царям. В качестве продовольствия с караваном отправляются более десяти тысяч коров и овец. Каждый участник похода был снабжён двумя лошадьми. Чжан Цянь возглавляет караван, направляющийся в Усунь, Кангкию и Паргану. Часть каравана, также нагруженная многими товарами и возглавляемая специально назначенными послами, отправляется в Индию и арабские страны[2]. Через Иссык-Куль они доходят до земель усуней и оттуда со специальными заданиями вместе с караванами в западные страны отправляются разведчики. Разведчики Чжан Цяня доходят до Парфии и приносят различные сведения. Как пишет Чжан Цянь, в те времена южные приграничные районы государства Кангкия были под влиянием юэчжи, захватившими Бактрию, а на северо-восточных приграничных территориях хозяевами были хунны. Информация, собранная этим офицером, даёт возможность сделать вывод о том, что в конце II века до н.э. государство Кангкия находилось в экономическом и военном кризисе. Даже в войнах Китая с хуннами Кангкия выступила на стороне хуннов, и хотя хунны потерпели поражение, Кангкии удалось сохранить свою независимость.

С начала I века до н.э. Кангкия вновь обретает прежние позиции. Возможно поэтому китайский посол Чжан Цянь в своем отчёте императору пишет: «Кангжюй горд и груб. Он посчитал ниже своего достоинства поклониться нашим послам и на приёме наши послы были усажены даже ниже, чем послы усуней». Основанный на сообщениях Чжан Цяня, Си Ма Цянь в своих «Исторических записках», размышляя об образе жизни кангкюйцев, пишет: «Они своими традициями и обычаями схожи с юэчжи».

В общем, китайский разведчик-дипломат, бывший военный офицер Чжан Цянь в своих отчетах императору представил полную информацию о традициях и обычаях, образе жизни, хозяйстве и быте народов Средней Азии, в особенности, таких государств, как Древняя Паргана (Фергана) и Кангкия.

---

[1] Топоним «Дахя» (в древних китайских источниках местное прочтение – Дайгия, современное прочтение на китайском – Дашя).

[2] *Бань Гу. Чжан Цянь, Ли Гуангли* таржими холи. Ханнома. – 1994, Урумчи. С. 452.

Государство Кангкия (Кангжюй). В китайских источниках государство Кангкия называется Кангжюй. Китайский историк Сыма Цянь в своих записках даёт краткую информацию о расположении, военной мощи, традициях и обычаях кангжюйцев, а также соседних с ними государствах. Подробные сведения о государстве Кангкия (Кангжюй) представлены в трудах Баня Гу и других китайских авторов.

Достойны похвалы результаты исследований учёных-археологов, которые изучили памятники культуры Каунчи и собрали сведения о хозяйстве, культуре и образе жизни кангжюйцев. До недавнего времени в истории Узбекистана господствовало ошибочное мнение в вопросах о государстве Кангкия (Кангжюй) и территории его образования, основанное на мнении С.П. Толстова. Однако широкомасштабные археологические раскопки, проведенные в последние годы на территории Ташкентской области и Южного Казахстана, дали достоверные сведения о расположении государства Кангкия (Кангжюй). Например, анализ археологических источников показал, что главный город царей Турана – Кангдиз – это развалины городища Канка, расположенного в Аккурганском районе Ташкентской области. Согласно китайским источникам, у кангжуйцев было государственное образование. После военных походов Александра Македонского на огромной территории Средней Азии и сопредельных с ней областях установлено господство греко-македонцев. Колонизационная политика греков в крае привела к созданию здесь, на юге, Греко-Бактрийского царства. Это отрезвило и вдохновило древние свободолюбивые кочевые племена Средней Азии к созданию противостоящего оппозиционного государства, что привело на основе союза кочевых племён с местными властями оседлого населения на севере к образованию своего государства Кангуй (Кангкия) в форме конфедерации полуоседлых и полукочевых племён. Это государство, обладающее регулярной военной силой, было направлено против господства греков на юге Средней Азии.

Следует особо отметить, что это государство состояло из племён и народностей, говоривших на двух языках (согдийском и прототюркском). Результатом этого стало усиление связей и ускорение процессов сближения коренных ираноязычных племён с прототюркскими племенами как местных, так и Южной Сибири, Алтая, Юго-Восточного Зауралья, Восточного Туркестана и Семиречья. В итоге с III века до н.э. на территории среднего течения Сырдарьи появляется новый этнос, говоривший на прототюркском языке. К началу нашей эры этот новый этнос за счет притока сюда увеличивается в количественном отношении и постепенно обеспечивает своё превосходство на территории между двумя великими реками Средней Азии и близлежащими землями, сформировавшись в качестве отдельной народности кангар. Это политическое объединение – государство Кангкия, созданное на основе единения этой народности, и является первым ростком узбекской государственности.

В древних источниках отсутствуют сведения о системе управления, государственного устройста государства Кангкия. Однако в истории старшей дина-

стии Хань (II–I века до н.э.) упоминается о том, что царь Кангкии действовал, советуясь со своими старейшинами. Совет старейшин играл большую роль в государстве Кангкия, созданном на основе азиатского способа производства. На этом совете решались дела государственной важности с активным участием вождей племён, военных полководцев. Царская власть действовала в согласии с решениями собрания совета старейшин (анчумана). В истории такой способ управления получил название государственной системы, основанной на принципах военной демократии.

Согласно китайским источникам, земли государства Кангкия подразделялись на несколько областей. Управление землями кочевых племён поручалось джабгу (ябгу). Каганы Кангкии управляли страной, опираясь на этих джабгу, которые обычно назначались из числа близких кагану людей, родственников, вождей крупных родов и племён. Управление областями, на которых проживало оседлое население, было оставлено в ведении местных властей. Местные власти под надзором тудунов, назначаемых каганом, регулярно платили подати и пошлину в пользу центральной власти. К числу таких зависимых областей относились Древний Хорезм, Согд, территория предгорий Урала (аланы, яны и др.).

Хотя в старинных китайских источниках и не указаны точные границы государства Кангкия, есть упоминание о том, что оно во II веке до н.э. располагалось на северо-западе Парганы – «Кангжюй граничит с Дайюанью». В истории младшей династии Хань, относящейся к I–III векам н.э., сказано, что области Восточного Туркестана на севере «граничат с кангжюями». В записках китайского посла Чжан Цяня говорится о западном меридиональном пути, который через территории Дайюань, затем Кангжюя пролегает в сторону земель Янцай (аланов). По китайским источникам основные земли государства Кангжюй располагались на территории Ташкентского оазиса, Южного Казахстана, долины Талас, от нижнего течения реки Чу до реки Сарысу.

В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится о двух столицах государства Кангжюй. Как сообщает источник, столицей Кангжюя был Битянь. С.П. Толстов первоначально занимался поисками города Битянь в Древнем Хорезме. Однако в результате сранительного изучения письменных источников с археологическими памятниками, учёные доказали, что Битянь (Кангдиз) находился не в Хорезме, а в Ташкентском оазисе. Действительно, зимняя столица государства Кангкия находилась именно на месте развалин городища Канкатепа Аккурганского района Ташкентской области.

Канка, или древний Кангдиз (Битянь), располагался на Великом Шёлковом пути, был крупным городом, основанном в III веке до н.э., и сохранившаяся до нашего времени площадь города занимает 150 га. Город был окружён оборонительными стенами. На площади городища найдены и изучены ставка кагана Кангкии, городской храм, торговые и ремесленные районы, дороги, искусственные водоёмы, рыночные площади, жилые массивы. К середине V века государство Кангкия распадается, и Канка становится столицей правителей Чача – маликов. Эти

выводы сделаны на основе вещественных доказательств – монет V века с изображением маликов Чача, буллы с нанесёнными на глину изображениями этих правителей. В китайских источниках кроме зимней столицы каганов государство Кангжюй имело и летнюю резиденцию. Летней резиденцией государства Кангжюй был упоминаемый в источниках город Тарбанд (ныне развалины городища Отрар). Топоним Тарбанд также упоминается как «Кангу-Тарбанд» на тюркских каменных надписях VIII века. После распада государства Кангкия (начало V века) Тарбанд (Отрар) остаётся в составе государства Чач.

Таким образом, у государства Кангкия было два центра. Один из них – Канка (Кангдиз) находился в Ташкентском оазисе недалеко от Сырдарьи. По данным археологических раскопок, этот город был построен в III веке до н.э. и являлся постоянной резиденцией царей Кангкии. А расположенный в нижнем течении реки Арысь город Отрар (Тарбанд) был летней резиденцией каганов государства Кангкия.

В старинных китайских источниках перечисляются пять областей кангаров: Сусие, Фуму, Юни, Ги, Юеган – китайские произношения местных названий, данных китайскими историками. Перевод названий местных городов и исторических мест на китайский лад (такое стремление наблюдается и среди греческих историков) было основной целью великокитайского шовинизма, присущего ханьсу. К сожалению, местные названия до нас не дошли, сведения о них имеются на китайском языке в древнекитайских источниках.

В середине I века до н.э. китайские императоры старшей династии Хань для того, чтобы установить контроль на всех этапах Великого Шёлкового пути, ведут политику подчинения вначале хуннов, затем усуней. К 59 году до н.э. они занимают часть северного пути до Яркенда, проходящего через Тянь-Шань. Именно в это время обостряются отношения между усунями и хуннами. Воспользовавшись таким положением, китайцы берут себе в союзники усуней. Хунны заключают союз с кангарами и идут войной на усуней. В итоге отношения между Китаем и Кангкия ещё более ухудшаются. Эта вражда началась ещё в конце II века до н.э., когда Кангкия дважды организовала нападения на Паргану (104 и 101 гг. до н.э.).

В 65 году до н.э. кангары также помогали восставшему населению Яркенда. В это время кангарам пришлось очень тяжело на международной арене. Позже дружественный союз между кангарами и хуннами распадается. Причиной этому явилось установление дружественного соглашения правителя хуннов с парфянами, с которыми у кангар были натянутые отношения. В итоге хунны превращаются в заклятых врагов кангар. Теперь кангары стали искать пути сближения с Китаем. Но китайские политики ещё не забыли приём, оказанный кангарами китайскому послу и не допускают установления китайско-кангарских дружественных отношений. Им даже удаётся разрушить союз кангар с хуннами.

Внешняя политика китайских императоров была направлена на ослабление международного влияния на международной арене могучего государства Кангкия. Это прекрасно понимали кангарские аристократы и всегда противостояли захватнической внешней политике Китая. В 80-х годах н.э. китайская армия на-

чинает поход для завоевания Кангкии и Парганы. Жители Парганы обращаются с просьбой о помощи к правителю Кангкии. Военные силы Кангкии встречают врага в Кашгаре и в жестоком сражении выходят победителями. Пришедшие в замешательство китайцы незамедлительно направляют к кушанам гонца с просьбой о помощи. В эти времена кангары платили дань кушанам. Когда в этот конфликт вмешиваются кушаны, кангары покидают Кашгар, а китайцы избегают позора. В первом веке кангары занимают Бухару и Хорезм, но вскоре эти области выходят из-под влияния государства Кангкия и включаются в состав Кушанской империи. На западе кангары, воспользовавшись ослаблением Парфии, занимают земли Янцай (родина алан).

Касаясь экономической жизни Кангкии, китайский историк Сыма Цянь характеризует её как государство кочевников. Но в истории старшей династии Хань есть указание, что кангжюйцы являются оседлым народом. В китайских источниках говорится, что у кангжюйцев было большое количество крупного рогатого скота и овец, они выращивали чистокровных лошадей, большая часть скота принадлежала царям Кангкии и их близким. Возможно поэтому каган Кангкии и его родственники с приходом весны переселялись с зимней резиденции на летнюю стоянку. Простые люди, у которых было мало скота, оставались на прежнем месте жительства. Такое положение вынуждало бедную часть кангар вести оседлый или полуоседлый образ жизни. Эти выводы, сделанные на основе анализа китайских источников, подтверждаются археологическими исследованиями, которые проводились на стоянках памятников Каунчинской и Джетыасарской культур.

Царство Паргана (Дайюань, Давань). В древнекитайских источниках название царства Паргана (Дайюань, Давань) встречается чаще, чем Кангкия. Древний китайский историк Сыма Цянь в своих «Исторических записках» писал: «Давань находится от Сюнну на юго-запад, от Китая прямо на запад; отстоит от Китая не менее чем на 10 000 ли. Что касается их обычаев, то оседлые жители пашут поля, разводят рис и пшеницу, имеют виноградное вино, много хороших лошадей. Эти лошади потеют кровью, их предки – дети небесных лошадей.

Имеются города и дома. В числе подвластных поселений больших и малых городов более 70. Населения более чем несколько сот тысяч. Их оружие луки и копья; стреляют [не сходя] с коня. На север от них [лежит] Кангюй, на запад [живут] Большие юечжи, на юго-запад [лежит] Дася, на северо-восток – Усунь, на восток – Ганьми и Юйтянь»[1].

В этом произведении говорится о двух столицах Дайюаня: Эрши и Ю (Ю-чен). В вопросе локализации этих двух городов между учёными до сих пор не утихает научная дискуссия. В истории Узбекистана 1950 года издания ставка правителя Дайюаня Гушан (Ю-чен) сопоставляется с городом Узген, а Эрши, со ссылкой

[1] *Сыма Цянь.* Фарғона тазкираси. Тарихий хотиралар. // («24 тарих»даги Ўрта Осиёга оид материаллар тўплами). – Урумчи, 1989. С. 489-490.

на А.Н. Бернштама, с местечком Мингтепа, расположенным в районе Мархамат Андижанской области[1]. В своё время Н.Я. Бичуриным выдвигалась идея о том, что Эрши располагался на месте города Коканда. Э. Шаван предполагал, что Эрши может быть городом Уратюбе или Джизак. В вопросе локализации города Эрши сторонники версии А.Н. Бернштама составляют большинство[2]. Однако в последние годы в вопросе локализации Эрши с новой идеей выступает А. Анорбоев, который имеет все основания утверждать, что Эрши – это Ахсикент[3]. Многие учёные придерживаются мнения, что летняя резиденция правителя Дайюань – Гушан (Ю-чен) находилась на месте памятника культуры Касан.

Дахя. Упоминаемый в переводах Н.Я. Бичурина топоним Дахя является краем, на котором расположилось Древнебактрийское царство. Во второй половине II века до н.э. на эту землю с Восточного Туркестана пришли разделённые на 5 джабгу племена юэчжи и установили над местным населением политическое и военное господство. Ещё 100 лет юэчжи прожили, разделившись на джабгу, и только к последней четверти I века до н.э. они объединяются под предводительством одного из пяти джабгу – Гуйшуань (местное название – тохар) и создают государство Дахя (Тохаристан) (Дахя – на местных языках Дайгиа, современное китайское прочтение – Дашя, ошибочно транскрибировано Н.Я. Бичуриным)[4].

Как уже отмечалось выше, эта страна называлась Бактрийским царством, а в наскальных надписях она записана сатрапией иранских Ахеменидов и находилась в составе государства Ахеменидов. После разгрома Александром Македонским государства Ахеменидов, Бактрийская область включается в состав его империи. После смерти Александра его наследники создают Селевкидское, затем Греко-Бактрийское государство, и этот край становится одним из местных центров эллинизма.

Таким образом, во второй половине II века до н.э. племенной союз кочевых саков Да-юэчжи разбивает Греко-Бактрийское государство, политическая власть в Бактрии под предводитеьством племени тохар переходит в руки юэчжи и страна получает название «Тохаристан». Слово «Тохаристан» на древнеиранском звучит как «тохар», «дахар» и по утверждению учёного-китаеведа А. Ходжаева, в своих переводах китайских источников Н.Я. Бичурин записывает ошибочное звучание названия этого государства, как «Дахя».

Как показывают китайские источники, вначале юэчжи занимают правый берег Амударьи. Именно в этих местах в 126 году до н.э. китайский посол Чжан Цянь на предложение совместной борьбы против хуннов получает отрицательный ответ.

---

[1] История народов Узбекистана. Том I. – Т., 1950. С. 110.

[2] *Матбобоев Б.Х.* Ўзбек давлатчилигининг илк боскичларида Фарғона. – Т., 2001. С. 35-36.

[3] *Анорбоев А.* Қадимги ва ўрта асрларда Ахсикент. // «Ўзбекистон тарихида Қадимги Фарғона» тўплами. – Т., 2001. С. 10-11.

[4] *Хўжаев А.* Фарғона тарихига оид маълумотлар. – 2013. С. 31.

Чжан Цян в своём отчёте так определяет границы этого государства: «К западу от Давань на две-три тысячи ли, к северу от Гуйшуй, на юг от них находится Дахя, на запад от них – Аньси (Парфия), а на север от них находится Кангюй»[1].

По утверждению Чжан Цяня, кочевые племена Да-юэчжи под культурно-хозяйственным влиянием местного населения перешли к оседлому образу жизни и частично занимались животноводческим хозяйством. Сведения Чжан Цяня о юэчжи относятся к 126 году до н.э., когда они ещё не объединились в единое государство под предводительством племени Гуйшуань (Тохар). Поэтому посол писал: «Дахя не имеет верховного главы. Каждый город управляется своим князем». «В Дахя имеется пять княжеских домов (Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисе и Дюми. – А.А.)»[2]. Чжан Цянь сообщает, что в Дайгиа (Дахя) и Дайюане (Давань) «мужья в своих решениях руководствуются советами своих жён»[3]. Об образе жизни и обычаях он пишет: «В Дахя (т.е. на территории Бактрии) ведут оседлую жизнь, имеют города и дома, в обычаях сходствуют с даваньцами; войска их слабы и робки в сражениях… Жители искусны в торговле. Народонаселение в Дахя доходит до миллиона. Столица называется Ланьши. В этом городе есть базар с различными товарами»[4].

Все сведения о Дайгиа (Дахя), непосредственным свидетелем которых был Чжан Цянь, нашли полное отражение в широкомасштабных археологических исследованиях, проведённых в этих краях. После путешествия Чжан Цяня, джабгу племени Гуйшуань (Тохар) Кудзула Кадфиз объявляет себя среди племён Да-юэчжи царём Гуйшуань (Кушан). Он начинает войну с Аньси (Парфия), захватывает на юге Гиндукуша земли Пуду (Паропамис – древний Кашмир) и Гибина (область Кабула). Анализ китайских источников и археологических материалов (в первую очередь нумизматических) показывает, что Кудзула (Кадфиз I) прожил 80 лет и царствовал в первой половине нашей эры.

Согласно династическому списку Рабатак, его сын – Вима Такто царствовал под именем «неизвестного царя» Сотер Мегас. Видимо, он правил недолго, потому что в 51 году н.э. к власти приходит другой сын Кудзулы Кадфиза – Вима Кадфиз (51–78 гг. н.э.). Он захватил земли в Индии до Бенареса и положил конец господству последних греческих правителей (после распада Греко-Бактрийского царства). Также он проводит денежную реформу: чеканит золотые монеты и вводит их в обращение. Столицу государства он переносит в Пешавар.

Наивысшего расцвета Кушанская империя достига при Канишке (78–123 гг. н.э.). С его приходом к власти в истории Кушанского государства начи-

[1] История народов Узбекистана. Том. I. –1950. С. 112.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

нается новый период. В первую очередь, границы государства расширяются на восток за счёт Индии, укрепляется система государственного управления, государство Кушан становится империей. Канишка проводит ряд реформ государственного значения: 1. Проводит денежную реформу, то есть от имени Канишки, не подражая греческим деньгам, чеканятся монеты с изображением царя; 2. Языковая реформа, то есть язык местного населения – бактрийский объявляется государственным, вместо греческого; 3. Реформа письменности – греческая письменность ликвидируется, государственное делопроизводство полностью переходит на бактрийский язык; 4. Без ущерба для царившей атмосферы религиозной терпимости буддизм был объявлен государственной религией.

Канишка уделял большое внимание экономическим и культурным связям с Согдианой, Хорезмом, Чачем и Парганой. Он не обошёл стороной и страны Запада. В 99 году н.э. он направляет своего посла в Рим. В первой половине II века н.э. кушанские послы с большими торговыми караванами посещают Рим. Об этом сообщают римские летописцы (называя их бактрийскими послами). Изображения кушанских послов на рельефных украшениях знаменитой Траянской колонны в Риме являются тому свидетельством. На территории Кушанского царства в большом количестве встречаются монеты Римской империи, что говорит о неоднократных ответных визитах римских послов и купцов в Дайгию (Дахю). Находки кушанских монет на северо-восточном побережье Чёрного моря, в бассейне реки Кама свидетельствует о близких отношениях с Восточной Европой.

В качестве одного из могущественных государств античности Кушанское царство продолжает политику, начатую Канишкой, и во времена правления Хувишки и Васудевы (Васишки). Однако о политической жизни Кушанской империи в III–IV века в письменных источниках практически никаких сведений не встречается. Сопоставительное изучение археологических источников с малочисленными письменными источниками создаёт впечатление, что с III века Кушаны начинают терять свою былую мощь. К концу IV века в результате ударов, нанесённых с одной стороны сасанидами, с другой – хионитами и кидаритами, Кушанское государство распадается и только у сасанидского правителя Маргианы сохраняется титул «кушаншаха».

В качестве заключения можно сказать, что история Кушанской эпохи включает в себя период с конца I века до н.э. (со времени, когда джабгу Куджула Кадфиз объявил себя царём Гуйшуань) до конца IV века н.э. Этот период состоит из двух этапов. Первый этап включает в себя раннюю Кушанскую эпоху (Кадфиз I, Вима Такто и Кадфиз II), история которой в основном связана с территорией Средней Азии. Второй этап – эпоха Канишки и его преемников, когда политической ареной Кушанской истории стали северо-западные земли Индии.

IV.4. Местные письменные источники о древних народах Средней Азии

До завоевания Средней Азии арабами на этой земле существовали древние письмена. В разные годы, в основном во время археологических исследований, были найдены ценные письменные источники местного населения, известные под названиями хорезмийская, парфянская, бактрийская, согдийская, тюркская письменности и так называемое «неизвестное письмо». К их числу относятся: царский архив, найденный в столице Парфянского государства Старая Ниса; архив царей Древнего Хорезма из Тупраккалы; согдийские документы, обнаруженные при раскопках замка на горе Муг; храмовые документы религиозного и философско-этического содержания, найденные на территории Бактрии. Кроме этого в Дунгхуане были обнаружены семейные письма, принадлежащие самаркандцам, долговые расписки торговцев и посольские письма из Афрасиаба, надписи на монетах, дошедшая до нашего времени тюркская письменность под названием «неизвестное письмо». К ним относятся тексты и надписи на камнях, керамике, коже, дереве, металле, бумаге, личная переписка, хозяйственные, юридические и дипломатические документы, отрывки религиозных, философско-этических текстов, а также нумизматические материалы (надписи на монетах). Несмотря на краткость, из них можно почерпнуть ценные сведения о народах Средней Азии, в том числе и для изучения истории и культуры узбекского народа.

Так когда же в Средней Азии появились образцы этих писем и когда человечество, в целом, изобрело письменность и положило начало истории цивилизаций? Из истории известно, что письменность имеет 5-тысячелетнюю историю. Письменность первоначально появилась как система рисунков в Египте, были созданы иероглифы, состоящие из грамматических и семантических знаков (детерминативов). Затем в Древнем Шумере была изобретена клинопись, обозначающая слова и слоги. В середине II тысячелетия до н.э. в государствах на восточном побережье Средиземного моря получает развитие торговля. В торговых делах повышается потребность в письме. На востоке Средиземноморья, в Сирии до XIII–XII веков до н.э. использовались клинописные слоговые письма, на опыте которых финикийцы изобретают письменность всемирной важности. Впервые было осознано, что человеческая речь состоит из отдельных звуков и из соединения этих звуков составляется слово. Они впервые ввели в обращение буквы-знаки, обозначающие отдельный звук и изображающиеся всегда одинаково. Так финикийцы изобрели алфавит. Однако в этом алфавите отсутствовали гласные буквы. Эта традиция получает широкое распространение в странах Древнего Востока, у арабов это сохранилось до сих пор.

Примерно в 1000 году до н.э. из этого письма отделяется арамейское письмо, которое на раннем этапе (X–VII века до н.э.) проходит серьёзную апробацию на основе арамейского языка. Эта письменность была использована ахеменидскими царями при создании наскальных надписей (VI–IV века до н.э.), что придало арамейскому письму престижность. Значимость этой письменности проявляется

в использовании его в делопроизводстве на государственном уровне – арамейское письмо было применено в написании знаменитого «70 пункта» наскальных Бехистунских надписей. На этих наскальных надписях Дарий I распространил свои приказы подвластным странам арамейским письмом. Этот приказ, оформленный арамейской письменностью, гласил: «Надписи я составил по-другому, по-арийски, раньше такого не было. Затем эту письменность распространил по всем странам. Народы их приняли». В арамейском письме гласные звуки отсутствуют. Служители храмов, владеющие грамотой, при чтении мысленно восстанавливают гласные буквы. Такое чтение в истории письменности называется квазиалфавитом; на основе арамейского квазиалфавита возникла парфянская, хорезмийская, бактрийская, согдийская письменности. Значит и в них не было гласных букв. Арамейское письмо и созданные на его основе другие письменности состояли из 22 букв-знаков.

Только на керамической дощечке, обнаруженной в развалинах дворца в Пенджикенте, был записан алфавит из 23 букв-знаков.

Древние греки на основе финикийского алфавита создали свой, отличный от него, алфавит. Греческий алфавит состоит из 25 букв. Важное отличие греческого алфавита от финикийского заключается в наличии в нем гласных букв. На основе греческого письма был разработан латинский алфавит, который, в свою очередь, дал возможность многим странам мира создать на его основе свою письменность. А арамейское письмо проникло во многие уголки Востока, народы которого тоже создали свои письменности. Возникновению древнетюркского письма дала толчок согдийская письменность. От него отпочковались уйгурская, монгольская и маньчжурская письменности. В пределах уйгурского письма свойства квазиалфавита исчезают и в создании слов начинают пользоваться гласными буквами. Этот опыт был использован в создании монгольской и маньчжурской письменности, в которые включили гласные буквы.

С изобретением своей письменности на основе арамейского алфавита древние народы Средней Азии стали излагать нравственно-этические взгляды, заполнять хозяйственные и юридические документы, вести семейную, торговую переписку и чеканить надписи на монетах своим письмом. К сожалению, многие из них до нас не дошли. Как отмечал Абу Райхан Беруни в своей работе «Памятники минувших поколений», созданные на основе этой письменности произведения и религиозного, и светского содержания были уничтожены во времена арабского завоевания. Сведения об их существовании время от времени получают подтверждение во время археологических раскопок. Вот эти письменности:

а) Письменность Древнего Хорезма. В Северном Хорезме на городище «Большая Ойбуйиркалъа» найдены надписи на хуме (большой глиняный кувшин), выполненные арамейским письмом. Это был образец древнейшей в Средней Азии арамейской письменности, а кувшин относится к V веку до н.э. Что там написано – неизвестно, потому что надпись не расшифрована. Местное на-

селение приспособило арамейское письмо к хорезмийскому языку и изобрело хорезмийское письмо, образцы которого были обнаружены на городище Койкырылганкалъа конца IV– начала III века. Этот образец состоял из одного слова – «ASPABARAK», начертанного на куске керамики и означающего «конный воин», «всадник». Следующее хорезмское письмо встречается на монетах Древнего Хорезма, отчеканенных в промежутке между I – VIII веками н.э. На монетах написаны имена царей Древнего Хорезма «Вазамар», «Артамах». Третья группа письменных фрагментов (или надписей) обнаружена в Тупраккале в архиве древнехорезмских царей. Это написанные на коже, дереве и кирпичных дощечках 114 отрывков документов хозяйственного характера: список количества сельскохозяйственных продуктов, привезённых из близлежащих кишлаков, учёт приходов и расходов и другие документы III–IV веков н.э. Четвёртая группа древнехорезмского письма встречается на небольших по размеру серебряных чашках, относящихся к VI–VIII векам. На внешней стороне этих чашечек начертаны имена мастера и их владельца. Пятая группа письменных источников – это надписи на внешней стороне оссуариев, найденных в Туккале, которые образуют целую библиотеку. И, наконец, шестая группа письменных источников обнаружены в Говуркале из комплекса памятников Миздахкан.

б) Парфянская письменность. На городище Михрдаткирт-калъа (Старая Ниса) – столице государства Парфия, найдены более 2700 черепков глиняной посуды с надписями хозяйственного характера о вине, названий кишлаков – поставщиков вина, количества вина и другое. Парфянское письмо было разработано на основе арамейской письменности во времена Митридата I (середина II века до н.э.) и состояло из 22 букв. Это письмо получило широкое распространение по стране в III–II веках до н.э., когда и был создан государственный архив в городе Михрдаткирт. Кроме письменности на парфянском языке, в стране использовалась греческая письменность и язык. По утверждению специалистов, в Парфии найдено около 2800 отрывков писем на арамейском языке.

в) Бактрийская письменность. До конца IV века до н.э. на территории Древней Бактрии использовалось арамейское письмо. Потом делопроизводственным языком и письмом в Бактрии стал греческий. Существует научная гипотеза, что примерно на рубеже III–II веков до н.э. на основе арамейской письменности было создано бактрийское, так как на городище Айханум найдена бактрийская письменность, относящаяся к первой половине II века до н.э. Обнаружены письменные и нумизматические материалы, свидетельствующие, что в те времена в Древней Бактрии на равных правах одновременно использовались бактрийское, греческое письмо и язык, письменность брахми и кхорашти.

Также найдено множество монет с изображениями греко-бактрийских царей и греческими надписями. Первые кушанские цари начинают чеканить монеты, взяв за образец деньги Евкрадита и Гелиокла. На лицевой стороне этих монет изображена голова неизвестного царя, на оборотной – статуя греческого бога Зевса. И самое главное заключается в том, что большая часть этих монет

обнаружена в памятниках на территории Сурхандарьи. Согласно анализу материалов, эти монеты были отчеканены в Дальварзинтепа, предположительно со стороны правителей Гуйшуань. Если вначале на оборотной стороне этих монет чеканилось изображение Зевса, то со временем его место занимает изображение коня, что свидетельствует о появлении нового государства. До настоящего времени такие монеты найдены в основном в памятниках Сурхандарьи. Значит, первоначально Кушанское государство было образовано в Северной Бактрии, а его столицей был город Дальварзинтепа. С появлением на монетах изображения коня, место неизвестного царя на лицевой части монеты занимает изображение конкретного правителя, выражение лица которого схоже со статуями, найденными в Халчаяне. На оборотной стороне монеты теперь чеканилось изображение не самого коня, а всадника, человека верхом на коне. На монете также было написано четыре слова греческими буквами. Первое слово – «правитель», второе – Герай, третье слово до сих пор не прочитано, четвёртое – кушан. Так стало известно имя первого правителя из рода гуйшуань-кушан. К сожалению, до сих пор не уточнено время правления Герая. Есть предположение, что он правил во второй половине I века до н.э. В китайских источниках указывается, что Кудзула Кадфиз объединил 5 племён юэчжи под началом Гуйшуань и создал царство Гуйшуань, спустя примерно сто лет после вторжения племён юэчжи в Бактрию. Значит, Герай правил до Кудзулы Кадфиза и последний может быть его сыном или внуком.

Таким образом, бактрийская письменность и язык получают широкое распространение с приходом к власти кушан. Во времена Канишки бактрийскому языку придаётся статус государственного и он внедряется во все области жизни, при этом вытесняя греческий язык и письменность. У входа в буддийские храмы на порталах вырезались указы Канишки и его наследников бактрийским письмом на бактрийском языке. Примером тому могут служить надписи на порталах династических храмов Сурх-котал и Рабатак. На стенах храма Рабатак по приказу Канишки были нарисованы изображения его предков с именами каждого из них и его самого. В списке предков (Кудзула Кадфиз, Вима Такто, Вима Кадфиз) он приводит имя Вима Такто в качестве своего деда, что было новостью в исторической науке. До этого среди кушанских монет встречались изображения неизвестного царя с надписью Сотер Мегас. Но кому принадлежали эти монеты – Вима Такто или Вима Кадфизу? На наш взгляд, монеты безымянного царя всё-таки принадлежат Виме Такто, потому что монеты, отчеканенные от имени Вимы Кадфиза, имеются. Если принять эту версию, то возникает другой вопрос: почему тогда Вима Такто чеканил монеты не от своего имени, а от имени безымянного царя? Ответ на этот вопрос до сих пор не найден. Ещё одна важная сторона надписей в Рабатаке заключается в том, что кушанский царь Канишка подчёркивает факт своего происхождения и происхождения своих предков от ариев. Это сведение является очень важным аргументом при изучении этногенеза узбекского народа.

г) Согдийская письменность. Сформировавшаяся на основе арамейского письма в III–II веках до н.э. согдийская письменность играет важную роль в истории культуры нашего края. Она широко применялась во всех отраслях общественной и культурной жизни. Согдийский язык и согдийская письменность, кроме территории собственно самой Согдианы, получила широкое распространение в Ферганской долине, Ташкентском оазисе и Семиречье. До нас дошли многие ценнейшие памятники согдийской письменности, созданные в период с начала нашей эры до первой четверти XI века. Среди них много нумизматического материала (надписи на монетах), тексты, написанные на металле, керамике, дереве, коже, бумаге и других предметах, личная переписка, хозяйственные и финансовые отчёты, а также документы юридического и дипломатического характера, брачные свидетельства, фискальные донесения, отрывки из религиозных, философско-этических текстов.

Согдийское письмо состоит из 22 букв-знаков. В своём развитии оно пережило несколько этапов. Ранние образцы этого письма встречаются на согдийских монетах, отчеканенных в подражание греко-бактрийским монетам; на осколках керамики и терракотовых статуэтках I–III веков н.э., найденных в Афрасиабе. Со II века н.э. в Согдиане чеканятся серебряные монеты, которые вводятся в оборот на мировом рынке. Эти монеты чеканились до V – первой половины VII века, когда было образовано Согдийское конфедеративное государство со столицей в Кеше (до 650–655 гг.). Затем, в середине VII века, с переносом столицы Согдской конфедерации в Самарканд (с эпохи Авархумана-Вархумана), форма согдийского письма совершенствуется в сторону ещё более точной передачи звукового содержания языка и возникают определённые нормы орфографии.

Когда согдийские серебряные монеты вышли на мировой рынок, торговые караваны согдийских купцов доходили до самых отдалённых краёв на Востоке. На юго-востоке Зауралья, в бассейне Енисея, Южной Сибири и бассейне реки Ангара, на севере Китая и Монголии возникают согдийские торговые фактории (торговые караван-сараи) и кишлаки. Согдийские купцы доходили до самых дальних мест и приносили с собой согдийскую письменность. В подтверждение наших слов можно привести найденный в 1889 году в Монголии памятник согдийской письменности – надпись на надгробной плите в честь уйгурского кагана, правившего в XI веке.

В древности одним из крупных международных центров торговли был город Дунгхуан на северо-западе Китая, в котором был создан Самаркандский квартал, где проживали 3 тысячи самаркандских купцов. Купцы торговой фактории в Дунгхуане поддерживали тесную связь со своим родным городом Самаркандом, отправляли на родину письма с караванами. 9 из таких писем не дошли до адресата – остались в почтовом здании Дунгхуана. Эти письма, написанные в 313–317 годах н.э., были найдены и изучены в начале прошлого века английскими археологами. Написанные на согдийском языке, они известны в истории под названием «Древние письма». Большая группа согдийских документов была

обнаружена при раскопке замка на горе Муг в 1933 году недалеко от кишлака Хайрабад. Комплекс этих письменных документов, именуемый согдийским архивом замка Муг, состоит из 89 документов, относящихся к VIII веку (712–722), 74 из которых написаны на согдийском языке (29 из них – на коже, 22 – на бумаге, 23 – на деревянных дощечках). Среди них встречаются документы, написанные на арабском, китайском и древнетюркском языках. Причина, по которой государственные документы из дворца правителя города Панч (Пенджикент), подвластного согдийскому царю, оказались в замке Муг, объясняется тем, что во времена арабского завоевания правитель Пенджикента Деваштич с целью создания военного союза против внешнего врага проводил дипломатическую переписку с главами других краёв и стран. Недовольный нерешительностью самаркандского ихшида (царя) Тархуна он объявляет себя претендентом на самаркандский трон и начинает борьбу против арабов. Но арабы оказались сильнее и после нескольких ударов войска Деваштича отступают в горы, где вместе с семьями и близкими укрываются в горном замке Муг. Отступая в горы, Деваштич вместе с собой захватывает и дворцовый архив.

Арабские войска не оставляют в покое обороняющихся. В 722 году после ожесточённых боёв замок превращается в руины. Арабское командование отправляет Деваштича в Хорасан на суд наместника халифа. Деваштич принимает условия наместника и его обещают отправить назад в Согдиану. Однако по тайному приказу наместника он был распят в местечке Рабинджон (руины этого раннего средневекового города находятся недалеко от города Каттакурган) на зороастрийском кладбище.

Согдский архив был обнаружен спустя 1210 лет, в 1932–33-х годах. Учёные-специалисты, изучив документы замка Муг, разделили их на несколько групп. Согласно этим исследованиям, документ А-14 – письмо согдийского посла, направленного из Чача, В-8 – согдийский документ о покупке земли, В-4 – документ об аренде мельницы, Nov.3 – брачное свидетельство, написанное по-согдийски, Nov. 4 – обязанности жениха перед невестой, А-9 – донесение агента Деваштича о положении в соседних областях и другие.

Ещё один документ о согдийском письме и языке найден в Афрасиабе, на стене дворца самаркандского ихшида Вархумана (Авархумана), который в 651 году в честь прихода к власти построил царский дворец. Дворец представлял собой монументальное здание (11 х 11 м) с глинобитными стенами, которые были украшены разноцветными настенными изображениями. На одной стороне дворцовой стены были нарисованы послы из Чаганияна, прибывшие в Самарканд, и их караваны, а на второй – изображение послов с Дальнего Востока (возможно из Китая), плывущих по морю на огромном парусном корабле. Посреди третьей стены была дверь, с правой стороны которой изображены прекрасные женщины, стоящие по колено в воде священного моря Варукаша и наблюдающие за купающимися детьми, а также рыбы и черепахи. С левой стороны двери нарисована игра в конное поло.

Ещё на одной стороне рисунки состоят из трёх ярусов. Верхний ярус сохранился не полностью. На втором ярусе изображён царь Вархуман (Аварухман) на троне со своей свитой, подвластными ихшидами и правителями ихридов (судя по связке из 11 знамён у трона, они были правителями 11 подчинённых областей), который встречает послов. Послы поднимаются с первого этажа дворца на второй с ценными подарками в руках. На первом ярусе (этаже), в стороне от стоящих в очереди, есть изображение художника в длинном халате. На подоле его халата написано письмо на согдийском языке из 11 строк, где говорится о послах из Самарканда. В письме содержатся точные сведения о том, что послы прибыли из Чаганияна и Чача. Некоторые места в письме стёрты и их нельзя прочитать. В письме прочтение слова Самарканд звучит как Смараканса. Название Самарканда в таком прочтении встречается в письмах Дунгхуана и документах замка Муг. Значит, согдийцы слово «Самарканд» в древности произносили как «Смараканса».

В 70-х годах XX века в Афрасиабе найдена дощечка с надписью на согдийском, относящаяся к IV веку. По данным специалиста по согдийскому языку М. Исакова, эта расписка принадлежала одному из самаркандских купцов, давшему в долг своему коллеге. Анализ содержания письма и условий договора показывает, что между ними не было никаких ростовщических условий и берущий в долг только обязывался вернуть деньги соразмерно действующей цене на определённый товар. Для этого кредитор вместе с берущим в долг шли на рынок и узнавали цену на бычков. При возврате денег проделывалось то же самое, что и подтверждала эта расписка.

Согдийское письмо использовалось во многих отраслях. Например, два отрывка из «Калилы и Димны» по-согдийски, поэма о богатыре Рустаме также изложена по-согдийски; несколько буддийских, христианских, манихейских текстов религиозного содержания, относящихся к VIII–IX векам и группа документов по буддийской теологии, литературе написаны на согдийском языке и согдийской письменности. В общем, несмотря на то что все вышеуказанные образцы согдийской письменности сохранились в виде отрывков, они содержат ценные и редкие сведения о народах Средней Азии, в том числе о предках узбекского народа. В них содержится необходимая информация об этногенезе и этнической истории народов Средней Азии.

д) Древнетюркская письменность. В древности наряду с согдийской, бактрийской и хорезмийской письменностью на основе арамейского письма была изобретена и тюркская письменность. В настоящее время в различных регионах Азии и Европы найдены около 300 памятников тюркской письменности. Первые находки были сделаны на берегах рек Енисея и Орхона, которые по форме написания были названы «Орхонско-Енисейские рунические письмена». Это письмо, состояще из 38 букв, было широко распространено среди тюркоязычных племён и народностей. Большая часть этих рунических писем выполнена на скалах, на могильных плитах, на каменных статуях. Другая часть написана на металлической посуде, керамике, монетах, бумаге и дереве.

Древние тюркские письмена в основном состоят из буддийских историко-биографических отрывков и посвящены восхвалению достижений и героических поступков известных представителей тюркской, уйгурской, киргизской аристократии и выходцев из рода каганов. Самым крупным памятником древнетюркской письменности считается «Книга предсказаний» («Иркское письмо»), объёмом почти в 100 страниц. Самые известные из них – надписи в честь Билга кагана и Культегина. Помимо Сибири и Северной Монголии, памятники рунической письменности встречаются в Восточной Европе, Восточном Туркестане и Алайском крае, Средней Азии и северо-восточном побережье Чёрного моря. По свидетельству Б.Х. Матбобоева, во время археологических раскопок, проведённых в последние годы в Ферганской долине, обнаружено более 30 образцов тюркской письменности, выполненной на керамике. Существуют предположения, что зарождение тюркской письменности в Центральной Азии приходится на I тысячелетие до н.э.[1]

«Неизвестные письмена». Первые сведения об этих письменах относятся к 1954 году, когда французский археолог А. Марик обнаружил их на осколке посуды. Это был первый образец «неизвестных писем». В 1966 году Г.А. Пугаченкова находит отрывок «неизвестного письма» в Халчаяне. И это письмо до сих пор не прочитано. В 1967 году образцы неизвестных письмён, высеченных на скалах, обнаружены в Дашти-Навуре (Афганистане). Эти письмена относятся к I веку н.э. и выполнены на трёх языках: языке кхароштси, бактрийском языке, а также написанные греческими буквами на неизвестном языке.

Учёный-лингвист Ж. Фюсман доказал, что это письмо пишется справа налево и идентично письменам Сурх-Котала и Халчаяна. В 1972 году археолог К. Акишев при раскопках на знаменитом кургане «Иссык» находит серебряную чашу, относящуюся к IV–III векам до н.э., которую лингвисты тоже отнесли к «неизвестным письменам». Несмотря на разные подходы в прочтении этого текста, специалисты единодушны во мнении о датировке кургана «Иссык» – не позже III века до н.э. Надпись из кургана «Иссык» обозначила географию историко-культурных регионов, на которых получило распространение «неизвестное письмо». Образцы этой письменности обнаружены при исследовании таких памятников, как Хотинрабод, Каратепа, Фаёзтепа, Токкизтепа, Кампиртепа в Южном Узбекистане, памятника Айханум в Северном Афганистане. Происхождение письма из кургана «Иссык» («неизвестное письмо») академик Э.В. Ртвеладзе связывает с племенами юэчжи, а В.А. Лившиц считает, что оно принадлежит сакам. Вместе с этим, он приходит к выводу, что письмо из кургана «Иссык» является одной из официальных форм системы письменности Кушанской империи. В последние годы исследователи выдвигают гипотезу, что это письмо, возможно, является самым древним письмом из круга «неизвестого письма», написанного на древнетюркском языке. К примеру, А.С. Омонджолов не сомневается в том, что

[1] *Омонджолов А.С.* Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. – Алма-Ата, 1975. С. 61-65.

«иссыкское» письмо – безусловно тюркская письменность, мы также придерживаемся этого мнения. По мнению Э.В. Ртвеладзе, определение языка «неизвестного письма» внесёт окончательную ясность в атрибутику письменности определённого этноса. Однако, считает он, география распространения «неизвестного письма» не оставляет сомнений в его принадлежности племенам юэчжи, что отражает историческую действительность. По всей видимости, это письмо сформировалось на юго-западе Средней Азии и северо-западе Афганистана. Границы распространения этой письменности охватывали территорию с кургана «Иссык» и Семиречья на севере до Гиндукуша на юге, с Северного Афганистана на востоке до Восточного Туркменистана на западе. Эта письменность использовалась в период с III века до н.э. до VIII века н.э.

Глава V
ЭТНИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Этнические корни происхождения узбекского народа состояли из двух ветвей: тюркского и этнических объединений, говоривших на северо-восточных диалектах (согдийский, хорезмийский, бактрийский, сакский) древнеиранских языков. Часть из них проживала на территориях, естественно-географические условия которых диктовали заниматься земледелием, а основу хозяйственной жизни для второй части составляло скотоводство. Значит, многовековые экономические, хозяйственные, этнокультурные и политические связи представителей этих двух видов хозяйствования привели к их ассимиляции и этническому взаимопроникновению. За отправную точку ассимиляции вначале был взят Тюркский каганат, затем античный период. В последние годы эти взгляды были заново пересмотрены на основе первичных источников и за самое начало, отправную точку узбекского этногенеза была принята эпоха поздней бронзы (вторая половина II тысячелетия до н.э.)[1]. Это является значительным открытием не только в изучении этногенеза узбекского народа, но и для исследования истории узбекской национальной государственности.

В советской историографии этнические основы узбекского народа относились в основном к тюркским компонентам, а об ираноязычных согдийцах, хорезмийцах, бактрийцах, игравших важную роль в этническом становлении этого народа, сведений было недостаточно. Градостроительная культура Мавераннахра, относящаяся к узбекской государственности, рассматривалась в связи с завоеваниями иранских Ахеменидов и греков. Культура Сапалли эпохи бронзы, носители которой вели хозяйство на основе поливного земледия, ещё не была открыта. Открытие и изучение памятников культуры Сапалли дало возможность исправить эти ошибочные взгляды.

Обнаруженные в культурных слоях древнеземледельческого памятника Джаркутан явные элементы материальной и духовной культуры древних скотоводческих предков дали возможность считать началом этногенеза узбекского народа бронзовую эпоху. Поэтому в этой главе мы сочли необходимым представить новые сведения об оседлой части наших предков, занимавшихся земледелием, рассмотреть памятники материальной культуры эпохи бронзы древних земле-

---

[1] *Асқаров А.* Мустақиллик йилларида тарих, археология ва этнология. // «Ўзбекистонда ижтимоий фанлар», № VI – Т., 1996. С. 71.; Ўша муаллиф. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмийғметодологик масалалари. // «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмийғметодологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» Республика семинари материаллари. – Т., 2004. С. 9; Ўша муаллиф. Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. – Т., 2007. С. 67. 240.

дельцев (см. цветную иллюстрацию 1 «Схематическая карта памятников племен оседлоземледельческих культур эпохи бронзы»).

На основе сопоставительного изучения материалов археологических и антропологических исследований, проведённых на территории Узбекистана, с древними письменными источниками были определены хронологические этапы истории этногенеза узбекского народа (эпоха бронзы, ранний железный век, эпоха античности, эпоха раннего средневековья, этап формирования предков узбеков в отдельную этническую общность (народность). На первом этапе, т.е. в эпоху поздней бронзы и раннего железа, узбекский народ начинает своё развитие на основе двух этнических корней. Как уже отмечалось выше, первый из корней состоял из этнических компонентов оседлой земледельческой культуры, второй – из этнических компонентов скотоводческих племён.

Общеизвестно, что древнейшее население Средней Азии территориально развивалось неравномерно. На юго-западе уже в эпоху неолита среднеазиатского региона происходит переход от присваивающего хозяйства родовых общин к производящему, т.е. зарождаются земледелие и скотоводство. Значит, возникновение земледелия и скотоводства составляет содержание и сущность хозяйственного развития этого региона. Эти революционные изменения в жизни наших первобытных предков начались в VII–V тысячелетиях до н.э., когда в Средней Азии с эпохи неолита начинает формироваться региональный путь развития. Первым объектом, свидетельствующим о начале этого процесса, является археологический памятник Джейтун, где зародилась ранняя земледельческая культура на территории Средней Азии. В это время на севере этого региона первобытные общины всё ещё занимались охотой и рыболовством (Кальтаминарская культура)[1].

Сложившаяся на основе культурно-хозяйственных традиций Древнего Востока древнеземледельческая культура в период эпохи энеолита и бронзы (времени Намазга I, II, III, IV, V и VI) получила широкое распространение в северо-западных регионах юга Средней Азии, вдоль северного Копетдага[2]. Часть населения этого региона расселяется по Зарафшанской долине, по Мургабскому оазису и доходит до Древней Бактрии. Под хозяйственно-экономическим и этнокультурным влиянием этих поселенцев племена древней земледельческой культуры в бронзовом веке широко расселяются в Мавераннахре и близлежащих областях.

А) Памятник Саразмской культуры. Именно в эти времена в центральных областях Средней Азии в хозяйственной жизни первобытных общин происходят коренные изменения: в верхней части Зарафшанской долины, в приграничном районе Узбекистана и Республики Таджикистан зарождается новое поселение древнейшей земледельческой культуры. Это поселение, названное именем кишлака Саразм, расположено на левом берегу реки Зарафшан, на том месте, близ которого в древности образовалось озеро Айимкуль. В нем (в Саразме) расположено одно из древнейших поселений оседлой земледельческой культуры.

[1] *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. – М., 1981.
[2] *Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. – М. –Л., 1964. С. 123–187.

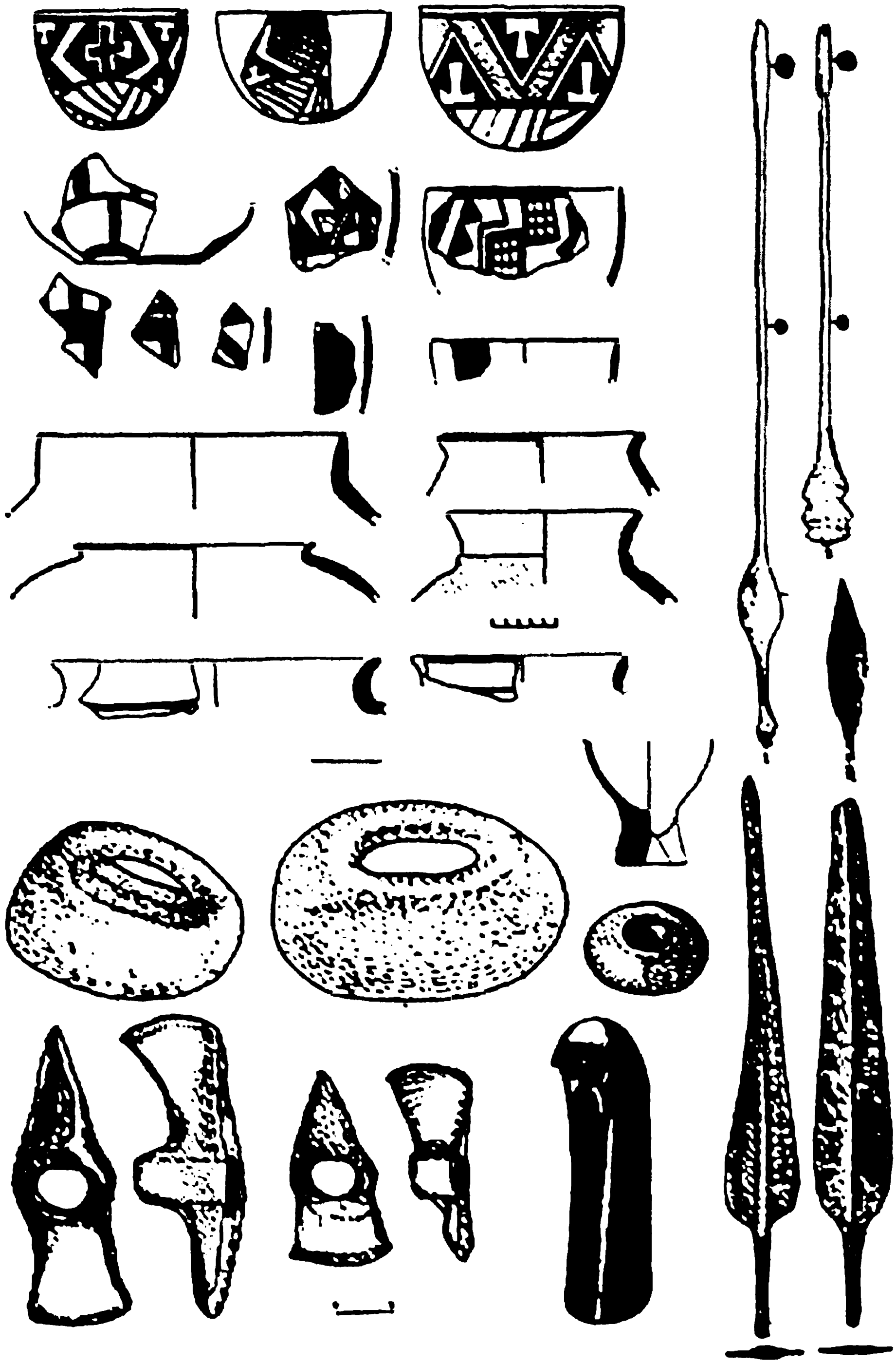


Рис. 1. Археологический комплекс Саразм (Зарафшанская долина)

По мнению учёного – специалиста по истории согдийской письменности В.А. Лившица, название населённого пункта Саразм произошло от слов «сари-замин» – «начало земли», что, по всей видимости, указывало на начало Зарафшанской долины[1]. Этот памятник в археологической литературе, согласно археологическому комплексу, получил название Саразмской культуры. Носители культуры Саразма относятся к группе родовых общин, переселившихся сюда с южных регионов Средней Азии, из круга Намазгинской культуры эпохи энеолита[2], археологический комплекс которых представлен на рисунке 1.

Проникновение сюда группы племен древних земледельцев из Геоксюрского оазиса, на наш взгляд, преследовало две цели: первая – поиск удобных посевных площадей для занятий земледелием; вторая – разработка залежей цветных металлов. По нашим предположениям, жителей Геоксюра в первую очередь привлекали именно эти месторождения.

Следует отметить, что для переселившихся в эти места геоксюрцев существовали все условия для занятий традиционным земледельческим хозяйством. В низовьях горных рек Отчопар-сай, Чумали-сай и Шурнова-сай, берущих начало в Зарафшанских горах, ещё в древние времена образовалось озеро Айимкуль, вокруг которого образовались плодородные земли для занятий поливным земледелием. На ранних этапах земледельческой культуры в этих местах выросли селения земледельцев. По сообщениям исследователя этого памятника археолога А. Исакова, люди в этих местах проживали с времён развитого энеолита до времени ранней бронзы (1,5 тысячи лет). На наш взгляд, судя по материалам разрушенных верхних слоёв памятника, жизнь в этих местах продолжалась и в эпоху поздней бронзы.

Общая площадь памятника составляет 90 га. Он состоит из 10-ти больших и малых холмов разной высоты. На каждой возвышенности обнаружены остатки жилищ, места для осуществления религиозных обрядов, хозяйственных объектов, связанных с ремесленным производством. Большая часть памятников разрушена в более позднее время за счёт постройки на них домов и приусадебных участков.

За время проведения археологических исследований в Саразме были выделены 4 хронологических этапа жизни на поселении. Первый этап (Саразм I), согласно периодизации А. Исакова, определяется 3500–3300 годами до н.э., а четвёртый этап (Саразм IV) – 2300–1900 годами до н.э.[3] Датировка последнего этапа является спорной, потому что среди материалов разрушенного верхнего слоя этого памятника встречаются окрашенные обломки керамики ручной лепки, идентичные керамическим изделиям Чустской культуры (XV–VIII века до н.э.). На это указывает и сам А. Исаков[4].

---

[1] *Исаков А.* Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зерафшанской долины. – Душанбе, 1991. С.5.

[2] Там же. С. 100–102.

[3] Там же. С.112–113.

[4] Там же. С. 115.

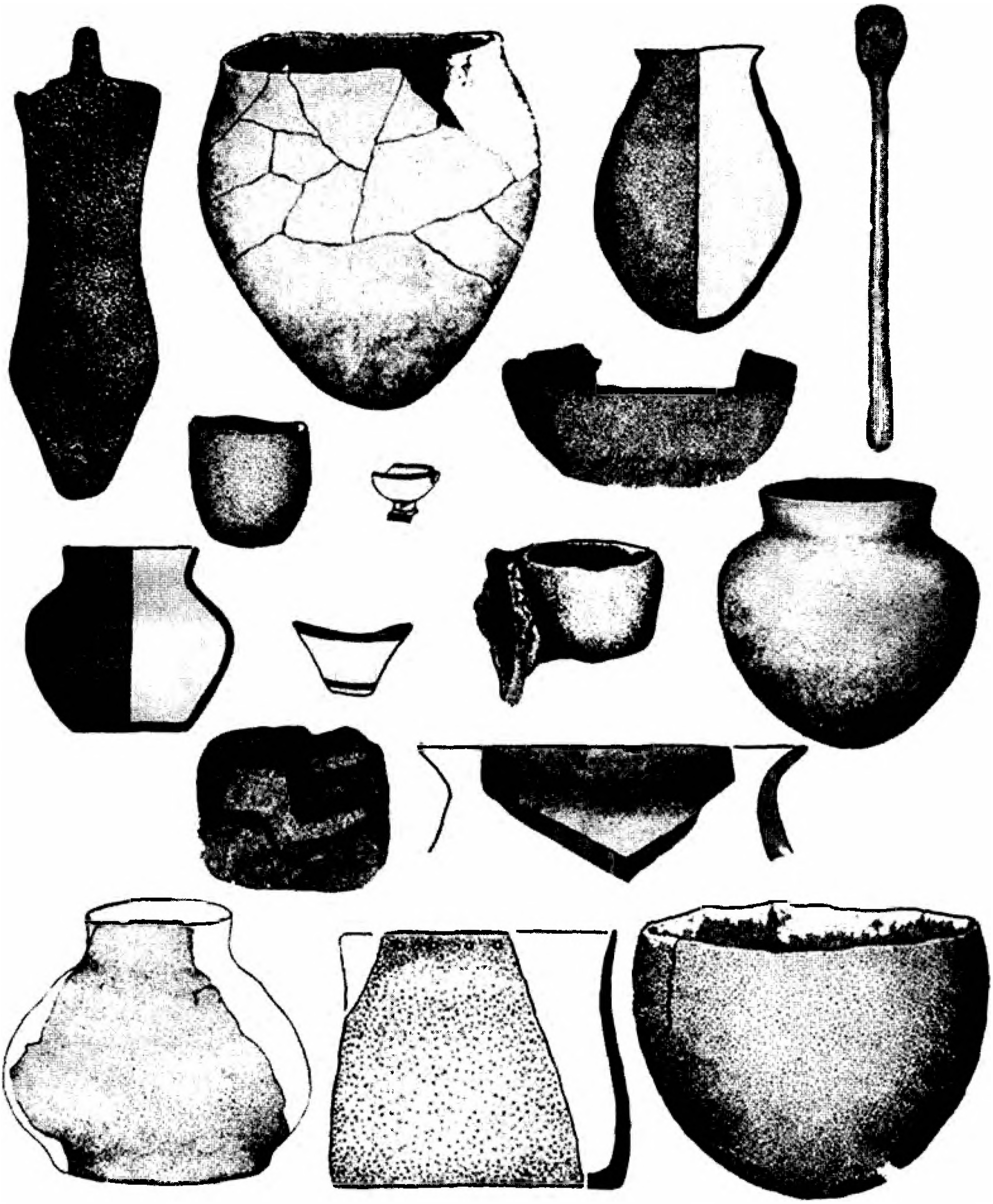


Рис. 2. Археологический комплекс культуры Заманбаба

Жилые комплексы периода Саразм I окружены «оборонительными» стенами. Обнаружены фамильные склепы родовых общин этого времени. В центре склепа расположено погребение женщины, где были найдены лепные расписные керамики, медные зеркала, украшения из золота и серебра, бусы, изготовленные из лазурита и сердолика. Материалы поселения Саразм I во многом идентичны материалам, найденным в Геоксюрским оазисе Южного Туркменистана (см. цветную карту 1, памятник № 11).

Жилые комплексы периода Саразм II состоят из многокомнатных жилищ и дворов, разделённых узкими улочками. Среди жилых комплексов встречаются построенные в форме круга алтари для осуществления семейных молитв. В двух местах древнего поселения раскопаны и изучены остатки храмов огнепоклонников. Стены храма были окрашены в красный цвет, а в центре располагался алтарь квадратной формы. В отличие от керамики Геоксюра, внешняя сторона саразмской керамики была окрашена в светло-красный цвет. Иногда поверх светло-красного цвета наносились разноцветные узоры.

В период Саразма III появляются монументальные здания общественного характера. Во двориках жилых комплексов иногда встречаются хумы – крупные глиняные сосуды, мастерские по плавке металла и изготовлению орудий труда. На этом этапе происходит ускоренный процесс специализации ремесла по различным отраслям производства. В гончарном деле резко уменьшается количество ангобированной глиняной посуды темно-красного цвета и отделанной изнутри и снаружи. На базе местного сырья усиливается плавка металла и изготовление различных видов оружия из металла. На этом этапе в общественной, экономической и культурной жизни саразмийцев происходят коренные изменения, которые можно сравнить с культурой Намазга V. Расширяется круг экономических и культурных связей. Такой подъём продолжается и на этапе Саразм IV, о чем свидетельствует большое число металлических предметов из бронзы, как из разрушенных верхних слоев поселения, так и обилие подъемных материалов.

К сожалению, культурные слои этого периода в самом Саразме сохранились очень плохо, время не пощадило их. Тем более следы древнеземледельческих поселений типа Саразма в Зарафшанской долине встречаются редко, либо, по всей вероятности, были уничтожены ирригационными освоениями долины в историческое время.

Известно, что жизнь в Саразме, продолжавшаяся примерно тысяча – полторы тысячи лет, к середине II тысячелетия до н.э. прекращается. К этому времени поселение Саразм было не только редким памятником древней земледельческой культуры, но и центром металлургии эпохи энеолита и бронзы в этом регионе. Однако во второй половине II тысячелетия до н.э. в горных районах Верхнего Зарафшана появляется новый хозяин месторождения цветных металлов, т.е. поблизости этих месторождений, в местечке Дашти-Казо был открыт и изучен целый могильник скотоводческих племен степей Евразии эпохи бронзы. Выходит, что в середине II тысячелетия до н.э. группа северных степных племён переселяется

и обосновывается у месторождений цветных металлов (Ёри, Кончач, Джилоу) в верховьях горного хребта Зарафшан, что и приводит к угасанию связанной с металлургией кипучей жизни Саразма. Саразмийцы, лишившись солидной прибыли, которую получали от занятий горной промышленностью и металлургией, покидают эти места.

Когда верхний бассейн Зарафшана был освоен в эпоху энеолита и ранней бронзы пришлыми древнеземледельческими племенами Ановско-Намазгинского круга на поселении Саразма, в низовьях этой реки сложилась культура местных племен под хозяйственно-культурным влиянием южных областей Средней Азии, что видно на примере комплекса памятников культуры Заманбаба, которая относится к эпохе позднего энеолита и ранней бронзы (см. рис. 2).

Б) Заманбабинская культура. Культура Заманбаба – самая древняя из комплекса памятников материальной культуры с производящим хозяйством мотыжного земледелия и придомного скотоводства, обнаруженная в Зарафшанской долине. Первым памятником, обнаруженным в районе озера Заманбаба, является могильник Заманбаба, который в 1950–1953-х годах был изучен Я.Г. Гулямовым, а в 1961–1962 годы – автором этих строк.

Происхождение Заманбабинской культуры связано с поздним этапом Кальтаминарской культуры, её нижнезарафшанским вариантом. Связь культуры Заманбаба с позднекальтаминарской культурой хорошо наблюдается на материалах стоянок эпохи энеолита Нижнего Зарафшана – Катта-тузкан 35, Каптарни-куми, Бешбулак и Лявлякан. В этот период в керамическом комплексе позднего Кальтаминара и энеолитических памятниках орнаментирование сосудов становится редким явлением. Стенки сосудов утолщаются, происходит огрубление кальтаминарского стиля орнамента. В шурфе, заложенном в северо-восточном углу поселения Заманбаба, на глубине 160 см от уровня земли был обнаружен небольшой культурный слой, в котором были обнаружены яйцевидные сосуды ручной лепки. Основная масса фрагментов керамики, найденных в шурфе, не имела орнаментации. Среди них лишь два фрагмента керамики имели простой, небрежный орнамент, характерный для позднего Кальтаминара. Состав теста керамики и форма сосудов совершенно идентичные керамике культуры Заманбаба. Всё это намекает на их родственность. Вместе с тем в жизни заманбабинцев большую роль сыграли земледельцы юга, оказав на последних хозяйственно-культурное влияние. Да, между ними существовали тесные контакты хозяйственно-культурного характера, о чем свидетельствует полное отсутствие орнаментации на сосудах Заманбаба, а также наличие в керамическом комплексе могильника Заманбаба двух фрагментов керамики культуры позднего Намазга IV Южного Туркменистана.

В могильнике Заманбаба открыты и изучены 46 захоронений. Могилы представляли собой подбойно-катакомбный тип (т.е. входная яма с боковой погребальной камерой), скелеты умерших лежат скорченно, с поджатыми к животу и груди руками и ногами, мужчины на правом, женщины на левом боку.

В женских захоронениях, кроме керамических сосудов, найдены различные ожерелья из драгоценных разноцветных камней, бронзовый флакончик для сурьмы, медное зеркало, каменные веретена, песты каменных ступ, фигурка женщины из терракоты, золотые бусы, следы красной и жёлтой охры, маленькие медные лопаточки; в мужских могилах – кремневые наконечники стрел лавролистной формы, бронзовые ножи, керамические сосуды.

Вторым памятником, обнаруженным и исследованным автором настоящих строк, является поселение Заманбаба, где открыто жилище полуземляночного типа площадью 170 кв. м. Культурное заполнение землянки состоит из трёх горизонтов. В самом нижнем горизонте найдены разнообразные археологические материалы, среди которых встречаются фрагменты керамики красновато-тёмного цвета, с уплощенным и плоским дном, а в составе керамики верхнего горизонта 142 – фрагменты сосудов красновато-кирпичного цвета, изготовленных на гончарном станке медленного вращения. Последнее говорит о культурном влиянии земледельческого юга на культуру Заманбаба.

На площади поселения найдены остатки разрушенных очагов, предметы быта, обломки хозяйственных орудий труда, терракоты и каменные веретена, схематические антропоморфные фигуры, песты каменных ступ, кости домашних и диких животных, почерневшие зёрна пшеницы и ячменя, следы соломы в штукатурке. А в самом жилище и за его пределами также найдены каменные зернотёрки, обломки кремневых серпов и другие.

По характеру находок жители Заманбаба по всей вероятности занимались каирным земледелием путём дамбирования отмирающих русел потоков. Поэтому здесь параллельно развивалось домашнее животноводство и примитивное земледелие, присущее ранним этапам производящего хозяйства.

Однако естественно-географические условия региона (Юго-Западный Кызылкум), где сформировалась Заманбабинская культура, не позволили развить на его базе хозяйства орошаемого земледелия и монументальное архитектурное строительство. Земледельческое хозяйство в Заманбаба не превратилось в приоритетное направление. Хозяйственно-экономическая основа Заманбабинской культуры сформировалась из смешения различных этнических культур и впоследствии продолжала развиваться по условиям пустынной зоны, т.е. скотоводство стало ведущей формой хозяйственного развития культуры. Пустынные условия юго-запада Кызылкума, пригодные для развития животноводческого хозяйства, обеспечивали приток родовых общин северных скотоводов, захвативших в свои руки политическое и военное господство, тем самым не способствовали развитию земледельческого хозяйства Заманбабинской культуры. В итоге население культуры Заманбаба в середине II тысячелетия до н.э. растворяется в массе Евразийских скотоводческих степных племён, прибывших в Среднюю Азию с северо-восточного направления.

В эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.) в жизни наших первобытных предков происходят коренные общественно-экономические и культурные изменения.

Эти изменения начали происходить в последней четверти III тысячелетия до н.э. одновременно в общинах древних земледельческих и охотничье-рыболовческих племён. Во время поздней Кальтаминарской культуры, вернее, на месте памятников эпохи энеолита, в Приаралье начинает складываться скотоводческое хозяйство[1]. А на ступени Намазга V культуры Анов начинают подниматься ранние города. В общинах древних земледельческих племён развитие в экономической и хозяйственной области приводит к общественному расслоению и зарождению все новых и новых местных центров цивилизации Древнего Востока.

В результате этих общественно-экономических и культурных процессов региональные границы древней земледельческой культуры расширяются к северо-востоку Средней Азии. В Мургабской долине и в Бактрии один за другим складываются новые очаги градостроительной культуры, присущие цивилизации Древнего Востока[2]. В частности, на северных границах Древней Бактрии, куда входили территории Южного Узбекистана, формируется Сапаллинская культура, относящаяся к поливному земледелию и высокоразвитому ремесленному производству.

В) Поселение Сапаллитепа. В первой половине II тысячелетия до н.э. освоение Мургабской долины древними земледельческими общинами и появление в этих местах населённых пунктов Аучиндепа, Келелидепа, Гонурдепа привело к образованию области, которая в Авесте упоминается как «Моури». Оседлое население этой области известно в истории под названием маргуш. В то же время именно такие же исторические процессы происходят на северо-востоке Мургаба, низовьях реки Ахча в Северном Афганистане (оазис Дашли) и в бассейнах рек Уланбулаксай и Бустансай Южного Узбекистана. На этих землях появляются поселения оседлых земледельцев Сапаллитепа и Джаркутан. Эта культурно-хозяйственная область – Древняя Бактрия, упоминается в Авесте как «священная Бахди», а её оседлое население называется бактрийцами. Таким образом, в эпоху бронзы на южных территориях Средней Азии образуются два местных очага, новые культурно-хозяйственные центры цивилизации Древнего Востока – Бактрия и Маргиана, расширяются территориальные границы земледельческих областей, начинаются формироваться народности маргуш и бактрийцы.

В 1960-м году во время освоения Шерабадской степи в Южном Узбекистане (Северная Бактрия) был обнаружен ценный памятник культуры древних земледельцев – Сапаллитепа. Это поселение расположено недалеко от Амударьи, на берегу древнего русла Уланбулаксая. Уланбулаксай, образовавшийся на базе водных ресурсов Кайнарбулака, расположенного в горном оазисе Пашкурт, выходя из горного ущелья Кугитангтау в Шерабадскую степь извилистым руслом в древности доходил до Амударьи. Именно в низовьях Уланбулаксая во второй четверти

[1] История Узбекской ССР, том I. – Т., 1967. С. 46.

[2] *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. – М., 1959; *Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. – М., 2001; Он же. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашхабад, 2002.

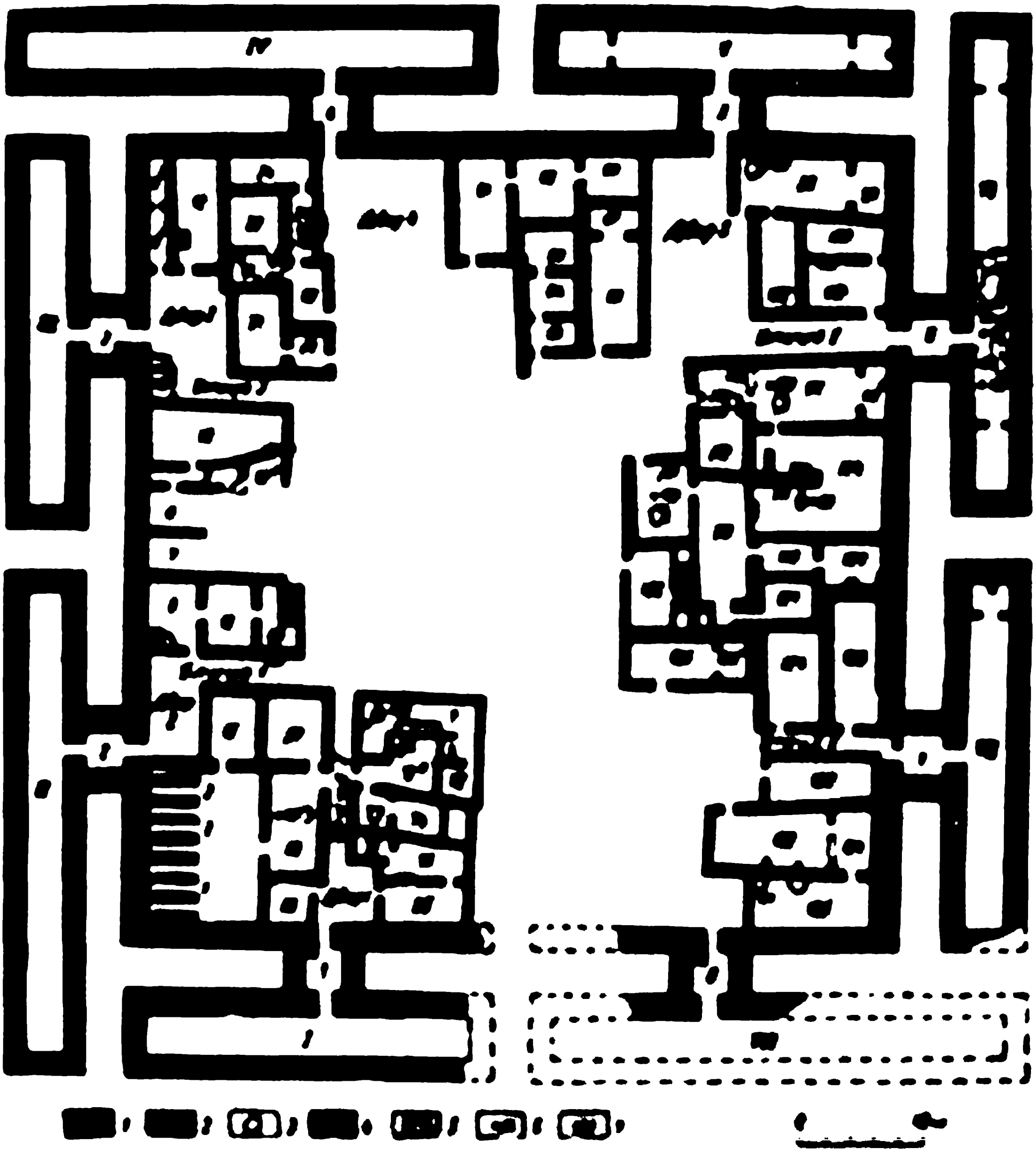


Рис. 3. План крепости протогорода Сапаллитепа

II тысячелетия до н.э. образовалось несколько поселений древних земледельцев. Среди них наиболее крупным является поселение Сапаллитепа[1]. Большая часть площади Сапаллитепа рапахана под хлопковые поля, сохранилась только центральная его крепостная часть. Судя по разбросанным вокруг крепости разным артефактам, общая площадь Сапаллитепа была не менее 4–5 гектаров[2]. Археологические исследования показали, что памятник представляет собой комплекс уникальных по совершенству оборонительных сооружений инженерного искусства (см. рис. 3).

Центральная часть поселения имела форму квадрата площадью 82×82 м и была обнесена тремя оборонительными стенами. Толщина стен была более 2 метров. Стены были возведены по сложному архитектурному плану.

По замыслу древних инженеров, оборонительная система должна была выполнять роль западни и разделена на одинаковые по размеру блоки коридорного типа. Внешние блоки были соединены с жилыми комплексами внутри крепости комнатами типа прихожих. Внутренние блоки в оборонительной системе выполняли роль щита. Внешне они казались воротами, ведущими в крепость и располагались по одному на каждой стороне периметра. На самом деле вход в крепость был один и располагался на его южной стороне. План крепости стал известен только после полной расчистки его площади.

Согласно стратиграфическим наблюдениям, проводившимся во время раскопок, было обнаружено, что жилые комплексы хронологически состоят из трёх строительных этапов. Хотя внешние и внутренние блоки были построены для выполнения сугубо оборонительных задач, однако отстуствие в регионе внешней угрозы давало возможность пользоваться ими в мирных целях (фамильные склепы, жилые комнаты, гончарные мастерские и т.д.).

По плану внутренняя площадь крепости состояла из 8 жилых комплексов, разделённых друг от друга узкими улочками. Первоначально жилые комплексы строились вплотную к внутренней стороне крепостной стены, а затем, за время трёх этапов строительства, они расширялись вдоль узких улочек в сторону центральной площади крепости. Анализ археологических материалов, найденных во время археологических раскопок, и наличие точного плана показывает, что Сапаллитепа было поселением 8-ми патриархальных родовых общин эпохи бронзы.

Выражаясь языком Авесты, Сапаллитепа – это «вис», объединивший 8 «нман». У каждой большой патриархальной семьи был свой патриарх – нманапати, вис (сельская родовая община), объединявший несколько нман, возглавлял – виспати. Жилые комплексы патриархальных семей состояли из многокомнатных домов (очаг с дымоходом, прихожая, спальня с сандалом – отопительным очагом, семейный алтарь, амбар для зерна, широкая и длинная комната для ткацкого станка). Такая патриархальная семья в Сапаллитепа составляла нману.

---

[1] *Аскаров А.* Сапаллитепа. – Т.: Фан, 1973. С. 5–6.

[2] Там же. С. 9–171.

Также было обнаружено, что кости животных, глиняные обломки, толстый слой золы, образовавшийся на центральной площади крепости, были разровнены, и этот культурный слой впоследствии был замазан мощными комками глины, смешанной с соломой, образовав некое возвышение, помост. Возможно, на этой площади проводились собрания общины (анчумана).

Жители Сапаллитепа были самыми древними земледельцами Южного Узбекистана. Анализ обнаруженных здесь очень богатых и разнообразных по составу материалов, их сопоставительное изучение с памятниками других историко-культурных краев и областей показывает, что жители Сапаллитепа – выходцы из соседней Маргианы, переселившиеся в Древнюю Бактрию в поисках плодородных земель для ведения земледельческого хозяйства.

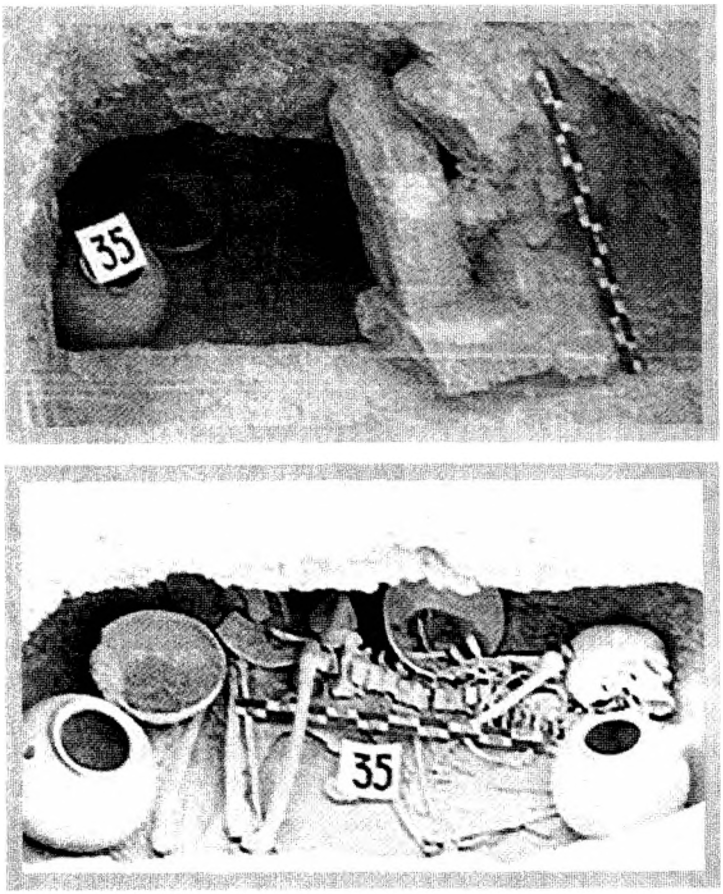
Во время раскопок Сапаллитепа были обнаружены руины многокомнатных домов, построенных из необожжённого кирпича; боевое оружие и орудия труда разного вида и формы, изготовленные из камня, бронзы, костей; предметы домашнего обихода; различного рода предметы, применяемые в хозяйстве, повседневной жизни, на охоте, земледелии и занятий ремёслами; изящно изготовленная глиняная посуда, хорошо обожжённая в двухъярусной печи для обжига; разные предметы украшений; родовые и племенные печати; корзины из рогожи, камыша, стеблей пшеницы и ячменя; орудия труда для обработки кожи; посуда из камня и бронзы. Техника изготовления этих предметов свидетельствовала о высоком уровне культурно-хозяйственного развития жителей Сапаллитепа, о существовании специализированного многоотраслевого ремесленнеческого хозяйства. Земледельцы Сапаллитепа выращивали хлопок, занимались шелководством, садоводством. Многократное поливное земледелие составляло основу хозяйства поселения.

Вначале жители Сапаллитепа хоронили своих умерших сородичей под полом своих жилищ; женщин, во многих случаях, напротив очага, а мужчин – под порогом входной двери, под стенами крепости и дома[1]. Позже в пределах каждого квартала появляются общинные могильники.

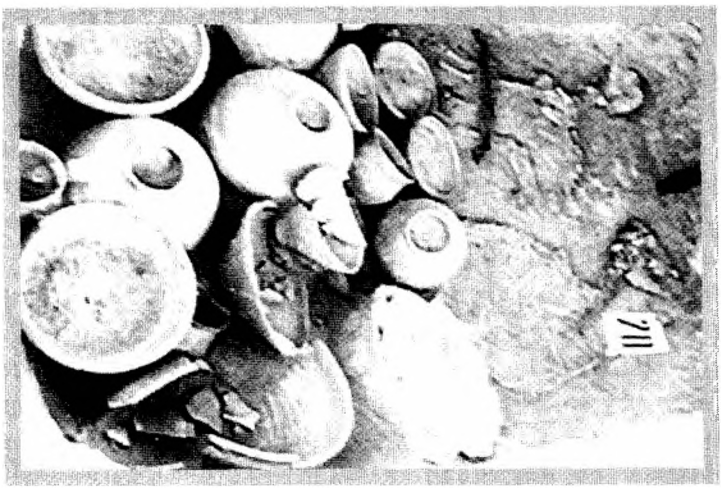
Захоронения жителей Сапаллитепа располагались непосредственно на территории самого памятника, поэтому они не подверглись разграблению. Все артефакты 138 захоронений поселения сохранились в неизменном виде.

Могилы представляли собой ямы с боковой камерой, куда помещалось тело покойного. Эти камеры располагались всегда на западной стороне могилы. Поэтому входное отверстие в камеру находилось под западной стенкой входного отверстия. Тела покойных укладывали в противоположной от входа стороне. В камере, ближе к выходу, оставляли глиняную посуду, в которой находилась различная еда. Рядом клали личные вещи покойника или покойницы, орудия труда и предметы обихода, то есть вещи, относяшиеся к роду деятельности и полу покойного. Жители Сапаллитепа, по всей видимости, верили в потустороннюю жизнь. Возможно поэтому родственники, провожая усопшего в мир иной, укладывали в могилу его личные

[1] *Аскаров А.* Сапаллитепа. – Т.: Фан, 1973. С. 42–70. О н ж е . Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Т.: Фан, 1977. С. 38-46.



а)



б)

Рис. 4. Захоронения Сапаллитепа: а) захоронение с телом покойного; б) кенотаф – могила, не содержащая человеческого захоронения

вещи и еду. По составу вещественных источников, обнаруженных в могиле, можно предположить, кем был при жизни покойный: плотником, ткачом, гончаром, пастухом, охотником, земледельцем, воином, лекарем, ремесленником, повитухой, жрецом, богатым или бедным. Если человек пропадал без вести, то хоронили его «душу». В таких случаях в могилу укладывали схематичное изображение пропавшего из глины (в виде статуэтки) или ткани, а если он был зажиточным – вместо него закапывали овцу или козу. Такое захоронение в науке получило название «кенотаф». В кенотафы родственники укладывали только еду в гончарной посуде, поэтому в этих захоронениях кроме глиняной посуды почти никаких других вещественных источников не обнаружено. Обычно мужчин хоронили на правом боку, женщин – на левом, в позе эмбриона – с поджатыми к животу и груди руками и ногами, головой на север или на северо-запад. (По богатству или скудости обнаруженных в захоронении вещественных источников можно определить общественное положение покойника, которое он занимал при жизни (см. рис. 4).

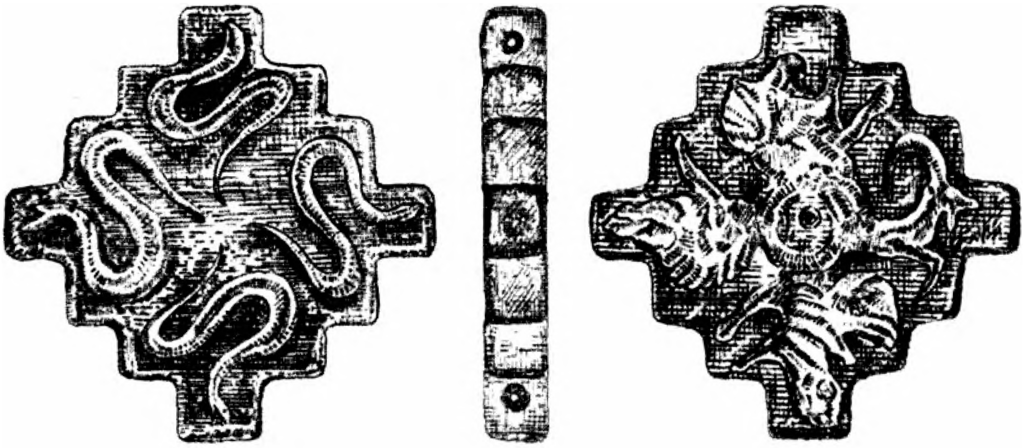
Сапаллитепинцы были огнепоклонниами. Огонь был у них основным объектом поклонения. В зороастризме, который своими корнями уходит в огнепоклонничество, наряду с огнём считалась священной земля. Поэтому не исключена возможность, что захоронения, встречаемые в глиняных сосудах – взрослых в больших хумах, а детей в корчагах, – принадлежат могилам служителей религии, т.е. протозороастрийским жрецам, и их детей.

Во времена Сапаллитепа такие религиозные представления, как тотемизм, анимизм отсутствуют. Однако в комплексе материалов встречаются предметы с изображениями, выполненными на камне, терракоте и металле в виде амулетов, каменных бус и печатей (тамга) большой патриархальной семьи (нмана) и рода (вис), что является символом прошлых тотемов. К примеру, на амулетах и печатях общины часто встречаются изображения змеи, орла, верблюда, камышового кота, архара, горного козла, тигра, кабана, а также различных растений. В Сапаллитепа найден выполненный из бронзы амулет виса (сельской общины), объединяющего 8 нман (см. рис. 5(1)).

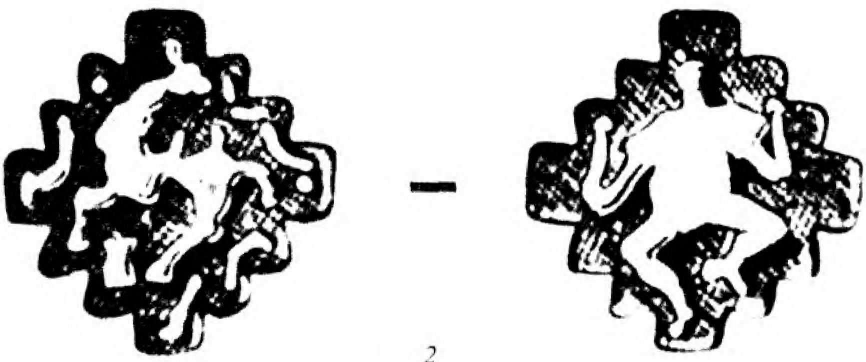
На одной стороне печати нанесено изображение четырёх разных змей, а на второй – четырёх диких животных (кабан, тигр, камышовый кот и горный козёл). Эта находка уникальна тем, что является наиболее ранней найденной печатью – символа власти, первой ячейки государственности.

Среди находок есть амулет, изготовленный из глины (гилтош), на лицевой стороне которого нанесено изображение человека, а на оборотной – двугорбого верблюда – бактриана. В одной из легенд Авесты сказано, что Зороастр при жизни являлся погонщиком верблюдов. В найденном в амулете изображен скачущий двугорбый верблюд, который резко повернул морду в сторону сидя молящемуся хозяину – Зороастру (см. рис. 5(2)).

Этот амулет, по всей видимости, принадлежал главному жрецу Сапаллитепа, что свидетельствует о характере религиозной духовности его населения, также о формирующемся раннем зороастризме в общине древних земледельцев эпохи бронзы.



1



2

Рис. 5. Сапаллитепа: *1* – амулет кавы сельской общины;
2 – амулет с изображением Заратуштры и бактриана

Жизнь в Сапаллитепа продолжалась примерно 200 лет. Резкое увеличение сельского населения привело к тому, что здесь стала ощущаться нехватка земли и воды для полива. Часть населения Сапаллитепа в поисках новых земель переселяется к нижнему течению бассейна реки Шерабад, где образовались обширные равнинные земли с плодородной почвой, нанесённой из горных ущелий. Эти земли орошались водными ресурсами Бустансая – нижним протоком реки Шерабад. В настоящее время местное население дало название этому месту Джаркутан.

Г) Поселение Джаркутан. Таким образом, на левом берегу Бустансая 3,5 тысячи лет тому назад выросло древнее поселение Джаркутан. В наши дни большая часть бывшей территории этого поселения распахана под посевы хлопчатника и овощных культур. Сохранилась непригодная для посевов прибрежная, обрывистая часть земли у реки Бустансай.

Согласно дошедшей до нас исторической топографии, этот памятник состоял из двух частей: окружённой оборонительными стенами цитадели (кухандиз) и примыкающей к нему протогородской площади (протошахристан)[1]. На южной стороне за древним арыком (оросительный канал) на нескольких возвышенностях естественного происхождения располагался некрополь (кладбище)[2]. На протогородской площади находилось около 20-ти больших и малых холмов. Разбросанные на их поверхности фрагменты глиняных сосудов, каменные зернотёрки и другие орудия труда наводят на мысль, что каждая из этих возвышенностей – руины жилищ, принадлежащих отдельной родовой общине или объекты производства.

Археологические раскопки на этом памятнике были начаты в 1973 году под руководством автора этих строк, и работы на этом объекте ведутся до сих пор его учениками и коллегами. В изучении этого памятника в разные годы вместе с узбекскими археологами принимали участие иностранные специалисты. Для датировки обнаруженных артефактов были использованы услуги научных лабораторий России, Германии, Франции.

Раскопки были проведены в цитадели, протогородской части и на кладбище. Проведенные в Джаркутане широкомасштабные раскопки, стратиграфическое шурфирование и анализ хронологических наблюдений показал, что жизнь в этом поселении продолжалась не менее 500–600 лет. Было проведено наблюдение за динамикой жизни в течение этого времени. Джаркутан из обыкновенной сельской общины превратился в самый древний ранний город на территории нашей республики. Были раскопаны и изучены развалины монументального дворца правителя[3], мастерские по плавке металла и изготовления орудий труда и оружия из

[1] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. –Т.: Фан, 1977. С. 46.

[2] *Аскаров А., Абдуллаев Б.* Джаркутан. (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). – Т.: Фан, 1983. С. 8–9.

[3] *Аскаров А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд, 1993. С. 99–104.

металла, жилые комплексы на площади цитадели (Арки аъло, кухандиз) не менее 3 гектаров. Также были исследованы толстые оборонительные стены, входные ворота в крепость города.

Как показывают проведённые на этом памятнике археологические раскопки, жилые комплексы на каждой возвышенности построены на платформе из кирпича-сырца.

В основе ранней государственности этого оседлого народа с древней, богатой историей и культурой лежит градостроительная архитектура. Этот вывод научно доказан на примере регионов Древнего Востока, где впервые на Земле были образованы самые древние государства[1].

Родиной цивилизации Древнего Востока считается Месопотамия, где в конце IV тысячелетия до н.э. и в III тысячелетии, примерно 5–5,5 тысячи лет назад возникли города Шумер, Лагаш, Ур, Суза и др., на базе которых возникли города-государства[2]. Основным экономическим фактором в образовании городов-государств являются земледельческие и ремесленные хозяйства оседлого населения, которые вначале выступали хозяйственными центрами близлежащих населённых пунктов, общественными центрами управления, самое главное – политическими и религиозными центрами в пределах района, области или края, то есть обретали формы раннего государства. Для образования государства, кроме обязательного условия – наличия густого населения, ведущего оседлый хозяйственный образ жизни, необходимы ещё три фактора. Первый из них – наличие благоприятных природных условий, воды и других географических факторов; второй – высокоурожайное поливное земледелие и применение приёмов агротехники. Эти экономические факторы являются основами зарождения древних городов. Третий фактор связан с созреванием условий для формирования системы управления дифференцированным обществом, возникшим на базе этих экономических факторов в религиозных, военных и политических вопросах. Дифференциация в общественной жизни происходит благодаря следующим коренным изменениям в экономической жизни: внедрение поливной системы орошения в земледелии; проведение магистральных каналов для освоения новых земель; применение в обработке земли сохи и тягловых животных; изобретение прядильных и ткацких станков в ремесленном производстве; изобретение гончарного круга и сложной двухъярусной печи; использование домашних животных в качестве транспортного средства; переход к строительству жилых построек и монументальных зданий на основе заранее разработанного плана; на основе многолетних наблюдений за окружающей средой зарождение астрономии, астрологии, изобретение солнечных часов, календаря, сложной вычислительной системы и другие. Когда процесс расслоения в обществе

---

[1] *МассонВ.М.* Алтын-Депе. – Л., 1981. С. 119–128.

[2] *Adams R.* Heartland of Cittes. Chicago, 1982; *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М., 1956. С. 162; *Дьяконов И.М.* Города-государства Шумера. История Древнего мира. Том I. – М., 1983. С. 49–63, 64–74; *Варга Д.* Древний Восток. – Будапешт, 1979. С. 10–44.

достигает определённого уровня, возникает потребность в управлении обществом. Это является социальным фактором. И только когда зарождаются исторические условия для возникновения этих трёх факторов в их диалектическом единстве, появляются города и на их базе – города-государства[1].

Эти три фактора присутствуют и в Средней Азии, в частности, Южном Узбекистане, на территории Шерабадской степи Сурхандарьинской области в середине II тысячелетия до н.э. на примере поселения Джаркутан.

Как правило, согласно общепринятым в науке международным положениям, для определения населённого пункта в качестве города достаточно наличие вышеуказанных факторов. Также город должен иметь следующие признаки: наличие плотно заселённого населения на площади не менее 5–6 га; наличие мощных оборонительных стен вокруг населённого пункта; разграничение жилых комплексов высшего городского сословия и правителей от жилых массивов простых граждан; существование монуметального дворца правителя города, воздвигнутого на высоком фундаменте (платформе), то есть наличие цитадели; на городской площади – шахристане – должен присутствовать величественный храмовый комплекс – священный религиозный центр для всех слоёв городского населения; экономическую основу города должны составлять многоотраслевое специализированное ремесленное производство и торговля; наличие символа города в виде городской печати и герба и др.

Среди изученных на территории Узбекистана памятников культуры поселение Джаркутан является самым древним и единственным городищем, отвечающим всем вышеуказаным требованиям[2]. Как уже говорилось выше, археологические раскопки в Джаркутане были начаты в 1973 году и ведутся до сих пор. За этот период на территории этого древнего города площадью не менее 100 гектаров были найдены и изучены: цитадель (кухандиз), жилые массивы протогорода (протошахристана), объекты многоотраслевого городского ремесленного производства, храм огнепоклонников, расположенный в цитадели величественный дворцовый комплекс правителя города, предприятия высокоразвитого гончарного производства и бронзовой металлургии, ювелирные, слесарные мастерские, остатки ткацкого производства из хлопка и шёлка[3]. Были изучены пять этапов развития раннегородской культуры на Джаркутане[4]. Таким образом, на примере материалов памятника Джаркутан была изучена история самого древнего на территории Узбекистана города-государства, общая площадь которого составляет не менее 100 гектаров.

---

[1] *Аскаров А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд, 1993. С. 14–24.

[2] Там же. С. 46–132.

[3] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Т.: Фан, 1977. С.13–57.

[4] Там же. С. 89–105; *Рахманов У.* Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1987. С. 16–17.

На протогородской части Джаркутана широким раскопкам подвергался пятый холм, исследована площадь в три тысячи квадратных метров. В результате были открыты более 50-ти комнат, под полом, под порогами входных дверей и стенами которых были обнаружены захоронения. Пятый холм, как стало известно, находился на платформе толщиной в 1,5 метра. Вокруг платформы были возвигнуты мощные стены, внутри которых обнаружены многокомнатные дома и дворы. Судя по расположению очагов, в каждом дворе проживало по две-три пары семей. Были обнаружены жилища и за пределами оборонительных стен, тем самым обжитая площадь холма расширилась за счет освоения пустующих земель в пределах холма. В одном из многокомнатных домов было обнаружено захоронение вождя племени, скелет которого был помещен в камере с подбойной могилой. Дом, где было найдено это захоронение, состоял из 4 комнат (входная комната с колодцом, спальня с очагом, комната-молельня и хранилище продуктов), у западной стены спальной комнаты располагался очаг с дымоходом. Из комнаты с колодцем, двигаясь вдоль южной стены, узкий коридор ведет в третью комнату, где находится семейный алтарь. На юге от комнаты с алтарём располагался семейный амбар. Этот четырёхкомнатный дом с южной и восточной сторон был построен вплотную к оборонительной стене, которая проходила вдоль по платформе. Вход находился на западной стороне дворика[1].

Владелец этого жилого комплекса, судя по находкам его могилы, был человеком с богатым жизненным опытом, искусным мастером ювелирного дела и ремесла по металлу, религиозным и светским вождём своей общины. В данной могиле находилось до 50-ти разнообразных предметов. 17 из найденных предметов были его личными вещами и относились к его профессиональной деятельности, другие предметы – это сосуды с едой, принесённые его сородичами.

По религиозным представлениям древних земледельцев, после смерти человека его душа не умирает, человек попадает в другой мир, где продолжает жить и заниматься своим ремеслом. Поэтому существовал обычай хоронить покойного вместе с его личными вещами. В захоронении были также обнаружены более 30 различных глиняных сосудов, в которых находились кости животных или почерневшие от времени остатки пищи. По древним представлениям, дух усопшего должен был питаться по дороге в другой мир. По количеству сосудов в захоронении можно судить о социальном статусе человека в общине. Значит, чем больше в захоронении сосудов, тем выше его общественное положение.

Могила занимает площадь чуть более 5 кв. м, в ней захоронен мужчина лет 50-ти, лежит в скорченном положении с подогнутыми ногами, на правом боку. В ушной полости – бронзовое кольцо, у подбородка – знак власти – втульчатое асо (часть бронзового жезла), в отверстии втулки сохранился кусок деревянной

[1] *Асқаров А.* Энг қадимги шаҳар. – Т.: Маънавият, 2001. С. 11.

рукоятки, рядом с ним находились еще 6 предметов (кусок лазурита, 3 бруска точильного камня, бронзовое сверло и молоток). Немного поодаль – бронзовый кинжал и бронзовая чаша, в ногах покойного находилось более 30 различных глиняных сосудов, 2 бронзовые чаши, металлический флакончик для сурьмы и две булавки. Состав предметов захоронения свидетельствует о том, что он при жизни был профессиональным ювелиром и металлургом. В могиле были обнаружены три археологически целых куска тигля, которые относились к захоронению подростка, видимо, ученику вождя. При проведении раскопок в комнате, где было обнаружено захоронение, в культурном слое у самого пола была найдена печать, изготовленная из мергеля. Нет никаких сомнений, что этот жилой комплекс принадлежал старейшине общины.

Значит, глава (кадхудот) жилого комплекса, изученного под холмом №5, был, по всей видимости, одновременно как религиозным и светским вождем, так и искусным мастером в ювелирном деле и металлургии. Это подтверждается ещё и тем, что во входной комнате дома главы общины (кадхудот) как символ священной воды находился колодец. Расположение захоронение напротив очага тоже говорит в пользу этой версии. Вещественные источники, обнаруженные в могиле, указывают на незаурядное профессиональное мастерство покойного в одном из отраслей ремесленного производства.

Во время проведения раскопок на холме №5 стало известно, что эта возвышенность сложилась в процессе нескольких этапов строительства. Первоначально была освоена северо-западная часть возвышенности. Она принадлежала большой патриархальной семье, объединившей несколько жилых комплексов. В жилом комплексе, где обитал патриарх, располагался алтарь огня, которому поклонялась большая патриархальная семья. Со временем площадь этого жилого массива расширяется в разные стороны, не остаётся нужды в оборонительных стенах, окружавших массив с трёх сторон (запада, востока и юга) и на их месте вырастают жилые комплексы и новые религиозные объекты. Один из таких объектов, построенных на развалинах южной и восточной линий оборонительного сооружения, был обнаруженный алтарь кузалинского времени. Он состоял из собственно алтаря, молельного зала и примыкающих к нему каменных дорожек. Молельный зал был построен на месте разрушенной восточной оборонительной стены. Весь пол зала был плотно уложен небольшими камнями (размером с яйцо). Стены молельного зала были разрушены, сохранился только наполненный золой круглый резервуар алтаря. Этот алтарь круглой формы, диаметром 1,5 м, глубиной не менее 1 м. Его стены под жаром огня обрели цвет обожённого кирпича. К храму с юго-восточной стороны примыкает каменная дорожка, шириной в 70 см. Она пролегает через комнаты, построенные на месте южной оборонительной стены и уходит на запад. Ее длина – 25 метров. За западной стеной она теряется. Каменная дорожка, зал с каменным покрытием и наполненный золой алтарь, построенный на втором кузалинском этапе строительства посёлка, продолжал свою деятельность и на мулалинском этапе.

Посетители алтаря проходили на молитву по каменной дорожке, ведущей в священный зал, осуществляли обряды вокруг алтаря, после чего возвращались домой. По двум сторонам священной каменной дорожки, параллельно друг другу, были возведены две стены шириной в 80 см, фундамент которых был выложен из огромных валунов. Эти параллельные стены в 3 местах пересекались перпендикулярными стенами и дорожка проходила сквозь них. За южной стеной были обнаружены 4 каменных ящика, выстроенные из тонких каменных плит (в длину – 4 м, в ширину – 0,70 см). Каменные ящики сверху были закрыты каменными плитами. Внутри ящиков находился слой ила, образованного во время дождя и таяния снега, под которым лежали останки обгоревших человеческих костей вперемешку с пеплом белого цвета и два фрагмента глиняной посуды степняков.

Обнаруженные в каменном ящике находки свидетельствуют о принадлежности этих сооружений другим этническим группам, занимающимся скотоводством. Четвёртый из ящиков находился под одним из перпендикулярных стен. Возможно, что эта стена относится к периоду Мулали или Бустан, потому что в самой стене встречаются обломки глиняных сосудов позднего периода культуры Сапалли. За время раскопок общинного храма и его окрестностей стало известно, что каменные ящики, храмовый комплекс и стены на каменном фундаменте относятся к периоду Кузали. Именно в этот период в селениях и городах древних земледельческих общин устанавливают своё военно-политическое верховенство прибывшие с севера степные скотоводы и начинают оказывать воздействие и на религиозно-духовный мир местного населения.

Ещё одним доказательством является открытие на площади этой возвышенности, в нескольких метрах от каменных ящиков, глубокого каменного бассейна. Площадь бассейна 2×3 м, внутренняя стена резервуара плотно выложена речной галькой, дно уложено крупными каменными плитами. Глубина бассейна примерно 1 м. На камнях видны явные следы от огня. Верхняя часть стены обрушилась в бассейн и наполнила его камнями, пеплом, вперемешку с глиной и другими отходами. Можно предположить, что это место является своего рода «крематорием», где скотоводы сжигали трупы умерших соплеменников. Выходит, что останки степняков, обнаруженных в каменных ящиках, возможно, были сожжены в этом «крематории».

Д) Храм Джаркутана. Широкомасштабные археологические раскопки были проведены и на холме №6 протогородской части шахристана[1]. Здесь был открыт монументальный храм раннего этапа зороастрийской религии. В последние годы во многих археологических памятниках Средней Азии были обнаружены такие монументальные сооружения, как храмы, религиозные центры и священные места для поклонения. К ним относятся – комплекс религиозного центра Алтынте-

---

[1] *Аскаров А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд, 1993. С. 7–24, 47.

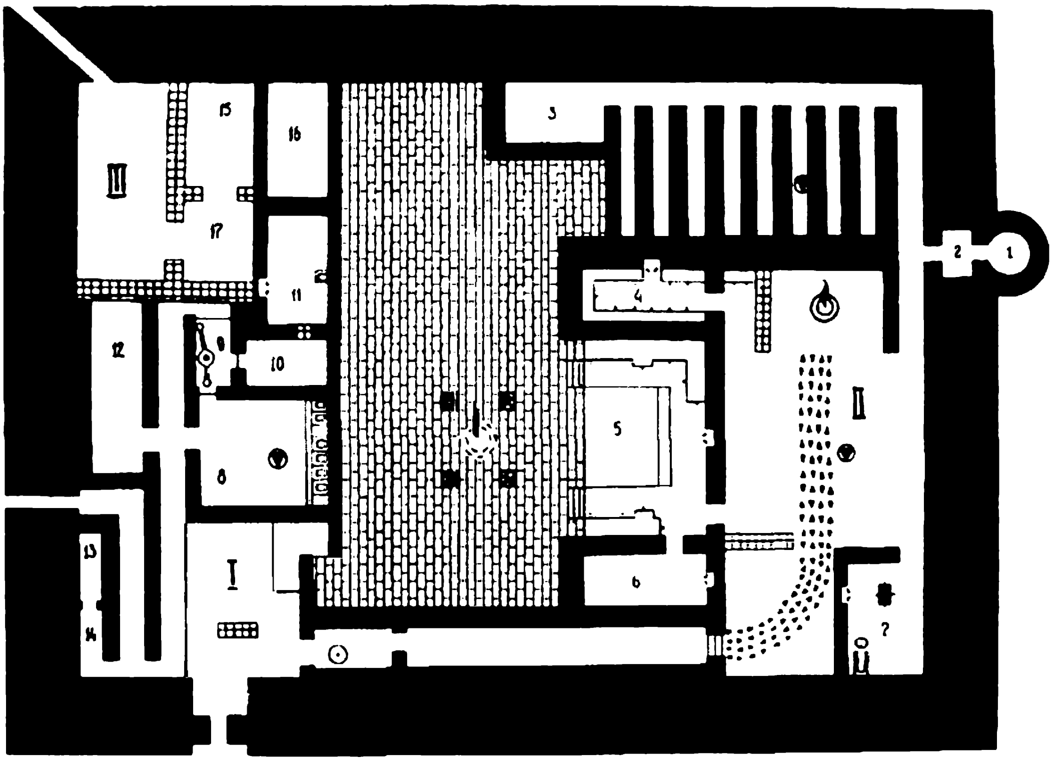


Рис. 6. План храма Джаркутана

па[1], храм в Дашли-3[2], центр религиозного поклонения в Саразме[3], храмы Тоголок и Гонур в Мургабском оазисе[4]. Среди них храм Джаркутана особо выделяется оригинальным планом и внутренней структурой.

Храм Джаркутана построен в форме правильного прямоугольника (44,5× 60 м), с учётом естественного освещения. Со всех сторон он окружён мощными оборонительными стенами (4,5 м), отстроенными из необожжённого кирпича. По функциональному назначению храм разделён на две части: сакральная (священная) часть и хозяйственно-служебная часть при храме. Место поклонения занимает восточную часть (35×35) комплекса (см. рис. 6):

Здесь находятся крытые коридоры, комнаты для жрецов – хранителей священного огня, спецкомната для хранения священного пепла, зал ожидания с помостом, широкая и высокая платформа с главным алтарём под навесом, от-

---

[1] *Массон В.М.* Алтын-Депе. – Л., 1981. С. 56–80.

[2] *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977. С. 34.

[3] *Исаков А.* Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зерафшанской долины. Раскопки 1977–1983 гг.) – Душанбе, 1991. С. 72–73.

[4] *Сарианиди В.И.* В поисках страны Маргуш. – М., 1993. С. 245–292; Он же. В поисках страны Маргуш. – М., 1993. С. 293–356.

крытый двор в середине с узкой каменной дорожкой (70 см), а вдоль дорожки с обеих сторон расположены колодцы и алтари. Каменная дорожка заканчивается у Аташгах на северной стороне.

Входные ворота храма расположены на юге комплекса, где находится хозяйственно-служебная часть. Паломников, пришедших помолиться и очистить свой дух, во дворе, напротив ворот, встречали служители храма. Паломники, в свою очередь, сдавали подношения жрецам (на севере открытого двора располагался амбар для зерна, где было обнаружено большое количество почерневшего от времени зерна) и в сопровождении служителей храма вдоль южной оборонительной стены проходили в крытый коридор. У входа в коридор они, для очищения внутренних органов, видимо, выпивали какую-то жидкость (возможно, священный напиток хаома), которая находилась в закопанном по горло сосуде, затем продолжали паломничество. В конце крытого коридора по ступенькам они поднимались в открытый двор и по каменной дорожке, проложенной посредине двора, направлялись к Оташгах, находящийся на северной части открытого двора. Воздав почести, паломники направлялись к самой высокой части молельни – главному Алтарю, построенному на кирпичной платформе. Необходимо напомнить, что по правую сторону каменной дорожки, пересекающей двор, были расположены священные колодцы, а по левую – ряд небольших круглых алтарей. Вознесение молитв завершалось у главного Алтаря (Оташгах), расположенного на широкой кирпичной платформе. После завершения молитв паломники покидали храм по узкой (шириной 80 см) неприметной дорожке, находящейся в юго-западном углу алтарной площади. Такая картина наблюдается в храмах Барде Нишан и мечети Сулеймана в Иране, относящихся к VIII веку до н.э. Ступени лестницы, ведущие к главным Оташгах этих храмов, были обставлены торжественно, а после завершения всех обрядов паломники покидали святые места по узким и неприметным лесницам, расположенным параллельно главной лестнице.

По словам учёного-археолога ирановеда Р. Гиршмана, паломники покидали террасу, спускаясь по этим лестницам, предназначенным для ухода (никто не следовал путем, которым он уже однажды прошел)[1].

План строительства и функциональный характер воздвигнутого на священной платформе центрального культового объекта в храме Джаркутана близок к вышеперечисленным храмам на территории Ирана, то есть зороастрийские храмы Ирана историческими корнями уходят к храму Джаркутана[2]. Следует отметить, что храмы с широкой платформой (70×40×6 м) встречаются также в Пасаргади и других храмах Мидии[3].

[1] *Гиршман Р.М.* Религия Ирана от VIII в. до н.э. до периода ислама. «Культура Востока. Древность и средневековье». – Л., 1978; Он же. Происхождение «Чахартака». Культура Востока. Древность и Средневековье». – Л., 1978. С. 69.

[2] *Гиршман Р.М.* Terrasses Sacresde Bard-eNechanderer Masjied-ISolomanb. Paris, 1976. P. 67.

[3] Всеобщая история архитектуры. «Архитектура древнего мира». Том I. – М., 1970. С. 311.

Находящиеся на территории двора каменная дорожка, колодец и небольшие алтари придают храму величественный характер. Глубокое помещение квадратной формы, расположенное между главным Алтарём и открытым двориком с каменной дорожкой, было заполнено толстым слоем чистой золы. При обследовании золы было найдено множество изготовленных из глины переносных алтарей и фрагментов глиняных кубков. Это помещение было священным хранилищем золы, специальным местом, где хранилась зола из алтаря храма. Обломки глиняных кубков, найденные в священном хранилище золы, свидетельствуют о том, что употребление священного напитка (хаома) составляло неотъемлемую часть исполнения религиозных обрядов. А обнаруженная в хозяйственно-служебной части храма глиняная посуда в форме священной птицы Хумо подтверждает наши предположения.

На северной и южной стороне священного хранилища золы были открыты по одной комнате. У северной стены одной из них находился очаг и вдоль стены лежанка из глины. Это помещение мы назвали комнатой жрецов. Помещение из 8-ми глиняных скамеек, построенных из кирпичей в северо-восточном углу сакральной части храма, выполняло роль зала ожидания для ждущих своей очереди паломников. Вход в зал лежал через коридор, проходящий вдоль северной оборонительной стены храма.

В северной части восточной оборонительной стены храма располагалась единственная башня округлой формы. Проход к ней пролегал через комнату квадратной формы, размещённую внутри крепостной стены, со стороны коридора. Неудивительно, если с этой башни огнепоклонников призывали на молитву.

Хозяйственно-служебная часть занимала четвёртую часть площади храмового комплекса. Кроме амбара для зерна, о котором говорилось выше, здесь были обнаружены мастерская для изготовления вотивных предметов из бронзы, мастерская для изготовления статуэток по заказу близких умерших, «цех» по приготовлению священного напитка и амбар для его хранения. Судя по производственным мастерским и принадлежащим им предметам, все обычаи, связанные с обрядом захоронения, видимо, проводились под надзором и активным участием жрецов-огнепоклонников.

Образование при храмах хозяйственно-служебной части исходит из духовной жизни и религиозных представлений наших предков, которые были подчинены определённым законам и правилам, порядку и иделогической системе религиозных взглядов, связанных с культом солнца. Специальные производственно-хозяйственные отделы являлись неотъемлемой составной частью зороастрийских храмов на Древнем Востоке[1].

Таким образом, можно констатировать, что на самом высоком и живописном месте Джаркутана, на восточной стороне величественно возвышалось монументальное сооружение – храм огнепоклонников, священный центр жителей города и близлежащих населённых пунктов, а на его западной стороне – расположенное

[1] *Stronach D.B.* TepeNush-i Jan: Excavation in Iran. Oxford, 1972. P. 296.

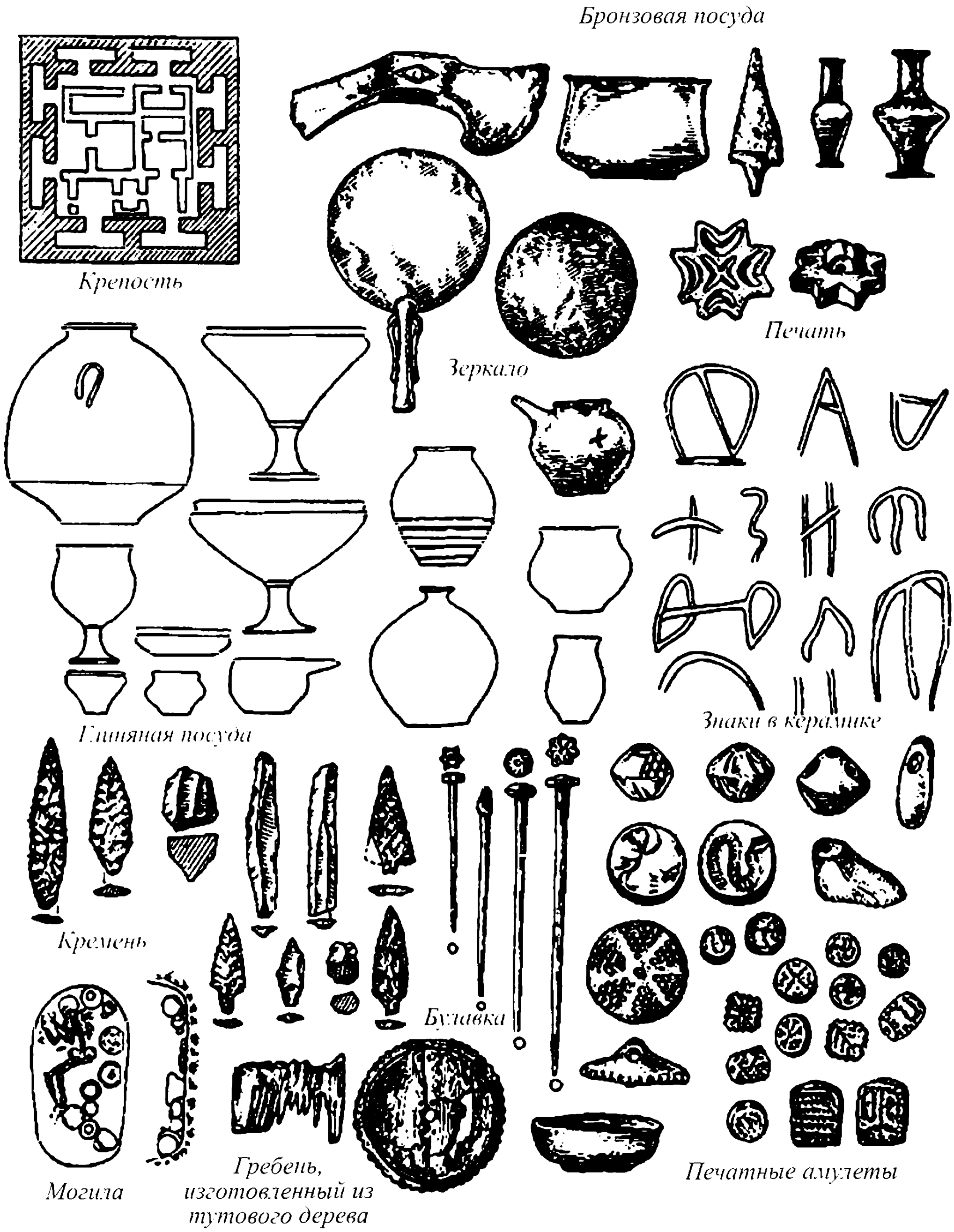


Рис. 7. Археологический комплекс культуры Сапалли

на территории внутренней крепости роскошное, не уступающее размерами храму, здание дворца правителя. Эти два монументальных сооружения, с одной стороны, были украшением древнего города, ярким примером градостроительной культуры, с другой – только благодаря им эти крупные населённые пункты имели право называться городом.

За время проведения археологических исследований в Сапаллитепа, Джаркутане и на территории ещё 20-ти подобных им холмов Джаркутана был собран очень богатый, ценный археологический материал, характеризующий хозяйственно-экономическую и культурную жизнь оседлой этнической части узбекского народа (рис. 7).

На основе многочисленных предметов, найденных в захоронениях этой культуры, появилась возможность изучить похоронные обряды и религиозные представления отдаленных предков, живших в эпоху бронзы. Сравнительное изучение которых и данных стратиграфических разрезов с предметами захоронений дали возможность определить абсолютную дату и хронологические этапы культуры Сапалли.

Выяснилось, что первоначально в эпоху культуры Сапалли широкое распространение получил обряд захоронения усопших во внутренних двориках, под полом, у стен или у порога жилых домов, а также в некоторых случаях, в заброшенной части дворов, которые превращалась в родовые могильники общин. В таких случаях в могилу укладывались используемые в повседеневной жизни орудия труда и боевое оружие.

Такую картину мы наблюдали на протяжении нашей многолетней деятельности непосредственно на ранних этапах культуры Сапалли (этапы Сапалли и Джаркутан). Обряд захоронения носителей этой культуры в корне меняется на этапе Кузали. Именно в этот период, кроме священных алтарей (очагов) большой патриархальной семьи, появляются монументальные храмы, предназначенные для обслуживания жителей в масштабах целого города или города-государства. Теперь они становились одним из главных факторов в системе управления обществом, идеологическим центром зарождающегося классового общества, главным местом поклонения, где человек мог получить духовную поддержку и утешение.

Сравнительный анализ археологических материалов показывает, что храм Джаркутана был возведён в XIV или XV веке до н.э. на месте древней крепости. В конце этих веков в жизни жителей Джаркутана присходят коренные изменения – они перестают хоронить умерших у себя в домах, за пределами города появляются общие для всех жителей могильники. К примеру, к югу от развалин города Джаркутан, за пределами древнего города на площади не менее 20 га на нескольких возвышенностях естественного происхождения был образован городской некрополь. Судя по находкам, обнаруженным во время археологических исследований, на последующих этапах культуры Сапалли захоронение умерших в жилых домах и дворах было прекращено. Теперь, даже начиная со второй половины Джаркутанского этапа, появляются зохоронения за пределами жилых

домов, о чем свидетельствует наличие группы могил на площади городского некрополя. Поэтому в обряде захоронения продолжается традиция, характерная для ранних этапов культуры Сапалли.

Начиная с кузалинского этапа этот обычай претерпевает решительные изменения: теперь вместо обычных орудий труда в могилу стали помещать их уменьшённые вотивные образцы, специально изготовляемые в мастерских храма. Возможно, эти изменения объясняются желанием сэкономить металл. Может быть, в основе этих перемен лежат некие религиозно-идеологические мотивы? Как бы там ни было, эти изменения происходили в духовном мире огнепоклонников в тот момент, когда патриархальные семейные и общинные священные алтари стали замещаться общегородским храмом. Следовательно, в связи с формированием монументального храма в пределах города в идеологических представлениях огнепоклонников стали происходить резкие изменения. Например, обряды, связанные с проводами усопшего в «мир иной», теперь полностью находились под надзором жрецов и проводились в соответствии с определёнными церемониальными требованиями. По всей видимости, решение некоторых проблем, связанных с проведением похоронных обрядов, теперь возлагалось на хозяйственно-служебную часть храма. Эти выводы сделаны на основе следующих аргументов.

Напротив главных ворот храма, за амбаром для хранения зерна, была открыта специальная металлургическая мастерская. Вплотную к восточной её стене, т.е. к западной стене сакральной части храма, был сооружен кирпичный помост высотой 1 м, шириной 70 см. На нём сооружены в ряд пять очагов. В некоторых из очагов были найдены обломки тигля (казана), в котором плавили сырьё для получения бронзы. На дне некоторых тиглей сохранился сплав бронзы зеленоватого цвета. Ближе к западной стене мастерской был открыт ещё один кирпичный помост высотой 1 м, размерами 1,5×1,5 м. На северной части помоста установлена каменная наковальня с ровной рабочей поверхностью, похожей на ручную зернотёрку. На поверхности наковальни сохранились мельчайшие частицы зеленоватого цвета, свидетельствующие о том, что на ней изготовлялись бронзовые орудия. Рядом с помостом был открыт колодец глубиной 7 м. На дне колодца находились обломки керамики поздних этапов культуры Сапалли. Во время разборки культурного слоя внутри мастерской найдены кусочки расплавленного металла, вотивные бронзовые ножи, топор, теша (ручной инструмент типа топорика с лезвием, насаживаемым поперёк топорища) и другие предметы домашнего обихода. Среди предметов, обнаруженных в мастерской, нет ни одного бронзового, пригодного для использования в хозяйстве. Значит, в этой мастерской изготовляли по заказу вотивные копии орудий труда, соответствующие профессии умерших. Таким образом, с конца Джаркутанского периода в захоронениях встречаются вотивные бронзовые предметы, являющиеся имитацией орудий труда и боевого оружия, специально изготовленные для обряда погребения.

В юго-западном углу хозяйственной части храма располагается комната коридорного типа, разделённая ровно надвое. При проведении раскопок под одной из стен этой комнаты были найдены несколько глиняных, необожжённых, но покрашенных в красный цвет статуэток. Обычно такие статуэтки ставились в кенотафные могилы (в древности, если человек пропадал без вести, существовал обычай, вместо его трупа в могилу ставили куклу, изготовленную из мягкого материала либо статуэтку из глины. Если умерший был состоятельным человеком, вместо глиняных статуэток клали в могилу ягнёнка из стада покойного. Такие могилы и назывались кенотафами). Они изготовлялись специально по заказу при храмах.

Во время раскопок хозяйственно-служебной части храма в двух местах были обнаружены следы «цехов» для приготовления священного напитка. Первый «цех» (относится ко 2-му этапу храма) полностью занимал 9-ю комнату. Пол и стены комнаты были обмазаны тонким слоем красноватого гипса. В самом центре комнаты, который был немного ниже уровня пола, находился закопанный по горло в землю хум. К нему с двух сторон были подведены гипсовые канавки. В начале каждой канавки были гипсовые углубления, в которых находились широко открытые керамические блюда. Внутренняя часть блюд до половины была обмазана слоями гипса. На дне закопанного в землю хума были найдены остаток почерневшего от времени какой-то жидкости, зёрна винограда и косточки джиды. Рядом с хумом находился керамический сосуд (мургобий) в форме птицы Хумо. Рядом с «цехом» располагалась ещё одна комната (10), под стенами которой стояли несколько разбитых хумов. Если предположить, что комната 9 – это «цех» по изготовлению священного напитка, то комната 10 – амбар для его хранения. Ещё одни развалины такого «цеха» были найдены в комнате 11 храма (3-й этап). На северной стороне этой комнаты в двух его углах находились два кирпичных помоста, а в центре комнаты было установлено большое глиняное блюдо. На помостах были сооружены круглые резервуары, обмазанные изнутри гипсом. От них к глиняному блюду в центре были протянуты гипсовые канавки. В юго-восточном углу комнаты был найден хум, закопанный в землю до середины. В самом центре комнаты был установлен круглый алтарь.

Достоверных сведений о том, какие напитки готовились в этих «цехах» нет, однако, существуют опосредованные доказательства, указывающие на факт приготовления в них священного напитка огнепоклонников. К примеру, во время исследований памятников эпохи бронзы на юге Древней Бактрии (Северный Афганистан) и в соседней Маргиане профессор В.И. Сарианиди обнаружил храмы огнепоклонников: три памятника в Южной Бактрии (Дашли-3, Тиллатепа и Кутлугтепа) и три – в Маргиане (Гонуртепа, Тоголок-1 и Тоголок-21). Обнаруженную в Гонуртепе комнату с гипсовой штукатуркой В.И. Сарианиди связывает с храмом огнепоклонников. Также он приходит к выводу, что в одной из гипсовых комнат (белая комната) готовили священный напиток, повышающий настроение человека. Он пришел к такому выводу по следующим причинам:

1. Под одной из стен «белой комнаты» найдены сосуды, обмазанные изнутри в несколько слоев гипсом. Когда в Московском государственном университете был проведён специальный лабораторный анализ кусочков гипса, в нем неожиданно были обнаружены следы растения эфедры, а также в большом количестве опиума и анаши[1].

2. Точно такие же «белые комнаты» найдены в «городском» храме Тоголок-21 и «сельском храме» Тоголок-1. В этих комнатах, как и в Джаркутанском храме обнаружены сосуды конусообразной формы, с отверствием на дне – своеобразные керамические фильтры – которыми пользовались для приготовления хаомы, специальной жидкости для повышения настроения человека. Следует напомнить, что в Джаркутане также было развито виноградарство.

3. Одним из орудий труда, часто встречающимся в хозяйственной части Джаркутана, да и в целом по всему храму, – изготовленные из песчаника разного размера зернотёрки для обмолота муки, а также молотилки из гранита и кремня. Такие орудия во множестве были на стоянках Дашли-3, Тоголок-21, Тоголок-1 и Гонуртепе. Часть из этих орудий В.И. Сарианиди обследовал в специальной лаборатории Московского государственного университета при помощи бинокулярного микроскопа и на их рабочей (ударной) поверхности обнаружил частицы зёрен опиумного мака. Почерневшие зёрна опиумного мака были найдены внутри трубчатой кости, на поверхности которой было чётко нанесено изображение человеческих глаз[2].

По наблюдениям В.И. Сарианиди, во время проведения религиозных обрядов огнепоклонники Маргианы вместе со священным напитком – хаомой, изготовляемой из масел эфедры (до сих пор индийские зороастрийцы для приготовления своего специального священного напитка наподобие хаомы приезжают за маслом эфедры в Иран), готовят напиток и курево из опиума и дикой конопли для употребления в необходимых дозах[3].

Таким образом, открытые в Древней Бактрии и Маргиане храмы огнепоклонников эпохи бронзы свидетельствуют о том, что зороастрийская религия зародилась именно в этих областях. Правда, по некоторым предположениям, Заратуштра, как реальная историческая личность, проживавшая во второй половине VII – начале VI века до н.э., не создавал новой религии, а реформировал древнюю религию огнепоклонников, которой поклонялись его соплеменники. Иначе говоря, на основе своих взглядов и концепций он модернизировал систему древних религиозных верований и представлений.

Возведённые до Заратуштры храмовые здания отличались монументальным величием, богатством и великолепием религиозных церемоний. Обнаруженные в больших количествах остатки наркотических растений вроде

---

[1] *Сарианиди В.И.* В поисках страны Маргуш. – М., 1993. С. 333; Он же. И здесь говорил Заратуштра. – М., 1992. С.101–102.

[2] *Сарианиди В.И.* И здесь говорил Заратуштра. М., 1992. С. 89.

[3] Там же. С. 89–90.

эфедры, опиума в храмовых комплексах свидетельствуют о разрешении на дозированное употребление хаомы в исполнении религиозных церемоний огнепоклонников. Можно с уверенностью говорить, что до реформы Заратуштры в Маргиане было сильно поклонение огню и обожествление хаомы. Эти объекты верований в этом переменчивом мире нашли своё применение и в учении Заратуштры.

Таким образом, исходя из анализа вещественных источников, обнаруженных в процессе вышеизложенных археологических исследований, можно сделать следующие заключительные выводы:

1. В течение первой половины II тысячелетия до н.э. в условиях урбанизации, присущей цивилизации Древнего Востока, в южных областях Республики Узбекистан возникла высокоразвитая раннегородская культура. Экономические, социальные и этнокультурные основы этой раннегородской культуры были исследованы на примере Сапаллитепа и Джаркутана – ценных памятников, выросших в Шербадском оазисе Сурхандарьинской области.

2. Если Сапаллитепа со всеми своими признаками, присущими древней градостроительной культуре, напоминает протогород типа крепости Вара, упоминаемой в Авесте, то Джаркутан является, в полном смысле этого слова, самым древним ранним городом, созданным на территории Узбекистана. По исторической топографии и занимаемой площади поселение Джаркутан не отличается от ранних городов Древнего Востока.

3. Обнаруженные в Джаркутане вещественные источники свидетельствуют о том, что это поселение относится к середине II тысячелетия до н.э. Десятки памятников этого периода были обнаружены и изучены по всему Южному Узбекистану и на близлежащей к нему территории Таджикистана. Среди них по занимаемой площади и внутреннему топографическому устройству, предъявляемым к древним городам, можно считать поселение Джаркутан, которое было не только крупным городом своего времени, но, возможно, главным городом Древнебактрийского царства – раннего государства, впервые образованного на территории Северной Бактрии[1].

4. В самом начале наших многолетних исследований Джаркутан нами квалифицировался как памятник раннеземледельческой культуры, характерный для цивилизации Древнего Востока[2], полученные впоследствии результаты позволяют теперь называть его памятником раннегородской культуры, т.е. говорить о Джаркутане как о раннем городе.

5. Именно в этот период широко были развиты торговые связи джаркутанцев с населением близлежащих и дальних областей, о чем свидетельствуют гончарные изделия и бронзовые предметы культуры Сапалли из погребения Зарча

[1] *Асқаров А.* Тарихимизнинг уч муаммоси ва уларнинг ечими ҳақида янгича мулоҳазалар. // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. № V. – Т., 2000. С. 24–28.

[2] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Т.: Фан, 1977.

Халифа[1], Сазагон[2] и Джам[3] в Зарафшанской долине, относящиеся к бронзовому веку (середина II тысячелетия до н.э.).

6. Результаты исследований джаркутанского храма подтверждают, что первые ростки зороастрийской религии зародились во второй половине II тысячелетия до н.э. Открытые здесь монументальный храм и священные алтари огня могли быть построены только на территории ранних городов древних земледельческих общин эпохи бронзы, а эта религия составляет идеологическую основу ранней государственности. Социальный состав и символические признаки общества, описанного в священной книге зороастризма Авесте, находят своё полное отражение в элементах храма Джаркутана и погребальных обрядах этого времени.

Как известно, зороастрийская религия сформировалась в определённый период на основе известных правил и обычаев. Зарождение религии, ее формирование на основе специально выработанной системы считается важным средством в завоевании доверия людей и укрепления идеологической и политической власти в обществе[4].

В раннем письменном источнике о народах Средней Азии – Авесте даны сведения об устройстве общества и его структуре. Самые древние части Авесты называются «Гаты», в которых приведены пятеричные песни пророка Заратуштры, полный текст гимна, воспевающего высшее божество Ахурамазду и его богинь[5]. В Гатах освещаются общественные отношения эпохи бронзы до того времени, когда сформировалось государственное устройство Древней Бактрии и Маргианы[6]. Животные, описанные в зоолатрических (зоолатрия – поклонение животным, культ животных. – А.А.) религиозных представлениях жителей Бактрии и Маргианы эпохи бронзы являются переместившимися из религиозно-духовного мира в мир материальный божествами, воспетыми в Гатах, что свидетельствует о формировании ранних признаков общества Авесты[7]. О социально-структурном строении общества Авесты писали в своих работах автор настоящих строк[8], А. Сагдуллаев[9], Ш. Шайдуллаев[10], в которых перечисляются четыре прослойки общества Авесты: большая патриархальная семья – нмана, родовая община – вис,

---

[1] *Бобомуллаев С.Б.* Верховья Зарафшана во II тыс. до н.э. – Душанбе, 1998; О н ж е . Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зарафшане. Stratumplus, № 2. – СПб., 1999.

[2] *Аванесова Н.А.* Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины. // «Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год». С. 20–21.

[3] *Avanesova N.*, *Sajdullaev S.*, *Yorkulov A.* Gzam-ein neuer bronzezeitlicher Fundort in der Sogdiana. «Achaologische mitteilungen aus Iran und Turan». – Berlin, 2001. PP. 63–72.

[4] *Эсонов М.* «Авесто» жамиятининг археологик материаллари... // т.ф.н. дисс. – Т., 2007. С. 52.

[5] «Авесто». Асқад Мухтор таржимаси. – Т.: Шарқ, 2001. С. 8–34.

[6] *Эсонов М.* «Авесто» жамиятининг археологик материалларда... // т.ф.н. дисс. – Т., 2007. С. 52.

[7] *Эсонов М.* Бронза даврида Қадимги Бактрия ва Марғиёна аҳолисининг зоолатрик диний қарашлари // Ўзбекистон моддий маданият ёзма манбаларда. – Т.: Фан. С. 92–97.

[8] *Асқаров А.* Ўрта Осиё қадимги дунёсининг асосий хусусиятлари // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар, № VI, 1994. С. 31–35.

[9] *Сагдуллаев А.* Қадимги Ўзбекистон илк ёзма манбаларда. Т., 2002, С. 22–25.

[10] *Шайдуллаев Ш.* «Авесто» ва моддий маданият // Ўзбекистон тарихи, № III, 2004. С. 3–12.

племя – занту, область, страна – дахью. Первая, вторая и третья прослойка общественного устройства непосредственно встречаются в памятниках культуры Сапалли.

Археологические исследования показывают, что крепость Сапаллитепа образована из 8 кварталов, каждый из которых составляет отдельную нману. Вис – не только сельская община, но объединение частных производителей, и поселение Сапалитепа можно называть висом.

Значит, Сапаллитепа – это вис, состоящий из нман[1]. Сельскую общину возглавлял старейшина рода – виспати, избираемый из числа нманпати и все сапаллитепинцы были под его эгидой (контролем)[2]. Первой ступенью нашей государственности являются висы – сельские общины[3]. Ещё одной формой зарождающегося государственного устройства, описанной в древней части Авесты, является занту – племенной союз. Занту считался органом управления и контроля над несколькими висами, родовыми общинами. Городской храм Джаркутана был органом управления этого раннего города-государства, потому что религия играла огромную роль в системе управления. Каждый род возглавлял авторитетный, уважаемый человек, настоящий профессионал своего дела[4].

Исторический анализ находок памятников культуры Сапалли, где зарождались первые ростки узбекской государственности, показывает, что ещё до реформы пророка Заратуштры поклонение священному огню, его почитание находилось на уровне религиозных верований. Обожествление священного напитка хаомы, употребляемого при проведении религиозных церемоний и праздников зороастризма, также имело место в этой древней культуре.

На холме, где располагался храм, в последние годы работала узбекско-германская экспедиция, которая обнаружила остатки величественного здания, существовавшего ещё до строительства храма. В самом нижнем слое холма №6 от этого здания сохранился один ряд кирпичной кладки. Это древнее здание было построено в форме правильного прямоугольника, обнесённого стеной толщиной 0,90 м. Внутри этого здания находился зал квадратной формы, каждая из сторон которого была равна 7 метрам, а вокруг него был открыт комплекс комнат коридорного типа. Стены и пол комплекса были обмазаны гипсом и напоминали «белый дворец» – царский дворец эпохи бронзы[5]. Исследователи пришли к выводу, что это монументальное здание с уверенностью можно квалифицировать как дворец.

---

[1] *Аскаров А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд, 1993. С. 119.

[2] *Эсонов М.* «Авесто» жамиятининг археологик материалларда... // т.ф.н. дисс. – Т., 2007. С. 48.

[3] Ўзбек давлатчилигининг тарихий илдизлари // Давлатчиликнинг илк босқичларида – Ўзбекистон. (Республика илмий-амалий конференция материаллари). –Т., 2010. С. 10.

[4] *Эсонов М.* «Авесто» жамиятининг археологик материалларда... // т.ф.н. дисс. – Т., 2007. С. 49.

[5] *Шайдуллаев Ш., Хуфф Д., Рахимов К.* Жарқўтон – 2002 // Археологические исследования в Узбекистане в 2002 году. – Т., 2003. С. 202–204; *Шайдуллаев Ш.* Ўзбекистон ҳудудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши. Т.ф.д. дисс. автореф. – Самарканд, 2009. С. 23.

По мнению учёных, в комплексе храма Джаркутана в целом можно проследить существование четырёх строительных периодов, к самому нижнему слою которого относится вышеназванный «белый дворец»[1]. Ш. Шайдуллаев в своих исследованиях «Храм огня в Джаркутане» признаёт центром управления города-государства Джаркутан[2]. И на наш взгляд, это величественное здание, расположенное на холме №6, на раннем этапе Джаркутана первоначально выполняло роль цитадели, а после перестройки исполняло обязанности храма, где находился главный священный Оташгах. Это сооружение состояло из царского дворца размером 7×7 м, окружённого комнатами коридорного типа, стены которых были оштукатурены белым гипсом. Можно предположить, что это здание, существовавшее на месте храма Джаркутана, выполняло роль специального центра общественного управления. На последующем этапе жизни на Джаркутане, когда начинаются процессы централизации управления религией, люди, в руках которых находились бразды правления обществом, подчиняют себе и вопросы религиозного управления. По этой причине на последующих этапах на этом месте на основе конкретного плана строится храм, где могли собираться члены общества, объединённые единой верой.

Из истории известно, что в эти времена влияние зороастрийских жрецов в обществе было очень велико. Храм превратился в священное место поклонения людей, здесь стали проводиться различные религиозные церемонии. Священный символ зороастризма – огонь начиная с эпохи бронзы находился в руках религиозных наставников раннего города-государства, жрецов, управлявших религиозно-духовной жизнью общества. Храм становится священым местом поклонения людей и владельцем больших площадей плодородных земель, управление которыми находилось под контролем жрецов.

Во главе политического объединения – города-государства находился правитель – кави, сконцентрировавший в своих руках религиозное, светское и военное управление. Решение всех государственных дел полностью находилось в его власти. Поэтому храм Джаркутана и найденные в его культурных слоях вещественные доказательства позволяют рассматривать его в качестве объекта, исполнявшего задачи дворца-храма. Образование и деятельность уникального религиозного центра, монументального сооружения – храма Джаркутана и хозяйственно-служебной части при нём для отправления религиозных обрядов земледельческих общин эпохи бронзы в Северной Бактрии имело огромное значение для своего времени. Происходит процесс централизации религии. Огонь занимал важное место в религиозном мировоззрении людей, и особое отношение людей к культовым сооружениям, символам огня прослеживается в материальной культуре. Наряду с храмом в Джаркутане большое внимание уделялось и общинным

---

[1] *Аскаров А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд, 1993. С. 63.

[2] *Шайдуллаев Ш.* Ўзбекистон ҳудудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши. Т.ф.д. дисс. автореф. – Самарқанд, 2009. С. 23.

алтарям. Кроме этого, в сознании людей всё ещё сохранялись некоторые образы первобытных зоолатрических религиозных представлений. Со временем, когда земледельцы начнут осознавать жизненную важность для человека огня, земли, воды и воздуха, зоолатрические изображения животных останутся только на амулетах, печатях как символ предков. Важное значение в их жизни теперь обретает почитание этих четырёх стихий, которые становятся главными столпами, основными признаками зороастрийской религии.

Три (огонь, земля, вода) из четырёх стихий нашли своё отражение в джаркутанском храме. Вынесение городского кладбиша за пределы жилого массива свидетельствует об официальном признании как священной четвёртой стихии зороастрийской религии – воздуха. Однако это вовсе не означало, что зороастрийская религия окончательно сформировалась на этой территории, поэтому этот период правильно будет назвать периодом начала процесса формирования этой религии или периодом раннего зороастризма. Джаркутан являлся не только религиозным центром, но и центром по управлению обществом. Это означало, что в ранний период Древнебактрийского царства в руках кави концентрируется и религиозная, и светская власть. Это привело к повышению авторитета жрецов, увеличению в их руках количества плодородных земель. Факт превращения раннего города в центр управления обществом доказан в процессе раскопок нижних слоев храма Джаркутана. Здесь были обнаружены вещественные доказательства, указывающие на наличие некоего сооружения в виде центра управления – «дворца» ещё до строительства на этом месте храма. Отсюда видно, что это здание прежде было центром управления обществом, а с усилением позиций религии здесь был воздвигнут храм, откуда осуществлялось и религиозное, и политическое управление. Эти аргументы дают основание утверждать, что не только в Северной Бактрии, но и на территории Узбекистана становление государственности началось в середине II тысячелетия до н.э.

Результаты проведённых исследований дают возможность отнести Джаркутан к разряду ранних городов на основании следующих признаков: наличие цитадели, в пределах которой находился дворец правителя, оборонительные сооружения, строения ремесленников, храм, жилые массивы на территории протогорода (протошахристана) и образцы материальной культуры высокопрофессионального уровня.

Джаркутан является уникальным памятником, отвечающим всем требованиям, предъявляемым к раннему городу.

Если первым признаком древнего города считается наличие цитадели и шахристана, то все это наличествует в Джаркутане: 3 гектара отведено под цитадель и к ней примыкает почти 100-гектаровый протогород с многочисленными холмиками.

Второй признак – территория плотного проживания населения земледельческой культуры должна быть окружена оборонительными стенами. В Сапаллитепа и Джаркутане этот признак нашёл своё яркое воплощение.

Третий признак – в цитадели города должно находиться величественное здание, резиденция правителя города – ставка. На юго-западной части внутренней крепости Джаркутана располагается именно такое монументальное здание – ставка правителя Джаркутана.

Четвёртый признак – на городской площади должен располагаться единый для всех священный храм, центр религиозной идеологити. Такого рода величественный монуметальный храм в Джаркутане был сформирован.

Пятый признак – различные отрасли ремесла в древнем городе должны быть сформированы на профессиональном уровне. В Сапаллитепе и Джаркутане развитие многоотраслевого ремесла находилось на очень высоком уровне. На этих двух объектах процесс специализации в области гончарного дела, металлургии, ткачества, прикладного искусства, жилищного строительства был доведён до профессионального уровня. Ремесленники изготовляли товары как для внутреннего, так и для внешнего рынка. Имеются вещественные доказательства того, что такие искусно изготовленные керамические сосуды Сапаллинской культуры были обнаружены даже на территории Восточного Туркестана (ныне Уйгурская автономная область) (см. рис. 9).

Не исключено, что городское население Джаркутана состояло не только из членов земледельческих общин – кашоварзов, но и из ремесленных профессионалов и торговых людей – «озодкоров» и «гувакоров». Поэтому экономическая жизнь джаркутанцев была построена именно на их труде, а часть товаров, производившихся городским населением, ушла и на внешний рынок. Такой высокий уровень жизни горожан востребовал возникновения управленческой системы общества, во главе которого оказались религиозно-светские представители городского населения. Доказательством этих слов является строительство монументального роскошного дворца правителя, расположенного в арке (цитадели) и монументального храмового комплекса на холме №6 Джаркутана.

Вышеперечисленные археологические признаки нашли полное воплощение в памятнике Джаркутан. По признанию исследователей, ещё одним из главных признаков городов должно быть существование письменности[1]. По мнению Ш. Шайдуллаева, занимавшегося вопросами зарождения ранней государственности на территории Узбекистана, наличие ранних форм письменности в ранних городах и государствах является обязательным признаком, потому что без определённой формы изложения своих мыслей невозможно представить себе возникновение государства. Он утверждает, что появление богатства порождает счёт и потребность в более сложных формах письменности в управлении хозяйством. Обнаруженные в Сапаллитепа 29 знаков, нанесённые на поверхность глиняных сосудов, и найденные в процессе последующих изысканий в Джаркутане еще 52 знаковых письма свидетельствуют о появлении ранней письменности в эпоху бронзы. На месте памятника Газ эпохи поздней бронзы и раннего железного века, от-

[1] *Child V.G.* The urban revolution // Town planning Review. Vol. 21. 1950. P. 9-16; *Гуляев В.И.* Города государства Майя (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). – М., 1979. С.19.

Рис. 8. Археологический комплекс культуры Сапалли

носящегося к культуре древних земледельцев, была найдена каменная ступа с пиктографической письменностью[1] (см. рис. 9).

Действительно, среди всех признаков, присущих городу, существование письменности является одним из главных для того времени факторов.

[1] *Шайдуллаев Ш.* Ўзбекистон ҳудудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши. Рукопись докторской диссертации. С. 137; *Асқаров А.* Сополли маданияти пиктографик ёзув белгиларини ўқишдаги дастлабки изланишлар. «Марказий Осиё халқлари тарихи. Манбашунослиги ва тарихшунослигидаги мақолалар». Китоб V, қисм 2. Тошкент, 2013. 12–38 бетлар.

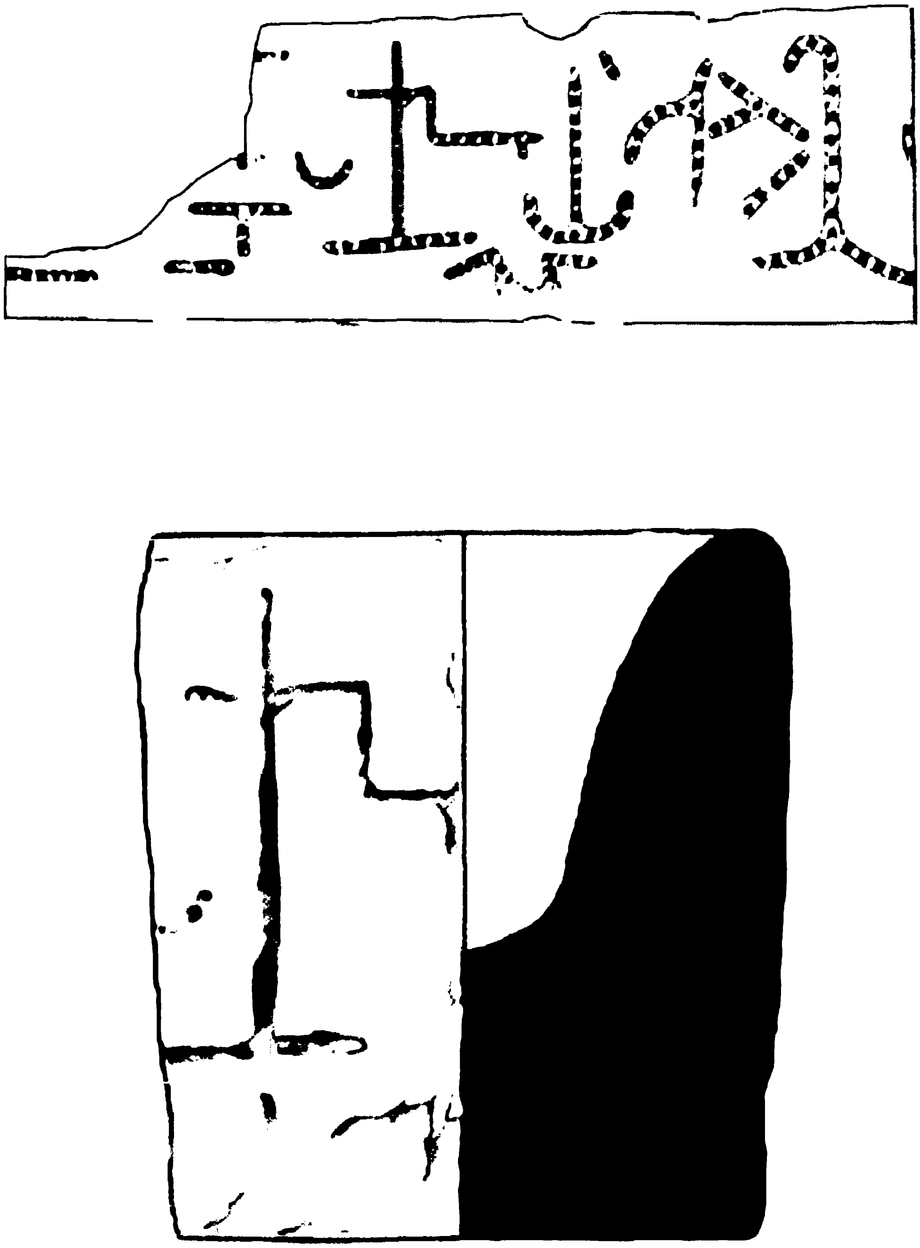


Рис. 9. Каменная ступа для толчения зерна с пиктографическими надписями из памятника Газ

На той территории, где были развиты отрасли ремесленничества, построены дворцовые сооружения, храм и налажены торговые отношения, не могло не быть в обращении своей письменности. Некоторые исследователи по отношению к ранним городам эпохи поздней бронзы применяют понятие «урбанизированные селения эпохи бронзы», другие называют их «протогородами». На наш взгляд, вещественные доказательства, образцы материальной культуры дают полное право называть эти памятники ранними городами эпохи поздней бронзы.

На ранних этапах узбекской государственности религия имела большое влияние на систему управления общиной, поэтому все управленческие дела были сконцентрированы в главном городском храме, в котором Оташгах составлял основное ядро храмового комплекса. Главный хранитель огня вместе со жрецами принимал активное участие в процессах становления ранней государственности и обладал религиозно-светской властью.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что история государственности Северной Бактрии, в том числе Узбекистана, своими корнями уходит в эпоху бронзы. Начиная с этого времени появляются частные формы собственности на землю и скот. Собственность на землю начинается с появлением парных семей и их формированием в большие патриархальные семьи. Первые ранние ростки государственности берут начало в патриархальных семьях, которые объединяются в сельские общины – висы, представляющие собой государство в миниатюре. Если рассматривать висы как первые ростки государственности, то на этапе занту общества Авесты образованный из висов ранний город составлял основу города-государства. На деле город-государство является главным городом, политической и религиозной резиденцией «оазисной государственности», объединившей воедино висы нескольких микрооазисов. Таким образом, Джаркутан не только город-государство, но и центр религиозного управления ранней оазисной государственности в пределах Сурхан-Шерабадского оазиса.

Во время раскопок Джаркутана в культурных слоях периода Кузали и Мулали было найдено большое количество фрагментов глиняных сосудов, поверхность которых была разрисована различными геометрическими узорами. Такой способ украшения противоречил традициям гончарного дела Сапаллинской культуры и по композиции узоров напоминал керамику скотоводческих степных племён (рис. 10).

Судя по черепкам, эти сосуды были изготовлены на гончарном кругу и подвергнуты обжигу в двухъярусной керамической печи. Узоры были нанесены до их термотехнической обработки и только потом подвергнуты обжигу. Кроме того, среди гончарных изделий Джаркутана в небольшом количестве встречаются узорчатые керамические изделия степняков.

По составу глины, термотехнике они в корне отличаются от джаркутанской керамики. Наличие в Джаркутане такого рода керамики связано с мигра-

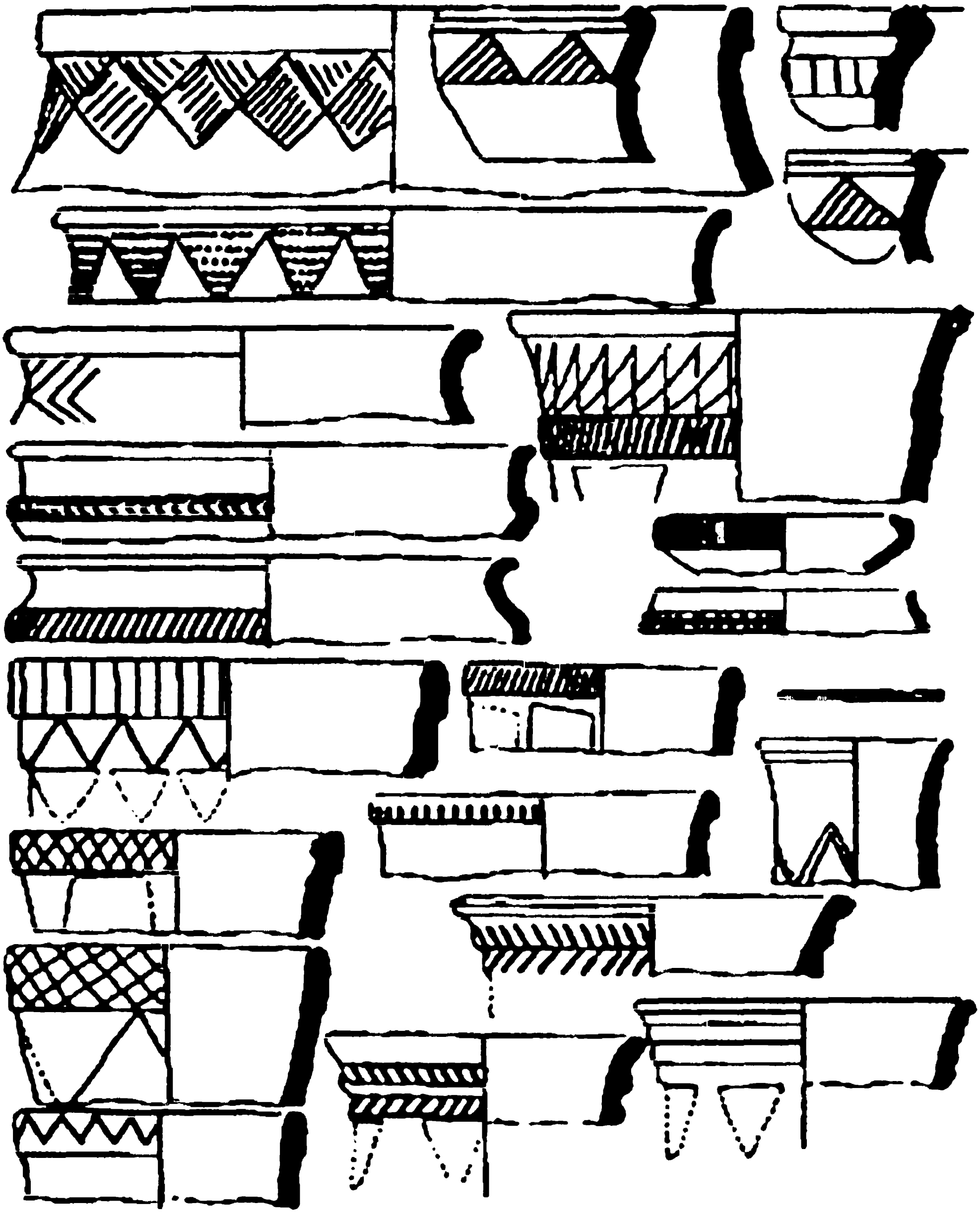


Рис. 10. Фрагменты керамики культуры Сапалли с орнаментацией племен культуры степной бронзы

цией арийцев на юг в середине II тысячелетия до н.э. и, возможно, найденные в Джаркутане фрагменты керамических сосудов степняков привезены сюда арийцами. А узорчатые глиняные сосуды появились под влиянием степняков, захвативших на местах политическую и военную власть. Этот факт подтверждается находками, принадлежащими степнякам в захоронениях Джаркутана и Бустана в виде керамики и вотивных бронзовых орудий труда и боевого оружия[1].

Таким образом, выводы, сделанные на основе сопоставления и анализа фактов, позволяют говорить о начале этногенеза узбекского народа в эпоху бронзы. Именно в этот период на материалах Сапаллинской культуры наблюдается ассимиляционный процесс двух разноязычных этнических племен, что свидетельствует о начальном этапе этногенеза узбеков и таджиков.

[1] *Аванесова Н.А.* Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре. «Цивилизация и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии». – Т., 2010. С. 116–21; *Аскаров А., Абдуллаев Б.* Джаркутан. – Т., 1983. Табл. XIV, 17.

Глава VI
ЭТНИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Широкомасштабные археологические исследования, проведённые на территории Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, дают возможность говорить о коренных общественно-экономических и этнокультурных изменениях, происшедших в первобытнообщинном строе во второй половине II тысячелетия до н.э.

В те времена, с одной стороны, с Евразийских степей в Среднюю Азию прибывают племена прототюркских туров, названия которых упоминаются в Авесте. Как и местные скотоводческие племена саков, они размещаются в предгорных районах, близких к месторождениям полезных ископаемых, степях и равнинах, где имелась вода, в бассейнах рек и горных речек (саи), и вступают в экономические и культурные связи с коренным населением земледельческих племён эпохи бронзы. Конечно, отношения между представителями этих земледельческих и скотоводческих племен не всегда протекали мирно. Письменных источников о межплеменных противоречиях того времени не имеется. Однако их следы иногда встречаются в археологических памятниках. Древние скотоводческие племена, используя воинское искусство для захвата новых пастбищ и месторождений полезных ископаемых, вели сражения не только с земледельческими общинами, но даже со своими соплеменниками – местными саками, на что их подвигало пассионарное состояние, присущее скотоводческим племенам того времени.

С другой стороны, местные саки и часть пришедших со степей Евразии родовых общин прототюркских туров размещаются на удобной для земледелия солнечной стороне вдоль нижних течений горных рек и родников и начинают заниматься земледелием. В эпоху поздней бронзы и раннего железного века такое положение наблюдается на всей территории Узбекистана (см. цветную иллюстрацию 2 «Карта памятников типа Чустской культуры на территории Узбекистана»). Такая картина хорошо прослеживается, в первую очередь, в Древней Фергане.

VI.1. Древняя Фергана

Судя по результатам широкомасштабных археологических исследований, проведённых в Ферганской долине в течение XX века, территория этого региона в эпоху бронзы была далека от культурно-хозяйственного влияния цивилизации Древнего Востока и считалась обособленным, замкнутым краем. В первой половине II тысячелетия до н.э., когда в южных и центральных территориях Узбекистана

процветали Саразмская и Сапаллинская земледельческие культуры, на большей части территории Ферганской долины, Ташкентского оазиса и даже в нижнем течении Амударьи проживали скотоводческие племена туров и саков. По этой причине верхнее и среднее течение бассейна Сырдарьи, то есть Ферганская долина и Ташкентский оазис, до последней четверти II тысячелетия до н.э. оставались территориями, на которых, широко распространившись, жили племена саков. Однако присущие восточным территориям Ферганской долины географические условия: тысячи родников, снабжающих водами реку Карадарья, пригодные для занятий земледелием плодородные черноземные поля, обилие дикорастущих злаковых растений в предгорных районах принудили обедневших членов скотоводческих племён саков и туров перейти к оседлой жизни и заняться земледелием. В результате этих процессов в восточных и северных областях Древней Ферганы зарождается раннеземледельческая культура (см. цветную иллюстрацию 2). Одно из ранних земледельческих поселений было открыто и изучено М.Э. Воронцом в 1950 году у родника Буванамазар недалеко от города Чуст. Этому памятнику археологи дали название Чустской культуры. Так, в научных произведениях исторического и археологического содержания, картах древней истории Узбекистана появляется название Чустской культуры[1].

Чустская культура является самой древней и хорошо изученной культурой земледельческих общин на территории Ферганской долины. Одним из самых крупных и хорошо изученных памятников Чустской культуры является поселение Дальварзинтепа в Восточной Фергане[2]. До этого здесь был найден клад Афлатун и клад Хак, относящиеся к цивилизации Древнего Востока эпохи энеолита или раннего бронзового века. Но связать их с конкретным археологическим объектом в долине не удалось, поэтому в науке принято связывать появление земледельческих культур на территории долины с Чустской культурой.

Когда и на какой этнической основе в Ферганской долине возникла Чустская культура? Может, она привнесена извне? Учёные-археологи до сих пор не пришли к единому мнению по этим вопросам. Однако, если рассуждать логически, Чустская культура не могла быть привнесена сюда откуда-то в готовом виде. Наоборот, наличие множества полноводных родников, плодородной чернозёмной почвы, благоприятных экологических условий способствовало возникновению здесь древней земледельческой культуры. Видимо, часть коренного населения, хотя и позже чем на юге Средней Азии, постепенно перешла к оседлому образу жизни и стала заниматься земледелием. На этой основе и возникла Чустская культура.

---

[1] *Спришевский В.И.* Чустская стоянка эпохи бронзы в Узбекистане. СЭ № III. – М., 1954. С. 69–76.

[2] *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. – М. –Л., 1962, МИА № 118; Он же. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. // Автореф. док. дисс. – М., 1978.

В научной литературе её хронологические рамки определяются концом II тысячелетия до н.э. – первой четвертью I тысячелетия до н.э.[1] В последние годы рассматривается вопрос об удревнении абсолютной хронологии Чустской культуры до середины II тысячелетия до н.э.[2] Действительно, судя по толщине культурных слоёв, сохранившихся в крупных поселениях Дальварзинтепа, Ашкалтепа и Буванамазар, Чустская культура является самой древней среди памятников такого типа в Средней Азии.

К настоящему времени памятники, близкие Чустской культуре, по всей долине найдены и изучены в более 80-ти пунктах. Они в основном расположены в низовьях горных речек, у истоков родников, бассейне реки Карадарья (см. цветную иллюстрацию №2). Большинство из них представляют собой поселения патриархальных родовых общин, расположенных на площади в 1–3 гектара. Среди них встречаются развалины ранних городов общей площадью в 4,5 га (поселение Чуст), 13 га (Ашкалтепа) и 25 га (Дальварзинтепа). Толщина культурного слоя поселений Чустской культуры составляет 1,5–3 метра, в верхних слоях которых обнаружены оборонительные сооружения, воздвигнутые из глины и кирпича-сырца (Дальварзинтепа, Ашкалтепа, поселение Чуст и другие).

Чустская культура имеет очень богатый археологический комплекс. Предметы керамического производства состоят из различного типа сосудов, изготовленных вручную без применения гончарного круга (чаши сфероконусной формы, чаши в форме пиалы, горшочки в форме банок, кувшины и тазы, керамические столовые казаны, небольшая по размеру посуда и другие). Поверхность чашек и кувшинов окрашена в светло-жёлтые, коричневые и белые цвета. На них нанесены геометрические узоры чёрным (Дальварзинтепа), светло-красным (поселение Чуст) цветами.

Хронологическая периодизация памятников Чустской культуры на основе стратиграфических наблюдений не разработана, однако, существуют предположения, что Дальварзинтепа древнее, чем поселение Чуст[3]. Эту гипотезу подтверждает типологический и химический состав бронзовых орудий труда памятников Чустской культуры[4].

По своему историко-топографическому составу памятники Чустской культуры подразделяются на два типа. Первый – памятники с небольшой площадью,

---

[1] *Заднепровский Ю.А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. докт. Дисс. – М., 1978. С. 28–34; *Спришевский В.И.* Чустское поселение (К истории Ферганы в эпоху бронзы). – Т., 1963. С. 11– 12; *Матбабаев Б.Х.* Локальные варианты Чустской культуры Ферганы. – Л., 1985. С. 7– 8.

[2] *Заднепровский Ю.А.* Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. – Бишкек, 1997. С. 67-81.; *Рузанов В.Д.* Ещё раз о хронологии Чустской культуры Ферганы. // «Российская археология», № IV. – М., 1999. С. 24– 35.

[3] *Заднепровский Ю.А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. докт. Дисс. – М., 1978. С. 28– 34; *Матбабаев Б.Х.* Локальные варианты Чустской культуры Ферганы. – Л., 1985. С. 5– 16.

[4] *Рузанов В.Д.* Ещё раз о хронологии Чустской культуры Ферганы. // «Российская археология», № IV. – М., 1999. С. 24– 35.

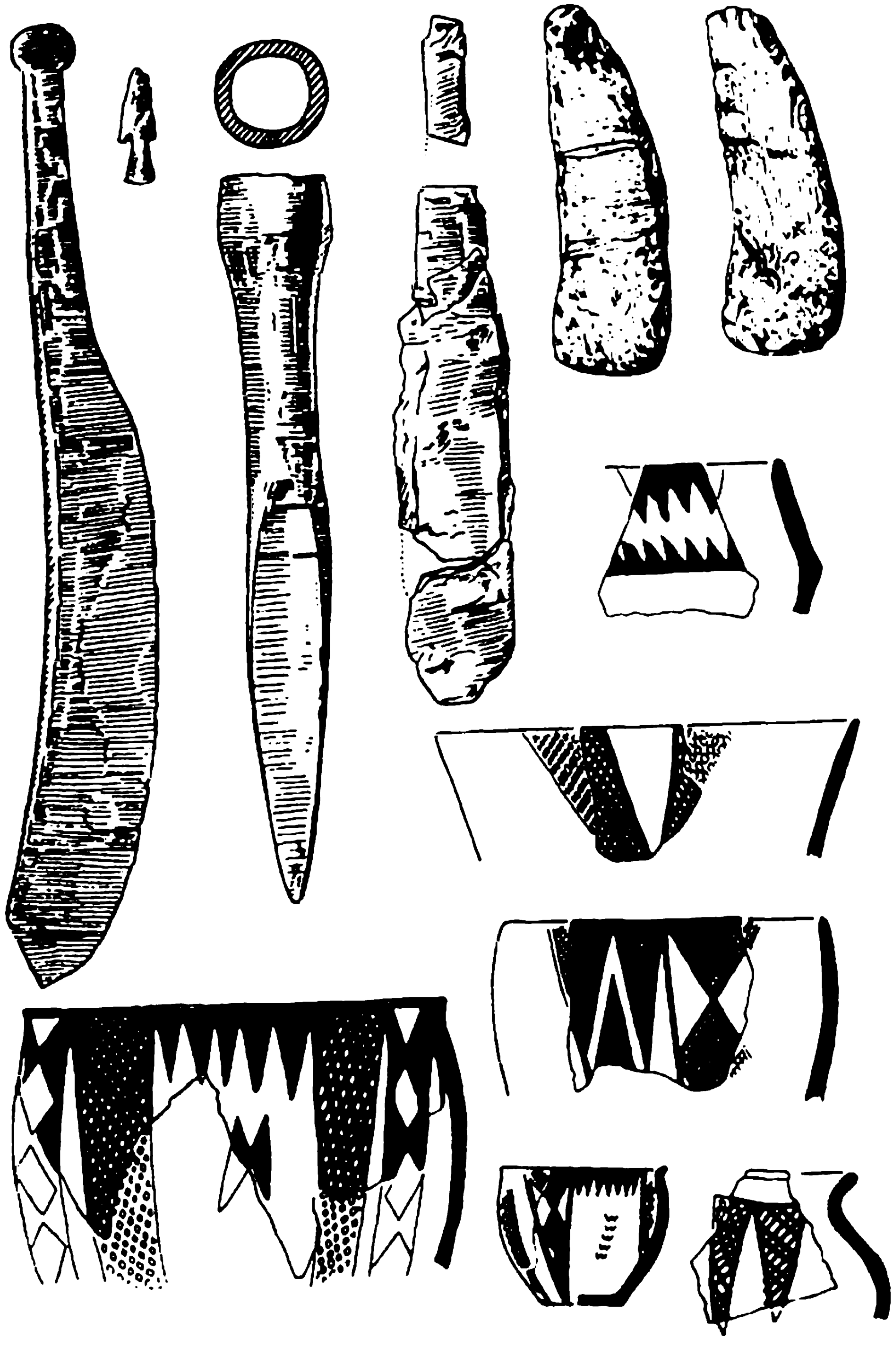


Рис. 11. Археологический комплекс Чустской культуры

без оборонительных сооружений, каждый из которых был поселением сельского типа, принадлежащий одной отдельной родовой общине. Второй – памятники с площадью 10 га и более, которые встречаются по одному в каждом микрооазисе. Также вокруг них располагаются десятки мелких селений. На примере Дальварзинтепа и Ашкалтепа можно рассмотреть как крупные памятники, столицы определённых оазисов. Они были ранними городами Ферганской долины. Анализ комплекса материалов, найденных в поселениях Чустской культуры, показывает, что два нижних его слоя характеризуют эпоху поздней бронзы, а третий верхний слой относится к раннежелезному веку. В этот период в поселениях Чустской культуры религиозные представления огнепоклонников трансформируются в официальную религию, религиозный культ всего населения. Именно в это время в Дальварзинтепа складывается цитадель, ставка правителя земледельческих общин. Стены цитадели не менее 3 метров в толщину, а в высоту сохранилась до 3,5 метров.

В процессе раскопок памятников Чустской культуры, в их нижних слоях обнаружено множество круглых ям. К примеру, в поселении Чуст найдены более 60 таких ям, а в поселении Чимбой – 16. Некоторые из учёных предполагают, что это жилища парных семей (Спришевский), другие, что эти ямы являются хранилищами для зерна (Я.Г. Гулямов, А. Аскаров, Ю.А. Заднепровский, Б. Матбобоев). Действительно, до недавних пор в каждой семье сельских жителей Ферганской долины такие зернохранилища имели широкое распространение, о чем свидетельствуют этнографические материалы. Последняя версия более близка к истине, так как эти ямы неудобны для жилья и у них нет входных дверей.

В нижних слоях поселения Чустской культуры не встречаются жилища, построенные из глиняных гувалак или кирпича-сырца. Как мы отмечали выше, они появляются в истории Чустской культуры на этапе раннего железного века. Первоначально земледельцы Древней Ферганы жили в жилищах полуземляночного типа. Это говорит еще о том, что по своему происхождению они являются потомками древних скотоводческих племён саков. Скоро исполнится 65 лет с того времени, когда была открыта Чустская культура, однако до сих пор не обнаружены характерные для населения этой культуры древние могильники. В процессе раскопок сельских поселений и более крупных памятников этой культуры встречались несколько беспорядочных захоронений. В них находились в форме эмбриона останки скелетов, лежавших на боку. Такие захоронения присущи для эпохи бронзы: женщины укладывались на левый бок, мужчины – всегда на правый. В погребениях восточных регионов долины, в том числе в захоронениях Дальварзинтепа, человеческие скелеты лежат головой на восток, а на территории Северной Ферганы (поселение Чуст), Туябугусском поселении Ташкентского оазиса и даже в поселении Кучуктепа в Северной Бактрии скелеты в могилах лежали головой на запад[1]. Нам кажется, что такая ориентировка покойников была связана

[1] *Матбабаев Б.Х.* Локальные варианты Чустской культуры Ферганы. Автореф. канд. дисс. С. 5–16.

с их происхождением, о чем будет идти речь позже. В некоторых случаях человеческие кости лежат разбросанными в мусорных ямах на территории поселения. Во многих случаях в одной яме находились десятки одних только человеческих черепов. В могилах, где скелеты лежат в анатомическом порядке (такие встречается очень редко), ни глиняной посуды, ни различных украшений и предметов домашнего обихода практически не встречается. Однако наблюдается обычай захоронения младенцев в кувшинах.

В Чустской культуре хорошее развитие получила отрасль ремесленного производства, связанная с обработкой металла. Металлические изделия (зеркало, серп, нож, шило) отливались в каменных формах. Сам металл плавили в керамических котлах (тиглях). В верхних слоях памятников Чустской культуры найдены железные ножи и шлаки. Во время раскопок в Чусте и Дальварзинтепа найдены конские стремена и удила, зеркало и браслет, кольцо и крючки, а также двухлопастные бронзовые стрелы.

В Чустской культуре всё еще продолжалось изготовление каменных орудий труда. Здесь в большом количестве были найдены каменные зернотёрки для обмолота зерна, небольшая каменная ступа и пестики. Среди каменных орудий особое внимание привлекает изготовление из точильных камней серповидных ножей. В Дальварзинтепа найдено 400 штук таких ножей. Широко использовалось изготовление костяных орудий. Из кости изготовлялись гребешки, челноки, шило, веретено и другие предметы. Среди предметов из кости очень часто встречаются бараньи и козьи альчики, специальные углубления которых залиты бронзой. Почти все альчики очень гладкие, верхняя часть покрашена в тёмно-красный цвет и таким образом они отполированы и перекрашены с разными цветами. Это говорит о том, что жители поселения играли в азартные игры.

Одним из широко развитых отраслей ремесленного производства было гончарное дело, но мастера ещё не перешли к использованию гончарного круга. Сосуды изготовлялись вручную, значит носителям Чустской культуры гончарный круг был неведом.

Основу хозяйства носителей Чустской культуры составляло поливное земледелие. Второе место занимало домашнее животноводство, в хозяйстве содержались лошади, крупный рогатый скот. Земледельцы выращивали пшеницу, овёс, рис, просо. Как уже говорилось выше, носители Чустской культуры зерно хранили в специальных ямах. Дно и стены ям покрывались камышовой плетёнкой. В каждой яме можно было хранить от 200 кг до 2 тонн зерна. На земледельческих работах, пахоте, обмолоте использовались домашние животные. Например, на наскальных рисунках Саймайлиташа в Ферганской долине есть изображения волов, запряжённых в плуг. Эти наскальные рисунки относятся к периоду Чустской культуры.

В Чустской культуре высокое развитие получило ткачество. В процессе раскопок было обнаружено большое количество частей ткацкого станка – веретён, челноков и костяных гребней.

Таким образом, во второй половине II тысячелетия до н.э. и первой четверти I тысячелетия до н.э. на примере Чустской культуры Ферганской долины мы

получаем подтверждение того, что у древних предков узбекского народа, коренных жителей этой земли была развита земледельческая культура. Носители этой культуры по своему антропологическому составу относились к европеоидному типу. Общественная жизнь носителей Чустской культуры характеризуется поздним этапом первобытнообщинного строя и периодом его разложения.

Памятники, относящиеся к типу Чустской культуры, широко распространены в Средней Азии. Их можно встретить в Древней Бактрии, Согдиане, Чаче (см. цветную иллюстрацию 2 «Схематическая карта памятников племен типа Чустской культуры на территории Узбекистана»). Чустская культура среди них по всем параметрам считается самой древней, возможно, она и явилась основой для распространения в регионе памятников этого типа. Научное разрешение этой проблемы требует в будущем специального исследования.

Как известно из археологических исследований, после Чустской культуры в Ферганской долине, в качестве преемника формируется Эйлатанская культура. Ее хронологические границы определяются VII–IV веками до н.э., когда в Ферганской долине широко распространяется поливное земледелие. Следы этой культуры обстоятельно изучены на примере памятников Шурабашат, Мингтепа, Симтепа, Пиллолтепа, Суфантепа, Каракурган по всей Ферганской долине (см. цветную иллюстрацию 3). Население долины этого периода занималось в основном земледельческим хозяйством. Жившие по соседству с ними жители предгорных и степных районов (поселения Актом, Суфан, Кунгай, Валик, Ниёзбатир, Тулайкан) – саки – продолжали заниматься сезонным выпасом скота. Ускоренное развитие экономических и этнокультурных связей между ними обретает постоянный характер. Эти отношения составляют основу истории этногенеза узбекского народа на территории Древней Ферганы.

VI.2. Северная Бактрия

Древняя Бактрия располагалась на обоих берегах верхнего течения бассейна Амударьи. По современным этнографическим представлениям, ее границы приходятся на территории Северного Афганистана, Южного Узбекистана и Юго-Западного Таджикистана.

По сведениям античных авторов – Ктесия из Книда (430–354 гг. до н.э.), Диодора из Сицилии (90–21 гг. до н.э.) и других, Бактрия в древности была могущественным и богатым государством. Царь Ассирии Нин нападает на Бактрию, долгое время держит в осаде его столицу Бактру, но занять её ему не удаётся. Когда Семирамида (его жена) с помощью хитрости пробирается в крепость, только тогда удается захватить Бактру. В бою погибает царь Бактрии Оксиарт. «Нин становится владельцем богатой казны, полной золота и серебра»[1].

[1] *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность). // ВДИ. №1, 1972. С. 131–132.

Основываясь на сведениях древнегреческих авторов о Бактрии, ряд учёных XIX и XX веков (В. Гейгер, Э. Райш, Т. Нольдеке, Ж. Прашек, затем В.В. Бартольд, С.П. Толстов, М.М. Дьяконов, И.М. Дьяконов, В.М. Массон, В.А. Лившиц) отмечают существование в Средней Азии государственного объединения Древней Бактрии ещё в доахеменидский период[1].

1921 году с целью найти сокровища могущественной Бактрии в Афганистан была организована французская археологическая экспедиция во главе с А. Фушем. Во время археологических раскопок, проведённых на руинах Бактры, не были найдены ни остатки царских дворцов, ни сокровищница, ни храмы, украшенные статуями. Вместо того чтобы продолжить широкомасштабные археологические раскопки, А.Фуш заявляет, что сведения о могущественном Бактрийском царстве и его богатой культуре лживы, что это мираж и неведомое предание. Напротив, продолжает А.Фуш, история Бактрии является продуктом смешения культур, привнесённых на эту территорию Ахеменидскими царями и Александром Македонским, которая была разрушена под ударами кочевников[2].

Обнаруженные на этой территории и изученные уникальные археологические памятники эпохи античности и высокохудожественные произведения древнего искусства доказали несостоятельность лженаучных утверждений А. Фуша, что культура в эти края была привнесена извне. Однако, несмотря на это, на протяжении долгих лет в исторических и археологических исследованиях советской исторической науки продолжались поиски места и роли иностранных завоевателей в становлении культуры Древней Бактрии. Несостоятельность таких взглядов, господствовавших в европоцентристской историографии в начале прошлого века, была изобличена выше (глава V) на примере уникальных памятников эпохи бронзы – Сапаллитепа, Джаркутан, Бустан и др.

В период расцвета культуры Сапалли (на Бустанском этапе), к границим Бактрии подступают этнические группы, относящиеся к типу Чустской культуры Древней Ферганы. Следы материальной культуры этих групп, отражающие переходный период от бронзового века к раннежелезному веку, получили широкое распространение по территории Древней Бактрии.

На площади Арка (цитадели) поселения Джаркутан были обнаружены и изучены вещественные источники, относящиеся к Чустской культуре: присущие ей жилые массивы: землянки; ямы для хранения зерна; керамические сосуды с расписными узорами, изготовленные вручную, без применения гончарного круга; серповидные ножи из точильного камня и бронзы и другие. Эта культура наших предков-земледельцев под условными названиями Кучук I (рис. 12), Кызыл I, Тилла I, впиталась в состав культуры Древней Бактрии, которая, в свою очередь, была органическим продолжением культуры Сапалли. Памятники, относящиеся к типу Чустской культуры, обнаружены и изучены в более чем 40 пунктах на

---

[1] *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность). // ВДИ. №1, 1972. С. 132.

[2] Там же.

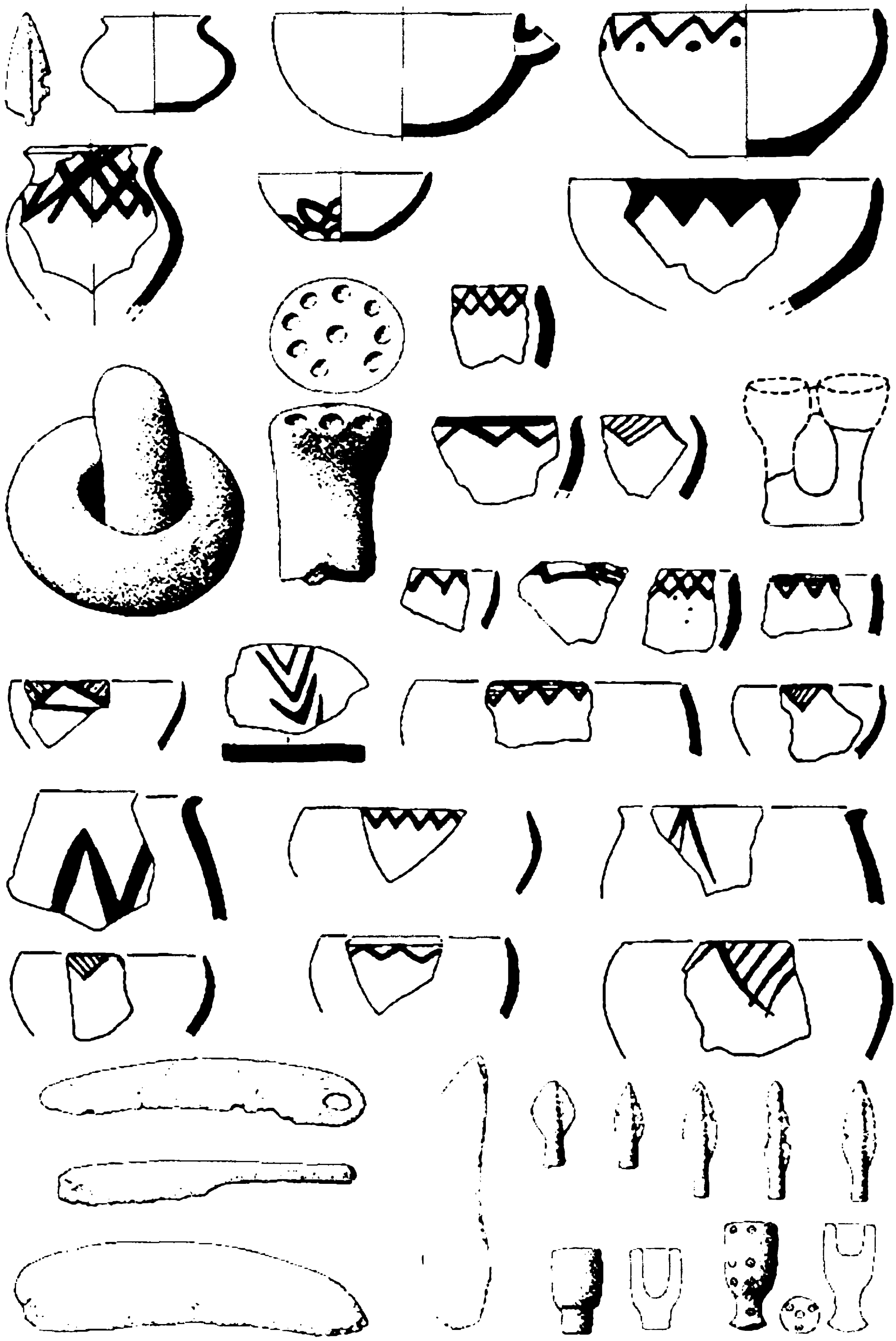


Рис. 12. Археологический комплекс периода Кучук I

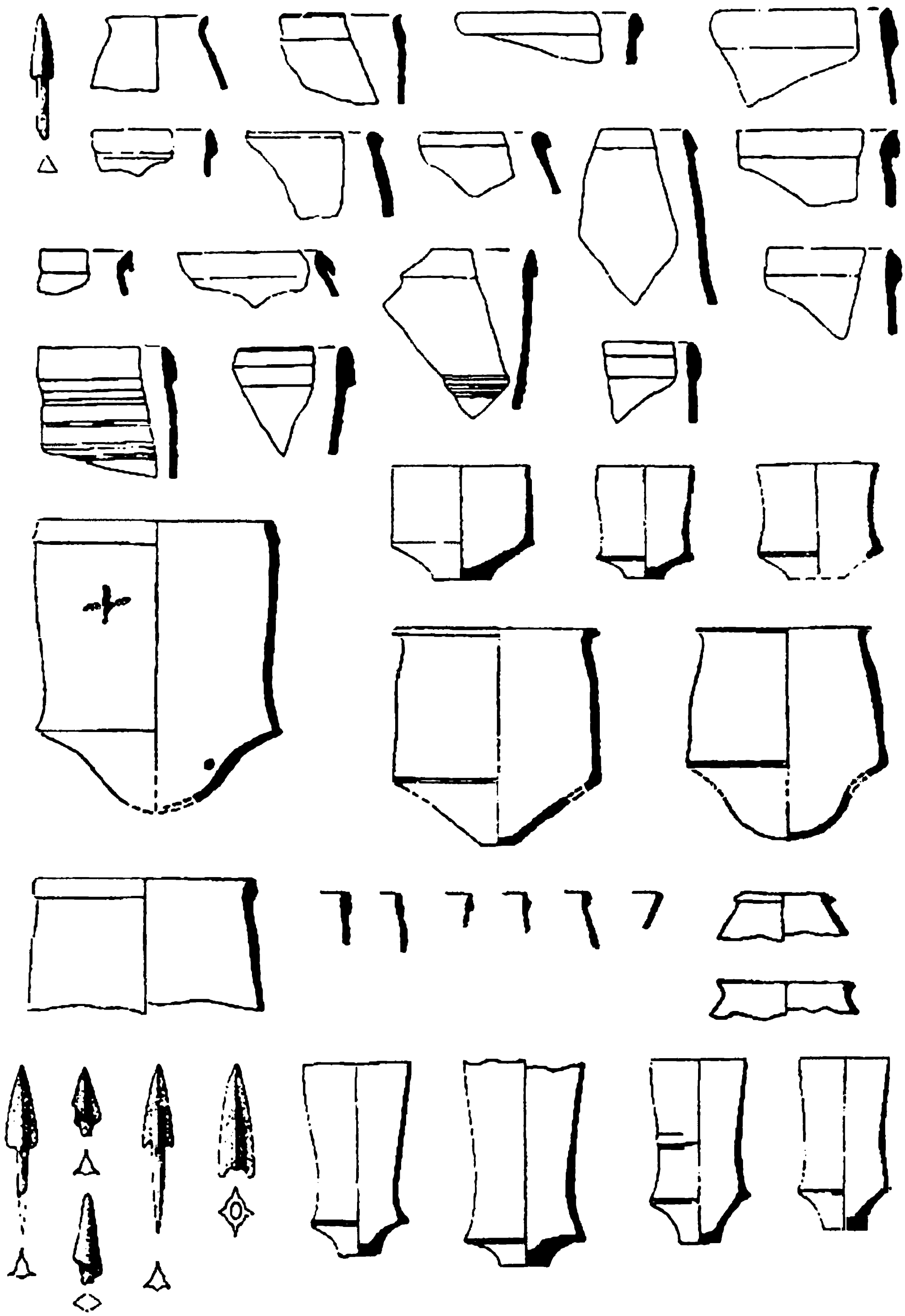


Рис. 13. Комплекс археологических материалов Древнебактрийского периода (Сурхандарьинская область)

территории Южного Узбекистана[1]. Нижние слои (Кучук I) подавляющего большинства этих памятников составляют комплексы эпохи поздней бронзы (рис. 13), который датируется X–VIII веками до н.э.

Верхние слои (Кучук II, Кучук III, Кучук IV) относятся к периоду раннего железа (VIII–IV века до н.э.), памятники этого времени зафиксированы на цветной иллюстрации 3 «Схематическая карта памятников племен оседлоземледельческих культур эпохи раннего железа на территории Узбекистана».

Керамические изделия раннежелезного века в историко-культурных областях Амударьинского бассейна (Бактрия, Маргиана, Согдиана, Древний Хорезм) были изготовлены исключителльно на гончарном круге быстрого вращения, обжигались они в двухъярусных печах и поэтому имеют отличную термотехнику. По технике изготовления в гончарном производстве, после некоторой деградации, с мощной силой возрождается керамическая традиция древнеземледельческих гончаров эпохи бронзы. Основная масса керамики по форме цилиндроконическая, не имеет внешней орнаментации (см. рис. 13).

По утверждению Т. Ширинова и Ш. Шайдуллаева, памятники этой культуры в пределах Северной Бактрии на территории Южного Узбекистана расположены в основном в трёх древних земледельческих оазисах (Шерабадский земледельческий оазис, центральный город Джандавлаттепа; Байсунский земледельческий оазис, центральный город – Кызылтепа; Сурханский земледельческий оазис, центральный город, – Хайитабадтепа). На территории каждого земледельческого оазиса, кроме центрального города, находились военная крепость, храм, порядка 8–12 поселений и укреплённые усадьбы больших патриархальных семей. Каждый земледельческий оазис составлял основу оазисной государственности[2]. Они представляют коренной, местный оседлый слой в этническом составе узбекского народа, под влиянием культурно-хозяйственных новшеств которого скотоводческое население региона также постепенно переходит к оседлому образу жизни. Так складывался образ жизни коренного оседлого населения узбекского народа.

Материальная и культурная жизнь древних жителей Южного Узбекистана изучены на примере памятников Джандавлаттепа, Бандихантепа, Талашкантепа, Кызылтепа (Кызыл II, Кызыл III, Кызыл IV), Кучуктепа (Кучук II, Кучук III, Кучук IV), Хайитабадтепа, Кизилча 6, Миршоди, Паёнкурган, Курганзол. Из них Паёнкурган и Курганзол были военными крепостями, построенными на северных границах Бактрии, где на юг от Согдианы проходил древний караванный «царский путь» иранских Ахеменидов[3]. Именно в этот период впервые сложившаяся в Древней Бактрии в эпоху бронзы государственность распространяется по всей территории республики, на основе цивилизации Древнего Востока формируются высокоразвитые очаги культуры

[1] *Ширинов Т., Шайдуллаев Ш.* Бақтрия – минг шаҳарли мамлакат. // «Термиз: тарихий тадқиқотлар, илмий хулосалар». – Т., 2001. С. 10.

[2] Там же.

[3] *Абдуллаев К.* Историко-географическая справка. «Археологическое исследование Джандавлаттепа и Шерабадского района». – Прага, 2013. С. 14.

– ранние города. Одним из досконально изученных и исполняющим роль хронологического эталона для памятников того периода является поселение Кучуктепа.

а) Поселение Кучуктепа. Кучуктепа был сельским укреплением-крепостью периода поздней бронзы и раннего железного века на юге Узбекистана. Он расположен в Музрабадском микрооазисе в составе Уланбулаксайского земледельческого оазиса. Его площадь составляет 0,5 га, высота – 8 м. На его поверхности найдены и собраны глиняные черепки, относящиеся к VI–V векам до н.э.

В 1963, 1965, 1967, 1977 годах на памятнике Кучуктепа были заложены стратиграфические шурфы и проведены обстоятельные археологические раскопки[1]. Стратиграфические шурфы (шурф №1) были доведены до материка (7,25 см), в разрезе его микростратиграфия была разделена на 29 ярусов.

В результате досконального изучения культурных слоёв было выяснено, что 1–18 ярусы относятся ко времени Древней Бактрии (ранний железный век), 19–29 ярусы – к периоду поздней бронзы. Анализ материалов шурфа в хронологической последовательности дал возможность изучить культурные слои Кучуктепа, разделив их на 4 хронологических этапа (Кучук I, Кучук II, Кучук III, Кучук IV).

Важное значение для определения хронологических этапов имели обнаруженные в Кучуктепа керамические предметы. В хронологическом отношении они вобрали в себя два периода. Если глиняные предметы нижних слоёв поселения состояли из хрупких, с нанесёнными на их поверхность расписных узоров ручной работы, изготовленных без применения гончарного круга, то керамические предметы верхнего слоя были изготовлены на гончарном круге, подвергнуты обжигу в двухъярусной керамической печи, отличались качеством изготовления и не имели внешных узоров.

Сосуды, изготовленные вручную, без применения гончарного круга, в основном относились к периоду Кучук I (поздняя бронза) и датируются X–VIII веками до н.э. Для этого периода характерны чаши с широким горлом и глубоким дном, небольшие кувшины и тазы полусферической, конусовидной, цилиндроконической формы с носиками и ручками. По ободку сосудов нанесены расписные узоры. Узоры весьма незамысловаты – нанесённые на светло-красную поверхность геометрические формы: заштрихованные изнутри треугольники, ромбы, горизонтальные ломаные линии (см. рис. 12). В слоях периода Кучук 1 до 20 % керамических сосудов изготовлены на гончарном круге. По своей форме и качеству они не отличаются от керамики Бустанского этапа культуры Сапалли.

Как уже отмечалось выше, в период Кучук I в пределы Бактрии вторгаются этнические группы, относящиеся к типу Чустской культуры Древней Ферганы. Иногда они обосновываются в городах и сёлах культуры Сапалли, в большинстве случаев оседают на свободных землях с пригодной для земледелия

[1] *Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа в Узбекистане. // «Материалы сессии, посвящённой итогам археолого-этнографических исследований 1964 года в СССР». Тезисы докладов. – Баку, 1965; Он же. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа. ИМКУ № 8, – Т.: Фан Уз ССР, 1969; *Аскаров А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа. – Т.: Фан, 1979. С. 5 – 85.

почвой. Постепенно растворяясь среди коренного населения культуры Сапалли, они перенимают присущие местным жителям монументальные архитектурные и культурные традиции. Так, в истории Южного Узбекистана начинается новый период. В науке этот период получил название эпохи Древнебактрийского периода[1]. Археологические комплексы этого периода в научной литературе рассматриваются в качестве комплексов Кучук II, Кучук III, Кучук IV. В прежние времена они в разрез с исторической реальностью рассматривались как комплексы «периода Ахеменидов», «Ахеменидская керамика», «Ахеменидская культура». Материалы Кучуктепа доказали неправомерность такого толкования комплексов эпохи Древнебактрийского периода[2].

Таким образом, культура Древней Бактрии своими корнями уходит в культуру Сапалли эпохи бронзы. Значит, вторжение носителей культуры Кучук I на территорию древней Бактрии и широкое её распространение в южных областях Средней Азии не привело к кризису культур Намазга VI и культуры Сапалли, существовавших на этой земле с древнейших времён, а, напротив, способствовало развитию экономических и культурных традиций, присущих цивилизации коренного населения Древнего Востока. Культура этого периода нашла своё отражение в более чем 40 памятниках Южного Узбекистана – Кучуктепа, Кызылтепа, Джандавлаттепа, Хайитабадтепа, Бандихонтепа, Талашкантепа и других.

Проведённые в Кучуктепа стратиграфические исследования показывают, что этап Кучук II (снизу вверх) составляют 13–18 ярусы, его толщина – 1,5 м, хронологические рамки охватывают период с середины VIII века до н.э. до VII века до н.э. Основными вещественными источниками этого слоя являются изготовленные на гончарном круге керамические сосуды, среди которых встречаются двух- и трёхлопастные бронзовые наконечные стрелы. Подавляющее большинство керамических изделий состоит из хумов и разной величины кувшинов цилиндроконической формы, чашек и мисок биконической формы. Края хумов и кувшинов выполнены в крючковидной форме, иногда под краями проведена черта желобка, т. е. конюлеры. Среди сосудов встречаются чаши и тазы конусовидной формы, а также посуда полусферической формы. В нижних ярусах этого слоя найдены обломки глиняных сосудов, изготовленных без гончарного круга, вручную.

9–12 ярусы стратиграфического шурфа (толщина культурного слоя – 1 м) относится к этапу Кучук III культуры Древней Бактрии, хронологические рамки которого определены концом VII –VI веками до н.э. Характерные для этого этапа керамические сосуды цилиндроконической, биконической формы схожи с керамикой Кучук II. На этом этапе сосуды с крючковидными венчиками заменяются сосудами, под венчиками которых вытеснены широкие конюлеры. Ободки краёв сосудов притупляются и появляются сосуды с ровными ободками, желобки под краями утолщаются, иногда спариваются. Край венчика сосудов слегко загнут наружу. Последний этап эпохи Древнебактрийского периода составляют 1–8 ярy-

[1] *Дьяконов М.М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА., XIX, 1954. С. 130.
[2] *Аскаров А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа. – Т.: Фан, 1979. С. 6–18.

сы. Его толщина – 2 м. Хронологические рамки приходятся на конец VI – V век до н.э. Основу керамики составляют цилиндроконические и биконические сосуды с широкими краями. Ободки сосудов заостряются и немного загибаются внутрь. Верхние края принимают овальную форму, и характерные для Кучук III желобки под краями исчезают. На заключительной стадии этапа ободки сосудов опять притупляются, увеличивается количество сосудов с вороткообразными венчиками.

Также были исследованы оборонительные сооружения и жилые архитектурные комплексы. Как стало известно, в комплексе керамики периода Кучук I сохранились традиции гончарного ремесла Чустской культуры, но присущие архитектуре местного населения традиции, связанные с возведением оборонительных сооружений и жилых домов, продолжаются. Первоначально, в центральной части Кучуктепа на материке строится платформа толщиной 4 м, на которой были возведены оборонительные сооружения и жилые комплексы эпохи бронзы. Вначале платформа с трёх сторон (север, запад, юг) была окружена оборонительными стенами и на площади в 60 квадратных метров был построен жилой комплекс из 4 комнат. Входные двери были обращены на восток, к восходу солнца. В комнатах был образован мягкий культурный слой (0,50 см) из золы вперемешку с фрагментами керамики. Керамика была выполнена в основном вручную, среди них встречаются обломки керамики, изготовленной на круге, каменные зернотёрки и другие артефакты. Стены возведены из глиняных кирпичей (50×30×8 см) и обмазаны саманной штукатуркой.

Кучуктепа вначале была местом проживания одной большой патриархальной семьи. На втором этапе строительства за оборонительными стенами воздвигается второе оборонительное сооружение из глинобитных блоков. Оборонительные стены сужаются кверху в виде конуса, образовавшийся промежуток между стенами заполнялся глиной. На втором этапе строительства эпохи бронзы количество комнат увеличивается за счёт коридора, число которых достигает 7 помещений. Площадь, занятая постройками, занимает 90 квадратных метров. Кучуктепа, окружённая двумя рядами оборонительных стен, становится жилым курганом большой патриархальной семьи. С двух сторон у входной двери в 1-ю комнату появляются глиняные возвышения. Южная стена 3-й комнаты укрепляется двумя опорными (мирза девол) стенами. В обращённых во двор стенах на высоте 70 см были установлены отверстия для освещения. Такое отверстие имеется в южной части восточной стены 7-й комнаты.

Если в период первого строительного этапа полы комнат находятся прямо на самой платформе, то во втором строительном этапе полы располагаются на 50 см выше. В комнатах образован толстый культурный слой, в котором обнаружено множество предметов из камня и бронзы, обломки глиняных сосудов, изготовленных вручную, по ободку некоторых из них сохранились следы простой росписи. Среди предметов из глины встречаются керамические обломки сосудов, изготовленных на гончаром круге.

В период третьего строительного этапа жилые комплексы расширяются за счёт южной и восточной площадей платформы и воздвигнутые на этой стороне новые оборонительные стены срастаются с крепостными стенами второго строительного периода, расположенными на северной и западной сторонах. В итоге площадь, занятая под строительство жилых комплексов, достигает 125 квадратных метров. Внутри жилых комплексов была проведена перестройка и количество комнат увеличивается до 11-ти. Изменения, происшедшие в комплексе, и строительство вокруг него трёх оборонительных стен делают безполезными отверстия для освещения в стенах. На восточных стенах крепости на высоте 1 м появляются бойницы треугольной формы. Среди открытых помещений 7-я комната имеет особое значение. Ее стены были обмазаны саманной штукатуркой в несколько слоёв и отделаны каолином, цвет стен светло-голубого оттенка, в некоторых местах заметны чёрные следы копоти. В центре комнаты, на поверхности пола, относящегося к периоду третьего строительного периода, находится алтарь – очаг. Напротив него, на южной стене, устроена прямоугольная ниша, над которой расположены 2 отверстия для света. Наличие алтаря-очага говорит о том, что эта комната была молитвенным помещением большой патриархальной семьи, проповедовавшей культ зороастризма.

Во время раскопок стало известно, что в этом комплексе в третьем строительном этапе в комнатах образовались культурные слои толщиной в 1 м, насыщенные различными предметами. Все обнаруженные артефакты, в первую очередь керамика, практически не отличаются от описанных выше материалов. Но в период третьего строительного периода эпохи бронзы резко увеличивается количество изготовленных на гончарном круге глиняных изделий.

На четвёртом этапе строительство посёлка жилых комплексов эпохи бронзы в Кучуктепа подходит к своему завершению. На этом этапе возводится третья оборонительная стена, которая полностью окружает комплекс. Она окружала комплекс с южной и восточной стороны и была укреплена полукруглыми башнями. Однако в этот период жилища прежних строительных этапов разрушаются и руины домов разравниваются. Только в некоторых местах бросается в глаза верхняя часть, третьей оборонительной стены. Площадь строительства окружавшая крепость, на четвёртом этапе охватывает 250 квадратных метров. На ее поверхности на месте толстого культурного слоя воздвигнуты 23 комнаты больших и малых размеров. Но они очень плохой сохранности, а прежние комнаты не использовались в качестве фундамента. Их развалины сохранились только на месте следов (стен) пятого строительного этапа на высоте 2-3 кирпичей. Этот строительный этап характерен для Древнебактрийского периода. В центральной части Кучуктепа, окружённой крепостными стенами, керамика периода Кучук II, Кучук III, Кучук IVлежит в смешанном виде. Поэтому, как уже отмечалось выше, стратиграфический шурф был заложен за пределами оборонительной стены Кучуктепа, так как обнаруженный на этом месте культурный слой был толстым и богатым на находки и стал основой для изучения памятника в хронологической последо-

вательности. Таким образом, на основе 29-ярусного стратиграфического шурфа был хорошо изучен Древнебактрийский период.

Исходя из анализа описанных выше вещественных источников можно сделать вывод о том, что изученная на примере Кучуктепа культура Древнебактрийского периода не является производной культуры иранских Ахеменидов, завоевавших эту землю, а своим происхождением упирается в эпоху культур периода Намазга VI и культуры Сапалли Древней Бактрии. Таким образом складывалось местное население, сыгравшее роль в формировании этнической основы узбекского народа (см. рис. 14). Такую же мысль можно высказать в отношении Кызылтепа, Джандавлаттепа, Талашкантепа, Бандихонтепа, Хасияттепа и к более чем 40 другим памятникам культуры Древней Бактрии.

б) Поселение Кызылтепа и сельское укрепление Кызылча 6. Эти памятники культуры расположены в культурно-хозяйственном районе Миршоди, в бассейне нижнего течения реки Худжаипак Байсунского земледельческого оазиса. На берегах горных речек Кызылджар, Кызылсу и Ёйилма в 18 пунктах были обнаружены и изучены памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа, среди которых особое значение имеют развалины города Кызылтепа и поселения Кызылча 6. В процессе раскопок этих двух памятников были открыты по 4 строительных горизонта и археологических комплекса, характеризующих культуры самой поздней бронзы и раннего железа. Толщина культурных слоёв в них составляла не менее 3 метров.

По сведениям исследователя А. Сагдуллаева, нижние слои поселений характеризуются археологическим комплексом периода Кызыл I (Кучук I). Они в основном состоят из глиняных сосудов, вылепленных вручную, без применения гончарного круга, серповидных ножей, изготовленных из точильных брусков и бронзы и других артефактов. 97% керамических сосудов состоят из изготовленных вручную, с простыми росписями, покрытых красноватым ангобом, больших и маленьких чашек полусферической, конусовидной и цилиндрической формы, кувшинов и тазиков, а также чашек, похожих на чайники, с носиками, ручками и широким горлышком.

70% керамики Кызыл II (Кучук II) составляют сосуды, изготовленные на гончарном круге. Большая часть из них – это хумы и кувшины цилиндроконической формы, чаши и чашки биконической формы. Края хумов и кувшинов крючковидные, от средней расширенной части резко изгибаются и принимают форму конуса. Среди конусов встречаются тазы и большие чаши в форме крупного конуса и сосуды полусферической формы.

Поверхность керамики Кызыл III (Кучук III) светло-жёлтого цвета, присущая периоду Кызыл II цветная узорчатая керамика и сосуды биконической формы с крючковидными краями исчезают, их место занимают сосуды с широкими краями. Основную часть предметов гончарного производства составляют цилиндроконические сосуды разных размеров. Большинство из них – небольшие кубки, биконические чаши, крупные хумы (1–1,2 м), вокруг которых имеются острые ребристые выпуклости, а под рёбрами они обретают сужающуюся коническую форму.

Одним из хорошо изученных А. Сагдуллаевым памятников Древней Бактрии является сельское поселение Кызылча 6, в котором наблюдаются 4 строительных периода. Основу поселения составляет построенный в форме квадрата (30×30 м) укреплённый двор, вокруг мощных стен которого расположены 8 комнат коридорного типа. Они не связаны друг с другом внутренними проходами и каждая из них имеет отдельную дверь со стороны двора. Центр двора пуст, следы жилых комплексов здесь не обнаружены. В комплекс можно было войти только через одни ворота, расположенные в юго-восточном углу укрепления.

План укрепления в период второго строительного периода практически не меняется. Перед входными воротами во двор возводится дополнительная стена и на южной стороне двора, параллельно к ней, образуется внешний двор с двумя большими комнатами. Входные ворота в комплекс переносятся на восточную сторону. Если пол первого горизонтального строительного этапа находился на самом материке, полы комнат второго строительного периода располагались на поверхности культурного слоя, утрамбованного и обмазанного саманной штукатуркой. Стены комнат второго горизонтального слоя, которые полны обломков сырцовых кирпичей, очень плохо сохранились. Его утрамбованный верхний слой послужил основой третьего строительного периода.

Второй строительный горизонт полон артефактов – черепки сосудов с крючковидными венчиками, изготовленными на гончарном круге, каменные зернотёрки, серповидные ножи из камня и бронзы, пестики большой ступы, каменные веретена, осколки посуды из бронзы, гвозди и втульчатые двухлопастные бронзовые наконечники стрел.

В третьем строительном горизонте в планах жилищ происходят изменения, то есть площадь внешнего двора сокращается на 300 кв. м, некоторые комнаты разделяются на две, в некоторых из них появляются пристенные возвышения из глины и вентиляционные отверстия, 7-я комната переоборудуется в хранилище хумов с сельскохозяйственной продукцией (в некоторых хумах встречаются почерневшие остатки зерна), на площади двора образовался толстый культурный слой, где было обнаружено большое количество очагов и тандыров (небольшая глиняная печь для испекания лепёшек), керамических предметов, орудия труда и боевое оружие из камня и бронзы.

В четвёртом строительном горизонте в планах крепости практически никаких изменений не происходит, вместе с тем наблюдается утолщение оборонительных стен, 4-я комната во внутреннем дворе разделяется на две части, южные стены внешнего двора разравниваются, в комнатах образуется толстый культурный слой вперемешку со строительным мусором.

В процессе сопоставительного изучения археологических комплексов, обнаруженных в слоях Кызылча 6 с находками Кызылтепа А. Сагдуллаев приходит к следующему выводу: керамика, найденная в I–II строительных горизонтах Кызылча 6 идентична с керамикой периода Кызыл II. Большинство из них это цилиндроконические, биконические и сфероконические сосуды с крючковидным

венчиком, изготовленные на гончарном круге. Третий строительный горизонт объекта Кызылча 6 даёт материалы периода Кызыл III. В керамике этого времени резко уменьшается количество цилиндроконических хумов и кувшинов с крючковидным венчиком, размеры керамических сосудов уменьшаются, увеличиваются кубки и кувшины в виде банки, основу керамических сосудов составляют хумы и кувшины с вороткообразными венчиками, ангобируюся только цилиндрические части сосудов.

Четвёртый строительный горизонт Кызылча 6 напоминает керамику периода Кызыл IV. Она в основном состоит из кувшинов с треугольными венчиками, небольших чашек цилиндроконической и биконической формы. Керамика III-IV строительных горизонтов поселения Кызылча 6 условно характеризуется в качестве керамики периода Ахеменидов.

в) Поселение Джандавлаттепа. Этот памятник является развалинами древнего города раннежелезного века на территории Южного Узбекистана. Он расположен на северо-востоке Шерабадского оазиса. Его площадь равна 7,5 га. В плане он представляет собой правильный прямоугольник, который тянется с юго-запада к северо-востоку, окружённый со всех сторон оборонительными стенами. В северо-западном углу городища расположен Арк. В VIII–IVвеках до н.э. он был столицей – центральным городом Шерабадского земледельческого оазиса, вобравшего в себя территории предгорных районов Кухитанга и бассейна нижнего течения реки Шерабад.

Этот памятник в качестве крупного археологического объекта Шерабадского оазиса известен с 70-х годов прошлого века[1]. С целью определения его хронологических рамок в 1993 году узбекско-германская археологическая экспедиция проложила несколько шурфов, в частности на краю обрыва в восточной части этого объекта, и определила наличие толстых культурных слоёв с Древнебактрийского до Кушано-Сасанидского периода. Но ни один из проложенных стратиграфических шурфов не доведён до материка.

Начиная с 2002 года узбекско-чешская археологическая экспедиция в восточной части этого городища проложила стратиграфический шурф (шурф 2а) на берегу обрыва и в 2009 году довела его до материка. На глубине 14–15 м от уровня шурфа им удалось открыть археологический комплекс, относящийся к X–VIII векам до н.э. В самом нижнем горизонте шурфа была найдена керамика с росписью периода Кучук I. Культурные слои в шурфе мощные, хронологические рамки охватывают начиная с Древнебактрийского периода (VII–IV века до н.э.) вплоть до ранних средних веков.

Самые верхные слои городища Джаркутан. Исследования последних лет на Джаркутане показали, что на Бустанской стадии культуры Сапалли на терри-

[1] *Пидаев Ш.Р.* Раскопки святилища «ахеменидского» времени на холме Джандавлаттепа в Северной Бактрии. «Древний город Средней Азии». – Л., 1973. С. 27–28; Он же. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. «Древняя Бактрия». Вып. I. – Л.: Наука, 1974. С. 32–42.

торию Древней Бактрии прибывает группа племен периода Кучук 1 и обосновывается в Арке городища Джаркутан. Раскопки, проведенные здесь, позволили выявить следы этого поселения в самых верхних слоях Арка в толщине 30–35 см. Можно не сомневаться, что в своё время этот слой был намного толще. В отличие от жилых комплексов культуры Сапалли в этом слое были обнаружены и изучены следы землянок, ямы, богатые на археологические артефакты. В землянках и ямах, наполненных землёй вперемешку с золой, были найдены фрагменты керамики, некоторые орудия труда, изготовленные из бронзы и камня, которые смешались с археологическими комплексами периода Бустан культуры Сапалли. Такое состояние свидетельствует о том, что городская жизнь Джаркутана пришла в упадок в конце периода Кучук 1, и его население в поисках обильных водой плодородных земель покинула Джаркутан.

Таким образом, керамика Джандалаттепа периода Древней Бактрии как и Бустанского этапа культуры Сапалли на Джаркутане состоит из сосудов разной формы, полностью изготовленных на гончарном круге. Особенно яркое подтверждение этого факта мы видим при изучении нижней конической части сосудов цилиндроконической формы на примере кувшинов и чайников культуры Сапалли[1]. На этапе Бустан культуры Сапалли в большом количестве встречаются чашки цилиндроконической формы[2]. Сосуды именно такой формы присущи керамике Джандавлаттепа культуры Древней Бактрии. Сравнительный анализ вышеуказанных сходных моментов даёт возможность сделать следующий важный вывод: на базе материальной культуры носителей культуры Сапалли эпохи бронзы возникли города раннежелезного века типа Джандалаттепа. Между поселениями этих двух периодов наблюдается неразрывная историческая и культурная преемственность. Это доказано на основе материалов стратиграфического шурфа, проведённого в Джандавлаттепа[3].

г) Поселение Талашкантепа. Одним из самых хорошо изученных на территории Южного Узбекистана военных укреплений Северной Бактрии в эпоху раннего железного века считается крепость Талашкантепа. Это укрепление расположено у селения Бойкишлак Шерабадского района. Оно построено в форме круга диаметром в 135 м. Окружено оборонительными стенами толщиной не менее 5 м, которые укреплены 15-ью полукруглыми башнями. На стенах и башнях в два ряда установлены бойницы. Как пишут Э.В. Ртвеладзе и Ш.Р. Пидаев, проводившие раскопки, основные исследовательские работы были проведены на крепостных стенах[4]. Входные ворота построены на северо-западе крепости в виде

---

[1] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы. Табл. XXI, рис. 1–15; табл LI, рис. 1–3; табл. LIV, рис. 4,8; табл. LV, рис. 1, 2, 9; табл. LIX, рис. 6, 7; табл. LXV, рис. 6, 10, 11, 14, 15.

[2] Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы. Табл. LXI, рис. 12, 14; LXVI, рис. 11, 12, 13, 15.

[3] *Абдуллаев К.* Историко-географическая справка. «Археологическое исследование Джандалаттепа и Шерабадского района.». – Прага, 2013. С. 16–17.

[4] *Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р.* Древнебактрийская крепость Талашкантепа. // «Российская археология», № 2, – М., 1993. С. 133–147.

длинного коридора. Вдоль внутренней стороны оборонительной стены построены жилые дома. Центральная часть крепости представляла собой широкий плац, где днём проводились строевые учения и другие мероприятия, а по ночам здесь держали домашний скот. В процессе раскопок в крепости было обнаружено множество хумов для хранения зерна. Под стенами крепости, в башнях найдено бесчисленное множество бронзовых и костяных наконечников стрел и фрагменты керамики. Эти находки указывают не только на их принадлежность к культуре Древней Бактрии, но и определяют функциональный характер крепости[1].

Таким образом, из вышесказанной характеристики памятников видно, что значительная часть населения Северной Бактрии эпохи бронзы и раннего железа вела здесь оседлый образ жизни. Эти памятники представляют собой материальную культуру раннего периода формирования узбекского народа. Схожие с ними памятники материальной культуры, начиная с раннежелезного века, получают широкое распространение и на территории Согдианы.

VI. 3. Согдиана

Историко-культурный край под названием Древняя Согдиана располагался на территории современной Самаркандской, Навоийской, Бухарской и Кашкадарьинской областей[2]. В образовании, развитии и процветании этой страны неоценимую роль играли реки Зарафшан и Кашкадарья. Благодаря водам этих рек в древние времена воздвигались города и селения земледельцев Согда. В верхнем и среднем бассейне реки Зарафшан к раннему железному веку часть туров Авесты (местные племена саков), исходя из своих хозяйственных возможностей на местах, постепенно переходят к оседлой жизни. Эти саки, осевшие в бассейнах рек Зарафшан и Кашкадарья, смешиваются с потомками носителей Саразмской культуры и образуют оседлое население согдийцев, историческая область обитания которых в Авесте называется «Гова Сугуда», а в греческих источниках места их проживания называются «Согдиана».

Таким образом, в эпоху поздней бронзы и раннего железного века возникает ещё один культурно-хозяйственный центр – Согдиана. Следы этнических групп, занимавшихся земледелием, изучены на примере нижнего слоя поселений Зарафшанской долины Коктепа, Афрасиаб, Ходжа Бустан, Казимантепа, курганных могил Калкан-ота, памятников Кашкадарьинского оазиса Узункир, Даратепа и Сангиртепа.

До недавних пор науке не было известно, с какого времени и на основе каких памятников берут начало исторические корни раннегородской культуры главных городов Согда – Самарканд и Бухара. Поэтому в советской историографии господствовало мнение о привнесении раннегородской культуры в Среднюю Азию

---

[1] *Ширинов Т., Шайдуллаев Ш.* Бақтрия – минг шаҳарли мамлакат. // «Термиз: тарихий тадқиқотлар, илмий хулосалар». – Т., 2001. С. 12–13.

[2] На самом деле древний Согд состоял из трёх частей – его центральная и западная части располагались на территории Зарафшанской долины, а южная часть – в бассейне реки Кашкадарья.

со стороны иранских Ахеменидов и греков во главе с Александром Македонским, а коренное неселения – саки, якобы, жили в юртах и занимались кочевым скотоводством. Но, археологические исследования, которые проводятся с начала 70-х годов прошлого века, на примере вышеназванных древних земледельческих памятников доказали безосновательность этих околонаучных взглядов. Одним из обстоятельно изученных уникальных объектов являются развалины древнего города Коктепа.

а) Поселение Коктепа. После экономического и политического кризиса Саразма в середине II тысячелетия до н.э. в Зарафшанской долине зарождается древняя земледельческая культура Коктепа. Она была обнаружена в 1988 году в Пайарыкском районе, где в течение трёх полевых сезонов были проведены археологические раскопки и наблюдения[1].

Этот памятник был почти квадратной формы и его площадь составляла 23 гектара. По топорельефу на поселении чётко просматриваются линии оборонительных стен и ворот. Напротив дошедших до нас в седловидной форме южных ворот, находящихся параллельно Булунгурскому каналу, обнаружены руины монументального здания. В южной части восточных стен найдены остатки ещё одних ворот, которые вели прямо к развалинам монументальных зданий неизвестного назначения.

В северо-западном углу поселения обнаружены остатки двух башен, у центральных ворот ещё двух башен. Ворота, расположенные в центре северной стены, были укреплены двумя большими башнями. Северные ворота были связаны с каналом, снабжавшим город водой. Вдоль канала, несущего свои воды в город, с севера пролегала дорога. Всё это явно просматривается в рельефе памятника.

На площади поселения явно выделяются два больших холма. Один из них может быть главным местом хранения священного огня. Местное население использовало это место в качестве посевной площади и тем самым памятнику был нанесён вред. В итоге на высоте 2 метров разреза были вскрыты сохранившиеся кирпичи платформы. Такие же кирпичи встречаются в нижних слоях Афрасиаба. Точные размеры холма не сохранились, но можно предположить, что его площадь примерно была равна 70×70 квадратным метрам. Между центральными воротами и этим объектом никаких развалин монументальных зданий не встречается, однако, от южных ворот в сторону холма обнаружен равномерно возвышающийся пандус.

Согласно аналитическим выводам проводившего раскопки исследователя М.Х. Исамиддинова, на месте остатков здания мог находиться зороастрийский храм, потому что он расположен на поверхности высокой платформы в центре поселения. В результате проведённых здесь раскопок над платформой были обнаружены остатки каких-то строений, связанных с использованием огня, что также подтверждает религиозный характер этого здания.

---

[1] *Исамиддинов М.Х.* Истоки городской культуры Самаркандского Согда. – Т.: Фан, 2002; *Джураҡулова Д.М.* Зарафшон водийсининг тош ва бронза даври маданияти. – Т.: Фан, 2011. С. 51–61.

Второй большой холм расположен на юго-востоке площади поселения, состоит из двух ярусов, его площадь равна 200×100 м. На его восточной стороне обнаружены остатки какого-то монументального здания высотой не менее 10 метров. Это здание в форме правильного четырёхугольника размером 100×80 м. С западной стороны к нему примыкает площадь такого же размера. Для определения оборонительного характера здания были проведены шурфы, в разрезе которых выяснилось, что монументальное здание было окружено стенами в 2–2,5 м в толщину. Автор раскопок М.Х. Исамиддинов совершенно справедливо считает, что этот объект может быть резиденцией правителя города. В 70-х годах прошлого века были сделаны аэрофотосъемки из космоса, на которых чётко видны изображения этих двух холмов.

Кроме этого, на площади поселения находятся невысокие, одиноко стоящие сплошные возвышенности, которые хорошо видны рядом с оборонительными стенами. Они являются остатками жилых массивов, ремесленных мастерских. Вблизи входных ворот крепости в низине расположены площадки, от которых в сторону холмов видны хорошо сохранившиеся следы дорог.

За пределами оборонительной стены Коктепа сохранились следы широкого оборонительного рва. На его западной стороне вплотную ко рву расположена плоская возвышенность треугольной формы. К сожалению, она была разровнена и освоена дехканами нашего времени. Судя по керамическим сосудам, этот холм является современником Коктепа. Ещё два таких плоских холма находятся на восточной стороне поселения, которые тоже принадлежат тому же периоду, что и комплекс Коктепа. Древний город был окружён внутренними и внешними оборонительными стенами[1]. За пределами внутренней стены примерно метрах в 500 сохранились следы внешней стены в виде вала. С северной и западной стороны она упирается в канал Булунгур. Следы этого оборонительного сооружения на старой топографической карте обозначены на восточной стороне Коктепа. Вал также охватывает отдельные возвышенности на южной стороне Коктепа[2]. Опираясь на вышеприведённые факты, автор делает справедливое заключение, что Коктепа был одним из самых больших древних городов Согдианы[3].

Действительно, Коктепа был возведённым после Саразма крупным ранним городом Согдианы, к которому вода поступала по естественному руслу. На основе этого русла в античное время был построен канал Булунгур. На севере и западе Коктепа была ещё одна стена, которая упиралась в старое русло. Между внутренней и внешней стеной имелось пустое пространство, что было естественно для практики строительства древних городов. Точно такая картина наблюдается в крепости Калаи-Захоки-Марон, центральная часть которой плотно застроена жилыми массивами, а пространство у второй оборонительной стены пустует[4].

---

[1] *Исамиддинов М.Х.* Истоки городской культуры Самаркандского Согда. – Т., 2002. С. 38.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же; *Сулайманов Р.Х.* Древний Нахшаб. – Т., 2000. С. 26–28.

Если площадь Коктепа определить по второй оборонительной линии, то она составит не менее 100 гектаров. Такое явление связано с практикой строительства ранних городов в древности, которое также наблюдается на примере Джаркутана, крупного и раннего города эпохи бронзы[1].

С целью изучения внешней оборонительной стены в нескольких местах были сделаны разрезы. Оборонительная линия, принятая за крепостной вал, на деле оказалась настоящей большой стеной с кладкой из кирпича. Толщина внешней стены составляла 9 м. Изучение разреза показало, что вал состоит из трёх рядов расположенных близко друг к другу отдельно возведённых стен. Внешняя стена основательно разрушена и её толщина составляет около 3 м. Толщина второй стены – 2,60 см, третьей – чуть больше 3 м. При строительстве этих стен использованы одинаковые крупногабаритные кирпичи. Судя по размерам кирпичей и найденным между стенами керамическим материалам, внешняя стена Коктепа возведена в период Древней Согдианы и датируется VII веком до н.э.

Во время полевых исследований, проведённых в течение трёх сезонов, на территории Коктепа в 5 точках были заложены стратиграфические шурфы и в 6 пунктах проведены широкомасштабные раскопки. Данные стратиграфических шурфов и материалы археологических комплексов, добытые в культурных слоях, показали, что поселение Коктепа можно изучать, разделив его на три хронологических периода. Первый период – Коктепа I (период поздней бронзы), второй период – Коктепа II (период раннежелезного века), третий период – Коктепа III (античный период).

Первый объект раскопок был расположен в центре поселения, на месте предполагаемого храмового комплекса размером 70×70 м. По данным материалов аэрофотосъёмок, к этой центральной возвышенности с севера и северо-запада примыкал плоский холм правильной четырёхуголной формы. Плоская поверхность этих двух расположенных рядом объектов оказалась двором монументального храма.

К сожалению, 80% холма с восточной стороны разрушено, от примыкающей к основному зданию частей каждый год отдирался дёрн, тем самым нанося памятнику ощутимый урон. После вскрытия площади холма в его разрезе была обнаружена отвесная стена, возведённая из блоков. Каждый блок состоял из двух или трёх рядов огромного размера кирпичей. Кирпичи были помечены знаками «0» и «Ф». Такие же знаки встречаются на кирпичах нижних слоёв Афрасиаба. Но среди этих знаков в Афрасиабе больше встречаются печати с цифрой «8». Высота дошедшей до нас блочной кирпичной стены более 2 метров.

Когда юго-восточная часть площади раскопок была очищена от обломков кирпичей, под ним был обнаружен пол здания. На поверхности пола было открыто основание платформы, а под ним керамические обломки с разноцветными узорами. Под полом был открыт мягкий слой земли с пеплом, толщиной не менее 2 метров, под которым находился обгоревший от сильного огня ещё один пол. От уровня второго пола была вырыта яма, полная органического перегноя. При

---

[1] *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура Южного Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 46–48.

очистке ямы были найдены обломок каменного серпа, точильный брусок и множество глиняных черепков с разноцветными узорами.

Таким образом, в результате проведённых в центральной части Коктепа исследований были обнаружены развалины монументального здания, где располагался комплекс зороастрийского храма. Обнаруженный под кирпичной платформой толстый слой мягкой земли вперемешку с золой свидетельствует о том, что на этом месте располагался храм огнепоклонников.

На востоке от храма в микрорельефе поселения выделяется двухъярусный холм площадью 200×100 м. К сожалению, его западная сторона когда-то была разрушена современной техникой. Когда был очищен разрез именно в этом месте, то были обнаружены остатки кладки толстой стены. Эта стена была частью монументального здания, под полом здания была открыта стена, возведённая в два кирпича.

Для того чтобы полностью открыть это монументальное здание и определить его стратиграфию, площадь раскопок на этом объекте была увеличена до 10×7 м и раскопки продолжились вестись по ярусам. В итоге под полом этого монументального здания был обнаружен слой мягкого пепла толщиной в 2–2,5 м. В процессе раскопок в этом слое были найдены множество цветных, узорчатых глиняных черепков и остатки трёх полуземлянок, выкопанных в материке. Были также видны остатки четвёртой землянки. Землянки были наполнены культурным слоем сероватого цвета, состоящим из двух горизонтов. Горизонты свидетельствуют о наличии в землянке двух полов.

Таким образом, в первой землянке было обнаружено два пола. Первый пол землянки находился на глубине 3 м от уровня раскопок, под которым слой сероватого пепла пролегал на глубину ещё 30–35 см. Поверхность материка выполняла роль второго пола. На поверхности пола обеих горизонтов были найдены обломки керамики, кости животных, точильные бруски, зернотёрки и другие каменные орудия, которые принадлежали носителям культуры лепной расписной керамики.

Среди находок в керамическом кувшине были найдены кусочки шлака. Эта уникальная находка свидетельствовала о том, что глиняные сосуды обжигались не на открытом огне, а в специальных двухъярусных печах.

Вторая землянка была в форме овала, длиной 3,2 м и состояла из двух частей. В северной части был открыт «амбар» диаметром не менее 130 см. Пол землянки был на глубине 295 см от её уровня. Как и в первой землянке, на полу среди комплекса из камня и керамики были найдены ошлакованные куски печей. Судя по составу культурного слоя в землянке разжигался сильный огонь, о чём говорит и толстый слой чёрной сажи. По характеру слоя пепла можно определить, что землянки накрывались войлоком, от сгорания которого и образовался мягкий маслянистый пепел.

Третья землянка выполнена в форме удлинённого овала (370×200 см). В её мягком культурном слое, разделённом на три горизонта, встречаются фрагменты керамики, кости животных, каменная тёрка и обломки каменного серпа. От четвёртой землянки сохранилась только её восточная часть, остальная часть была разрушена и исчезла.

Таким образом, исходя из стратиграфии и характера археологических материалов землянок, обнаруженных в результате раскопок, Коктепа первоначально была освоена в периоде Коктепа 1, носителей лепной расписной керамики. Вначале они жили в полуземлянках. По неизвестным нам причинам в период Коктепа 1 произошёл сильный пожар, о чем свидетельствует слой чёрного пепла примерно в 10–15 см. Спустя некоторое время жизнь в Коктепа вновь возобновилась и на поверхности слоя пепла образовались новые культурные слои, толщина которых составляла 100–120 см, а в некоторых местах доходила до 150 см. Обнаруженные в верхнем слое археологические материалы практически ничем не отличаются от материалов нижнего слоя. Та же расписная керамика, обломки каменных серпов, точильные бруски, которые можно рассматривать как второй хронологический этап одного исторического периода. Но в этом горизонте не были обнаружены следы полуземлянок. Культурный слой этого периода, в отличие от нижних комплексов, сохранился лучше. С целью датировки культуры лепной расписной керамики, из-под фундаментов стен, построенных на культурном слое этих двух этапов, были взяты образцы для радиокарбонного анализа. Анализ был проведён в лаборатории научных исследований французского национального центра, который показал, что материалы обоих этапов датируются одинаково – 2690+50 лет. Исследователь Коктепа М.Х. Исамиддинов период культуры лепной расписной керамики в хронологической шкале памятника определил как Коктепа. Здесь представлена лепная расписная керамика эпохи финальной бронзы Чустского типа, памятники аналогичной культуры характерны для историко-культурных областей Сырдарьинского бассейна. Первоначально она сложилась в Древней Фергане в результате перехода части местных сакских племен на оседлый образ жизни возле водных источников в северо-восточной части долины. Истоками происхождения эта культура позднебронзового века не характерна для южных областей Средней Азии и Харасана (см. рис. 14).

Монументальное здание, воздвигнутое над слоями Коктепа I, было окружено двойной стеной, посредине которой находился коридор. Это здание, построенное на основе чёткого плана, имело высокий фундамент в двух ярусах. Не исключена возможность, что это монументальное здание было резиденцией правителя города или первых согдийских ихшидов.

Таким образом, сооружение этого поселения в форме квадрата, его внутренние и внешние оборонительные стены монументального характера, оформление центральных входных ворот башнями, сохранение следов канала, сооружение в центре города главного храма огнепоклонников, который был построен на поверхности мощной платформы, проведение к нему пандуса от центральных ворот, расположение под ним храма периода Коктепа I, существование второго холма на юго-востоке от площади поселения размером 200×100 м, возведение на его площади другого монументального здания в форме правильного четырёхугольника (100×80 м) высотой не менее 10 м (Коктепа II), строительство вокруг него оборонительной стены толщиной 2–2,5 метра свидетельствуют о том,

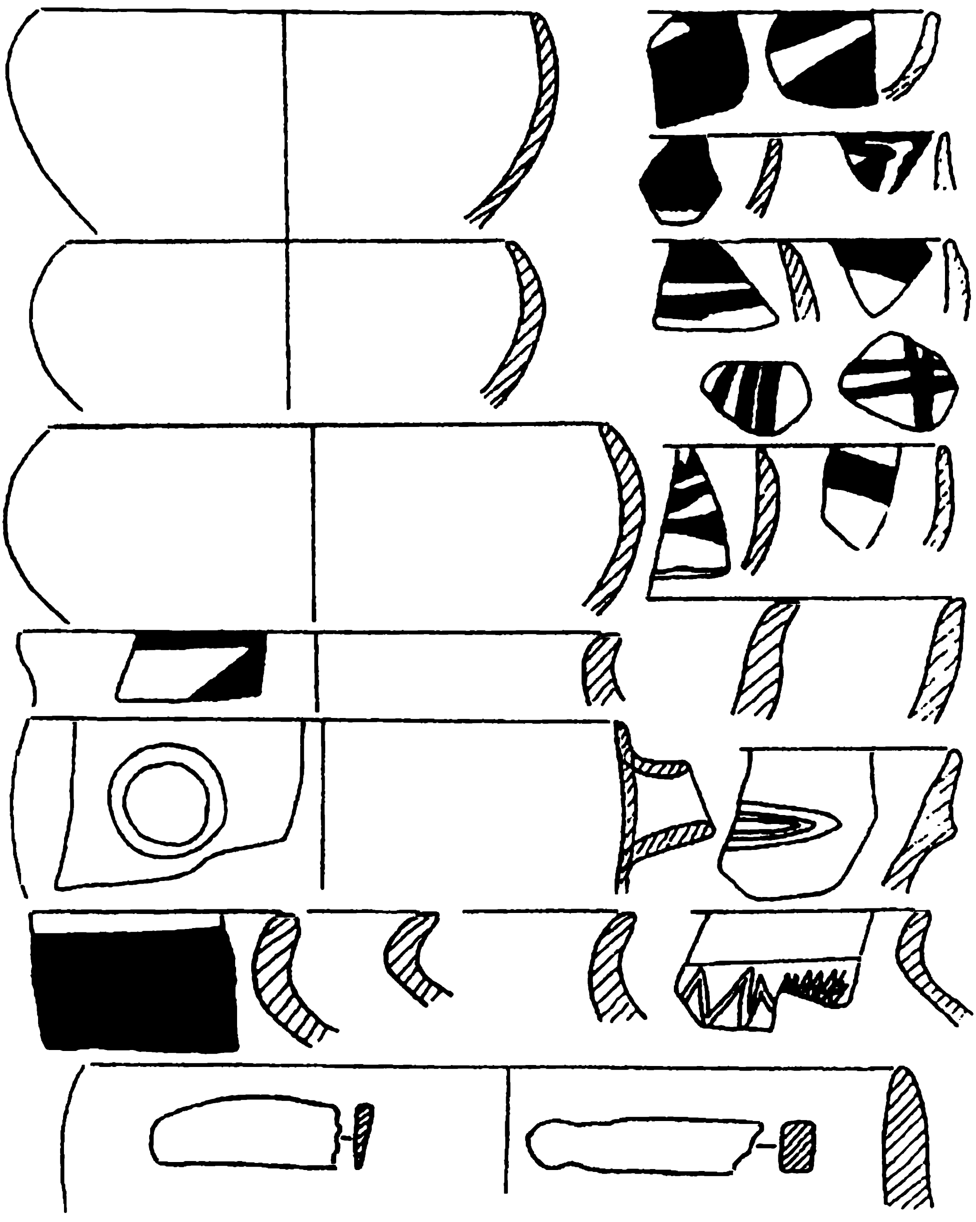


Рис. 14. Археологический комплекс Коктепа I (Самаркандская область)

что Коктепа в своё время был крупным ранним городом эпохи поздней бронзы и раннежелезного века. Кроме этого к вышеперечисленному следует добавить существование отдельно стоящего ряда жилых домов и ремесленных массивов, сохранение следов широкого крепостного рва за пределами внутренней оборонительной стены и, наконец, находки под ним периода Коктепа I толщиной 1–1,5 м.

К сожалению, в период Коктепа III город превращается в руины. Материалы этого периода встречаются в виде фрагментов керамики, смешавшихся с материалами верхнего горизонта Коктепа II. Возможно, упадок этого некогда процветающего города связан с военными походами Александра Македонского последней четверти IV в до н.э.

Раннегородская культура периода раннего железа в Центральном Согде сложилась в древнем Самарканде – Афрасиабе, на поселениях Кургонча, Лолазор и других местах[1]. В пункте Лолазор обнаружены следы канала конца VII века до н.э. Согласно утверждению авторов раскопок, канал пролегал через площадь Регистан старого города к Сиябскому базару, затем протекал по возвышенностям Афрасиаба и у мечети Хазрати Хизр разветвлялся на три рукава в северном, северо-западном, юго-восточном направлении и снабжал водой весь город. Во время проведения археологических исследований в разных местах Афрасиаба были найдены развалины монументальной оборонительной стены (VI век до н.э.), окружавшей древний город, а в самой стене и вокруг нее обнаружены фрагменты керамики древнесогдского периода, изготовленной на гончарном круге. Всё это вместе с комплексами Коктепа II характеризует период – Древнесогдийскую культуру, т.е. раннегородскую культуру Согдианы (рис. 15).

б) Памятники раннежелезного века в долине Кашкадарьи. Как уже отмечалось выше, Кашкадарьинский оазис был расположен на рубежах Южного Согда. Памятники древней земледельческой культуры на этой территории найдены и изучены в 32 местах. Часть из них открыта С.К. Кабановым в 50-х годах прошлого века в нижнем течении бассейнов реки Яккабаг и Танхоздарья[2]. В начале 1970-х годов на берегу Чимкурганского водохранилища были обнаружены и изучены поселения Джартепа-2[3] и Чиракчитепа[4]. Вещественные источники материальной культуры раннего железного века были найдены в нижних слоях развалин древнего города Еркурган[5]. В 1976–1979 годах А. Сагдуллаев в двух культурно-хозяйствен-

---

[1] *Шишкина Г.В.* Самарканд во второй половине I тысячелетия до новой эры. // «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докл. – Т.: Фан, 1979. С. 11–13; *Буряков Ю.Ф.* Поселение Лолазор – предшественник на Афрасиабе. // «К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда». – Т.: Фан, 1981. С. 7–22.

[2] *Кабанов С.К.* Археологические разведки в Шахрисабзском оазисе. ИАН Уз ССР, № 6. – Т., 1951. С. 61–68; Он же. Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи. ТИИА АН Уз ССР, вып. 7. – Т., 1955. С. 77–114.

[3] *Усманова З.И.* К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш. ИМКУ, вып. 10. – Т., 1973. С. 52–57.

[4] Дуке Х. Чиракчинское поселение. ИМКУ, вып. 17. – Т., 1982. С. 19–29.

[5] *Исамиддинов М.Х.* Стратиграфия древнейших слоёв Еркургана. ИМКУ, вып. 17. – Т., 1982. С. 60-77; *Исамиддинов М.Х., Сулайманов Р.Х.* Еркурган (стратиграфия и периодизация). – Т., 1984; *Сулайманов Р.Х.* Древний Нахшаб. – Т.: Фан, 2000. С. 24–26.

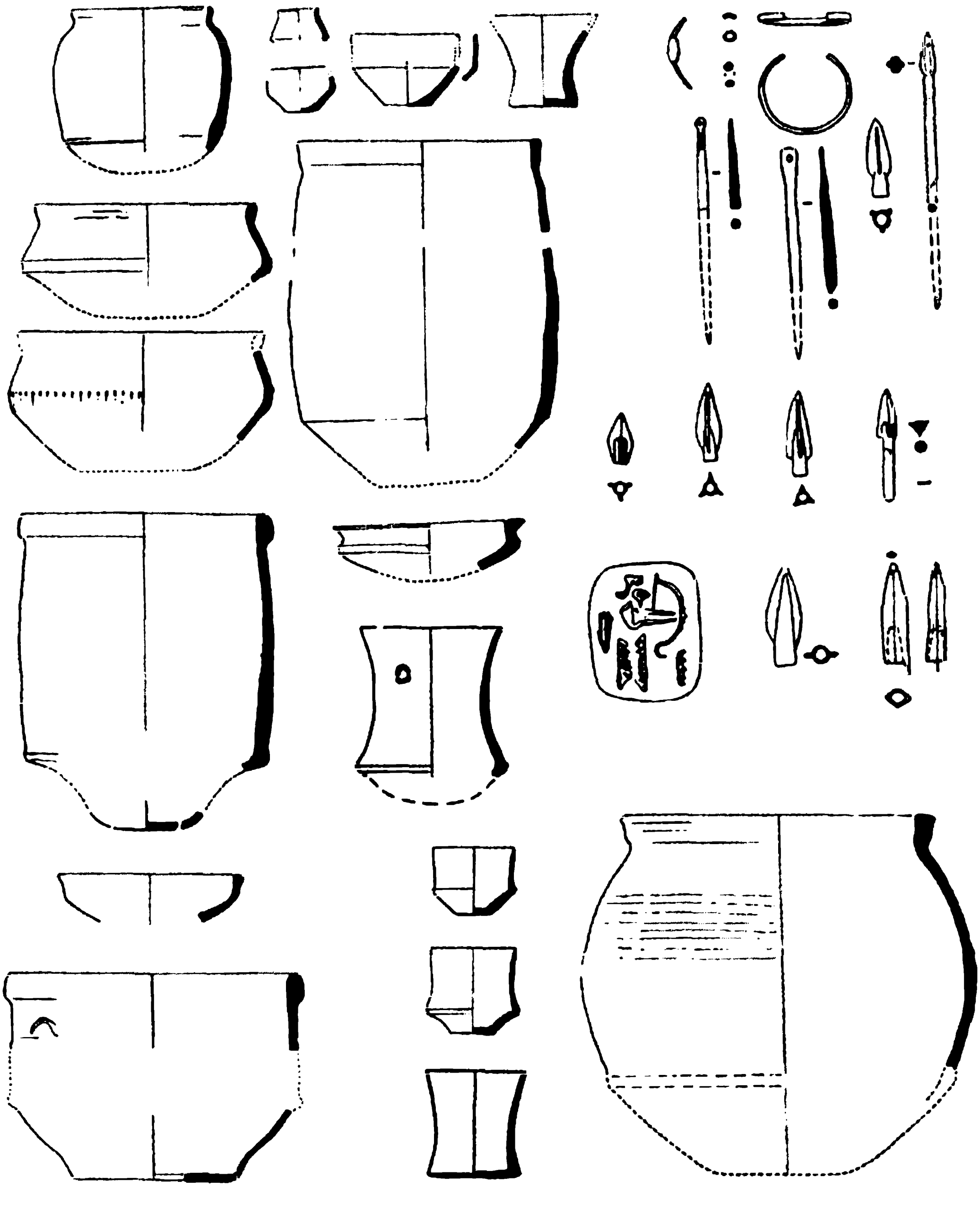


Рис. 15. Комплекс археологических материалов культуры Древнего Согда (Согдиана)

ных оазисах Кашкадарьинской долины находит 9 поселений древних земледельческих племён и на одном из них – Даратепе проводит широкомасштабные раскопки[1]. Памятник, нижние слои которого относятся к эпохе поздней бронзы и раннежелезного века, изучен в Турткультепа[2]. В 1986–1992 годах археологический отряд во главе с А. Сагдуллаевым проводит широкомасштабные раскопки в поселениях Узункир и Сангиртепа.

Таким образом, на основе научного анализа памятников раннежелезного века был сделан ряд важных выводов о происхождении древней земледельческой культуры Южного Согда и географии его распространения, о хронологических датах памятников эпохи раннего железа, об оборонительных сооружениях и жилых комплексах, о ранних урбанистических процессах, экономических и культурных основах государственности Древнего Согда.

На основе исследований стало известно, что в Южном Согде, как и в Северной Бактрии, поселения оседлого населения образовались в среднем и нижнем течении бассейна Кашкадарьи, предгорных районах, на берегах горных речек. Они образуют 7 (Кайрагач, Гульдарьинский, Шурабсайский, Танхоздарьинский, Кызылдарьинский, Еркурганский, Нишанский) древних земледельческих микрооазисов[3]. Три из них (Шурабсай, Кизилдарьинский, Гулдарьинский) сложились в начале I тысячелетия до н.э. и некоторые из них имели крепостные укрепления, к которым примыкало по нескольку сельских поселений. Эти сельские поселения не были окружены сплошной оборонительной стеной (Янгитепа, Чиракчитепа, Турткультепа). В нижних слоях этих холмов встречаются керамические обломки, изготовленные вручную, без использования гончарного круга.

К периоду Древнего Согда продолжается освоение оазиса земледельческими общинами и образуется ещё четыре древних земледельческих оазиса. Среди них особо выделяется поселение Сангиртепа, состоящее из Арка и примыкающих к нему отдельно стоящих холмиков – селения нескольких патриархальных родовых общин. Арк площадью 3 га окружен глинобитной стеной, а вокруг сельских поселений не было оборонительных стен, до нас они дошли в виде обычных холмов.

Недалеко от Сангиртепа (в 650 метрах) на берегу Шурабсая расположены развалины крепости Узункир. Ее оборонительная стена длиной в 61 м вначале была возведена из сырцового кирпича (50–52×24–5×16–8 см) и укреплена башнями. Оборонительные стены и комнаты внутри башен украшены пилястрами и снабжены бойницами. На этапе Узункир II вплотную к внутренней стене

---

[1] *Сагдуллаев А.С.* Древнесогдийские памятники. АО 1978 года. – М., 1979; Он же. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи. СА № III, 1984; Он же. Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа (некоторые итоги исследований в 1976–1986 гг.) «Культура юга Узбекистана в древности и средневековье». – Т., 1987. С. 3–16.

[2] *Исамиддинов М.Х., Райимкулов А.* Турткультепа – новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согде. «Археологические работы на новостройках Узбекистана». – Т.: Фан, 1990. С. 30–38.

[3] *Лушпенко О.И.* Раннежелезный век Южного Согда. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1998. С. 7–8.

была пристроена ещё одна глиняная стена толщиной 1,6 м. В итоге бойницы первой стены закрылись, действуюшими оставались только бойницы в башнях. А на этапе Узункир III также вплотную была воздвигнута ещё одна глиняная стена толщиной 1,2 м. В результате толщина оборонительной стены крепости Узункир, построенная в форме Авестийской вари, достигла 4,65 м и придала ей монументальный характер. Изучить расположенные вдоль стен крепости жилые комплексы не представляло возможности, потому что эта часть поселения была распахана под сельскохозяйственные угодья.

Ещё одним уникальным памятником Южного Согда является Даратепа, состоящий из арка (цитадели) площадью 0,5 га и шахристана (площадь – 10 га), вокруг последнего не было никакой стены. Во время раскопок арка Даратепа были изучены развалины монументального здания и жилые помещения родовых общин, построенные из пахсы и сырцового кирпича.

В результате исследования этих поселений (Сангиртепа, Даратепа и Узункир) был выявлен план, особенности способов и приёмов архитектурного строительства Древнего Согда, изучена оседлая жизнь и высокоразвитая культура наших предков, проживавших в Кашкадарьинской долине в эпоху раннего железа[1].

Каждый из них носит специфические и хронологические особенности. Исследователи выявили, что культурные слои Сангиртепа подразделяются на два хронологических этапа (Сангир I, II), а Узункир и Даратепа – на три (Узункир I, II, III, Дара I, II, III)[2]. Сангиртепа и Узункир освоены в период Сангир 1 и Узункир 1, хронологические рамки которых охватывают период с конца IX – VIII век до н.э. Керамика этого этапа в основном лепная, напоминает керамический комплекс Коктепа I. Но в комплексе керамики Сангир I встречаются фрагменты керамики, изготовленной на гончарном круге. Это цилиндроконические хумы и кувшины, чаши полусферической формы высокого качества. А в слоях Узункир I изготовленная гончарным способом керамика не обнаружена. Значит, слои Сангир I приходятся на позднюю фазу этапа Узункир I.

На этапе Сангир II резко уменьшается количество керамических сосудов, изготовленных лепным способом. На этапе Узункир II керамические изделия изготовляются на гончарном круге, представленны в основном хумами и кувшинами цилиндроконической формы, тазами и биконическими чашами. Иногда ободку этих сосудов придан светло-коричневый фон (ангоб). Венчики хумов и кувшинов имеют волнообразное оформление. Изготовленные на гончарном круге чашки полусферической формы получают широкое распространение на этапе

---

[1] *Лушпенко О.И.* Раннежелезный век Южного Согда. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1998. С. 8–11.

[2] *Сагдуллаев А.* Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа (некоторые итоги исследований в 1976–1986 гг.). «Культура юга Узбекистана в древности и средневековье». – Т., 1987. С. 3–16; О н ж е . Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика). Автореф. док. дисс. – М., 1989. С. 45; *Лушпенко О.И.* Раннежелезный век Южного Согда. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1998. С. 11–15.

Сангир II и Узункир II. В комплексе керамики Узункир II встречаются биконические миски с крючкообразным венчиком. Комплексы Сангир II и Узункир II относятся к VII–VI векам до н.э. Комплекс керамики Узункир III в основном состоит из подъёмных материалов, собранных на развалинах стен, датированных V–IV веками до н.э. Эти керамические материалы (Узункир II, III, Сангир II) характеризуют период культуры Древнего Согда (см. рис. 15).

На склонах Яккабагских гор было открыто и исследовано поселение Даратепа. Раскопки в нем показали, что жилые комплексы памятника построены из кирпича и пахсы. В центре вскрытого одного из помещений была обнаружена ямка от сандала с беловатым пеплом. Аналогичные сандальные ямки с пеплом встречались и в жилых комплексах Сапаллитепа, что свидетельствует о ранней отопительной структуре домов эпохи бронзы и раннего железа в общине древних земледельцев.

Было определено, что комплекс керамики Дара I относится к начальной фазе Сангир II и Узункир II. Керамика Дара I состоит из сосудов, изготовленных на гончарном круге и лепным способом. Ручки керамических казанов на этапе Дара I не отличаются от ручек казанов периода Узункир II. Изготовленный на гончарном круге керамический комплекс Дара I характеризуется хумами, кувшинами, кубками, биконическими чашами и банкообразной посудой. Отмечается схожесть кубковидных сосудов Дара II и Сангир II. Присущие поселению Даратепа высокие и небольшие биконические чаши в Сангиртепа и Узункире не встречаются. Их можно рассматривать в качестве керамики Дара III. В целом археологический комплекс Даратепа датируется VI–IV веками до н.э.

В результате сравнительного изучения керамики Узункир, Сангиртепа и Даратепа было выяснено, что комплекс Даратепа был освоен в период Узункир II и Сангир II и городская жизнь в этом поселении продолжалась в V–IVвеках до н.э.[1]

Таким образом, можно предположить, что поселения Узункир, Сангиртепа и Даратепа были ранними городами Южного Согда, через которые пролегал древний караванный торговый путь из Самарканда в Бактрию. По этой причине эти города с их военными укреплениями, ремесленными центрами имели большое значение для развития торговых отношений этой области.

Изучая памятники раннежелезного века, А. Сагдуллаев приходит к выводу, что упоминаемые в связи с военными походами Александра Македонского Наутака и Ксениппа в своё время были не только крупными городами Южного Согда, но, согласно восточным традициям, означали и названия областей. Если предположить, что Наутака является частью Кешской области, то развалины монументального сооружения дворцовой формы, расположенной на территории Сангиртепа, можно локализовать с городом Наутака. А Узункир считается огромной военной крепостью области Наутака. Сангиртепа и Узункир располагались очень близко друг к другу (650 м), что подтверждает обоснованность наших предположений.

[1] *Лушпенко О.И.* Раннежелезный век Южного Согда. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1998. С. 14–15.

Ксениппа расположена на территории Нахшабской области Южного Согда, прилегающего к степям нижней Кашкадарьи. В пределах этой области, между современными городами Карши и Косон, расположено городище Еркурган. Группа археологов во главе с профессором Р.Х. Сулаймоновым провели широкомасштабные исследования в Еркургане и изучили этот город раннежелезного века. На этом городище были обнаружены и изучены остатки дворца, храма, жилые комплексы, изделия высокоразвитого ремесленного производства и другие. Известный специалист по проблемам ранних городов и государственности Южного Согда профессор А. Сагдуллаев считает, что Еркурган, окружённый крепостными стенами и с отдельно стоящей усадьбой правителя, является городом Ксениппа и центром области Ксениппа[1].

VI.4. Древний Хорезм

Древний Хорезм располагался в низовьях Амударьи, то есть охватывал часть территории Республики Узбекистан, территорию находящейся в его составе Республики Каракалпакстан, а также Ташаузскую область Республики Туркменистан. Урбанистические процессы на этой земле начались несколько позже, чем в Бактрии и Согдиане.

По нижнему течению реки Амударья на сильно увлажнённых плодородных землях до VI века до н.э. жили наши предки – кочевые племена сако-массагетов. Первые ростки ранней государственности в Древнем Хорезме стали пробиваться в период Амирабадской культуры (X–VIII века до н.э.), но земледелие здесь всё ещё находилось в зачаточном состоянии. Амирабадская культура ещё не получила широкого распространения по всему региону. Памятники археологической культуры типа Якка-Парсон-2 нигде, кроме низовьев Амударьи, не встречаются. В бескрайних низовьях Амударьинского региона всё ещё развивалась страна, где господствовала культура кочевых сако-массагетов. Значит, вопреки существующим представлениям, в период Амирабадской культуры в бассейне нижнего течения Амударьи ещё не образовалась цивилизация Древнего Хорезма, всецело основанная на системе многократного поливного земледелия.

Плодородные голые массивы земли этого региона всё ещё использовались под пастбища скотоводческими племенами Куйисайской культуры. Возможно поэтому знаток истории Древнего Хорезма С.П. Толстов назвал этот регион родиной ариев – «Арьянам Вайчах».

Как утверждают лингвисты-авестоведы, Арьянам Вайчах по своим климатическим условиям был священной родиной кочевых скотоводческих общин. Во второй половине II тысячелетия до н.э. эти племена в поисках всё новых и новых пастбищ вторгаются в южные регионы. В результате этой миграции в центральных областях Средней Азии и в ее окрестностях начинаются этногенетические процессы. В основе миграции древних народов лежали различные объективные

---

[1] *Сагдуллаев А.С.* Қадимги Ўзбекистон илк ёзма манбаларда. – Т., 1996. С. 78–80.

причины, которые происходили в различных направлениях и имели непрерывный характер. Присущий психологии кочевых скотоводов воинственный дух способствовал межплеменным столкновениям, что привело к раннему вторжению в эти регионы оседлой земледельческой культуры. Иногда происходили процессы миграции исключительного характера, связанные со стихийными бедствиями или с захватнической политикой некоторых воинственно настроенных правителей.

Межрегиональная хозяйственная специализация в общественной и экономической жизни также приводила к активизации миграционных процессов между племенами и народностями. По вышеуказанным причинам, благодаря политике ахеменидского царя Дария I в последней четверти VI века до н.э. происходит миграция хорасмийцев с долины Херируд к низовьям Амударьи. Сведения об этом содержатся в книге «Путешествие» Скилака, который служил при дворе Дария I. Он в течение 7 лет (519–513 гг. до н.э.) по поручению Дария 1 совершил поход по горным тропам Гиндукуша и оставил ценные сведения о миграции хорасмийцев к низовьям Амударьи. Ознакомившись его книгой «Путешествие», Гекатей Милетский (VI в.до н.э.) в своём произведении «Землеописание» в части, посвящённой Азии, воспользовался сведениями Скилака.

Геродот, со ссылкой на Гекатея, в своей «Истории» приводит следующие сведения о хорасмийцах: «Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горой, а через эту гору ведут пять узких проходов. Эта долина принадлежала некогда хорасмиям; хорасмийцы территориально граничат с гирканами, парфянами, сарангами и фанамеями. Со времени же персидского владычества они подвластны персидскому царю. Так вот, с этой окружающей [долину] горы стекает большая река по имени Акес. Эта река, разделенная на пять рукавов, прежде орошала земли упомянутых народов, так что из каждого прохода вытекал свой рукав. Однако со времени подчинения персам эти народы перестали платить дань и очутились вот в каком положении. Царь повелел закрыть горные проходы и построить на каждом шлюзы. Поэтому вода не могла больше вытекать [через проходы], и долина, окруженная горами, обратилась в озеро, так как река разливается по равнине, но выхода не имеет. Так вот, те племена, которые прежде пользовались этой водой для орошения, стали терпеть ужасные лишения. Зимой, конечно, божество, как и в других местах, посылает также и им дожди; летом же просо и сесам, которые они сеют, постоянно испытывают недостаток влаги. Когда нет уже больше воды, они едут в Персию вместе с женами и, остановившись перед вратами царского дворца, начинают громко и жалостно вопить. Царь же, видя крайнюю нужду просителей, велит открыть шлюзы, ведущие в их страну. Когда же их земля вдоволь напитается водой, царь приказывает опять закрыть шлюзы и открыть другие, ведущие в землю тех племен, которые больше всего после них нуждаются в воде. Однако, как я узнал, царь взимает за открытие шлюзов большие суммы денег (сверх податей). Так обстоит дело»[1].

О первой родине хорасмийцев и их местоположении писали Степан, Страбон, Афиней. По их сведениям, хорасмийцы жили на юге Бактрии, на востоке от пар-

---

[1] *Геродот.* История. Том III. 117.

фян, в верхнем течении реки Херируд-Теджен, в долине современного Герата. По данным письменных источников, когда были перекрыты горные проходы, откуда вытекали рукава рек, земли хорасмийцев оказались под водой и большая часть населения переселилась к низовьям Амударьи. Это привело к образованию этнотопонима Хорезм в нижнем течении Амударьи, в стране массагетов.

Искусные земледельческие общины Хорасмии в ведении орошаемого земледелия не уступали маргушам и бактрийцам, жившим в эпоху бронзы. По мнению учёного-источниковеда И. Маркварта, до образования империи Ахеменидов Сейистан (страна сарангов) в северо-восточном Хорасане, Арахосия (страна фанамеев), парфяне и Гиркания под предводительством хорасмийцев совместно образовали политическую конфедерацию «Большой Хорезм», северные границы которого простирались до среднего течения Амударьи. Раннегородская культура на этих землях образовалась в эпоху бронзы. За тысячу лет до образования поливного земледелия в Древнем Хорезме, эти страны уже являлись локальными очагами цивилизации Древнего Востока.

Появление в нижнем течении Амударьи хорасмийцев, имеющих большой опыт и квалификацию в ведении земледельческого хозяйства, освоение ими в дельте Амударьи земель вдоль каждого рукава и речки, приводило к образованию всё новых и новых сельских поселений (в Авесте – «висов»). Вокруг каждого населённого пункта – «виса», появляющихся вдоль русла рек, постепенно основывались хорасмийцы и возникали в дельтах рек и ручейков новые поселения.

В связи с ускорением освоения земель в низовьях Амударьи (теперь в Древнем Хорезме) образуются десятки урбанизированных населённых пунктов – ранние города, местные культурно-хозяйственные центры на основе искусственного орошаемого земледелия. Если в период Амирабадской культуры земледельцы на начальном этапе перехода к оседлой жизни проживали в землянках, то с появлением в нижнем течении Амударьи хорасмийцев воздвигаются крепости, окружённые монументальными стенами. Население Амирабадской культуры Древнего Хорезма, смешавшись с хорасмийцами, под их влиянием начинают теперь жить в жилищах, построенных из пахсы и сырцового кирпича. Этот процесс начинается в нижнем течении бассейна реки Амударьи с VI века до н.э. Если в период Амирабадской культуры земледелие основывалось на водном ресурсе отмирающих широких дамбированных потоков русел, то с приходом сюда хорасмиев стала формироваться культура ирригационного земледелия.

Многочисленные потоки русел низовьев Амударьи постепенно превратились в искусственные каналы, из которых вырастали Кальтаминар, Тазабагъяб, Суярган, Амирабад, Чирманёб, Палванёб, Хазарасп, Ярмиш, Савкан и другие большие и малые искусственные оросительные сооружения, которые были возведены на протоках Амударьи, формируются десятки микрооазисов. В каждом из этих оазисов выделяется центральный город, объединивший вокруг себя сельские поселения. Значит, в VI веке до н.э. в Древнем Хорезме начинается процесс зарождения ряда культурно-хозяйственных центров, возникших на их основе зем-

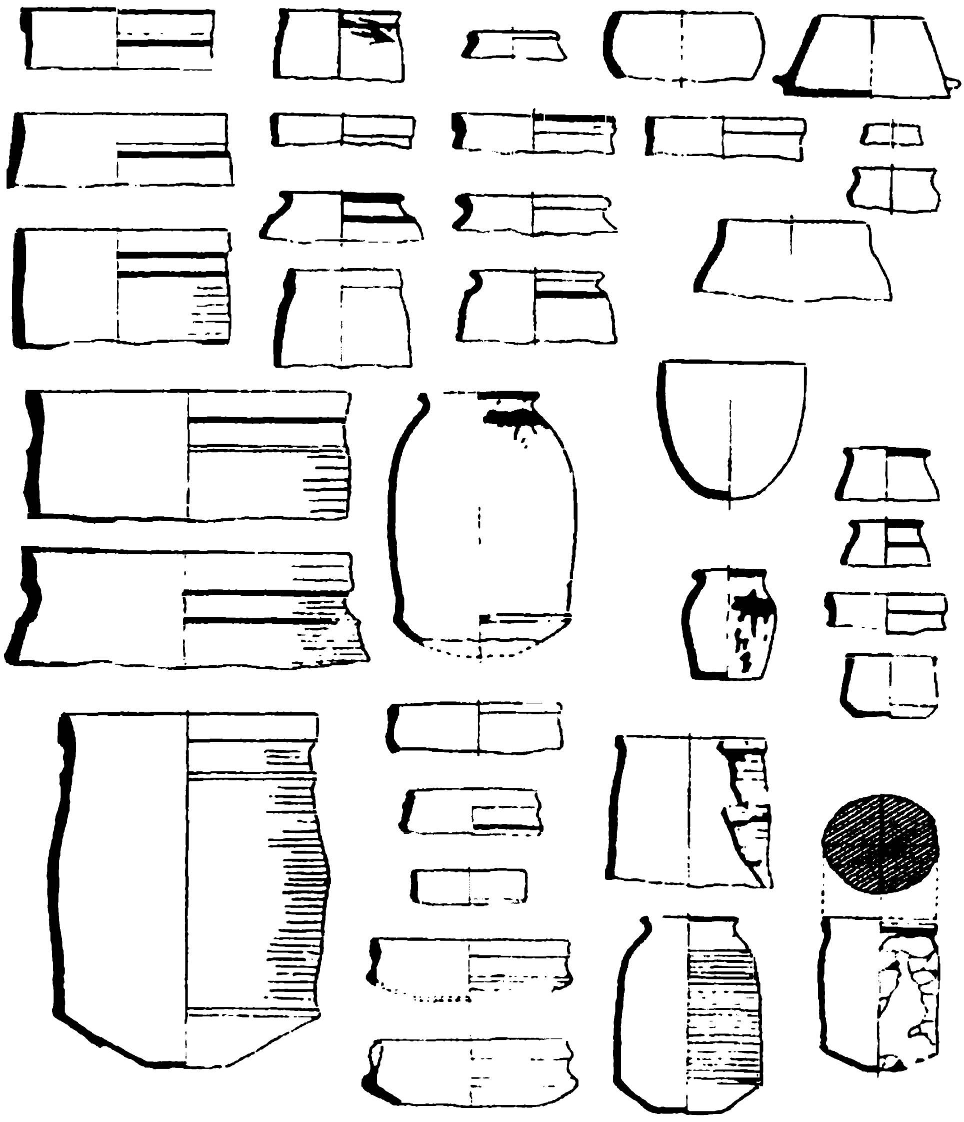


Рис. 16. Комплекс керамики архаической культуры Древнего Хорезма

ледельческих микрооазисов. Образовалось специфическое гончарное ремесло пришлых хорасмийцев и тем самым в низовьях Амударьи были заложены основы Древнехорезмийской цивилизации (рис. 16). Х.Х. Матякубов[1], изучивший следы и территориальное расположение цивилизации Древнего Хореза, выделяет два хронологических этапа: 1) земледельческие микрооазисы, возникшие в VI веке

[1] *Матяқубов Х.Х.* Ўзбек давлатчилигининг илк босқичларида Қадимги Хоразм. Намзодлик дисс. автореферати. – Т., 2012. С. 14–15.

до н.э. – Кузаликир[1], Хазарасп[2], Канхакалъа[3], Бутентау[4], Кушкалъа[5], Одойтепа[6], Хумбузтепа[7]; 2) земледельческие микрооазисы, которые образовались в Древнем Хорезме в V веке до н.э.: Калъаликир[8], Тузкир[9], Ойбуйиркалъа[10], Хива[11], Дингильжа[12], Бозоркалъа[13] и другие.

В конце V – начале IV века до н.э. вокруг земледельческих оазисов воздвигаются всё новые и новые памятники, что приводит к возникновению крупных ирригационно-земледельческих массивов, связанных между собой едиными магистральными оросительными каналами. Этот процесс получил интенсивное развитие в особенности на правом берегу бассейна Акчадарья, где расположены такие поселения, как Бургуткалъа, Топраккалъа, Якка-Парсон, Каткалъа, Ташхирман и другие.

Одним из самых хорошо изученных в Древнем Хорезме развалин древнего города считается Кузаликир. С.П. Толстов датировал Кузаликир VII–VI веками до н.э.[14], а В.М. Массон – V– началом IV века до н.э.[15] Ю.А. Рапопорт и О.Г. Вишнев-

---

[1] *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. С. 96–104; *Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А.* Городище Кюзелигыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. // ВДИ, № 2. – М., 1997. С. 150–173.

[2] *Воробьёва М.Г., Лапиро-Скобло М.С.* Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. МХЭ, вып. 6. – М., 1963. С. 137–180; *Мамбетуллаев М.М., Абдиримов Р.* Исследование Хазараспа. «Культурное наследие Средней Азии». – Т., 2002. С. 165–167.

[3] *Дурдыев Д.* Археологическое исследование на территории Ташаузской области. «Каракумские древности», вып. V. – Ашхабад, 1977. С. 137–138.

[4] *Бижанов Е.Б., Ходжаниязов Г.К.* Археологический комплекс Бутентоу. «Археология Приаралья», вып. VI. – Нукус, 2003. С. 32–60.

[5] *Пилипко В.Н.* Раскопки в Дейнауском районе Чарджувской области. АО, 1974 года. – М., 1975. С. 527.

[6] Там же. С. 528.

[7] *Болелов С.Б.* Некоторые итоги археологических работ на Хумбустепе. ОНУ № IX–X. – Т., 1999. С. 85–90.

[8] *Толстов С.П.* Древности верхнего Хорезма. // ВДИ №1 (14). – М., 1941. С. 178; Он же. Городище с жилыми стенами. КСИИМК, вып. XVII. – М, 1947. С. 3–8; *Рапопорт Ю.А., Лапиро-Скобло М.С.* Раскопки дворцового здания на городище Калъалигыр I в 1958 г. «МХЭ», вып. 6. – М., 1963. С. 141.

[9] *Толстов С.П.* Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 гг. «ТХАЭЭ», том II. – М., 1948. С. 26; Низовья Амударьи, Саркамиш и Узбой (История формирования и заселения). «МХЭ», вып. III. – М., 1960. С. 167; *Юсупов Х.* Путеводитель по археолого-архитектурным памятникам Ташовузской области. – Ашхабад, 1989. С. 21–22.

[10] *Мамбетуллаев М.М.* Городище Большая Айбуйиркалъа (Раскопки 1976-1977 и 1981 гг.) // «Археология Приаралья», вып. IV. – Т., 1990. С. 91–110.

[11] *Мамбетуллаев М.М.* Хива антик даврда (мил. авв. VI-мил. II асрлар). // Бухоро ва Хива шаҳарларининг 2500 йиллигига бағишланган халқаро симпозиум тезислари. – Т., 1997. С. 170–171.

[12] *Воробьёва М.Г.* Дингильже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме. «МХЭ», вып. IX. – М., 1973.

[13] *Толстов С.П.* Древности верхнего Хорезма. // ВДИ №1 (14). – М., 1941. С. 160–166; Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. С. 60–64.

[14] *Толстов С.П.* Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 гг. «ТХАЭЭ», том II. – М., 1958. С. 146-149.

[15] *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА № 73. – М.-Л., 1959. С. 52–53.

ская, которые непосредственно занимались раскопками этого памятника, относят существование этого города к первой половине V века до н.э.[1] Как и предполагал С.П. Толстов, Кузаликир не был столицей государства «Большой Хорезм», а в VI веке до н.э. выполнял задачу главного города земледельческого центра Чирманёб. Прежде господствовало мнение, что раннегородская культура в Хорезме началась с Кузаликира. В последние годы в этот ряд были включены такие памятники культуры, как Хазарасп, Канхакалъа, Бутентов, Кушкалъа, Одойтепа, Хумбузтепа, что говорит о широком распространении земледельческой культуры в низовьях Амударьи. Кузаликир был окружён монументальными фортификационными сооружениями, но в самом городе строительство дворца правителя не было завершено[2]. Возможно, это связано с освобождением Древнего Хорезма в V веке до н.э. из-под ига Ахеменидов и обретением независимости.

Городища Базаркалъа[3] и Дингильжа[4] являются самыми хорошо изученными архаическими поселениями правого берега Хорезма. В этой зоне отмечены развалины 53 поселений и укреплений архаичного периода.

В V веке до н.э. Древний Хорезм выделяется из состава Ахеменидской империи в качестве независимого государства и земледельческое хозяйство распространяется по всему оазису. Это приводит к ускорению урбанистических процессов в бассейне нижнего течения Амударьи. Возникают такие крупные города, как Хива, Большая Ойбуйиркалъа, Базаркалъа и Ахчахонкалъа[5]. Всё вышесказанное свидетельствует о том, что с начала VI до н.э., в период раннего железного века по нижнему течению бассейна реки Амударья широкое распространение получает древняя земледельческая культура раннегородского типа.

VI.5. Древняя земледельческая культура Ташкентского оазиса

Коренные изменения в общественно-экономических отношениях на территории Средней Азии в конце II тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия до н.э. оказали влияние и на жизнь Ташкентского оазиса. В это время и в среде кочевых сакских племён наблюдаются процессы перехода к оседлому образу жизни и занятию земледелием в пригодных для этого местностях. Раннеземледельческая культура в Ташкентском оазисе формируется в бассейнах рек Чирчик, Ахангаран и на берегах, стекающих с гор, больших и малых прито-

---

[1] *Вишневская О.Г., Рапопорт Ю.А.* Городище Кюзелигыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. // ВДИ, № 2. – М., 1997. С. 163.

[2] *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. С. 107–117; *Рапопорт Ю.А., Лапиро-Скобло М.С.* Раскопки дворцового здания на городище Калъалигыр I в 1958 г. «МХЭ», вып. 6. – М., 1963. С. 141.

[3] *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. С. 60–64.

[4] *Воробьёва М.Г.* Раскопки архаического поселения близ Дингильже. МХЭ, вып. I. – М., 1959. С. 70–80.

[5] *Мамбетуллаев М.М.* О формировании и развитии городской культуры в Хорезме. «Приаралье на перекрёстке культур. «Археология древнего Ташкирманского оазиса». – Нукус-Бустан-Беруни, 2007. С. 63–65.

ков. В 1940 году археолог А.И. Тереножкин проводил археологическое наблюдение на строительстве трассы Ташкентского канала вдоль речки Бургулюксай и в нескольких местах обнаружил поселения родовых общин, занимавшихся в древности земледельческим хозяйством[1]. До этого Ташкентский оазис трактовался как край кочевых скотоводческих племён саков Древнего Чача и не было обнаружено ни одного памятника, относящегося к культуре древнечачских земледельцев. А остатки древних поселений, открытых А.И. Тереножкиным, были стоянками раннеземледельческих общин Ташкентского оазиса. Все эти поселения расположены вдоль Бургулюксая и в общественно-экономическом и культурном отношении представляют собой единую общность. Поэтому А.И. Тереножкин этим памятникам дал название Бургулюкской культуры. В истории изучения общественно-экономической и этнокультурной жизни древних земледельческих племён Ташкентского оазиса этот памятник явился великим открытием.

А.И. Тереножкин разработал периодизацию Бургулюкской культуры и разделил её на два этапа. Вначале он датировал возраст Бургулюкской культуры III–I веками до н.э.[2], но потом внёс уточнения и определил его IV–III веками до н.э. Однако, с учётом обнаруженных в археологических комплексах других регионов Средней Азии артефактов архаичного периода, он приходит к выводу, что раннеземледельческая культура Ташкентского оазиса имеет ещё более древнее происхождение. К примеру, в нижних слоях памятника крупного городского типа Ташкентского оазиса – Канка были обнаружены признаки градостроительной культуры, относящиеся к IV–III векам до н.э. Как известно, городская культура своими корнями уходит в древнюю земледельческую культуру. Научно доказано, что раннегородская культура Тащкентского оазиса, вернее, нижнего течения реки Ахангаран, относится к IV–III векам до н.э. Значит, нет никаких сомнений в том, что земледельческая культура – ещё древнее. Поэтому А.И. Тереножкин в третий раз вводит уточнения в датировку Бургулюкской культуры и определяет её VI–IV веками до н.э.[3]

После А.И. Тереножкина в течение многих лет никто не занимался историей Бургулюкской культуры. Только в 1972 году к этой работе приступил археолог Х. Дуке. В 1974–1977 годах он проводит широкомасштабные археологические исследования в зоне Туябугузского водохранилища и, обнаружив на берегах Бурганлисая остатки 14 поселений и около 60 полуземлянок и жилищ типа шалаша, раскрыл механизмы перехода к оседлому образу жизни скотоводческих протосакских родовых общин[4].

---

[1] *Тереножкин А.И.* Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. // «Известия Уз ФАН СССР», № 9, 1940; О н ж е . Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII. – М., 1950.

[2] *Тереножкин А.И.* Археологические наблюдения на строительстве Ташканала. – Т.: Госархив ГУОПМК Уз ССР, 1940. С. 18–19.

[3] *Тереножкин А.И.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII. – М., 1950. С. 153.

[4] *Дуке Х.И.* Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. – Т., 1982. С. 3–93.

Около 60-ти землянок, изученных в Туябугузских поселениях, в основном представляли собой однокомнатные жилища, и каждая из них предназначалась для одной пары патриархальной семьи. Нижняя часть фундамента этих жилищ была углублена в землю, верхний деревянный остов здания выстроен из глиняных гувалак, а стены были обмазаны толстым слоем саманной штукатурки. В каждой хижине были обнаружены по 1–2 ямы для хранения зерна. Такие же ямы встречаются за пределами хижин, рядом с дверьми, направленными на восток. Жилища, построенные по такому плану, присущи всем поселениям Чустской культуры и их можно встретить не только в Ташкентском оазисе и Ферганской долине, но даже в таких поселениях южных регионов, как Кучуктепа, Кызылтепа, Тиллатепа, Яздепа.

Поселения Бургулюкской культуры не укреплены оборонительными сооружениями, но на западной стороне одного из поселений (поселение № 1) Туябугуз обнаружены руины 20-метровой стены, построенной из сырцового кирпича. Размеры кирпича – 42×24×12 см, ширина стены – 2 м, которая сохранилась на высоте в 2–3 кирпича. Стена в своё время была построена на материке. Остатки этого оборонительного сооружения смешались с культурным слоем Бургулюк. Параллельно стене, на ее задней стороне, сохранились следы рва, протянувшиеся с севера на запад. Однако восточная сторона холма была разрушена и остатков стены там не обнаружено[1]. Остатки таких же оборонительных стен встречаются и в поселении Заркент[2].

Во время раскопок поселений Бургулюкской культуры было найдено бесчисленное количество фрагментов керамики, серповидных ножей, изготовленных из песчаника, бронзовых серпов и ножей, шил и игл, медное зеркало (см. рис.17). Среди находок есть двухлопастный наконечник стрелы с отверстиями для рукоятки. Очень много каменных орудий труда, среди которых больше других встречаются зернотёрки, каменные ступы и песты. По наблюдениям Х. Дуке, 99% керамических черепков не покрыты узорами, узорчатых всего лишь 1%[3]. Такая композиция узоров встречается на керамике скотоводов Андроновской культуры, которая состоит из неокрашенных чёрточек и вдавливаний.

Древние земледельцы и ремесленники Ташкентского оазиса во времена Бургулюкской культуры для изготовления глиняных сосудов не пользовались гончарным кургом. Глиняные изделия обжигались в одноярусной печи, поэтому они получались грубыми, ломкими и не обладали равномерным обжигом. Широтой ассортимента и разнообразием форм керамика этого времени не отличалась. Керамические изделия в основном были изготовлены в форме плоскодонных сфероконических чаш, банкообразных горшков и кувшинов, керамических котлов с ручками. Большинство керамических изделий (кроме керамических котлов) были покрыты светло-красным ангобом и отшлифованы. На этот фон по ободку серой

---

[1] *Дуке Х.И.* Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. – Т., 1982. С. 20.

[2] *Буряков Ю.Ф.* Культурно-хозяйственные процессы. С. 174.

[3] *Дуке Х.И.* Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. – Т., 1982. С. 44-50, рис. 12.

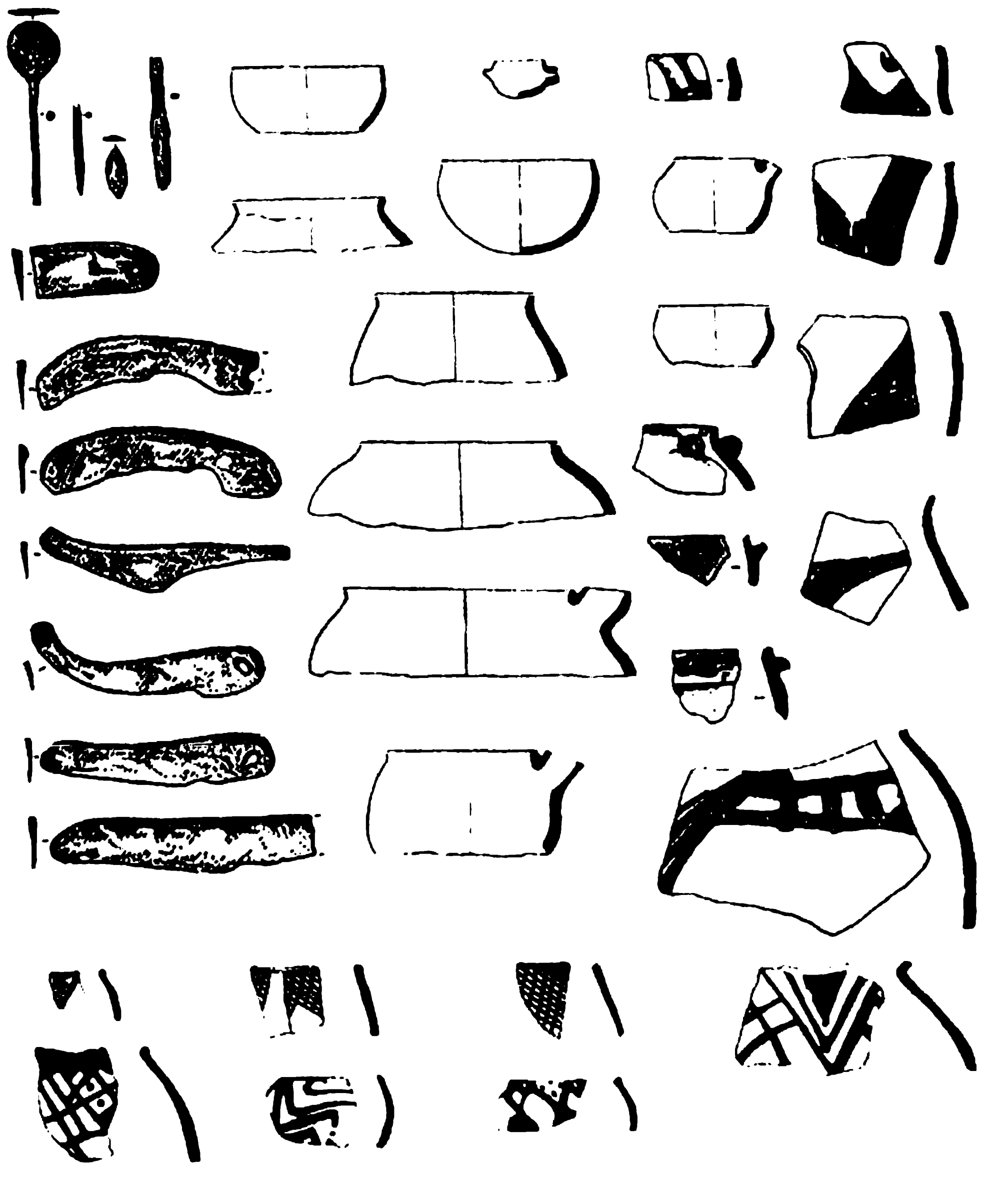


Рис. 17. Археологический комплекс Бургулюкской культуры (Ташкентский оазис)

или светло-красной краской наносили орнамент. Орнамент был довольно простой и состоял из простых геометрических форм – окрашенных треугольников и ломаных линий, силуэтные треугольники были сплошь залиты и заполнены штриховкой.

По внешнему виду керамические сосуды схожи с керамикой Чустской культуры, в особенности с изделиями Северной Ферганы. Такая расписная и узорчатая

керамика напоминает фрагменты посуды, обнаруженной в поселениях Кучуктепа, Кызылтепа, Миршоди Южного Узбекистана.

С учётом признаков керамических изделий, а также двухлопастных бронзовых наконечников стрел и остатков фортификационных укреплений в поселении Бургулюк, Х. Дуке пересмотрел датировку Бургулюкской культуры и определил её IX–VII веками до н.э.[1] Проведённые в последние годы археологом М.И. Филановичем широкомасштабные археологические раскопки в бассейне среднего течения реки Чирчик, в поселении Шаштепа, расположенном в районе южной границы города «Большой Ташкент», доказали, что нижние слои этого комплекса берут начало в Бургулюкской культуре. На основе материалов нижнего слоя Шаштепа вновь была пересмотрена периодизация Бургулюкской культуры и предложено её разделение на два хронологических этапа. В археологическом комплексе Шаш I, добытом в самых нижних слоях Шаштепа, были обнаружены материалы, присущие первому этапу Бургулюкской культуры (IX–VII века до н.э.), также было выявлено, что археологический комплекс Шаш II относится ко второму этапу Бургулюкской культуры (VI–IV века до н.э.)[2]. Комплекс Шаш III тождествен культуре Каунчи и под его слоями встречаются артефакты переходного периода. Исследования стратегического характера, проведённые в Шаштепа, показали, что культура Каунчи является генетическим продолжением культуры Бургулюк.

Таким образом, хозяйственно-экономическую основу Бургулюкской культуры Ташкентского оазиса эпохи поздней бронзы и раннего железа составляла древнеземледельческая культура, сформировавшаяся в микрооазисах. Она состоит из двух хронологических этапов: первый этап – IX–VII века до н.э., второй – VI–IV века до н.э. На первом этапе своего развития бургулюкцы обитали в полуземлянках, шалашах и занимались земледелием. На втором этапе в их общественной, экономической и культурной жизни происходят коренные изменения. Они научились строить жилища из глиняных гувалак и кирпича-сырца. В земледелии применяется искусственное орошение, а этническая основа населения состояла из скотоводов-протосаков, постепенно перенимающих оседлый образ жизни. Протосаки были древним коренным населением Средней Азии и в научной литературе они отмечаются как согдийцы, говорившие на северо-восточном диалекте древнеиранской языковой семьи[3]. По своему антропологическому типу они составляют закаспийский вариант средиземноморского типа. В основе зарождения первых городов и ранней государственности Ташкентского оазиса лежит экономическая и культурная база, созданная земледельцами и ремесленниками Бургулюкской культуры.

---

[1] *Дуке Х.И.* Туябутузские поселения Бургулюкской культуры. – Т., 1982. С. 57–71.

[2] *Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. – Т., 2010. С.115.

[3] *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972; *Луконин В.Г.* Культура Сасанидского Ирана. – М., 1968. С. 62, 126.

Как уже отмечалось выше, до недавних пор считалось, что Чач – термин древнеиранского происхождения, и его коренное население говорило на древнеиранском языке. Однако в научных исследованиях периода независимости научно доказано, что термин Чач имеет тюркское происхождение[1], и начиная с эпохи бронзы в составе местного населения присутствовали этнические группы, говорившие на прототюркском языке. Значит, предки узбекского народа, проживавшие в Ташкентском оазисе и, в целом, бассейне среднего течения Сырдарьи, с эпохи бронзы состояли из двуязычных – прототюркских и древнеираноязычных этнических компонентов. В результате длительных этнокультурных связей и этнических смешений в составе населения оазиса происходит преобладание тюркского языка.

Заключительные выводы V–VI глав. Таким образом, подытоживая вышесказанное, на основе археологических источников можно прийти к выводу, что древняя земледельческая культура эпохи бронзы и раннежелезного века на территории Узбекистана вдоль бассейнов двух великих рек (Амударьи и Сырдарьи) развивалась в двух направлениях. Культура первого направления (бассейн реки Амударья) своими историческими корнями в этнокультурном отношении связана с регионами Древнего Востока. На этой территории урбанистические процессы и становление ранней государственности берут начало в эпоху бронзы и обладают высокоразвитой материальной культурой. Материальная культура в архитектуре обретает монументальный характер. В ремесленничестве (гончарном деле) широко применялись технические достижения (изобретение двухъярусных печей, изготовление сосудов на гончарном круге) и изделия ремесленников обретают товарный характер. Исходя из анализа этого направления земледельческой культуры узбекского народа, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ археологических памятников и процессов их периодической последовательности показывает, что исторические корни народов Средней Азии, в частности, узбекского народа и его государственности берут начало с эпохи поздней бронзы.

2. Именно в этот период появляется форма частной собственности на землю и скот. Частное владение на землю начинается с перерастания парной моногамной семьи до уровня большой патриархальной семьи. Именно в этих условиях подрываются социальные основы общинной собственности и ее место занимает патриархальная частная собственность. Частный характер обладания землёй и скотом приводит к происхождению государственности. Первые ростки государственности произрастают из большой патриархальной семьи, объединение этих семей в сельские общины – висы составляют исторические корни зарождения государственности.

---

[1] *Яйленко В.П.* Енисейцы-кеты в этнической истории древней Средней Азии. // «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии». Вып I. – М., 1990. С. 37–49; *Камолиддин Ш.С.* К этимологии названия Чач (Шаш). // Материалы научной конференции «Чач-Бинкат-Ташкент: историческое прошлое и современность». – Т., 2007. С. 49.

3. Если представить кадхудатов или виспати как первых руководителей ранней государственности, то на этапе занту образованный из висов ранний город составлял основу города-государства. На деле город-государство является главным городом, политической и религиозной резиденцией «оазисной государственности», объединившим воедино висы нескольких микрооазисов в религиозном и политическом отношении. В качестве примера можно привести Джаркутан. Значит, памятник эпохи бронзы в Древней Бактрии Джаркутан являлся не только городом-государством, но и выполнял роль центра религиозного управления оазисной государственности в Шерабадском оазисе. Он считается первым звеном в становлении системы ранней государственности, которая в эпоху раннего железного века получила своё развитие в таких памятниках культуры Северной Бактрии, как Кучуктепа, Кызылтепа, Бандихон I, Джандавлаттепа, Хасияттепа, Талашкантепа. На территории Южного и Центрального Согда в качества примера можно привести поселения раннежелезного века Узункир, Сангиртепа, Даратепа, Еркурган, Коктепа, нижние слои Афрасиаба, Лолазор и другие. Этот процесс в Западном Согде наблюдается на последней фазе раннего железа в нижних слоях Худжа-Бустана, Калкон-ота, Казимантепа и в VI–IV веках до н.э. эпохи раннего железа в следующих поселениях Древнего Хорезма – Кузаликир, Хазарасп, Хумбузтепа, Калъаликир и других.

Второе направление в становлении узбекского народа и его государственности охватывает бассейн реки Сырдарья, где первоначально на базе родниковых вод, снабжавших водами реку Карадарья, происходит формирование древнего земледельческого хозяйства (Чустская культура). По своему происхождению родовые общины этой земледельческой культуры в эпоху бронзы складывались на основе земледельческих хозяйств, образовавшихся на базе родниковых вод.

Материальная культура эпохи бронзы в этой зоне имела в целом патриархальный характер, жилые комплексы ещё не обрели монументального характера, патриархальные семьи проживали в землянках. В гончарном производстве ещё не применялись технические достижения, глиняные изделия лепились вручную, без применения гончарного круга и они ещё не обрели товарного характера. В строительстве жилищ только стали применяться глиняные гувалак и кирпич-сырец, делались первые шаги в строительстве оборонительных сооружений. В эпоху раннежелезного века (культура Эйлатан) в строительстве жилищ и оборонительных сооружений стали использоваться сырцовый кирпич, глиняные гувалак, пахса, возникают города типа Авестийского Вара. На этой территории государственная система была связана с античным периодом и развивалась самостоятельно, без внешних культурных влияний. Переход к использованию гончарного круга начинается в раннежелезную эпоху, но его массовое применение присуще античному периоду.

Глава VII
ЭТНИЧЕСКАЯ ОСНОВА УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ПАМЯТНИКАХ ПЛЕМЕН СКОТОВОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Научный анализ древних письменных источников и археологических памятников показывает, что этническая основа узбекского народа состоит не только из памятников древней земледельческой культуры оседлого населения, но в его формировании активное участие принимали и скотоводческие этнические группы.

Большинство наших предков, занимавшихся скотоводством в эпоху бронзы, составляли родовые общины туров, упоминаемых в Авесте. Туры, в соответствии с основным способом ведения хозяйства, занимали обширные пространства Евразийских степей, горные и предгорные регионы и степные зоны Средней Азии. Сведения о потомках туров дошли до наших дней под следующими названиями: в наскальных надписях ахеменидских царей – саки; в произведениях греческих авторов античного периода – киммерийцы, скифы, савроматы, массагеты, сарматы; в древних китайских источниках – ху, ди, тиек, хун, юэчжи.

Часть потомков среднеазиатских туров – саков в эпоху поздней бронзы и раннежелезного века переходит к оседлому образу жизни, смешивается с наследниками культур Саразм и Сапалли и принимает активное участие в формировании, присущей цивилизации Древнего Востока. В официальной истории, со ссылкой на лингвистический анализ книги Авеста, превалировало мнение о том, что носители этой культуры говорили на северо-восточных диалектах древнеиранских языков. Особо подчёркивалось, что это представление нашло своё подтверждение в археологических, антропологических и лингвистических находках. Вместе с этим также отмечалось значительное влияние обитателей этого региона на развитие высокоразвитой культуры орошаемого земледелия и многоотраслевого ремесла всего Древнего Востока.

В течение последних лет более обширный и глубокий подход к изучению китайских письменных источников и их критический анализ даёт возможность утверждать, что большинство племён, прибывших на эту территорию в эпоху бронзы с Евразийских степей, были прототюрками. Они смешались и стали жить с местными племенами и родами, говорившими на прототюркском языке и северо-восточных ираноязычных диалектах, что рассматривается как отправная точка в этногенезе узбекского народа. Такое толкование основывается на археологических и палеоантропологических материалах, отражающих совместное проживание их в этом регионе начиная с эпохи неолита, представителей общин двух этнических слоёв. Кальтаминарская культура, получившая широкое распространение

на севере и северо-западе Средней Азии, а также в среднем и нижнем бассейне Зарафшанской долины, в результате археологических исследований нашла подтверждение тождественности с местными памятниками и памятниками Евразийских степей эпохи мезолита, неолита и энеолита[1].

Во второй половине II тысячелетия до н.э., в эпоху бронзы, на земли автохтонных прототюркских предков под названием «арии» вторгаются племена и родовые общины, которые, согласно китайским письменным источникам, являются прототюркскими скотоводческими предками тюркоязычных народов Средней Азии. Их следы материальной культуры хорошо представлены на примере массового археологического материала – керамики и разных украшений по всему Узбекистану. Керамика наших прототюрских племен, в отличие от продукции гончарного производства древнеземледельческих предков эпохи бронзы, – лепная, хрупкая, внешняя поверхность которых украшена простым прочерченным орнаментом в виде ломаных линий, разных треугольников, меандров, которые располагались по верхней части сосуда (см. рис. 18). Иногда в комплексе встречаются отдельные сосуды из южных областей (рис.18, три сосуда из верхнего ряда).

Представители этих племен неожиданно появлялись здесь в эпоху бронзы, вероятнее всего, они имели родоплеменные связи, восходящие к эпохе энеолита, с потомками позднекальтаминарской культуры. С.П. Толстов, М.А. Итина и В.А. Виноградов изучали их на примере памятников камишлинского этапа Суярганской культуры в Древнем Хорезме. Материальные следы их изучались нами и в низовьях Зарафшана на примере памятников Каптарни-куми и культуры Заманбаба. Они не жили изолированно, имели тесные хозяйственно-культурные контакты с племенами юга и степей Евразии с эпохи неолита и энеолита, о чем свидетельствуют археологические артефакты. Средняя Азия, согласно анализу археологических и антропологических источников, начиная с эпохи неолита была контактной зоной проникновения разных племен. Всё это способствовало постоянному притоку сюда прототюркских племен из степей Евразии. Проникновение на юг прототюркских племен с мощной волной, имея давние связи со среднеазиатскими соплеменниками, происходит и в эпоху бронзы и раннего железа. Оно на археологическом материале хорошо пролеживается, и об этом упоминается в преданиях Авесты. С того момента приток прототюркских племен с севера на юг получает постоянный характер.

Как подтверждают археологические и письменные источники, наши прототюркские предки начиная с эпохи античности играют большую роль в хозяйственно-экономической и этнокультурной жизни населения региона и способствуют постепенному отюречиванию местных ираноязычных племен, в первую очередь, в средних и нижних бассейнах Сырдарьи. Однако в советской историографии, основываясь на тексты Авесты, наскальные надписи Ахеменидов и на основе редко встречаемых письменных источников, написанных на согдийском,

[1] *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М., 1981. С. 160–168.

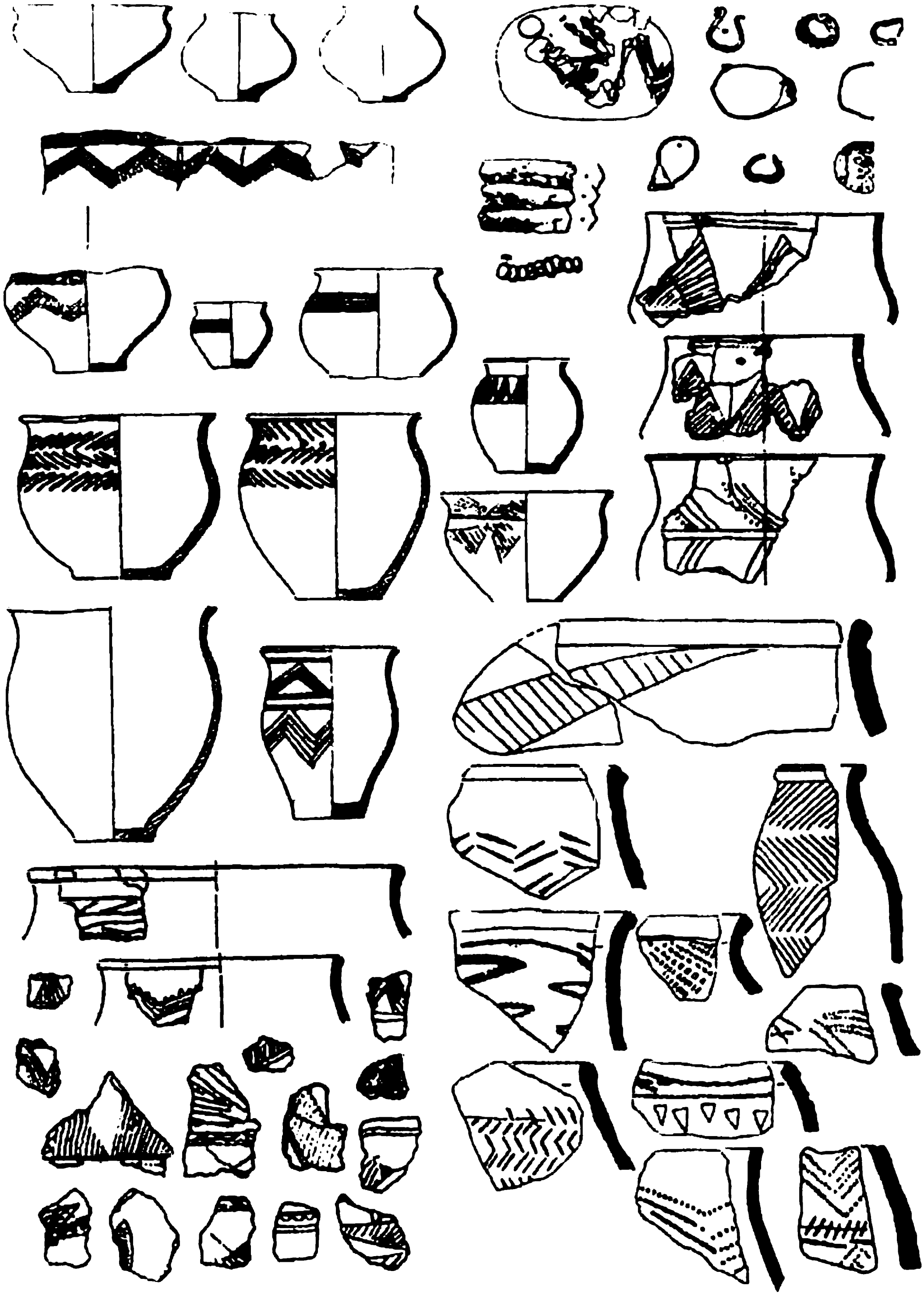


Рис. 18. Комплекс археологических материалов степных племен эпохи бронзы

хорезмийском, бактрийском и сакском языках, был сделан вывод, что следы наших предков в эпоху бронзы, раннежелезного века и даже в античное время принадлежат только иранским племенам, а в этническом составе узбекского народа, по данным самых последних научных исследований, тюркоязычные племена в среднем бассейне Сырдарьи появляются только с позднеантичного времени.[1] Поэтому в науке господствовало мнение, что этногенез узбекского народа берёт своё начало на рубеже нашей эры. Однако, как свидетельствуют древнекитайские письменные источники, а также их сопоставление с археологическими комплексами Андроновской культуры прототюркские предки тюркоязычных народов Средней Азии, в том числе и узбекского народа, проживали здесь с древнейших времён, и их следы начиная с эпохи бронзы хорошо прослеживаются по всей территории Средней Азии (см. цветную иллюстрацию 5 «Схематическая карта памятников скотоводческих племен эпохи бронзы и раннего железа на территории Средней Азии»).

VII.1. Древний Хорезм

Как известно из археологических исследований, наши предки-скотоводы начиная с эпохи бронзы используют лошадей, быков в качестве транспортного средства и их родовые общины целыми группами перемещаются из Евразии на территорию Средней Азии. В научной литературе по археологии они известны под названиями Андроновской и Срубной культур, и относящиеся к ним археологические памятники впервые были обнаружены и изучены С.П. Толстовым на территории Хорезма в 1938 году (поселения Тешиккала I, Тешиккала II). Изучив геометрические узоры на фрагментах керамики, С.П. Толстов пришёл к выводу, что они «чрезвычайно близко напоминали керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Минусинского края, относящуюся к так называемой Срубной (Поволжье) и Андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам»[2]. Спустя два года археологическая экспедиция под руководством С.П. Толстова точно такую же керамику находит недалеко от крепости Ангкакала, и поэтому называет это поселение Ангка I. Эти сезонные поселения периода архаики были открыты на берегу канала Тазабагъяб, и исходя из этого им было дано общее название «Тазабагъябской культуры», датирована она серединой II тысячелетия до н.э.[3] Во время археологических исследований С.П. Толстов писал, что материальная культура носителей Тазабагъябской культуры в корне отличается от культуры местного, коренного населения Древнего Хорезма – Суярганской культуры. Изучив вопрос происхождения носителей Тазабагъябской культуры, С.П. Толстов пришел к выводу, что тазабагъябцы являются носителями Срубо-Андроновской культуры эпохи

---

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. Т.; Шарқ, 2001.

[2] *Толстов С.П.* Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии. // ВДИ, 1939, № III. С. 174–175. Рис. 2.

[3] *Толстов С.П.* Древний Хорезм. – М., 1948. С. 68.

бронзы, пришедшими на эту территорию со степей Евразии в середине II тысячелетия до н.э.

К настоящему времени на территории Древнего Хорезма более чем в 100 местах найдены и изучены тысячи сезонных поселений Тазабагъябской культуры, основная часть которых расположена в бассейне реки Южная Акчадарья. Также они встречаются по нижнему течению протока Сырдарьи – Инкордарье, в массиве Сарыкамыш, у устья древнего русла реки во Внутреннем Кызылкуме. Поселения Тазабагъябской культуры широко распространены в бассейне высыхающего русла реки Южной Акчадарьи и во многих из них открыто около 50-ти полуземлянок, вырытых на материке.

Поселения Тазабагъяба, найденные и изученные на Южном Приаралье, М.А. Итина подразделяет на три группы: 1) группа Джанбас-Кукча; 2) группа Ангка-Базар; 3) группа Кават. Памятники группы Джанбас-Кукча в основном расположены между средним и восточным бассейнами русла Акчадарьи. Памятники группы Ангка-Базар расположены к востоку от среднего русла Акчадарьи, в основном между его средней и восточной дельтами. Третья группа находится на западе Южной Акчадарьи и составляет массив памятников Кават.

Комплекс памятников группы Джанбас-Кукча составляют поселения Джанбас 30, Джанбас 4, Джанбас 6, Джанбас 7, Джанбас 21, Джанбас 22, Джанбас 33, Джанбас 33а, Джанбас 34, Кукча 15, Кукча 15а, Кукча 16, Кукча 17, Кукча 18, Кукча 19, Барам-Казган 2. Ещё в 40 местах вокруг них найдены подъёмные материалы – фрагменты керамики.

Среди памятников группы Джанбас-Кукча наиболее хорошо исследована стоянка Кукча 15, на ее площади изучены следы 7 полуземлянок. В поселениях Кукча 12А, Кукча 16, Джанбас-30, Джанбас 33, Байрам-Казган 2 также найдены и изучены по одной-две схожих землянок[1].

В массиве памятников Ангка-Базар поселения Тазабагъябской культуры найдены в достаточном количестве. Только в окрестностях крепости Ангка найдены и изучены – 7, в массиве Базаркалъа – 10 поселений и могильник Кокча 3[2]. Помимо этого, между ними в 20 местах собраны подъёмные материалы – фрагменты керамики.

Памятники группы Кават расположены к западу от бассейна Южной Акчадарьи[3]. Здесь были найдены поселения Кават 3, Кават 4, Кават 6, среди которых Кават 3 выделяется обилием археологических артефактов. В этом поселении наряду с короткими и узкогорлыми сосудами с раздутым туловом найдены сосуды биконической формы. Они характерны для Суярганской культуры. На стоянках Базар 2, Кукча 2, 4, 6, а также Кукча 15, Кукча 15А и Кукча 16 обнаружен разнокультурный материал. Поэтому их можно отнести к смешанному комплексу материалов Суярган-Тазабагъяб, а не к чисто Тазабагъябским поселениям.

---

[1] *Итина М.А.* История степных племён Южного Приаралья. – М., 1977. С. 44–94.

[2] Там же. С. 95–100.

[3] *Итина М.А.* Раскопки стоянки Тазабагябской культуры в 1957 г. МХЭ, № IV, 1960. С. 82–103; Она же. Новые стоянки Тазабагябской культуры (работы 1956 г.) МХЭ. т. I. 1959. С. 52–69.

Поселения Джанбас 34 и Кукча 19 М.А. Итина истолковывает как чисто андроновские стоянки. Она пишет, что орнамент керамики этих памятников состоит из гребенчатого штампа, заштрихованных треугольников и меандров. Среди сосудов встречаются горшки с прямыми стенками, что, по её мнению, нехарактерно для Тазабагъябской культуры[1].

Керамические сосуды, найденные в вышеупомянутых стоянках и могильнике Кукча 3 (открыты 74 захоронения), по форме отличаются от керамики местной Суярганской культуры. Плечики этих сосудов в большой части орнаментированы. Орнамент состоит из зигзагов, нанесённых по корпусу сосуда, силуэтных, контурных заштрихованных треугольников и меандров. Керамические сосуды Тазабагъябской культуры очень напоминают комплекс керамики Фёдоровского этапа Андроновской культуры (см. рис. 18). На Каунчинском этапе Тазабагъябской культуры суярганцы ассимилируются с тазабагъябцами в условиях Южного Кызылкума, что хорошо прослеживается не только по форме и орнаменту керамики, но и по ведению хозяйственно-экономической и этнокультурной жизни населения.

Металлические изделия в комплексе Тазабагъябской культуры встречаются мало. Они состоят из однолезвийных ножей, шил, бронзовых зеркал с ручкой, серёжек и браслетов. На браслеты нанесены узоры из косых штрихов, загнутая часть изготовлена в форме головы змеи. Такие браслеты часто встречаются в памятниках Срубно-Андроновской культуры.

Носители Тазабагъябской культуры (на основе могильника Кукча 3) по своему антропологическому типу подразделяются на две группы. Представители первого типа – долихокранные с длинным овальным черепом, а второй тип – брахикефальные, т.е. круглоголовые, присущие степным людям протоевропеоидного, андроноидного типа эпохи бронзы. Они на протяжении долгого времени, вплоть до позднего этапа античного периода (до III–IV веков н.э.) смешивались с местным автохтонным (средиземноморский тип) населением, в результате чего сформировался новый антропологический тип – «тип среднеазиатского междуречья». К этому типу относятся современные узбеки и равнинные таджики.

М.А. Итина в вопросах изучения памятников Древнего Хорезма эпохи бронзы, продолжая исследования С.П. Толстова, памятники Тазабагъябской культуры подразделяет на три хронологических этапа. В качестве типичного памятника раннего этапа Тазабагъябской культуры она выделяет поселение Кукча 15А, датируя его XV–XIV веками до н.э. К памятникам среднего этапа М.А. Итина относит поселения Кукча 15, 16, Кават 3, Джанбас 30, 33, Байрам-Казган 2 и могильник Кукча 3, определяя его нижние хронологические границы XIV–XIII веками до н.э. К последнему этапу причислены памятники Ангка 5, Джанбас 25, Кукча 19, относящиеся к XIII–XI векам до н.э.[2]

---

[1] *Итина М.А.* История степных племён Южного Приаралья. – М., 1977. С. 101–109.

[2] Там же. 139–146.

Следует подчеркнуть, что керамические изделия, орудия труда и украшения Тазабагъябской культуры характеризуются генетической близостью с Андроновской (с его западноказахстанским вариантом) и Срубной культурами. Эта схожесть наблюдается и в других отношениях, в первую очередь в строительстве жилищ, хозяйственной жизни и погребальных обрядах.

Сложные этнокультурные процессы, которые привели к формированию Тазабагъябской культуры, нашли своё отражение и в антропологических материалах. К примеру, население Андроновской и Срубной культур полностью состоит из протоевропеоидов. А население Тазабагъяба образовалось из смешения андроноидов и населения средиземноморского типа.[1] Это свидетельствует о смешении пришлых на территорию Древнего Хорезма чужих этнических групп с местными суярганцами. По этой причине жителей Тазабагъяба нельзя назвать населением исключительно Срубно-Андроновской культуры. Своё видение этого вопроса высказывал и академик Я.Г. Гулямов. Происхождение Суярганской культуры он связывал с поздненеолитическими памятниками Кальтаминара[2]. Его взгляды нашли своё научное подтверждение в последующих изысканиях. Например, А.В. Виноградов на основе сравнительного анализа находок поселения Кават 7, относящегося к заключительному этапу Кальтаминарской культуры и с материалами стоянок Камишли убедился в правоте взглядов Я.Г. Гулямова[3]. Также не отрицается значительное культурно-хозяйственное влияние земледельческих общин юга на формирование комплекса Камишли[4]. Появление в Суярганской культуре сосудов с дутым туловом, гладко отполированных, с красноватым фоном, с узким и коротким горлышком и сосудов биконической формы говорит о влиянии на суярганцев земледельцев юга.

Если определить ранние даты появления племён Андроновской культуры в Древнем Хорезме на основе сведений, приводимых Беруни, то получится, что племена, говорившие на прототюркском языке, впервые появились на территории Древнего Хорезма в XIV веке до н.э. Начиная именно с этого времени прототюркоязычные Андроновские общины вторгаются целыми группами не только на территорию Древнего Хорезма, но и всей Средней Азии.

В окрестностях Тегискена в нижнем бассейне реки Сырдарья были открыты и изучены несколько курганных могильников скотоводов-степняков. Среди курганных могильников Северного Тегискена обнаружен монументальный мавзолей вождя скотоводческих племён[5]. Его материалы характеризуют культуру эпохи поздней бронзы (см. цветную иллюстрацию 4 «Керамический комплекс из кур-

---

[1] *Трофимова Т.А.* Черепа из могильника Тазабагябской культуры Кокча 3. МХЭ, № V, 1961. С. 97–146.

[2] *Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времён до наших дней. – Т., 1957. С. 51–54.

[3] *Виноградов А.В.* Неолитические памятники Хорезма. МХЭ, № 8. – М., 1968. С. 172–177.

[4] История таджикского народа. Том I. – М., 1963. С. 108–110.

[5] *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Мавзолеи Северного Тегискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Восточная литература. РАН, 2001.

ганного захоронения Северного Тегискена»). Кроме этого, в бассейне нижнего течения Сырдарьи исследованы комплексы курганных могильников раннежелезного века Тегискен и Уйгарак. Они характерны для культуры сакских племён VII–V веков[1].

VII. 2. Зарафшанская долина

Пришедшие в Зарафшанскую долину в середине II тысячелетия до н.э. прототюркоязычные скотоводческие племена разрушили хозяйства и расстроили стабильное этнокультурное развитие раннеземледельческих племен типа Саразма и Тугайного поселения, установление ими политического и военного господства привело к временной остановке урбанического развития по всей долине, которое длилось многие годы ещё со времён Саразма. Как показал анализ археологических материалов, на протяжении долгого времени по всей Зарафшанской долине не наблюдается урбанизационных процессов, вследствие чего подвергнутые завоеванию жалкие остатки ранних земледельцев – потомков саразмийцев, по всей видимости, постепенно поглощаются местными скотоводческими общинами долины и пришлыми племенами из степей Евразии.

Прибывшие в эпоху поздней бронзы со стороны северо-восточных территорий Средней Азии степные андроновские племена не ограничились расселением на землях Древнего Хорезма. Большая группа степняков в бронзовом и раннежелезном веке с нижней Амударьи, через территорию Южного Кызылкума прибывают на северо-западные края Бухарского оазиса, где обосновываются в бассейне реки Махандарья в низовьях Зарафшана. Как говорилось выше, население Заманбабинской культуры постепенно поглощается пришлыми степняками.

Андроновские родовые общины быстро расселяются по всей Зарафшанской долине. Следы материальной культуры этих общин дошли до наших дней по всей Зарафшанской долине в виде сезонных стоянок, могильников и отдельных захоронений.

Они расселились на северо-западных границах Каракульского района, на берегах сухого русла Гуджайли (Гурдуш), протока Махандарьи, от озера Заманбаба до границ паводковых вод, разливавшихся до берегов солончаков Кичиктузкан, Каттатузкан и Каптарникума, а также в степях от протоков нижнего русла реки Кашкадарьи (по направлению к Махандарьи) до границ Кумсултона. До нас дошли 30 пунктов этих сезонных поселений[2]. В одном из них (Гуджайли 9) даже сохранился культурный слой, в котором встречаются фрагменты керамики степной бронзы, микролитические орудия труда из кремня, каменные зернотёрки и брон-

---

[1] *Вишневская О.А.* Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII- V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973.

[2] *Аскаров А.* Памятники Андроновской культуры в низовьях Зарафшана. // ИМКУ, вып. III. – Т., 1962. С. 28–35; Он же. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи. // ИМКУ, вып. V. – Т., 1964. С. 28–36; *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура в низовьях Зарафшана. – Т., 1966. С. 187–207.

зовый однолезвийный нож, шило и кости животных. На территории стоянок найдены остатки трёх очагов со слоем пепла. Возможно, именно на этом месте были установлены полуземлянки степняков.

На территории Кичиктузкана было обнаружено 2 сезонных поселения, Каттатузкана – 4, Каптарникума – 4. Керамические изделия скотоводческих общин встречаются в 4 пунктах между колодцами Газли и Камишли Махандарьи[1]. Сезонные стоянки также были обнаружены в 4 пунктах вдоль древнего русла реки Кашкадарья, недалеко от развалин города Пайкент[2].

Примерно в 3 км к северо-западу от озера Заманбаба, на берегу русла Гуджайли, в 1953 году Я.Г. Гулямов исследовал могильник из 5 захоронений. Из них извлечены 5 керамических сосудов, бронзовое зеркало, более 40 каменных бус цилиндрической, биконической и ромбовидной формы, около 20 бронзовых бус биконической формы[3]. Во всех захоронениях скелеты принадлежали женщинам, они лежали в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Вещественных источников в могильниках было мало: один или два бронзовых браслета с изображениями змеиных голов, серьги в форме восьмёрки, медные и каменные бусы и в каждом захоронении по одному керамическому сосуду в изголовье умерших[4]. Сосуды были украшены узорами. Орнамент был нанесён керамическим ножом и насечками и состоял из косых и ломаных линий, вертикальных и косых штриховок в виде ёлочки, замкнутых и незамкнутых треугольников, сложных меандров, композиций узоров, заштрихованных внутри ромбиками и каплевидными насечками (рис. 19).

Ещё одно захоронение скотоводческих родовых общин эпохи бронзы было обнаружено в 1958 году под глинобитными стенами памятника античного периода – Кызылкир I. Захоронение оказалось очень богатым на находки, в нём были найдены бронзовые височные кольца (балдок) в виде восьмерки, в области груди скелета – бусы из золота и множество драгоценных камней и в западной части могилы – два керамических сосуда[5].

Сезонные поселения эпохи бронзы были исследованы в 1994–2002 годах в бассейне среднего течения реки Зарафшан (Новкатепа, Сазагон 2), на холмистой местности вблизи селения Джам по пути из Самарканда в Карши (могильник

---

[1] *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура в низовьях Зарафшана. – Т., 1966. С. 187.

[2] Там же. С. 194–196.

[3] *Гулямов Я.Г.* Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. // Тр. ИИА АН Уз ССР. Вып. VII, 1956. С. 157.

[4] *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура в низовьях Зарафшана. – Т., 1966. С. 188–189.

[5] *Аванесова Н.А., Шайдуллаев Ш.Б., Еркулов А.* К вопросу о культурной принадлежности джамских древностей эпохи палеометалла. // «Цивилизация скотоводов и земледельцев Центральной Азии». – Самарканд – Бишкек, 2005. С. 13–15.

Галашерик)[1]. В могильнике Галашерик скелеты были уложены в скорченном положении, на правом боку, головой на запад. В одном из захоронений (захоронение 1) найдены серповидный бронзовый нож, дисковидное бронзовое зеркало и бронзовая булавка в форме листочка[2]. Во второй могиле (захоронение 2) обнаружены: шаровидный горшочек, изготовленный на гончарном круге, бронзовое зеркальце с орнаментированной ручкой и ободком, бронзовая брошь с изображением рогатого оленя, керамический сосуд биконической формы с двумя отверстиями под горлышком. В третьем (захоронение 3) – бронзовое зеркало в форме диска, наконечник стрелы из кремня, черепки сосудов, изготовленных на гончарном круге. В четвёртом (захоронение 4) – несколько грубо обработанных фрагментов керамики, браслеты и бусы из бронзы, два височных кольца в форме цветка вьюнка (карнайгул). Скелеты были уложены в скорченном положении, на правом боку, головой на запад.

Судя по комплексу археологических материалов, могильник Галашерик не является обычным родовым могильником. Возможно, здесь были захоронены представители различных этнических групп. По составу материалов погребение 1 (оружие серповидной формы и фрагменты керамики с красноватым ангобом) напоминает находки из поселения Коктепа I. Материалы второго захоронения принадлежат мулалинскому этапу культуры Сапалли. Однако его материалы (бронзовое зеркало с ручкой) изготовлено под влиянием степных культур. Вещественные источники третьего захоронения (кремневый наконечник стрелы, обломки керамики кирпичного цвета, изготовленные на ручном круге) свидетельствуют об этнических связях с культурой Заманбаба или Тукайли. Четвёртое захоронение принадлежит исключительно культуре степных племён.

Таким образом, бронзовые орудия труда, украшения и фрагменты керамики, найденные на могильнике Галашерик в селе Джам и его окрестностях, доказывают, что этот кишлак образовался на древнем караванном пути. Найденные здесь вещественные источники принадлежат трём этническим группам, которые свидетельствуют о многовековых экономических и торговых связях между ними.

Примерно в 9 км на западе от города Самарканда, на левом побережье реки Зарафшан в 1975 году обнаружен могильник Чакка[3]. Здесь были обнаружены 4 захоронения, два из них были разрушены бульдозеристами. Оставшиеся два принадлежат женщинам. В первом из них (захоронение 2) у изголовья усопшей были найдены 2 керамических сосуда, пять позолоченных, спиралевидных бронзовых диадем, на запястьях – по три на каждой, всего 6 браслетов, на по-

---

[1] *Аванесова Н.А., Шайдуллаев Ш.Б., Еркулов А.* К вопросу о культурной принадлежности Джамских древностей эпохи палеометалла. // «Цивилизация скотоводов и земледельцев Центральной Азии». – Самарканд – Бишкек, 2005. С. 13–15.

[2] Там же. С. 15.

[3] *Жўрақулов М., Аванесова Н.А., Амирқулов Б.А.* Зарафшон воҳасининг ибтидоий маданияти. – Самарканд, 1994. С. 107–111.

Рис. 19. Керамический комплекс степных племен эпохи бронзы

ясе скелета – тонкий, плоский кушак из бронзовых цепочек (согнутых колечек) и вокруг голени скелета – мелкие бронзовые бусы (на правой – 38 бусинок, на левой – 41). Во второй могиле (захоронение 3) рядом с черепом покойного обнаружено 2 керамических сосуда, шесть спиралевидных украшений с позолотой, под черепом – позолоченное полое кольцо, между рёбрами скелета – 3 ракушки, бусы квадратной формы из халцедона, 2 лазурита в форме приплюснутого цилиндра и 1 ожерелье из сердолика в форме эллипса, на тазовой кости и позвоночнике – бусы из бронзы, в области спины – две связки нанизанных на нитку бус, на голенях обеих ног – по 82 штуки в каждой, две связки бус, между ногами – 2 бронзовых амулета, на каждом запястье – по 4 браслета. Обнаруженные в захоронениях керамические изделия горшковидной формы и нанесённые на них орнаменты в виде треугольников, ломаных линий и меандровых узоров напоминают Андроновскую культуру степных племён, вернее, керамику Тазабагъябской культуры Древнего Хорезма. Судя по характеристике вышеперечисленных материалов, могильник Чакка, как и богатое погребение Кызылкир I, предположительно принадлежит арийским женщинам-аристрократкам скотоводческих племён.

В 1977 году рядом с восточными воротами Афрасиаба, на берегу Сияба найден скелет женщины, похороненной на левом боку в скорченном положении. Рядом с ушной частью черепа найдена пара бронзовых височных колец в виде восьмёрки, на костях рук – бронзовые браслеты, на пальце – кольцо с резным камнем, на шее и грудной клетке разбросаны бусинки из бирюзы, сердолика и гилтоша. Рядом с черепом находились керамические сосуды, характерные для степных племён.

В 1987 году в 16 км на восток от города Самарканда было обнаружено поселение Тукайли. На его площади, примыкающей к реке Зарафшан, на глубине 2,4 м находилась землянка-жилище, стены которой выстроены из камня. Культурный слой в землянке доходит до 70 см.[1] Землянка была полна вещественными источниками, характерными для родовых общин степняков-скотоводов. В 20 м от землянки находилась печь-горн. Стенки горна зашлакованы. Вокруг горна были разбросаны медные шлаки, остатки окисленной руды, осколки котлов для плавки металла, обломки каменного молотка и пестиков, ступки и каменные орудия для измельчения руды[2]. В археологическом комплексе Тукайли также нашлась пряжка, изготовленная из кости, характерная для культуры степняков. Среди грубо изготовленных лепных сосудов встречаются фрагменты керамики, изготовленной на гончарном круге. Это свидетельствовало о начальной стадии ассимиляции тюркоязычных скотоводов-степняков с представителями общин древней земледельческой культуры Зарафшанской долины.

---

[1] *Жўрақулов М.Ж.* ва бошқалар. Зарафшон воҳасининг ибтидоий маданияти. – Самарқанд, 1994. С. 111.

[2] Там же. С. 112–113.

На территории Ургутского района Самаркандской области были найдены могильники эпохи бронзы Сайгус (в 1980 году) и Муминабад (1965 году)[1]. На могильнике Сайгус на запястье скелета женщины были найдены бронзовые браслеты, на грудной клетке, на ногах – бронзовые бусы, зеркало и рядом с черепом – глиняный горшочек[2]. А на могильнике Муминабад были открыты 5 захоронений, скелеты в которых лежали на одном боку, со скорченными руками и ногами, головой на запад. В каждом захоронении рядом с черепом скелетов были найдены по 2–3 керамических сосуда. В одном из захоронений рядом с ушным отверстием черепа женщины находилось бронзовое височное кольцо в виде цветка вьюнка (карнайгул), а на его площади были разбросаны связки мелких бусинок. В могиле валялись 7 перемешавшихся друг с другом бронзовых браслетов. Они находились в корзине, сотканной из стеблей пшеницы. В одном из захоронений была каменная зернотёрка, в другом – височное кольцо в виде цветка вьюнка, ещё одно такое же височное кольцо находилось возле носовых костей скелета. На костях обеих рук скелета было по три бронзовых браслета, на костях ног находилось целая связка бронзовых бус цилиндрической и биконической формы. Скелет покойной был покрыт литыми бронзовыми бусами, которые были нанизаны на её одежду нитками для украшения. В дырочках бусинок были сгнившие от времени остатки ниток. В этом захоронении на левой стороне грудной клетки покойной (возможно, здесь был карман) находился сделанный из кости музыкальный инструмент – най (свирель), в середине которого есть отверстие в виде ромбика. Отверстие проделано острым предметом, с двух сторон сделан скос и отполирован до блеска. Края отверстий свирели окрашены светло-красным цветом. Эта свирель считается первым музыкальным инструментом, найденным на территории Средней Азии в памятниках эпохи бронзы, и его значение для науки, в качестве предмета искусства, неоценимо. Большую часть обнаруженных в захоронениях вещественных источников составляют браслеты, концы которых выполнены в виде змеиных голов. Позолоченные серьги в виде цветка вьюнка встречаются во многих могильниках степных скотоводческих племён Южной Сибири и Казахстана[3]. Серьги такой формы характерны для Андроновской культуры.

Обнаруженные в погребениях Муминабад человеческие черепа свидетельствуют об их генетической близости с людьми эпохи неолита и энеолита на территории Средней Азии[4] . Изученные черепа были удлинённой оваль-

[1] *Аскаров А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде. ИМКУ, вып. 8. – Т., 1968. С. 56–62.

[2] *Жўрақулов М.Ж.* ва бошқалар. Зарафшон воҳасининг ибтидоий маданияти. – Самарқанд, 1994. С. 165.

[3] *Грязнов М.П.* Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане. // Материалы особого комитета по обследованию союзных и автономных республик АН СССР. Вып. XI. – Л., 1927. Рис. 25, 7: *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. // МИА 88, 1960, табл. XXVII; *Киселей С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. С. 80.

[4] *Аскаров А.* Могильник эпохи бронзы в Муминабаде. КСИА АН СССР. Вып. 122. – М., 1970. С. 65.

ной формы, строение лица этого типа людей продолговатое, с острыми носами средней длины и миндалевидными веками, что характерно для носителей Заманбабинской и Чустской культур. Андроноидный тип европейской расы отличается от них круглой формой головы, карими глазами и большим телосложением. Жители Кальтаминарской культуры неолита и культуры Сапалли эпохи бронзы были обладателями прямых остроконечных носов. Вследствие этнического смешения коренного населения с андроноидным типом происходит процесс изменения формы их носа с прямого остроноконечного на носы средней формы, потому что артефакты, обнаруженные в Муминабадском погребении, являются вещественными источниками, принадлежащими исключительно Андроновской культуре. Эти факты, добытые на основе изучения палеоантропологических материалов Муминабадского могильника, свидетельствуют о появлении ранних признаков смешения представителей двух этнических групп. Известный антрополог Т.А. Трофимова, изучившая антропологическую серию могильника Кукча 3 Тазабагъябской культуры, пишет, что наряду с протоевропеоидами Андроновской культуры здесь встречается средиземноморский тип, характерный для древнего населения Средней Азии[1]. Эти изыскания, с одной стороны, показывают всю сложность этнического состава населения Средней Азии эпохи бронзы. С другой стороны, наблюдается процесс расширения и углубления хозяйственно-экономических и этнокультурных отношений между различными этническими группами, а это даёт основание утверждать, что этногенез узбекского народа берёт своё начало с эпохи бронзы.

Элементы антропологического типа, характерные для ранних этапов этногенеза узбекского народа, нашли отражение в находках, обнаруженных в могильнике Дашти-Казо. В связи с тем, что представители степных племён ощущали потребность в разработке полезных ископаемых, андроновские родовые общины стали обосновываться в местечке Дашти-Казо, рядом с открытыми месторождениями меди и свинца в верхнем Зарафшане.

В близких к долине горных хребтах Зарафшана с древних времён существовали полиметаллические рудники Канчач, Ёри и Джилау. Согласно археологическим сведениям, эти рудники в эпоху энеолита и бронзы послужили базой для возникновения металлургического центра Саразм. Традиционным занятием населения Древнего Саразма было земледелие, и они занимались сельским хозяйством у озера Айимкуль в бассейне горной речки Атчапар. На север от Айимкуля вплоть до реки Зарафшан были посевные площади земледельцев, впоследствии на этих местах появятся кишлаки Авазли, Гурач и Сахибназар, где по-соседству будут проживать узбеки и таджики. Южную и восточную часть этих земель занимает холмистая местность, где жители Авазли и других кишлаков занимались богарным земледелием. На площади этих холмов в эпоху энеолита и бронзы располагались поселения земледельцев. В древности эти места назывались «Сари-

[1] *Трофимова Т.А.* Древнее население Хорезма по данным антропологии. МХЭ. Вып. II. – М., 1959. С. 15–29.

замин», на согдийском языке – «Саразм», что означало начало Зарафшанской долины.

Слава о металлургических центрах Саразма достигает не только до южных регионов, но и до северных скотоводческих общин.

В середине II тысячелетия до н.э. в связи с миграцией скотоводов-арийцев Евразии на юг эти рудники переходят в их руки и в Дашти-Казо, в непосредственной близости от месторождений возникают поселения и могильник скотоводов. В качестве памятника тех времён до нас дошли погребения работавших на рудниках невольников.

В 1987 году в могильнике Дашти-Казо были открыты 27 захоронений[1]. В каждой могиле были погребены по одной, иногда по две и даже по три человека. В одной из могил были найдены скелеты 7 человек, погребеных одновременно. Возможно, что могилы из трёх или семи человек связаны с погребеннием умерших во время обвала в шахтах. Как правило, в общественных захоронениях встречаются скелеты детей, но в Дашти-Казо встречаются только скелеты взрослых. К тому же, в 25-ом захоронении, где было погребено 7 человек, не было ни одного вещественного материала. В других захоронениях обнаружены обычно по одному глиняному сосуду, личные украшения покойницы – бронзовый браслет, бронзовые бусы, серьги, пастовые бусы, присущие культуре степняков[2]. Среди керамики Дашти-Казо, наряду с изготовленными вручную глиняными изделиями чисто Андроновской культуры, встретился изготовленный на гончарном круге горшочек, относящийся к этапу мулали культуры Сапалли[3]. Анализ этих, сделанных из керамики и бронзы, украшений даёт возможность датировать этот могильник XIII–XI веками до н.э.

По утверждению учёных, занимавшихся исследованием могильника Дашти-Казо, похоронные обряды 25-го захоронения отличаются от других погребений. Эта могила была окружена заграждением из камней диаметром 2,3 м, а сверху на могилу в два ряда уложены камни, принесённые из реки Зарафшан. Боковая камера могилы, куда помещается тело покойного, была заполнена землёй с измельчившимися кусочками угля, мела и красной охры. Когда археологи убрали с могилы камни, то обнаружили множество вещественных источников и скелет женщины, кости которой были раздавлены. В восточной части камеры могилы найдены уложенные на левый бок 7 скорченных скелетов. Под ногами и тазом скелетов[4] очень много кусочков угля, мела и красной охры.

Ещё одна особенность этого захоронения заключается в том, что в том месте, где были обнаружены 7 скелетов, не было найдено ни одного веще-

---

[1] *Исаков А., Потёмкина Т.М.* Могильник племён эпохи бронзы в Таджикистане. // СА. 1989. № 1. С. 145–167.

[2] Там же. С. 147–157.

[3] Там же. С. 163.

[4] Там же. С. 159–160.

ственного источника. Антрополог Т.К. Ходжаев выявил, что три (№ 2,7,8) из семи скелетов принадлежат женщинам, которые по своему антропологическому типу относятся к средиземноморскому типу, а остальные скелеты (захоронения № 4, 5, 6) принадлежат мужчинам. Также выяснено, что два (№ 3, 5 захоронения) из них относятся к андроноидам, а два других (захоронения №4, 6) – к средиземноморскому типу[1].

На основе анализа антропологических материалов можно сделать следующие выводы: в XIII веке до н.э. вторгшиеся в Зарафшанскую долину прототюркские скотоводы-арии захватывают рудники и заставляют работать на них бывших хозяев этих рудников – саразмийцев. В результате обвала в шахте погибают 7 человек. Двое из них были из простой тюркской родовой общины, не имели собственности и находились в услужении у ариев, поэтому их судьба ничем не отличалась от работавших на рудниках невольников-саразмийцев.

VII.3. Древнеташкентский оазис

В эпоху бронзы тюркоязычные скотоводческие степные племена вторгаются с севера не только на земли Древнего Хорезма и Зарафшанской долины, но и на территорию Ташкентского оазиса. Следы материальной культуры этих племён впервые были обнаружены в 1898 году в верхнем бассейне реки Чирчик, в кишлаке Чимбайлик. Эта находка хранится в коллекции Музея истории Ташкента под названием Чимбайликский клад[2]. Этот клад состоит из 4 находок: бронзовый топор с втулкой для топорища, двухлезвийный листовидный нож, четырёхгранное медное шило и бронзовые слитки[3]. По предположениям М.Э. Воронца, находки Чимбайликского клада принадлежат древнему кургану-могильнику.

В 1945 году археологи музея Турди Миргиёзов и М.Э. Воронец идут по следам «Чимбайликского клада» и, проводя исследования на площади древнего могильника, которое было запахано под посевы, находят бронзовый браслет[4]. Также они проводят опрос среди населения и выясняют, что во время взрывных работ на руднике Обирахмат на территории Верхнего Чирчика было обнаружено захоронение, а на костях рук скелета этого погребения было 4 бронзовых браслета[5]. Эти три комплекса находок, которые хранятся в коллекции музея, датированы

---

[1] *Исаков А., Потёмкина Т.М.* Могильник племён эпохи бронзы в Таджикистане. // СА. 1989. №1. С. 160.

[2] *Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК. – М., 1955. Вып. 59. С. 147.

[3] *Воронец М.Э.* Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН Уз ССР. // Труды Института истории и археологии АН Уз ССР, т. I – Т., 1948; *Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК. – М., 1955. Вып. 59. Рис. 62, 5, 6, 7.

[4] *Миргиёзов Т., Воронец М.Э.* Дневник археологической рекогносцировки в верховьях р. Чирчик и по её правому притоку Чимбайлик. Рукопись Музея истории АН Уз ССР. С. 12.

[5] *Воронец М.Э.* Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН Уз ССР. // Труды Института истории и археологии АН Уз ССР, т. I – Т., 1948. С. 65–66, рис.1.

М.Э. Воронцом концом III тысячелетия – началом II тысячелетия до н.э.[1] Однако при более детальном изучении этих находок, можно предположить, что все они относятся к эпохе поздней бронзы, то есть к XII–XI векам до н.э. Остриё двухлезвийного бронзового ножа, схожего с чимбайликским, было найдено в кишлаке Уртасарай Ташкентской области[2].

В 1927 году на восточной стороне так называемых «Никифоровских земель» города Ташкента инженер И.А. Анбоев во время проведения землеройных работ в разрушенном погребении находит один глиняный сосуд и сдаёт его в фонд Музея истории города Ташкента. Не было никаких сомнений в том, что этот керамический сосуд принадлежит степным скотоводам эпохи бронзы[3].

В 1937 году во время раскопок земляных курганов сакских племён на берегу реки Чирчик недалеко от города Янгиюль Т.Г. Оболдуева под курганом № 3 обнаружила погребение эпохи бронзы. В погребении овальной формы, расположенном с северо-запада на юго-восток, лежал скелет мальчика лет 9-10 на правом боку, головой на юго-восток, со скорченными руками и ногами. Рядом с его черепом был найден один керамический сосуд, относящийся к культуре степных племён. Под сосудом есть следы огня, а его внутренняя часть покрыта плесенью. Возможно, что родичи покойного, согласно обрядам погребения, приготовили в сосуде кашу и поставили его у изголовья покойного. У лодыжки скелета сохранились следы красной краски[4].

В 1940 году во время строительства Ташкентского канала А.И. Тереножкин проводит археологические наблюдения, и в захоронении, открытом на трассе восточнее кишлака Орехово, находит два керамических сосуда. Но могила была разрушена во время работ, и ему не удалось проследить положение скелета в захоронении. Оба керамических сосуда принадлежали культуре степных племён эпохи бронзы, и на их поверхности, вдоль горлышка был нанесён узор из ломаных линий[5]. Точно такой же керамический сосуд, только без орнамента, был найден на правом берегу реки Ахангаран, чуть выше Ташкентского канала[6]. Все эти находки относятся к Андроновской культуре. Поэтому они похожи на керамику культуры Тазабагъяб Древнего Хорезма[7], культуру Южной Сибири[8] и степных

---

[1] *Воронец М.Э.* Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН Уз ССР. // Труды Института истории и археологии АН Уз ССР, т. I – Т., 1948. С. 69.

[2] Археологические коллекции с Ташкентского канала. Сборы Музея истории АН Уз ССР: *Оболдуева Т.Г.* Погребения бронзовой эпохи. Рис. 62, 8.

[3] *Зубруева А.В.* Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ № III. – М., 1946. С. 186–187, рис. 4.

[4] *Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК. – М., 1955. Вып. 59. С. 145.

[5] Там же. С. 146.

[6] Там же.

[7] *Итина М.А.* История степных племён Южного Приаралья. – М., 1977, рис. 65.

[8] *Грязнов М.П.* История Древних племён Верхней Оби. – М.–Л., 1956, табл. III.

скотоводческих племён Казахстана[1]. К этой группе керамических сосудов можно отнести фрагменты керамики, обнаруженные в 1947 году М.Э. Воронцом недалеко от железнодорожной станции Вревский. Орнамент на фрагментах керамики с одной стороны напоминает сосуды, найденные у города Янгиюль, с другой стороны, очень похож на керамику культуры Тазабагъяб[2] и Срубную культуру Нижнего Поволжья[3].

В 1954 году недалеко от кишлака Бурчмулла было найдено 6 бронзовых предметов: 4 втульчатые стрелы и 2 куска бронзовых украшений с рельефными узорами. На украшениях сохранился язычок для фиксации ремня. А.И. Тереножкин, изучивший «Клад Бурчмуллы», датирует его II–I тысячелетиями до н.э. и относит его к Андроновской культуре[4].

Двухлопастные втульчатые наконечники стрел часто встречаются в памятниках Андроновской культуры[5]. В бассейне Верхнего Чирчика Бостанлыкского района во время хозяйственных земляных работ местные жители натыкаются на древнее захоронение. К сожалению, из предметов этого захоронения археологам удаётся вернуть у местных жителей только несколько бронзовых бус биконической формы. Такие бусы, как и находки «Клада Бурчмуллы», характерны для культуры степных скотоводческих племён и повсеместно встречаются в памятниках Андроновской культуры Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири[6].

В целью изучения памятников, которые могли оказаться под водой во время строительства Чарвакского водохранилища, в 1964 году создаётся археологическая спасательная группа во главе с Ю.Ф. Буряковым. Членам группы удалось обнаружить несколько курганных могильников в нижнем течении горной речки Чаткал и на территории кишлака Бурчмулла. В насыпи одного из курганов были обнаружены фрагменты керамики Андроновской культуры[7]. В 1965 году Х.И. Дуке в составе поискового отряда под земляной на-

---

[1] *Грязнов М.П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сборник «Казаки», вып. № XI. – Л., 1927. Рис. 19,2; *Сорокин В.С.* Могильник бронзовой эпохи Тасды-Бутак I в Западном Казахстане. – М. – Л., 1962. Табл. LVI, 85, 86, Табл. LVIII, 100–108; *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М. – Л., 1960. Табл. XI. Табл. XLI.

[2] *Толстов С.П.* Новые материалы по истории культуры Древнего Хорезма. ВДИ, № 1, 1946, рис. 3; Он же. Древний Хорезм. – М., 1948. С. 67, рис. 6. Табл. 17, 5–9; *Итина М.А.* Могильник бронзового века Кокча III. – М., 1961, рис. 18, 19, 20.

[3] *Мерперт Н.Я.* Раскопки в Нижнем Поволжье. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». – Киев, 1967. С. 89, рис. 4, 5.

[4] *Тереножкин А.И.* Клад Андроновских бронзовых предметов из с. Бурчмула близ Ташкента. СА № III, 1962. С. 270–281.

[5] *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племён эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Т., 1991. С. 38–47, рис. 40.

[6] *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племён эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Т., 1991. Рис.1, 33; Рис. 3, 27, 37; Рис. 5, 27; Рис. 61; *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии . – М., 1966. Табл. XV, рис. 3, 4, 6, 10, 11.

[7] Древности Чарвака. – Т., 1976. С. 36.

сыпью Кургана № 2 открыл относящиеся к различным периодам разграбленные могилы. Во время раскопок среди превратившихся в прах человеческих костей найден двухлопастный втульчатый наконечник стрелы. Из раскопанных курганных могильников лучше других сохранился курган № 5, в котором среди разбросанных по всему захоронению человеческих костей найдены серебряные амулеты в виде бубенцов, серебряный браслет, бронзовые серьги и пастовые бусы. Поверхность серебряного амулета исполнен в виде двух рядов параллельных треугольников, остриём друг к другу в стиле чекма. По нижнему краю пришиты несколько рядов крупных жемчужин. Судя по украшению серебряного амулета с бубенчиками, он пришивался на головной убор аристократки. По составу и орнаменту эти находки курганных могильников Бурчмуллы напоминают культуру сакских племён раннежелезного века, а композиция орнамента уходит корнями в традиции Андроновской культуры[1].

На территории Ташкентской области были найдены ещё два бронзовых ножа, ни время, ни год обнаружения которых неизвестны. Эти ножи хранятся в коллекции Музея истории города Ташкента. Они, как и нож Чимбайликского клада, двухлезвийные, с литой металлической ручкой и их происхождение берёт начало в культуре степных племён Евразии.

Следы северных скотоводческих племён встречаются не только в степной зоне Ташкентской области, но и в горных районах. Весной 2009 года автор этих строк принимал участие в раскопках памятника Уралитепа на территории современного кладбища кишлака Ирташ, где ему удалось ознакомиться с бронзовыми предметами культуры степных скотоводов. Могильщик кишлака Ирташ, копая новую могилу, на глубине 2 м наткнулся на скелет, который лежал в скорченном положении. У его изголовья находились два керамических сосуда. На костях рук скелета – бронзовые браслеты, в ушной полости черепа находились два бронзовых височных кольца в виде цветка вьюнка (карнайгул), на грудной клетке – бронзовые бусы биконической формы[2].

Таким образом, в Ташкентском оазисе обнаружено значительное количество материалов культуры северных степных племён в виде керамической посуды, бронзовых украшений. Некоторые орудия труда находились случайно в отдельных погребениях во время проведения различных земляных работ. Широкое распространение этих предметов по всей территории Средней Азии связано с общественно-экономическими изменениями, происходившими в степной зоне Евразии во второй половине II тысячелетия до н.э. Анализ археологических на-

---

[1] *Буряков Ю.Ф.* Культурно-хозяйственные процессы в контактной зоне Древнего Яксарта. // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. – Самарканд – Бишкек, 2005. С. 173.

[2] Все находки хранятся в доме учителя истории кишлака Эрташ Усмонали Исабекова. Только бронзовые бусы удалось передать в «Учебный музей археологии» ТГПУ им. Низами. Следы керамических сосудов не обнаружены.

ходок показывает, что большая часть памятников Ташкентского оазиса относятся к эпохе поздней бронзы и датируются последней четвертью II тысячелетия до н.э. Сопоставление обнаруженных здесь вещественных источников с материалами других этнических групп указывает на связи со степями Казахстана, с Южной Сибирью, Зауральем, Горным Алтаем и бассейном реки Енисей. Происходившие в этот период в Средней Азии и степных районах Евразии экономические и этнокультурные отношения не были односторонними. Этнические группы древних земледельческих регионов юга в эпоху бронзы, в особенности со второй половины II тысячелетия до н.э., начинают входить в общины северного региона. В настоящее время мы имеем богатую источниковедческую базу, подтверждающую эти выводы[1].

VII. 4. Древняя Фергана

В течение второй половины II тысячелетия до н.э. Евразийские степные племена вторгаются в южные и западные территории Ферганской долины. Первые сведения об этом были представлены археологом А.Н. Берштамом. В 1940 году он изучает фрагменты керамики, найденные на южных склонах горы Сулейман и делает вывод об их принадлежности к Андроновской культуре, датируя их концом II – началом I тысячелетия до н.э.[2]. В 1950-х годах Н.Г. Горбунова и Б.З. Гамбург на адырной зоне Южной Ферганы открывают памятники эпохи бронзы Вуадильи Карамкуль.

На территории могильника Вуадиль были обнаружены 273 могильных холма – каменных курганов[3], которые можно подразделить на три типа. К первому типу относятся курганы, воздвигнутые из крупных камней, вперемешку с землёй, второй тип – земляной курган с небольшими каменными насыпями. Третий тип – плоский по форме курган из щебня и земли.

В 1954 году археологические раскопки были проведены на курганах третьего типа. Под ними были обнаружены каменные ящики овальной формы. На могильнике Вуадиль было обнаружено более 70 таких каменных ящиков. 12 из них были исследованы. В каменных ящиках покойники лежали в скорченном положении. В 11-ти из изученных курганах покойники лежали головами на запад, в одном – головой на юг. Захоронения были обставлены очень бедно, почти все были ограблены, человеческие кости были разбросаны по всей моги-

---

[1] *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли арийцы? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994; *Аскаров А., Жураев И.* К вопросу о взаимоотношении населения степей Евразии и Средней Азии в эпоху бронзы. – Самарканд, 2001. С. 37–40.

[2] *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.–Л., 1952. С. 186.

[3] *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИА. Вып. 63. – М., 1956. С. 85-93; Они же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. // СА, № III, 1957. С. 130–133.

ле. Только в двух из них скелеты лежали в анатомическом порядке и керамика находилась на своем месте.

Раскопки на могильнике Вуадиль продолжались до 1955 года, и было открыто ещё 31 курганное захоронение. Каменные ящики были закрыты каменными плитами, что напоминает памятники Андроновской культуры эпохи бронзы Южной Сибири и Горного Алтая[1]. Такого рода могильники эпохи бронзы встречаются на Тянь-Шане, в долине реки Арпа[2]. По форме и орнаменту бронзовые бусы, бронзовые кольца, керамические сосуды, найденные в могильниках Вуадиль, точь-в-точь схожи с материалами Андроновской культуры Западного Казахстана[3] и Южной Сибири[4]. Согласно исследованиям В.В. Гинзбурга, антропологические материалы, найденные на могильнике Вуадиль, относятся к андроновскому варианту европейской расы. Датировку могильника Вуадиль можно определить в соответствии с периодом Фёдоровского этапа Андроновской культуры. Следы скотоводов Андроновской культуры в виде фрагментов керамики и браслетов с шипами были обнаружены в Оше и Узгене[5].

Примерно в 40 км к северо-востоку от могильника Вуадиль на горных склонах Карамкуль были открыты 16 курганов[6]. Они представляют собой холмики, состоящие из смешанной массы небольших камней и щебня. Под ними в каменных ящиках лежат скелеты, погребённые на правом или левом боку, головой на запад. Все могильники ограблены, погребальные предметы в них почти не встречаются. Только в одном погребении (№ 2) было найдено всего лишь одно украшение, исполненное из пасты, схожие украшения встречаются в могильнике Кукча 3 в Древнем Хорезме[7]. Население памятников Вуадиль и Карамкуль в этническом отношении родственны не только жителям степных племён эпохи бронзы Средней Азии, но и своими историческими корнями уходят к степным племенам севера.

В 1956 году в Ферганской долине были обнаружены и изучены каменные курганы в местностях Япаги и Чек[8].

В могильнике Япаги открыты 12 погребений, внутреннее строение которых было в форме катакомбы, дромос – двух-трёхступенчатый построен в форме ова-

---

[1] *Киселёв С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. С. 68–70.

[2] *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА № 26 – М.-Л., 1952. С. 19–22.

[3] *Грязнов М.П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сборник «Казаки», вып. № XI. – Л., 1927. Рис. 20, 2.

[4] *Киселёв С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. Табл. VIII, 15.

[5] *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.-Л., 1952. С. 186; *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИА. Вып. 63. – М., 1956. С. 92

[6] *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. // СА, № III, 1957. С. 133–135.

[7] *Итина М.А.* Раскопки могильника Тазабагъябской культуры Кокча III. «МХЭ». Вып. V. – М., 1961. С. 3-96, рис. 28,3.

[8] *Горбунова Н.Г.* О культуре степной бронзы Ферганы. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа» № 32 – Санкт-Петербург, 1995. С. 13–30.

ла или прямоугольника. Все погребения ограблены, кости лежат разбросанными по всей площади могилы. В могилах найдено очень мало вещественных источников. В одном захоронении (захоронение № 8) найден 1 керамический сосуд и медное зеркальце. В другом (захоронение № 2) – мелкие медные и аргелитовые бусы, альчик (косточка из коленного сустава задней ноги барана), два медных кольца и два осколка серёг. Хронологические рамки захоронения определяются XIII–XII веками до н.э.[1] На могильнике Чек было открыто 11 захоронений. В шести из них покойники погребены в каменных ящиках. Погребения ограблены, кости лежат разбросанными по всей площади погребальной камеры. Только в одном захоронении скелет находился в анатомическом порядке, покойник лежал с согнутыми руками и ногами, головой на запад. В одном погребении найдены фрагменты керамики, характерные для степных племён, в другом – кольцо из бронзы. В остальных могилах ничего не обнаружено.

Сотрудники Ферганского краеведческого музея в 1972 году проводили археологические раскопки на могильнике Арсиф, расположенном на горных склонах Южной Ферганы. Могильник состоял из 26 захоронений в виде колец, сложенных из камней. В 19 из них проводились раскопки. Внешний диаметр каменных колец составлял 3–4 м. Каменное кольцо было выложено из гладких камней. По углам были вертикально поставлены крупные и длинные камни и внешнему каменному кольцу было придано некое подобие археологического величия. В центре каменного кольца в форме овала были установлены камни в наклонном положении, которые составляли внутреннее кольцо сооружения. Внутреннее кольцо в форме овала или прямоугольника из крупных и длинных плоских камней образовывало погребальную камеру. Все каменные могильники были ограблены, человеческие кости были беспорядочно разбросаны по камере. Только в одной могиле скелет лежал в анатомическом порядке. На этом могильнике находки составляли фрагменты керамики и два бронзовых предмета. Находки Арсиф являются частью культуры степных племён эпохи поздней бронзы в Ферганской долине[2].

В 1986 году в 6 км к северу от города Ферганы при прокладке водопроводных труб в массиве Кашкарча был раскопан древний могильник. В этом же году при освоении окрестностей города, в том числе и массива Кашкарчи, были открыты древние могильники. По внутреннему строению могильники были в форме катакомб, дромос которых находился в 30 см ниже уровня земли. Он был в форме длинного коридора, шириной 150 см, протянутого с северо-запада на юго-восток, на глубине 140 см. На северо-восточной стороне дромоса находится отверстие для входа в погребальную камеру диаметром 50 см. Эти отверстия были закрыты каменными глыбами.

---

[1] *Горбунова Н.Г.* О культуре степной бронзы Ферганы. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа» № 32 – Санкт-Петербург, 1995. С. 15.

[2] *Пиотровский Ю.Ю.* Памятник эпохи поздней бронзы в Ферганской долине. Археологические открытия 1972 года. – М., 1973. С. 465–466.

По расположению хорошо сохранившихся дромосов видно, что могилы располагались близко друг к другу, на одной линии, в форме звеньев цепочки. По сведениям археолога Г.П. Иванова, 6 открытых захоронений находились на одной линии, на глубине 370 см. Все захоронения были повреждены во время прокладки труб. Целым сохранилось только погребение № 1. Покойный был уложен на левый бок, в скорченном положении, головой на запад. На человеческих костях встречаются следы красной охры[1].

В погребении №1 найдены сурьма, золотая серёжка, бронзовая пуговица. Между захоронениями № 1 и № 2 найдены три керамических сосуда, медное шило, ещё одна золотая серёжка. В захоронении № 2 найдены каменная тёрка, обоюдоострый бронзовый нож и фрагменты керамики. В захоронении № 3 обнаружены обоюдоострый бронзовый нож, медное шило, 6 бронзовых бус, большая золотая серьга. В захоронении № 4 – серьга из бронзы и несколько осколков керамической посуды. В захоронении № 5 – более 20-ти бронзовых бус и обломки керамики, две серебряные серёжки. В захоронении № 6 – несколько осколков керамики, бронзовый браслет и миниатюрный брусок[2]. Обнаружение в могилах трёх золотых и двух серебряных серёг говорит о том, что могильник Кашкарча не подвергался грабежу. Обнаруженные в могильнике Кашкарча керамика и бронзовые браслеты по своей форме и составу напоминают Фёдоровский этап Андроновской культуры. Их можно датировать последней четвертью II тысячелетия до н.э.[3]

Среди вещественных источников, обнаруженных в могильниках Южной Ферганы, височные кольца в форме цветков вьюнка имеют особое значение. Проведя комплексный анализ металлических предметов Андроновской культуры, Н.А. Аванесова доказала, что эти кольца, найденные в памятниках культуры Средней Азии, относятся к XIII–XII векам до н.э.[4] Височные кольца в форме цветков вьюнка также найдены в могильниках Япаги и Арсиф. В Кашкарчинском могильнике обнаружены такие же серьги из золота и серебра[5]. Бронзовое зеркало из археологического комплекса могильника Япаги встречается также в археологическом комплексе Кайраккумской[6] культуры. Такие же золотые серьги были найдены в могильнике эпохи бронзы в Муминабаде в Самаркандской области[7]. С

---

[1] *Иванов Г.П.* Кашкарчинский могильник – новый памятник эпохи поздней бронзы в Фергане // ОНУ, № X. – Т., 1988. С. 44–47.

[2] Там же. С. 45.

[3] Там же. С. 47.

[4] *Аванесова Н.А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям). Автореф. канд. дисс. – Л., 1979. С. 17, 24.

[5] *Иванов Г.П.* Кашкарчинский могильник – новый могильник эпохи поздней бронзы в Фергане // ОНУ, № X. – Т., 1988. С. 44–47.

[6] *Литвинский Б.А.* и др. Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. Том XXIII. С. 224. Табл. 49,1.

[7] *Аскаров А.* Могильник эпохи бронзы в Муминабаде. // Сб. «Археологическое изучение Средней Азии». КСИА, 122. – М., 1970.

учётом вышеприведённых фактов хронологические рамки могильников Япаги и Чек можно определить XIII–XII веками до н.э.

Во время строительства Кайраккумского водохранилища в середине 50-х годов прошлого века в западной части Ферганской долины под руководством Б.А. Литвинского были проведены широкомасштабные археологические изыскания. В результате в течение 1954–1956-х годов более чем в 60 местах были обнаружены стоянки скотоводческих степных племён эпохи бронзы и раннежелезного века, могильники Дахана, пункт № 22, в которых были проведены археологические раскопки[1].

По месту обнаружения памятников скотоводческих степных племён эпохи бронзы в западных районах долины Литвинский Б.А. назвал её «Кайраккумской культурой».

Большая часть территории Кайраккумов состоит из такыров (голой, гладкой степи). Встречающиеся во множестве в отдельных местах фрагменты керамики, шлаки бронзовой металлургии, хозяйственные предметы из бронзы и камня, каменные зернотёрки, а также формы для изготовления орудий труда и боевого оружия, обгоревшие кучи камней, углубления для очагов и т.д. свидетельствуют о том, что здесь располагались поселения родовых общин эпохи бронзы и раннежелезного века. На площади будущего водохранилища, вдоль правого побережья Сырдарьи (между рекой Сырдарья и горным хребтом Карамазар), где раскинулся Такыр Ягана, были обнаружены более 60-ти поселений родовых общин эпохи бронзы и раннежелезного века. По месту их расположения они были разделены на три части (восточная, центральная и западная). В большинстве из обнаруженных древних поселений культурный слой не сохранился – они были разрушены под воздействием осадков и ветра.

15 из более чем 60-ти взятых на учёт во время археологических исследований пунктов оказались металлругическими мастерскими древних предков-скотоводов, что свидетельствовало об их профессиональной деятельности. В этих местах было полно шлаков, развалин очагов и обломков котлов для плавки металла и много других предметов, используемых в металлургии.

Во время весенних паводков левый берег Сырдарьи, где находился Кайраккумский массив, часто покрывался илом, поэтому культурный слой не-

[1] *Литвинский Б.А.* Бронзовый и раннежелезный век. / В кн. Гулямова Э. и др. «Археологические и этнографические коллекции Музея Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР». – Душанбе, 1956. С. 11–13; Он же. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайраккумах в 1955. // Тр. АН Таджикской ССР. Т. LXIII. – Душанбе. 1956. С. 27–34; Он же. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайраккумах в 1956 г. // Тр. АН Таджикской ССР. Т. XCI. – Душанбе, 1959. С. 39–51; Он же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайраккумах. // Материалы Всесоюзного совещания археологов и этнографов Средней Азии. М. – Л., 1959. С. 191–196; Он же. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. КСИИМК. Вып. 80. 1960. С. 47–52; Он же. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. // «Известия общественных наук АН Тадж. ССР». Вып. 1 (24), 1961. С. 59–66.

которых поселений сохранился. Такие поселения (стоянки № 6, 16, 30) обычно располагались в низинах Кайраккумского массива. Здесь сохранились руины очагов для плавки металла[1]. Они располагались в один ряд и сосредоточивались в одном месте. Расположенные как звенья цепи рядом друг с другом от трёх до семи очагов для плавки металла встречаются в пунктах 6, 16, 26, 27, 30, 35[2]. Такая картина наблюдается и в других памятниках культуры степных племён эпохи бронзы[3]. Расположение очагов в виде звеньев цепи на определённых площадях свидетельствует, во-первых, о том, что эти очаги для плавки металла принадлежали отдельной парной семье и что в общественной жизни всё ещё сохранялись традиции родовых общин. Во-вторых, близкое расположение очагов говорит о существовании семейных металлургических мастерских. Например, судя по порядку расположения построенных близко друг к другу семи очагов на стоянке № 16, можно предположить, что длина мастерской была примерно 20 м, ширина – не менее 12 м. Площадь стоянки № 13 была не меньше, чем площадь стоянки № 16. К.В. Сальников пишет, что площадь землянки со множеством очагов на стоянке Замараево в Южной Сибири равна 26×11 м[4], а землянка поселения Кипельский – 8,5–10×9–11 м.[5]

Кайраккумские очаги построены из камней или глины. Каменные очаги строились на поверхности земли, а для глиняных очагов рылись углубления в земле, стенки которых укреплялись камнями, а верхняя часть строилась из глины. Поэтому каменные очаги Кайраккумских поселений сохранились хорошо. Они строились в форме круга или овала. Каменные очаги строились внутри землянок, а глиняные очаги за пределами землянок. Возможно поэтому глиняные очаги не строились компактно в одном месте и на поселениях они встречаются редко. Очаги имеют разную площадь. Глиняные очаги меньше по размеру, а площадь каменных очагов двух размеров: небольшие по диаметру – 0,6–1 м и большие – 1–2 м.[6]

Чёткого представления о конструкции Кайраккумских землянок нет. Только на стоянке № 16 во время раскопок были обнаружены куски штукатурки. Но ни на стоянке № 16, ни на других стоянках Кайраккума следы вырытых в такыре землянок или полуземлянок не встречались. Кайраккумцы для возведения жилищ имели возможность использовать (как в могильнике Дахана) сланцевые камни, которых вокруг было достаточно. Однако известный степным племенам этот опыт строительства в Кайраккуме не наблюдается.

---

[1] *Литвинский Б.А.* и др. Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. С. 150.

[2] Там же. С. 150–151.

[3] *Сальников К.В.* Андроновские поселения Зауралья. // СА, XX. – М., 1954. С. 239; *Гуммель Я.И.* Раскопки поселения I на западе от Ханлара (1939–1941 гг.) КСИИМК № XXIII. 1948. С. 70;

[4] *Сальников К.В.* Андроновские поселения Зауралья. // СА, XX. – М., 1954. С. 239.

[5] *Сальников К.В.* Кипельские селища. // СА, XXVII. – М., 1957. С. 194.

[6] *Литвинский Б.А.* и др. Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. С. 151–152.

Выше мы говорили о 15 поселениях Кайраккума, в которых были обнаружены мастерские, где плавили руду, изготовляли орудия труда и боевое оружие, предметы быта и хозяйственный инвентарь. Если учесть, что в хозяйстве степных племён металлургия занимала второе место после скотоводства, то становится понятным, почему большая группа родовых общин Андроновской культуры обосновалась в Западной Фергане и Кайраккумском массиве. Внимание степных племён привлекали богатые залежи металлов в горных хребтах Карамазара. Следует особо выделить медные рудники Навката, снабжавшие металлургов Кайраккума сырьём. В горах Карамазара медные рудники встречаются в таких пунктах, как Учкатли, Турунгли, Джийдачимирсай, Чокадамбулак, Кызылкотан, Варзик[1]. Медные рудники Навката расположены непосредственно рядом с восточной группой поселений Кайраккума. Стоянка № 16 находится всего в 5–6 км от пункта Супатов медных рудников Навката. В Супатове на глубине 3–4 м обнаружена выработка древних рудокопов[2]. В коллекции геолога П.С. Назарова имеется бронзовый топор и рукоятка кирки рудокопа, которые были найдены на руднике Супатов[3]. Эти находки хранятся в фондах Музея истории АН РУз[4]. Существует заключение археологических исследований об использовании медного рудника Супатов в эпоху бронзы[5]. Бронзовые кирки, которые использовались на медном руднике в Супатове, были изготовлены в мастерских Кайраккума. Такие бронзовые орудия труда вместе с формами для их отливки были найдены в мастерской пункта № 16. На основе этих находок можно сделать вывод, что медный рудник Супатов был освоен металлургами Кайраккума в последней четверти II тысячелетия до н.э.[6]

На территории Кайраккума найдено много очагов для плавки руды. Почти во всех поселениях встречаются рудные шлаки. В некоторых местах кучи шлака сохранились в больших количествах. Такие пункты, несомненно, свидетельствуют о существовании мастерских по выплавке руды. На пункте №32 были найдены целые кучи, состоящие из размельчённых, как древесный уголь, синеватых блестящих крупинок. Они занимали площадь от одного до девяти квадратных метров. Это было приготовленное для плавки сырьё медной руды в виде порошка с блестящими крупинками меди. Рядом с ними на площади 30×40 м и более находились кучи рудных шлаков. По примерным подсчётам общий вес этих шлаков мог доходить до 1,5–2 тонн.

[1] *Литвинский Б.А.* и др. Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. С. 170–174.

[2] *Вебер В.Н.* Полезные ископаемые Туркестана. – Санкт-Петербург, 1913. С. 119.

[3] *Назаров П.С.* Дополнение к статье И.Т. Пославского о находках каменных орудий в Средней Азии и Б.Я. Королькова о бронзовом веке. ПТКЛА, т. XI. – Т., 1906. С. 79.

[4] Фонд коллекции Музея истории народов Узбекистана. Инвентарь № 3464.

[5] *Массон М.Е.* Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. «Бюллетень № 11 Среднеазиатского районного геологоразведочного управления». – Т., 1930.

[6] *Литвинский Б.А.* и др. Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. С. 173.

Обычно кучи руды состоят из мелких и крупных кусков серовато-синего цвета с примесью блестящих кусочков. В восточной группе стоянок Кайраккума (пункт № 28) была обнаружена большая куча медной руды. Такие кучи руды встречаются в трёх пунктах на западе центральной группы (№ 14, 33, 36), в 4 пунктах его восточной части (№№ 56, 57, 60, 61). В самом центре 8 пунктов (№ 23, 24, 42, 43, 44, 45, 46, 47) стоянок центральной группы были найдены такие же кучи, причём первые три пункта находились на площади самих поселений. Принесённые для плавки куски руды занимали площадь в 4–5 га.[1] Эти места можно сравнить с целым металлургическим «заводом». Химический анализ образцов руды показал, что сырьё из Навката имело полиметаллический характер, то есть в составе руды Супатов, кроме меди, были железо, цинк, сульфид, свинец.

В Кайраккуме, кроме плавки металла, было хорошо организовано производство из готового сырья орудий труда и боевого оружия. Такого рода работы были поставлены на широкую ногу в пунктах №№ 10, 12, 16, 63. В пункте № 16 были обнаружены каменные формы для отливки металла, в которых отливали бронзовые боевые втульчатые топоры с насадками для рукояток[2].

В производстве бронзы широко применялись керамические котлы (тигли). Например, в пунктах №№ 10, 63 были найдены обломки керамических котлов (тиглей), на дне которых сохранился сплав меди[3]. Химический анализ металлических предметов Кайраккума показал, что в их составе было 83,62 % меди, 10,23 % свинца (кинжал), 97,0 % меди, 0,24 % свинца (нож). Остальную часть сплава составляли сурьма и цинк. Значит, в Кайраккуме был развит центр металлургии, специализировавшийся по производству и использованию меди.

В Западной Фергане, кроме поселений и металлургических мастерских степняков-скотоводов, в нескольких пунктах были найдены и изучены могильники. Например, среди памятников Кайраккума восточной группы поселений, в пункте № 22, рядом с могильником Ходжа-Мазар в каменных ящиках были найдены три погребения. Со временем поверхность сланцевых каменных ящиков стала обнажаться. Один из ящиков (захоронение 3), который был зарыт на холме, обнажился раньше других и был разрушен. Два других были зарыты в низине и поэтому сохранились.

Ящики были выложены в форме трапеции. Погребения ограблены, кости лежали разбросанными на площади могилы. В захоронении 3 были найдены бронзовые бусы, бронзовое украшение овальной формы, кусок графита и фрагменты керамики без орнамента.

---

[1] *Литвинский Б.А.* и др. Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. С. 179.

[2] Там же. С. 191–192, табл. 35 и 36.

[3] Там же. С. 192.

Во второй могиле был похоронен подросток, кости которого были разбросаны внутри ящика. Рядом с костями рук был найден браслет. В самом ящике было обнаружено 18 пастовых бус, кусок керамики и 2 отполированных бруска.

В 35 км к северу от восточной группы поселений Кайраккума в окрестностях кишлака Дахана были найдены несколько небольших курумов, выложенные из камней. Среди местного населения они известны под названием «чёрные курумы». Они подразделяются на две группы: северная группа состоит из каменных сооружений 1–4, а южная группа – из сооружений 5–8. В земле выкапывалась яма, стенки ямы выкладывались камнями, так получались каменные ящики. В некоторых местах верхушки вертикально поставленных камней выступают над уровнем земли. В 7 из них проведены археологические раскопки.

Могилы прямоугольной формы, дно выложено щебнем, стены – камнями. В нижней части каменной стены установлены большие каменные плиты. Каменные ящики были ограблены, каменные крышки ящиков выброшены.

В ящике найдены несколько кусочков керамики, раздавленные человеческие кости, обломок серьги и дисковидное каменное колесо.

В могильнике Дахана всего было обнаружено 7 фрагментов керамики, 1 дисковидное колесо и обломок вьюнковидной серьги. Керамика могильника обожжёна на открытом огне, на поверхности нанесён орнамент в форме заштрихованного треугольника. На одном из них нанесены горизонтальные линии, на других линии выполнены довольно небрежно. По форме восстановленного сосуда и орнамента могильник Дахана напоминает Фёдоровский этап Андроновской культуры, датированный примерно последней четвертью II тысячелетия до н.э.[1]

В предгорных степях на юге горного хребта Карамазар Западной Ферганы, к юго-западу от кишлака Ашт обнаружены около 500 каменных курганов полукруглой формы, диаметром 4–12 метров и высотой 0,4–1,5 м. Среди них встречаются курганы, выстроенные из плоских камней.

Могильник Дашти-Ашт был открыт Н.И. Веселовским в 80-х годах XIX века[2]. В 1957 году около 20 курганов были изучены под руководством Б.А. Литвинского[3]. В 1967, 1971–1974 годах сотрудники Аштского археологического отряда открыли 200 курганов. 48 из них оказались кенотафами. Почти все они были ограблены. В целом, Аштские курганы можно разделить на 4 хронологические группы. К самым древним из них относятся захоронения с

---

[1] *Литвинский Б.А.* и др. Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. С. 164.

[2] *Веселовский Н.И.* ОАК за 1882–1888. – СМб., 1991.

[3] *Литвинский Б.А.* Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. // В кн. «Археологические работы в Таджикистане». Т. V. – Душанбе, 1959. С. 109–129; Он же. Курганы и курумы Западной Ферганы. – М., 1972.

одиночными скелетами. Скелеты погребены с вытянутыми руками и ногами, головой на запад. Могилы были овальной или прямоугольной формы, погребальная камера состоит из каменных ящиков овальной формы. Дно могил загрунтовано. Детские захоронения, как и в могильнике Дахана, осуществлялись в каменных ящиках. Хотя Б.А. Литвинский определил их ранним железным веком, но А.М. Мандельштам находит точно такие же памятники в Южном Туркменистане и определяет их поздним бронзовым веком. В захоронениях Дашти-Ашт были найдены бронзовое шило, серьги и пуговицы, керамические изделия. Керамические сосуды были выполнены в банкообразной форме и покрыты тёмно-красным ангобом. Часть керамики орнаментирована силуэтными насечками в виде ёлочек. Керамические сосуды делятся на две группы. Первую группу можно отнести к культуре степных племён, а вторая напоминает керамику Чустской культуры.

Находки в Дашти-Аште, относящиеся к двум культурам, свидетельствуют о ранних признаках консолидации в Древней Фергане двух этнических групп[1]. Таким образом, эти памятники, характеристика которых приведена выше, принадлежат нашим прототюркским предкам – скотоводам эпохи поздней бронзы и раннего железного века, а найденные в них вещественные источники доказывают, что скотоводческие племена являются составной частью узбекского народа.

VII.5. Северная Бактрия

В начале третьей четверти II тысячелетия до н.э. степные скотоводческие племена Евразии вторгаются и на северные территории Древней Бактрии. Ранние следы этих племён впервые были обнаружены в 1941 году у восточных границ города Душанбе. Это был скелет человека, лежащего в сильно скорченном положении, головой на восток[2]. Это могила была в виде катакомбы, в которой были найдены 10 изготовленных вручную, без применения гончарного круга, керамических сосудов[3]. В том же году на юге от Душанбе, в кишлаке Шаршара было найдено ещё одно погребение с 3 керамическими сосудами[4]. Ещё одно захоронение, в котором человек был уложен в могилу в положении эмбриона, вместе с керамическими сосудами, было обнаружено во время проведения земляных работ для строительства Душанбинского текстильного комбината[5]. Во время строительства водохранилища города

---

[1] *Салтовская Е.Д.* О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане. // КСИА АН СССР. Вып. 154. – М., 1978. С. 95–99.

[2] *Смоличев П.И.* Погребения со скорченными костяками в районе города Сталинабада. ИТФ. АН СССР № XV, 1949. С. 75–82.

[3] *Тереножкин А.И.* Археологические находки в Таджикистане. // КСИИМК. Вып. 20. 1948. С. 76.

[4] Там же. С. 75–76.

[5] *Смоличев П.И.* Погребения со скорченными костяками в районе города Сталинабада. ИТФ. АН СССР № XV, 1949. С. 82.

Душанбе было обнаружено ещё одно такое же захоронение[1]. Совершенно случайно была сделана ещё одна такая находка периода бронзы – кинжал с инкрустированной рукояткой, датируемая концом II тысячелетия до н.э.[2] В могильнике Тупхона Гиссарского оазиса, относящегося к античному периоду, были вскрыты два захоронения бронзового периода. В одном из них находились бараньи кости и изготовленный из кремня нуклеус. На основе этого нуклеуса Б.А. Литвинский эти два захоронения эпохи бронзы определяет периодом раннебронзового века[3]. На самом деле они относятся к периоду мулали эпохи поздней бронзы.

Во время изучения могильника эпохи Кушан М.М. Дьяконов находит погребение бронзового периода[4]. В местечке Тавиль-Дара рядом с горным кишлаком Сангвор Южного Таджикистана был найден клинообразный топор с отверстием для топорища. Ещё один такой же топор был найден в 1957 году в кишлаке Аракчин недалеко от Варзоба[5]. Хронологические рамки этих находок были определены концом III – началом II тысячелетия до н.э.[6]

На территории Юго-Западного Таджикистана были обнаружены следующие памятники Андроновской культуры: могильник Кумсай в Гиссарской долине[7]; стоянка, обнаруженная в совхозе Киров недалеко от города Кургантюбе[8]; керамика Андроновской культуры рядом с Джиликулем[9]; Андроновская керамика и бронзовые орудия в верхних слоях поселений Туткаул и Сай-Сайёд эпохи неолита[10]; фрагменты Андроновской керамики под городищем античного периода Саксанохур вблизи города Пархар[11]. Одиночные захоронения Андроновской куль-

---

[1] *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность). ВДИ № 1, 1972. С. 139.

[2] *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии . – М., 1966. С. 52–53.

[3] *Литвинский Б.А.* О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. ИАН Тадж. ССР, № 1. – Душанбе, 1961. С. 62.

[4] *Дьяконов М.М.* Работы Кафирниганского отряда. // МИА, 15, 1950. С. 157–162.

[5] Литвинский Б.А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. ИАН Тадж. ССР, № 1. – Душанбе, 1961. С. 59; *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – М., 1966. С. 8.

[6] *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии . – М., 1966. С. 8.

[7] *Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т.* Могильник Кумсай в Южном Таджикистане. // Информ. бюллетень» МАИКЦА. Вып. XVII. 1990. С. 98.

[8] *Литвинский Б.А., Соловьёв В.С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. // Успехи Среднеаиатской археологии. Вып. I. – Л., 1972. С. 41.

[9] *Пьянкова Л.Т.* Энеолит и бронзовый век. «История таджикского народа». Т. I. – Душанбе, 1998. С. 170.

[10] *Ранов В.Н., Коробкова Г.Ф.* Туткаул – многослойное поселение Гиссарской культуры в Южном Таджкистане. // СА, № 11, 1971. С. 146.

[11] *Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). / СА, № II, 1969.

туры встречаются в Дангаре[1]. В кишлаке Туюн на территории Ховалин Южного Таджикистана был найден могильник Андроновской культуры. Андроновская керамика встречается в поселении Ташгузар Бишкентско-Вахшской культуры. Фрагменты андроновской керамики найдены в Восточном Памире, на левом берегу реки Вахш, в окрестностях Кара Бури[2].

Эти находки, принадлежащие степным племенам северных скотоводов, свидетельствуют об обширном освоении территории Юго-Задного Таджикистана племенами эпохи бронзы. Следует отметить, что такие находки встречаются и на территории Южного Узбекистана. Например, фрагменты керамики и одиночные захоронения Андроновской культуры были обнаружены на холме №5 городища Джаркутан, фрагменты керамики степной бронзы встречались в верхних слоях Джаркутана и на могильнике Бустан VI[3].

На мулалинском этапе культуры Сапалли этнические группы северных скотоводческих племен вторгаются внутрь общин многих поселений оседлоземледельческой культуры Северной Бактрии. Этот процесс хорошо изучен на примере памятников Джаркутан, Тегузак, Кангурттут, Каримберди, Ранний Тулхар, Ранний Аруктау, Тигровая Балка, Вахш, Макони-мор, Бишкент I, II, III, Ойкуль, Джаркуль.

В 1987–1988 годах во время проведения археологических раскопок в могильнике Кумсай было открыто 21 захоронение[4]. Внутреннее строение захоронения было в форме ступенчатой могильной ямы, дромос могил был заполнен камнями. Сама могильная яма разрушилась и скелеты были засыпаны землёй. В одном из них (захоронение 1) находился скелет, вокруг грудной клетки и таза которого были найдены 70 бронзовых бус, а на ногах – более 30 бронзовых бус биконической формы. В погребальной камере были разбросаны обломки керамики. В области ушного отверстия найдены 2 серёжки, покрытые серебром, 3 бусинки из пасты, под черепной коробкой и шейными позвонками – целая связка бус. В другой могиле (захоронение 3) в беспорядке лежали человеческие кости. В могиле найдены бусы из бронзы и пасты, обломок керамического сосуда, изготовленного на гончарном круге. Дромос 4-го захоронения ступенчатый, в могильной яме похоронена девушка. На костях рук – бронзовые браслеты, рядом с черепом – мелкие бусы из бронзы, серебра и пасты, на шее – мелкие бронзовые бусы, рядом с тазовыми костями – бронзовые бусы и возле черепа – керамический сосуд с узором из геометрических линий, выполненных штампом. В других могилах находились фрагменты керамики, бусы из бронзы и пас-

[1] *Пьянкова Л.Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана от Балкан до Гималаев. Время цивилизаций. № II, С- II. – Кишинёв – Одесса, 1999, С. 291. С.291.

[2] *Виноградова Н.М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М., 2004. С. 77–85.

[3] *Аванесова Н.А.* Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре. Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. – Т., 2010. С. 6, 7, 116, 117.

[4] *Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т.* Могильник Кумсай в Южном Таджикистане. // Информ. Бюллетень МАИКЦА. Вып. XVII. 1990. С. 98.

ты, керамическая тарелка (захоронение 9), керамический кубок и бронзовая серьга (захоронение 10). В остальных 11 захоронениях могильника Кумсай наблюдается такая же картина.

Анализ вышеперечисленных находок позволяет сделать следующие выводы: В могильнике Кумсай внутреннее и внешнее строение захоронений идентичны. Детские захоронения в могильнике расположены компактно, на отдельной территории. Дромосы многих могил заполнены камнями. Могильные ямы находятся у северо-западной стены входной ямы, скелеты лежали в скорченном положении, головами на северо-восток, уложены лицевой частью в сторону входа могильной ямы. Мужчины лежат на правом боку, женщины – на левом. В могилах встречаются по одному керамическому сосуду, на костях рук покойных – браслеты, на ногах и грудной клетке – связки бус.

В 1997 году во время археологических раскопок в бассейне Кызылсу впервые был обнаружен могильник Андроновской культуры[1]. Этому древнему могильнику было дано название Туюн, где было исследовано 2 захоронения. Это были катакомбные захоронения, в одной из могильных камер был обнаружен скелет девочки, которая лежала на левом боку, в скорченном положении. В ушной полости скелета была найдена бронзовая серьга, пастовые бусы, на ногах связка бронзовых бус биконической формы, возле черепной коробки – керамический сосуд. По составу предметов, обнаруженных в захоронении, могильник Туюн относится к Фёдоровскому этапу Андроновской культуры.

На верхней терассе реки Вахш, в 12 км от города Кургантюбе, в 1971 году было найдено поселение[2], в котором было обнаружено два культурных слоя. В нижнем слое были найдены остатки каменного очага, фрагменты керамики, нож, каменные зернотёрки, терракотовый калип для литья зеркал. По форме керамические сосуды напоминают поздний этап Андроновской культуры – алексеевскую керамику. Орнамент выполнен в форме треугольников, выполненных насечным способом.

Керамика с таким орнаментом во множестве встречается в поселении Кангурттут. Среди керамики есть черепки, типа керамики Кучук I, что свидетельствует о двухслойности памятника. Б.А. Литвинский нижний слой этого поселения определяется эпохой бронзы, а верхний слой – периодом Яз I.

Археолог М.А. Бубнова на основе археологических материалов обосновала, что степные скотоводы Андроновской культуры достигли территории Восточного Памира[3]. Здесь под грудой камней была обнаружена каменная ограда. Внутри

---

[1] *Виноградова Н.М.* Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы. // Сб. «Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии». – М., 2000. С. 105.

[2] *Литвинский Б.А., Соловьёв В.С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. Успехи Среднеазиатской археологии. Вып. I – Л., 1972. С. 41.

[3] *Бубнова М.А.* Раскопки и разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджаная и на озере Яшикуль (работы 1984 г.) //АРТ. Вып. XXIV (1984). – Душанбе, 1993. С. 312.

каменной ограды в каменном ящике находились детские кости, череп лошади, в центре захоронения – зола от костра, в котором были кости животных и фрагменты керамики. Один из кусков керамики, выполненной способом насечки, имеет орнамент в форме меандра, напоминает фёдоровский этап Андроновской культуры. Точно такие же фрагменты керамики обнаружены в могильнике Джартигумбаз на Восточном Памире[1].

На территории Северной Бактрии достаточно широко изучены памятники местных скотоводов, которые развивались под влиянием культуры андроновцев. Они найдены и исследованы в основном в горных регионах Северной Бактрии. Одним из них является поселение Ташгузар Вахшской культуры, среди керамического комплекса которого найден фрагмент керамики Андроновской культуры[2].

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно прийти к выводу, что происхождение памятников скотоводческих племён эпохи бронзы на территории Северной Бактрии связано с тремя этническими группами. Первую группу составляют этнические группы скотоводов Бишкентско-Вахшской культуры, вторую – этнические группы Сапаллинской земледельческой культуры, в третью группу входят этнические группы Андроновской культуры Евразийских степей. Значит, территория Северной Бактрии была центром взаимных экономических, политических и этнокультурных связей различных этнических групп эпохи поздней бронзы.

Анализ археологических источников, обнаруженных на территории Северной Бактрии, показывает, что вторжение на эту землю северных степных (Андроновских) племён впервые происходит на кузалинском этапе Сапаллинской культуры. Хронологические рамки этого этапа приходятся на XIV – XIII века до н.э., и именно в эти века со степей Евразии на территорию междуречья Средней Азии пришли скотоводческие племена ариев. Фрагменты керамики Андроновской культуры, которые были обнаружены в памятнике Джаркутан в Северной Бактрии, свидетельствуют о раннем этапе вторжения северных племён в среду древних земледельческих общин[3]. Самая древняя керамика этого периода обнаружена в коридоре Джаркутанского храма, где хранились священные предметы, в кузалинском культурном слое[4]. Ещё один фрагмент керамики этого периода найден в овраге, пересекающем поселение Джаркутан[5]. Черепок был украшен косыми штрихованными треугольниками и меандром раннего периода Фёдоровской ступени Андроновской культуры. В священном очаге Джаркутанского храма

---

[1] *Литвинский Б.А.* Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. – М., 1960.

[2] *Виноградова Н.М.* Поселение эпохи поздней бронзы. С. 8–9.

[3] *Итина М.А.* История степных племён Южного Приаралья. – М., 1977. С. 145.

[4] *Аскаров А.* Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации. «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций». – Алма-Ата, 1989. С. 160–166; *Аванесова Н.А.* Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре. Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. – Т., 2010. С. 110–111.

[5] *Аскаров А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы Средней Азии. – Самарканд, 1993. С. 77–78.

также были обнаружены несколько обломков керамики степняков, среди которых находился крупный черепок с орнаментом по венчику, схожим с узорами Фёдоровского этапа. Фрагменты керамики, напоминающие ранний этап Фёдоровской ступени, обнаружены и в могильнике Бустан VI[1].

В Джаркутане найдено много фрагментов керамики, изготовленной под влиянием традиций гончарного ремесла степных племён (см. рис. 10). Хотя эти сосуды и были изготовлены на гончарном круге, но по нанесённому орнаменту, цвету, составу глины они напоминали тазабагъябские сосуды. В большом количестве они встречаются в Джаркутане. Например, в могильнике Бустан VI обнаружено 11 таких черепков[2] и в достаточном количестве чисто тазабагъябской керамики[3].

В захоронениях Сапаллинской культуры найдены миниатюрные образцы различных украшений скотоводов севера[4]. Большинство из них относятся к периодам Мулали и Бустан[5]. Такая картина свидетельствует о том, что со второй половины II тысячелетия до н.э. происходит процесс ускоренного вторжения степных скотоводческих племён севера на территорию Средней Азии. Эти процессы, описанные в преданиях Авесты, тесно связаны с миграцией арийцев на юг в середине II тысячелетия до н.э.

Их следы встречаются не только в памятниках Джаркутан и Бустан, но и в древних могильниках на территории Нурекской ГЭС Южного Таджикистана[6], погребениях Тандырйул и Заркамар в Гиссарской долине[7], поселениях Дахана[8] и Тегузак[9], могильнике и поселении Кагурттут в бассейне реки Таирсу, в поселении Бараки-Куруг[10] и, наконец, в памятнике Ходжа Гаиб (Кулябская долина)[11]. В

[1] *Аванесова Н.А.* Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре. Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. – Т., 2010. С. 116-117.

[2] Там же. С. 120.

[3] Там же. С. 121.

[4] *Аскаров А., Абдуллаев Б.* Джаркутан. – Т., 1983. Табл. XLV, 17.

[5] *Аванесова Н.А.* Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре. Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. – Т., 2010. Рис. 10(3).

[6] *Пьянкова Л.Т.* Нурекский могильник эпохи бронзы. Археологические открытия 1974 года. – М., 1975. С. 542–543; Она же. Отчёт о работе Нурекского археологического отряда. //АРТ, вып. XIV (1974). – Душанбе, 1979. С. 78–92.

[7] *Виноградова Н.М.* Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане. // МАИКЦА, вып. XVIII. – М., 1991. С. 68–88.

[8] *Пьянкова Л.Т.* Работа Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985). АРТ. Вып. XXV. – Душанбе, 1994. С. 157–165.

[9] *Пьянкова Л.Т.* О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 году. //АРТ, вып. XX (1980). – Душанбе, 1987. С. 117–125.

[10] *Виноградова Н.М.* Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана. Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987. С. 76–91; *Vinogradova N.M.* The Farming Settlementof Kangurttut: inoundin Southern Tadjikistan. // Inform. Bulletin IASCCA, Вып. XX. – Moskov. thehate Brinze Age. AMI, B.27, Berlin. 1994. P. 29–47; *Vinogradova N.M.* Kangurttut: The Ancient Agricultural Burial Gr 1996. P. 171–194.

[11] *Виноградова Н.М., Гетцельт Т., Пьянкова Л.Т.* Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан). РА. – М., 2003. С. 103.

целом, на территории Северной Бактрии в более чем 30-ти местах встречаются следы материальной культуры племён Андроновской культуры.

Таким образом, на территории 5 крупных историко-культурных регионов Средней Азии (Древний Хорезм, Зарафшанская долина, Ташкентский оазис, Древняя Фергана и Северная Бактрия) более чем в 230 местах были обнаружены памятники тюркоязычных скотоводческих племён, пришедших с Евразийских степей в эпоху бронзы и раннежелезного века. Практически не было ни одного места, куда бы не вторглись и не установили своё военно-политическое господство эти племена. Вначале они обживают территории неподалёку от посевных площадей коренного местного оседлого населения. Затем между ними устанавливаются взаимные экономические отношения. Эти хозяйственно-экономические связи постепенно преобразуются в этнические отношения. Как уже отмечалось выше, на территории современного Узбекистана и его окрестностях до этого проживали оседлые земледельцы и скотоводческие племена саков, которые говорили на восточных диалектах древних иранских языков. Археологические памятники этих земледельцев и саков-скотоводов широко распространены по всей Средней Азии. Начиная с эпохи бронзы представители этих двух этнических слоёв проживают на одной территории, происходит развитие экономических и этнокультурных отношений и между ними начинается взаимное этническое сближение.

Это этническое сближение играло большую роль не только в становлении хозяйства и экономики населения, но и в формировании его языка. Оно нашло отражение в текстах Авесты, в наскальных надписях Ахеменидов, в отрывках древних письменных источников на согдийском, хорезмийском, бактрийском и сакском языках, в этнотопонимах, этнографических терминах. По этой причине исторически сложилось так, что коренное население Средней Азии в эпоху бронзы и в более ранний период разговаривало на различных диалектах древних иранских языков.

На протяжении многих веков прототюркские племена, проживая по соседству с местными ираноязычными согдийцами, бактрийцами, хорезмийцами и представителями среднеазиатских сакских племён, сближаются с ними на основе взаимных экономических и этнокультурных отношений. Такое положение нашло своё отражение на примере Суярганской и Тазабагъябской культур в Древнем Хорезме, Чустской и Кайраккумской в Древней Фергане, Сапаллинской и Андроновской культур в Древней Бактрии. Если в Древнем Хорезме в эпоху поздней бронзы (на этапе Каунчи) наблюдается симбиоз этнокультурных компонентов двух этнических групп, то в Северной Бактрии в находках, обнаруженных на этапах Кузали и Мулали Сапаллинской культуры явно видны следы материальной культуры древнейших предков, говоривших на прототюркском языке. Все вышесказанное свидетельствует о том, что узбекский народ сформировался в процессе ассимиляции двух этнических слоёв (ираноязычных и тюркоязычных), начавшейся в эпоху поздней бронзы.

Глава VIII
ИСКОННАЯ РОДИНА ТЮРКСКИХ ПЛЕМЁН
АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

В советской исторической лингвистике было распространено мнение, что родина тюрков – Горный Алтай, что тюрки сложились в этих краях, а затем распространились по другим землям. В формировании этого представления большую роль сыграло образование на территории Горного Алтая Тюркского каганата (с использованиям этнонима «тюрк»). Этнолингвистические исследования, проведённые в регионе Горного Алтая течение XVIII–XIX веков, доказывают обоснованность этой научной гипотезы. Таким образом, Горный Алтай впервые упоминается в качестве древней родины тюркских народов и в мировой исторической лингвистике впервые появляется термин «Алтайская языковая семья». В научной аргументации этого термина большую роль сыграли легенды о происхождении тюрков, которые были собраны этнографами и лингвистами в этом регионе.

Среди тюрков Алтая до сих пор из уст в уста передаются две легенды о происхождении своего народа. Первая легенда гласит о том, что все хунны, ушедшие на запад с Атиллой, спустя много лет были начисто истреблены соседями. Уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Горный Алтай и там родила десять сыновей. Они размножились, и род волка стал ловким и воинственным от природы. «По прошествии нескольких поколений, ставший их лидером Асаншад со всем аймаком вышел из пещеры и просил земли от жужанов, которому принадлежал эти края. В свою очередь, хакан жужанов поставил перед ним условие, что бы они работали на горных карьерах в качестве вассала жужанского хакана». Таким образом, «согласно первой легенде, алтайские тюрки происходили из западных хуннов, т. е. тюрки по матери происходили от волчицы»[1].

Согласно второй легенде, «тюрки происходили из местных племен «Со», которые также являются из рода волчицы. В легенде говорится, что вождь племени Абанбу имел 17 братьев. Имя одного из них был Ичасин Ишид, т.е. «сын волчицы». Все представители рода Со, по легенде, погибли «из-за собственной глупости», только четыре внука волчицы уцелели. Первый превратился в лебедя, второй поселился на реке Каме, третий – на реке Чуса и четвертый, самый старший –

[1] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М. 1993, С. 23.

Нудулишод – в предгорьях Западных Саян. Младшая жена Нудулишода родила сына – Ашина. Ашин победил всех братьев в соревновании и стал предводителем рода[1]. С тех пор этот род называют родом Ашины. Благодаря бесстрашию и деловым качествам его род обретает могущество, и он становится вождём племени. Теперь это племя именуется Асаншод. Внук Ашина Тумынь (Бумынь) в 551 году н.э. принимает титул хакана всех тюрков[2].

Текст этих двух легенд повествует не об алтайском происхождении древних тюрков, а об объединении на землях Горного Алтая вокруг князя Ашины дружины воинственных удальцов под именем «тюрк». «Тюрками… называлась орда, сплотившаяся вокруг князя Ашина и составившая… небольшой народ, говоривший уже по-тюркски. Но соседние народы, говорившие на том же языке, тюрками отнюдь не назывались»[3]. Во времена правления сына Ашина Туу и внука по имени Тумынь его род подчиняет племена теле, жужан и другие. Теперь не только на Горном Алтае, но и во всей Центральной Азии тюркоязычные племена называют себя тюрками.

Под влиянием этнолингвистических материалов, собранных в районах Горного Алтая и легенд о происхождении тюрков от волчицы, в исторической лингвистике, на наш взгляд, сложилось одностороннее представление о том, что Горный Алтай является древней родиной тюрков. А затем (начиная с античного периода – А.А.) тюркские племена с территории Горного Алтая распространились по всей Центральной Азии, в частности, по всей Южной Сибири, Юго-Восточногму Зауралью, степям Казахстана, по нижнему бассейну Нижней Волги, Дона, Днепра и Средней Азии. В советской историографии господствовало устоявшееся мнение, что на территории от северо-восточного побережья Чёрного моря до Байкала проживали племена, говорившие на диалектах древнеиранских языков.

По результатам сравнительно-типологического анализа археологических материалов эпохи бронзы и раннего железа, обнаруженных на территории Горного Алтая, с материалами Южной Сибири, Казахстанских степей, Зауралья, районов Семиречья можно сделать вывод о единообразии материальной и духовной культуры этих регионов, об устойчивых этногенетических связях и схожести этнографического образа жизни. Такого рода типологические сравнительные исследования были проведены и на примере антропологических серий, которые также подтверждают этногенетическое единство степных племён этих регионов.

Эти племена эпохи бронзы, проживавшие в степях к востоку от Нижней Волги, в археологической литературе именуются носителями *Андроновской культуры*. Памятники Андроновской культуры встречаются в степях от Западного Казахстана до Юго-Западного Байкала.

---

[1] *Рахмонов Н.* Турк хоконлиги. – Т., 1993. С. 42–43.
[2] *Гумилёв Л.Н.* Древние тюрки. – М., 1993. С. 24.
[3] *Гумилёв Л.Н.* Хунну. – М., 1960. С. 23.

Как известно, в советской историографии хунны были признаны прототюркскими племенами. Известный историк Л.Н. Гумилёв в своём произведении «Хунну» («История народа хунну») пишет, что в китайских летописях хунны впервые упоминаются в 1764 году до н.э., затем в 822 и 304 годах до н.э.[1] Как пишет профессор А. Ходжаев, в последние годы китайские и японские учёные подготовили 24-томную историю Китая (Эр си ши), в которой отмечается, что термин «прототюрк» в китайских источниках впервые встречается 4 тысячи лет тому назад[2].

А. Ходжаев, опираясь на китайские источники, пишет, что история княжеств Северного Китая стала записываться летописцами того времени с последней четверти III тысячелетия до н.э. Эти летописцы, которые в малых царствах Древнего Китая назывались «ши», подтверждают, что у северных, северо-западных и северо-восточных границ княжеств Северного Китая обитали скотоводческие прототюркские племена. Княжество Шя было одним из таких небольших княжеств, правивших в Северном Китае в 2205–1766 годах до н.э. Затем в 1766–1122 годах до н.э. власть переходит в руки малого княжества «Шонг». Работавшие в государственных канцеляриях этих двух княжеств летописцы – «ши» на камнях, костях и бамбуке записывали историю своих княжеств, а также оставили сведения о приграничных племенах и народностях.

До нас дошли имена летописцев «ши» Са Дже и Рюй Сунг. В I тысячелетии до н.э., в связи с возросшим объёмом работы, увеличивается штат летописцев. События записывались по усмотрению правителей, которые обожествлялись в летописях как «дети Тенгри». Деятельность правителей воспринималась в качестве законов и этических норм, установленных самим Тенгри. На основе этих летописей Сыма Цянь создаёт «Исторические записки».

С 319 года н.э. появляются не только исторические летописи, но и произведения историографического характера. В период правления династии Танг (618–907 гг.) запись исторических событий возводится до уровня государственной политики и государство устанавливает монополию на этот род деятельности. Летописцы «ши» записали официальную хронику правления 24 канонических династий, поэтому этот трактат получил название «24 истории» – «Эр си ши». Первый том этого трактата – «Исторические записки» принадлежит перу Сыма Цяня, а последняя описывает историю династии Мин (1368–1644 гг. н.э.). В хронологическом отношении история 24 династий охватывает период более 3,5 тысячи лет (2205 год до н.э. – 1644 год н.э). Учёный-китаевед Ахаджон Ходжаев пишет, что в тех томах, которые охватывают период древней

[1] *Гумилёв Л.Н.* Хунну. – М., 1960. С. 23.

[2] *Хўжаев А.* Қадимги Хитой манбаларидаги туркий халқларга оид айрим этнонимлар. «Ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият». – Т., 2003. С. 178.

и средневековой истории Китая, представлено множество ценных сведений по истории Турана и Туркестана[1].

В «Большом словаре китайских иероглифов», составленном на основе «Исторических записок» Сыма Цяня, упоминается о скотоводческих прототюркских племенах «ху» – предков хуннов, «тиек» (читается как «ди»), «ривем» (читается как «рунг»), «гуз», которые проживали у северо-западных границ княжества «Шя» в Северном Китае[2]. Эти сведения приводятся в источнике «Книга Шя», или «Истории династии Шя» (кит. «Зуочжуан»), в котором излагается история малого княжества Шя XXI–XVI веков до н.э. Такие же сведения встречаются в словаре Си Юаня «Этимология слов»[3].

«В процессе исследований последних лет было выяснено, – говорит учёный-китаевед А. Ходжаев, – что этнонимы «тиек» и «тиук» являются китайской транскрипцией терминов «тюрк», «ху-гуз», «хун», а словом «ривем» («рунг») китайцы называли тюрков (вернее, прототюрков – А.А.), что означало – «воины верхом на конях» или «сидящие верхом на конях». Если «тиек» («тиук») являлось обобщенным названием представителей всего рода, то «гуз» и «хун» относились к его отдельным частям»[4].

Как пишет А. Ходжаев, в китайском языке звук «р» не произносится так чётко, как в других языках, поэтому китайцы слово «хур» выражали иероглифом «ху». Позднее восточные «ху» по-китайски стали называться «дунгху» и в современном русском языке это слово звучит как «тунгус». «Ди», в свою очередь, делились на красных ди («чи ди»), больших ди («жонг ди»), белых ди («бай ди»). «Рунги» тоже подразделялись на западных рунгов («ши рунг»), горных рунгов («шан рунг»), лесных рунгов («линг рунг») и проживали в степях Южной Сибири.

Во второй книге истории династии Хань «Летопись хуннов» говорится, что на юге правила великая империя Хань, а на севере жили могущественные «ху» – хунны. Историк империи Восточной Хань Чженг Шюань писал, что «ху» – это современные сюнну», то есть хунны[5].

В некоторых китайских источниках «ди» обозначаются как «динглинг». Китайский историк Дуан Лянчин пишет, что «гуйфанги» времён правления

---

[1] *Хўжаев А.* Қадимги Хитой манбаларидаги туркий халкларга оид айрим этнонимлар. «Ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият». – Т., 2003. С. 178–184.

[2] *Хўжаев А.* Фаргона тарихига оид маълумотлар. – Фарғона, 2013. С. 7; Хитой тили катта иероглифлар луғати. 3-жилд. – Чэнгду, 1990. С. 2057

[3] *Си Юань.* Сўзлар этимологияси. 1218 бет. Пекин, 1979.

[4] *Хўжаев А.* Фарғона тарихига оид маълумотлар. «Фарғона нашриёти», 2013. С. 8; *Ходжаев А.* О самой ранней китайской транскрипции этнонима тюрк. Актуальные проблемы китаеведения: вопросы филологии, политики, экономики и философии. Т., 2006. С. 12–17; Он же. Древнейшая китайская иероглифическая транскрипция этнонима «тюрк». Shygys Kazakhstan № 1, 2008. С. 7–26; Он же. Из истории древних «тюрков» (Сведения древнекитайских источников). – Т., 2010. С. 19–31.

[5] Хитой тили катта иероглифлар луғати, 3-жилд, 2057.

малых княжеств «Шя» (2205–1766 гг. до н.э.), «Шонг» (1766–1122 гг. до н.э.) и «Чжоу» (1122–771 гг. до н.э.) и есть те самые динглинги[1]. По китайскому историку Люй Симян, «прежде названные племена динлин или динглинг позже стали называться чиле, теле. Сейчас их обобщенно называем уйгурами, а на западных странах их называют тюрками. На самом деле тюрк и уйгур являются составной частью динглинг… Китайцы племена чиле назвали «гавчэ» (кангли). Эти родовые названия хотя не похожи друг на друга, но они имеют единое происхождение. Причиной появления в китайских источниках имен «теле» и «гавчэ» был тот факт, что проживавшие на севере Великого песка и подчинившиеся династии Вэй (220–260 гг. н.э.) кочевые племена получили название «гавчэ», а проживавшие на севере песка, но подчинившиеся жужанам, названы «теле»[2].

По утверждению А. Ходжаева, в древних китайских источниках звук «д» заменяется звуком «т» и термин «динглинг» произносится как «тинглинг». Впоследствии звук «нг» опускается и «тинглинг» начинает произноситься как «теле». Затем звук «т» был заменён звуком «ч» и «теле» произносится как «челе» или «чиле». Значит, племена ди, динглинг, тинглинг, теле, челе, чиле являются потомками «ху».

В III–VI веках н.э. они были известны под именем «туро». «Теле» и «туро» не являются названием одного племени, они относятся к разным родам тюркоязычных племён, потому что по традиции кочевых племён все племена и рода, входившие в политическое объединение племён, назывались по имени того племени, которое предводительствовало в этом союзе. Например, в одно время политическое объединение прототюркских племён возглавляло племя «ху», спустя определённое время лидерство переходит к племени «ди». Впоследствии предводительство в политическом объединении прототюркских племён – союзе племён переходит к хуннам. Как свидетельствуют источники, после распада власти хуннов часть из них ушла на Запад вместе с Атиллой, а оставшиеся прототюркские племена объединились под предводительством племени «туро». В состав этого объединения входило 44 племени, названия которых приведены в истории северных династий[3].

Таким образом, согласно вышеназванным китайским письменным источникам, на северных, северо-восточных и северо-западных границах малых княжеств Северного Китая в III–II тысячелетиях до н.э. жили общины скотоводческих прототюркских племён «тиек», «ху», «ди», «хунн». В китайских иероглифах в разное время они произносились по-разному, но несомненно одно – все они относились к тюркскому этносу.

---

[1] *Дуан Лянчин.* Динглинглар, қанглилар ва туролар. I-жилд. – Урумчи, 1996. С. 115.
[2] *Люй Симян.* ХХР халқларир тарихи. Шанхай, 1987, С. 87.
[3] Кўҳна Танг сулоласи тарихи. 2-кисм. 199 боб, 15393 бет.

Результаты археологических исследований подтверждают, что на этой территории в эпоху бронзы проживали носители Андроновской культуры. Памятники Андроновской культуры раскинулись на территории от западных границ Южной Сибири до Юго-Восточных регионов Уральских гор.

С.В. Киселёв особо подчёркивает близость памятников Андроновской культуры XVIII века до н.э., обнаруженных в Минусинской низменности и в бассейне Енисея, со Срубной культурой степей Волги, Дона и Днепра[1]. Эти племена проживали на огромной территории, в степях от нижней Волги до Монголии, от Юго-Восточного Урала до Средней Азии[2]. Значит, можно говорить о том, что упоминаемые в древних китайских письменных источниках скотоводческие племена «тиек», «ху», «ди», «гуйфанг», «туфанг», «рунг», «хунны» и другие были носителями Андроновской культурной общности, говорившие на древнем прототюркском языке.

Гипотезы о принадлежности племён Андроновской культурной общности к прототюркскому этносу существовали и ранее[3]. Однако лингвистический анализ таких источников, как Авеста, Веда не подтвердил эти гипотезы, но учёные пришли к выводу, что проявление генетических связей между племенами Срубно-Андроновской культур эпохи бронзы и племенами савроматов и саков (VII–V века до н.э.) в археологических материалах находят своё подтверждение в античных и древнеперсидских письменных источниках[4]. В те времена не было письменных источников, подтверждавших, что племена Великой тюркской степи говорили на прототюркском языке. В древних китайских письменных источниках в переводах Н.Я. Бичурина имелись некоторые намёки на то, что носители Андроновской культуры говорили на прототюркском языке, но господство европоцентристских взглядов в советской историографии не давало возможности для развития этой мысли.

Эти предположения стали находить своё подтверждение благодаря обретению независимости. Объективный анализ китайских письменных источников в настоящее время даёт возможность утверждать, что в эпоху бронзы и даже в более ранние времена на огромной территории к востоку от нижнего бассейна

---

[1] *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. С. 100.

[2] *Грязнов М.П.* Племена Сибири и Казахстана в эпоху бронзы. // Очерки истории СССР. – М., 1956; *Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе, 1986; *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племён эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Т., 1991.

[3] *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.–Л., 1960. С. 112; *Аманжолов А.С.* Рунообразная надпись из сакского захоронения. // Вестник АН КазССР, № 2, – Алма-Ата, 1971. С. 64–66; Он же. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дисс. – Алма-Ата, 1975; Он же. Тюркская руническая графика. – Алма-Ата, 1980.

[4] *Бернштам А.Н.* Спорные вопросы истории кочевых народов в древности КСИЭ, вып. XXVI. 1957; *Смирнов К.Ф.* Проблема происхождения ранних сарматов. – М., 1957; *Кузьмина Е.Е.* Сложение скотоводческого хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. – М., 1974; *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифские. Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973.

реки Днепр – на Дону, по нижнему течению реки Волги, на Оби, в бассейне реки Енисей, по обеим сторонам Уральских гор проживали прототюркские предки современных тюркских народов. Часть этой территории, начиная с эпохи раннего средневековья, стала «осваиваться» славянами по направлению с запада на восток. В течение XVII–XVIII веков н.э. централизованное Российское государство проводит политику «военного освоения» восточных земель и расширяет свою территорию вплоть до Уральских гор. В XVIII и первой половине XIX века отряды военизированных предпринимателей Российской империи переходят за Урал и доходят до Курильских островов и Камчатки.

На самом деле, в древности (во II веке до н.э. – II веке н.э.) ранние предки славян проживали по среднему течению реки Днепр. На востоке от них жили сарматы, по нижнему течению Днепра и Дона – скифы-аланы[1]. Как известно, Древнерусское государство восточных славян (со столицей в городе Киеве) образовалось в IX–XII веках н.э. в среднем бассейне реки Днепр. Расширяясь на восток, к концу XIII и в течение XIV века на территории до среднего течения реки Волги создаётся единое русское государство. В те времена в нижнем бассейне рек Днепр, Дон и Волга располагались печенеги, в районах среднего течения реки Волги – мордва[2]. Обнаруженные в этих регионах археологические и антропологические комплексы и их сравнительный анализ с древними китайскими письменными источниками даёт возможность смело утверждать, что жители обширных просторов Евразийских степей в древности и в средние века говорили на древнетюркском языке[3]. Согласно древним китайским источникам, в эпоху энеолита и ранней бронзы на этих землях проживали скотоводческие прототюркские племена ху, хули. На северо-западе от них до Северного Урала были расселены финно-угорские племена[4].

По Авесте, когда главный бог добра зороастризма Ахурамазда создавал этот мир, он сотворил для людей земли и страны с различными климатическими условиями. В первую очередь, он создал священную Арьянам Вайчах с обширными пастбищами, удобными для выпаса скота и расселил там арийцев. Название Арьянам Вайчах означает «страна арийцев». Изучая гимны Авесты, учёные искали страну Арьянам Вайчах на территории Ирана, Древней Бактрии, Древнего Хорезма, Гератского оазиса, Иранского Азербайджана. Однако, на наш взгляд,

---

[1] Очерки истории СССР. – М., 1956. См. карту «Северное Причерноморье во II в. до н.э. – II в. н.э. ».

[2] Археология СССР. Том «Древняя Русь. Город, замок, село». – М., 1985. Табл. 2, 3, 4. С. 32–36.

[3] *Асқаров А.* Мустақиллик йилларида тарих, археология ва этнология. // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар, № 6, – Т., 1996. С. 71; Он же. Об исконной родине расселения древних тюрков. ИМКУ, вып. 32. – Т., 2001. С. 69–72; Он же. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик асослари. // «Ўзбекистон тарихи», № 4. – Т., 2002. С. 55; Он же. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик масалалари. // «Ўзбек халқининг келиб чикиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. – Т., 2004. С. 4–6.

[4] БСЭ. – М., 1956. Т. 45. С. 196–197; Ўз МЭ. – Т., 2005. Том 9. С. 250–251.

исходя из восхвалений и прославлений природы, естественно-географических климатических условий, образа жизни, занятий и основного богатства населения Арьянам Вайчах следует искать в степях Евразии, потому что жители этой страны вели присущий степнякам кочевой образ жизни. Их боги были «владельцами обширных пастбищ», «посылающими прекрасных коней». Они молили своих богов, чтобы те посылали на их пастбища дожди, они приносили в жертву своим богам коней, бычков и баранов. Тваштар считался божеством, создавшим колесницу. Все виды колёсного транспорта, двухколёсная колесница (золотая колесница), запасные части к ней, конская сбруя и упряжь и даже названия всех частей одежды степняков принадлежали кочевым скотоводам, но основатели «индоевропейской теории» и их последователи относят их к ираноязычным племенам и родам.

Сторонники индоевропейской теории, которая возникла на основе лингвистического анализа Авесты и Веды, характеризуют скотоводческие племена Евразийских степей в качестве ираноязычных этносов, древней родиной которых, якобы, является территория Центральной и Восточной Европы. Они внедрили в официальную мировую историческую науку гипотезу о том, что скотоводы-кочевники во время миграции ариев из степей Евразии на юг привнесли иранский язык в Среднюю Азию и Средний Восток, иранизировав местных эламитов и хурритов. Такая лингвистическая гипотеза не оставляет места для прототюркского этноса на просторах Евразийских степей, относя их к территории Горного Алтая. Даже сформировалось мнение, которое бытует до сих пор, что степное население окрестных районов Горного Алтая к западу, вплоть до северо-восточного побережья Чёрного моря, и к востоку – до Байкала говорило на древнеиранском языке.

В научных, научно-этнографических работах по отношению к степным кочевникам вначале использовались выражения «варвары», «оккупация варваров на юг». Когда изучение терминов Авесты было поставлено на научную основу и вследствие миграции этих «варваров» на юг в предгорных районах Ирана образовалась Ариана, термин «варвар» заменяется термином «ариец». Арийцы стали истолковываться в качестве аристократов, свободного и вольного сословия общества, правителями, хозяевами края. Говоря иначе, никто ещё не забыл, что европейские страны первые ростки своей колониальной политики в Азию и Африку связывали с арийцами, даже гитлеровцы в своё время объявили себя истинными арийцами, высшей расой, голубой кровью.

Возникает вопрос, кто же такие арии? По своему этническому происхождению они относятся к ираноязычному или прототюркскому этносу? Согласно письменному источнику – Авесте, в общественной жизни они являлись свободным, вольным, воинственным сословием собственников и в отличие от своих сородичей представители этого сословия и члены их семей названы в Авесте «азадами» или «ариями». Родина ариев, арийский простор назывался

«Арьянам Вайчах». Основным богатством этого народа считался мелкий и крупный рогатый скот, лошади, верблюды. Повседневная жизнь была построена на основе кочевого скотоводства, которая была присуща всем степным жителям.

Как известно, наращивание богатства в животноводстве происходит быстрее, чем в земледелии. На этапе военной демократии, который считается переходным периодом от первобытнообщинного строя к классовому обществу, учащаются межплеменные столкновения. Во многих случаях вооружённые столкновения между кочевниками обретают постоянный характер. В таких условиях возникает потребность в ловких и проворных, сильных и отважных, инициативных и предприимчивых бойцах. В скотоводческих племенах, ведущих кочевой образ жизни, были практически все условия для воспитания таких воинов.

По велению времени, каждый молодой житель Евразийских степей стремился стать самым ловким и искусным всадником, метким стрелком, ловким и отважным бойцом. В результате в переходный период на основе воинственности и сложившегося боевого духа формируются отряды конных арийцев, для которых захват чужих земель превращается в важный источник дохода. Конные воины этих скотоводческих племён чувствовали себя свободными и вольными, никому не подчинялись и ни от кого не зависели. Они были независимыми в экономическом и политическом отношении азадами – ариями. По обычаям племени их сородичи тоже считали себя ариями, потому что в скотоводческих общинах в те времена господствовали своеобразные порядки периода военной демократии. Каждый родившийся в семье ребёнок с детства воспитывался в духе преданности обычаям и традициям племени. Цель воспитания заключалась в создании в каждом кочевнике образа арийца.

Согласно Авесте и Ригведе, первоначально понятие «ариец» по отношению к местному населению трактовалось как «чужой», «чужеземец», «захватчик». Впоследствии это понятие обретает значение «хозяин», «аристократ». Основную роль в быстром обогащении скотоводов по сравнению с земледельцами играло развитие коневодства, вернее, использование лошадей, верблюдов, быков и ослов в качестве транспортного средства. Именно в это время создаются благоприятные условия к переходу к кочевому скотоводству, что привело к коренным переменам в общественно-экономической жизни общества. В результате этих перемен в составе первобытных скотоводческих общин выделяются богатые собственники – предводители общин, владеющие десятками, сотнями отарами скота.

Значит, арии являлись социальным продуктом экономического развития кочевой жизни скотоводческих племён Центральной Азии, инициативной и предприимчивой прослойкой, сословием аристократов зарождающегося раннеклассового общества.

Эти характеристики, данные арийцам в письменных источниках, находят подтверждение и на примере археологических памятников[1]. Археологи даже разработали археологическое описание ариев. Согласно этому описанию, арии среди своих сородичей были самыми влиятельными, богатыми, свободными и вольными всадниками. После смерти арийца, по обычаям тех времён, в знак глубокого уважения и почитания сородичи возводили в честь усопшего величественные курганы-могильники (Тегискен, Солоха, Аржан, Салбик, Кулобо, Синташта, Башадар, Пазырык и другие); во-вторых, вместе с умершим хоронили его прижизненное личное боевое оружие и богатство; в-третьих, вместе с умершим арийцем, в зависимости от его социального положения, хоронили от 10–15 до 70–80 насильственно умерщвлённых лошадей с сёдлами и сбруями; в-четвёртых, в его ногах или рядом хоронили одну из жён из его гарема вместе с наложницами, отравив их ядом, со всеми украшениями и золотой колесницей. Такие курганы-могильники, характерные для эпохи бронзы и раннего железного века, встречаются на всей территории Евразийских степей от северо-восточных берегов Чёрного моря до Байкала. В Средней Азии такого рода курган-могильник обнаружен на объекте Тегискен.

В середине II тысячелетия до н.э. арийцы Евразийских степей в поисках новых пастбищ направляются на юг, во внутренние районы Средней Азии (на земли Юго-Западного Турана), пересекают Амударью и вторгаются в долину Херируд (Герат) и на территорию современного Ирана, перебираются через горы Гиндукуш и вступают в бассейн реки Инд. О пребывании арийцев на территории Средней Азии свидетельствуют археологические памятники эпохи бронзы. Ко второй половине II тысячелетия до н.э. не осталось ни одного уголка в степях Средней Азии, куда бы не ступала нога арийца (см. цветную иллюстрацию 5 «Карта памятников скотоводческих племен эпохи бронзы и раннего железа на территории Средней Азии»). В последней четверти II тысячелетия до н.э. часть из них вступают в города и сёла местных жителей.

Равнины Ирана, где осели прибывшие с севера скотоводы-арии, в Авесте получили название «Ариана». В действительности, в древней истории под термином Ариана подразумевалась не только территория современного Ирана, но и всё географическое пространство, на котором проживало ираноязычное население. Таким образом, термин «арий» вначале используется как социальное понятие, а затем, когда они смешиваются с местным населением, этот термин обретает новое этническое значение. Под влиянием многочисленного коренного населения арии постепенно забывают свой родной прототюркский язык и иранизируются.

В исторической лингвистике имеются факты, подтверждающие, что на Среднем Востоке до появления арийцев (прототюрков), кроме общин, говоривших на

---

[1] *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён Андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994.

хурритском и эламском языках, существовали общины персов, проживающих между горами Загрос и Персидским заливом, для которых персидский язык был родным. К примеру, на это указывает существование на северо-западе Аравийского моря Персидского залива и владение Персуа. Располагавшийся на юго-западе Ирана Персидский залив и владение Персуа назван по имени этих персидских общин, для которых древнеперсидский язык был родным языком. Скотоводы-арии (прототюрки), обосновавшись на этой земле, устанавливают политическое господство над местными персидскими общинами. Начиная со времён правления Чишпиша, потомка кадхудота Ахеменида, это господство приводит к формированию не только экономической, но и политико-административной системы управления, т.е. в пределах Южного Ирана складывается власть местных Парсуа. Во времена Ахеменидов Кира II и Дария I эта власть поднимается до уровня царства, а затем и империи. Значение и круг распространения персидского языка в качестве государственного усиливается. Ко времени правления Сасанидов древнеперсидский язык распространяется до среднего бассейна реки Амударьи. До этого времени автохтонное население областей Северо-Восточного Хорасана и Мавераннахра говорило на согдийском, хорезмийском, бактрийском и сакском диалектах древнеиранских языков.

Таким образом, на основе исторических процессов, происшедших в середине II тысячелетия до н.э. – начале I тысячелетия до н.э., можно сделать следующий логический вывод: утверждение, что по своему происхождению аристократы династии Ахеменидов связаны с прототюркскими арийцами, пришедшими сюда с территории Евразийских степей в середине II тысячелетия до н.э., не лишено основания. Последующие этнокультурные процессы протекали следующим образом: завоеватели-арии, установившие военно-политическое господство над местными общинами персов, женятся на местных женщинах. Неудивительно, что рождённые в этом браке дети вырастали персоязычными. Под воздействием персоязычного окружения и культурно-хозяйственного влияния через два-три поколения в Парсуа формируется новое персоязычное поколение арийцев. Так зарождается власть ставшими персами Ахеменидских аристократов, в жилах которых текла кровь прототюрков. Поэтому представители династии Ахеменидов Кир II и Дарий I на наскальных надписях особо подчеркнули свою принадлежность к ариям[1]. Даже кушанские цари, к примеру великий Канишка, на надписях портала монастыря Рабатак указывают на свое происхождение от прототюрков-ариев.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что древняя родина тюркских народов охватывала огромное пространство, в которое входила и Средняя Азия, в первую очередь, территория современного Узбекистана. В современной литературе древнее прототюркское и тюркское этнокультурное пространство называется Евразийскими степями, территориальные границы которых обширны.

---

[1] *Дьяконов М.М.* Очерки истории Древнего Ирана. – М., 1961. С. 67.

Они раскинулись на огромных равнинных просторах – от северо-восточного побережья Чёрного моря на западе до Южного Байкала и внутренней Монголии на востоке. Их северные границы простираются до реки Урал и даже севернее, вплоть до густых лесов, где проживали финно-угорские племена. Уральские горы и их юго-западные отроги с древности до позднего средневековья принадлежали тюркским племенам.

По сведениям историков царской России, начиная с позднего средневековья российские предприниматели, наряду с освоением уральских месторождений полезных ископаемых строят здесь военные укрепления и начинают обживаться. В древности территории прототюркских племён достигали на юго-востоке Северного Китая, на юго-западе – Средней Азии. Археологические источники и народные предания раннее появление прототюркских племён в Средней Азии относят к бронзовому веку[1]. Именно на это время приходится начало этногенеза узбекского народа, когда происходит ассимиляция иранских и прототюркских корней.

В отличие от господствовавших долгое время в науке представлений, в действительности военные всадники – аристократы скотоводческих племён и являются ариями. Арии являлись продуктом кочевой жизни на этапе экономического развития скотоводческих племён степей и равнин Евразии, инициативной и предприимчивой, деловой и воинственной аристократической прослойкой зарождающего классового общества. Согласно лингвистическим и археологическим исследованиям, по своему этническому происхождению арийцы не являлись носителями ираноязычных общин и анализ летописей «ши» малых княжеств Древнего Китая подтверждает, что их языком был прототюркский. Массовое вторжение арийцев в южные области, в особенности регионы Средней Азии, в середине II тысячелетия до н.э. находят своё отражение в археологических материалах. На территории Южного Турана, куда постоянно прибывали и обосновывались эти племена, к раннему средневековью в Средней Азии создаётся тюрко-согдийское этнокультурное пространство. В итоге в пределах этого пространства формируются узбекский и таджикский народы.

Хотя археологических материалов, содержащих информацию о вторжении арийцев на территорию Ирана, Афганистана, Пакистана и Северной Индии, не так уж и много, некоторые учёные (С.П. Толстов, М.А. Итина) пытаются обосновать гибель цивилизации долины Инда с приходом представителей степных племён. Другая группа учёных (Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин) отмечают несоответствие между временем гибели цивилизации Хараппа и приходом ариев в долину Инда.

На наш взгляд, в начале второй половины II тысячелетия до н.э. часть арийцев вступает на земли Ирана, Афганистана и Северной Индии. Этот факт

---

[1] *Асқаров А.* Мустақиллик йилларида тарих, археология ва этнология. // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар, № 6. – Т., 1996. С. 71.

подтверждается древними письменными источниками – Ригведой и Авестой. Однако наши предки-прототюрки в те времена составляли меньшинство по отношению к древнему ираноязычному населению и не могли изменить язык местного населения ни в Северной Индии, ни в Восточном Хорасане и в целом, в Иране. Напротив, они сами иранизировались под влиянием местных иранских языков. В качестве аристократии конных воинов прототюрков они установили политическое господство над местными иранскими общинами, но под влиянием ираноязычного окружения, близких этнокультурных связей и этнической ассимиляции, продолжавшейся веками, сами превратились в этническую прослойку иранцев. В обстановке превосходства иранского языка создаются такие источники, как Веда и Авеста. Потомки кадхудотов Ахеменида и Чишпиша, являющихся по своему этническому происхождению тюрками-арийцами, у которых в руках была иранизированная военно-политическая власть, устанавливают в Парсуа административно-политическую систему управления, что приводит к образованию в древней истории Ахеменидского царства. Государственная политика ахеменидских царей привела не только к расширению территориальных границ империи, но и к распространению государственного языка. **Значит, иранский язык в Иран не был привнесён извне, как утверждают европоцентристы, а, напротив, язык иноземных завоевателей был поглощён, ассимилирован языком местного населения.**

В период правления Ахеменидской империи большая часть территории Средней Азии входила в состав этого государства. Анализ письменных источников показывает, что местное население всё ещё говорило на северо-восточных диалектах иранских языков (согдийском, хорезмийском, бактрийском, сакском). Такое положение сохранялось в эпоху античности (IV век до н.э. – IV н.э.) и раннего средневековья (V–VIII века н.э.). Но в этот период в северных и северо-восточных областях Средней Азии (в среднем и нижнем бассейне Сырдарьи, в районах Иссык-Куля и горных районах Тянь-Шаня) тюркский язык превращался в живой язык широких народных масс. Если в античное время граница между прототюркским и согдийским языком проходила по нижнему бассейну реки Сырдарьи, то к раннему средневековью стремительное распространение тюркского этноса смещает эту границу до среднего течения Амударьи. В итоге в этом регионе укрепляются позиции разговорного тюркского языка. В свою очередь, фарси становится языком Сасанидского государства (III–VII века н.э.) и его северные границы доходят до среднего течения Амударьи, а в раннем средневековье – до долины Сурхана.

К тому времени, когда религиозные наставления, «священные гимны» пророка наших зороастрийских предков Заратуштры были приведены в форму книги – Авесты (VII–VI века до н.э.), являвшиеся по своему происхождению арии давно уже были иранизированы, а политическая и духовная жизнь региона была полностью пропитана иранским духом.

Научно обосновано, что когда часть скифов (саков) вновь переселилась на территорию Северного Причерноморья (VII век н.э.), языком общения для них был иранский. Нет никаких сомнений, что господство местного прототюркского языка в Евразии, через 2–3 поколения привело к их полному отюречиванию, о чём свидетельствуют последующие исторические и этнические процессы в регионе.

Таким образом, в эпоху бронзы в животноводческом хозяйстве прототюркоязычных скотоводов степей Евразии получает развитие отрасль коневодства и в связи с переходом к использованию лошадей в качестве транспортного средства начинает развиваться кочевое скотоводство, миграция племён и родовых общин прототюрков приобретает массовый характер.

Как отмечалось выше, из среды первобытных пастушеских общин выделяются богатые собственники – предводители общин, владеющие десятками, сотнями голов скота. В степях Евразии ощущается нехватка пастбищ для выпаса многочисленных отар и табунов. В итоге вооружённые столкновения за пастбища даже между сородичами обретают постоянный характер. Крупные собственники во главе своих вооружённых отрядов в поисках новых пастбищ устраивают военные походы на запад и на юг.

Об их походах на юг в середине II тысячелетия до н.э., через территории Средней Азии и Закавказья – в Иран, а затем через горные хребты Гиндукуша – в Северную Индию повествуют Авеста и Ригведа. В Авесте они названы ариями. В Ригведе – индоарийцами.

В Средней Азии найдены и изучены более 1000 памятников второй половины II тысячелетия до н.э., характерных для скотоводов-степняков[1]. Сведения о

---

[1] *Толстов С.П.* Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии. ВДИ, 1939, № 3. С. 174, 175. Рис. 2; О н ж е . Древний Хорезм. – М., 1948. С. 66–68; О н ж е . Итоги двадцати лет работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции (1937–56). СЭ, 1957, № 4. С. 39-41; *Итина М.А.* Первобытная керамика Хорезма. Тр. ХЭ, вып. IV. – М., 1959. С. 35–62, табл. 1; О н а ж е . Раскопки могильника Тазабагъябской культуры Кукча 3. Материалы ХЭ, вып. 5. –М., 1961. С. 71–92; О н а ж е . История степных племён Южного Приаралья. – М., 1977. С. 13–237; *Литвинский Б.А.* Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. С. 117–192; *Аскаров А.* Памятники Андроновской культуры в Низовьях Зарафшана. – Т., 1966. С. 187–223; *Аскаров А., Джураев И.* К вопросу о взаимоотношениях населения степей Евразии и Средней Азии в эпоху бронзы. // «Марказий Осиё дехкончилик ва дашт цивилизациясининг ўзаро муносабатлари мавзусидаги илмий-амалий анжуман материаллари». – Самарқанд, 2011. С. 27–40; *Жўрақулова Д.* Зарафшон водийсининг тош ва бронза даври маданияти. – Т., 2011. С. 66–79, 110 – 114; *Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59. – М., 1955. С. 145–149; *Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т.* Могильник Кумсай в Южном Таджикистане. МАИКЦА, вып. 17. – М., 1990; *Виноградова Н.М.* Поселение эпохи поздней бронзы Ташгузар в Южном Таджикистане. // Сб. «Древние цивилизации Евразии». – М., 2001. С. 142–168; *Аванесова Н.А.* Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре. // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. – Т., 2010. С. 6, 7, 116, 117. рис. 3, 8, 15; *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён Андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. С. 35, 45, 48, 114, 140–143, 155 и т.д.

раннем этапе их вторжения в Среднюю Азию нашли отражение и в народных преданиях[1].

Судя по хронологическим рамкам памятников, изученных в процессе археологических исследований, миграция евразийских степняков на юг происходила несколько раз. По сведениям Авесты и Ригведы, первая крупная волна степняков нахлынула в середине II тысячелетия до н.э. Но согласно периодическому анализу обстоятельно исследованных археологических памятников Средней Азии, наиболее крупная массовая миграция прототюрков произошла в XIV–XIII веках II тысячелетия до н.э. Анализ археологических материалов показывает, что второй мощный поток миграции прототюркских племён приходится на последнюю четверть II тысячелетия до н.э., следы которого чётко прослеживаются до среднего бассейна реки Амударьи. В эпоху раннего железа (VII–IV века до н.э.) и в более позднее время их нашествие на территорию вплоть до Амударьи происходит непрерывным потоком.

Во времена Тюркского каганата в Средней Азии не осталось ни одного места, куда бы не ступала нога наших предков-тюрков, пришедших в Мавераннахр и соседние с ним области вслед за своими соплеменниками. Об этом говорят не только археологические и антропологические, материалы, но и различные письменные источники. Эти этнокультурные процессы во времена Тюркского каганата приводят к образованию в Мавераннахре тюркско-согдийского этнокультурного пространства.

---

[1] *Беруни Абу Райхан.* Памятники минувших поколений. Пер. с арабского *М.А. Салье.* Избранные произведения. Том 1. – Т., 1967. С. 47.

Глава IX
ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

IX.1. Коренные изменения в этнокультурной жизни античного периода Средней Азии

Региональное развитие и формирование культурно-хозяйственных областей в бассейнах двух великих рек Средней Азии (Амударья и Сырдарья) в эпоху бронзы и раннежелезного века продолжается и в эпоху античности.

Как известно, на протяжении нескольких сотен тысяч лет в бассейне нижнего течения великой реки Средней Азии Амударьи наносился плодородный речной ил и на южном побережье Арала сложилась почва для развития орошаемой земледельческой культуры.

Но эта плодородная земля Древнего Хорезма волею истории ни в эпоху неолита, ни в эпоху энелоита и бронзового века не стала обрабатываться нашими древними предками – каирными земледельцами и не превратилась в один из очагов поливной земледельческой культуры, как Маргиана или Бактрия. Первоначально на этой земле в эпоху бронзы (Суярганская и Тазабагъябская культура) естественным образом зародились традиционное животноводство и первобытное мотыжное земледельческое хозяйство[1]. На следующем – Амирабадском этапе (поздняя бронза) – пастушеско-земледельческое хозяйство получило дальнейшее развитие. т.е. в этот период в дельте нижнего бассейна Амударьи, в местах, пригодных для земледелия (к примеру на территории Якка Парсон 2), начинает развиваться земледелие с использованием широких и неглубоких каналов, прорытых на старицах дельтовых русел[2]. Но низовья Амударьи, где располагались обширные площади густых камышовых зарослей и плодородные пастбища, были весьма удобны для развития животноводства.

Кочевые племена Куйисайской культуры на самом деле были представителями сако-массагетских племён, которые являлись коренными жителями низовьев Амударьи и Приаралья[3]. Недаром С.П.Толстов в своё время локализовал этот край с Арьянам Вайчах, который был создан божеством добра Ахурамаздой.

В VI веке до н.э. в истории Древнего Хорезма неожиданно происходят коренные изменения исторического характера. Из-за налоговой политики царя

[1] *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. С. 47–68.

[2] Там же. С. 68–77.

[3] *Вишневская О.А.* Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. – М., 1973; *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. С. 77–87.

иранской империи Ахеменидов Дария I Авестийские хорасмии были вынуждены покинуть свою родину и переселиться в низовья реки Амударьи. Согласно материалам Скилака – Гекатея – Геродота, это событие произошло после 513 года до н.э. Хорасмийцы прибывают в страну саков-массагетов на лодках и плотах и, заселившись здесь, строят целый ряд укрепленных поселений, таких как Кузаликир, Хумбузтепа, Хазарасп и др., начинают заниматься многоразовым поливным земледелием. До этого времени хорасмийцы на своей отчизне – в Гератской долине вели оседлый образ жизни и обладали богатейшим опытом в развитии орошаемой земледельческой культуры. С переселением хорасмийцев в низовья Амударьи на родине сако-массагетов появляется новый этнотопоним – Древний Хорезм[1].

Археологические исследования показывают, что первоначально хорасмийцы осваивают западные и юго-западные территории этого оазиса. Опасаясь нападений истинных хозяев этих земель – воинственных скотоводов, прибывшие сюда новые этнические группы, в целях обеспечения своей безопасности начинали возводить укреплённые крепости (Кузаликир, Калъаликир) на кырах – возвышенностях юго-запада оазиса. Весьма скоро, приспособившись к новым условиям, земледельцы-хорасмийцы налаживают торговлю и обмен товарами со скотоводческим населением. Всё новые и новые жилые поселения хорасмийцев теперь начинают возводиться на равнинах, куда можно было бы проводить воду путем рытья каналов. В бассейне левого побережья Амударьи возникают всё новые очаги древнеземледельческих микрооазисов. К примеру, освоение в период архаики и в эпоху античности бассейна Сарыкамыш, строительство таких каналов, как Полвоньяб, Чарманьяб, Гавхари, Дарёли, Даудан, Хазарасп, Савкан были связаны с этими историко-хозяйственными процессами.

В конце VI и на протяжении всего V века до н.э. в бассейне левобережья Амударьи воздвигаются такие центры микрооазисов, как Хазарасп, Ичанкалъа, Бозоркалъа, Кушкалъа-Одойтепа, каждая из которых на местах являлись городами-государствами Древнего Хорезма. Этот процесс ускоренными темпами продолжается и в эпоху античности. В итоге в бассейне левого берега Амударьи возникают поселения оседлого населения – Дингильджа, Канкакалъа, Большая Ойбуйиркалъа. Всё это свидетельствовало о зарождении в низовьях Амударьи, на землях знаменитого союза племён массагетов, характерной для Древнего Востока высокоразвитой древнеземледельческой культуры.

Начиная с IV–III веков до н.э. в истории Хорезма, его хозяйственно-культурной жизни происходит большой культурно-экономический подъём. В IV веке до н.э. – III веке н.э. по обеим берегам Нижней Амударьи протекают урбанистические процессы. На этой земле возникают около ста больших и малых укреплений. В стране укрепляется политическая обстановка, осваиваются новые земли,

---

[1] *Асқаров А.* Қадимги Хоразм тарихига оид баъзи бир масалалар. // Ўзбекистон этнологияси: янгича карашлар ва ёндашувлар. – Т., 2004. С. 76–84.

укрупняются города, начинается централизация. В начале I века до н.э. чеканятся монеты с изображением местных хорезмских царей. С III века н.э. на этих деньгах встречаются имена хорезмийских царей, например, первого царя из династии Афригидов Арсамуха 1, правителя Хорезма Вазамара. В III веке до н.э. на основе арамейской письменности создаётся самостоятельное хорезмийское письмо, развивается скульптура, живопись и музыка. С I–II веков в оазисе усиливается строительство небольших по площади городов.

Если в период архаики многолюдные и густонаселённые города и селения находились на левом берегу Амударьи, то в эпоху античности такая же картина уже наблюдается и на её правом берегу. Основу земледельческого хозяйства составляет ирригационная система. Строительство каналов Амирабад, Тазабагъяб и Кальтаминар в бассейне правобережья Амударьи способствует к расширению посевных площадей, сооружение каждого нового канала приводит к возникновению всё новых и новых городов и земледельческих массивов.

Кроме укреплений местных городов-государств Базаркаъла, Топроккалъа, Джанбоскалъа, Акчаханкалъа, Куна-Уаз, Кухня-Ургенч, Ичанкалъа, как светского характера, возводятся также и крупные религиозные центры (Хазарасп, Куйкирилганкалъа, Шаваттопроккалъа, Чилпиккалъа, Токкалъа и другие). Строительство монументальных храмов, священные очаги на ступенчатых стилобатах, возведение цитаделей в виде круга, выполнявших роль религиозных центров и другие свидетельствуют о том, что зороастризм в Древнем Хорезме был поднят на уровень государственной религии.

Если в архаический период в качестве основного строительного материала использовался кирпич-сырец прямоугольной формы, то с начала IV века до н.э. в строительстве широко применяются квадратные кирпичи. В это время развиваются инженерные знания. Одной из важных особенностей архитектурного и инженерного дела этого периода считается завершённость и грандиозность оборонительных сооружений крепостей и сложность системы сооружений перед главными воротами.

По мнению археологов-хорезмоведов, нижняя часть (1–1,5 метра) оборонительных сооружений укреплённых городов Древнего Хорезма традиционно строилась из пахсы – битой глины, а верхняя – из сырцового кирпича.

По нашим наблюдениям, остаток «стены», которая построена из битой глины, может быть фундаментом громадного оборонительного сооружения, его платформой, подножием. Это объясняется тем, что, как правило, в условиях Средней Азии, в особенности, в древние времена, в практике строительства городских оборонительных сооружений не было наработанного опыта возведения фундамента из камня или другого прочного строительного материала. На месте фундамента стен месилась глина, этот толстый слой глины затаптывался лошадьми, который доводился до состояния пахсы – битой глины. Когда фундамент высыхал, на нём сооружались стены из крупных сырцовых кирпичей. Такое инженерное

решение применялось в регионах древних земледельческих культур (Джаркутан, Кучуктепа, Кызылтепа, Коктепа, Тиллатепа, Афрасиаб) ещё со времён бронзы и раннежелезного века.

Следует отметить, что в истории Хорезма этого периода крепости традиционно строились в форме прямоугольника; укрепления в форме квадрата, круга, треугольника встречаются редко. Среди городов античного периода также строились крепости преимущественно военного назначения (Джанбаскалъа, Катта-Гулдурсун, Кызылкалъа, Калажик и Аёзкалъа-1), которые в основном располагались на границах оазисов с песчаными равнинами.

Внутреннее строение крепостей светского характера, относящихся к античному периоду, практически одинаково. В качестве наглядного примера архитектурно-топографической панорамы укреплений этого периода может служить Джанбаскалъа. По сведениям С.П. Толстова, Джанбаскалъа (3,5 га) была построена в IV веке до н.э., и городская жизнь здесь продолжалась до IV века н.э. От единственных ворот укрепления, построенных лицевой частью на восток, внутрь города уходила прямая, широкая улица, которая делила его ровно на две части. От главной улицы ответвлялось множество узких улиц, которые делили город на кварталы. Первоначально в таких ранних городах, как Кузаликир, Калъаликир, построенных в виде Авестийской вари, не было цитаделей и башен в крепостных стенах. Но в оборонительных стенах этих городов обнаружены два ряда бойниц, расположенных в форме шахматных клеток. Начиная с V века до н.э. в городах Хорезма появляются цитадели и башни (Хазарасп, Дингильджа). Городские ворота представляют собой сложное сооружение квадратной формы, состоящее из нескольких дорожек. Оборонительные стены с внешней стороны окружены крепостным рвом. На площади крепости, прямо под оборонительными стенами, располагались жилые дома.

По подсчётам археолога-хорезмоведа Е.Е. Неразика, на площади 1 гектара, занятого жилыми постройками, проживало в среднем 200 человек. Исходя из этих расчётов, археолог К. Собиров предполагает, что в Джанбаскалъа проживало около 1400 человек, которые, при необходимости, привлекались к обороне города, и укреплению такого типа, расположенные на пограничной с кочевниками зоне, выполняли, в первую очередь, военно-пограничные функции.

Согласно исторической топографии, Джанбаскалъа – одна из первых военных крепостей оазиса, и строительство такого рода укрепления является особенностью урбанизации, характерной для Древнего Хорезма.

Ярким примером традиционных для Древнего Хорезма укреплений религиозного характера является Куйкирилганкалъа. В центре этой крепости находится двухэтажное сооружение в форме круга, по архитектурному замыслу и строительству это укрепление предназначалось для оборонительных целей. Вокруг крепости найдено множество остадонов в виде статуэток, что является признаком распространения зорострийской религии. Несмотря на то что крепость по

своим размерам относительно небольшая, с точки зрения военно-архитектурного строительства это сооружение обладает совершенной оборонительной системой, полностью отвечающей требованиям того времени. Значит, по своему архитектурному замыслу Куйкирилганкалъа отвечала двум требованиям: во-первых – она являлась административно-религиозным центром; во-вторых – построенной в Средней Азии первой, самой древней, единственной обсерваторией. Обе эти функции были логически связаны друг с другом.

Как известно, во главе административной системы управления ранними городами стояли предводители духовенства. Они считались религиозными философами, передовыми, образованными людьми своего времени, которые изучали небесные тела для управления обществом, экономикой и хозяйством. Научной базой для «бесед» с небесными телами было сооружение Куйкирилганкалъа.

Таким образом, в культурной жизни Древнего Хорезма восторжествовали традиции восточной архитектуры, в которой был избран путь, отражающий естественно-географические условия Хорезмского оазиса. Сформировалась хорезмская школа архитектурной и инженерной мысли. Зороастрийская религия достигла своего совершенства. Смысл и содержание религиозного учения зороастризма нашло своё отражение на примере таких памятников Древнего Хорезма, как Куйкирилганкалъа, Токкалъа. Такая историческая картина, присущая для оседлой части населения Хорезма, была характерна для всех древних оседлых историко-культурных областей, расположенных в среднеазиатском междуречье.

В период древней истории Средней Азии, когда древняя земледельческая культура обретает широкий размах, начинаются военные походы на Восток Александра Македонского, которые привели к исчезновению с исторической арены империи Ахеменидов. Опьянённый от триумфального шествия Александр, в 329 году до н.э. вместе со своими войсками пересекает Окс (Амударью) и вступает на территорию Южного Турана.

Однако в Южном Туране Александру и его воинам-захватчикам пришлось нелегко. Они натолкнулись на ожесточённое сопротивление свободолюбивого народа среднеазиатского междуречья и смогли завоевать эту территорию только за счёт больших потерь. Несмотря на то что Александр обладал сильным и опытным войском и полководцами, он стал с опаской относиться к народам нашей земли. Завоеватели на каждом шагу ощущали жгучую ненависть свободолюбых коренных жителей, поэтому греки приняли все меры для управления завоёванными землями.

В первую очередь, завоеватели решили найти общий язык с представителями местной аристократии, установить с ними родственные отношения и таким путём сблизиться с местным населением. В этом отношении сам Александр подал другим пример. По его приказу все военные начальники и даже простые воины

обязаны были жениться на местных женщинах для установления родственных связей. Правда, многие, особенно простые воины, уставшие от долгого похода, мечтали вернуться на родину, в свой дом, к своим семьям. Вначале тех, кто отказывался выполнить приказ, наказывали.

В качестве ещё одной меры взаимного сближения был избран способ усиления влияния греческих богов на духовный мир местного населения, проведения религиозной и светской политики под надзором власти греко-македонян. Внедрение эллинистической культуры во все отрасли общественной, экономической и культурной жизни стало главным направлением государственной политики завоевателей. Образование Греко-Бактрийского государства на географическом пространстве, охватившем территории юга Средней Азии, Северного Афганистана и Северо-Западной Индии, сыграло важную роль в разрешении этих проблем в пользу греков.

Под влиянием этих событий в III–II веках до н.э. в Средней Азии происходят коренные общественно-экономические и политические изменения. В Древней Фергане образуется государство Давань (Дайюань, Паргана), представляющее собой политическое объединение местных правителей на уровне кадхудотов, виспати и зантупати.

Как известно, носители Чустской культуры, саки Древней Ферганы ещё с эпохи бронзы в притоках реки Карадарьи, которая питалась родниковыми водами, занимались орошаемым земледелием. На северо-восточных территориях Древней Ферганы в 15 микрооазисах Чустской культуры учёные-археологи обнаружили более 80 памятников. Следы ранних городов этой культуры (поздний этап Чустской культуры) были изучены в Дальварзинтепа (Аиимский район Андижанской области) и Буванамазар (Чустский район Наманганской области). В эпоху раннего железа и античный период древние земледельческие культуры (Эйлатон, Шурабашат), развивавшиеся на основе хозяйственных традиций Чустской культуры, охватывают всю долину, и оседлый образ жизни населения этого региона составляет экономическую основу общества.

Начиная с III века до н.э. градостроительная культура получает широкое распространение по всей территории долины. На том участке Великого Шёлкового пути, который пролегал через долину, появляется ряд городов (Ахсикент, Кубо (Кува), Маргилан, Боб (Пап) и другие).

Таким образом, в III–I веках до н.э. и в начале нашей эры было образовано раннее государство Фергана (Паргана), которое в китайских источниках называется Давань. В первичных источниках Давань читается как «Дайюань», что означает – «Долина, окруженная горами». Местное название Дайюани – Паргана, также значит «Долина, окруженная горами». Выходит, что китайцы перевели название государства Древней Ферганы на свой язык и назвали его Дайюань (Давань).

В период античности в Средней Азии сложилась ещё одна область под названием «Чач». В основе урбанизационных процессов Чачской области лежит Бур-

гулюкская культура, коренное население которой находилось на этапе перехода к оседлому образу жизни. Носители Бургулюкской культуры считаются древним населением Чача, которое первым стало осваивать земледельческое хозяйство. К III веку до н.э. в этой области на базе древних земледельческих поселений вырастают ранние города. Такие поселения, окружённые оборонительными сооружениями, впервые появляются в низовьях реки Ахангаран, население которых состояло из согдийцев и тюркоязычных племён. Этнокультурное образование, являвшееся симбиозом носителей двух языков, в археологии получает название Каунчинской культуры. К ранним памятникам этого периода относятся: поселение Канкатепа в Аккурганском районе Ташкентской области, Каунчитепа в городе Янгиюле, Шаштепа (Чачтепа) в пределах «Большого Ташкента» и другие. Первые признаки древней градостроительной культуры в этих краях стали складываться в III–II веках до н.э.[1]

Итак, ранние древние города воздвигаются на юго-западе Чача, в среднем и нижнем бассейне реки Ахангаран, по правобережью Сырдарьи. II–I века до н.э. стали для Ташкентского оазиса временем расцвета древней городской культуры. В этот период в один ряд со столичным городом оазиса Канка становятся городище Каунчитепа (25 га), Кавардон (75 га), Кулота (45 га), Киндиктепа (25 га), Банокат (22 га), Дальварзинтепа (13 га) и другие. В начале нашей эры древняя городская культура переносится на территорию современного Ташкента, где возводится город Мингурик. К началу раннего средневековья градостроительная культура распространяется по Ахангаранской долине, до среднего течения реки Ахангаран.

Начавшиеся в эпоху античности урбанистические процессы к началу раннего средневековья охватывают почти всю территорию Чача. Зарождение на основе социального, экономического и этнокультурного развития античного периода градостроительной культуры Чача и Илака говорит о формировании ещё одного очага цивилизации Средней Азии – культурно-хозяйственного центра Чач.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать следующие заключительные выводы. Урбанизация древних общин Средней Азии происходила по двум направлениям: первое – очаги цивилизации, сложившиеся в бассейне Амударьи и его притоках; второе – очаги цивилизации, сформировавшиеся в бассейне реки Сырдарьи и его притоках. Процесс образования культурно-хозяйственных центров в бассейне реки Амударьи начался в эпоху бронзы, на формирование которых большое влияние оказала цивилизация Древнего Востока. Урбанизационные процессы, характерные для первого направления, распространяются с юго-запада на северо-восток Средней Азии и начиная с поздней бронзы в этом регионе один за другим образуются исторические культурно-хо-

---

[1] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 108–110.

зяйственные области. В эпоху бронзы (во второй половине II тысячелетия до н.э.) на территории Средней Азии прежде других образуются области Парфия, Маргиана и Бактрия. Затем под их культурно-хозяйственным влиянием в эпоху раннего железа (в течение VII–IV веков до н.э.) складывается культурно-хозяйственный центр Согдиана. Он состоял из трёх очагов, формирование которых по всей территории Согдианы происходило неравномерно. Если этот процесс в Южном Согде протекал в IX–VI веках до н.э., то в центральной Согдиане – в VII–V веках до н.э., в Западном Согде, т.е. в Бухарской области, градостроительная культура зарождается позже – в V–IV веках до н.э. В эти века в низовьях Амударьи формируется ещё один центр цивилизации – Древний Хорезм.

Формирование центров цивилизаций в бассейне реки Сырдарьи происходит относительно позже остальных, в античный период. Градостроительная культура, урбанизационные процессы в Древней Фергане и Чаче испытывали на себе не прямое, а опосредованное влияние цивилизации Древнего Востока. В этом регионе было сильно влияние образа жизни кочевых сакских племён. Переход к оседлому образу жизни среди саков Турана происходил очень медленно. В жизни населения, проживавшего в бассейне реки Сырдарьи, местные традиции имели значительное влияние. После завоевательных походов Александра Македонского, во времена Селевкидов и Греко-Бактрийского царства, в Средней Азии начинает ощущаться влияние греческой культуры. На основе древних культурно-хозяйственных традиций образуются культурно-хозяйственные центры Паргана и Чач. В это же время формируется оседлое, постоянно живущее здесь население этих культурно-хозяйственных центров, очагов цивилизаций – бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы, народы Чача и Парганы. К периоду раннего средневековья в бассейнах рек Санзар и Ахангаран также начинаются процессы урбанизации, в результате которых образуются историко-культурные центры Уструшана и Илак.

Решение одной из важных проблем в изучении этногенеза узбекского народа в античный период связано со вторжением племён даюэчжи во внутренние районы Средней Азии, в особенности в его южные регионы. В первой половине I тысячелетия до н.э. на территории северных степей Средней Азии племена асианов, пасианов, тохаров, сакаварака образуют сако-массагетскую конфедерацию[1], которые, как известно из исторических источников, мужественно противостояли войскам иранских Ахеменидов и Александра Македонского. Но захват территории Парфии, Маргианы, Бактрии и Согдианы греко-македонскими завоевателями вызывает обеспокоенность союза сако-массагетских племён Средней Азии.

В особенности, с образованием Греко-Бактрийского государства, большая часть племён конфедерации, встревоженных его агрессивной политикой, переселяются в Восточный Туркестан. Обосновавшись в юго-западной части

[1] *Страбон.* География в 17 книгах. Кн. XI. 88.

Тянь-Шаня, они налаживают устойчивые этнокультурные отношения с местными этносами. В те времена значительную часть городского населения Турфан, Карашахр и Куча составляли тюрко-ираноязычные этносы. Даже эти земли назывались «Область четырёх Тохаров»[1], так как начиная с III–II веков до н.э. в центральных и юго-западных районах Тянь-Шаня, в особенности у его южных предгорий, издревле проживали тохары. В общении они использовали два языка – прототюркский и иранский. Поэтому существует гипотеза, что юэчжи-тохары – выходцы из Восточного Туркестана, которые прошли через Паргану, Уструшану и Согдиану, пришли в Северную Бактрию, а затем, через территорию Южной Бактрии дошли до Северной Индии – говорили на древнеиранском и прототюркском языках. Сторонники этой гипотезы считают, что к приходу юэчжи-тохаров на территорию Бактрии, в социальной и политической жизни этой страны господствующим языком был иранский, что повлияло на полную иранизацию языка пришлых племён.

Система государственного управления Кушанской империи, которая образовалась в Бактрии, впитала в себя существовавшую с древнейших времён на этой земле местную и обогатившуюся под влиянием эллинов форму государственности. Это был огромный вклад в этногенез узбекского народа и историю его государственности. В этнополитическом и этнокультурном развитии впервые был заложен фундамент обретения самосознания. Царь кушан великий Канишка, в отличие от своих династических предков, запретил использование в стране греческого языка, объявил местный бактрийский язык государственным языком, приказал вместо греческой письменности в делопроизводстве использовать бактрийский, монеты впервые стали чеканиться с изображением Канишки (кушанских царей) и присущей для тюркских народов символикой – изображением небесных коней. Хотя кушане забыли язык своих древних предков и полностью иранизировались, они помнят о своём происхождении. В надписях храма Рабатак Канишка называет себя и своих предков арийцами.

В письменных источниках до нас не дошло достаточно сведений о древних тюркских этносах Средней Азии, но археологические материалы подтверждают факт проживания в этих краях тюркских этнических групп. К примеру, как уже отмечалось выше, в пределах государства Кангкия, в его центральных регионах – в среднем бассейне Сырдарьи, Ташкентском оазисе формировался новый этнос – народность кангар. Его этническую основу составляли местные согдийцы и тюркские племена, жившие по берегам Сырдарьи. Вхождение в их состав хуннов и усунов привело к увеличению прослойки тюркского этноса. Материальная культура этого смешанного этноса известна в науке под названием «Каунчинская культура».

---

[1] *Henning W.B.* The Name of the «Tokharian» Language// A.M. London. 1950. – Vol. I. p. 158 – 162.

IX.2. Бассейн среднего течения Сырдарьи в письменных источниках и их краткая трактовка

В настоящее время бассейн среднего течения Сырдарьи известен в качестве историко-культурных областей Чач, Илак и Отрар, образовавшихся в бассейнах рек Чирчик, Ахангаран и Арысь, сведения о которых имеются в письменных источниках древности и средневековья. Они окружены западными отрогами Тянь-Шаня, горными хребтами Чаткал, Курама, Карамазар, Барактинтау, Карджантау и Каратау. Среди них разнообразием и богатством залежей природных ископаемых особо выделяются горные Кураминский и Карамазарский хребты. Обилие различных рудников, в том числе бирюзы, подтверждено в ходе геологических и археологических изысканий[1]. Бирюза из этих мест была известна всему Востоку с древних времён. Недаром эта благодатная земля, богатая залежами драгоценных камней, с древности упоминается в различных письменных источниках как «Чач», то есть «таш» – «камень», «страна бирюзового камня».

На территории этого оазиса люди живут с древнейших времён. Ранние сведения об освоении этих мест людьми содержатся в археологических памятниках древнекаменного века (Кульбулак, Кызылолмасай, Гиштсай, Джарсай, Оби-Рахмат, Акташ, Палтау, Ходжакент, Бозсу и другие).

Но сведения письменных источников об этих историко-культурных областях и его населении ограничены эпохой поздней бронзы и раннего железного века. Эти области располагались в бассейне среднего течения Сырдарьи, в состав которого в древности и в средние века также входила территория современного Южного Казахстана, образовав единый историко-культурный регион.

Ранние письменные сведения о жителях этой историко-культурной области – саках встречаются в наскальных надписях царей Ахеменидского Ирана. Упоминаемые в древних письменных источниках под именем саков коренные кочевые племена по своему территориальному расположению подразделялись на три группы (саки-тиграхауда; саки, живущие за Яксартом; саки-хаумаварка).

Саки-тиграхауда и саки, живущие за Яксартом, занимали территории обширных степей в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи. Материальная культура этих племён подробно освещена в литературе по археологии[2].

---

[1] *Беруни Абу Райхан*. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Перевод *А.М. Беленицкого*. – Л., 1963. С. 159; *Массон М.Е.* К истории горного дела на территории Узбекистана. – Т., 1953; *Буряков Ю.Ф.* Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (К истории горного дела и металлургии средневекового Илака). – Автореф. канд. дисс. – Т., 1966. С. 10–11, 15; Он же. Горное дело и металлургия средневекового Илака. – М., 1974. С. 43, 44, 54, 56, 87, 112; *Пругер Е.Б.* Бирюза Илака и Илакскнй рудник бирюзы. СА, 1971, № 1. С. 118–126.

[2] *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972; *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. – М., 1999.

Отец греческих историков Геродот пишет: «Саки же (скифское племя)... Персы ведь всех скифов зовут саками»[1]. Корифеи исторической лингвистики термину «сак» дают следующее определение: «могучий, сильный, ловкий, проворный... саки действительно способные на многое, храбрые люди»[2]. Геродот и другие античные авторы пишут, что саки-хаумаварка, собственно, и являются амиргийскими саками[3].

Страбон отмечает, что река Яксарт (Сырдарья) разделяет саков и согдийцев[4]. Птолемей более точно определяет границу между саками и согдийцами: от того места, где река совершает поворот, до её истоков[5]. Страбон пишет, что «из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно они – асии, пасианы, тохары и сакараваки»[6].

В индийском эпосе «Махабхарата» среди диких племён, приносящих жертву «Ашвамедхе», упоминаются саки, тохары и канки, которые, украсив головы рогами животных, приносили богатые подношения – ашвамедху[7]. Древние племена канков обитали в среднем бассейне Сырдарьи и упоминание о них в Махабхарате имеет важное значение, потому что по результатам археологических изысканий эти племена относились к культуре Каунчи, сложившейся в Ташкентском оазисе в античный период.

Как сообщают летописцы военных походов Александра Македонского, Яксарт считался пограничной линией между земледельческими общинами и кочевыми саками. На правом берегу Яксарта жили воинственные саки, а на левом – искусные в торговле и ремесле согдийцы Чача. Они различались между собой в этнокультурном развитии. Так, античные авторы сообщают, что на левом берегу Яксарта в Согдиане были возведены несколько городов. И ещё один пример: городской пункт Кирополь был построен в последней четверти IV века до н.э. военными строителями Александра в качестве военного укрепления против саков[8]. Во время раскопок цитадели городища Канка на левом берегу Сырдарьи были обнаружены остатки оборонительных сооружений, построенных по эллинистическому плану. Впоследствии площадь этой крепости расширяется и к III–II векам до н.э. она превращается в крупный город[9]. Сведения о более тесных связях

---

[1] *Геродот*. История в девяти книгах. Кн. VII. 64. – Л., 1972.

[2] *Bailey H.W.* Languages of the Saka. «Handbuch der Orientalistik», I, 4, I Linguistik. Keiden, 1958. S. 133.

[3] *Геродот*. История в девяти книгах. Кн. VII. 64. – Л., 1972.

[4] *Страбон*. География в 17 книгах. Кн. XI. VIII, 8. – М., 1964.

[5] *Ptolemy.* Geograpfy of Claudius Ptolemej. NewYork. VI, 12, 1, 1932.

[6] *Страбон*. География в 17 книгах. Кн. XI. VIII, 2. – М., 1964. С. 483.

[7] *Бичурин Н.Я.* Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в.н.э.). – 1940. С. 134.

[8] *Григорьев В.В.* О скифском народе саках. С. 342.

[9] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 101–113.

между кочевыми скотоводами и оседлым населением можно почерпнуть и из текстов Авесты.

В «Яштах» Авесты упоминаются данайские туры. По мнению авестоведа В.И. Абаева, эти туры Даная (Данай – одно из древних названий Сырдарьи) и есть саки Яксарта[1]. Эту идею поддержали многие учёные. Б.А. Литвинский, анализируя эпизоды, связанные с Заратуштрой, приходит к выводу, что некоторые родовые общины туров под влиянием местных земледельческих общин оставляют традиционный образ жизни и переходят к занятию земледелием[2]. Тексты и части Авесты создавались в разные времена, и в тексте Яшт, посвящённых Анахите, Канха упоминается не только в качестве ранней резиденции вождей Турана, но священная Канха описывается как политический и религиозный центр одной из групп племён Турана[3]. Выходит, что ранние письменные сведения о саках (турах) Яксарта относятся к эпохе бронзы.

В вопросе локализации Канхи, упоминаемой в ранних слоях Авесты, С.П. Толстов предпринял попытку связать её с территорией Древнего Хорезма[4]. Однако археологические исследования последних лет показали, что Канха расположен в Чачской области, в районе Аккурган[5]. Авестийская Канха впервые была локализована ещё В.В. Бартольдом в пользу среднего течения Сырдарьи, т.е. Ташкентской области[6].

В Авесте также встречаются топонимы канка, канга, кангдиз[7]. Эти топонимы относятся к II веку до н.э. – II веку н.э., когда в бассейне среднего течения Сырдарьи канки возводят город Канку[8]. О саках северных районов среднего течения Сырдарьи писали античные историки и географы: Полибий (204–122 гг. до н.э.), Страбон (64–24 гг. до н.э.), Квинт Курций Руф (I век н.э.), Плутарх (45–127 гг н.э.), Арриан (95–175 гг. н.э.), римлянин Плиний Старший (23–79 гг. н.э.) и другие. Плиний пишет о саках: «Персы называют их (скифов. – А.А.) по названию ближайшего племени саками»[9]. По данным Птолемея, жившие в

---

[1] *Абаев В.И.* Скифский быт и реформа Зороастра. Archiv Orientalni. XXIV, 1956, № I. С. 44–45.

[2] *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира» –М., 1972, С. 150–156.

[3] Гимн Ардви-суре (Яшт 5 «Ардвисур яшт»). Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Перевод И. Стеблин-Каменского. – М., 1993. С. 36.

[4] *Толстов С.П.* Древний Хорезм. – М., 1948. С. 21; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л., 1948. С. 145.

[5] *Кляшторный С.Г.* Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах. СЭ, № III, 1951. С. 54–55; Он же. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии – М., 1964. С. 155–179; *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 107–108; *Шониёзов К.Ш.* Қанғ давлати ва қанғлилар. – Т., 1990. С. 5-24; *Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. – Т., 2010. С. 17–24.

[6] *Бартольд В.В.* Иран, исторический обзор. Соч., том VII. – М., 1971. С. 231.

[7] *Беруни Абу Райхан.* Индия. Избранные произведения. Том.II. – Т., 1963. С. 274.

[8] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и развитие городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 106.

[9] *Бичурин Н.Я.* Древние авторы о Средней Азии. – Т., 1940. С.126.

среднем течении Яксарта племена назывались также «Большой Яксарт» или «Кандар»[1].

Население и государство Древнего Чача, которое располагалось на территории современного Ташкентского оазиса и степях Южного Казахстана, в древних китайских письменных источниках называется Кангкия (Кангджюй). Впервые термин «кангджюй» встречается в записках китайского историка Сыма Цяня (145–86 гг. до н.э.)[2]. Сыма Цянь в своих «Исторических записках» даёт краткие сведения о местоположении кангджюев, традициях и обычаях, военной мощи, о живущих по соседству с ними народах. Более подробные сведения о кангджюях представлены в произведении древнекитайского историка Бан Гу «История первой династии Хань». В этом произведении кроме места жительства и военной силе кангджюев (кангар) кратко и ясно рассказывается о количестве семей, о центральном городе, о количестве скота, приводятся названия пяти подвластных им областей (Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юеган), описываются их отношения с соседними народами и государствами[3].

Первоначально саки, живущие на правом берегу Сырдарьи (К.Ш. Шониёзов называет их кангарами), создают племенной союз «Большой Яксарт». Этот союз усиливается, границы его расширяются и во II веке до н.э. превращается в царство Кангкия.

Во II веке до н.э. – III веке н.э. и в последующие времена кангары проживали на северо-западе Ферганы, в пограничных с ним районах[4]. По сведениям посла Чжан Цзяня, в 128 году до н.э. «Кангджюй граничит с Дайюанью (Даванью)»[5]. В истории малой династии Хань (25–265 гг.) говорится, что Аньси (Восточный Туркестан) на севере граничит с кангджюями[6]; Кангкия на северо-западе граничит с аланами (Янцай) и на севере границы государства Кангкия простираются до низовьев Сырдарьи, на северо-западе – до реки Сарысу.

В китайских письменных источниках приводятся названия подвластных Кангкии областей, которые дошли до нас в китайской транскрипции – Сусйе, Фуму, Юни, Ги, Юегянь (см. выше). В.В. Бартольд[7], М.Е. Массон[8], С.П. Толстов[9] так локализируют эти названия: Сусйе – это Кеш, Фуму – область Кушании

---

[1] *Бичурин Н.Я.* Древние авторы о Средней Азии. – Т., 1940. С. 125, 130.

[2] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М.-Л., 1950. С. 150–151.

[3] Там же. С. 184–188.

[4] *Бичурин Н.Я.* Древние авторы о Средней Азии. – Т., 1950. С. 150, 167, 170, 190, 264.

[5] Там же. С. 150.

[6] Там же. С. 225.

[7] *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Соч. Том II, часть I. С. 177.

[8] *Массон М.Е.* Ахангаран. Археолого-топографический очерк. – Т., 1953. С. 108–109.

[9] *Толстов С.П.* Древний Хорезм. – М., 1947. С. 20–21.

на территории Каттакургана Зарафшанской долины, Юни – Ташкентский оазис, Ги – Бухара и Юегянь – Ургенч[1]. А.Н. Бернштам, опираясь на широкомасштабные археологические исследования, проведённые в Южном Казахстане и Северном Кыргызстане, связывает Сусйе с долиной Арысь, Ги – с низовьями Сырдарьи и Фуму – со степями от Янгикургана до Казалинской области. А Юегянь соотносится с Ургенчем. Однако С.Г. Кляшторный, в отличие от них, приходит к выводу, что северная часть среднеазиатского междуречья входила в состав государства Кангкия. Территория каждой из них подразделялась на несколько районов, подробные сведения о которых представлены в работе К.Ш. Шониёзова «Канғ давлати ва қанғлилар» («Государство Канг и кангары»)[2]. Некоторые материалы об областях Кангкии встречаются в произведении «Бейши» китайского историка VII века Ли Ян Шоу. В этой работе излагаются исторические события 386–581 годов, происшедшие в Китае, но названия подвластных Кангджюю областей приводятся по-другому: Ташкентский оазис звучит как Чжеси, Ши; Самарканд – Кан; Бухара – Ань; Китаб – Шы; Кушания – Хэ. В книге имеются ценные сведения о хозяйстве и культуре народов, проживавших на территории этих областей[3]. Сведения о народе Кангкия и областях Кангджюй встречаются в истории династии Суй (581–618 гг.) – «Суйшу»[4], а также в истории династии Тан (618–907 гг.) – «Тханьшу»[5]. Однако историки этих двух династий сведения о Кангкии слово в слово переписали с «Бейши». В этих произведениях перечисляются названия подвластных Кангкии областей и названия центральных городов в последующие периоды. Эти сведения важны для определения местоположения этих древних областей Кангкии. Например, в «Тханьшу» приведено более позднее название Ги или Аньси, которое звучит как Бухо или Бухэ. Значит, его можно локализовать с городом Бухара. Ши (Ташкент и Ташкентский оазис) записано как Чжеси, а Хэ – как Гуйшуань.

В произведении Абулкасыма Фирдауси «Шах-намэ» Канка (Канга) несколько раз упоминается в качестве центрального города земель Турана[6].

Арабский географ ибн Хордатбех в качестве одного из названий Сырдарьи несколько раз упоминает «Кангдарью». В средние века (VIII–IX века) и даже намного раньше среднее течение Сырдарьи называлось этнонимом «Кангар». Это естественно, потому что этнонимы давали названия рекам и областям. Даже небольшие группы этносов на местах оставляли и способствовали появлению новых этнонимов. Например, аль-Идриси (XII век) одно из племён, располагавших-

---

[1] *Шониёзов К.Ш.* Қанғ давлати ва қанғлилар. – Т.: Фан, 1990. С. 41.

[2] Там же. С. 41–65.

[3] *Бичурин Н.Я.* Древние авторы о Средней Азии. – Т.,1950. С. 264, 271–275.

[4] Там же. С. 280–287.

[5] Там же. С. 310–316.

[6] *Фирдавсий.* Шоҳнома. И.В. Бону Лоҳутий таржимаси. Том II. – М., 1960. С. 153, 179, 200, 203.

ся на севере и северо-востоке Аральского моря, в своём произведении называет «Хангакиши», то есть «люди Кангка».

Значит, подлинный смысл выражения «люди Кангка» означает «народ, живущий на побережье и в бассейне реки Канг». В китайских источниках VII века встречается этноним «кан-хэ-ли». В китайской транскрипции этот этноним читается как «кангарли» («кангарец»). Есть все основания утверждать, что это название, приведённое в китайских источниках, является одним из самых древних вариантов этноса «кангли»[1].

О прототюркской или иранской основе происхождения слова «канг» существуют различные взгляды. Например, Э. Пуллейбленк пишет, что встречающийся в китайских письменных источниках топоним «канг» заимствован от тохарского слова «камень» и язык канга является одним из разновидностей тохарского языка. Б.А. Литвинский приводит мнение Пуллейбленка и приходит к выводу, что этноним «канг» заимствован от слова «канда» ирано-хотанского языка, а само слово «канда» из означает «люди в кожаных одеждах»[2]. Г. Раулинсон относит слово «канг» к пехлевийскому языку и переводит его как «небо»[3]. В. Томашек, следуя за Г. Раулинсоном, считает слово «канг» древнеиранским. Он пытается объяснить, что слово «канг» было усвоено языком кочевников, а потом превратилось в уйгурское слово «канг», «кангаш», «кангра»[4]. В действительности, Г. Раулинсон и В. Томашек, а также крупный иранофил современности Б.А. Литвинский, истолковывая слово «канг» как древнеиранское, допускают ошибку.

Французский востоковед Э. Шаванн в своё время обратив внимание, что китайский термин Ши, Ши-го на древнем прототюркском означает «камень», «страна камня»[5], писал, что иероглиф «Ши» в древних китайских письменных источниках означает слово «камень»[6]. Существование логической связи между термином «Ши», используемым в китайских источниках по отношению к Ташкентскому оазису, и прототюркским словом «камень» поддержали и европейские китаеведы А. Аальто, К.Е. Босворт, К. Пужоль, М. Компаретти.

---

[1] *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств. //Труды ИИАЭАН Каз. ССР, т. VIII, 1960. С. 127.

[2] *Литвинский Б.А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. //СА № II, 1967. С. 35, 68 – приложение.

[3] *Reinaud M.* Geographie d, Abul fed. T. I, Paris, 1848, II. CCXXIII.

[4] *Thomaschek W.* Centralasiatisghe Studien. Sogdiana, SBAM, (Bdnd LXXXVII), Wien, 1877. p 125–136.

[5] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 140–141.

[6] *Aalto P.* The name of Tashkent. CAJ. Vol. XXI, Wiesbaden, 1977. P. 194.

Таким образом, по мнению ряда учёных-лингвистов (Э. Шаванн[1], П. Аальто[2], К.Е. Босворт[3], К. Пужоль[4]), доказано, что в основе слова «канг», используемого в выражении «Государство Канг», центром которого в III веке до н.э. был Ташкентский оазис, лежит слово «камень»[5]. Финский исследователь Пентти Аальто говорит, что слово «чач» заимствовано у енисейских тюрков, у которых это слово означает «камень». В целом, хотя название оазиса Чач в древних письменных источниках пишется по-разному, подлинный смысл этого слова имеет тюркский характер. Следует также подчеркнуть, что в XI веке Беруни и Махмуд Кашгари в своих произведениях называют Чач – Ташкентом, Каменным городом.

Это государство с центром в Чачском оазисе за короткое время стало одним из самых крупных, границы которого простирались на северо-востоке до Семиречья, на западе до Древнего Хорезма, а на юге до Зарафшанской долины. Народ этого государства состоял из тюркского и согдийского этнических прослоек, а письменность была иранской. Основанием для такого заключения послужили факты, свидетельствующие, что название оазиса «Чач» встречается в надписях «Каъбаи Зардушт», посвящённых победам Сасанидского правителя Шапура I (262 г. н.э.) – «Кух-и Чач» (Чачские горы); на монетах правителей Кангкия III–IV веков н.э.; в надписях, написанных по-согдийски на поверхности серебряных сосудов III–IV веков н.э., – «Чачская община», «народ Чача» и др.

Недавно близ реки Арысь при раскопках памятника Култоба была обнаружена глиняная плита III–IV веков, на которой согдийским письмом сообщалось о строительстве жителями Чача военного гарнизона против набегов кочевников. На этой плите, прикреплённой к порталу городских ворот, записаны выражения «народ Чача», «Чачское общество»[6]. На поверхности серебряных сосудов и медных монетах, относящихся к этим векам, написаны слова «чачан напч» («народ Чача», «Чачское общество»). Значит, с начала нашей эры происходит сплочение, объединение племён, живущих в пределах определённой территории, среди которых формируется традиция называть себя чачцами. В эти времена Чачем правили представители местных династий, оттиски партретов которых были найдены при раскопках храма на городище Канки.

Галерея портретов правителей, изображённых на буллах, представляют точные сведения об оседлой части жителей Чача IV–V веков. Таким образом, осно-

---

[1] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 140.

[2] *Aalto P.* The name of Tashkent. CAJ. Vol. XXI, Wiesbaden, 1977. P. 193–198.

[3] *Bosworth C.E.* Chach. «Encyclopaedia Iranika». Vol. IV, London, New York, 1990. P. 604–605.

[4] *Poujol C.* Tashkent. Enciclopedie de I, Islam. T. X.

[5] *Бобоёров Г.* Чоч тарихидан лавҳалар. – Т., 2010. С. 14.

[6] *Sims-Williams N., Grenet F.* The Sogdian inscriptions of Kultobe. «Shygys», 2006, 1. P. 95–11.

Рис. 20. Отпечатки портретных изображений Чачских маликов на матрице.

ываясь на вышеприведенных фактах, можно придти к заключению, что в античности и раннем средневековье основное население Чача составляли не только изираноязычные племена и рода, но и большей частью тюркоязычные племена и народности.

IX. 3. Бассейн среднего течения Сырдарьи в археологических источниках и культура Каунчи

Археологическое изучение этого края было начато в 1884 году Н.И. Веселовским[1]. Он в течение двух недель проводил в Тойтепе раскопки древнего города и собрал информацию о городах, связанных с древним металлургическим производством в Ахангаране[2]. Но до него, ещё в 1876 году Д.М. Граменицкий, посетив край, обратил внимание на наличие множества курганных могильников[3] в предгорной зоне Ахангаранской долины. Следует отметить, что в период колониальной власти археологические изыскания в Ахангаранской долине проводились вяло, потому что Российскую империю больше всего интересовали богатства недр края[4]. Поэтому геолог С.Ф. Мошковцев в своей статье о Кухисиме писал, что рудниками Карамазара интересовались ещё древние металлурги[5].

Изучение Ахангаранской долины в археологическом отношении оживилось в 1929 году, когда А.А. Потапов положил начало планомерному, систематическому исследованию памятников Чачского оазиса[6]. В этом же году Среднеазиатское управление геологоразведки поставило задачу активного привлечения историков-археологов к поиску рудных месторождений, сбора информации о месторождениях полезных ископаемых в древних и средневековых письменных источниках, оживления изучения археологических памятников, связанных с рудниками. В связи с этим для поиска Карамазарских рудных месторождений создаётся специальная Таджикско-Памирская геологическая поисковая экспедиция, в составе ко-

---

[1] Отчёты археологической Комиссии за 1882–1888 гг. – СПб, 1891.

[2] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. – СПб., 1900. С. 169, 172–175.

[3] *Граменицкий Д.М.* Заметки о древних урочищах Туркестанского края. // «Туркестанские ведомости» № XII, 1879.

[4] *Томилин В.Н.* Месторождение медных и свинцовых руд в предгорьях Могол-Тау и Кармазара в Туркестане. // Записки Горного института 1912 г., т. IV, вып. I; *Вебер В.Н.* Полезные ископаемые Туркестана. – СПб., 1913; *Наследов Б.Н., Королёв А.В.* Месторождения Алтын-Тапкана, Табошарского участка, Кансая и Канимансура в Карамазарском районе. // В кн. «Путеводитель экскурсий III Всесоюзного геологического съезда». – Л., 1928.

[5] *Мошковцев С.Ф.* Кухи-сим. // «Геологический вестник», № I-III, 1926. С. 66–69.

[6] *Потапов А.А.* Обзор тепе Среднего Чирчика и археологических развалин вокруг Ташкента. Рукопись, архив ГУОПМК Уз. ССР. – Т., 1929; *Массон М.Е.* Историческая археология на службе геологической разведки. // «Народное хозяйство Средней Азии», № II. – Т., 1930. С. 55.

торой был создан археологический отряд под руководством М.Е. Массона. В обязанности этого отряда вменялась задача сбора письменных источников средневековья о карамазарских рудниках Ахангаранской долины, картографирование местоположения древних рудников, печей для выплавки руды и связанных с ними древних городов и поселений, определения возраста этих памятников на основе археологических памятников[1].

В 1930-х годах систематизацией археологических памятников бассейна реки Верхний Чирчик занимался В.Д. Жуков[2]. В 1934 и 1935 годах Г.В. Григорьев проводит археологические раскопки стратиграфического характера в Каунчитепа[3]. В результате археологических раскопок, проведённых Г.В. Григорьевым в Каунчитепа, были сделаны важные открытия в истории археологии Ташкента. Именно Г.В. Григорьев открыл для науки археологическую культуру Каунчи и разделил ее на два хронологических этапа. Во время раскопок Каунчитепа, в его нижних слоях не были обнаружены предметы из металла, поэтому археологический комплекс этих слоёв Г.В. Григорьев относит к этапу Каунчи I и датировал его эпохой бронзы, то есть концом II тысячелетия до н.э. и началом I тысячелетия до н.э. Этап Каунчи II он отнес к середине I тысячелетия до н.э. и население этого периода связывает с культурой сакских племён[4].

В 1940 году во время археологических наблюдений на строительстве Ташкентского канала, на одном из ответвлений реки Ахангаран, на участке русла Бургулюк А.И. Тереножкин находит уникальный комплекс, по археологическим артефактам и в хронологическом отношении отличающийся от Каунчинской культуры, и предлагает назвать его «Бургулюкской культурой»[5].

---

[1] *Массон М.Е.* К истории горной промышленности Карамазара. // «Труды Таджикской базы АН СССР» т. IV. – Л., 1935; Он же. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Горные инструменты. // Бюллетень, № II. – Т., 1930; Он же. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. // Материалы Таджикско-Памирской экспедиции, вып. XX. – Л., 1934; Он же. Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. // «Труды Таджикско-Памирской экспедиции», вып. XXXVII. – М.–Л., 1936.

[2] *Жуков В.Д.* Результаты археологического осмотра участка правобережья реки Чирчик в 1935 г. Рукопись, архив ИИА АН Уз. ССР, № 75.

[3] *Григорьев Г.В.* Отчёт об археологической разведке в Янгиюльском районе Уз. ССР в 1934 г. – Т., 1935; Он же. Каунчитепа (раскопки 1935 г.). – Т., 1940.

[4] *Григорьев Г.В.* Отчёт об археологической разведке в Янгиюльском районе Уз. ССр в 1934 г. – Т., 1935. С. 39; Он же. Краткий отчёт о работе Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. – Т., 1940. С. 9; Он же. Келесская степь в археологическом отношении. // «Изв. АН Каз. ССР» № 1. Серия археологическая. – Алма-Ата, 1948. С. 49.

[5] *Тереножкин А.И.* Археологические наблюдения на строительстве Ташканала. . – Т.: Госархив ГУОПМК Уз ССР, 1940. С. 18–19; Он же. Рец. на работу Г.В. Григорьева «На Каунчитепе». Уз ФАН СССР, вып. VIII, 1940. С. 81, 84.

Вначале хронологические рамки Бургулюкской культуры А.И. Тереножкин определяет III–I веками до н.э.[1] Затем, ознакомившись с исследованиями стратиграфического характера, которые проводил Г.В. Григорьев в Каунчитепа, А.И. Тереножкин передатировал Бургулюкскую культуру и отнес её к VI–IV векам до н.э.[2], потому что в нижней части Каунчитепа над слоем Бургулюк II наблюдался разрыв в два века, над которым располагался комплекс Каунчи I.[3] В слоях Каунчи I впервые встречаются остатки строительства из сырцового кирпича. Такую же картину в нижних слоях Шаштепа наблюдала и М.И. Филанович. На поверхности полутораметрового, смешанного с золой мягкого культурного слоя М.И. Филанович выявляет кирпичную оборонительную стену шириной 4,8 м, высотой до 4 м[4] и датирует её III – началом II века до н.э.[5] Но в переходных слоях Шаштепа кувшинов с зооморфическими ручками и с изображениями головы барана не встречается[6]. Этими признаками переходный период Шаштепа отличается от Каунчи. Этап Каунчи I обнаружен на третьем горизонте Шаштепа, то есть период Шаштепа III хронологически соответствует периоду Каунчи 1, абсолютную дату которого можно определить II–I веками до н.э.[7]

С конца 1960-х годов систематическим изучением памятников Каунчинской культуры Ташкентского оазиса занялся Ю.Ф. Буряков[8]. Он вместе с Г. Дадабоевым провёл исследования памятников Кулокчинтепа, Ниёзбаштепа, Шаштепа, Чунгтепа, Ахмадтепа и Каунчитепа. В. Ниёзбаштепа, Каунчитепа, Кулакчинтепа, Шаштепа и Ахмадтепа Ю.Ф. Буряков провёл стратиграфические раскопки. Ю.Ф. Буряков, вместе со своими учениками и коллегами, на территории Ташкентского оазиса провел объёмные археологические изыскания на месте древних городов и населённых пунктов Канка, Кавардон, Кулота, Киндиктепа, Банокат, Турткултепа, Шаматепа, Чордара, Дальварзинтепа, Аккурган, Акататепа. Группа под руководством В.А. Булатовой и М.И. Филанович, проведя широкомасштабные раскопки на памятниках Шаштепа, Нугайтепа, Мингурик, Чиланзарском и Юнусабадском Актепа, обнаружила

---

[1] *Тереножкин А.И.* Археологические наблюдения на строительстве Ташканала. . – Т.: Госархив ГУОПМК Уз ССР, 1940. С. 18–19.

[2] *Тереножкин А.И.* Согд и Чач. С. 153.

[3] Там же. С. 155.

[4] *Филанович М.И.* Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента. // Кн. «У истоков древней культуры Ташкента». – Т., 1982. С.92.

[5] Там же. С. 117.

[6] Там же. С. 119.

[7] *Филанович М.И.* Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента. // Кн. «У истоков древней культуры Ташкента». – Т., 1982, С. 120.

[8] *Буряков Ю.Ф., Дадабоев Г.* Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ, вып.№ X. – Т., 1973. С. 38–51.

уникальный археологический комплекс, характеризующий культуру Каунчи (см рис. 21).

В разные годы были обнаружены и изучены более 40 курганных могильников катакомбного типа Каунчинской культуры: курганные могильники Пскент-Мингтепа, земляные курганы Алмалыка и Ханабада, курганы Кавардон, Кызылолма, Апартак, Дуланбулок и другие. Во время раскопок этих памятников был найден богатый археологический комплекс материалов (см. цветные иллюстрации 6 и 7 «Археологический комплекс Каунчинской культуры» и «Керамический комплекс Каунчинской культуры»).

Проведённые за последние годы комплексные археологические и антропологические исследования засвидетельствовали существование Каунчинской культуры не только в бассейне среднего течения Сырдарьи в Ташкентском оазисе, но и ее широкое распространение на территории Южного Казахстана[1], подтверждением этому являются археологические исследования Чардаринской археологической экспедиции (1959–1963 годы) на городищах Актоба I и Актоба II, Шавшувкумтоба и древних могильников Джамантугай, Актоба, Шавшувкумтоба, Турабой Тумшик.

Эти памятники относятся к культуре Каунчи, а материалы, обнаруженные в могильниках, характеризуют общность традиций, обычаев и идеологических взглядов кангар с населением Ташкентского оазиса[2]. Эти памятники, расположенные в бассейне среднего и верхнего течения реки Арысь, имеют большое значение в определении направления в развитии хозяйственной и этнокультурной жизни населения Каунчинской культуры[3].

Для уточнения хронологических рамок памятников Отрарской культуры. Л.М. Левина обращается, с одной стороны, к памятникам нижнего бассейна Сырдарьи (Джетыасарская культура), с другой – к памятникам Каунчинской культуры Ташкентского оазиса. Определив направления развития общин Отрарско-Каратауской культуры, она подразделяет их на три этапа. В определении хронологии памятников бассейна средней Арыси Л.М. Левина основывается на керамику Актоба II, Мингурик, Чаштепа, Алимбойтепа и Кугайтепа. По периодизации Л.М. Левиной Каунчи I определяется I веком до н.э. – III веком н.э., Каунчи II – концом III – V веком н.э, Каунчи III – VI – началом VIII века н.э.[4]

Памятники типа Каунчи Южного Казахстана Л.М. Левина именует Отрарско-Каратауской культурой и при определении ее этнокультурных и хозяй-

---

[1] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С. 90–193.

[2] *Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968. С.8.

[3] *Подушкин Н.П.* Раннее оседлое поселение долины Арыса (IOVIII). Автореф. канд. дисс. – Алма-Ата, 1970; О н же. По следам древней культуры Казахстана. – Алма-Ата. 1970. С. 73–10.

[4] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971.

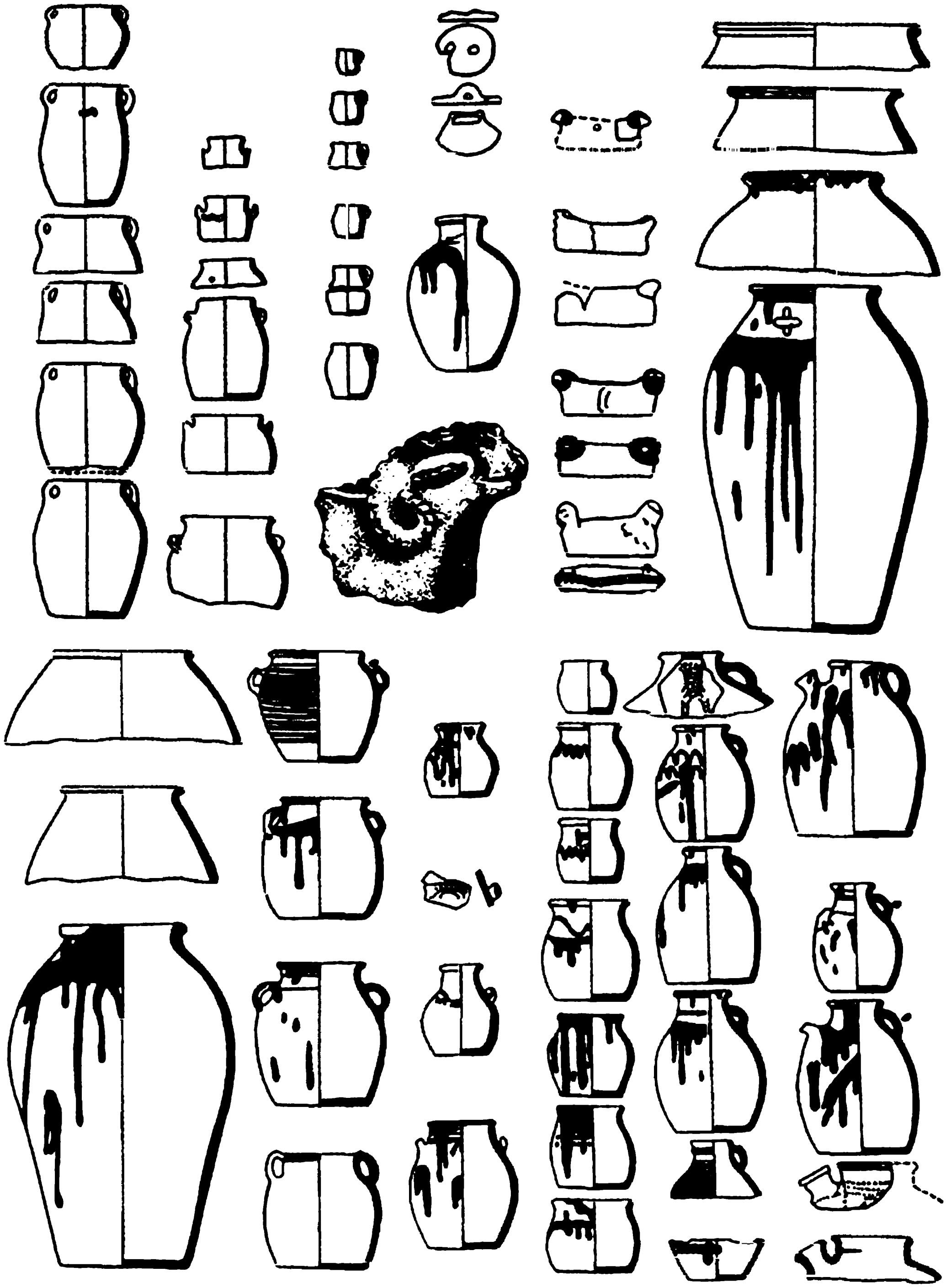


Рис. 21. Археологический комплекс Каунчинской культуры

ственных основ опирается на материалы памятников Алтинтау, Тарсатоба, Тиктурмастоба, Актоба. Л.М. Левина, исходя из анализа комплекса материалов, приходит к выводу, что население среднего и нижнего бассейна Сырдарьи на протяжении с III века до н.э. до VIII века н.э. продолжало переходить к оседлому образу жизни и развиваться, не меняя основы своего этнического состава. Однако мнение Л.М. Левиной о периодизации Каунчинской культуры частично отличается от хронологии этой культуры, предложенной Ю.Ф. Буряковым.

На основе анализа материалов памятников Ташкентского оазиса, Ю.Ф. Буряков вносит уточнения в определение периодизации и хронологических этапов (Каунчи I, II, III). По шкале Ю.Ф. Бурякова Каунчи I приходится на период со II века до н.э. до II века н.э., Каунчи II – на II – первую половину IV века н.э., Каунчи III – на вторую половину IV – начало VI века[1]. На наш взгляд, периодизация Каунчинской культуры, предложенная Ю.Ф. Буряковым, более обоснована.

Все признаки, характерные для этой культуры, нашли своё яркое выражение в керамике этого периода (см. цветную иллюстрацию 6, 7). На основе анализа этого комплекса керамики Л.М. Левина провела научную систематизацию материалов Каунчинской культуры[2]. Ее особые признаки были разработаны Б.А. Литвинским[3], а над вопросами археологической периодизации и этнического состава населения работали С.С. Сорокин[4], А.И. Тереножкин[5], С.П. Толстов[6], Т.Н. Книпович[7], К.Ш. Шониёзов[8], Ю.Ф. Буряков[9], М.И. Филанович[10] и др.

---

[1] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 65-80.

[2] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С. 90–193.

[3] *Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн. – Душанбе, 1968.

[4] *Сорокин С.С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА. Вып. XX, – М., 1954. С. 134.

[5] *Тереножкин А.И.* Рец. на работу Г.В. Григорьева на Каунчитепе. Уз ФАН СССР, вып. VIII. 1940. С. 81, 84; Он же. Согд и Чач. КСИИМК, вып XXXIII. – М., 1950.

[6] *Толстов С.П.* К вопросу о датировке культуры Каунчинтепе. // ВДИ № 1. – М., 1946. С. 175–176.

[7] *Книпович Т.Н.* Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, вып XXVIII. – М.-Л., 1948.

[8] *Шониёзов К.Ш.* Канғ давлати ва қанғлилар. – Т.: Фан, 1990; Он же. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001.

[9] *Буряков Ю.Ф., Дадабоев Г.* Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ. № X. – Т., 1973. С. 38-51; *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т.: Фан, 1982. С. 70–80.

[10] *Филанович М.И.* Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента. // Кн. «У истоков древней культуры Ташкента». – Т., 1982. С.91–124.

В своё время Г.В. Григорьев разделил Каунчинскую культуру на два хронологических этапа, а Б.А. Литвинский[1], Т.Г. Оболдуева[2] и А.И. Тереножкин[3] выделили из ее состава Джунскую культуру. Л.М. Левина рассматривала памятники Джунской культуры как один из вариантов Каунчинской культуры и научно доказала свою точку зрения[4]. Л.М. Левина также научно обосновала своё отношение к памятникам Джунской культуры как к третьему этапу Каунчинской культуры (Каунчи III)[5].

В настоящее время только на территории Ташкентского оазиса известны более 100 памятников Каунчинской культуры. Из них в городах и населённых пунктах городского типа Каунчитепа, Чардара, Канка, Банокат, Кавардон, Кулокчинтепа, Ниёзбоштепа, Чунгтепа, Ахмадтепа, Кулота, Киндиктепа, Турткультепа, Акататепа, а также в более чем 40 курганных могильниках, среди которых в Пскентском Мингтепа, Кавардоне, Алмалыке, Апартаке, Ханабаде, Кызылолма, Тайпане, Дуланабулаке были обнаружены уникальные археологические комплексы (см. рис. 22).

На основе материалов этих объектов Ю.Ф. Буряков вместе со своими последователями подверг глубокому научному анализу комплексы Ташкентского оазиса и научно систематизировал их. На основе этих материалов он в хронологической последовательности аргументированно осветил процессы урбанизации, протекавшие в Ташкентском оазисе. Также были раскрыты исторические корни, внутренние и внешние факторы, повлиявшие на развитие древней городской культуры оазиса[6].

В связи с распадом союза хуннских племён Л.М. Левина отмечает формирование в начале нашей эры в среднем и нижнем бассейне Сырдарьи близких друг к другу в этническом отношении трёх крупных историко-культурных центров и характерных для них археологических культур[7]. Это были Джетыасарская, Отрарско-Каратауская и Каунчинская культуры, последние две из которых во всех отношениях были близки друг другу. На первом этапе Каунчинской культуры наблюдается культурно-хозяйственное влияние племён бассейна среднего

---

[1] *Литвинский Б.А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. // СА № II, 1967. С. 29–37

[2] *Оболдуева Т.Г.* Курганы Каунчинской и Джунской культуры //КСИИМК, вып XXIII. – М.–Л., 1948.

[3] *Тереножкин А.И.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII. – М., 1950. С. 159–160.

[4] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С. 90–193, 181–182.

[5] Там же. С. 184–186.

[6] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т.: Фан, 1982. С.65-121; *Филанович М.И.* Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. – Т., 1983. С. 36–152; Она же. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. – Т., 2010. С. 41–128.

[7] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С. 241–242.

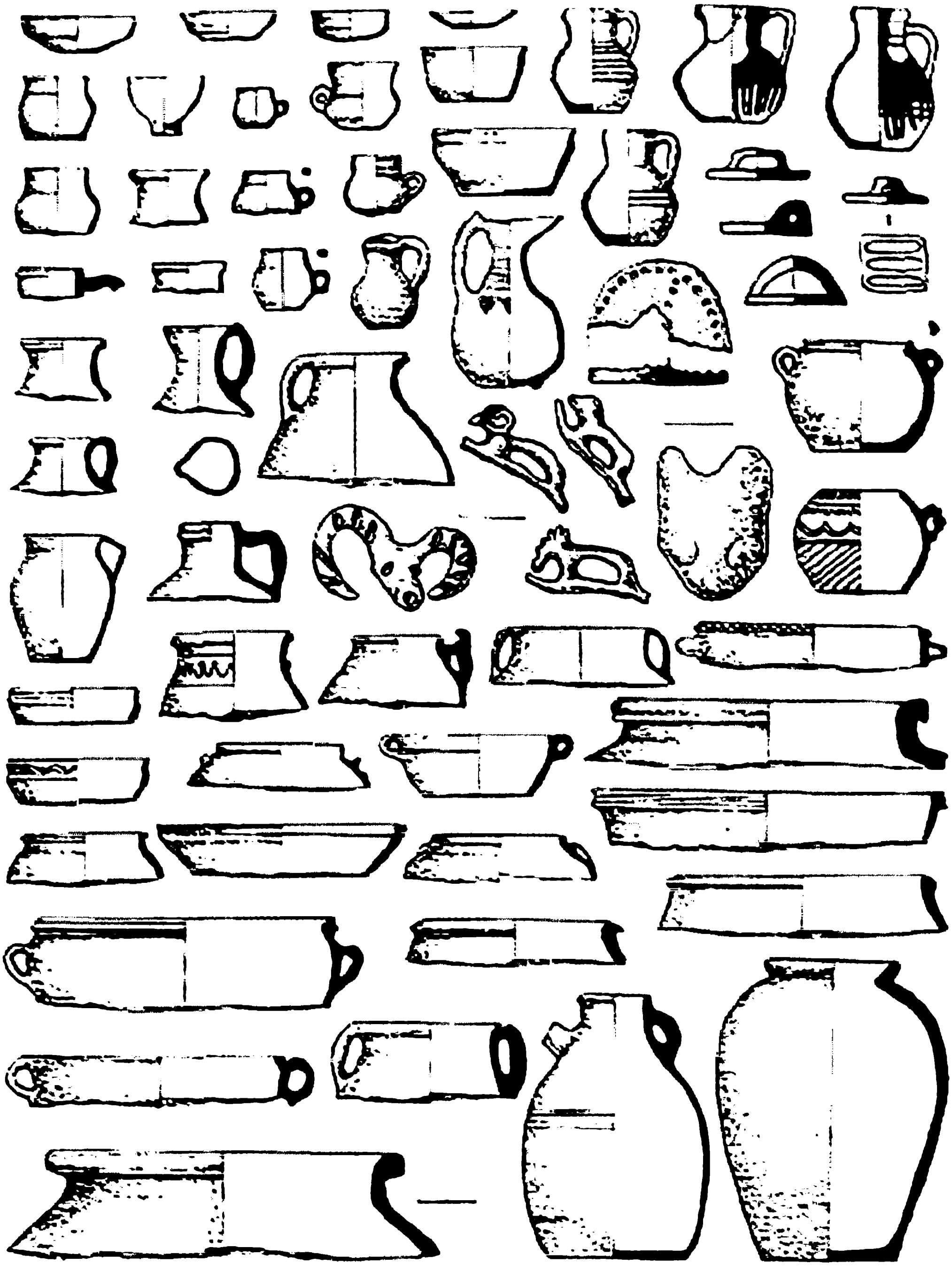


Рис. 22. Комплекс керамики раннего средневековья (Чач, Илак)

течения Сырдарьи (Каунчинская и Отрарско-Каратауская культуры) на племена нижней Сырдарьи (Джетыасарская культура). На II этапе Каунчинской культуры происходит обратный процесс, то есть заметна активность элементов Джетыасарской культуры в Ташкентском оазисе[1].

На третьем этапе Каунчинской культуры (Каунчи III) наблюдается, во-первых, этнокультурная локализация в пределах своей территории[2], и, во-вторых, усиление этнокультурной генетической общности между культурами Отрарской и Ташкентского оазиса. Действительно, начиная с раннего средневековья, Отрар находился под управлением чачских маликов в качестве северной пограничной территории. Северные территории среднего бассейна реки Сырдарьи от Туркестана до Янгикента выполняли роль контактной зоны Каунчинской и Джетыасарской культур. Об этом свидетельствуют материалы Маслахаттепа, Шурюктепа, Суяктепа, Туркестанская Актепа, Содикат и Урдактепа[3].

Следует отметить, что на территории древнего Ташкентского оазиса тюркская этническая прослойка проявляет свою активность начиная именно со времён культуры Каунчи, ощутимые следы которой явственно заметны в памятниках этой культуры. Это объясняется, во-первых, тем, что центром, ядром государства Кангкия, население которого состояло из представителей двух языков, был бассейн среднего течения Сырдарьи; во-вторых, этот регион с древних времён был территорией постоянных, регулярных связей племён, говоривших на согдийском и древнетюркском языках; в-третьих, как отмечали греческие авторы, низовья Сырдарьи являлись пограничным районом двух разноязычных этносов. После образования государства Кангкия всё это дало свои плоды, то есть привело к постепенному возрастанию тюркского этноса.

В результате ассимиляции новых этнических групп с местным населением на территории средней и нижней Сырдарьи тюркский язык превращается в живой язык народного общения. По выражению этнографа К. Шониёзова, в пределах государства Кангкия на основе согдоязычных и тюркоязычных этнических общностей возникает новый этнос – народность кангар.

Согласно анализу этногенетических процессов, к концу античного периода формируются несколько характерных для кангар этнических факторов: 1) в среднем бассейне Сырдарьи, в центральной части государства Кангкия складывается этнотерриториальное единство; 2) в пределах этой этнокультурной общности возникает равномерно развивающаяся хозяйственно-экономическая общность; 3) на основе и в пределах сложившейся территориальной общности формируется единое этнокультурное поле с одинаковым уровнем развития; 4) формируется характерный для узбекского народа антропологический тип – «тип среднеазиат-

---

[1] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т.: Фан, 1982. С. 72.

[2] Там же. С. 80.

[3] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С.198–212.

Рис. 23. Комплекс керамики раннего средневековья (Паргана)

ского междуречья»; 5) образуется политическое государственное объединение – конфедерация государства Кангкия, сплотившееся вокруг нового этноса – народности кангар. Значит, на втором этапе этногенеза узбекского народа складывается ряд факторов, характерных для узбекской народности.

С начала нашей эры влияние Каунчинской культуры распространяется, с одной стороны, на земли Согда, с другой – на Северную Фергану (см. рис. 23).

Говорить о её влиянии на Хорезмский оазис излишне, потому что вторжение тюркского этноса с берегов Сырдарьи в дельту Амударьи чётко прослеживается на примере хорезмских монет античного периода и изделий гончарного ремесла. Под влиянием традиций, характерных для Каунчинской культуры, в IV–V веках н.э. на территории северо-западной части Бухарского оазиса формируется Кызылкирская культура, относящаяся к тюркоязычным племенам[1]. Формирование культуры Кызылкир предположительно связано с вторжением в Среднюю Азию хионитов.

Итак, с конца IV и начала V века н.э. в материальной и культурной жизни региона ощущается сильное влияние Каунчинской культуры. Вместо изящных, искусно выполненных, пользующихся спросом на рынке керамических изделий, появляются некачественные, грубо изготовленные, необработанные должным образом керамические сосуды. На ручках и ушках керамических изделий – тёмно-красное покрытие и гребенчатый орнамент, ножки котлов формируются в виде морд животных. В комплексах памятников культуры Каунчи и Кызылкир прослеживается культ барана. На керамике, каменных амулетах встречаются чёрточки-знаки, характерные для тюркского религиозно-духовного мира. Эти характерные для керамических изделий знаки к раннему средневековью широко распространяются по всей Средней Азии.

Эти изменения, отражённые в материальной культуре на начальном этапе раннего средневековья, С.П. Толстов связывает с кризисом рабовладельческого общества. Как выяснено И. Маркквартом и С.П. Толстовым, царевич Або, сын кагана Мугана и рабыни, лишённый прав на наследство, поднял в 80-х годах VI века восстание в Западном Согде и ушёл со значительным числом тюрков, состоявших главным образом из обедневших элементов, объединился с обездоленной частью земледельческого населения, выгнал местную аристократию и, захватив город Пайкент, основал тиранию[2]. Далее А.Ю. Якубовский на основе письменных источников высказывает важную мысль: «В данном случае это замечательное событие интересно только тем, что с ним связано проникновение значительного числа тюрков в район Бухары»[3]. А С.П. Толстов восстание Або оценивает как «демократическое движение бедняков Бухарского оазиса против

---

[1] *Уроков Б.* Культура Бухарского оазиса второй половины I тыс. н.э. и первой половины I тыс. н.э. Автореф. канд. дисс. – М., 1982, 1982. С. 14–19.

[2] *Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. – М., 1941. С. 6.

[3] Там же.

местной аристократии», которое свидетельствовало о кризисе рабовладельческого строя в Средней Азии. Действительно, на первый взгляд, к IV–V векам н.э. площади крупных городов античного периода уменьшаются, появляются небольшие города типа укреплений, замков. Кипучая жизнь в крупных городах идёт на убыль.

А так ли происходило в действительности? На наш взгляд, при более глубоком и всестороннем подходе к изучению этих исторических процессов, можно проследить, что эти изменения свидетельствуют не о кризисе рабовладельческого строя (характерная для Средней Азии традиционная общинная собственность не дошла до уровня рабовладельческого общества), а об активных этногенетических процессах, связанных с увеличением на этой земле этнической прослойки тюркских племён.

Таким образом, археологические комплексы Каунчинской культуры являются уникальным источником для изучения узбекского этногенеза. Они считаются бесценным первичным материальным источником этнокультурных и этногенетических процессов, происходивших не только в Ташкентском оазисе, но и во всём среднеазиатском междуречье и его окрестностях, в том числе и в этногенетической истории узбекского народа.

IX.4. Освоение бассейна Сырдарьи и исторические корни Каунчинской культуры

Как известно, природно-географические условия Средней Азии весьма разнообразны и сложены из горных и предгорных территорий, солончаковых, песчаных и плодородных равнин. Формирование ландшафтов с резко континентальным климатом, который отличается большими амплитудами колебания температур, в первую очередь связано с водными ресурсами. В этом отношении особо важное место занимают две великие реки Средней Азии – Амударья и Сырдарья.

По объёму водных ресурсов Средней Азии Сырдарья занимает второе место после Амударьи. Она образуется из слияния рек Нарын и Карадарья в Ферганской долине и вливается в Аральское море.

Верхние притоки Сырдарьи (Нарын, Карадарья и ряд горных речек) послужили основным фактором в формировании цивилизации Древней Ферганы; притоки по среднему течению (реки Чирчик, Ахангаран, Келес, Арысь) – древнего Ташкентского оазиса, а также более 30 горных речек, берущих начало в горных хребтах Арысь, Карджантау и Каратау – Отрарского оазиса.

По данным палеогеографических исследований, в древнейшие времена Сырдарья не несла свои воды в Аральское море, свернув свое русло в сторону Южного Кызылкума, соединяясь с нижним руслом реки Амударьи. Впоследствии, с поворотом русла Сырдарьи на север, она начинает вливаться в Аральское море

с его юго-восточной стороны. С этого времени Восточное и Юго-Восточное Приаралье по нижнему течению Сырдарьи постепенно осваивается человеком, образуется обширный равнинный регион, объединяющий степи Азии и Европы. Тем самым Сырдарья, в свою очередь, играла связующую роль между регионами нижнего и среднего своего бассейна.

По наблюдениям палеогеографа А.С. Кеся, низовья реки Сырдарьи напоминают огромный треугольник, протянувшийся с запада на восток. Длина стороны этого треугольника составляет около 400 км. Русло реки, пробиваясь сквозь узкий проход между горами Каратау на севере и Кызылкумским плоскогорьем на юге, втекает на Туранскую низменность[1]. Буйные воды Сырдарьи, в древности протекавшие по Туранской низменности наподобие селевого потока, делились на четыре рукава и образовывали реки Инкардарью, Кувандарью, Джанидарью и Эскидарью.

По данным археологических и палеотопографических исследований, бассейны рек Инкардарьи и Джанидарьи осваиваются человеком с начала III тысячелетия до н.э. В первом тысячелетии до н.э. в этом регионе происходят значительные изменения. Русло Джанидарьи продолжает сворачиваться на север, образуя широкие массивы для ведения земледельческим и скотоводческим хозяйством.

Известно, что в течение V–IV веков до н.э. в этот регион, с одной стороны, с низовьев Амударьи начинают переселяться древние земледельческие общины, с другой стороны, с востока, с юго-восточных регионов Уральских гор прибывают тюркоязычные сарматоидные племена. На основе экономического, хозяйственного и этнокультурного синтеза этих этнических групп в течение IV–III веков до н.э. в бассейне нижнего течения Сырдарьи складывается Джетыасарская[2] культура. Хозяйственная жизнь общин этой культуры сложилась на основе ирригационного оазисного земледелия и сезонного отгонного скотоводства. Носители ранней культуры воздвигают поселения городского типа (Чирикрабат, Бабишмулла и другие) с мощной оборонительной системой и хоронят умерших сородичей по традиционным обычаям (Уйгарак, Южный Тегискен и другие)[3].

В этом регионе археологи обнаружили более 600 памятников, относящихся к разным периодам, и пришли к выводу, что бассейн нижнего течения Сырдарьи, начиная с эпохи бронзы, становится ареной культурных и этнических отношений Средней Азии с Евразийскими регионами[4]. М.А. Итина, следуя по стопам своего наставника С.П. Толстова, приходит к такому убедительному научному выводу на

---

[1] *Кесь А.С.* Природные факторы, обусловливающие расселение древнего человека в пустыне Средней Азии КСИЭ, вып. XXX. – М., 1958. С. 172.

[2] *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.

[3] *Левина Л.М.* К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье. «Приаралье в древности и средневековье». – М., 1998.

[4] *Итина М.А.* Ранние саки Приаралья. // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. С. 31–37.

основе изучения археологических материалов бассейна нижней Сырдарьи. Основу такого вывода составляет огромное количество вещественных источников, связанных с начальным этапом этногенетической истории узбекского народа[1].

Как известно, этническая основа Каунчинской культуры является производной многовековых взаимных экономических отношений и этнокультурного развития иранских и прототюркских этнических родовых общин, проживающих в пределах одной территории. Иранский и прототюркский этнические слои Каунчинской культуры имеет автохтонную основу, к тому же к ним прибывает еще большая группа прототюркского этнического компонента в связи с миграцией арийцев на юг в середине II тысячелетия до н.э., что приводит к увеличению этнического слоя местных прототюрков Средней Азии.

Действительно, упоминаемая в Авесте родина ариев – Арьянам Вайчах, в территориальном отношении располагалась на бескрайних евразийских степях, протянувшись от северо-восточного побережья Чёрного моря на Западе до Байкала на Востоке. Это территориальное пространство ещё во второй половине III тысячелетия до н.э. превратилось в хозяйственно-экономическую базу прототюркских скотоводческих родовых общин.

Согласно анализу археологических материалов, юго-восточные области Зауралья и бассейн Енисея в первой половине II тысячелетия до н.э. стали центром обитания прототюркоязычных кочевых скотоводов. Но в советской историографии, со ссылкой на предположения исторической лингвистики, жители Евразийских степей эпохи бронзы считались ираноязычными, и только область Горного Алтая связывалась с тюркским этносом.

Следует отметить, что приток прототюркских родовых общин по следам своих соплеменников с северо-востока Евразии в Среднюю Азию происходил практически непрерывно. Эти миграционные процессы достигают своего пика в течение VII–III веков до н.э., в результате чего бассейн низовьев Сырдарьи в эпоху раннежелезного века становится пограничной областью для представителей этнических групп двух языков (согдийского и прототюркского).

Известно, что непрерывные вооружённые конфликты хуннов с китайцами в течение III–II веков до н.э. вынуждают хуннов отступить на юго-западные территории степей Евразии. По наблюдениям палеогеографов, именно в этот период происходит резкое уменьшение водных ресурсов Сырдарьи, что приводит к массовому переселению прототюркских этнических групп с низовьев к бассейну её среднего течения. А Ташкентский оазис, расположенный в южной части среднего бассейна Сырдарьи, по своим природно-географическим и экологическим возможностям превращается в центр региона. Значит, к античному периоду арена взаимного смешения прототюркских и согдийских этнических слоёв перемещается с нижнего к среднему бассейну Сырдарьи. Эти историче-

---

[1] *Асқаров А.* Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. – Т., 2007. С. 5.

ские и этнокультурные процессы в свою очередь приводят к формированию в бассейне среднего течения Сырдарьи Каунчинской культуры.

Каунчинская культура первоначально сформировалась именно в Ташкентском оазисе, в бассейнах нижнего течения рек Чирчик и Ахангаран. К настоящему времени изучены сотни памятников, которые дают нам возможность делать такие заключения[1]. Такое заключение было принято рядом исследователей, в том числе и археологами Казахстана, считающими, что археологическая Кангюй-Каратауская культура, сформировавшаяся в Южном Казахстане между I–VI веками до н.э. и характерная для долин Арысь и Талас, является составной частью Каунчинской культуры[2]. Известно, что начиная с 1969 года Казахстанские учёные проводят широкомасштабные исследования в Южном Казахстане. Археологически исследована большая группа курганных могильников периода античности и раннего средневековья в бассейне реки Арысь и ее притоках. По итогам исследований археологи Казахстана подтверждали существование в этом регионе крупного массива земледельческой и скотоводческой культуры и дали ему название «Отрарско-Каратауская культура»[3]. В 1979 году издаётся монография К.М. Байпакова и А.И. Подушкина, посвящённая археологической классификации и научному анализу этих материалов[4]. В этой работе и изданной ранее фундаментальной монографии Л.М. Левиной особо отмечается существование сильной этнокультурной генетической общности между культурами Отрарского и Ташкентского оазисов[5].

Таким образом можно заключить, что памятники бронзового века, найденные в Ташкентском оазисе, в основном принадлежали нашим общим предкам-скотоводам и датируются не ранее XII-XI веками до н.э. По своему этническому происхождению они связаны с местными саками и племенами Андроновской и Срубной культур Евразийских степей.

Учёный-археолог Е.Е. Кузьмина, анализируя материалы культуры степных племён Ташкентского оазиса, особо указывает на связь большинства из них с евразийскими племенами степной зоны эпохи бронзы[6], но она ни слова не говорит

---

[1] *Буяков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т.: Фан, 1982. С. 9–113. Карты распространения памятников Каунчинской культуры: Рис. 1, 3, 4, 13.

[2] *Бернштам А.Н.* Древний Отрар. // Известия АН Каз. ССР. Серия археологическая, вып. III, № 107. – Алма-Ата, 1951. С. 81–97; *Агеева Е.И., Пацевис Г.И.* Из истории оседлых поселений Южного Казахстана. // Тр. ИИАН Каз. ССР, т. V. – Алма-Ата, 1958. С. 210–214.

[3] *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович И.М.* Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972.

[4] *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1979.

[5] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С.198–212.

[6] *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. // «Свод археологических памятников». Вып. В-4–9. – М., 1966. С. 93–94; *Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.* Контакты степных и земледельческих племён Средней Азии в эпоху бронзы. // «Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока». – М., 1986. С. 129.

об автохтонных сакских племенах бассейна среднего течения Сырдарьи, наоборот, делает ударение лишь на приток степных племен с Евразийских степей.

Часть степных племен, которые пришли в средний бассейн Сырдарьи в период поздней бронзы и раннего железа, постепенно оседает в бассейнах Чирчика и Ахангарана и начинают заниматься земледелием. Принадлежащие им памятники впервые были обнаружены в бассейне правого притока реки Ахангаран – Бурганлисай, и поэтому эти памятники известны под названием Бургулюкской культуры[1].

На сегодняшний день памятники Бургулюкской культуры найдены в более чем 20 пунктах в северо-восточной части предгорных районов Ташкентского оазиса: в бассейне Заркентсая, в низовьях реки Ахангаран – рядом с городом Пскент и в нижних слоях Каунчитепа Ташкентской области[2]. Большая группа этих памятников расположена в среднем течении Ахангарана, на территории современного Туябугузского водохранилища.

В 1974–1977 годах археолог Х. Дуке проводил на этой территории масштабные работы и на берегах Бурганлисая обнаружил 11 поселений Бургулюкской культуры. На территории этих поселений он находит более 50 землянок и раскрывает механизм перехода к оседлому образу жизни протосакских скотоводческих родовых общин[3].

Поселения Бургулюкской культуры оборонительными сооружениями не укреплялись, но в одном из поселений Туябугуза (Поселение №1), на его западной стороне были обнаружены остатки сложенной из сырцового кирпича стены длиной 20 м. Остатки этого оборонительного сооружения лежат вперемешку с культурным слоем Бургулюк. Параллельно стене, с его внешней стороны, по направлению с севера на юг сохранились следы оборонительного рва, но восточная часть невысокого холма разрушена и следы стен здесь не встречались[4]. Следы таких же оборонительных стен в виде расплывчатого вала были обнаружены в поселении Заркент[5].

Во время изучения Туябугузских поселений были открыты более 50 землянок. Туябугузские жилища состояли из одной комнаты и судя по небольшой площади предназначались для одной патриархальной парной семьи. Фундамент этих лёгких жилищ располагался ниже уровня земли, верхняя каркасная

---

[1] *Тереножкин А.И.* Археологические наблюдения на строительстве Ташканала. . – Т.: Госархив ГУОПМК Уз ССР, 1940. С. 18–19; О н ж е . Рец. на работу Г.В. Григорьева на Каунчитепе. Уз ФАН СССР, вып. VIII, 1940. С. 81, 84.

[2] *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1979. С. 174.

[3] *Дуке Х.И.* Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. – Т., 1982. С. 30–93.

[4] Т а м ж е . С. 20.

[5] *Буряков Ю.Ф.* Культурно-хозяйственные процессы в контактной зоне древнего Яксарта. // «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии». – Самарканд – Бишкек, 2005. С. 174.

стена была выложена из глиняных гувалак и обмазана саманной глиной. У каждой лачуги были обнаружены по 1–2 ямы для хранения зерна. Ямы располагались за пределами жилища, рядом со входом, обращённым на восток. Жилища, построенные по такому плану, характерны для всех типов памятников Чустской культуры и их можно встретить не только в Ташкенском оазисе и Ферганской долине, но и в таких памятниках южных регионов, как Кучуктепа, Кызылтепа, Тиллатепа, Яздепа.

Таким образом, хозяйственно-экономическую основу Бургулюкской культуры эпохи поздней бронзы и раннежелезного века Ташкентского оазиса составляет сложившаяся в микрооазисах древнеземледельческая культура, а ее этническую основу составляли скотоводы-протосаки, постепенно перенимавшие оседлый образ жизни. Протосаки являлись древним коренным населением Средней Азии, которые в советской научной литературе считались согдийцами, разговаривавшими на северо-восточных диалектах древней иранской языковой семьи. По своему антропологическому типу они относились к закаспийской ветви средиземноморского типа.

В советской историографии к древним ираноязычным родовым общинам относили не только племена Андроновской культуры бронзового века, но и дошедшие до нас в греческих источниках скотоводческие племена киммерийцев, скифов, савроматов, сарматов. На самом деле, согласно анализу древних китайских источников, они были прототюркскими этническими общинами.

На финальном этапе раннежелезного века и в античный период Чач становится контактной зоной представителей двух этнических групп, ареной взаимного смешения, ассимиляции. В античный период в связи с приходом с низовьев Сырдарьи новых прототюркоязычных этнических групп – хуннов, преимущество во влиянии изменяется в пользу прототюркских родов. В свершении этих изменений большое влияние оказали племена сарматов с севера и характерная для них Прохоровская культура. То, что эти исторические процессы начались с III века до н.э., хорошо видно на примере памятника Шаштепа Ташкентского оазиса.

М.И. Филанович отмечает, что с уходом с Шаштепа носителей Бургулюкской культуры на его развалинах появляются характерные для скотоводов захоронения других этнических групп[1]. Комплексы захоронений относятся Прохоровской культуре сарматов, которые своими историческими корнями уходят в Чирикрабатскую, Джетыасарскую культуру Нижней Сырдарьи и культуру сарматских племён. С III века до н.э. часть из них переселяется с нижнего бассейна Сырдарьи к верхнему течению и доходят до внутренних районов Арысского и Ташкентского оазисов.

По стратиграфии захоронений Шаштепа видно, что его развалины, после второго этапа Бургулюкской культуры, на протяжении не менее 50–60 лет были

[1] *Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. – Т., 2010. С. 86–88.

кладбищем других этнических групп. Эти этнические группы, вместе с местным населением Чача, находясь с ними в экономических и этнокультурных отношениях, принимали активное участие в формировании Каунчинской культуры. По утверждению М.И. Филановича, возведение в центре поселения Шаштепа монументального здания в виде креста, связанного с архитектурой сарматских и джетыасарских племён, свидетельствовало о начале Каунчинской культуры [1].

Разнообразие обрядов захоронений племён этого периода по среднему и нижнему бассейну Сырдарьи свидетельствует о сложной этнокультурной жизни этого региона, с древних времён исполнявшего роль контактной зоны. Эта сложная этнокультурная обстановка была безусловно связана с миграцией пратюркоязычных родов и общин. Эти миграционные процессы в бассейне Нижней Амударьи широко освещены Б.И. Вайнбергом[2]. Автор в своём произведении отмечает, что в этногенезе местного населения в IV--II веках до н.э. активное участие принимали племена савроматов и сарматов. В поддержку этого мнения высказывается и В.Н. Ягодин[3].

В произведении Б.И. Вайнберга повествуется о культурном влиянии оазиса Древнего Хорезма на культуру племён нижнего бассейна Сырдарьи, об экономических и культурно-хозяйственных связях, которые привели к коренным изменениям в этнокультурной жизни региона. Эти коренные изменения, в свою очередь. характеризуют сложную этнокультурную обстановку в общей этнической картине Средней Азии до прихода сюда племён юэчжи.

По мнению большинства исследователей, в V–II веках до н.э. юго-восточные территории Зауральского края, как и раньше, оставались ядром концентрации скотоводов, центром культурно-хозяйственного комплекса Прохоровской культуры сарматов. Концентрация скотоводов в этом регионе привела к демографическому взрыву. В результате первая волна сарматов направилась на Запад, в сторону Нижней Волги, Северного Кавказа, к нижним течениям рек Дона, Днепра и Днестра, а другая крупная волна – на юго-восток, в сторону Средней Азии. А.Г. Скрипкин, изучавший жизнь Волго-Донских савроматов и сарматов, пишет. что часть сарматов участвовала в исторических событиях Средней Азии[4]. По предположению К.Ф. Смирнова, некоторые рода сарматов участвовали в свержении Греко-Бактрийского государства[5]. Б.Я. Ставиский приходит к выводу, что кочевники Центральной Азии играли решающую роль в свержении Греко-Бак-

---

[1] *Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. – Т., 2010. С. 98–128.

[2] *Вайнберг Б.И.* Этнография Турана в древности. – Т., 1999.

[3] *Ягодин В.Н.* Памятники кочевых племён древности и средневековья. // «Древняя и средневековая культура Устюрта». – Т., 1988. С. 191.

[4] *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века н.э. – Саратов, 1984.

[5] *Смирнов К.Ф.* Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени. «Этнография и археология Средней Азии». – М., 1979. С. 76.

трийского государства[1]. В основе этих выводов и заключений лежит историческая реальность.

В этом вопросе А.М. Мандельштам также высказывает свою точку зрения, локализуя пришедших с юго-восточных территорий кочевников с дахами. Согласно письменным источникам, в середине I тысячелетия до н.э. дахи представляли собой крупное объединение скотоводческих племён. Геродот называет их «даи» (Геродот, I, 125). Ксеркс в Персепольских надписях упоминает о дахах как о самом крупном союзе племён, плативших дань Ахеменидам[2]. В Авесте дахи причисляются к одному ряду с савроматами и турами[3].

Летописцы военных походов Александра Македонского пишут об активном участии дахов под именем даи в составе войск Дария I, наряду с массагетами и бактрийскими конниками, в битве при Гавгамелах. По сообщению Арриана, племена даи жили в степях за «Танаисом» (Сырдарьей), воевали в составе персидских войск и после разгрома армии Бесса вместе со Спитаменом, Оксиартом отступили в Согдиану, город Наутаку[4]. Страбон называет даями скифов, живших на восточном побережье Каспийского моря[5]. Вначале они проживали на берегах Танаиса (Сырдарьи)[6]. С начала III века до н.э. часть племенного союза дахов расходятся в разные стороны. Племя парфов из союза племён дахов во главе с Аршаком направляется на юг и создает новое государство. Основу этого государства составляли парфы, поэтому новое государство было названо Парфиана.

В научной литературе существуют различные гипотезы по вопросу географии распространения союза племён дахов. Например, Б.И. Вайнберг считает, что дахи жили на востоке от оазиса Древнего Хорезма, на территории Нижней Сырдарьи и связывает их с Чирикрабатской культурой [7]. Часть из них жили в городских поселениях, занимались орошаемым земледелием и отгонным скотоводством и остались жить на своих местах, а исконные скотоводы, переселившись на юг, основали государство Парфию во главе с Аршаком[8].

Значит, часть сарматов, двинувшаяся с юго-восточных областей Уральских хребтов на юго-запад в течение IV–III веков до н.э. захватывают низовья Сырдарьи, смешиваются с племенами Чирикрабадской и Джетыасарской культур и по воле истории в III–II веках до н.э. вступают на земли среднего течения Сырда-

[1] *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия. // Проблемы истории и культуры. – М., 1977. С. 106–107.

[2] Антидевская надпись Ксеркса из Персеполя. Пер В.И. Абаева. // Хрестоматия по истории древнего мира. Том I. Древний Восток. – М., 1950. С. 276–277.

[3] *Алиев И.* История Мидии. – Баку, 1960. С.101, примечание 7.

[4] *Арриан* (III, 28,9-10); *Гафуров Б.Г.* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. Кн.I. – Душанбе, 1989. С. 117–118.

[5] *Страбон,* XI, VIII, 2.

[6] Там же. IX, 2.

[7] *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура. – М., 1993.

[8] *Пьянков И.В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. // ВДИ, № III, 1964. С. 124–125.

рьи– Арысский и Ташкентский оазисы. Ташкентский оазис становится центром их концентрации. Эти пришлые этнические группы, с одной стороны, способствовали увеличению тюркской прослойки в среднем течении Сырдарьи, с другой, смешавшись с местным населением, в течение II–I веков до н.э. участвуют в формировании Каунчинской культуры. Племена парфов, относящиеся к пришлым этническим группам кочевых дахов, в III веке до н.э. вступают в южные области Средней Азии и на юго-западе региона во главе с Аршаком основывают государство Парфию. Эти миграционные процессы, описанные в письменных источниках, происходили на этнической карте Средней Азии ещё до прихода Даюэчжи и дают основание утверждать, что кризис Греко-Бактрийского государства связан с наплывом этих первых этнических волн.

С обретением независимости в Казахстане также стали предаваться сильным национальным эмоциям. С целью обоснования догмы, что «территория Южного Казахстана является извечной родиной казахов», была издана заказная, насыщенная околонаучными выводами работа А.Н. Подушкина[1], противоречащая существующим научным взглядам[2]. В этой работе автор, осветив историчечкую топографию, древнюю архитектуру Отрарского оазиса и в целом материальную культуру этой историко-культурной области, приходит к заключению, что оседлая культура казахского народа, его градостроительная культура начинается именно на этой земле, а предки казахов были не только кочевыми скотоводами, но и основателями оседлой цивилизации. На самом деле Отрарская долина является одним из регионов, этническое происхождение населения которой связана с процессами формирования узбекского народа, включённая в состав Республики Казахстан в период проведения советской властью политики национально-территориального размежевания.

Сегодня предъявлять каких-либо претензий к заключениям автора бесполезно. Но когда он все археологические памятники античного периода и раннего средневековья на пространстве от бассейна среднего течения Сырдарьи – от Северного Отрара до южных районов Ташкентского оазиса объединяет в единое целое и называет его «Арысской культурой» – это непростительно. К сожалению, автор, по всей видимости, не заметил явных отличий в архитектурной культуре памятников Ташкентского оазиса и бассейна Арыси, в особенностях некоторых форм керамических изделий, в характере топографического расположения памятников, в хронологии процесса перехода к оседлой жизни. По его мнению, как отмечалось выше, Арысская культура якобы явилась основой для формирования Каунчинской культуры. Согласно безосновательной научной гипотезе А.Н. Подушкина, центральным ядром государ-

---

[1] *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э.. – Туркестан, 2000.

[2] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971.

ства Кангюй был Арысский оазис и столичный город Кангюя располагался в Арысской долине[1].

Но вопреки таким взглядам, являющимся плодом национальных эмоций, Ташкентский оазис – основное ядро, первоначальная территория, где сформировалась Каунчинская культура. Влившаяся в античный период в состав коренного населения – прототюркско-согдийского этнического слоя со стороны нижнего бассейна Сырдарьи огромная масса новой волны сарматских племён ещё более усилила этнический состав населения региона в пользу тюрков. Эта историческая реальность, происшедшая в античный период, характерна для бассейна среднего течения Сырдарьи и, в первую очередь, для Ташкентского оазиса.

В качестве заключения этого параграфа следует подчеркнуть, что Чачский оазис с древних времён являлся ареной, где происходили тесные этнические отношения. Письменные источники, нумизматические материалы и топонимические сведения свидетельствуют, что в античный период и в раннем средневековье основу местного населения оазиса составляли оседлые тюрки и согдийцы. Также в Чачский оазис с соседних территорий, т.е. с северных и северо-восточных частей Центральноазиатского региона, наблюдался постоянный приток кочевых племён, среди которых подавляющее большинство составляли тюркские племена. В период Тюркского каганата с образованием тюркских династий и экономического роста Чачского оазиса усиливается процесс оседания здесь тюркских племён, что влияет на дальнейшее укрепление уже существующего тюркского слоя. Одним из факторов, указывающих на рост тюркского влияния в оазисе в период Тюркского каганата, является появление десятков названий мест, имеющих тюркскую основу. Кроме этого, в изображении людей на предметах материальной культуры раннего средневековья явно просматривается облик, присущий тюркскому этносу. В частности, на большинстве монет Чача, отчеканенных в VI–VIII веках, мы видим изображения людей, внешний облик которых присущ восточным тюркам: миндалевидный или узкий разрез глаз, безбородые, широкие, круглые лица, прямые волосы. Вышеперечисленные признаки наблюдаются и в изображении людей на различных предметах культурно-идеологического назначения: статуэтках, печатях и др. В частности, примером может служить пряжка на поясе с изображением всадника, найденная на развалинах городищ Канка и Сигиртепа– поселений древних жителей оазиса[2] (см. цветную иллюстрацию 8 «Изображения всадников с древнетюркским обликом разной композиции в эпоху раннего средневековья»). Хотя надписи на монетах, которые чеканились тюркскими правителями оазиса, были на согдийском языке, вместе с тем в Ташкентской области и его окрестностях археологи находят керамические изделия с тюркско-руническим письмом, свидетельствующие об определённых позициях тюркского языка. Как

[1] *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э.. – Туркестан, 2000. С. 164.

[2] *Богомолов Г.И.* Изображения всадников с городища Канка. // ИМКУ, № 20, 1986. С. 69–79.

уже говорилось выше, одним из факторов, подтверждающих существование в оазисе тюркского языка, является то, что главное название самого оазиса – слово «Чач» имеет прототюркскую основу[1]. Также интерпретация названия одного из крупных районов оазиса в раннем средневековье – Илака (ныне Ахангаранская долина) и его центрального города – Тунката как тюркского подтверждает тот факт, что одну из важных частей Чачского оазиса занимало тюркское население[2]. Кроме этого, существование в средние века в оазисе таких названий, как Джабгукат, Хотункат, Итлик, Сойлик, Абрлиг, Арпалиг, Барскат, Ардлонкат (Арслонкат), Намудлиг (Йагузлиг), Некалик (Йакалик), Ажиг (Ачиг), Джадгал (Чаткал) и десятков других топонимов, имевших тюркскую основу, говорит о том, что одну из важных частей Чача составляло тюркское население. Действительно, имеются все подтверждения того, что большая часть этих топонимов возникла в средние века.

IX.5. Этническая основа Каунчинской культуры и возрастание в её составе роли тюркских этнических компонентов

Согласно анализу археологических и письменных источников, этнические корни Каунчинской культуры связаны с весьма сложными этнокультурными процессами, составляющими фундаментальную этническую основу этногенеза узбекского народа. Из чего же состоит эта фундаментальная этническая основа? Анализ археологических и древних письменных источников показывает, что она имеет две исторические этнические основы: первая – коренная оседлая согдийская основа, вторая – скотоводческие тюркские корни. Обе они имеют автохтонные корни. Когда и на основе каких факторов началось их смешение?

В вышеприведённых главах и параграфах данного исследования отмечалось, что узбекский народ сложился на основе двуязычных (согдийской и тюркской) этнических общностей. Следующая задача заключается в наблюдении отражения этой проблемы на примере памятников Каунчинской культуры.

По свидетельству письменных источников, коренным, местным населением Ташкентского оазиса были саки и их оседлая часть – согдийцы Чача (см. рис. 20). Материальная культура согдийцев Чача нашла отражение в Буругулюкской культуре.

---

[1] Ўзбекистон ҳудудида Қорахонийлар давригача бўлган қадимги туркий топонимлар // Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданий жараёнлар. «Карим Шониёзов ўқишлари» туркумидаги халқаро илмий анжуман материаллари, I-қисм. –Т., 2005, С. 123–124; *Буряков Ю.Ф.* К динамике развития городской культуры древнего и средневекового Чача // Материалы научной конференции «Чач – Бинкет – Ташкент (историческое прошлое и современность)». – Т., 2007. С. 8–9; *Максудов Ф., Бабаяров Г.* К этимологии топонима Чач. // «Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет». Труды международной научной конференции. – Т., 2009. С. 203–205.

[2] *Умаров Э.* Этюды по древней ономастике // Transoxiana: История и культура. – Т., 2004. С. 114.

Строительство жилищ этого периода не носило монументального характера. Большая часть жителей жили в землянках или хижинах полуземляночного типа. На позднем этапе Бургулюкской культуры (VI–IV века до н.э.) в строительстве жилищ постепенно начинается использование глиняных гувалак.

Анализ археологических находок свидетельствует о том, что в течение XIII–IX веков до н.э. на территорию Чача вторгаются большие массы прототюркских этнических групп. Представители этих прототюркских этнических групп пасли свой скот на обширных пастбищах вновь освоенных земель, поддерживали экономические отношения с местным населением, но ни письменные источники, ни археологические материалы вплоть до античного периода не содержат сведений об их ассимиляции.

К периоду античности эти миграционные процессы охватывают бассейн среднего течения Сырдарьи, в первую очередь, территорию древнего Ташкентского оазиса. Это свидетельствовало о начале второго этапа этногенеза узбекского народа. Ранние этногенетические процессы этого этапа были органически связаны непосредственно с Ташкентским оазисом, с формированием Каунчинской культуры.

Материальная культура и антропологический облик этих этнических групп в корне отличались от материальной культуры местных саков и согдийцев (см. цветную иллюстрацию 12 «Изображение людей Центральной Азии в настенных росписях эпохи раннего средневековья»). Гончарные изделия кочевников состояли из грубых, массивных, обожжённых на открытом огне, шероховатых керамических сосудов. Но образ их повседневной жизни, военное искусство было на высоком уровне. Представители предприимчивого и инициативного слоя пришельцев захватывают на местах военно-политическую власть и, широко используя культурно-хозяйственные достижения местного населения, активно участвуют в формировании новой этнической культуры. Так, в результате их смешения с коренными чачскими саками и оседлым чачскими согдийцами начинает образовываться новый этнос. Ранние следы этого нового этноса, как отмечалось выше, впервые были обнаружены в Каунчитепа, поэтому он известен под названием «Каунчинской культуры».

В материальной культуре этого нового этноса преобладали признаки, характерные для тюркских родов. Носители Каунчинской культуры отличаются своеобразием этнокультурного формирования, этнографическими и этнокультурными особенностями, единством языка и антропологического строения лица. В III–II веках до н.э., как говорилось выше, в связи с резким обмелением нижних протоков Сырдарьи – Джанадарьи и Кувандарьи, большая часть жителей Джетыасарской культуры переселяется на территорию среднего течения Сырдарьи – в бассейны рек Арысь, Келес, Чирчик и Ахангаран. Природный ландшафт бассейна средней Сырдарьи можно разделить на три зоны: горную, предгорную и равнинную.

Горные и предгорные зоны были благоприятны в основном для развития скотоводческого хозяйства, а богатые водными ресурсами равнинные зоны стали превращаться в культурные центры оседлого населения, которое занималось орошаемым земледельческим хозяйством. Поэтому в этих местах возводятся окружённые оборонительными сооружениями городские поселения и древние города. Ташкентский и Отрарский оазисы были такими центрами поливного земледелия, которые в античный период составляли единое культурно-хозяйственное и этническое пространство.

В формировании Каунчинской культуры важную роль играли прототюркские племена хуннов. По утверждению учёного-китаеведа А. Худжаева, в древних китайских письменных источниках в разные времена приводятся 32 названия хуннов (например, ху, хули, тиек, куйфан, сюнну и другие). Иногда они назывались бэйди (северные прототюрки)[1].

Образованное в середине III века до н.э. государство хуннов постоянно соперничало с китайской империей Хань. В начале II века до н.э. усилившееся хуннское государство подчиняет себе на западе 26 государств, в том числе и Кангюйское государство, с которыми даже завязываются родственные отношения. В эти времена активизируется мирное вторжение хуннов во внутренние районы государства Кангюй.

Между 73–48 годами до н.э., воспользовавшись междоусобицами среди ябгу хуннов и ослаблением центральной власти, правители династии Хань совершают военный поход на земли хуннов. В этих сражениях победу одерживают китайцы, и хунны были вынуждены отступить на территорию государства Кангюй.

Обычно в межплеменных войнах за пастбища потерпевшее поражение войско отступало вместе со своими сородичами, потому что у кочевников пленение соплеменников было равносильно уничтожению этого рода. По этой причине массовый приход хуннов во второй четверти I века до н.э. на территорию Кангюйского государства выглядит естественным. В результате в областях среднего бассейна Сырдарьи происходит увеличение прототюркского этнического слоя. Ускоряется процесс тюркизации местного населения долины Чача и Отрара, что находит своё отражение не только в языке, но и в материальной культуре. Эти коренные социальные, экономические и этнокультурные изменения играют важную роль в становлении Каунчинской культуры.

Действительно, изменения в этническом составе древнего населения Ташкентского оазиса связаны с миграцией нескольких прототюркских этнических групп на юг вследствие политического кризиса союза центральноазиатских хуннских племён.

Значит, этническую основу Каунчинской культуры составляли ираноязычные согдийцы, а также местные саки и пришедшие с северо-восточных областей ре-

---

[1] *Хўжаев А. Хунлар.* Ўзбекистон миллий энциклопедияси. № XI. – Т., 2005. С. 394.

гиона прототюркоязычные хуннские племена, соотношение которых к античному периоду было практически одинаковой. Что касается этнических корней согдийцев Чача, то они составляли оседлую часть коренных саков, а предки пришедших на эту землю в период античности прототюркоязычных хуннов – арийцы проживали в этих краях в эпоху бронзы и в более ранние времена. Л.М. Левина отмечает, что в связи с распадом союза племён хуннов в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи формируются три близких друг другу в этническом отношении крупных историко-культурных и хозяйственных центра и характерные для них археологические культуры[1]. Этими центрами являются Джетыасарская, Отрарско-Каратауская и Каунчинская культуры, последние две из которых, по мнению Л.М. Левиной, во всех отношениях близки друг другу. Как отмечалось выше, на первом этапе Каунчинской культуры наблюдается культурно-хозяйственное влияние племён среднего бассейна Сырдарьи (Каунчинской и Отрарско-Каратауской культур) на племена нижней Сырдарьи (Джетыасарскую культуру). А на II этапе Каунчинской культуры происходит обратное, то есть наблюдается активизация элементов Джетыасарской культуры в Ташкентском оазисе[2].

На третьем этапе Каунчинской культуры (Каунчи III) наблюдается, во-первых, этнокультурная локализация в пределах этих территорий, и, во-вторых, заметна сильная этнокультурная генетическая общность между Отрарской культурой и Ташкентского оазиса[3]. Действительно, начиная с раннего средневековья Отрар находится в составе Чача, и его северные пограничные территории, располагавшиеся на севере среднего бассейна Сырдарьи, от Туркестана до Янгикента, исполняли роль контактной зоны с Каунчинской и Джетыасарской культурами. Об этом свидетельствуют материалы Маслахаттепа, Шурюктепа, Суяктепа, Туркестанской Актепа, Содикат и Урдактепа.

Этнокультурное наследие, характерное для Каунчинской культуры, в корне отличалось от сложившейся на этой земле согдоязычной культуры местного населения. К примеру, произошли существенные изменения в производстве керамических изделий. Теперь место лощёных, красноангобированных, изящных тонкостенных сосудов занимают толстостенные, грубые, покрытые гребенчатым орнаментом керамические изделия. В комплексе гончарного производства появляются кубки с ручками, выполненными в форме голов различных животных. Становится традицией оформление ножки котлов в виде фигур животных.

Одной из важных характерных особенностей Каунчинской культуры является использование символов родовых культов в изготовлении керамических изделий. Этот способ часто применялся при изготовлении подставок для керамических котлов, которые были выполнены в форме ног человека и головы рогатого

---

[1] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С. 241–242.

[2] *Буяков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т.: Фан, 1982. С. 72.

[3] Там же. С. 80.

барана, что свидетельствовало о тотеме этого рода. Изображения различных животных, в первую очередь, мелкого рогатого скота на ручках кружек, узкогорлых кувшинов и горшочков Каунчинской культуры свидетельствовали о значительном влиянии тюркского этнического слоя в составе населения этой культуры. С древнейших времён в искусстве прототюркских этнических общин в гончарном ремесле, кузнечном деле, в особенности при изготовлении боевого оружия, широко использовались изображения животных на наносимых узорах. Изготовление предметов искусства зооморфным способом достигло высокого развития, особенно в эпоху раннего железного века. Традиции широкого использования культа животных в гончарном и металлургическом производстве характерны для ранних этапов (Каунчи I, Каунчи II) Каунчинской культуры (см. цветную иллюстрацию 7 «Керамический комплекс Каунчинской культуры»). Однако в последующих этапах культуры культ барана практически не встречается. Это объясняется тем, что на поздних этапах античного периода и в раннем средневековье происходят коренные изменения в хозяйственной жизни, характерной для населения ранних этапов Каунчинской культуры, и на основе взаимного смешения представителей двух языков и двух хозяйств образуется народность кангар. На общей территории складывается единое экономическое хозяйство, формируется этнокультурный и даже антропологический тип.

Признаки Каунчинской культуры уже заметны в археологических комплексах позднего этапа Бургулюкской культуры. Например, на Каунчитепа, Кулакчинтепа, Шаштепа наблюдается стандартизация керамики Бургулюкских комплексов, появляется возможность разделения их по вариантам, резко уменьшается нанесение орнамента на керамическую посуду, появляются плоскодонные миски, жаровни, носики полусферических чашек обретают трубчатую форму, поверхность сосудов становится светлоангобированной с нанесением гребенчатых узоров[1]. Все эти признаки, характерные для Каунчинской культуры, стали зарождаться на позднем этапе Бургулюкской культуры.

К настоящему времени в Ташкентском оазисе обнаружены более 100 памятников Каунчинской культуры. Ю.Ф. Буряков в своей монографии «Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса» дал им археологическую характеристику, произвёл систематизацию, периодическую классификацию в хронологической последовательности и глубокий научный анализ[2]. В исследованиях, появившихся после открытия Каунчинской культуры Г.В. Григорьевым, на основе новых объектов были внесены уточнения в его хронологическую пери-

[1] *Буряков Ю.Ф., Дадабоев Г.* Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ. вып.№ X. – Т., 1973. С. 48-49.

[2] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 3-189.

одизацию и произведён более детальный анализ предметов материальной культуры[1]. И, наконец, были проведены исследования для доказательства того, что этап Каунчи III является исторической реальностью в составе Каунчинской культуры[2]. Однако до сих пор ведутся научные споры о его этнической основе, генезисе и образовании центрального ядра.

Анализ археологических комплексов показывает, что если на первом этапе Каунчинской культуры вектор миграции с среднего бассейна Сырдарьи был направлен на север и северо-восток, в результате чего в Джетыасарской культуре наблюдаются элементы культур средней Сырдарьи, а на этапе Каунчи II, наоборот, явно ощущается влияние Джетыасарской культуры, то на третьем этапе Каунчинской культуры сфера ее влияния выходит за первоначальные рамки этнокультурного пространства и происходит локализация местных культур: в Ташкентском оазисе складывается Джунская культура[3], в долине Арысь – культура Отрарско-Каратауская[4], на северо-западе Бухарского оазиса – Кызылкирская[5] культура. Но в этническом отношении они были связаны с Каунчинской культурой, которая составляет основу этнокультурного общества.

Для Каунчинской культуры характерно строительство сложных фортификационных сооружений, монументальных жилищ, царских дворцов и замков, величественных зданий общественного и религиозного назначения. Если в это время в Бактрии и Маргиане, Согде и Хорезме в строительстве монументальных зданий использовались стандартные квадратные кирпичи античного периода, то в возведении сооружений Каунчинской культуры повсеместно применялись прямоугольные сырцовые кирпичи и пахса – битая глина. В архитектуре периода

[1] *Агзамходжаев Т.* Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I–VIII вв. н..э. Автореф. канд. дисс. – Т., 1966; *Буряков Ю.Ф., Дадабоев Г.* Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ, вып. № X. – Т., 1973; *Воронец М.Э.* Отчёт археологической экспедиции Музея истории АН Уз ССР о раскопках погребальных курганов первых веков возле ст. Вревской в 1947 г. // В сб. Труды истории народов Узбекистана. Вып. № I. – Т., 1951; *Григорьев Г.В.* Отчёт об археологической разведке в Янгиюльском районе Уз. ССР в 1934 г. – Т., 1935; *Григорьев Г.В.* Каунчитепа (раскопки 1935 г.). – Т., 1940; *Григорьев Г.В.* Келесская степь в археологическом отношении. // Изв. АН Каз. ССР № 1. Серия археологическая. – Алма-Ата, 1948; *Крашенникова Н.И.* Археологические наблюдения на Чантепе. // В сб. Труды ТашГУ «Археология Средней Азии», вып. V. – Т., 1960; *Крашенникова Н.И.* К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. // В сб. ТашГУ «Археология Средней Азии», вып. VII. – Т., 1966; *Литвинский Б.А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. //СА № II, 1967; *Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968; *Тереножкин А.И.* Согд и Чач. //КСИИМУ, вып. XXXIII. – М., 1950.

[2] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С. 184–186.

[3] *Оболдуева Т.Г.* Курганы Каунчинской и Джунской культуры //КСИИМК, вып XXIII. – М.–Л., 1948.

[4] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971.

[5] *Ураков Б.* Культура Бухарского оазиса второй половины I тыс. до н.э. и первой половины I тыс н.э. Автореф. канд. дисс. – М., 1982. С. 14–19.

Каунчи I становится традиционным строительство арочных систем различной конструкции, т. е. крыши зданий покрываются куполами и сводами.

Могильники периода Каунчи I состоят из земляных курганов и покрытых грудами камней катакомбных захоронений, камеры которых были куполообразными, широкими и располагались на достаточной глубине от уровня земли. В погребальных камерах каждой катакомбы встречаются по 2-3 и более уложенных на спину человеческих скелетов. У изголовья и в ногах скелетов находятся керамические сосуды, возле рук и пояса у мужчин – орудия труда и боевое оружие, трёхлопастные и шиловидные литые железные наконечники. На руках и ногах женских скелетов, в грудной полости, на черепе встречаются предметы украшения из различных камней и железа.

Среди захоронений с каменными насыпями вместе с материалом Каунчи встречаются могилы ямного и подбойного типа. Но инвентарь этих захоронений, в сравнении с катакомбными, очень беден, обнаруженные в них керамические сосуды грубой работы, ломкие и шероховатые и состоят, в основном, из изготовленных вручную кружек и горшков. Такие захоронения расположены в основном в горных районах, удобных для занятий животноводческим хозяйством. Вещественные источники, обнаруженные в захоронениях с земляными насыпями, относительно богаты по составу и полны различными сосудами. В них часто встречаются кружки с ручками в виде животных, характерные для Каунчи I. В таких могильниках было найдено очень много металлических предметов и украшений. В Ташкентском оазисе к периоду античности Бургулюкская культура сменяется Каунчинской.

В археологическом комплексе Каунчи широко используемым материалом была керамика, которая имела большое значение в поэтапной хронологизации Каунчинской культуры. Например, керамика Каунчинской культуры, в отличие от керамических изделий Бургулюкской культуры, в основном с плоским дном, изготовлены вручную, без применения гончарного круга. Эти сосуды светлоангобированы, поверх ангоба нанесены сливчатые узоры коричневого или тёмно-коричневого цвета. Такой способ покраски поверхности керамических сосудов в орнаментах Бургулюкской керамики не встречается. Значит, большая часть керамических сосудов Каунчинской культуры, особенно хумы и яйцевидной формы кувшины, кружки с изображением животных и горшочки в генетическом отношении не связаны с Бургулюкской керамикой. Вдоль венчика сосудов, на плечиках хумов и кувшинов Каунчинской культуры нанесён орнамент в виде треугольников, зигзагов, силуэтных изображений животных и резных крестов. Плечики хумов и кувшинов покатой формы, отогнутые венчики круглой или треугольной формы. Ручка, соединяющая плечики и горлышко, иногда выполнена в форме животного. На противоположной стороне расположен трубчатый носик-слив. Кувшины и кружки Каунчинской культуры без сливных носиков, но ручки выполнены в форме животных. В составе керамических изделий встречаются большие и маленькие

миски, фляги, жаровни, подставки для светильников, треноги с изображением головы барана для керамических котлов, котлы и крышки для посуды.

Керамика Каунчи I тонкостенная, небольших размеров, изготовленная в основном на медленно вращающемся гончарном круге. Керамика этого периода – хумы, кувшины и горшочки – характеризуется появлением на поверхности полосчато-сливчатого узора тёмно-коричневого цвета. Большинство хумов и кувшинов с двумя ручками, ручки кружек выполнены в форме животных. Среди кувшинов и горшков встречаются украшенные рядом желобовидных линий сосуды, кувшины с ручками в форме животных и носиками, характерных для Джетыасарской культуры. Для керамического комплекса Каунчи I также характерны таганы с изображением головы барана, керамические крышки, жаровни и фляги. Всё это позволяет датировать первый этап Каунчинской культуры II веком до н.э. – началом II века н.э.

Комплекс керамики Каунчи II широко представлен сосудами, характерными для керамики второго этапа Джетыасарской культуры. Они состоят из кувшинов и горшочков с носиками и желобчатыми ободками, ручки которых выполнены в форме фигур животных или спиралевидного витка. Среди сосудов много горшков с широким горлом, на шейке нанесены каннелюры, что свидетельствует о сильном влиянии джетыасарцев на Каунчинскую культуру. По сравнению с этапом Каунчи I на этапе Каунчи II больше встречается керамических крышек с грубым выполнением.

В Каунчинской культуре под влиянием Джетыасарской культуры появляются сосуды с носиками на горлышке, с фигурными и желобчатыми каннелюрами. Сосуды такого типа относятся к IV–V векам н.э.[1] Такие сосуды встречаются в пограничных районах Ферганской долины с Ташкентским оазисом[2]. Характерный для Каунчинских кувшинов орнамент в виде насечек встречается в керамике Гайраттепа Древней Ферганы[3]. Найденные здесь покрытые чёрным и тёмно-коричневым ангобом, с крючковидными ручками кружки, по мнению Б.А. Литвинского, характерны для II–III веков н.э. Все вышеперечисленное предполагает датировать второй этап Каунчинской культуры II–IV веками н.э.

На заключительном этапе Каунчинской культуры – Каунчи III появляются керамические сосуды, окрашенные в красный цвет, частично затемнённые, с серой отделкой, в частности, горшочки с округлым дном и крючковидной ручкой, подставки для светильников с дисковидным поддоном и резным узором, керамические крышки, терракотовые статуэтки. Продолжается изготовление Джетыасарских двуручных кувшинов с орнаментом в виде длинных полос, подставки

---

[1] *Левина Л.М.* Керамика и вопросы хронологии памятников Джетиасарской культуры. // В сб. Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1966. С.89.

[2] *Чуланов Ю.Г.* Некоторые новые памятники Северной Ферганы. // СА, № II, 1967. С. 245, 247, рис. 2, 12.

[3] *Козенкова В.И.* Гайраттепа. // СА № III, 1964. С. 232, рис. 6, 12.

для котлов с изображением головы барана заменяют подставки с бычьей головой. В практике захоронений появляется возведение возвышающихся над поверхностью надгробий. Именно в это время в Ташкентском оазисе зарождается обычай захоронения умерших в остадонах.

Широкое распространение получает изготовление статуэток хищных животных в позе прыжка, рельефных фигур мужчин и женщин в интерьерах монументальных зданий.

К примеру, изготовленные рельефным способом такие фигуры обнаружены на северном холме городища Канка[1]. Например фигурка размером 34×16 см, на которой изображена улыбающаяся женщина с короной на голове, с распротёртыми, как у Артемиды, крыльями, миндалевидными глазами на овальном лице. У неё орлиный нос, как на изображениях чачских монет. Её маленькие уши украшены круглой серьгой, одета она в короткую и лёгкую одежду, на плечах накидка из плотной ткани. У подола платья изображён бегущий козлёнок. На ногах сапожки с отогнутыми голенищами, в руках она держит струнный музыкальный инструмент наподобие уда. Неудивительно, если эта фигура окажется частью цельной терракотовой композиции музыкантов.

По утверждению любителя произведений искусств археологии Казима Абдуллаева, эти находки относятся к середине I тысячелетия до н.э.[2] В городище Канка найдена ещё одна терракотовая плитка овальной формы. На гладкой лицевой стороне этой терракотовой плитки изображена фигура сидящей под рельефом арка женщины со струнным музыкальным инструментом в руках[3].

Ещё на одной терракотовой форме, найденной в Канке, изображён всадник с луком и стрелами в руках под сводами стрельчатой арки. На ней художник изобразил фигуру всадника, с решимостью вступающего в бой. Сам всадник изображён крупнее коня, прямо сидящим на нём, с продолговатым лицом, глубоко посаженными глазами и острой бородкой. Диадема с перьями на голове напоминает корону с тремя ответвлениями. В чуть согнутой правой руке он держит лук, в левой руке – поводья, за спиной – колчан, полный стрел. Всадник сильно упирается ногами в стремена, вытянув их вперёд, фигура откинута назад. Лошадь с маленькой головой, все ноги лошади изображены чётко.

Терракотовые плитки с такими изображениями часто встречаются в памятниках культуры Согдианы V–VI веков[4]. В археологических комплексах этого периода во множестве находятся цилиндрические керамические печати размером 2,5–4,5 см с изображением лугов и козлов с крупными рогами. Произведений

---

[1] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 78.

[2] *Абдуллаев К.* Уникальная находка терракотового фриза. // ОНУ, № II, 1974. С. 45 48.

[3] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 78.

[4] *Мешкерис В.А.* Коропластика Согда. – Душанбе, 1977. С. 59–60.

искусств с такими изображениями в период раннего средневековья в Туркестане становится очень много и их анализ свидетельствует о широком распространении по всей территории Средней Азии тюркского этнического слоя.

Об этом говорят и нумизматические материалы. Например, на монетах Чача, отчеканенных в VI–VIII веках, изображён облик человека, присущий восточным тюркам: узкие глаза, широкое безбородое круглое лицо, длинные волосы. Изображённые в произведениях искусства – статуэтках, печатях образы людей также содержат присущие тюркам признаки. Подтверждением этому может служить пряжка ремня с изображением всадника, которая была найдена в развалинах городищ Канка и Сигиртепа. Ещё одним фактором, свидетельствующим в пользу существования в оазисе древнего тюркского языка, является само название оазиса – «Чач», которое имеет тюркскую основу[1]. Названия реки Ахангаран и главного города Илака – Тункат, которые являются неотъемлемой составной частью Ташкентского оазиса, также трактуются в качестве тюркских названий.

В раннем средневековье в Чачском оазисе были построены такие города и поселения, как Абрлиг, Арпалиг, Сойлик, Итлик, Хотункат, Барскат, Джабгукат, Арсланкат, Намудлиг, Йагузлиг, Йакалик, Ачиг, Джадгал, Чаткал и десятки других, названия которых свидетельствуют о том, что большую часть населения Чача составляли тюрки. Однако топоним Чач в оазисе известен с древнейших времён. Возможно, он связан с переселением на эти земли в эпоху поздней бронзы со степей Енисея большой группы племен прототюркского Андроновского происхождения. Важное место в хозяйственной жизни скотоводческих Андроновских племён, кроме скотоводства, занимала горная промышленность, добыча полезных ископаемых, металлургия, а также художественное искусство изготовления различных украшений из драгоценных камней. Если учесть, что горы, окружавшие оазис, были богаты бирюзой, то известный на весь Восток этими камнями Ташкентский оазис и названный поэтому Чач (камень) своими историческими корнями уходит в эпоху поздней бронзы.

По итогам археологических исследований, проведённых в последние годы в Шаштепа, горизонты Шаш 1 и Шаш 2 характеризуют Бургулюкскую культуру, а горизонт Шаштепа 3 характеризуется в качестве переходного периода. Хотя здесь и встречаются некоторые артефакты, присущие савроматам, но жизнь в Шаштепа погасла, его развалины были превращены в кладбище скотоводами Прохоровской культуры, пришедшими с берегов нижней Волги в III веке до н.э. На горизонте Шаштепа 4 образуются слои первого этапа Каунчинской культуры, вокруг поселения возводится оборонительная стена, в центре строится монументальный дворец в форме креста.

---

[1] *Буряков Ю.Ф.* К динамике развития городской культуры древнего и средневекового Чача. // Материалы научной конференции «Чач – Бинкет – Ташкент (историческое прошлое и современность)». – Т., 2007. С. 8–9; *Максудов Ф., Бабаяров Г.* К этимологии топонима Чач. // «Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет». Труды международной конференции. – Т., 2009. С. 2003–2005.

Таким образом, оборонительную стену и монументальное здание, построенные в период Шаштепа 4, уместно будет связать с началом Каунчинской культуры. Некоторые элементы Бургулюкской культуры из горизонта Шаш 3 и 4 встречаются, но они не играли решающей роли в формировании Каунчинской культуры.

Таким образом, исходя из вышесказанного, следует отметить, что на формирование керамики Каунчи I, с одной стороны, сказалось влияние сарматов Прохоровской культуры, а с другой – большое влияние оказала Джетыасарская культура нижнего бассейна Сырдарьи. Эти исторические реалии хорошо прослеживаются в комплексах Актепа 2[1] и Шаштепа 4[2] Отрарско-Каратауской культуры. Поэтому целесообразно датировать нижнюю границу Каунчи I вторым веком до н.э., а верхнюю – началом II века н.э. На втором этапе Каунчинской культуры получают широкое распространение керамические котлы с широким туловом и ручками, характерные для III–IV веков керамического комплекса Джетыасарской культуры[3]. С учётом этого Каунчи II можно датировать II–IV веками н.э.[4] Памятники Каунчи II и Каунчи III получили относительно более широкое распространение по сравнению с памятниками Каунчи I. Горизонт Каунчи III является заключительным этапом памятников Каунчинской культуры и его можно датировать IV – первой половиной VI века н.э.[5]

К раннему средневековью в среднем течении Сырдарьи тюркский язык становится более влиятельным. В некоторых китайских источниках имеются сведения, подтверждающие, что усиление процесса тюркизации местных согдийцев приходится именно на раннее средневековье. Упоминание согдийцев в некоторых летописях в качестве одного из племён тюрков, возможно, связано с этими процессами[6].

Китаец Хой Чао, в 723–726 годах совершивший путешествие в западные края и посетивший некоторые области Центральной Азии (в основном, Восточный Туркестан, Северную Индию и Афганистан) отмечает, что к северу от народности «ху» до «Северного моря», на западе – до «Западного моря», а на востоке – до границ Китая жили кочевые тюрки[7]. Проанализировав сведения, приведённые этим путешественником, А.Н. Бернштам предполагает, что под термином «ху»

---

[1] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С. 96.

[2] *Аскаров А., Филанович М.И.* Новые данные о зарождении городской культуры на территории Ташкента. // ОНУ, 1980, № VI. С. 28–29.

[3] *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. С. 15, 55–74.

[4] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 79.

[5] Там же.

[6] *Хўжаев А.* Суғдийларнинг Хитойга бориб қолиши // Мозийдан садо. № II. – Т., 2002. С. 40–43; *Хўжаев А.* Хитой манбаларида суғдларга оид айрим маълумотлар // O`zbekiston tarixi. № I. – Т., 2004. С. 52–61.

[7] *Бернштам А.Н.* Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ, № I. – М., 1952. С. 194.

подразумевается оседлое население региона, под «Северным морем» – Аральское, а под «Западным морем» – Каспийское море. Он подчёркивал, что приведённые Хой Чао сведения связаны в основном с живущими в бассейне Сырдарьи кочевыми тюрками[1].

Ещё одно сведение этого времени встречается в произведении Табари. По данным Табари, правитель Хорезма в 712 году бежит на север, просит помощи у тюрков и в 728–729 годах при их помощи начинает борьбу против мусульман[2]. По мнению исследователей, эти тюрки, по всей видимости, жили в нижнем течении Сырдарьи недалеко от Хорезма[3]. Значит, не только средний бассейн Сырдарьи, т. е. население Отрара-Кангу-Тарбана, но и большая часть территорий далеко на запад была заселена тюрками. Значительную часть топонимии северной части оазиса в средние века составляли тюркские названия, также подтверждающие, что внушительный слой населения этой территории состоял из тюрков. К ним относятся Сайрам, Янгикент, Отрар (Турарбанд), Сутканд, Корачук, Сугнак, Хурлуг, Джумишлагу, Атлах, Талас, Бинг-йул (Мингбулак) и другие названия мест[4].

Некоторые исследователи, игнорируя вышеприведённые факты, высказывают одностороннее мнение по вопросу этнического состава населения среднего бассейна Сырдарьи. К их числу относится А. Акишев, который считает, что населённые пункты среднего течения Сырдарьи в средние века были территориями, свободными от тюркского населения. Он пишет: «Из текста надписи Кюль-тегину совершенно ясно, что изначально Кэнгу Тарман не был тюркской землей. Как видим, и само имя не тюркское. Недавно К. М. Байпаков, ссылаясь на С. Г. Кляшторного, непонятно почему объявил «Кангу Тарбан» (правильно: «тарман» – А.А.) древним тюркским феодальным объединением на Средней и Нижней Сырдарье. При этом никаких заслуживающих внимания доводов им приведено не было»[5]. Согласиться с этим мнением А. Акишева невозможно. Существует достаточно

---

[1] *Бернштам А.Н.* Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ, № I. – М., 1952. С.192-195.

[2] История ат-Табари. Избранные отрывки (Перевод с арабского В.И. Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова). – Т.: Фан, 1987. С. 143, 217 (1253, 1525).

[3] *Stark S.* Nomaden und Sebhafte in Mittelasien – und Zentralasien //Grenzuberschreitungen. Formen des Kontakts zwischen Orient und Okzident im Altertum. Stuttgart, 2002. S 386, n. 133.

[4] *Байтанаев Б.* Древний Испиджаб. – Шымкент-Алматы, 2003. С. 38–40; *Бобоёров Г.* Ўзбекистон ҳудудида Корахонийлар давригача булган кадимги топонимлар. // Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданий жараёнлар. «Карим Шониёзов ўқишлари» туркумидаги халқаро илмий анжуман материаллари. 1-қисм. – Т., 2005. С. 124 – 125; *Камолиддин Ш.* Древнетюркская топонимия в Средней Азии. – Т.: Шарк, 2006. С. 80; *Байпаков К. М.* Западно-Тюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степи и города // Известия НАН РК. Средневековая археология. Серия общественных наук. – Алматы, 2009, № 1.

[5] *Аальто П.* Имя «Ташкент» (перевод икомментарии *А.К. Акишева*) // Shygys. №1. – Алматы, 2005. С. 109; См. *Байпаков К. М.* средневековые города Казахстана на Шелковом пути. Алматы, 1998, с. 39–42.

сведений, подтверждающих, что не только в средние века, но и в первом тысячелетии до н.э., и в первом тысячелетии н.э. на этой территории проживал древнетюркский этнос.

В.В. Бартольд пишет, что в греческих источниках II века н.э. встречается слово Δαιχ, созвучное языку населения бассейна Волги, которое связано с гидронимом *Йайик*, использовавшимся в средние века по отношению к реке Урал[1]. В IV–VI веках между Каспийским и Чёрными морями жили тюркские племена *утигур (ўттиз ўгур), қутригур (тўққиз ўгур), хун, барсил, савир, булгор, хазар* и другие, язык которых, по единодушному мнению большинства исследователей, был ответвлением от древнего смежного языка огур (угур). Это говорит о том, что территории не только бассейна нижнего или среднего течений Сырдарьи, но и далеко на западе задолго до средних веков были густо населены тюркским этносом. К тому же текст надписи Кул Тегин «куриғару Кангу Тарманка теги турк будунуғ анча қўнтуртимиз» – «на западе, до Кангу Тармана мы расселили тюркский народ», нельзя истолковывать, что эта земля «изначально... не была тюркской землей» и делать поспешные выводы. Надо принять во внимание, что под приведёнными в надписях терминами «тюрк» или «тюрк будун» (тюркский народ) не всегда подразумевались все тюркские этносы, напротив, имелся в виду род, основавший Тюркский каганат и близкие к нему тюркские племена. Поэтому сведения типа «на западе, до Кангу Тармана мы расселили тюркский народ» вовсе не означает, что на этих землях не жили тюркские народы. В раннем средневековье на север от Чача, в среднем бассейне Сырдарьи и в бассейне реки Арысь жили десятки родов, принадлежавших тюркскому племенному союзу *Теле* (Тулас).

Таким образом, на основе вышеизложенного обширного археологического материала можно заключить, что сформировавшаяся в эпоху античности в Ташкентском оазисе Каунчинская культура, в период поздней античности и раннем средневековье широко распространяется по всему бассейну средней Сырдарьи. Это свидетельствует о важной роли Каунчинской культуры в этнокультурных и этногенетических процессах в среднеазиатском междуречье и его окрестностях, в частности, этногенетической истории узбекского народа.

IX.6. Социально-экономические основы Каунчинской культуры и формирование ранних этнических факторов

Как известно из научно-методологических разработок этнологии, период этногенеза истории народа состоит из зарождения факторов, формирующих определённый этнос. Они складываются из единства территории, общности социально-экономического хозяйства, этнокультурной и этнопсихологической общности, единства самосознания и языка, этнического названия и антропо-

[1] *Barthold V.V.* Orta Asya Tŭrk Tarihi Dersleri. Ankara, 2004. S. 29.

логического типа и, наконец, общности политического объединения. При отсутствии факторов, формирующих этнос, нельзя говорить о полном и окончательном сложении этноса. Они являются производным последовательных этногенетических процессов, происходящих на протяжении веков, под влиянием определённых внутренних и внешних факторов. На этом этапе на основе экономических и культурных связей соседних, близких в территориальном отношении, говорящих на различных языках и диалектах племён и народностей происходят этногенетические процессы, обусловленные этнокультурным сближением, этническим смешением. Это событие в истории каждого народа является длительным, объективным, историческим процессом, который приводит к формированию определённого народа[1].

Этот процесс в разных областях нашего края протекал в разное время. Были проведены исследования по поводу определения, в каких регионах Средней Азии, когда и в совокупности каких факторов впервые происходили эти процессы. По итогам межрегиональных комплексных исследований было выявлено, что области среднего течения Сырдарьи, в первую очередь Ташкентский оазис, в решении этой научной проблемы являются перспективными.

Сопоставительный анализ археологических и антропологических материалов с древними письменными источниками показал, что средний бассейн Сырдарьи, в частности Ташкентский оазис, в античную эпоху стал ареной регулярных связей, социально-экономического и этнокультурного смешения согдоязычных и тюркоязычных племён.

По выражению академика К. Шониёзова, в пределах сложившегося на этой территории государства Кангюй, на основе согдоязычных и прототюркоязычных этнических общностей сложился новый этнос – народность кангар.

Раз Ташкентский оазис является пространством, где был заложен фундамент узбекского народа – стала складываться народность кангар, возникает вопрос, когда и в какой период возникал каждый из факторов, оказавший влияние на формирование узбекского народа? Формирование этногенетических факторов в древнем обществе неразрывно связано с коренными социально-экономическими, политическими и этнокультурными изменениями, которые берут начало в частной собственности. Появление частной формы владения на средства производства и объекты в пределах Ташкентского оазиса, согласно анализу археологических и письменных источников, происходит в античный период.

В этот период в общественно-экономической жизни региона складываются мелкая и средняя формы частной собственности. Владельцами этой собственности были общины свободных земледельцев – кашоварзы, которые составляли подавляющее большинство в обществе того времени. Объединившиеся вокруг сельских общин большие патриархальные семьи кашоварзов представляли собой

---

[1] *Асқаров А.* Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. –Т., 2007. С. 58.

первые ростки ранней государственности. Экономическую базу сложившихся на основе производства общин кашоварзов составляла частная собственность на землю. Первые ростки такой формы общественного управления появляются не только в земледельческих хозяйствах, но и в отгонном скотоводстве, торговле и различных отраслях ремесленного производства.

Такая система хозяйствования в Ташкентском оазисе была характерна для античного периода, а в эпоху поздней античности начинается процесс имущественного расслоения. Имущественное расслоение среди кашоварзов (свободных земледельческих общин) приводит к появлению в социальной структуре общества крупных собственников – дехкан и лишившихся земли и собственности, зависимых от дехкан арендаторов – кадиваров. Значит, социальную структуру общества Ташкентского оазиса в античный период составляли кашоварзы. На последнем этапе этого периода в социальной структуре общества возникают новые сословия – крупные собственники – дехкане и зависимые от них безземельные кадивары. Хотя в религиозно-культурной жизни и наблюдалось идеологическое верховенство зороастризма, но в духовной жизни общества среднего бассейна Сырдарьи принципы религиозной терпимости занимали существенные позиции. Судя по материальному и духовному миру Каунчинской культуры, среди широких масс тюркских этнических общин продолжалось верование в культ Тенгри, существовал тотемизм, культ коня, барана и магия.

Хозяйственно-экономическую основу Каунчинской культуры составляло сезонное отгонное скотоводство и оседлое земледелие. В античный период земледельческие центры и сформировавшаяся на их основе градостроительная культура первоначально зародились на юге оазиса, в бассейне нижнего течения рек Чирчик и Ахангаран (Канка, Банокат, Чинанчкат, Турткултепа 2, Далварзинтепа, Актепа 2, Аккурган и другие). В конце первого – втором этапе Каунчинской культуры урбанистические процессы начинаются в бассейнах среднего течения рек региона (Каунчитепа, Турткултепа I, Шаматепа, Мингурик, Сариагачтепа, Ахангарантепа, Кулота, Кавардан, Киндиктепа, Тункат и другие), затем в его верхнем течении (Газалкент, Бурчмулла и другие) и даже в бассейнах горных рек.

В Чаче было высоко развито характерное для Каунчинской культуры земледелие и ремесло; в долине Ахангарана получила развитие горная промышленность и металлургия, а в бассейнах горных рек Чирчик и Ахангаран – сезонное скотоводство и садоводство. Не осталось ни одного места в оазисе, куда бы не дошли представители родов и общин Каунчинской культуры.

Таким образом, судя по результатам научного анализа этногенетических процессов, проведённых на основе археологических и антропологических материалов античного периода, к концу этапа формируется ряд этнических факторов, характерных для народности кангар: во-первых, в среднем бассейне Сырдарьи, в центральных районах государства Кангюй образуется этнотерриториальная

общность; во-вторых, в пределах этой этнотерриториальной общности возникает равномерно развивающаяся хозяйственно-экономическая общность; в-третьих, в пределах образовавшейся этнокультурной общности возникает равномерно развивающееся этнокультурное пространство; в-четвёртых, формируется характерный для узбекского народа антропологический тип – «тип среднеазиатского междуречья» и, наконец, в-пятых, вокруг нового этноса – народности кангар образуется политическое государственное объединение – конфедерация государства Кангюй[1]. В образовании этого политического государственного объединения большое значение имело обоснование на территории государства Кангюй во II веке до н.э. – I–II веках н.э. некоторых групп усуней, прибывших с северо-восточных территорий Тянь-Шаня, а также множества групп ди, тиек, динлин, теле, хун и других прототюркоязычных кочевых этносов, явившихся с северо-западных регионов Китая и Южной Сибири[2].

Вхождение этих этнических групп в состав государства Кангюй и их сплочение в качестве «внутреннего процесса этносов» взаимно сблизило язык и культуру этносов и способствовало ускорению процесса ассимиляции. Эти процессы хорошо прослеживаются на примере материалов Каунчинской культуры Ташкентского оазиса в эпоху античности и раннем средневековье.

Ещё одним важным признаком формирования этноса является ощущение принадлежности к определённому этносу, то есть чувство этнического самосознания. Возникает вопрос, сформировалось ли чувство этнического самосознания у носителей Каунчинской культуры? К сожалению, пока трудно ответить на этот вопрос, потому что все факторы, характерные для узбекского этноса, формирующие его, к этому периоду и даже к раннему средневековью чётко не прослеживаются. Миграционные процессы, то есть вторжение в Среднюю Азию хионитов в IV веке н.э., кидаритов в V веке н.э. и эфталитов в начале VI века н.э., хотя и привели к утолщению тюркского этнического слоя, а часть из них остались и осели на этой земле, но эти исторические события не привели к завершению этногенеза узбекского народа.

За этот период в регионе древний тюркский этнический слой пустил глубокие корни, тюркский дух стал превалирующим, сложилась народность кангар под названием канки. Кангары в пределах определённой территории занимались земледелием и отгонным скотоводством. На примере Каунчинской культуры стал складываться характерный этнокультурный облик населения. Сформировались характерные для этноса первые факторы – единое территориальное пространство, хозяйственно-экономическая основа этого этноса, присущая ему этнокультурная жизнь и даже антропологический тип, свойственный для современного узбекского народа. Однако они не смогли полностью избавиться от присущего

---

[1] *Асқаров А.* Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. –Т., 2007. С. 231.

[2] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М. – Л., 1950, т. I. С. 92–93; т. II. С. 196–198.

тюркским предкам кочевого образа жизни. В итоге, начиная с IV века н.э., под натиском вторгшихся с северо-востока страны тюркских кочевых скотоводческих племён государство Кангюй приходит в упадок, а его народность – кангары, не успев сформироваться в качестве определённого народа, распадается в годы арабского нашествия.

IX.7. Расширение сферы влияния Каунчинской культуры и ускорение узбекского этногенеза в эпоху поздней античности и раннем средневековье

В период поздней античности и раннего средневековья в общественной, экономической и этнокультурной жизни общества происходят коренные изменения. В общественно-экономической сфере ускоряется имущественное расслоение среди кашоварзов – местных владельцев мелкой собственности. Крупные формы собственности наблюдаются в среде скотоводческих общин, в ряде отраслей ремесленного производства и торговых общинах. Загородная собственность крупных землевладельцев была окружена высокой оборонительной стеной, за которой возводились царские дворцы и замки. В качестве производной социальной жизни раннего средневековья появляется слой обедневшей части вчерашних кашоварзов – кадивары – безземельные арендаторы – кушчи. Всё более обогащающаяся часть деловых, предприимчивых кашоварзов становятся владельцами крупной собственности – дехканами. Дехканин в раннем средневековье был обладателем крупной собственности, в Европе людей этого сословия называют феодал, то есть владелец крупной собственности, поэтому в истории этот период получил название раннего феодализма.

В ранние средние века дехкане, мелкие собственники – кашоварзы, озодкоры и гувакоры составляли основу общественно-экономической жизни Средней Азии. Они считались основной производительной силой общества. Существует мнение, что из-за отсуствия до этого времени крупной собственности в условиях Средней Азии не сложилось рабовладельческое общество. Главное заключается в том, что с северо-восточной части Средней Азии ускоряется непрерывный приток всё более новых и новых тюркских этнических групп, установивших в обществе военную власть. В результате утолщения тюркского этнического слоя на земле Турана эта земля в письменных источниках стала называться Туркестаном. Эти исторические и этногенетические процессы явно просматриваются не только в письменных источниках, но и в археологических материалах раннего средневековья.

Проведённые на территории Узбекистана обширные археологические изыскания показали, что начиная с эпохи поздней античности границы влияния Каунчинской культуры, составляющей фундаментальную основу этногенеза узбекского народа, выходит за пределы среднего бассейна Сырдарьи. Теперь это был не только региональный исторический процесс, а историческая реальность, про-

исходившая на территории всего Узбекистана и Средней Азии. К периоду раннего средневековья начиная со II–III веков н.э. сложившаяся в условиях превосходства тюркского этноса Каунчинской культура выходит за пределы Ташкентского оазиса и расширяет границы своего влияния.

Согласно анализу археологических материалов, влияние Каунчинской культуры доходит на востоке до Чаткала[1], Пскема и долины Таласа[2], а затем, через восточные территории Ферганской долины, распространяется до Южной Киргизии[3] (рис. 23).

Вначале памятники, на которых сказалось влияние Каунчинской культуры, появились на территории Северной Ферганы[4]. В 1960 году Е.Д. Салтовская на памятнике Кызылтепа в Аштском районе в слоях античного периода находит красноангобированные кружки с изображением животных на ручках[5]. Точно такие же кружки с зооморфными ручками встречаются в курганах и курумах огнепоклонников[6].

В 1966 году во время проведения стратиграфических раскопок на Калъаи Афрасиаб и памятника Древней Ферганы Е.Д. Салтовская среди керамического комплекса, состоящего из изящных, звонких, искусно изготовленных керамических сосудов с тёмно-коричневым орнаментом на светлом фоне находит хумы и кувшины с коричневым гребенчатым орнаментом, светлоангобированные кружки с тонкой верхней частью и банковидные металлические кувшины для кипячения воды. Такие сосуды были характерным для Каунчинской культуры, которые встречаются в слоях V–VI веков памятника Тудаи Калон[7].

М.Э. Воронец во время проведения археологических разведывательных работ в начале 1950-х годов в Ферганской долине обнаружил в степях Ашта огромное

---

[1] *Кибиров А.К.* Археологические памятники Чаткала. // В сб. «Труды КАЭЭ». Т. II. – М., 1959. С. 9–62.

[2] *Кожамбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины. // В сб. «Археологические памятники Таласской долины». – Фрунзе, 1963. С. 33–77.

[3] *Брыкина Г.А.* Раскопки усадьбы Кайрагач (Южная Киргизия) // «АО 1969 года». – М., 1970. С. 436; *Её же.* Раскопки усадьбы Кайрагач. //«АО 1970 года». М., 1971. С. 447–449; *Брыкина Г.А., Николенко Т.Д.* Раскопки в Кайрагаче. //«АО 1976 года». – М., 1977. С. 579–580; *Брыкина Г.А.* Раскопки в Кайрагаче. «АО 1977 года». – М., 1978. С. 566–567.

[4] *Литвинский Б.А.* Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 году. // В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.». Вып. V. – Сталинабад, 1959. С. 128–129; *Салтовская Е.Д.* Раскопки на Тудои-Калон в 1961 г. // В сб. «Труды ИИА АН Тадж. ССР». Вып. IX. – Душанбе, 1964. С. 52.

[5] *Салтовская Е.Д.* Раскопки на Кызылтепе в 1960 г. Археологические работы в Таджикистане. Вып. VIII. (1960). С. 49.

[6] *Литвинский Б.А.* Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. //В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.» Вып. V. – Сталинабад, 1959. С. 128–129.

[7] *Салтовская Е.Д.* Тепа Калаи Афросиёб в Аште (Северо-Западная Фергана). Материальная культура Таджикистана, вып. III. – Душанбе, 1978. С. 99–100.

количество древних курганных могильников[1]. Ознакомившись с Аштскими курганами, археолог Б.А. Литвинский отмечает, что большинство из них являются курумами, состоящими из каменных груд[2]. В 1971 году Е.Д. Салтовская в предгорных степях вдоль дороги Ходжент – Ашт в Аштском могильнике открывает и изучает 41 курум[3]. По своему строению курумы выглядели так: каменисто-песчаная земля немного углублялась, в эту яму укладывался труп, который не закапывался землёй, а обкладывался сверху камнями и сверху засыпался щебнем. По внешнему виду курумы были округлой формы, немного углублённая четырёхугольная камера для погребения скелета была выложена вокруг камнями и захоронение сложено в виде каменной коробки. Захоронения, в основном, состояли из одного человека, иногда встречались групповые захоронения. Черепные коробки скелетов располагались на северной, северо-западной и западной стороне камер. В женских захоронениях встречаются керамические сосуды, каменные веретена, бронзовые браслеты, кольца, серьги из проволоки, бусы из разных паст и цветных камней, косметические каменные карандаши. В мужских могилах, кроме керамических сосудов, находились железные ножи, трёхлопастные железные наконечники стрел, маленькие точильные бруски, железные пряжки от поясов и предметы, изготовленные из кости.

Если первую группу захоронений Аштского могильника составляли каменные ящики, то камеры для скелетов второй группы захоронений были овальной формы, камера вокруг не выкладывалась камнями, каменная коробка, ящик не сооружался. Скелеты в камере были уложены головой на север или на запад.

Каменные насыпи третьей группы захоронений были выполнены в форме круга, диаметр которых был намного шире (8–12 м). Захоронения первых двух групп намного выше их, в центре высота каменной груды доходила до 70–90 см. Скелеты располагались головой на запад и юго-запад.

Таким образом, состав вещественных доказательств, обнаруженных в этих трёх группах Аштских курумов, и внутреннее строение самих курумов напоминают материальную культуру кочевых тюркских племён. В хронологическом отношении они подразделяются на несколько этапов. Часть Аштских курумов относятся к I–II векам н.э., а другая – к VI–VII векам н.э.[4] Обе эти

---

[1] *Воронец М.Э.* Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950–1951 годах. Тр. Музея истории УзССР. Вып. II. – Т., 1954.

[2] *Литвинский Б.А.* Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. //В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.». Вып. V. – Сталинабад, 1959.

[3] *Салтовская Е.Д.* О раскопках Аштского могильника в 1971 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XI. – Душанбе, 1975. С. 59–79.

[4] *Спришевский В.И.* Некоторые находки из Мугхана в собрании Музея истории. // Тр. Музея истории АН УзССР, вып. III. – Т., 1956; *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. – М., 1972; *Салтовская Е.Д.* О раскопках могильников Ашт и Дашти-Ашт в 1973 г. // «Археологические работы в Таджикистане». Вып. XIII (1973 год). – Душанбе, 1977. С. 63.

части во многих отношениях схожи с комплексами Каунчинской культуры. Светлоангобированные большие и маленькие чаши, кувшины и горшки, окрашенные поливным способом, кружки напоминают Каунчинскую культуру, а нанесённые на их поверхность узоры – ломаные линии, ряд заштрихованных треугольных геометрических композиций – по своему происхождению относятся к традиционному орнаменту тюркских этнических слоёв эпохи поздней бронзы.

Типичные памятники, характерные для Каунчинской культуры, широко распространены в Северной Фергане, на юго-западе Карамазарского хребта. К ним относятся могильники Тиркаштепа, Чугэхона, Лангари Хожиён, Танги Сурх, Хужаи Суф, на которых археологи Таджкистана под руководством академика Н.Н. Негматова проводили широкомасштабные археологические раскопки.

Могильник Чугэхона, расположенный по двум берегам горной речки Шишоб, в 30-х годах прошлого века осмотрел М.Е. Массон и констатировал, что они относятся к полукочевым-полуоседлым племенам различного хронологического диапазона[1]. В 1981 году Е.Д. Салтовская и У.П. Пулатов открыли и изучили 13 из них[2]. Все они представляли собой курганные могильники разных размеров. Под каменными грудами этих могильников, выложенных в форме окружности, в небольшом углублении находились «каменные ящики» овальной формы, а в них – ограбленные в древности останки скелетов. По внутреннему строению и технологии захоронения они не отличаются от Аштских могильников.

В этих могильниках были обнаружены керамические сосуды, керамические веретена, зеркала из меди и железные ножи, трёхлопастные наконечники стрел, бусы из пасты и камня и другие. Керамика изготовлена вручную, без применения гончарного круга, кувшинов и горшков, покрытых красным ангобом и окрашенных поливным способом, которые напоминают комплекс керамики Каунчинской культуры. По данным исследователей, из числа изученных курумов курум №3 не подвергся ограблению. Среди находок есть плоскодонные миски ручной работы, изготовленные на гончарном круге, светлоангобированные кувшины со сферическим туловом, с одной ручкой и узким горлом, однолезвийные ножи и браслеты. Захороненные в каменных ящиках все покойники уложены головой на север. Их датировка не отличается от хронологической периодизации Каунчинской культуры Ташкентского оазиса[3].

---

[1] *Массон М.Е.* Ахангаран. Археолого-топографический очерк. – Т., 1953. С. 15–24, 118–120.

[2] *Салтовская Е.Д., Пулатов У.П.* Раскопки могильника Чугэхона в Табошаре. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXI. – Душанбе, 1981. С. 32–43.

[3] *Салтовская Е.Д., Пулатов У.П.* Раскопки могильника Чугэхона в Табошаре. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXI. – Душанбе, 1981. С. 43; *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. – М., 1972. С. 137–213.

Такие курганные могильники широко распространены по всей территории Древней Ферганы[1]. В этих могильниках также обнаружены характерные для Каунчинской культуры предметы: кувшины с узким горлом и одной ручкой, кружки и горшочки, трёхлопастные железные наконечники стрел, дисковидные керамические веретена, однолезвийные ножи и браслеты. Многие из них в большом количестве встречаются в курумах Древней Ферганы, относящихся ко времени от начала нашей эры до V–VI веков н.э.[2].

Характерные для Каунчинской культуры керамические комплексы встречаются не только в курганах Древней Ферганы, но и на поселениях III–IV веков расположенного в долине многослойного памятника Тиркаштепа[3]. Среди открытых недалеко от Тиркаштепа два кургана (курган № 5 и курган № 6), в отличие от Аштских курумов, были катакомбного типа. Найденные в них предметы также имеют важное значение. Дромосная площадка перед входом в камеру была овальной формы, а погребальные камеры расположены по длине с севера на юг. Дромос заполнен большими камнями и щебнем. Под западной стеной дромоса расположено входное отверстие в могильную яму. Пол дромоса спускается в сторону могильной ямы по наклонным ступенькам. Входное отверстие в погребальную камеру закрыто каменными плитами. Могильная яма катакомбы пуста, на полу. устланном щебнем, захоронен человек лежа на спине, головой на северо-восток. В захоронениях обнаружены по нескольку штук керамических изделий ручной работы – чаши с широким горлом и горшочки; в женском захоронении – зеркало из меди, терракотовые веретена, агат, бусы из стекла и пасты; в мужском, кроме керамических сосудов, железные изделия: нож, сабля, трёхлопастные наконечники стрел, пряжки от поясов и кинжал с деревянной ручкой. Вещественные источники, найденные в этих двух катакомбных могилах, а также сам катакомбный тип захоронения являются признаками, характерными для Каунчинской культуры и датируются II–IV веками н.э.[4]

Влияние Каунчинской культуры явно прослеживается в материалах У.П. Пулатова по Северной Фергане. Могильник Лангари Хожиён расположен на

---

[1] *Воронец М.Э.* Археологические исследования Института истории и археологии. С. 59–61. рис. 10–12; *Литвинский Б.А.* Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. //В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.». Вып. V. – Сталинабад, 1959. С. 121–126.

[2] *Тереножкин А.И., Дуке Х.* Древнейшие земледельцы Ташкентского оазиса. // Сб. «Древняя и средневековая культура Чача». – Т., 1979. С. 23–32, рис. 7, 10; *Алимов К.* Памятники скотоводов Чача. – Т., 1979. С. 52–58, рис. 15–18.

[3] *Салтовская Е.Д., Пулатов У.П.* Раскопки могильника Чугэхона в Табошаре. // «Археологические работы в Таджикистане». Вып. XXI. – Душанбе, 1981. С. 45.

[4] *Салтовская Е.Д., Пулатов У.П.* Раскопки могильника Чугэхона в Табошаре. // «Археологические работы в Таджикистане». Вып. XXI. – Душанбе, 1981. С. 54–55; *Литвинский Б.А.* Об изучении в 1955 г. погребальных памятников в Карамазарских горах. «Археологические работы в Таджикистане». Вып. III. – Сталинабад, 1956. С. 43–44.

солнечной стороне Туркестанского хребта, между кишлаком Чорку и родником Чашмаи Мохиён. Посетивший эти места в 1954 году Б.А. Литвинский дал им краткое внешнее описание[1]. В 1981 году А. Мирзбобоеву удаётся открыть 19 могил различного строения[2]. Захоронения в основном грунтовые, внутреннее строение в форме катакомбы и подбоя, иногда в камерах могил встречаются остатки деревянных гробов. Могилы в основном одиночные, но иногда встречаются семейные (муж, жена и ребёнок) могилы. Во всех одиночных захоронениях скелеты расположены головой на юг. Могилы с деревянными гробами были устроены в форме подбоя, а скелеты лежали головой на восток. Большинство из обнаруженных в захоронениях керамических сосудов – грушевидные кувшины удлинённой формы, узкогорлый кувшин с длинным носиком для умывания, изящные широкогорлые горшочки и фляги для всадников. Они были изготовлены на гончарном круге[3]. Судя по большому количеству обнаруженных в одиночных захоронениях конских сбруй, сёдел, уздечек и связанных с ними железных пряжек, различных украшений, железных кинжалов и сабель, железных ножей и серпов, трёхлопастных наконечников стрел и других предметов, могильник Лангари Хожиён принадлежит полуоседлым, полукочевым тюркским этническим группам[4]. Такое заключение было сделано на основе антропологического облика статуэток всадников, изготовленных из железа, а также изображений фигуры рогатого барана в кольце пряжек[5]. Такие фигуры-амулеты и пряжки широко распространены в памятниках тюркского мира эпохи античности и раннего средневековья[6].

Скотоводы Каунчинской культуры на западе доходят до Зарафшанской долины и Каршинского оазиса[7]. Влияние Каунчинской культуры отчетливо прослеживается в горных и предгорных зонах Центрального и Западного Согда.

---

[1] *Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района. // Тр. АН Тадж ССР, т. XXXV. – Сталинабад, 1955. С. 141.

[2] *Мирбобев А.* О работах Чоркуйского хоздоговорного отряда в 1981 г. // «Археологические работы в Таджикистане». Вып. XXI. – Душанбе, 1981. С. 56–72.

[3] Там же. С. 58, рис.1.

[4] Там же. С. 62–63, рис. 3, 4.

[5] Там же. С. 65, рис. 5.

[6] *Баруздин Ю.Д.* Археологические памятники Баткена и Лайляка. – Фрунзе, 1962. С. 49; *Литвинский Б.А.* Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. – Сталинабад, 1954. С. 51; *Левина Л.М.* К вопросу об антропоморфных изображениях в Джетыасарской культуре. // В кн. «История, археология и этнография Средней Азии» – М., 1968. С. 169; *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980. С. 118.

[7] *Кабанов С.К.* Археологические данные по истории Нахшаба в III–V вв. н.э. // ВДИ, № II. С. 16; Он же. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III–VI веках. // СА. № I, 1963. С. 82; Он же. Руины поселения III–V вв. в долине Кашкадарьи. ИМКУ, вып. VI. – Т., 1965. С. 71–86; *Кабанов С.К., Шахурин К.А.* Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи. ИМКУ, вып. VII. – Т., 1966. С. 119; *Кабанов С.К.* Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). – Т., 1977. С. 68–86.

Об этом свидетельствуют курганы Акджар, Сазагон, Кызылкир[1], Лавандак и Хазара[2].

Во время археологических разведывательных работ 1956 года в Пайарыкском районе Самаркандской области, к востоку от кишлака Челак, на холме Акджар был выявлен древний могильник скотоводческих родовых общин. Поверхность многих из захоронений со временем разровнялась. В 1959 году 7 из них были открыты О.В. Обельченко[3]. Внешне могильники напоминают земляные насыпи. Они круглой формы, диаметром от 7 до 22 метров. Эти катакомбные могильники были практически все ограблены. Во время раскопок было выявлено, что усопших заворачивали в камышовые плетёнки и укладывали в могильную яму головой на восток. Скелет находился в глубине камеры, а погребальный инвентарь ставили на южной площади камеры. Он состоял из керамических сосудов, орудия труда и боевого оружия, в женские захоронения укладывались каменные веретена. Дромос, ведущий в могильную камеру, закрывался сырцовыми кирпичами. Если потолок могильной ямы не обваливался, поверхность скелета была свободной. Дромос специально заполнялся землёй.

В могильнике Акджар были обнаружены два вида захоронений (ямное и катакомбное). Расположение скелетов в них разное. В катакомбных захоронениях скелеты лежат головой на восток, а в ямных могилах – головой на юг. Захоронения с ориентацией на юг (курганы № 4 и 5) чаще всего встречаются среди сарматских племён Южного Урала[4], Нижней Волги[5] и Северного Кавказа[6], в могильнике Тамды в Южном Казахстане[7], курганах Куйимазара[8]. Они датируются периодом с III–I веков до н.э. А захоронения с ориентанцией на восток (№№ 1, 2, 7), характерные для Каунчинской культуры, встречаются в могильнике Пскента, могильниках Ферганской долины Кенкуль[9], Бур-Курбаз[10], Хангиз[11] и Каландархо-

---

[1] *Нильсен В.А.* Кызыл-кыр (результаты раскопок 1955 г.). ИМКУ, вып. I. – Т., 1959. С. 60–78.

[2] *Обельченко О.В.* Могильник Акджартепе. ИМКУ, вып. III. – Т., 1962. С. 58–70; Он же. Курганы около села Хазара. ИМКУ, вып. IV. – Т., 1963. С. 57–65; Он же. Сазаганские курганы. ИМКУ, вып. VII. – Т., 1966. С. 71–86; Он же. Лявандакский могильник. ИМКУ, вып. II. – Т., 1961.

[3] *Обельченко О.В.* Могильник Акджартепа. ИМКУ, вып. III. – Т., 1962. С. 57–70.

[4] *Граков Б.И.* Пережитки матриархата у сарматов. // ВДИ, 1947, № III. С. 143.

[5] *Синицын И.В.* Памятник Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. // Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. I. – Саратов, 1956. С. 27.

[6] *Анфимов Н.В.* Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА. № XXIII. – М., 1951. С. 169.

[7] *Маловицкая А.Я.* Тамдинский курганный могильник III–I вв. до н.э. // Известия АН Каз ССР. – Алма-Ата. 1949, № 67. С. 120.

[8] *Обельченко О.В.* Куюмазарский могильник. // Тр. ИИА АН Уз ССР, вып. VIII. – Т., 1956. С. 229–220.

[9] *Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник. – Л., 1940. С. 3.

[10] *Сорокин С.С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. // СА.XX. – М., 1954. С. 131.

[11] *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953–1954 гг. ИМКУ. Вып. I. – Т., 1959. С. 16–18.

на[1]. Все они были катакомбными захоронениями II–IV веков н.э.[2] Керамический комплекс, обнаруженный в этой группе могильников, широко распространён в Ташкентском оазисе и Ферганской долине и часто встречается в комплексах II–III веков н.э.[3]

На юге Самарканда, в степях, протянувшихся вдоль древнего канала Даргом, между предгорными кишлаками Агалик и Сазагон в древности были обширные пастбищи скотоводческих родовых общин. По берегам горных речек найдено очень много курганных могильников этих скотоводов. Они обнаружены и изучены в основном между кишлаками Миранкуль и Тепакуль, большая группа этих могильников – около 20 курганов найдены и изучены на востоке от кишлака Сазагон[4]. Внутреннее строение курганов состоит из дромоса и погребальной камеры, входное отверстие закрывалось камнями, иногда сырцовыми кирпичами. В захоронениях скелеты лежат с вытянутыми руками и ногами, на спине, головой на восток. Такие катакомбные захоронения широко распространены по всем областям Средней Азии, и, как уже говорилось, и в Зарафшанской долине. Они относятся к II–IV векам, на материалах которых явно прослеживается хозяйственно-экономическое и этнокультурное влияние Каунчинской культуры. Например, комплекс керамики Сазагон – узкогорлые кувшины с широким туловом, керамические фляги всадников, кальяны и горшочки очень схожи с керамикой Каунчи II.

Курганы Сазагон О.В. Обельченко датирует III–IV веками н.э. На лицевой стороне медной монеты, найденной в кургане №1 археологического комплекса Сазагон, нанесено изображение сакского правителя. Он изображён остроносым, с коротким подбородком, с немного выступающей вперёд маленькой бородой и ниспадающими на шею курчавыми волосами. Над левым виском правителя имелась запись какого-то предания согдийским письмом. На оборотной стороне монеты по трём ее краям нанесены контуры сказочных птиц.

Академик М.Е. Массон эту уникальную находку относит к типу монет Гиркоды времён правления согдийского ихшида Уркода.[5] Если принять во внимание, что представители Кушанской династии продолжали править Согдом и в III–IV веках н.э., нахождение этой монеты в кургане Сазагон неслучайно. По утверждению М.Е. Массона, монеты такого типа могли чеканиться до V века. С учётом того, что кушаны по этническому происхождению являются тюрками, нет ничего удивительного в нахождении кушанских монет в курганах Сазагона.

---

[1] *Литвинский Б.А.* Раскопки могильника в Исфаринском районе в 1956 г., вып. IV. – Сталинабад, 1959. С. 77.

[2] *Обельченко О.В.* Могильник Акджартепа. ИМКУ, вып. III. – Т., 1962. С. 66.

[3] Там же. С. 66–67.

[4] *Обельченко О.В.* Сазаганские курганы. ИМКУ, вып. VII. – Т., 1966. С. 66–81.

[5] *Массон М.Е.* Нумизматика Средней Азии. Курс лекций, прочитанных в САГУ в 1955–1956 гг.; *Обельченко О.В.* Сазаганские курганы. // ИМКУ, вып. VII. – Т., 1966. С.80.

В 1964–1965 годах в окрестностях Миранкуля были открыты и изучены 17 курганов[1]. Это были в основном земляные курганы, скелеты в которых лежали на истлевших со временем камышовых плетёнках или войлочных коврах. Почти все они лежали головой на север или на северо-восток. В каждой могиле найдены керамические сосуды – небольшие кувшины и горшочки, керамические фляги, железный кинжал и нож, пряжки от ремней и другие. Состав орудий труда и боевого оружия, керамических фляг и железных пряжек свидетельствует о захоронении в курганах Миранкуля тюркских скотоводов. Они, как и курганы Сазагона, датируются III–IV веками н.э.[2] Влияние Каунчинской культуры простирается до городов местного коренного населения Центрального Согда (см. цветную иллюстрацию 9 «Керамический комплекс раннесредневекового Согда»). Кувшины со сливчатым носиком в виде головы быка, с большим туловом, характерные для Каунчинской культуры, встречаются и в слоях городища Панджикента VII–VIII веков[3].

Известные в истории безводные степи Малик являлись естественной границей, разделявшей земли Центрального и Западного Согда, на северной стороне которого протекала река Зарафшан. На южном берегу Зарафшана находится кишлак Хазара, расположенный у самой границы степей с Бухарским оазисом. На этой пограничной территории, в степной зоне вдоль границ оазиса, расположены протянувшиеся с востока на запад курганные могильники: по северной границе степей Малика до Тамды и степей Абу Муслима. Именно по этой линии проходит «Кампир девор» (стена вокруг оазиса). Все курганы находятся к югу от той стены, на пограничной территории оазиса.

В 1960 году были открыты три кургана. Это были подбойные захоронения, вытянутые с юга на север. Вход в могильную яму был закрыт сырцовыми кирпичами. В захоронениях находились деревянные гробы со скелетами, уложенные головой на восток. В изголовье скелетов находились по 2–3 керамических сосуда – кувшины с одной ручкой и кружки. Керамические сосуды были изготовлены на гончарном круге, а керамика катакомбных погребений – вручную. Автор раскопа считает, что эти захоронения принадлежат оседлому населению и датирует их началом нашей эры, а катакомбные могилы относит к скотоводам, хронологические рамки которых определяет II–IV веками н.э.[4]

К югу от станции Куйимазар, по линии Кампир девора находится кишлак Лавандак. Примерно в 3 км к югу от кишлака начинается Карнабская степь. На территории этой степи под названием Лавандакский могильник находились разделённые на две группы более 130 земляных курганов. В 1952 году О.В. Обельченко совместно с В.А. Шишкиным проводит разведочные раскопки на Лавандак-

---

[1] *Обельченко О.В.* Миранкульские курганы. // ИМКУ. Вып. VIII. – Т., 1969. С. 80–90.

[2] Там же. С. 86–88.

[3] *Беленицкий А.М.* О работе Пянджикентского отряда ТАЭ в 1959 году. Археологические работы в Таджикистане, вып. VII (1959). С. 84–85, рис. 7, 8.

[4] *Обельченко О.В.* Миранкульские курганы. ИМКУ. Вып. VIII. – Т., 1969. С. 63–65.

ском могильнике, а весной следующего года начинает археологические раскопки могильника. Первоначально были открыты по одному кургану с каждой группы курганов[1]. Курган из первой группы представлял собой со ступенчатым дромосом могилы, в погребальной камере которой лежали два скелета – мужчины и женщины. Скелет женщины лежал головой на север, а мужчины – на юг. У головы мужского скелета обнаружены обломки хума, кальян из керамики и пряжка от пояса, а возле головы женщины – кубок, изготовленный на гончарном круге, какой-то заржавевший железный предмет, под тазовыми костями тоже был найден железный предмет. Курганы второй группы были катакомбными захоронениями, отверстия могильных ям которых были заложены сырцовыми кирпичами. В захоронении, кроме раздавленного скелета, были обнаружены обломки хума, кальян, кувшин и ангобированный горшочек, зола и кусочки угля, железный нож, кости передней ноги и лопатки барана. Ещё в одном катакомбном захоронении (скелет мужчины лежит головой на юг), рядом со скелетом найдена железная сабля, у головы – хум и кальян, кости передней ноги и лопатки барана, железный нож.

Кроме этих в Лавандакском могильгике были изучены ещё 7 курганов[2]. Они состояли из подбойных и катакомбных захоронений, могильная яма которых располагалась у западной стенки входной ямы. Такое расположение захоронения в условиях Средней Азии известно со времён Сапаллинской культуры эпохи бронзы[3]. Оно было широко распространено в Средней Азии и в античный период. В подбойных захоронениях Лавандакского могильника погребальная камера также расположена под западной стеной входной ямы (айвон) могилы, от которой в сторону камеры спускаются 2–3 ступеньки. Построенные таким образом подбойные захоронения широко распространены в степях Нижнего Поволжья[4] и Южного Урала[5].

Изученные в Средней Азии подбойные захоронения относятся к II–IV векам н.э., дромосы которых обычно заполнены различными камнями. Входные отверстия курганов Лавандака вначале закрывались камышом. Пол входной ямы, так же и погребальной камеры, который покрывался смешанным с щебнем белым гипсом, устилался камышовой плетёнкой. Такой способ был характерен для Лавандакского могильника, в других подбойных захоронениях Средней Азии под могильной ямой укладывалась плита, на которую клали покойника, завёрнутого в камышовую плетёнку.

---

[1] *Обельченко О.В.* Лявандакский могильник. ИМКУ, вып. II. – Т., 1960. С. 98–100.

[2] Там же. С. 103–176.

[3] *Аскаров А.* Сапаллитепа. – Т., 1973. С. 42–70; Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Т., 1977. С. 38–63.

[4] *Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. // Учёные записки СГУ, т. XVII. – Саратов, 1947. С. 12.

[5] *Сальников К.Ф.* Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск, 1952. С.95.

В катакомбных захоронениях Лавандака и в других могильниках Средней Азии этого периода могильная яма расположена перпендикулярно к дромосу. Такое расположение характерно для захоронений Каунчи Ташкентского оазиса. В подбойных захоронениях могильника Лавандак найдены изготовленные на гончарном круге кубки, конусовидные чаши с загнутыми краями, кувшины с одной ручкой, фляги с узким горлом и широким туловом. А в катакомбных захоронениях обнаружены хумы и фрагменты кувшинов, кальяны, кружки. Скелеты лежали головой на юг, юго-запад. Керамические изделия ставились к ногам или у головы покойника. Большинство захоронений принадлежали мужчинам, в которых находились трёхлопастные железные наконечники стрел, однолезвийные железные ножи с загнутым вверх остриём, железные кинжалы и сабли, железные пряжки и пепельницы кальянов, а в женских могилах – серебряные кольца и серьги, украшения в виде колокольчиков, прикрепляемые на головной убор, медальон-амулет с изображением человека и другие. На золотой медальон, обнаруженный в кургане № 6 Лавандакского могильника было нанесено изображение женщины. Он похож на серебряный медальон, найденный в 1886 году в Тобольской губернии. Окружённая со всех сторон перьями изображенная богиня является покровительницей охотника или конного воина. Медальон находился в грудной области скелета. Наружность богини на медальоне изображена чётко и без изъянов. Она напоминает изображение Артемиды на монетах Деметрия, которые относятся к третьей четверти II века до н.э.[1] Кушанские правители Бухары чеканили монеты, подражая Деметрию. А этот древний медальон с изображением Артемиды, возможно, был трофеем, передаваемым из поколения в поколение среди скотоводческих племён Бухарского Согда, который был захоронен вместе с последним его владельцем.

Значит, Лавандакский могильник, как и могильник Куйимазар, состоял из подбойных и катакомбных могил. Автор отмечает их генетическую связь со скифо-сарматскими племенами степей Южного Урала и Нижнего Поволжья[2]. Однако автор появление сарматских племён в Бухарском Согде связывает с приходом во внутренние области Средней Азии во второй половине II века до н.э. племён юэчжи[3]. Но сарматы на территорию Средней Азии пришли раньше юэчжи: они вторглись через низовья Сырдарьи в Арысский и Ташкентский оазисы и приняли активное участие в формировании Каунчинской культуры. А юэчжи из Восточного Туркестана через территорию Древней Ферганы, Джизака, Самарканда

---

[1] *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. – М.–Л., 1940. С. 63–64.

[2] *Обельченко О.В.* Куюмазарский могильник. // Тр. ИИА АН Уз ССР, вып. VIII.–Т., 1956. С. 225; Он же. Лявандакский могильник. // ИМКУ, вып. II. – Т., 1960. С. 163; Он же. Курганные погребения первых веков н.э. и кенотафы Куйи-Мазарского могильника. // Тр. САГУ, вып. CXI. Археология Средней Азии. IV. – Т., 1957. С.1–9.

[3] *Обельченко О.В.* Лявандакский могильник. // ИМКУ, вып. II. – Т., 1960. С. 173–176.

и Кашкадарьи проходят в Южный Узбекистан в I веке до н.э. – начале I века н.э. и основывают на территории Древней Бактрии Кушанскую империю.

Влияние Каунчинской культуры особенно наглядно видно на северо-западных территориях Бухарского оазиса. В середине 50-х годов прошлого века на этой территории экспедиция Махандарё под руководством Я.Г. Гулямова провела широкомасштабные археологические изыскания. Группа В.А. Нильсена этой экспедиции занялась археологическими раскопками на холмах Кызылкир. На поверхности этой возвышенности среди песков лежали целые груды грубых, толстостенных фрагментов хумов, большие и малые кувшины. Кувшины были покрыты полосчатыми потёками чёрной и тёмно-красной краски. Среди них находится бесчисленное множество круглых, шаровидных горшочков. Но керамика периода Кушан или комплексы керамики VI–VII веков среди них не встречаются.

В 1953 году Я.Г. Гулямов проводит раскопки на небольшой площади холма Кызылкир и, обнаружив коридор шириной в 3 метра, называет его «конюшней». В центральной части холма был обнаружен большой двор квадратной формы. В 1955 году группа В.А. Нильсена продолжила раскопки, начатые Я.Г. Гулямовым, и полностью открыла центральную часть Кызылкира. На основе стратиграфических наблюдений было выяснено, что этот объект чётко подразделяется на два строительных этапа[1]. Большой центральный зал был окружён комнатами коридорного типа, толстые стены которых были выстроены из битой глины – пахсы. На каждый слой пахсы укладывались квадратные сырцовые кирпичи и сверху опять укладывался слой пахсы. Сохранились стены высотой до 3 метров. Всё это относилось к первому строительному этапу, а комнаты Кызылкир 2 были воздвигнуты на южной стороне центрального здания. Они также состояли из нескольких комнат, посреди которых вдоль западной, северной и восточной стен располагалась большая по площади пахсовая супа, в центре которой сохранились следы долго горевшего огня. По всей видимости, эта комната была помещением для поклонения культу огня.

Археологические комплексы лежали вперемешку на полу во всех комнатах. Там было много изготовленных вручную хумов и кувшинов, маленьких кувшинчиков и горшочков, чашек и кальянов, в комнатах также были найдены каменные зернотёрки, керамические веретена. Поверхность хумов, больших и малых кувшинов была покрыта светло-красным ангобом. Среди керамического комплекса Кызылкир встречаются шаровидные фляги, керамические кальяны, чайники с носиком и ручкой, высокие подставки для светильников на ножке, две подставки для светильников с изображением рогатых баранов, подставка для керамического котла в виде морды барана, кувшины с ручкой в виде головы барана с изогнутыми рогами. В археологическом комплексе также обнаружены бронзовый амулет с изображением двух змей и ножны из кости для сабли.

---

[1] *Нильсен В.А.* Кызыл-кыр (Результаты раскопок 1955 г.). // ИМКУ, вып. I. – Т., 1959. С. 60–78.

Все вышеперечисленное представляет собой важные признаки Каунчинской культуры. Этот керамический комплекс свидетельствует о существовании «Кызылкирской культуры» тюркских родовых общин, приспособившихся к оседлой жизни в приграничных степных районах Западной Бухары[1].

В 1972–1975 годах под руководством Р.Х. Сулаймонова на северо-западной, приграничной к степи, территории Бухары был изучен религиозный комплекс Сеталак-1[2]. В центре этого архитектурного строительства было воздвигнуто монументальное здание, характерное для памятников Джетыасар и Шаштепа. Здание построено в три строительных этапа, на первом и втором из которых основу памятника составлял крестообразный архитектурный план.

На третьем этапе крестообразный архитектурный план в корне меняется. Комнаты здания культового назначения заполняются кирпичами-сырцами и их обломками, его площадь разравнивается и на его месте образуется широкая квадратная платформа. Построенные на поверхности платформы комнаты разрушены, по их развалинам трудно восстановить план строительства комнат и коридоров. Возможно, поверхность платформы была площадкой главного очага – вечного огня. Может быть, что в центральной части платформы возвышалось монументальное здание с четырьмя башнями. В целом третий этап строительства комплекса Сеталак-1 характеризуется простотой комнат.

Культурные слои Сеталак-1, как и полагается памятнику культового назначения, богаты золой, со множеством костей животных и фрагментов керамики. Керамика в основном состоит из обломков подставок для котлов, выполненных в виде животных, хумов, плоских с одной стороны фляг, небольших хумов, кувшинов с одной ручкой и горшочков, конусообразных чаш, керамических кальянов, жаровень и керамических веретён. Большая часть из них изготовлена вручную. Вместе с этим среди них встречаются изготовленные на гончарном круге хумы и кувшины, конусообразные чаши, шаровидные фляги всадников, небольшие хумы, тонкостенные чаши и конусообразные крышки.

Комплекс Сеталак-1 во многом схож с материалами Кызылкира. Его крестообразный архитектурный комплекс имеет одни этноисторические корни с культом Каунчинской культуры. Он датируется III–V веками н.э.

Каршинский оазис был южной частью территории Древней Согдианы. В связи с массовым освоением новых земель и сельскохозяйственным строительством были начаты и археологические изыскания. Ширкомасштабные археологические исследования в регионе проводились под руководством С.К. Кабанова. В резуль-

---

[1] *Ураков Б.* Культура Бухарского оазиса второй половины I тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э. Автореф. канд. дисс. – М., 1982. С. 14–19.

[2] *Ураков Б.* Культура Древнебухарского оазиса III–VI вв. н.э. – Т., 1983. С. 66–110.

тате были открыты и изучены около 100 древних городов, поселений и курганов частных собственников[1].

Благодаря археологическим исследованиям памятников была определена историческая топография и период массового заселения оазиса. Древние поселения Еркурган, Шулликтепа, Каълаи Заххоки Морон, Мудинтепа образовались ещё до нашей эры, в нижних слоях которых наблюдаются хозяйственно-экономические и этнокультурные традиции, присущие для культуры Древнего Востока. Материальная культура этого периода богата на изящные, изготовленные со вкусом, хорошего обжига, высококачественные керамические изделия. С III века н.э. эти качества начинают растрачиваться, что явно бросается в глаза в изготовлении гончарных изделий. Значит, начиная с III века н.э. в жизни оазиса начинают происходить коренные изменения. Для изучения этих изменений на примере археологических памятников они были разделены на три хронологических этапа[2]. На первом этапе происходит массовое вторжение новых этнических групп в Каршинский оазис. Следы материальной культуры этих групп обнаружены в нижних слоях Пирмаматтепа, Коштепа-2, Негузтепа, Каджартепа и Дагайтепа, в средних слоях Мудинтепа. В этих памятниках дехканские замки не обнаружены, есть только в виде небольших холмов жилые дворики кашоварзов.

Гончарные изделия становятся грубыми, стенки сосудов утолщаются, появляются керамические котлы, большие и маленькие хумы, керамические кальяны с зооморфной ручкой и подставки для светильников, сделанные вручную и характерные для Каунчинской культуры. Происходят изменения и в составе сосудов, изготовленных на гончарном круге. Полностью исчезают использовавшиеся в повседневной жизни изящные кубки, которых заменяют кружки с ручками. Поверхность керамики уже как раньше не обрабатывается красным и чёрным ангобом. Появляются тонкостенные кувшины и горшочки, характерные для Каунчинской культуры.

В строительстве жилищ начинается использование прямоугольных сырцовых кирпичей. Впервые появляются жернова. Такое положение хотя и повлияло на качество ремесленных изделий, но не оказало негативного воздействия на высокий уровень производства. Напротив, оно сыграло прогрессивную роль в возведении на новый уровень развития общественно-экономической жизни. Этот период развития общества Южного Согда определяется III–V веками н.э.

На втором этапе общественно-экономической жизни Каршинского оазиса (V–VI века) происходят новые прогрессивные веяния. Эти изменения были

---

[1] *Кабанов С.К.* Нахшаб на рубеже древности и раннего средневековья (III–VII вв.) – Т., 1977. С. 4–135.

[2] Там же. С. 90–97.

связаны с продолжением увеличения тюркского этнического слоя в регионе, что нашло отражение в типологическом характере археологических объектов. В это время в Каршинском оазисе происходит широкое строительство двухъярусных жилых массивов. Возвышающиеся части холмов являются развалинами величественных двухэтажных замков землевладельцев-дехкан, а примыкающая к ним широкая открытая площадь, окружённая лёгким заграждением, выполняла роль загонов для скота. На этой площади образовался удобрённый гумусом, очень мягкий, толстый слой земли, доказывающий, что здесь действительно был загон для скота.

По наблюдениям археологических исследований, жилые массивы такого типа были городами племён Каунчинской культуры, которые под влиянием местного согдийского населения ускоренными темпами переходили к оседлому образу жизни. Такие замки крупных владельцев собственности строились за пределами городов античного периода, образуя тип маленьких городов, появившихся в V–VI веках на месте земельной собственности дехкан. Они окружались оборонительными стенами, в пределах которых постепенно появлялись жилые массивы кадиваров (арендаторы дехканских земель). Эти массивы превращались в маленькие города раннего средневековья.

Города этого периода в Каршинском оазисе были изучены на примере Шортепа, Чаукайтепа, Кичик Кизтепа[1] и других археологических объектов. До недавних пор дехкане окрестных кишлаков использовали земли этих, богатых гумусом, холмов в качестве удобрений для своих посевов[2]. Эти типы городов были характерны не только для Каршинского оазиса, они представляли новый тип городов, широко распространившихся в Средней Азии в раннем средневековье. Этот исторический процесс подтверждал неуклонное увеличение тюркского компонента в регионе.

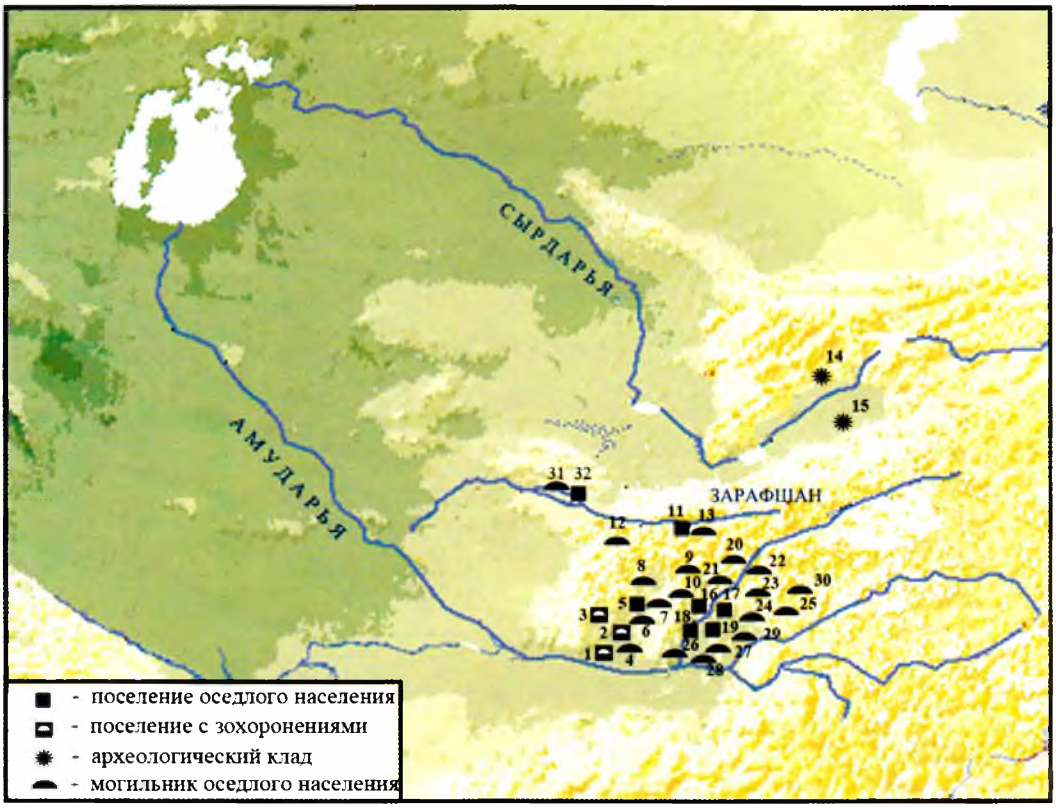
Определённая часть керамики этого периода по своему типу и составу не связана с традициями древнего согдийского гончарного ремесла, напротив, она больше напоминает гончарное дело Каунчинской культуры. Например, узоры в виде налепных пистончиков керамических кальянов по сравнению с узорами местных согдийских кальянов памятника Коштепа-2 отличаются относительно грубым исполнением и простотой. Продолжается изготовление на ручном круге узкогорлых кувшинов с широким туловом и одной ручкой, небольших кувшинов со сливным носиком, толстостенных керамических котлов и жаропрочных жаровень.

На третьем этапе (VI–VII века) в общественно-экономической жизни Каршинского оазиса продолжается практика возведения двухъярусных замков в градостроительстве.

---

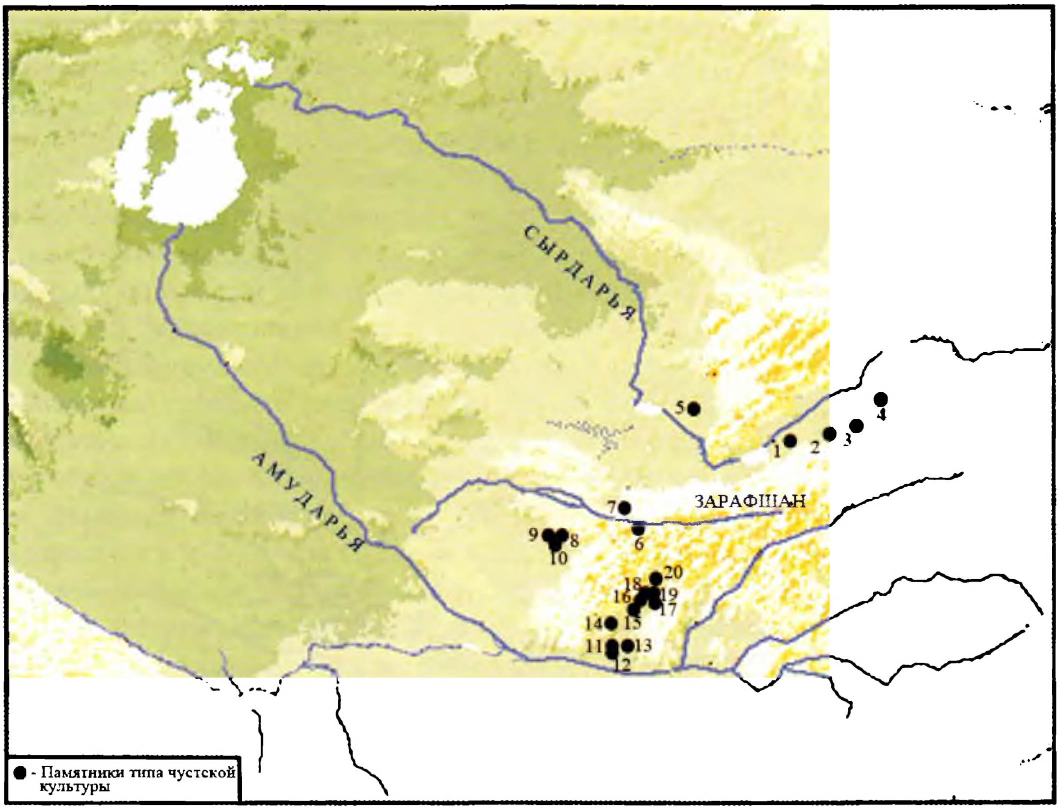
[1] *Кабанов С.К.* Нахшаб на рубеже древности и раннего средневековья (III–VII вв.) – Т., 1977. С. 92; Он же. Руины поселения III–V вв. в долине Кашкадарьи. ИМКУ, вып. VI. – Т., 1965. С. 71–86.

[2] Там же. С. 91–92.



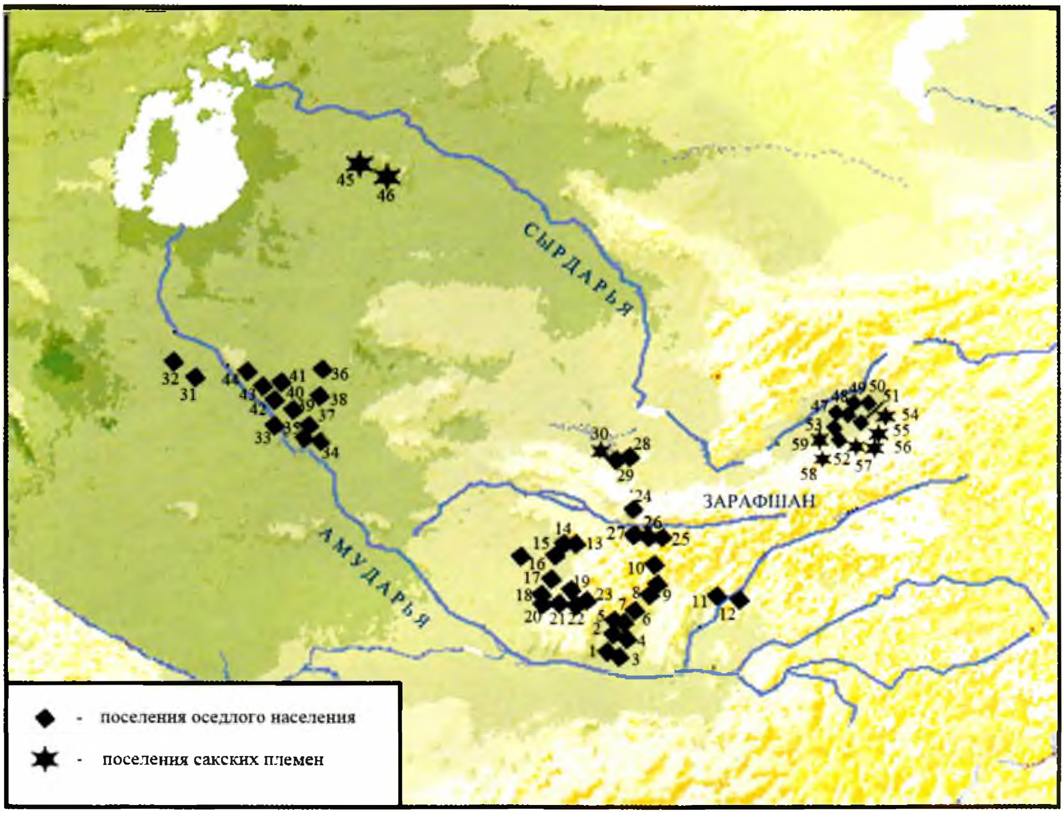
1. Сапаллитепа, Кичиктепа, Култепа
2. Джаркутан 1,2,3,4 а, б, в
3. Тиллабулак, Арабулак
4. Бустан 1,2,3,4,5,6
5. Поселение Молали
6. Могильник Молали
7. Сартепа(нижний слой)
8. Алтинсай
9. Кангурттут
10. Тандырюль
11. Саразм
12. Джам
13. Зарча Халифа
14. Афлатун
15. Хак
16. Тегузак
17. Дахана
18. Бараки-куруг
19. Нурек
20. Карапичак
21. Заркамар
22. Худжа Гаиб
23. Пархар
24. Тигровая балка
25. Айкул
26. Вахш 1
27. Джаркул
28. Гелат
29. Гулистон
30. Обкух
31. Могильник Заманбаба
32. Поселение Заманбаба

1. Схематическая карта памятников племен оседлоземледельческих культур эпохи бронзы



1. Чустское поселение
2. Ашкалтепа
3. Дальверзинтепа
4. Ошское поселение
5. Бургулюкские поселения
6. Афрасияб-1а
7. Коктепа-I
8. Турткултепа-I
9. Янгитепа
10. Еркурган-1а
11. Джаркутан арк
12. Кучук-I
13. Джандавлаттепа (нижний слой)
14. Бандихан-I (нижний слой)
15. Кызыл-I
16. Кызылча 6
17. Буйрачи 1,2
18. Миршади
19. Кызылча 1,2,3 и другие
20. Бабуртепа (нижний слой)

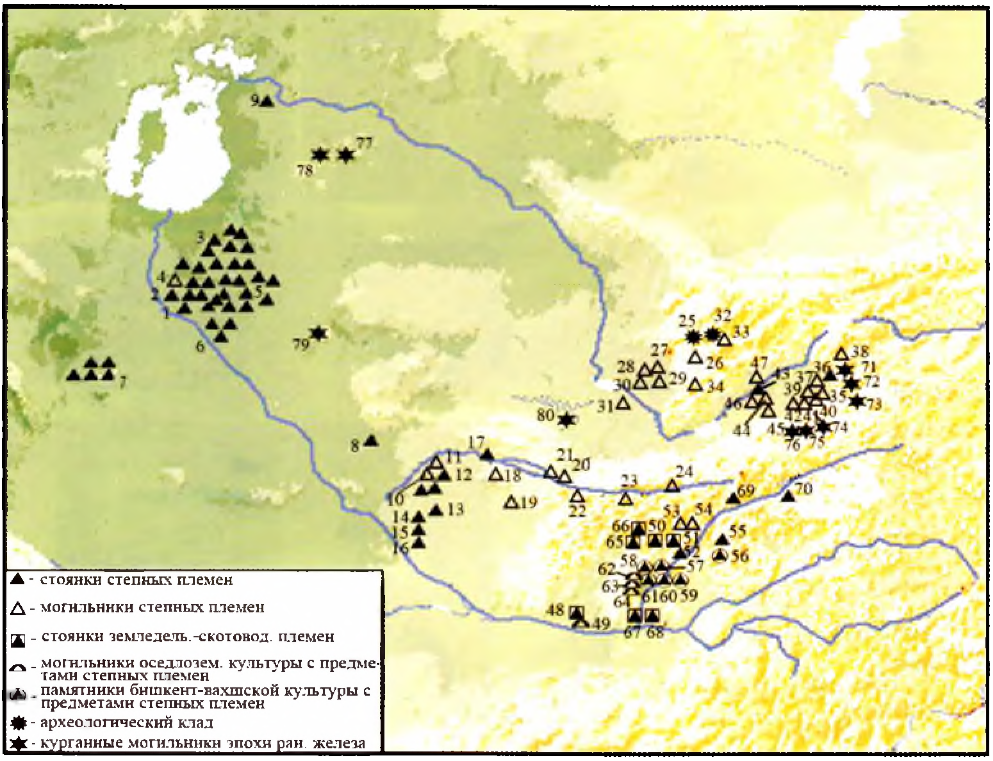
2. Схематическая карта памятников типа Чустской культуры на территории Узбекистана



1. Пшактепа
2. Кучук-II
3. Талашкан
4. Джандавлат -II
5. Бандихан 1.2.3.4.5
6. Кызыл-II
7. Кызылча 6
8. Хантабадтепа
9. Паянкурган
10. Курганзол
11. Ромит
12. Калаи-мир
13. Узункыр
14. Даратепа
15. Сангиртепа
16. Еркурган-II
17. Туркул-II
18. Кайрагач
19. Гулдарья
20. Нишан
21. Шурабсай
22. Танхаздарья
23. Кызылдарья
24. Коктепа-II
25. Лолазор
26. Афрасияб-1б
27. Курганча
28. Худжабустан
29. Казимантепа
30. Калканата
31. Кузалиыр
32. Калалиыр
33. Койкырылганкала
34. Ичанкала
35. Хазарасб
36. Хумбузтепа
37. Кангхакала
38. Букантау
39. Кошкала
40. Алайтепа
41. Тузкыр
42. Айбуюркала
43. Дингилджа
44. Базаркала
45. Южный Тегискен
46. Уйгарак
47. Эйлатан
48. Шурабашад
49. Мингтепа
50. Симтепа
51. Пилолтепа
52. Суфантепа
53. Каракурган

3. Схематическая карта памятников оседлоземледельческих культур эпохи раннего железа на территории Узбекистана

4. Керамический комплекс монументального курганного захоронения Северного Тегискена

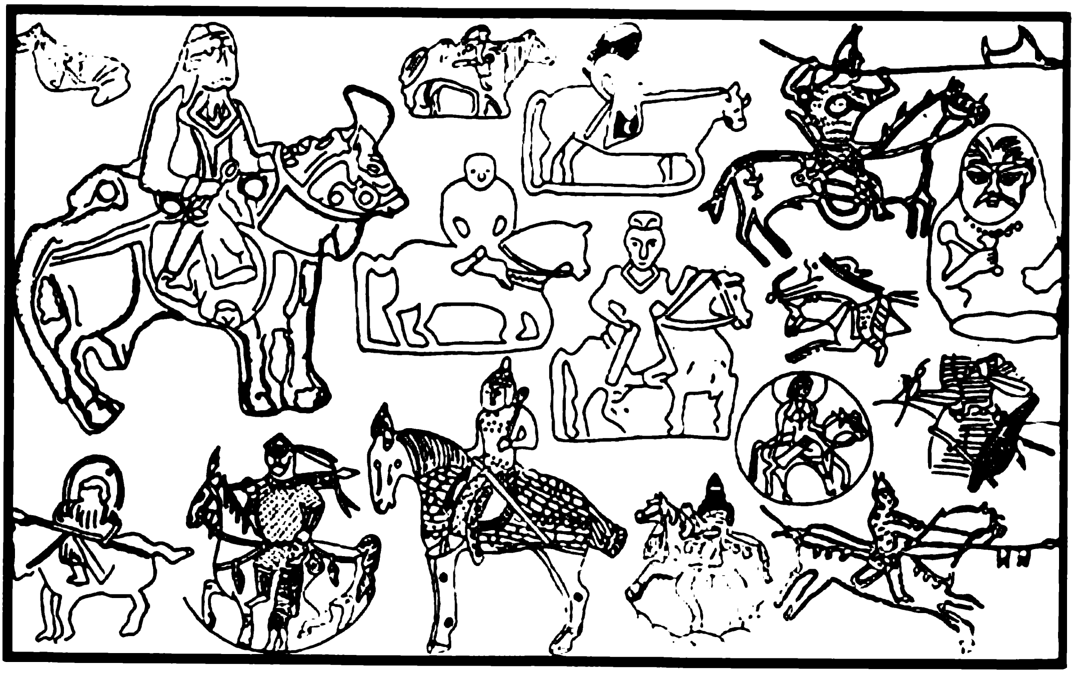


1. Тешиккала 1.2
   группа Ангка-Базар:
2. Ангка 1.2.3.4.5.6.7
3. Базар 1.2.3.4.5.6.7.8.9.10
   группа Жанбас-Кокча:
4. Кокча 3.12.15.16.19
5. Жанбас 30.33.34
6. Кават 3.4.6.7.
7. Стаянки Сарикамиш
8. Стаянки внутр. Кызылкум
9. Стоянки нижней Сырдарьи
10. Могильник Гуджайли
11. Кызылкир 1
12. Стоянки Гуджайли 1.2.3.4.5
13. Малый Тузкан
14. Большой Тузкан 1.2.3.4
15. Каптарникуми 1.2.3.4
16. Пайкент 1.2.3.4
17. Навкат
18. Сазаган 2
19. Джам-Галашерик
20. Чакка
21. Сияб
22. Сайгус
23. Муминабад
24. Дашли-каза
25. Чимбайлик
26. Верх. Чирчик
27. Никифировские земли
28. Побережье Чирчика
29. Таш. канал
30. Прав. берег Ахангарана
31. Станция Вревского
32. Бурчмулла
33. Курганы Бурчмулли
34. Эртапшай
35. Тахти Сулайман
36. Вуадиль
37. Карамкул
38. Арпа
39. Янаги
40. Чек
41. Арсиф
42. Кашкарча
43. Стоянки Кайраккум
44. Дахана
45. Такир Ягана
46. Худжа Ягана
47. Ашт
48. Джаркутан
49. Бустан
50. Тегузак
51. Даханин
52. Бараки-Курут
53. Кумсай
54. Туюн
55. Савхоз Кирова
56. Таштузар
57. Тигровая Балка
58. Айкуль
59. Вахш 1
60. Джаркул
61. Макони-мор
62. Гелат
63. Гулистан
64. Обкух
65. Тардырюл
66. Заркамар
67. Худжа Ганб
68. Карабурн
69. Дангара
70. Вост. Памир
71. Актам
72. Суфан
73. Кунгай
74. Валик
75. Нияз Батыр
76. Тулейкан
77. Уйгарак
78. Южн. Тегискен
79. Султан Уайс
80. Калкансай

5. Схематическая карта памятников скотоводческих племен эпохи бронзы и раннего железа Средней Азии

6. Археологический комплекс Каунчинской культуры

7. Керамический комплекс Каунчинской культуры



8. Изображения всадников с древнетюркским обликом в разной композиции в эпоху раннего средневековья

9. Керамический комплекс раннесредневекового Согда

10. Монеты Тюркского каганата: монеты с титулом «тегин» (1-4), монеты с титулом «тудун» (8), монеты с титулом «элтабар» (5-7)

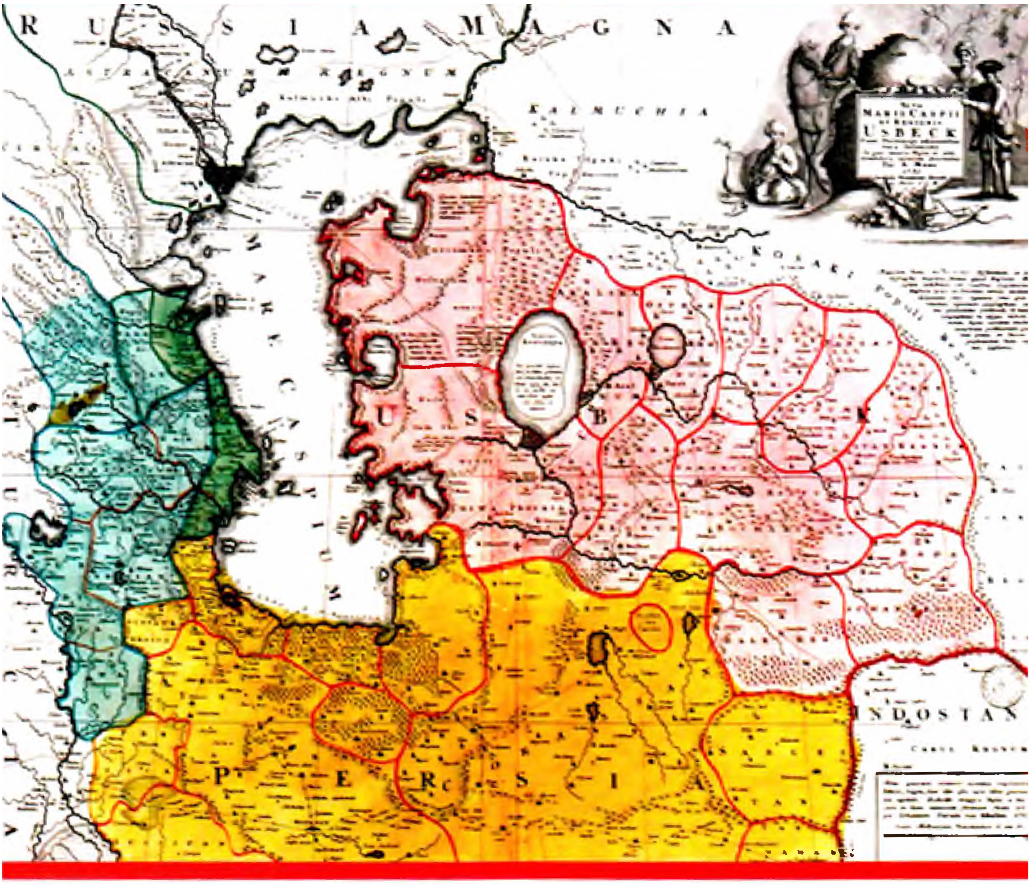
11. Древнетюркские монеты с надписями титулов «джабгу», «джабгу-хакан» и «хакан»

12. Изображения людей Центральной Азии в настенных росписях раннего средневековья

13. Поливная керамика XI–XII вв. древней Ферганы

14. Поливная керамика XI–XII вв. Древнеташкентского оазиса

15. Поливная керамика XI–XII вв. Самаркандского Согда



16. Политическая карга «Мамлакати узбек» (Uzbekia) на карте XVIII века

Среди новых городов отличаются такие населённые пункты, как Култепа с прочным и величественным замком, с широким вторым ярусом, окружённый толстыми стенами. Также продолжают развиваться вновь отстроенные древние города Ойтугди и Пишактепа. Но становится всё меньше и меньше поселений больших патриархальных семей типа памятников Кичиктепа.

Основу материальной культуры этого периода составляют орудия труда, изготовленные из железа и предметы из меди повседневного пользования. Изменяется состав гончарных изделий: чашевидные кубки, тонкостенные маленькие кувшины, сосуды с узорами в виде налепных пистончиков исчезают, а широкогорлых чашек, маленьких хумов с выпуклым туловом и изящных узкогорлых кувшинов с длинным носиком становится всё больше. Если такой комплекс керамики характерен для средних слоёв Каджартепа, то обратную картину можно наблюдать в другом памятнике оазиса – Култепа. Значит, в гончарном ремесле раннего средневековья VI–VII веков можно наблюдать традиции двух направлений, двух школ. Если в Каджартепа наблюдается развитие, характерное для коренного, древнего, оседлого населения оазиса, то в Коштепа заметен переход к оседлой жизни тюркоязычных скотоводов[1].

По данным анализа археологических исследований, круг влияния Каунчинской культуры распространяется до южных регионов Узбекистана – Сурханской долины (рис. 24). Сведения об этом можно почерпнуть из статьи археолога Т. Аннаева «Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана». В своей статье Т. Аннаев представил классификацию получивших широкое распространение в регионе керамических кружек[2]. Он нарисовал чертёж географии распространения по памятникам характерных для Каунчинской культуры кружек с одной и парной ручками. Корпусы кружек выполнены в форме пиалы, с выпуклым туловом, конусовидные, цилиндроконические, горшковидные и почти все изготовлены на гончарном круге. Они сделаны с одной или двумя ручками. Кружки с одной ручкой найдены в Хасияттепа, Балаликтепа, Кулаклитепа, Аджинатепа, Заргартепа, Мунчактепа, Дальварзинтепа, а с двумя ручками – в Кулаклитепа, Ойсаритепа, Куёвкурган, Зартепа. Культурные слои, в которых были обнаружены кружки, были датированы второй половиной V – VII веком н.э. Среди них встречаются высокие кружки с прямым корпусом и зооморфной ручкой.

Таким образом, из вышеприведённых материалов становится известно, что начиная со второго этапа Каунчинской культуры, ее распространение по территории Узбекистана хорошо наблюдается на археологических материалах. Это, в свою очередь, свидетельствует о широком распространении тюркских этничес-

---

[1] *Кабанов С.К.* Нахшаб на рубеже древности и раннего средневековья (III–VII вв.) – Т., 1977. С. 93.

[2] *Аннаева Т. Дж.* Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана. // ИМКУ, XXI. – Т., 1987. С. 73.

ких групп в эпоху поздней античности и раннем средневековье по всей территории Средней Азии и ускорении в период античности и ранних средних веков узбекского этногенеза.

IX.8. Ранние очаги образования антропологического типа узбекского народа и география его распространения

Одним из первых необходимых этнических факторов в формировании каждого народа, вместе с его археологической культурой и территориальным пространством, на котором он сложился, общественно-экономической общностью хозяйства, этнокультурным и языковым единством является единство антропологического типа большинства населения. Уточнение первых очагов и времени его зарождения является необходимым фактором определения узбекского этногенеза.

Изучение внешнего облика местного населения, проживающего в настоящее время на территории Средней Азии, связано с биологическим и антропологическим исследованием их черепной коробки. Они, в основном, состоят из 3 типов. Например, если казахи, киргизы и каракалпаки в основном составляют «южносибирский тип», горные таджики и туркмены относятся к «закаспийскому типу». Современные узбеки и оазисные таджики составляют «тип среднеазиатского междуречья»[1].

Раз узбеки относятся к третьему из этих типов, возникает вопрос, в каких местах территории Узбекистана и когда возник этот тип?

В качестве типа, характерного для узбеков и таджиков, антрополог А.И. Ярхо предлагает «Памирско-Ферганский тип»[2]. Однако, хотя современные узбеки и относятся к одному типу с оазисными таджиками, но они отличаются от памирских таджиков. Л.В. Ошанин, В.В. Гинзбург и В.Я. Зезенкова, посвятившие свою научную деятельность изучению антропологии Средней Азии, в своих исследованиях научно доказали, что современные узбеки и оазисные таджики составляют один тип и назвали его «тип среднеазиатского междуречья»[3]. Этот тип распро-

---

[1] *Ошанин Л.В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез её народов. Части I–III. – Ереван, 1957–1979; *Гинзбург В.В.* Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза её народов. // КСИЭ, вып. 31. – М.–Л., 1959; Он же. Теория происхождения расового типа Среднеазиатского междуречья. // Тезисы докладов «Этнографических исследований за 1967 год». – Л., 1967; *Ошанин Л.В.* Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии. // СЭ, VI–VII. – М., 1947.

[2] *Ярхо А.И.* О некоторых вопросах расового анализа. // Антропологический журнал. 1934, №3. С. 3–21.

[3] *Ошанин Л.В.* Данные к географическому распределению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии // Тр. IV Всесозного съезда зоологов, анатомов и гистологов. – Киев, 1931. С. 312–314; *Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я.* Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. – Т., 1953. С. 9–56; *Гинзбург В.В.* Теория происхождения расового типа Среднеазиатского междуречья. // Тезисы докладов «Этнографических исследований за 1967 год». – Л., 1967.

странён не только между двумя реками Средней Азии, но и далеко за его пределами. Его основу составляют люди долихокефальным черепом (черепная коробка яйцевидной формы), но в эпоху бронзы, в связи с широким распространением андроновских племён (андроновский тип – брахикефал, то есть с круглой черепной коробкой), черепная коробка жителей Средней Азии постепенно обретает форму брахикефала[1]. Люди с черепной коробкой долихокефал являются самым древним населением территории Узбекистана – у них продолговатое лицо, миндалевидные веки, узкий подбородок. У людей андроновского типа, пришедших в Среднюю Азию в эпоху бронзы, большая черепная коробка и широкое лицо. Формирование «типа среднеазиатского междуречья» является результатом смешения этих двух типов, что научно доказано на основе антропологических серий. Но в вопросе времени и пространства формирования «типа среднеазиатского междуречья» споры между учёными продолжались.

Академик, учёный-антрополог В.П. Алексеев образование «типа среднеазиатского междуречья» предлагает связать с племенами эпохи бронзы Южной Сибири. Хотя антропологические материалы, обнаруженные в памятниках эпохи бронзы в степях Южной Сибири, по типу представляют близкую популяцию (генетическую близость) к «типу среднеазиатского междуречья», но состав материалов краниологической серии эпохи раннего железа и античности Южной Сибири не смог сохранить облик человека эпохи бронзы. Это объясняется тем, что в этническом составе населения Карасукской культуры, прибывшего в Южную Сибирь с территории Северного Китая, были сильны элементы монголоидного облика, которые изменили этнический состав европеоидного населения эпохи поздней бронзы Южной Сибири. В период раннежелезного века и античности в составе населения степей Южной Сибири и Казахстана преобладал «южносибирской тип». Начиная с VI–V веков до н.э. они проникают в северные территории Средней Азии, граничившие с земледельческими оазисами. Вначале, в период античности, они, известные в исторических источниках под именем сарматов, а в археологических материалах как носители «Прохоровской культуры», вступают в бассейн среднего течения Сырдарьи, в особенности, в оазис Древнего Ташкента.

Несмотря на то что на протяжении многих веков они находились в хозяйственно-экономических и этнокультурных отношениях с местными жителями, они не сразу ассимилировались с местным типом населения, то есть в эпоху бронзы «тип среднеазиатского междуречья» ещё не образовался ни в одном из областей региона. Сначала они продолжали жить отдельно. Правда, в археологических комплексах памятников эпохи бронзы Северной Бактрии, то есть Южного Узбекистана и Юго-Западного Таджикистана (на примере памятников Джаркутан, Бустан, Тегузак), явно просматриваются следы смешения этих двух этносов,

---

[1] *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Историческая антропология. Узбеки. – М.: Наука, 2011. С. 14.

нашедших своё отражение в керамических и бронзовых орудиях труда. Но такое положение в антропологических материалах пока не наблюдалось.

До недавних пор группа учёных формирование «типа среднеазиатского междуречья» пыталась связать с образованием в Средней Азии Западно-Тюркского каганата. Эта идея зародилась на основе взглядов А.Ю. Якубовского, который считал, что узбекский этногенез берёт своё начало с Тюркского каганата.

Однако расширение масштабов археологических исследований на территории Средней Азии и, как следствие, увеличение серии всё новых и новых краниологических (человеческих черепов) материалов свидетельствует о более древних корнях «типа среднеазиатского междуречья».

После длительных дискуссий между антропологами этим вопросом вплотную стал заниматься талантливый ученик В.В. Гинзбурга антрополог Т.К. Ходжайов. Ему представилась возможность участвовать в работе более 30 археологических отрядов на территории Узбекистана. Результаты его планомерного поиска заинтересовали археологов и антропологов соседних с Узбекистаном республик Средней Азии. В результате чего им было собрано более 500 серий краниологических материалов[1]. Они относятся к разным археологическим культурам и разного хронологического диапазона, рамки которого охватывали с эпохи неолита до позднего средневековья. Таким образом, собранные палеоантропологические материалы оказались не только с областей Узбекистана, но и с соседних с ним республик Средней Азии. Благодаря углублённому изучению этих антропологических материалов появилась возможность определить время и место формирования «типа среднеазиатского междуречья». Эти возможности стали обретать реальные очертания на территории среднего бассейна Сырдарьи и его центра – древнего Ташкентского оазиса[2].

Таким образом, на основе комплексного научного анализа собранных материалов, сопоставительного анализа этих материалов с археологическими комплексами, культурной и хозяйственной жизнью удалось определить место и время образования «типа среднеазиатского междуречья». Было выяснено, что «тип среднеазиатского междуречья» сложился в среднем бассейне Сырдарьи в эпоху античности. Это, в первую очередь, было крупным открытием в изучении этногенеза узбекского народа. На этой земле в эпоху античности сформировалась Каунчинская культура, этнический состав которой состоял из согдоязычных и тюркоязычных племён и народностей. В результате длительного этнокультурного смешения в III веке до н.э. – начале нашей эры происходит формирование «типа

[1] По инициативе руководства Института археологии Академии наук Узбекистана, а также при непосредственном участии научного коллектива института в течение 20 лет собран огромный материал краниологической серии.

[2] *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии Древнего Узбекистана. – Т., 1980; Он же. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Рукопись докторской диссертации. – М., 1981. С. 19, 37.

среднеазиатского междуречья». Местные согдийцы по антропологическому типу были нашими предками с долихокефальной черепной коробкой, которые в основном были оседлыми племенами, они больше занимались поливным земледелием и многоотраслевым ремесленным производством. К этому типу присоединяется протоевропеоидное население с брахикефальной черепной коробкой.

Каунчинская культура характерна для среднего бассейна Сырдарьи, а именно для оседлых и скотоводческих племён периода античности Ташкентского оазиса. Его центральные области охватывали территории Ташкентского оазиса и Чардаринского водохранилища Южного Казахстана, а влияние распространилось на востоке – до Семиречья и Восточной Ферганы, на западе – до Бухарского оазиса, на юге – до бассейна реки Кашкадарьи. Археологи определили его хронологические рамки III веком до н.э. – VI веком н.э. Структура захоронений жителей Каунчинской культуры была в форме могил подбойного и катакомбного типа, на последнем этапе этнокультурного развития вместе с курганными могильниками появляются фамильные склепы (наусы). Очень много древних курганных могильников было в Ахангаранской долине, в особенности, в районах верхнего бассейна реки Ахангаран, археологическое изучение которых было начато в 30-х годах прошлого века. Первые раскопки были проведены на территории Тойтепа и Пскента. В 50-х годах прошлого века были изучены наусы Туябугуз, Мингтепа, но полученные в процессе раскопок краниологические материалы не были изучены и утерялись.

Краниологических материалов периода поздней бронзы и раннего железного века в Ташкентском оазисе обнаружено недостаточно. Основываясь на данные памятников эпохи поздней бронзы, изученных в этом регионе, можно предположить, что жители тех времён имели два типа, т. е брахикефальные европеоиды и долихокефальные европеоиды. Но среди черепных коробок I века н.э. вперемешку встречаются люди с долихокефальным и брахикефальным черепами андроноидного типа. Среди них изредка попадают люди с монголоидным типом.

Черепные коробки античного периода найдены по берегам Бозсу, в могильнике Ниязбаши (Янгиюль). Они состоят из искусственно деформированных брахикефальных черепных коробок. В целом, и среди оседлых жителей, и среди скотоводческого населения Ташкентского оазиса встречаются представители разных типов. Кости представителей скотоводческого населения оазиса имеют большое сходство с сериями племён саков и усуней казахстанских степей и брахикефальными европеоидами Бухарского оазиса.

В 70-х годах прошлого века в окрестностях Ташкентского моря был открыт и изучен крупный могильник Каунчинской культуры. Краниологические материалы этого могильника относятся к I–II векам н.э.[1] Расовые признаки черепных коробок относятся к брахикефальными европеоидам, но заметны в них и признаки монголоидной расы.

[1] *Буряков Ю.Ф., Алимов К., Бурякова Э.Ю.* Исследования в зоне Туябугузского водохранилища. С. 45–65.

Более 30 захоронений I–II веков н.э. открыты в могильнике Кавардан. Все они характеризуются европеоидно-монголоидными расовыми признаками. В Каварданских захоронениях признаки, присущие для европеоидной расы, у женщин выражены сильнее, чем у мужчин. По всей видимости, проникновение людей с монголоидным типом в Ташкентском оазисе стало усиливаться примерно с I века н.э.

В 1977 году рядом с развалинами древнего города Тункет был исследован могильник Кулота I века н.э. Краниологическое исследование обнаружило брахикефальную черепную коробку, затылочная часть головы разбита, очень сильны признаки монголоидной расы. Среди черепных коробок встретился один долихокефальный европеоид. В краниологической серии Кулота встречаются переходящие к оседлому образу жизни брахикефальные европеоиды. Такие серии являются характерным типом, присущим Каунчинской культуре Ташкентского оазиса, который также хорошо наблюдается в краниологических материалах Туябугуз, Хонтепа, Янгиюль, Врevск, Кавардан. Монголоидные расовые признаки в Средней Азии начинают проявляться с раннего железного века, но чёткое выражение они получают у носителей Каунчинской культуры.

Таким образом, к античному периоду в Ташкентском оазисе на примере носителей Каунчинской культуры впервые окончательно формируется характерный для современных узбеков антропологический тип – «тип среднеазиатского междуречья». Возможно, что Каунчинская культура оказывала не только культурное, но и сильное антропологическое влияние на соседнюю Ферганскую долину, в особенности на её северные регионы.

Ферганская долина, один из регионов с развитой культурой орошаемого земледелия Средней Азии, в древности была ареной установления взаимных связей этносов с различным типом хозяйствования. До II века до н.э. в письменных источниках почти никаких сведений о долине не встречается. Начиная со II века до н.э. в китайских письменных источниках приводятся сведения о развитии экономических, политических и этнокультурных связей Древней Ферганы с государством Канкия (Кангюй).

Археологические исследования показывают, что в восточных и северных регионах Древней Ферганы (территория Андижанской и Наманганской областей), то есть в бассейне реки Карадарьи и низовьях горных речек в эпоху бронзы и раннего железа получает развитие земледельческая культура (Чустская культура), а в предгорных регионах юга и запада долины в основном проживало скотоводческое население. Но, начиная с IV века до н.э. и на юго-западе Древней Ферганы складываются хозяйства орошаемого земледелия. В период античности по всей долине в оазисах развивается земледелие, в предгорных и холмистых местностях – полукочевое скотоводство. Поэтому подавляющее большинство оседлого населения долины были долихокефальными европеоидами, а этнический состав степного населения был различный.

Например, черепные коробки V–III веков до н.э., найденные в могильнике Актам, в основном принадлежали местному мезобрахикранному европеоидному населению, которое было потомками племён долихо-мезокранного типа эпохи бронзы. Они стали брахикефалами под влиянием носителей Андроновской культуры. Население близлежащей территории Узгена (III–I века до н.э.) были европеоидами с признаками монголоидной расы, однотипное с ними население в начале нашей эры было широко распространено в Семиречье и Тянь-Шане. В могильнике Ширинсай, расположенном в Западной Фергане и относящемся к II–IV векам н.э., был получен смешанный краниологический материал. В его составе смешались Харасанские, Уральско-Алтайские и европеоидные дравидоиды. А кости, найденные в могильнике Кайрагач, недалеко от Ходжента, напоминают «тип среднеазиатского междуречья». Шесть могильников, обнаруженных вокруг Исфары, дали чистый «тип среднеазиатского междуречья», без монголоидных признаков. Население Кувасая I–III веков н.э. даёт европеоидный тип, состоящий из черепных коробок местного оседлого населения с долихокефальным и брахикефальным черепом. Состав скотоводческого населения Северной Ферганы (античный период) оказались европеоидами с примесью монголоидов.

Таким образом, основное население Древней Ферганы характеризуется мезобрахикранным европеоидным вариантом «типа среднеазиатского междуречья». В составе населения встречаются представители «типа среднеазиатского междуречья» с долихокефальной черепной коробкой и «южносибирского типа». Европеоидные типы частично имеют монголоидные расовые признаки. По данным краниологических материалов Древней Ферганы, европеоидные расовые признаки сильны у населения западных территорий долины, на территории юго-восточной Ферганы среди европеоидного типа частично встречаются люди с монголоидной внешностью. По сравнению с другими регионами долины в Северной Фергане среди европеоидного населения наблюдается сильное влияние монголоидных расовых признаков[1].

По утверждению Т.К. Ходжайова, процесс образования «типа среднеазиатского междуречья» в хронологическом отношении продолжался с VI века до н.э. до V века н.э. За этот период во всех областях Узбекистана (в 34 археологических памятниках) были получены и проанализированы новые краниологические серии и отмечены особенности материалов каждой области, расовые признаки жителей, занимавшихся земледельческим и скотоводческим хозяйством, их антропологические типы.

Древнее население Южного Приаралья с эпохи неолита (Кельтаминарская культура) были европеоидами с долихокефальной черепной коробкой, воплотившими в себе местные расовые признаки. В этот регион в эпоху бронзы пришли представители этноса, частично отличавшиеся от местной Суярганской культу-

---

[1] *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Историческая антропология. Узбеки. – М.: Наука, 2011. С. 14–18.

ры. Они были названы С.П. Толстовым Тазабагъябской культурой, и внешний облик антропологической серии, полученной в могильнике Кукча-3 этой культуры, была европеоидной (андроноидной), а черепная коробка была брахикефальной. В Кукча-3 были обнаружены черепные коробки двух видов. Первая из них по своим расовым особенностям была близка к населению эпохи бронзы степей Нижнего Поволжья, Казахстана, Алтая и Минусинской низменности, вторая была схожа с потомками носителей Кальтаминарской культуры. Оба этих вида представляли разные типы европеоидной расы[1].

В составе населения Нижнего Приаралья в эпоху раннего железного века сохраняются расовые признаки, характерные для эпохи бронзы. Вместе с тем, в некоторых черепах уже начинают встречаться варианты, когда в одном индивидууме воплощены признаки представителей двух различных рас. Но признаки местной традиционной расы всё ещё были сильны. В Древнем Хорезме антропологическая серия, относящаяся к V–IV векам до н.э., была найдена в курганных могильниках Султан-Увайс. По мнению археологов, они принадлежат скотоводческим племенам. Для похороненных здесь людей характерен брахикефальный европеоидный тип, присущий узбекам[2]. Но среди похороненных была обнаружена женщина, которая совершенно отличалась от других и напоминала монголоидный южносибирский тип. Возможно, она была пленницей или вышла замуж за древнего хорезмийца. В антропологических сериях этого периода, найденных в Устюрте, наблюдается состояние перехода от Андроновского типа (брахикефальной европеоидного типа) к типу среднеазиатского междуречья. Среди них (на юго-восточном побережье Арала) имеется группа материалов, в которых ощутима доля монголоидной примеси.

Население окрестностей дельты Сарыкамыш Древнего Хорезма в античную эпоху было в основном европеоидной, но и среди них встречаются люди, частично относящиеся к южносибирскому типу. Значит, с начала нашей эры в Южном и Юго-Восточном Приаралье увеличивается доля людей монголоидной внешности. При изучении нескольких курганных могильников вокруг городища «Алтин асар», относящегося к Джетыасарской культуре, было замечено, что население Нижней Сырдарьи было смешанным, основу антропологического типа составляли местные европеоидные длинноголовые племена. Однако среди них встречается группа племен, пришедших в Хорезмский оазис вместе хуннами, представители южносибирского типа. Люди с монголоидной внешностью больше всего были распространены в бассейне Кувандарьи. Большую часть антропологической серии городского некрополя Калъаликир составляли люди европеоидной внешности закаспийского типа.

История последних двух тысячелетий развития расовой структуры населения Южного Приаралья наблюдалась на основе материалов могильника Миздахкан. Со-

[1] *Ходжайов Т.* Жанубий Орол бўйида яшаган қадимги халқлар. – Т., 1978. С. 3–4.
[2] Там же. С. 4.

гласно анализу найденных здесь краниологических материалов, в первом тысячелетии нашей эры население Южного Приаралья в основном было европеоидным, среди них большую часть представлял «закаспийский тип». Во второй половине I тысячелетия н.э. наблюдается процесс брахикефализации длинноголового населения. В результате этого в конце I тысячелетия и начале II тысячелетия на всей территории Южного Приаралья основной этнический слой начинает составлять «тип среднеазиатского междуречья». Однако в качестве примеси в составе хорезмских узбеков до сих пор сохраняются признаки «закаспийского типа»[1].

Государство Кангюй, центром которого был древний Ташкентский оазис, продолжал непрерывно развиваться и в начале нашей эры. «Тип среднеазиатского междуречья», характерный для античного периода зародившейся на его территории Каунчинской культуры, распространяет сферу своего влияния не только на восток (Ферганская долина) и северо-запад (Древний Хорезм), но и на Согдиану. Сведения об этом приводятся и в китайских письменных источниках.

Согдиана – один из центров историко-культурной цивилизации, возникший в бассейнах рек Зарафшан и Кашкадарья, в исторических источниках упоминается с первой половины I тысячелетия до н.э. По результатам археологических исследований, население этого региона с древних времён занималось орошаемым земледелием, многоотраслевым ремесленным производством и скотоводством. Судя по данным исторических источников, оседлое население края говорило на согдийском диалекте древнеиранских языков.

В античную эпоху оседлые жители этого края по своему антропологическому типу были долихокефальными европеоидами. Но древнее скотоводческое население по своему этническому составу разнообразно. Курганные могильники скотоводческого населения в основном изучены в степях Центрального (Самарканд) и Западного (Бухара) Согда. Например, найденные в курганных могильниках Калконсай краниологические материалы V–III веков до н.э. составляют различные варианты европеоидной и монголоидной рас[2]. А могильник Лавандак II–I веков до н.э. представляет европеоидный тип. Памятники скотоводческих племён Хазара и Кызылтепа начала нашей эры дали смешанный краниологический материал. В захоронениях Кызылкир III–IV веков н.э. были найдены брахикефальные черепные коробки «типа среднеазиатского междуречья» с примесью монголоидных элементов. В окрестностях Пенджикента, в верховьях Зарафшана был обнаружен вариант брахикефального европеоидного «типа среднеазиатского междуречья», относящегося к первой половине I тысячелетия н.э.[3]

---

[1] *Ходжайов Т.* Жанубий Орол бўйида яшаган қадимги халқлар. – Т., 1978. С. 6.

[2] *Зезенкова В.Я.* Некоторе краниологические данные курганов Калкансая. ИМКУ вып.VIII. – Т., 1969. С. 161–168.

[3] *Гинзбург В.В.* Антропологические материалы из окрестностей древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958. С. 281–289.

К настоящему времени в степях Канимех Бухарского оазиса найдены и изучены более 800 курганных могильников. Они состоят из ямных захоронений, захоронений в хумах и кремационных могил. В одной из могильных ям была найдена серебряная монета Варахрана (первая четверть V века н.э.). В захоронениях в хумах встречаются керамические сосуды III–IV веков н.э. Найденные в них краниологические материалы не однотипны, среди них встречаются образовавшиеся из смешения местных саков-долихокефалов с брахикефальными европеоидами андроновского типа представители типа среднеазиатского междуречья.

В развалинах городища Афрасиаб (V век до н.э.) также были найдены черепа долихокефальных европеоидов, которые в генетическом отношении схожи с материалами памятников эпохи бронзы Заманбаба, Муминабад, Чакка. Долихокефальные черепа, относящиеся к III–II векам до н.э., были найдены и изучены в Еркургане. Такие черепа, относящиеся к II–IV векам н.э., найдены и изучены на территории Ургута. Несмотря на большой хронологический промежуток, они свидетельствовали о неуклонном продолжении процесса брахикефализации. К IV–V векам н.э. большая часть населения оазиса уже была брахикефальными европеоидами.

В Согдиане была обнаружена целая группа краниологических материалов, относяшихся ко II–I векам до н.э., которые напоминают скотоводческое население кушанских племен Северной Бактрии. Племена юэчжи в основном были брахикефальными европеоидами и неудивительно, что они оставили в Согде краниологические следы по пути в Бактрию. Оседлое население Согдианы кушанского времени, как и раньше, представляло собой «тип восточного средиземноморья». Местное скотоводческое население Согдианы ничем от них не отличалось. Но у скотоводческих племён (V–III века до н.э.) Бухарского оазиса признаки монголоидной расы проявлялись сильнее, как у населения Северо-Восточного Приаралья. Такое же положение наблюдается у усуней Приаралья, жителей Тянь-Шаня и Семиречья. Значит, проникновение представителей монголоидных типов в Бухарский оазис произошло через западные регионы Средней Азии[1].

Древняя Бактрия – это область, расположенная в верхнем и среднем течении Амударьи. Ее территория приходится на территорию современного Северного Афганистана, Юго-Западного Таджикистана и Южного Узбекистана. Она граничила на севере с Согдианой, на юге и юго-востоке – с Арахосией и Ганхарой, на западе – с Маргианой. Бактрия была одним из ранних очагов цивилизации в Средней Азии, где получила развитие древняя земледельческая культура и система государственности. В хозяйственно-экономическом и природно-географическом отношении Бактрия подразделялась на две части: регионы традиционного поливного земледелия и кочевого скотоводства. Отношения между ними определяло социально-экономическое и этнокультурное развитие общества.

---

[1] *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии Древнего Узбекистана. – Т., 1980. С. 43–44.

Антропология Бактрии античной эпохи хорошо не изучена. Ряд хорошо исследованных объектов принадлежат скотоводческому населению Бишкентской культуры, в двух могильниках которой изучены более 30 черепов.

Антропологические материалы I века до н.э. и I–III веков н.э. были обнаружены и изучены в памятнике Тупхона на территории Гиссара. Они, в основном, относились к европеоидному типу среднеазиатского междуречья с примесью монголоидных признаков. Обнаруженные на этой территории несколько черепов середины I тысячелетия н.э. оказались с явными признаками монголоидной расы[1].

Антропологические материалы оседлого населения Кушанского периода были найдены и изучены в местечке Шахтепа недалеко от реки Кафирниган. Антропологические материалы Шахтепа в основном относятся к европеоидному типу, но среди них встречаются и смешанные типы. В целом оседлое городское население эпохи античности Северной Бактрии характеризуется присущим территории среднеазиатского междуречья европеоидным типом. Антропология скотоводческого населения Северной Бактрии изучена достаточно хорошо. Материалы могильников Аруктау, Тулхар, Коккум (II век до н.э. – I век н.э.) относятся к варианту мезокранных европеоидов. У них широкие лица средней продолговатости, острые носы. Частично встречаются люди с монголоидной внешностью. В общем, скотоводы Северной Бактрии в генетическом отношении похожи на жителей Нижней Волги, степей Казахстана и приаральских саков.

Краниологические серии эпохи античности были найдены в наусах Айритома и Дальварзинтепа. Они дали два антропологических типа: первый из них – долихокранные европеоиды, характерные для местного оседлого населения, у вторых черепа имеют признаки андроноидов, характерных племенам юэчжи. Такой антропологический тип напоминает скотоводов Бишкента. Явно чувствуется присутствие бархикефальных европеоидов среди городского населения. Значит, на территорию Древней Бактрии начиная с периода архаики в среду местных долихокефальных европеоидов прибывают брахикефальные европеоиды, а к эпохе античности наблюдается увеличение их количества. Эти процессы в археологических материалах впервые становятся заметны в Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы, когда начинается ассимиляция земледельческого и скотоводческого населения. Такая картина содержит сведения о ранних этногенетических процессах, связанных с появлением в южных регионах «типа среднеазиатского междуречья».

Таким образом, вышеперечисленные антропологические характеристики и анализы приводят к следующему заключению: этническая однородность современных узбеков относительна. Результаты палеоантропологических исследований показывают, что большинство сельских жителей Кашкадарьинской, Сурхан-

---

[1] *Гинзбург В.В.* Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии. МИА XV, 1950. С. 241–250.

дарьинской, Джизакской, Сырдарьинской, Ташкентской областей помнят о своей принадлежности к тому или иному племени или роду, помнят о своём этническом происхождении, а у городского населения это не наблюдается. Городское население, сельские жители Ферганской долины, Южного Хорезма, а также жители окрестных кишлаков, расположенных рядом с городами Самарканд и Бухара, не имеют представления о своем родоплеменном происхождении[1].

В итоге длительных палеоантропологических наблюдений Т.К. Ходжайов пришёл к выводу, что начиная с эпохи неолита наши предки состояли из двух антропологических типов: первый тип – протоевропеоиды, а второй – тип восточного средиземноморья. Брахикефальные европеоиды были широко распространены в северных и северо-восточных областях Средней Азии. А средиземноморский тип – в южных и юго-западных областях Средней Азии. Северные протоевропеоиды эпохи неолита были хорошо изучены на примере Кальтаминарской культуры, а характерный для юга средиземноморский тип – на примере Джайтунской и Гиссарской культур. Такая палеоантропологическая картина сохраняется в эпоху энеолита и ранней бронзы (на примере материалов Анов-Намазга, Саразм). В эпоху бронзы комплексы обоих антропологических типов продолжают широкое распространение по региону, но северные протоевропеоиды широко распространяются по Средней Азии. Не осталось ни одного места в регионе, куда бы не ступала их нога. Они привнесли с собой ощутимое влияние Срубной культуры с нижнего бассейна рек Волги и Дона, а также Андроновской культуры со степей Казахстана и Южной Сибири. Население эпохи бронзы Зарафшанской долины в отношении материальной культуры близко к северным протоевропеоидам, а в большей части антропологических материалов заметна южная наследственность.

В своё время В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова, опираясь на археологические материалы, свидетельствующие о вхождении северных протоевропеоидов в южные регионы, пришли к выводу, что эти миграции нашли своё отражение и в палеоантропологических материалах. Однако анализ собранного в последние годы большого объёма палеоантропологической серии не подтвердил эти выводы. Южные регионы Средней Азии даже в эпоху раннего железа сохранили своё первоначальное состояние.

В середине I тысячелетия до н.э. этнический состав населения Узбекистана в антропологическом отношении не испытывает коренных изменений, но, вместе с тем, большая группа северных протоевропеоидов вторгается в предгорные районы Северной Бактрии и на территорию Юго-Западного Туркменистана. А население средиземноморского типа широко распространяется по Хорезмскому оазису и Ферганской долине. Такое положение в нижнем бассейне Амударьи связано с зарождением цивилизации Древнего Хорезма, а в Ферганской долине

---

[1] Материальная культура узбеков. // В кн. «Узбеки». М., 2011.

характеризуется широким распространением памятников Чустской и Эйлатанской культур. Начиная с V века до н.э. в Хорезмском оазисе такое положение получает новый импульс, что было органически связано с миграцией хорезмийцев к нижнему бассейну реки Амударьи.

Носители северного протоевропеоидного типа распространяются по всей Зарафшанской и Кашкадарьинской долине, территории Бактрии, Юго-Восточного Туркменистана. В этот период миграционные процессы протекают по нескольким направлениям. Первое направление связано с распространением савроматов и сарматов по землям Восточного Прикаспия и Узбоя. Второе направление – распространение этих племён с Восточного Приаралья через Центральный Кызылкум до Северной Бактрии, оттуда через Афганистан до территории Туркменистана. Следы их пребывания изучены на примере могильников позднего Аруктау, позднего Тулхара, Тиллатепа. Третье направление связано с движением сарматов с Восточного Приаралья к среднему бассейну Сырдарьи – на территорию Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Их следы хорошо изучены на примере Каунчинской и Отрарско-Коратауской культур. Большая часть этих скотоводческих племён в эпоху античности и раннего средневековья переходят к оседлому образу жизни и смешиваются с средиземноморским типом южных областей. В результате образуется характерный для оседлых узбеков «тип среднеазиатского междуречья» европеоидной расы[1].

Вторжение большой группы брахикефальных европеоидов, в составе которых были и монголоидные компоненты, в Мавераннахр и соседние с ним территории усиливается с IX века, а в XI–XII веках приобретает решительный характер. Эти процессы приводят к усваиванию брахикефализации физическим типом местного населения, к превращению «типа среднеазиатского междуречья» в тип, характерный для узбеков и оазисных таджиков[2]. Рост монголоидных элементов в составе «типа среднеазиатского междуречья» ощущается с XIII–XIV веков. В конце XV и XVI–XVII веках монголоидный компонент превращается в один из ощутимых элементов этнического состава узбекского народа. В свою очередь, в этническом составе населения брахикефальный европеоидный слой становится абсолютной основой «типа среднеазиатского междуречья». В XVIII – начале XX века в антропологическом составе узбекского народа существенных изменений не происходит[3].

Заключительные выводы. Анализ письменных источников и археологических материалов показывает, что на территории современного Узбекистана и близлежащих к нему районах с древних времён проживали согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и сакское население, говорившие на разных диалектах древне-

---

[1] *Ходжайов Т.К.* Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. – Т., 1987; *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Историческая антропология. Узбеки. – М.: Наука, 2011. С. 15–117.

[2] *Ходжайова Г.К.* Историческая антропология. Узбеки. – М.: Наука, 2011. С. 17.

[3] Там же. С. 17–18.

иранских и прототюркских языков, занимались орошаемым земледелием и скотоводством, также многоотраслевым ремесленным производством. Также на эту землю, начиная с эпохи бронзы, с северо-востока Средней Азии начинают переселяться большими группами прототюркоязычные андроновские скотоводы, с III века до н.э. – сарматы, хунны, со второй половины II века до н.э. – юэчжи, затем – хиониты, кидариты, эфталиты и племена Тюркского каганата. Значительная часть из них приспосабливаются к природно-географическим и климатическим условиям Средней Азии, остаются здесь и под культурно-хозяйственным влиянием древнеземледельческого населения переходят к оседлому образу жизни.

Их этническую основу составлял тюркский этнический пласт, под влиянием которого в эпоху античности и раннего средневековья среди оседлого согдийского, бактрийского и хорезмийского населения региона протекает процесс их тюркизации. Этот процесс первоначально происходит в нижнем и среднем бассейне Сырдарьи. В результате чего в нижнем бассейне Сырдарьи образуется Джетыасарская культура, а в среднем – Каунчинская культура. Сфера влияния Каунчинской культуры расширяется и вначале в долине Арысь формируется Отрарско-Каратауская культура.

С начала нашей эры круг влияния Каунчинской культуры древнего Ташкентского оазиса расширяется за счёт южных, юго-восточных, северо-западных областей, основу которых составлял тюркский этнический пласт, хозяйственно-экономическая база которого была полуоседлой и полукочевой, и охватывает все области Согдианы. В тех местах, куда тюркские элементы вступали большими группами, например, в северо-западной части Бухарской долины, в период поздней античности и начале раннего средневековья (IV–V века н.э.) формируется характерная для древних тюрков Кызылкирская культура.

Военно-политическая власть на местах практически полностью была в руках представителей тюркского населения, что способствовало, с одной стороны, ускорению процесса тюркизации местного населения, а с другой, увеличению в регионе тюркского этнического слоя. Вначале (в античный период) в нижнем и среднем бассейнах Сырдарьи, а затем (в течение раннего средневековья) в среднеазиатском междуречье и близлежащих областях происходит формирование тюрко-согдийской этнополитической арены. Этот регион по своему географическому расположению являлся пространством, притягивающим к себе разнообразные этносы. Об этом свидетельствуют не только различные древние письменные источники, но и результаты археологических исследований.

Как известно из истории, если на какой-то территории Средней Азии один из древних этносов широко распространяется и принимает относительно действенное участие в этнокультурных и этнополитических процессах, то другой из них в другой части региона выполняет точно такую же роль. Например, если в древности в северо-восточных областях среднеазиатского региона тюркоязычный этнос составлял большую часть всего населения, то в юго-западных областях ираноязычный этнос также составлял подавляющее большинство.

Но они никогда не жили обособленно, всегда поддерживали между собой отношения. Различного рода связи первоначально на определённой территории постепенно становились ареной для этнокультурного смешения. Такая арена этнокультурного смешения становилась центром образования первых политических объединений, формировались первые ростки древней государственности. В античный период центром такого политического объединения, контактной зоной межэтнических связей Центральной Азии был Ташкентский оазис, хозяйственно-экономический и этнокультурный характер которого привёл к образованию на этой земле полуоседлого, полукочевого государства Кангкия (Кангюй). Этническая основа государства Кангкия (Кангюй) и его первоначально занимаемая территория, в отличие от образованного до этого в прототюркском мире скотоводческого союза чисто тюркских племён ху, ди, тиек, теле, туро, хун, приходилась на оазисы региона с преимущественно оседлым населением, где была воздвигнута его монументальная столица. Этой столицей был памятник Канка (город Канха), расположенный на 150 гектарах недалеко от Сырдарьи в Ташкентском оазисе. Военно-политическая система управления полукочевого характера, свойственная государству Кангкия (Кангюй), привела к расширению её государственных границ. Например, если в период Каунчи территориальные границы государства Кангкия (Кангюй) по данным археологических материалов проходили по рекам Чирчик, Ахангаран, Келес, Арысь, то с периода Каунчи II его границы расширяются за счёт северо-западной территории Древней Ферганы, Древнего Хорезма, Согдианы. К периоду Каунчи III его границы доходят на севере до Азовского моря и Нижней Волги, на востоке от них – до реки Урал и территории Юго-Восточного Зауралья.

Таким образом, на основе данных вышеприведённых археологических материалов, взглядов, гипотез, изложенных в письменных источниках и их логического анализа, можно сделать следующие заключительные выводы:

1. Археологические и палеоантропологические материалы о коренном населении с производящим хозяйством в Чачском оазисе до эпохи бронзы до сих пор не обнаружены. Начиная с эпохи поздней бронзы по всей Средней Азии, в том числе и по Чачскому оазису широко распространяются прототюркские скотоводческие племена;

2. По свидетельству археологических и антропологических материалов, наплыв этих групп в этот регион не ограничивался одной или двумя волнами. Миграция этносов с северо-востока региона в его юго-западные районы приобретает постоянный характер. Об этом свидетельствуют характерные для южносибирского типа антропологические материалы, встречающиеся в северных регионах Средней Азии с раннежелезного века;

3. Миграционные процессы в античный период, то есть в течение III века до н.э. – IV веке н.э. усиливаются до такой степени, что если, с одной стороны, наблюдается приток на эти земли сарматов, с другой стороны, с северо-востока региона

прибывают хунны и усуны, что нашло отражение в письменных источниках. Подтверждение этому дают археологические материалы, которые оставили яркий этнокультурный след в формировании Каунчинской культуры в Чачском оазисе;

4. К античному периоду влияние прототюркского этнического слоя не только в нижнем бассейне Сырдарьи (Джетыасарская культура), но и в среднем бассейне, то есть Ташкентском оазисе и Южном Казахстане, повышается до такой степени, что в итоге приводит к формированию чачского диалекта древнего согдийского языка. Он образовался на основе синкретизации, взаимного смешения прототюркского и согдийского языков;

5. Этнокультурной производной этого этнического смешения в Чачском оазисе является народность кангар, а в качестве ее политического объединения образуется полуоседлое и полукочевое государство Кангкия (Кангюй). В китайских летописях это государство называется Кангджюй, в основе этимологического значения которого (и это научно доказано) лежит тюркский термин «чач», что обозначает – «камень», «драгоценный камень», «бирюзовый камень».

Значит, если широкое распространение тюркского этнического слоя в Ташкентском оазисе связано с эпохой поздней бронзы, то обретение им господствующего влияния в этнохозяйственной, этнокультурной и этнополитической сферах происходит в античный период;

6. В отличие от советской историографии, следует отметить, что термин «чач», давший название этому оазису, на древнетюркском означает «tas», а название оазиса в переводе на китайские иероглифы читается как Кангджюй, Юни, а затем, с V века н.э. – Чжеши, Ши, что означает «камень», «бирюзовый камень». Этот край, известный на Востоке, в древних письменных источниках своими прославленными бирюзовыми рудниками, запасами драгоценных камней, на языке его населения именовался «страна Чач». Начиная с XI века Чачский оазис и его столичный город в произведениях Абу Райхана Беруни и Махмуда Кашгари упоминается как Ташкентский оазис, город Ташкент;

7. Значит, в древности его народы говорили на согдийском и прототюркском языках, а начиная с эпохи античности, среди согдийской прослойки населения оазиса происходит ускорение процесса тюркизации в отношении языка. В итоге к раннему средневековью в среднем бассейне Сырдарьи складывается тюрко-согдийское этнокультурное, этнополитическое пространство, а в образе оседлой народности кангар создаётся фундаментальная основа узбекского народа.

8. Именно в среднем бассейне Сырдарьи на основе смешения тюркоязычного и согдоязычного населения формируется свойственный для узбекского народа антропологический тип – «тип среднеазиатского междуречья», на основе древних местных традиций государственности образуется тюркское государственное объединение Кангкия (Кангюй). Это был один из важнейших исторических этапов в развитии узбекской государственности.

Глава X
ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

X.1. Социально-экономические и этнополитические особенности Центральной Азии в эпоху раннего средневековья

Согласно анализу древних письменных источников и археологических исследований, в Мавераннахре и прилегающих к нему территориях в период раннего средневековья в социальной, экономической и этнокультурной жизни общества происходят коренные изменения[1]. В этот период происходит ускоренный процесс зарождения местных собственников – дехкан и на их основе формирование сельских управлений. Формируются феодальные отношения. Их хронологические рамки охватывают период V–VIII веков н.э. Основными особенностями этого периода являются: окончательное оформление частной собственности на землю, средства производства; социальную структуру общества составляют кашоварзы – средние и мелкие собственники; зажиточные дехкане – крупные собственники – феодалы и зависимые от них кадивары – зависимые от феодалов крестьяне. На примере местной власти создаются основы системы управления централизованного феодального государства, общество строится на основе идеологии зороастризма и буддизма, а также частично манихейства, несторианства и шаманизма. После нашествия арабов их место постепенно занимает идеология ислама. Собственность зороастрийских храмов – «вагнзе» переходит во владение исламских мечетей и медресе. Наблюдается дифференциация собственности в торговле и ремесле. Социальную структуру общества наряду с крупными, средними и мелкими собственниками, а также кадиварами составляют вооружённая дружина местных правителей – наёмные чокары и частично рабы.

Крупные формы собственности появляются не только среди земледельческой аристократии – дехкан, но и в среде скотоводческих общин, в ряде отраслей ремесленного производства и торговых общин. Загородная собственность, которая состояла из царственных дворцов и замков крупных землевладельцев, была окружена высокими оборонительными стенами. Основным трудовым производителем замковых земельных владений дехкан явилась обедневшая часть кашоварзов – кадивары, превратившиеся в безземельную прослойку раннесредневекого общества.

[1] История таджикского народа. – Душанбе, 1999. С. 44-46; *Адылов Ш.Т.* Административно-территориальное устройство Западного Согда в раннем средневековье. Общественные науки в Узбекистане, № VI, 1998. С. 18–30; *Грицина А.А.* Уструшанские были. – Т., 2000. С. 33–53.

Дехкане периода раннего средневековья были крупными владельцами собственности. В Европе представителей этого сословия называли феодалами, что означало крупный владелец собственности. Поэтому этот период в истории получил название раннего феодализма.

Таким образом, основу общественно-экономической жизни среднеазиатского общества в период раннего средневековья составляли дехкане, мелкие собственники – кашоварзы, кадивары, озодкоры и гувакоры, которые считались основной производительной силой общества.

Существует мнение, что в условиях Средней Азии до этого времени крупная собственность не сформировалась и по этой причине здесь не было рабовладельческого общества. Кашоварзы, которые стали появляться ещё в эпоху бронзы в орошаемых земледельческих регионах Средней Азии, и дехкане, которые стали крупными землевладельцами в период раннего средневековья, начали оказывать своё влияние на все сферы экономической жизни общества. В результате во всех отраслях скотоводства и ремесленного производства, торговли сказывается влияние крупных владельцев собственности – дехкан и они, вместе со средними и мелкими собственниками – кашоварзами составляют экономическую базу общества. А тюркская политическая сила, установившая в обществе военную власть, обеспечивает непрерывный ускоренный приток тюркских этнических групп с северо-востока Средней Азии. Переход на местах системы управления под влиянием тюркской аристократии также оказывает воздействие на развитие этногенетических процессов в регионе. В результате всего этого, а также вследствие укрупнения на земле Турана тюркского этнического слоя этот край в письменных источниках стал именоваться Туркестаном. Эти исторические и этногенетические процессы нашли своё отражение не только в письменных источниках, но и в археологических материалах периода раннего средневековья.

Если ранние формы управленческой системы в Мавераннахре периода античности строились на основе сельского правления, то в период формирования феодальных отношений бывшие сельские управления превращаются во власть в пределах районного масштаба. Они состояли из местных династических управлений. Такую картину можно наблюдать в Мавераннахре и во всех окрестных областях. Эта местная династическая система управления не была изменена ни хионитами, ни кидаритами, ни эфталитами. Но в период Западно-Тюркского каганата, без ущерба сложившемуся механизму управления, каганат устанавливает жёсткий контроль над этой управленческой системой: назначает на местах своих представителей – тудунов, тегинов, усилив надзор со стороны тюрков; наделяет правителей местных династий титулами элтабар, шод, бек и берёт их под своё подчинение.

Для периода, предшествовавшего арабскому завоеванию, в письменных источниках не сохранилось сведений о том, в какой мере и как совершалось массовое проникновение на эти земли тюркских племён, но на основе археологичес-

ких исследований можно без сомнения говорить о том, что на территории Шаша, нижней Сырдарьи и Древней Ферганы тюркский этнос преобладал над ираноязычным населением. А.Ю. Якубовский пишет, что «во всяком случае при завоевании Средней Азии в VII–VIII вв. арабы сталкивались не только с тюрками из-под Балха и Бадхиза, но и Ферганы»[1]. Как сообщают источники, огузы существовали в Шаше с древних времён, а в Фергане были широко распространены тюркские племена огузов и карлуков. Во всяком случае известно, что в VII–VIII веках тюркские племена огузов и карлуков жили не только в Семиречье, но даже в Балхской области Тохаристана. Завоевав Мавераннахр, арабы, с целью прекращения проникновения тюрков на земли между Амударьёй и Сырдарьёй совершают поход на Семиречье и наносят сильное поражение тюргешам. Это событие произошло в 737 году. После этого тюрки перестали вмешиваться в дела Согда, отдав последний в полную власть арабам.

До арабского нашествия многие владетели Согда и других областей становились родственниками тюркских ханов, женились на дочерях Западно-Тюркского ябгу и его родни, или выдавали своих дочерей за их сыновей. «Характерно, что среди согдийской знати появляются тюркские имена и титулы. Вспомним хотя бы имя самаркандского ихшида (князя) Тархуна, покончившего с собой в 710 г. Нельзя сомневаться, что «тархун» имеет прямое отношение к тюркскому титулу «тархан»[2], несмотря на закрепление власти арабов в Мавераннахре. Для них тюрки Семиречья были соперниками и врагами, особенно вследствие того, что они энергично поддержали народное движение Муканны против арабской власти. Именно к этому времени относится возведение арабами оборонительных стен вокруг оазисов Мавераннахра[3]. «Характерно, – пишет А.Ю. Якубовский, – что Семиречье в течение VIII–IX и даже X вв. оказалось не подчинённым ни аббасидскому халифату (VIII–IX вв.), ни Тахиридам (IX в.), ни Саманидам (IX–X вв.). Внимание Аббасидов и последующих иранских местных иранских династий… было направлено на запад, на максимально прочное соединение Мавераннахра… с Передней Азией»[4].

Таким образом, во второй половине VI века с установлением в Средней Азии господства Тюркского каганата происходит усиленное проникновение на эту землю тюркских племён, в результате чего в северных, северо-восточных и северо-западных областях Средней Азии тюркский этнос становится господствующим слоем общества. Как пишет учёный-востоковед А.Ю. Якубовский, в Средней Азии не осталось ни одного места до самой Амударьи, куда бы не дошли тюркские племена. Действительно, почти за 100-летний период господства каганата

---

[1] *Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. – М., 1941. С. 6.

[2] Там же. С. 7.

[3] *Мухаммедов Х.* Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. «Стена Кампирак» Древнебухарского оазиса: Автореф. канд. дисс. – Т., 1961. С. 13–37.

[4] *Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. – М., 1941. С. 7.

социальный облик общества изменился в пользу тюркоязычных этнических слоёв. Местные княжества, которые стали образовываться с III–IV веков н.э., вначале управлялись местными династиями, а с выходом на политическую арену Тюркского каганата на их место стали назначаться представители тюркских династий. В некоторых областях, к примеру в Южном Казахстане и Ташкентском оазисе, местная власть почти полностью находилась в руках тюрков. Как отмечается в письменных источниках, такое состояние распространилось также по центральным и южным областям Средней Азии.

В этот период хозяйственно-экономическую базу исторически сложившихся этнокультурных областей (Бактрия, Согдиана, Уструшана, Древняя Фергана, Чач, Хорезм) составляли орошаемое земледелие и ремесленничество, а в степной зоне – скотоводство. В этот период развивается характерное для раннего среденвековья многоотреслевое ремесленное производство. Во всех историко-культурных областях Средней Азии происходит стандартизация производства, в первую очередь, в гончарном деле.

1. Такое положение явно наблюдается в Южном Узбекистане (см. рис. 24). На юге Узбекистана в бассейнах рек Шерабаддарья и Сурхандарья, у предгорий Сангардак и Худжаипак, Северном Тохаристане в раннем средневековье образуются княжества Термезшахов, Чаганиан и Гуфтан. На этой территории в период раннего средневековья происходят изменения, связанные с использованием в гончарном деле тюркских элементов. Среди этих местных княжеств самым крупным был Чаганиан, местным династическим правителям которых было под силу чеканить медные и серебряные монеты от своего имени[1]. Впервые монеты местными княжествами стали чеканиться в Северном Тохаристане, вернее, в Чаганиане с V века н.э. Это были медные монеты, на лицевой стороне которых был изображен портрет местного правителя, на оборотной – изображение в виде якоря.

В конце V и начале VI веков в обращение выпускаются серебряные монеты, которые были очень похожи на монеты сасанидского царя Феруза. Со второй половины VI века чаганианские ихшиды начинают чеканить серебряные монеты, скопировав их с драхм Хосрова. А со второй половины VII века в Северном Тохаристане наряду с монетами местных феодальных правителей в обращении находились арабские дирхемы и фелсы. К концу VIII века арабы положили конец власти местных правителей в Тохаристане. Уместно будет подчеркнуть, что, если правитель начинает чеканить металлические деньги, это является признаком образования государства. Деньги (монеты) были равносильны наличию государственных символов – герба, флага (знамени) и своего гимна. Медные монеты находились в обращении на внутреннем рынке. Если правитель решался чеканить серебряные монеты, то это указывало на его экономическую и политическую мощь в качестве независимого государства. Печати, которые находились в архео-

[1] *Пуганченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. – Т., 1990. С. 133–134.

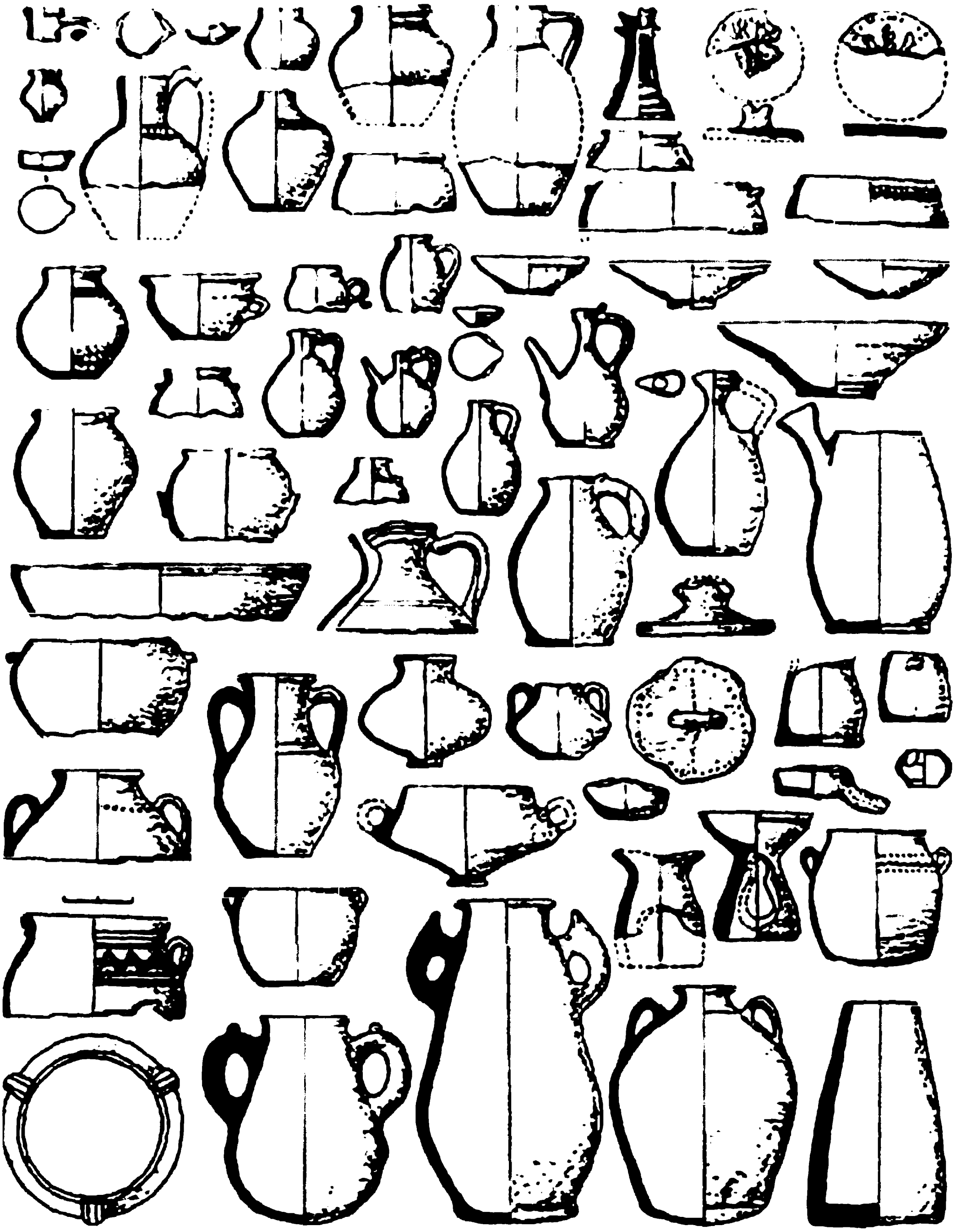


Рис. 24. Керамический комплекс Тохаристана периода раннего средневековья

логических памятниках эпохи бронзы и раннего железного века, не являются признаком образования государства в полном смысле этого слова. Это был знак вождя, религиозного руководителя, военного и светского предводителя племени (по-ирански – кави, по-тюркски – джабгу), знак власти – главенства (в Авесте знак старейшины рода – виспати, избираемого из числа нманпати – руководителя сельской общины). Поэтому на печатях изображались тотемы родов и племён, они были признаками протогосударства, свидетельствовали о первых ростках государственности, о формировании местных ранних государств на основе достижения оседлым населением определённого уровня социально-экономического и культурного развития. А на монетах обязательно содержались изображения правителей, надписи и символы соответствующих богов.

2. В центральной части Мавераннахра располагалась Согдиана, на территории которой в ранние средние века образовались три крупных, независимых исторических области (Центральный Согд, Западный Согд и Южный Согд).

В состав Центрального Согда входили земли от Пенджикента до Карманы, его главным городом считался Самарканд. Районы, расположенные в Зарафшанской долине к западу от Карманы, составляли Западный Согд. Его главным городом была Бухара. Земли Южного Согда состояли из районов, образованных в бассейне Кашкадарьи. Районы верховьев Кашкадарьи назывались Кешской областью, а нижней Кашкадарьи – Нахшобской областью.

Правители областей в Бухаре назывались худатами, в Самарканде – ихшидами и в Кашкадарье – ихридами. На первых этапах раннего средневековья каждая область подразделялась на управления районных худатств, ихшидств и ихридств. Мелкие местные районы мирным путём или силой поглощались более могущественными в экономическом и политическом отношении и укрупнялись за их счёт. К примеру, известно, что в Западном Согде, кроме Бухархудатов, были и Варданхудаты. Позже они объединились и накануне арабского нашествия образовали единое Бухархудатство Западного Согда. Такую же картину можно наблюдать в Центральном и Южном Согде.

Территория Согдианы подразделялась на исторически сложившиеся рустаки (районы). На деле рустаки были местной властью в пределах одного района. Например, земли Западного Согда состояли из 22 рустаков[1]. 15 из них находились внутри оборонительных стен Бухарского оазиса, а семь – за её пределами. В письменных источниках до нас дошли согдийские названия этих рустаков: Тавовис. Нижняя Харкана, Хитфар, Кахуштуван, Верхний Самджон и Нижний Самджон. Верхний Фаравиз и Нижний Фаравиз, Зар, Фаргидат, Пайкент, Фароб и другие. Например, к середине VII века в Центральном Согде было 11 таких районов. Соответствующие сведения об этом имеются не только в письменных источниках. но и на настенных росписях Древнего Согда, на которых разноцветными краска-

[1] *Адылов Ш.Т.* Административно-территориальное устройство Западного Согда в раннем средневековье.// Общественные науки в Узбекистане, № VI, 1998. С. 18.

ми изображена церемония приёма послов из различных стран, прибывших выразить своё почтение сидящему на престоле ихшиду Самарканда Вархуману. Рядом с Вархуманом сидят 11 подчинённых ему ихшидов рустаков с 11-ью знамёнами. У этих 11 знамён, выстроенных в ряд, древки символично перевязаны красной лентой. Эта картина является доказательством того, что в Центральном Согде было 11 ихшидств, образовавших «конфедерацию государства Согд» во главе с ихшидом (царём) Самарканда Вархуманом.

По всей видимости, до III века н.э. в городской жизни Самарканда наблюдался некий экономический кризис. Только в конце III и начале IV веков в жизни Согда происходит экономический рост, связанный с Великим Шёлковым путём. Сведения об этом впервые встречаются в документах, найденных в Дунгхуане – «Древних письмах» (согдские старые письмена). Экономическое могущество города Пайкента, славившегося в раннем средневековье под названием торгового города Согда, поразило арабского историка Табари. Он писал: «В Пайкенте арабы награбили столько золотых и серебряных сосудов, что сосчитать их невозможно»[1]. Такой подъем в конце IV века происходит на всей территории Согда. Начиная с V века начинают чеканиться монеты с изображением правителей независимого Согда. К VII веку серебряные монеты местных правителей Согда играли определённую роль в мировой торговле.

Несмотря на такие достижения, на протяжении всего раннего средневековья в Согдиане не было централизованного царства (центральной власти). Образование такой власти первоначально связано с приходом на эти земли хионитов и кидаритов. В начале VI века Согдиана находится в составе эфталитов, с 563 года – под властью Тюркского каганата. Первый из них, не вмешиваясь в управленческую систему местных владений, ограничивался проведением политики сбора в больших объёмах дани, а второй, хотя и проводил политику установления своей власти в некоторых областях, на деле не был заинтересован в образовании централизованного государства. Эфталитские и тюркские каганы, в целях использования огромного опыта местной знати Согда, в своих интересах стали активно привлекать их к службе государственного управления. Однако, с начала VIII века в Согдиану нахлынули представители совершенно другого этноса и иной религии. В отличие от эфталитских и тюркских каганов, завоеватели разрабатывают новую систему управления. Начались неравные бои. Стремление к созданию военного союза против общего врага не всегда приводит к желаемому результату. И наконец, в результате ожесточённых боёв и восстаний, продолжавшихся до конца VIII века, захватчики находят опору среди местной знати и устанавливают свою власть не только в Согдиане, но и в Мавераннахре и Хорасане.

3. К востоку от Согда, в бассейне Сырдарьи в раннем средневековье располагалась область Уструшана. Ее западная часть охватывала территорию Джи-

---

[1] Культура и искусство древнего Узбекистана. – М., 1991. С. 31.

закской и Сырдарьинской областей современного Узбекистана. Восточная часть располагалась на территории Ходжентской области, которая в настоящее время находится в составе Таджикистана[1]. Впервые название Уструшаны встречается в китайских источниках раннего средневековья (Шуайдушана, Судуйшана, Судушина). Уструшана в IV–V веках упоминается в качестве независимого княжества. Молодой, инициативный правитель Уструшаны направляет своих послов в Китай вместе с послами самаркандского ихшида. По данным арабских географов, главным городом Уструшаны был Бунджикат (современный Шахристан в пределах территории Таджикистана). Всё это полностью подтверждается археологическими исследованиями[2]. Найденные в Шахристане серебряные монеты показывают, что вначале Уструшаной правили местные афшины Чирдмиш, Сатачари, Раханч. С первой четверти VIII века власть в Уструшане переходит в руки представителей тюркской династии. Действительно, арабский историк Истахри в связи с событиями 737 года пишет, что афшином Уструшаны был тюрк Харабуга (в эти времена местные правители заключили военный союз против арабов). Затем на протяжении почти 60 лет афшинством в Уструшане владеет тюрк Ханахара. Он состоял на службе у знаменитого халифа Мамуна ибн Гаруна и участвовал в подавлении восстаний в Ираке и Египте[3].

4. На северо-востоке от Уструшаны, в верхнем бассейне Сырдарьи располагалась Древняя Паргана (Ферганская долина). В «Истории» Геродота она упоминается под названием «страна париканиев»[4]. Дунь Вань, посол китайского императора Вея, в 436 году совершает поход на запад, в связи с чем Древняя Фергана вместо старого названия Дайюань именуется «Полона»[5]. В ещё одном китайском источнике «Бей-ши» (VII век) Древняя Фергана упоминается под названиями «Бохан», «Фейхан»[6]. В «Бей-ши» говорится, что в Фейхане «трон правителя выполнен в виде золотого барана»[7]. В другом китайском источнике – «Тан шу» (X век) рассказывается, что Древняя Фергана «начиная с IV века до прихода к власти тюрков управлялась одной династией»[8]. Китайский посол Сюань Цзан, отправившийся в 630 году в Индию через территорию Средней Азии, отмечает, что в бывшем Дайюане страна не находит-

---

[1] *Грицина А.А.* Уструшанские были. – Т., 2000. С. 33–34.

[2] *Негматов Н.Н.* Живопись Шахристана (проблемы и суждения). «Культурное наследие Востока». Проблемы, поиски, суждения. – Л., 1985.

[3] *Грицина А.А.* Уструшанские были. – Т., 2000. С. 43–45.

[4] История Узбекистана. Том I. Книга первая. – Т., 1955. С. 39, 89.

[5] *Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. – М.: Наука, 1989. С.110.

[6] *Асқаров А.* Ўзбек давлатчилигининг илк босқичларида Қадимги Фарғона. // «Фарғона кеча, бугун ва келажакда». – Фарғона, 2003. С. 3.

[7] Там же.

[8] История таджикского народа. Т. I. – Душанбе, 1999. С. 39.

ся под властью одного правителя, а управляется множеством мелких местных правителей[1].

В местных письменных источниках до VIII века никакие сведения о Фергане не встречаются. В связи с нашествием арабов правитель Пенджикента и одновременно царь Самарканда Диваштич выступает с инициативой создания объединённого военного союза местных владений против арабов. Он направляет своего поверенного человека с письмами к Чачскому тудуну, Тюркскому кагану и правителям земель Ферганы. В письме к ферганскому ихшидству название Ферганы приводится по-согдийски в виде «Паргана».

Использование названия ихшидства «Паргана» по отношению к Фергане в ранние средние века подтверждают и арабские историки. По сообщению арабских историков Якут и Кудамо, в раннем средневековье Парганой назывался не только этот край, но и его главный город. В произведении ибн Хордатбеха «Книга путей и стран» рассказывается о городах восточной части халифата, через которые проходили торговые караванные пути и расстояние между ними. В ней говорится: «От Самарканда до Парганы (здесь он имеет в виду главный город Древней Ферганы) 53 фарсаха (1 фарсах равен 6–8 км), от Баба (Пап) до Парганы 4 фарсаха»[2].

В действительности, в 4 фарсахах от Папа, указанного в произведении ибн Хордатбеха, находится городской пункт Ахсикет, который из согдийских источников был известен арабам в качестве топонима «Паргана»[3]. Судя по приведённым нами двум последним источникам (Диваштич и ибн Хордатбех), ко второй половине VII – началу VIII века мелкие местные правления Ферганской долины объединяются под началом правителя Парганы и образуют единое владение Ферганы. Такое положение хорошо наблюдается на основе археологических материалов.

По результатам археологических исследований, проведённых в бассейне Карадарьи, видно, что, если в эпоху античности было очень много поселений сельских общин, в раннем средневековье резко увеличивается количество замков городских правителей. Значит, имущественное расслоение в период раннего средневековья решалось в пользу зажиточных дехкан. В каждом ирригационном районе отмечается памятник в виде городского поселения, который исполнял роль экономического и политического центра, а в микрооазисах, в качестве главной резиденции, располагались замки сельских правителей.

Таким образом, к периоду раннего средневековья в пределах каждого ирригационного района бассейна Карадарьи на базе районных управ, микрооазисов

---

[1] *Beal S.* Si-yu-Ki Buddhist record of the Westernworld. Vol. I. London, 1884. P. 26.

[2] *Ибн Хордатбех.* Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Н. Велиховой. – Баку: Элм, 1966.

[3] *Анорбоев А.* Қадимги ва ўрта асрларда Ахсикент. // Ўзбекистон тарихида Қадимги Фарғона. – Т., 2001. С. 14–15.

создаются сельские управления, а на базе крупных городов Древней Ферганы складываются города-государства. Этот исторический процесс, наблюдаемый на основе археологических материалов бассейна Карадарьи, характерен не только для Ферганы, но и для всех других областей Средней Азии с развитой земледельческой культурой, что является одним из важных этапов узбекской государственности.

5. На севере от Древней Ферганы находилась историко-культурная область Чачского оазиса, где в эпоху раннего средневековья наблюдалась такая же историческая картина.

С распадом государства Кангкия (Кангюй) в середине V века находившиеся в его составе племена и народности рассеиваются, возникают новые политические объединения и этнические общности[1].

Анализ археологических исследований показывает, что с V века н.э. в Ташкентском оазисе начинает ускоренно развиваться городская культура. В этот период в 13 пунктах наблюдается расцвет городской жизни оазиса[2]. Их образование связано с этапами развития Каунчинской культуры, а в этнокультуре ощущается сильное тюркское влияние. Города этого периода занимали юго-западную часть Ташкентского оазиса. Самые крупные из них – Канка, Кавардан, Кулота, Киндиктепа, Каунчитепа, Банокат и другие, в которых городская жизнь развивалась не только в раннем средневековье, но и в период развитого средневековья. Так какие же события раннего средневековья происходили в городской жизни бассейна среднего течения Сырдарьи, а именно в Чачском оазисе?

В первую очередь, Чачский оазис был присоединен к государству Эфталитов. В 60-х годах VI века н.э. Чач входит в состав Тюркского каганата[3]. Разумеется, что вначале эти события оказали негативное влияние на экономическое развитие юго-западных городов Чача. Именно в это время Илак за счёт интенсивного роста богатой промышленности цветной металлургии повышает своё экономическое благосостояние и, отделившись от Чача, какое-то время развивается самостоятельно[4]. В период борьбы за трон в среде тюркской знати, усилившейся в концу VI века, Чач попытался обрести независимость. Но в начале VII века вновь был подчинён каганату, и Чачем стал управлять наместник Западно-Тюркского кагана – тудун. Для усиления контроля над управлением и сбором дани в подчинённых областях в каганате была введена должность двух малых каганов. Ставка одного из них для управления землями Согда в Мавераннахре располагалась в пределах Чача (Джабгукат). В начале VIII века, в период арабского наше-

---

[1] *Шониёзов К.* Қанғ давлати ва қанғарлар. – Т.: Фан, 1990. С. 6.

[2] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 109.

[3] *Шмидт А.Э.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана. ИИВ АН СССР, вып XVI. – М.-Л., 1958. С. 453.

[4] *Буряков Ю.Ф.* Горное дело и металлургия средневекового Илака. – М., 1974. С. 101–102.

ствия, Чач присоединяется к военному союзу в составе Согда ихшидов Парганы и Тюркского каганата против арабов. Этот союз наносит чувствительный удар арабам в 723–724 годах в боях на берегу Сырдарьи. В 739 году арабы совершают новый поход против Чача и его союзников. Во время битвы арабский полководец Хариф ибн Сурайдж переходит на сторону согдийцев[1]. Когда Тюркский каганат попадает под влияние Китая, арабы, с условием не затрагивать независимость Чача, направляют туда своих наместников и заключают союз против Китая. Но этот договор действовал недолго. Чач и Илак в течение VIII века принимали активное участие во всех выступлениях против арабов.

Таким образом, большая часть истории Чача VI–VIII веков связана с борьбой против внешних врагов. Естественно, эта борьба не могла не оказать негативного влияния на экономическую жизнь Чача. По этой причине площадь крупных городов вначале сократилась. И только с вхождением Чача в состав Тюркского каганата в сложившейся этнокультурной обстановке зарождается взаимный экономический интерес и города вновь начинают оживать. К началу VIII века в Чаче увеличивается численность городов, количество которых доходит до 32. Города возникают не только в низовьях, но и в бассейнах среднего и верхнего течения рек. Например, в среднем течении реки Ахангаран возник столичный город Илака Тункат, где был возведён дворец правителя Илака. Достаточно развитая экономика Илака позволяла чеканить не только медные, но и серебряные монеты. И даже после захвата арабами и потерей политической независимости Илак продолжал чеканить серебряные монеты. Тункат превращается в город металлургов со множеством мастерских по выплавке руды и переработке металла. Большое влияние на ускоренное развитие горной промышленности оказали обнаруженные недалеко от Тунката золотые прииски и серебряные рудники. В итоге горная промышленность Тунката сыграла важную роль не только в превращении этого города в крупный экономический центр Илака, но и в его политическую столицу. В раннем средневековье в бассейне Ахангарана возникает ряд таких городов и населённых пунктов, как Тункат (17,5 га), Кулота (15 га), Намудлик (12 га), Тепа (12 га), Ошхонатепа (11 га), Мунчактепа (11,2 га), экономическую основу которых составляла в основном горная промышленность.

В ранние средние века города (Улкантойтепа – 20 га, Кавардан – 75 га, Чиназтепа – 12 га, Йугонтепа – 20 га) начинают развиваться также в центральных и северных горных областях оазиса. Одним из самых крупных городских центров Чача становится среднее течение реки Чирчик. Здесь, на базе каналов Салар и Джун, возникают города Мингурик, Нугайкурган (11 га), Ханабадтепа (34 га), Тугайтепа (9,5 га), Кулаклитепа (14 га), Акататепа (18 га).

---

[1] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 123; *Массон М.Е.* Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времён. – Т., 1973. С. 32.

Что касается хозяйственной жизни населения Чача, то оно было многоотраслевым. Основным занятием оседлого населения было орошаемое и богарное земледелие, а также садоводство и бахчеводство[1]. Степные и предгорные местности были очень удобны для ведения скотоводческого хозяйства. В городах широкое развитие получает ремесленничество и его различные отрасли. Особенно были развиты гончарное дело, дубление кожи и изготовление из нее сёдел и конской сбруи, переплётное дело, в тесктильной отрасли – производство товаров из шерсти[2]. Характер ремесленничества и большой спрос на его изделия приводит к тому, что через города Чача проходят несколько караванных путей. Особенно важную роль в экономике Чача играли те ответвления караванных путей, которые проходили через города Илака. Вдоль этих путей вырастают новые торговые пункты (Чиначкат, Тункат, Навкат)[3].

Таким образом, в период ранних средних веков происходит рост численности городов Чача и их экономическая специализация. Процессы урбанизации быстро вторгаются в предгорные районы. Столица Чача с берегов Сырдарьи переносится в район современного Ташкента – Мингурик. Непрерывный приток в оазис в раннем средневековье тюркских этнических слоёв и особенно вхождение Чача в состав Тюркского каганата оказало большое влияние на его культуру. Чач стал пространством, где происходил ускоренный процесс тюркизации ираноязычного населения. Эти процессы хорошо видны на материалах археологических находок и находят своё подтверждение в письменных источниках.

6. История раннего средневековья Хорезмского оазиса имеет свои особенности (рис. 25).

Полная противоречий история Хорезма IV века связана с непрерывным проникновением тюркских племён с северо-востока Средней Азии. Естественно, что вторжение степных племён в процветающую и ведущую мирную жизнь на протяжении нескольких веков территории оазиса привело к разрушению культурной жизни и потраве посевных площадей. Имущественное расслоение среди кашоварзов также оказало вред развитию крупных городов, потому что выделившиеся из среды кашоварзов новые собственники – дехкане строили замки и предпочитали жить ближе к своим полям. Со временем вокруг замков и дворцов новых собственников (дехкан) начинает развиваться бурная жизнь. В итоге назревает политический кризис крупных империй эпохи античности – Кушанского и государства Кангюй, крупные города этих империй, игравшие роль крупных политических, экономических и культурных центров, приходят в упадок. Такие города,

---

[1] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Книга II. – Т., 1950. С. 272.

[2] *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972. С. 254–258.

[3] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 134–135.

Рис. 25. Комплекс керамики раннего средневековья (Хорезм)

как Топроккалъа, Кизилкалъа, Аязкалъа 2, Бургуткалъа, Токкалъа, Гауркалъа, Хазарасп, Ичанкалъа, Вояган, Девкаскан останавливаются в своём развитии, кипучая жизнь слабеет, и даже незавершённым остаётся строительство крепости Фир рядом с каналом Кат. Прекращается усовершенствование оросительных систем на правом и левом берегах Амударьи.

В те времена городская жизнь в какой-то мере продолжается на левом берегу Амударьи. К примеру в IV–V веках н.э. жизнь продолжалась в таких городах и крупных кишлаках, как Ичанкалъа, Хазарасп, Вояган, Дарган, Девкескан, Замахшар, Алмаотишган 2. Начиная с VI века н.э. на земле Древнего Хорезма постепенно начинается возведение мелких и средних городов. В градостроительной культуре раннего средневековья в окрестностях городов античной эпохи широкое распространение получает строительство небольших «кушков», «курганов». Например, по сведениям арабских письменных источников, вокруг одного только Миздахкана было построено 12 тысяч «кушков». Возведение «кушков» вокруг больших городов являлось основной деятельностью централизованных феодальных государств в сфере строительства. В городах усиливаются ремонтные работы, строительные работы ведутся на оборонительных стенах и арке Ичанкалъы, на юго-восточной стороне крепости.

В течение V–VII веков оживление городской жизни происходит в Хазараспе. Здесь были отремонтированы оборонительные стены и построена дополнительная стена. В VII–VIII веках происходит развитие города Воягана. Были отремонтированы его стены и вплотную к оборонительным стенам были построены дополнительные стены. Такие строительные работы были проведены в Каткалъа и других городах. По сообщениям арабских историков Белазури, аль-Максуди, Табари, в ранние средние века в Хорезмском оазисе наблюдается расширение старых и появление новых городов. Арабский путешественник аль-Максуди, описывая кипучую городскую жизнь 32 городов Хорезма, особое внимание уделяет городу Кат. Он подчёркивает, что среди 13 красивейших городов Хорезма по уровню развития культурной жизни Кат стоит на первом месте. В произведении «Худуд – ал-олам» Кат (X век) описывается в качестве главного города Хорезма, называется «воротами прекрасного Туркестана», хранилищем товаров Мавераннахра и области Хазар, очень богатым городом, где собираются торговцы. А «жители его воинственны, в искусстве стрельбы из лука им нет равных». В этой работе также говорится, что в VIII–IX веках вокруг городов Хорезма вплотную к городским стенам усиливается строительство рабатов.

Очень важным обстоятельством является то, что в оборонительных стенах крепостей, расположенных на приграничных территориях городов раннего средневековья, большое внимание уделялось устройству бойниц. Эти многочисленные бойницы были настоящими. А если город находился далеко от границ внутри оазиса, часть бойниц были поддельными. В ранние средние

века в Хорезме в качестве строительного материала используется жжёный кирпич. Все это можно наблюдать на территории всего Узбекистана.

Таким образом, с нашествием арабов в Среднюю Азию традиционная система управления претерпевает существенные изменения. Арабы ведут политику превращения Мавераннахра и Хорасана в восточные владения халифата. Для установления своего господства исламская религия вела непримиримую борьбу против традиционной религии зороастризма, образованной верхушки духовенства, священной книги Авесты и изложенных в ней идейных, религиозно-философских взглядов, богатых последователей и вообще против всех, кто проповедовал эту религию. Для защиты своей веры все слои населения, независимо от занимаемых экономических и политических позиций, объединились и оказали жёсткое сопротивление. Вначале арабы для ослабления сопротивления жителей непокорного региона применяли самые жестокие способы подавления, пускались на ухищрения и даже не отказывались от мошеннических приёмов. Например, они полностью уничтожили всех представителей одного из местных состоятельных родов Бармакидов. Значительная часть зороастрийского духовенства, подвергшаяся преследованию со стороны духовной и светской власти ислама, вынуждена была покинуть родину и переселиться в Индию, в основном, в области Бомбея и Гуджарата.

Жёсткая политика, проводимая арабами в восточных областях, не дала ожидаемого результата, и в 806 году наместником восточных областей халифата назначают Абдулла-Маъмуна, сына Харуна ар-Рашида от его жены-персиянки. Прибыв в Мерв, он проводит политику приближения к себе представителей местной знати. Все его действия были направлены на укрепление его личного влияния (в Мерве он устраивает Дом учёных, куда были приглашены знаменитые учёные того времени и дети местных аристократов; проводит политику широкого привлечения в дела управления представителей местной знати и тюркской военной аристократии и т.д.). Благодаря мудрой политике, проводимой Маъмуном в качестве наместника, а затем и халифа, исламская религия получает широкое рапространение среди масс и превращается в единое религиозно-идейное мировоззрение, укрепляется (на базе крупных собственников – дехкан) формирующееся ускоренными темпами феодальное общество. Местная власть в регионе была ликвидирована и на ее месте во второй половине IX века образовалось крупное централизованное феодальное государство. Основателями первого в Средней Азии крупного централизованного феодального государства являются представители династии Саманидов. По своему происхождению они были фарсизированными потомками военачальника Сасанидского государства тюрка Бахрома Чубина[1]. В своё время Бахрому Чубину, за большие заслуги перед государством Сасанидов, в качестве икты были пожалованы земли между Балхом и Термезом,

---

[1] *Наршахий Муҳаммад*. Бухоро тарихи. – Т., 1993. С. 56.

и он размещает здесь своих близких. Саманхудат был крупным собственником – дехканином-аристократом в окрестностях Балха, и его дом верой и правдой служил наместнику Абдулла-Маъмуну.

К началу VIII века, понеся крупные потери, арабы завоевали Среднюю Азию, но проблем у них не убавилось. Действительно, свободолюбивые местные жители мужественно противостояли арабам. И потом, арабы, в отличие от правителей тюркских династий, стремились сосредоточить в своих руках безраздельную власть. Арабы были категорически против проведения самостоятельной внутренней и внешней политики местными правителями в пределах своих владений, считая, что вся власть должна принадлежать халифату. В результате в Мавераннахре и Хорасане одно за другим вспыхивают народные движения и восстания против завоевателей. Это во-первых.

Во-вторых, арабы проводили политику полного искоренения в пределах региона политического влияния тюрков, потому что не было видно конца проникновению в Мавераннахр многочисленных групп воинственных тюркских племён. Для того чтобы остановить этот поток и установить своё безраздельное господство в Мавераннахре, арабы начинают строить вдоль северных границ земледельческих оазисов оборонительные стены.

В-третьих, в условиях господства в Средней Азии религии зороастрийцев-огнепоклонников, все слои населения объединились для борьбы против арабов-иноверцев. Эту борьбу возглавляли влиятельные и уважаемые в народе дехкане и религиозные предводители. Поэтому арабы первоначально рассматривали все слои местного населения в качестве своих врагов и истребляли не только служителей зороастрийской религии, но и богатых аристократов местного населения. Жертвой такой политики стал дом аристократов-дехкан Бармакидов. Однако такая политика арабов оказалась безрезультатной и они стали искать пути сближения с местными аристократами-дехканами. Первый шаг в этом направлении был сделан наместником восточных провинций халифата Маъмуном ибн Харуном ар-Рашидом. Он смог найти общий язык с местными Тахиридами и Саманидами и с их помощью добился подавления восстаний против арабов. За заслуги перед халифатом им было пожаловано право управления рядом областей Мавераннахра.

Ещё одной разумной стороной проводимой им политики было то, что он собрал учёных в столице наместничества Мерве, создал научно-исследовательский центр и возглавил его лично. В этот центр была привлечена одарённая молодёжь Мавераннахра и Хорасана. Конечно, одарёнными считались дети знатных людей того времени. Нетрудно себе представить, какая огромная польза для халифата открылась в организации Мервской школы. В первую очередь выходцы этой школы, среди которых был учёный-энциклопедист Ахмад Фергани, прославили арабский мир. Во-вторых, теперь дети местной знати находились в Мерве, под контролем арабов, и такая политика заставляла местных дехкан без раздумий служить халифату. Вполне естественно может возникнуть вопрос:

какое отношение имеет такая политика халифата к этногенезу узбекского народа? Остриё этой политики, во-первых, было направлено на укрепление позиций ислама и его духовно-нравственного влияния в Хорасане и Мавераннахре, во-вторых, полностью убрать с политической арены саму обстановку тюркского господства в управлении регионом и установить единый исламский порядок. Но оборонительные стены, окружавшие оазисы, не смогли помочь осуществлению этой политики. Не удалась и политика арабизации языка местного населения, напротив, продолжался ускоренный процесс перехода к оседлой жизни прибывших на эту землю ещё до прихода арабов тюркских этнических общностей и отюречивание ираноязычных согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев. На территории Мавераннахра и его окрестностях языком повседневного общения среди широких масс всё более становился тюркский язык, в результате чего в регионе в ранние средние века сформировалось тюрко-согдийское этнокультурное поле-пространство.

X.2. Западно-Тюркский каганат и его роль в этногенезе узбекского народа

Появление на этнополитической арене Средней Азии во второй половине VI века Западно-Тюркского каганата сыграло важную роль в этногенезе и истории государственности народов региона, в том числе и узбекского. В состав этой империи, существовавшей на протяжении почти двухсот лет на территории с Западного Алтая до Северного Причерноморья, от берегов Волги и Урала до Северной Индии, входили оазисные княжества междуречья Амударьи и Сырдарьи – Чач, Древняя Фергана, Уструшана, Согдиана, Бухара, Тохаристан и Древний Хорезм, границы которых в географическом отношении в основном располагаются на территории современного Узбекистана.

Западно-Тюркский каганат существовал в 568–740-х годах. Первичные сведения об этом содержатся в древних тюркских надписях (VII–VIII века), в которых отражены своеобразные стороны государственного устройства каганата[1]. В китайских летописях (VI–X века) содержатся первичные сведения о политической истории, процессах формирования, титулах и терминах, применявшихся в управ-

[1] *Thomsen V.* Orhonve Yenisey yazitlanninilk cozumu. Ilk Bildiri. Cozulmus Orhun yazitlan (Turkce terc. V. Koken). – Ankara: TTK, 1993; *Родлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Коше-Цайдаме. – СПб., 1897; *Бартольд В.В.* Новые исследования об Орхонских надписях. Соч. т.V. – М., 1968; *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй Орхоно-енисейских тюрок VII–VIII вв. // «Восточно-Тюркский каганат и киргизы». – М. – Л., 1946; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии . – М., 1964; *Малов С.Э.* Памятники древнетюркской письменности. – М. – Л., 1951; *Orkun H.N.* Eski Turk Yazitlan. Ankara: TTK, 1986; *Айдаров Г.* Язык Орхонского памятника Бильге-кагана. – Алма-Ата, 1966; *Абдураҳманов Ғ.А., Рустамов А.Р.* Қадимги туркий тил. – Т., 1982.

лении[1]. В наскальных надписях и нумизматических материалах VII–VIII веков, написанных на согдийском языке, сохранились символы власти, имена и титулы некоторых тюркских каганов[2]. Некоторые сведения об управлении каганатом содержатся и в документах на бактрийском языке[3]. В греческих, сурьяни и армянских источниках имеются сведения об отношениях Тюркского каганата с Византией, его деятельности на Северном Кавказе[4]. О внешних отношениях каганата имеются соответствующие сведения даже в источниках на тибетском языке[5]. В арабо-персидских источниках сохранилось множество сведений VIII–X веков о героической борьбе местных правителей и каганата против арабских завоевателей[6].

На основе анализа этих первичных источников можно наблюдать три этапа развития Западно-Тюркского каганата: этап Ябгу (60-е годы VI века и конец этого века), этап Ябгу-Хакан (начало VII века и 30-е годы этого века) и собственно Хакан (630–740 годы). Первоначально, в качестве западного крыла Восточно-Тюркского каганата он подчинялся восточной центральной власти. На последнем этапе он достигает положения каганата и превращается в совершенно независимое государство, но между 657–740 годами Западно-Тюркский каганат вынужден был признать господство китайской династии Тан[7].

---

[1] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том I. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950; *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961; Материал по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. – М., 1984; *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002; *Chavannes E.* Documents surles Tou-Kiue (turks) occidentaux. SPbg. 1903; *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachnchten zur Geschihte der Ost – Turken (Tukue). HI-Wiesbaden, 1958; *Togan I., Kara G., Baysal C.* Cin kaynaklannda Turkler. Eski Tang Tanhi/ Ankara: 2006; *Хўжаев А., Хўжаев К.* Қадимги манбаларда халкимиз ўтмиши. – Т., 2001.

[2] *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. 10. – М., 1971. С. 121–146; Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. – М., 1962; *Лившиц В.А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб., 2008; *Смирнова О.И.* Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981; *Ртвеладзе Э.В.* История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). – Т., 2006; *Исҳаков М.* Унитилган подшоликдан хатлар. – Т., 1992; *Баратова Л.С.* Древнетюркские монеты Средней Азии VI–X вв. (типология, иконография и историческая интерпретация). Канд. дисс. – Т., 1995.

[3] *Sims-Williams H.* Bactrian Documents from Northem Afghanistan. I: Legal and Economic Documents. Oxsford Univ. Press, 2000.

[4] *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. – М. – Л., 1941; *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии V–VII вв. – М., 1979.

[5] *Абдуҳолиқ Абдурасул ўғли.* Туркий халқлар тарихига оид бир тибетча ҳужжат. // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар журнали, № VI. – Т., 1997. С. 72–77.

[6] История ат-Табари. Избранные отрывки (Перевод с арабского *В.И. Беляева.* Дополнение к переводу *О.Г. Большакова и А.Б. Халилова*). – Т.: Фан, 1987; *Наршахий Абу Бакр.* Бухоро тарихи. Форсчадан *А. Расулов* таржимаси. – Т.: Фан, 1966; *Абу Райхон Беруни.* Памятники минувших поколений. Перевод с арабского *М.А. Салье.* «Беруни. Избранные произведения». Т. 1. – Т., 1957.

[7] *Бобоёров Ғ.Б.* Ғарбий Турк хоконлигининг давлат тузуми. Док. Автореферати. – Т., 2012. С. 6–8, 45.

Столицей Западно-Тюркского каганата был город Суяб (Ок Бешим), а города Бешбалик (Турфан), Эк-таг (Восточный Туркестан), Мингбулак (Мерки), Джабгукат (Чач) в разное время выполняли роль резиденции каганата. Каган избирался на курултае. Кандидат должен был быть представителем дома Ашина и обязательно тюрком по материнской линии.

Западно-Тюркский каганат состоял из центральной и подвластных ему вассальных территорий. В центральные территории входили Семиречье – Звёздная долина – Джунгарская равнина, а подчинённые территории состояли из земель оазисных княжеств к северу от Чёрного моря, Северного Кавказа, Волги-Урала, нижнего и среднего бассейна Сырдарьи, Западной Сибири, объединения племён Юго-Западного Алтая, Восточного Туркестана, междуречья Амударьи и Сырдарьи, Хорасана, Северной Индии[1]. Административно-государственное управление каганата было сосредоточено в руках десяти племён, называемых «Десять стрел». Они подразделялись на два крыла: правый (нушиби) и левый (дулу), каждый из которых состоял из пяти племён. Каганат был государством военно-политического характера, в административном управлении и военных походах опирался на «Десять стрел».

Каганат согласно государственной идеологии назывался «эл» и в древней истории сформировались связанные с ней выражения «мангу эл» («вечный народ»), «тангри эл» («божественный народ»), «турк эли» («тюркский народ»). Существовало верование, что власть над народом («турк будун») и страной дана дому Ашины самим Тенгри. Поэтому власть дома Ашины обожествлялась. Если политическая власть не оправдывала доверия, то есть не могла показать своего могущества, такой правитель удалялся от власти, что понималось так: «Тенгри забрал данную им политическую власть обратно».

Высший правитель (ябгу, ябгу-каган и каган) в вопросах государственной важности, касающихся судьбы народа, не имел полномочий принимать единоличное решение. Контроль над правителем осуществлял Высший орган (Курултай), постоянными членами которого являлись представители правящего дома (племенам ашина и ашида) – каган, ябгу, шады и тегины. В эту категорию входила и жена правителя – хотун. Визири и государственные советники – айгучи, буйрук, уга и ряд других сановников в качестве членов участвовали на заседаниях специального совета при рассмотрении политических вопросов[2]. Часть сановников могла не принадлежать к домам Ашины и Ашиды.

На всех звеньях управления каганатом должности занимали люди с воинским званием. Вассальным правителям оазисов каганат представлял звание «элтабар». Для контроля над ними на места направлялся представитель племени Ашина – «тудун». Каган за некоторых элтабаров вассальных областей выдавал дочерей, устанав-

---

[1] *Бобоёров Г.Б.* Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тузуми. Док. Автореферати. – Т., 2012. С. 47.
[2] Там же. С. 47–48.

ливая «систему курагонства» (курагон – зять), то есть родственные отношения. В вассальных областях Чач, Фергана, Тохаристан, Кабулистан власть находилась непосредственно в руках представителей дома Ашины. В таких областях Согдианы, как Самарканд, Панч, Нахшаб на чиновничьи должности допускались представители двух языков (согдийского и тюркского). Так, в системе управления каганатом участвовали представители нетюркских этносов (например, согдийцы, китайцы)[1].

В Западно-Тюркском каганате были продолжены управленческие традиции, характерные для кочевых и полукочевых политических объединений хуннов, юэчжи, усуней. Вместе с этим, в отличие от них, каганат доработал и создал более совершенную систему управления, что нашло отражение в применении около 40 больших и малых титулов и более 50-ти эпитетов. Каганат, исходя из своих потребностей и государственных интересов, для контроля над вассальными княжествами назначал своих наместников (тудунов), в военных походах внедрил «десятичную систему», на зависимых от них территориях устраивал свои резиденции, в государственном управлении сохранил и продолжил местные традиции и т.д., что было положительным, продуманным подходом в усовершенствовании управления.

Монеты Западно-Тюркского каганата чеканились в Чачском оазисе, при этом соблюдалась титульная иерархия, то есть вначале монеты чеканились с титулом джабгу, на следующем этапе – с титулом джабгу-каган. С того момента, когда Восточно-Тюркский каганат прекратил своё существование в качестве государства, а Западно-Тюркский каганат превратился в совершенно независимое государство – Каганат, монеты стали чеканиться с титулом каган. Прочтение надписей на монетах, написанных согдийским письмом, как «джабгу» (*żpyw*), «монета джабгу кагана» (*cpyw x`γ`npny*), «Тарду каган» (*trδw x`γ`n*), и «Божественный Тун джабгу каган» (*βyytwncpyw x`γ`n*) свидетельствуют о том, что Западно-Тюркские каганы чеканили монеты от своего имени. Определение на монетах имён таких конкретных правителей, как Тарду каган, Тун ябгу-каган стало ещё одним шагом в решении вопроса о чеканке монет каганата. До сих пор в большинстве исследованиях часть среднеазиатских монет VI–VIII веков хотя и отмечалась как «древнетюркские монеты»[2], не был решён вопрос об их принадлежности к конкретному правителю или династии. Даже не ставился вопрос о месте, где чеканились монеты, у многих исследователей укоренилось мнение, что первые тюркские монеты были отчеканены в Тюргешском каганате (699–766)[3]. В процессе проведённых за последние годы исследований было выяснено, что большая часть отчеканенных в Чачском оазисе монет была с титулом «***каган***». Была определена иконографи-

[1] *Togan I., Kara G., Baysal C.* Cin kaynaklannda Turkler. Eski Tang Tanhi/ Ankara: 2006. S. 325; *Liu Mau-Tsai.* Cin kaynaklanna gore. S. 203.

[2] *Смирнова О.И.* Сводный каталог. С. 5, 14, 59; *Baratova L.* Altturkische Munzen. – S. 281–283; *Salman H.* Turgisler. Ankara, 1998. – S. 131.

[3] *Salman H.* Turgisler. Ankara, TTK, 1998. – S. 131.

ческая форма и форма тамги ( ), что говорит о принадлежности этих монет к последнему, третьему этапу каганата. А это означает переход Западного крыла к периоду Каганата.

Значит, в начале 630-х годов империя Тан положила конец Восточно-Тюркскому каганату, а Западное крыло (то есть ябгу-каганат), в качестве наследника центральной власти становится независимым каганатом, и его правители чеканят монеты с надписью «каган».

Таким образом, первые 60 лет Западно-Тюркского каганата, который стал формироваться в 560-е годы, этапы Ябгу и Ябгу-каганат можно охарактеризовать как «период подъёма», промежуток между 630–657 годами – «независимый каганат», а с 657 по 740 год – «период упадка» или «период марионеточных правителей» под властью Китая.

В период подъёма происходит территориальное расширение государства, оно захватывает новые земли (Северный Кавказ, Причерноморье, Хорасан, Северная Индия), усиливает свою власть над вассалами, наделяет титулом «элтабар» местных правителей и назначает над ними своего наместника – тудуна, достигает успехов во внешней политике: несколько раз одерживает победу над сасанидским Ираном, заключает союз с Византийской империей, в качестве суверенного государства устанавливает дипломатические отношения с Китаем. Но в заключительный период каганата усиливаются внутренние распри, борьба за трон, в результате чего некоторые окраины (Северный Кавказ, Причерноморье, Восточный Туркестан) фактически выходят из-под контроля, а среди подвластных племён (*се-янто, карлук, тюргеш и др.*) крепнет стремление к достижению независимости. В итоге с 657 года каганат попадает под влияние Китая. Доходит до того, что каганы стали назначаться Китаем. К тому же, воспользовавшись падением влияния каганата в Хорасане и междуречье Амударьи и Сырдарьи в связи со вторжением арабов, а также усилением внутренних противоречий, тюргеши захватывают его центральные территории. И, наконец, с убийством тюргешами последнего представителя династии Ашины – Ашина Сина, Западно-Тюркский каганат прекращает своё существование.

В основе государственной идеологии каганата наряду с защитой независимого существования тюркского этноса лежало обеспечение господства над другими этносами или установление с ними дружественных отношений. Эта идеология обеспечивала независимую жизнь народа и превращение его в господствующее сословие на завоёванных территориях, к которому в наскальных надписях каганы в самом начале своей речи обращаются «турк будуни» (тюркский народ), «турк беклари ва будуни» тюркские беки и народ), «турк, ўғуз беклари, будуни» (тюркские и огузские беки, народ), «турк сир будун»[1].

---

[1] *Абдураҳмонов Ғ., Рустамов А.* Қадимги туркий тил. С. 103; *Tekin T.* Orhon Yazitlari. – S. 39, 63; *Каржаубай С.* Объединённый каганат тюрков в 745–760 годах. – Астана: Фолиант, 2002. С. 161–166.

Одним из основных принципов высшей государственной концепции каганата было придание особого статуса основателям и правящему сословию государства – *тюркскому* этносу. В китайских летописях в качестве одного из составных частей титулов тюркских каганов встречается выражение *да тужюе* (букв. «великий тюрк»)[1]. Это отражает представление древними тюрками своего государства как «Великого Тюркского каганата».

Схожее выражение по отношению к каганату встречается и в документах на бактрийском языке. Например, в одном из документов 710 года есть термин *στορογο τοροσαυζοοισλογο*, который Н. Симс-Вильямс переводит как «великая тюркская принцесса»[2]. Под выражением «великая тюркская» в этом документе подразумевается каганат. Также в письменных источниках VII–VIII веков встречаются термины «Туркестан» (в армянских, согдийских, пехлевийских источниках), «Другу-йул» (*по-тибетски* «Тюркский край»)[3], в которых нашло отражение этнополитическое и географическое название Западно-Тюркского каганата. Каганат был государством имперского уровня. В его состав входили: Восточный Туркестан (Кумул, Турфан, Карашахр, Куча, Кашгар, Хатан), Мавераннахр и окрестные с ним территории – Чач, Отрар, Исфиджоб, Фергана, Уструшана, Согд (Самарканд, Маймург, Кушания, Панч, Кеш, Нахшаб), Бухара, Тохаристан, Хорезм, Северная Индия, Афганистан (Кашмир, Кобулистан, Зобулистан), северо-восточный Иран, Южный Туркменистан (Дехистан, Гургон, Мерв).

Западно-Тюркские каганы в управлении своими вассалами использовали непосредственные – направление для контроля над вассалами принцев-тегинов и опосредованные, то есть контроль за местной династией правителей оазиса, наделение титулом «элтабар» и назначение тудуна (см. цветную иллюстрацию 10 «Древнетюркские монеты с титулами тегин, тудун и элтабар»). Когда эти методы не давали желаемого результата, с относительно сильным правителем оазиса каганат устанавливал родственные отношения, т.е. заключались браки с правителем-вассалом. Сущность и значение государственной политики управления составляло расположение войск на стратегически важных направлениях, строительство гарнизонов, назначение на место правителя небольшой области (Кумед, Панч, Хуттал) представителя тюркского племени или рода.

Как известно из письменных источников, к началу VII века Западно-Тюркские каганы ликвидируют ряд местных династий, управлявших оазисами, и назначают представителей своего дома. В частности, в 605 году Шегуй каган (611–618),

---

[1] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том I. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 237.

[2] *Sims-Williams H.* Bactrian Documents from Northem Afghanistan. I: Legal and Economic Documents. OxsfordUniv. Press, 2000. P. 98.

[3] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том I. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 313; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 141.

бывший в каганате в ранге *шад*, приказывет убить местного правителя Чача, забирает его земли в своё распоряжение и назначает правителем оазиса одного из царевичей по имени Теле Тянчжи (*тюрк.* Тегин Тянчжи). В летописи «Тан шу» приводятся сведения о том, что в 609 году Тянчжи из Чача направляет в Китай посла. Значит, царевич к этому времени стал полноправным правителем Чача и имел полномочия отправлять своих послов в зарубежные страны. Упоминание в китайских источниках одного из правителей Чача (Шу-джу шад) в звании *шад*, а в 740-х годах ещё одного властителя Чача, который несколько раз отправлял своих послов в Китай, в звании *тегин*, свидетельствует о том, что в оазисе образовалась связанная с каганатом династия *Тегинов*. На медных монетах нескольких типов, отчеканенных в оазисе между VII–VIII веками, встречается написанное согдийским письмом выражение *tk`ync`cynkxwβ* («правитель Чача Тегин»). Это ещё раз подтверждает факт, что в этот период Чач находился под управлением династии Тегинов[1].

Как говорится в летописи «Тан шу», между 640–750 годами управлявшие оазисами 4 правителя Чача были в звании тудун[2]; в согдийском документе (720 г.) под номером А-14 в качестве чиновника, ответственного за решение политических вопросов, имеющих отношение к Чачу, упоминается человек в звании *tδwn[3];* в произведении Табари используется выражение «Тудун малик аш-Шаш» («правитель Шаша Тудун»)[4]; Беруни слово «тудун» указывает в качестве звания древних правителей Шаша[5] – всё это свидетельствует о том, что в оазисе в одно и то же время наряду с династией *Тегинов* существовала династия *Тудунов*. В сущности, одно только выражение *tδwnc`cynkxwβ* («правитель Чача Тудун»), встречающееся на монетах VII–VIII веков, подтверждает это мнение. В китайских летописях тегины Чача отмечаются как *Ши-го ван* («правитель государства Чач»), а тудуны иногда пишутся в виде Ши-го Фу-ван («заместитель правителя государства Чач»)[6], что извещает о том, что первые из них представляли главную династию, а другая была второстепенной. Несмотря на это, в 640–750-х годах в политических событиях, имеющих отношение к Чачу, решающая роль принадлежала не тегинам, а тудунам, захватившим бразды правления в Чаче в свои руки.

---

[1] *Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты. С. 40–50.

[2] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том I. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. С.313; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 141.

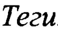
[3] Согдийские документы. II. С. 82–83.

[4] История ат-Табари. С. 269.

[5] *Бируни, Абу Рейхан.* Памятники минувших поколений / Перевод с арабского и примечания М.А. Салье // Бируни. Избранные произведения. Т.I – Т., 1957. С. 111.

[6] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 142; *Chavannes E.* Notes additionelles sur les Tourkie (Turcs) occidentaux // T`oung Pao. – Vol. II. – Leide, 1904. – P. 67,69–70, 74. 92.

Тогда возникает резонный вопрос, если каганат назначал правителем Чача царевича-тегина и устанавливал свой непосредственный контроль в управлении краем, то была ли необходимость в направлении в эту область тудуна? Как указывалось выше, царевичи, назначенные ответственными за управление Чачским оазисом в качестве правящей династии, направляли в Китай своих послов и чеканили монеты, тем самым подчёркивая определённую независимость во внутреннем управлении. С того времени, когда в глазах каганата тегины Чача перестают отличаться от вассальных правителей и превращаются в местных князей, каганы наделяют представителей этой династии званием «элтабар» и направляют для контроля над ними своих представителей в звании тудунов. Такая точка зрения находит своё подтверждение в надписях на монетах *c`cynkywβwtk`ryttpyr* («правитель Чача Тегин-Элтабар»), принадлежавшим тегинам Чача[1].

Есть основания предположить, что с убийством в 605 году местного правителя Чача каганат не прекратил деятельность местной династии. Хотя они не были на равных позициях с Тегинами и Тудунами, но они, по всей видимости, обладали номинальной властью. Например, значительная часть чачских монет VI–VIII веков чеканились со знаком ( ), отличавшемся от оттисков на монетах династии *Тегинов* () и *Тудунов* ( ), на некоторых типах которых есть надпись *c`cynkxwβ* («правитель Чача»), а на других только слово *хвабу* («правитель»)[2]. Монеты первого типа чеканились местной династией до образования в оазисе династии *Тегинов*, монеты второго типа, по всей видимости, были отчеканены в то время, когда местная династия утратила свои прежние позиции. Возможно, человек, упоминаемый в согдийском документе под номером А-14 в качестве правителя Чача (*c`cynkxwβ*) вместе с чиновником, который носил титул *тудун*, был представителем этой династии. В первых строках этого документа ведётся спор о *c`cynkxwβ*, но в последующих строках в качестве человека, решающего политические вопросы оазиса, упоминается только тудун, а это подталкивает на мысль, что представители этой династии не обладали реальной властью.

Западно-Тюркские каганы, как и в Чаче начинают вплотную вмешиваться в управление Ферганского княжества, которое располагалось на юго-западе от их центральной территории – Семиречья. В частности, в «Тан шу» отмечается, что в правление Чжен-гуань (627 – 649) правитель Боханны (Ферганы) *Киби* был убит западным тюрком *Гань Мохэду* (*Тун Баходур) и власть перешла в руки Ашина *Шуни*[3]. Ряд исследователей считают его одним из царевичей Западно-Тюркского каганата[4]. Как пишется в летописи, после смерти Ашины Шуни его сын Йебочжи

[1] *Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты. С. 48, 49.

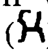
[2] Там же. С. 75, 76.

[3] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 319.

[4] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 148.

заступил на его место, а родственник Киби Аляоцан был поставлен владетелем. Йебочжи жил и правил в городе Гиесай (Косон), а Аляоцан в городе Хумынь (Куба). В 656 году Йебочжи отправляет в Китай посла с дарами[1]. Значит, в эти времена в Фергане образовалась династия, берущая начало от каганов, но управляя долиной непосредственно через своих представителей, каганат не прекратил деятельность местной династии.

Представителям династии Ашина удаётся долгое время сохранять свои позиции в долине. В частности, китайский путешественник Хой Чао (726) пишет о существовании двух центров власти в Фергане: первый из них – княжество Тукюе (тюрков) (с центром в Косоне) – находился к северу от Сырдарьи, а юг был под управлением *Даши* (арабов)[2]. Как стало известно из летописи «Тан шу», в течение 738–751 годов Ферганой управлял тюркский правитель по имени *Асилань дагань-чжу* (Арслон тархон-чур)[3]. Достойно внимания использование характерного для каганата звания *чур* в качестве составной части имён нескольких правителей Ферганы до и после Арслан тархан-чура. Так, Табари в своём произведении пишет о престолонаследнике Балаза, ставка которого находилась в Исфаре и который был отцом Джура, ставшего впоследствии правителем Ферганы[4]. Скорее всего, это имя имеет отношение к тюркскому званию *чур*.

На ферганских монетах VII–VIII веков наряду с надписью «каган» имеется изображение в форме архара (), похожего на тамгу Тюркского каганата ( ). Это, во всяком случае, связано с правлением в Фергане одной из ветвей дома Ашины. В середине этих монет находилось отверстие в форме квадрата. В Средней Азии традиция чеканки монет такого типа получила широкое распространение в основном с 657 года, когда Западно-Тюркский каганат на определённое время попал в зависимость от Китая. Значит, представители династии, имеющие отношение к каганату, с этого времени начинают чеканить монеты в Фергане, подражая китайским монетам. До этого времени в Фергане чеканились монеты, схожие в иконографическом отношении с Западно-Тюркскими монетами, которые чеканились в Чаче. Знаки-тамга на них свидетельствовали об их принадлежности к правившей долиной династии Ашина. В родословной правителя египетской династии ихшидов (935–969), выходца из Ферганы Тугуч ибн Чук ибн Йелтегин Ахшид ибн Фурон ибн Фури ибн Хогон наряду с тюркскими именами Бурон, Бури, встречаются имена Йелтегин, Хогон[5], что

[1] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 319.

[2] *Бернштам А.Н.* Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ, № I. – М., 1952. С. 193.

[3] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 319; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 149.

[4] История ат-Табари. С. 185.

5 *Togan Z.V.* Umumi Tűrk Tarihine Giriş. – S. 178–179.

даёт возможность предположить о происхождении ферганских правителей от Западно-Тюркских каганов.

Несмотря на то что в Фергане правили представители династии Ашина, каганат, действуя как в Чаче для контроля над этой областью, применял другие методы. Так, правители Ферганы в звании *тархан* или *чур*, возможно, не имели прямого отношения к каганам, а были связаны с ними посредством какого-либо другого тюркского племени. В согдийском документе А-14 встречается выражение *βry`n`ktwttk* «Тутук Ферганы»[1]. Это говорит о том, что каганат в деле управления этими землями в качестве заместителей чаще пользовался услугами *тутуков*, чем представителей своего дома. Если учесть, что звание *тутук* в системе управления каганатом применялось в основном по отношению к руководителю военной администрации, получается, что служба *тутуков* в Ферганской долине была внедрена для контроля над династией Ашина и местной династией. Доказательством прямого, непосредственного подчинения тутуков каганам является сообщение, записанное в указанном согдийском документе: «Послание кагану и правителю Ферганы я вручил тутуку Ферганы»[2].

Ещё одним оазисным княжеством, находившимся под непосредственным управлением каганата, был Тохаристан, который обладал наибольшей территорией по сравнению с другими областями. Так, в китайских летописях отмечается, что *Тухоло* (Тохаристан) состоял из 27 мелких владений, резиденция которых располагалась в *Хо* (Кундузе), и они подчинялись правителю в звании *шеху* (тюрк, ябгу) из дома Ашина[3]. В арабских источниках есть ряд указаний на то, что Тохаристан, состоявший из полунезависимых владений Термез, Чаганиан, Шуман, Ахарун, Вашгирд, Рашт, Вахш, Кобадиан, Кумед, Хуттал, Шугнан, Вахан, Каррон, Балх, Гарчистан, Руб, Газ, Самингон, Шубургон, Гузгон, Бадхиз, управлялся со стороны тюркских ябгу[4]. Тохаристан был включён в состав каганата позже остальных, в 580-х годах, и здесь была установлена отличная от других система контроля. Так, каганат, центр политического управления которого находился очень далеко – в Семиречье, нуждался в политической силе, которая бы объединяла и держала в повиновении все мелкие владения в Тохаристане. Таким образом, бывшие политические центры государства Эфталитов Кундуз и Балх стали опорными городами каганата, и каганы с первых же лет стали размещать здесь своих наместников.

Как говорилось выше, примерно в 590-х годах Тарду каган (576–603) для управления Тохаристаном направляет своего сына, владевшего титулом *тегин*, а в 620-х годах Тун ябгу-каган отправляет сюда своего сына Тарду шада. Большин-

---

[1] Согдийские документы, II. С. 80–85.

[2] Там же.

[3] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 321.

[4] История ат-Табари. С. 124.

ство представителей династии Ябгу, управлявших Тохаристаном почти 150 лет, с 620-х до 750-х годов носили тюркские имена и титулы: *Тарду шад (620–630), Тегин шад (630–645), Ишбара ябгу (645–650), Ашина Учджебо (653–660), Гун Ишбара ябгу (670–680(?)), Надунили (700–720), Кутлуг Тун Тарду (720–730), Кара Сулайман (кит. Шилимань Гяло (750)*[1]. В эти времена, в отличие от Чача и Ферганы, где правили династии, происходившие непосредственно от дома Ашинов, Тохаристаном управляли правители с титулом ябгу, что свидетельствовало об особом отношении каганата к этим землям. Возможно, этим объясняется зарождение в большинстве малых княжеств Тохаристана династий, непосредственно или опосредованно имеющих отношение к каганату. Так, в Термезе, Чаганиане, Балхе, Бадхизе, Хуттале, Вахане, Вахше, Шумане, Ахаруне, Кумеде, Кобадиане у власти стояли тюркские династии[2].

У Сюань Цзаня имеются соответствующие сведения об управлении владениями Шуман и Ахарун тюркской династией из племени хису (огуз)[3]. В нескольких документах на бактрийском языке, созданных между 639–757 годами в одном из малых княжеств на юге Тохаристана – Рубде, встречается звание *υιλιτοηρο* (элтабар)[4]. В другом документе 702 года, найденном недалеко от центра Тохаристана Кундузе, титул *тудун* встречается в расположенных рядом выражениях *ηροτορσk* («правитель тюрков») и *γαζοταδονο* («тудун Газа»).

Опираясь на эти сведения, можно сказать, что ябгу Тохаристан, в сущности, по своему устройству был схож с Западно-Тюркским каганатом, в центральном управленческом аппарате которого были внедрены характерные для каганата высшие титулы *ябгу, шад, тегин*, а в управлении малых владений – низшие звания *элтабар, тудун, тархан, эркин*. Вместе с этим в управлении продолжалось использование местных иранских званий – *худат, шах, шер*. Ещё один достойный внимания момент, связанный с управленческой системой этой области, заключается в том, что правителями ряда малых владений были представители влиятельных в каганате тюркских родов *тардуш, халадж, карлук*.Так, в летописи «Тан шу» говорится, что в 642–643 годах правитель Кумеда был из тюркского рода янто[5], а в документах на бактрийском языке тюрки халадж отмечаются в качестве

---

[1] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М. –Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 321–322; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборниктрудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 155–158; *Harmatta J., Litvinsky B.A.* Toharistan and Gandhara… – P. 373; Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre. S. 138–139.

[2] *Гафуров Б.* Таджики. С. 227; *Гоибов Г.* Ранние походы. С. 30–31; *Бобоёров F.* Турк хоқонлиги даврида Тохаристон // Мозийдан садо. № IV – Т., 2002. С. 10–11.

[3] *Гафуров Б.* Таджики. С. 227; *Гоибов Г.* Ранние походы. С. 30–31.

[4] *Sims-Williams H.* Bactrian Documents from Northem Afghanistan. I: Legal and Economic Documents. Oxsford Univ. Press, 2000. P. 74, 126.

[5] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 324.

правящего сословия в нескольких владениях Тохаристанского края[1]. В арабских и персидских источниках приводятся сведения о том, что правители Сейистана и его окрестных территорий были тюрками гуз (огуз) и халадж (или карлук)[2]. А продвижение племени карлуков в Тохаристан и Бадахшан приходится именно на VII–VIII века[3].

Расположенная на юго-западе самая дальняя территория Западно-Тюркского каганата княжество Кобулистан также управлялась династией каганата *Тегин-шахов* или *Кабул-шахов*. Этот край был включён в состав каганата в конце VII века, до 630-х годов управлялся посредством ябгу Тохаристана, около 660-х годов здесь формируется тюркская династия, которая правила до середины IX века[4]. Представители этой династии Кобулистана, которая включала в себя исторические области Северной Индии Гандхара, Пешавар, Уданбандпур (Охинд), Удйана (Сват), Лампака (Ламган), Каписа, в течение всей своей истории носили титул тегин, что нашло отражение на монетах и деньгах, надписи на которых сделаны на бактрийском, древнеиндийском языках и языке пехлеви.

Область Зобулистан, с центром в Газне, находилась в подчинении Кабула и включала в себя территории владений Руххадж, Сеистан, Давар, Буст. Правители Зобулистана были наделены званием *элтабар*. Они упоминаются в арабских источниках под названием *рутбил*[5], на монетах с надписью брахми – *hitivra*, в китайских летописях – *силифа,* и многие исследователи приравнивают их к тюркскому названию *элтабар*[6].

Как известно, наделение Западно-Тюркскими каганами правителей местных династий званием *элтабар* означало вассальную зависимость последних от каганата. Вместе с этим, местные династии имели право сохранять традиционные для местного управления звания.

Ещё одним способом, который применял каганат для управления вассальными кочевыми и оседлыми оазисами, было установление брачных отношений. Для изучения этого вопроса американский историк Дж. К. Скэфф и турецкий историк Э. Сариташ на основе китайских письменных источников проводили специальные исследования[7]. Например, в арабских, персидских и армянских источниках сообщается о замужестве Факим (Какум-Кайен), дочери одного из тюркского кагана,

---

[1] *Sims-Williams H.* Bactrian Documents from Northem Afghanistan. I: Legal and Economic Documents. Oxsford Univ. Press, 2000. P.98.

[2] *Marquart J.* Eranshahr nach der Geographic des Ps. Moses Xorenaci. – Berlin, 1901. – S. 249–255.

3 *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С.146, 186.

[4] *Esin E.* Islamiyetten onceki Turk kultur tarihi. – S. 236–238; *Humbach H.* Pangul, a Turco-Bactrian Ruler // Bulletin of the Asia Institute. New Series. – London, 1996. – Vol. 10. – P. 247–251.

[5] История ат-Табари. С. 133.

[6] *Harmatta J., Litvinsky B.A.* Toharistan and Gandhara… – P. 377–378.

[7] *Skaff K.J.* Western Turk Rule. – P. 97106; *Saritaş E.* Göktürk Kültürünün Gaochanglilara etkileri. – S. 475–478.

за сасанидским шахом Хусравом Ануширвоном (531–579)[1]. Рождённый от этой царевны мальчик Хурмуз IV (579–590) носил кличку «Турксода» («Рождённый тюрком»)[2]. Ещё один сасанидский шах Хусрав Парвиз (591–628), по сообщению арабского историка Джахиза, был женат на дочери тюркского кагана[3]. В китайских летописях приводятся сведения о женитьбе двух правителей Самарканда на дочерях Западно-Тюркских каганов. В источнике отмечается, что Самарканд «с этого времени подчинился тюркам»[4]. Среди монет VI–VII веков встречаются экземпляры с парным изображением правителя и царевны. Это означает, что, возможно, эти монеты чеканились от имени местного правителя и его жены – дочери тюркского кагана[5]. Интересно, что на оборотной стороне этих монет имеется надпись тюркского звания *x`ttwn* – «хотун».

В китайских источниках встречается очень много сведений о брачных отношениях между каганатом и оазисными государствами Турфан, Карашахр, Куча, Кашгар и Хатан, сохранившими свою традиционную форму управления в составе Западно-Тюркского каганата. В частности, жена правителя Гаочана Кюй Гяна, управлявшего до 590 года, была дочерью одного из тюркских каганов, и это владение подчинялось тюркам. Согласно сведениям летописи «Бей ши», после смерти правителя Гаочана Кюй Гяна, на престол был возведён его сын Бо-я, объявивший, по традициям тюрков, о своём намерении жениться на мачехе – дочери тюркского кагана[6].

Такие отношения можно наблюдать и на примере княжества Мерв. По сведениям арабского историка Динавари, в середине VII века правитель Мерва Махоя приходился зятем тюркскому кагану и находился в его подчинении[7]. Источники также сообщают о том, что каганы выдавали своих дочерей за подвластных им правителей кочевых племён. Так, на наскальной надписи Куль Тегин (732) ведётся речь о зависимом от каганата правителе киргиз: «Барс был беком. Мы дали ему титул кагана. Отдали ему в жёны свою сестру из рода каганов»[8]. На установленной в 735 году наскальной надписи Билга кагана рассказывается об установлении брачных отношений с ещё одним, подвластным кагану, правителем тюргешей: «Я отдал в жёны свою дочь за Тюргеш кагана с соблюдением всех церемониаль-

---

[1] *Taşağil Gök-Türkler.* – Ankara, 1995. S. 32; *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники. – С. 57; *Зиё А.* Ўзбек давлатчилиги тарихи. С. 81; *Şeşen R.* Islam Coğrafyacilarina göre. – S. 4.

[2] *Chavannes E.* Çin yilliklarina gore. – S. 305.

[3] *Şeşen R.* Eski Araplar`a gore Türkler // Türkiyat Mecmuasi. – Ankara, 1969. – Cild XV. – S. 13.

[4] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 311; *Chavannes E.* Çinyilliklarinagore. – S. 305.

[5] *Смирнова О.И.* Сводный каталог. С. 362–370, № 1482–1497.

[6] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. С.254; *Chavannes E.* Çin yilliklarina gore. – S. 147; *Skaff K.J.* Western Turk Rule. – P. 101; *Saritaş E.* Göktürk Kültürünün Gaochanglilara etkileri. – S. 476.

[7] *Esin E.* Tarkhan Nizak or Tarkhan Tirek. – S. 326.

[8] *Абдураҳманов Ғ.А., Рустамов А.Р.* Қадимги туркий тил. – Т., 1982. С. 106.

ных почестей. Мой сын взял в жёны дочь Тюргеш кагана с соблюдением всех церемониальных почестей»[1].

Как становится известно из этих сведений, брачные отношения занимали важное место во внешней политике каганата, который умело использовал их в управлении своими вассалами. Установление политических связей (создание союза) посредством брачных отношений являлось характерной особенностью политической культуры кочевников. Этот метод использовался племенами и родами с целью обезопасить себя от нападений друг на друга или являлся «ещё одним дополнительным способом для завоеваний».

Необходимо подчеркнуть, что по обычаям кочевников сторона, выдающая дочь, обычно была главенствующей по отношению к той, которая принимала невесту. Каганы выдавали своих дочерей для удержания в повиновении не только правителей оседлых областей, но и глав кочевых государств. Об этом свидетельствуют вышеупомянутые брачные отношения с племенами тюргешей и киргизов.

В основе традиции, когда каганы выдавали своих дочерей замуж за своих вассалов с целью удержания их в подчинении, лежит определённая система. Эта система умело использовалась в следующей по величине из степных империй после каганата – империи Чингизхана. Так, чингизиды посредством выдачи девушек правящего дома замуж за глав союзных с ними родов или за вассальных правителей устанавливали родственные отношения и предоставляли своим зятьям особые привилегии. Эту традицию монголов исследователи назвали «системой курагонства»[2]. Можно предположить, что вышеприведённые традиции каганата связаны с этой системой.

Значит, каганы, выдавая своих дочерей за вассальных правителей, с одной стороны, гарантировали их подчинение, с другой – устанавливая с ними родственные отношения, будто бы создавали для них возможность стать «членом» дома Ашины и обрести некоторые «привилегии». Однако обладающие «привилегиями» вассальные правители (курагоны-зятья), в отличие от чингизидов, хотя и не могли участвовать в делах центрального государственного управления, но сохраняли свои позиции на правах местных правителей.

Имеются сведения о том, что Чингизхан, выдав свою дочь за Барчука, носившего титул «идикут» – правителя оазисного государства Турфан Уйгур, жители которого вели полуоседлый, полукочевой образ жизни, подчёркнуто называл его своим сыном и дал ему возможность управлять своей областью[3]. Идикут Барчук со своим войском участвовал вместе с монголами в завоевании западных земель. Но это было исключением из правил, потому что обычно монголы прекращали деятельность местных династий и назначали правителями представителей своего дома или союзных с ними родов. Дом Чингизхана выдавал своих дочерей в ос-

[1] *Абдураҳманов F.А., Рустамов А.Р.* Қадимги туркий тил. – Т., 1982. С. 132–133.

[2] *Pritsak O.* Die Karachaniden // Der Islam, XXX. – Berlin, 1952. – S. 52–54.

[3] *Izgi O.* Çin elçisi Wang Yen-Te`nin Uygur seyahatnmesi. – Ankara, 2000. – S. 30.

новном за влиятельных представителей тюрко-монгольских родов – эмиров, которые в качестве близкого члена дома чингизидов участвовали в управлении государством.

На основе этих сведений можно заключить, что брачные отношения занимали важное место не только во внешней политике каганата, но и в управлении государственной властью.

Таким образом, со второй половины VI века Тюркский каганат занимает, в первую очередь, средний бассейн Сырдарьи и, в целом, всю территорию Средней Азии. Но в результате этого в раннем средневековье в регионе среднего течения Сырдарьи образуется тюрко-согдийская этнокультурная, этнопсихологическая и этнополитическая арена. На основе Каунчинской культуры образуется народность кангар, на базе которой окончательно формируется характерный для современного узбекского народа антропологический тип – «тип среднеазиатского междуречья».

Однако процессы этногенетического формирования узбекского народа не были окончательно завершены в пределах хронологических рамок исследования, потому что под натиском нахлынувших с северо-востока Средней Азии хионитов, кидаритов, эфталитов и Тюркского каганата образовавшаяся в период античности и раннего средневековья народность кангар и ее государственно-политическое объединение – полукочевое, полуоседлое государство Кангюй, распалось. На его развалинах в V веке на основе местных традиций нашей ранней государственности в среднем бассейне Сырдарьи образуется Чачский маликат, включавший в себя бассейны рек Чирчик и Арысь. Правители этой страны платили дань союзам кочевых, скотоводческих племён (хионитам, кидаритам, эфталитам) и продолжали руководить государством.

Но такая политика продолжалась недолго. Хотя в начале тюркские каганы и поддерживали эту политику, но со временем они начинают применять два способа контроля над местными правителями. Первый способ заключался в прикреплении на местах к местным династическим правителям своих надзирателей – тудунов (наибов), а второй – на местах тюркские каганы отбирали власть у местных династических аристократов и передавали её тюркским тегинам (царевичам)[1]. Такое положение нашло отражение в монетах, отчеканенных в Чаче и Уструшане.

Это находит подтверждение и в том, что на большей части чачских монет раннего средневековья встречаются надписи «джабгу», «джабгу-каган» и «каган» (см. цветную иллюстрацию 11 «Древнетюркские монеты с надписями титулов джабгу, джабгу-хакан и хакан») и изображения расположенных друг с другом правителя-кагана и царевны-хотун[2]. Подавляющее большинство местных княжеств Ахангаранской долины Ташкентского оазиса возглавляли те-

---

[1] *Бобоёров Г.* Чоч тарихидан лавҳалар. – Т., 2010. С. 7–8.

[2] Там же. С. 8.

гины из тюркских династий, потому что Ахангаранская долина и окружавшие её Кураминские и Карамазарские горы были богаты полезными ископаемыми, и начиная с эпохи бронзы в хозяйственно-экономической жизни тюркских народов на втором месте после скотоводства стояло ремесленное производство, основанное на металлургии.

Названия образовавшихся в V веке городов и городских поселений с тюрко-согдийским населением Тункат, Абрлиг, Алмалык, Сойлик, Джабгутак, Хотункат, Барскат, Ардланкат, Сакокет, Баликкет говорят о существовании достаточно значительного тюркского слоя в Илаке.

В раннем средневековье, благодаря наличию рудников и основанного на металлургии ремесленничества, Илак ощущает экономическое могущество и от имени дехкан начинает чеканить серебряные монеты. Медные монеты выпускались для внутреннего рынка, а серебряные – в качестве товара для торговли с другими странами. Вывоз Илаком, столицей которого был Тункат, серебряных монет в качестве товара на внешний рынок показывал, что это государство определённое время вело независимую от Чачского маликата внутреннюю и внешнюю политику.

Увеличение плотности тюркского населения в Ташкентском оазисе особенно ускорилось в период Каганата. Одним из факторов, указывающим на усиление в оазисе тюркского влияния, является появление десятков мест, городов и кишлаков с тюркскими названиями, а также вещественные источники, произведения искусства, изображение на монетах портретов местных правителей в эпоху поздней античности и раннего средневековья. Например, на отчеканенных в Чаче монетах VI–VIII веков начинает встречаться облик, характерный для восточных тюрков: узкий прищур глаз, широкое круглое лицо без бороды и с длинными волосами. На произведениях художественного искусства – статуэтках, печатях встречаются изображения с присущими тюркам признаками. Примером тому, как отмечалось выше, может служить изображение всадника на пряжках поясов, обнаруженных на развалинах Сигиртепа (см. цветную иллюстрацию 8 «Образцы искусства с изображением этнического облика людей раннего средневековья»).

Тюркоязычность большей части населения Ташкентского оазиса подтверждается и мусульманскими источниками. К примеру, Табари в своём произведении «Тарих ар-русул ва-л мулук» (IX век), описывая чачцев, прибывших на помощь Рафи ибн Лейсу, который в 806 году поднял восстание в Самарканде, использует выражение «правитель Шаша и его тюрки».

Китайский путешественник Хой Чао, в 723–726 годах посетивший западные страны, отмечает, что к северу от народности «ху» до «Северного моря» (Аральского моря), на западе – до «Западного моря» (Каспийского моря), а на востоке – до границ Китая жили кочевые тюрки.

X.3. Проблема языка предков узбекского народа и его научный анализ

Средняя Азия, в частности средний и нижний бассейн Сырдарьи, с древних времён отличалась в качестве территории, где активно происходило смешение культур тюркоязычных и ираноязычных племён и народностей. И по своему географическому расположению этот регион всегда привлекал к себе разнообразные этносы. Об этом говорят не только различного рода древние письменные источники, но и итоги археологических изысканий. Сравнительный анализ сказаний Авесты, народных преданий, приведённых в трудах Беруни, с археологическими памятниками свидетельствует об активном участии тюркских и ираноязычных этносов в этнокультурных и этнополитических процессах, происходивших в регионе ещё с эпохи бронзы.

В исследованиях советского времени было общепринятым считать, что коренным населением среднего течения Сырдарьи были ираноязычные рода и общины. Если обратиться к истории освоения оазиса древними предками, то можно заметить, что в среднем бассейне Сырдарьи, в том числе в Ташкентском оазисе, находится достаточное количество памятников более ранних периодов, а памятники, связанные с производящим хозяйством населения оазиса, относятся только к эпохе поздней бронзы, и их хронологические рамки датируются периодом не ранее XIII века до н.э. К ним относятся: сезонные поселения протосаков и близких к ним в хозяйственном отношении кочевых племён, древние могильники и одиночные захоронения, а также памятники родовых общин Бургулюкской культуры, которые первыми в оазисе стали заниматься земледелием. Вопрос происхождения представителей этих двух способов хозяйствования до сих пор не решён и остаётся спорной научной проблемой.

Как известно из проведённых на территории Средней Азии за последние годы археологических исследований и их сравнительного анализа с древними китайскими письменными источниками, начиная с эпохи бронзы и раннего железного века наблюдается проникновение в Чачский оазис, с его северо-восточных границ, большого количества прототюркских этнических групп.

Однако существовало мнение о том, что к периоду античности и раннего средневековья, несмотря на присутствие тюркского этнического слоя в обществе Чача, на этой земле сформировался «чачский диалект» согдийского языка. Хотя в этот период в среднем бассейне Сырдарьи формировалась Каунчинская культура и образовалось государство Кангюй (Кангкия)[1], этническую основу которых, как отмечалось в предыдущих главах данной работы, составляли тюркоязычные племена. Приток с северо-восточных территорий тюркоязычных племён и народностей в Чачский оазис имел постоянный характер, в особенности, в период

[1] *Шониёзов К.Ш.* Қанғ давлати ва қанғлилар. – Т., 1990. С. 3–158.

государства Кангкия (III век до н.э. – III век н.э.). Что касается вопроса языка населения Чачского оазиса в период существования государства Кангкия, можно отметить примерно следующие научные наблюдения: язык основателей династии Кангли (Кангджюй) кангаров, которые в китайских источниках упоминаются под названием «кангюй», хотя одни учёные относят к иранской языковой группе[1], однако другая часть учёных считает, что «язык кангар» – обитателей Чачского оазиса принадлежит к тюркоязычной группе[2]. В частности, М.И. Филанович в своих взглядах опирается на факты переселения сарматов с низовьев Сырдарьи и Северо-Восточного Приаралья на территорию Чачского оазиса, так как сарматы в официальной истории советского периода рассматривались как ираноязычное племя. Однако вопрос отношения кангар к сарматам до сих пор ещё не нашёл своего окончательного решения.

По мнению исследователей, которые считают кангар тюркоязычными, широкое распространение тюркского языка в оазисе происходит именно в период существования государства Кангкия. В частности, этнограф К. Шониёзов в своих ранних исследованиях писал, что они «первоначально были ираноязычными, позже, вернее, в конце I тысячелетия до н.э. и начале нашей эры, тюркизировались»[3]. Так, в своей монографии «Государство Канг и кангли» он пишет: «Огромный вклад в широкое распространение тюркского языка в Средней Азии и степях Казахстана внесли древние племена хуннов и усуней и несколько других, входивших в их состав, тюркских племён. Под влиянием этих племён в I веке до н.э. – II веке н.э. одно из сакских племён – кангары, проживавшие в среднем бассейне Сырдарьи, отюречились в отношении языка»[4]. Позже М.И. Филанович, рассматривающий кангли (кангар) как ираноязычный этнос, признаёт, что они быстро тюркизировались, потому что государство Кангюй (Кангкия) сложилось в качестве тюркоязычного государства[5]. В работе Н.Я. Бичурина подчёркивается связь основавших государство Кангюй этносов с этнонимами гаогюй (уйгур) или гавчэ, которые, исходя из текста китайских летописей, были тюркоязычным племенем[6].

По мнению исследователей, этноним *канг* на древнетюркском означает «телега», а слово *гавчэ* на китайском языке также означает «высокие телеги», и это слово являлось китайским аналогом тюркских слов «канг» (телега) или «теле»

---

[1] *Филанович М.* Кангуй давлати. // Ўзбекистон давлатчилиги тарихи очерклари. – Т.: Шарқ, 2001. С. 22–23.

[2] *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии . – Новосибирск: Наука. 1989. С. 201.

[3] *Шониёзов К.Ш.* Қанғ давлати ва қанғлилар. – Т.: Фан, 1990. С. 154; О н ж е . Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 84–85.

[4] *Шониёзов К.Ш.* Қанг давлати ва қанғлилар. – Т.: Фан, 1990. С. 154.

[5] *Филанович М.* Кангуй давлати. // Ўзбекистон давлатчилиги тарихи очерклари. – Т.: Шарқ, 2001. С. 23.

[6] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том I. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 214.

(тегрек – «телега»)[1]. Некоторые западные исследователи также считают этот термин древним тюркским словом[2].

Некоторые историки кангли периода средневековья, представшие в качестве тюркского племени, рассматривали как один из древних тюркских племён и этот этноним истолковывался ими на тюркской основе. Так, Абулгази Бахадирхан (XVII век) в своём произведении «Шажараи турк» («Родословное древо тюрков») происходение слова «кангли» связывает с телегой и пишет: «Её назвали так потому, что когда на ней ехали, то она производила скрип: «Канг, канг», а изобретателя её назвали Кангли»[3]. Правда, в формировании народности кангли-кангар в античную эпоху участвовали и согдийские этнические группы. Но процесс тюркизации на протяжении веков древних ираноязычных этносов привел к превращению кангар, первичную основу которых составляли согдийцы, в тюркоязычный этнос кангли[4]. По этой причине к IX–X векам кангли в истории известны как абсолютно тюркское племя.

В одном из тибетских документов (IX век), где описана этническая картина Центральной Азии VIII–IX веков, одно из племён, проживавших в *Другу йул* (*букв.* «Страна тюрков»), отмечено в виде «гара ганглиг». Исследователи приравнивают это слово к тюркскому этнониму «кора канглиг» («чёрный канглиг») или «кора кангли» («чёрный кангли»)[5]. Даже в конце XIX – начале XX века одна из ветвей рода «кангли» в составе узбеков и казахов, проживавших в среднем бассейне Сырдарьи и Ташкентской области, называлась «кора кангли» («чёрный кангли»), «кора кангли», среди киргизских родов также есть этноним «кара канди»[6].

Если обратить внимание на изображения правителей на монетах Чача III–V веков, которые известны как «монеты правителей Канга», то можно заметить, что облик большинства из них резко отличается от изображений на тюркских монетах, отчеканенных в средние века, своей европеоидной внешностью (удлинённое лицо, большие или миндалевидные глаза, орлиный нос с горбинкой, курчавые волосы)[7]. Это послужило основанием для некоторых исследователей

---

[1] *Ögel B.* Sekel`lerin atalari hakkinda (Sikil, Ezgil boylari) // Belleten. – Ankara 1945. Sayi 36. – S. 469471; *Ögel B.* Ilk Töles Boylari // Ankara 1948. – Sayi 48. – S. 796.

[2] *Clauson G.* An Etimological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford, 1972. P. 638.

[3] *Абулғозий.* Шажараи турк. Масъул муҳаррир ва сўз боши муаллифи *Б. Аҳмедов.* Нашрга тайёрловчилар: *Қ. Муниров, Қ. Маҳмудов.* – Т.: Чўлпон. 1992. С. 21.

[4] *Togan A. Z. V.* Umumi Türk Tarihine Giriş. 3. Baski. – Istanbul, 1981. – 537 s.; *Шониёзов К.Ш.* Қанғ давлати ва қанғлилар. – Т.: Фан, 1990. С. 122–129.

[5] *Bacot J.* Reconnaissance en haute asie septenrtionale par cinq envoyes ouigours au VIIIe siècle // JA. – Paris, 1956. – Vol. CCXLIV. – P.142, 146, 152; *Абдухолиқ Абдурасул ўғли.* Туркий халқлар тарихига оид тибетча ҳужжат // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. – Т.: Фан. 1997. № 6. С. 277.

[6] *Шониёзов К.Ш.* Қанғ давлати ва қанғлилар. – Т.: Фан, 1990. С. 138–151.

[7] *Ртвеладзе Э.В.* Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. I. – Т.: MediaLand, 2002. С. 13–119; *Шагалов В.Д., Кузнецов А.В.* Каталог монет Чача III–VIII вв. – Т.: Фан, 2006. С. 28-44.

утверждать, что кангли, обладающие европеоидной внешностью, были ираноязычным этносом. Хотя, на первый взгляд, изображения на монетах как будто бы и подтверждают правоту этих исследователей, следует помнить, что поспешные выводы, базирующиеся только на этих признаках, могут привести к одностороннему освещению вопроса. Как отмечает Ш. Камолиддин, такой облик был характерен не только для иранского этноса, но и для части древних тюрков, в частности, для огузов[1]. Кроме этого, изображения на этих монетах могли не быть изображением реального правителя, а этот облик мог быть усвоен вместе с традицией чеканки монет. Так на монетах Чача этого периода встречаются элементы, присущие парфянам, то есть на монетах Чача правители изображены с продолговатой формой головы, долихокефальным европеоидным типом, отличающимся от характерного для жителей региона круглоголового, брахикефального европеоидного типа – типа среднеазиатского междуречья.

К тому же недостаточность лингвистических материалов, касающихся вопроса «языка чачцев» или «чачского языка» в качестве «чачского диалекта» согдийского языка, настоятельно требует поиска дополнительных материалов и проведения специальных исследований.

С учётом роста в оазисе тюркского влияния в период Тюркского каганата будет исторически более верным рассуждать не о «чачском диалекте» согдийского языка, а о «чачском диалекте» древнетюркского языка. В пользу этой гипотезы указывают десятки тюркских названий, встречающихся в топонимах городов и селений, изображения местных правителей на произведениях искусства и монетах. Например, в раннем средневековье в Чачском оазисе на тюрко-согдийской основе были воздвигнуты такие города и сёла, как Абрлиг, Арпалиг, Сойлик, Итлик, Хотункат, Баркат, Джабгукат, Арсланкат, Намудлиг, Йагузлиг, Йакалик, Ачиг, Джадгал (Чаткал) и десятки других, названия которых говорят в пользу того, что значительную часть населения Чача составляли тюрки. Как отмечалось в предыдуюших главах, названия реки Ахангаран и города металлургов Илака–Тункета, являющихся неотъемлемой составной частью Ташкентского оазиса, имеют тюркскую основу.

К тому же, на монетах VI–VIII веков, отчеканенных в Чаче, встречаются изображения людей, характерные для восточных тюрков: узкие глаза, безбородые, длинноволосые. В произведениях художественного творчества – статуэтках, печатях изображены люди с признаками, присущими тюркам. Ещё одним примером в пользу этой гипотезы говорят изображения всадников на пряжках поясов, найденных в развалинах Канка и Сигиртепа.

Не менее важным фактором, указывающим на существование в оазисе древнего тюркского языка, является само название оазиса – «Чач», которое имеет не-

---

[1] *Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г.* Critica Э.В. Ртвеладзе «Заметки по истории нумизматики раннего средне вековья Чача (III-VIII вв.)» (Ташкент, 2006) // Archvum Eurasiae Medii Aevi, Tom 15 (2006/2007), Harrasowitz Vergal, Wiesbaden, 2008, pp. 214–218.

сомненно тюркскую основу[1]. Топоним Чач известен в оазисе с древних времён. Возможно, происхождение этого слова связано с переселением со степей Енисея на эту землю в эпоху бронзы большой группы представителей прототюркской Андроновской культуры. В хозяйственной жизни скотоводческих племён Андроновской культуры важное место занимали горная промышленность, добыча руды, металлургия, а также искусство изготовления художественных изделий, украшений из различных драгоценных камней. Как уже отмечалось выше, в окружавших оазис горах были богатые залежи драгоценных камней, которыми на весь Восток славился Ташкентский оазис, а эти камни дали название Чач (тош – камень), уходящее своими корнями в эпоху поздней бронзы.

Как показывают лингвистические анализы, одно из древних названий Сырдарьи, которая протекает по большей части оазиса, в произведении римского историка Плиния (I век н.э.) упоминается как Сил (ис)[2]. Возможно, «Силис» – древнее прототюркское название Сырдарьи. Другое название реки – Яксард, что по-ирански значит «настоящий жемчуг, перл». Если принять во внимание, что в эпоху античности в среднем течении Сырдарьи проживали тюркоязычные и согдоязычные общины, можно предположить, что тюркоязычное население называло Сырдарью – Силис, а согдийское население – Яксард.

В мусульманских письменных источниках также имеется подтверждение того, что большая часть населения Ташкентского оазиса была тюркоязычной. К примеру, Табари в своём произведении «Тарих ар-русул ва-л мулук» (IX век), описывая чачцев, прибывших на помощь Рафи ибн Лейсу, который в 806 году поднял восстание в Самарканде, использует выражение «правитель Шаша и его тюрки»[3]. В 630-х годах китайский монах Сюань Цзан посетил Чже-ши (Чач). Описывая жителей сельских поселений на севере Чача, где располагались торговые караван-сараи китайцев, Сюань Цзан отмечает, что хотя они и сохранили свой язык, но их одежда и обычаи уже почти не отличались от тюркских[4]. Это свидетельствует о том, что в ранние средние века политическое и этнокультурное превосходство в Чаче принадлежало тюркскому населению.

Процесс тюркизации согдийцев в раннем средневековье особенно ускоренно протекал во времена хионитов, кидаритов, эфталитов, а также Тюркского каганата. Процесс тюркизации согдийцев протекал настолько быстро, что в летописях

---

[1] *Буряков Ю.Ф.* К динамике развития городской культуры древнего и средневекового Чача // Материалы научной конференции «Чач – Бинкет – Ташкент (историческое прошлое и современность)». – Т., 2007. С. 8–9; *Максудов Ф., Бабаяров Г.* К этимологии топонима Чач. // «Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет». Труды международной научной конференции. – Т., 2009. С. 199–204.

[2] Древние авторы о Средней Азии .– Т., 1940. С. 85.

[3] История ат-Табари. – Т.: Фан, 1987. С. 369–370.

[4] *Бобоёров Г.* Чоч тарихидан лавҳалар. С. 76. Экремга иқтибос = Ekrem E., 2003:117, Ankara.

раннего средневековья согдийцы иногда упоминаются в качестве одного из племён тюрков[1].

Как сообщает Табари, правитель Хорезма в 712 году бежит на север, просит помощи у тюрков и в 728–729 годах при их помощи начинает борьбу против мусульман[2]. Тем самым Табари указывает на то, что север Хорезма, то есть низовья Сырдарьи, был страной тюрков. На самом деле не только северные рубежи среднего бассейна Сырдарьи, то есть Отрар и его окрестное население, но и большую часть населения западных от него территорий составляли тюрки[3]. Об этом говорят и этнонимы. Так, к тюркским топонимам можно отнести названия следующих мест: Мингбулак, Отрар, Янгикент, Сутканд, Сайрам, Карачук, Атлах, Хурлуг, Джумишлагу, Сигнок, Талас и другие.

Этот исторический факт вынужден был признать даже отъявленный иранофил В.В. Бартольд. Он пишет, что упоминаемая в греческих источниках II века н.э. река «Daix» (Даикс) связана с гидронимом «Йайик», который в средние века использовался в тюркском языке[4].

Действительно, в IV–VI веках н.э. в степях между Каспийским и Чёрным морями жили тюркские племена *утигур (ўттиз ўғуз), қутригур (тўққиз ўғуз), хун, барсил, савир, булгор, хазар* и другие, язык которых представлял разные диалекты древних тюркских языков[5].

Наряду с этими фактами следует отметить, что в эпоху античности и раннем средневековье влияние согдийского языка и письменности на этнокультурную жизнь древних тюрков было достаточно сильным. Согдийский язык в Чаче использовался в качестве официального языка переписки. Согдийский язык оказал влияние на составление первых надгробных камней с надписью Тюркского каганата (Бугут, Или), использовался в международной торговле «Великого Шёлкового пути». Всё это породило представление о том, что согдийский язык в Чаче был государственным языком, а большинство его населения составляли согдийцы[6].

Арабский географ Мукаддаси (X век) считал язык населения Чача самым красивым из хайтальских языков[7]. В китайских летописях язык «йеда» (эфтали-

---

[1] *Хўжаев А.* Суғдийларнинг Хитойга бориб қолиши // Мозийдан садо. № II. – Т., 2002. С. 40–43; Он же. Хитой манбаларида суғдларга оид айрим маълумотлар // O`zbekiston tarixi. № I. – Т., 2004. С. 52–61.

[2] История ат-Табари. Избранные отрывки (Перевод с арабского В.И.Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б.Халидова). – Т.: Фан, 1987. С. 143 (1253), 217 (1525).

[3] *Бобоёров F.* Чоч тарихидан лавҳалар. – Т., 2010. С. 77.

[4] *Barthold V.V.* Orta Asya Türk Tarihi Dersleri. Ankara, 2004. S. 29.

[5] *Golden P.B.* Türk Halklari tarihine Giriş. Çev. O. Karatay/ Ankara, 2002. – S. 81–87; Комар А. Наследие тюркских каганатов в Восточной Европе // Мәдени мұра. Культурное наследие. – Астана, 2009, № 1. С. 100–101.

[6] *Бобоёров F.* Чоч тарихидан лавҳалар. – Т., 2010. С. 84.

[7] Al-Moqaddasi, Abu ‘Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin. Descripto Imperii moslemici Ed. M.J de Goeje. BGA. Pars 3. Lugduni-Batvorum, 1967. s. 333.

тов) отмечается как отдельный язык, непохожий на язык жужанов, гаогюй (уйгур), ху (тюрков)[1]. В действительности, язык эфталитов – это иранизированный тюркский язык, и этот вопрос был предметом научных дискуссий среди учёных. Одна группа учёных (Еноки, Литвинский, Негматов, Ливщиц и другие) причисляет язык эфталитов к иранской языковой семье, а другая (Бернштам, Шониёзов, Аскаров, Азамат Зиё, Бобоёров и другие) относят его к тюркской языковой семье. Также известно, что многие учёные тюрков халадж, живших в средние века в Афганистане, рассматривают как поздних потомков эфталитов. Известный лингвист Г. Дёрфер научно обосновал, что язык живущего в настоящее время в Иране малочисленного этноса халадж является одной из архаичных форм тюркского языка эпохи Тюркского каганата[2].

В настоящее время учёные, относящие язык чачцев к иранской языковой семье, хотя и стоят твердо на своих позициях, однако до сих пор нет ни одного слова, подтверждающего их правоту. Сохранившиеся в небольшом количестве имена людей и топонимы недостаточны для того, чтобы делать какие-то определённые выводы[3], потому что названия местностей, которые могли бы внести ясность в этот вопрос, встречаются на двух языках (тюркском и согдийском).

Приведённые в китайских источниках имена правителей Чача (VII–VIII веков) Ган, Мохеду, Кюйдэ, Инйе, Чабиши исследователи восстановили на тюркской основе в форме Тун, Баходур, Кулуг, Инал, Чабиш и определили их в качестве эпитетов или титулов[4]. Даже Ю.А. Зуев китайское имя Нйе, который правил Чачем в 605 году, восстановил на тюркской основе в виде Инал[5].

Исходя из научного анализа вышеприведённых научных взглядов и гипотез можно сказать: в связи с тем, что до нас не дошли памятники старины Чачского оазиса до эпохи поздней бронзы, говорить о языке жителей Чача того времени преждевременно. Но начиная с эпохи позднего бронзового века на территорию Средней Азии, в том числе и в Чачский оазис, с Евразийских степей начинают проникать прототюркоязычные этнические группы, это неоспаримый факт, нельзя забывать об этом.

В древних письменных источниках и литературе по археологии согдийцы отмечаются как древнее население Ташкентского оазиса. Действительно, язык эпиграфических материалов (монеты, фрагменты керамики и надписи на поверх-

---

[1] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М.-Л., 1950. С. 268.

[2] *Doerfer G.* Lexik und Sprach geographie des Chaladsch. Wiesbaden. 1987. P. 410–420.

[3] *Бобоёров F.* Чоч тарихидан лавҳалар. – Т., 2010. С. 87.

[4] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. // Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903. P. 140; *Skaff K.J.* Western Turk Rule of Turkestan Oases in the Sixth through Eighth Centuries «The Turks», 2, Ankara, 2002, p.103, n. 23; *Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв.) – Т., 2007. С. 59–60.

[5] *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. С. 94.

ности серебряных сосудов) ранних веков нашей эры был согдийским[1], который свидетельствует о том, что представители этого языка проживали на земле Чача с давних времён.

В результате проведённых в последние годы археологических раскопок в развалинах сельского поселения Култобе в бассейне реки Арысь была найдена керамическая плита с надписями, язык которых оказался согдийским. По мнению знатока древних письменностей Н. Симс-Вильямса, эта плита относится к первым векам нашей эры[2]. Данная находка извещала о широком распространении согдийского языка на территории оазиса, который на протяжении многих лет использовался в качестве традиционного административного языка Чача. О продолжении этих традиций в период раннего средневековья можно судить по согдийским надписям на монетах тюркских династий, правивших в то время в оазисе. Кроме этого, в раннем средневековье значительную часть топонимов Чача и расположенных на севере от него исторических областей составляли согдийские названия, что говорит о внушительном влиянии на этой территории согдоязычного населения. В частности, такие названия, как Бинкет, Фарнкет, Нукат, Динфагнкет, Фороб, Шавгар, Исфидоб и десятки других были согдийскими.

Наряду с этим нельзя забывать ещё одну особенность этого периода: названия гор, рек и других мест в зависимости от проживания различных этносов на определённой территории назывались по-разному. Так, горы на севере Отрара по-согдийски назывались *Шавгар* (букв. «Чёрная гора»), а на тюркском – *Корачук* («Чёрная гора»). Название города *Сайрам* на тюркском – *Сайрам / Сарйам означает* «Мелкая вода или белая вода», а на согдийском – *Исфиджоб* тоже означает «Белая вода»[3]. Тюркское название местности *Бинг-йул* («Тысяча родников») в Таласской долине, где из-под земли бьют сотни родников, в китайских источниках в одних случаях не переводилось, а называлось близко к оригиналу – *Бинйул*, а в других записывалось по-китайски *Цянь-цюань* («Тысяча родников»). В произведениях арабских географов эта местность отмечается как *Азар-хах*[4], словарное значение которого на согдийском языке означает: *азар* – «тысяча» и *хах* – «родник», то есть – «тысяча родников»[5]. Это говорит о том, что в этих местах в эпоху раннего средневековья наряду с проживанием и тюркского, и согдского

[1] *Кубатин А.* К вопросу о раннесредневековом согдийском диалекте Чача (на основе нумизматического материала Чачского оазиса VII–VIII вв.) // Академик У. Каримов номидаги ёш шарқшунослар илмий конференцияси тезислари. – Т., 2008. С. 105.

[2] *Sims-Williams N., Grenet F.* The Sogdian inscriptions of Kultobe. «Shygys», 2006, 1. P. 95-99.

[3] *Байтанаев Б.* Древний Испиджаб. – Шымкент -Алматы, 2003. С. 5–7.

[4] Иногда название этой местности в произведениях арабских географов отмечается как Абарджодж, Абарджох. Такое прочтение объясняется смещением расположения точек в арабской графике.

[5] *Лурье П.Б.* Заметки о раннеисламском дорожнике в Китай // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2005. Вып. I. С. 82.

населения, в обиходе использовалось два языка. Если предположить, что в Чаче согдийцы составляли большинство, то этот оазис, так же как Самарканд и Бухара должен быть упомянут в источниках того времени в качестве исконного места проживания согдийцев. Ни арабские географы, ни Махмуд Кашгари, повествуя о родине согдийцев, об этом не говорят ни слова. Напротив, как уже говорилось выше, Мукаддаси язык местных чачцев описывает в качестве особого языка региона[1]. Подчёркивая особую красоту языка чачского населения относительно других хайтальских языков, Мукаддаси, вместе с тем, пишет о его отличии от других языков региона, в том числе от языка жителей Согда (Самарканда) и схожего с ним языка населения соседних рустаков (районов) Бухары[2].

Известный учёный-тюрколог Г. Дёрфер доказал, что язык одной из малочисленных этнических групп, проживающих в настоящее время в Иране, является архаическим диалектом одного из тюркских языков – халаджа, который был близок к языку Орхонско-Енисейских надписей – официальному языку Тюркского каганата[3]. Это является ещё одним условием более глубокого изучения вопроса о принадлежности эфталитов к тому или иному этносу, так как чтобы рассматривать один и тот же этнос (эфталитов) как ираноязычный и в то же время считать их потомков (халаджей) тюрками, требует научного исследования.

По вопросу языка жителей Чача можно сказать следующее: археологические исследования показывают, что эти земли освоены человеком ещё в период древнекаменного века, но до сих пор на этой территории не обнаружены памятники, относящиеся к периоду от палеолита до эпохи поздней бронзы. Памятники бронзового века, на наш взгляд, принадлежат прототюркско-сакским племенам, некоторые группы которых в эпоху поздней бронзы и раннежелезного века в низовьях рек начинают заниматься микрооазисным земледелием. Есть предположение, что ещё в те времена население Чача состояло из двух этнических групп. Единственный ключ к определению языка жителей Чача – названия мест – представлены в основном на тюркской и согдийской основе, процесс перехода которых к оседлой жизни получает широкое распространение с эпохи античности. С этого времени в среднем бассейне Сырдарьи, то есть на территории Ташкентского оазиса и Южного Казахстана начинает укрепляться влияние тюркского этнического слоя. Если в античный период преобладающим был «чачский диалект» древнесогдий-

---

[1] *Al-Moqaddasi, Abu 'Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin.* Descripto Imperii moslemici Ed. M.J de Goeje. BGA. Pars 3. Lugduni-Batvorum, 1967. S. 335.

[2] *Al-Moqaddasi, Abu 'Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin.* Descripto Imperii moslemici Ed. M.J de Goeje. BGA. Pars 3. Lugduni-Batvorum, 1967. S. 335; *Şeşen R.* Islam Cografyacilarina gore Turkler ve Turk ukeleri. Ankara: TTK, 2001. S. 269.

[3] *Doerfer G.* Lexik und Sprachgeographie des Chaladsch. – Wiesbaden 1987. P. 410–420; Dani *A. H. Litvinsky B. A., Zamir Safi M.* Eastern Kushans, Kidarites in Gandhara and Kashmir, and Later Hephthalites // History of Civilizations of Central Asia. Vol. 3. Paris, 1996. P. 81.

ского языка, то в эпоху раннего средневековья в результате взаимного смешения, синкретизации тюркского и согдийского языков в Чаче образуется «чачский диалект» тюркского языка. Образованное в античный период конфедеративное государство Кангкия, его основа «Канг» в переводе с китайского означает «Чач». Научно доказано, что основу этимологического значения термина «Чач» составляют слова «тош» («камень»), «драгоценный камень», «бирюзовый камень».

1. Значит, если появление в Ташкентском оазисе тюркского этнического термина Чач связано с эпохой бронзы, то его преобладание в этнокультурном плане происходит в период античности. Термин «Чач», давшее этническое название оазису, не является иранским, как писалось в советской историографии, а происходит от древнетюркского «tas», которое в китайских иероглифах, в качестве названия оазиса, упоминается как Кангджюй, Юни, с V века – Чжеши, Ши и означает – «камень», «бирюзовый камень». Этот край, известный на Востоке, согласно древним письменным источникам своими прославленными бирюзовыми рудниками, запасами драгоценных камней, на языке его населения именовался как «страна Чач».

2. Значит, в древности его народы говорили на согдийском и прототюркском языках, а начиная с эпохи античности среди согдийской прослойки населения оазиса происходит ускорение процесса тюркизации в отношении языка. В итоге к раннему средневековью в среднем бассейне Сырдарьи складывается тюрко-согдийское этнокультурное, этнополитическое пространство, а в образе оседлой народности кангар создаётся фундаментальная основа узбекского народа.

3. Именно в бассейне среднего течения Сырдарьи на основе смешения тюркоязычного и согдоязычного населения формируется свойственный для современного узбекского народа антропологический тип – «тип среднеазиатского междуречья», на основе древних местных традиций государственности образуется тюркское государственное объединение Кангкия (Кангюй).

Глава XI
ЭТНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В IX – НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

В эпоху раннего средневековья в Средней Азии завершилось формирование таких историко-культурных областей, как Маргиана, Парфия, Согдиана, Тохаристан, Хорезм, Чач, Фергана и Уструшана. На этих землях ираноязычные и тюркоязычные этносы жили рядом друг с другом, по-соседству и вперемешку. На северо-востоке от этих исторически сложившихся центров цивилизации находились территории Семиречья и Восточного Туркестана, значительное большинство населения которых составляли тюркские племена и народности. Экономические и этнокультурные отношения между жителями этих территорий носили постоянный характер и их историческая судьба была неразрывно связана друг с другом.

В IX – начале XIII века этнический состав населения этих историко-культурных центров не был одинаковым. Оседлое коренное население этих областей, вне зависимости от того, к какому этносу (тюркскому или согдийскому) они принадлежали, с древних времён занималось земледелием, многоотреслевым ремеслом и торговлей. Как отмечает этнограф К. Шониёзов, в эти века значительное большинство из них были тюркскими народностями[1]. После завоевания края арабами в этническом составе коренного населения увеличивается доля персов и даже арабские этнические группы растворяются в составе населения. За пределами оазисов Центральной Азии продолжали жить значительные группы в основном полукочевых, полуоседлых тюркских этносов.

Судя по данным археологических исследований и анализу арабо-персидских письменных источников, большинство оседлого населения располагалось в Мавераннахре и его окрестностях. На этих землях было широко развито орошаемое земледелие, процветали сёла и города, много полноводных рек и садов. Арабский географ Истахри в своей книге «Китаб масалик вал-мамалик» писал: «И плодов в Согде, Уструшане, Фергане и Чаче такое изобилие, что они (жители этих областей) своих вьючных животных кормят плодами»[2].

В рецензии А. Ахмедова к этой книге приводится отрывок из книги Истахри, изданной в Каире, где он (Истахри) пишет о своём посещении Шаша (Чача) в

---

[1] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. Т.: Шарқ, 2001. С. 189.

[2] Истахри. Китаб масалик вал-мамалик. «Материалы по истории киргизов и Киргизии». Т. I. – М., 1973. С. 26.

920–922 годах: «Население Шаша в основном состоит из согдийцев. Но в его восточной части проживают и тюрки. Согдийцы на улице говорят на дари, а дома – на согдийском. Некоторые из них и дома уже говорят на дари. Тюрки, кроме своего языка, других языков не знают. Поэтому согдийцы с ними говорят на тюркском». Придав большое значение этим словам Истахри, А. Ахмедов приходит к следующему выводу: «Несмотря на то что в первой половине X века согдийцев в Чаче было много, они ассимилировались со стороны персов и тюрков». На наш взгляд, эти сведения Истахри не отражают истинного этнического положения в Чаче, так как он – арабский географ и во время завоевания арабами Средней Азии основное сопротивление им оказали тюрки. Арабы считали тюрков самым сильным противником в регионе. Поэтому его сведения о малочисленности тюрков в Чаче по сравнению с согдийцами маловероятны, так что тюрки говорили на согдийском, согдийцы Чача общались с ними на тюркском, напротив, свидетельствуют о численном превосходстве тюрков не только над согдийцами, но и над прибывшими сюда и управлявшими государством персами. По всей видимости, Истахри во время посещения Чача жил и общался только в персоязычной среде таджикской знати».

В арабо-персидских источниках среди областей Мавераннахра большое внимание уделено Фергане. В них рассказывается о том, что в Фергане в X веке было 40 городов, о его столице Ахсикенте, расположенной на берегу Сырдарьи, окружность которой была не менее 3 фарсахов (18 км), о многочисленных садах этого города[1]. Кроме Ахсикента Истахри приводит названия ещё нескольких городов (Кува, Ош, Узген)[2], которые делились на районы, а районы, в свою очередь, состояли из нескольких кишлаков. К примеру, территория между реками Карадарья и Нарын называлась Миянруд, где располагались города и укреплённые замки Узген, Бискон, Хафтдех (Семь кишлаков), Селат[3]. На территории Миянруда проживали племена чигилей, центральным городом которых был Хатлам (ныне – Кетмонтепа)[4]. Арабские географы были поражены многочисленностью и плотностью кишлаков долины. Например, ибн Хаукаль отмечает, что только в местности Асбара находилось 60 сёл. А Истахри пишет: «Ни одна другая местность в Мавераннахре не может сравниться с многочисленностью кишлаков с Ферганой, из-за большого количества жителей некоторые кишлаки очень крупные, и для того чтобы обойти их, требуется целый день пути»[5]. Академик К. Шониёзов, исходя из анализа письменных источников, пришёл к выводу, что в IX–X веках в городах и сёлах Ферганы проживало около 1,5 миллиона

---

[1] *Истахри.* Китаб масалик вал-мамалик. «Материалы по истории киргизов и Киргизии». Т. I. – М., 1973. С. 30.

[2] Там же. С. 26–31.

[3] Там же. С. 20–31.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 31.

человек. Исследования археологических памятников этого периода подтверждают это предположение.

Западные границы Ферганской долины примыкают к областям среднего бассейна Сырдарьи (Ходжент, Уструшана, Чач). По пути из Ферганы в Уструшану находится город Ходжент. Арабские географы IX–X веков описывают его как центр Ходжентской области. В состав области Уструшана, граничащей с Ходжентской областью, входили южные территории Мавераннахра вплоть до горных хребтов Зарафшана[1]. По сведениям Якуби, в IX–X веках в области Уструшана было около 400 кишлаков, укреплённых замков[2]. В Уструшане, кроме столичного города Бунджикента, существовали такие города, как Буттам, Заамин, Джизак, которые располагались на Великом Шёлковом пути[3]. В период Саманидов (IX–X века) на административных должностях в Мавераннахре служили также и тюрки. Они занимали должности правителей областей, военачальников и даже возглавляли государство. В качестве примера можно привести имена Самджури, Алптегин, Таш, Файик и других[4], среди которых Алп-тегин вначале был рабом, затем дослужился до уровня военачальника. Он стал крупным феодалом и купил 500 кишлаков Мавераннахра и Хорасана. Выкупленный Алп-тегином на одном из базаров Нишапура раб по имени Сабук впоследствии под именем Сабук-тегина дослужится до звания крупного полководца. В 977 году Сабук-тегин захватывает город Газну, овладевает долиной реки Балх и, освободившись от зависимости Саманидов, создаёт в Хорасане независимое государство, положив начало династии Газневидов. Таким образом, в конце X века в центре Азии возникают два крупных государства – Караханидов и Газневидов, которыми управляли тюркские военачальники.

Одним из развитых в экономическом и этнокультурном отношении историко-культурных областей Мавераннахра считается Согдиана. Развитие этого края в IX–X веках приходится на период существования государства Саманидов. А экономическое и этнокультурное развитие этой области в X–XII веках происходит в период правления Караханидов. В истории Согдианы этого периода большинство населения состояло из оседлых тюрков и согдийцев, когда стала формироваться впитавшая в себя исламскую культуру узбекская народность. В экономике, хозяйстве и культуре формируется единый, целостный духовный мир. Такое состояние нашло своё отражение в материальной и духовной жизни региона. Многое из вышесказанного находит подтверждение на материалах гончарного производства

---

[1] *Истахри.* Китаб масалик вал-мамалик. «Материалы по истории киргизов и Киргизии». Т. I. – М., 1973. С. 26–27.

[2] *Ал-Якуби,* BGA, VIII; Материалы по истории туркменов и Туркмении. Т. I. – М. – Л., 1939. С. 294.

[3] *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. – М., 1968. С. 119.

[4] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – М., 1963. С. 287, 292, 298, 310–312.

того времени (см. цветную иллюстрацию 15 «Поливная керамика XI–XII вв. из памятников средневекового Самаркандского Согда»).

Важную роль в экономической и культурной жизни Согдианы играли Зарафшан и Кашкадарья, а также отведённые от них каналы и арыки для развития земледелия, садоводства и овощеводства. Предгорные и равнинные местности, расположенные вокруг этих двух рек, использовались для богарного земледелия и в качестве пастбищ для крупного и мелкого рогатого скота. Сложившиеся на этой основе различные связи составляли смысл жизни этих двух разноязычных этнических групп.

Важную роль в быстром развитии Согдианы играло ее выгодное географическое расположение на международном торговом пути (Великий Шёлковый путь). В особенности, такие города, как Самарканд и Бухара, находившиеся на перекрёстке международной торговли, считались крупными транзитными городами. Развалины и остатки сотен караван-сараев, возведённых в рабадах таких городов, как Пайкент, стали полевыми исследовательскими лабораториями для современных учёных-археологов.

Города и сёла Согда были многолюдны, земли ухожены и плодородны, вода в арыках и каналах прозрачна и кристально чиста, каждый населённый пункт был превращён в цветущий сад. «Приблизительно в двухдневных переходах после того, как река оставляет Самарканд, от нее отходит канал, известный под названием Кий: во всем Согде нет канала, вдоль которого было бы больше возделанной земли, гуще население, многочисленнее земледельцы, величественнее замки, славнее и укрепленнее селения. Он – сердце Согда, и из него вытекают многочисленные протоки...» – пишет Ибн Хаукаль[1].

В те времена, то есть в IX–X веках, в Центральном Согде было 12 рустаков, 6 из которых (Пенджикент, Варагсар, Маймург, Даргом, Обгар, Савдор) находились на левой стороне бассейна реки Зарафшан, а остальные 6 (Яркет, Бурнамад, Бузмаджон, Кабуданджакет, Ведар, Марзбон) – на правой стороне. Это были небольшие местные владения, в составе каждого из которых были десятки сёл. По мере приближения к Самарканду плотность расположения кишлаков увеличивалась. Ибн Хаукаль писал: «Я поднимался на нее (цитадель) и осматривал прекраснейший из видов, который когда-либо видел взор человека и которым он когда-либо восхищался, а именно: свежую зелень деревьев, блистающие замки, текущие каналы и непрекращающуюся культуру. Нельзя кинуть взгляда на какое-нибудь место без того, чтобы оно не понравилось, или на проезжую дорогу без того, что бы не найти ее прекрасной и вызывающей веселье»[2].

---

[1] *Ибн Хаукаль*. Vial et regna. Desriptio ditionis moslemical antore Abul-Kasim I'n Haukal. BGA, 1873, II; «Материалы по истории туркменов и Туркмении». Тр. Института востоковедения АН СССР, источники по истории народов СССР. Т. I. – М.-Л., 1939. С. 370.

[2] Там же. С. 365.

О численности населения городов Мавераннахра в письменных источниках почти нет никаких сведений. Для изучения они подразделялись на такие категории, как большие города, города средней величины, малые города, укреплённые замки, но сведений о численности населения не имеется. К примеру, в Центральном Согде в X веке было 13 городов, главным городом которого был Самарканд. Такие города, как Пенджикент, Иштихан, Кушан, Дабусия и Рабинджан относились к категории средних городов. По приблизительным подсчётам К. Шониёзова, в те времена в Самарканде проживало предположительно 100–110 тысяч человек, а в Пенджикенте – около 40 тысяч. А в городах Иштихан, Кушан, Дабусия и Рабинджан жили не более 10 тысяч человек. В малых городах проживало не более 6–7 тысяч жителей. После таких подсчётов можно предположить, что во всех городах среднего бассейна Зарафшана численность населения составляла не более 230 тысяч. В это число не включены жители укреплённых замков и кишлаков[1].

В.В. Бартольд на основе арабских и персидских источников приводит названия 223 кишлаков Зарафшанского оазиса. 101 из этих сёл[2] находилось в Самаркандской области[3]. С учётом плотности населения области можно сказать, что в среднем бассейне Зарафшана было более ста сёл.

Западный Согд включал в себя в основном территорию нижнего бассейна реки Зарафшан. Его центральный город – Бухара в IX–X веках был столицей государства Саманидов. По сведениям арабских географов, на территории от Караманы до Амударьи находились 35 больших и малых городов[4]. Из них Бухара, Пайканд, Рамитан, Тавовис и другие располагались на Великом Шёлковом пути, которые были влиятельными городами оазиса, достигшего в IX–XIII веках своего экономического и культурного расцвета. В Бухаре были развиты различные отрасли ремесленного производства и торговля, о чём Мухаммад Наршахи писал: «В Бухаре, между крепостью и городом, возле соборной мечети, была большая мастерская, где ткали ковры, занавесы… подушки, подстилки для молитвы (джай-намаз) и ткани для покрывания пола во дворце халифа. Все эти ткани выделывались такого высокого достоинства, что за одну занавесь можно было отдать всю поземельную подать Бухары. Из Багдада ежегодно приезжал отдельный сборщик податей, и все подати Бухары получал сотканными там одеждами»[5].

Продолжая свой рассказ, Мухаммад Наршахи говорит: «В Бухаре было много хороших мастеров, особо назначенных для этого дела. В Бухару приезжали торговцы и, как выше сказано было про Занданичи, отсюда вывозили материи в Шам (Сирию – А.А.), Египет и города Рума. Ни в одном городе Хорасана не умели ткать таких хороших материй».

---

[1] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 200.

[2] При определении количества сёл арабские географы учитывали наличие в них мечетей и базаров.

[3] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. I. С. 173–187.

[4] *Istakhri.* BGA, 1870, I, 313–315 Muqaddasi. BGA, III. С. 266–268, 281, 282.

[5] *Наршахи Муҳаммад.* История Бухары. – Т., 1966. С. 26.

Этнический состав города не был однородным. Даже в IX–X веках, когда Бухара была столицей персоязычного государства Саманидов, его население состояло в основном из согдийцев и тюрков. В противовес сведениям Наршахи о проникновении в Бухару тюркских племён в XI–XII веках, хотелось бы отметить, что тюркский этнос на этой земле проживает с эпохи бронзы. Тюрки, которые пришли в Бухару для подавления восстания Або, а затем осели здесь, были всего лишь очередной волной появившегося на этой земле этого этноса.

По данным Наршахи, в период нашествия арабов во главе с Кутайбой бинни Муслимом (начало VIII века), визирем бухархудата был тюрк. Об этом Наршахи писал: «Из Туркестана еще раньше пришел в Бухару визирь, по имени Вардан-худат, владевший областью Вардана. Кутайба должен был много воевать с ним»[1]. В источниках сообщается, что Вардона «находится на границе с Туркестаном»[2], потому что это селение находилось на северной окраине Бухарского оазиса, пограничной территории, которое было густо населено тюрками.

Наршахи в своём произведении описывает согдийский этнический слой в качестве коренного населения Бухары. А тюркский этнос, по его мнению, является пришлым из других краёв. Под влиянием бухарского историка X века В.В. Бартольд и его последователи также представляют тюрков «пришлыми» на их исконной родине – Туркестане. Как известно, в Бухаре проживала влиятельная прослойка состоятельных представителей аристократии этих двух этносов. Зажиточных людей тюркского происхождения Наршахи называет «кашкошонами» и приводит о них следующие сведения: «В городе была часть населения, которую в Бухаре называли Кяшкашан. Это были люди уважаемые и влиятельные; среди жителей Бухары они пользовались большим почетом. Они не были дихканами (автор хочет сказать, что они не были местными землевладельцами – А.А.), но были иноземного происхождения, занимались торговлей и обладали значительными средствами»[3].

Окончательно завоевав Бухару, Кутайба полностью отбирает у кашкошонов их дома и имущество и заставляет их покинуть город, потому что арабы опасались политического влияния кашкошонов в Бухаре. Как сообщает Наршахи, изгнанные из Бухары кашкошоны выстроили «для себя за чертой города 700 замков. Каждый из них вокруг своего замка выстроил дома для своих слуг и приверженцев; у ворот своего замка каждый устроил сад и поле (т. е. пастбище). В эти замки они переселились»[4].

Одиннадцать (Нур, Кармана, Тавовис, Искаджат, Шарг, Зиндана, Вардона, Афшина, Ромитон, Варахша) из 14-ти городов, расположенных в пределах Бухарской области, Наршахи называет кишлаками. Но в произведениях Истахри, Мукаддаси, Якуби они упоминаются как развитые в экономическом и культурном отношении центры рустаков. Например, в городе Тавовис каждый год осенью

[1] *Наршахи Мухаммад.* История Бухары. – Т., 1966. С. 92, прим. 17.

[2] Там же. С. 23.

[3] Там же. С. 36.

[4] Там же.

устраивалась 10-дневная ярмарка. На этот рынок каждый день приезжало более 10 тысяч торговцев из Ферганы, Чача и других мест, поэтому жители этого селения были зажиточными. Богатство приобреталось не посредством земледелия, а торговлей. Исследователи описывают Тавовис как второй по величине город после Бухары[1].

Как отмечалось выше, границы Южного Согда располагались в бассейне Кашкадарьи. Территории низовьев Кашкадарьи всегда зависели от правителей Бухары. Несмотря на это, экономическое, культурное и этническое развитие Кашкадарьинского оазиса отличалось своими особенностями. Арабские географы подразделяли его на две области – Кеш и Насаф. Кеш состоял из 16 рустаков[2]. Кешские рустаки были довольно влиятельными и здесь было много скота.

В источниках упоминается о 9 кишлаках вокруг центра области Кеша. Также рассказывается о таких городах, как Навкат-Курайш, Субах, Исфаги, которые относились к рустаку Гузар[3].

Насаф находился на караванном пути из Бухары в Балх. Вокруг него было много кишлаков. Из крупных кишлаков, расположенных на границе области, упоминаются Базда, Касби и Маймург[4]. В Южном Согде, в отличие от Согда Самарканда и Бухары, кишлаков и городов относительно немного. Возможно, это объясняется ограниченностью водных ресурсов. По этой причине население Кашкадарьинской области в большинстве своём были скотоводами и вели полуоседлый, полукочевой образ жизни.

В IX – начале XIII века этнический состав населения Кашкадарьинского оазиса не был однородным. В областях Кеш и Насаф наряду с тюркоязычным населением вперемешку проживали согдо-персоязычные этнические группы. Среди них жили и арабы. Выше упоминался населённый пункт Навкат-Курайш, который находился между Кешем и Насафом. Жители этого населённого пункта были представителями арабского племени курайш, которые обосновались в Кашкадарьинском оазисе в VIII веке[5]. До сих пор в кишлаках Касби Кашкадарьинской области, Джейнау Сурхандарьинской области и кишлаке Джуйгари Бухарской области можно встретить арабов, сохранивших свой язык и некоторые этнические особенности[6].

В IX – начале XIII века значительная часть оседлого населения Мавераннахра проживала в Тохаристане. Тохаристан являлся обширным краем, расположенным между Горным Бадахшаном и Балхом. Река Амударья делила его на две части. Се-

---

[1] *Белиницкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука, 1973. С.18.

[2] *Истахри.* BGA…, 1870, I. С. 324–337; *Ибн Хаукаль,* BGA… II. 378, BGA…, III. С. 282.

[3] *Ибн Хаукаль*, BGA… II. 376–377.

[4] *Ибн Хаукаль*, BGA… II. 378; *Истахри.* BGA…, 1870, I. С. 337; *Мукаддаси.* BGA… С. 268.

[5] *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. – М., 1968. С. 206.

[6] *Волин С.А.* К истории среднеазиатских арабов // Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. – М. – Л., 1941. С. 111–126.

верный Тохаристан приходится на территории современного Южного Узбекистана и Юго-Западного Таджикистана. На территории Южного Узбекистана располагались такие области Северного Тохаристана, как Чаганиан и Гуфтан. Жители этих областей состояли из тюркоязычных и персоязычных этносов, а крупными городами этой зоны считались города Термез и Чаганиан (город на территории современного города Денау)[1]. Термез располагался на берегу реки Амударьи и играл большую роль в экономическом и культурном развитии Тохаристана. Пролегавший через Термез Великий Шёлковый путь связывал области Средней Азии с Афганистаном, Ираном и Индией.

В источниках рассказывается о более чем 15 городах Северного Тохаристана в области Хуттал (центральный город Хулбук), которая находилась на территории современного Таджикистана[2]. В верхнем течении Сурхандарьи находилась область Ахарун, в бассейне Пянджа – области Хуттал и Кабадиён, в долине реки Вахан – область Вахан, в долине реки Язгулям – области Рушан и Дарвоз. Эти регионы состояли из горных долин, где в основном проживали этносы, говорившие на древних иранских языках и частично тюркское население. Основу экономической жизни населения составляли скотоводство и горное садоводство.

В IX – начале XIII века ещё одним из областей с развитой экономикой и культурой был оазис Древнего Хорезма. Он находился на международном караванном пути и в культурно-экономическом отношении связывал Мавераннахр со странами Приазовья и Причерноморья, а также со славянскими народами. В те времена место Хорезма в международной торговле было ощутимым.

Хорезм отличался от других историко-культурных областей Мавераннахра развитой оросительной системой вокруг городов и кишлаков, возведённых на его плодородных землях, величественными крепостными замками и прочностью внутренних и внешних городских оборонительных стен[3]. Его столицей в период раннего средневековья был город Кат, возведённый на правом берегу Амударьи, а в период развитых средних веков столицей становится Гургандж (Ургандж), который находился на левом берегу Амударьи[4]. В связи с усилением опасности размыва города Кат проточными водами Амударьи в 995 году столица переносится в Гургандж и, начиная с этого времени этот город играет важную роль в экономической, культурной и политической жизни династии Хорезмшахов[5].

Как пишут арабские географы, в Хорезмском оазисе было столь много утопающих в цветущих садах кишлаков, что они располагались вплотную один к дру-

---

[1] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. – М., 1965. С. 123; Он же. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. – М., 1965. С. 158.

[2] *Мукаддаси.* В GA. III. – М., С. 290–291.

[3] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. – М., 1965. С. 161–184; *Ғуломов Я.Ғ.* Хоразмнинг суғориш тарихи. – Т., 1959. С. 145–165.

[4] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. – М., 1965. С. 201.

[5] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 214.

гому[1]. В IX – начале XIII века в Хорезмском оазисе процветали города. До этого площади, где находились замки дехкан (феодалов) и зависимых от них кадиваров, были окружены стенами и составляли феодальные владения. По данным арабских источников, вокруг одного из крупных городов – Миздахкана находились 12 тысяч усадеб, окружённых оборонительными стенами[2]. В степях вокруг поселений оседлого населения проживали скотоводческие племена огузов. Опасаясь неожиданных, молниеносных набегов этих племён на оазисы, феодалы-дехкане Хорезма выстраивают на холмах крепости своего рода пограничные заставы, подающие сигнал в случае опасности, разжигая огонь. Как только в сторожевых крепостях подавался сигнал, вся пограничная служба приводилась в боевую готовность[3].

До IX–X веков у жителей городов и сёл Хорезма был зародившийся в древности свой особенный язык. Великий учёный Беруни, во времена которого этот язык стал исчезать из научного употребления, в 4 главе своего произведения «Сайдана» пишет: «На язык арабов переложены науки из всех стран мира, они украсились и стали приятны сердцу, а красота языка от них (от развития науки на арабском языке – А.А.) распространилась по артериям и венам, хотя каждый народ считает красивым свой язык… Это сравнение разъясню на собственном примере: для меня красив тот язык, на котором увековечилась какая-то из наук. Иначе эта наука становится похожа на верблюда или жирафу, которая барахтается в луже, образовавшейся после сильного ливня. Затем я приступил к изучению арабского и персидского языков, они не были для меня родными, и мне пришлось нелегко. Но арабский язык дался мне легче, чем персидский. Кто желает убедиться в правоте моих слов, пусть ознакомится с какой-нибудь книгой научного содержания, переведённой с персидского языка, и тот поймёт: произведение теряет свой яркий блеск, его сущностное содержание и глубина тускнеют, и в итоге не приносит никакой пользы науке. Так происходит потому, что этот язык (персидский – А.А.) пригоден только хосровских рассказов и сказок на ночь для знати»[4].

Родным языком для Абу Райхана Беруни был хорезмский диалект древних северо-восточных иранских языков. Этот язык во времена Беруни, смешавшись с персидским и тюркским языками, выходил из употребления местным населением. В этом произведении Беруни пишет о хорезмийцах: «Что же касается жителей Хорезма, то хотя [хорезмийцы] являются ветвью ствола иранского дерева и ответвления реки, они все же последовали в отношении начала года и места добавки лишних дней примеру согдийцев»[5].

---

[1] *Истахри.* BGA…, 1870, I. С. 304; *Мукаддаси.* BGA, III … С. 284.

[2] *Мукаддаси.* BGA, III … С. 288; *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. – М., 1965. С. 206.

[3] *Ғуломов Я.Ғ.* Хоразмнинг суғориш тарихи. – Т., 1959. С. 61.

[4] *Беруни Абу Райхан.* Сайдана. Избранные произведения, IV. – Т., 1973. С. 138.

[5] *Беруни Абу Райхан.* Памятники минувших поколений. – Т., 1968. С. 44.

Беруни связывает хорезмийцев с иранцами не только в отношении языка, но и даже в отношении происхождения. Но по какой-то причине он не учитывает свои же слова, которые приводятся в этом же произведении о том, что ровно за 980 лет до Александра Македонского на этой земле существовало «тюркское царство», а также, что и в его времена в этой стране с древних времён проживали тюрки-огузы. По всей видимости, такое представление у Беруни сложилось на основе легенды о приходе на эту землю иранского сказочного героя Сиявуша. В действительности, в IX–X веках в Хорезме, наряду с этносами, говорившими на хорезмийском и фарси, проживали и тюркоязычные огузы.

В образовании Хорезмского оазиса важную роль сыграла река Джейхун (Амударья). Во времена Птолемея (II век н.э.) Джейхун протекал по городу Балхан (Балх), затем через Земм (Керки) и Амуя (Чарджоу) вливался в Хазарское (Каспийское) море. Судя по народным преданиям, которые приводит Беруни, на расстоянии от Балха до Хазарского моря благодаря Джейхуну зародились города и сёла, но потом, из-за естественных препятствий, он меняет своё русло в сторону земли огузов между Каспием и Аралом, что нашло подтверждение в геоморфологических исследованиях. Одним из таких была гора Сикр аш-Шайтан (Преграда Шайтана). Бурные воды реки пробились сквозь горные скалы и потекли в сторону Фараба, а затем по направлению к древнему озеру Сарыкамыш. Как пишет Беруни, в этой зоне, по обоим берегам реки, были возведены более 300 городов и сёл, развалины которых сохранились до наших дней. Один из рукавов реки, который понёс свои воды в сторону озера Сарыкамыш, протянулся до земли бажанаков (печенегов). Эти земли долгое время процветали, затем снова пришли в запустение, а его жители – аланы и асы переселились к берегам Хазарского моря[1]. В исследованиях, посвящённых анализу сведений, которые приводит Беруни, говорится, что большая часть племён аланов и асов в I–II веках н.э. обустраиваются у берегов Дона и степях у Азовского моря. С приходом на эти земли хуннов в IV–V веках они переселяются в предгорные районы Кавказа[2]. Беруни пишет, что часть из них осталась в Хорезме, в окрестностях Сарыкамыша. В VII–VIII веках они появляются в степях восточного побережья Хазарского (Каспийского) моря[3]. Видимо, не все аланы и асы ушли с Хорезма, потому что одна из их ветвей во времена Беруни (конец X – первая половина XI века) ещё не тюркизировалась. Часть из них говорила на хорезмийском, а другая – на языке тюрков-бажанаков (печенегов)[4]. Беруни писал, что «современный язык алан и асов образовался от языка хорезмийцев и бажанаков»[5], то есть сарты Хорезма, по выражению Беруни, говорили на хорезмийском языке, жившие среди тюрков-огузов – на языке бажа-

[1] *Беруни Абу Райхан.* Геодезия. Избранные произведения. III. – Т., 1982. С. 72.
[2] *Калоев Б.А.* Осетины. – М., 1971. С. 13–15, 41–51.
[3] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 217–218.
[4] Там же. С. 218.
[5] *Беруни Абу Райхан.* Геодезия. Избранные произведения. III. – Т., 1982. С. 72.

наков (тюркском). Значит, язык ещё не отюреченной части аланов Хорезмского оазиса относился к северо-восточной иранской языковой группе[1]. В наши дни этот язык в немного изменённой форме сохранился у потомков алан – осетинов[2].

Мукаддаси среди народов, живших в Хорезме, упоминает тюрков, но точно не указывает, к какому племени они относятся[3]. Как отмечает этнограф К. Шониёзов, когда в VIII веке карлуки установили своё господство в Семиречье, некоторые этносы (сарик, аз, уз и другие), не пожелавшие им подчиниться, покидают Семиречье и уходят в степи Приаралья. По мнению К. Шониёзова, возможно, Мукаддаси писал об этих тюрках[4]. Часть тюрков-огузов, живших на примыкавших в Древнему Хорезму территориях, то есть в низовьях Сырдарьи, на севере и востоке Аральского моря, в IX–X веках перебираются на северо-западные земли Арала.

Истахри пишет о Хорезме, что «его северные и западные территории примыкают к границам огузов»[5]. А Мукаддаси, упоминая об одном из рустаков на северо-западе Хорезмского оазиса – Джите (Гите), писал, что «он является укреплённым рустаком на границе с гузами, дорога к ним лежит через него (через рустак Гит)»[6]. По сообщению Беруни, гузы жили ещё западнее, в Балханских горах и западных предгорных районах Копетдага[7].

Как подчёркивает Истахри, Джурджания была крупным приграничным городом. Джурджания считалась крупным рынком в торговле с гузами. Как бы ни укреплялись города и дворцы, замки и селения, в мирное время потребность в торговых делах открывала все ворота.

Исходя из анализа вышеуказанных письменных и археологических источников можно сказать, что в XI–XII веках и начале XIII века Хорезмский оазис процветает в эпоху государства Хорезмшахов, становится высокоразвитым в экономическом и этнокультурном отношении регионом периода развитого средневековья, где господствовал тюркский этнический слой. Как и в других областях Мавераннахра, впитавшая в себя исламскую культуру узбекская народность формируется и на примере Хорезма, где в экономике, хозяйстве и культуре формируется единый, целостный духовный мир, характерный для узбекского народа.

Этническая история Мавераннахра непосредственно связана с прибрежными и нижними течениями Сырдарьи. В среднем течении Сырдарьи расположены оазисы Шаш и Илак, главными водными артериями которых являются реки Парак (Чирчик) и Илак (Ахангаран)[8]. Арабские географы описывали красоту и

---

[1] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 218.

[2] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т.I. – М., 1949. С. 338–348.

[3] *Мукаддаси.* BGA, III. С. 288

[4] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 219.

[5] *Истахри.* BGA, I. С. 299.

[6] *Мукаддаси.* BGA, III. С. 286.

[7] *Беруни Абу Райхан.* Избранные произведения. Канон Маъсуда. V том. – Т., 1973. С. 425.

[8] Ибн Хаукаль называет её тюркской рекой (См. ибн Хаукаль BGA, II. С. 388).

привлекательность этих мест, обилие воды и посевных площадей, были поражены многочисленностью утопающих в садах сёл и городов[1]. По данным археологических исследований, в IX–XII веках в Шаше было 46 городов, а в письменных источниках их количество исчисляется 35 городами[2]. Шесть из них (Бинкат, Харашкат, Шутуркат, Навкат, Тункат, Банокат) обладали площадью до 140–400 гектаров, пять (Облик, Кавардан, Намудлик, Чиначкат, Туккат) – до 50–80 гектаров, пятнадцать (Ханабад, Аккурган, Нугайкурган, Киндиктепа, Турткультепа, Джабгукат, Кургантепа, Аката и другие) – до 11–34 гектаров, двадцать (Бука, Фарнкат, Хотункат, Калъатепа, Майдатепа и другие) – до 5–10 гектаров[3].

По поводу этнического состава населения можно сказать следующее: с учётом того, что в среднем течении Сырдарьи с древних времён проживали кангары-кангли, хунны, усуни и другие тюркоязычные этнические группы, большинство жителей этого края были тюрками. Вместе с этим в Шаше-Илаке проживали и согдийцы.

В предгорьях Кураминских и Чаткальских хребтов, окружавших Ташкентский оазис, жили полукочевые и полуоседлые тюркские этнические группы. Арабские географы современную реку Ахангаран называли «началом Туркестана»[4].

Имеются сведения о том, что в IX – начале XIII веков в степях Келеса, в долине Ахангарана и Чирчика, предгорьях Чаткала и Угама жили некоторые группы огузов и по-соседству с ними большая группа карлуков.

Хотя большая группа карлуков прибыла в Ташкентский оазис в начале VIII века, им удалось быстро найти общий язык с проживавшими здесь с древних времён тюркскими племенами и перейти на оседлый образ жизни[5]. Несмотря на то что они приняли ислам, они сохраняли свои этнические особенности. Оседлые сельские карлуки в основном занимались земледелием и различными отраслями ремесла, а в жизни тюрков предгорных районов главенствующее положение занимало скотоводство и различные отрасли хозяйства горно-металлургической промышленности. В IX – начале XIII века широкое развитие получают различные отрасли ремесла, в особенности, гончарное, кузнечное, ювелирное, горное дело. Керамические изделия были доведены до уровня произведений искусства (см. цветную иллюстрацию 14 «Гончарная керамика средневекового Ташкента XI–XII вв.»). По качеству они не уступали гончарной продукции Самарканда и Ферганы (см. цветную иллюстрацию 13 «Гончарная керамика средневековой Ферганы в XI–XII вв.»).

---

[1] *Истахри.* МИКК, том I. С. 19, 28; *Ибн Хаукаль.* BGA, II. С. 384–389.

[2] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982. С. 141–165.

[3] Там же. С. 146.

[4] *Ибн Хаукаль.* BGA, II. С. 386; *Истахри.* МИКК, том I. С. 29.

[5] *Шониёзов К.Ш.* Узбеки-карлуки. – Т., 1964. С. 17–18.

Искренние почитатели этих товаров находились не только на Востоке, но и в странах Запада (см. цветные иллюстрации 13, 14, 15).

В чеканке монет Ташкентский оазис также не отставал от Самарканда. Важную роль в экономическом развитии страны играли благородные металлы – золото и серебро Илака, которое добывалось в Кураминских и Чаткальских горах. Рудники Шаша-Илака были большим источником богатства не только для ускоренного развития внутреннего рынка, но и производства товаров для внешнего рынка и внешней торговли. Центральная трасса Великого Шёлкового пути проходила из Ферганской долины через перевал Кандир в Илак, его административно-политический центр Тункат[1]. Великий Шёлковый путь из Тунката по левому берегу реки Ахангаран проходил до крупного металлургического центра в Обизе. Исследования и научные наблюдения, проведённые в этом городе, привели к заключению, что развалины этого города, который в научных трудах по археологии описывался как столица Илака – Тункат, в действительности является крупным городом металлургов, образовавшимся из собственности сотен предпринимателей-металлургов. В этом городе были централизованы производственные мастерские, находящиеся в частной собственности металлургов.

По этому пути металлургическая продукция Шаша-Илака вывозилась на востоке до Китая, на северо-западе – до низовьев Сырдарьи, Аральского моря и Поволжья, юго-западе – до Афганистана, Индии, стран Среднего, Ближнего Востока, а также Передней Азии.

Одним из городов, возведённых в раннем средневековье на северном направлении Великого Шёлкового пути, был город Исфиджаб (современный Сайрам), который расположен в долине реки Арысь, в 12 км к востоку от Чимкента. По сведениям арабских географов, в IX–XII веках в его подчинении находились

---

[1] Столицу Илака – Тункат М.Е. Массон и его последователи локализуют с развалинами древнего городища, расположенного в настоящее время в кишлаке Обиз Ахангаранской долины. Но его историческая топография, сотни предметов металлургии и другое привело к мысли о поиске Тунката в другом месте. Проведённые в последние годы в Ахангаранской долине целевые археологические исследования предполагают локализацию города Тункат в качестве политического и административного центра Илака с Суюрлитепа, расположенного в настоящее время в кишлаке Карабулак. Суюрлитепа представляет собой развалины древнего города площадью не менее 80 га. Он расположен на левом берегу реки Ахангаран, на склоне Кураминских гор. В его центральной части на площади в 25 гектаров возвышается городская цитадель – Арк, укреплённая со всех сторон оборонительными стенами и башнями. Вокруг Арка располагалась площадь шахристана. Южная часть шахристана была окружена оборонительными стенами. Восточная и западная части города выходили к горным речкам, на северной части вплоть до реки Ахангаран находилась удобная для занятия земледелием низменность, где в наши дни расположен кишлак Карабулак. В северо-западной части города расположена окружённая защитными стенами собственность вагнзе. В северо-западном углу вагнзе, на возвышенности, находился зороастрийский храм, к которому вёл пандус. Всё это предполагает локализовать комплекс Суюрлитепа со столицей Илака – городом Тункат.

более десятка небольших городов, несколько сотен сёл и укреплённых замков. С середины VI века этот город находился в составе Тюркского каганата, с начала VIII века – под господством тюркешей, с 60-х годов VIII века – в зависимости от карлуков, а с 40-х годов IX века – в подчинении саманида Нух ибн Мансура[1]. На территории вокруг Исфиджаба было очень много прекрасных садов и плодородных земель, раскинулись покрытые густой травой пастбища. Этнический состав населения состоял в основном из тюрков. Чтобы они быстрее приняли ислам, им были представлены большие льготы, власть даже не взимала харадж в свою пользу у населения области[2]. В источниках упоминаются такие города области, как Фараб, Бискенд, Саурон[3]. Между городами Фараб и Саурон располагался городок Шавгар (Яссы-Туркестан). Население этих мест состояло из огузов и халаджей[4]. В степях между Шашем и Фарабом кочевали около 1000 семей тюркских родов[5].

Один из крупных городов области – Исфиджаб был также самым крупным пограничным городом между оседлым населением и кочевниками. Его население состояло в основном из представителей тюркских этносов, в городе также частично проживали согдийцы, переселившиеся со стороны Самарканда и Бухары[6]. Население по берегам реки Талас в основном жило в городах и кишлаках. Но земли от границ оазиса Арысь до Тараза занимали степняки, где скотоводческие тюркские родовые общины кочевали и жили в юртах.

В низовьях Сырдарьи в период раннего средневековья образуется город Янгикент, в котором в IX–X веках обосновываются оседлые огузы. Янгикент исполнял роль транзитного торгового города, связывавшего Мавераннахр и Хорезмский оазис, в особенности города Шаша, Илака и Ферганской долины, с Поволжьем. В общем, большая часть населения городов и сёл среднего и нижнего бассейна Сырдарьи к IX–XII векам состояла из принявших оседлый образ жизни таких этнических общностей, как карлуки, чигили, тюркеши, аргуны, тухси, халаджи, кангары-кангли[7].

В арабских и тюркских источниках упоминаются такие города Таласской долины, как Чигил, Барсахан, Шелджи, Сус, Кул и Такобат[8]. Город Чигил был образован в процессе перехода к оседлой жизни скотоводов чигилей, которые составили основу этого города. Населённые пункты Сус, Кул и Такобат были не-

---

[1] *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XVII вв. о долине реки Талас и смежных районах. Тр. ИИАЭ АН Каз ССР, т. VIII. – Алма-Ата, 1960. С. 75, 86, 88.

[2] *Истахри.* МИКК, том I. С. 29.

[3] *Ибн Хаукаль.* BGA, II. С. 391.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] *Кашгари Махмуд.* Свод тюрских слов. I том. – Т., 1963. С. 31.

[7] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 226–227.

[8] *Кашгари Маҳмуд.* Свод тюрских слов. I том. – Т., 1963. С. 374; *Мукаддаси.* BGA, III. С. 274; *Бартольд В.В.* Соч. IV – М., 1966. С. 30-36.

большими городами, образованными в горной зоне верхнего течения реки Талас, большинство жителей которых специализировались на разработках серебряных рудников[1].

За рекой Талас начинались пастбища и места, где проживали карлуки. У входа в Чуйскую долину начинались города, основанные карлуками[2]. Одним из них был город Кулан, а второй – Мерки (Марки)[3]. Жители этих двух городов играли важную роль в распространении исламской религии в IX–XII веках не только в Таласской долине, но и в долине реки Чу.

Кудама приводит названия нескольких городов и сёл, образовавшихся в Чуйской долине, среди которых, в частности, есть названия городов Иузкент, Харанджуван, Джул, Сарык, Навкат, Суяб[4]. Население этих городов были в основном тюрками, в городе Сарык частично проживали согдийцы. Среди них наиболее развитым в экономическом и культурном отношении городом был Суяб, возникший в период Тюркского каганата. Он располагался на северном направлении Великого Шёлкового пути и был столичным городом Тюркешского и Карлукского каганатов. На северо-востоке Чуйской долины, в окрестностях Иссык-Куля в IX–X веках были образованы ещё несколько поселений городского типа, которые достигли своего расцвета в период карлуков-караханидов. Среди них особое место в качестве города оседлых тюрков приобрёл Баласагун. Среди жителей этого города частично проживали и согдийцы.

Баласагун располагался на Великом Шёлковом пути по направлению в Китай, поэтому в городе имелись караван-сараи и кварталы китайских, уйгурских и монгольских торговцев. В этом городе находилась статуя Будды, которому поклонялись китайские и монгольские купцы и ремесленники[5].

Ещё одним крупным городом в районе Иссык-Куля был город Барсахан. Как отмечается в «Худуд ал-олам», в IX–XII веках подавляющее большинство жителей этого города составляли представители тюркских этнических общин. Следует подчеркнуть, что этническую основу населения в окрестностях Иссык-Куля первоначально составляли кочевые тюрки, определённая часть которых на протяжении веков переходила к оседлому образу жизни, занимаясь в сёлах земледелием, а в городах ремесленничеством и торговлей.

---

[1] *Мукаддаси.* BGA, III. С. 275; *Массон М.Е.* Из результатов поездки в долину Таласа для выявления истории горной промышленности. // Бюллетень Среднеазиатского районного разведочного управления. № II. – Т., 1930. С. 35–37.

[2] *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XVII вв. о долине реки Талас и смежных районах. Тр. ИИАЭ АН Каз ССР, т. VIII. – Алма-Ата, 1960. С. 79.

[3] *Мукаддаси.* BGA, III. С. 275; *Бартольд В.В.* Из истории культурной жизни Туркестана. Соч. Т. II. Часть I. С. 242.

[4] *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XVII вв. о долине реки Талас и смежных районах. Тр. ИИАЭ АН Каз ССР, т. VIII. – Алма-Ата, 1960. С. 77.

[5] *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959. С. 76.

Немалая роль в формировании узбекского народа принадлежит тюркскому населению, которое проживало в западной части Восточного Туркестана[1]. Как известно, горные районы самой западной части Восточного Туркестана (города Аксу, Кашгар, Яркенд, Ташкурган, Хатан) и восточной части Ферганской долины в IX–XII веках находились в подчинении карлуков. К этому периоду в этих городах жили оседлые тюрки и тюркизированные согдийцы. В связи с тем, что эти города располагались вдоль больших торговых караванных путей, рынки здесь были всегда многолюдны, их прилавки всегда были полны сельскохозяйственной продукцией и ремесленными товарами, которые были не только привезены из Передней Азии, Хорезма, Мавераннахра, Индии, Китая, но также представляли продукцию местного производства.

Таким образом, на основе анализа всех исторических и археологических материалов можно отметить, что в IX – начале XIII века в Мавераннахре, Хорезме и в сопредельных регионах большинство населения состояло из тюркских этнических общин, которые, в первую очередь, являются предками узбекского народа, а также, в определённой степени, таджиков и уйгур, киргизов и казахов, туркмен и каракалпаков. Мы не можем судить о численности этих общин, потому что в исторических источниках об этом никакие конкретные сведения не приводятся. На основе анализа археологических материалов также не представляется возможным определить их численность. Особенно если учесть, что предки узбеков и таджиков всегда жили по соседству, во многих случаях вперемешку, жили дружно, устанавливая родственные связи, экономические и этнокультурные отношения, что, в конечном итоге, привело к образованию в IX–XII веках в их материальной и духовной сфере общие, схожие черты[2].

Хотя даже государство Саманидов рассматривается в истории в качестве первого централизованного персоязычного феодального государства Средней Азии, но его этническую основу составляли предки тюркоязычных и персоязчных узбеков и таджиков. Повседневным, разговорным языком жителей областей Мавераннахра и Хорезма в основном был тюркский, а государственным административным языком – персидский. Большая часть интеллигенции, жители городов и сёл говорили на двух языках. В составе централизованного государства Саманидов, объединившего Мавераннахр, Хорезм и их окрестности, на базе оседлого образа жизни, тюркизированного в обстановке двуязычности этнического слоя, диалектов карлуков и чигилией была заложена основа узбекского народа. Поэтому как бы ни пытались в современной историографии трактовать Саманидское государство в качестве таджикского государства, это государство было многоэтносным. Его государственность в IX–X веках одинаково принадлежит как тюркоязычным, так и персоязычным народам.

---

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 232.

[2] Там же. С. 233–234.

Управление военным делом в стране находилось в руках тюркских генералов, войско состояло полностью из тюркских конников и пеших тюркских гулямов. Это государство было экономически могущественным, сильным в военном отношении, а наука и культура на основе древних традиций получила высокое развитие. В X веке государство Саманидов получает такое развитие, что его влияние выходит за пределы Среднего Востока и распространяется до рубежей Ближнего Востока. В его могуществе, военных способностях явно просматривается тюркский характер. В те времена, когда на западе Средней Азии процветало и всесторонне развивалось государство Саманидов, на востоке образовалось государство Карлуков и сформировавшееся на его основе государство Караханидов. Государство Караханидов, как и государство Саманидов, было династическим феодальным государством, и его этническую основу составляли тюркоязычные племена и народности. Решив объединиться со своими соплеменниками, в конце X века Караханиды подступают к границам государства Саманидов и в течение первой четверти XI века их войска доходят до берегов Амударьи. За короткое время на руинах великого государства Саманидов образуются три могущественных тюркских государства – Караханидское, Газневидское и Сельджукское. Средняя Азия и Средний Восток в период развитых средних веков и в более позднее время переходит во владение тюркских династий и тюркских правителей. Влияние этих политических процессов на этнический состав регионов сыграло важную роль в окончательном формировании узбекского народа в пределах занимаемой им территории.

Глава XII
ЭТАПЫ ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ НАРОДНОСТИ И ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ В КАЧЕСТВЕ НАРОДА

Приступая к изучению вопроса о происхождении современных народов и наций, исследователь, исходя из теоретических и научно-методологических разработок этнологической науки, обязан в первую очередь определить, связан ли изучаемый народ с той территорией, в которой он ныне проживает, или нет? Во-вторых, идентичен ли язык этого народа языку своих древних предков или он является производным от смешения нескольких языков? Исследователь, находящийся в процессе творческого поиска, должен определиться с ответами на эти вопросы, потому что в этнологии они составляют историю этногенетических процессов каждого народа.

Эти процессы представляют собой общественное явление, происходящее в объективной реальности на основе исторической последовательности за длительный промежуток времени. Если подходить к данной проблеме с позиций, которых придерживаются большинство учёных-специалистов, узбекский народ является продуктом многовекового смешения в основном двуязычных этнических групп. В анализе вышеприведённых археологических материалов и исторических письменных источников указывалось, что с переходом родовых общин эпохи верхнего палеолита и мезолита в период неолита (нового каменного века) в их общественно-экономической и этнокультурной жизни происходят коренные изменения, связанные с переходом наших древних предков от присваивающего хозяйства к производящему способу хозяйства. Это означает, что на территории Средней Азии люди приступили к занятию первобытным земледелием и домашним животноводством. Именно в эти времена в регионах Средней Азии образуется неолитическая Джейтунская культура с земледельческо-скотоводческим хозяйством в VI–Vтыс. до н.э., а такое хозяйство складывается только на поздних этапах Кальтаминарской, Сазагонской и Гиссарской культур, хронологические рамки которых в археологии определяются III – началом II тыс. до н.э.

В археологической литературе исторические корни Джейтунской культуры связываются с этническими группами Ближнего и Среднего Востока[1], а Кальтаминарская культура относится к племенам степной и лесостепной зоны Восточ-

[1] *Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. – М-Л.: Наука, 1964. С. 11–39.

ной Европы[1]. Получившая широкое распространение в предгорных районах Зарафшанской долины Сазагонская культура по своему происхождению, с одной стороны, связывается с Гиссарской культурой горных регионов Средней Азии, а с другой имеет этническую близость с племенами Кальтаминарской культуры, с ее Дарвазакирским вариантом. Происхождение исторических корней Гиссарской культуры В.А. Ранов и Ф. Брюне рассматривают в связи с местным макролитическим мезолитом горных областей Южного Таджикистана и с каменной индустрией геометрической формы Ближнего Востока[2].

Говорить о языке племён эпохи неолита, распространившихся в Средней Азии, не представляется возможным. Существуют научные воззрения, что появившиеся в эпоху энеолита и бронзового века и по этническому составу являющиеся наследниками Джейтунской культуры – носители культур Намазга и Саразм, Гонур и Сапалли – по своему языку относятся к восточноиранской языковой семье. Изучение китайских источников и археологические исследования, проведённые в последние годы, не оставляют никаких сомнений в том, что носители Тазабагъябской культуры, Кайраккумской, уходящие своими корнями в культуру позднего Кальтаминара, и носители Евразийских культур Срубного и Андроновского типа были прототюрками. Таким образом, можно допустить идею о том, что прототюрки, т.е. андроновцы, появившиеся на территории Средней Азии в эпоху бронзы, овладев военной и политической властью над местными общинниками, как показывают проводившиеся здесь археологические исследования, широко распространившись на просторах Средней Азии, начали жить бок о бок с местными племенами восточноиранских языков. По данным антропологических исследований, пришельцы принадлежат к типу протоевропеоидов с брахокефальным черепом.

В 1981 году в кишлаке Сазагон, расположенном в горной зоне Самаркандской области, был найден скелет мужчины 35–40 лет эпохи неолита[3]. По мнению Т.К. Ходжайова, изучившего черепную коробку этого скелета, сазагонский человек является долихокефальным европеоидом, а в генетическом отношении относится к южному типу большой европеоидной расы, характерной для Среднего Востока и Южной Азии. Череп человека эпохи неолита был обнаружен также недалеко от неолитической шахты в местечке Учтут Зарафшанской долины[4], который в морфологическом отношении отличается от сазагонского человека и напоминает

---

[1] *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. С. 160–168.

[2] *Brunet F.* Asie Centrale: vers une redefinition des complexes culturels de la fin du Pleistocene et des debuts de I Holocene-Paleorient, 28/2. Paris, 2002; *Ранов В.А. и др.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (Эпоха неолита и бронзового века) – М., 2008. С. 30–32.

[3] *Джуракулов М. Дж., Холматов Н.У.* Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Т.: Фан, 1991.

[4] *Мирсоатов Т.М.* Хозяйство охотничье-рыболовецких племён Среднеазиатского междуречья поры мезолита-неолита (источники сырья, эволюция способов его добычи и хозяйственные комплексы). Автореф. дисс. докт. историч. наук. – Новосибирск, 1989.

протоевропеоидный антропологический тип степей Евразии[1]. Антропологический комплекс такого типа был широко распространён в эпоху неолита в Древнем Хорезме.

Как известно, в 1972–1974 годах Хорезмская археологическая экспедиция в дельте Сарыкамыш Нижней Амударьи открыла и изучила около 30 захоронений эпохи неолита в могильнике Тумек-Кичиджик[2]. Антрополог Т.А. Трофимова отмечает, что среди обнаруженных здесь черепов встречаются индивидуумы, характерные для антропологического типа Ближнего Востока (восточно-средиземноморского типа). Однако в антропологической серии Тумек-Кичиджик большинство составляют представители северного протоевропеоидного населения[3]. Антрополог Л.Т. Яблонский после тщательного изучения антропологического комплекса Тумек-Кичиджик пришёл к заключению, что физическое строение жителей Кальтаминара базируется на протоевропеоидной антропологической основе[4]. Элементы, характерные для восточно-средиземноморского типа, о которых говорила Т.А. Трофимова, свидетельствуют о возможности, что в эпоху неолита какая-то группа восточно-средиземноморского типа юга пришла на север и слилась с протоевропеоидной общиной, но она не изменила местную протоевропеоидную этническую основу[5].

Следует подчеркнуть, что восточно-средиземноморский тип, характерный для территории Ближнего и Среднего Востока, в эпоху неолита проник в южные территории Средней Азии. Об этом говорят не только обнаруженные в Южном Туркменистане и относящиеся к Джейтунской культуре палеоантропологические материалы Чупантепа, Кавшут, Овадантепа, Чагиллитепа, Чакмаклитепа, Монджуклитепа[6], но и найденный на территории Таджикистана археологический комплекс Туткавул Гиссарской культуры[7]. В 1966–1967 годах в могильнике эпохи неолита на стоянке Туткавул были вскрыты 4 захоронения. Т. Кияткина, изучив-

---

[1] *Ходжайов Т.К.* Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана. // Вестник антропологии. Альманах. Вып. 2. – М., 2004.

[2] *Вайнберг Б.И.* Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме. «АО 1971 года». – М.: Наука, 1972; *Виноградов А.В.* Работы на могильнике Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. «АО 1973 года». – М.: Наука, 1974; Он же. Могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. «АО 1974 года». – М.: Наука, 1975.

[3] *Трофимова Т.А.* Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик. Тез. докл. археолого-этнографической сессии по итогам полевых исследований в 1972 г. в СССР. – Т., 1973; Она же. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик. // СЭ, № 5, 1974; Она же. Неолитические черепа Кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. // «Этнография и археология Средней Азии». – М.: Наука, 1979.

[4] *Яблонский Л.Т.* К краниологии кельтеминарцев. Внутригрупповой анализ. // СЭ, №2, 1985.

[5] *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование). // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Том. 15. – М.: Наука, 1986.

[6] *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972.

[7] *Кияткина Т.П., Ранов В.Н.* Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула). // «Вопросы антропологии». Вып. 37. – Душанбе, 1971.

шая черепа из этих захоронений, выяснила, что люди из Туткавула относятся к южной ветви долихокефальной европеоидной расы. По данным анализа археологических материалов, хронологические рамки памятника Туткавул относятся к VI тысячелетию до н.э.

Таким образом, антропологические источники показали автохтонность обоих типов коренного населения Средней Азии, проживающего на этой земле с древнейших времён, и доказывают, что на этой территории зародился своеобразный очаг формирования расы. Хотя с древности на протяжении веков этот очаг и был тесно связан с этнокультурным миром Ближнего и Среднего Востока, но в морфологическом составе жителей северных и южных регионов существовали антропологические различия, которые отразились в генетическом происхождении и языке. Генетическая близость автохтонного населения северных районов Средней Азии с жителями Евразийских степей способствовала постоянному проникновению последних на территорию Средней Азии. В итоге в регионе происходит постоянный прирост прототюркского слоя и по названию преобладающего слоя населения этот край вначале называется Туран, а с периода раннего средневековья – Туркестан.

Известно, что объединение древних людей в родовую общину начинается с эпохи верхнего палеолита (примерно 40 тысяч лет тому назад). Именно в этот период под влиянием географической среды происходит разделение людей на расы (европеоидная, негроидная и монголоидная). Во времена мезолита (среднекаменный век) каждая раса начинает подразделяться на региональные антропологические типы. А в эпоху неолита (новый каменный век) с зарождением первобытного земледелия и домашнего животноводства начинают формироваться региональные культурно-хозяйственные зоны. Эти изменения, происшедшие в жизни первобытных людей, сказались и на формировании антропологического облика жителей того времени. Исходя из анализа этих исторических процессов один из двух исторических корней узбекского народа следует искать во времена неолита севера Средней Азии. Если одним из двух исторически сложившихся стержневых корней узбекского народа являются прототюркские корни, то второй из них – северо-восточные иранские племена, которые антропологически представляют собой протоевропеидов и восточно-средиземноморские общины. В этническом составе узбекского народа в определённых пропорциях сконцентрированы эти племена, т.е. прототюркские и древнеиранские этнические слои. Эти два этнических слоя для Мавераннахра и сопредельных территорий являются автохтонными историческими корнями. Один из этих исторических корней сформировался на основе Кальтаминарской культуры эпохи неолита, а генезис второго корня упирается в Джейтунскую культуру.

Как отмечалось выше, носители Джейтунской культуры по своему антропологическому типу характеризуются восточно-средиземноморским типом большой

европейской расы, то есть с долихокефальной черепной коробкой, удлинённым лицом, голубыми глазами и светлым цветом волос. Жители Кальтаминарской культуры составляют протоевропеоидный тип с брахокефальной черепной коробкой, круглым лицом, немного выступающими скулами, миндалевидными глазами, смуглым цветом лица, физически крепкие. Эти антропологические особенности были унаследованы их потомками, которые нашли отражение в антропологическом типе людей эпохи энеолита (Анов-Намазга, Саразм), бронзы (Гонур, Даштли, Сапалли). А наследниками антропологического типа Кальтаминарской культуры являются жители эпохи энеолита (Камышли, Заманбаба), бронзы (Суярган, Андроново, Кайраккум).

Если ранний этап этногенеза узбекского народа, связанный с древней земледельческой культурой, нашёл своё отражение в памятниках типа Сапалли и Джаркутан, то его скотоводческий этнический слой представлен упоминаемыми в Авесте турами.

Потомки туров дошли до нас в источниках, написанных на древних иранских языках под названием саков. До наших дней в научной литературе и учебниках, написанных в духе советского времени, саки описываются исключительно в качестве скотоводческих племён. Но часть родовых общин саков, расположившись на солнечной стороне низовьев горных речек, у родников и бассейне реки Карасу постепенно переходят к занятию земледелием. На базе этих этнических групп саков в Ферганской долине образуется Чустская культура, в Зарафшанской долине – культура Коктепа-1, в Ташкентском оазисе – Бургулюк, в Южном Узбекистане – Кучук-1, в Южной Туркмении – культура Яз-1.

На наш взгляд, самым древним из них является Чустская культура, хронологические рамки которой на сегодняшний день удревняются до середины II тысячелетия до н.э. В качестве научной гипотезы можно допустить, что носители этой культуры, вопреки существующим представлениям, могли быть оседлыми прототюркскими компонентами Авестийских туров, а другая часть из них, которая продолжала заниматься скотоводством, оставалась прототюркскими саками, хотя обе части Авестийских туров-саков принято считать ираноязычными общинами. Большая часть саков, оставшаяся на центральных и южных территориях Узбекистана, под культурно-хозяйственным влиянием культур Намазга, Саразм и Сапалли растворяется в их этническом составе и могла стать ираноязычной. Но не могло быть сомнения в том, что значительная часть кочевых Авестийских туров-саков, кочевавших на просторах Евразийских степей, была предками многих тюркоязычных этносов, о чем свидетельствуют проживающие здесь до настоящего времени их потомки.

К раннему железному веку в верхнем, среднем и нижнем бассейнах реки Амударьи возникают цивилизации Древней Бактрии, Древнего Согда и Древнего Хорезма, где был образован оседлый пласт узбекского народа. Потомки культур Кучук-1, Коктепа-1 и подобные памятники эпохи поздней бронзы, ко-

торые находились на территории Древнего Согда и Древней Бактрии, поглощаются культурами оседлоземледельческого населения древневосточного типа, что приводит к ещё большему увеличению оседлого этнического слоя узбекского народа. Этот оседлый этнический слой и есть те самые согдийцы, бактрийцы и хорезмийцы, которые впервые упоминаются в Авесте. В их составе этнический слой культур Намазга, Саразм и Сапалли, говоривший на восточноиранском диалекте древнеиранского языка, на ранних этапах нашей истории преобладал над прототюркскими саками, и на основе этих языков в VII–VI веках до н.э. сформировались авестийский, согдийский, бактрийский, хорезмийский языки и письменность. Такая историческая картина наблюдается в раннем железном веке и в эпоху античности.

Однако начиная с раннего средневековья этническая обстановка резко меняется, потому что на земле Турана тюркоязычные племена и рода начинают занимать господствующие позиции. Туран становится Туркестаном, где происходит ускоренное формирование новой народности, которая впоследствии получит название «узбеки».

Следует отметить непрерывный приток на эту территорию в исторической последовательности тюркоязычных племён и народностей. В результате в ряде исторически сложившихся культурно-хозяйственных областях региона обеспечивается превосходство тюркского этнического слоя. К периоду развитого средневековья в среднеазиатском междуречье и сопредельных территориях значительное большинство населения было тюркоязычными, от этого языка староузбекский язык отделяется в качестве языка нового этноса. Значит, узбеки сформировались в качестве этноса в результате смешения говоривших на двух языках (восточноиранском и тюркском) племён и народностей.

Этногенетические процессы формирования, начиная от родов, племён, союза племён и народности, до состояния народа, считается этногенезом. Как у каждого дела есть начало и конец, у этногенетических процессов также имеется начало и конец. В таком случае возникает вопрос, когда начался этногенез узбеков, с какого времени жители этой земли стали говорить на тюркском, когда произошла тюркизация основного населения этого региона? Обстоятельные ответы на эти вопросы изложены в предыдущих главах этой работы, а также проведена их научно-историческая трактовка, согласно которой сделано заключение о том, что отправной точкой этногенеза узбекского народа является эпоха поздней бронзы и его окончательное формирование произошло в период развитого средневековья.

Всемирная история свидетельствует, что в мире нет ни одного народа, который бы не смешивался с другими этническими группами. Вот что говорил об этом известный специалист по древней истории народов Средней Азии С.П. Толстов: «Ни один из современных народов Средней Азии не имеет непосредственной прямой связи с этническими группами древности. Напротив, в их формировании

в разной степени участвовали как коренные, так и пришлые народы»[1]. В этом плане не является исключением и узбекский народ. Итак, ранними предками узбекского народа, который с древних времён проживает на территории современного Узбекистана, являются в основном представители двух языков – племена и народности, представляющие тюркские и иранские языки. В процессе многовекового смешения, взаимопроникновения этих племён и народностей к XI–XII векам узбекская народность окончательно сформировалась в качестве народа. Но до этого в состав узбекского этноса проникли в разных пропорциях и смешивались с его этнической основой греки, арабы, монголы и другие этнические компоненты. Не менее чем за 2,5 тысячелетия этногенетического процесса узбекский народ от состояния племени достиг уровня сплочённого народа. Сформировалась присущая этому народу материальная и духовная культура, получили развитие различные направления ремесленного производства, среди которых особых высот достигло гончарное искусство (см. цветные иллюстрации 13, 14, 15). За этот период наши предки прошли через несколько этнокультурных этапов. На каждом этапе последовательно, один за другим формируются характерные для народности этнические факторы и признаки.

В первой главе данной монографии были представлены связанные с этногенетическими процессами теоретические и научно-методологические рекомендации определения формирования этноса, в которых отмечалось, что он состоит из общности территории, общности экономики и хозяйства, этнокультурного единства, общности антропологического типа, общности самосознания, этнического названия, политической консолидации и других. Эти процессы происходили не единовременно, а постепенно, поэтапно. Исходя из этих научно-теоретических концептуальных взглядов были определены этапы формирования и развития узбекского народа.

В данной монографии был предложен тезис о том, что первый этап этногенеза узбекского народа начинается с эпохи поздней бронзы. Этот этап охватывает период с середины II тысячелетия до н.э. до вторжения Александра Македонского на территорию Средней Азии. Этот этап, в свою очередь, характеризуется рядом исторических событий.

С переходом скотоводческого населения Великой тюркской степи (степей Евразии) к использованию лошадей, быков, верблюдов и ослов в качестве транспортного средства, жители степи в поисках всё новых и новых пастбищ начинают двигаться на юг, запад и восток. В связи с этим одна из групп Евразийских степных скотоводов во второй половине II тысячелетия до н.э. проникает в бассейн низовьев Амударьи и часть из них обживается в зоне Тазабагъябского канала, проведённого от русла реки Акча Амударьи. Как отмечалось выше, С.П.

[1] *Толстов С.П.* Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. // СЭ, 1947, № VI–VII. С. 304.

Толстов памятники этой новой этнической группы называет «Тазабагъябской культурой».

Обстоятельно изучив материалы этих археологических памятников, он приходит к верному выводу о том, что «эти находки не похожи на материальную культуру коренного населения, они принадлежат какому-то новому этносу»[1]. Также он подчёркивает, что схожие материалы встречаются на пространстве от юго-восточных предгорий Урала до глубинных территорий Минусинской низменности. Это были скотоводческие племена Андроновской этнокультурной общности, которые были широко распространены в Южной Сибири, Горном Алтае, степях Казахстана, предгорных равнинах Кыргызстана и широких просторах Узбекистана. Проникновение этих племён в Среднюю Азию происходило в виде нескольких крупных этнических волн. Первоначально они обживают ещё не освоенные со стороны коренного населения места и устанавливают с ними экономические отношения. В археологической литературе эти племена известны как носители Тазабагъябской, Кайраккумской и Среднеазиатского варианта Андроновской культуры. Позже, в эпоху раннего железа, на эти территории проникает ещё одна очень большая группа, в связи с чем этот регион в истории получает название Туран. Теперь эти племена добираются до областей древнеземледельческой культуры Средней Азии[2]. В наши дни памятники типа Тазабагъябской культуры встречаются по всей территории Средней Азии (см. рис. 18, 19).

Когда было обнаружено, что язык древних священных книг «Веды» и «Авесты» родствен языкам народов современной Европы, в историографии советского времени зарождается идея о принадлежности языка носителей Андроновской культуры к индоевропейской языковой семье[3]. В результате в Великой Тюркской степи, известной в истории под названием Дашти-Кипчак, где с древнейших времен проживали тюркоязычные племена и народности, в евроцентристкой концепции им было отведено место только в пределах территории Горного Алтая. Для научного обоснования этой идеи в советской историографии начинаются поиски ранней родины индоевропейцев. Среди сторонников индоевропейской теории в качестве ранней родины индоевропейцев (последняя гипотеза евроцентристических теоретиков) были признаны юго-восточные территории Уральских гор. Это объясняется тем, что на этой территории в последние годы были про-

[1] *Толстов С.П.* Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии. // ВДИ, 1939. № 3. С. 174–175; Он же. Древний Хорезм. – М., 1948. С. 68.

[2] *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. – М. – Л., С. 116–118; *Аскаров А.* Памятники Андроновской культуры в низовьях Зарафшана. // ИМКУ №3. – Т., 1962. С. 28–41; Он же. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации. // Сборник «Взаимодействие кочевых культур и древние цивилизации». – Алма-Ата, 1989. С. 160–166.

[3] В связи с исследованиями, проведёнными в середине XVIII века в Индии французским учёным Дюппероном в общине персидских зороастрийцев, в науку впервые было введено понятие «индоевропейский».

ведены археологические раскопки памятников первой половины II тысячелетия до н.э., где были обнаружены вещественные источники, которые принадлежали состоятельной части военной знати скотоводческих племён Андроновской культуры. Согласно индоевропейской теории, эти зажиточные военные аристократы назывались индоевропейцами, часть из которых во второй половине II тысячелетия до н.э. со своей исконной родины совершают поход на юг. Часть из них, перевалив через горные хребты Гиндукуша, вступают на земли Северной Индии, устанавливают своё политическое и военное господство над местными первобытными земледельческими общинами и со временем, смешавшись с коренным населением, растворяются в их составе. Вторая часть остаётся в предгорных районах Ирана. Они, как и пришлые этнические группы, установившие своё господство в Северной Индии, постепенно растворяются в местной среде и под влиянием их языковой среды иранизируются. В европейской и советской исторической лингвистике они вначале назывались «варварами», затем стали именоваться «ариями». Поэтому в древнейшей истории Ирана появился этнотопоним страны «Арианы».

На основе этой концепции в советской историографии зарождается понятие, что язык племён Андроновской этнокультурной общности относится к иранской языковой семье. Под влиянием этих взглядов С.П. Толстов, уверовав, что носители Тазабагъябской культуры Древнего Хорезма являются единым с носителями Андроновской этнокультурной общности народом, приходит к ошибочному мнению о принадлежности языка тазабагъябцев к иранской языковой семье.

По данным археологических исследований, коренное население бескрайней Кипчакской степи в соответствии с природно-географическими условиями этого края ещё с эпохи бронзы стало заниматься кочевым скотоводством. Относящиеся к этому времени памятники были широко распространены в Западном Казахстане, в юго-восточной части Уральских гор, в степях вокруг реки Урал, на юге – до среднего бассейна Амударьи, на востоке – до Байкала, а также на этой географической широте в Центральном и Восточном Казахстане, Горном Алтае, в бассейнах рек Обь, Тобол, Енисей и на территории всей Южной Сибири.

В древних китайских источниках есть указание на то, что в III–II тысячелетиях до н.э. на этой территории проживали прототюркские племена[1]. Однако в советской историографии население Андроновской этнокультурной общности рассматривалось в качестве индоевропейцев и в тюркоin тюркоdведении прототюркский этнический слой нельзя было связывать с племенами Андроновской культуры, потому что под давлением советской идеологии никто не осмеливался высказать такое мнение. Первые попытки, предпринятые для обоснования взглядов в этом направлении, были осмеяны советскими учёными, которые были сторонниками индоевропейской теории.

[1] Подробные сведения приведены в главе VII данной книги.

Следует отметить, что в своё время по северным рубежам Великой тюркской степи от среднего бассейна рек Днепра, Днестра, Дона до реки Оки проходила граница между славянскими и тюркскими племенами[1]. Это хорошо известно русским историкам. Как отмечалось выше, в XVI–XVII веках русские княжества объединяются в единое русское государство и его территории расширяются до Уральских гор. Начиная с XVII века русские промышленники, с помощью военных, начинают «осваивать» недра Уральских гор. О строительстве военных крепостей на границах «освоенных» территорий и присоединении к России начиная с XVII–XVIII веков исконной родины тюркоязычных племён – Южной Сибири даже известно из школьных учебников советских ученых. Умалчивая об этих фактах, некоторые стремятся использовать это в корыстных интересах, надеясь развязать в регионе межнациональные распри.

Исходя из принципов объективности, непредвзятого подхода к историческим фактам, хотелось бы отметить, что для тюркских народов, исконной родиной которых были бескрайние степи Евразии, в качестве места проживания была «оставлена» только территория Горного Алтая. Разве не кажется противоестественным с точки зрения объективного научного подхода обосновывать такие взгляды всего лишь легендой о происхождении тюрков от тотема волка? На самом деле территория Горного Алтая в древние времена была всего лишь частью бескрайнего пространства, на которой проживали тюркские племена. Разве не является фальсификацией истории принимать за объективную истину гипотезу лингвистов XIX–XX веков, которые не удосужившись всесторонне и глубоко изучить письменные источники тюркоязычного населения, предполагали, что язык племён Андроновской культуры относится к иранской семье языков? В своё время, когда ещё европейская научная общественность не была в достаточной мере знакома с древними китайскими источниками, можно было предположить появление гипотезы такого рода. И теперь, когда обстоятельно изучены древние китайские источники, когда появились новые научные данные о языке скотоводов Андроновской общности, разве не пришло время внести уточнения по этой проблеме?

Открыв Тазабагъябскую культуру на территории Древнего Хорезма, С.П. Толстов признал представителей этой культуры пришлой этнической группой в низовьях Амударьи. Он противопоставил их коренному населению этих мест – суярганцам и, посчитав тазабагъябцев индоевропейцами, допустил научную неточность. Но признание С.П. Толстовым племён Тазабагъябской культуры в этническом отношении пришельцами со степей Казахстана и Южной Сибири положило начало зарождению идеи о прототюркском происхождении носителей Тазабагъябской культуры, а также, на основе китайских письменных источников,

[1] А территории обширных степей нижних бассейнов рек Днестра, Днепра, Дона, Волги были заняты тюркскими этносами. По верхнему течению этих рек, от северных границ до северной части Уральского хребта, проживали финно-угорские племена и народности.

появлению научной мысли о принадлежности носителей Андроновской этнокультурной общности прототюркским племенам.

Опираясь на вышеприведённые размышления, можно сделать следующее логическое заключение: следы материальной культуры скотоводов эпохи бронзы, которые проживали на территории Великой Тюркской степи под названием «Срубной и Андроновской культур», принадлежат прототюркским племенам и народностям. Действительно, географиические просторы от нижних бассейнов рек Днепра и Днестра до восточных рубежей Южной Сибири были первой родиной прототюркских племён. С эпохи бронзы прототюркские этнические общины целыми группами проникают на земли Мавераннахра, Хорезма и начинают жить по соседству с местным населением. С этого времени на территории современного Узбекистана и сопредельных территориях происходят этногенетические процессы, в которых начинается смешение разных этнических груп, сыгравших важную роль в образовании узбекского народа.

Значит, на основе вышеуказанных фактов в противовес существующим представлениям можно утверждать, что появление прототюркского этноса в Мавераннахре и Древнем Хорезме произошло не во времена Тюркского каганата или в период античности, а намного раньше, в эпоху бронзы или даже во времена неолита. Благодаря коренным общественно-экономическим переменам, в период миграционных процессов эпохи бронзы большая группа прототюрков исходят из метрополии и расселяется по всей территории Средней Азии. Они доходят до среднеазиатских древнеземледельческих общин культуры Намазга, Саразм и Сапалли, которые говорили на восточноиранских языках. Именно с этого времени начинается встреча, взаимная ассимиляция представителей двух языков (иранского и тюркского). Это было началом, отправной точкой этногенеза узбекского народа. Если этот процесс рассматривать в качестве первого этапа этногенеза узбекского народа, то второй этап, связанный с этими процессами, приходится на период античности.

Второй этап узбекского этногенеза связан с появлением на этих землях племён усуней, хуннов и да-юэчжи. Как указывалось выше, в этот период происходят значительные изменения в пользу тюркского этноса. Например, в противовес распространения влияния эллинов в среднем и нижнем бассейнах реки Сырдарьи образуется государство Кангкия (Кангюй). На территории бассейна по среднему течению Сырдарьи из смешения этнических групп, представлявших жителей двух языков, формируется материальное образование – Каунчинская культура и характерный для узбеков антропологический тип – тип среднеазиатского междуречья, тем самым создаётся этнокультурное пространство, где закладывается первичная этническая основа узбекского народа. Первым местным тюркским этническим слоем, относящимся к этой культуре, являются кангары, которые представляли собой коренных чачцев, первыми подвергшихся тюркизации под влиянием языка хуннов и усуней[1].

---

[1] *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарк, 2001. С. 85.

Кушанское государство, которое образовалось в южных областях Средней Азии, в Бактрии, сумело гармонично приспособиться к административной системе управления, берущей начало ещё с древних времён и усовершенствованной под влиянием эллинов. Достижения кушан сыграли огромную роль в этногенезе узбекского народа и истории его государственности. Впервые был заложен фундамент обретения самосознания народа в его этнополитическом и этнокультурном развитии.

Царь кушан великий Канишка, в отличие от своих династических предков, запретил использование в стране греческого языка, объявил местный бактрийский язык государственным, приказал вместо греческой письменности в делопроизводстве использовать бактрийский, монеты впервые стали чеканиться с изображением Канишки (кушанских царей) и присущей для тюркских народов символикой – изображением небесных коней. Хотя кушане стали забывать язык своих древних предков и иранизировались, они помнили о своём происхождении. В надписях храма Рабатак Канишка называет себя и своих предков арийцами, то есть прототюрками.

В письменных источниках до нас не дошло достаточно сведений о древних тюркских этносах Средней Азии, но археологические материалы подтверждают факт проживания в этих краях тюркских этнических групп. Как уже отмечалось выше, в пределах государства Кангкия, в его центральных регионах – в среднем бассейне Сырдарьи, Ташкентском оазисе формировался новый этнос – народность кангар. Его этническую основу составляли местные согдийцы и жившие с эпохи бронзы присырдарьинские прототюркские племена туров. Вхождение в их состав хуннов и усуней привело к увеличению прослойки тюркского этноса. Материальная культура этого смешанного этноса известна в науке под названием «Каунчинская культура».

В течение второго этапа этногенеза узбекского народа формируются по меньшей мере 5 этнических факторов: во-первых в среднем бассейне Сырдарьи, в центральной части государства Кангкия складывается этнотерриториальная общность; во-вторых, в пределах этой этнокультурной общности возникает равномерно развивающаяся хозяйственно-экономическая общность; в-третьих, на основе и в пределах сложившейся территориальной общности формируется единое этнокультурное пространство с одинаковым уровнем развития; в-четвёртых, формируется характерный для узбекского народа антропологический тип – «тип среднеазиатского междуречья»; и, наконец, в-пятых, образуется политическое государственное объединение – конфедерация государства Кангкия (Кангюй), сплотившееся вокруг нового этноса – народности кангар[1]».

Обращаясь к историческим процессам этого периода, уместно будет вспомнить размышления учёного-согдиолога М. Исхакова, посвящённые анализу политической истории тех времён. Как отмечалось выше, по утвержде-

[1] *Асқаров А.* Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. Т., 2007. С. 231.

нию М. Исхакова, в середине I тысячелетия до н.э. с установлением политического господства Ахеменидов на территории Средней Азии отношение ко всем ираноязычным и прототюркским народам, вошедшим в его состав, как к гражданам великого государства Иран, было поднято на уровень государственной политики. Независимо от языковой принадлежности этих народов, общеиранский официальный язык был определён как язык, установленный законом. В итоге в пределах государственного администрирования прототюркский язык, естественно, был упразднён. В этих условиях в мире тюркских народов, оставшихся вне зоны влияния Ахеменидского государства, зародилась новая волна государственности. В восточных регионах тюркского мира появилась прототюркская Империя хуннов. Это государство во внешней политике свои взоры устремила на Туран. Это было понятно – в этих краях проживали близкие по языку, образу жизни и желанию освободиться от политического влияния иранской традиционной государственности тюркские народности. Да, действительно, в советской исторической науке на основе евроцентристского толкования письменных источников укоренилось ошибочное мнение, что на этой земле до образования Тюркского каганата жили ираноязычные племена и народности, и только потом сюда начали прибывать тюрки. Как правильно заметил М. Исхаков, язык письменных источников (согдийский, хорезмийский, бактрийский) не может служить основанием для утверждения, что тюркские племена не являются одним из древних народов на этой земле. Многие тюркские племена, прибывшие и обосновавшиеся на этой земле, по характеру ведения хозяйства и образу жизни в начале античного периода не отвыкли от характерных для степняков традиций и не все из них свыклись с культурой и условиями жизни оседлого коренного населения, то есть не влились в состав тюркоязычной кангарской народности. Возможно по этой причине у них ещё не была выработана культура письменности на своём родном языке, как у оседлых согдийцев и хорезмийцев. По этой причине все дошедшие до нас древние письменные источники принадлежат ираноязычному оседлому населению.

Правда, существуют взгляды, что обнаруженные в последние годы древние образцы письменности в захоронении вождя сакского племени (курган Иссык) и наскальные надписи Дашти-Навур, а также «неизвестное письмо», ключ к прочтению которого до сих пор не найден в науке, принадлежат прототюркским народам. Но есть и такие учёные, которые с сомнением относятся к этим взглядам. Они являются в основном сторонниками индоевропейской теории, а специалисты по исторической лингвистике не пришли к единому мнению по вопросу принадлежности этих писем к определённому языку той или иной этнической группы. Научные споры по этой проблеме всё ещё не завершены.

Следует отметить, что и во времена правления Ахеменидов языком государственного делопроизводства первоначально был арамейский язык, а разговорным языком – древнеперсидский язык. Ещё один пример. В раннем средневековье в областях Мавераннахра, даже тогда, когда у власти стояли представители

тюркских народов, первой половине VI языком официального делопроизводства оставался согдийский язык. Даже на начальном этапе правления Великого Тюркского каганата официальные государственные документы каганата и надписи на монументальных плитах велись на согдийском языке (надпись из Бугута). Такие примеры часто встречаются и на более поздних этапах истории. Значит, для правильной интерпретации вопросов этногенеза не всегда является верным делать выводы только на основании языка дошедших до нас письменных источников. Это может привести к путанице в науке.

В предыдущих главах мы рассказали, как в античный период, на севере Средней Азии, в среднем и нижнем течении Сырдарьи, на обширной территории от Семиречья до Северо-Западного Урала образовалось полуоседлое, полукочевое государство Кангкия (Кангюй). Несмотря на то что подавляющее большинство жителей этого государства состояло из тюркских племён, жители страны продолжали говорить на двух языках. Но благодаря господствующему положению тюрков в общественно-политической жизни государства, их влияние в начале нашей эры распространилось на территории от Согдианы до Амударьи.

Материальная культура тюркских племён (Джетыасарская, Каунчинская и Кызылкирская), распространившаяся по всему региону, резко отличалась от культуры оседлых согдийцев и хорезмийцев. Тюркский этнос, который считается основным этническим компонентом узбекского народа, так же как и его второй этнический слой – согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы – проживали на этой земле с древних времён.

Третья крупная волна тюркских племён и народностей связана с наплывом во внутренние области Мавераннахра хионитов, кидаритов и эфталитов. Исторические процессы, происшедшие в этот период, характеризуют третий этап этногенеза узбекского народа. Следы хионитов, кидаритов и эфталитов на территории Согдианы и Бактрии особенно хорошо просматриваются в памятниках материальной культуры конца IV– первой половины VI века. Например, под влиянием Каунчинской культуры, принадлежащей тюркскому населению, на северо-западе Бухарской области образуется «Кызылкирская культура». К этому времени традиционное ремесленничество, характерное для оседлого населения Согда, вытесняется материальной культурой полуоседлых скотоводческих тюркских племён. Такое положение наблюдается не только в Согде, но и на территории Древнего Хорезма, Древней Ферганы и даже Бактрии.

Четвёртй этап проникновения большой группы тюркского этноса в Мавераннахр и Хорезм связан с расширением владений Великого Тюркского каганата до среднего бассейна Амударьи. К этому времени не осталось ни одной области и района Средней Азии, куда бы стремительными темпами не добирались тюркские племена.

По данным археологических материалов, в период Западно-Тюркского каганата (568–740) власть в Ташкентском оазисе принадлежала тюркским тудунам

и тегинам (наместникам каганата). Именно в этот период чеканятся монеты с изображениями чачских правителей и тюркских знаков-тамга. Древние тюркские монеты находились в Чаче в более ранние времена. Тюркские монеты периода раннего средневековья часто встречаются не только в Ташкентском оазисе, но и в археологических памятниках Древней Ферганы. Пик этого процесса в этногенезе узбекского народа приходится на период расцвета Западно-Тюркского каганата. К этому времени все области Средней Азии находились в составе каганата, и продолжался процесс ускоренного смешения тюркских племён и народностей с местным ироноязычным населением. На этом этапе этногенеза узбекского народа в северных и восточных областях Мавераннахра и на территории Древнего Хорезма наблюдается процесс сближения двух языков и двух укладов хозяйствования. В результате образуется крупная территориальная этнокультурная общность, значительное большинство которой состояло из тюркоязычных земледельцев и ремесленников. Это характеризуется в качестве важной особенности четвёртого этапа истории этногенеза узбекского народа.

Смена в исторической последовательности этнических факторов, характерных для первого, второго, третьего и четвёртого этапов этногенеза узбекского народа, особенно явно наблюдается на археологических материалах Ташкентского оазиса. Такие факторы формирования узбекского этноса, как общность территории, общность экономики и хозяйства, этнокультурное единство, общность антропологического типа и этнополитическая общность впервые стали складываться в античный период в среднем бассейне Сырдарьи. Эти факторы нашли своё материальное отражение в Каунчинской культуре. Каунчинская культура сформировалась именно в областях Ташкентского оазиса и, в целом, среднего бассейна Сырдарьи. Этническая основа узбекского народа впервые сложилась на этом пространстве и распространилась по всей остальной территории современного Узбекистана. На основе Каунчинской культуры стал формироваться тюркский оседлый пласт узбекского этноса. До эпохи бронзы на землях Южного Турана проживали в основном ираноязычные племена и народности. В связи с интенсивным увеличением тюркского этнического компонента к концу раннего средневековья на этой земле стал формироваться этнотопоним под названием Туркестан и образовалось тюрко-согдийское этнокультурное пространство. Такое положение свидетельствует об ускоренном протекании этногенетических процессов узбекского народа в период поздней античности и раннего средневековья, а также о важной роли, которую играла в этих процессах Каунчинская культура.

Вторжение арабов временно приостановило стремительное проникновение тюркских племён и родов во внутренние области Средней Азии. В итоге убыстряется процесс ассимиляции ранее прибывших и обосновавшихся на этой земле тюркских родов с местным населением. Этот процесс особенно чётко наблюдается в северных и восточных частях Мавераннахра. В VIII–IX веках в этой зоне воздвигаются города с тюркскими названиями. К примеру, в бассейне реки

Ангрен выросли Намудлиг, Абрлиг, Арпалиг, Сойлик, Итлик, Хотункат, Барскат, Джабгукат, Арсланкат, Йагузлиг, Йакалик, Ачиг, Джадгал (Чаткал) и десятки других городов и селений. Названия этих мест является свидетельством того, что большую часть жителей Чача составляли тюрки. А в городах, расположенных в центральной и южной частях Средней Азии, напротив, происходит иранизация тюркского населения. Однако в кишлаках и степях этих областей обстановка была совершенно иной. Усвоение жителями того или иного языка и предание забвению своего родного языка зависело от господствующего положения одного из языков, степени самосознания, государственной политики правителей. Такую политику в истории народов Средней Азии впервые применил Канишка, о чем особо отмечалось выше. Впоследствии фундаментальная основа для проникновения тюркского этнического слоя в регионе во все сферы общественной жизни была заложена во времена Западно-Тюркского каганата. В этом ряду ещё одним важным событием в этногенезе узбекского народа является образование в 40-х годах IX века на северо-востоке Мавераннахра государства Карлуков.

Тюрки-карлуки в далёком прошлом жили на территории западных степей Алтая. С образованием Тюркского каганата они покидают Западный Алтай и занимают территории берегов Иртыша, Джунгарии, северных истоков реки Или. Большая часть карлуков (в VI–VII веках) размещаются в западных областях Восточного Туркестана, на северо-восточных территориях Ферганской долины и даже в некоторых районах Тохаристана[1].

Одним из крупных племён в составе карлукского союза было племя чигиль. До прибытия в Семиречье они проживали в бассейне Иртыша, Джунгарии. Ещё одним карлукским племенем были халаджи, большая часть которых в течение VI–VIII веков обосновываются на территории Афганистана, Пакистана и Ирана. Остальная часть халаджей в составе карлуков жила в северных степях по реке Или. В 766 году после роспуска карлуками политического объединения тюргешей, они (карлуки) остаются в долине реки Чу и устраивают свою ставку в городе Суябе. С этого времени ябгу карлуков устанавливают своё господство на огромной территории от гор Джунгарии до Сырдарьи[2].

У карлуков, как и у родоплеменных общин Тюркского каганата, старейшина рода назывался бек, вождь племени – джабгу, несколько родов составляли племя, союз (объединение) племён – народность. Такой порядок (система) родоплеменного устройства сохранялся у карлукского союза до середины VIII века. После захвата карлуками Семиречья (60-е годы VIII века), служебные обязанности джабгу (ябгу) расширяются. Теперь джабгу был вождём не одного племени, а руководил всеми племенами и оседлым населением на занятой карлуками терри-

[1] *Шониёзов К.* Узбеки-карлуки. – Т., 1964. С. 12–36; О н ж е . О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа. // ОНУ, № 6, 1981. С. 28–35; О н ж е . Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. С. 157.

[2] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 158–159.

тории. Теперь он был джабгу союза племён. Если раньше джабгу избирался на собрании родов и племён, то теперь он избирался вождями племён на собрании джабгу. Для управления подвластными им родами, племенами джабгу и особенно правителям оседлых областей присваивался титул «элтабар». Беки и элтабары одновременно являлись и военачальниками. Этот порядок действовал до 840 года, то есть до образования государства Карлуков[1].

VIII век в истории народов Мавераннахра и Хорасана прошел под девизом борьбы против арабов. Местное население бесчисленное множество раз восставало против арабов. Борьба за власть между племенами дулу и нушиби привело к кризису Западно-Тюркского каганата (740 г.), и западные области Восточного Туркестана (Кашгар, Хатан, Яркенд), а также северо-восточная часть Ферганской долины переходят во владение карлуков. В 766 году под ударами карлуков распадается образованный в Семиречье Тюргешский каганат (707–766).

До завоевания карлуками Семиречья, западных областей Восточного Туркестана и северо-восточной части Ферганской долины там проживали этнические группы, относящиеся к тюркским племенам аргун, тухси, тюргеши, азы, узы, ягмо. Они стали жить бок о бок и вперемешку с общинами нового племенного союза карлуков. К 40-м годам IX века в пределах вышеуказанной огромной территории образуется Карлукское государство. На территории Карлукского государства на протяжении 200 лет (568–740) господствовал Западно-Тюркский каганат, который на этой земле заложил основы для увеличения и перехода к оседлой жизни тюркского этнического слоя. Распавшийся по причине арабского нашествия и внутренних распрей Тюркский каганат не исчез бесследно со страниц истории. На его руинах в результате объединения нескольких тюркских племён образовались племенные союзы (Карлук, Кыргыз, Уйгур, Хазар, Огуз и другие союзы племен), небольшие государства (Дунгхуан, Карашахр, Бешбалик, Куча, Кашгар, Турфан, Яркенд и другие)[2]. У племенных союзов и политических объединений, проживавших в пределах территории Тюркского каганата, развивается экономика и культура, формируется письменность и язык, понятный для всего населения каганата[3]. Образованные в период каганата отдельные этнические общности (огуз, уйгур, карлук, кипчак, кыргыз, дулу и другие) послужили основой для формирования в средние века ряда народностей (узбеков, уйгуров, туркменов, кыргызов, казахов, каракалпаков).

По сведениям арабского историка Табари, в VII–VIII веках основу населения Балха, Тохаристана, Бадхиза, Кухистана, Серахса, Чаганияна, Бухары, Чача и Ферганы составляли тюркские роды, среди которых особое место занимали карлуки. Судя по материалам письменных источников, хотя между Саманидским и Карлукским государствами и существовала граница, но она не была границей в

---

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 160–161.

[2] *Малявкин А.Г.* Уйгурские государства в IX–XIII вв. – Новосибирск, 1983. С. 215–223.

[3] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 151.

современном понимании этого слова. Тюркские племена свободно переселялись в Мавераннахр с северных территорий Сырдарьи.

Мирное и беспрепятственное переселение тюркских племён в Мавераннахр происходило и до арабов, и во времена правления арабов, и не прекращалось даже тогда, когда Саманиды построили против них на границах оазисов заградительные стены. В результате этого ускоряется переход тюрков к оседлой жизни и тюркизация коренного населения. На территории Мавераннахра, по которой широко распространились тюркские племена и роды, зародились условия для образования общественно-экономической структуры тюрков и их этнополитического объединения. Такие исторические условия в жизни тюркских родов Средней Азии достигают пика к IX веку. В то же время в тюркском этническом слое быстрыми темпами происходил процесс феодализации. Этот процесс совершался одновременно с непрерывными войнами, грабительскими походами представителей высших слоёв, стремившихся к достижению независимости от центральной власти. Для прекращения феодальных распрей в скотоводческих регионах появилась потребность в создании сильной государственной власти. Такая сильная государственная власть образуется на основе влиятельного племени. Значит, в процессах межэтнического сближения ведущую роль играет определённая этническая группа. Другие группы консолидируются вокруг этой ведущей группы (племени) и сближаются с ней в языковом и этнокультурном, территориальном и хозяйственно-экономическом отношениях. С завершением этногенетического процесса расположенные на определённой территории этнические общности, пройдя через известные этапы развития, смешиваются друг с другом и образуют политическое объединение, жители которого говорят на одном языке или близких диалектах этого языка, имеют общие во многих отношениях взгляды. В тюркском мире IX века таким политическим объединением был союз племен карлуков. В пределах территории этого тюркского союза племён формируется и язык жителей Карлукского государства. По мнению известного лингвиста Н.А. Баскакова, этот язык сформировался на основе карлукского диалекта[1].

Махмуд Кашгари в своём произведении «Девону лугатит турк» («Свод тюркских слов»), размышляя о тюркских языках, говорил: «Среди них самым ясным и складным является язык жителей области Хакания»[2]. Этот язык был не только разговорным языком тюркской народности, но также являлся государственным и литературным языком в карлукском государстве Караханидов[3]. На этом языке на-

---

[1] *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. – М., 1961. С. 170-171; Он же. Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана. // «Народы Средней Азии и Казахстана». – М., 1962. С. 117, 119, 128, 129.

[2] *Кошғарий Маҳмуд.* Девону луғотит турк. (Таримон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов). – Т., 1960. С. 65–66.

[3] *Баскаков Н.А.* Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана. // «Народы Средней Азии и Казахстана». – М., 1962. С. 128.

писана поэма Ахмада Югнаки (XII век) «Ҳибат ул-ҳақойиқ» («Подарок истин»), произведение Юсуфа Хос Ходжиба (вторая половина XI века) «Қутадғу билиг» («Благодатное знание»), «Книга мудрости» («Девони хикмат») Ахмада Яссави (XII век), поэма «Огузнамэ» и другие. Известные учёные-лингвисты признают, что эти произведения написаны на карлукском диалекте тюркского языка[1]. Как отмечает известный этнограф К. Шониёзов, арабские, согдийские, персидские слова вошли в карлукский диалект раньше, чем в языки других тюркских племён. Это объясняется тем, что западные области Семиречья, Восточного Туркестана, входившие в состав Карлук-Караханидского государства, примыкали к Мавераннахру, и экономическое, этнокультурное влияние древнего оседлого населения этого края создало реальные и обширные возможности для воздействия на этот язык. Северо-восточная Ферганская область Мавераннахра находилась в составе этого государства. Именно под влиянием этих языков к IX–X векам карлукский язык уже несколько отличался от древнетюркского Орхонского (язык енисейских надписей) языка своими фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями и станет языком тюркской народности, которая впоследствии получит этническое название «узбек»[2]. Развитие этого языка ещё более усилилось в период Западно-Караханидского государства, что привело к формированию староузбекского языка и письменной узбекской литературы.

В научно-культурном центре Караханидского государства Кашгаре развивается наука, литература и искусство. Вышеупомянутые произведения Махмуда Кашгари «Девону лугатит турк» (свод тюркских слов), Юсуфа Хос Ходжиба «Қутадғу билиг» («Благодатное знание») и Ахмада Югнаки «Ҳибат ул-ҳақойик» («Подарок истин») не только заложили фундамент тюркской письменной литературы, но и определили перспективы его развития.

«Свод тюркских слов» является энциклопедическим произведением в области тюркского языкознания, в котором приведены десятки древних преданий и легенд, более 200 пословиц и поговорок, изречений и афоризмов, несколько сот стихотворных отрывков. Большинство из них состоят из четверостиший, характерных для устного народного творчества тюркских народностей. Стихотворения, приведённые в «Своде» показывают, что основным стихотворным размером в тюркской поэзии был силлабический размер. Часть стихотворений написана в форме бейта – двустишия, присущего поэзии исламского периода. Это свидетельствовало о том, что в тюркской литературе начинался переход к арузу (метрической системе стихосложения, основанной на определённом чередовании долгих и кратких слогов, широко применявшемся в узбекской классической поэзии – А.А.)[3].

---

[1] *Щербак А.М.* Огузнаме. Мухаббатнаме. – М., 1959. С. 108.

[2] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 89.

[3] *Очилов Э.* Ёзма адабиёт. Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. 12-жилд. – Т., 2006. С. 511.

Известно, что языковые особенности произведения Махмуда Кашгари «Свод тюркских слов» построены в основном на образцах пословиц, песен и примеров из языков тюрков, проживавших в Семиречье, Восточном Туркестане и бассейне Енисея. В произведениях сведения о тюркском населении Ташкентского оазиса, Ферганской и Зарафшанской долины не встречаются. Также даже в качестве примера не включены пословицы и поговорки тюркских диалектов, испытавших на себе влияние северо-восточного иранского и арабского языков. Несмотря на это тюркский стержень узбекского языка нашёл своё полное отражение в произведении Махмуда Кашгари.

Например, приведённые в данном произведении тюркские слова и термины – конь, человек, слово, лицо, синева, гора, железо, сын, рот, глаз, дерево, пища, соль, баран, пшеница, ячмень, просо, голова, сапоги, дверь, груз, парень, возраст, луна, объятие, душа, сердце, ночь, день, птица, червь; прилагательные – длинный, короткий, сухой, широкий, чёрный, красный, твёрдый, тяжёлый; числительные – один, два, тысяча; сказуемые – режь, тупить (не острый), не преклоняться, показываться, выходить, пинать, не говорить, видел, пошёл, слушай, строиться и другие широко используются в современном узбекском языке[1]. Эти понятия и слова также встречаются в туркменском, казахском, киргизском, башкирском, уйгурском, татарском и других тюркских языках. Но в каждом языке они имеют разные фонетические особенности. Вместе с тем, ни один из современных тюркских языков не может считаться непосредственным преемником древнетюркского языка, потому что почти все они целым рядом особенностей отличаются от древнего тюркского языка. На формирование каждого из этих языков оказали влияние природно-географические и политические факторы, а также бывшая в употреблении определённая языковая среда. Значит, в формировании узбекского языка, в его отделении от языка Хакании, построенного на карлукско-чигильских диалектах, большую роль сыграла общественная и политическая языковая среда, господствовавшая в те времена в Мавераннахре.

Самое главное заключается в том, что в течение XI–XII веков из состава языка Хакании, упоминаемого Махмудом Кашгари, отделяются основы современного узбекскского языка. Поэтому узбекский язык во многих отношениях отличается от языка Хакании, в основе которого также лежит карлукско-чигильский диалект тюркских языков. Однако у читателя не должно возникнуть представления, что в основе узбекского языка не лежит карлукско-чигильский диалект тюркских языков, потому что все современные языки, согласно законам развития языка, обогащаются и совершенствуются за счёт других языков. Нет ни одного языка, который бы в своём развитии не испытал влияние других языков на древние основы своего языка. Не является исключением и узбекский язык, сложившийся на основе карлукско-чигильского диалекта. По этой причине узбекский язык, сфор-

[1] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М.–Л., 1951. С. 27–33, 306–311.

мировавший в XI–XII веках в качестве языка определённой народности, отличался своим богатым словарным фондом, вновь образованными словами, то есть обогащался за счёт тюркизации основ иранских, арабских и других языков. Всё это происходило в результате развития орошаемого земледелия, разнообразного ремесленного производства и этнокультурного хозяйства. Это развитие привело к образованию новых слов. При помощи словообразующих суффиксов «чи», «лик», «моқ», «сиз», «иш», «дош» из отдельных слов были образованы новые слова. Например, от слова «йўл» (дорога) образовались слова «йўлдош» (попутчик), «йўловчи» (путник, прохожий), «йўлловчи» (направляющий)»; от глагола «юр» (пошли, ходи) – «юрмоқ» (ходить, идти, двигаться и другие), «юрадиган» (двигающийся, ходячий); от слова «сув» (вода) – «сувчи» (поливальщик, водонос), «сувлик» (влажный, водный, поливной, сочный), «сувсиз» (безводный). Это во-первых.

Во-вторых, в узбекский язык вошли ряд арабских и персидских слов, которые в определённой степени усилили структуру узбекского языка. Такие слова не только заняли важное место в структуре узбекского языка, но и, сохранив свою форму, подверглись влиянию местных диалектов. Вместе с тем, эти слова усилили отличие узбекского языка от других тюркских языков Средней Азии[1]. В-третьих, в этот период произошло формирование грамматического строя и фонетики, морфологии и лексики узбекского языка. Одной из важных особенностей узбекского языка было употребление в начале слова вместо фонем «д», «г», фонем «т», «к». Этой особенностью узбекский язык отличается от туркменского и азербайджанского языков. К примеру, если в туркменском языке слова пишутся в форме «душ» (сон), «гўз» (глаз), то в узбекском языке – «туш» (сон), «кўз» (глаз). В конце некоторых слов место фонем «в», «у» заняла фонема «ғ». Например, слово «сов» (здоровый) стало произноситься как «соғ» (здоровый), а вместо слов «тов-тоу» – «тоғ» (гора). Это вовсе не значит, что в современном узбекском языке не сохранились некоторые элементы древнетюркского языка, которые встречаются в других, вновь образованных тюркских языках. Такие понятия, безусловно, встречаются и в узбекском языке, но они не определяют основные особенности узбекского языка[2]. Язык узбекского народа, сформировавшийся в течение XI–XII веков, отличается от других тюркских языков и своим словарным составом. В его составе, как говорилось выше, больше арабизмов и персидских слов. Вместе с этим посредством использования арабских и персидских суффиксов и аффиксов

---

[1] *Турсунов У., Ўринбоев Б., Алиев А.* Ўзбек адабий тили тарихи. (Дорилфунунлар ва педагогика институтларининг филология факультетлари талабалари учун дарслик). – Т.: Ўқитувчи, 1995. С. 31–313; *Ваҳобов М.В.* Ўзбек социалистик миллати. – Т., 1960. С. 36–37.

[2] *Турсунов У., Ўринбоев Б., Алиев А.* Ўзбек адабий тили тарихи. (Дорилфунунлар ва педагогика институтларининг филология факультетлари талабалари учун дарслик). – Т.: Ўқитувчи, 1995. С. 37-44, 61; *Маллаев Н.М.* Ўзбек адабий тили. – Т., 1976. С. 98; *Усмонов С.* Ўзбек тилининг луғат составида тожик-форсча ва арабча сўзлар. // «Навоийга армуғон» тўплам. – Т.: Фан, 1968. С. 123; *Ваҳобов М.В.* Ўзбек социалистик миллати. – Т., 1960. С. 37.

из слов с тюркской основой были образованы новые слова. Например, наряду с такими арабскими и персидскими словами, как «одам» (человек), «китоб» (книга), «осмон» (небо), «нон» (хлеб), к некоторым словам с тюркским корнем прибавились персидские аффикс «бе», суффиксы «дор», «зор» и были образованы новые слова. В итоге от корня «сув» (вода) образовалось новое слово «бесув» (безводный), от слова «қарз» (долг) – «қарздор» (должник), от слов «буғдой» (пшеница), «арпа» (ячмень) – «буғдойзор» (пшеничное поле), «арпазор» (ячменное поле). Так словарный состав узбекского языка обогатился словами с новыми значениями. Места древних тюркских слов стали занимать другие слова. Так, вместо тюркского слова «очун» (вселенная, мир) стали употребляться слова «олам» (вселенная, мир), «дунё» (вселенная, мир), «жаҳон» (вселенная, мир); наряду с тюркским словом «кўк» (небо, синева) стали пользоваться словами «осмон», «фалак» (небо); слово «куёш» (солнце) употребляется вместе со словами «кун», «офтоб» (солнце).

Таким образом, словарный состав узбекского языка в пределах Мавераннахра и примыкающих к нему территорий стал обогащаться за счёт присоединения к тюркским корням слов арабских и персидских аффиксов и суффиксов, так стали формироваться особенности, характерные для узбекского этноса. В XI–XII веках в пределах территории Западно-Караханидского государства на этот процесс большое влияние оказали нетюркские этнические факторы.

В узбекской исторической лингвистике было принято за основу положение, что основные особенности грамматического строя, фонетики, морфологии и лексики современного узбекского языка впервые встречаются в произведениях, написанных в XIII–XIV веках. Поэтому на основе этого положения было сделано заключение, что узбекский язык в качестве языка самостоятельной народности сформировался в XIV веке.

В исторической лингвистике не стал учитываться тот факт, что в пределах Западно-Караханидского государства (в Мавераннахре) языком науки был арабский язык, литература традиционно велась на фарси. Тюркоязычное местное оседлое население называлось сартами и написанные на сартском языке тюрков и тюркизированных согдийцев произведение Ахмада Югнаки «Ҳибат ул-ҳақойиқ» («Подарок истин»), а также «Девони хикмат» («Книга мудрости») Ахмада Яссави не могли появиться на пустом месте. Созданные в XIII–XIV веках в письменном виде произведения на узбекском языке были написаны именно на этом разговорном сартском языке. По этой причине определять формирование узбекского языка на основе литературных произведений является ошибочным. Язык народности может сформироваться и развиваться до появления письменных произведений, а создание произведений не может служить признаком формирования языка народности.

Произведение Юсуфа Хос Хаджиба «Қутадғу билиг» («Благодатное знание») положило начало исламской тюркской литературе, подняв его на новую степень

развития. Это произведение было создано не только на основе литературных традиций тюркских народов, но и с использованием опыта мастеров слова, творивших на фарси. Ещё одним ярким образцом тюркской литературы, в первую очередь узбекской литературы, является поэма Ахмада Югнаки «Ҳибат ул-ҳақойиқ» («Подарок истин»). Это произведение было пропитано духом священного Корана и Хадисов. Оно было создано с целью пропаганды исламской морали, воспитания совершенной личности[1].

Специалист по тюркским языкам, учёный-лингвист Е.Э. Бертельс отмечает, что это произведение является мостом от древнего узбекского литературного языка к классическому узбекскому литературному языку[2]. В произведении по сравнению с тюркскими словами использовано больше арабских и персидских слов. Следующий этап в развитии тюркской узбекской литературы связан с именем Ахмада Яссави. В его книге «Девони хикмат» («Книга мудрости») значительное место занимает толкование положений Корана, требований ислама, комментарии основ тариката, тема почитания Всевышнего, наставления и описание благой морали, критика алчности, философские размышления[3].

В это время тюркская литература развивается под влиянием арабского и персидского языков, литературы, исламской религии и философии тасаввуф. В этот период общественно-экономическая и этнокультурная жизнь в Мавераннахре и сопредельных с ним областях достигает таких высот, что есть все основания говорить о нём как об «эпохе раннего Возрождения». Этот подъём, раннее возрождение наблюдается как в языке, так и в литературе.

Как уже говорилось выше, круг влияния Караханидского государства распространяется от Семиречья до восточных территорий Древней Ферганы, оттуда до среднего бассейна Сырдарьи. По мнению этнографа К. Шониёзова, хотя в IX–X веках политическая власть в Мавераннахре находилась в руках персоязычных Саманидов, в его северных, северо-восточных и северо-западных областях, в пределах Карлукско-Караханидского государства, уже была создана тюркская основа узбекской народности. Эта тюркская этническая основа, заложенная в IX–X веках, послужила прочным фундаментом для политического объединения народа, который впоследствии получит название «узбекский народ». Именно эта крупная тюркская этнокультурная территориальная общность в истории узбекского народа характеризуется в качестве важной фундаментальной основы, его пятого этапа.

Если ещё раз обратиться к этногенезу узбекского народа в докараханидский период, то можно увидеть, что тюркское население с древних времён проживало бок о бок, иногда совместно в пределах одного кишлака или города, с согдийцами, бактрийцами, хорезмийцами, жителями Чача и Парганы. Большинство из

---

[1] *Очилов Э.* Ёзма адабиёт. ЎзМЭ, 12-жилд. С. 511.

[2] Там же.

[3] Там же.

них располагались в Мавераннахре. В IX–X веках некоторые группы согдийцев вместе с семьями проживали в областях Семиречья, Восточного Туркестана и Южной Сибири вплоть до Китайской стены. Согласно историческим источникам, в VI–VIII веках на этих землях даже были образованы торговые общины согдийцев. Китайский путешественник Сюань Цзянь, посетив долины Чу и Талас (630 г.), встретил живущие здесь общины согдийцев[1]. В первой половине VII века согдийцам, которые жили на территории современной Монголии, для их компактного проживания со стороны Тюркского каганата даже была выделена земля[2]. Недалеко от того места, где река Унга вливается в Ангару, был обнаружен могильник общины согдийских торговцев VII века[3]. В 758 году согдийцы вместе с китайцами на берегу реки Селенга построили для уйгурского хана город Бай-Балик[4].

Как бы далеко на восток от Мавераннахра ни забирались предприимчивые согдийцы в качестве торговцев или ремесленников-предпринимателей, в численном отношении они намного уступали тюркскому этносу. Некоторые из согдийских деловых людей были на службе у тюркских каганов и даже занимали высокие должности. Например, согдийский купец по имени Ань-Суй Цзя был одним из самых близких людей тюркского кагана Дула, который управлял территорией Монголии[5]. Во дворце Восточно-Тюркского кагана Шибо (609–619 гг.) согдиец по имени Шиши Хуси служил советником кагана. В начале VIII века согдиец Ань-Янь[6] был главнокомандующим войск Восточно-Тюркского каганата и затем одного из представителей знати Ашины. Таких примеров можно привести бесчисленное множество.

Как отмечается в источниках, написанных на арабском и персидском языках, на какой бы территории ни проживали тюркские народности, в разных соотношениях там жили и согдийцы. Поэтому Махмуд Кашгари приводит широко распространённую в то время пословицу: «Тотсиз турк бўлмас, бошсиз бурк (калпоқ – А.А.)» (т. е. без татов не бывает тюрков, без головы – колпака)[7]. В IX–X веках в родоплеменной структуре, образе жизни скотоводов-кочевников происходят серьёзные изменения. У кочевых этносов усиливается стремление к оседлой жиз-

---

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 260.

[2] *Pulleyblank E.G.* Sogdiana colony in innev Mongolia, Toyng, vol. 417, 1952, p. 323–324.

[3] *Окладников А.П.* Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (согдийская колония на р. Унге). // «Тюркологические исследования». – М. – Л., 1963. С. 43.

[4] *Малов С.Э.* Памятники древнетюркской письменности. – М. – Л., 1951. С. 43; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии . – М., 1964. С. 120.

[5] *Pulleyblank E.G.* Sogdiana colony in innev Mongolia, Toyng, vol. 417, 1952, p. 318.

[6] К именам бухарских согдийцев на китайский лад прибавлялось «Ань», а если перед именем стояла приставка «Кань», то этот человек по своему происхождению был самаркандским согдийцем. См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М. – Л.. Том III. С.164, 165.

[7] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 261.

ни[1]. Этот процесс особенно наглядно бросается в глаза в образе жизни карлукских и чигильских племён. Эти два племени в союзе с аргунами, тухси, тюргешами и другими тюркскими этносами жили рядом с согдийцами, хорезмийцами, оседлыми местными жителями Тохаристана, Чача и Древней Ферганы. На протяжении нескольких веков между ними складывались мирные, ровные экономические и культурные отношения, а смешение этносов сыграло большую роль в переходе тюрков к оседлому образу жизни. В середине X века в качестве преемников государства Карлуков к власти приходит династия Караханидов. В конце X – начале XI века, когда Мавераннахр переходит во владение Караханидских тюрков, этот процесс приобретает массовый характер.

Важную роль в формировании народности играли браки между тюркскими племенами и родами, а также с представителями аристократии других этнических групп. Как утверждает академик К. Шониёзов, у большинства тюркских племён и народностей браки между членами одного рода и общины не были запрещены, то есть господствовали эндогамические браки. Этот вид брака являлся важным фактором в сближении родов и племён с оседлыми жителями. Иногда родственные отношения устанавливались не только между разными тюркскими родами, но и с представителями других языков и религий. Таким образом, путём установления родственных отношений через заключение браков, роды сближались и смешивались друг с другом[2]. Традиции брачных отношений в управлении Тюркским каганатом привели к внедрению «системы курагонства» для правителей вассальных областей. О существовании межэтнических браков в пределах Западно-Караханидского государства можно не сомневаться. Никто не может гарантировать, что таких браков в период Караханидов не существовало. Межэтнические браки, браки с представителями знати других государств имели действенную силу. Эти браки служили средством разрешения противоречий между людьми, родами и племенами, даже между государствами.

Известно, что в IX–X веках в центральных областях Средней Азии была установлена власть государства Саманидов. В период правления Исмаила ибн Ахмада (892–907) государство Саманидов превращается в сильное централизованное феодальное государство, где экономика, культура и наука получают ещё большее развитие. Но, начиная со второй половины X века, власть Саманидов из-за внутренних противоречий начинает слабеть. Ослаблению государства Саманидов способствовали восстания в зависимых от него территориях (особенно в Хорасане), непрерывные войны за трон между наследниками. Такой ситуацией воспользовались правители Карлукско-Караханидского государства[3].

[1] *Кошғарий, Маҳмуд.* Туркий сўзлар девони (Девону-луғот ит-турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи *С.М. Муталлибов.* – Т.: Фан, 1960–1963. I том. С. 66.

[2] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 260.

[3] *Бартольд В.В.* Арабские завоевания и Туркестан при Саманидах. Соч. Т. II, часть 2. С. 522-523; *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 235.

Таким образом, к концу X – началу XI века на всей территории Мавераннахра была установлена власть тюркских Караханидов[1]. Образование Караханидского государства на огромном географическом пространстве, включавшем территорию от Кашгара до Амударьи, большую часть Восточного Туркестана, Семиречье, Ташкентский оазис, Древнюю Фергану, Древний Согд и Бактрию-Тохаристан, было этническим признаком, свидетельствующим об окончательном формировании узбекского народа.

В конце X – начале XI века со свержением Саманидского государства и образованием Караханидского государства, границы которого простирались на юге вплоть до Амударьи[2], в истории этногенеза узбекского народа свершились все этнические факторы и признаки, необходимые для его формирования в качестве народа. Выражаясь точнее, в пределах огромного территориально-географического пространства было создано политическое государственное объединение с общностью материальной и духовной культуры, антропологического типа, со сформировавшимся самосознанием тюркского этноса, сплотившегося в рамках этого объединения с учётом признаков двуязычия.

В теоретической этнологии говорится, что образование государственного политического объединения свидетельствует об окончательном формировании определённого народа. Опираясь на эти теоретические взгляды, некоторые историки приходят к выводу, что в конце X – первой четверти XI века, в связи со вхождением территории Мавераннахра и Хорезмского оазиса в состав Караханидского государства, узбекская народность формируется в качестве народа. Но это крупное политическое объединение – Караханидское государство являлось государственным образованием, которое одинаково относилось ко всем тюркским народам Туркестанского края – узбекам, казахам, туркменам, уйгурам.

Вместе с этим в пределах его территории проживали тюркские племена и народности с разным уровнем экономического и этнокультурного развития. В связи с тем, что это государство было политическим объединением народностей, которые говорили на разных диалектах тюркского языка, они также отличались друг от друга характером, своеобразием хозяйственно-экономического производства, особенностями этнокультурных и этнопсихологических отношений. Большая часть населения западных территорий каганата в корне отличалась от других оседлым образом жизни и смешением тюркского языка с арабо-персидскими языками. Такое положение мы наблюдали выше на примере языка и литературы Хакании. Исходя из вышеприведённых примеров, мы можем прийти к научно обоснованному выводу о том, что для окончательного формирования узбекского народа не хватало одного из необходимых и важных этнических факторов – един-

---

[1] *Ибн аз Асир.* Китаб ал-Камил фи-тарих. Пер. с арабского К.Б. Старковой. // В кн. «Материалы по истории киргизов и Киргизии». – М., 1973. Т. 1. С. 57.

[2] *Ал-Утби.* «Тарих-и Йамани». Пер. с перс. М.А. Салахитдиновой. // В кн. «Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв.» – Т., 1988. С. 26–27.

ства языка, а также соответствующего этносу политического государственного образования. Для образования разговорного узбекского языка и его отделения от общетюркского требовались соответствующие условия и время. По воле истории и эта проблема нашла своё разрешение, когда в середине XI века (1041 год) Караханидское государство разделилось на две части и в пределах Западно-Караханидского государства зародились политические и этнокультурные условия для развития на основе карлукско-чигильских диалектов разговорного староузбекского языка. На этой земле по соседству и вперемешку с согдоязычным населением с древних времён проживали большей частью уже оседлые тюркоязычные племена тюрк, калтатой, карлук, чигиль, тухси, аргун, мусабозори, тюргеш, которые обеспечивали превосходство тюркского языка в Мавераннахре и Хорезме. В итоге происходит ускорение процесса тюркизации языка этнических слоёв согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев в регионе. Тюркская политическая власть (Карлукско-Караханидское и Западно-Караханидское государства), в свою очередь, в сфере экономических, этнокультурных отношений между представителями двух языков проводит политику, которая была направлена на обеспечение превосходства тюркского влияния. Эти отношения были подняты на уровень этнической ассимиляции. В результате карлукско-чигильский диалект тюркского языка в пределах Западно-Караханидского государства отделяется от других наречий тюркского языка в качестве разговорного староузбекского языка. Эти объективные исторические события происходят в пределах Западно-Караханидского государства, которое охватило всю территорию современного Узбекистана.

Эти процессы относятся к шестому, заключительному этапу этногенеза узбекского народа. Если эти этногенетические процессы анализировать на основе языка дошедших до нас научных и литературных произведений, то можно считать, что труды Махмуда Кашгари и Юсуфа Хос Хаджиба послужили краеугольным камнем в становлении староузбекского языка, а язык произведений Ахмада Югнаки и Ахмада Яссави являются образцами староузбекского общенародного языка, получившего развитие на основе разговорного узбекского языка.

Этногенетические процессы на территории современного Узбекистана и сопредельных с ним территориях протекали на протяжении не менее двух с половиной тысячи лет. За это время в результате смешения, ассимиляции, которая началась в эпоху бронзы, согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев и саков с жившими с ними по соседству тюркоязычными племенами происходит к XI веку полное, а к XII веку окончательное формирование узбекского народа. Эти этногенетические процессы нашли отражение в материальной и духовной культуре, а также во внешнем облике современных узбеков.

Наряду с ускоренным развитием этногенетических процессов в пределах Мавераннахра и окрестных областях происходило обогащение словарного состава узбекского языка за счёт прибавления к тюркским карлукско-чигильским корням слов арабских и персидских аффиксов и суффиксов. Это привело к формирова-

нию особенностей языка, характерного для узбекского этноса. В XI–XII веках на формирование староузбекского языка на территории Западно-Караханидского государства большое влияние оказали этнические факторы нетюркского происхождения. Такое положение нашло отражение в некоторых произведениях. Например, в рецензии А. Ахмедова на рукопись книги «История происхождения узбекского народа» приводится отрывок из произведения Омара Хайяма «Наврузнома», которую он создал в 70-х годах XI века в Самарканде. В этом отрывке приведены слова мифического (легендарного) кагана тюрков Афрасияба: «Асп бар малик чунон астки, моҳ бар осмон», то есть «от эрга андоққим, кўкка Ой» (конь мужчине необходим так же, как луна для неба). Лингвисты говорят, что слово «андоқ» у других тюркских народов не встречается. Значит, есть основание утверждать, что староузбекский язык окончательно сформировался во второй половине XI–XII веках. Здесь приведенный отрывок из Омара Хайяма приобретает важное значение.

Итак, узбекский язык в качестве языка отдельной народности сформировался в XI–XII веках. В этот период вместо древнего согдийского, хорезмийского языков и языков Хакании, на которых говорило население Ферганской долины, Ташкентского и Хорезмского оазисов, используется староузбекский язык. Подтверждением этому является то, что в XIII веке в Хорезме создаётся грамматика тюркского языка, согдийское название «Бинкент» в XI веке вытесняется названием «Ташкент», многие названия городов и кишлаков на территории Мавераннахра – Туркестан, Намудлиг, Абрлиг, Арпалиг, Сойлик, Итлик, Хотункат, Барскат, Джабгукат, Арсланкат, Йагузлиг, Йакалик, Ачиг, Джадгал (Чаткал), Чимкент, Сайрам, Узген, Кумкурган, Каттакурган выражены тюркскими терминами[1].

[1] *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. – Л., 1927. С. 83.

Глава XIII
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МАВЕРАУННАХРЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ С НИМ ТЕРРИТОРИЯХ В XIII–XIV ВЕКАХ

В истории узбекского народа, сформировавшегося в период Западно-Караханидского государства, к началу XIII века происходит осложнение политической обстановки в Мавераннахре. 200-летнему правлению Караханидов был положен конец Мухаммадом Хорезмшахом. Но Мухаммад Хорезмшах не ограничился этим и направил свои войска на территорию среднего бассейна Сырдарьи. Он совершает военные походы на местные скотоводческие племена и, хотя ему не удаётся подчинить их, нарушает мирную жизнь жителей степи.

В эти времена усиливаются жившие на берегах реки Или найманы, которые на развалинах Каракитайского государства (включавшего территории Хатана, Яркенда, Кашгара, Семиречья и Ферганской долины) образуют новое государство во главе с Кучлукханом. Найманы совершают военные походы на каракитаев, кипчаков, карлуков, кангли и другие тюркские племена Семиречья и Восточного Туркестана, грабят, унижают и подвергают гонениям местное мусульманское население и разрушают их кишлаки. В итоге ухудшение отношений между Кучлукханом и мусульманской знатью превращается в открытую вражду. Мусульмане отворачиваются от Кучлукхана, испытавшие на себе жестокость найманов вожди кипчаков и кангли вынуждены были обратиться за помощью к Чингизхану.

В это время, в начале XIII века, на историческую арену выходят две могущественные великие империи Азии (на западе – хорезмшахи и на востоке – монголы). Появление в Азии двух могучих, соперничающих государств предопределило их военное столкновение в будущем. Одно из них имело традиционно оседлые хозяйственно-экономические исторические корни, обладало высокоразвитой этнокультурной жизнью, с богатыми религиозными и светскими традициями, второе – было агрессивной военно-феодальной империей, которая была образована на основе родовых традиций кочевых скотоводческих общин.

Обе стороны прекрасно понимали место и роль международной торговли в укреплении экономического могущества страны. С целью овладения основными опорными пунктами международной торговли оба государства иногда открыто, иногда тайно, скрытно соперничая друг с другом, искали причину для начала борьбы не на жизнь, а на смерть. В этом плане особенно активно действовала дипломатия Чингизхана.

Как отмечается в исторических источниках, государство Великого Хорезма, которым правил Мухаммад Хорезмшах, было действительно могущественным феодальным государством с развитой экономикой, где процветали наука и культура, с боеспособной регулярной армией и мощным военным потенциалом. Но в начале XIII века, в непростых политических условиях, сложившихся в Азии, происходят Отрарские события, которые послужили причиной к началу открытых военных столкновений между этими двумя великими государствами. События, послужившие причиной к началу войны, в истории описываются следующим образом: государство Хорезмшахов, присоединив к себе Мавераннахр и близлежащие к нему территории, строит планы по осуществлению завоевательных военных походов на Китай. Однако для достижения этих целей по пути в Китай в качестве возможного препятствия предстояло устранить государство Найманов. Неожиданно до Мухаммада Хорезмшаха доходит весть о завоевании Чингизханом в 1215 году столицы Китая Пекина, о его необычайном военном могуществе, беспредельных военных возможностях. С целью скрытного выяснения этой информации Мухаммад Хорезмшах незамедлительно направляет своего посла с большими дарами в Китай. Чингизхан, предвидя выгоды торговли с мусульманами, оказывает почести послам и называет себя великим и могущественным правителем Востока, а Мухаммада Хорезмшаха – правителем Запада.

Спустя некоторое время Мухаммад Хорезмшах из Ургенча в обход государства Кучлукхана по северному пути с большими дарами отправляет к Чингизхану новых послов. На этот раз Чингизхан направляет в ответ послов с торговым караваном во главе с Махмудом Ялавочем, который был известен тем, что часто возглавлял торговые караваны в Китай. В своём письме к Хорезмшаху Чингизхан, признавая его правителем великого государства, называет Мухаммада одним из своих любимых сыновей и выражает своё согласие на заключение мирного договора. На языке дипломатии Востока строки из письма Чингизхана о признании Хорезмшаха сыном означало отношение к нему в качестве своего вассала. Этот пункт письма был оскорбителен для Мухаммада Хорезмшаха, считавшего себя вторым Александром или вторым Султаном Санджаром.

Историк XIII века Мухаммад Насафи писал, что Хорезмшах, вызвав ночью к себе посла, потребовал: «Если ты истинный хорезмиец, то должен служить мне, а не Чингизхану». На деле, вернувшись в Китай, посол Махмуд Ялавоч не исполняет долг истинного хорезмийца, а доносит до Чингизхана множество сведений о Хорезмском государстве.

Чингизхан был удовлетворён сведениями посла, предавшего свой народ, и в 1218 году направляет в Ургенч караван с послами и купцами, состоявший из 500 гружённых разными товарами верблюдов и 450 человек. Как и раньше, этот посольско-торговый караван управлялся мусульманскими купцами. По пути в Ургенч в городе Отраре караван был захвачен и ограблен пограничным отрядом Хорезмшаха, а все члены каравана были истреблены. Чудом удалось спастись

одному из погонщиков верблюдов, который добрался до Монголии и доложил Чингизхану о случившемся. Пограничным отрядом Отрара командовал комендант городской крепости Иналчик.

По сведениям Мухаммада Насафи, Чингизхан совладал со своей яростью и вновь направил посла к Хорезмшаху с требованием выдать Иналчика. Хорезмшах, напротив, приказывает казнить посла, а другим членам делегации сбрить бороды и отпустить. Война между этими двумя великими государствами стала неизбежной.

Во дворце Хорезмшаха знали, что враг хитёр и коварен, жесток и могуч, но вместо того чтобы серьёзно готовиться войне, разработать стратегию и тактику сражения, создать штаб из числа опытных и храбрых военачальников, Хорезмшах усилил позиции вспыльчивых, спесивых военных из кипчакского рода своей матери Туркан-хатун. Главный штаб армии перешёл в руки военных аристократов рода кипчаков и между военными чиновниками страны возник раскол. Конкретные и дельные предложения оппозиции были проигнорированы. Предводительница кипчаков Туркан-хатун с целю выдвинуть на высокие должности представителей своего рода старалась заниматься интригами и кознями среди оппозиции. В результате игнорирования толковых советов оппозиции, главнокомандующий Мухаммад Хорезмшах лишился возможности верно оценивать силу и мощь вражеской армии, что изначально предопределило исход войны в пользу врага.

Завоевания Чингизхана и его последствия в 20-х годах XIII века останутся в истории человечества как одна из самых ужасных страниц мировой истории. Всю тяжесть ударов армии Чингизхана испытали на себе народы Средней Азии. Произошло невиданное доселе и неслыханное разорение и опустошение страны. По свидетельству историка того времени Мухаммада Насафи, 150-тысячная армия Чингизхана с неописуемой жестокостью захватывает такие города Мавераннахра, как Самарканд и Бухара, Ургенч и Ходжент, Мерв и Термез. Медресе и мечети были превращены в отхожие места, топтали и сжигали на кострах Коран и другие священные книги мусульман, а сундуки, где хранились эти книги, превратили в ясли для своих лошадей. Они заставили всех представителей верхушки мусульманского духовенства прислуживать в качестве конюхов монгольским воинам. Имущество богатых мусульман было разграблено, жители превращены в рабов, а женщин поделили между собой свирепые воины Чингизхана. По нескольку раз сжигались города, люди науки были подвергнуты унижениям и издевательствам. В городе Самарканде оставшиеся в живых 50 тысяч мужчин и женщин были выведены за пределы города и каждого из них заставили платить налог в 200 тысяч дирхемов.

Все города и кишлаки Средней Азии монголы превратили в руины, развивавшаяся на протяжении веков высокая культура земледелия и многоотраслевого ремесленного производства на несколько лет была выбита из колеи, страна пришла в опустошение. В городах, оказавших сильное сопротивление врагу (Са-

марканд, Ургенч, Ходжент), в живых осталось всего лишь четвертая часть населения. Уцелевшие жители (узбеки, таджики) оказались в очень тяжёлом экономическом положении. Монголы отобрали весь урожай, который земледельцы вырастили тяжёлым трудом. Резко уменьшилась численность скотоводов, кочевавших в регионе.

Во всех захваченных городах и сёлах войска Чингизхана совершали неописуемые жестокости; человека убивали за кусок хлеба, усилилось воровство. Сады, виноградники, посевные поля, мастерские ремесленников – всё сравнялось с землёй и превратилось в пастбища для выпаса скота. Было разрушено основанное на искусственном орошении земледелие, снесены дамбы, в арыки и каналы перестала поступать вода. Экономика страны была полностью парализована. Девять десятых земледельческих площадей были выведены из строя и заброшены. Исламская религия лишилась былого влияния и была поставлена в унизительное положение.

После нашествия монголов жители Мавераннахра и соседних с ним областей на протяжении почти полувека не могли восстановить прежнее положение. Выжившее население в основном состояло из оседлых тюрков (узбеков) и таджиков. Лишившиеся скота и разорившиеся кочевые скотоводы в поисках работы приходят в города и кишлаки, смешиваются с местным населением и постепенно свыкаются с оседлым образом жизни. Как пишется в источниках, многие из них забыли свою этническую принадлежность, потому что в истории существует множество примеров, когда терялись следы отделившихся от своего рода этнических групп.

В источниках говорится, что в период нашествия монголов в 1219–1224 годы, 4 из 12-ти участвовавших в походе на Среднюю Азию племён Чингизхана были монголами[1]. В связи с образованием в 60-х годах XIII века Чагатайского улуса на территории от юго-восточных областей реки Или до Амударьи для усиления военного присутствия были переселены тюрко-монгольские племена, каждое из которых состояло из тысячи семей. Это были племена барлас, джалайир, кавчин и арлат. Племя джалайиров размещается в бассейне реки Ахангарана и окрестностях Ходжента.

Во «Введении» к произведению Шарафуддина Али Язди «Зафарнома» пишется, что монгольское племя джалайиров находилось в составе союза племён кочевников империи Чингизхана, образованного из 70 родов по тысяче семей каждая[2]. Как пишут Рашидиддин и Абулгази Бахадырхан, ранние предки джалайиров проживали в бассейне реки Онон в Монголии. В первой четверти XIII века часть из

---

[1] Эти сведения привёл профессор А. Ахмедов во время обсуждения рукописного варианта данной работы на научном совете Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни. Однако мне не удалось установить источники, на которые он опирался.

[2] *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этник-ҳудудий ҳолати ҳақида маълумотлар. // ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013. С. 39.

них прибывают и размещаются в бассейне реки Или. А в 60-х годах этого века для вооружённой охраны Чагатайского улуса в Мавераннахр прибывает тысяча семей джалайиров, которые обосновываются в Ахангаранской долине и вокруг Ходжента. Рашидиддин называет джалайиров тюркизированными монголами, а В.В. Бартольд[1] и И.П. Петрушевский[2] считали их монголоязычным народом. Учёный-лингвист С.А. Аманжолов, со ссылкой на Рашидиддина, отмечает, что в состав племени джалайиров входили рода курикин (волк), тулангит[3]. По мнению К. Шониёзова, курикин были ранними тюркоязычными предками якутов и енисейских киргизов (хакасов)[4].

Как пишется в источниках, джалайиры служили Амиру Темуру и государству Темуридов. Например, джалайир Бахром вначале верой и правдой служил Амиру Темуру, участвовал вместе с ним в боях в Сеистане. В составе войск внука Амира Темура – Джахангира на должности одного из военачальников служил сын предводителя джалайиров Бахрома – Адылшах[5]. Но, ступив на путь предательства, Адылшах вместе с кипчаком Сарибуга, воспользовавшись походом Амира Темура на Хорезм, пытаются захватить Самарканд. Темурид Джахангир встречает их у селения Кармана и наносит им сокрушительный удар, после чего джалайиры и кипчаки спасаются бегством в Дашти-Кипчак. Амир Темур распускает улус джалайиров в Мавераннахре. Часть джалайиров, недовольные предательством своих предводителей, остаются в оазисе Ахангарана и продолжают добросовестно служить Амиру Темуру.

Далёкие предки барласов, к которым относился сам Амир Темур, жили на территории бассейнов рек Онон и Керулен, в краях Монголии. Но в этих краях с древности бок о бок проживали и тюркоязычные племена и роды. Эти племена и в том числе барласы верно служили в боевых подразделениях Чингизхана. Кубалай и Корачур из племени барласов являлись влиятельными эмирами Чингизхана[6]. В первой половине XIII века часть барласов переселяется к берегам реки Или, в западные районы Восточного Туркестана (Турфан и его окрестности). В 60-х годах этого века тысяча семей этого рода переселяется в область Кеш, в качестве военной опоры Чагатайского улуса. К середине XIV века язык барласов был полностью отюречен и барласы Мавераннахра называли себя барласскими тюрками. Великий Амир Темур также является выходцем из этих барласских эмиров. В его государстве и во времена правления Темуридов барласы занимали влиятельные позиции в политической жизни страны. Барласы принимали активное участие в

---

[1] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Т. 5. С. 173.

[2] *Петрушевский И.П.* Рашидиддин асарига кириш сўзи. Қаранг: Рашидиддин. Сборник летописей, 1952, т. 2, ч. 1. С. 29.

[3] *Аманжолов С.А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алма-Ата, 1959. С. 43–45.

[4] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 385.

[5] *Мирзо Муҳаммад Ҳайдар.* Тарихи Рашидий. – Т., 1996. С. 65.

[6] *Низомиддин Шомий.* Зафарнома. – Т., 1996. С. 21.

борьбе Амира Темура в освобождении Мавераннахра от чингизидов-монголов (Туглик Темур, Илёсходжа). Поэтому некоторые из барласов во времена Темура и Мирзо Бабура обосновались в Южном Таджикистане, Афганистане, Индии и Кашмире.

В вопросе этнического состава барласов учёные придерживаются различных мнений. В.В. Бартольд считает, что барласы по происхождению являются монголами[1]. Рашидиддин пишет, что ранние предки барласов были из тюркского рода. Они, находясь постоянно в составе монгольского племенного союза нурун[2], хорошо усвоили их язык, традиции и обычаи. Учёный-китаевед А.Ю. Зуев, внимательно изучив письменные источники, пришёл к выводу, что барласы по своему происхождению являются тюркским народом[3]. Поэтому Амир Темур и его наследники не зря называли себя барласскими тюрками. Даже в 1370 году на курултае в Балхе Амир Темур не принял предложение термезских сайидов и военных стать руководителем государства в качестве хана по тюрко-монгольским обычаям. Потом по его предложению ханом был избран чингизид Туралмишхан. Мир Алишер Навои тоже был родом из барласов, отец Мирзо Бабура был из барласов, а мать из рода дуглат. Они оба называли себя барласскими тюрками и творили на тюркском языке.

В качестве ещё одной военной единицы для защиты улуса чингизида Чагатая в 60-х годах XIII века в Ферганскую долину и в Гузарский район Кашкадарьинской области был направлен род кавчинов. Некоторые группы кавчинов жили также и в Кашгаре[4]. В «Тарихи Рашидий» говорится, что «кавчин» на древнетюркском языке означает «военный». Нет сомнений, что по своему происхождению кавчины являются тюркоязычным родом.

Об этой этнической группе содержатся сведения в произведении «Зафарнома» Шарафуддина Али Язди, начиная с событий, где описываются походы Чингизхана в Китай. В империи Амира Темура самым активным родом после барласов считались кавчины. Имена личностей из рода кавчинов упоминаются начиная с исторических событий второй половины XIV века до событий, происходивших после смерти Амира Темура[5]. После победоносного похода на Балх в 1370 году Амир Темур присуждает нескольким самым самоотверженным воинам из рода кавчинов (Алка кавчин, Ардашер кавчин, брат Тамука кавчина Кимари Инак) звание «лашкар амири». Управление Хорезмом было поручено сыну кавчина Джангчи кавчину Мусика. Такие задания поручались и многим другим кавчинам.

---

[1] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Т. 5. С. 178.

[2] *Рашидиддин.* Сборник летописей, 1952, т. 2, ч. 1. С. 178, 198.

[3] *Зуев А.Ю.* «Джами ат-таварих» Рашидиддина как источник по ранней истории жалойиров. // «Письменные памятники Востока, историко-филологические исследования». Ежегодник. – М., 1972. С. 178–185.

[4] *Мирзо Муҳаммад Ҳайдар.* Тарихи Рашидий. – Т., 1996. С. 373.

[5] *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этникҳудудий ҳолати ҳақида маълумотлар. // ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013. С. 40.

Прибывшие в 60-х годах XIII века для защиты Чагатайского улуса арлаты располагаются на юге Сурхандарьинской области, в окрестностях Термеза и в Северном Афганистане. В произведении «Зафарнома» Шарафуддина Али Язди говорится, что арлаты принадлежат к тюркскому роду, проживавшему в области Хорасан Афганистана[1]. Ранней родиной арлатов является Монголия[2]. В первой четверти XIII века они переселяются в Семиречье.

Вначале они поддерживали правителя Чагатайского улуса амира Казагана, затем Амира Темура. В произведении «Тарихи Рашидий» Мухаммада Хайдара говорится, что арлаты жили в восточных и западных частях Чагатайского улуса. В XIV–XV веках в империи Амира Темура и Темуридов они обладали сильным политическим влиянием. Род арлатов принимал активное участие в приходе к власти Амира Темура и в его последующих военных походах. Представителям этого рода присуждались титулы эмиров. Эмир Муайяд арлат был даже женат на младшей сестре Амира Темура Ширинбека ога[3].

Таким образом, направленные для военной обороны Чагатайского улуса племена барлас и джалайир, кавчин и арлат, обосновавшись в Мавераннахре, постепенно смешиваются с местным населением. Несмотря на то что монгольские племена, жившие в восточной части улуса Чагатая (Семиречье и Восточный Туркестан), давно уже говорили на тюркском языке, они долгое время помнили и соблюдали древние монгольские традиции. Однако они своих соплеменников, переселившихся в области Мавераннахра, относящихся к Чагатайскому улусу и проживавших здесь с незапамятных времён, которые давно уже позабыв названия своих родов и племён превратились в местные этнические общности, называли унизительным словом «караунас» (смешанный – метис). В свою очередь, ставшие местными жителями Мавераннахра тюрки и тюркизированные сарты представителей тюркоязычных кочевых тюрко-монгольских племён Семиречья и Восточного Туркестана с издёвкой называли «джете» (грабители, захватчики)[4]. Даже жившие в Мавераннахре тюркизированные монголы, смешавшись с местным населением, постепенно забывают свою принадлежность к монголам и называют себя «чагатайцами». Позже это название – «чагатай» употребляется и по отношению к оседлому узбекскому и таджикскому населению Мавераннахра.

За счёт племён джалайир, барлас, кавчин и арлатов, которые переселились на эти земли в связи с образованием Чагатайского улуса, и их осевших в различных областях Мавераннахра групп, произошло в известной мере обогащение этнического состава сформировавшегося узбекского народа. Также в период правления

---

[1] *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этник-худудий ҳолати ҳақида маълумотлар. // ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013. С. 38.

[2] *Рашидиддин.* Сборник летописей, 1952, т. 1. С. 78.

[3] *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этник-худудий ҳолати ҳақида маълумотлар. // ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013. С. 38.

[4] *Бартольд В.В.* История Туркестана. Соч. Т. 2, часть 1 – М., 1963. С. 154; Он же. Улугбек и его время. Соч. Т. 2. С. 36.

монголов (XIII – 60-е годы XIV веков) наблюдалось проникновение в Мавераннахр тюркизированных монгольских племён.

На основе анализа археологических материалов было выяснено, что на территорию среднеазиатского междуречья монголы незначительной группой впервые стали прибывать в северные степные районы в середине I тысячелетия до н.э.[1] Поэтому с этого времени элементы монгольского типа встречаются на Юго-Восточном Приаралье, на северо-западе Зарафшанской долины, в горах Тянь-Шаня и Алая.

В последние годы на основе антропологических серий были выявлены три этапа проникновения монголов. Как выше отмечалось, первый этап наблюдается на материалах середины I тысячелетия до н.э., второй – в XI–XII веках, то есть с проникновением в Мавераннахр каракитаев (киданей), третий этап – XIII – начало XVI века, т.е. с завоеванием Чингизханом Мавераннахра и проникновением сюда 92-х дашти-кипчакских племен во главе с Шейбаниханом, результаты которых прослеживаются на краниологических материалах XVI–XVII веков. Однако в археологических материалах эти миграционные процессы не заметны. Монголоидный облик, наблюдаемый в антропологическом материале первого и второго этапа, не получил широкого распространения на территории современного Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Основная часть населения этих периодов относится к «типу среднеазиатского междуречья», который образовался в результате долгого смешения восточно-средиземноморского типа с протоевропеоидным типом большой европейской расы. А на антропологических материалах третьего этапа явно заметен монголоидный облик, то есть южносибирский тип. Всё это связано с завоеваниями Чингизхана и с вторжением в начале XVI века из Дашти- Кипчака 92 родов кочевых узбекских этнических групп во главе с Шейбаниханом. Такая этническая картина описывается в письменных источниках[2].

Дашти-Кипчак, в особенности его северо-восточные области, были интеграционным пространством тюркских и монгольских этнических племён и родов, что явно выразилось в монгольских чертах антропологического типа тюркоязычного населения. Точно такое положение наблюдается в северных и северо-восточных областях Казахстана и Кыргызстана.

В течение этого века некоторые группы таких монгольских родов, как алчин, дуглат, сулдуз, уйрот, бахрин, маркит, кунграт свободно переселяются в Мавераннахр и сопредельные с ним территории, бедные слои которых под культурно-хозяйственным влиянием местного населения переходят к оседлому образу жизни.

---

[1] *Ходжайов Т.К.* Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа. // Сб. «Материалы к этнической истории населения Средней Азии». – Т.: Фан, 1986. С. 93.

[2] *Шониёзов К.Ш.* Некоторые итоги этнической динамики и этнических связей узбеков в XIV–XVII вв. // Сб. «Материалы к этнической истории населения Средней Азии». – Т.: Фан, 1986. С. 83–93.

Ко второй половине XIV века большая часть из них до такой степени смешиваются с местным населением, что говорят только на тюркском языке[1]. По сообщению ибн Батуты, султаны западной части Чагатайского улуса Кебекхан (1318 – 1326) и Тармаширин (1326–1334) свободно общались на тюркском языке[2].

Следует подчеркнуть, что прибывшие в Мавераннахр в течение XIII–XIV веков тюркизированные монгольские племена не сразу пришли на эти земли из Монголии. Они группами вначале жили в бассейне Енисея, Дашти-Кипчаке, в областях Восточного Туркестана и Семиречья вперемешку и по соседству с тюркоязычными племенами. Поэтому когда они прибыли в Мавераннахр, уже говорили только на тюркском языке. Большая часть из них осталась на своей родине, в составе различных этнополитических общностей. Только отделившиеся от них некоторые группы переселяются в области среднеазиатского междуречья, в основном на территорию Хорезмского и Ташкентского оазисов. Для примера, если представить регион распространения кипчаков, в XIV–XV веках они группами проживали на Северном Кавказе, Крыму, Поволжье, предгорных районах Урала, на восточной части Дашти-Кипчака, Семиречье[3]. Кипчаки, которые жили по берегам Сырдарьи, Амир Темур переселяет во внутренние области Мавераннахра.

Однако проникновение скотоводческих племён целыми группами в Мавераннахр и Хорезм не смогло изменить этнический состав живущего на этой земле местного оседлого тюркоязычного и персоязычного населения. Напротив, под влиянием местной этнокультурной обстановки они сами начинают ускоренными темпами перенимать оседлый образ жизни. Коренные тюрки, которые и по своему происхождению являлись исконными тюрками, а также тюркоязычное оседлое население Мавераннахра, называемое «сартами», в период Темуридов составляли этническую основу населения территории современного Узбекистана.

Завоевания Чингизхана и прибытие в XIII–XIV веках на территорию Средней Азии огромного количества кочевых тюрко-монгольских племён, с одной стороны, способствовало к некоторому обогащению этнического состава узбекского народа. С другой стороны, учение представителей исламского религиозно-философского течения тасаввуф (суфизма) Наджмиддина Кубро, Ходжи Бахоуддина Накшбанда, в особенности, главный принцип учения Накшбанда «Дил ба ёру, даст ба кор» («Сердце с Аллахом, руки в работе») во всех отношениях открыл новый период эпохи Возрождения в Средней Азии. Это был призыв к единению павшего духом народа, Родина которого лежала в руинах после нашествия монголов, призыв к свободному творческому труду, восстановлению разрушенного хозяйства.

Действительно, в те времена существовала потребность к возрождению упавшего духом народа, а это было по силам нравственно чистым, духовно совершен-

[1] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. – М. – Л., 1950. С. 279.

[2] *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии. – М., 1998. С. 84, 86.

[3] *Шониёзов К. К* этнической истории узбекского народа. – Т., 1974. С. 77–80.

ным, идейно возвышенным личностям. В этих условиях на историческую арену с учением, ядром которого был призыв к жизненно активной позиции – «Дил ба ёру, даст ба кор» («Сердце с Аллахом, руки в работе»), со своими последователями выходит Бахоуддин Накшбанд. Это был божественный призыв к объединению истинно народных, исламских норм поведения с практикой, на пути к беззаветному труду на благо общества, к освобождению от упадочнических настроений и стремлению к будущему[1].

Суть этого учения заключалась в стремлении к познанию тайн мира, воспитании человека в духе полезного, трудолюбивого члена общества.

Учение Ходжи Бахоуддина Накшбанда было основано на философии суфизма (тасаввуф) исламской духовности. Тасаввуф вырабатывает в человеке непреклонную волю. Макомы (положения) тасаввуфа призывают человека к мудрости, знаниям. Посредством разума освобождает человека от рабства, гнёта и насилия, в целом, приводит личность к духовной свободе. Практика суфизма и его понимание имеют четыре стадии: «шариат» (исполнение законов Ислама), «тариқат» (послушничество), «маърифат» (познание Бога), «ҳақиқат» (полное постижение истины), которые служат укреплению духовного мира человека. «Шариат» и «тарикат» состоят из учений исламской морали и этики, которые следует неукоснительно соблюдать, а «маърифат» и «хакикат» представляют особые пути мудрецов и святых в суфизме.

На основе учений великих представителей тасаввуфа на Востоке Мухаммада Газзоли, Юсуфа Хамадони, Абдухалика Гиждувони, Ахмада Яссави, Наджмиддина Кубро, Ходжи Бахоуддина Накшбанда своё отношение к обществу в художественной форме выразили такие мыслители, как Джалолиддин Руми, Хафиз Шерози, Абдурахман Джами, Алишер Навои. Однако идейная направленность этих произведений в советское время была оцененa как мистическое, основанное на суеверии, учение. Художественное творчество этих мыслителей было правильно истолковано учёными только с достижением независимости[2].

В философии тасаввуф стадия «маърифат» в первую очередь означает самопознание, то есть разъясняется, что человек обязан посредством самопознания стремиться к освобождению от всех недостатков. Суть этого учения, его цели и задачи заключаются в обуздании страстей, алчности, в призыве к честному труду, воспитания в таком духе, чтобы человек мог различать запрещённое шариатом и недозволенное. В обуздании алчности каждым человеком лежат интересы народа, родины и общества. В этом плане можно вспомнить произведение Ф. Аттора «Маърифатнома»[3].

---

[1] *Ҳамидхон Исломий.* Ипор ҳид ила туғилган Ориф Хожа Баҳоуддин Нақшбанд. – Т., 1993. С. 13–14.

[2] Там же. С. 8.

[3] Там же. С. 14–15.

«Хакикат» призывает людей к достижению идеала. В основе «хакиката» также лежат призывы к честному труду, служению обществу. В философии исламского тасаввуфа особое значение обретают любовь к Родине, ее почитание и самоотверженность на пути сохранения его независимости. Беззаветную преданность родине на деле продемонстрировал основатель учения Кубравийя Наджмиддин Кубро, который в свои 76 лет с саблей в одной руке, с посохом в другой участвовал в сражении против монгольских захватчиков. 110-летний святой Бобо Хокий на коне сражался с врагом[1]. В философии тасаввуф суть учения Наджмиддина Кубро, Ходжи Бахоуддина Накшбанда и других заключалась в соединении идей «тариката» с повседневной жизнью.

В особенности, учение Ходжи Бахоуддина Накшбанда и его макомы (положения) отличались от учений прежних мыслителей своей неразрывной связью с повседневной жизнью, в прославлении честного труда и обосновании, что без этого жизнь теряет смысл. Поэтому его девиз «Дил ба ёру, даст ба кор» («Сердце с Аллахом, руки в работе») послужил новому обороту эпохи Возрождения на его родине, в Центральной Азии[2].

Как известно, из-за грабительской политики монголов в период нашествия и на начальном этапе их правления, многие талантливые люди в поисках мирных мест для творчества уходят в разные страны. Поэт и литератор из Бухары Мухаммад Авфи, ташкентский поэт Бадриддин Чачи, поэт из Кашкадарьи Зиё Нахшаби находят пристанище в Индии, Насир Бухари, Камол Худжанди уходят в Иран. Джалолиддин Руми спасается бегством в Турцию, Сайфи Сарой – в Египет, а также ещё несколько представителей нашей отечественной литературы вынуждены были укрыться в странах Ближнего Востока. Несмотря на это, предки оседлого узбекского населения – сарты дали миру уникальные таланты. Воодушевлённые учением Бахоуддина Накшбанда и других представителей тасаввуфа, они своими бесценными творениями внесли неоценимый вклад в узбекскую литературу того периода. Поэма «Мухаббатнома» Хорезми, лирические стихи Сайфи Сарой, поэтические произведения Ахмада Ходжи Саройи, Мавлоно Кози Мухсина, Мавлоно Исхака, Мавлоно Имода Мавлави, Тугли Ходжи, Ахмада Урганджи были созданы именно в этот период[3]. В XIII–XIV веках одним из ведущих жанров в узбекской литературе становится газель (Ахмад Яссави, Сулаймон Бокиргони). «Кисса-и Рабгузий», «Мухаббатнома» относятся к произведениям именно этого жанра. Вместе с этим ощущалось сильное влияние персидской литературы на узбекскую литературу. Например, в качестве учебников в медресе изучались нравоучительные произведения Саади «Бустан» и «Гулистан», диваны Ходжи Хафиза. Узбекские поэты и писатели могли творить одинаково на двух языках. Большой вклад

---

[1] *Хамидхон Исломий.* Ипор ҳид ила туғилган Ориф Хожа Баҳоуддин Нақшбанд. – Т., 1993. С. 16. .

[2] Там же.

[3] *Очилов Э.* Ёзма адабиёт. ЎзМЭ. 12 – жилд. – Т., 2006. С. 513.

в развитие узбекской литературы внесли произведения Низами и Хосрова Дехлеви – «Хамса», творения Санои, Аттора и Руми, написанные в духе учения тасаввуф[1]. Потребности читателей того времени привели к созданию на узбекском языке произведения «Мухаббатнома» Кутба Хорезми, которое оказало влияние на развитие узбекской литературы и стало значительным событием в культурно-литературной жизни общества. Хотя 156 бейтов (двустиший) написаны на персидском языке, многие бейты и все оглавления написаны на узбекском языке[2]. Он считается поэтом, внёсшим огромный вклад в развитие персидской литературы, вместе с тем Хорезми ценится как писатель, который впервые создал произведение на узбекском языке. Кутб Хорезми считается выдающимся представителем тюркской литературы XIV века, который не только перевёл на узбекский язык произведение азербайджанского поэта Низами, положившего начало традиции создания «Хамсы», но и ввёл дополнения в соответствии с требованиями того времени. Он также занимает особое место в узбекской эпической поэзии и развитии переводческого дела[3].

После духовного кризиса XIII века, наступившего в связи с монгольским нашествием, во второй половине XIV века начинается период нового возрождения узбекской литературы: в общественной жизни начинается борьба за повышение влияния узбекского языка и определения места узбекской литературы; широкого использования в литературе религиозных мотивов и тем тасаввуфа; появления традиций художественного перевода; развития таких жанров, как поэма, касыда, газели. Учение «Дил ба ёру, даст ба кор» («Сердце с Аллахом, руки в работе») Бахоуддина Накшбанда стало идейным оружием и побудительной причиной для оживления узбекской литературной среды.

Таким образом, с одной стороны, в связи с завоеваниями Чингизхана часть только сформировавшегося узбекского народа была истреблена, страна была разрушена, с другой – в течение XIII–XIV веков на территорию Средней Азии вторгается большое количество тюрко-монгольских племён и расселяется по разным областям и районам этого региона. Эти пришельцы под хозяйственно-экономическим и этнокультурным влиянием оседлого коренного населения постепенно переходят к оседлому образу жизни, смешиваются с местными жителями и, тем самым, несколько обогащают этнический состав узбекского народа. В происхождении этих процессов неоценимую роль сыграло учение тасаввуф Наджмиддина Кубро, Ходжи Бахоуддина Накшбанда и, бесспорно, призыв Накшбанда – «Дил ба ёру, даст ба кор» («Сердце с Аллахом, руки в работе»), которое открыло путь к эпохе нового Возрождения во всех отраслях для народов Центральной Азии.

---

[1] *Очилов Э.* Ёзма адабиёт. ЎзМЭ. 12 – жилд. – Т., 2006. С. 513.

[2] Там же. С.513.

[3] Там же. С. 513–514.

Вместе с этим, благодаря этому учению павший духом, подвергнутый истреблению узбекский народ, край которого лежал в руинах, воспрянул, братские народы узбеков и таджиков приступили к свободному, созидательному труду. В совершенствовании узбекского этноса, его материальной и духовной культуры неоценимое значение имела жизненная сила, заключённая в исламских религиозных учениях святых Наджмиддина Кубро, Бахоуддина Накшбанда, которые ещё раз доказали, что труд на благо общества является движущим фактором в развитии общества.

Глава XIV
ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

XIV.1. Этническая картина в Мавераннахре и сопредельных с ним районах

С приходом к власти в 1370 году на курултае в Балхе Амира Темура в стране завершается господство монголов.

В сердце империи Амира Темура – Мавераннахре и сопредельных с ним областях коренные согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы и сакские племена, а также проживавшие здесь с эпохи бронзы наши прототюркские предки создали своеобразную материальную культуру. В состав этих этнических слоёв в течение V – XIII веков вливается большое количество тюркских народностей и родов (кангли, карлук, чигиль, халадж, тюрк, огуз, уз, аргун, тухси, ягмо, дуглат, сулдуз, ясаврий, кипчак, барлас, джалайир, арлот и другие), под влиянием которых в регионе ускоряется процесс тюркизации согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев. Большинство из них располагались на территории Средней Азии до Амударьи, они жили бок о бок и смешивались с проживающим здесь местным населением. К XI–XIII векам этническое положение в Мавераннахре изменилось до такой степени, что этот край действительно стал Туркестаном, тюркский этнический слой во всех отношениях стал господствующим этносом. Оставшиеся жить в Дашти-Кипчаке их соплеменники, которые пришли на эти земли во времена нашествия Чингизхана и образования Чагатайского улуса, в XIV–XV веках и позже принимают активное участие в политических событиях в Мавераннахре и тюркизируются.

Как пишет К. Шониёзов, проживавшие в Мавераннахре влиятельные этнические группы племён: карлуки, чигили, халаджи, аргуны, барласы, джалайиры, арлоты, кавчины, огузы и кипчаки в XIV–XV веках перенимают оседлый образ жизни и смешиваются с местным населением. Небольшие группы этих племён вели полуоседлый образ жизни и занимались традиционной деятельностью – сезонным выпасом скота[1], также и богарным земледелием и садоводством.

Одним из оплотов империи Темура и Темуридов была этническая группа барласов, которая появилась с образованием здесь в 60-х годах XIII века Чагатайского улуса. Они принимали активное участие в борьбе Амира Темура против господства монголов в Мавераннахре, находились на переднем крае в решении проблем, касающихся внутренней жизни страны. Амир Темур, отдавая в виде

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 394.

суюргала своим сыновьям или внукам те или иные страны, в качестве доверенных лиц направлял с ними представителя из племени барласов. Они занимали и административные должности. Например, барлас Тагай-буго управлял Бухарой, Додмалик – Гиссар Шодмоном, сын барласа Гиёсиддин правил в Кармане.

После смерти Амира Темура барласы продолжали верой и правдой служить его потомкам. Они всегда поддерживали государственную политику Шахруха Мирзо. С помощью барласов Улугбек в течение 14 лет держал в повиновении Кашгар, в управлении Кашгаром Пирмухаммад барлас также опирался на них[1].

По сведениям Абдураззака Самарканди, в XV веке барласы жили в различных областях государства Темуридов и многие из них служили Темуридам в должности эмиров[2]. Вначале они жили на местах в качестве этнографических родовых общин. Затем под влиянием языка местного населения полностью тюркизируются. С установлением в Мавераннахре и окрестных областях господства Шейбанидов барласы лишаются былого влияния.

Процесс тюркизации местного согдоязычного населения и других этнических групп стал ускоренно развиваться в первую очередь в среднем и нижнем бассейне Сырдарьи. В этом регионе образовалась тюркизированная народность кангар-кангли. Этнический состав кангар-кангли состоял из многих компонентов, в котором преобладающее влияние имели тюрки. Однако, как отмечал К.Ш. Шониёзов, после распада государства Канкия (Кангюй) многокомпонентная народность кангар (кангли) рассеивается и не получает развития в качестве единой народности. До нашествия Чингизхана народность кангли жила в Хорезме и в окрестностях Самарканда. Основная часть кангли кочевали в Дашти-Кипчаке, вокруг озера Байкал, на побережье реки Или. Группа кангли из Дашти-Кипчака во времена Амира Тимура переселяются в Зарафшанскую долину, Ташкентский оазис и, смешавшись с местным населением, перенимают оседлый образ жизни[3].

Ещё одним важным тюркским племенем в этническом составе узбекского народа были карлуки. Проникновение карлуков в Среднюю Азию произошло в несколько хронологических этапов. Первая группа начиная с VI века расселяется на территории Ферганской долины, Ташкентского оазиса и Тохаристана, смешивается с местными жителями и оседает здесь[4]. Вторая группа карлуков в период монгольского завоевания с бассейна реки Или и Семиречья переселяются в Ташкентский и Зарафшанский оазисы, в Северный Тохаристан и соединяются с соплеменниками, которые пришли на эти земли раньше[5]. Третья группа карлу-

---

[1] *Мирза Муҳаммад Ҳайдар.* Тарихи Рашидий. Перевод с персидского *А. Уринбаева.* – Т., 1996. С. 43.

[2] *Самарқандий Абдураззоқ.* Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн. II жилд, 1, 2, 3 – қисмлар. Форс тилидан таржима ва изоҳлар А. Ўринбоевники. – Т., 2008. С. 631, II жилд, 1–қисм. С. 87, 120, 831.

[3] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 355–360.

[4] Там же. С. 394.

[5] Там же. С. 339.

ков в XV веке из Дашти-Кипчака переселяется в Ферганскую долину[1]. Карлуки и родственные им племена халаджей и чигилей в XIV–XV веках проживали в Зарафшанской долине, Тохаристане. Они играли важную роль в политической жизни Мавераннахра. Карлуки, которые остались в Дашти-Кипчаке, прибывают в Мавераннахр в начале XVI века вместе с войсками Шейбанихана[2].

Определённое место в этническом составе узбекского народа занимало племя аргунов. Некоторые группы аргунов, живших в нижнем бассейне правобережья Сырдарьи, в течение VIII–XII веков переселяются на территорию Ташкентского оазиса, в окрестности Узгена в Ферганской долине, Зарафшанский оазис и Южный Узбекистан, ассимилируются с местным населением и большая часть из них оседает на этой земле. Часть из них в XI веке обосновывается на территории Хорасана. В XIV–XV веках основная часть аргунов жила в Ферганской долине, Южном Узбекистане и Северном Афганистане. На новых местах, в зависимости от языковой среды, они оказывали воздействие на процесс тюркизации местного населения, или под влиянием коренных жителей, не забывая свои этнические названия, превращались в персоязычных таджиков.

Аргуны были одним из сорока племён, которые являлись опорой государства Амира Темура[3]. Они считались тарханами – привилегированными собственниками больших земельных угодий. Эмиры из числа аргунов правили некоторыми областями. К примеру, Султан Хусейн аргун правил Каракульским районом[4], Махмуд Муким аргун был правителем Кабула. Представители высших сословий аргунов состояли в родственных отношениях с домом Темуридов[5]. С установлением в Мавераннахре власти Шейбанидов аргуны теряют свои позиции. Они в основном переходят к оседлой жизни и ассимилируются с коренными жителями.

Ещё одним крупным скотоводческим племенем, жившим в Мавераннахре, были дуглаты. Рашидиддин называет их тюркским племенем, входившим в состав союза племен монголов[6]. Бартольд называет их монголами[7]. Н.А. Аристов выступает с идеей, что дулу и дуглаты являются одним народом. Действительно, с упадком Тюркского каганата часть находившихся в его составе племён дулу оставляют родную долину Или, Семиречье и уходят в другие страны, остальные продолжают жить на родине.

Когда в этих краях образуется улус чингизида Чагатая, на его восточных территориях создаются владения Манглай Суба (земля, обращённая на солнечную сторону). К этим владениям относились земли от Семиречья до Кашгара, управ-

---

[1] *Бобур Захириддин Муҳаммад.* Бобурнома. – Т., 1960. С. 166.

[2] Там же.

[3] Темур тузуклари. – Т., 1991. С. 86–87.

[4] *Бобур Захириддин Муҳаммад.* Бобурнома. – Т., 1960. С. 78.

[5] Там же.

[6] *Рашидиддин.* Сборник летописей, 1952, т. 2, ч. 1. С. 78–193.

[7] *Бартольд В.В.* Дуглат. Соч. Т. V. – М., 1968. С. 529–553.

ление которыми Чагатай поручил дуглатам. Страна, которой управляли дуглаты, в источниках называется «Моголистаном», а тюрки-дулу и даже сами дуглаты по имени этой страны получают название дуглат-моголов. Такая точка зрения нашла отражение в Национальной энциклопедии Узбекистана[1]. В XIV–XV веках некоторые группы дуглатов в разрозненном виде жили в Ферганской долине, Самарканде, Гиссаре, Каратегине, а также в других местах и говорили на тюркском языке[2]. Султаны гиссарских дуглатов бескорыстно служили Бабуру.

В XIV–XV веках в Мавераннахре проживало ещё одно крупное племя – огузы. Группа огузов, в X веке получив разрешение у эмиров Саманидского государства, с нижнего бассейна Сырдарьи переселяется к Нуратинским предгорьям. Группы туркмен огузов-сельджукидов в XI–XII веках в период Караханидов прибывают и обживают окрестности Бухары[3], территорию Северного Хорасана, то есть современного Туркменистана.

В XIV–XV веках с нижнего бассейна Сырдарьи и Дашти-Кипчака в Мавераннахр проникают ещё несколько групп огузов, туркмен-сельджуков. Часть огузов и туркмен-сельджуков, на протяжении веков проживавших по-соседству с узбекскими племенами, переходят к оседлому образу жизни, не забыв при этом свои этнические названия. Последующие поколения этих племён называли себя узбекскими туркменами или «нуратинскими туркменами».

Другим тюркоязычным племенем эпохи Темуридов были сулдузы. В изложении исторических событий в «Зафарнома» Шарафуддина Али Язди отмечается, что в XIV веке они жили в Чаганияне, Гиссарской долине и в области Балх Северного Афганистана. Эмир сулдузов в Гиссар Шодмоне Баён сулдуз был одним из авторитетных эмиров западной части Чагатайского улуса и участником походов эмира Казагана на Герат. После смерти эмира Казагана его сын Абдуллах устанавливает своё господство в западной части Чагатайского улуса и избирает своей столицей город Самарканд. Он возводит на трон в качестве номинального хана монгольского эмира чингизида Баёнкулихана, затем Темуршах углана. Недовольный этими действиями Баён сулдуз собирает войско и идёт из Гиссар Шодмона на Самарканд. К нему примыкает Ходжи барлас и они вдвоём изгоняют Абдуллаха из Самарканда. В усилении феодальной раздробленности в Мавераннахре, накануне прихода к власти Амира Темура, определённую роль сыграл Баён сулдуз. Вначале он поддерживал чингизида Туглук Темура, затем переходит на сторону Амира Темура в его борьбе против монголов. В 1370 году Баён сулдуз участвует в сражениях под Балхом и становится одним из самых верных эмиров Амира Темура[4]. У Амира Те-

[1] Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. 3-жилд. – Т., 2002. С. 393.

[2] Бобурнома. С. 21, 47, 70, 92, 116, 122.

[3] *Камолиддинов Ш.* «Китаб ал-ансаб» Абу Сада Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Самани» как источник по истории и культуре Средней Азии. – Т., 1993. С. 72, 125.

[4] *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этникҳудудий ҳолати ҳақида маълумотлар. // ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013. С. 39 – 40.

мура были родственные отношения с сулдузами, то есть великий полководец взял в свой гарем дочь Баёна сулдуза – Улус. Сын Баён сулдуза Шайх Мухаммад сулдуз вначале верно служил Амиру Темуру, однако потом участвовал в покушении на Темура и был казнён[1].

Ещё одним преданным Амиру Темуру племенем были ясавури. Как пишет Шарафуддин Али Язди в своём произведении «Зафарнома», они жили в местечке Сарипул и Тотканд недалеко от Самарканда. Предводитель племени Хизр Ясавури действовал в зависимости от политической обстановки и прославился своим непостоянством, поддерживая то Туглук Темура, то Амира Темура. Он умирает в 1365 году. После этого это племя во главе с Ходжи Махмудшахом всецело подчиняется Амиру Темуру и преданно служит ему. Амир Темур также высоко оценивает проявленную отвагу в боях Ходжи Махмудшаха и после похода на Балх в 1370 году назначает его в Кеше военачальником, а также устанавливает с ним родственные отношения. Мирзо Джахангир был женат на дочери Илёса Ясавури – Бахт Малик ого. От этого брака рождается Мирзо Пирмухаммад. Али Язди пишет, что перед смертью Амир Темур назначает Пирмухаммада своим наследником[2].

Особое место в этногенезе узбекского народа занимали племена уз и аз, которые по своему происхождению относились к тюркским родам. Но сохранившиеся о них сведения противоречивы и не всегда достоверны. Например, в историко-этнографических произведениях (Г.З. Байер, Д.А. Хвольсон, Ф. Сум, С.М. Соловьёв и другие) 60–80-х годов XIX века узы упоминаются как один из кипчакских родов. Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, Ф. Брун, П. Голубовский[3], опираясь на русские летописи, причисляют узов к составу торков[4]. И.Н. Житецкий родовую общину узов относит к племени баджанаков[5], а Н.А. Аристов, В.В. Бартольд, С.А. Плетнёва, С.Г. Агаджанов рассматривают узов в качестве племени в составе огузов[6].

---

[1] *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этник-ҳудудий ҳолати ҳақида маълумотлар. // ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013. С. 40.

[2] *Шарафуддин Али Яздий.* Зафарнома. – Т., 1997. С. 296 (304).

[3] *Карамзин Н.А.* История Государства Российского. – СПб., 1833, т. I, прим. 87, 397; т. II, прим. 106; *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. V. – М., 1857. С. 136; *Брук Ф.* Черноморье. – Одесса, 1870, часть I. С. 21; *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. – Киев, 1884. С. 131 – 134.

[4] Кто такие торки? Этноним «торк» встречается в русских летописях. В этих летописях говорится, что торки представляли собой конгломерат элементов различных этнических групп, в состав которых входили смешанные рода: берендеи, баджанаки, родовые общины Прикаспия, турпеи. В X–XII веках они жили в южнорусских степях. (Полное собрание русских летописей. Т. II. – М., 1962. С. 235, 284, 398, 427, 507, 517).

[5] *Житецкий И.А.* Смена народностей в Южной Руси. – Киев. 1883. С. 439.

[6] *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и исследования об их численности. // Живая старина, вып. III–IV Б, – СПБ, 1896, С. 310; *Бартольд В.В.* Новый труд о половцах. // Русский доисторический журнал, 1921, кн. 7, С. 141; *Плетнёва С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. // Материалы и исследования по археологии СССР, № 62. – М., 1958. С. 164; *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX–XIII вв. – Ашхабад, 1969. С. 129, 159–161.

Д.А. Расовский считает безосновательным причислять узов к огузам и описывает их как родовую общину, относящуюся к роду торков[1]. М.М. Эрматов утверждает, что этнонимы «аз» и «уз» относятся к одному роду и слово «узбек» произошло от этих этнонимов[2]. Р.А. Агеева также считает, что этническое название «узбек» произошло от этнонимов «аз» и «уз»[3]. Учёный-этнограф К. Шониёзов утверждает, что этнонимы «уз» и «аз» принадлежат отдельным племенам[4]. Он считает ошибочным относить этот род к торкам, кипчакам, баджанакам или огузам. На основе анализа существующих историко-этнографических материалов Шониёзов считает, что узы в прошлом были независимым союзом племён нескольких тюркоязычных родовых общин[5].

В историко-этнографических источниках имеются сведения о том, что в середине VIII века узы жили в среднем и нижнем бассейне Сырдарьи. В 60-х годах этого века основная часть узов переселяются на северо-западные территории Аральского моря. Возможно, это связано с завоеванием карлуками Семиречья и образованием в нижнем и среднем бассейне Сырдарьи союза племён огузов. Какая-то часть племени уз остаются на своих местах и находятся в начале под влиянием огузов, а с первой четверти XI века – под воздействием присырдарьинских кипчаков. Об этом свидетельствует упоминание этнонима «уз» в составе кипчаков[6]. Название присырдарьинских узов встречаются и в топонимах. Например, между Сигнаком и Барчинликентом в средние века существовал город Узгенд[7]. До середины IX века узы находились под влиянием огузов. С середины IX века до первой четверти XI века всесторонне усилившиеся узы, выходят на политическую арену и обретают экономическую и политическую независимость. Узы находились в напряжённом военном противостоянии со своими западными соседями – баджанаками (печенегами). Об усилении узов и их роли на политической арене писали византийские историки Константин Багрянородный (IX век)[8], Атталиат (XI век), Скилица[9], Анна Каминна (XII)[10]. Об узах писали арабский автор

---

[1] *Расовский Д.А.* Половцы. Seminarium Kondakovianum, VII, Praha, 1935. P. 251.

[2] *Эрматов М.М.* К вопросу о происхождения названия «узбек». // Учёные записки Ташгоспединститута имени Низами, 1964. Серия 49. С. 151–191.

[3] *Агеева Р.А.* Страны и народы. Происхождение названий. – М., 1990.

[4] *Шониёзов К.Ш.* «Уз» и «аз» этнонимлари ҳақида баъзи бир мулоҳазалар. Турон тарихи. – Т., 1994. С. 35–38.

[5] *Шониёзов К.Ш.* Узы (из истории родоплеменных делений узбеков). // Общественные науки в Узбекистане. – Т., 1970, № II. С. 70.

[6] Кошғарий Маҳмуд. Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов. Том. I – Т., 1960. С. 235.

[7] *Бартольд В.В.* Соч. Т. III. – М., 1965. С. 227–229.

[8] *Багрядонордный К.* Об управлении государством. // Известия Государственной Академии материальной культуры. – М. – Л., 1934. С. 10, 15, 16.

[9] *Василевский В.Г.* Византия и печенеги. // Журнал министерства народного просвещения. 1872, № XI. С. 136, 137.

[10] *Каминна Анна.* Алексиада. – М., 1965. С. 170, 214, 224.

аль-Масуди (X)[1] и армянский историк Матвей Эдесский (XI)[2]. В конце IX и начале X века узы заключают союз с хазарами и изгоняют баджанаков (печенегов) и канглей с их родных мест[3]. Но узы недолго задерживаются между реками Итиль и Яик, потому что в середине X века кипчаки часто совершают на них грабительские набеги и не дают им спокойной жизни. Основная часть узов переходят через Волгу и располагаются на правом берегу реки Дон[4]. В 1034 году узы сталкиваются с печенегами, вытесняют их со степей, расположенных между реками Днепр и Дунай, и сами размещаются на этих землях. Та часть узов, которая осталась жить между Волгой и Уралом в первой четверти XI века были вытеснены кипчаками в южнорусские степи. Расположившиеся на берегах рек Днепр, Дунай и Дон узы под предводительством своих беков совершают непрерывные набеги на приграничные русские княжества. В 1060 году русские князья, объединив свои силы, наносят сильный удар по узам. В итоге в 1064 году 600 тысяч семей узов вынуждены были переправиться через Дунай и отступить на территорию Византии[5].

Узы подчиняются императору Византии Алексею и поступают в его армию на военную службу[6]. Впоследствии они смешиваются с турками-османами и участвуют в формировании турецких тюрков. Об этом свидетельствует упоминание этнонима карауз в архивных документах Османской империи, относящихся к XVI–XVIII векам[7]. В последующие века большая часть ушедших на запад узов растворяется в составе придунайских этносов. Например, весьма вероятно, что гагаузы, живущие в Молдавии, Румынии, Венгрии и на территории Балканского полуострова, могут быть потомками этих узов[8].

Переселившиеся в 30-е годы XI века в южнорусские степи узы до монгольского нашествия находились в составе кипчаков. В период господства монголов (XIII–XIV века) узы живут в составе кипчаков на восточном побережье реки Волги и входят в союз узбеков Дашти-Кипчака. В начале XVI века они вместе с кипчаками, наряду с 92 родами узбеков Шейбанихана, вторгаются на территорию Средней Азии. Свидетельством этому служит существование среди кипчаков, расположившихся в Зарафшанской долине, родовых общин караузов.

---

[1] *Ohsson K.D.* Les peoples du Cancase, Paris, 1882, p. 117.

[2] *Бартольд В.В.* Новый труд о половцах. // Русский доисторический журнал, 1921, кн. 7, С. 143.

[3] *Багрядонордный К.* Об управлении государством. // Известия Государственной Академии материальной культуры. – М. – Л., 1934. С. 15.

[4] *Ohsson K.D.* Les peoples du Cancase, Paris, 1882, p. 117.

[5] *Василевский В.Г.* Византия и печенеги. // Журнал министерства народного просвещения. 1872, № XI. С. 137.

[6] *Каминна Анна.* Алексиада. – М., 1965. С. 214, 224.

[7] *Еремеев Д.Е.* Проникновение тюркских племён в Малую Азию. Доклад на международном Конгрессе антропологических и этнографических наук. – М., 1964. С.9, прим. 8.

[8] *Губогло М.Н.* Этническая принадлежность гагаузов. Историография проблемы. // Советская этнография. – М., 1967. № III. С. 159–167.

Независимые родовые общины узов до конца XVII века вели кочевой образ жизни в Дашти-Кипчаке. В конце XVII века под давлением казахских биев часть из них переселяется к предгорьям Нуратинского хребта. Приспособившись к местным условиям, неимущие слои узов смешиваются с местными оседлыми тюрками и растворяются в их среде. Богатые скотоводы уходят в Каршинские степи[1]. О них писал эмир Хайдар[2], а также они упоминаются в списке узбекских родов, которые были составлены Н. Ханиковым и Д.Н. Логофетом[3]. Имеются сведения, что в 20-х годах XX века узы находились в составе узбекских лакаев[4].

В 1965–1966 годах К. Шониёзов организует этнографическую экспедицию в Самаркандскую и Кашкадарьинскую области. В результате работы экспедиции было выяснено, что в Касанском, Чиракчинском районах Кашкадарьи, Каттакурганском, Навоийском и Пайарыкском районах Зарафшанской долины в качестве одного из ветвей узбекских кипчаков проживали узы (поздние потомки узов), которые до наших времён не забыли название своего рода[5].

Активное участие в формировании узбекского народа принимала этническая общность «аз». Их предки проживали в предгорьях Алтая и Саян, на территории Тувинской автономной республики в составе племенного союза «теле». В 709 году Восточно-Тюркский каган Магилан захватывает земли азов. В 716 году его брат Култегин наносит сокрушительный удар по азам, после чего азы лишаются своей независимости и распадаются на несколько групп. Одна из этих групп переселяется в Чуйскую долину и входит в состав тюргешского племенного союза. Об этом писали ибн Хурдодбек и Гардизи (XI век). В.В. Бартольд причисляет азов к роду азгиша племени тюргешей.

В 766 году, когда карлуки завоёвывают Семиречье, часть азов остается в Чуйской долине в подчинении карлуков, другая часть переселяется в низовья Сырдарьи и расселяется в Приаральских степях. Ещё одна часть азов остаются у себя на родине в предгорьях Алтайских и Саянских гор и под названиями «тўрт-аз», «етти-аз» проживают в составе алтайских племён и родов, вернее – в составе алтайских телеутов.

Этноним «аз» в форме «аз», «уз», «оз» до сих пор сохранился в названиях рек и местностей Алтая и Енисея. Этот этноним дошёл до наших дней в названиях этнических групп в Самаркандской и Кашкадарьинской областях. Опираясь на

---

[1] *Шониёзов К.Ш.* Узы. (из истории родоплеменных делений узбеков). // Общественные науки в Узбекистане. – Т., 1970, № 11. С. 72.

[2] *Абдурайимов М.* Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. – Т., 1961. С. 56.

[3] *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. – СПб, 1843. С. 60; *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. – СПб., 1911. С. 156.

[4] *Масидович И.* Население. Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма. Кн. I, часть 1. Бухара. – Т., 1926. С. 198.

[5] *Шониёзов К.Ш.* Узы. (из истории родоплеменных делений узбеков). // Общественные науки в Узбекистане. – Т., 1970, № 11. С. 73.

вышеприведённые сведения, можно сказать, что этнонимы «аз» и «уз» являются названиями двух отдельных тюркских этнических компонентов, которые занимают отдельное место в этногенезе узбекского народа.

Ещё одной тюркской родовой общиной, вошедшей в состав узбекского народа, являются чаграки. Сведения о них содержатся в произведении Захириддина Мухаммада Бабура «Бабурнаме». Бабур сообщает, что в XIV–XV и последующих веках в горных районах Андижанской области проживала этническая группа под названием чаграк (чиграк)[1]. Предположительно чаграки были одним из ветвей кипчаков, которые в XI–XII веках пришли и обосновались в горных районах Ферганской долины[2]. Бабур пишет, что в горах Андижана, кроме чаграков, жили и занимались скотоводством такие рода, как ашпор и тюрк[3]. Они снабжали войско Бабура лошадьми и скотом. Они обеспечивали Темуридов во время военных походов лошадьми, скотом и поставляли воинов. В те времена очень важное значение имело обеспечение войска чистокровными скакунами, которые могли поставлять только скотоводческие племена, с давних времён специализировавшиеся на коневодстве. Особое внимание этому уделял Амир Темур. 12 из 40 находившихся под началом Амира Темура племён: барлас, тархан, джалайир, арлот, аргун, тулкичи, дулдай, монгол, сулдуз, тугай, кипчак, татар – считались самой надёжной боевой гвардией Сахибкирана. Все они владели пастбищами, на которых паслось большое количество лошадей. Основную часть армии Темура составляли эти племена.

В состав узбекского народа входили и тюркизированные монголоязычные группы. Они жили, в основном, на территории Дашти-Кипчака. Некоторые из них в XIV–XV веках проникают в Мавераннахр не под названием узбек, а под названием своих племён и родов. С начала XVI века численность этих племён в Мавераннахре увеличивается. Часть из них под влиянием местного населения переходит к оседлому образу жизни, а затем, как и всё тюркское население Мавераннахра, называют себя тюрками или тюрк-чагатаями. Это свидетельствует о резких изменениях, происходивших в жизни этих племён, за счёт чего в антропологическом типе узбекского народа появляются этнические группы с монгольским обликом. Однако они не смогли изменить характерный для узбекского народа брахикефальный европеоидный тип – «тип среднеазиатского междуречья», который сформировался в XI–XII веках.

В произведении «Зафарнома» Шарафуддина Али Язди приводятся ценные сведения о расположении тюркских и монгольских этносов в Мавераннахре и близлежащих к нему территориях. Выше были приведены сведения о расположении, миграции, этническом составе некоторых племён и родов и их верной службе Амиру Темуру, а также империи Темуридов. В этом произведении го-

---

[1] Бобурнома. – Т., 1960. С. 90.

[2] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С. 398.

[3] Бобурнома. – Т., 1960. С. 119–120.

ворится о том, что в восточной части Центральной Азии, на территории Монголии проживали такие монгольские племена, как джете, монгол, дуглат, бахрин, кереит, макрит, арканут. Большая часть этих племён прибыла и осталась в Средней Азии в период монгольского нашествия. Например, кунграты обосновались в Хорезме и управляли этой областью. Многие монгольские племена, к примеру, такие тюркизированные монгольские племена, как бахрин, мангыт остались жить в Дашти-Кипчаке. Преобладание тюркской среды, в конечном итоге, привело к тюркизации этих племён в отношении языка. В произведении «Зафарнома» Шарафуддина Али Язди названия местностей, водных артерий, городов, гор и перевалов на территории от Мавераннахра и Хорасана вплоть до низовьев реки Волги приводятся на карлукском диалекте тюркского языка. Это говорит о широком распространении в XIV–XV веках тюркского (староузбекского) языка[1]. Авторы предисловия к настоящей книге отмечают, что «Зафарнома» была издана в Стамбуле (1519 год) на основе перевода этой книги на тюркский язык Мухаммадом Бухари. Язык этого перевода представляет великолепный образец староузбекского языка. Авторы предисловия пишут, что «этот язык включает в себя карлукские, кипчакские и огузские элементы… и мы по праву можем назвать его узбекским языком»[2]. Действительно, в XIV–XV веках этот язык был распространён не только в Мавераннахре, но также на территории от Царицына (Волгоград), который находился в нижнем течении Волги, до бассейна реки Синд[3].

В «Зафарнома» Язди приводит ценные сведения об административно-территориальном состоянии этносов в государстве Амира Темура. Для того чтобы иметь представление о существовании на этой земле той или иной этнической группы, достаточно изучить по этой книге политическую деятельность известных личностей. Например, известными личностями считались: у джалайиров – Баязед джалайир, Бахром джалайир; у племени апарди – Зиндахалим; у рода сулдуз – Баён сулдуз и его сын Шайх Мухаммад, Пир Али сулдуз; у племени ясавури – Хизр Ясавури, Ходжи Махмудшох Ясавури, Сулаймон Ясавури; из рода арлот – Пиримшох арлот, Муаййид арлот. Некоторые из этих личностей были в звании «амир-лашкарбоши» (эмир-полководец) и на определённой территории управляли своими сородичами – соплеменниками или народностью. Соответствующих людей на такие должности иногда назначал сам Амир Темур (Бахром джалайир, Октемур баходир сулдуз). В произведении «Зафарнома» имеются сведения о своеобразной миграции населения в империи Амира Темура. Например, когда против Амира Темура бунтовали вожди племени джалайир,

---

[1] См. предисловие Ашрафа Ахмедова и Хайдарбека Бобобекова к узбекскому (тюркскому) переводу произведения Шарафуддина Али Язди «Зафарнома». // Зафарнома. – Т.: Шарк, 1997. С. 6.

[2] Зафарнома. – Т.: Шарк, 1997. С.7.

[3] Там же.

разбив на части целое племя, части разбросали к эмирам разных (других) областей. В такую же ситуацию попадает и народность бурилдой, которая подвергается сильному давлению. В миграции того времени чаще всего наблюдается процесс переселения людей из других мест в Мавераннахр. В то время войти на территорию Мавераннахра можно было беспрепятственно, но покинуть её можно было только с личного разрешения верховного правителя Амира Темура[1]. Об этом писал еще Клавихо: «На этой большой реке есть обычай, который сеньор требует соблюдать: как только он перейдет с одного берега на другой, то после него никто не имеет права пройти по мосту, и тотчас его ломают. А по реке ходят лодки и перевозят людей с одного берега на другой, и никому из Самаркантского царства не разрешается переезжать на лодке [на другой берег], если он не покажет грамоту или указ с разъяснением, откуда и куда направляется, даже если бы он был и из соседних [владений]. А кто хочет перебраться в царство Самаркант, может это сделать без предъявления какой-либо грамоты»[2]. При необходимости перемещение социальных слоёв с одного места на другое в пределах территории империи осуществлялось по указу Верховного правителя. Например, по распоряжению Амира Темура часть сайидов была переселена в Хорезм, другая часть – в Ташкент[3]. Также все карататары в полном составе вместе со стадами скота были переселены из Турции в Центральную Азию и размещены на территории Семиречья[4].

Вышеназванные рода, племена и народности, а также упоминаемое под названием сартов персоязычное и тюркоязычное оседлое население составляли основу граждан империи Амира Темура. Значительное большинство из них составляло оседлую часть населения страны. Основным занятием оседлого населения в кишлаках было орошаемое земледелие; в бассейнах горных рек – садоводство, богарное земледелие; разведка полезных ископаемых, добыча и выплавка металла. А в городах и поселениях городского типа ремесленники специализировались на изготовлении товаров для удовлетворения потребностей внутреннего и внешнего рынка, а также, в основном, занятием торговлей. Остальную часть населения империи составляли полуоседлые, полукочевые скотоводы, и представители этих двух хозяйств были экономически связаны друг с другом. Укрепление отношений между ними являлось главной задачей государства Амира Темура.

---

[1] *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этник-ҳудудий ҳолати ҳақида маълумотлар. // ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013. С. 41.

[2] *Бўриев О.* Клавихонинг Самарқандга саёҳати. Рус тилидан таржима, кириш сўзи ва изоҳлар О. Бўриевники. – Т., 2004. С. 6.

[3] *Шарафуддин Али Яздий.* Зафарнома (фотофаксимил нашр). Нашрга тайёрловчи, сўзбоши ва изоҳ А. Ўринбоевники. Т., 1972. С. 229.

[4] *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этник-ҳудудий ҳолати ҳақида маълумотлар. // ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013. С. 41.

XIV.2. Формирование узбекского литературного языка

Первоначально узбекский язык стал формироваться на основе карлукско-чигильской группы тюркской языковой семьи. Но по морфологической классификации он является агглютивнативным языком (образование слов посредством прибавления к корню слова словообразующих и словоизменяющих аффиксов). Во второй половине XI и в течение XII века этот язык отделяется от древнетюркского и продолжает развиваться и совершенствоваться в качестве узбекского языка. Во времена Амира Темура и Темуридов он назывался «тюркским языком»[1], «чагатайским языком»[2], «сартским языком», а в советском языкознании получил название «староузбекского языка». Хотя этот язык не имел никакого отношения к монголам, территория современного Узбекистана находилась тогда в составе улуса чингизида Чагатая, и поэтому Г. Вамбери допустил ошибку в определении названия языка. На самом деле этот тюркский язык был разговорным языком оседлого населения Мавераннахра, в связи с чем его называли ещё и «сартским языком»[3]. Этот язык достигает наивысшего развития во времена А. Навои[4]. В связи с образованием в 1924 году Узбекской ССР он стал называться «узбекским языком». Эта политика была направлена не только на укрепление экономической и политической жизни страны, но и на обеспечение устойчивости этнического состава общества. Большую роль в устойчивом развитии этого языка сыграла внутренняя и внешняя политика Амира Темура, во времена которого развивалась экономическая и этнокультурная жизнь страны, улучшилось благосостояние народа, получила широкое развитие наука и духовная жизнь. В Самарканде и Герате были созданы научные школы по точным и гуманитарным наукам, которые дали миру известных учёных. Прославился на весь мир народ, который сегодня называется узбекской нацией. Были заложены основы национального единства, самосознания, характерного для узбеков менталитета.

Была образована фарсизированная и арабизированная форма узбекского литературного языка, которая получила относительное развитие в сравнении с тюркским языком прошлых веков. Сформировался литературный язык, получивший в языковедческой литературе название «тюркский» или «чагатайский» язык, то есть «староузбекский язык»[5]. Сформировавшийся в XIV–XV веках староузбекский литературный язык нашёл своё отражение в произведениях Алишера На-

---

[1] *Навои Алишер.* Суждение о двух языках. Соч. А. Навои. Т.Х. – Т., 1970. С. 107–139.

[2] *Вамбери Г.* Очерки о Средней Азии (прибавление к «Путешествию по Средней Азии»). – М., 1868. С. 42.

[3] *Мадвалиева А.П.* Тил. В кн. «Узбеки» – М., 2011. С. 24–25.

[4] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – М., 1968. С. 508.

[5] *Щербак А.М.* Грамматика старо-узбекского языка. – М. – Л., 1962. С. 12–16.

вои. Этот тюркский язык сформировался на основе единства двух культурных центров: восточного карлукско-чигильско-уйгурского и западного огуз-кипчакского диалектов. Староузбекский литературный язык нашёл широкое применение в Мавераннахре и Хорасане[1], который в качестве «староузбекского литературного языка» использовался до начала XX века[2]. Этот литературный язык был построен на основе социального сословия под названием «сарт». На самом деле понятие «сарт» не является этническим названием. Несмотря на то что в науке существуют различные взгляды по этому вопросу, до сих пор нет единого мнения о его отношении к определённому этносу. По этому вопросу в советской историографии за основу были взяты взгляды В.В. Бартольда. По его мнению, термин «сарт» используется в значении «таджик». В действительности, название «сарт» относится к оседлым таджикам и узбекам, которые занимались торговлей и ремесленным производством.

Торговцы, которые с торговыми караванами прибывали из Средней Азии в восточные страны, вне зависимости от их принадлежности к конкретному этносу, назывались сартами. В произведении «Девону луготит турк» («Свод тюркских слов») Махмуда Кашгари говорится, что слово «сарт» по-древнетюркски означает «торговец». Если вначале сарты говорили на фарси и тюркском, то с XVI–XVII веков языком общения является только тюркский, староузбекский язык. Значит, причисление понятия «сарт» только к одному народу может привести к ошибочным выводам.

В Средней Азии представители коренного населения к своим именам традиционно прибавляли названия городов и сёл, где они родились, например, Ахмад Фергани, Мухаммад Хорезми, Ахмад Яссави и другие. В период Тюркского каганата была образована тюркская народность, которая распалась со вступлением этого государства в фазу кризиса. Только небольшая часть этой народности сумела сохранить этническое название «тюрк». Представители этой народности проживали в Ферганской долине, предгорьях Зарафшана и влились в состав узбекского народа. Хотя большинство из них и растворилось в составе сформировавшегося узбекского народа, в XIV–XV веках некоторая часть сохранила своё этническое название. Действительно, в исторических произведениях, созданных в период правления Амира Темура и его наследников, встречаются термины «тюрк», «тюркская народность»[3].

Но повседневный разговорный язык состоял из множества диалектов и несколько отличался от литературного языка. В составе узбекского литературного языка было много персидских и арабских слов, использовавшихся в эти века. Поэтому узбекский литературный язык, сформировавшийся в период Алишера Навои, отличался от диалектов и получил развитие в качестве

[1] *Мухторов А., Санакулов У.* Ўзбек адабий тили тарихи. – Т.: Ўкитувчи, 1995. С. 115.

[2] Там же. С. 23.

[3] *Шарафуддин Али Яздий.* Зафарнома. – Т., 1996. С. 109, 168, 229, 271, 282, 375.

языка образованной интеллигенции. Староузбекский разговорный язык народа был построен на основе трёх диалектов: карлукско-чигильского, огузского и кипчакского.

Как пишет этнограф К. Шониёзов, в Мавераннахре и Хорезме узбекский литературный и повседневный разговорный языки развивались в тесной связи с таджикским языком[1]. Этот факт является исторической реальностью, исторической аксиомой, потому что в центральных и южных городах Мавераннахра было довольно сильно этническое влияние таджиков. Образованные узбеки и таджики свободно говорили и писали на двух языках. Как говорил Алишер Навои, все тюрки – молодые, старые, слуги и беки – понимали язык сартов[2]. Под языком сартов Алишер Навои подразумевал узбекский литературный язык того времени, абсолютную основу которого составляли диалекты тюркского языка. Представители узбекской (сартской) письменной литературы (произведение Рабгузи «Киссаи анбиё», стихи Бобо Мучина и Гарибн) в XIV–XV веках проповедуют не только исламские религиозные нравственные нормы, но и впервые обращаются к реалистическим мотивам. Элемент реализма содержится в произведениях Хайдара Хорезми (XIV век), Саккаки (XV век), Атаи (XV век), Дурбека, Лутфи (XIV–XV века), в творениях Алишера Навои (XV век) «Мухокамат ул-лугатайн», «Махбуб ул-кулуб» и в других работах. А. Навои ввёл социальные мотивы в узбекскую художественную литературу и тем самым оставил большой след в истории.

Следует отметить, что в староузбекской литературе произведения, пропитанные исламским тасаввуфом и гуманистическими идеями, зародились и развивались наряду с придворной литературой. Литература и наука всегда нуждались в меценатах, в те времена литература не могла развиваться без покровительства передового, религиозно-благочестивого, образованного слоя собственников общества. Появление этих произведений было большим шагом в культурном развитии узбекского народа, которое свидетельствовало о формировании письменной узбекской литературы.

Таким образом, узбекской художественной литературе были присущи свои особенности: от религиозных мотивов она перешла к реалистическим, затем от реалистических мотивов к социальным. Эта была тюркоязычная узбекская (сартская) литература. Народная гуманистическая литература и литературные традиции социального слоя тюркоязычных сартов в последующие века послужили фундаментом, на котором сформировалась национальная литература узбекского народа. В этом значении художественная литература тюркоговорящих узбеков (сартов) определила общий путь развития литературы тюрков Мавераннахра и кочевых узбеков.

---

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001. С.393.

[2] *Навои Алишер.* Суждение о двух языках. Соч. А.Навои. Т.Х. – Т., 1970. С. 110.

В конце XIV – начале XV века узбекская литература вступила в новую фазу своего развития[1]. В этот период творили такие поэты, как Хайдар Хорезми, Дурбек, Худжанди, Амири, Хафиз Хорезми, Саккаки, Атаи, Гадои, Лутфи, подготовившие почву для появления в мире поэзии великого поэта Алишера Навои и обретения узбекской литературой своего места и положения[2]. Был создан ряд произведений, среди которых особо выделяются «Мухаббатнаме» («Любовные послания») Хорезми, «Латофатнаме» («Послания изящества») Худжанди, «Хакикатнаме» («Книга об истине») и «Садокатнаме» («Книга о верности») Сайида Косими. Развитие эпической поэзии привело к созданию поэм Хайдара Хорезми «Сокровищница тайн» и «Юсуф и Зулейха». Одним из талантливых представителей тюркской литературы, видным поэтом своего времени, который писал газели, был Атаи. До нас дошли его диваны из 260 газелей. Алишер Навои писал, что народный характер стихов Атаи принёс ему славу среди узбекских родов[3]. Поэт Саккаки считается одним из основателей жанра узбекской касыды. В одном из своих высокохудожественных касыд Саккаки своё место в тюркской литературе приравнивает к Улугбеку, как правителю и учёному. По совершенству газелей Саккаки стоит в одном ряду с Атаи и Лутфи[4]. Большое влияние на развитие узбекской литературы оказал Мавлоно Лутфи, который творил на тюркском и фарси. Навои считал Лутфи своим учителем, а себя – его последователем. Навои высоко ценил творчество этого поэта и в своём произведении «Маджолис ун-нафоис» писал: «Не было равных Лутфи среди тех, кто творил на фарси и тюркском, но его стихи на тюркском принесли ему большую славу и диваны на тюркском были более известны».

Как известно, в XV веке Герат становится одним из самых крупных культурных центров. Особый расцвет этого центра приходится на период жизни Алишера Навои и его друга – правителя Хусейна Байкары, который покровительствовал представителям научной общественности того времени. Сам Байкара писал стихи и создал диван под псевдонимом Хусайни. В своём произведении «Рисола» он размышляет о литературной жизни и культуре. Камолиддин Бинои, Мавлоно Осифи, Шайхим Сухайли, Бадриддин Хилоли, Давлатшох Самарканди, Мирза Шохи и другие были выдающимися поэтами времён Навои. В этот период усиливается покровительство и стимулирование тюркского языка и литературы. Роль и значение, которые сыграл в этом направлении Навои, трудно переоценить.

Алишер Навои – особое явление в истории узбекской культуры, литературы и литературного языка. Он сумел воплотить в своём творчестве все, созданные до

---

[1] Научный анализ письменной литературы периода Амира Темура и Темуридов полностью основана на статье «Письменная литература» литературоведа Эргаша Очилова, подготовленной для Узбекской национальной энциклопедии.

[2] *Очилов* Э. Ёзма адабиёт. // ЎзМЭ, 12 жилд. С. 514.

[3] Там же. С. 515.

[4] Там же.

него, достижения в искусстве слова Востока. Навои создал высокохудожественные произведения во всех жанрах поэзии Востока, тем самым раскрыв широкие возможности староузбекского литературного языка, определил его место и значение в мировой литературе. Начиная со времён Навои узбекская литература стала одной из великих литератур мира. Фундамент для этих достижений был заложен в период правления Амира Темура и Темуридов.

Большую роль в формировании узбекской национальной музыки сыграло музыкальное искусство представителей староузбекского языка. Оседлое население Мавераннахра с древнейших времён владело сложнейшим музыкальным и песенным искусством. В прошлом, во времена Темуридов и А. Навои, не было специальных нот для записи музыки. Старый узбекский музыкальный ансамбль состоял из комплекса духовых и смычковых инструментов. Песни в ансамбле исполнялись хором. Музыкальные произведения состояли из одиноких мелодий. В узбекской музыке отсутствовала гармонизация. Однако мелодии отличались разнообразием и характерными своебразными лирическими особенностями и сложностью. Некоторые музыкальные произведения предназначались только для инструментального исполнения, другие – для пения. Песни, исполняемые без музыкального сопровождения, назывались «катта қўшиқ» («большая песня»). Они исполнялись одним, двумя или тремя певцами на свадьбах и в чайханах, среди большого количества людей. Песни состояли из нескольких видов, среди которых в народе широкое распространение получил «лапар». Кроме этого были ещё и «макомы», которые возникали в процессе создания нескольких музыкальных произведений и исполнялись музыкантами со специальной подготовкой[1].

Узбекские музыкальные инструменты состояли из нескольких видов, на некоторых из них играли только вне помещения, на празднествах, свадьбах, при большом стечении людей. К ним относятся карнай (большая длинная медная труба, горн), сурнай (зурна), най (музыкальный инструмент типа свирели), нагара (литавры). Обычно из этих музыкальных инструментов составлялся специальный ансамбль. В среде оседлого коренного населения не было театральной труппы. Роль театра выполняли кукольники и канатаходцы. Музыка изучалась без нот и исполнялась на слух по памяти в сольном варианте[2].

Исторические корни узбекских музыкальных инструментов уходят в седую древность. Археологические находки свидетельствуют, что самый древний музыкальный инструмент относится к эпохе бронзы. Это был най, изготовленный из кости, который был найден в могильнике эпохи бронзы в кишлаке Муминабад Самаркандской области[3]. Другой музыкальный инструмент – арфа был найден в

---

[1] *Ваҳобов М.Г.* Ўзбек социалистик миллати. – Т., 1960. С. 65.

[2] Там же. С. 66.

[3] *Аскаров А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде. // ИМКУ, вып VIII. – Т., 1969. С. 62, рис. 2, 6.

памятниках кушанского периода Айритом (недалеко от города Термез) и Тупроккалъа (Древний Хорезм)[1].

Ещё одним направлением духовной культуры периода Амира Темура и Темуридов является изобразительное искусство, которое также имеет древние исторические корни. Согласно археологическим исследованиям, первые образцы изобразительного искусства были обнаружены в храме Фаязтепа (близ города Термез) периода Кушан[2]. Этот вид искусства, выполненный в духе реализма, получил широкое развитие на территории современного Узбекистана (Балаликтепа, Варахша, Афрасиаб) и занял достойное место в сокровищнице мирового изобразительного искусства[3]. Но во времена Амира Темура и Темуридов реалистическое изобразительное искусство остановилось в своём развитии из-за догматов и правил, установленных исламской религией. Поэтому изобразительное искусство этого периода получило ускоренное развитие в основном в таких направлениях, как «наққошлик» (резьба) и «ўймакорлик» (гравировка, резьба), а само изобразительное искусство ограничилось рамками искусства миниатюры. Уникальное искусство миниатюры этого времени нашло своё отражение в особенности в рисунках к произведениям «Хамса» Низами Гянджави и Алишера Навои, а также в настенных изображениях XVI века во дворце Акбаршаха к «Бабурнаме», созданных мастерами индийской школы миниатюры.

В период Темуридов и в более раннее время нашими предками было создано своеобразное направление в искусстве архитектуры. Архитектурные памятники Самарканда, Шахрисабза, Бухары, Хивы, занявшие достойное место в мировой сокровищнице архитектуры, до сих пор поражают представление современников. Эти жемчужины архитектурного искусства узбекского народа являются плодом деятельности оседлых дехкан и ремесленников.

В XIII–XIV веках в результате монгольского нашествия были разрушены цветущие города Гургандж, Самарканд, Бухара, Термез и многие другие. Только в период Амира Темура архитектурное искусство Туркестана расцвело в новом качестве. Усилиями Сахибкирана были воздвигнуты невиданные до сих пор огромные архитектурные здания. Архитектура конца XIV – начала XV века отличалась многогранностью, великолепием, возвышенностью инженерной мысли, пышностью украшений[4]. По

---

[1] История Узбекской ССР, том I, книга 1. – Т., 1955. С. 100–102, рис. 9; *Азимов И.* Росписи Узбекистана. – Т., 1987. С. 12.

[2] *Альбаум Л.И.* Раскопки буддийского комплекса Фаязтепе (По материалам 1968–1972 гг.). «Древняя Бактрия». – Л., 1974. С. 53-58; Он же. Исследования Фаязтепе в 1973 г. «Древняя Бактрия». – Л., 1976. С. 43.

[3] История Узбекской ССР. Т. I. – Т., 1967. С. 160–161; Культура и искусство древнего Узбекистана. Т. I. – М., 1991. С. 18; Т.II, рис. 452, 462; *Азимов И.* Росписи Узбекистана. – Т., 1987. С. 12–13, 24–29.

[4] Научный анализ архитектурных сооружений периода Амира Темура и Темуридов всецело основан на статье «Архитектура» специалиста по архитектурному искусству, талантливого учёного профессора Пулата Зохидова, написанного для Узбекской национальной энциклопедии.

велению Амира Тимура за короткие сроки преобразился Кеш-Шахрисабз, где были построены ансамбли Ак-сарай, Чорсу, Дор ус-сиёдат, Дор ут-Тиловат и другие величественные здания. Посетивший древний Кеш испанский посол Клавихо оставил описание городской крепостной стены, глубокого рва, навесных мостов, архитектурных комплексов и был восхищён очаровательными украшениями. В настоящее время от несравненного величественного огромного дворца Ак-сарай сохранились всего лишь две разрушенные портальные колонны престола. О внутреннем расположении Ак-сарая нам известно только из записок Клавихо и произведения Бабура «Бабурнаме».

В составе «Дор ус-сиёдат» («Дом великих») в городе Шахрисабзе построено огромное медресе. В здании с конусообразным куполом, обращённом в сторону Мекки, в различное время были похоронены трое сыновей Сахибкирана – Джахангир мирзо, Умаршайх мирзо и Мираншах мирзо. У центральной стены медресе в искусственном сооружении для хранения воды (сардоба), которая находилась в роскошной молельне, сохранился огромный резной каменный сундук с крышкой из камня – тайная сокровищница государственной собственности[1]. Рядом с кладбищем Темуридов находился сложный по исполнению архитектурный комплекс «До рут-Тиловат» («Дом молитв»), который был возведён Амиром Темуром. Ко времени посещения Клавихо строительство этого здания не было полностью завершено, отделочные работы были завершены позже Мирзо Улугбеком. В исторических записках говорится, что большая часть этого здания обветшала и восстановительные работы были осуществлены Улугбеком, поэтому бытует ошибочное суждение, что это здание было возведено Улугбеком[2].

В честь своего духовного наставника шейха Шамсиддина Кулола напротив соборной мечети по приказу Амира Тимура был построен отдельный мавзолей, который среди местного населения известен под названием мавзолей Тарагайбека или «Гумбази Сайидон» (мавзолей Великих). Этот мавзолей, внутренняя часть которого украшена мозаикой, был отреставрирован во времена Улугбека.

В «Бабурнаме» содержатся сведения о не дошедших до нас уникальных архитектурных комплексах, построенных в Самарканде. Бабур описывает цветники, расположенные вокруг дворцов Бустансарай, Куксарай, о садах Баги Шамол (Сад Ветров), Баги Баланд (Высокий Сад), Баги Бехишт (Райский Сад), Баги Дилкушо (Сад, Радующий Сердце). На стене дворца в Баги Дилкушо изображён поход Амира Тимура в Индию. Самарканд был окружён 8-метровой глинобитной стеной, внутри города были построены ансамбль Регистан, мечеть-медресе Биби-Ханум, мавзолей Гур-Эмир и другие величественные сооружения. Проект известного в народе под названием Биби-Ханум архитектурного комплекса величественной соборной мечети был утверждён Амиром Темуром, и он лично заложил его фундамент. Расположенная напротив мечети восьмиугольная высо-

---

[1] *Зоҳидов П.* Меъморлик. // ЎзМЭ, 12 жилд. С. 535.

[2] Там же.

кая молельня, с украшенным изразцами голубым куполом и расписанная изнутри позолотой, с конца XIX века неверно трактовалась в качестве мавзолея Биби-Ханум. Как сообщает Шарафуддин Али Язди, это сооружение было покоями царицы Туман-ага во внутренней части мечети. Амир Темур посещал царицу в этой комнате. Туман-ага-бегим, известная во дворце Сахибкирана под именем «младшая ага», уделяла особое внимание архитектурным сооружениям. Именно с её именем связано строительство двух зданий – мечети и мавзолея (комплекс Туман-ага), построенных вплотную к ансамблю Шахизинда. Среди изразцовых украшений здания имеется надпись «Её Величество Царица Хайруннусо Туман-ага» и год окончания строительства комплекса – 1405. В летописях одно из зданий на городском рынке описывается как тим (крытый рынок) Туман-ага. Таким образом, в строительстве архитектурных сооружений города Самарканда активное участие принимала одна из любимых жён Сахибкирана Туман-ага.

Амир Темур уделял большое внимание садоводству. Он построил вокруг города десятки прекрасных садов. В каждом из них были возведены дворцы, различные здания, бассейны, фонтаны, водопады, цветники, аллеи. Описанный Бабуром дворец Дилкушо сохранился до наших дней. Это здание в народной среде в своё время рассматривалось как место отдыха Амира Темура. Действительно, этот один из прекраснейших садов – Сад Дилкушо было местом, где Амир Темур отдыхал со своими детьми и внуками, жёнами и другими близкими ему людьми. Со временем стало забываться истинное представление об этом комплексе и в народной среде стали появляться различного рода легенды и предания о нём, как об «Ишратхона» («Дом увеселений»). После завоевания Средней Азии во второй половине XIX века офицеры и представители интеллигенции царской России записали десятки легенд об архитектурных комплексах края и под влиянием этих надуманных преданий появилось представление о Дилкушо как о «Доме увеселений» Амира Темура. Во второй половине XIX века развалины Дилкушо были превращены в христианское кладбище (потому что покойники были похоронены ногами на запад, в сторону Мекки). Научное исследование архитектурного комплекса Дилкушо впервые было осуществлено М.Е. Массоном. Он не учёл расположения покойников и сведения, представленные Бабуром, и неверно истолковал его как «Усыпальница Дома Увеселений (Ишратхона)». Он также приходит к ошибочному выводу о том, что расположенная на правом крыле этого комплекса молельня является мечетью. На самом деле ниша в центре комнаты не указывает направление к Мекке, как это принято в мечети. Вслед за М.Е. Массоном Г.А. Пугаченкова объявляет сад Дилкушо «первым самым величественным мавзолеем в архитектуре мусульманского Востока». К сожалению, эти ошибочные представления, противоречащие исторической действительности, укоренились в науке[1].

[1] *Зоҳидов П.* Меъморлик. // ЎзМЭ, 12 жилд. С. 536.

Царский дворец Ак-сарай был построен Амиром Темуром не только в Шахрисабзе и Самарканде, но и за пределами крепости Кухна Ургенч (Куня-Ургенч). Украшенный изразцами изумительной красоты портал этого здания сохранился до наших дней под названием «Караван-сарай». Как сообщается в произведении «Зафарнома», Амир Темур приказал построить для себя дворец Ак-сарай во время осады Хорезма. Мухаммад Салих в своём произведении «Шейбани-наме» также пишет о том, что принц Убайдуллахан останавливался в этом дворце. Глубокий знаток истории Амира Темура академик А.Ю. Якубовский, отмечая величие «масштабных строительных работ», говорит, что все они не только способствовали развитию культуры возведения архитектурных сооружений, но и заложили основы нового направления, получившего широкое развитие в архитектуре Центральной Азии. Ибн Арабшах приводит выдержку из речи Амира Темура во время открытия соборной мечети: «Действительно, наши здания свидетельствуют о том, кто мы есть». Если Сахибкиран во время военных походов на длительное время задерживался в той или иной местности, то по его приказу там возводилось не менее одного здания. Он строил мавзолеи, мечети (молельные дома) на местах захоронений святых угодников. К примеру, по его велению был возведён архитектурный комплекс на месте захоронения Ахмада Яссави в Туркестане. По его приказу на Южном Кавказе на основе проекта был построен город Байлакон, разрушенный во время монгольского нашествия. Также был прорыт канал Барлас от реки Кура. Были снабжены водой кишлаки, расположенные вокруг города Кабула. При нём на торговых путях строились караван-сараи и была обеспечена безопасность на международных торговых путях.

Строительные работы Амира Темура были продолжены его внуком Мирзо Улугбеком. Улугбек был великим астрономом, многогранным учёным, вместе с этим по его приказу в Самарканде была построена обсерватория, а в Бухаре, Самарканде и Гиждуване были построены три мечети. На портале медресе в Бухаре были выведены следующие слова: «Стремление к знаниям является обязанностью каждого мусульманина и мусульманки». С именем Улугбека связано строительство двухэтажного дворца Чилустун, дворца Чиннихона, бани Мирзои, сада Баги-майдан, нескольких сардоба (искусственных сооружений для хранения воды) и садов. При Улугбеке был приведён в порядок комплекс Гур-Эмир, дорога для паломничества к усыпальнице Шахизинда, в начале которой от имени его сына Абдулазиза были построены ворота и мечеть. Также был отремонтирован мавзолей Тарагайбека в Шахрисабзе, соборная мечеть, завершилось строительство голубого купола мавзолея Амира Темура.

Таким образом, во времена Амира Темура и Темуридов в Мавераннахре и Хорасане стабилизировалась политическая и этническая обстановка. В кишлаках было налажено поливное земледелие, в бассейнах горных рек – садоводство, богарное земледелие, в горной зоне – разведка месторождений полезных ископаемых, добыча руды и выплавка металла. В городах происходит

ускоренное развитие ремесленного производства, специализировавшегося на изготовлении разнообразной продукции, снабжение товаром внутреннего и внешнего рынка, торговли. Такая политика Амира Темура и Темуридов привела не только к укреплению экономической и политической жизни страны, но и к устойчивости этнического состава общества. В устойчивом обществе получают развитие наука и духовная жизнь. В Самарканде и Герате были созданы научные школы точного и гуманитарного направления, откуда выходили известные учёные. Были заложены основы национального единства, самосознания, национального менталитета народа, который в настоящее время называется узбекской нацией.

На базе двух культурных центров страны (Мавераннахра и Хорасана) и на основе восточного карлук-чигиль-уйгурского и западного огуз-кипчакского диалектов был образован староузбекский литературный язык[1], развитие и совершенствование которого продолжалось вплоть до начала XX века[2].

Если оседлое население, составлявшее этническую основу широких народных масс, и прослойка интеллигенции первоначально говорили в основном на фарси, то спустя определённое время большинство из них начинают разговаривать на тюркском. Это свидетельствовало об укреплении в регионе в период правления Темуридов этнических позиций тюркского слоя оседлого населения. По этой причине в исторических произведениях, написанных во времена Амира Темура и Темуридов, встречаются термины «тюрк», «тюркская народность»[3]. В действительности, эти термины больше относились к разговорному языку тюркских этнических компонентов, который несколько отличался от староузбекского литературного языка. В составе староузбекского языка содержалось много персидских и арабских слов и терминов, которые были не совсем понятны для простого народа. Поэтому сформировавшийся во времена Алишера Навои узбекский литературный язык отличался от разговорных диалектов народа и развивался в качестве языка образованной интеллигенции населения.

Ещё одной причиной такого положения является то, что во времена военных походов Амира Темура в Мавераннахр и Хорасан были переселены множество других этнических групп. В особенности вокруг Самарканда вырастают кишлаки, населённые пункты переселённых на эту землю других этнических групп. Они не пропали бесследно. Напротив, со временем они растворились в составе узбекского народа. Таким образом, есть все основания для заключения, что все вышеописанные положения составляли сущностную основу этнической картины эпохи Темуридов.

---

[1] *Мухторов А., Санақулов У.* Ўзбек адабий тили тарихи. – Т.: Ўқитувчи, 1995. С. 115.
[2] Там же. С. 23.
[3] *Шарафуддин Али Яздий.* Зафарнома. – Т., 1996. С. 109, 168, 229, 271, 282, 375.

Глава XV
ВТОРЖЕНИЕ УЗБЕКОВ ДАШТИ-КИПЧАКА В МАВЕРАННАХР И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД УЗБЕКСКИХ ХАНСТВ

Известно, что Амир Темур управлял подвластными ему землями, разделив их между сыновьями и внуками, а также верными ему эмирами, установив над ними жёсткий контроль. После смерти Амира Темура происходит разрушение установленных им порядков. Завещание Амира Темура первым нарушает один из его любимых внуков Халил Султан. Не дожидаясь прибытия законного наследника Пирмухаммада[1] из Герата в Самарканд, он садится на самаркандский трон[2]. После этого начинается борьба между его наследниками, что приводит к ослаблению центральной власти.

Правда, в 1409 году правитель Герата Шахрух Мирзо берёт власть в Самарканде в свои руки, назначает правителем своего сына Улугбека и, смягчив политическую обстановку, устанавливает в стране мирную жизнь на целых 40 лет. Но ни Шахрух, ни Улугбек не смогли установить в стране тот порядок и дисциплину, которая была при Амире Темуре. Шахрух Мирзо был очень набожным, благочестивым человеком, а его сын, правитель Самаканда, был настоящим учёным. Он был правителем, который взялся за постижение тайн мира посредством науки.

После смерти Шахруха среди царевичей-Темуридов усиливается стремление к центральной власти, они перестают заниматься экономической и культурной жизнью подвластных им стран и областей, заботиться о своих подданных. Ко второй половине XV века противоречия между Темуридами усиливаются до такой степени, что наблюдавшие за ними кочевые узбеки Дашти-Кипчака совершают частые набеги на их владения и грабят местное население. В конечном итоге, в начале XVI века на совершенно ослабшую империю Темуридов вторгаются потомки Джучи во главе с Шейбаниханом и за короткое время устанавливают свою власть в Мавераннахре.

Начиная с этого времени в Мавераннахре и Хорезме, в качестве названия народности, появляется термин «узбек». Появление этого названия на территории современного Узбекистана именно в начале XVI века было связано со вторжением на эти земли 92 узбекских кочевых скотоводческих племён и родов

---

[1] *Шарафуддин Али Яздий*. Зафарнома. – Т.: 1997. – С. 296.

[2] Там же. С. 306.

Дашти-Кипчака во главе с чингизидским правителем Шейбаниханом.[1] До этого времени кочевники северных степей мирным путём проникали на территорию Средней Азии целыми племенами и родовыми общинами. Прибывая на эту территорию под названиями своих родов и племён, они занимали пустующие, не занятые местными жителями земли и, установив с коренным населением экономические и культурные отношения, проживали в качестве кочевых и полукочевых этнографических групп. Проживавшие с древних времён в Мавераннахре и окрестных районах местные оседлые тюрки и тюркизированные согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы, население кишлаков и городов Чача и Древней Ферганы занимались поливным и богарным земледелием, ремесленным производством и торговлей. Коренные жители хорошо понимали язык пришлых степняков, но в этнокультурном отношении находились на более высоком уровне развития культурной жизни.

Отражение названий узбекских родов в источниках

№	В «Мажмуат-таворих» Сайфиддина Ахсикати (XVI век)	В «Насабномаи Ўзбек» Ахмад ибн Масруха	В «Тухфат ат-таворих» Аваза Мухаммада Аттора (XIX век)	В рукописи Института востоковедения РУз (4330.3)	В статье «Узбек уруғлари» (сб. «Ўзбегим», 1992) Заки Валиди	В «Описании Бухарского ханства» (СПб. 1843) Н. Ханикова	В книге «Китмир»	В «Асомий наваду ду фиркан ўзбек»
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Минг	Минг	Минг	Минг	Минг	Минг	Минг	Минг
2	Юз	Юз	Кырыз	Юз	Юз	Юз	Юз	Юз
3	Кирк	Кирк	Юз	Кирк	Кирк	Кирк	Кирк	Кирк
4	Джалайир	Узбек	Кирк	Ун	Унджагит	Ун	Ун	Ун
5	Сарой	Унджагит	Ун	Унджагит	Найман	Унджагит	Унджагит	Унджагит
6	Кунграт	Джалайир	Унджагит	Джалайир	Кипчак	Джалайир	Джалайир	Джалайир
7	Олчин	Сарой	Джалайир	Сарой	Аргин	Сарой	Сарой	Сарой
8	Аргун	Кунграт	Кунграт	Ктой	Бурлок	Кунграт	Кунграт	Ктой
9	Найман	Олчин	Олчин	Кипчак	Бурлок	Мангит	Найман	Кипчак

[1] В исторических источниках хорошо отражено проникновение 92-х Дашти-Кипчакских кочевых узбеков В Моверауннахр и окружающие его области. Такие данные приводятся, например, в книге Сайфиддина Ахсиканти «Мажмуат таворих» (16 в.), Ахмада ибн Масруха «Насабнома-и узбек» и Аваза Мухаммада Аттора «Тухват ат-таворих» (19 в.), в рукописи № 4330,3, хранящейся в рукописном фонде Института востоковедения АН РУз имени Абу Райхана Беруни, в книге Н. Ханикова «Описание Бухарского ханства» (СПб., 1843) и в книгах «Китмир» и «Асомий наваду ду фирка-и узбек», а также в статье «Узбек уруглари» А.З. Валиди, вошедшей в сборник «Узбеки», изданном в 1992 г. в Ташкенте. Эти материалы были опубликованы в таблицах Уралом Насыровым в его книге «Узбеклар шажараси» (Ташкент, 2012, стр. 378–382), которые без изменения приводятся в данной книге.

10	Кипчак	Аргин	Аргин	Найман	Самарчик	Олчин	Кипчак	Найман
11	Калмык	Найман	Сарой	Чакмок	Бузай	Аргун	Казах	Чакмок
12	Чакмок	Кипчак	Найман	Урмок	Ктой	Найман	Калмык	Урмок
13	Киргиз	Чамок (Чичок)	Кипчак	Тувадак	Джит	Кипчак	Кувдок	Тудок (Тугдок)
14	Карлук	Азак	Чакмок	Бустан (бостон)	Джуют	Уйрат	Турлок	Бустан
15	Тюрк	Калмык	Бурлат	Самарчик	Салджовут	Калмык	Самарчик	Самарчик
16	Туркмен	Карлук	Самарчик	Калмык	Мангыт	Бурлак	Катаган	Калмык
17	Бойовут	Тудак	Булат	Карлук	Кангыт	Самарчик	Келайчи (калайчи)	Карлук
18	Бурлан	Бурлок	Катаган	Катаган	Оймовут	Катагон	Кенагас	Катагон
19	Самарчик	Самарчик	Килачи	Орлот	Уладжи	Галаги	Буйрак	Орлот
20	Кабаша	Килачи	Кенагас	Аргун	Гулаган	Кенагас	Уйрак	Аргин
21	Нуджин	Пинакаш	Буйрак	Барлас	Кишлик	Бутра	Урокли	Барлас
22	Килачи	Буйрак	Уйрайт	Буйтай	Томо	Ктой	Киёт	Буйтан
23	Килакаш	Урат	Киёт	Кенагас	Месит	Кангли	?	Кенагас
24	Бурат, бурят (барот)	Киёт	Ктой	Киладжи, килачи	Кирдори	Уз	Кангли	Килачи
25	Убрат (убрят)	Ктой	Кангли	Буйрак	Рамадон	Тупчи	Тучат	Буйрак
26	Киёт	(Тункли) кангли	Ур (авар)	Ойрот	Джуйрат	Утарчи	Увузи	Уйрат
27	Ктой	Узджу-ловчи	Джуба-лиджи	Киёт	Бузаджи	Джит	Урай	Киёт
28	Кангли	Куйчи	Туйджи, туйчи	Кунграт	Уйсун	Джуют	Чублач	Кунграт
29	Урюз	Утарчи	Буймов	Кангли	Татар	Буймовут	Кушчи	Кангли
30	Джунна-лахи	Пулатчи	Джийит	Уз	Тилов	Уймовут	Чуют	Уз
31	Кутчи	Джуют	Джилджут	Джулачи	Ширин	Оролт	Чибит	Джуловчи
32	Отарчи	Джит	Буйат	Джулачи	Агир	Кераит	Кармин	Джуловчи
33	Пулотчи	Чулчут	Уймовит	Куччи, кучи	Бузан	Унгут	Орлот	Катчи
34	Джийит	Буймовут	Арлай	Утарчи	Бузак	Масад	Чалчук	Утарчи

35	Джукот	Оймовут	Керойит	Фуладчи	Бахрин	Маркут	Мангыт	Курловчи
36	Джул-джут	Орот	Онгут	Джуйут	Монгол	Буркут	Туркут	Джуют
37	Турмаут	Кераит	Тангут	Джийит	Нукус	Куралас	Тумалас	Джизт
38	Уймовут	Укалан (гулаган)	Мангыт	Джал-джут	Джалайир	Угилон	Минит (михит)	Чилчут
39	Орлот	Кори	Джалджут	Боязут	Сарой	Кишлик	Уклан	Боязид
40	Керойит	Араб	Масит	Уймовит	Унг	Туркмен	Керай	Уймовут
41	Онгут	Илачи	Меркит	Кероит	Кунграт	Дурман	Уруб	Киройит
42	Тангут	Джубур-гон	Буркут	Баган	Олчин	Тобин	Илоч	Багон
43	Мангут	Тишлик Кишлик джаловут	Киёт	Онгут	Чичок	Тама	Чубирган	Ангит
44	Джаловут	Кероит	Куралас	Тангут	Калмык	Герай	Кутлин	Тангут
45	Мамасит	Туркман	Углон	Мангит	Ойрат	Кыргыз	Туркман	Мангыт
46	Меркит	Дурмон	Кари	Меркит	Корлук	Джуйрат	Дурмон	Меркит
47	Буркут	Тобиш	Араб	Буркут	Тургавут	Бузачи	Топман	Буркут
48	Киёт	Томо	Иладжи, илачи	Месит	Катагон	Сихтиён	Бийча	Модру
49	Куралаш	Рамадон	Джубурган	Киёт	Килечи	Тилов	Риндан	Укалан
50	Углон	Муйтан	Кишлик	Углон	Кенагас	Кирдор	Митан	Олчин
51	Кари	Уйшун	Гирай, гирей	Олчин	Буйрак	Углон	Уйшун	Карри
52	Араб	Базоджи	Туркман	Кари	Киёт	Чилкис	Буйихауз	Гариб
53	Иладжи	Хофиз	Дурман	гариб	Кангли	уйгур	Киргиз	шибиргон
54	Шибиргон	Кыргыз	Табин	Шубур-ган	Уздже булуджи	Ёбу	Уйрувчи	Кишлик
55	Кишлик	Моджар	Тама	Кишлик	Упулачи	Кахат	Бадай	Туркман
56	Гарай, гирей	Кучалик	Рамадан	Туркман	Гулун	Куджалик	Тотар	Дурмен
57	Дурмен	Саврон	Митан	Дурмен	Боёвут	Ширин	Еттибош	Табаъ
58	Тобин	Бохрин	Уйшун	Тобин	Утарчи	Бахрин	Катай (кабаш)	Тамо
59	Тама	Уйрис	Бурия	Там томо	Арлот	Некус	Бошкурт	Тобин
60	Рамадан	Джуброт	Хофиз	Рамадан	Керайит	Монгол	Сулдуз	Рамадан

61	Уюшун	Бидай	Уйурджи	Митан	Унгкут	Татар	Тектуй	Метан
62	Бадай	Тотор	Джуйраут	Уйшун	Качат	Уйшун	Кирдор	Уйшун
63	Хафиз	Тобиш	Будай	Бусе	Меркат	Герай	Суктиян	Булса
64	Уюрчи	Мичдир	Баташ	Хофиз	Буркут	Хофиз	Киркин	Хафт
65	Джурат	Сулдуз	Татар	Кыргыз	Куралаш	Кыргыз	Ширин	Кыргыз
66	Татар	Тумбуйин	Бачикир	Татар	Карлоп	Уюрчи	Фарход	Тотор
67	Йурга	Тилов	Сулдуз	Бочкир	Углон	Джуйрат	Джуначи	Бочкир
68	Баташ	Кардори	Азак	Сулдуз	Кудей	Бузачи	Чилтки	Сулдуз
69	Ковчин	Киркин	Калмык	Каливай	Туркман	Сихтиён	Уйгур	Киловчи
70	Тумбай	Ширин	Каркалпак	Дуджир	Дурмон	Бабаш	Машорис	Дуджир
71	Тилов	Углон	Санвадан	Джурат	Тобин	Ёгрин	Чолик	Джурат
72	Кардори	Курлот	Тубай	Будай	Мумин	Сулдуз	Суврон	Бадай
73	Сахтиян	Боглон	Тилов	Углон	Адай	Тумай	Овган	Углон
74	Киргин	Чинбой	Киради	Курлаут	Туксабо	Кирдор	Кубир	Чимбой
75	Ширин	Чилкас	Сактиян	Чимбай	Киргиз	Углон	Хабрин	Махлий
76	Углон	Уйгур	Киркин	Махди	Уйурджи	Гурлат	Ялонсоз (ялангсоз)	Махдий
77	Чимбой	Афшар	Ширин	Чилкас	Джурга	Чимбой	Урсун ургун	Чилкас
78	Чехиль-кас, ил	Ёбу	Углон	Уйгур	Баташ	Чилкас	Олчин	Уйгур
79	Уйгур	Торгил	Курлат	Афшар	Куйсун	Уйгур	Ябу	Агаркур
80	Анмар	Тургак	Боглон	Кур	Сулдуз	Ёбу	Углон	Нукус
81	Ябу	Кахат	Чимбой	Некуз	Тумай	Кахат	Киргий	Кара
82	Таргил	Ункут	Чилкас	Кара	Курлавут	Моджор	Барлас	Ёбу
83	Тургак	Танкут	Уйгур	Тушлуб	Джилкаш	Куджалик	Кегиз (чиз)	Торгил
84	Тейит	Мангыт	Арнамар	Ябу	Югур	Бузан	Сандир	Кохат
85	Кохат	Чилчиют	Ябу	Таргил	Ёбу	Азак	Кихрут	Шаврон
86	Факир	Месчит	Таргил	Кохат	Муйтан	Кахат	Джоми	Ширин
87	Куджалик	Меркит	Турган	Шуран	Маджор	Ширин	Коли	Тама
88	Шуран	Буркут	Кохат	Ширин	Куджалик	Бахрин	Тангит	Бахрин
89	Дараджат	Киёт	Маджар	Тама	Чуран	Нукус	Тургун	Кирай
90	Кимат	Курлас	Куджалик	Бахрин	Чурчут	Монгол	Узбек	Сахтиён
91	Шуджат	Корлик	Суран	Гирай	Ногай	Каён	Чигатой	Мугол
92	Ауган,	Тюрк	Бахрин	Сахтиян	Копорчи	Татар	Копорчи	Каён

Это не предопределяло образ жизни наших кочевых предков, их постоянное оседлое проживание на определённом месте. Исконной родиной этих скотоводов являлись степи, простиравшиеся от северо-восточных берегов Чёрного моря до Чукотки и Курильских островов. Прежде они занимались охотой, домашним и выпасным животноводством, а начиная с эпохи бронзы (XVIII–XI века до н.э.) становятся кочевыми скотоводами. Кочевой образ жизни вынуждал их искать новые пастбища для выпаса скота и вести полувоенный образ жизни. Поэтому они жили в степях и равнинах, предгорьях и бассейнах горных рек Дашти-Кипчака, разделившись на племена, которые в свою очередь подразделялись на родовые общины и рода.

Они кочевали по Дашти-Кипчаку (по территории Кук Орды и Белой Орды) и с древних времён вторжение этих кочевников со своими стадами к пограничным областям Средней Азии было обычным явлением.

Согласно историко-археологическим сведениям, впервые на территории Средней Азии они появились в середине II тысячелетия до н.э. Эта миграция известна в истории под названием миграции арийцев с севера на юг. Начиная с античного периода и раннего средневековья переселение арийцев на юг, на земли Южного Турана стало протекать весьма ускоренными темпами, и в эпоху раннего средневековья территория Южного Турана, простиравшаяся до среднего течения Амударьи, в полном смысле этого слова, превратилась в Туркестан, то есть стала родиной древних тюрков.

Исторические события, происходившие в Дашти-Кипчаке в течение XIV–XV веков, привели к образованию со стороны военизированных беков скотоводческих племён «страны узбеков», «государства узбеков». В начале XVI века под предводительством правителя этого государства Шейбанихана тюрко-монгольские племена идут войной на ослабевшее государство Темуридов и власть в Мавераннахре переходит в руки скотоводческих кочевых узбеков Дашти-Кипчака.

Как известно из исторических источников, степи, раскинувшиеся от верхнего течения Сырдарьи и западных предгорий Тянь-Шаня до нижних течений Днепра, Дуная, Дона и Волги в арабских и персидских источниках XI–XV веков упоминаются под названием Дашти-Кипчак. Жители Дашти-Кипчака в восточных источниках назывались кипчаками, в русских летописях – половцами, византийских хрониках – куманами, а в венгерских источниках – кунами. В начале XIII века территория Дашти-Кипчака была захвачена войсками Чингизхана и передана в качестве улуса его старшему сыну Джучи. В пределах улуса Джучи (куда входили земли Северного Хорезма) было создано государство Золотая Орда. Однако в начале XIV века борьба за трон между потомками Чингизхана в улусе Джучи привела к его разделению на два самостоятельных государства – Синюю и Белую Орду, которая получила в истории название Золотая Орда[1].

---

[1] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. Москва – Ленинград, 1950. С. 261; *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. Москва, 1965. С. 32.

Как отмечается в исторических источниках, степи, простиравшиеся от Волги до Днепра, Крым, Северный Кавказ, Булгар, Северный Хорезм находились на территории Синей Орды, которую продолжали называть государством Золотая Орда. Расположенное на Востоке бескрайнее поле Дашти-Кипчака – среднее и нижнее течение Сырдарьи, обширные степи на севере и северо-востоке Аральского моря входили в состав государства Белая Орда. Хотя этим государством управляли потомки Джучи Орда-Ичан и Шейбан, но оно официально подчинялось Золотой Орде. Золотой Ордой правили потомки хана Батыя и Туга-Темура.

В 60-х годах XIV века в Золотой Орде разгорается борьба за власть между потомками Шейбана, Орда-Ичана и Туга-Темура[1]. Золотая Орда теряет свои политические и военные позиции, которая при Узбекхане (1312–1342 годы) была мощным кочевым государством. В 70-х годах XIV века ещё более усиливаются внутренние феодальные распри в Золотой Орде, в которой особую активность проявляют Шейбаниды. Даже по инициативе представителя Шейбанидов Тулунбек-хонум чеканились монеты[2].

При Тохтамышхане, захватившем власть с помощью Амира Темура, усиливается Белая Орда, которая даже присоединяет к себе Золотую Орду. Во время правления Тохтамышхана в Дашти-Кипчаке наступает относительное затишье. В 1395 году в сражении у реки Терек Амир Темур разгромил Тохтамышхана. После этого в Белой Орде вновь разгораются феодальные распри. Среди богатой аристократии степей Белой Орды – беков усиливается стремление к свободе и независимости. Они становятся полновластными хозяевами восточной части Дашти-Кипчака. Поэтому со второй половины XIV века восточные области Дашти-Кипчака в исторических источниках упоминаются под названием «земля узбеков», «страна узбеков».

Из исторических источников известно, что жившие до этого времени (в 80-х годах XIII века) на территории Дашти-Кипчака тюрки и тюркизированные в языковом отношении монгольские племена называли себя «узбеками». До этого термин «узбек» встречается в качестве имён некоторых беков-людей. Например, имя одного из азербайджанских атабеков (династия Илтегинов (1210–1225 гг.)), а также имя одного из эмиров Мухаммада Хорезмшаха было Узбеком[3]. Рашидиддин отмечает, что сына Минкудара, одного из семи сыновей Джучи, звали Узбек[4]. В произведении «Тарих-и гузидэ» (Избранная история) Хамдаллаха Мустафы Казвини (1281–1350) повествуется о землях и народах, подвластных золотоордынскому хану Узбекхану. Эти племена Каз-

[1] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. Москва–Ленинград, 1950; *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. Москва, 1965. С. 32.

[2] *Френ Х.М.* Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммедханских династий. Перевод с немецкого М. Волкова. СПб, 1832. С. 22; *Савельев П.С.* Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаидов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Часть 1, СПб, 1858. С. 227–228, 237–238.

[3] *Рашидиддин.* Джамиат-таварих. Москва – К, 1952, Т. I, кн. 2. С. 159, 133, 194, 227, 242, 245 и т. д.

[4] Там же. С. 124.

вини называет «ўзбекиён» (узбеки), а страну – «Мамлакат-и ўзбек» (Страна узбеков) или «Улус-и ўзбек» (Узбекский улус). Историк Рузбехон в своей книге «Мехмонномаи Бухоро» узбеков Дашти-Кипчака подразделяет на три рода: шейбанидов, казахов и мангытов. По данным источников, улус Шейбана был образован в 1238 году, границы которого простирались от подножия Уральских гор до рек Тобол и Сарысу.

Арабский историк Калкашанди (умер в 1418 году) в своём произведении называет хана Тохтамыша «малик билад ўзбек», что означает правитель страны узбеков[1]. В произведениях Низамиддина Шами[2] (умер в 1404 году), Шарафуддина Али Язди[3] (умер в 1454 году), Абдураззака Самарканди[4] (1413–1482) и Хондамира[5] (1475–1535) приводятся отрывки об узбеках. Например, в рассказе Низамиддина Шами о прибытии Тохтамыша в Самарканд говорится: «Темур отдал во владение Тохтамышу области Отрар и Саврон и отправил его на эти земли. Спустя некоторое время Кутлуг Буга, сын царя узбеков Урусхана, направился со своими войсками (в эти области) и провёл много сражений. Когда Тохтамыш совершил предательство по отношению к Темуру, в 1389–1390 годах Темур пошёл на него войной. Когда войска Темура достигли местечка Сарык-узун, собрались нойоны и эмиры и посоветовали Амиру Темуру: «Будет верным, если мы разгромим Инка-Тура, одного из полководцев моголистанского хана Хизр худжа, предотвратив его недобрые намерения, затем направиться в «край узбеков» (страну узбеков)».

Абдураззак Самарканди, в рассказе о походе Амира Темура на Тохтамыша, говорит, что в 1390 году Амир Темур пошёл войной на Моголистан и по пути пленные сообщили о бегстве Инка Тура в Моголистан, который спрятался в узбекских степях (дар сахро-и узбек). Хондамир, повествуя о событиях 1389–1391 годов, армию Тохтамыша называет «войском узбеков» (сипох-и узбек). Эмиры и ханы Золотой Орды называются правителями «узбекских» областей. В общем, с начала XIV века население Дашти-Кипчака, вернее, первоначально жители Белой Орды, упоминаются под названием «узбеки».

Боевая кавалерия этой страны совершала частые грабительские набеги на Мавераннахр (в основном на северные территории современного Узбекистана). Об этом в «Уложении» Амира Темура говорится: «Когда узбеки начали совершать в Транссаксании величайшие жестокости и невыносимые притеснения, Иляс-Ходжа (сын правителя Мавераннахра Туглук Темура – А.А.), потерявший всякую власть, не был в состоянии прогнать этих разбойников и остановить их неистовства. Что касается до меня, то я, стремясь приобрести доверие, стремительно

---

[1] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. «Извлечение из сочинений арабских», СПб, 1884, Т. I. С. 414.

[2] *Низомиддин Шомий.* Зафарнома.

[3] *Шарафуддин Али Яздий.* Зафарнома.

[4] *Абдураззоқ Самарқандий.* Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн.

[5] *Хондамир.* Хабиб ас-сиййар. Техрон, 1955.

ринулся на узбеков и освободил притесняемых из рук»[1]. Узбекхан (1312–1342) объединяет обе части Орды и земли Золотой Орды входят в состав государства узбеков. Во времена Тохтамыша (1376–1395) все жители Дашти-Кипчака стали называться подданными страны узбеков.

Следует особо отметить, что в последние годы в научных кругах среднеазиатских республик в вопросах о происхождении народов региона, в их истории разрабатываются различные национальные концепции, на основе социологических исследований появляются конструктивистские теории, отрицающие в вопросах этногенеза принцип историзма. Такой подход к истории приводит, во-первых, к безосновательному углублению истории своего народа при помощи использования внешних разногласий, усилению желания «присвоить» историческое и культурное наследие, принадлежащее всем народам Средней Азии; во-вторых, теоретические основы национальных концепций разрабатываются некоторыми российскими учёными, готовыми служить руководителям высших эшелонов власти национальных республик для достижения экономических интересов. В-третьих, сторонники «конструктивизма» отрицают этногенез и этническую историю народов региона и считают, что все современные народы Средней Азии (узбеки, таджики, казахи, кыргызы, каракалпаки и другие) не имеют исторических корней и их настоящее состояние является политической производной, политической структурой советской власти[2].

Такая позиция к вопросу этногенеза и этнической истории народов Средней Азии противоречит исторической действительности[3]. Под названием «узбек» в первую очередь следует понимать оседлое сельское население, занимавшееся орошаемым земледелием, и городское население, которое занималось ремесленничеством и торговлей, а также пришедших на эти земли в начале XVI века кочевых узбеков Дашти-Кипчака, которые стояли во главе политической власти.

Но некоторые известные учёные-востоковеды в своих рассуждениях дошли до того, что «в древности и средние века тюркоязычные племена и роды даже до IX–X веков занимались скотоводством»[4].

В древних китайских источниках имеются сведения о занятии земледелием большей оседлой части древнего тюркоязычного населения Средней

[1] *Темур тузуклари*. Форсчадан Алихон Соғуний ва Ҳабибулло Кароматов таржимаси. – Т.: 1991. – 20-бет.

[2] *Тишков В.А.* Этнология и политика. – Москва, 2001.

[3] *Алимова Д., Арифханова З., Камолиддин Ш.С.* Каким не должен быть этнический атлас Узбекистана « O‘zbekiston tarixi», 2004, № 1. С. 72–85. 4: 72–85; *Shamsiddin Kamoliddin*. The Notion of Ethnogenesis in The Ethnic Atlas of Uzbekistan // Anthropology & Archeology of Eurasia, vol. 44, Number 4 / Spring 2006, p. 42–46. Его же. О понятии этногенеза в «Этническом атласе Узбекистана»// «Этнографическое обозрение». М., 2005, № 1. С. 23–101.

[4] *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // Сочинение в 9 томах. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 195–232.

Азии[1]. Проведённые в последние годы на территории Южного Казахстана, среднего и нижнего бассейна Сырдарьи, Семиречья и Восточного Туркестана широкомасштабные археологические исследования свидетельствовали о начале урбанистических процессов в этих краях в период античности, а к периоду раннего средневековья на этой земле поднимаются сотни больших и малых городов и кишлаков[2].

В исторических источниках приводятся названия земледельческих и садоводческих культур на древнем прототюркском и тюркском языках коренных тюркских племён и народностей Центральной Азии[3].

Ещё одним видом источников в изучении этногенеза и этнической истории узбекского народа являются около 200 историко-политических и этнических карт и глобусов, созданных западноевропейскими и русскими картографами на протяжении XVI–XVIII веков. В них встречаются топонимические названия «узбек», «Узбекия», «Узбекистан». Например, на двух картах («Новая карта Каспийского моря и страны Узбек» картографа Абрахама Мааса, а также «Карта Каспийского и Аральского морей» Василия Ватация), созданных в первой половине XVIII века, территория Средней Азии обозначена под названиями «страна узбеков», «узбек», «Узбекия», «Узбекистан»[4]. На этих картах границы Средней Азии отмечены как Usbek (Usbec, Usbeck, Vsbek), Usbekia (Usbechia), некоторые его части – Usbek Bucharia, Usbek Bochara, Usbek Chowaresmia, Usbek Mawaralnahra, Usbek Turkistan, Usbek Turan, Usbek Tartaria, Usbek Zagatay (см. цветную иллюстрацию 16 «Политическая карта Центральной Азии с названием Uzbekia). Это является

[1] *Давыдова А.В., Шилов В.П.* К вопросу о земледелии у гуннов.// ВДИ, 1953, № 2. С. 193–201. *Исламова З.А.* Названия продуктов питания в словаре Махмуда Кашгарского «Дивану лугатат-турк». «Вопросы тюркского языкознания». Алма-Ата: Наука, 1985. С. 89–91.

[2] *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Т.: 1982; *Григорьев Г.В.* Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940; *Литвинский Б.А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы.// СА. № II, 1967. С. 29–37; *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. Москва, 1971; *Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Т.: 2010; *Шониёзов К.* Қанғ давлати ва қанғлилар. Т.: 1990; *Бобоёров Ғ.* Чоч тарихидан лавҳалар. Т.: 2010; *Филанович М.И.* Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента. // Кн. «У истоков древней культуры Ташкента». Т.: 1982; *Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. Алмата, 1968; *Подушкин Н.П.* Ранние оседлые поселения долины Арыса (I–VIII вв.) // Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1970; Его же. По следам древней культуры Казахстана. Алма-Ата, 1970; *Оболдуева Т.Г.* Курганы Каунчинской и Джунской культуры. КСИИМК, вып. XXIII. Москва–Ленгинград, 1948; *Левина Л.М.* К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье. «Приаралье в древности и средневековье». Москва, 1998; *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979; *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979; *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура. Москва, 1993; *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан, 2000.

[3] *Исламова З.А.* Названия продуктов питания в словаре Махмуда Кашгарского «Дивану лугатит-турк». «Вопросы тюркского языкознания». Алма-Ата: Наука, 1985. С. 89 – 91.

[4] *Камолиддин Ш.* Две карты Средней Азии первой половины XVIII века. Сборник «Новые источники по исторической этногеографии Средней Азии». Берлин, 2012.

ответом современным конструктивистам, отрицающим существование исторических корней государственности узбекского народа, а Республика Узбекистан, якобы, выдумка Советов[1].

Как видно из вышеприведённых примеров, когда речь идёт о территории Дашти-Кипчака XIV–XVIII веков, то под ним следует понимать земли страны кочевых узбеков. До начала XVI века Средняя Азия именовалась Туркестаном, а её население – тюрками. После установления в начале XVI века на территории Средней Азии военно-политического господства племён и родов Дашти-Кипчака, эта страна, в качестве составной части государства узбеков Дашти-Кипчака на политических картах Европы обозначается как «Страна Узбек», «Узбекия», «Узбекистан». Жители земледельческих областей этой страны, в первую очередь, значительная часть населения Мавераннахра, говорила на тюркском языке, меньшая – на фарси. Язык тюркоязычного населения Средней Азии был родствен языку узбеков Дашти-Кипчака, которые говорили на разных диалектах тюркского языка. Тюрки и тюркизированные сарты Мавераннахра считали себя тюрками или ургенчцами, ферганцами, самаркандцами, андижанцами, шашцами, термезцами и другими. К примеру, Амир Темур, Улугбек, Алишер Навои, Хусейн Байкара, Захириддин Бабур называли себя тюрком.

Если обратиться к историческому прошлому, в исторических источниках военные скотоводы-аристократы Великой Тюркской степи называли себя беками. Это название встречается и в наскальных надписях времён Тюркского каганата. Например, известно, что в раннем средневековье с периода правления Великого Тюркского каганата каганы в своих, высеченных на камнях обращениях к народу используют слова «тюркский будун (народ)», «тюркские беки и будун», «тюркские, огузские беки, будун». Значит, в период Каганата, возможно и раньше, тюркские рода состояли из аристократов-беков и простых скотоводов. Беки были богатыми, свободными, вольными военными всадниками. Чувство собственного достоинства, ощущение собственной свободы, вольный и независимый образ жизни и характер являлись естественным состоянием скотоводов-аристократов – беков. Такое настроение усилилось в последней четверти XIII века в Дашти-Кипчаке, в особенности в её восточной части, когда в среде степных военизированных аристократов-беков становится традиционным называть себя «узбеками», то есть «сам себе бек».

Это слово состоит из двух слогов – «уз» и «бек», когда к корню «уз», что означает «своё, я», прибавляется суффикс «бек» и появляется понятие «узбек». Об этом в своё время писал и Г. Вамбери: «Буквальное значение слова «Узбек» – свой собственный господин, самостоятельный. Замечательно, что это слово встречается у венгров, как название достоинства или звания, и в этом смысле оно находится в документах, относящихся к 1150 году»[2].

---

[1] *Камолиддин Ш.* XVIII, 2012. 2. Две карты Средней Азии первой половины XVIII века. Сборник «Новые источники по исторической этногеографии Средней Азии». Берлин, 2012. С. 2.

[2] *Вамбери Г.* История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего времени. Перевод А.И. Павловского. СПб, 1873, т. II. С. 2.

Первоначально термин «узбек» не относился к определённой этнической общности, напротив, это понятие относилось к военно-политическому объединению групп многочисленных беков, которые занимались военными играми и грабежами в степях Белой Орды. В 60-х годах XIV века в результате междусобных феодальных войн, разгоревшихся между потомками Джучихана, могучая и единая Золотая Орда распалась на множество мелких княжеств. Самым большим и сильным среди них была Белая Орда, располагавшаяся между реками Волга и Урал. Вначале происходит усиление Белой Орды во время правления Тохтамышхана (1380–1395). Ему даже удаётся объединить Золотую и Белую Орду, в чём большую помощь ему оказывает Амир Темур.

Окрепнув, Тохтамышхан начинает вести внешнюю политику, которая раздражала Амира Тимура. Тохтамышхан захватывает земли Хорезма. В самой Золотой Орде многие были недовольны Тохтамышем и сведения о его действиях доходят до Амира Темура. В результате этих внутренних противоречий в июне 1391 года в долине реки Кундузча происходит кровопролитное сражение, которое заканчивается поражением и бегством Тохтамыша с поля боя[1]. В сражении, происшедшем в 1395 году, Амир Тимур наголову разбивает его. Побеждённый Тохтамыш с горсткой телохранителей скрывается у русских князей. После битвы 1395 года Золотая Орда приходит в полный упадок. После этого, в 80-х годах XIV века, и в Белой Орде, получившей название «Узбекского улуса», начинается непримиримая борьба за власть между потомками ханов и беков. В первой четверти XV века борьба за трон достигает своего апогея, в которой победу одерживает Абулхайрхан из рода Шейбана и вновь создаёт «Государство узбеков» в Восточном Дашти-Кипчаке[2].

В науке существуют различные взгляды о происхождении слова «узбек». К примеру, Анвар Шукуров опубликовал брошюру под названием «Ўзбек атамасининг келиб чиқиши ҳақида» («О происхождении термина узбек»)[3]. В этой брошюре автор пишет о трансформации слова «огуз» в арабских и персидских источниках в слово «гуз», о происхождении части слова «уз» в слове «узбек» от слова «огуз» и происхождении слова УЗБЕК от сочетания слов огуз+берк, огуз+бука, бек»[4]. Далее он пишет, что «слово «узбек» – сокращённая форма от слова Огузбек. А. Шукуров далее отмечает: «Среди огузской аристократии имя «Узбек» встречается и в начале XIII века, за 60 лет до золотоордынского хана Узбекхана в Азербайджане жил правитель по имени «Узбек», даже в произведении арабского историка Усом ибн Мункиза «Китоб ал-эътибор» (Книга назиданий) говорится о правителе Мавсила по имени Узбек»[5].

---

[1] *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. Москва, 1965. С. 38–39.

[2] Там же. С. 33.

[3] *Шукуров.А.* Ўзбек атамасининг келиб чиқиши ҳақида. – Т.: Насаф. 2010.

[4] Ўша асар. С. 31–33.

[5] *Шукуров А.* Ўзбек атамасининг келиб чиқиши ҳақида. С. 32; *Алиев А., Содиқов Қ.* Ўзбек адабий тили тарихидан. – Т.: Ўзбекистон. 1994. – С. 42; *Зиётов З.* Турон қавмлари. – Т.: 2008. – С. 189.

Можно сделать предположения о древнем происхождении имени «Узбек», но гипотеза о связи корня «уз» со словом «огуз» представляется ошибочной. Проблему происхождения названия «узбек» можно связать с названием рода «уз», который относится к тюркским народам и сделать следующее предположение: в историко-этнографической литературе имеются сведения о проживании в разных местах Дашти-Кипчака с середины VIII века родовых племён тюркоязычного племени «уз», которые в течение IX–XI веков усиливаются в военном отношении, и от беков этих родов образовалось слово «узбек». Однако сведений о ведущих позициях племени «уз» среди других тюркоязычных племён и родов Дашти-Кипчака не имеется. Поэтому происхождение термина «узбек» в Дашти-Кипчаке относится ко всем общинам тюркоязычных племён и родов восточно-кипчакской степи и близка к исторической истине версия о связи этого слова с гордыми представителями беков племён. Если первоначально узбеками называли себя представители аристократического социального слоя населения – беки, то со временем это название распространяется и на зависимых от них сородичей.

Таким образом, именно в Восточном Дашти-Кипчаке в конце XIII и в течение XIV века появляются такие этнополитические термины, как «страна узбеков», «узбеки». В начале XVI века со вторжением кочевых узбеков Шейбанихана в Среднюю Азию это слово, как собирательное выражение всех кочевых Дашти-Кипчакских тюркских и отюреченных монгольских племен, появляется в Мавераннахре и Хорезме, став впоследствии этнонимом узбекского народа.

Ранее из среды тюрко-монгольских племён (арлот, бахрин, буркут, дурмен, ийджон, ктой, карлук, маджар, кипчак, кият, кунграт, курловут, мангыт, найман, нукус, тангут, уйгур, маркит, кушчи, утарчи, джот, чимбой, кенагас, уйшун, тубойи, тоймас, эчки, туман-минг, шодбахтли, шункорли и другие) выделяются всадники-воины, которые образуют вольные, свободные, независимые боевые группы. До начала XV века они ощущали себя как вольные птицы бескрайних степей. Эти бесшабашные военизированные группы вели себя как вольные и свободные беки.

Как отмечалось выше, в 20-х годах XV века, вернее, в 1428 году, один из внуков Джучи – Абулхайрхан объединяет под своим началом боевые группы этих самых степняков, беков-аристократов и образует военизированное государство, костяк которого составлял род мангытов. Значит, термин «узбек» использовался в начале XIII века по отношению к военизированному объединению всадников восточной части Дашти-Кипчака, известному под названием «Белая Орда». Основу этой вольной, свободной, независимой группы всадников составляли военные беки-аристократы[1]. В те времена к «Узбекскому улусу» относились земли от северного побережья Аральского моря до среднего течения реки Иртыш, от рек Сарысу и Чу на востоке до левобережья реки Яик (Урал) на западе.

Господство Шейбанихана в Мавераннахре и Хорезме длилось недолго. Он погиб в 1510 году в сражении с иранским шахом Исмаилом. После его смерти

[1] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. Москва–Ленинград, 1950. С. 296.

в стране начался разброд. Хорасан захватывают сефевиды. Потомки Шейбанихана и вожди некоторых племен захатывают отдельные области (Балх, Гиссар, Бадахшан, Самарканд, Ташкент и другие), перестают подчиняться центральной власти и стремятся к обособлению. Среди наследников Шейбанихана разгорается борьба за власть. В этой борьбе победу одерживает Абдуллахан II и в 1560 году занимает бухарский престол[1]. Абдуллахан II наносит сокрушительный удар по другим претендентам на престол и непокорным эмирам. Ему удаётся создать в Бухаре сильное централизованное феодальное государство. В период его правления страна начинает развиваться, дехкане, скотоводы и ремесленники обретают возможность спокойно заниматься своим делом. При Абдуллахане II укрепляется экономика страны.

Но после смерти Абдуллахана II его наследники не справляются с государственными делами. Наследник престола Абдулмумин сумел продержаться на троне всего лишь полгода. Он был убит соратниками своего отца. В Бухарском ханстве вновь начинаются беспорядки. Внешнеполитическое положение страны также оставляло желать лучшего. В стране не осталось ни одного претендента из рода Шейбанидов, кто бы мог возглавить страну (их всех в своё время ликвидировал Абдуллахан II). Группа, состоящая из вождей племен и влиятельных представителей духовенства, которые внимательно следили за внутренней и внешней обстановкой в стране, возводят на престол ханского зятя – Аштарханида Дин Мухаммада Султана. Таким образом, в истории Бухары начинается эпоха правления династии Аштарханидов. Однако дом Аштарханидов не дал ни одного сильного хана, в стране усиливаются центробежные процессы, не прекращаются дворцовые интриги и междоусобные столкновения непокорных эмиров. Междоусобицы ещё более усилились в период правления последнего представителя Аштарханидов Абулфайзхана (1711–1747). В 20-х годах XVIII века область Балх выходит из состава Бухарского ханства. Ташкент и Ташкентский оазис захватывают калмыки (джунгары), затем казахи. Шахрисабз переходит в руки кенагасов, Карши – мангытов, Мирзачуль захватвают ктаи и кипчаки, Фергану – минги и юзы, долину Зарафшан – найманы. Дни предавшегося праздной жизни Абулфайзхана были сочтены. Пристально наблюдавший за обстановкой в Бухарском ханстве правитель Ирана Нодиршах с целью захвата Бухары пересекает Амударью и разбивает лагерь в местечке Чор-Бакр недалеко от столицы. Чор-Бакр был местом проживания влиятельных саидов. Узнав об этом, Абулфайзхан выходит навстречу Нодиршаху и пытается с его помощью сослать из Бухары в другие края влиятельных сановников. Среди них был сын Хакима Оталика-мангыта Рахимбий. Прознав про эти намерения, Рахимбий преследует Абулфайзхана и в 1747 году убивает его, а на престол возводит его девятилетнего сына[2]. Не проходит и года, как Рахимбий казнит его и захватывает власть. Рахимбий Оталик постепенно укрепляет

---

[1] Бухоро шаҳри Шайбонийлар давлатининг пойтахти эди.

[2] *Мирзо Абдал Азим Сами.* Тарих-и-салотин – манғития. Перевод Л.М. Ефифановой. Москва, 1962. С. 44.

своё положение и в 1753 году в качестве первого правителя династии мангытов садится на бухарский трон. Таким образом, в 1753 году Бухарское ханство прекращает своё существование и начинается период Бухарского эмирата. Значит, основателями Бухарского эмирата является крупное племя мангытов кочевых узбеков Дашти-Кипчака.

Сведения о мангытах встречаются в этнографических произведениях, в которых с начала XIII века они упоминаются как монгольское племя. В течение XIII века мангыты жили на территории Дашти-Кипчака. В XIII–XIV веках значительная часть мангытов располагалась между реками Волга и Урал. За этот период под влиянием кипчаков они забывают свой монгольский язык и начинают говорить на тюркско-кипчакском диалекте. В конце XIV века они создают независимое государство Мангытская Орда. В середине XV века мангыты именуются ногаями, а их государство – Ногайской Ордой. В середине XVI века Ногайская Орда распадается на две части – Большой ногай и Малый ногай. Впоследствии мангыты Большого ногая входят в этнический состав узбеков, каракалпаков, частично казахов. А мангыты Малого ногая входят в основном в этнический состав казахов. О вторжении в начале XVI века в Мавераннахр 92 родов кочевых узбеков Дашти-Кипчака во главе с Шейбаниханом говорится в произведении «Шейбанинаме» Мухаммада Салиха: «Среди пришедших из страны узбеков было много воинов. Хаджи Гоги был из мангытского рода. Здесь было 4 000 узбеков, все родственники между собой. Среди них были кунграты, мангыты, дурманы, ушуны и уйраты»[1].

Часть из них под хозяйственно-экономическим и этнокультурным влиянием постепенно начинают заниматься земледелием и становятся оседлой частью населения. Другая часть до конца XIX – начала XX века ведут полукочевой образ жизни и продолжают заниматься отгонным скотоводством[2].

В настоящее время мангыты растворились в составе узбекского народа и гордятся своей принадлежностью к узбекской нации. Но старое поколение наших предков, которые по своему этническому происхождению были скотоводами, до сих пор не забыли свои племенные этнические названия. Помнить семь колен своего рода, свою родословную является тюркской традицией.

В быту мангыты говорили на кипчакском диалекте узбекского языка. В письменной речи они использовали узбекский литературный язык.

Ещё одним племенем кочевых узбеков Дашти-Кипчака, вошедших в состав узбекского народа, были кунграты. Как сообщается в источниках, в раннем средневековье кунграты жили на Алтае, северной части Монголии. В произведении Рашидиддина Фазлаллаха «Жом-и ат-таворих» и Абулгази Бахадырхана «Шажараи турк» («Родословная тюрков») приводится много преданий о происхождении кунгратов XIV века. Во многих произведениях происхождение кунгратов

[1] *Мухаммад Салих*. Шейбани-наме. 1989. С. 197.

[2] Материалы по районированию Средней Азии. Кн.1, ч. 1–2. Ташкент, 1926; *Кубаков К*. Этнический состав сельского населения Верхней Кашкадарьи в конце XIX – начале XX века. (Этнокультурные процессы). Т.: 1991.

связывается с монголами. Известный учёный-этнограф Б.Х. Кармышева совершенно справедливо отмечала: «Для нас неважно, каково происхождение кунгратов – монгольское или тюркское. Потому что в разных исследованиях указано, что хотя те или иные этнические группы являются монгольскими племенами, до переселения в Мавераннахр в начале XVI в. они приняли тюркское направление по языку, культуре и этническому составу»[1].

По утверждению И.П. Магидовича, до XVI века большую часть узбеков Хорезма составляли кунграты. Значительная часть кунгратов, прибывших в Древний Хорезм вместе с Шейбаниханом, были родственны не казахским кунгратам, которые остались в Дашти-Кипчаке, а являлись сородичами и соплеменниками кунгратов, переселившихся на эту землю в прежние времена[2]. С давних времен они имели родственные отношения с чингизидами[3]. Стремление кунгратов к установлению независимого государства в Древнем Хорезме под началом их династии вынудило Амира Темура совершить 5 походов на Хорезм.

Существует широко распространенная легенда о происхождении кунгратов. От первой жены вождя племени кунгратов Кунграт ота (отец Кунграт), установившего родственные связи с чингизидами, родились четыре сына (Вахтамгали, Куштамгали, Конжигали, Айнли), а от младшей жены – один сын (Тортули). У каждого из них рождаются от 6 до 18 сыновей, от которых образуются 66 родов. Учёный-филолог Х.Д. Дониёров этническое происхождение кунгратов связывает с монголами и считает, что монгольское слово «кунграт» переводится как «чёрный ворон»[4]. По мнению старейшин кунгратов Сурхандарьинской области, их предки прибыли из Хорезма[5]. Между каракалпакскими, хорезмскими, сурхандарьинскими и кашкадарьинскими кунгратами существует генетическая связь, о чем свидетельствует идентичность родов в их составе. Кунграты уже давно вошли в состав узбекского народа и гордятся своей принадлежностью к этой нации, но среди них до сих пор встречаются старейшины, которые помнят названия своих родов.

Владения Ферганы обрели независимость ещё до своего отделения от Бухары в начале XVIII века. Первым ханом государства Фергана был Шохрухбий из узбекского рода минг. В период правления его сына Рахимбия к Коканду были присоединены города Маргелан, Андижан, а затем завоёваны Самарканд и Каттакурган. Во время правления наследника Рахимбия Абдукаримбия в стране устанавливается мирная жизнь, в городах и кишлаках начинается экономический рост. К середине XVIII века Кокандское ханство становится полностью не-

[1] *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 211.

[2] Материалы по районированию. Кн. 3, часть 1. Бухара, 189–190.

[3] *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. // «Живая страна» вып. 3 и 4. 1896. С. 370.

[4] *Асрор Қаюмов.* Дала материаллари. 1998 йил.

[5] *Данияров Х.Д., Благова Г.Ф.* Говоры «тюрков» Узбекистана. // «Вопросы языкознания», 1966. №6. С. 86.

зависимым государством. В конце XVIII века независимое Ташкентское бекство подчиняет своему влиянию Ахангаранскую долину, города Сайрам, Чимкент и Туркестан. Но к началу XIX века в результате феодальных распрей Ташкентское бекство попадает под влияние Кокандского ханства. Попытки, предпринятые для усиления центральной власти кокандским ханом Алимханом (1800–1809 гг.), вызывает недовольство кокандской аристократии и к власти приходит его младший брат Умархан. Во время его правления получает развитие культура, усиливается центральная власть. Военные походы казахских биев для захвата Чимкента и Сайрама заканчиваются неудачно. В период правления Мухаммада Али (1822–1842 гг.) был даже совершён военный поход на Кашгар. Он совершает нападение на Дарвазскую область, на населённые пункты Шугнан, Рошан и Вахан, где проживали таджики. Однако аристократия, недовольная политикой Мухаммада Али, входит в сговор с духовенством и устанавливает связь с эмиром Бухары Насруллаханом. Насруллахан совершает военное вторжение на Кокандское ханство и захватывает Ходжент, а затем отбирает и Ташкент. Захватнические войны между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом, которые продолжались с переменным успехом, а также народные восстания к середине XIX века приводят к ослаблению обоих государств. И, наконец, в период последних кокандских ханов (Худаярхан, Маллахан, Пулатхан, Насриддинбек) страна попадает в зависимость от Российской империи и превращается в Туркестанское генерал-губернаторство.

Несмотря на сложную политическую обстановку в Мавераннахре в XVI–XVIII веках удельный вес оседлого населения, проживающего здесь с давних времён, остаётся ведущим в этническом составе всего населения страны. Сельское население продолжало в основном заниматься традиционным орошаемым земледелием, а городское население – многоотраслевым ремесленным производством и торговлей. Жители населённых пунктов, расположенных близко к степной зоне, проживали за счёт отгонного скотоводства. В целом в жизни оседлого населения, занимавшегося поливным и богарным земледелием, животноводство играло роль подсобного хозяйства. Подсобное животноводческое хозяйство традиционно велось не только сельскими, но и городскими узбекскими семьями.

Пришедшие и осевшие в Мавераннахре и Хорезме в разные времена (XIII–XIV века) тюркские племена (абдал, карлук, кангли, аз, уз, калтатай, тюрк, тухси и другие) быстро смешались со своими сородичами – шейбанидскими узбеками. Только представители зажиточной части этих племён в XVI–XVIII веках смогли сохранить этнические названия своих племён и вели полукочевой образ жизни. Богатые аристократические семьи кочевых узбеков размещаются в городах, захватывают политическое господство в стране, постепенно устанавливают родственные связи с местным населением и начинают вести оседлый образ жизни. Значительная часть не связанных с политической властью богатых скотоводов со своим скотом обосновались в предгорных и степных районах Средней Азии

и продолжают заниматься традиционным скотоводческим хозяйством. Они вели полукочевой образ жизни. Эти скотоводы жили в примыкающих к оазисам степной и равнинной местности, в шалашах и юртах. Ранней весной они со своими стадами уходили в степи. Осенью, после сбора урожая зерновых и бахчевых культур, они пригоняли скот на места зимовки и проводили здесь всю позднюю осень и зиму. Такой образ жизни вновь повторялся с наступлением ранней весны. По наблюдениям этнографа К. Шониёзова, значительная часть прибывших в Среднюю Азию тюркских племён перешла к оседлому образу жизни, а численность полукочевой, полуоседлой части этих племён к XIII веку составляла приблизительно 100 тысяч человек.

В XIII–XV веках прибывшие в Среднюю Азию тюркские и тюркизированные монгольские племена в основном несли военную службу в войсках Амира Темура и Бабура. После военных походов большинство из них занимали различные должности в завоёванных странах и оставались жить там со своими семьями. К примеру, некоторые группы барласов обосновались в Афганистане, в окрестностях Дели, Кашмире. Целые группы племён арлотов, кипчаков, найманов, аргинов, монголов остались в Афганистане, большая часть джалайиров – на севере Ирана и Азербайджане.

Следует подчеркнуть, по традиции тюрко-монгольские всадники, направляясь в военный поход, забирали с собой свои семьи и родственников. Во время вторжения Шейбанихана в Мавераннахр в составе его войска служили всадники 92 родов. Если предположить, что каждый род состоял из тысячи семей, каждая семья – из 6–7 человек, то в начале XVI века вместе с армией Шейбанихана в Мавераннахр и Хорезм прибыло по меньшей мере 500–600 тысяч узбеков Дашти-Кипчака. Даже такое количество степняков, оставшихся жить на территории Средней Азии, не оказало никакого влияния на этнический слой коренного оседлого населения. Поэтому по итогам антропологических исследований было выяснено, что в течение XVI века в этническом составе населения не произошло никаких существенных изменений. Например, определённая часть местного населения Хорезма, которая подверглась наиболее массированному притоку в этот край кочевых узбеков, в XVI–XVIII веках переселяется в Мавераннахр. В своём последнем походе на Хорезм (1388 г.) Амир Темур захватывает Ургенч и большую часть населения, в первую очередь ремесленников с их семьями, переселяет в Самарканд для использования мастеров на строительстве дворца Ак-сарай. Завоевав Хорезм, Шейбанихан принудительно переселяет жителей Кията и других городов в Мавераннахр[1]. Бухарские эмиры также неоднократно совершают походы на Хорезм и многих жителей переселяют в Гиссар, Бухару, Самарканд и Ташкент[2]. Этническое название «урганджи», которое встречается в конце XIX – начале XX века в различных районах Мавераннахра, возможно, указывает

[1] *Абулгозий.* Шажараи турк. – Т.: 1992. – С. 134.
[2] *Шарафуддин Али Яздий* Зафарнома. – Т.: 1997. – С. 119.

на потомков этих переселенцев. Несмотря на это, в позднем средневековье основу жителей Хорезма составляли сарты.

На юге Хорезма жили туркмены, которые в основном занимались скотоводством. Многие пришлые на эту землю племена баджанаков (печенегов), кипчаков, огузов, кунгратов и чаграков по большей части жили на севере Хорезма.

Что касается языка жителей Дашти-Кипчака, то они говорили на «джекающем» кипчакско-огузском диалекте тюркского языка. А местное тюркоязычное население Мавераннахра говорило на «йокающем» карлукско-чигильском диалекте. Значит, древние тюрки Мавераннахра говорили на карлукском диалекте тюркского языка, а кочевые тюрки, прибывавшие в эти края со времён нашествия Чингизхана, говорили на кипчакском и огузском диалектах.

Со вторжением на эту землю в начале XVI века больших групп узбеков-шейбанидов ещё больше увеличивается слой жителей, говоривших на кипчакском и огузском диалектах. Этнические группы, говорившие на этих диалектах, ещё раньше были широко распространены в Мавераннахре и Хорезме. В Мавераннахре основу оседлого тюркского этноса составляли жители, разговаривавшие на карлукско-чигильских диалектах. Впоследствии жители, говорившие на кипчакском и огузском диалектах, переходят к оседлому образу жизни, смешиваются с коренным населением и перенимают карлукско-чигильский диалект, на котором говорили все древние тюркские племена Мавераннахра. Язык, сформировавшийся в результате смешения этих трёх диалектов тюркского языка, в узбекском языкознании условно стал именоваться «чагатайским языком» или «староузбекским языком».

В узбекском языкознании говорится, что староузбекский язык стал общенародным языком всех жителей Мавераннахра и Хорезма[1]. Но в действительности, когда речь идёт о «староузбекском языке», следует понимать тюркский язык, сформировавшийся в XI–XII веках в пределах Западно-Караханидского государства на территории Мавераннахра, на основе карлукско-чигильских диалектов, отделившихся от общетюркского языка. Этот язык ещё с древнейших времён впитывал в себя и обогащался согдийскими и хорезмийскими, а с начала VIII – IX веке арабскими и персидско-таджикскими словами. В течение XVI–XVIII веков в состав староузбекского языка входят кипчакские и огузские диалекты и этот язык достигает своего расцвета на основе карлукско-чигильских диалектов.

В целом кочевые узбеки, переселившись на территорию Мавераннахра и Хорезма, смешиваются и устанавливают родственные отношения с местным населением и постепенно перенимают материальную культуру, духовную жизнь, этические отношения, этнические обычаи и традиции, характерные для оседлых тюркских узбеков. Со временем духовный мир пришлого населения пропитывается образом жизни и положительными сторонами духовного мира оседлого населения.

В XVI–XVIII веках и в последующие времена разговорным общеупотребительным языком на территории Узбекистана был узбекский язык. Для некото-

---

[1] *Абдурахмонов Ғ.А., Шукуров Ш.* Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси. – Т.: 1973. – 16–18-бетлар.

рой части узбекского населения (в особенности в некоторых городах и кишлаках Зарафшанской долины) таджикский язык считался вторым языком. Староузбекский язык в Мавераннахре развивался в тесной связи и постоянном контакте с персидско-таджикским языком. Возможно поэтому значительная часть жителей Мавераннахра, и в особенности представители интеллигенции, могли говорить и писать на двух языках: тюркском и таджикско-персидском.

В Бухарском эмирате и Кокандском ханстве официальное делопроизводство велось на фарси и частично на узбекском языке, а в Хивинском ханстве, в Хорезме и разговорный язык, и делопроизводство велось на староузбекском языке. Это объясняется относительно слабым влиянием в Хорезме арабского и таджикского языков[1]. Вместе с тем и в языке хорезмийцев встречались некоторые слова, заимствованные из других языков[2].

Кочевые узбеки, переселившиеся из Дашти-Кипчака в Хорезмский оазис в XVI веке, повлияли не только на численность населения региона, но и на его этническое многообразие. Переселившиеся этнические группы вели между собой постоянные войны за посевные площади и пастбища. Некоторые вожди племён, претендовавшие на господство, соперничали с ханами, что часто приводило к нарушению спокойствия в стране. В XVII веке ощущалась острая потребность в прекращении междоусобных войн и установления мирной жизни в Средней Азии, с этой целью хивинский хан Абулгази в 1646 году проводит реформу, согласно которой каждые два узбекских племени, проживавшие в бассейне нижнего течения Амударьи, объединялись в одну общину. В результате этой реформы образовались четыре пары таких общин (кунграт-кият, кангли-кипчак, нукус-мангыт, уйгур-найман). Для каждой пары были выделены для пользования посевные площади, арыки, каналы и пастбища. К ним были присоединены 14 мелких этнических групп[3].

Однако грабительские войны между Бухарским эмиратом и Хивинским ханством оказывали очень большое негативное влияние на экономическую жизнь страны. В последней четверти XVIII века в стране начинается голод, затем распространяется эпидемия чумы. В это время умирает очень много народу, часть жителей вынуждены были переселиться в чужие страны[4]. Воспользовавшись сложившейся обстановкой в Хивинском ханстве, на трон садится представитель из рода кунгратов Мухаммад Амин. В Хорезме начинается правление династии кунгратов.

Таким образом, в течение XVIII века в Средней Азии образовались три ханства: в Хорезме правили кунграты, В Бухаре – мангыты, а в Коканде – минги. Они были кочевыми племенами узбеков Дашти-Кипчака, которые под хозяйственно-экономическим, политическим и этнокультурным влиянием высокоразвитого коренного населения со временем переняли оседлый образ жизни. Политическая власть на-

---

[1] *Кононов А.А.* Родословная туркмен. Соч. Абулгазихана Хивинского. Москва–Ленинград, 1958. С. 36.

[2] *Щербак А.М.* Грамматика узбекского языка. Москва–Ленинград, 1962. С. 15.

[3] Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II, Москва–Ленинград, 1938. С. 327–328.

[4] Ўзбекистон тарихи. – Т.: 1993. – С. 263.

ходилась в их руках, и в связи с тем, что большинство местного населения говорило на тюркском, узбекский дух, характерный для тюркского этноса, проникает в кровь и сознание всех жителей Туркестана. В XVIII веке этот край становится страной оседлых узбеков, родиной всех слоев населения страны с этническим названием «узбек».

Мангытские племена, кочевавшие между реками Волгой и Уралом, являлись опорой Абулхайрхана и во второй половине XV века образуют государство «Ногайская Орда». К северу от Ногайской Орды создаётся независимое Сибирское ханство. Группа узбекских племён (около 200 тысяч семей) во времена Абулхайрхана переселяются в долину реки Чу и с 1466 года начинают жить независимо. После смерти Абулхайрхана некоторые группы узбеков Белой Орды, не желавшие участвовать в борьбе за трон, присоединяются к кочевым узбекам Чуйской долины. Как отмечается в источниках, во второй половине XV и в первой четверти XVI века они называли себя «узбекскими казахами»[1]. С середины XVI века, когда казахи складываются в качестве народности, в исторических источниках они упоминаются под названием «казахи»[2].

В конце XVI и начале XVII веков казахи усиливаются до такой степени, что были в состоянии не только успешно защищать свои пастбища, но и на равных противостоять узбекам-шейбанидам. В XVII веке они захватывают территорию Восточного Дашти-Кипчака, а затем нападают на Ташкент и отбирают у джунгар Ташкент и Ташкентский оазис.

Этнограф К. Шониёзов пишет, что не все этносы, переселявшиеся из Дашти-Кипчака в Мавераннахр были многочисленными. К относительно крупным этническим группам относились племена: кипчаки, сараи, кунграты, юзы, минги, найманы, мангыты, ктои. Предположительно, каждая из этих групп состояла от 30–50 тысяч до 200 человек. Самым крупным из перечисленных этносов было племя кипчаков[3]. В конце XVIII – начале XIX века кипчаков было около 270 тысяч[4]. Необходимо подчеркнуть, что не все кочевые племена Дашти-Кипчака переселялись в Мавераннахр. Часть из них осталась на исторической родине и впоследствии принимала активное участие в формировании таких тюркоязычных этносов, как казахи, каракалпаки, кыргызы, татары, башкиры и др. К примеру, большая группа кунгратов участвовала в формировании каракалпаков, казахов, жителей Хорезма; кипчаки – казахов, кыргызов, башкиров, туркмен; найманы – казахского и кыргызского народа; ктои – каракалпаков, казахов, башкиров. Переселившиеся в Мавераннахр и оставшиеся жить на этой земле племена в начале XVIII века составляли примерно 1/4 часть населения Узбекистана[5]. С переходом кочевых узбеков к оседлой жизни происходит важный этнический процесс, то есть начинается взаимное смешение разных по происхождению родов. Одно-

[1] Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С. 214.
[2] *Мирзо Муҳаммад Ҳайдар.* Тарихи Рашидий. – Т.: 1996. – С. 147, 150, 180, 302.
[3] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: 2001. – С. 414.
[4] *Шаниязов К.* К этнической истории узбекского народа. Т.: 1974. С. 110.
[5] *Мулладжанов И.Р.* Демографическое развитие Узбекской ССР. Т.: 1988. С. 123.

временно они смешиваются и с местным оседлым населением. Со временем благодаря этим процессам происходят изменения и в названии населения[1]. Действительно, в начале XVI века население Бухары (кроме переселившихся сюда кочевых узбеков) подразделялось на «чагатаев» или «тюрков-чагатаев» и таджиков. А к концу XVII века это население в источниках упоминается под названием узбеки и таджики[2]. Эти факты свидетельствуют, что с конца XVII века термин «узбек» приобретает этническое значение и содержание.

К XVI–XVII векам меняется и значение понятия «сарт». Как известно, раньше этот термин в персидских источниках применялся только по отношению к таджикам, а с XVI–XVII веков он используется для обозначения коренных оседлых узбеков Ферганской долины, Ташкентского оазиса и Хорезма[3].

Узбекский народ в своём этническом развитии в XVI–XVIII веках, как и прежде, находился в тесных экономических, политических и этнокультурных отношениях с туркменами, кыргызами, казахами, каракалпаками. В особенности этнокультурное развитие между узбеками и таджиками, на протяжении многих веков проживавших на одной территории, оказало влияние на их совместное развитие и взаимное сближение. В итоге это привело к вхождению некоторых тюркоязычных групп в состав таджиков, а некоторые группы, говорившие на таджикском языке, вошли в состав узбеков и смешались с ними. Процесс узбекизации таджикскоязычного населения особенно наглядно прослеживается в Ферганской долине и Зарафшанском оазисе.

В конце XVII – начале XVIII века из степей Казахстана в Мавераннахр под натиском джунгаров переселяются несколько племенных этнических групп. На этой этнической волне часть каракалпаков переселяется в Зарафшанский оазис и обживает южные предгорья Нуратинского хребта. А большая группа кипчаков располагаются в Зарафшанской долине, Ташкентском оазисе и Мирзачуле. До этого времени в Ташкентском оазисе жили тюркские племена курама, дурман, кирк, юз, минг и другие. В 30-х годах XVIII века часть кипчаков в поисках новых пастбищ переселяется в предгорные районы Северной Ферганы. В это же время часть каракалпаков расселяется в Центральной Фергане. Впоследствии эти земли получили название «каракалпакских степей».

Заключение. Таким образом, в продолжение XVI–XVIII веков в Мавераннахре и Хорезмском оазисе протекали сложные политические процессы. В результате единое государство Шейбанидов-Аштарханидов распадается на три узбекских ханства. Это был распад централизованного государства по племенным и династическим признакам, без учёта этнических и экономических факторов. В итоге в Мавераннахре и Хорезме начинаются феодальные распри. Эти противоречия оказали большое влияние на этнический состав и развитие населения Мавераннахра и Хорезма.

---

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халкининг шаклланиш жараёни. – Т.: 1996. – С. 415.

[2] *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии. Москва, 1958. С.69.

[3] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких... С. 189. Его же. Сарт. Соч. Т. II, часть 2. С. 527–529.

В этническом составе узбеков Дашти-Кипчака было много народностей, давно забывших родной язык и говоривших только на тюркском. Их антропологический тип напоминал южносибирский тип. С приходом этих народов на территорию среднеазиатского междуречья происходит их смешение с местным населением, в результате в антропологическом типе узбеков наблюдается увеличение слоя этнических групп с монгольским обликом. Особенно явно это видно у узбеков, которые связывают своё происхождение с этническими общностями кунгратов, дурманов, мингов, арлотов, катагонов. Переселение в XVI–XVIII веках узбеков Дашти-Кипчака в Мавераннахр и Хорезм не смогло оказать коренного влияния на этнический состав узбекского народа, который сформировался ещё в XI–XII веках. Вместе с этим в XIII–XIV веках в структуре «типа среднеазиатского междуречья» ощущается увеличение монгольских элементов. В результате переселения в конце XV и в XVI–XVII веках из Дашти-Кипчака в Мавераннахр и близлежащие области 92 родов кочевых узбекских племён происходит существенное увеличение монгольских элементов в этническом составе узбекского народа. Но в этническом составе населения брахикефальный европеоидный слой продолжал составлять абсолютное большинство «типа среднеазиатского междуречья». В XVIII – начале XX века в антропологическом составе узбекского народа существенных изменений не наблюдается[1].

Пришедшие в Среднюю Азию под предводительством Шейбанихана узбеки Дашти-Кипчака дали название «узбек» местному оседлому тюркоязычному населению. На последующих этапах развития истории Узбекистана термин «узбек» становится этническим названием целого народа и гордостью нации. Среди современных узбеков монгольский облик сохранился в основном в этническом составе некоторых сельских узбеков (узбекские рода кунграт, мангыт, минг, дурман, курама, джалайир). Но абсолютной основой этнического состава городского населения продолжал оставаться брахикефальный европеоидный слой. Под влиянием процессов глобализации, происходящих во второй половине XX – начале XXI века, в этническом составе населения крупных городов Узбекистана наблюдается появление элементов монгольской внешности.

---

[1] *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Историческая антропология. // В кн. «Узбеки», Москва, 2011. С. 17–18.

Глава XVI
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА ЦАРСКОЙ РОССИИ

Когда во всём мире в социально-экономической жизни устанавливались капиталистические отношения, Средняя Азия с её неограниченными природно-географическими богатствами и дешёвой рабочей силой до середины XIX века была независимой территорией, с глубоко укоренившимися феодально-деспотическими порядками. Соседняя царская Россия, где развивались капиталистические производственные отношения, не могла не воспользоваться сложившимся удобным положением. Поэтому Российское государство, начиная со времён Ивана Грозного, строит планы превращения Средней Азии в свою колонию. По воле истории в течение XVIII века Большой, Средний и Малый казахские жузы один за другим попадают в зависимость от России, и для русских предпринимателей появляются огромные возможности для активного продвижения в Среднюю Азию. Только в XVIII веке на территории казахских жузов были построены 46 больших и 96 небольших военных крепостей и укреплений, в которых были размещены военные части[1]. Вторжение на территорию Средней Азии особенно усиливается во время царствования Николая I (1825–1855). Царская Россия под различными предлогами стремится к завоеванию территории Средней Азии, организует военные походы. Продолжается строительство военных укреплений на российско-кокандской и российско-хивинской границах.

Накануне нашествия России Средняя Азия была разделена на три ханства. Феодальные войны, приграничные конфликты и даже борьба за власть между феодалами в пределах одного ханства не могли остаться в стороне от внимания военных и политиков царской России. К сожалению, в эти неспокойные времена вместо того чтобы объединиться перед лицом надвигающейся внешней опасности, среднеазиатские ханства были заняты междоусобными войнами.

В первой половине XIX века Англия, преследуя свои далеко идущие цели, стремится создать союз туркестанских ханств против России. С этой целью под видом «путешественников» Англия направляет в Среднюю Азию своих лазутчиков (офицеры Конолли, Бёрнс, А. Тодд, Стоддарт, Аббот, Шекспир) и мешает внешней политике России. Стоддарт и Конолли не смогли предъявить бухарским

[1] Ўзбекистон янги тарихи. Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида. 1-китоб. – Т., 2000. С. 38.

властям соответствующих дипломатических документов и были казнены в тюрьме – зиндане. Как ни пыталась Англия проводить свою дипломатию посредством использования Турции, но ничего не смогла добиться[1]. В это время российская дипломатия, пользуясь всё более и более усиливающимися противоречиями между ханствами, в 1853 году позволяет России овладеть крепостью Ак-мечеть.

В связи с захватом Ак-мечети местный историк XIX в. Мухаммад Салих Тошканди в своём произведении «Тарихи жадидаи Тошканд» пишет: «В Коканде быстро забыли события Ак-мечети, предались кутежу, распутству, увеселениям и беспечности, забросили государственные дела, сбор хараджа, пошлины и заката в Казахстане отдали иноверцам, пользуясь властью, собрали плохих людей, воров и нечистоплотных людей и, наградив их чинами и освятив их, начали направлять их в каждый город. Поверив словам некоторых невежественных мулл и безграмотных людей, людей, отдалённых от шариата, назначили на должности казиев, раисов, хокимов, предводителей духовенства. Расцвело взяточничество и нечистоплотность, хокимами и чиновниками стали взяточники, льстецы и совсем непригодные люди, не контролирующие исполнение работ, доверяя чужим словам. Напротив, мудрые, умные, учёные и образованные люди были унижены и оскорблены. Дела решались без совета и обсуждений»[2].

Во времена, о которых с болью писал историк Мухаммад Салих, войскам царской России один за другим сдаются крепости Пишпек, города Авлиё-ота, Туркестан и Чимкент. В октябре 1864 года генерал Черняев подходит к Ташкенту. Бои, начавшиеся в ташкентских кварталах, завершаются в июле 1865 года. Несмотря на героическую борьбу полководцев Ёкуббека и Аликула, предательство Абдурахмонбека Шодмона, Мухаммада Соатбоя, Саид Азима Мухаммада обеспечило победу врагу. После Ташкента были завоёваны другие города и кишлаки Кокандского ханства. В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, которое возглавил фон Кауфман. Таким образом, часть завоеванной территории Кокандского ханства вошла в состав Российской империи. А в 1876 году Россия полностью захватывает Кокандское ханство и это государство перестает существовать.

Царские войска в 1866 и 1868 годах совершают два похода на Бухарский эмират. В первом походе у эмирата были захвачены бекства Уратепа, Джиззах и Янгикурган. Во время второго похода сдаётся Самарканд. Обращение правителя Бухары эмира Музаффара за помощью к Турции и Англии не дало результата. Бухара не была готова к обороне. Под давлением народа войска эмира переходят в контрнаступление, но не могут одолеть войска Черняева, Романовского. 1 мая 1868 года в сражении на Чупанатинских высотах войска Музаффара терпят поражение. После этих событий русское войско во главе с генералом Кауфманом в сопровождении продажных, трусливых, угодливых кази-калянов, улема и санов-

[1] Ўзбекистон янги тарихи. Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида. 1-китоб. – Т., 2000. С. 54–55.

[2] Там же. С. 58.

ников торжественно вступает в город. Как ни старался эмир Музаффар, Зирабулакское сражение решает судьбу войны.

Вскоре объединённое войско южных бекств под предводительством престолонаследника Абдумалика, сына эмира Музаффара, начинают поход на Самарканд. Но это не понравилось эмиру Музаффару. В надежде сохранить свой трон, даже в зависимом от России состоянии, он стремится найти общий язык с царскими генералами, чтобы не допустить на престол собственного сына. Поэтому эмир Музаффар, посоветовавшись с приближёнными, соглашается на кабальные условия договора, направляет лазутчиков в стан наследника Абдумалика и помогает российским войскам одержать победу в Самарканде. Он даже совершает нападение на резиденцию Абдумалика в Карши и вытесняет защитников родины из города. После этого Абдумалик с конным войском объединяется со своими друзьями – свободолюбивыми беками Джурабеком, Ёкуббеком и Султаном Содыком. Эти объединённые силы, собравшись в Шахрисабзе во дворце Ак-сарай, объявляют Абдумалика эмиром Бухары. После событий в Шахрисабзе защитники родины отвоёвывают Карши. В скором времени к ним переходят бекства Кармана и Чиракчи. Между войсками Музаффара и генерала Абрамова с одной стороны и патриотами своей родины с другой у Карши происходят жестокие бои. В неравном бою патриоты терпят поражение и отступают в сторону Хивы. Беки Шахрисабза и Китаба Ёкуббек и Бобобек остаются в этих краях и вплоть до осени 1870 года оказывают сопротивление войскам Музаффара и Абрамова[1].

Расправившись с Кокандским ханством и Бухарским эмиратом, Российская империя обращает свои взоры на Хивинское ханство. В 1872 году военный министр России созывает в Санкт-Петербурге секретное совещание, на котором принимается решение о захвате Хивинского ханства. Хивинский хан Мухаммад Рахимхан, опасаясь нападения России, через Индию просит помощи у Англии. Однако Англия тревожилась за то, что её интересам в Афганистане и Индии может быть нанесён вред, и отказалась помочь Хиве. Российские войска окружают территорию ханства с трёх сторон (Туркестана, Оренбурга, Кавказа) и в 1873 году покоряют Хиву. По Гандимиёнскому договору Хивинское ханство, как и Бухарский эмират, становится полузависимым протекторатом России.

Таким образом, царская Россия посредством военных походов укрепляет свои позиции в Средней Азии. Очередной задачей российского правительства было превращение этого региона в сырьевой придаток. Для этого предстояло изучить экономический потенциал страны, организовать рынок дешёвой рабочей силы, разработать систему управления краем. Россия преследовала далеко идущие цели: для того чтобы подчинить богатства края интересам России, в Туркестан направляются экономисты, финансисты, инженеры-техники и ирригаторы. Аграрную политику Российской империи в Туркестане министр государственного имущества и земледелия А.В. Кривошеин выразил в трёх словах: первое –

---

[1] Ўзбекистон янги тарихи. Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида. 1-китоб. – Т., 2000. С. 92–136.

хлопок, второе – ирригация, третье – переселение. По его словам, внутренний рынок России за последние 20 лет заплатил за американский хлопок только в виде пошлины 700 миллионов рублей. А с 1900 года Россия платила ежегодно по 40 миллионов рублей[1]. Ещё один из высокопоставленных чиновников по фамилии М. Бродовский писал: «Туркестанский край присоединён к империи. Этот край надо рассматривать в качестве колонии… в этой стране слабо развито мануфактурное производство. Поэтому естественным образом этот край превратился в рынок, где хорошо раскупалась мануфактурная продукция европейской России»[2]. На основе мнений таких специалистов в правительстве Российской империи в 1886 году разрабатывается специальное «Положение» об управлении Туркестанским краем. Согласно этому Положению с целью получения высокого урожая хлопка планировалось приспособить к местным условиям американский сорт хлопка, освоить новые земли, построить оросительные каналы, провести в край железную дорогу, переселить из российских губерний русских крестьян и обеспечить каждого из них землёй, площадью не менее 10 десятин. Все земли края были объявлены казённым имуществом государства. Было указано, что земли, принадлежащие оседлому местному населению, передавались в наследственное единоличное владение не на основе документа, выданного казиями на право постоянного или временного владения землёй, а пользователям ею на момент издания указа. Земли, переданные в аренду дехканам крупными землевладельцами до завоевания Туркестана Россией, теперь вручались арендаторам в наследственное пользование. Земли, находящиеся на льготном частном пользовании, теперь также облагались налогом и объявлялись не частной собственностью, а государственными землями.

В вопросе о владении землёй среди русских чиновников было два взгляда. Сторонники первого взгляда защищали интересы дворян и помещиков, которые относились к Туркестанскому краю как к колонии царской России и предлагали распространить на местных дехкан крепостное право. Вторая группа предлагала объявить туркестанских дехкан свободными землевладельцами. Передав в личное пользование землю, предполагалось перевести развитие сельского хозяйства Туркестана на капиталистические рельсы. Такой ход событий в колонии устраивал интересы российской буржуазии.

В законах, разработанных и внедрённых чиновниками царской России, столкнулись интересы представителей этих двух могущественных классов. Проводивший ревизию края в 1882–1884 годах тайный советник императора Гирс представил царю проект закона, в котором выражались интересы русской буржуазии. Он считал, что передача земли в полное владение туркестанским дехканам даст большие возможности снабжать промышленность империи сырьём. Един-

---

[1] *Кривошеин А.В.* Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестан. – СПб., 1912. С. 72.

[2] *Бродовский М.* Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний. – М., 1891. С. 4.

ственное правильное мнение, высказанное им, заключалось в том, что если согласно традициям и обычаям закрепить землю за дехканином в качестве частной собственности, «такая форма владения устраивает народ, необходимо сохранить её и закрепить законодательно»[1]. Но дворяне и помещики были против этого, желая просто грабить туркестанские земли. В высших кругах Санкт-Петербурга не прекращались дискуссии по данному вопросу. Императорское правительство, Государственный совет и Комитет министров во многих случаях были на стороне дворян. Они препятствовали свободному развитию капиталистических отношений в Туркестане.

По представлению сенатора царского правительства К.К. Палена, во взимании налогов с дехкан Туркестанского края в кишлаках была внедрена система «общественной ответственности»[2]. Как известно, в Туркестане издавна существовал обычай, по которому богатые сельчане и родственники помогали своим бедным землякам. Русские чиновники, прекрасно зная, что сельская община оплатит налоги за своих бедных земляков, внедрили такой метод сбора налогов. До этого о неправомерных действиях русских чиновников на собрании начальников уездов (1898) говорилось следующее: «Бедные платят больше налогов, чем богатые»[3]. Это приводило к развитию ростовщичества, что мешало развитию местного земледелия на основе капиталистических отношений.

В центральных чернозёмных районах империи ощущалась нехватка земли, поэтому из центральных губерний России началось переселение русских крестьян, которые должны были стать опорой русского капитализма. В течение 1875–1890 годов в Туркестан были переселены 1300 семей, в крае были образованы 19 русских кишлаков. Из-за голода 1891–1892 годов резко увеличивается количество переселенцев. В итоге образуется ещё 25 русских поселений. Согласно параграфу о «свободных государственных землях» «Положения» от 1866 года, под разными предлогами у местных дехкан изымались плодородные, близкие к воде земли и передавались в пользование русским мужикам. В результате этого между местными жителями и русскими крестьянами в земельно-водных вопросах происходят столкновения. 13 июля 1889 года царское правительство принимает закон, который по всем вопросам предусматривал защиту интересов русских крестьян. В 1892 году в проведении политики русификации Туркестана происходит резкий поворот. Самовольно переселившиеся крестьяне уравниваются в правах с крестьянами, которые были переселены в этот край под надзором и разрешению администрации. В крае создаётся специальный «переселенческий комитет». Для получения ещё большей прибыли российская администрация вносит изменения в проект «Положения» от 1886

[1] ЦГА РУз, ф. 1, оп. 12, д. 923, л. 64.

[2] *Пален К.К.* Всеподданнейшая записка, содержавшая главнейшие выводы отчёта о произведённой в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. – СПб, 1910. С. 47.

[3] ЦГА РУз, ф. 18, оп. 1, д. 761, л. 107.

года и в 1896 году принимает новое «Положение». В вопросе подготовки нового проекта «Положения» между сторонниками двух могущественных сил – дворянами и буржуазией происходят серьёзные споры. Представители русской буржуазии в проведении колониальной политики в Туркестане предлагали новые методы – внедрение капитала в экономику Средней Азии, представление ссуд крестьянам, открытие концессий, овладение источниками сырья, а дворяне и помещики были сторонниками изъятия земли у местных жителей и распределения её между русскими помещиками, сохранения патриархально-феодальных порядков. В этой борьбе русской буржуазии удалось защитить свои интересы. Русская промышленная и финансовая буржуазия в Туркестане нуждалась в хлопке, шелковичном сырье и каракулевых шкурках. Для этого им были нужны хлопкоробы, шелководы и животноводы, у которых можно было приобрести сырьё по очень дешёвым ценам. Поэтому русская буржуазия оказала жёсткое сопротивление стремлению дворян о внесении изменений в 270-ю статью «Положения» от 1886 года. Согласно анализу министра А.В. Кривошеина, увеличение посевов хлопка давало возможность государству ежегодно экономить до 70 миллионов рублей. «Переработка многомиллионного отечественного хлопка является надёжной гарантией от банкротства российской промышленности. Только это может быть той огромной экономической услугой, которую Туркестан оказывает России»[1]. Таким образом, «Положение» от 1896 года положило начало монокультуре хлопка в Туркестане. С хлопка, отправляемого из Туркестана в Россию, не взималась пошлина. Хлопкоробам также были представлены некоторые налоговые льготы. Такая политика способствовала увеличению количества русских крестьян, переселившихся из России в Туркестан. В итоге к началу XX века численность русских переселенцев в Туркестане превысила 197 тысяч человек. Они составляли всего лишь 5% от общей численности населения Туркестана, при этом владели 60% всех плодородных земель[2]. В 1906–1915 годах в Сырдарье и Ферганской долине для русских крестьян у местных жителей были конфискованы 749,9 тысячи танабов земли. В отчёте императору о своей поездке в 1912 году министр А.В. Кривошеин предлагал конфисковать в Туркестане в пользу русских хозяйств 3 миллиона танабов орошаемой земли[3]. К 1914 году прибыль, получаемая Россией в Туркестане, возросла на 300 процентов. В 1916 году Россия получила в Туркестанском крае 38329 тысяч рублей чистой прибыли. Например, стоимость продукции текстильной промышленности в 1900 году увеличилась на 150 процентов. Если в 1885 году площадь полей, засеваемой хлопком для отправки в Россию, составляла 41,4 тысячи танабов, то к 1915 году эта площадь достигла 541,9 тысячи танабов. Особое развитие полу-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 1, оп. 5, д. 939, л. 5.

[2] *Исакаев Б.* 20-летие восстания в Киргизии. // Революция и национальности. № IX. – М., 1936. С. 32.

[3] Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида. – Т., 2000. С. 225.

чила лёгкая промышленность. В 1869–1896 годах из края в имперскую казну было переведено 158 миллионов рублей прибыли[1].

Только в Ферганской долине в начале XX века работали 157 хлопкоочистительных заводов, принадлежавших местному, русскому и иностранному капиталу. Даже в Самарканде и Сырдарье в 1900 году работали всего лишь 170 заводов. В течение 1900–1910 годов было построено и введено в действие ещё 220 предприятий. А в 1910–1914 годах были построены ещё 180 предприятий[2]. К сожалению, по «Положению» политику промышленности в метрополии в Туркестане могла определять только русская буржуазия. Предпринимательская и инициативная деятельность местной буржуазии была задушена, немалая прибыль, получаемая от переработки сырья, уходила в карман представителей русской буржуазии.

Представитель русской политической экономики князь Масальский говорил, что развитие хлопководства в Туркестане для русской текстильной промышленности «в ближайшем будущем станет вопросом жизни и смерти»[3]. В 1884 году в Туркестан был завезён американский сорт хлопка. В 1889 году им была засеяна площадь в 50 тысяч танабов, а в 1895 году – 100 тысяч танабов. Если в 1906 году Туркестанский край поставил текстильной промышленности России 566878 пудов хлопка, то в 1915 году было поставлено 2 426 298 пудов хлопка. К 1916 году площадь, занятая под посевы американского сорта хлопка, увеличилась в 7 раз[4].

Кроме того, что Туркестанский край стал сырьевым придатком России, он превратился во внутренний рынок России, который был лишён возможности выхода на мировой рынок. В начале XX века объём завозимой в Туркестан промышленной продукции из металла, меди, фарфоровой посуды, текстиля и других товаров увеличился в 8 раз[5]. В Туркестане были образованы российские фирмы по продаже чая, фарфоровых изделий, торговые дома, крупные мануфактурные и торговые компании, которые занимали господствующие позиции на туркестанском рынке. В Туркестане были созданы частные коммерческие банки, которые играли значительную роль в экономике края.

Стремительное вторжение русского капитала в экономику Туркестана свидетельствовало об ускоренном развитии капиталистических отношений в крае. Однако зарождавшаяся туркестанская буржуазия во многих отношениях не могла соперничать с российской буржуазией и по «Положению», принятому царской Россией, превращалась в новый класс, который находился у неё на службе.

Со второй половины XIX века в связи со ввозом в Туркестан промышленных товаров России местные ремесленники оказались в тяжёлом положении,

---

[1] *Стеткевич А.* Убыточен ли Туркестан для России. – СПб., 1889. С. 7.

[2] ЦГА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 3298, л. 42.

[3] Туркестанский край. Т. XIX. – СПб., 1913. С. 559.

[4] Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида. – Т., 2000. С. 231.

[5] ЦГА РУз, ф. 1, оп. 1, д. 2599, л. 2.

потому что по затратам труда они обходились намного дороже в сравнении с промышленными товарами России. Они не выдерживали конкуренции с товарами русской промышленности. Например, если в Ферганской и Сырдарьинской областях в 1890 году было 1099 местных предприятий, то к 1913 году их численность уменьшилось до 774. Количество работников на этих предприятиях сократилось с 1180 до 853 человек. Получаемая прибыль упала с 250,4 тысячи рублей до 158,2 тысячи рублей[1]. В таких городах, как Самарканд, Маргилан, Коканд, Андижан, Бухара, которые считались центрами ремесленничества в крае, ещё не были построены заводы и фабрики по производству массовой продукции. В 1841 году в Бухаре было всего лишь 6 цехов по выплавке чугуна. Первый хлопкоочистительный завод в Туркестане был построен в 1874 году в Ташкенте. В 1880 году такой же завод был построен в Андижане местным баем Олимхаджой Мухаммаджановым. В 1881 году третий завод был возведён в Каттакургане. К 1914 году их количество достигло 220. Если в 1905 году в Бухарском эмирате было 9 таких заводов, то к 1913 году их становится уже 26. В Хивинском ханстве накануне Февральской революции было 36 хлопкоочистительных и 4 маслобойных завода[2].

Представители местной буржуазии совместно с русскими и иностранными капиталистами стремятся выйти на мировой рынок. Производимые в крае товары вывозились не только в Россию, но и в такие страны, как Англия, Германия. Например, спрос на жмыховую продукцию маслобойных заводов Туркестана за рубежом был очень высок. К концу XIX века туркестанская экономика становится на путь капиталистического развития. Образуются монопольные объединения хлопковых заводов. К примеру, в 1915 году было создано торгово-промышленное товарищество «Бешбош», объединившее 5 крупных фирм. Банковско-финансовый капитал вторгается во все отрасли среднеазиатской экономики. Кроме российских, в Туркестан проникают иностранные фирмы со своими денежными средствами, среди которых, к примеру, была фирма «Зингер».

С введением в эксплуатацию железной дороги, связавшей Туркестан с Россией, ещё более ускоряется вторжение в этот край русского и иностранного капитала. В 1895–1914 годах было введено в действие 11 заводов по заготовке семян, десятки кожевенных, кирпичных заводов, заводов по обжигу извести и выплавке меди, цеха по обработке шерсти, по изготовлению вина, пива, фармацевтические и продовольственные предприятия. Накануне Первой мировой войны в Туркестане запускаются первые электростанции. Например, нефтеперегонный завод «Чимён» потреблял энергию от дизельной электростанции. Каунчинский сахарный завод владел собственной ГРС. Но на этих заводах и фабриках работали в основном европейцы, представители местного населения составляли ничтожное меньшинство. Они работали в основном в горнодобывающей промышленности и

[1] ЦГА РУз, ф. 1, оп. 1, д. 2599, л. 2.. С. 237.
[2] Там же. С. 238.

строительстве железной дороги. Местные женщины работали в сфере по сушке коконов, по заготовке семян шелковичных червей.

К началу XX века главной задачей сельского хозяйства края было обеспечение промышленности хлопком: увеличились площади хлопковых полей, усилилось внимание к строительству каналов и арыков. Если раньше дехкане выращивали хлопок для удовлетворения собственных нужд, то теперь они сажали хлопок для продажи на рынке. Темпы перехода дехканских хозяйств Туркестана к рыночным отношениям происходили намного быстрее, чем на Западе.

Торгово-промышленная буржуазия, финансово-банковская олигархия добились создания компаний по предоставлению кредитов на льготных условиях для мелких бедняцких дехканских хозяйств. Мелкие дехканские хозяйства могли взять кредит у государственных компаний под 12 процентов. По условиям получения кредита требовалось предоставление в залог имущества. Мелкие дехканские хозяйства с небольшими участками посевных площадей опасались лишиться земли и не пользовались этой возможностью. Кроме этого, в исламском мире не было принято давать и брать в кредит под определённый процент. Простодушные дехкане не понимали эти финансовые порядки западного мира. В итоге услугами государственных кредитных компаний в основном пользовались русские крестьяне и богатые местные собственники. Между местными мелкими дехканскими хозяйствами и государственными кредитными компаниями стояли посредники-ростовщики, которые получали кредит под уплату 10–12 процентов и с условием уплаты 40–60 процентов передавали бедняцким мелким дехканским хозяйствам. Предотвратить нарушение законности в действиях компаний было очень трудно.

Государственные кредитные компании были созданы не только для дехканских хозяйств, но и для городских ремесленников, извозчиков. Деятельность кредитных компаний в 1910–1917 годах по сравнению с прошлыми годами увеличилась в 18 раз, количество членов – в 43 раза, финансовые вклады – в 243 раза.

В начале XX века кооперативная форма хозяйственной деятельности представляла собой важную сторону экономических отношений в Туркестане. Вместе с сохранением традиционных форм деятельности мелких дехканских хозяйств проблемы рыночных отношений решались посредством кооперации. Но местный капитал в вопросе производства промышленной продукции был притеснён со стороны русского капитала. Хотя производство хлопка и другого сырья в основном находилось в руках местной буржуазии и мелких дехканских хозяйств, но право его вывоза за границу принадлежало промышленникам метрополии. В пределах страны розничная торговля полностью принадлежала местным торговцам. Капиталистические отношения получили широкое распространение в экономической жизни края. Накануне Февральской революции 1917 года сформировался класс местной буржуазии, который был втянут в эти

процессы. По сравнению с прошлыми годами объём привозимых из России товаров увеличился в 8 раз, а товарная продукция, которая вывозилась из края в Россию, увеличилась в 7 раз.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века Туркестан втягивается во взаимные торговые отношения. В Туркестане начинается формирование единого внутреннего рынка. Но Туркестан постепенно превращался единственный сырьевой придаток России. Торговая буржуазия России, несмотря на то что обладала огромными сырьевыми богатствами, препятствовала развитию местной текстильной промышленности Туркестана. Всё же Туркестан проснулся от феодальной обособленности и отсталости, в крае зарождается стремление к духовному, политическому и национальному развитию. На историческую арену выходит национальная буржуазия и передовой слой интеллигенции – джадиды. Они наблюдали за коренными социально-экономическими изменениями в Туркестане и стремились быть во главе этих процессов. Джадиды стояли во главе общественного движения, представители которого одними из первых поняли, что без просвещения широких масс народа невозможно добиться каких-либо изменений в жизни общества, и стремление быть образцом в этих делах считали признаком, присущим нации. Поэтому они понимали необходимость открытия школ на местах и привлечения к образованию широких масс народа.

Идея великого реформатора российских мусульманских школ Исмаила Гаспринского послужила основой для образования новометодных (джадидских) школ в Туркестане. Он открыл в Бахчисарае школу, которая отличалась от старометодного чтения нараспев и была нацелена на более эффективное усвоение урока, сам преподавал и писал учебники. Его новометодная школа и обличительные произведения колониальной политики царской России оказали положительное влияние на мировоззрение туркестанских джадидов, послужили толчком для открытия новометодных школ в Туркестане.

В начале XX века Мунаввар-кары открывает школу у себя дома. Его школа под названием «Намуна» («Образец») становится популярной среди туркестанцев. Новометодные школы широко распространяются по всему Туркестану. Российское правительство было очень обеспокоено этим фактом, потому что учащиеся этих школ превращались в новую политическую силу, которая разоблачала колониальную политику царской России. В новометодных школах изучались не только просветительские идеи, но и звучали призывы к широкому распространению тюркско-исламского правового наследия среди нации, идеи свободомыслия, прогресса и национальной независимости. В начале XX века джадидизм выступил на историческую арену в качестве силы, которая могла ослабить устои колониализма.

Эти изменения, происходившие в области просвещения и политики, не могли не беспокоить российских чиновников. Колониальным властям нужна была надёжная опора среди местного населения. Колониальная администрация начинает открывать русско-туземные школы, привлекать к учёбе местную молодёжь. Из названия этих образовательных учреждений было понятно, что в русско-тузем-

ных школах дети местных жителей обучались вместе с русскими детьми. Местные ребята вместе с русскими детьми два часа обучались основам точных наук, а остальные два часа отдельно от русских изучали шариат, Коран и Хадисы. Таким образом, местная молодёжь в обеих школах знакомилась с внешним миром, повышала своё политическое сознание.

К началу XX века Европа в своём развитии далеко опережала другие части света. А Азия, в том числе и Туркестан, сильно отставала в области развития практических наук и техники. Такое положение не могло не беспокоить передовую интеллигенцию и местную буржуазию. Освобождение от оков невежества становилось исторической необходимостью. Джадиды, являясь представителями этого огромного социально-политического движения, прекрасно понимали и могли анализировать сложившееся положение.

Также сильное влияние на развитие джадидизма в Туркестане оказывали общественно-политические и культурно-просветительские реформы, проводимые в Турции. Для пропаганды своих идей и просвещения народных масс джадиды издают газеты и журналы, организуют типографии («Садои Туркистон», «Садои Фарғона», «Утро Ферганы», «Ферганская жизнь», «Туркестанский край», «Ҳуррият», «Ойна», «Ал-изоҳ» и другие).

Деятельность джадидов в крае призывала жителей к национальному возрождению, что вызывало тревогу колониальных властей царской России. Политическая обстановка в крае все более усложнялась. После первой русской революции у многих народов, в том числе и жителей Туркестана, зародилась надежда на обретение политической и культурной свободы. Вскоре выясняется, что пантюркизм, избранный джадидами в качестве идейного оружия, в действительности не является той силой, которая смогла бы объединить общетюркский мир. Развитие политической борьбы привело к отказу от традиционного тюркства и на арену выходит новое поколение, которое проповедует идеи тюркизма. Среди этого нового поколения зарождается идея образования нескольких национальных государств на основе политического, экономического и культурного единства народов Туркестана. Сторонники этой идеи видели Туркестан не в составе некоего общетюркского государства под эгидой Турции, а в виде территориальной автономной федерации, образованной на основе самоопределения тюркских народов.

В те времена существовало ещё одно, абсолютно противоположное вышеназванному учение, основателем которого был известный политический и религиозный деятель Джамалуддин аль-Афгани. Аль-Афгани и его последователи во время своих встреч с мусульманами России в 1888 году говорили не о модернизации ислама, а о жизненной необходимости овладения мусульманами достижениями науки и техники. Они выступали с идеями, что Восток тоже должен пройти путь, который прошёл Запад, для этого лозунги ислама должны были сплотить исламский мир. Лозунги призывали мусульман к объединению и солидарности в борьбе против общего врага – колониализма. Но, вместе с этим, эта идея отрицала национальные различия мусульманских народов, которые пропагандировали

панисламизм, и продвигала идею всемирной демократической теократии – идею «Имамата».

Хотя первоначально пантюркизм не выступал открыто против панисламизма, но на практике становилось ясно, что идеология панисламизма явилась учением, которое создавало условия для возникновения теократических клерикально-реакционных течений, препятствующих зарождению в мусульманском мире национальной идеологии и национального самосознания. Даже один из основателей пантюркизма Зия Гёкальп в своём произведении «Основы тюркизма» открыто писал, что панисламизм «противодействует мусульманским народам обретению национального самосознания, препятствует их развитию и мешает их формированию в качестве независимых наций». Идеи панисламизма получают широкое распространение в довольно узком кругу среди духовенства, консервативной интеллигенции, торговой буржуазии и дехкан Туркестана. Общетюркским идеям выражал поддержку узкий круг представителей туркестанской интеллигенции и буржуазии. Представители тюркизма – джадиды возникли в общественной жизни Туркестана в качестве культурно-просветительского течения, которые ставили перед собой цель реформирования системы образования.

Их ряды состояли из представителей молодой, зарождающейся интеллигенции, передовой части мусульманского духовенства, купцов, преподавателей и учащихся духовных учебных заведений, мелких чиновников, передовых издателей, писателей и журналистов. Самыми известными представителями джадидизма были Махмудходжа Бехбуди, Абдурауф Фитрат, Садриддин Айни, Абдульвахид Бурханов, Файзулла Ходжаев, Абдулла Кадыри, Убайдулла Ходжаев, Мунавваркары, Палваннияз Ходжи Юсупов, Тавалло, которые называли себя «прогрессистами». В разделе своей программы, посвящённой просветительской деятельности, они предполагали открытие школ для изучения основ естественных наук, издательство газет и журналов, пробуждение в народе стремления к прогрессу, повышение общественно-политического и культурного сознания народа.

Под влиянием передовых стран даже в таких монархических государствах, как Бухара и Хива начинается реформаторское движение по обновлению общества. Во главе этого движения стояла демократически настроенная молодая интеллигенция Бухары и Хивы. Однако они («младобухарцы» и «младохивинцы»), в отличие от туркестанских джадидов, в тактическом плане были сторонниками умеренных реформ, конечной целью которых была конституционная монархия. Но даже эти умеренные требования «младобухарцев» и «младохивинцев» встречают сильное противодействие, в итоге они были вынуждены уйти и продолжить свою деятельность в подполье. Монархический режим в Бухаре и Хиве был очень сильным. Эмир и ханы, вожди племён обладали неограниченной властью. Мусульманское духовенство стремилось внушить людям веру в священность и неприкосновенность монархического строя. «Младобухарцы» и «младохивинцы» не имели достаточного влияния среди народа и вынуждены были просить помощи со стороны – в Туркестанском генерал-губернаторстве и даже у русских граждан.

Полувековое господство царской России над Бухарой и Хивой открыло широкие возможности для вторжения русского капитала в экономику этих стран. Строительство Среднеазиатской и Закаспийской железных дорог ещё более ускорило этот процесс. На территории Бухары и Хивы появляются заводы и фабрики, банки и торговые фирмы, принадлежавшие русскому капиталу. Вместе с этим на территории этих государств обосновываются граждане России – чиновники, купцы, промышленники, рабочие, офицеры российских военных гарнизонов, солдаты, христианское духовенство. У железных дорог и на речных пристанях образуются русские поселения, многие из которых превращаются в города. К их числу относятся города Новая Бухара, Новый Чарджоу, Керки, Новый Термез, Новый Ургенч и другие. Эти города и селения городского типа, возведённые на основе современных требований, были опорными пунктами русского капитализма и колониализма на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Таким образом, стремление к обновлению, отход от традиционного образа жизни и быта, вхождение в общественные, экономические, политические и культурные процессы, происходившие в мире, постепенно начинают совершаться в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате.

Таким образом, в колониальном Туркестане, а также в полуколониальных Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, в особенности в Туркестанском генерал-губернаторстве, изменения, происходившие в экономической, политической и этнокультурной областях, разорили индивидуальный ручной труд, во многих отраслях производство товаров приобрело массовый характер. Это привело к коренным изменениям в экономической и политической жизни общества. Однако все эти изменения в экономической жизни общества совершались в пользу иностранных колонистов. Эти преобразования привели к коренным изменениям идеологического мировоззрения местного населения, в первую очередь, имущих слоев предпринимательства. Среди них усиливается стремление к познанию нового, среди широких слоев простого народа растёт чувство самосознания, возникает национальная буржуазия. Изменилось отношение к Родине, ее природе и богатствам. Из числа местных предпринимателей в качестве представителей национальной буржуазии выдвигаются владельцы производственных промышленных предприятий. Но колониальные власти всячески притесняли экономические и политические права широких масс народа, в том числе и зарождавшейся национальной буржуазии.

Местные собственники по возможности стремились отправить на учёбу в зарубежные страны для ознакомления с передовыми достижениями науки и техники своих детей, близких и способных слуг. В результате этой инициативы национальной буржуазии в Туркестане усиливается прогрессивное джадидское движение. Все эти действия (повышение грамотности народа, распространение просветительства, борьба за политическую власть и другие) были непосредственно связаны с национальным возрождением, ростом самосознания, стремлением к национальному единству узбекского народа, который на протяжении многих веков проживал в условиях феодальной обособленности.

Глава XVII
ЦЕЛЬ И СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

К началу XX века этнические сложности, существовавшие в Средней Азии с давних времён, принимают намного упрощённый вид. Среди населения Туркестана было распространено двуязычие – тюрко-узбекский и персидско-таджикский языки, но большинство жителей говорило на тюрко-узбекском языке. Эти народы, говорившие на двух языках, по своему территориальному расположению были до такой степени смешаны друг с другом, что в начале национально-территориального размежевания процесс разделения их на две части представлял большие трудности. Этот исторический процесс и такая этнокультурная обстановка существовала с древнейших времён. Степень общественно-экономического развития этих двух народов была одинакова, по своему антропологическому типу оседлые узбеки и оазисные таджики представляли один тип, то есть сформировавшийся в античное время «тип среднеазиатского междуречья».

Накануне образования Республики Узбекистан среднеазиатское население, говорившее на тюркско-узбекском языке, по своему происхождению подразделялось на три группы. Первая группа – это оседлое население Туркестана, известное под названием «сарт»; вторая – оседлые тюрки, проживающие на этой земле с древнейших времён; третья – узбеки Дашти-Кипчака. Сарты и оседлые тюрки были коренным населением городов и кишлаков. Та часть из них, которая проживала в городах, была занята в различных отраслях ремесленного производства и торговли, а жившие в кишлаках – поливным земледелием, садоводством, выращиванием бахчевой культуры и кустарным ремеслом. Говоривший на узбекском языке этот народ в XVIII, XIX и начале XX века проживал на территории Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Такое положение отодвигало на второй план этническую общность в жизни населения региона, которое проживало на протяжении веков в качестве единого народа. Благодаря политике национального размежевания советской власти в 1924 году была образована Узбекская ССР, что способствовало объединению в единой республике большинства узбеков, разделённых до этого в трёх государствах. Целая нация становится известной под названием «узбеки».

Обратимся к историческим корням происхождения тюркоязычного узбекского этнического слоя, известного под названием «сарт», который составлял основу оседлой части узбекского народа. Его исторические корни уходят ко временам раннего средневековья, когда в период нашествия арабов вместе

с войском завоевателей в Среднюю Азию прибыли ещё две категории арабов. Первые из них относились к потомкам пророка – саиды (они в основном занимались пропагандой и распространением исламской религии), вторые – арабские купцы, которых называли тазиками. И в те, и в более ранние времена коренное местное согдийское население Средней Азии в торговых делах было известно на весь мир.

Таким образом, независимо от этнического происхождения, всех, кто занимался торговлей, называли «тазиками». В произведении Махмуда Кашгари «Свод тюркских слов» говорится, что слово «сарт» означает «торговец». Первоначально термин «сарт» использовался по отношению к арабским и согдийским купцам, а с X–XI веков это слово применяется по отношению к слою населения, которое вообще занималось торговлей, то есть занимавшиеся торговлей тюрки тоже стали называться сартами. Термин «сарт» впервые встречается в конце XV века у Алишера Навои. Раньше это слово в письменных источниках встречалось в виде «сартак», «сартаул». Например, по свидетельству Рашид-ад-дина (XIII век), находившегося в подчинении у монголов правителя карлуков Арсланхана (по вероисповеданию мусульманина) Чингизхан называл «сартактой». В одном из рассказов Рашид-ад-дина хан Хубилай (XIII век) называет визиря одного из мусульманских государств Абу Бакра «человек сартаул».

В общем, мусульман, прибывавших в Монголию из Средней Азии, независимо от их языка, этнического происхождения называли «сартак», «сартактай», «сартаул». Основу этих слов составляет термин «сарт». В мусульманских письменных источниках под этим словом сначала понимались персоязычные тазики (таджики). Но к периоду господства Тюркского каганата и Караханидов тюркоязычное население в Средней Азии занимает господствующие позиции и среди персидско-таджикского населения тюркизация начинает получать всё более широкое распространение. Большую часть армии Чингизхана также составляли тюркоязычные племена и народности. Начиная с монголо-татарского нашествия переселению тюркоязычных этносов на территорию среднеазиатского междуречья не было видно конца. Все эти миграционные процессы не могли не повлиять на этническое состояние населения региона. Всё это служило в регионе в пользу тюркского языка. Поэтому к XVI–XVII векам сарты Ферганской долины, Ташкентского и Хорезмского оазисов Средней Азии говорили в основном на тюркском языке, образ жизни и обычаи их не отличались от традиций и обычаев оседлых тюрков Мавераннахра и Хорезма.

В произведении «Мухокамат ул-луғатайн» Алишер Навои сартский язык представляет в качестве персидского и проводит его сопоставление с тюркским языком. Академик В.В. Бартольд, на основе сопоставительного анализа этих двух языков, сделанных А. Навои, приходит к выводу, что в начале XV века сарты Зарафшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи говорили на таджикском языке[1].

---

[1] *Бартольд В.В.* Сарты. Соч. Т. 2, часть 2. С. 527–529.

Захириддин Мухаммад Бабур говорит о различии сартов и таджиков в языковом отношении. Он пишет, что в Кабуле и в окрестных кишлаках живут сарты, а в других областях и кишлаках проживают таджики[1]. Для казахов и киргизов всякий оседлый мусульманин считался сартом. На официальном языке делопроизводства под словом «сарт» понимались не таджики, а тюркизированное оседлое население. Академик В.В. Бартольд хотя был прекрасно осведомлён о том, что термин «сарт» на тюркском означает «торговец», «управляющий торговым караваном», а также, что казахи, киргизы и в целом все тюрко-монгольские племена и народности использовали термина «сарт» по отношению к оседлому населению Туркестана, независимо от их этнического происхождения, делает ошибочный вывод о том, что сарты являются персоязычной этнической общностью – таджиками[2].

В настоящее время в науке существуют два подхода к определению термина «сарт». Первый подход гласит, что сарты – это этнос, персоязычные таджики. Такое мнение впервые было высказано Г. Вамбери, В. Радловым, Н. Остроумовым[3]. К этим взглядам присоединился В.В. Бартольд. Он научно «обосновал», что «сарты» – отдельный народ, конкретная этническая общность, но со временем значение и сущность этого термина изменились, и поэтому его нельзя смешивать ни с узбеками, ни с таджиками. Этим самым он подчёркивает, что вначале сарты были ираноязычными, а потом тюркизировались. В настоящее время последователи В.В. Бартольда профессор университета Индианы Ю. Брегель, академики АН Таджикистана Н. Нигматов, Ю. Якубов, Р. Масов и другие твердо придерживаются его идеи о том, что «сарты были тюркизированными согдийцами». Ю. Брегель особо подчёркивает, что Абулгази Бахадырхан в произведении «Шажараи турк» в конце XVII века упоминает о сартах Хорезма в качестве отдельной этнической группы наряду с узбеками и туркменами. Однако Ю. Брегель не принимает в расчёт, что Абулгази Бахадырхан под названием «узбек» имел в виду кочевых узбеков, пришедших с Дашти-Кипчака, а под термином «сарт» – оседлое тюркоязычное население Хорезма. Поэтому, когда речь идёт об узбекском народе, Ю. Брегель и его последователи понимают только кочевых узбеков Дашти-Кипчака, которые прибыли в Среднюю Азию вместе с Шейбаниханом в начале XVI века. Они размышляют в лженаучном паниранистском духе, что современные узбеки берут начало от них.

Второй подход к термину «сарт» относится в основном к джадидам, к которому присоединялись и русские востоковеды (И. Магидович). Сторонники этого мнения отрицают, что «сарты» являются отдельной этнической общностью, этносом. Один из активистов общественной жизни казах Серали Лапин в 1894 году вступает в печати в дискуссию с В.В. Бартольдом по вопросу о происхождении термина «сарт» и чётко излагает своё видение этой проблемы. Он считает, что

---

[1] *Бобур З.М.* Бобурнома. – Т., 1958.

[2] *Бартольд В.В.* Сарты. Соч. Т. 2, часть 2. С. 527–529.

[3] *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. – Т., 1908.

«сарты», независимо от этнического происхождения, являются коренным населением Средней Азии; так как не существует отдельного сартского языка, так и не существует отдельного народа; сарты – это тюркоязычные туркестанцы, исторически сложившиеся из смешения местного персоязычного и тюркоговорящего оседлого населения; их язык – одна из форм современного тюркского языка, новый узбекский язык, обогатившийся за счёт слов из арабского и персидского языков. Значит, сарты не являются конкретным этносом, народом, а представляют собой крупное тюркоязычное социальное сословие, исторически сложившееся из смешения местных тюркских и согдийских этнических слоёв Туркестана.

Исходя из анализа вышеприведённых взглядов можно заключить, что термины «сарт» и «тазик» являются синонимами, и каждый из них первоначально означал понятие «торговец, купец». Если в VIII–IX веках согдийцы называли купца – «тазик», то искусных в торговле самих согдийцев окрестные жители также называют «тазиками». По велению истории согдийцы постепенно привыкают к тому, что другие этносы называют их «тазиками», а с IX–X веков под влиянием господствующего языка согдийское название «тазик» превращается в персидское слово «таджик». Термин «сарт», в качестве синонима термина «тазик», применялось по отношению к тюркизированным в языковом отношении согдийцам. Вначале они говорили на двух языках (узбекском и таджикском), затем (с конца XVII века) они превратились в этнический слой оседлого населения Мавераннахра и близлежащих к нему территорий, говорившего в основном на староузбекском языке.

Накануне образования Узбекской ССР второй крупной тюркоязычной группой были коренные жители Мавераннахра и Хорезма – тюрки, которые с древних времён проживали на этой территории. Они представляли собой оседлое население Туркестана, которое вместе с сартами занималось в городах ремесленничеством и торговлей, а в кишлаках поливным земледелием, садоводством и бахчеводством. Они отличались от третьей тюркоязычной группы, т.е. от кочевых узбеков-шейбанидов, давным-давно забыли родовые традиции, названия своих племён. Эти коренные оседлые тюрки вместе с сартами составляют абсолютное большинство этнического состава узбекского народа.

В письменных источниках и литературе по истории и этнографии, изданных в период узбекских ханств и царской России, в произведениях зарубежных учёных они упоминаются в качестве туркестанцев, коренных жителей Туркестана. Их не называли узбеками, потому что в отличие от представлений об узбекском народе, в те времена под названием «узбек» понимали только кочевых узбеков, пришедших в Туркестан из Дашти-Кипчака в начале XVI века. Именно они представляют третью тюркоязычную группу накануне образования Узбекской ССР. Эта третья группа населения с начала XVI века захватывает в свои руки политическую власть и начинает играть большую роль не только в политической жизни общества, но и в её общественной, экономической, а также этнокультурной жизни. Они перенимают высокую

культуру местных оседлых сартов и коренных тюрков Средней Азии, традиции государственности Темуридов и под их этнокультурным и хозяйственно-экономическим влиянием переходят к оседлому образу жизни. Начиная с XVI–XVIII веков они (кочевые узбеки) вместе с оседлым населением имеют единую территорию, культуру и письменный литературный язык. Карлукско-чигильский диалект тюркского языка становится для них общим языком. Поэтому в те времена на политических картах и глобусах Европы авторы народ Туркестанского края обозначали «узбеками», а его государство – «Узбекия», «Узбекистан»[1] (см. цветную иллюстрацию 16). В те времена на этой земле жили также туркмены, казахи и киргизы. Но в связи с тем, что они не имели в Туркестане политических образований, на политических картах они обозначались не в качестве государств, а в качестве этнонимов. Что касается сартов, они, как и таджики, вообще не упоминаются на политических картах. Как и коренные тюрки, они назывались по месту проживания – бухарцами, ташкентцами, самаркандцами, ургенчцами и рассматривались в качестве составной части политического государственного объединения Узбекистан[2]. Значит, в XVI–XVIII веках топонимы «Usbeck, Usbeckia, Ozbekistan» приобретают объединённое этнокультурное, этнополитическое значение и подтверждают, что гражданами этого государства являлись не только кочевые тюрки-узбеки, но и оседлые тюрки, сарты и таджики. Несмотря на то что жители называли себя туркестанцами или прибавляли к своему имени название места жительства, под влиянием политической власти в сознании народа укореняется называть себя гражданами узбекского государства, узбеками. К началу XX века «узбеками» назывались не только узбеки-шейбаниды, но и все жители региона называли себя туркестанскими «узбеками».

В целом, хотя накануне образования Узбекской ССР не было соответствующего единого объединительного конкретного этнонима, но серьёзных возражений по поводу названия будущего национального государства «Узбекистаном» не было. Проживавшие на территории Туркестана персоязычные таджики составляли менее 1/5 части населения региона. К тому же, подавляющее большинство населения Туркестана говорило на тюркском, то есть на староузбекском языке. Такая этнолингвистическая обстановка привела к созданию в Туркестане единой тюркоязычной республики под названием «Туркестан», или образованию национальных государственных объединений тюркских народов Туркестана.

В октябре 1917 года большевики совершают государственный переворот. В обращении вождя большевиков В.И. Ленина к угнетённым народам края говорилось о праве каждого народа «на самоопределение», он призывал «брать власть в свои руки». Поверив этим призывам, народы Туркестана выступают с идеей

[1] *Камолиддин Ш.С.* Новые источники по этногеографии Средней Азии. // «Ўзбекистон тарихини ўкитиш ва ўрганиш бўйича материаллар». – Т., 2007. С. 82–83.

[2] Там же.

образования единого общетуркестанского государства. В 1918 году по советскому «образцу» в составе РСФСР создаётся Туркестанская автономная советская социалистическая республика. На деле большевики повели борьбу за сохранение «единой и неделимой России» и открыто продолжили колониальную политику Российской империи. Образованную по инициативе местных кадров Туркестанскую автономию большевики потопили в крови, что привело к вооружённому выступлению (движение «басмачества») против Советов. Они были напуганы движением туркестанских джадидов за независимость, потому что среди них было очень много сторонников создания единого Туркестанского государства. Большевики решительно выступили против этого движения, потому что их истинной целью было разделение тюркских народов. Затем джадиды, на основе лозунга большевиков «о праве наций на самоопределение», выступают с идеей тюркизма. Центр даёт согласие на осуществление этой идеи, но категорически заявляет, что некоторые автономные, национальные государственные образования могут быть образованы только «в составе единого и неделимого СССР». Туркестан для всех народов, живущих на этой земле, воспринимался как символ исторической Родины, всегда являлся объединяющим фактором в борьбе за независимость и свободу[1].

Идея создания национальных государственных образований в Средней Азии зародилась в 20-х годах XX века. 20 июня 1920 года на заседании Политбюро ЦК РКП (б) поручает Турк ЦИКу «приступить к перераспределению административных округов Туркестана в соответствии с его национальным составом»[2]. Для выполнения этого задания, в первую очередь, распределения среднеазиатских народов на национальные группы, следовало объединить их сходства в этническом отношении и основой для этого послужил язык. Под лозунгом «как не существует единого тюркского языка, так не может быть и единой тюркской культуры» предстояло реформировать некоторые диалекты тюркского языка и на их основе каждое национальное образование (узбеки, туркмены, киргизы) должно было создать свой национальный язык на основе выбранного диалекта. Действительно, в Центре уже были определены будущие республики и их национальные названия. К примеру, учёный-востоковед И. Магидович в своих исследованиях пишет, что в Средней Азии «к началу XX века языковые, этнокультурные процессы и процессы самосознания протекали таким образом, что между узбеками и сартами не осталось никаких различий». Эта мысль была «откровением» об образовании Узбекской ССР накануне национально-территориального государственного размежевания 1924 года.

Ещё в 1922 году состоялся первый краевой съезд по проблемам узбекского языка и грамматики, на котором был поставлен вопрос о разработке «классического европейского грамматического строя» узбекского языка. В марте 1923 года

[1] Ўзбекистоннинг янги тарихи. «Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида». – Т., 2000. С. 284.

[2] Там же.

на VII съезде ТКП был поднят вопрос об усилении антирелигиозной пропаганды среди коренных народов Туркестана[1].

Идеологические, политические, языковые и культурные меры, направленные на разделение населения Туркестана по национальным признакам, направили узбекский и туркменский национальные языки и культуры на образование будущих национальных республик. «Инициатором» этих мер была Турккомиссия. Как правило, эти меры были демонстрацией «желания» определённой национальной группы в отделении в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы. К 1920 году вооружённое сопротивление борцов за независимость в Ферганской долине усилилось до такой степени, что под его влиянием это движение разгорается в Самарканде, Бухаре и Хорезме. Это также ускорило образование Узбекской ССР.

Общенародная борьба под лозунгом «Туркестан – Родина туркестанских народов. Прогоним врага от границ Родины!», которая велась в годы борьбы за независимость под предводительством джадидов, сильно встревожила Центр. В условиях нового общественно-политического строя, установившегося в Средней Азии, вместе с обретением самосознания, защитой основ духовности гармонично сплелось стремление к сохранению древней национальной государственности и движение за ее укрепление. Таким образом, к середине 20-х годов новое разграничение теперь касалось не только вошедшей в состав РСФСР Туркестанской автономной республики, но и будущей судьбы Бухарской и Хорезмской народных республик.

Вопрос национального разграничения Средней Азии нашел полную поддержку Москвы. По непосредственному указанию ЦК РКП(б) руководящие партийные органы Туркестана, Бухары и Хорезма были привлечены к претворению в жизнь идеи национально-территориального размежевания. В феврале 1924 года в Бухару был направлен член среднеазиатского бюро ЦК РКП(б), ответственный сотрудник ЦК ТКП А. Рахимбоев. Здесь он выступил на совещании руководящих работников БНСР с докладом о национально-территориальном разграничении. Совещание в целом одобрило проведение размежевания[2]. 25 февраля 1924 года этот вопрос был обсуждён и доработан на пленуме ЦК компартии Бухары и 10 марта того же года был утверждён на заседании Исполнительного бюро комиссии ЦК БКП[3]. В решении Исполнительного бюро постановили: создать в Средней Азии союзные республики Узбекистан, Туркменистан, в составе Республики Узбекистан образовать Таджикскую автономную область. Также в некоторых кишлаках и аулах, входящих в состав многих районов Узбекистана, проживали казахи и киргизы. Был поднят вопрос об объединении этих кишлаков и аулов в составе Киргизской (Казахской) Республики. В городах Чимкент, Туркестан, Авлиёота (Джамбул) и Сайрам в основном проживали узбеки, а в близлежащих к ним кишлаках – казахи, поэтому

---

[1] Ўзбекистоннинг янги тарихи. «Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида». – Т., 2000. С.285.

[2] ПГА РУз, ф. 60, оп. 1, д. 4269, л. 5.

[3] Там же, л. 41-42.

состоялись дискуссии по вопросу о включении этих кишлаков в состав Казахстана. Казахские националисты даже выступили с требованием о включении Ташкентской области в состав Казахстана. Своё требование они обосновывали проживанием в Ахангранской долине кураминцев. На самом деле кураминцы имели следующую особенность: по ведению хозяйства, традициям и обычаям они полностью были схожи с узбеками, но в их языке ощущалось влияние казахского языка. В действительности кураминцы относились к узбекской нации. Всем недоразумениям в вопросе национального размежевания был положен конец. В отдельном пункте было отмечено о вхождении Республики Узбекистан в состав СССР «на добровольной основе»[1]. Подобного рода дискуссии и решения произошли и в компартии Туркестана. Хотя обсуждения проходили мирно, но не обошлось и без некоторых противоречий и разногласий. Например, представители одной из групп, участвовавших в дискуссии, высказали мнение о поспешности объединения Туркестана, Бухары и Хорезма в единую республику и предложили создать политическое объединение в виде Кавказской федерации. Окончательное решение об их объединении в единую республику было принято 23–24 марта 1924 года на пленуме ЦК ТКП. На пленуме было отмечено, что вопрос о национальном размежевании будет решаться совместно с партийными органами Бухары и Хорезма. В результате двухмесячных переговоров партийных и советских органов Туркестана с руководителями компартий Бухары и Хорезма было достигнуто соглашение об исполнении решений Центра по вопросу национального размежевания. 5 апреля 1924 года Политбюро ЦК РКП (б) одобрило «предложение» председателя комиссии А. Рахимбоева[2], тем самым было создано представление, что такая инициатива якобы исходила с мест, с самих национальных окраин.

Так закончился первый этап национально-территориального размежевания Средней Азии. Партийное руководство этих трёх «государств» беспрекословно исполнило волю ЦК РКП(б). На деле эту работу руками местных представителей выполнил посланец РКП(б) Я. Рудзутак. Для предотвращения всяких непредвиденных ситуаций были созданы большие и малые комиссии, которые были призваны «ещё глубже» изучить вопрос. Наконец, в мае 1924 года этот вопрос вначале был рассмотрен на заседании комиссии Среднеазиатского бюро ЦК, затем на Политбюро, и было принято следующее решение:

Считать необходимым проведение размежевания Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик по национально-территориальным признакам, из вновь образуемых национально-территориальных объединений федерацию не создавать.

Образовать Узбекскую и Туркменскую республики, обладающими всеми правами независимого СССР, но в то же время входящими в СССР. В составе Республики Узбекистан образовать Таджикскую автономную область. Образовать Киргизскую автономную область. Вопрос вхождения Киргизской автономной области в состав одной из республик оставить открытым.

---

[1] ПГА РУз, ф. 60, оп. 1, д. 4269, л. 42-43.
[2] ПГА РУз, ф. 361, оп. 1, д. 555, л. 43-44.

Казахов, проживающих на территории Туркестанской автономной советской социалистической республики, включить в состав существующей на настоящий момент Казахской республики»[1].

Однако вскоре поступает письмо «О решении национального вопроса в Хорезме». В нём подчёркивалось, что национальный вопрос в Хорезме ещё окончательно не решён, потому что, по мнению интеллигенции, Хорезм является не только отдельным государством, но и отдельным целостным народом. В письме также высказывалось возражение по поводу включения Хорезма в состав Узбекской ССР, что, по мнению авторов, противоречило ленинской национальной политике. Письмо было всесторонне обсуждено на заседании Среднеазиатского бюро ЦК, на котором было принято решение об обновлении состава ЦК Компартии Хорезма. Так было достигнуто решение вопроса национального размежевания в Хорезме. В состав комиссии по национальному размежеванию не были приглашены специалисты, этот вопрос был решен в кругу партийных руководителей. И, наконец, 15 сентября 1924 года на внеочередной сессии Туркестанского ЦИКа был специально рассмотрен вопрос о национально-территориальном размежевании и было принято соответствующее решение. В решении подчёркивалось, что создание новых национальных государственных образований всецело основывалось на принципе «о праве наций на самоопределение». Впервые было открыто сказано, что национально-территориальное размежевание «совершается по доброй воле народов». На основе материалов сессии ЦИК ТАССР 16 сентября было принято решение, согласно которому узбекскому народу предоставлялось право выхода из состава ТАССР и образования независимой Узбекской ССР. В решении также содержалось поручение о выходе туркменского народа из состава ТАССР и образования независимой Туркменской ССР, а таджикам и киргизам – соответствующие области. Утверждение этих решений выносилось на очередную сессию Всероссийского ЦИКа. 4 октября 1924 года Узбекистанское бюро по государственному национально-территориальному размежеванию согласилось с предложением «Малой таджикской комиссии» об образовании вместо «Таджикской автономной области» «Таджикской автономной ССР» и включении в ее состав Пенджикентского и Уратюбинского районов.

20 сентября 1924 года на V Всебухарском курултае Советов, 29 сентября и 2 октября наV Всехорезмском курултае Советов были приняты решения о вхождении в состав вновь образуемой Узбекской ССР. 14 октября II сессия ЦИК РСФСР утверждает решение ЦИК Туркестанской АССР о национально-государственном размежевании. 27 октября II сессия ВЦИК СССР утверждает решение ТАССР о вхождении Бухары и Хорезма в состав вновь образуемой Узбекской ССР и исполнение этих решений возлагает на Президиум ЦИК СССР. Так, 27 октября 1924 года была образована Узбекская ССР.

13 февраля 1925 года в Бухаре был открыт I съезд Советов УзССР. 17 февраля съезд принял декларацию об образовании УзССР. Декларация узаконила образование Уз ССР и объявила о добровольном вхождении УзССР в состав СССР. Таким

[1] Ўзбекистоннинг янги тарихи. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида.

образом, на карте мира появилось национальное государство Узбекистан в составе СССР. 3.963.285 человек от общего количества населения Средней Азии в 8.131.062 человек, то есть ¾ части населения вошли в состав Узбекской ССР. Почти 90% узбеков, проживавших в Средней Азии, находились на территории Узбекской ССР[1].

Таким образом, образование национальной республики Узбекистан произошло в два этапа. Первый этап – 1920–1924 годы. На этом этапе зародилась идея национального размежевания, которая внедрилась в сознание жителей Средней Азии, а местное население было выдвинуто в качестве инициатора образования узбекского национального государства. Второй этап – 1924 год. На этом этапе претворилась в жизнь идея тюркизма, то есть в 1924 году проводится национальное размежевание. Образование Узбекской национальной республики привело к формированию узбекской нации, открыло широкие возможности для обретения этнического значения и содержания политического образования под названием «узбек», образования узбекской нации.

По выражению Первого Президента независимого Узбекистана И.А. Каримова, эти созданные в Средней Азии образования были не до конца сформировавшимися государствами (подобные государствам)[2]. Действительно, фактически эти образования (республики) были национальными государствами в положении «колоний», сведённые до уровня административно-экономических районов бывшего СССР, руководители которых находились под постоянным контролем Центра. Они не могли обращаться в Центральный государственный аппарат с экономическими и культурно-политическими проблемами, по вопросам традиций и обычаев, религиозно-нравственным и духовным запросам. Напротив, были растоптаны религиозно-нравственные и духовные ценности, религия. Для этих целей было мобилизовано местное руководство, которое было вынуждено воплощать в жизнь эти цели.

Вместе с этим, следует подчеркнуть, что бывшая советская империя, как и царская Россия, могла бы удержать в колониальных тисках Туркестанский край, Хорезмское ханство, Бухарский эмират и его многомиллионное население. Но большевики во главе с В.И. Лениным выступали против всякого государства, построенного на основе классового разделения, их главной идеей было построение равноправного и свободного демократического общества под властью бедняков. Для достижения этой цели они при помощи демократических сил общества, прогрессивно настроенной промышленной буржуазии опрокинули царя, затем на пути построения бесклассового общества расправились с промышленной буржуазией и передали политическую власть неимущим слоям общества. Власть пролетариев, то есть Советское государство, с обретением политической власти, забыв обещания, данные народу (о праве наций на самоопределение, о праве на строительство равноправных национальных государств, данные В.И.Лениным в качестве главы государства Советов), несмотря на голод и холод, всеми силами стремилось сохранить колонии царской России.

---

[1] *Вахобов М.Г.* Формирование узбекской социалистической нации. – Т., 1961. С. 398–399.

[2] *Каримов И.А.* Ўзбекистон XXI аср бўсағасида: хавфсизликка таҳдид, барқарорлик шартлари ва тараққиёт кафолатлари. – Т., 1997. С. 61.

Правительство большевиков могло сохранить традиционное, сложившееся на протяжении веков, единство Туркестанского края. Но оно не сделало этого. Это противоречило стратегическим планам, не соответствовало политике международного империализма – «разделяй и властвуй». Хотя Советы выступали против империализма, они фактически придерживались этого лозунга. Разделить и властвовать единым Туркестаном составляло истинную тайную сущность колониальной политики советского правительства. Теперь правительство Советов изменило подлинное значение ленинской национальной политики. Оно сделало акцент на том, что в Туркестанском крае проживают представители многих наций – персоязычных таджиков и тюркоязычных узбеков, туркмен, киргизов, казахов, уйгуров, каракалпаков, каждый из которых имеет свою национальную этнокультурную, территориальную и языковую общность; в период позднего феодализма жители Туркестана были разделены между тремя ханствами и предоставление каждому из них свободы самоопределения должно было быть возведено до уровня главенствующей политики советского государства. Такая политика, зародившаяся в 1920 году, воплотилась в жизнь в 1924 году с образованием Узбекской и Туркменской ССР. Затем были образованы Казахская, Таджикская, Киргизская республики и западные территории единого Туркестана были разделены на 5 частей. Восточную часть единого Туркестана – родину тюрков-уйгуров вождь пролетариата И.В. Сталин в 1937 году передаёт Китаю.

Такая политика в период Советской власти стала приносить плоды. Однако с распадом СССР и образованием целого ряда национальных государств возникают межнациональные противоречия по проблемам приграничных территорий, исторического и культурного наследия, а также претензии на незаконное владение естественными водными ресурсами. В возникновении этих противоречий заинтересованы зарубежные политики, которые мешают достижению взаимного согласия национальными государствами региона. Это отрицательные итоги разделения исторически сложившегося на протяжении веков единого Туркестана.

Это одна сторона вопроса. Положительным моментом в этом вопросе является обретение независимой национальной государственности и ее блестящее будущее. Однако если бы в 1924 году в составе СССР не появилась бы республика под названием Узбекистан, несмотря на то что она не была независимым суверенным государством во внутренней и внешней политике, то этого государства не было бы на политической карте мира и не было бы отдельного народа с этническим названием «узбек», который сумел обрести своё национальное самосознание. Как назывались бы мы, узбеки, после распада СССР?

Узбек – это не название племени или рода. Узбеки – это народ, сформировавшийся на протяжении веков на основе смешения сотен тюркских племен и народностей с ираноязычными этносами. Народ с таким названием сформировался в качестве нации во времена зависимого положения. А в период независимости стал известен в мире своей независимой внутренней и внешней политикой. Это есть положительные стороны вопроса.

Глава XVIII
ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ НАЦИИ И ПРЕВРАЩЕНИЕ ТЕРМИНА «УЗБЕК» В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОНИМ

С образованием Узбекской ССР все племена и народности, проживавшие на ее территории, стали именоваться этническим названием «узбек». Язык всех тюркоязычных оседлых племен и народностей, проживающих на этой земле с древнейших времен, сначала объединялся под термином «чагатайский» и формировался от фарсизированного и арабизированного литературного варианта языка, этот язык (узбекский литературный язык) начиная с XVII века становится письменным и разговорным родным языком жителей Мавераннахра и окрестных областей и районов. Этот язык в отличие от «джекающего» диалекта (восточного варианта тюркской языковой семьи) в исторической лингвистике получил название «йокающего» тюркского языка, то есть «староузбекского языка». Этот язык был принят в качестве официального родного языка вновь образованной Узбекской ССР и языка населяющей ее нации. Значит, новообразованная «суверенная» республика стала называться Узбекистан, ее основной народ – узбеками, а национальный государственный язык – узбекским. По этим вопросам были приняты законодательные решения.

Однако претворение их в жизнь происходило нелегко. Племенные и родовые традиции тюркских народов, относящихся к категории кочевников, а также гордость от сознания к принадлежности к оседлой жизни, ощущение культурного и бытового превосходства, присущее категории сартов – жителей городов и сёл, вошедших в состав Узбекистана, затрудняли процесс быстрого смешения и объединения под одним названием. Хотя тюркские племена и рода почитали за честь называть себя узбеками, но на деле они всегда помнили названия своих племен, в повседневной жизни и когда речь заходила об этнической принадлежности, продолжали подчёркнуто прибавлять к своим именам соответствующие названия племён и родов – «Иброхим карлук», «Отабек чигиль», «Арслон дурман», «Мирза найман», «Ботир кунграт». Для тюркских сартов признание своей этнической принадлежности к узбекам на начальном этапе протекал с трудом.

Правильно оценив сложившуюся обстановку, Центр не допустил возможности осложнения проблем на пути их положительного разрешения и приступил к претворению их в жизнь с помощью местных коммунистов.

В первую очередь были приняты решения, направленные на то, чтобы свой народ и свою нацию все называли только и только «узбеками», решения, категорически запрещающие использовать названия родов и племён в официальных до-

кументах, упоминания в повседневной жизни. В местной и центральной прессе и радиовещании велась регулярная и последовательная пропаганда по превращению термина «узбек» в общенародное понятие, для приобретения этнического смысла и содержания узбекской нацией. Пропагандистские работы предусматривали внедрение в сознание народных масс такого факта, как появление на карте мира в составе СССР национального государства с названием Узбекистан. Деятельность коллективов художественно-творческих объединений была направлена на выполнение этой главной цели, учебные пособия и учебники для учеников и студентов школ, среднеспециальных и высших учебных заведений создавались на узбекском языке, были даны указания о широкой пропаганде этого языка среди молодёжи, в школах запрещалось упоминание о языковых диалектах племён или о сартском языке, все они должны были именоваться только под названием узбекский язык. Эта политика находилась под строгим контролем партии и государства. Только учёным-исследователям (историкам, этнографам, специалистам в области антропологии, исторической лингвистики и др.) в виде исключения разрешалось изучать их родовые названия.

Деятельность партийной организации и Советов, обращённая на духовно-просветительскую и этнокультурную сферы, была направлена на запрещение противозаконных действий в этих областях, потому что в первую очередь предстояло узаконить то обстоятельство, что основным народом Узбекистана является родовитый, местный тюркоязычный узбекский народ. С этого времени, когда речь заходила о составе населения республики, предписывалось говорить только об узбекском народе, узбекской нации, категорически запрещались всякие проявления местничества, в официальных документах, местной печати воспрещалось называть граждан Узбекистана родоплеменными названиями карлук, чигиль, огуз, кипчак, тюрк, минг, кунграт, найман, дурман, мангыт, катагон и др. Все эти мероприятия проводились в русле однопартийной идеологии. Велась усиленная агитация и пропаганда, подчёркивающая, что рассмотрением и практическим решением этих проблем разрозненного и бесправного в прошлом простого народа впервые стала заниматься только ленинская коммунистическая партия.

В действительности, понятие «узбек» постепенно обретало этническое содержание и значение ещё со времен правления узбекских ханств и первые шаги в этом направлении естественным образом были сделаны в те времена. Во главе трёх ханств, образованных на территории современного Узбекистана в XVIII веке, стояли представители трёх крупных узбекских племен Дашти-Кипчака. Под влиянием политической власти в психологии оседлых коренных тюрков постепенно зарождались благосклонные чувства по отношению к названию «узбек». Происходившие до этого времени частые междоусобные племенные феодальные войны нарушали спокойное течение мирной жизни широкого слоя местных оседлых жителей, даже конфликты между племенами и родами в пределах одного государства довели народ до изнеможения. В колониальный период положить конец всем этим столкновениям отвечало интересам царских властей. Главное

заключалось в том, что духовные, просветительские и политические мероприятия вышедших из среды передовых слоёв национальной буржуазии – джадидов подвигли широкие массы народа к сплочению, к жизни с заботой о судьбе Родины.

Но в период советской власти государство большевиков, придерживавшееся теории классовой борьбы, разделило народы России и национальных окраин на классы, расчленив единый народ на части, и управление новыми национальными государственными образованиями (под своим контролем) вручило пролетариату. В директивных документах советской власти говорится, что «власть находится в руках пролетариата, поэтому они вправе подняться до уровня национального класса, называться нацией. С исчезновением классового антагонизма между нациями пропадут и враждебные отношения между ними. Пока не будет достигнуто такое положение, неимущие не смогут подняться до уровня нации. Не является исключением и узбекская нация». Добившись этих целей, намного легче было бы управлять ими и превратить их в своих верных слуг.

Была разъяснена необходимость объединения нации посредством создания в городах и сёлах производственных хозяйств, которые должны были быть организованы в пределах определённых коллективов со своей территорией, отдельным языком и культурой. Такие коллективы состояли из народностей и этнических групп, которые образуют узбекскую нацию. Далее подчёркивалось, что такая политика служит обретению этнического значения узбекской нацией.

После Октябрьского переворота 1917 года такие народности, как узбеки, казахи, таджики, киргизы вступили в стадию национального формирования, но ещё не сложились в качестве нации. Советская власть по своему социально-экономическому и политическому мировоззрению направляла их на путь объединения в социалистическую нацию. Для строительства общества на социалистической основе, независимо от степени сплочённости людей, всем коллективам придавалась социалистическая форма. Пролетариат должен был стать руководящей силой нации, его идеология превратиться в идеологию всей нации, духовной жизни и все его экономические, политические и духовные достоинства стать общенациональными качествами коммунистического содержания.

Как известно, ленинская идея о единовластной диктатуре пролетариата и его союзе с крестьянами сначала не оправдала себя. Союз между этими двумя классами был построен на основе диктатуры пролетариата, по этой причине этот союз до определённого времени не смог подняться до дружеского уровня между рабочими и крестьянами. К примеру, если рабочие являются сторонниками социалистической собственности, то крестьяне по своей природе – сторонники частной собственности, сознание которых пропитано частнособственнической идеологией. Хотя и считалось, что социалистическое общество в СССР было построено на основе союза рабочих и крестьян, но разница между ними сохранялась всегда. Поэтому советской власти путём коллективизации удалось превратить их в сторонников общественной собственности.

В СССР, в частности в Узбекистане, в период коллективизации неимущие (крестьяне, ремесленники и все бедняцкие слои) сначала были привлечены в товарищества, а затем в колхозы, и тем самым был положен конец частной собственности, началось объединение бедных слоёв в общины по соответствующим направлениям. Раскулачивание собственников и даже середняков как класса подвигло к сплочению бедняков, к совместной работе в общественных хозяйствах. Они являлись гражданами Узбекистана под названием узбеки. Название государства как государства узбекского рабоче-крестьянского класса служило укреплению у народа чувства душевной самоуспокоенности. В душе раскулаченных как класс туркестанцев зарождалось чувство тревоги, а репрессии от имени узбекского народа порождали ненависть к этому названию. Лучшие представители нации, деловые, предпринимательские слои середняков были уничтожены как «эксплуататорский класс», и эти мерзкие дела советская власть выполняла руками представителей местного народа.

Для придания этнического содержания названию «узбек» были привлечены представители художественного творчества, и в этом отношении их вклад бесценен. В качестве примера можно привести романы основателя узбекской романистики в узбекской литературе Абдуллы Кадыри («Минувшие дни», «Скорпион из алтаря», «Абид-Кетмень»). Один только его роман «Минувшие дни» отличается не только художественным совершенством, но также имеет огромное политическое значение в придании термину «узбек» этнического смысла и значения. В своих романах Абдулла Кадыри на примере отношений сватов – семьи ташкентца Юсуф-хаджи и маргеланца Кутидора, а также истинной любви между их детьми раскрыл образ жизни, традиции и обычаи, проникшие в плоть и кровь, благородные качества оседлого народа «сарт». Таким образом, посредством художественных образов он показал, что эта узбекская семья является семьёй современных узбеков. В душе у каждого, кто ознакомился с этим произведением, возникает уважение и любовь к узбекскому народу, названию «узбек». Это свидетельствует о политических мотивах произведения в приобретении термином «узбек» этнического смысла и содержания.

В один ряд с Абдуллой Кадыри встали передовые представители того времени – Гафур Гулям, Айбек, Хамид Алимджан, Камиль Яшин, Уйгун, Абдулла Каххар, Миртемир и другие, которые в своих произведениях прославляли название «узбек», служили обретению им этнического содержания. Узбекское театральное искусство прославилось именами Аброра Хидоятова, Сары Эшантураевой, Маннона Уйгура, Ятима Бабаджанова.

В этот период на узбекском языке наивысшего расцвета достигают печать и типографское дело, небывалых высот достигают литература и искусство. Узбекский язык обогащается русскими и другими интернациональными словами, совершенствуется грамматика узбекского языка, расширяется круг его словообразования.

Благодаря восстановлению народного хозяйства (НЭП), индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства в стране произошли коренные из-

менения. Не остался в стороне и Узбекистан. В Средней Азии, в частности в Узбекистане, были ликвидированы родоплеменные пережитки, в сознание народа внедрялось представление, что достижение каждого коллектива, действующего на территории республики, и общества в целом – это есть победа народа Узбекистана, достижения узбекских сыновей и дочерей. Процес сплочения узбеков в нацию завершился накануне 1940-х годов. Коренное население начинает испытывать чувство гордости от того, что оно является узбеками.

Было отмечено, что к середине 1930-х годов были достигнуты огромные успехи не только в хозяйственно-экономической, но и в культурной жизни. Это дало возможность объявить о культурной революции в СССР, в том числе и в Республике Узбекистан. С другой стороны, в 1937 году своего пика достигли массовые репрессии. На местах были репрессированы лучшие кадры. Каждый шаг советской власти принуждал широкие народные массы жить в постоянном страхе, сплочению на основе притеснений и страха. Но трудовой народ, следуя пословице, что время – лечит, продолжал верно служить своей Родине – СССР, составной частью которого был Узбекистан. Широкомасштабная пропагандистская деятельность, которая целенаправленно велась на протяжении многих лет, призывала узбекский народ наряду со всеми с большой надеждой трудиться на благо великого будущего. В таких условиях человечество столкнулось с угрозой распространения фашизма. Узбекский народ не мог оставаться равнодушным к этой опасности.

Со вступлением СССР во вторую мировую войну, недоверие на фронтах к военным кадрам (многие из них были репрессированы накануне войны) на начальном этапе привело ко многим необоснованным жертвам. В те тяжёлые дни узбекистанские воины сражались с мужеством, присущим их предкам. Война ещё больше сплотила узбекских воинов во славу узбекского народа, во имя свободы Родины. Героизм и мужество, проявленные сынами нашей страны в борьбе с захватчиками, прославило имя узбека на весь мир.

1 433 230 человек из Узбекистана были участниками второй мировой войны. «На первый взгляд, – говорит Президент И.А. Каримов, – … эта цифра может показаться небольшой». Но «если мы вспомним, что население Узбекистана в 1941 году составляло всего-навсего 6,5 миллиона человек, то отчетливо увидим, сколь великое испытание выпало на долю народа нашей республики»[1]. Из числа воинов-участников в боях 263 005 человек погибли, 132 670 человек пропали без вести, 60 452 человек стали инвалидами. На начальном этапе войны большие потери понесли пограничные войска. В рядах пограничных войск на защите Брестской крепости проявили героизм и узбекские бойцы (лейтенант Шарипов, А. Алиев, Д. Абдуллаев, Б. Кашанов, У. Утаев, Н. Сиддиков, М. Ходжиев, Р. Арсланбоев, С. Бойтемиров)[2].

---

[1] *Каримов И.А.* Ватан саждагоҳ каби муқаддасдир. Том. III. – Т., 1996. С. 80.
[2] Ўзбекистоннинг янги тарихи. – Т., 2000, кн. 2. С. 264 – 266.

В битве за Москву своим беспримерным героизмом завоевали уважение своих соратников узбекистанцы А. Тогаев, М. Мадаминов, узбекская девушка Зебо Ганиева. 1753 уроженца Узбекистана были награждены в битве за Москву[1]. Во время зимнего наступления 1942 года на весь Юго-Западный фронт стало известно имя славного сына узбекского народа Кучкара Турдыева. Он неоднократно проявлял мужество и героизм в боях, показал себя как смелый и искусный боец. За мужество и героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками в мае 1942 года Кучкару Турдыеву первому из узбеков присвоено звание Героя Советского Союза[2].

В октябре 1942 года узбекским воинам было отправлено открытое письмо от имени узбекского народа за подписью 2 412 жителей республики. Приведённые в письме искренние слова: «Будьте верны славным традициям узбекского народа, желаем, чтобы вы не знали страха в бою!» – воодушевили узбекских воинов.

Достойным ответом на письмо соотечественников стало награждение за мужество и героизм 2974 узбекистанских воинов в боях «За оборону Кавказа». В боях на берегах рек Волги и Дона узбекский боец Ахат Бобомурадов единолично уничтожил 4 вражеских танка, а Бобокул Абзалов уничтожил 51 фашиста[3].

В жесточайших боях за Сталинград 2733 узбекистанских воина были удостоены государственных наград. Сыны узбекского народа показали образцы беспримерного героизма в боях за Курск, Киев, Харьков, Орёл. За героизм на Орловско-Курском направлении звания Героя Советского Союза были удостоены узбеки Ахмаджон Шукуров, Атаулла Солихов, покрывшие неугасимой славой название «узбек». За переправу через Днепр звание Героя Совеетского Союза получили такие узбекские воины, как К. Дустматов, Х. Шониёзов, Х. Аминов, О. Косимходжаев, П. Нурманов, В. Набиев, Э. Корабоев, Ф. Йулдашев, А. Узаков[4].

Узбекские воины проявили самоотверженность в боях за освобождение от фашизма Польши, Румынии, Болгарии, Чехословакии, а также при взятии Берлина. Только в освобождении Будапешта были награждены 2430 наших соотечественника[5]. Узбекские ратники участвовали в партизанском движении, в рядах Движения Сопротивления в странах Западной Европы и не запятнали имя узбека.

В общем, эта война стала для узбекского народа очень большим политическим, идеологическим испытанием. Узбекский народ с честью выдержал это испытание. Наш народ в тяжёлые годы войны мужественно пережил все испытания, выпавшие на его долю, в тылу и на фронте. Каждая узбекская семья, каждый сын этого народа ещё больше укрепил в себе веру в будущее своего народа.

В тяжёлую военную годину Узбекистан показал пример во вводе в строй эвакуированных заводов и фабрик, обеспечении их сырьём, приёме и воспитании в

---

[1] Узбекистан в годы Великой Отечественной войны. – Т., 1966. С. 23.

[2] Ўзбекистоннинг янги тарихи. – Т., 2000, кн. 2. С. 470.

[3] Там же. С. 471.

[4] Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. – Т., 1965. С. 193.

[5] Ўзбекистоннинг янги тарихи. – Т., 2000, кн. 2. С. 477.

своих семьях детей-сирот, лишившихся родителей во время войны. Наши женщины, мужья которых ушли на фронт, не допустили превращения в развалины опустевшие города и кишлаки. Все эти качества были присущи великодушному, гостеприимному, чадолюбивому, трудолюбивому узбекскому народу, которому досталось это этнокультурное наследие предков, сформировавшееся на протяжении многих веков.

Ещё раз с уверенностью можно сказать, что накануне 40-х годов XX века термин «узбек» приобретает не только этнические содержание и смысл, происходившие и происходящие в жизни узбекского народа коренные социально-экономические, этнокультурные изменения, вопреки душевной боли и страданиям от репрессий, воодушевляли узбекский народ к движению вперед. К сожалению, эти изменения происходили в русле господства идей одной власти, развиваясь в пределах его идеологической направленности. В связи с образованием Узбекской ССР основная часть коренного народа стала называться узбеками, и это название в годы советской власти впиталось в качестве этнической единицы в психологию развивающегося ускоренными темпами узбекского народа. Суть социально-экономических, этнокультурных изменений, происходивших в 1950-м и в последующие годы, заключалась в том, что все они развивались в русле этих процессов.

Объективный подход к оценке исторических реалий – священный долг каждого учёного. Несмотря на репрессии, незаконно осуждённые жертвы, советская власть не оставила без внимания систему среднего и высшего образования. В частности, для повышения грамотности широких масс трудящихся Узбекистана, их активности в общественно-экономической, политической и культурной жизни с первых лет существования советской власти было уделено большое внимание учебно-воспитательной работе. В результате в сфере среднего и высшего образования Узбекистана произошло невиданное доселе развитие. В каждом кишлаке и городе, областях и районах республики были открыты начальные, неполные средние и средние школы, где ученики обучались на своём родном узбекском языке.

В 1960-х годах в республике по разным отраслям специальности действовало более 60-ти высших учебных заведений. Образованная в годы войны научная общественность Академии наук Республики Узбекистан направила свои усилия на развитие в республике фундаментальных отраслей науки, разведке запасов подземных богатств, повышению плодородности почвы, а также на создание новых сортов хлопчатника и зерновых культур, повышение культуры орошаемого земледелия, на основе изучения узбекского языка и литературы, истории и археологии приступила к исследованию многовековой истории и культуры узбекского народа.

Развитие отраслей науки было непосредственно связано с подготовкой высококвалифицированных кадров. В республике понимали необходимость решения этой проблемы, и руководство Узбекистана обратило на неё особое внимание. Сегодня узбекский народ по праву гордится известными на весь мир такими

учёными-академиками, как Хабиб Абдуллаев, Яхъё Гулямов, Иброхим Муминов, Мухаммад Уразбоев, Хадича Сулаймонова, Обид Содиков, Собир Юнусов, Хамдам Усмонов, Хосил Фозилов, Иброхим Хамрабоев, Ёлкин Туракулов, Юнус Раджаби, Мирза-Вали Мухаммаджонов, Восил Кобулов, Айбек, Гафур Гулям, Иззат Султанов, Убайдулла Каримов, Азизхон Каюмов (эти имена можно перечислять бесконечно). Тысячи учеников и последователей этих учёных в наши дни работают во славу узбекского народа.

Проявляя заботу о здоровье народа, медицинское обслуживание населения Узбекистана, как и образование, было бесплатным. Особо подчёркивалось, что эти, проводимые с широким размахом работы, направлены на благо народа. Бесплатное образование и медицинское обслуживание в представлении народных масс стало обычным явлением.

Однако связанное с «монокультурой хлопка» анемичное состояние женщин и жителей кишлаков, отравление ядохимикатами, которые использовались для обработки хлопчатника, представляло очень большую опасность для наследственности узбекского народа. Ответственные работники республики не до конца понимали последствия этой угрозы. Эта была трагедия узбекского народа. Советской власти были нужны миллионы и миллионы тонн хлопка «колониального» Узбекистана. С целью расширения хлопковых площадей были освоены Голодная степь (Мирзачуль), Шерабадские, Каршинские степи и земли Центральной Ферганы. Полукочевые, полуоседлые тюркоязычные скотоводы, проживавшие в предгорных районах Узбекистана в качестве этнографических групп, были переселены в степные зоны. Эта политика ускорила процесс перехода к оседлому образу жизни этнографических групп горных районов, которая, в конечном итоге, привела к их поглощению в состав узбекского народа.

С образованием Узбекской ССР и проведённой в стране политикой индустриализации, коллективизации, а также коренными культурными преобразованиями был положен конец раздробленности узбекских земель, то есть ее разделению на Туркестанское генерал-губернаторство, Бухарский эмират и Хивинское ханство. Были ликвидированы остатки родоплеменных отношений, сложившихся в результате проживания узбеков в ханствах и разделившихся на отдельные рода и племена. Территории бывшего Бухарского эмирата и Хивинского ханства в культурном и экономическом отношениях приблизились к Ферганской, Ташкентской и Самаркандской областям. Переселив полукочевых, полуоседлых узбеков в Сырдарьинскую, Каршинскую, Шерабадскую степи и превратив их в колхозников и работников совхозов, местные власти добились достижения ими в социальном, политическом и культурном отношениях уровня передовых областей и районов Узбекистана. В итоге было устранено территориальное разграничение между населением оазисов и горных районов, и единая узбекская народность объединилась в единую нацию. На новых местах для них были построены не только дома, но и школы. Начиная с 1950-х годов на основе специальных квот молодёжь стала привлекаться в высшие учебные заведения.

Процесс объединения узбеков в нацию имел большое значение для устранения диалектов, которые препятствовали развитию узбекского языка и его полноценного отражения в литературе. Как известно, национальный язык служит средством сближения друг с другом людей в пределах одной нации. В решении этой задачи основную роль играет письменность. Поэтому одним из требований к национальному языку является применение в литературе, прессе, радиоканалах понятного для всех единообразного языка. В те времена диалекты городов Андижана, Коканда, Ташкента, Ферганы получают широкое распространение среди узбеков в качестве диалектов культурных центров. Язык жителей этих городов стал для всех узбеков языком газет и журналов, книг и радиоканалов, учебников для школ и высших учебных заведений, средством повседневного общения узбеков. Но принятая в 1926 году новая узбекская орфография не могла отразить все особенности разговорного узбекского языка. В связи с этим действующий письменный узбекский язык удалился от развивающегося разговорного общеузбекского языка. Для научного разрешения этой проблемы были приняты соответствующие практические меры.

Согласно правилам языкознания закрепление литературного языка происходит не только вследствие появления письменной литературы, но и в связи с полным отражением в литературе разговорного общеузбекского языка. Отличие национального языка от родоплеменного заключается в том, что в нём преобладают общенациональные элементы, которые обеспечивают его превосходство над различными говорами и диалектами. Общенародный язык постепенно вытесняет местные говоры и диалекты. В связи с усилением повседневных экономических, политических и культурных отношений потребовалось применение во всех районах одинаковых стандартов и норм. Отражение этих общеязыковых стандартов и норм в письменности является залогом укрепления языка в литературе. Эти работы вовремя выполнялись творческим коллективом теоретиков и практических работников в области языкознания и художественной литературы.

Ещё одним фактором, свидетельствующим о достижении узбекским языком уровня национального языка, была подготовка целого ряда научно-терминологических словарей по разным отраслям и их распространение среди народа. Широкое использование этих словарей в литературе на узбекском языке свидетельствовало о полном формировании современного узбекского языка в виде общенационального языка.

Наконец, с формированием узбекского народа складывался его национальный характер, присущий узбекам менталитет. Самым важным является то, что в процессе формировании узбекского народа среди узбеков республики усиливается чувство национального самосознания и слово «узбек» признаётся всеми в качестве общенационального этнического названия. Например, в материалах переписи населения 1926 года 32784 человека, живущих в Ферганской долине и Ташкентском оазисе, назвались «кипчаками», 50 078 человек – «курама», 21565 человек – «тюрками». В переписи 1939 года все они называют себя узбеками.

Если в прошлом проживавшие в Кашкадарьинской, Сурхандарьинской долине, Хорезмском оазисе представители племен кунгратов, кенагасов, джалайиров, мангытов, минг, называя себя узбеками, противопоставляли себя оседлым тюркоязычным сартам, то теперь все они, смешавшись с оседлыми тюркоязычным населением, стали неотъемлемой составной частью коренного узбекского народа. В то же время оседлое тюркоязычное население Мавераннахра и окружающих областей, называвшее раньше себя сартами и тюрками, принимает название «узбек» в качестве национального этнического названия. Преодоление чувства принадлежности к отдельной родоплеменной этнической группе, городской жизни и выдвижение национальной этнической общности «узбек» на первый план явилось проявлением роста национального сознания и формирования национального характера. Всё вышеперечисленное свидетельствовало о превращении понятия «узбек» в этническую основу нации и общенациональный этноним. Однако главному экономическому фактору общества – собственности, составляющей основу промышленности и сельской жизни, был придан общественный характер, а развитие экономики страны направилось по пути государственного монополистического капитализма.

Примерно со второй половины 1980-х годов, в связи с отсутствием в экономике материальной заинтересованности, у предприимчивой, инициативной и деловой части населения не было возможности достигнуть определённых высот. Страна стала жить за счёт естественных природных богатств, явно намечался экономический кризис в производстве. Равнодушие политических вождей Центра, знакомых с европейским образом жизни, лицемерие их окружения, которые для удовлетворения личных потребностей постепенно удалялись от забот Родины и народа, привели к политическому и экономическому кризису «социалистического» общества. В водоворот этих негативных обстоятельств был втянут и «социалистический» Узбекистан. По приказу Центра инициируется «хлопковое дело», «узбекское дело», по которому вся вина возлагалась на трудящихся узбекского народа. Такая политика Центра погасила веру людей в советское государство и его руководящую силу – коммунистическую партию. В результате социально-экономический, политический и духовный кризис, разразившийся в могущественной «красной империи», приводит к его распаду.

После небольшого отступления, возвращаясь к некоторым теоретическим и научно-методологическим вопросам, связанным с непосредственной темой, следует отметить, что в период советской власти интерес к этногенезу и этнической истории народов был весьма высок, но вместе с тем существовали некоторые неточности в теоретических и научно-методологических вопросах этнологии. В особенности, отсутствовал серьёзный подход к изучению подлинного значения этнических терминов, связанных с этногенезом народов Средней Азии, к примеру, незаметных на первый взгляд различий между такими понятиями, как народ и нация. Известный этнограф, академик К. Шониёзов в своих произведениях, посвящённых этногенезу и этнической истории, даёт подробное определение и рас-

крывает суть таких научных терминов, как этнос, этническая общность, племя, племенной союз, народность, народ, этнографическая группа (субэтнос) и этнические группы[1]. Но в его работах отсутствует определение нации, не раскрыты требования, предъявляемые к ее формированию. По мнению К. Шониёзова, «в науке ещё не до конца разработаны понятия народности и нации»[2]. Требования, предъявляемые к описанию нации и народности, на первый взгляд, очень схожи друг с другом. Но, на наш взгляд, по значению и сущности они отличаются друг от друга. Во-первых, народ является социальным продуктом феодального общества, а нация – капиталистического общества. Во-вторых, исторически сложилось, что один из этнических факторов, который объединяет народ, – границы территориальной единицы – является изменчивым. Но государственные границы нации нерушимы, абсолютно неприкосновенны, признаны мировой общественностью и находятся под защитой. В-третьих, при формировании народности не всегда существует его этническое название, потому что, как правило, история всякого народа древнее его названия. Например, несмотря на то что французы являются одним из самых древних народов Западной Европы, своё название они получили в результате распада империи Каролингов (IX век) и образования в X веке Западно-Франкского королевства. Украинский народ также проживает на своей родной земле с древнейших времен, но название «украинец» впервые встречается в русских летописях, начиная с XII–XIII веков. Также история узбекского народа намного древнее его названия. Предки узбеков, образовавших к настоящему времени узбекский этнос, уже в XI–XII веках окончательно сформировались в качестве народа. А его этническое название появилось на этой земле в начале XVI века. Поэтому когда народ достигает в своём развитии уровня нации, он должен иметь своё название. В-четвёртых, политическое объединение народа – государство, по воле истории, не всегда совпадает с названием этноса. Но когда народ превращается в нацию, название его государства должно называться именем этой нации. В-пятых, этнос, достигший в своём развитии уровня народности, в соответствии с установившимися в том обществе порядками, не всегда обладает развитым чувством самосознания, национальной гордости, патриотизма, гордостью за свою родину и свой народ. Но когда народ достигает уровня нации, эти качества должны находиться на достаточно высоком уровне. В-шестых, когда народность достигает уровня народа и имеет единый язык этноса, не всегда обладает статусом государственности, а когда народ поднимается до уровня нации, он (язык) должен носить название этого народа. В Узбекистане это историческое событие произошло 21 октября 1989 года. В-седьмых, менталитет этноса формируется на уровне не народности, а нации. И, наконец, в-восьмых, с окончательным формированием нации государство проявляет себя в качестве мощного органа, определяющего основные направления внутренней и внешней политики общества, как сознательный управленческий механизм перехода от

---

[1] *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001. С. 74–102.
[2] Там же. С. 77.

сильного государства к справедливому обществу, претворяющего в жизнь требования и желания нации.

Значит, формирование нации, как и этногенетического процесса, – длительный исторический процесс. Нация является наивысшей ступенью этнической истории, уровнем совершенства, потому что, во-первых, государство народа, достигшего этого уровня, именуется названием этой нации; во-вторых, нерушимость, неприкосновенность государственных границ нации признается мировой общественностью; в-третьих, общенациональному языку, используемому в пределах определённых территориальных границ, придаётся статус государственного языка; в-четвёртых, степень самосознания населения превращается в смысл жизни, в образ жизни граждан; в-пятых, формируется присущий для нации менталитет; в-шестых, государство проявляет себя в качестве мощного органа, определяющего основные направления внутренней и внешней политики общества, как сознательный управленческий механизм перехода от сильного государства к справедливому обществу, претворяющему в жизнь требования и желания нации.

Экономическая база является фактором, объединяющим народ в языковом, территориальном и этнокультурном отношениях. На основе хозяйственно-экономического единства народа формируется язык, территория, а также этнокультурная общность. Экономическое и политическое объединение народа на основе сближения устного народного говора (диалектов) в единый национальный язык способствует появлению письменного литературного языка. Диалекты вытесняются со стороны национального литературного языка. Язык Алишера Навои и Захириддина Мухаммада Бабура относился к староузбекскому литературному языку, на котором творили Махмур, Машраб, Увайси, Турды, Нодира, Агахи, Аваз Утар-углы, Хувайдо и другие. Этот язык ещё более совершенствуется во времена Комила Хорезми, Муниса, Феруза, Мукими, Фурката, Завки и в джадидский период достигает своего наивысшего развития, то есть язык народа поднимается до уровня национального языка. На современном узбекском литературном языке, сложившемся на основе национального языка, писали такие корифеи литературного творчества, как Абдулла Кадыри, Айбек, Гафур Гулям, Хамид Алимджан, Зульфия. Придание статуса государственного языка современному узбекскому литературному языку был первым уверенным шагом на пути к независимости. В истории узбекской нации этот шаг был сделан в тот период, когда борьба за гласность и демократию становилась частью её повседневной жизни. Краеугольные камни политических и идеологических принципов независимости в истории узбекской нации были заложены 31 августа 1991 года. Независимое государство Узбекистан появилось на карте мира как главный фактор окончательного формирования узбекской нации.

Краткое заключение. Таким образом, термин «узбек» появился первоначально в XIII веке в качестве имен личностей, в конце XIII – первой половине XIV века в качестве названия политического объединения кочевых тюр-

ко-монгольских племен и народностей Дашти-Кипчака, отважных молодых гвардейцев беков-аристократов; вольных, свободных и независимых военизированных групп всадников. В XIV–XV веках он дает название целому народу Дашти-Кипчака, который стал называться узбеками. Земли, находившиеся в их подчинении, в исторических источниках называются «родина узбеков», «страна узбеков». В начале XVI века 92 племени кочевников Дашти-Кипчака под предводительством Шейбанихана вторгаются в Мавераннахр и его окрестные территории (смотрите таблицу отражения узбекских племен в источниках). Начиная с этого времени в Средней Азии появляется название «узбек». В течение XVI–XVII веков в Мавераннахре и его окрестностях они образуют своё государство Шейбанидов, смешиваясь с местным, коренным, оседлым населением. Однако феодальные отношения того периода, усиление межплеменной борьбы за верховную власть привели к постепенному расколу государства Шейбанидов. Узбеки-шейбаниды, пришедшие на эти земли под названием «узбек», в XVIII веке распадаются на три ханства (Бухарское, Хивинское, Кокандское), расположившихся на территории современного Узбекистана и соседних стран. Несмотря на то что все эти три ханства возглавлялись представителями племенных династий, в качестве государств новой узбекской народности на географических картах мира ими был сделан первый шаг к превращению в Средней Азии (историческом Туркестане) названия «узбек» в название народности, общенародное название (см. цветную иллюстрацию 16).

После осуществления национально-государственного размежевания в 1924 году название «узбек» было дано народу новообразованной Узбекской ССР, стало названием узбекской нации. Для обретения полного этнического значения непрерывную, постоянную работу проводили КП Узбекистана и правительство Узбекистана, находившиеся под их ведомством научные и творческие коллективы, местная власть и учреждения. Таким образом, в составе бывшего СССР на исторической арене появилась Республика Узбекистан, а его граждане стали называться узбекским народом, узбекской нацией.

Глава XIX
УЗБЕКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

У каждого народа есть особый, присущий только ему менталитет. Его формирование является длительным социально-психологическим процессом и представляет собой исторически сложившийся уровень мышления, духовные способности, представление о человеческих ценностях, умение анализировать законы жизни, сформировавшиеся в определённых социальных условиях умственные способности, психологический облик и энергию общества, нации, общины или отдельно взятого человека.

Менталитет формируется в течение социальной, экономической, политической и этнокультурной жизни народа, достигшего уровня нации, в качестве совокупности социально-психологического состояния его позитивных и негативных свойств и характера, в пределах своеобразных исторических, этнокультурных и естественно-климатических условий. Национальное своеобразие формируется на основе социально-экономических и политических процессов, взаимных этнокультурных отношений за длительный исторический период.

Первый Президент Узбекистана И.А. Каримов, размышляя о перспективах независимости и путях его развития, говорил, что узбекский народ глубоко осознал свою подлинную историю, сделал своим достоянием бесценное наследие, оставленное нашими великими предками, научился соизмерять свои перспективы с мерками нашей великой истории, четко и широкомасштабно видеть свое будущее; узбекская нация, на протяжении веков терпевшая гнет, остававшаяся разрозненной и хрупкой, начала формироваться как единая и монолитная, по-настоящему обрела чувства национальной гордости и самосознания, присущие великому и свободному народу[1]. Первый Президент страны совершенно прав, потому что своеобразный национальный менталитет узбекского народа сформировался не на пустом месте. Наши национальные традиции и обычаи сложились на протяжении тысячелетий, претерпев серьёзные жизненные испытания[2]. По этой причине узбекский национальный менталитет отличается многогранностью и нерушимостью.

---

[1] *Каримов И.А.* По пути созидания. Том. 4. – Т.: Узбекистан, 1996.

[2] *Халимбетов Ю.М.* Миллий менталитетимиз – истиқболимиз таянчи. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий назарий семинар материаллари. – Т., 2004. С. 57.

Исторический путь, пройденный узбекской нацией, географические условия проживания – обилие солнечных дней, плодородной почвы, полноводных рек, плодородные сады, благородные качества трудолюбивого народа – возвели до совершенства интеллектуальные способности и психологическую энергию этого народа.

Отношение нашего народа к жизни, обществу, природным условиям на протяжении тысячелетий одарили его созидательностью, милосердием, рассудительностью и спокойствием. Даже в самых обострённых и решительных моментах он отличался рассудительным и деликатным отношением к собеседнику, почтительным отношением к старшим, уважительным – к младшим, учтивостью, что оказало влияние на формирование и совершенствование его менталитета.

На протяжении длительного исторического процесса менталитет узбекской нации прошёл 5 крупных идеологических принадлежностей, которые оставили неизгладимый след на характере нации.

Первая идеологическая принадлежность, сыгравшая важную роль в формировании национального менталитета узбекского народа, связана с религиозными взглядами зороастризма. Нравственная философия этой религии заключалась в убеждении, что свершение добрых дел, благодеяние является пределом совершенства человеческих качеств. В философии зороастризма проповедуется, что зло направлено на разложение общества и разрушение человеческих отношений. Эти религиозные взгляды получили широкое распространение, в первую очередь, среди оседлого населения, которое занималось орошаемым земледелием. В зороастрийской философии священными считались четыре элемента природы: солнце (огонь), земля (плодородная почва), вода – как кровеносная система человека, дарующая жизнь обществу; воздух – придающий душевную и физическую бодрость как бесценный родник человеческого здоровья.

В философии зороастризма говорится, что добро всегда выходит победителем в борьбе со злом в любом его проявлении, и люди будут жить в благоденствии. В зороастрийской религии священными считались необходимые для человека, для его будущего элементы природы, она призывала к бережному отношению к этим четырём благам, дарованным природой, дорожить, не загрязнять их, и основным содержанием жизни человека должны быть добрая мысль, доброе слово и доброе дело.

Второй идеологической принадлежностью, сыгравшей важную роль в формировании национального менталитета узбекского народа, стали религиозные воззрения буддистов, которые призывали людей к терпению, к сохранению экономических и культурных связей с другими народами. Как известно из истории, в древности наши предки никогда не жили замкнуто, обособленно и всегда поддерживали экономические и культурные отношения с другими странами. Ещё в античные времена наши предки – воинственные юечжи – на южных границах нашей страны заложили основы Кушанской империи. В период правления великого Канишки были проведены реформы, ставшие первыми уверенными шагами, характерными для национальной независимости: Канишка стал чеканить

монеты, отличные от монет Греко-Бактрийского государства, на которых теперь изображались не греческие правители и боги, а правители Кушан и небесные кони; запретил использование греческого языка и письменности и придал местному бактрийскому языку и письменности статус государственных. Не нарушая принципов толерантности, в 100 году Канишка проводит религиозный съезд, на котором на территории империи буддизму придаётся статус государственной религии и по всей стране начинается строительство величественных буддийских храмов и монастырей. Например, к их числу можно отнести монастыри Сурх-Катал, Хадда в Афганистане, буддийский монастырь Рабатак в Южном Таджикистане, Зурмала и Фаязтепа в Южном Узбекистане и сотни других буддийских архитектурных комплексов.

Такие присущие буддизму качества, как умиротворённость, необходимость каждым человеком совершать добрые дела в течение всей своей жизни, должны были стать смыслом всей его жизни. В отличие от других религий, учение буддизма гласит, что в мире всё изменчиво, жизнь находится в постоянном развитии, меняется. Она состоит из вереницы мгновений и каждое из них, исчезая, уступает место другому. Согласно учению Будды, человек обречён на вечные страдания, и виновником тому является он сам, потому что он совершает бесполезные попытки сохранить свою жизнь и благополучие. Для освобождения от страданий человек ищет развлечений, хотя он должен сдерживать себя от постоянного употребления опьяняющих напитков, лжи, воровства, алчности, мошенничества, блуда.

Буддийское учение получило распространение в Средней Азии, в частности, на южных границах нашей Родины, в начале нашей эры и стало одним из верований наших предков в доисламский период. Буддийские монастыри Айртам, Каратепа, Зурмала, Дальварзинтепа, Фаязтепа, Куёвкурган и другие, обнаруженные и изученные в Сурхандарьинской области, а также монастырь Будды в городе Кува Ферганской долины свидетельствуют о распространении буддизма среди наших предков. Религиозные и архитектурные формы этих памятников относятся к направлению искусства Ганхара в буддизме.

Чрезвычайно важную роль в духовном и идеологическом становлении национального менталитета узбекского народа сыграла принадлежность к мусульманскому духовному миру, связанному с исламской религией и этикой. Занявшие достойное место в верованиях народа самые лучшие качества человека, которые проповедовались в зороастризме и буддизме, а также направленные на совершенствование человека нормы нравственности и морали: добрая мысль, доброе слово и доброе дело получили дальнейшее развитие и в духовных представлениях ислама в качестве основы учения о воспитании и образовании. Подчёркивалось, что благосостояние человека может быть достигнуто при условии гармоничного слияния с обществом, построенным на исламской морали, с научным прогрессом. «В современной культуре существует ошибочное мнение, что набожность несо-

вместима с прогрессом... в действительности, религия – это мораль, построенная на благочестии. Основа нашей религии – разум, а его оружие – наука»[1]. В действительности, суть ислама заключается в определении духовных и нравственных путей развития человека и общества. Эта религия учит, что добросовестность и чистота помыслов, великодушие и благородство, честность и правдивость должны составлять суть и значение религиозных верований человека. Принадлежность к этим трём идеологическим воззрениям, последовательно оказавшим влияние на верования нашего народа, явились основным фактором в формировании достойных подражания качеств, общечеловеческих ценностей и этнопсихологических сторон национального менталитета узбекского народа.

Мы вправе гордиться этими сторонами нашего национального менталитета. К сожалению, на национальный менталитет узбеков, на его неповторимые качества оказало негативное воздействие атеистическое убеждение периода господства коммунистической идеологии. Эта идеология была направлена на уничтожение основ трёх религий, занявших место в национальном менталитете нашего народа. Она характеризуется вторжением в духовно-нравственный мир нашего народа таких «новшеств», как неуважительное отношение к старшим, оценкой присущих нации обычаев и традиций как пережитков прошлого, безнравственностью, равнодушием, безынициативностью и развращённостью.

Образование узбекского национального менталитета связано с своеобразными процессами формирования узбекского народа. Как известно, узбекский народ в основном образован из двух крупных этнических корней. Оба этих корня на этой территории имеют автохтонную основу. Первый из них связан с нашими коренными, оседлыми предками, которые проживали на этой земле с древних времён, а второй – с саками-скотоводами, также жившими на этой территории издревле и скотоводческими прототюркскими племенами и народностями, в разное время пришедшими с северо-восточных окрестностей нашей Родины. В результате их смешения вначале образовался узбекский народ, затем – узбекская нация.

На формирование узбекского национального менталитета оказали влияние различного рода факторы, первым из которых является этническая многослойность узбекского народа, которая имеет различные истоки. Этот фактор предопределил общие черты национального менталитета для всех общественных слоёв, развитие качества, направленного на защиту общественных интересов[2]. Великодушие, щедрость, гостеприимство, готовность к взаимодействию, оказанию помощи в тяжёлые времена бедным и нуждающимся, присущие характеру нашего народа, зародились и развивались исходя из потребностей сохранения солидарности общины, единства языка, души и мнений.

---

[1] *Алихонтўра Соғуний*. Туркистон қайғуси. – Т., 2003. С. 97.

[2] *Аширов А*. Ўзбек миллий менталитети ҳақида баъзи мулоҳазалар. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих». – Т., 2004. С. 54.

По мнению учёного-этнолога Адхамджона Аширова, ко второй группе можно отнести влияние социально-экономических, территориально-географических и климатических факторов.

Расположение нашей страны на географическом пространстве с резко континентальным климатом, состоящем из равнин и степей, смена знойного лета суровой зимой, стремительное наступление и уход весны и осени привели к образованию в характере нашего народа таких качеств, как конкретность и лаконичность, простота и милосердие, строгость и дисциплинированность[1].

Вне зависимости от многовекового господства ислама в безграничном уважительном, почтительном отношении узбеков, как проживающего на этой территории автохтонного народа, к природе, земле, воде, воздуху и огню и связанных с ними различных традициях и обычаях, обрядах традиционного орошаемого земледелия и ремесленничества явно бросаются в глаза бесчисленные элементы зороастризма, которые сохранились в образе жизни, обычаях узбекского народа. Развивающиеся в наши дни по особому пути традиции в архитектуре, богатое фольклорное и письменное наследие, интерес к литературе и искусству, сохранившиеся в легендах и преданиях представления о борьбе добра со злом, о смерти и вечности, такие народные праздники и гуляния, как Навруз, Мехрджон, Праздник цветов, Праздник урожая, а также горестные мгновения в жизни человека – погребальные обряды, всё это является свидетельством преемственности обычаев и традиций.

Ещё одно благородное качество, присущее узбекскому национальному менталитету, связано с его тюркскими корнями. Характерные для тюрков воинственность, мужество, стойкость и честь нашли своё яркое отражение в таких чертах характера нашего народа, как великодушие, щедрость и готовность всегда прийти на помощь. Эти качества наблюдаются в пристрастии нашего народа к свадьбам и торжествам, хлебосольстве, совместном проведении погребальных обрядов, во всех обычаях от рождения ребёнка до проводов человека в иной мир, в которых принимают активное участие соседи, знакомые и незнакомые люди – вся махалля.

В нашем национальном менталитете характерные для тюрков качества нашли отражение в присущих духовной культуре узбеков национальных играх – чиллак (чижик), чавган (футбольная игра на коне), купкари (конно-спортивное состязание), кураш (борьба), обычаях – «кулок тишлаш» (помолвка с колыбели), «бешикка белаш» (празднество по случаю того, что младенца впервые укладывают в колыбель), любви к лошадям, обязательном выражении соболезнования по случаю смерти, добровольно-принудительном участии в траурных мероприятиях. Следует отметить, что узбекский национальный менталитет и вообще все национальные менталитеты других народов не могут формироваться без влияния соседних народов, отдельно от них.

---

[1] *Аширов А.* Ўзбек миллий менталитети ҳақида баъзи мулоҳазалар. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих». – Т., 2004. С. 54.

Ещё одним важным качеством узбекского национального менталитета является то, что жизнь общества, образ жизни людей во многих случаях управляется посредством традиций и обычаев. Например, в тех узбекских семьях, где строго придерживаются обычаев и традиций, при женитьбе сына, выборе невесты, выдаче замуж дочери, выборе жениха от родителей и родственников требуется особое внимание. В первую очередь учитывается здоровье будущих жениха и невесты, отсутствие у них физических недостатков, социальное происхождение, общественное положение, авторитет и репутация сватов в обществе. Поэтому недаром у нашего народа существует поговорка «тенг тенги билан, тезак қопи билан» (буквально: «ровня с ровней, а кизяк со своим мешком»; примерно соответствует: «каждый сверчок знай свой шесток»). Если одним из критериев является ум, благовоспитанность, красота жениха и невесты и любовь молодых, то вторым, в большинстве случаях, решающим фактором является авторитет и положение родителей, родственников этого рода в обществе и мнение по этому поводу общественности. Желание родителей найти для своих детей достойную пару, не совершить ошибку в этом отношении опирается на коллективное мнение и расположение общественности[1]. Поэтому мнение общественности в определении образа жизни, судьбы личности имеет неоценимое значение. Недаром в лексиконе народов Востока существует высказывание, что «западные законы управляются восточными обычаями». Действительно, на Востоке, в том числе и в образе жизни узбеков, многие обычаи имеют силу закона. Например, все мероприятия в кругу семьи, среди широкой общественности проводились при участии махалли, многие традиции в отношениях между соседями, семейных церемониях исполняются на уровне законов.

На Западе личность относится к обществу как к средству самовыражения, реализации талантов и возможностей, достижения определённых целей. Общественность абсолютно не вмешивается во внутренний мир, духовную и личную жизнь человека[2]. А на Востоке основное внимание уделяется общественности. На Востоке, в том числе и в узбекском национальном менталитете, личность находится под общественным контролем общины, постоянное участие личности в жизни общины рассматривается в качестве подтверждения деятельности человека в пределах всеобщих нравственных критериев. Выполнение тех или иных действий без ведома общины расценивается в качестве социального отчуждения человека.

Президент И.А. Каримов даёт такую оценку этому качеству, характерному для узбекского менталитета: «...Здесь, в Средней Азии, мы всю жизнь исторически жили общинами. В некоторых же странах Запада сильно развит индивидуализм. Он для нашей республики неприемлем. Скажем, махалля. У нас в Узбекистане институт махалли очень сильный... И когда я говорю о специфике, то имею в виду, что

[1] *Аширов А.* Ўзбек миллий менталитети ҳақида баъзи мулоҳазалар. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих». – Т., 2004. С. 55.

[2] *Бекмуродов М.* Ўзбек менталитети: кеча ва бугун. // «Тафаккур», № 2. С. 16

если в американской демократии индивидуализм преобладает, то у нас привыкли жить несколько другими нормами, то есть интересами общества»[1]. Действительно, узбекский народ склонен и стремится к объединению на основе интересов общины, с учётом мнения общественности, верности традициям и обычаям, потому что традиции, по сути, являются устоявшимся выражением мнения общественности[2].

Обычаи и традиции воплощают в себе лучшие качества нации, которые объединяют народ. Это бесспорно. Но если национальные свойства не будут органично связаны с экономикой и производством, у этого народа нет будущего, народ, как нация, может быть обречён. В таких нациях никогда не родятся такие люди, как Беруни, Ахмад Фергани, Мухаммад Хорезми, Амир Темур и Улугбек, Навои и Бабур, Машраб и Нодира, Махмудходжа Бехбуди и Абдулла Кадыри, Хабиб Абдуллаев и Яхъя Гулямов, Зульфия и Шараф Рашидов. Прочность «семейной экономики» вплотную зависит от прочности экономики нации. Экономика в семье начинается с рождением ребёнка. С рождением сына или дочери укрепляются отношения между родителями, семейные узы, то есть рождается новая крепкая семья. Узбекские семьи бывают многодетными, поэтому в народе неспроста говорят: «Болали уй – бозор, боласиз уй – мозор» (дом с детьми – базар, дом без детей – кладбище). С рождением в семье сына в саду увеличивается количество плодовых деревьев и тополей, закладывается фундамент для строительства нового дома, в загонах откармливаются гиссарские овцы и бычки. И всё потому, что вскоре надо готовиться к будущим празднествам и свадьбам[3]. В узбекских семьях очень много праздников и свадеб. Рождается дочь – сундук начинают заполнять приданым, так как родители мечтают, что у них дома тоже прозвучат мелодии свадебной песни «Ёр-ёр улан». Под воздействием узбекского национального менталитета такие традиции приводят в движение каждую узбекскую семью. Если быть точным: во-первых, народ, обладающий такими качествами и думающий о будущем, никогда не исчезнет; во-вторых, трудолюбивый народ всегда стремился вырастить своего ребёнка образованным, обеспечить его жильём, научить выполнять любую работу честно, без обмана[4]. Если у семьи отсутствуют перспективные экономические планы, в период современной рыночной политики многие, присущие нашему национальному менталитету мечты и надежды могут попросту погаснуть или разгорятся чуждые национальному менталитету, позорящие нацию пороки.

---

[1] *Каримов И.А.* По пути созидания. – Т., 1996, т. 4. С. 236.

[2] *Аширов А.* Ўзбек миллий менталитети ҳақида баъзи мулоҳазалар. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих». – Т., 2004. С. 55.

[3] *Халимбетов Ю.М.* Миллий менталитетимиз – истиқболимиз таянчи. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. – Т., 2004. С. 57.

[4] Там же.

К сожалению, за 150-летний колониальный период узбеки утеряли многие, присущие нации положительные стороны. В особенности в советское время был нанесён серьёзный урон таким характерным для народа качествам, как солидарность, воинственность, единство слова и дела. Среди народа вместо стремления к национальному единству усилилась тяга к групповщине, этноместничеству и территориальной обособленности. Появились такие чуждые для национального менталитета свойства, как бесхребетность, равнодушие, эгоизм. За длительный период идеологического воздействия советской власти были растоптаны и остались без внимания многие религиозные и национальные ценности. Священные обычаи и традиции нашего народа были очернены как ересь, «пережитки прошлого», дискриминированы и подвергнуты притеснению, не была дана объективная оценка историческим основам национальных обычаев.

С обретением независимости Узбекистаном в качестве основных приоритетных задач, которые были возведены на уровень государственной политики, стали разработка новых взглядов по отношению к негативным оценкам прошлого наследия, бесценному духовному и культурному богатству наших предков, обновлению фальсифицированной в советское время истории и проведение на этой основе общенациональной реформы в области духовности. Пятая идеологическая составляющая в истории формирования узбекского национального менталитета – идея национальной независимости направлена на очищение от укоренившейся в национальном менталитете, сознании людей коммунистической идеологии. В этом направлении решительная, твёрдая политика в нашей стране стала проводиться в период независимого Узбекистана.

К сожалению, процесс глобализации, протекающий практически во всех странах земного шара, ведёт к формированию у всех народов мира единого этикета, общих поведенческих критериев, единого менталитета[1]. Происходящее непосредственно в мировом масштабе серьёзное политическое, экономическое и идеологическое противостояние, непрерывная пропаганда мировыми средствами массовой информации западных норм морали оказывают сильное негативное воздействие на наш национальный менталитет. Благодаря глобализации, с одной стороны, Узбекистан в экономическом отношении становится составной частью мирового сообщества (это положительная сторона), с другой стороны, постепенно размываются многие, характерные для национального менталитета ценности и поучительные обычаи.

Вот уже прошло более 26 лет с тех пор, как узбекский народ обрёл свою национальную независимость. В результате осуществления многовековых надежд и чаяний, борьбы и стремлений зародились принципы национальной идеи, национальной идеологии. Главными факторами независимости и национальной идеи

---

[1] *Аширов А.* Ўзбек миллий менталитети ҳақида баъзи мулоҳазалар. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих». – Т., 2004. С. 56.

стали верность историческим традициям, гордость за великих предков, продолжение важных, необходимых направлений социального развития.

Одному из величайших представителей эпохи Возрождения Леонардо да Винчи принадлежат слова: «Нельзя сильно полюбить то, чего никогда не видел». За годы независимости мы стали свидетелями огромных, совершённых за исторически короткий период социальных, экономических, политических, культурных и духовных преобразований, которые невозможно не видеть, не чувствовать, быть равнодушным. Это чуждо для узбекского национального менталитета. Раз так, старшее поколение, живые свидетели вчерашнего дня, учителя и воспитатели должны научить любить, почитать и ценить независимость, о которой на протяжении веков мечтал наш народ.

Будущее нашей нации непосредственно связано с уверенностью нашей молодёжи в завтрашнем дне, его профессионализмом, знаниями и квалификацией. В нашей стране разработана «Национальная программа по подготовке кадров». Одной из намеченных в Программе задач было осуществление коренных реформ в системе образования, что привело к принятию Закона «Об образовании». В настоящее время оба этих, имеющих историческое значение государственных документа служат основой для воспитания молодёжи, владеющей общими, специальными знаниями, у которой сформировалось современное мировоззрение, национальные и общечеловеческие ценности.

В душе у современной молодёжи, ее сознании, мышлении следует пробудить национальную гордость, чувство Родины, беззаветную любовь к человеку, семье, махалле и Родине. Всё это составляет суть и значение узбекского национального менталитета.

Внедрение этих качеств в сознание молодого поколения современности является сложным в психологическом и педагогическом отношении, многогранным и длительным процессом, основу которого составляет главный фактор – экономика. Если органически связанное с экономикой массовое производство не поднимется до конкурентоспособного уровня, достичь намеченную цель будет весьма трудно. Внедрение в сознание молодёжи этого правила является самой важной задачей современности. Тактическое и стратегическое направление политики нашего государства и Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева направлено на разрешение этой задачи.

Каждое государство в мире вольно укреплять свои национальные интересы. Это, естественно, порождает здоровую, дружескую, взаимовыгодную конкурентную среду. Прогресс нации зависит от способности к творчеству, сплочённости народа. Высот прогресса достигает нация с твёрдыми убеждениями, сильным характером и понятиями о чести и совести. И в древние времена, и в наши дни справедливая политика, защищающая интересы большинства, содружество страны и ее практическое влияние было и будет главным фактором процветания человеческого общества. Формирование такой политики и внедре-

ние ее в жизнь в странах, где общество находится под управлением сильного государства, во многих отношениях зависит от государственных деятелей, правителей, руководителей правозащитных органов, их компетентности и способностей, связано с совестью, научными способностями и справедливостью представителей окружающих их наций[1]. Жизнь показала, что в воспитании совершенной личности огромную роль играет наследственность, воспитание в семье, влияние махалли. Ещё более важную роль в достижении совершенства молодого поколения нации играет его научная, политическая подготовка, постоянное самообразование.

С древних времен наш народ уделяет большое значение не только образованию, но и воспитанию. Есть такая великая народная мудрость: «Бир болага етти маҳалла ота-она» (буквально: «Одному ребёнку семь махаллей и мать, и отец»). Среди узбекского народа широко распространено ещё одно народное изречение: «Олим бўлма, одам бўл» (буквально: «Не будь учёным, будь человеком»). В этих пословицах и изречениях народа заключён глубокий философский смысл, то есть «учёным можешь ты не быть, но нравственно чистоплотным, воспитанным человеком ты быть обязан». Понятия нации и гуманизма наряду с такими человеческими качествами, как нравственность, чистота души, добросовестность, честность, правдивость включает в себя патриотизм и любовь к своему народу. У узбекского народа сформирован именно такой многообразный национальный менталитет и особая узбекская система. Эта система охватывает период с момента рождения ребёнка и достижения им совершеннолетия, когда он вступает во взрослую жизнь. В настоящее время основные звенья этой традиционной системы состоят из семьи, махалли, школы, среднеспециальной и высшей системы образования.

На самом начальном этапе роль матери неоценима. Недаром в народе говорят: «Қуш уясида кўрганини қилади» (буквально: «Птенец повторяет то, что он видел у себя в гнезде»). Если в семье придерживаются принципов честности, трудолюбия, милосердия, добра, воспитание ребёнка формируется на основе этих принципов. Для этого не должно существовать никаких преград между ребёнком и родителями. Для родителей нет большего счастья и радости, чем их ребёнок. Поэтому родители должны уделять внимание и время ребёнку, который на деле должен ощущать их любовь. Такое ответственное отношение является одним из основных факторов узбекского национального менталитета.

К сожалению, на примере наших соотечественников, занимавших руководящие должности в советское время, мы видим постепенную утерю этого бесценного богатства нашего менталитета во многих семьях. Воспитание ребёнка всецело и полностью было возложено на детский сад и школу.

---

[1] *Халимбетов Ю.М.* Миллий менталитетимиз ғ истиқболимиз таянчи. Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. – Т., 2004. С. 58.

Эта священная традиция, совместно с воспитательным воздействием махалли, даёт возможность насладиться преимуществами совместного проживания в обществе, что выгодно отличает нашу нацию от западного менталитета. Эти понятия проявляются в качестве отражения индивидуализма, который формирует сущность западного менталитета.

История и культурное наследие является основным богатством нации. Для народа, заново строящего национальное государство, весьма важно постигать историю на основе принципов объективности и беспристрастности. Передовые нации современности формировали свой национальный менталитет на основе критического анализа своей истории. В настоящее время сформированы основные факторы, грани присущего узбекам менталитета. Вместе с тем нельзя забывать, что менталитет связан с окончательным формированием нации. В настоящее время мы являемся свидетелями полного формирования узбекской нации. Но полное формирование нации не говорит о его окончательном формировании. Для этого перед нашим независимым государством стоит задача разрешения проблем экономического характера, которая связана с реализацией возможностей в сфере массового производства и выхода на мировой рынок с конкурентоспособной продукцией.

Эти проблемы, в условиях ускорения процессов всемирной глобализации, предусматривают исследование узбекского национального менталитета, определение степени его соответствия общечеловеческим ценностям и позволяют продемонстрировать в реальной жизни, на примере воспитания молодёжи, что наш народ обладает своеобразным, особенным менталитетом.

В узбекском языке есть такие понятия, как миллат (нация) и иллат (недостаток, изъян), которые на первый взгляд не имеют никакого отношения друг к другу. Но основу слова миллат (нация) составляют множество положительных качеств, а в слове иллат (недостаток, изъян) бросаются в глаза негативные стороны менталитета народа. Значит, если положительные качества составляют высокую духовность народа, то недостаток, изъян – его бездуховность.

Как известно, для пробуждения в сознании молодого поколения чувства национальной гордости, воспитания в духе преданности Родине важное значение приобретает изучение истории и богатого наследия наших великих предков. Мы, узбеки, гордимся, что являемся, как говорил великий Амир Темур, «главным звеном тюрков». У нас есть славная история, независимое государство Узбекистан, которое названо именем нашей нации.

У каждого человека Родина ассоциируется с местом его рождения, с землёй, на которой он живёт. На протяжении многих веков до нашей эры этот край 200 лет находился под властью иранских Ахеменидов, 180 лет – греков-македонян, после наступления нашей эры почти 200 лет здесь господствовал Арабский халифат, 150 лет – монголы и 130 лет правили царская Россия и государство Советов[1]. Неужели у

---

[1] *Зиёев Ҳ.* Буюк Амир Темур ва унинг тақдири. – Т., 2008. С. 5.

нашего народа не было достаточно мужества и патриотизма, чтобы противостоять захватчикам? Конечно, было! Наши предки были отважными воинами.

Однако наши предки вначале не смогли объединиться в качестве единого народа для борьбы против врага, потому что в те времена для этого не было необходимых условий. В решающие моменты сражений (например, в борьбе Спитамена против Александра) оседлые части предков, привязанные к клочку земли, не поддержали боевые отряды конных тюрков, напротив, оставив Спитамена, сдались македонскому полководцу Кену. Оказавшись в безвыходном положении, Спитамен отступает в степи, но его же конники предают своего вождя и, отрубив ему голову, вручают врагу[1]. В период нашествия арабов в стране отсутствовала централизованная власть, управление государством находилось в руках разрозненных местных правителей, которые из-за своей недальновидности не смогли объединиться в единый, могучий военный союз. А халифат, изгнав наших предков-зороастрийцев, установил своё политическое и духовное господство.

Несмотря на то что государство Хорезмшахов во всех отношениях было могущественной империей, из-за нерешительности Верховного командования, межплеменных распрей на военном совете, своеволия феодалов страна была подвергнута тяжелейшим испытаниям. Разделение Средней Азии в период позднего феодализма на три ханства и непрерывные грабительские, захватнические войны между ними были на руку царской России.

Мудрая народная пословица «бирлашган ўзар, бирлашмаган тўзар» (буквально: «кто объединяется, тот побеждает, кто не объединяется, тот разбегается»; «один в поле не воин») ещё раз доказала свою жизненность. В итоге наши предки на протяжении 850 лет вынуждены были жить под игом захватчиков. Всё это происходило из-за изъянов нашего менталитета, некоторых недостатков, присущих узбекскому характеру. Как неоднократно подчёркивал Первый Президент, эти события происходили по причине равнодушия. Чтобы скрыть свою вину, мы привыкли говорить, что «хлопоковое дело», «узбекское дело» специально устроено Центром. Это правильно, однако, вместе с этим мы не хотим признавать свою долю вины в сложившейся ситуации. Если бы мы были сплочены, решительны, не были бы сторонними наблюдателями, мужественно противостояли пыткам, угрозам, разные гдляны, ивановы из Центра не осмелились бы очернить целый народ.

Ещё раз вернёмся к захватническим действиям царской России. По данным известного историка Х. Зиёева, у Бухарского эмира была 40-тысячная армия, а у кокандского и хивинского ханов – по 30 тысяч у каждого. Тогда правителей этих государств подвела не духовная отсталость, а трусость, корыстные стремления.

«Лично сам испытываю отвращение от злодейства», – пишет Ислам Абдуганиевич Каримов в своём произведении «Высокая духовность – непобедимая

[1] *Арриан.* Поход Александра. Книга IV. С. 17. 5, 6, 7.

сила». – Я любое злодейство вижу в предательстве. Предательство страшнее всякого зла, страшен человек, у которого нет веры в добро и правду. Если руководящее кресло занимает человек, который по природе своей является предателем, будьте уверены, что там не будет спокойствия. Ссоры между двумя людьми, войны между двумя государствами начинаются именно из-за таких людей[1].

Благодаря независимости мировая общественность узнала о нашей нации, которой пришло время проявить свои возможности. Мы ведём свободную и мирную жизнь на священной земле, где захоронен прах наших великих предков. У нас очень много успехов, которых мы достигли за прошедший период и достигаем каждый день. Мы уже вступили в третье десятилетие нашей независимости, однако до сих пор вооружение широких масс народа, в первую очередь молодого поколения, идеологией независимости, основами национальной идеи и духовности остаётся одной из самых актуальных задач! Почему, отчего так происходит?

В истории было много примеров, когда богатое государство, у которого духовно нищие члены общества (граждане), получало от своего материального достатка больший вред, чем пользу. Нам приходится с трудом осваивать эту простую истину.

За последние сто – сто пятьдесят лет человеческой истории в психологии человека появился отвратительный порок, который называется «взяточничество». На свете нет ни одного народа или нации, у которых в повседневной жизни не встречалось бы взяточничества. В советское время этот омерзительный изъян вошёл в жизнь узбекского народа. Взяточничество, как заразная болезнь, вторгается и в современную жизнь нашего народа. По законам независимого Узбекистана дача взятки, её получение и посредничество расценивается как самое тяжёлое преступление. Наличие этого порока в современном обществе является тревожным обстоятельством. В ответ на это Первый Президент Ислам Каримов говорит: «Многолетний жизненный опыт показывает, что никогда еще не приносила эффективного результата практика, когда служитель закона становится над законом, назначается контролером над административными органами, контролером над другим контролером.

Может быть, это резко, но я хочу сказать: это только увеличивает число волюнтаристов, взяточников и вымогателей. Это – горькая правда жизни»[2].

Как говорил наш Первый Президент, взяточник вынужден лицемерить. Мудрецы говорили: «Лицемер – вечный раб, а раб живёт в послушании». Там, где господствует рабское настроение и лицемерие, люди живут только сегодняшним днём. Нет ничего удивительного в том, что для них такие понятия, как интересы Родины, самосознание, национальная гордость, останутся пустым звуком.

---

[1] *Каримов И.А.* Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т.: Маънавият, 2008. С. 12.

[2] *Каримов И.А.* Қонун ва адолат устуворлигининг ҳаётбахш манбаи. Конституция кунига бағишланган тантанали маросимда сўзланган нутқ. 1998 йил 5 декабрь.

Как отмечалось выше, одна из главных основ духовности нашего народа построена на религии. В священной книге нашей религии Коране сказано: «Сендан ҳаракат, мендан баракат» (примерно: «На Бога надейся, а сам не плошай»). В исламской религии всегда утверждалось, что без труда нет отрады, и единственный путь процветания Родины заключён в выражении «Сердце с Аллахом, руки в работе». Там, где наука не в почёте, не бывает духовности. Там, где нет знаний, не бывает веры, а духовность не может стать действенной силой.

В своём произведении «Высокая духовность – непобедимая сила» Ислам Каримов, размышляя о «японском чуде» и «корейском чуде», особо подчёркивает, что эти экономические чудеса произошли за счёт своеобразной национальной духовности японцев и корейцев, которая формировалась на протяжении веков и превратилась в могучую созидательную силу. С точки зрения климатических условий, разнообразия природных ресурсов мы находимся в более выгодных условиях. Значит, всё дело в воли народа, которая закалилась в его духовных качествах и внутреннем мире.

Одно точно, для нации не характерно ограничиваться достигнутым и не стремиться вперед. Каждая личность, радеющая за свою родину, нацию, заботится о ней. Такие люди – цвет нации, настоящие сыны узбекского народа. К такому заключению мы пришли в процессе изучения и анализа своеобразных особенностей узбекского национального менталитета.

Глава XX
НЕЗАВИСИМАЯ РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН – ГЛАВНЫЙ ФАКТОР В ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ФОРМИРОВАНИИ УЗБЕКСКОЙ НАЦИИ

Национальная история узбекского народа, начавшаяся в период колониальной политики царской России в великом Туркестане, сформировалась за годы советской власти. Однако история нации, опирающаяся на многовековые хозяйственно-экономические, духовно-просветительские традиции, на традиции государственности и богатого культурного наследия узбекского народа, не была полностью сформирована и в период советской власти. В главе XVIII настоящего произведения, озаглавленной «Процесс формирования узбекской нации и превращение термина «узбек» в общенациональный этноним», перечислены несколько присущих нации факторов.

Одним из них является уровень общенационального самосознания, национальной гордости, патриотизма, чувства гордости за свою родину и свой народ, которые становятся смыслом, образом жизни граждан, и эти качества достигают достаточно высокого уровня; вторым – государство проявляет себя в качестве мощного органа, определяющего основные направления внутренней и внешней политики общества, сознательного управленческого механизма перехода от сильного государства к справедливому обществу, претворяющему в жизнь требования и желания нации. И эти вопросы не находили своего научного и практического решения при советской власти.

Эти очень важные проблемы были связаны с судьбами наций советского периода, но их полноценное претворение в жизнь должно стать задачей периода национальной независимости. По этой причине заключительная XX глава этого произведения была озаглавлена как «Независимая Республика Узбекистан – главный фактор в окончательном формировании узбекской нации».

Следует особо отметить, что научное и практическое разрешение этих двух глобальных проблем невозможно было выполнить в пределах внутренней и внешней хозяйственно-экономической и этнокультурной политики бывшей советской власти, а стало задачей, решение которой по плечу обществу периода независимости, проводящему самостоятельную национальную политику.

Поэтому сразу после объявления «Декларации о суверенитете» на 2-ой сессии Верховного Совета Узбекистана 20 июня 1990 года, на Внеочередной сессии XII созыва Верховного Совета Республики 31 августа 1991 года Узбекистан был объявлен независимой Республикой. 29 декабря 1991 года широкие массы на-

рода независимого Узбекистана на альтернативной основе, руководствуясь демократическими принципами, впервые в истории независимого Узбекистана избирают Президента страны. Приняв Государственный флаг 18 ноября 1991 года, Президент республики 2 марта 1992 года произносит речь от имени независимого государства Узбекистан с трибуны ООН и устанавливает флаг страны в один ряд с флагами государств – членов ООН. Эта историческая дата имеет всемирное значение в истории многонационального трудящегося народа. Сбылась многовековая мечта узбекского народа.

Затем один за другим на сессиях Верховного Совета были приняты государственные символы Республики Узбекистан: 2 июля 1992 года – Государственный герб, 10 декабря 1992 года – Государственный гимн, на XI сессии Верховного Совета (8 декабря 1992 года) – Конституция независимого Узбекистана.

Как известно из истории, экономически зависимые народы, находясь в статусе области, края, губернии, не имеют своей денежной единицы. Национальные деньги и их место, занимаемое на внутреннем и внешнем рынках, свидетельствуют об экономическом и военном могуществе определённого государства. Ценность национальных денег на мировом рынке является признаком экономического могущества страны и благосостояния народа[1]. Как сказал Первый Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, внутренняя и внешняя политика независимого государства Узбекистан была направлена на решение именно этой проблемы, так как наша страна в те годы (1991–1993 гг.) находилась в рублёвой зоне Российской Федерации. Этого требовала сама жизнь, наши экономические возможности. На короткий срок была внедрена денежная система «купон», а с июля 1994 года введена в обращение независимая денежная единица Республики Узбекистан, её национальная валюта – сум. Таким образом, Республика Узбекистан во всех отношениях окончательно сформировалась в качестве независимого государства.

Была преобразована банковская система, которая стала независимой от управленческих органов Центрального банка, а в Средней Азии с учётом невыгодного естественно-географического положения независимого Узбекистана и утери хозяйственно-экономических связей после развала Советского союза, для ускоренного развития международных экономических отношений был выработан особый путь и принципы независимого развития республики. При этом большое внимание было уделено сильной социальной защите малообеспеченных слоев населения.

С учётом исторических традиций, нашего национального менталитета была разработана особая «узбекская модель» развития, согласно которой разработана Государственная программа поэтапного развития экономической жизни страны. Для внедрения этих документов в жизнь были приняты множество законов, которые, при необходимости, корректировались и принимались новые законы по требованию жизни.

---

[1] *Асқаров А.* Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. – Т.. 2007. С. 59–60.

Поэтапное проведение реформ основывалось на ранее разработанных принципах и дополняло их. В целом эти пять принципов «узбекской модели» совершенствовались по требованию развития страны. Ослабление внимания к одному из принципов приведёт к трудностям в исполнении других, упадёт эффективность проведения реформ, их последовательность. Эти пять принципов, образующих диалектическое единство, являются взаимосвязанными составными частями единой концептуальной структуры[1]. Стратегия экономических реформ, известная в мире под названием «узбекская модель», полностью оправдала себя и в условиях кризиса ещё раз доказала правильность избранного пути[2].

Из истории известно, что экономика страны не будет развиваться в гармонии с духовной жизнью, если в обществе появляется идеологический вакуум. И.А. Каримов в своей работе «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса», опубликованной в 1997 году, а также в брошюре «Идеология – это объединяющий флаг нации, общества, государства», опубликованной в рубрике «Ответы на вопросы главного редактора журнала «Тафаккур», обращает особое внимание на следующие положения: объединяющим фактором узбекского народа и нации является его национальная идеология; ограниченность разума – признак рабского мышления; человек и общество, а также государство без идеологии не имеют никаких перспектив в своём развитии; вооружение устойчивой духовностью превращает его в непобедимую силу; идеологический полигон сильнее ядерного полигона; идеология – это мост между прошлым и будущим; сознательная жизнь – главный критерий жизни общества; сила – в знании и разуме, и, наконец, стремление к переходу от сильного государства к сильному гражданскому обществу является главной дорогой независимого Узбекистана[3].

Республика Узбекистан определила своей стратегической задачей строительство миролюбивого, развитого в экономическом и духовном отношении демократического государства со справедливым общественным строем, занявшим достойное место в мировом сообществе и вносящим солидный вклад в мировую культуру. За последние 26 лет в Узбекистане сформировалась новая современная система государственного управления.

Государство не только возглавило реформы в экономической, социальной и духовно-культурной областях, но и явилось главным инициатором реформы самого государства и общества. Эти реформы способствовали формированию и становлению новых государственных и общественных институтов[4].

Одним из самых существенных достижений государственной политики в годы независимости стало сохранение мира и межнационального согласия среди граждан республики. Наши предки на протяжении многих веков на этих бескрайних просторах придерживались добрососедских, мирных отношений. И в наши

---

[1] *Эркаев А.* Ўзбекистон йўли. – Т.: «Маънавият», 2011. С. 90.

[2] *Жумаев Н.Х., Абдураҳмонов О.К.* Жаҳон молиявий-иқтисодий инқирози: сабаблари ва уни бартараф этиш муаммолари. - Т.: «Академнашр», 2010. С. 142.

[3] Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т.: «Маънавият», 2008.

[4] *Эркаев А.* Ўзбекистон йўли. – Т.: «Маънавият», 2011. С. 72.

дни общие ценности, история, жизнь, сама природа призывают все народы Средней Азии жить в духе дружбы и сотрудничества. В условиях Средней Азии люди, которые живут в обществе, махалле, предпочитают быть верными испытанным временем и историей традициям милосердия, взаимопомощи. Каждый современно мыслящий, трезво смотрящий на мир человек должен правильно понимать и принимать такие отношения с уважением.

При проведении экономических реформ в первую очередь необходимо определить возможности материального производства страны, богатства и природные ресурсы, природно-климатические условия, демографическое состояние, в общем, чётко рассчитать все объективные показатели, исходя из которых можно наметить основные отрасли, направления экономической реформы, методы и средства для их выполнения. Во-вторых, требуется учесть степень готовности населения к реформам, его сознание, мышление, психологию, традиции и обычаи[1].

В республике были определены приоритетные цели для проведения коренных преобразований, то есть была создана экономическая система, направленная на систематическое улучшение уровня жизни людей; разработана стратегия создания многоукладной экономики. Особое внимание уделяется предоставлению экономической свободы гражданам, упрочнению экономики и финансового положения, перестройке структуры экономики, систематическому внедрению в производство передовых технологий, проведению широкомасштабных аграрных преобразований, ускоренному развитию экспортного потенциала страны, введению политики открытых дверей для иностранных инвестиций.

Благодаря последовательному внедрению в повседневную жизнь пяти принципов модели развития в первую очередь были охвачены основные направления новой, социально ориентированной рыночной экономики. Сущность этих принципов, заключавшаяся в приоритетном положении экономики над политикой, возложении на государство функций главного реформатора, достижении верховенства закона, реализации сильной социальной политики, дала возможность продуманного поэтапного перехода к рыночной экономике без «революционных скачков», то есть эволюционным путем[2].

Постепенно стала развиваться экономика. Так, например, в 2013 году экономика страны продолжила устойчивое ускоренное развитие, обеспечен непрерывный рост уровня жизни населения и позиции нашей страны на мировом рынке. В период независимости из года в год развивается экономическая и культурная жизнь страны. В 2013 году внутренний валовый продукт вырос на 8 процентов, объём производства промышленной продукции – на 8,8 процента, сельского хозяйства – на 6,8 процента, оборот розничной торговли – на 14,8 процента[3].

[1] *Эркаев А.* Ўзбекистон йўли. – Т.: «Маънавият», 2011. С. 151.

[2] Ўзбекистон Республикаси. Ўз.МЭ, 12 жилд. 2006. С. 186.

[3] *Каримов И.А.* 2014 йил юкори ўсиш суръатлари билан ривожланиш, барча мавжуд имкониятларни сафарбар этиш, ўзини оқлаган ислоҳотлар стратегиясини изчил давом эттириш йили бўлади. – Т.: «Ўзбекистон». 2014. С. 5–7.

Объём расходов, направленных на социальные нужды, составил 59,3 процента от общего объёма государственных бюджетных расходов. Также объём производства в стране товаров потребления достиг 14,4 процента, а его доля в валовом промышленном производстве составила 35,5 процента. В настоящее время 55,8 процента внутреннего валового продукта производят объекты малого бизнеса. 75 процентов населения, занятого в отраслях экономики, также приходится на долю малого бизнеса.

В стране созданы благоприятные условия для ускоренного развития малого бизнеса и предпринимательства, частной собственности. Формирование среднего класса – опоры и движущей силы новых для нас демократических преобразований стало приоритетной программой государственной политики.

Для оценки итогов экономики страны за прошедшие годы будет уместным привести мнение руководителя миссии Международного валютного фонда госпожи Вероники Бакалу, которая отметила ускоренный рост экономики Узбекистана. Устойчивые позиции в области налогово-кредитной политики и внешнеэкономической деятельности, низкий государственный долг и продуманный подход к получению внешних займов защитили страну от негативных последствий глобального кризиса[1].

Внешний долг Узбекистана не превышал 16 процентов относительно валовой внутренней продукции. За первые годы независимости в экономике страны было освоено более 162 миллиардов капитальных средств в долларовом эквиваленте, более 56 миллиардов долларов из которых составляют иностранные инвестиции. Так, например, только в 2013 году объём капитальных инвестиций составил почти 14 миллиардов долларов, или 23 процента валового внутреннего продукта.

В результате приватизации государственной собственности в стране сложилась многоукладная экономика, зародился класс средних и мелких собственников[2]. В годы независимости в нашей стране появились абсолютно новые отрасли промышленности: автомобилестроение, моторостроение, переработка нефти и газа, производство современных телевизоров и компьютеров, фармацевтической продукции.

Большие успехи были достигнуты в производстве зерна, республика добилась зерновой независимости. Производство зерна увеличивалось из года в год, в 1998 году по сравнению с 1992 годом было выращено зерна в 1,7 раза больше, к 2002 году производство зерновых достигло 5 миллионов тонн. Благодаря самоотверженному труду дехкан и фермеров было произведено 7 миллионов 800 тысяч тонн зерна, хотя площади, занятые под посевы хлопка, сокращались за счёт увеличения зерновых культур. В стране было собрано более 3 миллионов 360 тысяч тонн хлопка[3].

---

[1] *Каримов И.А.* Бош мақсадимиз – кенг кўламли ислоҳотлар ва модернизация йўлини қатъият билан давом эттириш. // Халқ сўзи, 2013, 19 январь.

[2] Там же. С. 187.

[3] Там же. С. 8–9.

Большие успехи достигнуты в промышленном секторе экономики. В результате реформ в промышленных отраслях созданы многоукладность и рыночные методы ведения хозяйства. По состоянию на 1 января 2005 года численность действующих в Узбекистане промышленных предприятий достигла 20,5 тысячи. Из них15,7 процента составляют государственные предприятия, а 84,3 процента этих предприятий относятся к негосударственной собственности[1].

Деятельность промышленного предприятия «Навоийский горно-металлургический комбинат» направлена на добычу золота и урана. На этом многоотраслевом горно-перерабатывающем предприятии налажено освоение фосфорита, поваренной соли, облицовочного камня, известняка, песка, используемого в строительстве и металлургии, но всё же основное внимание направлено именно на производственную деятельность.

Узбекистан встал в один ряд со странами, производящими современные автомобили. Каждая третья семья имеет личный автомобиль. В наши дни автомобильная промышленность республики полностью удовлетворяет потребность населения в транспорте[2]. Узбекистан стал первой в Центральной Азии и двадцать восьмой в мире автомобилестроительной державой[3].

Особое внимание уделяется усовершенствованию банковской системы, повышению объёма кредитов, выдаваемых банками. В 2013 году общий объём кредитов, выделенных для реального сектора экономики, вырос на 30 процентов. Общий объём капитала коммерческих банков увеличился на 25 процентов. Ликвидность банковской системы составила более 65 процентов, что в 2,2 раза больше по сравнению с мировыми показателями.

В 2013 году более 3 миллиардов долларов освоенных капитальных вливаний составили иностранные инвестиции. Для привлечения иностранных инвестиций в стране был создан «Фонд возрождения и развития». За короткий период деятельности Фонд превратился в могущественный финансовый институт с оборотом более 15 миллиардов долларов. В 2013 году с участием средств Фонда были осуществлены 33 очень важных проекта на сумму более 780 миллионов долларов. В 2013 году в рамках Инвестиционной программы от общей суммы финансовых средств было осуществлено проектирование 150 производственных объектов общей стоимостью 2 миллиарда 700 миллионов долларов.

В 2013 году ускоренными темпами шли работы по строительству и реконструкции дорожно-транспортных и инженерно-коммуникационных инфраструктур. Для развития дорожных коммуникаций были привлечены средства на сумму 477 миллионов долларов. В 2016 году по направлению Ангрен–Пап построена новая электрифицированная железная дорога и 19-километровый

---

[1] Ўзбекистон саноати.

[2] *Каримов И.А.* Амалга оширилаётган ислоҳотларимизни янада чуқурлаштириш. С. 27.

[3] *Каримов И.А.* Ўзбекистон Республикаси Президенти. – Т., 2013. С. 99.

железнодорожный тоннель. Для этих целей потрачено средств на сумму около 2 миллиардов долларов[1].

С обретением независимости в Узбекистане стали уделять особое внимание духовно-просветительскому и культурному развитию, истории узбекского народа и его государственности, религиозным и национальным ценностям. 21 октября 1989 года узбекский язык в стране был объявлен государственным языком. Одна из священных ценностей нашего народа – родной язык обрёл законный статус и защиту. Человек, не знающий родного языка, не будет знать свою родословную, будет лишён своих корней, своего будущего[2].

Таким образом, узбекский язык, наряду с флагом, гербом, гимном, Конституцией нашего независимого государства, стал одним из священных символов, защищённых законом.

2 сентября 1992 года в нашей стране был принят Закон «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике». Подчеркнём, что за прошедший период во исполнение этого закона была проведена большая работа. Первым делом были разработаны и претворены в жизнь правила орфографии узбекского языка на основе латинской графики. В настоящее время на всех ступенях образования страны ведётся преподавание на основе этого алфавита.

Как известно, в период советской власти 9 мая ежегодно праздновался как «День Победы». С обретением независимости этот день в нашей стране празднуется как «День памяти и почестей». В связи с этим в соответствии с психологией и мировоззрением нашего народа в столице, областях и районах созданы «Площади Памяти», а на «Площади Независимости» столицы установлен памятник Скорбящей матери.

На этих площадях установлены сборники, на специально обработанных досках которых позолоченными буквами вписаны имена наших соотечественников, погибших на фронтах Второй мировой войны. Сведения о них были собраны и изданы в 35-томном сборнике «Память», что явилось важным событием в культурной жизни страны.

В 1992 году празднованию Навруз был придан государственный статус. Этот желанный для нас всех праздник вновь стал неповторимым отражением нашего многовекового национального облика, традиций и обычаев. Первые дни священных праздников мусульман Рамазан хайит и Курбан хайит были объявлены в стране выходными днями.

Достижение государственной независимости и избрание своеобразных путей экономического и социального развития привело к преобразованию системы и обновлению содержания подготовки кадров, а также принятию Закона «Об образовании»

---

[1] *Каримов И.А.* 2014 йил юқори ўсиш суръатлари билан ривожланиш, барча мавжуд имкониятларни сафарбар этиш, ўзини оқлаган ислоҳотлар стратегиясини изчил давом эттириш йили бўлади. – Т.: «Ўзбекистон». 2014. С. 16.

[2] *Каримов И.А.* Ўзбекистон мустақилликка эришиш остонасида. – Т.: «Ўзбекистон», 2012. С. 69.

и Национальной программы по подготовке кадров. Этот Закон и Национальная программа были приняты 29 августа 1997 года на IX сессии Олий Мажлиса первого созыва.

Цель Национальной программы – коренное реформирование системы образования, полное освобождение от устаревших идеологических воззрений и пережитков, создание национальной системы подготовки высококвалифицированных кадров на уровне развитых демократических государств, соответствующих высоким духовным и нравственным требованиям. Цели и задачи Национальной программы предполагалось внедрять в жизнь поэтапно.

Первый этап (1997–2001 годы) – на основе сохранения положительных сторон существующей системы подготовки кадров создать правовые, кадровые, научно-методические, финансовые и материальные условия для ее реформирования и развития;

Второй этап (2001–2005 годы) – полное осуществление Национальной программы, внесение корректив с учётом развития рынка труда и реальных социально-экономических условий;

Третий этап (2005 и последующие годы) – на основе анализа и обобщения накопленного опыта совершенствовать и дальше развивать систему подготовки кадров в соответствии с перспективами социально-экономического развития страны[1]. Несмотря на некоторые недостатки в деле претворения в жизнь положений данной Программы наблюдается поступательное движение к намеченной цели.

Особое внимание было уделено обеспечению работой выпускников профессиональных колледжей. Только в 2013 году более 500 тысяч выпускников колледжей были обеспечены работой, 43 процента из которых размещены на тех предприятиях, где они проходили практику.

В 2012 году в стране были завершены работы по преобразованию и внедрению одноступенчатой системы проведения аттестации высококвалифицированных научных и научно-педагогических кадров. Начиная с 1 января 2013 года внедрено послевузовское образование – докторантура. Первая ступень получения научной степени – степени кандидата наук посредством прохождения учёбы в аспирантуре – отменена.

В 2012 году были осуществлены последовательные и конкретные меры по дальнейшему реформированию и развитию системы здравоохранения. В Республиканском специализированном центре хирургии было открыто современное, с использованием высокотехнологичного медицинского оборудования кардиохирургическое отделение для лечения больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

В годы независимости особое внимание уделено возрождению богатого культурного и духовного наследия нашего народа. Стало хорошей традицией празднование совместно с ЮНЕСКО юбилеев таких известных на весь мир учёных

[1] Таълим фаолиятини тартибга солувчи норматив-хукукий хужжатлар тўплами. – Т.: «Адолат». С. 11–12.

и государственных деятелей, как Алишер Навои (1991), Бахауддин Накшбанд (1993), Мирзо Улугбек (1994), Амир Темур (1996), Имам Бухари (1998), Ахмад Фаргони (1998), Джалолиддин Мангуберди (1999), Бурхониддин Маргинони (2000), Имам Матуруди (2000), Абдулхолик Гиждувони (2003), Ходжа Ахрор Вали (2004). 3 января 1996 года было принято решение Совета Министров о праздновании 2500-летнего юбилея (1997) древнейших городов страны – Бухары и Хивы[1]. Совместно с ЮНЕСКО были отмечены 1000-летие поэмы «Алпомиш», 2700-летие книги «Авеста» (2001), 2500-летие города Термеза, 2700-летие Шахрисабза (2002) и Карши (2006), 2750-летие города Самарканда (2007) и 2200-летие города Ташкента. Эти торжества сослужили большую службу в укреплении нашего многонационального народа, в первую очередь, духовно-просветительского совершенствования молодого поколения.

Благодаря независимости было возвращено народу творчество таких великих поэтов, писателей и мыслителей, как Ахмад Яссави, Бакиргани, Ходжа Ахрор Вали, Хусейн Байкара, Машраб, Феруз, которые рассматривались как представители религиозной и придворной литературы, а также несправедливо обвинённых в национализме Чулпана, Фитрата, Бехбуди, Усмана Насыра, Абдуллы Кадыри, Мунаввар-кары, и большими тиражами изданы их произведения.

Символом безграничного уважения и почтения является возведение в наши дни памятников таким учёным, писателям и поэтам, как Ахмад Фергани – в городе Фергане (1998)[2], Мухаммад Муса Хорезми (2007)[3] и Джалолиддин Мангуберды (1999)[4] – в Ургенче, Алишер Навои – в городе Навои, Захириддин Мухаммад Бабур – в Андижане (1993)[5], Гафур Гулям (2005), Абдулла Каххар (2007)[6] и Зульфия (2008)[7] – в столице нашей страны, мемориального комплекса «Алпомиш» (1999)[8] – в городе Термезе, «Оплот народа и отчизны» (2006)[9] – в Карши, и десятков других монументальных произведений искусства.

Известно, что в 1930–1953 годах на территории бывшего СССР были совершены чудовищные массовые политические репрессии. В одном только Узбекистане были репрессированы почти 100 тысяч человек, а 13 тысяч – расстреляны. Среди этих людей были не только государственные деятели и представители интеллигенции, но и сотни простых людей, представителей почти всех национальностей, проживавших на этой земле. В целях увековечения памяти невинных жертв в 2000 году в Юнусабадском районе столицы, на берегу канала Бозсу, где

---

[1] Мустақиллик. Изоҳли илмий-оммабоп луғат. – Т.: «Шарқ», 2009. С. 541.

2 Мустақиллик даври ўзбек меъморчилик ва монументал ҳайкалтарошлик санъати. – Т., 2011. С. 102.

[3] Там же. С. 140.

[4] Там же. С. 112.

[5] Там же. С. 100.

[6] Там же. С. 142.

[7] Там же. С. 108.

[8] Там же. С. 114.

[9] Там же. С. 136.

в годы репрессий были казнены и захоронены сотни доблестных сынов нашего народа, была разбита «Аллея памяти жертв репрессий»[1], а позже одноименный музей и фонд. Начиная с 2001 года 31 августа отмечается как «День памяти жертв репрессий».

В стране была разработана программа «Здоровое поколение», согласно которой большое внимание уделялось возрождению национальной духовности в области физической культуры и спорта. Национальная борьба – кураш стал одним из видов международного спорта. Проведение в 1999 и 2005 годах 1-го и 5-го чемпионатов мира в Ташкенте свидетельствует о том, что спорту в Узбекистане уделяется большое внимание.

Ни для кого не секрет, что здоровая семья – основа сильного общества, а если общество прочное, то и страна крепкая. Много делается для развития детского спорта, что, несомненно, служит укреплению здоровья населения.

Лишь в 2012 году были сданы в эксплуатацию 108 детских спортивных объектов, в частности, 16 плавательных бассейнов, новый стадион на 10 тысяч мест в городе Навои, школа тенниса в городе Нукусе, 12 детско-юношеских спортивных школ по всей стране. В настоящее время почти 1 миллион 600 тысяч детей от 6 до 15 лет, или 35,6 процента всех детей в нашей стране систематически занимаются различными видами спорта.

В Ташкенте были возведены отвечающие международным стандартам современные футбольные комплексы «Бунёдкор» и «Локомотив», в городе Бекабаде – стадион «Металлург»[2].

В 2013 году были построены 28 новых профессиональных колледжей, 381 общеобразовательная школа, 45 объектов высшего образования, проведён капитальный ремонт зданий 131 колледжа. Также были оборудованы новым инвентарём и сданы в эксплуатацию 55 детских музыкальных школ и школ искусства, 112 детских спортивных объектов. В общеобразовательных школах были образованы 17 тысяч учебных кабинетов, приспособленных для преподавания иностранных языков. Для изучения иностранных языков были изданы более 538 тысяч цветных учебников. На 30 процентов была повышена заработная плата 26 тысячам учителей иностранных языков.

Огромная работа проведена по оказанию медицинской помощи населению. Сформирована система оказания квалифицированной медицинской помощи 14 миллионам 600 тысячам человек, проживающим в сельских районах. Только в 2013 году инвестиции, направленные на здравоохранение, увеличились по сравнению с 2010 годом в 3,8 раза, оснащение медицинских центров ценными аппаратами увеличилось в 1,8 раза.

---

[1] Мустақиллик даври ўзбек меъморчилик ва монументал ҳайкалтарошлик санъати. – Т., 2011. С. 24.

[2] *Каримов И.А.* Бош мақсадимиз – кенг кўламли ислоҳотлар ва модернизация йўлини қатъият билан давом эттириш. С. 2.

С первых дней своей независимости Узбекистан стал проводить самостоятельную внешнюю политику. Следуя принципам мирного сосуществования и содружества, Узбекистан быстро обрёл своё место в мировом сообществе. За короткие сроки были установлены дипломатические отношения с более чем 100 зарубежными странами. В Ташкенте были открыты посольства США, Германии, Франции, России, Турции, Индии, Пакистана, Ирана, Японии, Южной Кореи, Украины и других стран, а также представительства международных организаций. В декабре 1991 года Узбекистан стал членом Содружества Независимых Государств (СНГ) и принимает активное участие в его работе. 2 марта 1992 года Узбекистан стал полноправным членом ООН[1].

В развитии дипломатических отношений Востока и Запада своеобразием и совершенством отличается период Амира Темура и Темуридов. Непосредственно в период правления самого Амира Темура было установлено сотрудничество с такими крупными государствами Европы, как Франция, Испания[2]. Доказательством тому могут служить письма Генриха IV, отправленные им в 1403 году Амиру Темуру и его сыну Мироншаху. Это говорит о том, что уже в те времена между регионами Азии и Европы было налажено политическое и культурное сотрудничество.

Узбекистан был принят в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (1992. III). Узбекистан стал членом Европейского банка реконструкции и развития (1992. IV). Дипломатические отношения между Республикой Узбекистан и Европейским Союзом были установлены 16 ноября 1994 года[3]. Узбекистан стал членом организации по науке, культуре и образованию при ООН – ЮНЕСКО (26 октября, 1993). В 1997 году страны – члены Организации избрали Республику Узбекистан в Исполнительный совет. В ноябре месяце 1998 года на заключительном этапе 155-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО была принята Ташкентская декларация «Культура мира и деятельность ЮНЕСКО в странах-членах»[4].

Узбекистан также стал членом НАТО. Узбекистан и НАТО связывают многолетние партнёрские отношения, что находит своё отражение в ряде прагматических инициатив, предложенных Первым Президентом Республики Узбекистан Исламом Каримовым. В частности, в 2008 году на саммите НАТО/СЕАП в Бухаресте руководитель нашего государства выступил с инициативой создания совещательной группы «6+3» с участием НАТО по проблеме достижения мира и стабильности в Афганистане. В январе 2011 года Президент Узбекистана посетил Брюссель и встретился с Генеральным секретарём НАТО А. Расмуссеном. Эта встреча придала новый импульс сотрудничеству Узбекистана и Евроатлантического альянса[5].

---

[1] *Каримов И.А.* Ўзбекистон Республикаси Президенти. – Т., 2013. С. 176.

[2] МИД РУз // Цели и задачи внешнеполитического курса Узбекистана. http: // www. mfa.uz

[3] *Касымова Н.А., Жураев С.А.* Актуальные вопросы современных международных отношений. – Т.: «Академия», 2008. С. 232.

[4] *Каримов Ислом.* Ўзбекистон Республикаси Президенти. – Т., 2013. С. 193.

[5] *Исматуллаев Ф.* Ўзбекистон Республикасининг Европа Иттифоқи билан ҳамкорлигининг ўрнатилиши ва риволаниши (1991 2005) // т.ф.н. даражаси учун ёзилган диссертацияси. – Т., 2011. С. 191.

Особое место в сотрудничестве Узбекистана с международными структурами занимает Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС). С момента создания Организации Узбекистан относится к своей деятельности с особой ответственностью. В 2010 году, когда Узбекистан председательствовал в ШОС, по инициативе руководителя нашего государства были приняты документы стратегического значения, в частности, были разработаны и приняты Положение о порядке приёма новых членов в ШОС и Правила ШОС[1].

В 1995 году Узбекистан стал членом Азиатского банка развития (АБР). За прошлые годы в сотрудничестве с этой международной финансовой организацией было осуществлено много проектов[2]. Сотрудничество охватило сферы транспортной инфраструктуры, энергетики, сельского хозяйства, коммунального хозяйства, малого бизнеса, частного предпринимательства и образования.

Руководство Узбекистана выступило перед мировым сообществом с рядом предложений о сохранении безопасности и стабильности в Центральной Азии, о предотвращении инцидентов в Афганистане и Таджикистане, усилении борьбы с наркобизнесом и международным терроризмом, решении проблемы Арала и по другим вопросам.

Таким образом, Узбекистан в годы независимости проводил и проводит плодотворную работу в хозяйственно-экономической жизни, благоустройстве и процветании страны, налаживании и развитии международных отношений. Узбекистан обрёл достойное место в мировом сообществе, а его позиции усиливаются из года в год. Проведённые в нашей стране за годы независимости широкомасштабные реформы заложили прочный фундамент для строительства основ национальной государственности, укрепления неприкосновенности государственной границы, обеспечения в обществе верховенства закона, прав и свобод человека, межнационального согласия и религиозной терпимости, создали необходимые условия для реализации созидательного потенциала наших граждан. Во всех достигнутых успехах в экономической и культурной жизни республики лежит большая заслуга Первого Президента независимой Республики Узбекистан И.А. Каримова.

Конечно, всё это не происходило само собой. В претворении в жизнь этих задач стояли различные препятствия, негативные моменты, встречающиеся в менталитете нашего народа, всё более усиливающееся равнодушие и безразличие, взяточничество, отсутствие опыта, безграмотность и недостаточный уровень духовного развития народа. Пришло время преодоления этих недостатков, формирования здорового общества с высокой духовностью. Теперь сама жизнь требует принятия кардинальных мер в этом отношении.

---

[1] *Исматуллаев Ф.* Ўзбекистон Республикасининг Европа Иттифоқи билан ҳамкорлигининг ўрнатилиши ва риволаниши (1991 2005) // т.ф.н. даражаси учун ёзилган диссертацияси. – Т., 2011. С. 189..

[2] Там же. С. 184.

Надо отметить, что в современных условиях ускорения процессов мировой глобализации и экономической конкуренции между странами детальный анализ пути развития нашей страны предполагает стабильное и ещё более ускоренное развитие экономической жизни в независимом Узбекистане. С этой целью под руководством Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева была разработана Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах.

В основу Стратегии действий были включены концептуальные вопросы социально-экономического, политического и культурного, гуманитарного развития страны, озвученные Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиёевым в ходе предвыборной избирательной кампании, многочисленных встреч с общественностью, представителями деловых кругов, а также государственных органов. Главной целью Стратегии действий является коренное повышение эффективности проводимых реформ, создание условий для обеспечения всестороннего и ускоренного развития государства и общества, либерализация всех сфер жизни.

Первое приоритетное направление Стратегии действий предусматривает совершенствование государственного и общественного строительства. В рамках реализации этого направления предполагается усиление роли Олий Мажлиса в системе государственной власти, коренное улучшение качества законотворческой деятельности, повышение роли политических партий в жизни государства. Совершенствование государственного управления прежде всего предполагает уменьшение его роли в экономике, повышение роли частного сектора, разработку и претворение в жизнь современных форм взаимовыгодного сотрудничества государственного и частного секторов. Обеспечение эффективного диалога с народом составляет сердцевину Государственной программы, ее сущность и содержание. В связи с этим в качестве актуальной задачи определены совершенствование общественного контроля общества над экономикой, дальнейшее развитие средств массовой информации, усиление роли махалли в жизни общества.

Второе направление Государственной программы предусматривает меры по обеспечению верховенства закона и подлинной независимости суда. Так, планируются создание Высшего судейского совета, формирование профессионального судейского корпуса, высвобождение адвокатской деятельности, направленных на защиту интересов граждан, от прокурорского надзора, реализация мер по укреплению прав независимости судов. В целях объективной защиты интересов сторон, несогласных с решением судей, в системе судейства предполагается создание региональных апелляционных судов. С целью недопущения волокиты и необоснованного затягивания рассмотрения судами дел, планируется расширение полномочий вышестоящих судебных инстанций по самостоятельному устранению недостатков судов нижестоящей инстанции.

В рамках этого направления предусмотрена реализация мер по налаживанию прямого диалога с народом руководителей всех правоохранительных и контролирующих органов, обеспечению их доступности для населения, уделению особого внимания обращениям, в которых сообщаются о правонарушениях. Отдельное внимание будет уделено коренному совершенствованию деятельности органов внутренних дел по борьбе с правонарушениями, преступностью и охране общественного порядка.

Данное направление включает в себя повышение квалификации, обучение работников правоохранительных и контролирующих органов, с учетом высоких духовных и гуманистических качеств при назначении судей, совершенствование системы расстановки судей, развитие системы адвокатуры и повышение их авторитета, разработку мер по недопущению давления прокуратуры в деле осуществления свободной деятельности адвокатов, предоставление широких возможностей для свободной работы адвокатов на основе принципов гуманизма и демократии.

Третье приоритетное направление Государственной программы – развитие и либерализация экономики. В этом направлении, в первую очередь, предусматривается обеспечение стабильности национальной валюты и цен, поэтапное внедрение механизмов валютного регулирования, расширение доходной базы местных бюджетов, расширение внешнеэкономических связей, внедрение в производство современных технологий, вместо массового ввоза из-за рубежа готовой продукции, максимальное внедрение в производство научных достижений, приведение налоговой системы в соответствие с законодательством, развитие многопрофильных фермерских хозяйств, достижение массового развития малого бизнеса и индивидуального предпринимательства в кишлаках, районах и областях, ускоренного развития ювелирной отрасли и индустрии туризма.

Данное направление включает также меры по защите частной собственности, финансового рынка, а в 2017–2021 годах планируется реализовать отраслевые программы, предусматривающие в общей сложности 649 инвестиционных проектов на сумму 40 миллиардов долларов США. В результате осуществления в Узбекистане этой Государственной программы планируется превращение страны, ввозящей в основном сырьё, в страну, на 80–90 процентов производящую конкурентоспособную продукцию. Запланировано введение в строй нового проекта комплекса Чартонгаз. Этот объект является одним из 4 крупных в этой отрасли объектов в мире, и в результате осуществления этих планов производство промышленных товаров в Узбекистане увеличится в 1,5 раза.

Четвертое направление – развитие социальной сферы предусматривает реализацию мер по повышению занятости населения, совершенствованию системы социальной защиты и охраны здоровья граждан, развитию дорожно-транспортной и социальной инфраструктур, максимальному улучшению обеспечения населения электроэнергией и газом, оказанию социальной помощи

уязвимым слоям населения, повышению статуса женщины в общественно-политической жизни, реформированию всех уровней сферы здравоохранения и образования, обеспечению гармонизации теоретических и практических навыков преподавания профессиональных предметов. Наряду с решением проблем занятости населения, профессионального образования молодёжи, в целях формирования среди них армии малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей, во всех высших учебных заведениях предполагается введение преподавания основ и практических навыков правовых и экономических знаний, а также основ и практических навыков медицинских знаний для девушек. В этом направлении планируется усовершенствование порядка выдачи социальных пособий, в сельской местности – строительство 15 тысяч доступных жилых домов, 415 км путей водоснабжения, 316 км – газоснабжения и 291 км – внутренних дорог.

В рамках пятого направления – обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, а также осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики предусматриваются реализация мер по защите конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности республики, а также разработка Концепции государственной политики в сфере межнациональных отношений и в религиозной сфере.

Также планируется разработать «дорожные карты» по развитию сотрудничества с зарубежными партнерами в политико-дипломатической сфере, коренному развитию и расширению торгово-экономического, инвестиционного, технологического и финансово-технического сотрудничества Узбекистана с зарубежными партнерами на 2017 год.

Реализация Стратегии действий станет мощным импульсом для реформирования страны, построения правового, демократического государства и сильного гражданского общества, обеспечения в обществе межнационального согласия и религиозной толерантности, а также наполнит верой в будущее, придаст новые силы представителям творческой интеллигенции.

Согласно Стратегии действий 2017 год стал годом преодоления упущенных недостатков, негативных явлений, укоронившихся в структуре государства, в жизни народа и общества. Сегодня все мы являемся участниками важнейшего политического события в жизни нашей Родины, демократический метод государственного управления особенно востребован и созвучен проводимым в Узбекистане широкомасштабным реформам, прежде всего, принципу диалога с народом, и служит дальнейшему развитию эффективности всенародной деятельности. Основные итоги работ, осуществленные с 2017 года, в разрезе Стратегии действий ознаменовали начало совершенно нового этапа социально-экономического и культурного развития страны и были мобилизованы все силы и возможности для устранения допущенных недостатков в руководстве государства и общества. Важнейшим шагом на этом пути стало осуществление мер, намеченных в Государственной программе «Год диалога с народом и интересов человека».

Каждое решение, касающееся жизни страны, стало приниматься на основе непосредственного диалога с народом, с учетом мнения общественности. Краеугольным камнем нашей деятельности становится принцип «Не народ служит государственным органам, а государственные органы должны служить народу»[1]. В истории Узбекистана 2017 год стал годом создания новой системы прямого диалога с народом, эффективного решения его жизненных проблем, и эта система стала своеобразным демократическим институтом по работе с обращениями граждан[2]. За короткое время в Народные приёмные обратились более 1,5 миллиона человек, положительно решены копившиеся годами проблемы граждан, что свидетельствует об утверждении в Узбекистане народовластия на деле.

С учетом интересов народа кардинальные изменения осуществляются в судебно-правовой сфере, системе прокуратуры и органов внутренних дел. Об этом Президент республики Ш.М. Мирзиёев резко высказался на торжественном собрании, посвященном 25-летию принятия Конституции Республики Узбекистан. Благодаря подлинной демократизации общества в 2017 году более 1100 лиц, проживающих в стране и не имевших гражданства Узбекистана, получили этот статус, что является подтверждением обеспечения в Узбекистане прав и свобод человека[3].

В Послании Президента Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису сделан критический анализ и приведен реальный рост во всех сферах жизни республики за истекшие годы. Отмечено, что в области экономической сферы начиная с 2017 г. начали предприниматься смелые шаги по реализации эффективных реформ, отвечающих современным требованиям мирового сообщества, продуманных программ по организации нашей экономики на новой основе и ее дальнейшей либерализации, совершенствованию ее правовой базы, модернизации и диверсификации производства. В стране за короткое время введены в строй более 160 крупных промышленных объектов. Например, на Ташкентской теплоэлектростанции задействована парогазовая установка. За счет этого дополнительно будет произведено 2,5 миллиарда киловатт электроэнергии. В настоящее время Алмалыкским горнометаллургическим комбинатом начата работа по освоению рудников «Ёшлик 1» и «Ёшлик 2». Ускоренными темпами ведется строительство таких крупных объектов, как Сардобинское, Центрально-Ферганское и Тупалангское водохронилища.

За счет пуска еще одного крупного объекта – Кандымского газоперерабатывающего комплекса в 2018 г. дополнительно будет добыто 4 миллиарда 100 миллионов кубометров природного газа, более 67 тысяч тонн конденсата, свыше 106 тысяч тонн серы. На Мубарекском газоперерабатывающем заводе – одном из локомотивов экономики Узбекистана в 2018 г. на полную мощность заработают блоки по очистке от серы дополнительно 6 миллиардов кубометров природного газа. В

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г.

[2] Там же., стр. 1.

[3] Там же., стр. 1.

2018 г. в акционерном обществе «Узагротехсаноатхолдинг» будет налажено производство более 5 тысяч современных тракторов, свыше 1 тысячи хлопкоуборочных машин и более 2 тысяч прицепов.

Благодаря осуществленным мерам в 2017 г. не утопические, а реальные устойчивые темпы экономического роста составили 5,5 процента, объем экспорта увеличился на 15 процентов. Положительное сальдо во внешней торговле достигло 854 миллионов долларов. Начиная с 2017 года в стране началась свободная конвертация национальной валюты. Юридические и физические лица получили возможность приобретения и продажи иностранной валюты в коммерческих банках без ограничений. В результате купли-продажи количество иностранной валюты в 2017 г. выросло в 1,5 раза и составило порядка 1,3 миллиарда долларов, а золотовалютные резервы государства за год увеличились на 1,1 миллиарда долларов.

В 2017 г. за счет строительства новых промышленных предприятий, развития малого бизнеса и частного предпринимательства, расширения сферы услуг реально было организовано свыше 336 тысяч новых рабочих мест.

Известно, что долгие годы у нашего населения, особенно работников бюджетной сферы, жилищная проблема оставалась самой острой. Ради справедливости надо признать, что за истекшие 25 лет независимости почти не уделялось внимания этому острейшему вопросу. Лишь в 2017 г. в городах и селах было построено типовых и многоэтажных домов (на основе льготных ипотечных кредитов) общей жилой площадью более 3,5 миллиона квадратных метров. По сравнению с предыдущими годами объемы жилищного строительства резко возросли, к примеру, относительно 2007 года – в 20 раз, 2010 года – в 3,5 раза, 2014 года – в 2 раза. Приводя эти цифры, Президент республики Ш.М. Мирзиёев сказал, что «вопрос обеспечения населения доступным жильём по-прежнему остается актуальным, мы обязательно продолжим эту работу и в новом году еще в больших масштабах»[1].

За годы независимости большое внимание уделялось развитию образовательных учреждений. Приняты Закон «Об образовании» и Национальная программа по подготовке кадров. Конечно, в этой области достигнуты значительные успехи. Однако при внедрении в жизнь этих законов по объективным и субъективным причинам не удалось выполнить все, что было запланировано. Непродуманное строительство колледжей вдали от населённых пунктов, отсутствие педагогических кадров и необеспеченость их научно-техническим оборудованием, плачевное состояние строительства общеобразовательных школ и ремонта действующих образовательных учреждений привело к тому, что состояние предметных знаний у молодежи стало ниже уровня 90-х годов XX века.

Начиная с 2017 года начали происходить коренные изменения и в этой области. Лишь в 2017 г. реально построены 12 общеобразовательных школ, реконструи-

---

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г., стр. 2.

рованы 320, капитально отремонтированы 152 школы. Учитывая большую роль и значение воспитания детей с раннего возраста, организовано Министерство дошкольного образования. За истекший год построены и реконструированы 107, капитально отремонтированы 195 дошкольных образовательных учреждений. В соответствии с предложениями родителей, учителей и учащихся, широкой общественности восстановлено 11-летнее общее образование. В 15 высших образовательных учреждениях открыты заочные отделения, где более 5 тысяч педагогов, окончивших колледжи, смогут получить высшее образование. Осуществляется значительная работа по дальнейшему совершенствованию системы высшего образования. В частности, принята Программа комплексного развития системы высшего образования в 2017–2021 годах. В настоящее время в республике функционирует 81 высшее учебное учреждение, 15 их филиалов, 7 филиалов зарубежных университетов, ожидается открытие еще 2-х филиалов зарубежных университетов.

Узбекистан должен стать конкурентоспособным на мировой арене в области науки, интеллектуального потенциала, современных кадров, высоких технологий. Поэтому в 2017 г. были приняты меры по совершенствованию системы и укреплению материально-технической базы Академии наук Республики Узбекистана. Исправлены допущенные ошибки предыдущих годов по ликвидации научно-исследовательских институтов и передачи их вузам республики.

В духовной жизни республики огромна роль культуры, искусства и литературы, средств массовой информации. В целях повышения роли и значения творческих союзов в жизни страны, укрепления их материально-технической базы созданы Общественный фонд по поддержке творческих деятелей Узбекистана «Илхом», также совместно с учреждениями культуры и искусства, крупными компаниями и банками – «Клуб друзей» и многие другие.

В духовной жизни узбекского народа значительна воспитательная роль ислама и его выдающихся деятелей. Соответственно, в Ташкенте создано не только высшее учебное заведение – Исламский университет, но и Центр исламской цивилизации, международные научно-исследовательские центры имени Имама Бухари и Имама Термези, Исламская академия, где изучаются на основе первоисточников мусульманского права, суфизма, хадисов, которые хранятся в рукописных фондах республики. В них содержится истинно гуманистическая суть ислама, которая призывает всех людей, независимо от их национальности, вероисповедения и социального статуса, к добру, милосердию и согласию.

2017 год стал яркой страницей в истории разных видов спорта. Спортсмены Узбекистана добились высоких результатов на различных соревнованиях по боксу, дзюдо, таэквондо, тяжелой атлетике, вольной борьбе, самбо и узбекского национального кураша.

За минувший период в сфере внешней политики Узбекистан достиг значительных результатов в развитии дружеских и взаимовыгодных отношений с зарубежными государствами, в первую очередь с соседними странами – Казахстаном,

Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном, что было мечтой простого народа до 2017 года. Лишь в 2017 году состоялся 21 визит на высшем уровне, проведены встречи с руководителями и представителями более 60 государств и международных организаций. В результате заключено свыше 400 соглашений, подписаны торговые и инвестиционные договоры в общей сложности почти на 60 миллиардов долларов США. В целях современной реализации принятых документов разработаны 40 «дорожных карт», которые выполняются совместно с нашими зарубежными партнерами. Подписан ряд важных документов по дальнейшему углублению стратегического партнерства с Казахстаном, заключены экономические соглашения на 2 миллиарда долларов. Также достигнуты эффективные соглашения и договоренности с Россией, Китайской Народной Республикой, Южной Кореей, Турцией, США, государствами Европейского союза, мусульманскими странами.

Узбекистан на новом уровне развивает сотрудничество с такими международными структурами, как Организация Объединенных Наций, Исламская организация сотрудничества, Шанхайская организация сотрудничества, Содружество Независимых Государств. Восстановлено сотрудничество с Европейским банком реконструкции и развития, установлены партнерские связи с Европейским инвестиционным банком. Динамичный характер приобретает взаимодействие со Всемирным банком, Международным валютным фондом, Азиатским банком развития, Исламским банком развития, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. Происходящие в стране позитивные преобразования повышают интерес к Узбекистану на международной арене, служат укреплению нашего статуса в мировом сообществе. Принимая во внимание все высказанные предложения и рекомендации, Президент республики Ш.М. Мирзиёев предложил назвать новый, 2018 год «Годом поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий». Инновация – это будущее. Если страна переходит на путь инновационного развития, то это значит, что перед ней открывается широкая дорога по коренному улучшению всех сфер жизни государства и общества. С этой целью в республике создано Министерство инновационного развития, перед которым поставлены конкретные задачи. Надеемся, что «это министерство будет выполнять роль своеобразного локомотива в реализации важнейших проектов не только в экономической сфере, но и в жизни всего нашего общества»[1].

В Стратегии действий предусмотрено совершенствование системы государственного аппарата во всех его звеньях. Необходимо резко сократить административное влияние на отрасли экономики и широкое использование рыночных механизмов, отказаться от чрезмерно централизованного управления. Крайне необходимо реформирование института государственной службы, внедрение

---

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г., стр. 2.

действенных механизмов борьбы с коррупцией. В выполнениии этих задач неотложно проведение административной реформы в Республике Узбекистан. К принятому закону по борьбе с коррупцией в стране необходимо включить статью «смертная казнь» за хищение в крупных размерах государственного имущества, невзирая на занимаемую должность в государственных структурах, как в Китае (Это личное предложение автора настоящих строк).

Созданные законы с чрезмерной централизацией государственного управления, экономики и культурной жизни в стране существовали четверть века, настало время передать многие полномочия центральных органов территориальным органам. Расширены полномочия органов местной власти в формировании местных бюджетов и реформирования бюджетной системы. Руководителям районных, городских и областных хокимиятов представлены законом права и полномочия в решении насущных проблем на местах. «Предстоит в ближайшей перспективе полная передача хокимам районов и городов полномочий в отборе и расстановке кадров руководителей, ответственных за социально-экономическое развитие территорий»[1]. Президент республики Ш.М. Мирзиёев заметил, что «усилены роль Кенгашей народных депутатов, полномочия народных представителей....укреплен депутатский контроль над органами исполнительной власти. В то же время надо признать, что практика, когда хоким является одновременно руководителем и местного Кенгаша, и исполнительного органа, не соответствует демократическим принципам... Можно ли считать нормальным такой порядок вещей, когда в результате хоким сам дает оценку своей деятельности? Сегодня сама жизнь доказывает, что подобная система отрицательно влияет на деятельность как хокимов, так и местных Кенгашей»[2]. Здесь, видимо, необходимо усиление общественного контроля через своих представителей над деятельностью хокимов по освоению территорий, исполнению местного бюджета, решению коммунальных вопросов. «В сегодняшних реалиях именно отчетность, открытость и ответственность должностных лиц перед обществом являются важным условием эффективного функционирования государственного аппарата»[3].

В настоящее время в стране насчитывается более 9 тысяч ННО, действуют филиалы и представительства 29 международных и иностранных неправительственных организаций, таких негосударственных, некоммерческих организаций, как фонд «Нуроний», Союз молодежи, Совет фермерских, дехканских хозяйств и владельцев приусадебных земель, Торгово-промышленная палата, Республиканский совет по координации деятельности органов самоуправления граждан, их поддержки. При активной поддержке деятельности этих общественных организаций можно было бы наладить системное изучение проблем населения, их

---

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г , стр. 3.

[2] Там же.

[3] Там же.

решение, предупреждение правонарушений и преступности среди молодежи, их трудоустройстве.

Однако эти организации занимаются в основном проведением формальных мероприятий[1]. Налаживание общественного контроля за деятельностью государственных органов требует создания при Президенте Республики Узбекистан Консультативного совета по развитию гражданского общества, чтобы он вплотную занимался реализацией общественного контроля за деятельностью государственных органов, что привело к принятию Закона «Об общественном контроле» и созданию общественных советов при всех государственных органах.

Эти общественные советы должны обеспечивать открытость деятельности государственных органов и исполнять роль связующего звена с населением. При таком подходе к решению проблем можно добиться успехов в осуществлении принципа «Не народ служит государственным органам, а государственные органы должны служить народу».

В этой сфере средства массовой информации являются наиболее важным и действенным механизмом укрепления демократических принципов в жизни общества, значительную роль они играют в устранении недостатков в практической деятельности всех видов государственных органов. «Сегодня в нашей стране действует более 1500 средств массовой информации. Они отличаются по форме собственности, направлению, способу передачи информации. Безусловно, всем им требуются высококвалифицированные кадры. К сожалению, в стране пока нет соответствующего базового высшего учебного заведения, которое централизованно решало бы эти масштабные задачи на высоком уровне. Важным шагом в этом плане будет целесообразным создание Университета журналистики и средств массовой коммуникации», – сказал Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев в Послании Олий Мажлису от 22 декабря 2017 года[2].

Обеспечение верховенства закона в стране настоятельно требует дальнейшего реформирования судебно-правовой системы. Президент Ш.М. Мирзиёев прав, когда резко критикует деятельности всех видов государственных правоохранительных органов, в первую очередь, работу народных судей и прокуратуры, которые несмотря на демократизацию страны до сих пор продолжают работать по старинке, в традициях советского периода. Нет места и роли адвокатуры в судебных процессах, для этого нет подготовленных высококвалифицированных кадров, защищающих справедливость и государственный закон.

Поэтому в этой сфере создан Высший судейский совет, которым установлен действенный общественный контроль за подбором и назначением судей. В целях продолжения реформы в этой области Президентом республики

---

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г., стр.3., стр.3.

[2] Там же.

Ш.М. Мирзиёевым предложено создать при Олий Мажлисе комиссию по содействию обеспечения независимости судебной власти, которая на основе обобщения обращений граждан, вопросов, поднятых в ходе непосредственных встреч, и путем парламентского запроса должна анализировать реальную ситуацию и совместно с Верховным судом и Высшим судейским советом принимать меры для решения выявленных проблем.

В целях установления в стране народовластия на основе закона продолжались реформы по пути обеспечения верховенства закона и конституционных прав человека. С этой целью на основе критического анализа системы учреждений по исполнению наказания планируется принятие в 2018–2022 годах программы соответствующих мер. Например, начиная с 2018 года будут обеспечены дорожно-патрульные и патрульно-постовые службы органов внутренних дел видеокамерами, позволяющими фиксировать ход выполнения ими своих служебных обязанностей, особенно в общении с гражданами. Эта система послужит предупреждению случаев взяточничества и злоупотребления служебным положением. Впредь ни один человек не должен привлекаться к ответственности на основе фиктивных доказательств, клеветы и наветов. Необходимо создать надежные гарантии для того, чтобы нормы Конституции и законов неукоснительно соблюдались[1]. По Конституции органы внутренних дел должны заниматься обеспечением общественного порядка и безопасности, органы национальной безопасности – защитой государства от внутренних и внешних угроз.

Прокуратура призвана осуществлять надзор над исполнением законов. Основная задача судов заключается в обеспечении правосудия, вынесении по каждому делу законного, обоснованного и справедливого решения. В принятых законах четко определены задачи этих ведомств, их деятельность нацелена на служение интересам народа. Отныне в борьбе с нарушениями законности этих определений должен активно действовать всенародный общественный контроль. Органы Службы национальной безопасности на протяжении 26 лет действовали на основе Положения, утвержденного правительством Республики Узбекистан. Более четверти века это Положение не изменялось, и любые проблемы оценивались как угроза национальной безопасности, что привело к безосновательному расширению полномочий данного ведомства. Настало время разработать и принять законы «О правоохранительных органах» и «О Службе национальной безопасности».

Наиболее важным и актуальным приоритетным направлением развития общества является либерализации экономики. Сегодня в мире растет число стран, динамично развивающихся за счет внедрения моделей инновационного развития, экспорта передовых идей и «умных» технологий. К сожалению, нельзя сказать, что в этой сфере у нас результат удовлетворительный, хотя Узбекистан обладает богатейшими природными ресурсами, значительным экономическим потенциалом. Узбекистан подлинно райский край с богатой плодородной землей, опти-

---

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г., стр.3.

мальным климатом, с большим количеством солнечных дней в году. Однако из-за отрицания роли науки в развитии экономики внедрение передовых идей оставалось за пределами страны. Например, в 2017 году объем добычи природного газа в стране составил 56,5 миллиарда кубометров. Но из-за неосуществленной модернизации отрасли в течение нескольких лет его потери остаются чрезвычайно высокими – 20–23 процента. В 2018 году в Узбекистане добыча природного газа должна достигнуть 66 миллиардов кубометров. Из них 17 миллиардов кубометров будет поставлено АО «Узбекэнерго». За счет этого будет произведено 56 миллиардов киловатт электроэнергии. В речи Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева в обращении к общественности актива прозвучало, что у нас устаревшие линии электропередачи. В результате потерь 15–20 процентов электроэнергии не доходит до потребителей, бесполезно расходуясь в сети.

Серьезной проблемой остается устаревшая система управления в экономике, неактивное внедрение инновационных идей. Серьезным тормозом остаются допущенные просчеты в определении и реализации перспективных крупных проектов, нерациональное направление иностранных кредитов. По мнению экспертов и специалистов, большая часть полученных в течение 25 лет кредитов не дала запланированного экономического эффекта. Например, Устюртский газохимический комплекс, построенный в Каракалпакстане, не приносит ожидаемой экономической выгоды. А некоторые «деятели» из Министерства финансов в свое время на весь мир заявляли, что это лучший проект в мире. А конечный результат?

Такое положение наблюдается и с рядом социальных программ, связанных с насущными потребностями людей. Так, в целях обеспечения населения питьевой водой за последние 10 лет в рамках реализации 17 проектов было привлечено более 618 миллионов долларов иностранных кредитов. Но, к сожалению, ни один из начатых проектов не доведен до конца. До сих пор у нас нет глубоко продуманной программы технологического развития Узбекистана и модернизации внутреннего рынка. Реализация такой программы должна создать новые возможности для обретения Узбекистаном достойного места в ряду развитых стран мира.

Требование рыночной экономики таково, что доступ к ресурсам и возможностям должен быть одинаковым для всех, без каких-либо преимуществ. С этой точки зрения нельзя назвать справедливым, что импорт продукции, необходимой для удовлетворения потребностей нашего населения, сконцентрирован в руках отдельных групп и стал для них источником необоснованного обогащения. Предоставляя особые льготы некоторым предприятиям, сами препятствовали свободной конкуренции и таким образом отрицательно влияли на стабильность цен. Пора отказаться от подобной практики. В целях создания равной и честной конкуренции разработан и вынесен на всенародное обсуждение проект Указа «О мерах по дальнейшему эффективному обеспечению продовольственной безопасности страны».

Известно, что сложность наших таможенных процедур является одним из основных факторов, препятствующих развитию предпринимательства. По данным Всемирного банка, Узбекистан занимает 175-е место среди 190 государств по оформлению экспортно-импортных документов. Например, в Бельгии для оформления томоженных документов достаточно одного часа, а унас на это уходит почти месяц. Во всех развитых странах таможенный досмотр осуществляется на основании данных системы оповещения об угрозе безопасности. Это экономит и государственные ресурсы, и время предпринимателей. Но у нас до сих пор такая система не внедрена.

Нужно признать, что самый большой проверяющий орган – это налоговое ведомство. Оно само разрешает проверки и само же проверяет, где тут логика? Поэтому Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев считает целесообразным перейти на электронную систему выдачи разрешений на проведение проверок и возложить осуществление соответствующего контроля на Генеральную прокуратуру. Вместе с тем, исходя из объявления 2018 года Годом поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий, на два года прекращена проверка финансово-хозяйственной деятельности предпринимателей.

В развитии экономики важную роль играет надежная и стабильная банковско-финансовая система. Без повышения доверия к ней населения и субъектов предпринимательства трудно будет освободиться от «теневой» экономики. В целях повышения привлекательности страны для инвесторов предстоит сделать многое для совершенствования налоговой системы. Для этого необходимо уменьшить и оптимизировать налоговое бремя для всех категорий бизнеса, на этой основе расширить производство и налогооблагаемую базу. Главное, с точки зрения инвесторов, налоговая система в течение длительного времени должна оставаться определенной и понятной. В этой связи в налоговой системе следует проводить тщательно продуманную, долгосрочную политику.

В настоящее время одной из перспективных отраслей, приносящих высокий доход национальной экономике, является туризм. Узбекистан – страна с огромным туристическим потенциалом. Здесь находятся более 7,3 тысячи объектов культурного наследия, значительная часть которых включена в соответствующий список ЮНЕСКО. Природа Узбекистана, прекрасные зоны отдыха привлекают к себе постоянный поток туристов культурно-исторического, паломнического, экологического, этнолого-этнографического направления как внутреннего, так и международного туризма. Узбекистан богат памятниками археологии, архитектуры и искусства. На территории каждой области республики имеются выдающиеся археологические памятники, наподобие Афрасиаба.

Одной из важнейших и ведущих отраслей экономики страны является сельское хозяйство. Известно, что сегодня более 51 процента населения Узбекистана

проживает в сельской местности. Однако доля сельскохозяйственной продукции в валовом внутреннем продукте страны не превышает 17 процентов. А объем переработки продукции аграрного сектора не достигает и 10 процентов. Хотя в развитых странах данный показатель превышает 50 процентов. Не может не волновать тот факт, что в последние годы на рынках нашей страны все больше импортной продукции. Это недопустимо. Узбекистан, являясь подлинно райским краем с богатой плодородной почвой, оптимальным климатом, большим количеством солнечных дней в году, должен стать государством, экспортирующим высококачественную продукцию сельского хозяйства. Пора восстанавливать наши исчезающие традиционные сорта овощей и фруктов, налаживать рациональную и эффективную селекционную работу, широко внедрять в сферу научные достижения и инновационные разработки.

В период независимости мы отказались от колхозов и совхозов, в целях создания частного предпринимательского хозяйства организовали фермерские хозяйства как лучший способ развития сельского хозяйства. В последние годы в результате распространения фермерского движения в нашей стране сформировались свыше 160 тысяч фермерских хозяйств, которые осуществляют деятельность более чем в десяти направлениях. В 2017 году в стране было заготовлено 8 миллионов 377 тысяч тонн зерна, более 2 миллионов 930 тысяч тонн хлопка, 12 тысяч 450 тонн коконов, 318 тысяч тонн риса, 23 миллиона тонн плодоовощной, 13 миллионов тонн мясо-молочной продукции[1]. Было переработано 132 тысячи тонн сельсохозяйственной продукции, экспортировано готовой продукции на 100 миллионов долларов. За рубеж реализовано 724 тысячи тонн свежих фруктов на сумму 865 миллионов долларов[2]. В рамках программ сельскохозяйственного развития налажена деятельность множества хозяйств по рыбоводству, пчеловодству, птицеводству, выращиванию крупного и мелкого рогатого скота. Для восстановления рыбоводческой отрасли была образована ассоциация «Узбекбаликсаноат». В ней объединялись 3600 рыбоводческих хозяйств. В нынешнем году на естественных водоёмах площадью 580 тысяч гектаров и искусственных водоёмах в 28 тысяч гектаров было заготовлено свыше 100 тысяч тонн рыбы. Для развития еще одного важного направления – пчеловодства была образована Ассоциация пчеловодов Узбекистана, ее членами стали болеее 14 тысяч предпринимателей, занимающихся производством мёда.

В нашем регионе, ограниченном водными ресурсами, очень сложно заниматься земледелием, получать высокий и качественный урожай. Поэтому сельское хозяйство требует государственной поддержки, внедрения в сельское хозяйство

---

[1] *Ш.М. Мирзиёев.* Труженики сельского хозяйства – прочный столп жизни, крепкая опора нашего благополучия. Из доклада Президента Республики Узбекистан по случаю дня работников сельского хозяйства. Газета «Правда Востока» от 10.XII.2017 г.

[2] Там же, стр.2.

водосберегающих технологий, предоставления дополнительных льгот. Однако высокие технологии пока внедрены всего лишь на 240 тысячах гектаров, в том числе технология капельного орошения – на 28 тысячах гектаров площади.

В сфере сельского хозяйства имеются незадействованные резервы, ожидающие своего решения проблемы и недостатки. Одна из задач – эффективное использование земли. До независимости площадь орошаемых посевных земель в нашей стране составляла более 4 миллионов гектаров. Из них в первые годы независимости 445 тысяч гектаров плодородной земли были переданы населению в качестве приусадебных участков. Для посева в распоряжении государства осталось 3 миллиона 300 тысяч гектаров, и расширение площадей из-за нехватки водных ресурсов становится невозможным. Вторая проблема – износ ирригационных сооружений, выход сетей из строя, вследствие чего возникает масса трудностей в орошении 830 тысяч гектаров площадей. Обеспечение населения качественным молоком и мясом, яйцами и рыбной продукцией настоятельно требует создания дополнительных мощностей по выращиванию породистого скота, увеличению количества птицеводческих хозяйств.

Крайне необходимо увеличение выращивания плодоовощной продукции, качественной доставки ее населению и отправки на экспорт. Сегодня в стране перерабатывается всего 15 процентов, экспортируется лишь 8 процентов выращиваемых фруктов и овощей. Эти цифры не соответствуют потенциалу Узбекистана. Переданные гражданам республики для приусадебных участков 445 тысяч гектаров плодородной земли в сельской местности плохо используются их владельцами.

В плачевном состоянии находится сельхозтехника, которая уже реально устарела. Все это приводит к снижению производительности труда и урожайности.

Одной из серьёзных проблем является отставание науки, ориентированной на развитие сельского хозяйства. В связи с этим Президент республики Ш.М. Мирзиёев, в целях устранения допущенных недостатков, обратил внимание на необходимость резкого повышения роли науки и активного участия ученых в развитии аграрной науки и селекции, разработке и внедрении передовых агротехнологий, создании и размещении сортов сельхозкультур в соответствии с почвенно-климатическими условиями каждого региона. Однако состояние научно-технической базы и наличие соответствующих кадров не отвечают современным требованиям из-за неправильной политики бывшего руководства республики.

Очередными вопросами, требующими серьёзного подхода, являются обработка шкур животных и обеспечение отечественных предприятий легкой промышленности качественным волокном. У нас ежегодно заготовляется более 12 миллионов штук шкурок. Из них получить высококачественную и конкурентоспособную продукцию пока является проблемой. Страна имеет возможность ежегодно переработать собственными силами до 1 миллиона

400 тысяч тонн хлопкового волокна и наладить экспорт готовой продукции из него. Однако в переработке хлопкового волокна существует еще множество проблем, что приводит к снижению рентабельности производства и переработки хлопка-сырца. Все эти возможности требуют привлечения в производство новых технологий и усилия ответственных лиц, занимающихся этой сферой экономики. До настоящего времени хлопкое сырьё продавалось отечественным предприятиям только через акционерное общество «Узпахтасаноат». Этот метод материально не заинтересовал производителей хлопка. Теперь хлопкосеющие фермеры смогут продать свой урожай непосредственно на основе прямых договоров с покупателями, что принесет выгоды фермерским хозяйствам.

В настоящее время страна экспортирует плодоовощную продукцию на 1,5–2 миллиарда долларов. А у нас есть возможности экспортировать эту продукцию на 10–15 миллиардов долларов в год. В ее заготовке и экспорте должны большую роль играть акционерное общество «Узагроэкспорт», агрофирмы и компании по оптовым закупкам. С этой целью необходимо создать единую базу данных об объёмах выращенной продукции в разрезе фермерских хозяйств.

Надо отметить, что у нас в республике существует отставание в разрезе ускоренного экономического развития регионов. В 9 районах не было организовано ни одного предприятия с участием иностранных инвестиций. Прямые инвестиции в основном приходятся на город Ташкент, Ташкентскую,Самаркандскую области и Ферганскую долину.

Важной сферой экономики, требующей особого внимания, является строительство. С этой целью будет разработана программа инновационного развития сферы строительства до 2030 года. В связи с этим на подготовку высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров путем стажировок отечественных специалистов за рубежом уделяется большое внимание. При этом учитывается в первую очередь обеспечение жильём молодых семей, владельцев ветхого жилья и граждан иных категорий. В этих целях разработаны конкретные планы по увеличению в 2018 году строительства типового и доступного жилья в 1,5 раза больше по сравнению с 2017 годом[1].

В 2018 г. планируется построить 180 км железных дорог, электрифицировать более 200 км железных дорог, организовать движение скоростного поезда «Ташкент-Ургенч-Хива» и туристического поезда «Ташкент-Самарканд-Бухара-Ургенч-Хива», сдать в эксплуатацию Южный вокзал в г. Ташкенте и новый вокзал г. Хиве, электрицифировать линии Бухара-Мискен и Карши-Китаб, связать их с Шахрисабзом через новую сеть железных дорог, ускорить строительство Сергелийской и второй очереди Юнусабадской линий Ташкентского метрополитена, надземной линии метро вдоль большой кольцевой дороги столицы.

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г., стр. 4.

По четвертому приоритетному направлению развития будут приняты практические меры поэтапного повышения реальных доходов населения, заработной платы, стипендий, пенсий и социальных пособий, по развитию частной медицины, созданию условий для эффективной работы зарубежным специалистам. В 2018 году на базе 46 районных и городских медицинских объединений будут организованы межрайонные перинатальные центры с целью обеспечения современным медицинским оборудованием и укомплектования квалифицированными кадрами. Будут реализованы меры по обеспечению культурного отдыха и содержательного досуга населения.

С целью совершенствования системы охраны и рационального использования объектов культурного наследия будет принята Программа поддержки археологических исследований и хранения археологических находок.

Сегодня многие наши молодые люди получают образование, работают за рубежом. Отныне будет налажена постоянная связь с соотечественниками, проживающими за рубежом, усилится работа по защите их прав и законных интересов, поддержке тех, кто желает вернуться на Родину. С этой целью будет образована Международная ассоциация молодежи Узбекистана и созданы соответствующие условия для ее эффективной деятельности. Как первые шаги в этом направлении в 2018 году планируется организовать в Самарканде Форум молодежи Центральной Азии. Мы и в дальнейшем будем придавать приоритетное значение глубокому изучению английского и других иностранных языков, сказал Президент республики, мы не вправе забывать, что интеллектуальный и культурный потенциал нашего народа – поистине бесценное богатство, и воспитание на этой основе одаренной, талантливой молодежи имеет решающее значение. Именно благодаря такому подходу развитие страны достигло нынешнего высокого уровня[1].

Сегодня весь мир по праву признал неоценимый вклад в историческую сокровищницу мировой культуры и цивилизации передовых, выдающихся учёных, государственных деятелей, предков трудолюбивого узбекского народа. Научное исследование на фундаментальной основе истории происхождения обладателей этого бесценного культурного наследия, проведение регулярных научных изысканий остаётся самой актуальной задачей современности и будущего. Всё это является свидетельством славного будущего независимого Узбекистана.

Как известно, в условиях нынешней глобализации все более острой становится экономическая конкуренция, усиливаются информационные и террористические угрозы. Продолжаются кровавые столкновения и конфликты на Ближнем Востоке. К большому сожалению, в мире растет количество подобных очагов. Учитывая такую тревожную обстановку, мы должны быть всегда бдительными и стараться сохранить мир в стране. В этом большая ответствен-

---

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г., стр.5.

ность ложится, в первую очередь, на актив аксакалов махалли, активистов молодежных и женских организаций, инспекторов по профилактике, имам-хатибов мечетей и заместителей хокимов, в прямые обязанности которых входят вопросы религиозного и духовно-нравственного воспитания. Если родители и общественность махалли сообща будут заботиться о том, чтобы уберечь своих детей от подобных угроз и вызовов, то любые неприятности обойдут нас стороной.

Наша армия по своей сущности и задачам имеет оборонительный характер. Несмотря на это, она должна быть всегда боеспособной, духовно и морально устойчивой и готовой к любым угрозам как внутри страны, так и извне в нынешнее быстро меняющееся время. Поэтому за короткое время в результате принятия комплексных мер по реформированию национальной армии кардинально изменился облик наших Вооруженных Сил. Повышению эффективности реформ в военной сфере будет служить принимаемая новая Оборонная доктрина. В этом документе закреплены принципы открытости во внешней политике Узбекистана, развития дружеских отношений со всеми, прежде всего с соседними странами. Учитывая особенности геостратегического положения нашей страны, были пересмотрены задачи и структура соединений Вооруженных Сил. Создана национальная гвардия, принимаются комплексные меры по оснащению армии новым вооружением и современной военной техникой. На основе системных реформ в сфере подготовки военных кадров кардинально преобразована деятельность Академии Вооруженных Сил.

В соответствии с принятой Стратегией действий Республика Узбекистан последовательно продолжает политику всестороннего развития дружеских, взаимовыгодных связей со всеми странами дальнего и ближнего зарубежья, прежде всего с соседними государствами, а также с международными организациями. «Я убежден, – сказал Президент Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёев, – что оставаясь верными самим себе, не занимаясь самообманом, работая честно и добросовестно, мы обязательно достигнем всех рубежей, к которым стремимся»[1].

Успехи, достигнутые за годы независимости, радуют, но перед нами стоит еще очень много задач, выполнение которых требует сама жизнь, наше будущее, и претворять их в жизнь будет, в первую очередь, молодое поколение. Мы уверены, что из среды нынешнего молодого поколения, в жилах которых течёт кровь великих предков, вырастут гении, равные Беруни, Ибн Сине, Ахмаду Фергани и Мухаммаду Хорезми.

Представительные международные конференции, проведённые за последние два года в области истории и искусства, медицины и образования, научного наследия нашего народа, выступления иностранных учёных, их интерес к практической деятельности в этих отраслях, мнения, высказанные по этому поводу, придают уверенность в правильности избранного пути. Главной задачей неза-

---

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева Олий Мажлису. Газета «Правда Востока» от 23.XII.2017 г., стр.5.

висимой Республики Узбекистан и узбекской нации является осуществление решительных экономических и политических, духовных и просветительских работ, движение вперед.

Это произведение направлено на воспитание молодого поколения в духе преданности Родине, посвящено освещению славного пути, который был пройден нашим народом, процессу формирования узбекского народа в качестве нации. Авторский коллектив будет весьма рад, если широкий круг читателей, ознакомившись с историей происхождения узбекского народа, получит духовное удовлетворение и нравственную энергию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во вступительной части данной работы говорится, что в период всестороннего развития независимого государства Узбекистан вопрос о происхождении узбекского народа является одним из самых актуальных в истории республики, определены основные положения, цели и задачи этой проблемы. В I–XX главах исследования на основе объективного, непредвзятого научного анализа первичных источников рассматриваются вопросы, связанные с этногенезом и этнической историей узбекского народа, а также историей этой нации. На основе комплексного подхода к решению этой сложной, ставшей объектом многих научных диспутов проблемы, то есть в вопросе формирования нового этноса, сложившегося на базе взаимного длительного социального и экономического, культурного и духовного смешения наших предков, представлявших два исторически сложившихся типа хозяйствования (оседлое земледелие и кочевое животноводство), было достигнуто единое представление.

С учётом новейших достижений в области общественно-гуманитарных наук была сделана попытка представить читателю ясное представление о происхождении узбекского народа. В процессе изложения материала в соответствующих главах сделан анализ существующих в науке концепций о происхождении народов, отмечены их научные, сомнительные и безосновательные стороны; внесены уточнения по вопросу новой периодизации истории Узбекистана; на основе богатого археологического материала доказано, что первичная этническая основа исторических корней узбекского народа, с одной стороны, берёт своё начало в культуре наших оседлых предков, сложившейся в период эпохи бронзы, с другой стороны, она связана с нашими прототюркоязычными предками-скотоводами, впервые упоминаемыми в Авесте и также сформировавшимися в этот период; высказаны новые мысли об особенностях узбекского этногенеза, этнической истории и истории нации; в отличие от существующих взглядов на основе вещественных и письменных источников изложено мнение о начальной точке узбекского этногенеза, освещены связанные с ним этнокультурные процессы, формирование узбекского этногенеза из разноязычных этнических компонентов. Однако существование в науке среди сторонников европоцентристской идеи относительно недоверчивого отношения к сведениям, которые содержатся в оригиналах древних китайских письменных источников, бросает тень на тот факт, что тюркские корни

в Туране берут своё начало в эпохе бронзы. Это объясняется тем, что в историческом языкознании советского периода господствовала концепция о том, что в пределах территории Евразии, протянувшейся до Горного Алтая, все племена и народности говорили на иранских языках. Согласно устоявшейся в науке того времени сомнительной концепции, древнеиранский язык, к которому относится язык персидско-таджикского населения Средней Азии, а также народов Ирана, Афганистана и Северной Индии, якобы был привнесён в середине II тысячелетия до н.э. со степей Центральной и Восточной Европы арийцами, иранизировавшими местных эламитов и хурритов. Объективное и непредвзятое прочтение в годы независимости древнекитайских письменных источников привнесло научную достоверность в решение проблемы.

Также на основе сравнительного анализа названий этнических общностей, этнонимов и топонимов, приведённых в древнеиранских, греческих, древнекитайских, индийских, армянских, местных согдийских, бактрийских, парфянских, сакских и тюркских письменных источниках, были внесены определённые уточнения в существующую путаницу. Был прослежен исторический путь узбекского этногенеза до его образования в качестве единого народа, формирование факторов и признаков, присущих этносу.

В работе рассказывается, что коренная основа узбекского этноса связана с длительным совместным проживанием на этой земле по соседству автохтонных согдийских и тюркских этнических слоёв, что по воле истории существование между ними экономических, политических, этнокультурных отношений привело к постепенному этническому смешению и, в конечном счёте, формированию узбекского народа.

В работе научно обоснована безосновательность связывания происхождения узбекского народа с его этническим названием, рассмотрен вопрос о том, что обычно история народа бывает древнее его названия, а иногда заключительным этапом объективных факторов, формирующих этнос, может быть не только политическое государственное объединение, но и характерный для этноса общий разговорный язык. Однако до сих пор учёные-языковеды не пришли к единому мнению по поводу периодической датировки. Сама жизнь требует проведения по этому вопросу дополнительных обоснованных изысканий, научного сотрудничества представителей гуманитарных наук (истории, археологии, этнологии, этнографии, философии, языкознания и других).

Действительно, государство Караханидов, ставшее политическим государственным объединением для узбекского народа, расширило круг своего влияния за счёт территории Мавераннахра и Хорезма, государственным языком, который находился в обращении, был общетюркский язык. В конце X и начале XI века староузбекский язык ещё не отделился от общетюркского языка. Не только в те времена, но и в период государства Саманидов, мавераннахрское ответвление карлукско-чигильского диалекта было основой староузбекского языка и на-

ходилось в обращении в качестве разговорного языка. А карлукско-уйгурский диалект, получивший широкое распространение в IX–X веках в восточных областях Караханидского государства, находился в составе общетюркского языка. Однако усиление его позиций в общегосударственном масштабе произошло в период Западно-Караханидского государства, то есть в течение второй половины XI – XII веке. Поэтому есть все основания полагать, что окончательное формирование узбекской народности в качестве народа произошло во второй половине XI – XII веке.

После того как узбекская народность сформировалась в качестве народа, входившие в его состав этнические компоненты продолжали существовать первоначально в качестве этнографических групп, этнических общностей и стали постепенно вливаться в состав определённого народа. Однако на основе антропологических серий научно доказано, что они уже не могли изменить структуру сформировавшегося народа; оказывая влияние на некоторые изменения в антропологическом строении определённого народа, не могли коренным образом изменить его сложившийся физический облик.

Во время изложения и научного анализа первичных источников мы придерживались научной концепции о трёх этапах истории происхождения узбекского народа, которая состоит из этногенеза, этнической истории и истории нации. На научной основе были внесены уточнения по вопросам начальной и конечной точек этого процесса. Также было научно обосновано, что если первый этап истории определённого народа является продуктом периода формирования раннеклассового общества и его ранних образований, то второй этап является продуктом феодального общества, а третий этап начинается в период вторжения в экономическую и культурную жизнь народа капиталистических отношений. Проведён научный анализ проявления характерных для нации особенностей в жизни общества, положительных качеств менталитета нации и устранения проблем, связанных с его негативными сторонами.

В работе научно обосновано, что процесс формирования узбекской нации такой же длительный этнокультурный процесс, как и этногенез узбекского народа. Проведен научный анализ окончательного формирования узбекского народа в качестве нации за период с конца XIX и в течение XX века. Мы имеем все основания утверждать, что узбекская нация в настоящее время окончательно сформирована. На сегодняшний день сложилось подавляющее большинство факторов, формирующих нацию: государство называется именем этой нации; нерушимость, неприкосновенность государственных границ нации признаются мировой общественностью; общенациональному языку, используемому в пределах государственных границ, придаётся статус государственного языка; степень самосознания населения превращается в смысл жизни, в повседневный образ жизни граждан; формируется присущий для нации менталитет; государство проявляет себя в качестве мощного органа, определяющего основные направления внутрен-

ней и внешней политики общества, в сознательный управленческий механизм перехода от сильного государства к справедливому обществу, претворяющему в жизнь требования и желания нации.

На основе сравнительного анализа чётко определены требования, предъявляемые к народу и нации.

Исходя из вышесказанного, в качестве обобщения результатов исследований и выводов, сделанных на основе изучения этногенеза узбекского народа, этнической и национальной истории, ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что этническую основу узбеков составляли проживавшие с древних времён на этой земле наши автохтонные прототюркские предки, а также сако-массагеты, согдийцы и бактрийцы, жители Древней Ферганы и чачцы, говорившие на различных диалектах северо-восточных иранских языков.

В середине II тысячелетия до нашей эры с северо-востока прибывает проживавшая в степях Евразии большая группа протоевропеоидных (Андроноидный тип) соплеменников – наших прототюркских предков, которые вступают с коренным населением в экономические и этнокультурные отношения.

Именно смешение этих протоевропеоидов со средиземноморским типом составило этническую основу «среднеазиатского междуречья». Территория, на которой сформировался этот тип, в настоящее время составляет основную территорию Республики Узбекистан. Во второй половине I тысячелетия – начале нашей эры узбекский этногенез развивается на основе проникновения на эти земли всё новых и новых тюркских племён и образования в III веке до н.э. государств Кангюй, Юэчжи, Кушан (I век до н.э. – IV век н.э.). Процесс тюркизации местного населения в ощутимой степени ускорился в период Тюркского каганата (VI–VIII века), в результате активизации этнокультурного развития происходит тюрко-согдийский симбиоз. Процесс узбекского этногенеза ускоряется с установлением в Мавераннахре господства крупного тюркского государства – Караханидского государства (начало XI века) и окончательно формируется в период Западно-Караханидского государства (XI–XII века).

Именно на этом этапе складываются все этнические факторы: территориальная общность, этнокультурное единство, языковое единство, единство исторической судьбы, политическая консолидация, единая религия и единство самосознания. В состав оседлой тюркской этнической общности в конце XV – начале XVI века со степей Дашти-Кипчака вливается новая этническая масса – степные узбеки. Но они ничего нового не внесли в состав сформировавшейся тюркской этнической общности, всего лишь оказав небольшое этнокультурное влияние в южных областях современного Узбекистана (Зарафшан, Кашкадарья, Сурхандарья). Но сложившийся до их прихода тюркский народ принял от них лишь этноним «узбек».

В течение нескольких веков у предков узбекского народа сформировались богатые хозяйственные традиции. Значительная часть жителей Мавераннахра и близлежащих к нему областей занимались оседлым земледелием, народным про-

мыслом и скотоводческим хозяйством. На этой земле складываются в основном три историко-культурных хозяйственных комплекса: основанное на многоразовом орошаемом земледелии хозяйство оседлого населения оазисов, полуоседлое население предгорных районов, параллельно ведущее животноводческое и богарное земледельческое хозяйства и хозяйство кочевников-скотоводов.

С древних времен скотоводы постепенно переходят к оседлому образу жизни, привыкают к занятию земледелием и ремесленничеством, а их образ жизни приобретает комплексный характер. Благодаря экономическому и культурному развитию узбеков в этих хозяйственных типах происходят большие изменения, которые становятся особенно ощутимыми в период Западно-Караханидского государства и государства Хорезмшахов. С конца XIX – начала XX века исчезают продолжавшиеся с давних времен полуоседлые и полукочевые хозяйственные комплексы узбекского народа, большая часть узбекского общества переходит к городскому образу жизни и индустриальной экономике. Эти процессы особенно бросаются в глаза в советский период. Такое положение наносит ущерб народному промыслу. Но благодаря независимости исторически сложившийся народный промысел, трудовая деятельность в области традиционного ремесленничества нашего народа в настоящее время выходит на качественно новый уровень развития в образе жизни узбеков.

Одним из важных критериев этнической принадлежности является язык. Учёные подчёркивают непосредственную связь узбекского языка с западнокарлукским диалектом тюркских языков. Его формирование завершается в течение XI–XII веков и становится разговорным и литературным языком широких народных масс. Двуязычие было характерной особенностью жителей региона.

Древнее население региона, расположенного на пути крупных миграционных переселений, ставшего ареной грабительских войн чуждых этнических захватчиков, находившегося на перекрёстке различных культур, пережило чрезвычайно сложные социально-экономические и этнические процессы. На примере археологических материалов наблюдается существование взаимных культурных связей между народами Средней Азии, Западной Сибири, Восточной Европы и Кавказа ещё со времен неолита. Исторические корни взаимных культурных связей народов Средней Азии, в частности узбекского народа, с народами древнего Ирана, Индии, Китая, Передней Азии и другими странами Юго-Западной Азии уходят в древние времена.

Народы Средней Азии, в частности предки узбекского народа, на протяжении своей многовековой истории входили в состав многих полиэтнических государств – Ахеменидской империи, государства Селевкидов, Греко-Бактрийского царства, Кушанской империи, государства Кангюй, Тюркского каганата, Арабского халифата, Саманидского государства, Караханидского государства, государства Хорезмшахов, империи Чингизхана, государства Амира Темура, государства Шейбанидов, Аштарханидов, Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского

ханств, Российской империи и СССР. Народы этого региона с древних времён до наших дней взаимно связаны друг с другом хозяйственной жизнью, языком, культурой и религиозными воззрениями.

На всех этапах истории узбекского народа религия проникала в политическую, общественно-экономическую, духовную, нравственную и другие стороны общественной жизни. В доисламский период различные верования (тотемизм, анимизм, шаманизм, зороастризм и другие), манихейство и несторианство выполняли этноинтеграционную роль в жизни среднеазиатского общества. После арабского завоевания происходит изменение в религиозных верованиях местного населения. Жители Средней Азии, в частности предки узбекского народа, принимают суннитское (ханафия) направление в исламе. Новая вера определила нормы морали, поведения, стала повседневным образом жизни всех слоёв населения. Но исламская религия не смогла начисто уничтожить религиозные представления прошлого, напротив, она впитала в себя некоторые религиозные культы и обряды прошлых верований. И именно в этом проявляются своебразные особенности религиозной жизни среднеазиатских мусульман. Этот религиозный синтез весьма обогатил духовную жизнь узбеков.

Средневековые мыслители из Мавераннахра – Имам Бухари, Имам Термези, Абу Мансур Мотуриди, Бурхониддин Маргинани и другие – находились в очень близкой связи с арабским религиозным миром и другими странами Востока и внесли весомый вклад в сокровищницу исламского учения, став известными учёными в мусульманском мире. Знаменитые учёные-энциклопедисты Мухаммад Хорезми, Ахмад Фергани, Абу Наср Фараби, Абу Али ибн Сина, Абу Райхан Беруни, Мирзо Улугбек и другие создали бесценные произведения по философии и истории, астрономии и математике, медицине и географии, тем самым обогатив мировую науку великими открытиями, подняли на небывалую высоту этнокультурную жизнь народов региона и, в первую очередь, предков узбекского народа. В этом отношении неоценим вклад величайшего поэта узбекской поэзии Алишера Навои.

Вторая половина XIX – начало XX века характеризуются совершенно новыми политическими событиями, изменениями, свершившимися в хозяйственно-экономической и этнокультурной жизни, традиционной культуре и обычаях узбеков. В период этих преобразований узбекский народ, развиваясь в гармонии с мировой культурой, занимает достойное место в цивилизационном развитии. В начале XX века территория современного Узбекистана была разделена между Туркестанским генерал-губернаторством, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Такое положение отодвинуло на второй план этническую общность жителей региона, живших на протяжении многих веков в качестве единого народа. Образование в 1924 году Узбекской ССР привело к объединению большинства узбеков в единой республике. Целая нация стала именоваться под названием «узбеки».

Происшедшие в советский период коренные преобразования привели к серьёзным положительным изменениям, обогатили этнокультурную среду, появилось среднее и высшее образование, получили развитие наука, светская литература, музыка и искусство. Однако эти коренные преобразования оторвали национальные ценности и культуру от их исторических корней и проводились наряду с политикой русификации местного населения. В экономике наблюдаются противоположные традиционному развитию тенденции, то есть развитие хозяйства на технической основе, укрепление индустриальной базы хозяйствования и внедрение в хозяйство достижений науки. Но, вместе с этим, отказ от использования богатого опыта в организации и управлении хозяйством привёл к негативным последствиям – появлению монокультуры хлопка, ухудшению экологической обстановки, засолению и заболачиванию почвы. Развитие отраслей тяжёлой промышленности строилось не на базе местного сырья, производство продукции тяжёлой промышленности не было направлено на развитие экономики республики, по этой причине развитие промышленности не сопровождалось подготовкой местных кадров, напротив, был нанесён удар по местному ремесленничеству.

За последнее десятилетие XX века в жизни узбекского народа произошли коренные изменения. 31 декабря 1991 года Республика Узбекистан была провозглашена независимым суверенным государством. В области экономики независимому Узбекистану досталось множество сложных проблем, на разрешение которых направлена внутренняя и внешняя политика государства, суверенного Узбекистана. Каждый гражданин Узбекистана должен хорошо осознать это и беззаветно служить на благо своей независимой Родины.

СПИСОК
ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ.

I. Исторические источники

1. *Istakhri.*BGA, 1870, 1.

2. *Moqaddasi.* Descriptio Imperii moslemici, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni Batavorum, 1967.

3. *Ptolemy.* Geography of Claudius Ptolemej. VI,12,1. – New York. 1932.

4. *Абу Райхан Беруни.* Избранные произведения. Том II. Перевод А.Б. Халидова и Ю.Н. Завадовского, отв. редактор В.И. Беляев. Т., 1963.

5. *Абу Райҳон Беруний.* Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар. – Т., 1968.

6. *Абу Райхан Беруни.* Сайдана. Избранные произведения. Том IV. – Т., 1973.

7. *Абу Райҳон Беруний.* Танланган асарлар. Қонуний Масъудий. Том V. – Т., 1973.

8. *Абу Райхан Беруни.* Памятники минувших поколений. Перевод с арабского М.А. Салье. Беруни. Избранные произведения. Том I. – Т., 1957.

9. *Абулғозий.* Шажараи турк. Масъул муҳаррир ва сўзбоши муаллифи Б. Аҳмедов. Нашрга тайёрловчилар: Қ. Муниров, Қ. Маҳмудов. – Т.: Чўлпон, 1992.

10. *Ал-Идриси.* «Китаб-роджер». Перевод С.В. Волина. МИТТ. Т. I. Москва–Ленинград, 1939.

11. *Алишер Навои.* Суждение о двух языках. Соч. Том X. – Т., 1970.

12. *Ал-Утби.* «Тарих-и Йамани». Пер. с перс. М.А. Салахитдиновой. В кн. «Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв.» Т., 1988.

13. *Аль-Макдиси.* Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. – М., 1939.

14. *Ал-Якуби.*BGA, VIII.

15. *Арриан.* Искандар юришлари. IV китоб.

16. *Арриан.* Искандар юришлари. III китоб.

17. *Абу Райхан Беруни.* Индия. Избранные произведения. Том II. – Т., 1963.

18. *Абу Райхан Беруни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Перевод А.М. Беленицкого. – Л., 1963.

19. *Абу Райхан Беруни.* Памятники минувших поколений. Перевод с арабского М.А. Салье. Избранные произведения. Том I. – Т., 1967.

20. *Абу Райҳон Беруни.* Геодезия / Танланган асарлар. III жилд. Мукаддима, таржима ва изоҳлар А. Аҳмедовники. ЎзССР ФА нашриёти. – Т., 1982.

21. *Абу Райҳон Беруни.* Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар / Танланган асарлар. I жилд. – Т., 1958.

22. *Бобур З.М.* Бобурнома. – Т., 1960.

23. *Геродот.* «Тарих». Том I, III, VII.

24. *Геродот.* История в девяти книгах. Кн. VII. – Л., 1972.

25. *Геродот.* История в девяти книгах. Перевод Г.А. Стратановского, 2001.

26. Гимн Ардви-суре (Яшт 5 «Ардвисур яшт»). Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Перевод И. Стеблина-Каменского. – М., 1993.

27. *Ибн ал Асир.* Китаб ал-Камил фи-тарих. Перевод с арабского К.Б. Старковой. Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973.

28. *Ибн Хордатбек.* Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Н. Велиховой. Баку: Элм, 1986.

29. *Ибн Ҳавқал.* BGA, II.

30. *Ибн Ҳавқал.* Vial et regna. Desriptio ditionis moslemical antore Abul-Kasim I, n Haukal. BGA, II, 1873.

31. *Истахри.* BGA..., 1870.

32. *Истахрий.* Китоб масолик вал мамолик. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Том I. – М., 1973.

33. История ат-Табари. – Т.: Фан, 1987.

34. История ат-Табари. Избранные отрывки. Перевод с арабского В.И. Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. – Т.: Фан, 1987.

35. *Кошғарий Маҳмуд.* Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. I том. – Т.: Фан. 1960–1963.

36. *Курций Руф.* Македониялик Искандар тарихи. VII китоб.

37. Кўҳна Танг сулоласи тарихи. II-қисм.

38. *Miqaddasi.*BGA, III.

39. *Маҳмуд Кошғарий.* Девону луғотит турк. I- жилд, – Т., 1963.

40. *Маҳмуд Кошғарий.* Девону луғотит турк.(Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов). Том I. – Т., 1960.

41. *Маҳмудхўжа Беҳбудий.* Танланган асарлар. – Т.: Маънавият, 1997.

42. *Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарихи Рашиди. Перевод с персидского А. Уринбаева. – Т., 1966.

43. *Мирзо Муҳаммад Ҳайдар.* Тарихи Рашидий. – Т., 1996.

44. *Мирзо Абдал Азим Сами.* Тарих-и-салотин – мангития. Перевод Л.М. Ефифановой. – М., 1962.

45. *Муқаддасий.* BGA. III.

46. *Муҳаммад Наршахий.* Бухоро тарихи. – Т., 1993.

47. *Муҳаммад Солиҳ Тошкандий.* Тарихи жадиди Тошканд. – Т., 1993.

48. *Наршахий Абу Бакр.* Бухоро тарихи. Форсчадан А. Расулов таржимаси. – Т., Фан, 1966.

49. *Наршахий.* Бухоро тарихи. – Т., 1993.

50. *Ниёз Муҳаммад.* «Тарих-и Шахрухия».

51. *Низомиддин Шомий.* Зафарнома. – Т., 1996.

52. *Рашидаддин.* Сборник летописей. – Т. I.

53. *Рашидаддин.* Джами ат-таварих. – М., 1952.

54. Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарии В.А. Лившица. Вып. 2. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. – М., 1962.

55. *Страбон.* География в 17 книгах. Кн. VIII, XI. 8. – М., 1964.

56. Тарих-и гузида Нусратнома. – Т., 1967.

57. Темур тузуклари. – Т., 1991.

58. ЎзР МДА, 18-жамғарма, 1-рўйхат, 761-иш.
59. ЎзР МДА, 36-жамгарма, 1-рўйхат, 3298-иш.
60. ЎзР МДА, 1-жамғарма, 12-руйхат, 923-иш..
61. ЎзР МДА, 1-жамғарма, 1-рўйхат, 2599-иш.
62. ЎзР МДА, 1-жамғарма, 5-рўйхат, 939-иш.
63. ЎзР ПДА, 361- фонд, 1- рўйхат, 555-йиғма жилд.
64. ЎзР ПДА, 60-фонд, 1-рўйхат, 4269-йиғма жилд.
65. Ўзр ПДА, 60 -фонд, 1- рўйхат, 4269- йиғма жилд.
66. Улугбек и его время. Соч. Т. II.
67. *Фирдавсий.* «Шоҳнома». И.В Бону Лахутий таржимаси. Том II. – М., 1960.
68. *Хондамир.* Хабиб ас-сиййар. – Теҳрон, 1955.
69. *Шарафиддин Али Яздий.* Зафарнома. Мовароуннаҳр воқеалари, 1360–1370-йиллар. Форс тилидан таржима ва изоҳлар О. Бўриевники. – Т., 1997.
70. *Шарафуддин Али Яздий.* Зафарнома. – Т., 1997.
71. *Шарафуддин Али Яздий.* Зафарнома (фотофаксимил нашр). Нашрга тайёрловчи, сўзбоши ва изоҳ А.Ўринбоевники. – Т., 1972.
72. *Шарафуддин Али Яздий.* Зафарнома. – Т., 1996.

II. Научная литература

1. *Каримов И.А.* Биздан обод ва озод Ватан қолсин. Том II. – Т.: Ўзбекистон, 1996.
2. *Каримов И.А.* Ватан саждагоҳ каби муқаддасдир. Том III. –Т.: 1996.
3. *Каримов И.А.* Бунёдкорлик йўлидан. Том IV. – Т., 1996.
4. *Каримов И.А.* Ўзбекистон XXI аср бўсағасида: хавфсизликка таҳдид, барқарорлик шартлари ва тараққиёт кафолатлари. – Т., 1997.
5. *Каримов И.А.* Қонун ва адолат устуворлигининг ҳаётбахш манбаи. Конституция кунига бағишланган тантанали маросимда сўзланган нутқ. 1998 йил 5 декабрь.
6. *Каримов И.А.* Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т., 2008.
7. *Каримов И.А.* Ўзбекистон мустакилликка эришиш остонасида. – Т.: Ўзбекистон. 2012.
8. *Каримов И.А.* «Бош мақсадимиз – кенг кўламлиислоҳотлар ва модернизация йўлини катъият билан давом эттириш». Халқ сўзи // 2013 й. 19 январь. 1–3 б.
9. *Каримов И.А.* Амалга оширилаётган ислоҳотларимизни янада чуқурлаштириш ва фуқаролик жамияти қуриш – ёруғ келажагимизнинг асосий омилидир. – Т.: Ўзбекистон, 2013.
10. *Каримов Ислом.* Ўзбекистон Республикаси Президенти. – Тошкент, 2013.
11. *Каримов И.А.* 2014 йил юқори ўсиш суръатлари билан ривожланиш, барча мавжуд имкониятларни сафарбар этиш, ўзини оқлаган ислоҳотлар стратегиясини изчил давом эттириш йили бўлади. – Т.: Ўзбекистон. 2014.
12. *Аальто П.* Имя «Ташкент» (Перевод и комментарии А.К. Акишева) // Shygys, № 1. – Алматы, 2005.
13. *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях иранских народов. «Древний Восток и античный мир». – М., 1972.
14. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Том I. – М., 1949.
15. *Абаев В.И.* Скифский быт и реформа Зороастра // «Археологические открытия». Часть XXIV, № I // 1956.

16. *Абаева В.И.* Хрестоматия по истории древнего мира. Т. I. Древний Восток. – М., 1950.

17. *Абашин С.Н.* Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века). – М.: Наука, 2004.

18. *Абашин С.Н.* Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: – Наука, 2011.

19. *Абдулгозиева Б.* Восточная Фергана в древности и раннем средневековье (система расселения, районирование и типология). Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1988.

20. *Абдуллаев К.* Живопись крепости Тавка, к проблеме этнической ситуации Северного Тохаристана (по данным настенных росписей) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы Международной конференции. 7–8 сентября 2009 г. – Самарканд – Ташкент, 2010.

21. *Абдуллаев К.* Историко-географическая справка. «Археологическое исследование Джандавлаттепа и Шерабадского района». – Прага, 2013.

22. *Абдуллаев К.* Уникальная находка терракотового фриза. ОНУ, № II, 1974.

23. *Абдураззоқ Самарқандий.* Матлаъи саъдайн ва мажмаи баҳрайн. Форс тилидан таржима ва изоҳлар А. Ўринбоевники. – Т., 2008.

24. *Абдурайимов М.* Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. – Т., 1961.

25. *Абдурахманов А.* Топонимика и этимология. – А-А., 1975.

26. *Абдураҳмонов Ғ.А., Шукуров Ш.* Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси. – Т., 1973.

27. *Абдураҳмонов Ғ.А., Рустамов А.Р.* Қадимги туркий тил. – Т., 1982.

28. *Абдураҳмонов Ғ.А.* Ўзбек халқи ва тилининг шаклланиши ҳақида. – Т., 1999.

29. *Абдураҳмонов Ғ.А., Шукуров Ш.* Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси. – Т., 1973.

30. *Абдухолиқ Абдурасул ўғли.* Туркий халқлар тарихига оид бир тибетча ҳужжат. «Ўзбекистонда ижтимоий фанлар» журнали, № VI, – Т., 1997.

31. *Абдухолиқ Абдурасул ўғли.* Қадимги Фарғона тарихи. – Т., 2002.

32. *Абдухолиқ Абдурасул ўғли.* Чин ва Мочин. – Т.: Фан, 2006.

33. *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Т., 1991.

34. *Аванесова Н.А.* Межкультурные взаимодействия степного населения Евразии и урбанизированных земледельцев Средней Азии. Тез. докл. «Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы: традиции и современность». – Самарканд, 2002.

35. *Аванесова Н.А.* Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины. «Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год».

36. *Аванесова Н.А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям). Автореф. канд. дисс. – Ленинград, 1979.

37. *Аванесова Н.А.* Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре. «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии». – Т., 2010.

38. *Аванесова Н.А., Ташпулатова Н.* Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры (По материалам исследования могильника Бустан VI). ИМКУ, вып. 30. – Самарканд, 1999.

39. *Аванесова Н.А., Шайдуллаев Ш.Б., Ёркулов А.* К вопросу о культурной принадлежности джамских древностей эпохи палеометалла. «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии.». – Самарканд–Бишкек, 2005.

40. *Авесто.* Асқар Маҳкам таржимаси. – Т.: Шарқ, 2001.

41. *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX–XIII вв. – Ашхабад, 1969.

42. *Агеева Е.И., Пацевис Г.И.* Из истории оседлых поселений Южного Казахстана. «Тр. ИИАН Каз. ССР». Том V. – Алма-Ата, 1958.

43. *Агзамходжаев Т.* Погребальные сооружения Чирчикско-Ангренской долины I–VIII. Автореф. канд. диссертации. – Т., 1966.

44. *Адылов Ш.Т.* Административно-территориальное устройство Западного Согда в раннем средневековье. Общественные науки в Узбекистане, № VI. – Т., 1998.

45. *Адылов Ш.Т.* Административно-территориальное устройство Западного Согда в раннем средневековье. ОНУ, VI, 1998.

46. *Азимов И.* Росписи Узбекистана. – Т., 1987.

47. *Айдаров Г.* Язык Орхонского памятника Бильге-кагана. – Алма-Ата, 1966.

48. *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифские. «Археологические исследования в Казахстане». – Алма-Ата, 1973.

49. *Акишев К.А.* Курган Иссик. – М.: Искусство. 1978.

50. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович И.М.* Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972.

51. *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960.

52. *Алимов К.* Памятники скотоводов Чача. – Т., 1979.

53. *Алихонтўра Соғуний.* Туркистон қайғуси. – Т., 2003.

54. *Альбаум Л.И.* Исследование Фаязтепе в 1973 г. «Древняя Бактрия». – Ленинград, 1976.

55. *Альбаум Л.И.* К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа. ИМКУ, № 8. – Т., Фан, 1969.

56. *Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа в Узбекистане. «Материалы сессии, посвященной итогам археолого-этнографических исследований 1964 года в СССР». Тезисы докладов. – Баку, 1965.

57. *Альбаум Л.И.* Раскопки буддийского комплекса Фаязтепе (По материалам 1968–1972 гг.). «Древняя Бактрия». – Ленинград, 1974.

58. *Алексеев В. П.* Положение Тешик-Ташской находки в системе гоминид. Антропологическая реконструкция и проблемы палеоантропология. – М.: Наука, 1973.

59. *Алексеев В.П.* Географические очаги формирования человеческих рас. – М.: Мысль, 1985.

60. *Аманжулов А.С.* Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дисс. – Алма-Ата, 1975.

61. *Аманжулов А.С.* Рунообразная надпись из сакского захоронения. «Вестник АН КазССР», № II. – Алма-Ата, 1971.

62. *Аманжулов А.С.* Тюркская руническая графика. – Алма-Ата, 1980.

63. *Аманжулов С.А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алма-Ата, 1959.

64. *Анна Каминна.* Алексиада. – М., 1965.

65. *Аннаев Т.Дж.* Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана. ИМКУ, XXI. – Т., 1987.

66. *Анорбоев А.* Қадимги ва ўрта асрларда Ахсикент. «Ўзбекистон тарихида Қадимги Фарғона» тўплам. – Т., 2001.

67. *Анфимов Н.В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № XXIII. – М., 1951.

68. *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и исследования об их численности. «Живая старина», вып. III–IVБ, СПб, 1896.

69. *Артамонов М.И.* История Хазар. Ленинград: Изд. Государственного эрмитажа. 1962.

70. Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Вып. V. – Сталинабад, 1959.

71. Археологическая коллекция с Ташкентского канала, «Сборы Музея истории АН УзССР».

72. *Аскаров А.* Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи. // ИМКУ, вып. V. – Т., 1964.

73. *Асқаров А.* «Бир китоб ҳақида минг эътироз». – Т., 2013.

74. *Аскаров А.* Арийская проблема: новые подходы и взгляды. «История Узбекистана в археологических и письменных источниках». – Т., 2005.

75. *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Т., Фан, 1977.

76. *Аскаров А.* Могильник эпохи бронзы в Муминабаде. КСИА АН СССР, вып. 122. – М., 1970.

77. *Аскаров А.* Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа. «Материалы к этнической истории населения Средней Азии». – Т., 1986.

78. *Аскаров А.* Об исконной родине расселения древних тюрков. ИМКУ, вып. 32. – Т., 2001.

79. *Аскаров А.* Памятники Андроновской культуры в низовьях Зарафшана. // ИМКУ, вып. III. – Т., 1962.

80. *Аскаров А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде. ИМКУ, вып. VIII. – Т., 1969.

81. *Аскаров А.* Сапаллитепа. – Т.: Фан. 1973.

82. *Аскаров А.* Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации. Сборник «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций». – Алма-Ата, 1989.

83. *Аскаров А., Абдуллаев Б.* Джаркутан. («К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана»). – Т.: Фан, 1983.

84. *Аскаров А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа. – Т.: Фан, 1979.

85. *Аскаров А., Джураев И.* К вопросу о взаимоотношении населения степей Евразии и Средней Азии в эпоху бронзы. «Марказий Осиё деҳқончилик ва дашт цивилизациясининг ўзаро муносабатлари мавзусидаги илмий-амалий анжуман материаллари». – Самарқанд, 2011.

86. *Аскаров А., Филанович М.И.* Новые данные о зарождении городской культуры на территории Ташкента. ОНУ, № VI, 1980.

87. *Аскаров А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд, 1993.

88. *Асқаров А.* Қадимги Хоразм тарихига оид баъзи бир масалалар. «Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар». – Т., 2004.

89. *Асқаров А.* Мустақиллик йилларида тарих, археология ва этнология. «Ўзбекистонда ижтимоий фанлар», № VI. – Т., 1996.

90. *Асқаров А.* Орийлар муаммоси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. «Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда». – Т., 2005.

91. *Асқаров А.* Сополли маданияти пиктографик ёзув белгиларини ўқишдаги дастлабки изланишлар. «Марказий Осиё халқлари тарихи манбашунослиги ва тарихшунослиги масалалари». V-сон. – Т., 2013.

92. *Асқаров А.* Тарихимизнинг уч муаммоси ва уларнинг ечими ҳақида янгича мулоҳазалар // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. – № V. – Т., 2000.

93. *Асқаров А.* Ўзбек давлатчилигининг илк босқичларида Қадимги Фарғона. «Фарғона кеча, бугун ва келажакда». – Фарғона, 2003.

94. *Асқаров А.* Ўзбек давлатчилигининг тарихий илдизлари // Давлатчиликнинг илк босқичларида – Ўзбекистон. (Республика илмий-амалий конференция материаллари.). – Т., 2010.

95. *Асқаров А.* Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик масалалари. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. – Т., 2004.

96. *Асқаров А.* Ўзбек халқи этногенез ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари. «Ўзбекистон тарихи» журнали, № 4, 2002.

97. *Асқаров А.* Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. – Т., 2007.

98. *Асқаров А.* Ўрта Осиё қадимги дунёсининг асосий хусусиятлари.// Ўзбекистонда ижтимоий фанлар, № VI, 1994.

99. *Асқаров А.* Энг қадимги шаҳар. «Маънавият». – Т., 2001.

100. *Ахинжанов С.М.* Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995.

101. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. – М., 1965.

102. *Аҳмедов Б.А.* Тарихдан сабоқлар. – Т., 1994.

103. *Аҳмедов Б.А.* Ўзбек улуси. – Т., 1992.

104. *Аширов А.* Ўзбек миллий менталитети ҳақида баъзи мулоҳазалар. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих». – Т., 2004.

105. *Бабаяр Г., Кубатин А.* К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология. – Туркестан (Казахстан), № VI, 2005.

106. *Бабаяров Г.* Государственный строй Западно-Тюркского каганата. Автореф. дис. док. ист. наук. – Т., ИВАНРУз, 2012.

107. *Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв). – Т.: изд-во Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои, 2007.

108. *Бабаяров Г., Кубатин А.* Некоторые аспекты взаимоотношений между кушанами и древними тюрками в свете нумизматических данных // «Этнос ва маданият: анъанавийлик ва замонавийлик» «Академик Карим Шониёзов ўқишлари» туркумида этнологларнинг V Республика илмий конференцияси материаллари. – Т., 2010.

109. *Байпаков К.М.* Западно-Тюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степи и города // Известия НАН РК. Средневековая археология. Серия общественных наук, № I. – Алма-Ата, 2009.

110. *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Шелковом пути. – Алма-Ата, 1998.

111. *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1979.

112. *Байтанаев Б.* Древний Испиджаб. Шымкент – Алматы, 2003.

113. *Бан Гу.* «Биринчи Хан сулоласи тарихи», – Шанхай, 1958.

114. *Бан Гу.* Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли. Ханнома. – Урумчи, 1994.

115. *Баратова Л.С.* Древнетюркские монеты Средней Азии VI–X вв. (типология, иконография и историческая интерпретация). Канд. дисс. – Т., 1995.

116. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. – Ленинград, 1927.

117. *Бартольд В.В.* Арабские завоевания и Туркестан при Саманидах. Соч. Т. II, часть 2. – М.: Наука, 1964.

118. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч. Т. V. – М., 1968.

119. *Бартольд В.В.* Дуглат. Соч. Том V. – М., 1968.

120. *Бартольд В.В.* Иран, исторический обзор. Соч. Том VII. – М., 1971.

121. *Бартольд В.В.* История Туркестана. Соч. Том II, часть 1. – М., 1963.

122. *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана. Соч. Том III. – М., 1965.

123. *Бартольд В.В.* Новые исследования об Орхонских надписях. Соч. Том V. – М., 1968.

124. *Бартольд В.В.* Новый труд о половцах. «Русский исторический журнал», кн. 7. 1921.

125. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. Соч. Том II, часть 1. – М., 1963.

126. *Бартольд В.В.* Сарты. Соч. Т. 2. – М.: Наука. 1964.

127. *Бартольд В.В.* Соч. Т. IV. – М., 1966.

128. *Бартольд В.В.* Соч. Т. III. – М.. 1965.

129. *Бартольд В.В.* Соч. Т. II. Часть 2. – М.: Наука. 1964.

130. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – М., 1963.

131. *Бартольд В.В.* Энциклопедия ислама. Т. IV. – М.: Наука. 1966.

132. *Баруздин Ю.Д.* Археологические памятники Баткена и Лайляка. – Фрунзе, 1962.

133. *Баскаков Н.А.* Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана. «Народы Средней Азии и Казахстана». – М., 1962.

134. *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. – М., 1961.

135. *Баходиров Р.* История Востока в «Ключах наук» // Шарқшунослик. № XIV. Т., 2009.

136. *Бекмурадов М.* Ўзбек менталитети: кеча ва бугун. «Тафаккур» журнали № 2. – Т., 2002.

137. *Беленицкий А.М.* Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии // Известия АН ТаджССР, № 1 (28). – Душанбе, 1962.

138. *Беленицкий А.М.* О работе Пянджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. VII. 1959.

139. *Белиницкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука. 1973.

140. *Бернштам А.Н.* Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ. № I. – М., 1952.

141. *Бернштам А.Н.* Древний Отрар. Известия АН Каз ССР. Серия археологическая, вып. III, № 107. – Алма-Ата, 1951.

142. *Бернштам А.Н.* Древняя Фергана (Научно-популярный очерк).Т.: изд-во АН УзССР, 1951.

143. *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. – М., 1952.

144. *Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник. – Ленинград, 1940.

145. *Бернштам А.Н.* Согдийская колонизация Семиречья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, № VI. – М.–Л., 1940.

146. *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VII–VIII вв. «Восточно-тюркский каганат и киргизы». М.–Л., 1946.

147. *Бернштам А.Н.* Спорные вопросы истории кочевых народов в древности. КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

148. *Бернштам А.Н.* Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726). ВДИ, № I. – М., 1952.

149. *Бижанов Е.Б., Ходжаниязов Г.Х.* Археологический комплекс Бутентоу. «Археология Приаралья», вып. VI.– Нукус, 2003.

150. *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. Том. I, II, III. – М. – Л., Изд. АН СССР, 1950.

151. *Бичурин Н.Я.* Древние авторы о Средней Азии. – Т., 1950.

152. *Бобоёров Г.* Бақтрий ҳужжатларида Турк хоқонлиги тарихига доир янги маълумотлар // «Ўзбекистон тарихининг долзарб масалалари Ёш олимлар нигоҳида: асосий йўналишлари ва ёндашувлар» Республика Ёш олимларининг анъанавий иккинчи илмий конференцияси материаллари тўплами. – Т., 2010.

153. *Бобоёров Г.* Турк хоқонлиги даврида Тохаристон // Мозийдан садо, № IV. – Т., 2002.

154. *Бобоёров Г.* Ўзбекистон ҳудудида Қорахонийлар давригача бўлган қадимги туркий топонимлар // Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданий жараёнлар, «Карим Шониёзов ўқишлари» туркумидаги халқаро илмий анжуман материаллари, 1-қисм. – Т., 2005.

155. *Бобоёров Г.* Чоч тарихидан лавҳалар. – Т., 2010.

156. *Бобоёров Г.* Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тузуми. Док. автореферати. – Т., 2012.

157. *Бобомуллоев С.Б.* Верховья Зарафшана во II тыс. до н.э. – Душанбе, 1998.

158. *Бобомуллоев С.Б.* Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зарафшане. Stratumplus, № 2. СПб., 1999.

159. *Богомолов Г.И.* Изображения всадников с городища Канка // ИМКУ, № 20, 1986.

160. *Болелов С.Б.* Некоторые итоги археологических работ на Хумбустепе. ОНУ, № IX–X. – Т., 1999.

161. *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От скифии до Индии. – Москва, 1983.

162. *Бонград-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. – М.: Наука. 1985.

163. *Борисовский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. – М., 1980.

164. *Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. – М.: Наука, 1989.

165. *Бродовский М.* Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний. – М., 1891.

166. *Брыкина Г.А.* Раскопки в Карагаче. «АО 1977 года». – М., 1978.

167. *Брыкина Г.А.* Раскопки усадьбы Карагач (Южная Киргизия). «АО 1969 года». – М., 1970.

168. *Брыкина Г.А., Николаенко Т.Д.* Раскопки в Карагаче. «АО 1976 года». – М., 1977.

169. *Бубнова М.А.* Раскопки и разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджаная и на озере Яшикуль (работы 1984 г.) АРТ, вып. XXIV (1984). – Душанбе, 1993.

170. *Бўриев О.* Клавихонинг Самаркандга саёҳати. (Рус тилидан таржима, кириш сўзи ва изоҳлар О. Бўриевники). – Т., 2004.

171. *Бўриев О.* Шарафуддин Али Яздий «Зафарнома»сида Марказий Осиё аҳолисининг этник-ҳудудий ҳолати ҳақида маълумотлар. ЎзМУ хабарлари. – Т., 2013.

172. *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982.

173. *Буряков Ю.Ф.* Горное дело и металлургия средневекового Илака. – М., 1974.

174. *Буряков Ю.Ф.* Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (К истории горного дела и металлургии средневекового Илака). Автореф. канд. дисс. – Т., 1966.

175. *Буряков Ю.Ф.* К динамике развития городской культуры древнего и средневекового Чача. «Материалы научной конференции «Чач–Бинкет- Ташкент (историческое прошлое и современность)». – Т., 2007.

176. *Буряков Ю.Ф.* Культурно-хозяйственные процессы в контактной зоне древнего Яксарта. «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии». Самарканд – Бишкек, 2005.

177. *Буряков Ю.Ф.* Поселение Лолазор – предшественник на Афрасиабе. «К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда». – Т.: Фан, 1981.

178. *Буряков Ю.Ф.* Согд и Чач. Взаимодействие и взаимовлияние двух культур древнего Самарканда. «Самарқанд шаҳрининг 2750 йиллик юбилейига бағишланган халкаро илмий симпозиум материаллари». – Тошкент- Самарканд, 2007.

179. *Буряков Ю.Ф., Алимов К., Бурякова Э.Ю.* Исследования в зоне Туябугузского водохранилища. Археологические открытия 1972 года. – М., 1973.

180. *Буряков Ю.Ф., Дадабаев Г.* Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ, вып. X. – Т., 1973.

181. *Бушаков В.А.* Тюркская этноойконимия Крыма. Дисс. канд. ист. наук. АН СССР ИЯ. – М., 1991.

182. Буюк сиймолар, алломалар (Ўрта осиёлик машҳур мутафаккир ва донишмандлар). I–II китоб. – Т., 1995.

183. Вайнберг Б. И. Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме. «АО. 1971 года». – М., Наука, 1972.

184. *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. – М., 1977.

185. *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. – М., 1999.

186. *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура. – М., 1993.

187. *Вайнберг Б.И.* Этнография Турана в древности. – М., 1999.

188. *Вамбери Г.* История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего времени. Т. II. Перевод А.И. Павловского. СПб, 1873.

189. *Вамбери Х.А.* Туркий халқ. «Ўзбегим». – Т., 1992.

190. *Варга Д.* Древний Восток. – Будапешт, 1979.

191. *Василевский В.Г.* Византия и печенеги. Журнал Министерства народного просвещения, № XI, 1872.

192. *Вахобов М.F.* Ўзбек социалистик миллати. – Т., 1960.

193. *Вахобов М.Г.* Формирование узбекской социалистической нации. – Ташкент, 1961.

194. *Вебер В.Н.* Полезные ископаемые Туркестана. – Спб, 1913.

195. *Веселовский Н.И.* ОАК за 1882–1888 гг. СПб, 1991.

196. *Виноградов А.В.* Работы на могильнике Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. «Археологические открытия 1973 года». – М.: Наука, 1974.

197. *Виноградов А.В.* Могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. «Археологические открытия 1974 года». – М.: Наука, 1975.

198. *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. – М., 1981.

199 *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеантропологическое исследование).Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Том V, – М.: Наука, 1986.

200. *Виноградов А.В.* Неолитические памятники Хорезма. МХЭ, № 8. – Москва, 1968.

201. *Виноградова Н.М.* Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы. Сб. «Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии». – М., 2000.

202. *Виноградова Н.М.* Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане. // МАИКЦА, вып. XVIII. – М., 1991.

203. *Виноградова Н.М.* Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана. Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987.

204. *Виноградова Н.М.* Поселение эпохи поздней бронзы Ташгузар в Южном Таджикистане. Сб. «Древние цивилизации Евразии». – М., 2001.

205. *Виноградова Н.М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М.а, 2004.

206. *Виноградова Н.М., Гётцельт, Пьянкова Л.Т.* Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан). РА. – М., 2003.

207. *Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. «Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока». – М., 1986.

208. *Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т.* Могильник Кумсай в Южном Таджикистане. Информ. бюллетень // МАИКЦА, вып. XVII. – М., 1990.

209. *Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (Эпоха неолита и бронзового века). ИВ РАН. – М., 2008.

210. *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. – М., 1973.

211. *Виола Б., Зайдлер Х., Дитер чур Недден.* Изучение верхних краев пирамид височных костей OR-1 с помощью компьютерной томографии. Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: изд. ИА и Э. СО РАН, 2004, с. 100–106.

212. *Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А.* Городище Кюзалигыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. ВДИ, №2. – М., 1997.

213. Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. – Т., 1965.

214. *Волин С.А.* Сведения арабских источников IX–XVII вв. О долине реки Талас и смежных районов. ТР. ИИАЭ АН КазССР. Том VIII. – Алма-Ата, 1960.

215. *Волин С.А.* К истории среднеазиатских арабов. Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. – М.–Л., 1941.

216. *Воробьева М.Г* Дингильдже. Усадьба середины I тыс. до н.э. в древнем Хорезме. М.: Наука, 1973.

217. *Воробьева М.Г.* Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. МХЭ, вып. I. М., 1959.

218. *Воробьева М.Г., Лапиро-Скобло М.С.* Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. МХЭ, вып. 6. – М., 1963.

219. *Воронец М.Э.* Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950–1951 годах. Тр. Музея истории УзССР. Вып. II. – Т., 1954.

220. *Воронец М.Э.* Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН Уз ССР. Тр. Ин-та Истории и археологии АН Уз ССР. Том I. – Т., 1948.

221. *Воронец М.Э.* Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков возле ст. Вревской в 1947 г. Сб. трудов истории народов Узбекистана, вып. № I. – Т., 1951.

222. Всеобщая история архитектуры. «Архитектура древнего мира». Том I. – Москва, 1970.

223. *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953–1954 гг. ИМКУ, вып. I. – Т., 1959.

224. *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИА. Вып. 63. – М., 1956.

225. *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. // СА, № III, 1957.

226. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. ВДИ, № 3. – М., 1980.

227. *Гафуров Б.Г.* – Таджики. М., 1972.

228. *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. Том I. Издание второе. – М., 1952.

229. *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. Том I. Издание третье. – М., 1955.

230. *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. Том I. – Москва, 1949.

231. *Гафуров Б.Г* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. I. – Душанбе, 1989.

232. *Гафуров Б.Г.* Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972.

233. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Гениинг Б.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1992.

234. *Генинг В.Ф.* Этнический процесс в первобытности. – Свердловск, 1970.

235. *Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. – М.: Наука, 1949.

236. *Герасимов М.М.* Люди каменного века. – М.: Наука, 1964.

237. *Гинзбург В.В.* Антропологические материалы из окрестностей древнего Пянджикента. МИА, 66, 1958.

238. *Гинзбург В.В.* Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов. КСИЭ, вып. 31. - М.–Л., 1959.

239. *Гинзбург В.В.* Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии. МИА, XV, 1950.

240. *Гинзбург В.В.* Теория происхождения расового типа среднеазиатского междуречья. Тезисы докладов «Этнографических исследований за 1967 год». – Л., 1967.

241. *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука 1972.

242. *Гинзбург В.В., Гохман И.И.* Костные останки человека из Самаркандской палеолитической стоянки. «Проблема этнической антропологии и морфологии человека». – Л.: Наука, 1974.

243. *Гиршман Р.М.* Происхождение «Чахартака». Культура Востока. Древность и средневековье. – Л., 1978.

244. *Гиршман Р.М.* Религия Ирана от VIII в. до н.э. до периода ислама. «Культура Востока. Древность и средневековье». – Л., 1978.

245. *Гланц (Гланта) М., Виола Б., Чикишева Т.* Новые останки гоминидов в гроте Оби-Рахмат. В кн. «Грот Оби-Рахмат» Изд. ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 2004. С.77–92.

246. *Голубовский П.* Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар. – Киев, 1884.

247. *Горбунова Н.Г.* О культуре степной бронзы Ферганы. «Археологический сборник Гос. эрмитажа», № 32. – Санкт-Петербург, 1995.

248. *Граков Б.И.* Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № III, 1947.

249. *Граменецкий Д.М.* Заметки о древних урочищах Туркестанского края. «Туркестанские ведомости», № XII, 1879.

250. *Грантовский Э.А.* «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности» (II тыс. до н.э.). – М., 1981.

251. *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М., 1970.

252. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. – М.–Л., 1950.

253. *Григорьев В.В.* О скифском народе Саках. СПб, 1871.

254. *Григорьев Г.В.* Каунчитепа (раскопки 1935 г.). – Т., 1940.

255. *Григорьев Г.В.* Келесская степь в археологическом отношении. «Изв. АН КазССР». Серия археологическая, № I. – Алма-Ата, 1948.

256. *Григорьев Г.В.* Краткий отчет о работе Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. – Т., 1940.

257. *Григорьев Г.В.* Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. – Т., 1935.

258. *Грицина А.А.* Уструшанские были. – Т., 2000.

259. *Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби. – М. – Л., 1956.

260. *Грязнов М.П.* Племена Сибири и Казахстана в эпоху бронзы. «Очерки истории СССР». – М., 1956.

261. *Грязнов М.П.* Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане. Материалы Особого комитета по обследованию союзных и автономных республик АН СССР. Вып. XI. – Л., 1927.

262. *Губогло М.Н.* Этническая принадлежность гагаузов. «Историография проблемы». Советская этнография, № III. – М., 1967.

263. *Гуляев В.И.* Города-государства майя. (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). – М., 1979.

264. *Гулямов Я.Г.* Из истории водоснабжения древнего Пайкента. ИМКУ, № 7, – Т., 1966.

265. *Гулямов Я.Г.* Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии. ОНУ, № VIII, 1968.

266. *Гулямов Я.Г.* Археологические работы к западу от Бухарского оазиса (предварительный отчет о работе за 1950–1953 гг.). Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII. – Т., 1956.

267. *Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Т., 1957.

268. *Гулямов Я.Г.* Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана. ИМКУ, № 6. – Т., 1965.

269. *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура в низовьях Зарафшана. – Т., 1966.

270. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. – М., 1993.

271. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М., 1993.

272. *Гумилев Л.Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М., 1960.

273. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – М., 1993.

274. *Гуммель Я.И.* Раскопки поселения I на западе от Ханлара (1939–1941 гг.). КСИИМК, № XXIII, 1948.

275. *Гуломов Я.* Хоразмнинг суғорилиш тарихи. – Т., 1959.

276. *Давыдов А.Д.* Топонимика Афганистана как исторический источник // Восток, № 2. – М., 2001.

277. *Джаббаров И.Дж.* Узбеки: этнокультурные традиции, быт и образ жизни. – Т., 2007.

278. *Джон Шоберлейн.* Перспективы становления национального самосознания узбеков. Журнал «Восток», № 3. – М., 1997.

279. *Джуракулов М.Дж., Холматов Н.У.* Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Т., Фан, 1991.

280. Древние авторы о Средней Азии (VI до н.э. – III в. н.э.), – Т., 1940.

281. Древности Чарвака. Сборник. – Т., 1976.

282. *Дуан Лянчин.* Динглинглар, қанқилар ва туролар. I-жилд, – Урумчи, 1996.

283. *Дуке Х.И.* Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. – Т., 1982.

284. *Дуке Х.И.* Чиракчинское поселение. ИМКУ, вып 17. – Т., 1982.

285. *Дурдыев Д.* Археологическое исследование на территории Ташовузской области. «Каракумские древности», вып. V. – Ашхабад, 1977.

286. *Дьяконов И.М.* Города-государства Шумера. История древнего мира. Том I. – М., 1983.

287. *Дьяконов И.М.* Прародина индоевропейцев (по поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?»). ВДИ, № I, 1995.

288. *Дьяконов М.М.* Очерки истории древнего Ирана. – М., 1961.

289. *Дьяконов М.М.* Работы Кафирниганского отряда. // МИА, 15, 1950.

290. *Дьяконов М.М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954.

291. *Еремеев Д.Е.* Проникновение тюркских племен в Малую Азию. Доклад на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. – М., 1964.

292. *Житецкий И.А.* Смена народностей в Южной Руси. – Киев, 1883.

293. *Жуков В.Д.* Результаты археологического осмотра участка правобережья реки Чирчик в 1935 г. Рукопись, архив ИИА АН УзССР, № 75.

294. *Жумаев Н.Х., Абдурахмонов О.Қ.* Жаҳон молиявий-иқтисодий инқирози: сабаблари ва уни бартараф этиш муаммолари. – Т., «Академнашр». 2010.

295. *Жўрақулов М., Аванесова Н.А., Амирқулов Б.А.* Зарафшон воҳасининг ибтидоий маданияти. – Самарқанд, 1994.

296. *Жўракулова Д.* Зарафшон водийсининг тош ва бронза даври маданияти. – Т.: Фан. 2011.

297. *Заднепровский Ю.А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. док. дисс. – М., 1978.

298. *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА № 118. – М. – Л., 1962.

299. *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н.э. на Южном Урале. – Челябинск, 1995.

300. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловский, 1988.

301. *Зданович Д.Г.* Могильник большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1995.

302. *Зезенкова В.Я.* Некоторые краниологические данные курганов Калкансая. ИМКУ, вып. VIII. – Т., 1969.

303. *Зеймаль Е.В.* К периодизации древней истории Средней Азии (середина I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.). – М., 1987.

304. *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983.

305. *Зиё А.* Ўзбек давлатчилиги тарихи (Энг қадимги даврдан Россия босқинига қадар). Шарқ. – Т., 2001.

306. *Зиёев Х.* Буюк Амир Темур ва унинг тақдири. – Т., 2008.

307. *Зиётов З.* Турон қавмлари. – Т., 2008.

308. *Зубруева А.В.* Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, № III. – М., 1946.

309. *Зуев А.Ю.* «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина как источник по ранней истории жалойиров. «Письменные памятники востока, историко-филологические исследования». Ежегодник. – М., 1972.

310. *Зуев Б.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алма-Аты, 2002.

311. *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств. Т. VIII, 1960.

312. *Зубов А.А., Ходжайов Т.К.* Палеолитическая стоянка Сельунгур (Антропологическое исследование) // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 11. – М., 2004, с. 21–27.

313. *Зубов А.А., Гохман И.И.* Некоторые дополнительные одонтологические данные в связи с описанием костных останков человека с палеолитической стоянки Самарканд. Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 10. – М., 2003. Стр. 40–44.

314. *Ибрагимов Н.* Ибн Батута и его путешествие по Средней Азии. – М., 1998.

315. *Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Том I–II. – Тбилиси, 1984.

316. *Иванов Г.П.* Кашкарчинский могильник – новый памятник эпохи поздней бронзы в Фергане. // ОНУ, № X. – Т., 1988.

317. *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии. – М., 1958.

318. *Исакаев Б.* 20-летие восстания в Киргизии. «Революция и национальности», № IX. – М., 1936.

319. *Исаков А.* Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины. Раскопки 1977–1983 гг.). – Душанбе, 1991.

320. *Исаков А., Потемкина Т.М.* Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане. // СА. № I, 1989.

321. *Исамиддинов М.Х.* Стратиграфия древнейших слоев Еркургана. ИМКУ, вып. 17. – Т., 1982.

322. *Исамиддинов М.Х.* Истоки городской культуры Самаркандского Согда. – Т.: Фан. 2002.

323. *Исамиддинов М.Х., Райимкулов А.* Турткультепа – новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согде. «Археологические работы на новостройках Узбекистана». – Т.: Фан. 1990.

324. *Исамиддинов М.Х., Сулайманов Р.Х.* Еркурган (стратиграфия и периодизация). – Т., 1984.

325. *Исоматов М.М.* Ирано-Среднеазиатские взаимоотношения по «Тарих-и Табари» Балъами. – Душанбе – Бишкек: Эчод, 2006.

326. *Исоматов М.М.* Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии. Автореф. дисс. на соискание ученой степени д.и.н. Душанбе. – Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни, 2009.

327. «История материальной культуры». – М. – Л., 1934.

328. Исторические записки. «Ozbekistan tarixi», № III. – Т., 2009.

329. История народов Узбекистана. Том I. – Т., 1950.

330. История таджикского народа. Том I. – Душанбе, 1999.

331. История таджикского народа. Том I. – М., 1963.

332. История таджикского народа. Том II. Книга I. – М., 1964.

333. История Узбекской ССР. Том I. Книга 1. – Т., 1955.

334. История Узбекской ССР, Том I. – Т., 1967.

335. *Исламов У.* Пещера Мачай. – Т., Фан, 1975.

336. *Исламов У.И., Зубов А.А., Хаританов В.М.* Палеолитическая стоянка Сельунгур в Ферганской долине. Вопросы антропологии, вып. 80, М., 1988, с. 38–49.

337. *Исхаков М.* География распространения древнетюркских письменных памятников и вопросы этногенеза тюркских народов. Журнал «Тюркология», № I, 2003.

338. *Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г.* Critica Э.В. Ртвеладзе «Заметки по истории нумизматики раннесредневекового Чача (III–VIII вв.)», (Т., 2006) // Archivum Eurasiae Medii Aevi, Tom 15 (2006/2007), Harrasowitz Verlag, – Wiesbaden, 2008.

339. *Исҳоқов М.М.* Тарих, тарихшунослик ва тарихчи масъулияти. Турон академияси Ахборотномаси, № 1, 2013.

340. *Исҳоқов М.М.* Унутилган подшоликдан хатлар. – Т., 1992.

341. *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. – М., 1977.

342. *Итина М.А.* Могильник бронзового века Кокча III. – М., 1961.

343. *Итина М.А.* Новые стоянки Тазабагъябской культуры (работы 1956 г.). МХЭ. Том I, 1959.

344. *Итина М.А.* Первобытная керамика Хорезма. Тр. ХЭ, вып. IV. – М., 1959.

345. *Итина М.А.* Ранние саки Приаралья. «Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время». – М., 1992.

346. *Итина М.А.* Раскопки могильника Тазабагябской культуры Кокча III. МХЭ, Вып. V. – М., 1961.

347. *Итина М.А.* Раскопки стоянки Тазабагьябской культуры в 1957 г. МХЭ. № IV. – М., 1960.

348. *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Мавзолеи Северного Тегискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. «Восточная литература», РАН. – М., 2001.

349. *Исматуллаев Ф.* Ўзбекистон Республикасининг Европа Иттифоқи билан ҳамкорлигининг ўрнатилиши ва ривожланиши (1991–2005 йиллар) т.ф.н. даражаси учун ёзилган диссертация. – Т., 2011.

350. *Кабанов С.К.* Археологические данные по истории Нахшаба в III–V вв. н.э. ВДИ, № II, 1956.

351. *Кабанов С.К.* Археологические разведки в Шахрисабском оазисе. ИАН УзССР, № 6. – Т., 1951.

352. *Кабанов С.К., Шахурин К.А.* Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи. ИМКУ, вып. VII. – Т., 1966.

353. *Кабанов С.К.* Нахшаб на рубеже древности и раннего средневековья (III–VII вв.). – Т., 1977.

354. *Кабанов С.К.* Руины поселения III–V вв. в долине Кашкадарьи. ИМКУ, вып. VI. – Т., 1965.

355. *Кабанов С.К.* Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III–VI веках. СА, № I, 1963.

356. *Калоев Б.А.* Осетины. – М., 1971.

357. *Камалиддинов Ш.* «Китаб ал-ансаб» Абу Сада Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Самани» как источник по истории и культуре Средней Азии. – Т., 1993.

358. *Камолиддин Ш.С.* Древнетюркская топонимия в Средней Азии. – Т.: Шарк, 2006.

359. *Камолиддин Ш.С.* К этимологии названия Чач (Шаш). Материалы научной конференции «Чач – Бинкет – Ташкент: историческое прошлое и современность». – Т., 2007.

360. *Камолиддин Ш.С.* Новые источники по этногеографии Средней Азии. «Ўзбекистон тарихини ўқитиш ва ўрганиш бўйича материаллар». – Т., 2007.

361. *Камолиддинов Ш.С.* Историческая география Южного Согда и Тохаристана. – Т., 1996.

362. *Каржаубай С.* Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах. Астана: Фолиант, 2002.

363. *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М., 1976.

364. *Касымова Н.А., Жураев С.А.* Актуальные вопросы современных международных отношений. – Т., 2008.

365. *Кесь А.С.* Природные факторы, обусловливающие расселение древнего человека в пустыне Средней Азии. КСИЭ, вып. XXX. – М., 1958.

366. *Кибиров А.К.* Археологические памятники Чаткала. В сб. «Труды КАЭЭ». – Т. II. – М., 1959.

367. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.

368. *Кияткина Т.П., Ранов В.Н.* Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула). «Вопросы антропологии», вып. XXXVI. – Душанбе, 1971.

369. *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб: Наука, 2006.

370. *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута. «Страны и народы Востока», вып. X. – М., 1971.

371. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.

372. *Кляшторный С.Г.* Кангюйская этнотопонимика в Орхонских текстах. СЭ, № III, 1951.

373. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб, 1994.

374. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государство и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб: Петербургское востоковедение, 2004.

375. *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.

376. *Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины. В сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.

377. *Козенкова В.И.* Гайраттепа. СА, № III, 1964.

378. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. – М., 1969.

379. *Комар А.* Наследие тюркских каганатов в Восточной Европе // Мәдени мұра – Культурное наследие, № I. – Астана, 2009.

380. *Кононов А.А.* Родословная туркмен. Соч. Абулгазихана Хивинского. – М. – Л.,1958.

381. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. Известия Государственной академии истории материальной культуры. – М. – Л., 1934.

382. Краткий этнологический словарь. М-фонд. «Социальный мониторинг», 1995.

383. *Крашенникова Н.И.* Археологические наблюдения на Чантепе. В сб. трудов ТашГУ «Археология Средней Азии», вып. V. – Т.: 1960.

384. *Крашенникова Н.И.* К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. В сб. трудов ТашГУ «Археология Средней Азии», вып. № VII. – Т., 1966.

385. *Кривошейн А.В.* Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестан. СПб, 1912.

386. *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.М.* Древние китайцы. Проблемы этногенеза. – М., 1978.

387. *Кубатин А.* К вопросу о раннесредневековом согдийском диалекте Чача (на основе нумизматического материала Чачского оазиса VII–VIII вв.) // Академик У. Каримов номидаги ёш шарқшунослар илмий конференцияси тезислари. – Т., 2008.

388. *Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе, 1986.

389. *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность). ВДИ, № I, 1972.

390. *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. «Свод археологических памятников», вып. IV–XI. – М., 1966.

391. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994.

392. *Кузьмина Е.Е.* Происхождения индоиранцев в свете новейших археологических данных. Сб. «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности». – М., 1981.

393. *Кузьмина Е.Е.* Сложение скотоводческого хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. – М., 1974.

394. Культура и искусство древнего Узбекистана. Том I, II. – М., 1991.

395. *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961.

396. *Латынин Б.А.* О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы. СА, № III, 1958.

397. *Левина Л.М.* К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье. «Приаралье в древности и средневековье». – М., 1998.

398. *Левина Л.М.* К вопросу об антропоморфных изображениях в Джетиасарской культуре. В кн. «История, археология и этнография Средней Азии». – М., 1968.

399. *Левина Л.М.* Керамика и вопросы хронологии памятников джетиасарской культуры. В сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». – М., 1966.

400. *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971.

401. *Лившиц В.А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб., 2008.

402. *Литвинский Б.А.* Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. КСИИМК, вып. VXXX. 1960.

403. *Литвинский Б.А.* Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. – Сталинабад, 1954.

404. *Литвинский Б.А.* Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. – М., 1960.

405. *Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН Тадж. ССР. Том XXXV. – Сталинабад, 1955.

406. *Литвинский Б.А.* Бронзовый и раннежелезный век в книге Э. Гулямова и др. «Археологические и этнографические коллекции музея Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР». – Душанбе, 1956.

407. *Литвинский Б.А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. СА, № II, 1967.

408. *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыша мира». – М., 1972.

409. *Литвинский Б.А.* и др. Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962.

410. *Литвинский Б.А.* Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. «Археологические работы в Таджикистане», вып. V. – Сталинабад, 1959.

411. *Литвинский Б.А.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайраккумах в 1956 г. Тр. АН Таджикской ССР. Том XCI. – Душанбе, 1959.

412. *Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн. – Душанбе, 1968.

413. *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. – М., 1972.

414. *Литвинский Б.А.* О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. «Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР», вып. I (24), 1961.

415. *Литвинский Б.А.* Об изучении в 1955 г. погребальных памятников в Карамазарских горах. Археологические работы в Таджикистане, вып. III. – Сталинабад, 1956.

416. *Литвинский Б.А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайраккумах. Материалы Всесоюзного совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М. – Л., 1959.

417. *Литвинский Б.А.* Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана, вып. 1. – М., 1990.

418. *Литвинский Б.А.* Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайраккумах в 1955. Тр. АН Тадж. ССР. – Душанбе, 1956.

419. *Литвинский Б.А.* Раскопки могильника в Исфаринском районе в 1956 г., вып. IV. – Сталинабад, 1959.

420. *Литвинский Б.А.* Саки, которые за Согдом. Тр. АН Таджикской ССР. Т. СХХ. – Душанбе, 1960.

421. *Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). // СА, № II, 1969.

422. *Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. «Успехи Среднеазиатской археологии», вып. I. – Л., 1972.

423. *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. – СПб., 1911.

424. *Лощук Л.П.* О формах донациональных этнических связей. «Вопросы истории», № 4. – М., 1967.

425. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак-Бешим) // Суяб. Ак-Бешим. – СПб., 2002.

426. *Луконин В.Г.* Культура Сасонидского Ирана. – М., 1968.

427. *Лурье П.Б.* Заметки о раннеисламском дорожнике в Китай // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана, вып. I. – Бишкек, 2005.

428. *Лушпенко О.Н.* Раннежелезный век Южного Согда. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1998.

429. *Люй Симян.* ХХР халқлари тарихи. – Шанхай, 1987.

430. *Мавродин В.В.* К вопросу о складывании Великорусской народности и русской нации. СЭ, № 1, 1947 г.

431. *Магидович И.* Население. Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма. Кн. I, часть 1. Бухара. – Т., 1926.

432. *Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968.

433. *Максудов Ф., Бабаяров Г.* К этимологии топонима Чач. «Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет». Труды международной научной конференции. – Т., 2009.

434. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М. – Л., 1951.

435. *Маловицкая Л.Я.* Тамдинский курганный могильник III–I вв. до н.э. «Известия АН КазССР», № 67. – Алма-Ата, 1949.

436. *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1989.

437. *Малявкин А.Г.* Уйгурские государства в IX–XIII вв. – Новосибирск, 1983.

438. *Мамбетуллаев М.М.* Городище Большая Айбуйиркалъа (Раскопки 1976–1977 и 1981 гг.). «Археология Приаралья», вып. IV. – Т., 1990.

439. *Мамбетуллаев М.М.* О формировании и развитии городской культуры в Хорезме. «Приаралье на перекресте культур. Археология древнего Ташкирманского оазиса». – Нукус – Бустан – Беруни, 2007.

440. *Мамбетуллаев М.М.* Хива антик даврда (мил. авв. VI–милодий II асрлар). Бухоро ва Хива шаҳарларининг 2500 йиллигига бағишланган халқаро симпозиум тезислари. – Т., 1997.

441. *Мамбетуллаев М.М., Абдиримов Р.* Исследование Хозараспа. «Культурное наследие Средней Азии». – Т., 2002.

442. *Масов Р.* История топорного разделения. – Душанбе, 1991.

443. *Масов Р.* Таджики: вытеснение и ассимиляция. – Душанбе, 2003.

444. *Масов Р.* Таджики: история под грифом «совершенно секретно». – Душанбе, 1995.

445. *Масон В.М.* Алтын-Депе. – Л., 1981.

446. *Масон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, №73. – М. – Л., 1959.

447. *Массон В.М.* Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, № IV, 1957.

448. *Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. Москва. – М. – Л.: Наука, 1964.

449. *Массон М.Е.* Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. «Бюллетень № II Среднеазиатского районного геологоразведочного управления». – Т., 1930.

450. *Массон М.Е.* Ахангарон. Археолого-топографический очерк. – Т., 1953.

451. *Массон М.Е.* Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. «Материалы Таджикско-Памирской экспедиции», вып. XX. – Л., 1934.

452. *Массон М.Е.* Из результатов поездки в долину Таласа для выявления истории горной промышленности. Бюллетень Среднеазиатского районного разведочного управления, № II. – Т., 1930.

453. *Массон М.Е.* Историческая археология на службе геологической разведки. «Народное хозяйство Средней Азии», № II. – Т., 1930.

454. *Массон М.Е.* К истории горного дела на территории Узбекистана. – Т., 1953.

455. *Массон М.Е.* К истории горной промышленности Карамазара. «Труды Таджикской базы АН СССР».Том IV. – Л., 1935.

456. *Массон М.Е.* Нумизматика Средней Азии. Курс лекций, прочитанных в САГУ в 1955–56 гг.

457. *Массон М.Е.* Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. – Т., 1973.

458. *Массон М.Е.* Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. «Труды Таджикско-Памирской экспедиции», вып. XXXVII. – М. – Л., 1936.

459. *Матбабаев Б.Х.* Раннесредневековая культура Ферганы (на основе исторического анализа археологических источников V–VIII вв.). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. док. ист. наук. – Самарканд, 2009.

460. *Матбобоев Б.Х.* Локальные варианты чустской культуры Ферганы. Автореф. канд. дисс. – Л., 1985.

461. *Матбобоев Б.Х.* Ўзбек давлатчилигининг илк боскичларида Фаргона. – Т., 2001.

462. Материалы объединенной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Т., 1955.

463. Материалы пленума, см. в КСИИМК, XXVIII, 1949.

464. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. – М., 1984.

465. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. – Алма-Ата, 1969.

466. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том II. – М. – Л., 1938.

467. *Матяқубов Х.Х.* Ўзбек давлатчилигининг илк босқичларида Қадимги Хоразм. Номзодлик дисс. Автореферати. – Т., 2012.

468. *Мерперт Н.Я.* Раскопки в Нижнем Поволжье. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». – Киев, 1967.

469. *Мешкерис В.А.* Коропластика Согда. – Душанбе, 1977 .

470. *Мирбобоев А.* О работах Чоркуйского хоздоговорного отряда в 1981 г. «Археологические работы в Таджикистане», вып. XXI. – Душанбе, 1981.

471. *Мирсаатов Т.М.* Хозяйство охотничье-рыболовческих племен Среднеазиатского междуречья поры мезолита-неолита (источники сырья, эволюция способов его добычи и хозяйственные комплексы). Автореф. дисс.док. исторических наук. – Новосибирск, 1989.

472. МИД РУз // Цель и задачи внешнеполитического курса Узбекистана. www.mfa.uz.

473. *Мошковцев С.Ф.* Кухи-сим. «Геологический вестник», № I–III, 1926.

474. *Мукминова Р.Г., Филанович М.И.* Ташкент на перекрестке истории (Очерки древней и средневековой истории города). – Т., Фан, 2001.

475. *Мулладжанов И.Р.* Демографическое развитие Узбекской ССР. – Т., 1988.

476. *Мухаммедов Х.* Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. «Стена Канпирак» древнебухарского оазиса. Автореф. канд. дисс. – Т., 1961.

477. *Муҳаммаджонов А.Р.* Қадимги Тошкент. – Т., 2002.

478. Мустақиллик. Изоҳли илмий-оммабоп луғат. – Т., 2009.

479. Мустақиллик даври ўзбек меъморчилик ва монументал ҳайкалтарошлик санъати. – Т., 2011.

480. *Назаров П.С.* Дополнение к статье И.Т. Пославского о находках каменных орудий в Средней Азии и Б.Я. Королькова о бронзовом веке. ПТКЛА. Том XI. – Т., 1906.

481. Народы Средней Азии и Казахстана. (Серия «Народы мира»). Том I. – М., 1962.

482. *Насимхон Раҳмон.* Турк хоқонлиги. – Т., 1993.

483. *Наследов Б.Н.* Карамазар. – Л., 1935.

484. *Наследов Б.Н., Королев А.В.* Месторождения Алтын-Тапкана, Табошарского участка, Кансая и Канимансура в Карамазарском районе. В кн. «Путеводитель экскурсий III Всесоюзного геологического съезда». – Л., 1928.

485. *Негматов Н.* Газета «Вароруд», № 51 (87) от 24.XII. 2003.

486. *Негматов Н.Н.* Живопись Шахристана (проблемы и суждения). «Культурное наследие Востока». Проблемы, поиски, суждения. – Л., 1985.

487. *Никонов В.А.* Узбеки. В кн: «Система личных имен у народов мира». – М., 1988.

488. *Нильсен В.А.* Кызыл-кыр (результаты раскопок 1955 г.). ИМКУ, вып. I. – Т., 1959.

489. *Носиров Ў.* Ўзбеклар шажараси. – Т., 2011.

490. *Обельченко О.В.* Ляводакский могильник. ИМКУ, вып II. – Т., 1961.

491. *Обельченко О.В.* Курганные погребения первых веков н.э. и кенотафы Куйи-Мазарского могильника. Тр. САГУ, вып. CXI. «Археология Средней Азии», вып. IV. – Т., 1957.

492. *Обельченко О.В.* Курганы около с. Хазара. ИМКУ, вып. IV. – Т., 1963 .

493. *Обельченко О.В.* Куюмазарский могильник. Тр. ИИА АН УзССР, вып. VIII. – Т., 1956.

494. *Обельченко О.В.* Лявандакский могильник. ИМКУ, вып. II. – Т., 1960.

495. *Обельченко О.В.* Миранкульские курганы. ИМКУ, вып. VIII. – Т., 1969.

496. *Обельченко О.В.* Могильник Акджартепа. ИМКУ, вып. III. – Т., 1962.

497. *Обельченко О.В.* Сазаганские курганы. ИМКУ, вып. VII. – Т., 1966.

498. *Оболдуева Т.Г.* Курганы Каунчинской и Джунской культур. КСИИМК, вып. XXIII. – М. – Л., 1948.

499. *Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59. – М., 1955.

500. *Окладников А.П.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. – М., 1949.

501. *Окладников А.П.* Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (согдийская колония на р. Унге). «Тюркологические исследования». М. – Л., 1963.

502. *Омонжулов А.С.* Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. – Алма-Ата, 1975.

503. *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. – М., 1979.

504. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. – М., 1981.

505. *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. – Т., 1908.

506. *Отахўжаев А.* Илк ўрта асрлардаги сиёсий-ижтимоий-иктисодий ва маданий муносабатларда Суғд ва Чоч. «O'zbekiston tarixi», № I. – Т., 2009.

507. Отчеты археологической комиссии за 1882–1888 гг. – СПб., 1891.

508. *Очилов Э.* Ёзма адабиёт. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 12-жилд. – Т., 2006.

509. *Ошанин Л.В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез его народов. Части 1–3. – Ереван, 1957–1959.

510. *Ошанин Л.В.* Данные к географическому распределению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии. Тр. IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. – Киев, 1931.

511. *Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я.* Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. – Т., 1953.

512. *Пален К.К.* Всеподданнейшая записка, содержавшая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. – СПб., 1910.

513. *Перщиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. – М., 1982.

514. *Петрушевский И.П.* Рашид ад-дин. Сборник летописей, 1952.

515. *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. – М. – Л., 1941.

516. *Пидаев Ш.Р.* Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. «Древняя Бактрия», вып. I, – Л.: Наука, 1974.

517. *Пидаев Ш.Р.* Раскопки святилища «ахеменидского» времени на холме Джандавлаттепа в Северной Бактрии. «Древний город Средней Азии». – Л., 1973.

518. *Пилипко В.Н.* Раскопки в Дейнауском районе Чарджавской области. АО 1974 года. – М., 1975.

519. *Пиотровский Ю.Ю.* Памятник эпохи поздней бронзы в Ферганской долине. «Археологические открытия 1972 года». – М., 1973.

520. *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторической закономерности. – М.: Наука, 1982.

521. *Плетнева С.* Древние болгары в восточноевропейских степях // «Татарская Археология», № 1, 1997.

522. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 62. – М., 1958.

523. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том V. – М., 1857.

524. *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. – Туркестан, 2000.

525. *Подушкин Н.П.* По следам древней культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1970.

526. *Подушкин Н.П.* Ранние оседлые поселения долины Арыса (I–VIII вв.) Автореф. канд. дисс. – Алма-Ата, 1970.

527. Полное собрание русских летописей. Том II. – М., 1962.

528. *Поляков С.П.* Этнография. – М., 1982.

529. *Потапов А.А.* Обзор тепе Среднего Чирчика и археологических развалин вокруг Ташкента. Рукопись, архив ГУОПМК УзССР. – Т., 1929.

530. *Пругер Е.Б.* Бирюза Илака и Илакский рудник бирюзы. СА, № I, 1971.

531. *Пугаченкова Г.А.* Искусство Бактрии эпохи Кушан. – М., 1979.

532. *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. – Т., 1990.

533. *Пьянков И.В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. ВДИ, № III, 1964.

534. *Пьянков И.В.* Хорасмии Гекатея Мимлетского. ВДИ, № II, 1972.

535. *Пьянкова Л.Т.* Нурекский могильник эпохи бронзы. Археологические открытия 1974 года. – М., 1975.

536. *Пьянкова Л.Т.* О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 году. АРТ, вып. XX (1980). – Душанбе, 1987.

537. *Пьянкова Л.Т.* Отчет о работе Нурекского археологического отряда. АРТ, вып. XIV (1974). – Душанбе, 1979 .

538. *Пьянкова Л.Т.* Работа Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985). АРТ, вып. XXV. – Душанбе, 1994.

539. *Пьянкова Л.Т.* «Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана от Балкан до Гималаев. Время цивилизаций. № II, СПб. – Кишинев – Одесса, 1999.

540. *Пьянкова Л.Т.* Энеолит и бронзовый век. «История таджикского народа» Том I. – Душанбе, 1998.

541. *Ранов В.Н., Коробкова Г.Ф.* Туткаул – многослойное поселение Гиссарской культуры в Южном Таджикистане. // СА, № II, 1971.

542. *Рапопорт Ю.А., Лапиро-Скобло М.С.* Раскопки дворцового здания на городище Калъалигыр I в 1958 г. МХЭ, вып VI. – М., 1963.

543. *Расовский Д.А.* Половцы. Seminarium Kondakovianum, VII. – Praha, 1935.

544. *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980.

545. *Рахманов У.* Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1987.

546. *Рахмонов Н.* Турк хоқонлиги. – Т., 1993.

547. *Родлов В.В. Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Коше-Цайдаме. – СПб, 1897 .

548. *Рохлин Д.Г.* Некоторые данные ренгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. «Тешик-Таш. Палеолитический человек». – Изд. МГУ, 1949.

549. *Ртвеладзе Э.В.* Великий шелковый путь. Энциклопедический справочник. – Т., 1999.

550. *Ртвеладзе* Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). – Т., 2006.

551. *Ртвеладзе Э.В.* Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том I. – Т.: Media Land, 2002.

552. *Ртвеладзе Э.В.* История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). – Т., 2006.

553. *Ртвеладзе Э.В.* Монеты Чача с изображением правителя, восседающего на зооморфном троне // Ташкент: вчера и сегодня. – Т., 2007.

554. *Ртвеладзе Э.В.* Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача. ОНУ, № VIII, 1982.

555. *Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р.* Древнебактрийская крепость Талашкантепа «Российская археология», № 2. – М., 1993.

556. *Ртвеладзе Э.В., Ртвеладзе Л.Л.* Городище Ханабад // В кн. «Древности Ташкента». – Т., 1976.

557. *Ртвеладзе Э.В., Лившиц В.А.* Памятники древней письменности. – Т., Фан, 1985.

558. *Рузанов В.Д.* Еще раз о хронологии Чустской культуры Ферганы. «Российская археология», № IV. – М., 1999.

559. *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. – М., 2001.

560. *Толстов С.П.* Основные вопросы древнейшей истории Средней Азии. ВДИ. – М., 1938.

561. *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.

562. *Савельев П.С.* Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаидов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Часть 1. – СПб, 1858.

563. *Сагдуллаев А.* Қадимги Ўзбекистон илк ёзма манбаларда. – Т., 1996.

564. *Сагдуллаев А.* Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа (некоторые итоги исследований в 1976–1986 гг.). «Культура юга Узбекистана в древности и средневековье» – Т., 1987.

565. *Сагдуллаев А.* Проблема инноваций в учебном процессе (на примере изучения этногенеза и этнической истории). «Ўзбекистон тарихи фанидаги инновациялар». – Т., 2012.

566. *Сагдуллаев А.С.* Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи. СА № III, 1984.

567. *Сагдуллаев А.С.* Древнесогдийские памятники. АО 1978 года. – М., 1979.

568. *Сагдуллаев А.С.* Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика). Автореф. док. дисс. – М., 1989.

569. *Салимов Х.С.* Население Средней Азии. – Т., 1975.

570. *Салтовская Е.Д.* Раскопки на Тудои-Калон в 1961 г. В сб. «Труды ИИА АН ТаджССР». Вып. IX. – Душанбе, 1964.

571. *Салтовская Е.Д.* О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане. // КСИА АН ССР. Вып. 154. – М., 1978.

572. *Салтовская Е.Д.* О раскопках Аштского могильника в 1971 г. «Археологические работы в Таджикистане». Вып. XI. – Душанбе, 1975.

573. *Салтовская Е.Д.* О раскопках могильников Ашт и Дашти-Ашт в 1973 г. «Археологические работы в Таджикистане». Вып. XIII (1973 год). – Душанбе, 1977.

574. *Салтовская Е.Д.* Раскопки на Кызылтепе в 1960 г. «Археологические работы в Таджикистане». Вып. VIII, 1960.

575. *Салтовская Е.Д.* Тепа Калаи Афросиёб в Аште (Северо-Западная Фергана). «Материальная культура Таджикистана», вып. III. – Душанбе, 1978.

576. *Салтовская Е.Д., Пулатов У.П.* Раскопки могильника Чугэхона в Табошаре. «Археологические работы в Таджикистане». Вып XXI. – Душанбе, 1981.

577. *Сальников К.В.* Андроновские поселения Зауралья. СА, XX. – М., 1954.

578. *Сальников К.В.* Кипельское селище. СА, XXVII. – М., 1957.

579. *Сальников К.Ф.* Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск, 1952.

580. *Санақулов У.* Ўзбек халқи ва тилининг этногенези ҳамда этник қатламлари. – Самарқанд, 2010.

581. *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. – М., 1989.

582. *Сарианиди В.И.* В поисках страны Маргуш. – М., 1993.

583. *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977.

584. *Сарианиди В.И.* И здесь говорил Заратуштра. – М., 1992.

585. *Сарианиди В.И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашхабад, 2002.

586. *Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. – М., 2001.

587. *Си Юан.* Сўзлар этимологияси. – Пекин, 1979.

588. *Сима Цян.* Фарғона тазкираси. Тарихий хотиралар («24 тарих» даги Ўрта Осиёга оид материаллар тўплами). – Урумчи, 1989.

589. *Синицин И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Ученые записки СГУ. Том XVII. – Саратов, 1947.

590. *Синицын И.В.* Памятник Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. I. – Саратов, 1956.

591. *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб., 1997.

592. *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века н.э. – Саратов, 1984.

593. *Смирнов К.Ф.* Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени. «Этнография и археология Средней Азии». – М., 1979.

594. *Смирнов К.Ф.* Проблема происхождения ранних сарматов. – М., 1957.

595. *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977.

596. *Смирнова О.И.* Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981.

597. *Смоличев П.И.* Погребения со скорченными костяками в районе города Сталинабада. ИТФ, АН СССР, № XV, 1949.

598. Согде. «Археологические работы на новостройках Узбекистана». – Т.: Фан, 1990.

599. *Сорокин В.С.* Могильник бронзовой эпохи Тасды-Бутак I в Западном Казахстане. – М. – Л., 1962.

600. *Сорокин С.С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX. – М., 1954.

601. *Спришевский В.И.* Чустская стоянка эпохи бронзы в Узбекистане. СЭ, № III. – М., 1954.

602. *Спришевский В.И.* Некоторые находки из Мугхана в собрании Музея истории. Тр. Музея истории АН УзССР, вып III. – Т., 1956.

603. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука. 2006.

604. *Стависский Б.Я.* Кушанская Бактрия. «Проблемы истории и культуры». – М., 1977.

605. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989.

606. *Стеткевич А.* Убыточен ли Туркестан для России? – СПб., 1889.

607. *Струве В.В.* Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока. «Известия ГАИМК», вып. 77. – М. – Л., 1934.

608. *Сулаймонов Р.Х.* Древний Нахшаб. – Т., Фан, 2000.

609. *Сулаймонова Ф.* Шарқ ва Ғарб. – Т., 1997.

610. *Т.Н. Книпович.* Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, вып. XXVIII. – М. – Л., 1948.

611. «Таълим фаолиятини тартибга солувчи норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар тўплами». – Т.: Адолат.

612. *Тереножкин А.И.* Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Известия» Уз ФАН СССР, № 9, 1940.

613. *Тереножкин А.И.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII., 1950.

614. *Тереножкин А.И.* Археологические наблюдения на строительстве Ташканала. Госархив ГУОПМК УзССР. – Т., 1940.

615. *Тереножкин А.И.* Археологические находки в Таджикистане. // КСИИМК. Вып. 20, 1948.

616. *Тереножкин А.И.* Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бурчмула близ Ташкента. СА, № III, 1962.

617. *Тереножкин А.И.* Рец. на работу Г.В. Григорьева на Каунчитепе. Уз ФАН СССР, вып. VIII, 1940.

618. *Тереножкин А.И.* Согд и Чач. КСИИМУ, вып. XXXIII. – М., 1950.

619. *Тереножкин А.И., Дуке Х.* Древнейшие земледельцы Ташкентского оазиса. Сб. Древняя и средневековая культура Чача. – Т., 1979.

620. *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии V–VII вв. – М., 1979.

621. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. «Извлечение из сочинений арабских». Том I . – СПБ, 1884.

622. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

623. *Тишков В.А.* О феномене этничности. ЭО, № III. – М., 1997.

624. *Тишков В.А.* Этнология и политика. – М., 2001.

625. *Толстов С.П.* Городище с жилыми стенами. КСИИМК, вып. XVII. – М., 1947.

626. *Толстов С.П.* Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии. – ВДИ, № 3, 1939.

627. *Толстов С.П.* Древний Хорезм. – М., 1948.

628. *Толстов С.П.* Древности верхнего Хорезма. ВДИ, № 1 (14). – М., 1941.

629. *Толстов С.П.* Низовья Амударьи, Саркамыш и Узбой (История формирования и заселения). МХЭ, вып. III. – М., 1960.

630. *Толстов С.П.* Итоги двадцати лет работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции (1937–1956). СЭ, № IV, 1957.

631. *Толстов С.П.* К вопросу о датировке культуры Каунчитепе. ВДИ, № I. – М., 1946.

632. *Толстов С.П.* Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, № I, 1946.

633. *Толстов С.П.* Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. СЭ, № VI–VII, 1947.

634. *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.

635. *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. – М. – Л., 1948.

636. *Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 гг. Труды ХАЭЭ. Том II. – М., 1958.

637. *Толстов С.П.* Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 гг. ТХАЭЭ. Том II. – М., 1948.

638. *Томилин В.Н.* Месторождение медных и свинцовых руд в предгорьях Могол-Тау и Карамазара в Туркестане. «Записки Горного института». Том IV, вып. I, 1912.

639. Тохарские языки. – М., 1959.

640. *Трофимова Т.А.* Черепа из могильника тазабагябской культуры Кокча 3. МХЭ, № V, 1961.

641. *Тревер К.В.* Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV–VII вв. (К истории народов Средней Азии) // СА, ХХ1, 1954.

642. *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. – М. – Л., 1940.

643. *Трофимова Т.А.* Древнее население Хорезма по данным антропологии. МХЭ, вып II. – М., 1959.

644. *Трофимова Т.А.* Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик. Тез. док. Археолого-этнографическая сессия по итогам полевых исследований в 1972 г. в СССР. – Т., 1973.

645. *Трофимова Т.А.* Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик. СА, №5, 1975.

646. *Трофимова Т.А.* Неолитические черепа Кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. «Этнология и археология Средней Азии» – М., 1979.

647. Труды международной научной конференции. – Т., 2009.

648. Туркестанские ведомости, № 36, 38, 39, 1894.

649. Туркестанский край. Том XIX. СПб., 1913.

650. Туркистон Чор Россияси мустамлакачилиги даврида. – Т., 2000.

651. Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана. «Народы Средней Азии и Казахстана». – М., 1962.

652. Узбекистан в годы Великой Отечественной войны. – Т., 1966.

653. Ўзбекистон тарихи. – Т., Фан, 1993.

654. Ўзбекистон Республикаси. Ўз.МЭ, 12-жилд., 2006, 186-бет.

655. Ўзбекистон ҳудудида Қорахонийлар давригача бўлган қадимги туркий топонимлар // Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданий жараёнлар, «Карим Шониёзов ўқишлари» туркумидаги халқаро илмий анжуман материаллари, 1-қисм. – Т., 2005.

656. Ўзбекистон янги тарихи. Туркистон Чор Россияси мустамлакачилиги даврида. 1-китоб. – Т., 2000.

657. Ўзбекистоннинг янги тарихи. «Ўзбекистон Совет мустамлакачилиги даврида». – Т., 2000.

658. Ўзбекистоннинг янги тарихи. 1–2 китоб. – Т., 2000.

659. Ўзбекистон тарихи хрестоматияси. 1-жилд. Энг қадимги ёзма манбалар. Авесто. «Фан» нашриёти. – Т., 2014.

660. *Умаров Э.* Этюды по древней ономастике // Transoxiana: История и культура. – Т., 2004.

661. *Ураков Б.* Культура Бухарского оазиса второй половины I тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э. Автореф. канд. дисс. – М., 1982.

662. *Ураков Б.* Культура Древнебухарского оазиса III–VI вв. н.э. – Т., 1983.

663. *Усманова З.И.* К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш. ИМКУ, вып 10. – Т., 1973.

664. Узбеки. – М.: Наука, 2011.

665. *Ф. Брун.* Черноморье. Часть 1. – Одесса, 1870.

666. *Филанович М.* Кангуй давлати // Ўзбекистон давлатчилиги тарихи очерклари. Шарқ. – Т., 2001.

667. *Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. – Т., 2010.

668. *Филанович М.И.* Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. – Т., 1983.

669. *Филанович М.И.* Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента. Кн. «У истоков древней культуры Ташкента». – Т., 1982.

670. *Фрай Р.* Наследие Ирана. Издание второе, исправленное и дополненное. – М., 2002.

671. *Френ Х.М.* Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммедханских династий. Перевод с немецкого М. Волкова. – СПб., 1832.

672. *Халимбетов Ю.М.* Миллий менталитетимиз – истиқболимиз таянчи. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. – Т., 2004.

673. *Хамидхон Исломий.* Ипор ҳид ила туғилган Ориф Хожа Баҳоуддин Нақшбанд. – Т., 1993.

674. *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843.

675. Хитой тили катта иероглифлар луғати, III жилд. – Сичуан, 1987.

676. Хитой тили катта луғати. III-жилд. Чэнгду, 1990.

677. *Ходжаев А.* Из истории древних тюрков. – Т., 2010.

678. *Ходжаев А.* Сведения о Ташкенте в китайских источниках древнего периода. I. Сведения «Шицзи» (исторические записки). «O'zbekiston tarixi», №III. – Т., 2009.

679. *Ходжайов Т.К.* Черепа из пещерной мезолитической стоянки – Мачай. Тезисы докладов Всесоюзной археолого-этнографической сессии, посвященной итогам полевых исследований в 1972 г. – Т.: Фан, 1973.

680. *Ходжайов Т.К.* Жанубий Орол бўйида яшаган қадимги халқлар. – Т., 1978.

681. *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. – Т., 1980.

682. *Ходжайов Т.К.* Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Рукопись докторской диссертации. – М., 1981.

683. *Ходжайов Т.К.* Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана. Вестник антропологии. Альманах, вып. 2. – Москва, 2004.

684. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Историческая антропология. Узбеки. – М.: Наука, 2011. С. 14.

685. *Хўжаев А.* Қадимги Хитой манбаларидаги туркий халқларга оид айрим этнонимлар. «Ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият» – Т., 2003.

686. *Хўжаев А.* Суғдийларнинг Хитойга бориб қолиши // Мозийдан садо, № II. – Т., 2002.

687. *Хўжаев А.* Фаргона тарихига оид маълумотлар. «Фарғона нашриёти», 2013.

688. *Хўжаев А.* Хитой манбаларида сугдларга оид айрим маълумотлар. «O'zbekiston tarixi», № I. – Т., 2004.

689. *Хўжаев А.* Ҳунлар. Ўзбекистон миллий энциклопедияси, № XI. – Т., 2005.

690. *Хўжаев А.* Қадимги манбаларда халқимиз ўтмиши. «Маънавият». – Т., 2001.

691. *Ҳайдаров Б.* Ўзбекчилик. – Т., 2012.

692. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М., 1956.

693. *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы происхождения древних и современных народов. Труды VII Международного конгресса антропологических этнографических наук. Том V. – М., 1970.

694. *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М. – Л., 1960.

695. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Наука, 1980.

696. *Чуланов Ю.Г.* Некоторые новые памятники Северной Ферганы. СА, № 1967.

697. *Шагалов В.Д., Кузнецов А.В.* Каталог монет Чача III–VIII вв. – Т.: Фан, 2006.

698. *Шайдуллаев Ш.* «Авесто» ва моддий маданият. «Ўзбекистон тарихи», № III, 2004.

699. *Шайдуллаев Ш.* Ўзбекистон ҳудудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ... т.ф.д. дис... автореф. – Самарқанд, 2009.

700. *Шайдуллаев Ш., Хуфф Д., Рахимов К.* Жарқўтон – 2002 // Археологические исследования в Узбекистане в 2002 году. – Т., 2003.

701. *Шаниёзов К.Ш.* Узы (из истории родоплеменных делений узбеков). «Общественные науки в Узбекистане, № II. – Т., 1970.

702. *Серали Лапин.* «Оренбургские листки», № 6, 1894.

703. *Ширинов Т., Шайдуллаев Ш.* Бақтрия минг шаҳарли мамлакат. «Термиз: тарихий тадқиқотлар, илмий хулосалар». – Т., 2001.

704. *Шишкина Г.В.* Самарканд во второй половине I тысячелетия до новой эры. «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докл. – Т.: Фан, 1979.

705. *Шмидт А.Э.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана. ИИВ АН СССР, вып. XVI. – М. – Л., 1958.

706. *Шониёзов К.* К этнической истории узбекского народа. – Т., 1974.

707. *Шониёзов К.* Қанғ давлати ва қанғлилар. – Т.: Фан, 1990.

708. *Шониёзов К.* О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа. ОНУ, № 6, 1981.

709. *Шониёзов К.Ш.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т., 2001.

710. *Шониёзов К.Ш.* Узбеки-карлуки. – Т., 1964.

711. *Шониёзов К.Ш.* Қанғ давлати ва қанглилар. – Т., 1990.

712. *Шукуров А.* «Ўзбек» атамасининг келиб чиқиши ҳақида. – Т., 2010.

713. *Шукуров А.* Товушининг товланиши. – Т., 2012.

714. *Шюй Шюйъя.* Қадимги ипак йўли ва Марказий Осиё тарихий географиясига доир тадқиқотлар (Тангдай сичоу чжилу юй Чжунгъя лиши дили янжю). – Сиан, 2000.

715. *Щербак А.М.* Грамматика старо-узбекского языка. – М. – Л., 1962.

716. *Щербак А.М.* Огузнаме. Мухаббатнаме. – М., 1959.

717. *Эргашев И.* Қишлоқ сиёсий-ижтимоий жараёнлар тизимида. – Т.: Шарк. – 1998.

718. *Эркаев А.* Ўзбекистон йўли. – Т.: Маънавият, 2011.

719. *Эргаш Очилов.* Ёзма адабиёт. Ўзбек миллий энциклопедияси. 12-жилд. – Т., 2006.

720. *Эрматов М.* Этногенез и формирование узбекского народа. – Т., 1968.

721. *Эсанов М.* «Авесто» жамиятининг археологик материалларда ... // т.ф.н. дис. – Т., 2007.

722. *Эсанов М.* Бронза даврида Қадимги Бақтрия ва Марғиёна аҳолисининг зоолатрик диний қарашлари // Ўзбекистон моддий маданият ёзма манбаларда. – Т., 2007.

723. Этнический атлас Узбекистана, 2002.

724. Южный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М., 2000.

725. *Юсупов Х.* Путеводитель по археолого-архитектурным памятникам Ташовузской области. – Ашхабад, 1989.

726. *Яблонский Л.Т.* К краниологии кельтеминарцев. Внутригрупповой анализ. СЭ, №2, 1985.

727. *Ягодин В.Н.* Памятники кочевых племен древности и средневековья. «Древняя и средневековая культура Устюрта». – Т., 1988.

728. *Яйленко В.П.* Енисейцы-кеты в этнической истории древней Средней Азии. «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии». Вып. I. – М., 1990.

729. *Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. – Т.: Фан, 1941.

730. *Ярхо А.И.* О некоторых вопросах расового анализа. Антропологический журнал, № 3. 1934, С. 3–21.

Иностранная литература

1. Adams R. Heartland of Cittes. – Chicago, 1982.

2. Alemany A. Batı Avrasya Steplerınde Türk ve Alan Halkları Arasındaki Tarihi Bağlantılar // TÜRKLER, 2, – Ankara, 2002.

3. Al-Moqaddasi, Abu Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin. Descriptio Imperii moslemici. Eed. M. J. de Goeje. BGA. – Pars 3. – Lugduni-Batavorum, 1967.

4. Aalto P. The name of Tashkent. CAJ. – VolXXI, – Wiesbaden, 1977.

5. Babayarov G. The influence of the Ancient Indian traditions in the early Turkic coins of Chach / Tashkent region (VI–VIII AD) // International Seminar and Exhibition. Cities, Roads and Caravan Sarais An Emblem of Linkages Through the Age (India, West and Central Asia), 8 – 12 January, 2008.

6. Bacot J. Reconnaissance en haute asie septentrionale par cinq envoyes ouigours au VIIIe siècle // JA.– Paris, – Vol. CCXLIV. 1956.

7. Bailey H.W. Languages of the Saka. «Handbuch der Orientalistik, I,4 ,I Linguistik. – Keiden, 1958.

8. Bailey H.W. The Ancient Kingdom of Khotan // Iran, – Vol. 8. 1970.

9. Bang. W., Aalto P. The name of Tashkent. CAJ, – Wiesbaden, – Vol. XXI. 1977.

10. Barthold V. V. Orta Asya Türk Tarihi Dersleri.Ankara, 2004.

11. Beal S. Si-yu-Ki Buddhist record of the Westernworld. –Vol. I. – London, 1884.

12. Brunet F. Asie Centrale: vers une redefinition des complexes culturels de la fin du Pleistocene et des debuts de I Holocene-Paleorient, 28/2. Paris, 2002.

13. Boodberg P. A. The Language of the T'o-Pa Wei // Harvard Journal of Asiatic Studies. – Kambridge, –Vol. 1, No. 2. 1936.

14. Bosworth C. E. Chach. Encyclopaedia Iranika. –Vol. IV, – London, – New York, 1990.

15. Chavannes EDocuments sur les Tou-Kiue(turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. СПб., 1903.

16. Chavannes E. Notes additionelles sur les Tou-kie (Turcs) occidentoux // T'oung Pao. – Vol. II. – Leide, 1904.

17. Childe V.G. The urban revolution // Towh planning Review. – Vol. 21. 1950.

18. Chirshman R. Terrasses Sacres de Bard-e Nechander et Masjed-I Solomanb. – Paris, 1976.

19. Clauson G. Â propos du manuscrit Pelliot tibètain 1283 // Journal Asiatique. – Paris, 1957.

20. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford, 1972.

21. Cribb J.E., Bopearachchi O. Greek hero-god, Heracles // The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistanand Pakistan. – Cambridge, 1992.

22. Czegledi K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederation // Acta Orientalia. T. XXV. – Budapest, 1972.

23. Dani A. H., Litvinsky B. A., Zamir Safi M. Eastern Kushans, Kidarıtes in Gandhara and Kashmır, and Later Hephthalıtes // History of Civilizations of Central Asia. –Vol. 3. – Paris, 1996.

24. Dani A. Peshawar: Historic city of the frontier. – Lahor, 1995.

25. Doerfer G. İran'daki Türk Dilleri – Die Turkschprachen İrans // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. Sayı 302. – Ankara, 1969.

26. Doerfer G. Lexik und Sprachgeographie des Chaladsch. – Wiesbaden, 1987.

27. Doerfer G. Mahmūd al-Kāšγarī, Arγu, Chaladsch // Ural-Altaische Jahrbücher. Band 7. – Wiesbaden, 1987.

28. Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre Türkistan. Basılmamış doktora tezi. Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. Ankara, 2003.

29. EnokiK. OnthenatıonalityofEphtalites // MemoriesoftheresearchdepartmentofToyoBunko. № XVIII. – Tokyo, 1959.

30. Esin E. Bağdaş ve Çökme, Türk töresinde iki oturuş şeklinin kadim ikonografisi // Sanat Tarihi Araştırmaları, III. – İstanbul, 1970.

31. Esin E. Kün-Ay (Ay Yıldız Motifinin proto-Türk Devrinden Karahanlılara Kadar İkonografisi) // VII. TTK Bildirileri, c. I, – Ankara, 1972.

32. Frye R. N., Sayılı A. Selçuklulardan evvel Orta Şark'ta Türkler // Belleten. Cilt. 10. – Ankara, 1946.

33. Gharib B. Sogdian Dictionary. Sogdian – Persian – English. – Tehran:Farhangan Publications, 1995.

34. Ghirshman R. Les Chionites – Hephtalites//MDAFA. – Le Caire, – T. XIII.1948.

35. Göbl R. Dokumente zur Geschihte der İranischen Hunnen in Baktrien und İndien. Band I, – Wiesbaden, 1967.

36. Göhçe S. İlkçağda Hindistan'da Türk varlığı // The Journal of İndo-Turcica. – İstanbul, 2008.

37. Golden P. B. Hazar Çalışmaları. Çev. E. Ç. Mızrak. – İstanbul: Selenga, 2006.

38. Golden P. B. Türk Halkları tarihine Giriş. Çev. O. Karatay. – Ankara, 2002.

39. Golden P.B. An İntroduction to the History of the Turkic Peoples. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.

40. Gömeç S. «Kara Hanlı» Adı Üzerine Bazı Düşünceler // KÖK Araştırmaları. Cilt II. Sayı 2. – Ankara, 2000.

41. Harmatta J., Litvinsky B.A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule // History of Civilizations of Central Asia, – Vol. 3, – Paris, 1996.

42. Henning W. B. The Name of the «Tokharian» Language // AM. – Vol. I. – London, 1950.

43. Heršak E. Avarlar: Etnik Yaradılış Tarihlerine Bir Bakış // TÜRKLER. – Ankara, 2002.

44. Hoffmann H. Die Qarluq in der tibetischen Literatur // *Oriens*, –Vol. 3, No. 2. (Oct. 31, 1950).

45. Humbach H. Pangul, a Turco-Bactrıan Ruler // Bulletin of the Asia İnstitute. New Series.– Vol. 10. – London, 1996.

46. Inaba M. The Identity of the Turkish Rulers to the South of Hindukush from the 7th to the 9th Centuries A. D. // Zinbun. – Tokyo, No. 38. 2005.

47. İzgi Ö. Çin elçisi Wang Yen-Te'nın Uygur seyahatnmesi. – Ankara: TTK, 2000.

48. K. D ohsson. Les peoples du Cancase, – Paris, 1882.
49. Kalankatlı Moses. Alban Tarihi. Türkçeye çeviren Y. Gedikli. – İstanbul, Selenge yayınları, 2006.
50. Konow S. On the Nationality of the Kusânas // ZDMG, LXVIII.
51. Konukcu E. Akhunlar // TÜRKLER. Cilt I. – Ankara, 2002.
52. Konukçu E. Hindistan'daki Türkler // Hindistan Türk Tarihi Araştırmaları - The Journal of Indo-Turcica. Sayı I, 2001.
53. Kumar B. The Early Kusânas (A history of the Rise and Progress of the Kusâna Power under the Early Kusâna Rulers-from Kujula kadphises to Vasudeva). – New Delhi. 1973.
54. Lévi S. Note additionnelle sur les Indo-Scythes // JA, neuvième série, t. X. – Paris, 1897.
55. Litvinsky B.A. The Hephthalite Empire // History of Civilizations of Central Asia. – Vol. 3. – Paris, 1996.
56. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachnchten zur Geschihte der Ost – Turken (Tukue). – Wiesbaden, 1958.
57. Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. – Leiden, 1938.
58. Marquart J. Erānšahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. – Berlin,1901.
59. N. Avanesova, S. Sajdullaev, A. Ërkulov. Gzam-ein neuer bronzezeitlicher Fundort in der Sogdiana. «Archaologische mitteilungen aus Iran und Turan». – Berlin. 2001.
60. Ögel B. İlk Töles Boyları // Belleten. – Ankara. 1948.
61. Ögel B. Sekel'lerin ataları hakkında (Sikil, Ezgil boyları) // Belleten. – Ankara 1945.
62. Orkun H.N. Eski Turk Yazitlan. – Ankara: TTK, 1986.
63. Osawa T. Batı Göktürk Kağanlığın'daki Aşinaslı Bir Kağan'ın Şeceresine ait Bir Kaynak // TÜRKLER. – Ankara, Cilt 2. 2002.
64. PahlaviTexts. The Bundahis-Bahman Yast, and Shayast La-Shayast. Trans. by E.W. West. BSE.,– Part 1. – Vol. 5. – Delhi. 1987.
65. Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam, XXX. – Berlin, 1952.
66. Pulleyblank E.G. Sogdiana colony in innev Mongolia, Toyng, – Vol. 417, 1952.
67. Puri B. N. India under the Kushânas. Bharatiya Vidya Bhavan, Chowpatty, – Bombay, 1965.
68. Puri B. N. The Nationality of the Kushans // TsAKE. 1974.
69. Reinaud M. Geographie d,Abul fed. t. I, П. CCXXIII. – Paris. 1848.
70. Salman H.Turgisler. – Ankara: TTK, 1998.
71. Şeşen R. Eski Araplar'a göre Türkler // Türkiyat Mecmuası. – Ankara, 1969.
72. Şeşen R. İslam Coğrafyacılarına göre Türkler ve Türk ülkeleri. – Ankara: TTK, 2001.
73. Sims-Williams H. Bactrian Documents from Northem Afghanistan. I: Legal and Economic Documents. – Oxford Univ. Press, 2000.
74. Sims-Williams N. Ancient Afghanistan and Its Invaders: Linguistic Evidence from the Bactrian Documents and Inscriptions // Indo-Iranian Languages and Peoples. Ed. N. Sims-Williams. – Oxford, 2002.
75. Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. – Oxford, 2000.
76. Sims-Williams N. From the Kushan-shahs to the Arabs. New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions // Coins, Art and Chronology Essays on the pre-islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. – Wien, 1999.

77. Sims-Williams N. Turks and other peoples in the Bactrian documents // Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720-2010) – *From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720-2010).* 3-5 Aralık, İstanbul / 3th – 5th December 2010. – Istanbul, 2011.

78. Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian inscriptions of Kultobe. «Shygys», 2006.

79. SkaffK. J. WesternTurkRuleofTurkestan'sOasesintheSixththroughEighthCenturies // TURKS. – Ankara, 2002.

80. Stark S. Nomaden und Seßhafte in Mittelasien- und Zentralasien //Grenzuberschreitungen. Formen des Kontakts zwischen Orient und Okzident im Altertum. – Stuttgart, 2002.

81. StronachD.B. TepeNush-i Jan: Excavation in Iran. – Oxford, 1972.

82. Taşağıl A. Gök-Türkler. – Ankara, 1995.

83. Taşağıl A. Gök-Türkler. III. – Ankara: TTK, 2004.

84. Tezcan M. Kuşanların Menşei // Türkler. 1. Cilt. Yeni Türkiye Yayınları. – Ankara, 2002.

85. Thakur U. The Hunas in India. – Varanasi, 1967.

86. Thomaschek W. Centralasiatische Studien. Sogdiana, SBAM, (Bdnd. LXXXVII), – Wien, 1877.

87. Thomsen V. Orhon ve Yenisey yazitlannin ilk cozumu. Ilk Bildiri. Cozulmus Orhun yazitlan (Turkce terc. V. Koken). – Ankara:TTK, 1993.

88. Togan A. Z. V. Umumi Türk Tarihine Giriş. 3. Baski. – Istanbul, 1981.

89. Togan I. ,Kara G., Baysal C., Cin kaynaklannda Turkler. Eski Tang Tanhi/ – Ankara: TTK, 2006.

90. Tuguşeva L.Yu. Türkler ve Toharlar arasındaki münasebetler // TÜRKLER, 2. cilt, – Ankara, 2002.

91. Vaissiére E. de la. Is There a «Nationality of the Hephtalites»// Bulleten of the Asia Institute. New Series/Volume 17, 2003.

92. Vaissière E. de la. Sogdian traders: a history. Translated by J. Ward. (Handbook of Oriental studies – Handbuch der Orientalistik. Section eight, Central Asia; v. 10. Leiden – Boston: Brill, 2005.

93. VinogradovaN.M Kangurttut: The Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tadjikistan. Inform. Bulletin IASCCA, Вып. XX. – M., 1996.

94. Vinogradova N.M. The Farming Settlement of Kangurttut: in the Late Brjnze Age. AMI,B.27, – Berlin. 1994.

95. Yoshida Y. Some reflections about the Origin of *čamūk* // Papers on the Pre-Islamic Documents and Other Materials Unearthed from Central Asia. Ed. T.Moriyasu. – Kyoto, 2004.

96. Yu . Bregel. NotesonthestudyofCentralAsia.Журнал «Восток», № VI. – M., 1997.

97. Yu. Bregel. The sart in the Khanate of Khiva. Journal of Asian History. V.12, № 2. 1978.

98. Zamir Safi M. Eastern Kushans, Kidarıtes in Gandhara and Kashmır, and Later Hephthalıtes // History of Civilizations of Central Asia. – Vol. 3. – Paris, 1996.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – археологические открытия.

АРТ – археологические работы в Таджикистане.

ВДИ – «Вестник древней истории».

ГУОПМК УзССР – Государственное управление охраны памятников материальной культуры УзССР.

ИАН УзССР – «Известия Академии наук Узбекской ССР».

ИИВ АН СССР – «Известия Института востоковедения АН СССР».

Известия Уз ФАН СССР – «Известия Узбекистанского филиала АН СССР».

Известия ГАИМК – «Известия Государственной академии истории материальной культуры».

ИИАЭ АН КазССР – «Известия Института археологии и этнографии КазССР».

ИВ АНРУз – Институт востоковедения АН УзССР.

ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана.

ИТФ АН СССР – «Известия Таджикского филиала АН СССР».

КСИА – «Краткие сообщения Института археологии АН СССР».

КСИЭ – «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР».

КСИИМК – «Краткие сообщения Института истории материальной культуры».

МИА – материалы и исследования по археологии СССР.

МИТТ – материалы по истории туркмен и Туркмении.

МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.

МХЭ – материалы Хорезмийской экспедиции.

МИК – материалы по истории каракалпаков.

МИКК – материалы по истории киргизов и Киргизии.

ОАК – отчеты Археологической комиссии.

ОНУ – общественные науки в Узбекистане.

ПТКЛА – протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.

РА – «Российская археология».

СА – «Советская археология».

ТАЭ – Термезская археологическая экспедиция.

Труды ИИАН КазССР – труды Института истории АН КазССР.

Труды ИИАЭАН КазССР – труды Института истории и археологии АН КазССР.

Труды ИИА АН УзССР – труды Института истории и археологии АН УзССР.

Труды ХЭ – труды Хорезмийской экспедиции.

Труды КАЭЭ – труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.

Труды САГУ – труды Среднеазиатского государственного университета.

Труды ХАЭЭ – труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции.

Труды ИИА АН ТаджССР – труды Института истории и археологии Таджикской ССР.

ЭО – этнографическое обозрение.

ЎзР МДА – Ўзбекистон Республикаси Марказий Давлат Архиви.

ЎзР ПДА –Ўзбекистон Республикаси Президент девони Архиви.

ЎзМУ хабарлари – Ўзбекистон миллий университет хабарлари.

ЎзИФ журнали – Ўзбекистонда ижтимоий фанлар журнали.

ЎзМЭ – Ўзбекистон миллий энциклопедияси.

AMI – ArchäologischeMitteilungenausIran.

BGA – Bibliotheca geographorum arabircorum edidit M.J. de Goeje.

IASCCA – International Association for Study of Culture of Central Asia.

CAJ – Central Asiatic Journal.

MDAFA – Memoires de la Délégation archèologique francaise en Afghanistan. (Paris).

ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft.

СССР – Совет Социалистик Республикалар Иттифоки.

РСФСР – Россия Совет Социалистик Федерацияси.

ЦК РКП(б) – Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

Турк ЦИК – Туркестанский Центральный Исполнительный Комитет.

ТКП – Туркестанская Коммунистическая партия.

БХСР – Бухарская Народная Социалистическая Республика.

ХХСР – Хорезмская Народная Социалистическая Республика.

ЦК БКП – Центральный комитет Бухарской коммунистической партии.

ЦК ХКП – Центральный комитет Хорезмской коммунистической партии.

ЦИК ТАССР – Центральный исполнительный комитет Туркестанской автономной советской социалистической республики.

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

ООН – Организация Объединенных Наций.

СНГ – Содружество Независимых Государств.

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.

ЮНЕСКО – Организация при ООН по науке, культуре и образованию.

НАТО – Североатлантический военный блок.

СЕАП – Совещание Евроатлантического альянса.

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества.

АБР – Азиатский банк развития.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Глава I

Конструктивизм – результат представления человечеством связанной с этносом историко-социальной реальности; созданное советскими теоретиками искусственное социальное интеллектуальное образование, теоретическое воззрение, согласно которому этнос «является основой для социальных действий и становится реальной действительностью». Представители конструктивизма отрицают исторические принципы зарождения этноса и нации, не признают этнос в качестве продукта биогеографической сферы и длительной, прошедшей несколько этапов этногенеза реальной действительности.

Нация – социальный продукт капиталистического общества, высшая точка этнической истории, этап совершенства, народ, достигший этого этапа, даёт государству название этой нации; его государственная граница является окончательно установленной, неприкосновенной и признанной мировыми общественными организациями; общенациональный язык, используемый в пределах определённой территориальной границы, обретает статус государственного языка; уровень самосознания населения становится смыслом жизни, повседневным образом жизни граждан; формируется характерный для нации менталитет; государство проявляется в качестве могущественного органа, управляющего основными направлениями внутренней и внешней политики общества.

Теория национального автохтонизма – учение, отстаивающее непосредственную связь современных народов Средней Азии в качестве коренных этносов, проживающих на занимаемой в настоящее время территории с древнейших времен, этнический состав которых сложился на основе многовекового смешения в разном соотношении различных этнических компонентов.

Ариана – равнины Ирана, где в середине II тысячелетия до н.э. осели прибывшие с северных регионов кочевые скотоводческие племена степей Евразии, которые в Авесте получили название «Ариана». Корень термина Ариана составляет слово «Арья» (арий), что означает вольный, свободный, зажиточный конный воин-аристократ. В древней истории под термином Ариана, то есть новой родины арийцев, подразумевалась не только территория современного Ирана, но и всё географическое пространство, на котором получило распространение ираноязычное население.

Паниранизм – идеология, появившаяся в первые годы советской власти в противоположность пантюркизму. Согласно этой идеологии выдвигается антинаучная идея о том, что «коренное население этой земли составляют ираноязычные народы, а тюрки являются пришельцами». Сторонники паниранистской идеологии пытаются связать исто-

рические корни происхождения узбекского народа непосредственно с узбеками-шейбанидами. Представители этой идеологии встречаются и в настоящее время.

Панисламизм – религиозно-политическое учение, зародившееся в Средней Азии среди исламских догматиков. Согласно этому учению выдвигается идея, что «в этом временном мире нет национальных этносов, а есть только исламская нация. Народы необходимо определять не по национальному языку и этнокультурным особенностям, а по их духовной принадлежности».

Пантюркизм – первоначально, в период образования национальных республик в составе советской власти, вопрос происхождения узбекского народа изучался только в связи с тюркским этносом, потому что в то время отрасли науки, связанные с этногенезом народов – археология, этнология, антропология, этнография, топонимика, историческая лингвистика не были достаточно развиты. По этой причине вопросы происхождения узбекского народа изучались на основе народных преданий и письменных источников позднего средневековья, без учёта этнополитической обстановки в регионе. Напротив, выдвигалась идея о том, что «исконным населением Средней Азии всегда были тюрки, которые были жителями сначала Турана, а затем Туркестана». Идейным основателем этого движения был турецкий философ Зия Гукальп (1876–1924), а его последователем среди тюркских народов России – учёный востоковед-историк Заки Валиди-Туган. Они ставили целью объединение тюркского мира.

Теория пассионарности – согласно теории пассионарности этнос является редко встречающейся социальной производной природы, географической среды и биосферы, эмпирическим обобщением историко-географических фактов, биогеографической производной. Этнос – социальное проявление реальной действительности, результат этногенетических процессов, происходящих в исторической последовательности, их движущая сила, источник, энергичный пассионарий.

Примордиализм – (англ. *primordial* – в значении изначальный, первозданный, неизменный) этнос или этничность как конкретный феномен, имеющий объективную основу в природе или обществе, исторически сложившаяся общность людей, проявляющаяся в единстве культур общность языка, территориального единства, экономической жизни и духовной общности, производная биогеографической сферы, теоретическое представление, признающее продолжавшуюся длительное время и прошедшую несколько этапов реальную действительность.

Тюркский национальный патриотизм (тюркизм) – Туркестанские джадиды Турор Рыскулов, Бехбуди, Фитрат, Чулпан, Мунаввар-кары Абдурашидханов и другие прогрессисты, прекрасно понимавшие бесперспективность объединения тюркского мира, в отличие от турецких пантюркистов, выступали с идеей создания в Средней Азии единой Туркестанской автономии. Она получила в истории название тюркизм. Однако советская власть выступила против объединения туркестанских тюрков и предложила идею создания в Средней Азии национальных республик. В итоге за верность и преданность идее создания Туркестанской автономии тюркские национальные патриоты стали жертвами политических репрессий.

Туран – основу этого термина составляет слово «тур», в Авесте кочевое скотоводческое население Евразийских степей эпохи бронзы называлось турами. Земли, которые они заселили, получили название Туран. В научной литературе термин Туран используется в качестве географического названия, но в другом толковании он имеет этнографическое значение и используется как Туран – родина туров, даже как страна тюрков.

Народ – синоним греческого слова «этнос», по своему значению не является идентичным термину «нация». На примере узбекского народа можно сказать, что народ является социальным продуктом феодального общества. Границы единой территории – одного из этнических факторов, объединяющих народ, имеют свойство изменчивости. Его (народа) политическое объединение – государство не всегда носит название этноса, поэтому история народа древнее его названия. Самосознание, национальная гордость, чувство гордости за свою родину и свой народ у этноса, достигшего уровня народа, во многих случаях не бывает на должном уровне. Общность языка этноса, находящегося на уровне народа, не всегда является причиной придания ему государственного статуса.

Племя – этническая общность, характерная для позднего этапа первобытнообщинного строя. Но в научной литературе встречается употребление этого понятия по отношению к скотоводческим племенам и в период феодализма. Возможно, это связано с живучестью архаичного мировоззрения в традициях и обычаях скотоводческого населения.

Этническая общность – социальное и этническое объединение, возникшее в определённой общественно-экономической системе в процессе естественно-исторического развития. Этническая общность по своему значению идентична понятию «народ».

Этническая группа – применяется по отношению к группе, которая, отделившись от состава распавшегося народа, долгое время проживает в составе другого народа, перенимает, впитывает в себя его язык, хозяйственную деятельность, культуру, обычаи и образ жизни, называет себя именем этого народа, но вместе с тем помнит своё прошлое этническое название.

Этнический процесс – непрерывное развитие хозяйственно-экономических и этнокультурных связей между этническими группами, входящими в состав этнических общностей.

Этничность – мировоззрение, направленное на изучение этнических проблем полиэтнического характера или противоречивых обстоятельств в региональных межэтнических отношениях. Говоря иначе, этничность, по официальному представлению западных учёных, – совокупность культурных особенностей этнических групп. Значит, этничность – это комплекс культурных особенностей, характерных для определённой этнической группы, которая направлена на изучение формы культурных различий общественных объединений, проблем полиэтнического характера современных обществ, в первую очередь противоречивых сторон отношений этнической группы, как части обширной социально-культурной обстановки, с этническими группами в составе определённого этноса, отличий в их культурных особенностях.

Этнографическая группа (субэтнос) – обычно используется по отношению к племени или народности, которая, переселившись на новую территорию, не подвергаясь полной ассимиляции, отличаясь от определённой народности своеобразием своего диалекта, хозяйственной деятельности, некоторыми сторонами образа жизни, совместно проживает в составе другого народа в качестве этнической общности.

Этнос – греческое слово, означающее народность, народ. Термин «этнос» или «народ» используется в широком и узком смысле этого слова. Например, в широком смысле – народ Узбекистана, народ России, народы мира; в узком смысле – узбекский народ, русский народ, таджикский народ.

Дуалистическая теория этноса – согласно этой теории этнос – это группа людей, имеющих общность происхождения единой территории, языка, происхождения, культу-

ры, этнического самосознания и этнического самоназвания (этнонима), а также присущего им образа жизни. В широком смысле понятие «этнос» или «этносоциальный организм» включает в себя не только территориально-политическую общность, но и фактор социально-экономического единства. В узком смысле термин «этнос» называется «этникос». К примеру, согласно этой теории, если все узбеки, живущие на земном шаре, – этникос, то узбеки, проживающие в Узбекистане, считаются этносоциальным организмом.

Глава II

Афрасиаб – легендарный правитель народов Турана в переходный период от первобытного родового строя к классовому обществу. В авестийской традиции Афрасиаб, именуемый Франграсйан, проявляется в качестве мифического образа, совершающего тщетные безрезультатные действия. Этот образ использован Фирдоуси в «Шахнаме», как правитель, который воюет против иранских царей. Но эта тема в самой Авесте не встречается. Афрасиаб, описанный в поэме «Шахнаме» как царь Турана, в военном противостоянии между государствами Туран и Иран вырастает из мифологического представления народа и обретает историчность. В представлении народов Турана-Туркестана он является правителем, по приказу которого были возведены древние города Мингурик, Шахнининтепа в Ташкенте, Китаб в Кашкадарье, укреплённая крепость в Самарканде (по-согдийски – Смараканса, по-гречески – Мараканда). В тюркских письменных источниках Афрасиаб идентифицируется с эпическим героем Алп Эр Тунга (Махмуд Кашгари). Это сравнение появилось потому, что оба этих образа связаны с Тураном. Среди литературоведов встречаются учёные, которые считают Афрасиаба исторической личностью. В действительности, Афрасиаб – мифологический продукт первобытного мышления, а Алп Эр Тунга, связанный с зарождением тюркской государственности, – легендарный правитель, царь прототюрков, отважный предводитель – покоритель земель. Согласно мифологической традиции, Караханиды и Сельджукиды связывают происхождение своих династий с Афрасиабом.

Сиявуш – (в Авесте Сиёваршан, Сиёвахш – «чёрный конь») – один из героев эпоса «Шахнаме», представитель Каянидов, названый сын правителя Кайкавуса (в Авесте – Кава Уса), который, по преданию, приводит Беруни, он был рождён ангелоподобной, необыкновенно прекрасной женщиной. По мифологическим представлениям среднеазиатских народов, он является символом божества наподобие умирающего и вновь возрождающегося Солнца. Согласно Беруни, династия Афригидов в Хорезме берет начало от Сиявуша. Образ легендарного основателя династии Сиявуша, по данным С.П. Толстова, изображён на монетах, которые чеканились в Хорезме с I века до н.э. до VIII века н.э., в качестве «Божества-всадника». Как пишет Нишапури, Сиявуш захоронен у восточных ворот (Гуриён) Бухары. В первый день каждого нового года до восхода солнца каждый бухарец должен был принести в жертву Сиявушу петуха.

Скифы – в научной литературе скифы описываются как скотоводческое население, обитавшее на северо-восточном побережье Чёрного моря, на территории от нижнего бассейна рек Дунай, Дон, Днепр и Днестр до Волги с VII века до н.э. до III века н.э. В европейской литературе о скифах сложилось представление как о племенах, говоривших на различных диалектах северо-восточных иранских языков. Геродот скифами называет персов, переселившихся на эти земли из Азии. А персы скифов на-

зывают саками. Сако-скифы занимали обширные территории степной зоны азиатской части Казахстана, бассейн Енисея, Южного Урала, Алтая и Южной Сибири. Согласно древнекитайским источникам, в противоположность традиционным гипотезам, в действительности они были говорившими на различных диалектах прототюркских языков, скотоводами-арийцами. Подробные сведения об этом представлены в VIII главе настоящего исследования.

Огузхан – легендарный правитель тюрко-огузских племен. По преданиям, приведённых в «Огузнаме», Огуз-каган жил примерно 2,5 тысячи лет тому назад. Он представляется в качестве эпического предводителя тюрко-огузских племён, прародителем, основателем династии кочевых скотоводов.

Древние иранские языки – группа языков, относящаяся к индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи. В древности она подразделялась на юго-западные и северо-восточные группы иранских языков. К юго-западным иранским языкам относятся такие мёртвые языки, как древнеперсидский и среднеперсидский языки, а также современные фарси, таджикский, дари (кабульский фарси), хазара, кумзари и несколько других малых языков и диалектов Ирана. К северо-восточным иранским языкам относятся такие мёртвые языки, как согдийский, хорезмийсдкий, бактрийский, сако-скифский, аланский, а также современные ягнобский, осетинский, пуштунский и состоящий из нескольких языковых групп памирский (Вахон, Шугнан) языки.

Глава III

Амляк (араб. – множественная форма слова «собственность») – одна из форм землевладения в Бухарском эмирате. Возникла вследствие организации правительством трудоёмких ирригационных работ и закрепления на этих землях дехкан. Амляковые земли находились в ведении эмира и работавшие на этих землях дехкане-арендаторы платили государству хирадж и другие налоги.

Бегар – исполнение официально установленного 12-дневного обязательства в пользу государства в Хивинском ханстве, по которому каждая сельская семья выставляла одного человека. Эти люди использовались на различных строительных работах, работах по проведению каналов, ремонту дорог, строительстве ханских дворцов. Хотя срок бегара был определён 12-ю днями, это обязательство растягивалось на месяц и более.

Собственность вагнзе – к нему относились земельная собственность, различные объекты производства зороастрийских монастырей и поступающая от них прибыль расходовалась на ремонт монастырей, на жалованье служителям монастырей.

Вакуфная собственность (араб. – вакф) – в мусульманских странах собственность, выделяемая государством или частными лицами для религиозных нужд или для благотворительности. К этой собственности относились также земли, выделенные для медресе, ханака, кладбищенские земли, с которых не взимался налог.

Гувакор – категория торговцев из среды городского населения, занятых торговой деятельностью на внутренних рынках страны.

Этап военной демократии в развитии общества – период перехода от первобытных родоплеменных отношений к классовому обществу. Этот термин впервые ввёл в научный оборот Л.Г. Морган в своём произведении «Древнее общество» (1877 год). В этот период происходит ускоренное развитие межплеменных этнических, хозяйственно-

экономических и культурных отношений. Благодаря объединению племен в определённых исторических условиях на основе территориального, хозяйственно-экономического, языкового и этнокультурного единства начинает формироваться новая этническая общность – народность.

Икта (араб. – иктоъ, икта) – земельный надел, пожалованный правителем должностному лицу за большие заслуги в Мавераннахре и странах Ближнего и Среднего Востока в средние века. Владелец икта назывался иктадар. Правитель мог в любое время забрать и передать икта другому лицу. В IX веке области, передаваемые халифом в управление эмирам, также назывались «икта». В период Темуридов вместо «икта» использовался термин «суюргал», а во времена правления Бабуридов – «джогир».

Кадивар – безземельные наёмные труженики, работавшие на арендованных землях богатых землевладельцев.

Государство «Большой Хорезм» – согласно авестийским преданиям и сведениям греческих авторов, это государство располагалось на юге от среднего течения Амударьи (Окс). Река Акес подразделялась на пять рукавов, в нижнем течении которых древние сельские общины занимались земледелием. В период правления кавия Виштаспа, представителя Каёнидов, легендарный предводитель ариев Франграсйан (Афрасиаб) устанавливает в Харайве (Гератская долина) военно-политическую власть, и в Авесте имеется упоминание о создании их конфедерации под предводительством хорезмийцев. По данным греческих авторов Скилака, Гекатея и Геродота, население этих территорий, попавших под управление Ахеменидов, перестает платить дань центральной власти. Тогда по приказу правительства Дария I у истоков нижнего бассейна западных рукавов реки Герируд, где маргуши, парфияне, гиркане, саранги и фанамеи занимались земледелием, была сооружена плотина, для того чтобы заставить их платить дань, и воды реки были направлены в Гератскую долину. В результате земли хорезмийцев были затоплены и образовано искусственное озеро. Хорезмийцы были вынуждены оставить свою родину и на плотах, лодках переселиться к нижнему течению Амударьи, где проживали сако-массагеты. Миграция хорезмийцев к нижнему течению Амударьи происходит в конце VI века до н.э., расширяются масштабы границ проживания хорезмийцев. И. Маркварт, детально изучив эти сведения, приходит к выводу, что до образования империи Ахеменидов на этих землях под предводительством хорасмиев существовал союз восточноиранских племен, и это государственное объединение называет «Большой Хорезм». Описанную в Авесте область Арьянам Вайчах И. Маркварт связывает с «Большим Хорезмом». Также утверждается, что «Большой Хорезм» располагался в бассейне упоминаемой в Авесте реки Даития. Эта идея Маркварта была развита С.П. Толстовым, который относит к государственной конфедерации Большого Хорезма рубежи нижней Амударьи. Следует отметить, что в период военных походов Александра не упоминается о проживании хорезмийцев в районе Герируд – Теджен, потому что в конце VI века до н.э. хорезмийцы уже переселились из Арии к нижнему течению Амударьи. Такое положение хорошо наблюдается на археологических материалах. Значит, в древности не было могущественного государства «Большой Хорезм», в состав которого входил нижний бассейн Амударьи. Но можно предполагать, что к югу от среднего течения Амударьи существовало конфедеративное государственное образование древних земледельческих общин под предводительством хорезмийцев.

Кашоварзы – мелкие землевладельцы, имевшие в собственности частную землю в сельской местности.

Древнебактрийское царство – историческая область, расположенная по верхнему и среднему течению Амударьи. Она включала южные области современного Узбекистана и Таджикистана, а также северную часть Афганистана. На севере граничила с Согдианой, на юге и юго-востоке с Арахосией, Гандхарой, на западе – с Маргианой. Центральный город – Бактра (Зариасп). До империи Ахеменидов на этой территории существовало Древнебактрийское царство под руководством кавиев Каянидов. Ранние сведения об этом царстве встречаются у Ктесия, жившего в конце V века и начале IV века до н.э. На основе рассказов Ктесия Диодор говорит о военных походах Ассирии на Бактрию, осаду Бактры, упоминает имя бактрийского царя Оксиарта. Рассказывается о военных походах Бактрии на Мидию во время войны между Ассирией и Мидией, о том, как аристократам Мидии удалось перетянуть на свою сторону бактрийцев, как объединённое войско нанесло большой урон армии Ассирии, о противоречиях между ахеменидским царем Киром II и Бактрией, и, наконец, о том, что когда царь Мидии Астиаг признаёт Кира своим законным наследником, Бактрия подчиняется ему (Киру II). Ктесий, представивший эти сведения, занимал должность придворного врача в период правления Ахеменидов Дария II и Артаксеркса II, участвовал во многих беседах с придворными историками, представителями правящей элиты и стремился узнать об исторических событиях, происходивших до образования государства Ахеменидов. Сведения Ктесия относятся к VIII–VII векам до н.э. В них повествуется о славе и могуществе Бактрийского царства, тысячах городах и сёлах, плодородных землях, о бесчисленных поголовьях скота. Археологические исследования, проведённые на территории Древней Бактрии, не оставляют сомнений, что в основе рассказов греческих авторов о «Древнебактрийском царстве» лежат реальные исторические события. В VI–IV веках до н.э. Бактрия находилась в составе империи Ахеменидов, Александра Македонского, Селевкидов, в середине III века до н.э. – Греко-Бактрийского государства. После завоевания во II веке до н.э. тохарами стала называться Тохаристаном.

Государство Древний Хорезм – государство Древний Хорезм отличается от «Большого Хорезма» по своему территориальному расположению и хронологическим рамкам и образовано после миграции хорезмийцев с юга к нижнему бассейну Амударьи. Хозяйственно-экономическое и этнокультурное развитие этого государства приходится на конец VI и V–IV века до н.э. В течение этого периода в Древнем Хорезме возникает ряд окружённых величественными оборонительными стенами городов-крепостей Кузаликир, Хазарасп, Хумбустепа, Ичан-калъа, Дингилджи, Калъаликир, Куйкирилганкалъа, возводятся монументальные дворцы и храмы, построенные на высоких стилобатах священные очаги; на основе развития магистральных каналов и арыков сформировалась культура неоднократного поливного земледелия. С тех пор нижний бассейн Амударьи стал носить этническое название представителей этой культуры, то есть, начиная с VI–V веков до н.э., оазисы, которые формировались в низовьях Амударьи, в Авесте называются «хваризам», в произведениях греческих историков – «хорасмия». Значит, в отличие от существующих научных гипотез этногеографическое название Древнего Хорезма не имеет отношения к племенам хурритов из Малой Азии, а связано с переселением хорезмийцев в нижний бассейн Амударьи после распада конфедерации «Большой Хорезм». Согласно анализу сведений, представленных Скилаком, это историческое событие про-

изошло в последней четверти VI века до н.э. С этого времени земля массагетов называется Хорезмом. Таким образом, под «Большим Хорезмом» следует понимать государственное объединение хорезмийцев, маргушей, парфян, сарангов и фанамейцев, проживавших на территории от северных предгорий Туркмено-Хорасанского хребта до Амударьи. Значит, понятия «Большой Хорезм» и «Древний Хорезм» не совпадают не только во временном, но и в территориальном отношении. Древний Хорезм никогда не входил в состав «Большого Хорезма». Обнаруженные и изученные памятники архаичного периода Древнего Хорезма свидетельствуют о зарождении и расцвете цивилизации Древнего Хорезма. По поводу семантики понятия Хорезм в науке существуют различные взгляды. Самая распространённая из них принадлежит С.П. Толстову, согласно которой понятие Хорезм произошло от иранских слов «хур» и «зем» и означает «солнечная земля», «солнечный край». В Яштах Авесты Хорезм воспевается как «край, богатый озёрами и пастбищами». Всё это наглядно подтверждается археологическими объектами и самой природой Древнего Хорезма.

Мульки султани – государственные земли, доход от которых поступал в казну правителя. Этой землёй пользовались окрестные земледельцы и платили хирадж с урожая.

Озодкор – мелкие собственники, занимавшиеся специализированным ремесленничеством в городах и сёлах городского типа.

Азиатско-европейская эллинистическая цивилизация – высокоразвитая культура античного мира Греции оставила неизгладимый след в развитии культуры стран Азии и Европы. В частности, походы Александра Македонского на Восток принесли народам Средней Азии не только разрушения и кровопролитие, но и свою науку и религию, критерии государственного и правового устройства, театр и искусство, зодчество, письменность и товарно-денежные отношения и даже оставили чувствительный след в гончарном деле и гражданском строительстве. Слияние эллинизма с культурой стран Востока, в частности Средней Азии, привело к образованию новой культуры, которая получила в мировой исторической науке название «Азиатско-европейская эллинистическая цивилизация». Период эллинизма стал новым этапом в развитии стран Востока. В одном только среднеазиатском междуречье и близлежащих к нему территориях происходил ускоренный процесс смешения культур у большинства этносов, которые находились на различных уровнях развития. В раннем средневековье по всему региону наблюдается образование однотипности в гончарном деле, гражданском строительстве, религиозно-психологических представлениях жителей, которые ярко проявляются в хозяйственно-экономической и этнокультурной жизни узбекского народа.

Азиатский способ производства – особый способ развития производства в древнем обществе. Этот термин был введён в науку К. Марксом на основе изучения ранних этапов развития производства в экономической жизни стран Востока. Как известно из истории, производство в Азии носило общинный характер. В особенности это видно на этапе древнего мира Средней Азии. Собственность принадлежала членам патриархальной общины. Каждая патриархальная семья, вплоть до вождей племен и религиозных предводителей, выполняла свои обязанности на общинной основе на принадлежащей ей собственности. Ответственность за организацию работ по освоению новых земель, строительству магистральных каналов, возведению светских и религиозных монументальных зданий возлагалась больше на общину, чем на государство. Экономическая жизнь

общества была построена на основе мелких и средних общин. Земельная собственность не сосредоточивалась в руках богатых людей. По этой причине при обработке земли, для получения большей прибыли владельцы земли не использовали рабский труд, исходя из своих возможностей члены общины сами обрабатывали землю вместе с равноправными членами патриархальной семьи. Посторонние члены семьи считались малыми членами этой семьи («рабы» патриархальной семьи) и их положение в корне отличалось от положения рабов классического рабовладельческого строя Рима. В Азии общество не строилось на применении рабского труда, поэтому общинный способ производства был назван «азиатским способом производства». Выполнение работ на основе общинных традиций не потерял своего значения и в наши дни.

Патриархальное рабство – малые члены большой патриархальной семьи, которые в социально-политическом отношении не обладали равноправием («рабы» патриархальной семьи).

Сако-массагетская конфедерация – в древности на территории Средней Азии кочевые скотоводческие племена, поддерживавшие постоянные экономические и культурные отношения с племенами земледельческой культуры. Они в основном располагались в степях, пустынях и предгорных равнинах региона, вели свободный, вольный образ жизни, в борьбе с врагом были отважны и воинственны. В наскальных надписях иранских Ахеменидов они называются саками, которые подразделялись на три группы (сака-тиграхауда, сака-хаумаварака, сака-тиай-тара-дарайя). В произведениях греческих авторов часть из них, которая проживала в нижнем бассейне Амударьи и Сырдарьи, дошла до нас под названием сако-массагетов. Термин «массагет» образовался от греческих слов «мас», «сак», «та» и означает «большое объединение племен». По мнению С.П. Толстова, в состав конфедерации массагетов входили хорезмийцы, апасиаки, сакавараки, амюргийские саки, дербики, тохары (дахи), асии (ятии, асианы, усуни, яксарты), аугасии. В результате военных походов Александра в верхнем бассейне реки Амударьи возникает Греко-Бактрийское государство. Когда греко-бактрийцы активизируют свою государственную политику в северном направлении, «сако-массагетская конфедерация» ещё более укрепляется, и в III веке до н.э. в среднем течении Сырдарьи образуется полукочевое, полуземледельческое государство Кангюй (Канкия).

Глава IV

Авестийское общество – состоит из четырёх социальных ступеней: патриархальная семейная община – **нмана**, патриархальная родовая община – **вис**, племенная община – **занту** и союз племен – **дахью**. Эти понятия считаются ранними этапами государственности узбекского и таджикского народов.

Авеста – священная религиозная книга народов Древнего Ирана и Турана, до нас дошли отрывки из книг Ясна, Яшт, Виспарат, Видевдат. Яшт и Ясна считаются самыми древними частями Авесты, в которых не встречаются сведения, относящиеся к земледелию. В книге Виспарат собраны праздничные и религиозные гимны зороастрийцев. В книге Видевдат представлены сведения о созданных божеством Ахурамаздой 16 областях, в частности о Хваризаме (Хорезм), Гава Сугуда (Согд), Моури (Мерв), Бахди (Балх), о благих качествах земледелия и скотоводства, то есть даются сведения о первичных оседлых этнических компонентах узбекского и таджикского народов.

Религиозные и философские взгляды в Авесте – по представлениям зороастрийцев, мир имеет 12-тысячелетнюю историю, разделённую на четыре этапа. Каждый этап состоит из 3 тысячелетий. Первый этап – это невидимый духовный мир; второй – начало жизни на земле человека (Гавамард); третий – «золотой период», то есть период появления на исторической арене арийцев; четвёртый – период после смерти пророка Заратуштры (Зороастр). На втором этапе мировой истории начинается деятельность божества зла Ахримана. Происшедшие от него мужчина и женщина продолжат человеческий род. Согласно Авесте, арийцы являются потомками Гавамарда. Третий этап – «золотой период» царствования Йима (Джамшид), при котором люди будут вести счастливую жизнь. Йима против холода и потопа основал строительство четырёхугольной крепости – «вара». В археологической системе периодизации этот этап приходится на бронзовый и раннежелезный век. На четвёртом этапе мировой истории для спасения человечества от злых сил появится человек по имени Саошьянт, он освободит землю от злодеяний, уничтожит всех, кто совершал грех и продолжает грешить. Именно в этот период прославляются герои, зарождается философия жизни и смерти, устное народное творчество. Этот этап в истории человечества приходится на период «военной демократии». В конце четвёртого периода начинается «конец света». Духовно-нравственная философия зороастризма заключается в исполнении доброго дела, доброго слова и доброй мысли, которые должны составлять содержание повседневной жизни каждого зороастрийца. Четыре стихии природы – солнце, земля, вода и воздух обеспечивают продолжение рода человеческого.

Джабгу (ябгу) – у скотоводческих прототюркских и тюркоязычных племён идеологический, светский и военный предводитель. Некоторые исследователи термин *ябгу* приравнивают к термину *шанюй*, который встречается в китайских летописях в качестве главного титула правителя гуннов (у проторурков – *давгу*, у древних тюрков – *джабгу* или *ябгу*) (См.: *Clauson G.* An Etimologikal Dictionary… P. 873). Интересно, что в сведениях, представленных в «Огузнаме», которые во многом совпадают со сведениями о гуннах в китайских источниках, титул ранних правителей тюрков упоминается в форме джабгу (См.: *Togan A.* Zeki Velidi. Oguz Destani… – S. 53–55).

Кави – идеологический, светский и военный предводитель оседлого населения общин, занимавшегося земледелием, ремесленничеством и торговлей на раннем этапе цивилизации.

Квазиалфавит – латинское слово *quazi* (квази) означает «схожий», «подобный». Слова, написанные древнеарамейским письмом, состоят только из согласных букв, гласные буквы в них отсутствуют. Служители храмов, владеющие грамотой, при чтении мысленно восстанавливают гласные буквы. Такое чтение в истории письменности называется «квазиалфавитом».

Неизвестное письмо – древняя письменность прототюркоязычных общин. Научные споры по этой проблеме ещё не завершены.

Эр си ши – история 24 династий Китая.

Глава V

Алтарь – храм большой патриархальной семьи, квартальной общины и города раннегородской культуры оседлых земледельцев, внутри которого в обязательном порядке

располагался специальный объект для вознесения молитв. В археологической практике это место называется «алтарь», «очаг».

Арк – В.В. Бартольд, в совершенстве изучивший историческую топографию средневековых городов, в своей статье «К истории Мерва» (В.В. Бартольд, соч., том IV, с. 173–174) впервые обосновал, что средневековые города состояли из трёх частей – Арк (кухандиз), Шахристан (внутренний город) и рабад (внешний город). Арк занимал самую высокую часть города, был окружён оборонительной стеной и специально вырытым рвом, наполненным водой. На территории арка располагались величественный дворец, мечеть, зиндан (тюрьма), здание для телохранителей, а также городская администрация. Арк имел одни ворота, вход в него был через охраняемый широкий подъёмный пандус.

Катхудот – в авестийском обществе сельская община называлась «вис», а его правитель, кави в Авесте назывался «виспати», на древнем согдийском языке – «катхудот».

Кенотаф (греч. *kenotapfion* – могила, не содержащая скелета умершего) – могила, не содержащая захоронения, то есть, если человек пропадал без вести на охоте или в сражении, то хоронили его «душу». В Древнем Египте, Греции, Риме, в Средней Азии периода бронзы существовала традиция захоронения в могилу-кенотаф маленькую фигурку, изготовленную из глины или тряпок, а также могли похоронить ягнёнка или козлёнка из его стада, уложив его, как положили бы в могилу усопшего вместе с погребальными вещами.

Платформа – как известно из археологических раскопок, ранние города (крепости), оседлых земледельцев возводились на глиняных возвышениях, широких постаментах (до 7–10 метров), выложенных из битой глины – пахсы и кирпича-сырца. Древние инженеры этим самым придавали величественный вид крепостям. Такие сооружения, выполнявшие роль фундамента крепостей, в археологической практике называются платформой. По краю платформы возводились оборонительные стены, за которыми располагались небольшие городские кварталы, различные объекты производства, монументальный дворец правителя города, крепостные ворота и идущие от него к городским кварталам дороги.

Протогород – окружённое оборонительными стенами плотно заселённое место жительства населения эпохи развитой бронзы в метрополиях древнеземледельческой культуры. В таких городах процесс расслоения общества находился в зачаточном состоянии, поэтому внутри окружённой толстыми стенами крепости не было монументальных дворцов – арков, где располагались бы жилища предводителей-вождей. Такие населённые пункты получили в истории название протогорода. Существование Арка внутри города уже свидетельствует о зарождении раннего города. Например, если один из обнаруженных в Южном Узбекистане памятников – Сапаллитепа по своему архитектурному расположению был протогородом, то второй – Джаркутан являлся ранним городом.

Рабад – внешний город, где располагались караван-сараи для прибывающих в город приезжих, чужеземцев и торгового люда, торговые караван-сараи жителей других городов.

Шахристан – внутренний город, где располагались городские ремесленники, объекты производства ремесленников (мастерские), торговые лавки, соборная и квартальные мечети, внутренний рынок, жилища богатых собственников и ремесленников, кварталы граждан других городов. Шахристан окружён оборонительными стенами. Из-за увеличения количества жителей города возможно строительство второго и третьего шахристанов. Как правило, каждый вновь отстроенный шахристан окружался оборонительными

стенами. Городских ворот могло быть несколько в зависимости от количества идущих к городу магистральных дорог.

Хаома – священный напиток, придающий бодрость во время богослужения у огнепоклонников в зороастрийской религии. Для приготовления хаомы использовалась эфедра – благовонное и бодрящее растение, которое имело свойства анаши.

Глава VI

Ахеменидская керамика – в VI–IV веках до н.э. территория Средней Азии находилась в сфере влияния государства иранских Ахеменидов. В советской историографии господствовало мнение, что раннегородская культура в Средней Азии сформировалась под сильным влиянием Ахеменидов на экономическую и культурную жизнь местного населения. Господству этого мнения способствовало то, что ещё не были открыты и изучены высокоразвитые памятники культуры протогородов эпохи бронзы в центральных областях Средней Азии. По этой причине стало традицией периодическую датировку появления изготовленных на гончарном круге керамических сосудов цилиндроконической формы изучать в связи с деятельностью Ахеменидов. Конкретная дата комплекса керамических сосудов цилиндроконической формы была определена VI–IV веками до н.э., получив название «Ахеменидская керамика». Но со временем в южных и центральных областях Узбекистана были открыты и изучены памятники бронзы и раннежелезного века, которые относились к цивилизации Древнего Востока. В археологических комплексах этого периода хронологические рамки материалов «Ахеменидской керамики» объективным образом удревнились, что нашло своё подтверждение: ее исторические корни берут начало в раннегородской культуре бронзового века. Было доказано, что «Ахеменидская керамика» не связана с завоевательной политикой иранских Ахеменидов, таким образом была установлена историческая истина. В настоящее время изделия из керамики такого типа сменились следующим названием: керамика периода Древней Бактрии, Древнего Согда, Древнего Хорезма, а ее хронологические рамки определяются VIII–IV или VII–IV веками до н.э.

Храм – молельня, молитвенный дом наших предков-огнепоклонников в доисламский период.

Арьянам Вайчах – ранняя родина скотоводческих племен туров, возглавляемых аристократами-ариями, богатое пастбищами первое обиталище туров-скотоводов, созданное богом добра Ахурамаздой. Когда Ахурамазда создал мир, он сотворил для людей земли с разным климатом и странами. Первым он сотворил священную Арьянам Вайчах, удобную для разведения скота с бескрайними пастбищами и разместил там арийцев. Истинное значение названия Арьянам Вайчах – страна ариев. Среди учёных существуют различные взгляды по вопросу локализации территории Арьянам Вайчах. На основе анализа гимнов Авесты учёные искали ее на территории Ирана, Древней Бактрии, Древнего Хорезма, Гератского оазиса, Иранского Азербайджана. Но восхваление, описание природы, природно-климатических условий, образа жизни, занятий и основного богатства жителей, на наш взгляд, предусматривает поиски страны ариев по большей части в степях Евразии, потому что жители этой страны вели характерный для кочевых скотоводов образ жизни, их божества были «обладателями обширных пастбищ», «посылающие прекрасных коней».

Глава VII

Бишкентская культура – культура местных скотоводческих племен Северной Бактрии в эпоху бронзы. Могильники этой культуры были изучены в 1955–1559 годах А.М. Мандельштамом в Бишкентской долине Юго-Западного Таджикистана. В этих могильниках наиболее ранние захоронения (всего их 66 шт.) автором раскопок были названы «Ранним Тулхаром» и «Ранним Аруктовом», которые действительно относились к эпохе поздней бронзы. Эти захоронения А.М. Мандельштам подразделяет на четыре группы: могилы со скелетами в скорченном положении; могилы со следами кремации, где кремированные остатки костей скелета находились в разбросанном виде; могилы, соответствующие зороастрийской традиции, то есть очищенные от мышц кости; кенотафные захоронения. На основе анализа артефактов этот комплекс памятников А.М. Мандельштамом назван Бишкентской культурой, хронологические рамки которой определены XIII–XI веками до н.э. (*Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы Юго-Западного Таджикистана, 1968).

Этническое происхождение этих памятников А.М. Мандельштам связывает с Заманбабинской культурой Зарафшанской долины. Однако Б.А. Литвинский и Л.Т. Пьянкова происхождение их связывают с поздним этапом Сапаллинской культуры, то есть на этапе Мулали Сапаллинской культуры часть древнеземледельческих племен Дашлинского оазиса, в поисках новых земель для заселения переселяется из Южной Бактрии в северо-восточные районы Бактрии. Был сделан вывод о том, что они, попав в иные природно-географические условия, стали заниматься преимущественно животноводством, а также богарным земледелием.

Вахшская культура – в 1960-х годах во время проведения археологических разведок Б.А. Литвинским, в низовьях рек Вахш и Кызылсу были обнаружены и проведены широкомасштабные раскопки могильников Вахш-1, Тигровая Балка, Ойкуль, Джаркуль и Макони-Мор, которые относились к эпохе поздней бронзы. В результате исследований Б.А. Литвинскому удалось открыть новую Вахшскую культуру скотоводческих общин.

Самым крупным среди этих памятников считается Тигровая Балка, в захоронениях которой скелеты были уложены в скорченном виде на боку в различной ориентации. 29,2 % открытых могил составляли кенотафные захоронения. Такие кенотафы в Ойкуле составляли 34,6 %, в Вахш-1 – 38,5%, в Джаркуле – 14,3%, в Макони-Мор – 14,3%. В керамическом комплексе встречаются изделия, изготовленные на гончарном кругу. В бассейне реки Кызылсу в Вахшской долине были обнаружены и изучены могильники Гелот, Гулистон, Обкух, а на берегах реки Таирсу – стоянка Ташгузар Вахшской культуры.

Почти все типы коллекции керамики Вахшской культуры напоминают керамику земледельческих общин Северного Афганистана. По этой причине Л.Т. Пьянкова, следуя по стопам Б.А. Литвинского, делает вывод, что представители Вахшской культуры своими корнями связаны с древней земледельческой культурой. Хронологические рамки Вахшской культуры определены XII–X веками до н.э. В действительности схожесть археологических комплексов Бишкентской и Вахшской культур и их этническое происхождение предполагает называть памятники местных скотоводческих племен Северной Бактрии Бишкентско-Вахшской культурой.

Земледельческая культура – земледельческая культура в своем развитии прошла мотыжный, раннеорошаемый, повторно-орошаемый и многоразово-орошаемый этапы.

Раннеземледельческий этап соответствует периоду перехода первобытных родовых общин от присваивающего хозяйства к производящему хозяйству. Хронологическую датировку этого периода в зависимости от природно-географических условий региона можно относить к различным историческим периодам. Например, неолит, энеолит, бронза, ранний железный век. Ранний этап земледельческой культуры в научной литературе называется по-разному. Например, мотыжное, лиманно-пойменное, заливное, карманно-орошаемое, многоразово-орошаемое земледелие. Великие реки и горные речки в низовьях разделялись на множество рукавов, и нанесённая на протяжении веков глина с перегноем образовывала широкие и ровные площади. Известно, что толстая плодородная почва сохраняет в себе влагу долго, длительное время, поэтому надобности в поливе не было. На таких массивах земли появляются большие и маленькие площади посевов. Вначале при подготовке этих площадей к посеву тягловая сила животных не использовалась. Для разрыхления почвы применялась ручная соха, отчего в науке появился термин «мотыжное земледелие». Затем древние предки, накопив большой опыт в обработке земли, начинают использовать тягловую силу, возникает потребность в орошении посевных площадей. Это получает в истории название поливного земледелия.

Протоевропеоидный тип – этот тип принадлежит жителям эпохи бронзы юго-восточных регионов Уральского хребта. У представителей этого типа брахикефальная (круглая) черепная коробка, светлые волосы, голубые глаза, смуглая кожа, остроносое, немного продолговатое лицо, широкая грудная клетка, крупное телосложение.

Тазабагъябская культура – археологическая культура эпохи бронзы Древнего Хорезма (середина и вторая половина II тысячелетия до н.э.). Первая стоянка этой культуры была обнаружена в 1938 году С.П. Толстовым на берегу канала Тазабагъяб, который дал название этой культуре. Тазабагъябская культура сформирована из смешения племен, принадлежащих к местной Суярганской культуре территории Южного Приаралья, а также Срубной и Андроновской культур Евразийских степей. Основное занятие – мотыжное, карманно-орошаемое земледелие и отгонное скотоводство.

Туры – термин «тур» впервые встречается в Авесте. Верховный бог добра Ахурамазда первым создал земли Арьянам Вайчах. В богатой пастбищами стране Арьянам Вайчах были расселены скотоводческие племена туров. Аристократической прослойкой туров были арии, под предводительством которых в середине II тысячелетия до н.э. происходит миграция скотоводов из северных степей в южные края. Через территорию Средней Азии они доходят до низменностей современного Ирана, переходят Гиндукушский хребет и вторгаются на земли Северной Индии. Происходит непрерывный приток туров-скотоводов на территорию Средней Азии. Вторжение туров по следам осевших в Средней Азии соплеменников продолжается и в эпоху раннего железа, античности и в раннем средневековье. Этот поток не прекращается и в последующие века. Большая часть из них размещается на территории Средней Азии до среднего течения Амударьи. В итоге земля, на которой повсеместно расселились туры, вначале называется Туран, затем (с VII века) – Туркестан.

Тип среднеазиатского междуречья – с большими глазами, смуглой кожей, круглым лицом, немного выступающими скулами, подбородком овальной формы, чёрными волосами, круглой черепной коробкой (брахикефальной), среднего телосложения. Этот тип образовался в результате смешения протоевропеоидного типа с

местным средиземнеморским типом. В этом смешении преобладает доля протоевропеоидов.

Кайраккумская культура – археологическая культура эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н.э. – начало I тысячелетия), сформировавшаяся в западной части Ферганской долины. Своё название она получила от местности Кайраккум недалеко от Ходжента. Материалы Кайраккумской культуры схожи с материалами Андроновской и Тазабагъябской культур. Они поддерживали экономические и культурные отношения с жителями Чустской культуры Ферганской долины. Основным занятием жителей этой культуры было отгонное скотоводство и металлургия.

Восточный средиземноморский тип – этот тип, сформировавшийся в умеренных природно-географических условиях Средиземного моря, имеет чисто европеоидный облик. У представителей этого типа миндалевидные веки, широкий лоб, продолговатое лицо, острый нос, небольшой подбородок, строение черепной коробки – долихокефальное (яйцевидное), голубые глаза, русые волосы, белый цвет кожи.

Глава VIII

Алтайская языковая семья – термин, применяемый к группе древних языков, образовавшихся на основе тюркских и монгольских языков тунгусских и маньчжурских племён.

Некоторые учёные причисляют к ним корейский и японский языки. Название «Алтай» является указанием на возможную древнюю родину этих языков. Ряд учёных-тюркологов (Г. Рамстед, Н.Н. Поппе, Е.Д. Поливанов, В.Л. Котвич, М. Рясянен) в своих произведениях, касаясь вопроса происхождения этой языкоздоровoвой семьи, основываются на общности лексики, схожести в звучании, фонетического и морфологического строения, на единство и схожесть структуры и содержания категорий словообразования и синтаксиса и приходят к выводу об общности их исторических корней.

Арии – социальный продукт экономического подъёма на этапе кочевой жизни прототюркского скотоводческого населения Центральной Азии, инициативная и предприимчивая прослойка, сословие аристократов зарождающегося раннеклассового общества. Первоначально термин «арии» использовался в значении социальной прослойки, впоследствии вторгшаяся в южные страны и смешавшаяся с местным населением часть ариев обретает новое этническое значение. Под влиянием языковой среды превосходящего в численном отношении местного населения арийцы постепенно забывают свой прототюркский язык и иранизируются. Авестийские предания об ариях были созданы на одном из северо-восточных диалектов древнеиранской языковой семьи, и поэтому в научной среде этническое происхождение ариев представляется как иранское.

Этноним «ху» – китайское произношение прототюркского термина «хур», в китайском языке звук «р» не произносится так чётко, как в других языках, поэтому китайцы слово «хур» выражали иероглифом «ху». Термин «хур» на прототюркском языке означает свободный, вольный, не связанный с определённым местом кочевой скотоводческий народ (*Хўжаев А., Хўжаев К.* Қадимги манбаларда халқимиз ўтмиши. – Т., 2001, с. 11).

Индоевропейская теория – евроцентристские взгляды, появившиеся на основе лингвистического анализа священной книги древних народов Средней Азии – Авесты. Когда становится известно, что язык Авесты родствен древним языкам народов Европы,

в европейской и советской науке зарождается идея о том, что жители Центральной и Восточной Европы в древности говорили на иранских языках. Согласно такой идеи специалистов исторической лингвистики в середине II тысячелетия до н.э. ираноязычные арии Евразийских степей через Кавказ и Среднюю Азию совершают поход на юг. Они вторгаются в Иран, Северную Индию и устанавливают политическое и военное господство над местным населением этих земель. Учёные-лингивисты приходят к выводу, что под влиянием языка пришлых этнических групп иранизировалось местное население. На основе этих предположений появляется «индоевропейская теория».

Царство Шя – по данным Н.Я. Бичурина, в 2205–1766 годах до н.э. в Северном Китае существовало небольшое царство под названием Шя. В центральной администрации этого царства служили летописцы, которых называли «ши». Они оставили множество сведений о внутренней и внешней жизни этой страны. В летописях «ши» говорится, что на севере и северо-западе царства проживали скотоводческие племена «ху», «ди», которые в основном занимались скотоводством, в частности, коневодством. Учёные локализуют «ху» с огузами, хуннами, а «ди» – с тиеками (прототюрками). Автор этих строк, сопоставляя сведения древнекитайских письменных источников с данными археологических памятников эпохи бронзы, приходит к выводу, что «ху» и «ди», возможно, являются представителями Андроновской культуры Южной Сибири, язык которых был прототюркским.

Глава IX

Бургулюкская культура – археологическая культура эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–IV века до н.э.) оазиса Древнего Ташкента. Группа памятников этой культуры была обнаружена и изучена на берегу русла реки Бурганлисай, текущей от реки Ахангаран в сторону Ташкентского моря. Поселения этой культуры встречаются в бассейнах современных каналов Джун и Салар – притоков реки Ахангаран. В 1940 году археолог А.И. Тереножкин проводил археологическое наблюдение на строительстве трассы Ташкентского канала вдоль речки Бургулюксай и, обнаружив соответствующий археологический комплекс, первым приходит к выводу о том, что Бургулюкская культура является первым памятником ранних земледельцев древнеташкентского оазиса. С тех пор Бургулюкская культура входит в науку в качестве культуры населения Ташкентского оазиса, которая в древности перешла от кочевого скотоводства к оседлому земледелию. Был сделан вывод о том, что по своему происхождению эта культура во многом схожа с Чустской культурой Древней Ферганы, культурами Коктепа-1 Зарафшанской долины, Кучук-1, Кызыл-1 в Южном Узбекистане, Ёз-1 в Южном Туркменистане и Тилла-1 в Северном Афганистане.

Данайские саки – кочевое скотоводческое племя, жившее в бассейне Сырдарьи.

Джабгу каган – правитель Западно-Тюркского каганата, относительно ограниченный в правах по сравнению с Восточно-Тюркским каганом.

Южносибирский тип – с монголоидной внешностью, узкими глазами, круглолицый, со светло-жёлтой кожей, с приплюснутым носом, короткими пальцами, небольшим телосложением, с брахикефальной черепной коробкой (круглой).

Закаспийский тип – с миндалевидными веками, голубыми глазами, широким лбом, продолговатым лицом, острым носом, строение черепной коробки – долихокефальное

(яйцевидной формы). Этот тип возник из смешения самого древнего «восточно-средиземноморского типа» местного населения с андроноидным типом. В его составе сильно влияние «восточно-средиземноморского типа».

Большой Яксарт – саки, жившие в среднем бассейне Сырдарьи.

Мукаддас Тас – в озере, расположенном близко к южному берегу озера Байкал, есть крохотный каменный остров. Этот маленький островок тюркские народы Сибири называют «мукаддас тас» («священный камень»), которому поклоняются до сих пор.

Саки – древние скотоводческие кочевые племена Средней Азии, Геродот считал саков и скифов одним народом.

Силис – прототюркское название Сырдарьи, означает – прозрачный словно жемчуг, чистый, светлый.

Тархан – правитель вассального района каганата. Каганат управлял страной, присуждая звание «тархан», «чур» районным правителям тюрков Ферганы, не имевших отношения к роду Ашина или Ашида. Правители, имеющие такие звания, освобождались от всех налогов на собственность.

Тегин – звание принца, направляемого для непосредственного контроля над вассалами каганата.

Тудун – наместник, контролирующий элтабаров в управлении вассалами каганата.

Каган – самая высшая должность в Тюркском каганате, правитель страны и народа.

Каунчинская культура – археологическая культура II века до н.э. – VI века н.э. среднего бассейна Сырдарьи (Ташкентский оазис и Южный Казахстан). Получила название по развалинам местности Каунчитепа. Археолог Г.В. Григорьев в 1934–1937 годах первым провёл археологические исследования в местечке Каунчитепа на территории города Янгиюль Ташкентской области и пришел к выводу, что культура этого народа образовалась в результате смешения скотоводческого и оседлого населения Древнего Ташкента. Его выводы нашли подтверждение во время проведения масштабных археологических изысканий. Начиная со II–III веков н.э. Каунчинская культура распространяется на территории Северной Ферганы и ее внутренние районы, Древнего Хорезма и Зарафшанской долины, в IV–V веках – до Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей. Такая историческая панорама наглядно прослеживается в археологических комплексах периода раннего средневековья.

Кызылкирская культура – вариант Каунчинской культуры, сформировавшийся на северо-западе Бухарского оазиса. Комплекс археологических памятников, исследованный Махандарьинской археологической экспедицией Института истории и археологии АН Узбекистана в 1953–1960 годах.

Керамический комплекс, характерный для Каунчинской культуры, – состоит из различных керамических сосудов, изготовленных в основном вручную, без применения гончарного круга. Это хумы и кувшины, покрытые светло-красным ангобом и залитые полосками коричневой или чёрной краски, иногда на их плечики нанесены знаки в форме крестов или замкнутых треугольников. Кувшины высокие, с одной ручкой в форме животных. Плечики небольших кувшинов украшены сдвоенной ручкой, верхняя часть которых расписана цветными узорами, как и кувшины. Керамический комплекс состоит из курильниц, кружки с зооморфной ручкой, сферической формы керамических котлов с парными ушками и выпуклым туловом. Ушки выполнены в форме петли или животного с рогами барана. В керамическом комплексе встречаются очаги и подставки (треноги),

передняя часть которых выполнена в форме морды барана или лошади; плоскодонные миски, а также миски, изготовленные ниже плечиков в форме конуса. В керамическом комплексе Каунчинской культуры имеются изготовленные на гончарном круге кувшины, кубки, кувшинчики со сферическим туловом, с одной ручкой, узким горлышком, со светлым ангобом. Эта керамика в отличие от светлой, покрытой светло-красным ангобом, с тонкими, звонкими стенками керамики античного периода Бактрии, Согдианы и Древнего Хорезма, выполнена грубовато, небрежно.

Западное море – Каспийское море.

Чач (Шаш) – на древнем прототюркском языке означает «бирюзовый камень», «страна, богатая бирюзой». Китайцы называли его Ши-го (Страна камня).

Элтабар – в Тюркском каганате правитель вассальной области. В системе управления Тюркским каганатом верховными правителями считались джабгу, джабгу-каган и каган, контроль над которыми осуществлял высший орган – курултай. Каганат подразделялся на центральную и вассальные области. Управление вассальными областями поручалось представителю с воинским званием элтабар. Звание элтабара вассальным правителям присуждал каган или в некоторых случаях принц в звании тегина, направленный для осуществления над ним контроля.

Аварский каганат – под Аварским каганатом подразумевается тюркская империя, господствовавшая в VI–IX веках в Восточной Европе, в основном, на севере Чёрного моря, Австрии, на побережье реки Туна. Ряд исследователей считают, что в действительности каганат Жуань-Жуань и государство Эфталитов представляют собой одно государство, имя которого – Аварский каганат.

Ахшун-Вар – вторая часть этих имён в значении «обилие, изобилие, счастье», возможно, связана с древнеиранскими словами *«фар» – «фарн»*. Также термин Вар, по авестийским преданиям, может быть крепостью, построенной по приказу Йима (Джамшид). В таком случае первая часть этих слов означает имя человека, а вторая – построенный им замок-крепость.

Валвалиж (Варвализ) – Варвализ, т.е. город, который истолковывается в значении «Город аваров», располагался на месте города Кундуз в Северном Афганистане. Этот город в китайских источниках упоминается как *А-хуань*, название которого восстановлено исследователями в форме «Авар» (*Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1989. С. 241).

Гаоче – этот термин упоминается в китайских источниках в качестве общего названия определённой части союза тюркских племён. Лексическое значение этого термина – «высокие телеги», тюркский аналог которого, возможно, означает «тегрек/телега». В примечании к этнониму «теле» говорилось, что, возможно, китайские авторы, не переведя тюркский этноним Тегрек (телега), использовали близкую по звучанию форму «теле», а иногда писали в близком к китайскому произношению виде – «гаоче».

Курганная могила – характерна для скотоводческих племён и бывает двух типов: курганы, возведённые из камней и земляных насыпей. По внутреннему строению могила подбойная с дромосом (катакомба с боковым углублением в могильной яме). Вход в боковое углубление в могиле закрывался каменной плитой, каменными блоками, а иногда огромными кирпичами.

Тохаристан – историко-географическая область, упоминаемая в литературе в форме Тохаристан. Располагался в верхнем бассейне Амударьи. Территория, расположенная

между Гиссаром на севере, Бадахшаном на востоке, Гиндукушем и Кухи-Бобо на юге, Туркестанским и Кухитангским хребтами на северо-западе и включавшая в себя десятки областей современного Южного Узбекистана, Юго-Западного Таджикистана и Северного Афганистана, в раннем средневековье называлась Тохаристан. В его состав входили Термез, Чаганиан, Гуфтан, Шуман, Ахарун, Вашгирд, Рашт, Хуттал, Вахш, Кабадиан, Каррон, Шугнан, Вахан, Бадахшан, Кумед, Памир, Гузган, Гарчистан, Балх, Кундуз, Самингон, Руб, Газ и ряд других больших и малых исторических областей. В VII–VIII веках каждая из вышеперечисленных областей существовала в виде полунезависимых мелких княжеств, и все они подчинялись династии ябгу Тохаристана. Таким образом, Тохаристан можно считать схожим с Согдом, но немного крупным княжеством конфедеративного характера. В то же время этот край находился в зависимости от Тюркского каганата и относился к дому Ашина династии *Ябгу*.

Уструшана – историко-географическая область, упоминаемая в литературе в форме Устуршан, Устуршана, Истаравшан. В раннем средневековье Уструшана была отдельным княжеством, располагавшемся на юге Чача, юго-западе Ферганы и северо-востоке Согда, которое по своему размещению состояло из оазисной (современная Джизакская и Сырдарьинская области) и горной (Туркестанский хребет – Северо-Западный Таджикистан) частей. В ранние средние века в Уструшане были образованы 18 рустаков (районов). По сведениям Истахри, это были рустаки Куркет, Газак, Вагкет, Сабат, Замин, Дизак, Бунджикат, Харакана, Фекнан, Фагкат, Минк, Асбаникат, Бискар, Бангам, Вакр, Шагар, Бургар, Буттам, правители которых назывались афшинами.

Граница Халлух – здесь имеется в виду территория Семиречья и его окрестностей, простиравшаяся от Исфиджаба (Сайрам) до Ферганы. Как известно, в 766 году карлуки уничтожают в Семиречье Тюргешский каганат и на этой территории образуют государство с названием Карлук-ябгу.

Курумы – захоронения в виде углублений в каменистой земле, труп в которых не закапывался землёй, а обкладывался камнями и сверху засыпался щебнем. По внешнему виду курумы были в форме окружности, квадрата или овала. Предметы захоронений не отличаются друг от друга. Они встречаются в основном в предгорьях, равнинной зоне, и в науке признана их принадлежность к скотоводческим тюркским племенам.

Чабиш – титул, характерный для Тюркского каганата, который был «ответственным лицом в войске», выполнял задачи «одного из руководителей войска». Махмуд Кашгари описывает его как «человека, выправлявшего строй в сражении, а во время отдыха оберегающего воина от притеснения».

Чачский диалект – в официальной истории господствовало представление о том, что в период античности и раннего средневековья население Чача говорило на согдийском диалекте древнеиранских языков. Но в более поздних исследованиях высказывается мнение, что в указанные века население Чача состояло из тюркоязычных и ираноязычных этносов и в результате их смешения, ассимиляции в Чачском оазисе формируется «чачский диалект». Это заключение нашло своё научное подтверждение на примере Каунчинской культуры, образовавшейся в Ташкентском оазисе, и в титулах, имеющихся на чачских монетах. Образовавшийся язык отличается от согдийского языка Зарафшанской долины. Об этом арабский географ Мукаддаси пишет следующее: «Язык населения Чача является самым красивым из хайтальских языков и отличается своеобразием среди языков жите-

лей Согда (Самарканда) и Бухары» *(Al-Moqaddasi, Abu'Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin.* Descripto Imperii moslemici Ed. M.J de Goeje. BGA. Pars 3. Lugduni-Batvorum, 1967. s. 335).

Глава X

Период архаики – термин, употребляемый археологами по отношению к социально-экономической, политической и этнокультурной жизни человеческого общества периода раннего железа (VII–IV века до н.э.).

Ахарун – историческая область, располагавшаяся на востоке от Чаганиана, южного подножия Гиссарских гор. Она соседствовала с Шуманом.

Бадгис – историческая область на севере Герата, располагавшаяся на северо-западе Северного Афганистана, название которой также встречается в форме Бодгис, Бодхез, Бадхиз.

Вахон – историческая область на юге от Шугнона, в верхнем бассейне реки Пяндж.

Вахш – историческая область на западе от Хуттала, на берегу реки Вахш.

Вашгирд – историческая область, располагавшаяся к востоку от Шумана. Она занимала часть территории современного Гармского района Таджикистана.

Гузгон – историческая область, располагавшаяся к западу от Балха, название которой упоминается также в форме Гузагнон, Джузджон. В настоящее время на его месте находится область Джузджон (Джаузджон) на северо-западе Афганистана.

Гуфтан – так в персидских источниках раннего и развитого средневековья назывался Шерабадский оазис.

Каррон – историческая область, располагавшаяся на Западном Памире, в верхнем бассейне реки Пяндж. В настоящее время территория этой области совпадает с частью территории Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана.

Кумед – историческая область, располагавшаяся между областями Вашгирд и Рашт. Его территория совпадает с территорией Каратегинского района Таджикистана.

Система курагонства – первоначально титул в Западном Тюркском каганате, указывающий на степень родства вассальных элтабаров с родами Ашины и Ашиды. Каган за некоторых элтабаров вассальных областей (Куча, Гаочан, Кашгар, Хатан, Самарканд, Мерв) выдавал дочерей, учреждая «систему курагонства». Титул курагон (по-монгольски – гурган, т.е. зять) присутствовал и в период правления монголов и присуждался особам, которые женились на принцессах дома Чингизхана. Согласно историческим источникам, отец Чингизхана Ясугай-бахадур пришёл к Дайче-чену сватать его дочь, тот ответил: «Я согласен выдать дочь, а ты оставь сына как «зятя» (gurgen-kurgen) и сам уходи». Ясугай-бахадур оставляет своего 9-летнего сына Чингиза – Темучина «зятем» в доме Дайче-чена. Многие особы, женившиеся на дочерях Чингизхана и его потомков, с гордостью носили титул курагон. В период Амира Темура и Темуридов этот титул произносили как часть имени. Например, Амир Темур-курагон, Улугбек-курагон, Мироншах-курагон и другие. Также на монетах Темуридов чеканили слово «курагон». Эмир с титулом курагона имел большие привилегии по сравнению с другими эмирами.

Кешк – резиденция правителя в раннем средневековье, окружённая оборонительными стенами и построенная на монументальной основе. Величественная белая юрта у

аристократов скотоводческих племён – джабгу, джабгу-кагана и кагана. В средние века кешк получил широкое распространение в архитектуре Востока. Кешк впервые появился в качестве удобного жилья для кочевья у кочевых скотоводов. После украшенные орнаментами кешки для правителей строятся в садах. В X–XV веках развивается искусство строительства кешков и большинство из них возводятся в садах в форме лёгких каркасных сооружений. Эти роскошные, живописные здания строились в форме квадрата с террасами, надстройкой и различными украшениями. Кешки, возведённые в садах Амиром Темуром, положили начало новому этапу в развитии архитектуры. Об этом имеются подробные сведения в исторических источниках.

Рашт – соседняя с Вашгирдом историческая область. Его территория совпадает с частью территории современного Гармского района Таджикистана.

Руб – историческая местность, упоминаемая в литературе как Роб, Руй, располагалась на юге от Кундуза в Северном Афганистане.

Самингон – историческая местность, упоминаемая в исторической литературе как Самангон, располагалась недалеко от Кундуза, к югу от него.

Титул тутук – в управленческой системе каганата применялся в основном по отношению к начальнику военной администрации. Это титул военных чиновников Ферганского владения.

Хуттал – в литературе также встречается в форме Хутталон, Хатлон. Историческая область на востоке от Чаганиана. Она располагалась на территории современной Кулябской области Таджикистана.

Кубодиён – в литературе также встречается в форме Кабодиён. Историческая область между Бабатагом и Актагом. В настоящее время эта территория приходится на Шаартузский район Кургантепинской области Таджикистана.

Курган – в археологической практике курганы бывают двух видов. Первый – курганное захоронение. Размеры этих курганов зависят от положения в обществе, которое при жизни занимал захороненный. Второй – курганы-укрепления с одними воротами, которые, начиная с раннего средневековья, принадлежали владельцам крупной земельной собственности. Они были окружены толстыми и высокими оборонительными стенами, вдоль стен располагались жилища различного рода служащих, подчинённых катхудоту этого кургана. Внутреннюю часть курганов занимали сады и посевные площади. Названия сохранившихся до сих пор таких городов и сёл, как Тепакурган, Туракурган, Кумкурган, Чимкурган и другие, являются топонимами этих курганов.

Газ – историческая местность вокруг Кундуза.

Гарчистон – историческая область, расположенная в бассейне реки Мургаб, на западе от области Балх.

Чаганиан – историческая область, включавшая районы Джаркурган, Бандихон, Байсун, Кумкурган, Алтинсай, Шурчи, Денау, Сариосиё, Узун современной Сурхандарьинской области и некоторых юго-западных районов Республики Таджикистан.

Шад – титул военных правителей, назначаемых из рода каганов, вместо смещённых местных правителей в Западно-Тюркском каганате.

Шубургон – в исторической литературе встречается также в форме Шибиргон. Область между Балхом и Гузгоном (Джузджон) в Северном Афганистане.

Шугнан – историческая область, расположенная на берегу реки Пяндж в Южном Таджикистане.

Шуман – историческая область, расположенная у южного подножия Гиссарских гор на востоке от Чаганиана. Эта область располагалась на территории районов Гиссар и Регар современного Таджикистана.

Эркин – в системе государственного управления Западно-Тюркского каганата наряду с титулами элтабар, тудун и тархан было внедрено военное звание «эркин». В его обязанности входило управление малыми вассальными княжествами.

Иранские титулы – в управлении малыми вассальными княжествами каганата в некоторых случаях продолжалось использование местных иранских титулов – худот, шах, шер, которые использовались в управлении рустаками (районами).

Глава XI

Южный Согд – районы, образованные в бассейне Кашкадарьи, составляли земли Южного Согда. Верхний бассейн Кашкадарьи Южного Согда назывался Кешской областью, а южного бассейна – Нахшаб. В ранние средние века в Кешской области были образованы 16 рустаков (Навкат-Курайш, Субах, Исфаги, Гузар и другие), в Нахшабской области – 8 рустаков (Базда, Касби, Маймург и другие).

Центральный Согд – территория от Пенджикента до Карманы. Его центральный город – Самарканд. В раннем средневековье область подразделялась на рустаки (Маймург, Пенджикент, Варагсар, Даргом, Обгар, Савдор, Яркет, Бурнамад, Бузмаджон, Кабуданджакет, Ведар, Марзбон), называемые ихшидствами (местные княжества). Рустак – территориальная единица на уровне района.

Согдиана – в исторических источниках Зарафшанский и Кашкадарьинский оазисы упоминаются как Согдиана. По своим природно-географическим границам она разделялась на Центральный Согд, Западный Согд (Зарафшанская долина) и Южный Согд (Кашкадарьинская долина). Правители этих областей в Центральном Согде назывались ихшидами, Западном Согде – худотами и в Южном Согде – ихридами.

Западный Согд – рустаки, располагавшиеся к западу от Карманы, то есть на западе от Маликских степей. Центральный город – Бухара. Область подразделялась на рустаки (Тавовис, Нижняя Харкана, Хитраф, Кохуштувон, Верхний Самджон и Нижний Самджон, Верхний Фаравиз и Нижний Фаравиз, Зар, Фаргидат, Пайкент, Фороб и другие), которые назывались худотами (местные образования). Постепенно укрупняясь, они превратились в Бухархудотства, Вардонхудотства и др.

Глава XII

Андроновская культура – культура племён, занимавшихся в эпоху бронзы скотоводством и горной промышленностью (металлургия) в восточной части евразийских степей. Захоронение, относящееся к этой культуре, было обнаружено и изучено в 1920 году археологом Теплоуховым в деревне Андроново недалеко от города Ачинск. Во время широкомасштабных археологических исследований, проведённых в последние годы, было обнаружено, что племена этой культуры широко расселились не только на востоке Евразии, но и на территории Средней Азии. Имеются сведения о том, что некоторые группы этих племён проникли до Месопотамии и даже до территории Нубии в Африке.

Рассматривается вопрос о том, что арийцы имеют непосредственное отношение к представителям этой культуры (гипотеза А. Аскарова).

Бугутская надпись – речь идет о Тюркском каганате, образовавшемся в VI веке на большей части Центральной Азии. Вначале у этого государства не было официальной письменности. Поэтому надписи на надгробных плитах, установленных на могилах первых каганов страны, были выполнены письменностью согдийцев, язык которых был международным языком торговли того времени. Правда, в последние годы, в связи с обнаружением образцов древнетюркской письменности в кургане «Иссык» в Казахстане, наскальных надписях Дашти-Навур в Афганистане и на керамических сосудах ряда памятников Узбекистана, было сделано заключение, что между IV–III веками до н.э. и II–III веками н.э. древнетюркский алфавит под названием «Иссыкское письмо» получил распростанение на огромной территории Центральной Азии. Значит, есть все основания полагать, что появлению в VI–VII веках древнетюркского алфавита (Орхоно-Енисейская письменность) предшествовало «Иссыкское письмо» (Исхаков М., 1993). Но следует подчеркнуть, что «Иссыкское письмо» и аналогичные ему образцы письменности, обнаруженные на юге Узбекистана и на скалах Дашти-Навура в Афганистане, ещё не получили достаточного научного обоснования. Значит, на начальном этапе Тюркского каганата сведений о наличии какого-нибудь памятника, содержащего тюркскую письменность, не имеется. В 1956 году монгольский археолог Дорж Сурен недалеко от аула Бугут аймака Архангай в Монголии находит большую надгробную плиту с надписями. Она вызвала большой интерес в мировом научном сообществе. Известный учёный-согдолог В.А. Лившиц обосновал, что Бугутская надпись выполнена согдийским письмом. Бугутская надпись высечена на надгробной каменной плите, которая была установлена в вертикальном положении на статуе каменной черепахи. Надгробная надпись располагалась под разрушенным навесом-террасой с каменными столбами. На боковой и лицевой сторонах плиты были высечены 30–32 строки согдийским письмом. Заключительное изображение резной композиции на каменной плите выполнено в образе волка, который как бы стоит над плитой. Нижняя часть изображения волка выполнена весьма живописно, но изображение плеч, шеи, головы повреждены, и образ волка не выглядит отчётливо. На плите волк изображён кормящим человеческого детёныша. Без сомнения, над Бугутской плитой работал очень грамотный, хорошо осведомлённый о способах каллиграфии согдийского письма, хорошо владеющий резьбой по камню, человек. На плите вырезаны слова: «Установили чинистанские тюрки». В исторической науке топонимы Чин, Чинистан приняты в качестве обозначения Китая, но под ними не имелся в виду весь Китай. Под этим словом подразумевается территория Восточного Туркестана, где издревле проживали тюрки (А. Айтбоев, 2006). Судя по тексту Бугутской надписи, возможно, эта плита поставлена в честь памяти умершего наследника престола Махана, младшего брата Муган кагана. Таким образом, нет никаких сомнений, что Бугутский памятник имеет огромное историческое значение как источник по истории раннего этапа Тюркского каганата.

Западно-Караханидское государство – в 20-х годах XI века Газневиды захватывают Чаганиан, Кобадиён, Хутталон и другие территории. Они доходят даже до Самарканда. В первой половине XI века усложняется политическая обстановка в Караханидском государстве. Усиливается недовольство правительством богатых феодалов-скотоводов, среди которых разгорается междоусобная борьба за центральную власть. В итоге в 1041 году государство Караханидов распадается на Западно-Караханидское государство и Восточ-

но-Караханидское государство. Западно-Караханидское государство включало земли от Мавераннахра до западных районов Ферганской долины. Центральным городом вначале был Узген, затем – Самарканд. Западно-Караханидским государством управляли потомки бывшего кагана Али ибн Мусы. Но в конце XI века его подчиняют Сельджукиды, а с 1141 года существует в качестве зависимого от каракитаев государства.

Кальтаминарская культура – археологическая культура Древнего Хорезма (VII–III тысячелетия до н.э.) эпохи неолита (новый каменный век). Первый памятник этой культуры обнаружен С.П. Толстовым возле озера Кальтаминар. Кальтаминарская культура получила распространение в бассейне древней Акчадарьи – нижнего протока Амударьи, Верхнем Узбое, Махандарье, на северо-востоке Приаралья и Восточном Каспии, то есть до территории Балхана и Мангышлака. Жители занимались ловлей рыбы в озёрах и охотой в тугаях. На опорных стоянках Джонбос-4, характерных для Кальтаминарской культуры, С.П. Толстовым были обнаружены и изучены остатки жилищ полуземляночного типа, принадлежащих общинам периода матриархата. Древние захоронения этой культуры были обнаружены и изучены в местечке Тумек-Кичиджик в Каракалпакстане, облик жителей которого напоминает протоевропеоидный тип.

Прототюрки – предки древних тюрков. В последние годы на основе анализа древних китайских источников был сделан вывод о том, что жители Андроновской культуры были прототюрками (точка зрения А. Аскарова и его последователей).

Суярганская культура – археологическая культура эпохи бронзы степной зоны Хорезмского оазиса (II тысячелетие до н.э.). По наблюдениям С.П. Толстова и Я.Г. Гулямова, группа памятников этой культуры располагалась в основном по правому берегу дельты Амударьи, по уходящему в пустыню руслу Суяргана. Этой культуре дано название канала Суярган, который прокладывался по старому руслу реки. В 1945–1946 годах Я.Г. Гулямов проводил широкомасштабные раскопки на типичном памятнике Суярганской культуры – стоянке № 6. На основе анализа найденных материалов он пришёл к выводу, что, несмотря на влияние культуры Анов на этнокультурное развитие суярганцев, его происхождение уходит корнями в Кальтаминарскую культуру. А С.П. Толстов выдвигает идею о том, что новые этнические группы прибыли в Хорезм с юго-западных областей Средней Азии, под влиянием материальной культуры которых сформировалась Суярганская культура. Этот вопрос ещё не нашёл своего разрешения.

Восточно-Караханидское государство – образовалось на территории Семиречья и Восточного Туркестана, которым управляли потомки Хасана Бугрохана, дяди Али ибн Мусы. Но в конце 30-х годов XII века каракитаи захватывают Семиречье, Восточный Туркестан и включают его в состав своего государства.

Глава XIII

Государство Джалайиров – в середине XIV века одна из больших групп племени джалайиров расселяется на территории Северного Ирана и создает государство Джалайиров. Это государство существовало в 1356–1411 годах.

Кубравия – путь духовного совершенствования (тарикат) в суфизме (тасаввуф Кубравия). Основал Наджмиддин Кубро в начале XIII века в Хорезме. В его произведениях изложены сущность, цели и правила тариката. Согласно учению тасаввуф Наджмиддина

Кубро, человек по своей сути – маленький мир, он является воплощением всех качеств большого мира – космоса. Он всегда следовал идее преданности родине и заботе о сохранении независимости и процветания страны. Наджмиддин Кубро показал образцы героизма в борьбе против монгольских захватчиков и погиб.

Накшбандия – один из путей духовного совершенствования (тарикат) в суфизме (тасаввуф Накшбандия). Основатель – Бахоуддин Накшбанд. Учение Накшбандия появилось на основе тариката ходжагон и впитало в себя учения Юсуфа Хамадони, Абдухалика Гиждувони, Ахмада Яссави, придав им новое значение и развив их. В XV–XVIII веках получило широкое распространение среди купцов и ремесленников городов, а также среди кочевого скотоводческого населения. Основу учения Накшбандия составляет лозунг Накшбанда «Дил ба ёру, даст ба кор» («Сердце с Аллахом, руки в работе»).

Чагатайский улус – в Чагатайский улус входили территории Мавераннахра, Хорезма, Семиречья и Восточного Туркестана. Его западные территории считались очень развитыми в этнокультурном отношении. В языковом отношении основная масса населения этих краев говорила на мягком старузбекском диалекте тюркских языков. Хотя в этой части улуса политическая власть находилась в руках чингизидов (Кебекхон, Тормаширин), коренной экономический и духовный потенциал страны развивался традиционно на местной основе. На восточных землях Чагатайского улуса наряду со значительными местными тюркскими племенами также проживала некоторая часть тюркизированных в языковом отношении монгольских племен, антропологический тип которых представлял монгольскую расу. Хотя в этой части улуса основная масса населения была тюркоязычной, в системе управления господствовала монгольская традиция в духе чингизидской Ясы. Поэтому в исторических источниках эта часть Чагатайского улуса упоминается в качестве Моголистана (Страна монголов).

Глава XIV

Ишратхона – монументальное здание, построенное во времена Амира Темура (1397–1398), кешк – сад Дилкушо. Это здание, связанное с именем Амира Темура, в своё время было царским объектом отдыха. О нём упоминается и в «Бабурнаме». Одному из прекраснейших садов, который служил местом отдыха правителя, его детей и внуков, его законных жён-цариц и других, приближённых к нему людей, было даровано название Дилкушо. Архитектурный облик, изящные великолепные узоры до сих пор сохранились в дошедших до нас развалинах кешка Дилкушо. Это живописное здание, расположенное в центре сада и окружённое высокими стенами, было не местом для развлечений, а действительно кешком Дилкушо (дворцом для души). Узоры ислимий и фигуры гирих, позолочённые украшения на кешке Дилкушо являются бесценной жемчужиной в архитектурной сокровищнице Туркестанского края и занимают особое место в истории архитектуры Узбекистана. Со временем стало забываться истинное предназначение здания, а вокруг превращающегося в развалины комплекса под названием «Дом увеселений» стали возникать различные небылицы, легенды. После завоевания Средней Азии во второй половине XIX века офицеры и представители интеллигенции царской России записали десятки легенд об архитектурных комплексах края и под влиянием этих надуманных преданий появилось представление о Дилкушо как о «Доме увеселений» Амира Темура. Во

второй половине XIX века развалины Дилкушо были превращены в христианское кладбище. Здесь умерших хоронили на спине, головой против Мекки.

Научное исследование архитектурного комплекса Дилкушо впервые было осуществлено М.Е. Массоном. Он не учёл расположения покойников и сведения, представленные Бабуром, и неверно истолковал его как «Усыпальница Дома увеселений (Ишратхона)». Он также приходит к ошибочному выводу о том, что расположенная на правом крыле этого комплекса молельня является мечетью. На самом деле ниша в центре комнаты не является мехробом (алтарём) и не указывает направление к Мекке, как это принято в мечети. Вслед за М.Е. Массоном Г.А. Пугаченкова объявляет сад Дилкушо «первым самым величественным мавзолеем в архитектуре мусульманского Востока». К сожалению, эти ошибочные представления, противоречащие исторической действительности, укоренились в науке (*Зоҳидов П.* Меъморлик. «ЎзМЭ", 12 том. С. 536). В наши дни туристам даются неверные сведения об архитектурном комплексе Дилкушо, и гиды продолжают рассказывать о нём как о «Доме увеселений».

Нуратинские туркмены – в IX веке в нижнем течении Сырдарьи было образовано государство Огузов. Часть из них, не поладив с правителем Дженда Шах Маликом, в конце X века, получив разрешение Саманидов, переселяется в Нуратинские степи Зарафшанской долины. Вначале они были в хороших отношениях с Саманидами, но с захватом Мавераннахра Караханидами, в первой половине XI века положение туркменов-сельджуков в Зарафшанской долине ухудшается. У них происходят стычки из-за пастбищ с пришедшими на эти земли вместе с Караханидами огромными массами тюрков-чигилей, карлуков, ягмо и другими тюркскими племенами. Туркмены-сельджуки были вынуждены просить землю у Газневидских правителей в Хорасане и часть из них вместе с другими огузами-сельджуками, проживавшими в различных регионах Мавераннахра, в XI–XII веках переселяется в Северный Хорасан, то есть на территорию современного Туркменистана. Это были те самые, известные в истории под именем Сельджукидов, кочевые туркмены. В XIV–XV веках с нижнего течения Сырдарьи и Дашти-Кипчака в Мавераннахр проникает ещё несколько групп огузов, туркмен-сельджуков. Они вместе с оставшимися в Мавераннахре огузами-туркменами на протяжении веков проживают по соседству с узбеками, переходят к оседлому образу жизни, не забыв при этом свои этнические названия. Последующие поколения этих племён называли себя узбекскими туркменами или «нуратинскими туркменами».

Староузбекский яык – язык, образованный на основе карлукско-чигильского, огузского и кипчакского диалектов тюркского языка. Этот язык сформировался на основе этих диалектов под влиянием традиций литературных языков прежних времён. Этот литературный язык просуществовал со второй половины XIV века до конца XIX века. Среди учёных-языковедов до сих пор нет единого мнения по вопросу периодизации узбекского языка и хронологических рамок «староузбекского языка» в её структуре. Проблемами периодизации истории узбекского языка занимались С.Е. Малов, П.М. Мелиоранский, А.Н. Самойлович, А.К. Боровков, А.М. Щербак, Я. Экман, О. Усмонов, Г. Абдурахмонов, У. Турсунов, Б. Уринбоев, А. Мухторов, У. Санакулов и другие, которые вместо этого понятия предлагали использовать термины «тюркский язык», «чагатайский язык», «среднеазиатский тюркский литературный язык». Но староузбекский язык, вобравший в себя различные формы диалектов, которые возникли благодаря региональным изменениям и плодотворным связям между тюркскими диалектами карлукских, огузских, кипчак-

ских групп, обладал общедиалектическими особенностями. В результате использования множества заимствований из арабского, персидского языков, а также внедрения арабской графики эти особенности ещё более углубились и усложнились. Благодаря этому произведения на староузбекском языке могли читать широкие массы тюркоязычных народов от Босфора до Алтая и Индии. Вместе с этим широкое использование арабских, персидских слов и терминов, литературных стилей привело к появлению существенного различия между литературным и разговорным языком. Староузбекский язык достиг самого высокого уровня в произведениях А. Навои. В своих прозаических и поэтических произведениях он довёл этот язык до совершенства, стремился возвести его до уровня государственного языка. В своём произведении «Муҳокамат ул-луғотайн» А. Навои на основе сравнения староузбекского (у А. Навои – тюркского) с персидским, теоретически обосновал, что этот язык был развит в фонетическом, лексическом и грамматическом отношениях. Во второй половине XIX века язык прозаических и поэтических произведений приближается к живому разговорному языку. Именно это время, то есть конец XIX – начало XX века, становится периодом перехода от староузбекского языка к современному узбекскому литературному языку.

Глава XV

Термин «бек» – известен в исторических источниках – наскальных надписях со времен Тюркского каганата. Именно в те времена военизированные тюркско-монгольские скотоводы-аристократы называли себя «беками». В XIV–XV веках термин «бек» применялся по отношению к зажиточным аристократам-всадникам узбеков Дашти-Кипчака. Значит, в период каганата, а возможно и раньше, тюркские рода состояли из беков-аристократов и простых скотоводов, беки были зажиточными, свободными, вольными военными всадниками кочевых скотоводческих общин.

Мангытская Орда – мангыты были одним из кочевых скотоводческих племён Дашти-Кипчака, которые с начала XIII века в этнографических источниках упоминаются как монгольское племя. Значительная часть мангытов в XIII–XIV веках располагалась между реками Волга и Урал. За этот период под влиянием кипчаков они забывают свой монгольский язык и разговаривают на тюркско-кипчакском диалекте. В конце XIV века они создают своё независимое государство – Мангытскую Орду. С середины XV века мангыты стали называться ногайцами, а их государство – Ногайской Ордой.

Ногайская Орда – как отмечается в источниках, Ногайская Орда особенно усиливается в период правления Нуриддина (1426–1440), сына Идику. Население в основном состояло из мангытов и кунгратов. Столица – город Саройчик, который был крупным городом на торговом пути от берегов Чёрного моря до Средней Азии. В XVI веке Ногайская Орда снабжала рынки Москвы и Казани животноводческой продукцией. Во второй половине XVI века это государство распадается на Большую Орду, Малую Орду и Олтиовул Орду. В Ногайской Орде была создана поэма «Идику» («Эдигей»).

Золотая Орда – улус Джучи, государство, основанное в начале 40-х годов XIII века сыном Джучи ханом Батыем (1238–1255). В 1236–1240 годах хан Батый присоединяет к Золотой Орде Волжскую Булгарию, Дашти-Кипчак, Крым, Западную Сибирь. Русские

князья попадают в зависимость от Золотой Орды и платят ему дань. В русских источниках эта страна называлась Золотой Ордой, а в восточных источниках – улус хана Джучи. В период правления хана Батыя центром государства был город Сарай-Бату. Во времена хана Берке (1255 – 1266) центр был перенесён в Сарай-Берке. Вначале Золотая Орда подчинялась монгольскому каану, а в период правления Берке – брата хана Батыя – обретает независимость. Его торговыми центрами были города Сарай-Бату, Сарай-Берке, Ургенч, Судак, Кофа (Феодосия), Азок. Золотая Орда управлялась ханом. При необходимости созывался курултай. Государственными делами занимался бекларбеги. Государственным советом руководил визирь. Сбор налогов находился в ведении доруга. Аппарат управления страны состоял из следующих чинов и должностей: алпаут (аристократ), тумен, туменбеги, элчи (посол), баскак, секретарь канцелярии, тамгач (сборщик пошлины), тирнокчи (весовщик), шусунчи (снабженец), юртчи (зодчий, архитектор), дорожный смотритель, туткавул (охранник), купирчи, ответственный за корабли, ямской смотритель, охотник. Войсками командовали туманбеги, нойон (эмир), сотники. Туменами Золотой Орды управляли сыновья Джучи. В период Узбекхана Золотая Орда была сильным государством. Затем усиливаются внутренние противоречия, которые приводят к тому, что после смерти хана Узбека до 1380 года сменяются 25 ханов. В 60-х годах XIV века Хорезм отделяется в качестве независимого государства. Польско-литовское государство захватывает бассейн реки Днепр. Создаётся ханство Хаджитархан (Астрахань). Мятежи и бунты прекращаются только во времена Тохтамыша (1380–1395). Походы Амира Темура против Тохтамыша в 1389, 1391, 1395–1396 годах ослабляют Золотую Орду. В 20-х годах XV века на ее территории образуется Сибирское ханство, в 40-х годах – Ногайская Орда, в 1438 году – Казанское ханство, в 1443 году – Крымское ханство, в 60-х годах – Казахское ханство и в начале XVI века Золотая Орда прекращает своё существование.

Тюркский будун – в раннем средневековье, начиная с периода Тюркского каганата, в высеченных на камнях обращениях к своему народу каганы используют такие понятия, как «тюркский будун (народ)», «тюркские беки и будун», «тюркские, огузские беки, будун». Значит, слово «будун» означает «народ», «народные массы», «простой люд».

Термин «узбек» – в исторических источниках указывается, что в XIV–XV веках термин «узбек» в качестве названия народа применялся по отношению к союзу скотоводческих племён Дашти-Кипчака. До этого термин «узбек» встречается в качестве имени отдельных людей. Например, имя одного из азербайджанских атабеков, а также имя одного из эмиров Мухаммада Хорезмшаха было Узбеком. Около 200 историко-политических и этнических карт и глобусов, созданных на протяжении XVI–XVIII веков, содержат топонимические названия «Узбек», «Узбекия», «Узбекистан». Территория Средней Азии обозначена под названиями «Страна узбеков», «Узбек», «Узбекия», «Узбекистан». (*Камолиддин Ш.* Две карты Средней Азии первой половины XVIII века. Сборник «Новые источники по исторической этногеографии Средней Азии». – Берлин, 2012). На этих картах некоторые границы Средней Азии отмечены Usbek Bucharia, Usbek Bochara, Usbek Chowaresmia, Usbek Mawaralnahra, Usbek Turkistan, Usbek Turan, Usbek Tartaria, Usbek Zagatay. Это слово состоит из двух слогов – «уз» и «бек», когда к корню «уз», что означает «своё, я», прибавляется суффикс «бек», появляется понятие «узбек». Первоначально термин «узбек» не относился к определённой этнической общности, напротив, это понятие относилось к военно-политическому объединению групп многочисленных беков, которые занимались военными играми и грабежами в степях Белой Орды. В 60-х годах XIV века

в результате междоусобных феодальных войн, разгоревшихся между потомками Джучи-хана, могучая и единая Золотая Орда распалась на множество мелких княжеств. Самым большим и сильным среди них была Белая Орда, располагавшаяся между реками Волга и Урал. Беки этих земель называли себя узбеками. Существуют различные взгляды на происхождение термина «узбек». К примеру, представители литературных кругов выдвигают гипотезу о происхождении части слова «уз» в слове «узбек» от слова «огуз», о происхождении слова «узбек» от сочетания слов огуз+берк, огуз+бука, бек и что слово «узбек» – сокращённая форма от слова Огузбек. В научных кругах встречаются попытки связать слово «узбек» с племенами тюркских народов «уз». Но в вопросе происхождения термина «узбек» в качестве названия народа наиболее близкими к исторической реальности являются взгляды академика Б. Ахмедова.

Глава XVI

Положение 1886 года – 12 июня 1886 года император Александр III утверждает «Положение о руководстве Туркестанским краем». Основной целью настоящего Положения было укрепление административного управления в крае и изменение порядка землепользования. В соответствии с ним с целью получения высокого урожая хлопка был запланирован завоз американского сорта хлопка и приспособление его к местным условиям, освоение новых земель, строительство оросительных каналов, проведение железной дороги, узаконено переселение русских крестьян с российских губерний и их обеспечение землёй площадью не менее 10 десятин. Все земли края были объявлены государственной собственностью. Земли, принадлежащие местному оседлому населению, теперь определялись не документом на право владения землей, выдаваемым казиями, а предоставлялись в частное наследственное пользование тем, кто непосредственно занимался их возделыванием. Земли, которые до завоевания Туркестана Россией крупные землевладельцы предоставляли в аренду дехканам, теперь передавались арендаторам в наследственное пользование. Находящиеся в частном пользовании льготные земли облагались налогами, теперь они объявлялись не частной собственностью, а государственной.

Положение 1896 года – с целью увеличения чистой прибыли, которая поступала из Туркестанского края, царская Россия внесла изменения в «Положение о руководстве Туркестанским краем» 1886 года и в 1896 году приняла новое «Положение». В соответствии с ним внедрялись новые методы ведения колониальной политики русской буржуазией в Туркестане: ввоз капитала в экономику Средней Азии, предоставление кредитов дехканам, открытие концессий, овладение источниками сырья и т.д. «Положение» 1896 года положило начало монокультуре хлопка. Было принято решение не взимать пошлину с хлопка-сырца, вывозимого из Туркестана в Россию. Были введены некоторые налоговые льготы хлопкоробам. Такая политика способствовала увеличению количества русских крестьян, переселяющихся из России в Туркестан.

Младобухарцы – джадидская партия (фирка) в Бухарском эмирате. Первоначально была создана в форме тайного общества «Тарбияи атфол» («Воспитание детей»). В 1910–1920-х годах называлась партией «младобухарцев». В нее входили прогрессивные представители интеллигенции, торговцев и городской бедноты. Они первоначально были сторонниками проведения демократических реформ в пределах существующей системы

эмирата и, посредством установления конституционного строя, ограничения абсолютной власти эмира.

Младохивинцы – партия (фирка), созданная джадидами в Хивинском ханстве. В его ряды входили представители национальной интеллигенции, исламского духовенства, ремесленники, дехкане, торговцы и некоторые государственные чиновники. В августе 1914 года Палваннияз Ходжи Юсупов создаёт партию младохивинцев. В программе партии ставилась цель проведения реформ, направленных на ограничение власти хана, установление в стране конституционной монархии, просвещения народа.

Общинная ответственность – по представлению сенатора царского правительства К.К. Палена для взимания налогов с дехкан Туркестанского края в кишлаках была внедрена система «общинной ответственности». Как известно, в Туркестане издавна существовал обычай, по которому богатые сельчане и родственники помогали своим бедным землякам. Русские чиновники, прекрасно зная, что сельская община оплатит налоги за своих бедных земляков, внедрили такой метод сбора налогов.

Джадидизм (араб. – новый) – социально-экономическое, просветительское движение конца XIX – начала XX века, оказавшее серьёзное влияние на жизнь народов Туркестана, Кавказа, Крыма, Татарстана. Джадидизм возник в 80-х годах XIX века в Крыму под руководством Исмаилбека Гаспринского среди крымских татар. Представители джадидского движения называли себя прогрессистами, затем – джадидами. Прогрессивные силы того времени, в первую очередь, интеллигенция, осознавали отставание местных народов от мирового развития и понимали необходимость реформирования общества.

Новометодные школы – учебные заведения, ставившие целью реформирование методов обучения и программ мусульманских школ, обучения детей чтению и письму на родном языке и внедрения новых идей. Первая новометодная школа основана в 1884 году просветителем Исмаилом Гаспринским в городе Бахчисарай в Крыму и называлась школой «Усули савтия тадрижия» («буквенно-звуковой метод»). В 1893 году с разрешения эмира Бухары Абдул-Ахад-хана новометодную школу открывают Мумин-ходжа Вабкенди и Фазил Домла Гиждувани, в 1898 году в Коканде – Салохиддин Домла и в Самарканде при хлопкоочистительном заводе – татарские учителя, а с 1900 года начинает работу новометодная школа, основанная в Ташкенте крупным представителем джадидского движения Мунаввар-кары Абдурашидхановым и в Самарканде Абдукадыром Шакури. В новометодных школах от индивидуального обучения перешли к обучению в классах, в которых были карты по географии, глобусы и другое учебное оборудование. В новометодных школах обучение проводилось на родном языке буквенно-звуковым методом.

Русско-туземные школы – русские школы, открытые в Туркестане для детей местного населения и просуществовавшие до Октябрьского переворота. Основной целью открытия этих школ было проведение русификаторской политики среди детей местного населения. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман считал «разделение мусульманских и русских школ» вредным в экономическом и политическом отношениях. Эту идею продолжил его преемник генерал-лейтенант Н.О. Розебах и разработал проект создания начальных школ нового типа – русско-туземные школы. Первая русско-туземная школа была открыта в 1884 году в Ташкенте. Такие школы были открыты в 1891 году в Хиве, а в 1894 году – в Бухаре. К концу XIX века их количество перевалило за сто.

Идея «имамата» (араб. – управлять) – общее название мусульманского теократического государства. В процессе эволюции исламской религии изменялись представления об Имамате. В раннеисламский период Мухаммад (с.а.в.) и халифы в мусульманском обществе осуществляли единое (имамат) административное управление и духовное руководство. Впоследствии административное управление занимает основное положение в халифате. Духовная власть – имамат играет вторую роль. В шиитском толке имамат считался исключительно духовной и административной властью представителей потомков Мухаммада (с.а.в.) (потомков Али и Фатимы).

Глава XVII

Басмаческое движение – официальное название, данное в период советской власти вооружённому движению против Советов в Туркестане. Слово «басмач» образовано от тюркского глагола «босмоқ» (нападать). В народной среде под словом «басмач» подразумевались преступные элементы, воры и грабители, не имевшие никакого отношения к вооружённой единице. Эти термины были выдуманы представителями великодержавного шовинизма для извращения сущности национально-освободительного движения, сокрытия истинного значения вооружённой борьбы наших предков против советского режима и господства большевиков, а также захватнической политики Красной армии. Это выражение без каких-либо на то оснований было поставлено в один ряд с такими понятиями, как «бандитизм», «грабительство».

Узбеки Дашти-Кипчака – в исторических источниках кочевые скотоводческие племена узбеков Дашти-Кипчака в конце XIII и в XIV–XVI веках назывались узбеками. Например, в произведении «Тарих-и гузидэ» («Избранная история») Хамдаллаха Мустафы Казвини (1281–1350) повествуется о землях и народах, подвластных золотоордынскому хану Узбеку. Эти племена Казвини называет «ўзбекиён» (узбеки), а страну – «Мамлакат-и ўзбек» («Страна узбеков»). Мирзо Улугбек в своём историческом произведении «Тарихи арбаъ улус» («История четырёх улусов») по поводу прихода к власти Узбекхана пишет, что «узбекский улус был передан ему». Историк Рузбехон в своей книге «Мехмонномаи Бухоро» узбеков Дашти-Кипчака подразделяет на три рода: узбеков-шейбанидов; отделившихся от них и оставшихся в Восточном Дашти-Кипчаке узбеков-казахов; и мангытских узбеков, расселившихся на территории между реками Эмба и Яик. В начале XIII века Дашти-Кипчак был захвачен войсками Чингизхана и эти земли были переданы в качестве улуса его старшему сыну Джучи. В пределах улуса Джучи (в него входил и оазис Северного Хорезма) было образовано государство Золотая Орда. Однако в начале XIV века борьба за трон между потомками Чингизхана в улусе Джучи привела к его разделению на два самостоятельных государства – Синюю и Белую Орду. Как отмечается в исторических источниках, степи, простиравшиеся от Волги до Днепра, Крым, Северный Кавказ, Булгар, Северный Хорезм находились на территории Синей Орды, которую продолжали называть государством Золотая Орда. Расположенное на Востоке бескрайнее поле Дашти-Кипчака – среднее и нижнее течение Сырдарьи, обширные степи на севере и северо-востоке Аральского моря входили в состав государства Белая Орда, которая хотя официально считалась зависимым от Синей Орды, на деле им управляли потомки Джучихана – Орда-Ичан и Шейбан. При Тохтамышхане, захватившем власть с помощью Амира Темура, усиливается Белая Орда, которая даже присоединяет к себе Золотую

Орду. Но в 1395 году в сражении у реки Терек Амир Темур разгромил Тохтамышхана. После этого в Белой Орде вновь разгораются феодальные распри. Среди богатой аристократии степей Белой Орды – беков усиливается стремление к свободе и независимости. В 60-х годах XIII века название «узбек» встречается в качестве имени некоторых людей. Например, имя одного из азербайджанских атабеков (династия Илтегинов (1210–1225), а также имя одного из эмиров Мухаммада Хорезмшаха было Узбеком. Рашидиддин отмечает, что сына Минкудара, одного из семи сыновей Джучи, звали Узбек. Арабский историк Калкашанди в своём произведении называет Тохтамышхана «малик билад ӯзбек», что означает правитель страны узбеков. В произведениях Низомиддина Шами, Шарафуддина Али Язди, Абдураззака Самарканди и Хондамира приводятся отрывки об узбеках. В общем, с начала XIV века население Дашти-Кипчака, вернее, первоначально жители Белой Орды, упоминаются под названием «узбеки». Узбекхан (1312–1342) объединяет обе части Орды и земли Золотой Орды входят в состав Государства узбеков. Во времена Тохтамыша (1376–1395) все жители Дашти-Кипчака стали называться подданымн страны Узбеков.

Оседлые узбеки – в европейской и советской историографии вошло в традицию представлять тюркские племена как кочевников и скотоводов. Возможно, будет верным применение такого понятия по отношению к прототюркским и тюркским племенам, проживавшим в степях Дашти-Кипчака. Но наши прототюркские и тюркские предки на протяжении многих веков были связаны взаимными экономическими и этнокультурными отношениями со Средней Азией, в частности с Мавераннахром. Всё это нашло отражение в обширных археологических материалах. Нет никаких сомнений в том, что оставшиеся в Средней Азии тюркские племена постепенно обжились на новых местах и под хозяйственно-экономическим влиянием местного оседлого населения стали переходить к оседлому образу жизни. Этот процесс особенно ускорился в период античности и раннего средневековья. В результате в Мавераннахре появилась профессиональная оседлая тюркская прослойка, специализировавшаяся по различным направлениям земледелия и ремесленничества, которая в этногенезе узбекского народа получила название оседлых тюрков.

Сарт, сартак, сартактой, сартаул – по представлению кочевого тюркско-монгольского населения, сословие принявших ислам оседлых жителей Средней Азии (торговцы, городские ремесленники и сельские жители, занимавшиеся орошаемым земледелием), независимо от их этнического происхождения, назывались сартаком, сартактаем, сартовулом и сартом.

Тазик – в истории народов Средней Азии в ранние средние века под термином «тазик» первоначально подразумевалось арабское племя тай (В.В. Бартольд). Во время нашествия арабов в Мавераннахр (начало VIII века) во главе с Кутайбой бинни Муслимом на эти земли прибывают три группы арабов: арабские завоеватели под командованием Кутайбы; религиозные миссионеры – сайиды халифата; купцы бедуинского племени тай. Перед каждой группой были обозначены конкретные цели и на них была возложена обязанность распространения ислама среди зороастрийцев-огнепоклонников. Арабское племя тай в территориальном отношении граничило с Персидским государством и ещё с III века поддерживало торговые отношения с персами. Под словом «тазик» тюрки понимают не арабское племя тай, а вообще всех мусульман. В армянских источниках «тачиками» называются арабские торговцы. С установлением ислама в Средней Азии (в период Саманидов) слово «тачик» на тюркском произносится как «таджик» (Мах-

муд Кашгари). Слово «тазик» на древнекитайском языке произносилось как «даши». В настоящее время слово «таджик» используется применительно в целом к таджикскому народу.

Глава XVIII

Политические мотивы в художественном творчестве – роман основателя узбекской романистики Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» в узбекской литературе советского периода отличается не только художественным совершенством, но также имеет огромное политическое значение в придании термину «узбек» этнического смысла и значения. В своих романах Абдулла Кадыри на примере отношений сватов – семьи ташкентца Юсуфхаджи и маргеланца Кутидора, а также истинной любви между их детьми раскрыл образ жизни, традиции и обычаи, проникшие в плоть и кровь, благородные качества оседлого народа «сарт». Таким образом, посредством художественных образов он показал, что эта узбекская семья является семьёй современных узбеков. В душе у каждого ознакомившегося с этим произведением читателя возникает уважение и любовь по отношению к узбекскому народу, названию «узбек». Это свидетельствует о политических мотивах произведения в приобретении термином «узбек» этнического смысла и содержания.

Монокультура хлопка – политика советской власти, направленная на выращивание хлопка-сырца в Узбекистане, привела к зарождению такого понятия, как «монокультура хлопка». Без учёта площадей орошаемых земель и водных ресурсов, бывший Центр требовал от узбекского народа поставлять хлопок, объёмы которого превышали реальные возможности. В результате среди жителей, непосредственно связанных с выращиванием хлопка, усилилось заболевание анемией, отравление ядохимикатами, которые использовались для обработки хлопчатника. Такая политика Центра нанесла ощутимый удар по многовековой земледельческой культуре. Был нарушен севооборот сельскохозяйственных культур. Эта была трагедия узбекского народа. С целью расширения хлопковых площадей были освоены Голодная степь (Мирзачуль), Шерабадские, Каршинские степи и земли Центральной Ферганы. Полукочевые, полуоседлые тюркоязычные скотоводы, проживавшие в предгорных районах Узбекистана в качестве этнографических групп, были переселены в степные зоны. Такая политика, с одной стороны, ускорила процесс перехода к оседлому образу жизни этнографических групп горных районов, а с другой, привела к стремительному развитию в Узбекистане «монокультуры хлопка».

«Узбекское дело», «хлопковое дело» – местные руководители, опасавшиеся, в связи с политикой «монокультуры хлопка», потерять занимаемое кресло, стали использовать нечистоплотные методы для создания в отчётах видимости «достижения высоких урожаев хлопка». Прознав про такие дела, Центр, для покрытия своих ошибок в политике, допущенных в Узбекистане и всей стране, инициирует «хлопковое дело», «узбекское дело», по которому вся вина возлагалась на узбекских хлопкоробов. Центр бросает в Узбекистан десант «защитников законности» во главе с Гдляном и Ивановым, которые отравили жизнь многих простых ни в чём не повинных трудящихся. Это была выдумка Центра, которая зашла в тупик в управлении многонациональным государством. Такие объективные выводы были сделаны Президентом Республики Узбекистан

И.А. Каримовым на основе глубокого анализа вопросов «хлопкового дела», «узбекского дела».

Глава XIX

Махр – неотъемлемая и личная собственность, выделяемая женихом невесте во время бракосочетания (никаха). Это обязательство жениха перед невестой о выплате махра, заключаемое во время составления брачного договора. Размер махра определялся социальным положением жениха и устанавливался с согласия родителей с обеих сторон во время заключения брака. Как правило, махр, предоставляемый невесте, состоял из двух частей: 1) недвижимость, причитающаяся невесте из наследства в случае смерти мужа; 2) собственность, данная женихом невесте во время бракосочетания, до вступления в половые отношения. Махр считался собственностью, принадлежащей одинокой женщине, которая, согласно шариату, не могла быть разделена между членами семьи. Бракосочетание (никах) проводилось в присутствии имама только после объявления махра при двух свидетелях из числа мужчин.

Менталитет – у каждого народа есть особый, присущий только ему менталитет. Его формирование является длительным социально-психологическим процессом и представляет собой исторически сложившийся уровень мышления, духовные способности, представление о человеческих ценностях, умение анализировать законы жизни, сформировавшиеся в определённых социальных условиях умственные способности, психологический облик и энергию общества, нации, общины или отдельно взятого человека. Менталитет формируется в течение социальной, экономической, политической и этнокультурной жизни народа, достигшего уровня нации, в качестве совокупности социально-психологического состояния его позитивных и негативных свойств и характера, в пределах своеобразных исторических, этнокультурных и естественно-климатических условий. Национальное своеобразие формируется на основе социально-экономических и политических процессов, взаимных этнокультурных отношений и религиозной принадлежности за длительный исторический период. Например, процесс формирования менталитета узбекской нации имеет почти трёхтысячелетнюю историю. Узбекский народ внёс бесценный вклад в сокровищницу материальной и духовной культуры человечества. Однако на протяжении XVI–XX веков менталитету узбекского народа, пережившего гнёт деспотизма, тирании и колониализма, был нанесён серьёзный ущерб. Идея национальной независимости призвана возродить истинный менталитет узбекского народа.

Мехрджон – праздник урожая, который проводится накануне сбора осеннего урожая в день осеннего равноденствия. В древности такие осенние праздники в разных местах назывались по-разному: в Иране – мехрджон, Древнем Хорезме – чирирудж, а в Согдиане – нимсарда. Праздник мехрджон связан с культурой древнего земледелия. Представители мусульманского духовенства противились проведению этого праздника по причине его принадлежности к зороастризму. Возможно поэтому постепенно прекратилось проведение этого праздника. В 90-х годах XX века праздник Мехрджон был возрождён сначала в Таджикистане, а затем в Узбекистане.

Навруз (перс. – новый день) – по солнечному календарю первый день года. Древний традиционный праздник народов, живущих в Средней Азии и странах Востока.

Приходится на день весеннего равноденствия (21 или 22 марта), когда Солнце входит в созвездие Большой Медведицы. Навруз считается праздником начала весенних сельскохозяйственных работ. Во время этого праздника проводились массовые народные гуляния, готовились изысканные блюда из ростков молодых растений, начинался сев некоторых посевных культур. Вначале проведение Навруза было принято у оседлых земледельцев, впоследствии он превратился также в праздник полуоседлых и кочевых тюркских народов. На протяжении веков празднование Навруза у различных народов проводилось в соответствии с их образом жизни и мировоззрением. Согласно историческим источникам, празднование Навруза началось в период правления Ахеменидов, а по данным археологических материалов, проведение Навруза началось в эпоху бронзы. С распространением в крае исламской религии проведение Навруза было запрещено, но наши предки продолжали отмечать свой любимый праздник. С периода правления Саманидов празднование Навруза у народов Средней Азии и Ирана вновь обретает официальный статус. Фирдоуси в своём произведении «Шахнаме» зарождение этого праздника связывает с именем легендарного царя Джамшида. Сведения о праздновании Навруза встречаются в произведениях Абу Райхана Беруни «Памятники минувших поколений», Омара Хайяма «Наврузнаме». В произведении Махмуда Кашгари «Свод тюркских слов» приводятся слова народных песен, посвящённых Наврузу. Учёный-историк Абу Бакр Наршахи (899–959) в своём труде «История Бухары» пишет, что на протяжении трёх тысяч лет в день Навруза люди приносят в жертву петуха на могиле Сиявуша («Бухоро тарихи», Т., 1966). Но во времена советской власти Навруз был запрещен наряду с проведением религиозных праздников и обрядов. Навруз вновь был возрождён с обретением независимости Узбекистаном и другими странами Средней Азии. В настоящее время Навруз отмечается в качестве общенародного праздника и 21 марта объявлен выходным днём.

Глава XX

Узбекская модель – в 1993 году Первый Президент независимой Республики Узбекистан И.А. Каримов в своей работе «Узбекистан – собственная модель перехода на рыночные отношения» разработал пять принципов «узбекской модели» социально-экономического и культурного развития независимого Узбекистана. Этими научно обоснованными принципами реформирования общества являются: 1. Приоритет экономики над политикой; 2. Государство – главный реформатор; 3. Верховенство закона во всех сферах жизни общества; 4. Проведение сильной социальной политики; 5. Поэтапный, эволюционный путь перехода к рыночным отношениям.

Эти принципы в настоящее время признаны мировым сообществом.

В данном монографическом труде рассказывается о происхождении узбекского народа, а именно на богатейшем артефакте материальной и духовной культуры, как и письменных источников, характеризуется этногенез и этническая история от родоплеменной стадии к постепенному формированию народности и от сформировавшегося народа до образования нации.

В исследовании излагается о том, что узбекский народ на ныне занимаемой территории непосредственно обитает с древнейших времён, автохтонная этническая основа его состоит в основном из степных прототюркских и северо-восточной ветви древнеиранско-согдийских, бактрийских, хорезмийских и сако-массагетских племён Среднеазиатского междуречья и его окрестностей.

Социально-экономические, этнокультурные и межэтнические родственные связи, развивающиеся на протяжении многих столетий, привели к ассимиляции разноязычных этнических пластов и формированию нового этноса, впоследствии названного узбекским народом, исторические процессы развития которого научно обоснованы и объективно получили своё историческое изложение в данной работе.

This monographic research work is about the origin of the Uzbek people, i.e. their long period of ethnic genesis and ethnic history. This book thoroughly illustrates the place where Uzbek nation has been living throughout the history starting from family-tribal unity to a complete nationality level on the basis of scientific analysis of rich material culture and written sources.

The author argues that today's Uzbek people are the natives of their historical homeland where they presently own and also bordering regions from the early times of history. It is also proposed by the author that the ethnic structure of the Uzbek nation was formed with the combination of local groups of people like Soghdians, Khorezmians, Bactrians, Saks, Proto-Turkic people and, especially, our Turkic ancestors. By the result of mixture and inter-assimilation of these two-language-based ancient ethnic groups along the long period of the ages, a new ethnos has been formed. The author of these ideas suggests aforementioned information with very scientific impartiality and in terms of objective historical systemacy

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

АХМАДАЛИ АСКАРОВ

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Перевод с узбекского – Т. Бобометов

Редактор *О. Вульф*
Художник-дизайнер *Б. Зуфаров*
Технический редактор *Т. Харитонова*
Младший редактор *Г. Ералиева*
Компьютерная верстка *Г. Кулназарова*

Издательская лицензия AI № 158, 14.08.2009.
Подписано в печать 14 марта 2018 года. Формат $70 \times 100^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Times New Roma».Печать офсетная.
Условно-печатных листов 53,95+1,46 (вкл.).
Учетно-издательских листов 52,19+1,49 вкл.
Тираж 3000. Заказ № 18-145.

Издательско-полиграфический творческий дом «Узбекистан» Узбекского агентства по печати и информации. 100011, Ташкент, ул. Навои, 30.

Телефоны: (371) 244-87-55, 244-87-20
Факс: (371) 244-37-81, 244-38-10
e-mail: uzbekistan@iptd-uzbekistan.uz
www.iptd-uzbekistan.u

История происхождения узбекского народа [Матн] / А. Аскаров. –
А 90 Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2018. -664 с.

ISBN 978-9943-25-530-2

УДК 39(=512.133)
ББК 63.5 (5У)
А 90